

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЫЙ.

INDEXED

335723

11253

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ

ЗАПИСКИ

1868

№ 11 НОЯБРЬ

Э. Миллер Мартосъ.

29/1

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

Въ типографіи А. А. Брагвскаго (Литейная, № 38)

I. — ОБРАЗЦЫ НАРОДНОЙ ГЕРМАНСКОЙ ПОЭЗИИ. I. Улингеръ. II. Пѣсни молодого Рейтера. III. Смерть Франца Сякингена. IV. Дѣтоубійца и др. П. И. Вейнберга	1
II. — РОЛЬ НАУКИ ВЪ ПЕРІОДЪ ВОЗРОЖДЕНІЯ И РЕФОРМАЦІИ. 4) Новый свѣтъ (1477—1509). 5) Протестантизмъ (1509—1536).	11
✓ III. — ПѢСНЯ О ГАЙАВАТѢ, поэма Лонгфелло. (VI. Сватовство Гайаваты) Д. Л. Михаловскаго.	45
✓ IV. — КАЗАНСКІЙ ПРИХОДЪ. Очерки Н. П—аго	55
✓ V. — СТАРАЯ ПОМПАДУРЦА. Разсказъ И. Щедрина.	99
VI. — ДОМА — ЛУЧШЕ! Стих. Н.	120
✓ VII. — НА ВОСКАГО МУДРЕЦА ДОВОЛЬНО ПРОСТО- ТЫ. Комедія въ пяти дѣйствіяхъ. А. Н. Остроф- скаго.	121
VIII — МОЛИТВА ВДОВЫ (възъ Шамиссо). Стих. П. И. Вейнберга	211
IX. — РАЗСКАЗЫ ИЗЪ ИСТОРИИ ПОСЛѢДНЯГО ПЯ- ТИДЕСЯТИЛѢТІЯ (1816—1866). Періодъ второй 1830 — 1848. 10. Великобританія и Ирландія. 11. Испанія и Португалія. В. И. Покровскаго.	213
X. — НАРОДНЫЕ МОТИВЫ. Стих. Дмитрія Минаева.	251
XI. — ВЪ ЗАХОЛУСТЬИ И ВЪ СТОЛИЦѢ. III. Скал- дина	255
XII. — НОЧЬ ПОСЛѢ ГРОЗЫ. Стих. Ив. Г.-М.	278

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

XIII. — ИЗЪ НЕДАВНЕЙ ПОВѢЗДКИ — I — II	1
XIV. — КРИТИКА. — ПОВАТОРЫ ОСОБАГО РОДА. (Жертва вечерняя. Романъ въ двухъ книгахъ и четырехъ частяхъ П. Боборыкина. 1868 г.)	33
XV. — СТАТИСТИКА ПРЕСТУПЛЕНІЙ ВЪ РОССИИ. (Матеріалы для уголовной статистики Россіи. Соч. Е. Анушина. Тобольскъ. 1866).	44
XVI. — НОВЫЯ КНИГИ. — Ульява. (Очеркъ изъ жизни женщины). Соч. Е. Н. Глобиной. — Основы химіи. Д. Менделѣева. (Вып. 1-й). — Отчего и оттого. Сост. Отто Уле. — Уходъ за дѣтьми. Состав. А. Комбъ. Перев. съ англ. Д. Клеркъ. — Физическая географія Мери Сомервилъ. Перев. съ англ. Андрей Минъ	67

(См. страницу 3-ю).

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ
ЗАПИСКИ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ И УЧЕНЫЙ.

ТОМЪ СЛХХІ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи А. А. Крайноваго (Литойная № 88)

1868.

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
335723
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS
1905

ОБРАЗЦЫ

НАРОДНОЙ ГЕРМАНСКОЙ ПОЭЗИИ.

I.

Улингеръ *.

Добрый рыцарь по улицѣ ѣдетъ
И чудесную пѣсню поетъ,
И поетъ онъ такъ звонко, что всюду
Отголосокъ той пѣсни идетъ.

У окошка сидѣла дѣвица
И услышала пѣсенку: «Съ тѣмъ,
Кто поетъ такъ чудесно и звонко,
Убѣгу я отсюда совсѣмъ **.»

— «Коль уйдешь ты со мною, дѣвица,
Обѣщаюсь тебя научить
Пѣть такъ звонко чудесныя пѣсни,
Что ихъ будетъ вездѣ разносить.»

Поспѣшила красавица лентой
Золотыя вудри стянуть,

* Пѣсня объ Улингерѣ или Адельгерѣ относится къ XV столѣтію, и съ тѣхъ поръ до настоящаго времени переходила изъ устъ въ уста, подвергаясь измѣненіямъ то со стороны самаго народа, то со стороны стихотворцевъ, перелазавшихъ ее болѣе или менѣе искусно на свой ладъ. Форма, въ которой эта пѣсня приведена здѣсь, самая древнѣйшая, судя по изысканіямъ знатоковъ. Нѣкоторые видятъ въ ней первообразъ извѣстной всему свѣту сказки о Сивей Вородѣ.

** Обоимъ дѣвушкамъ посредствомъ пѣснопѣній составляетъ одну изъ обыкновенныхъ чертъ въ древнѣйшихъ эпическихъ стихотвореніяхъ.

Въ серебро и парчу нарядилась,
Точно въ дальній собралася путь.

Молодую красавицу рыцарь
Закрываетъ зеленымъ щитомъ,
И къ зеленому, темному лѣсу
Пробиваются спѣшно вдвоемъ.

И пришли они въ чашу лѣсную.
А въ лѣсу—ни души-то живой,
Только голубъ качается бѣлый
На верхушкѣ ривиты густой:

«Ахъ, послушай, послушай, ты, Фридбургъ!
Ахъ, душа ты дѣвица, повѣрь:
Ужъ одиннадцать дѣвъ онъ повѣсилъ,
Ты двѣнадцатой станешь теперь.»

— Ахъ, послушай, послушай, Улингеръ!
Ахъ, послушай, возлюбленный мой!
Что поеть-говорить бѣлый голубъ
На верхушкѣ ривиты густой? —

«Этотъ голубъ клевететь; имъ принять
За другого кого-нибудь я;
Ты не вѣрь его красному клюву,
Дорогая дѣвица моя!»

Вотъ садится онъ рядомъ съ дѣвицей,
Разостлавши свой плащъ на травѣ,
Говорить: «Почеша-ка мнѣ кудри,
Понци у меня въ головѣ.»

И въ глаза посмотрѣлъ онъ дѣвицѣ.
«Да о чемъ же ты плачешь?» спросилъ:
«О покинутомъ другѣ печальномъ?
Или я невзначай огорчилъ?»

— Я не плачу о винутомъ другѣ,
Огорченья не сдѣлалъ ты мнѣ...
Но я вижу, большою толпою
Скачутъ всадники тамъ, въ глубинѣ.

Ты поскачешь ли къ всадникамъ этимъ?
Ты начнешь ли рубиться и сѣчь?
Иль останешься подлѣ подруги,
Ухватившись покрѣпче за мечъ?—

«Не хочу я скакать къ нимъ на встрѣчу,
Не хочу я рубиться и сѣчь;
Но останусь я подлѣ подруги,
Ухватившись покрѣпче за мечъ.»

И пошли они дальше; и дальше
Някого, — только сосны стоятъ,
И одинадцать дѣвушекъ рядомъ
На одномъ изъ деревьевъ висятъ.

Заломила тутъ руки дѣвица,
Золотыя рветъ вудри она:
—Ахъ, никто здѣсь меня не услышитъ!
Я въ дремучемъ лѣсу — и одна!

«Но прошу я тебя, мой Улингеръ,
Но прошу я, мой рыцарь: коль здѣсь
Ты меня собираешься вѣшать,
То въ моемъ одѣяньи повѣсь!—

«Не прося ты объ этомъ, дѣвица,
Не уважу я просьбы твоей.
Красный плащъ твой и черное платье
Пригодятся сестрицѣ моей!»

—Такъ прошу я тебя, мой Улингеръ,
Такъ прошу я, мой рыцарь, — смотри,
Я готова! — позволь мнѣ лишь крикнуть
Разъ одинъ, много: два или три!

«Въ этомъ я прекословить не буду:
Среди этой глухой густоты
Ни одинъ человекъ не услышитъ,
Какъ бы громко ни крикнула ты.»

Первый крикъ былъ такой: «Иисусе,
Сынъ Маріи, спаси, — и сюда

Поспѣши, поспѣши! — а замедлишь —
Я останусь въ лѣсу навсегда!»

Крикъ второй былъ такой: «Богоматерь,
Пресвятая, спаси ты меня!

Поспѣши, поспѣши! — а замедлишь —
Не прожить мнѣ на свѣтѣ и дня!»

Третій крикъ былъ такой: «Драгоценный,
Милый братъ мой, спаси поскорѣй!

Поспѣши, поспѣши! — а замедлишь —
Распрощаюсь я съ жизнью моею!»

Братъ дѣвицы въ ту самую пору
Выѣзжалъ на конѣ со двора:

«Мнѣ послышался голосъ знакомый,
Точно крикнула гдѣ-то сестра!»

Соколѡвъ онъ спускаетъ по вѣтру
И пускаетъ онъ чутвицъ борзыхъ,
И, по вѣрнымъ слѣдамъ поспѣшая,
Очутился въ тущобахъ лѣсныхъ.

— «Что ты дѣлаешь здѣсь, мой Улингеръ?
Что ты дѣлаешь, рыцарь?» — «Стою
И сплетаю я вѣтви, чтобъ послѣ
Прикрѣпить къ нимъ веревку мою.»

— «Ты сплетаешь здѣсь вѣтви, чтобъ послѣ
Прикрѣпить къ нимъ веревку свою;
Но тебя самага на веревкѣ
Я повѣшу — въ томъ вѣтви даю.»

«Такъ прошу я тебя, мой Фридбургеръ,
Такъ прошу я, мой рыцарь: коль здѣсь
Ты меня собираешься вѣшать,
То въ моемъ одѣяньи повѣсь.»

— «Не проси ты объ этомъ, Улингеръ,
Не проси ты объ этомъ, злодѣй:
Красный плащъ твой и черная куртка
Пригодятся для двора моею.»

Щить зеленый онъ на руку вскинулъ
И, съ своею прекрасной сестрой,
Въ государство отца поспѣшаетъ
На конѣ, изъ труппы лѣсной*.

II.

ПѢСНИ МОЛОДАГО РЕЙТЕРА**.

Я бѣдный рейтеръ молодой.
Проѣлъ я весь достатокъ мой.
Что кое-какъ скопить я могъ,
Пошло къ трактирщику въ залогъ.
Но вотъ мнѣ разъ на умъ пришло —
Какъ уничтожить это зло,
Какъ изъ трактирщика когтей
Освободиться поскорѣй:

«Трактирщикъ! сдѣлай милость мнѣ:
Позволь на удаломъ конѣ
Хоть не надолго ускакать,
Чтобъ только счастья попытать,
Съ копьемъ-пріятелемъ въ рукахъ,
Въ богемскихъ дебряхъ и лѣсахъ
И посреди большихъ дорогъ.
Пусти меня — и видитъ Богъ,
Что я, какъ только возвращусь,
Съ тобой до гроша расплачусь.»

* Исслѣдователи древней народной поэзии видятъ признакъ глубокой древности и несомнѣнной подлинности этой пѣсни въ томъ обстоятельствѣ, что авторъ не рассказываетъ о казни, совершенной братомъ принцессы Фридбургъ надъ Улингеромъ, а заставляетъ слушателя какъ бы самому дополнить рассказъ. Такія умолчанія о самомъ процессѣ убійства, казни или другаго, тому подобнаго, не эстетическаго дѣйствія, встрѣчаются сплошь да рядомъ въ древнѣйшихъ пѣсняхъ. Въ другихъ, позднѣйшихъ редакціяхъ пѣсни объ Улингерѣ, авторы, напротивъ, именно напередъ на подробности этой казни.

** Рейтеры составляли особаго рода дружину въ войскахъ средневѣковыхъ рыцарей и князей, — почти то же, что ландскнехты. Какъ и эти послѣдніе, рейтеры отличались удалствомъ, доходявшимъ до возмутительнаго самоуправства, занимались не только войнами съ непріятелемъ, но и грабительствомъ своихъ соотчичей на большихъ дорогахъ, въ лѣсахъ и т. д. Число рейтерскихъ и ландскнехтскихъ пѣсенъ очень велико, и всѣ онѣ имѣютъ цѣлю прославить восхваляемыхъ или удалцевъ. Современемъ я надѣюсь представить еще нѣсколько образчиковъ этихъ пѣсенъ.

— «Ступай, мой рейтерчикъ, ступай,
 Куда захочешь, поѣзжай;
 Но прежде сдѣлай лишь одно:
 Отдай мнѣ деньги за вино,
 Ну, и за жаренныхъ цыплятъ.
 А тамъ, куда глаза глядятъ,
 Ступай себѣ, душа моя, —
 Тебя держать не смѣю я!»

«Трактирщикъ, чортъ тебя дерн!
 Я все еще прошу, смотри!
 Небось, пока я не проѣлъ
 Тебѣ всѣхъ денегъ, что имѣлъ,
 Какою сладенькой лисой
 Ты извивался предо мной!
 А нынче вотъ... Ну, берегись!
 Въ степи мнѣ только попадись
 Ты ваъ нибудь, — ужъ тамъ, божусь,
 Съ тобой я саблей расплачусь.»

— «Ступай, почтениѣйшій, ступай!
 Ты сколько хочешь угрожай,
 Мнѣ это, право, все равно.
 Отдай мнѣ деньги за вино,
 Ну, и за жаренныхъ цыплятъ;
 А тамъ, куда глаза глядятъ,
 Ступай себѣ, душа моя,
 Тебя держать не смѣю я!»

Женѣ трактирщика межъ тѣмъ
 Привелся рейтерчикъ совсѣмъ
 По вкусу; бѣлоу рукой
 Она ведетъ его съ собой,
 Ласкаетъ, холить, и къ тому
 Даетъ червончиковъ ему.
 Спасенъ бѣднякъ, совсѣмъ спасенъ,
 Отъ всѣхъ невзгодъ избавленъ онъ!

Коня выводитъ своего,
 Стрѣлой вскочилъ онъ на него.

Прижокъ, другой — и слѣдъ простылъ!
 Трактирщикъ радъ, что поучилъ
 Свои всѣ денежки сполна.
 Онъ хвалить рейтера; жена
 Супругу вторить похвалой...
 Такъ былъ надуть трактирщикъ злой!

III.

СМЕРТЬ ФРАНЦА СИКИНГЕНА*.

Три государя задумали дѣло:
 Много ландскнехтовъ собрали — и смѣло
 Двинулись вмѣстѣ въ Ландсталь,—
 Двинулись вмѣстѣ для сѣчи кровавой...
 Франца помянете славой, славой!

Францъ находился въ ту пору въ Ландсталь.
 Три государя предъ вѣрностью стали,
 Начали въ вѣрность стрѣлять.
 Шлетъ увѣщанье пфальцграфъ — покориться.
 Францъ начинаетъ сердиться, сердиться.

Здѣсь нападеніе, тамъ — оборона.
 Въ пятницу утромъ, въ стѣнѣ бастіона
 Сдѣлали первый проломъ.
 Францъ это видитъ и шепчетъ, унылый:
 «Господи Боже, помилуй, помилуй!»

Три государя не даромъ стояли,
 Цѣлили мѣтко и мѣтко попали:
 Пулею Францъ пораженъ.
 Кровь благородная льется рѣвомъ...
 Вѣчной онъ чтится хвалою, хвалою!

* Пѣсни о знаменитомъ героѣ реформаціоннаго времени, Сикингенѣ, избрана мною здѣсь, впервые, какъ образецъ исторической народной пѣсни въ самомъ строгомъ смыслѣ (безъ всякаго участія фантазіи); восторжнхъ, потому, что пѣсни о Сикингенѣ составляютъ въ Германіи чуть не цѣлый циклъ. Собственно же поэтическими достоинствами она, какъ не трудно увидѣть, не особенно блещетъ и, говоря словами одного нѣмецкаго критика, поражаетъ своею «сухой, почти неподвижною (starrte) объективностью».

Вотъ какъ попали въ него, — приказанье
 Далъ онъ — ворота открыть, и посланье
 Трёмъ государямъ послалъ:
 Просить онъ ихъ за свою лишь дружину,
 Блиско предвидя кончину, кончину.

Въѣхали три государя въ ворота;
 Съ ними и конный народъ, и пѣхота.
 Къ Францу приходятъ они.
 Съ ними онъ рѣчи ведетъ незлобиво...
 Въ вѣснѣ моей все правдиво, правдиво!

По окончаніи ихъ разговора
 Мужъ благороднѣйшій кончился скоро.
 Господи, прійзри его!
 Лучшаго война мы не видали.
 Много онъ вынесъ печали, печали!

Быль для ландскнехтовъ онъ истиннымъ другомъ,
 Каждого онъ награждалъ по заслугамъ, —
 Будемъ же славить его!
 Память о немъ сохранилась межъ нами
 И не исчезнетъ съ вѣками, съ вѣками!

Три государя походъ продолжаютъ.
 Вотъ къ Травенфельсу они подступаютъ,
 Крѣпость до камня сожгли.
 Господи! Франца утѣшь ты въ печали!
 Всѣ его земли пропали, пропали!

Кончу я лучше: пожалуй, случится
 Жизнью еще и другимъ полатиться!
 Больше я пѣть не хочу:
 Вдругъ не понравилъсь можетъ иному!
 Скоро уйдемъ мы изъ дому, изъ дому!

Тотъ, къмъ вся пѣсенка наша пропѣта,
 Самъ былъ ландскнехтомъ, и пѣсенка эта
 Игъ сложена безъ прикрасъ:
 Дѣло ландстальское видѣлъ онъ лично, —
 Знаетъ его онъ отлично, отлично!

IV.

ДѢТЮБИЙЦА*.

Зигмундъ, милый Зигмундъ, вотъ ты кончилъ чѣмъ:
Молодую Гретхенъ погубилъ совсѣмъ!

«Зигмундъ, милый Зигмундъ, мой конецъ идетъ:
Выведена буду скоро изъ воротъ,

«Изъ воротъ тюремныхъ на зеленый лугъ...
Тамъ любви работу ты увидишь, другъ!

«Ахъ, палачъ мой милый, кончи поскорѣй:
Тороплюсь я очень къ дочери моей!

«Зигмундъ, милый Зигмундъ, дай мнѣ руку: я
Все тебѣ простила, — Богъ тебѣ судья!»

Быстро скачетъ всадникъ, флагомъ машетъ онъ:
«Не казните Гретхенъ, я везу пардонъ!»**

«Всадникъ, милый всадникъ, поздно, — умерла...
Доброй ночи, Гретхенъ, въ Богу ты ушла!»

V.

. . .

Нынче ночью мнѣ приснился
Сонъ томительный такой:
У меня въ саду разросся
Розмарина кустъ большой.

Садъ былъ кладбище; могила —
Грядка, полная цвѣтовъ;
Много падало съ деревьевъ
Свѣжихъ листьевъ и плодовъ.

* Эта пѣсня, заключающая въ нѣсколькихъ простыхъ строкахъ цѣлую погребальную трагедію, послужила Шиллеру мотивомъ для известнаго стихотворенія его «Дѣтубийца», стоящаго, по вышечности и искусственности, гораздо выше своего первообраза.

** Слово «пардонъ» было въ нѣмецкомъ языкѣ *техническимъ* словомъ, означавшимъ королевское помилованіе. Поэтому я не считъ нужнымъ переводить его на русскій языкъ.

Въ золотой бочалъ собирала
 Я душистые цвѣтки;
 Вдругъ изъ рукъ моихъ онъ выпалъ
 И разбился весь въ куски.

Потекли оттуда капли
 Алой крови и жемчугъ...
 Чтò бы значилъ сонъ тяжелый?
 Ты не умерь, милый другъ?

VI.

. . .

Разъ пошла я прогуляться,
 Прогуляться въ лѣсъ густой
 И нашла я въ немъ колодезь,
 Полный свѣжею водой.

Я усѣлась у колодца
 Молчалива и грустна...
 Надо мной поркала птичка,
 Пѣла пѣсенку она.

«Мнѣ бь узнать хотѣлось, птичка,
 Правда ль то, что слышу я,
 Будто мой желанный умерь?
 Правда, пташечка моя?»

«И, коль мой желанный умерь,
 Мнѣ хотѣлось бы узнать,
 Долго ль, долго ли я буду
 По желанномъ горевать?»

— «Горевать ты по желанномъ
 Перестанешь лишь тогда,
 Какъ до капли, до послѣдней,
 Въ морѣ высохнетъ вода.»

Но никакъ, никакъ не можетъ
 Въ морѣ высохнуть вода;
 Значить, горе - гореванье
 Не исчезнетъ никогда!

П. Вейнбергъ.

РОЛЬ НАУКИ

ВЪ ПЕРІОДЪ ВОЗРОЖДЕНІЯ И РЕФОРМАЦІИ.

Louis Figuier: «Vies des savants illustres de la renaissance» (Paris. 1868).

Paul-Antoine Cap.: «La science et les savants au XVI siècle» (Tours. 1867).

4. Новый свѣтъ (1477 — 1509).

Если появленіе книгопечатанія и его распространеніе было самою важною чертою разсмотрѣнной эпохи, чертою, предъ которой отступаетъ на задній планъ и господство турокъ въ Византіи, и борьба французскаго короля съ послѣднимъ великимъ феодаломъ, и кровавая рѣзня Ланкастеровъ и Йорковъ, то слѣдующая за тѣмъ эпоха по справедливости характеризуется открытіемъ новаго свѣта.

Какъ нарочно рядомъ съ этимъ могущественнымъ побужденіемъ къ новой мысли, къ новымъ предпріятіямъ, къ самостоятельной дѣятельности, средневѣковыя силы выдвигаютъ самыя отвратительныя явленія. Папскій престолъ занимали сряду трое образцовыхъ папъ: Сикстъ IV (1471—1484), Иннокентій VIII (1484—1492), Александръ VI (1492—1503). Съ наглою рѣшимостью началъ строитель знаменитой сикстинской капеллы 90-лѣтній періодъ политики завоеваній для родственниковъ папъ; послѣдникъ апостоловъ былъ въ числѣ заговорщиковъ, чтобы зарѣзать братьевъ Медичи по знаку, поцанному священнѣйшимъ обрядомъ христіанскаго богослуженія; отлученіе отъ церкви было наказаніемъ за то, что Венеція не хотѣла отдать племяннику (а можетъ быть, сыну) первосвященника завоеванныхъ земель. Празднество незапятнаннаго зачатія было рекомендовано (1477) челоувѣкомъ, котораго обвиняли въ самомъ противоестественномъ развратѣ. Личности, подобныя Людовику XI и Фридриху III, имѣли

право укорять папу за его хищничество и презрѣніе ко всѣмъ правамъ. Наконецъ ему обязана Испанія возрожденіемъ инквизиціи, сдѣлавшейся въ рукахъ Фердинанда Арагонскаго (1479—1516) и Изабеллы Кастильской (1474—1504) королевскимъ духовнымъ судомъ, орудіемъ подавленія всѣхъ политическихъ враговъ и средствомъ грабежа подданныхъ. Несправедливость и жестокость первыхъ государственныхъ инквизиторовъ (480) Морильо и Сан-Мартино вызвали жалобы кортесовъ и даже неудовольствіе Сикста. Но это было ничто съ послѣдовавшимъ за тѣмъ инквизиторствомъ Торревмады (1483—1498), при которомъ въ 15 лѣтъ сожгли 8,800 человекъ живыми, 6,500 въ изображенія и различнымъ образомъ наказали 90,000 человекъ. Въ то же время въ самый годъ паденія Гренады и открытія Антильскихъ острововъ, выселялись изъ Испаніи всѣ евреи, нежелающіе принять христіанство. Не менѣе дѣятелемъ былъ наслѣдникъ Торревмады, Діего Деца (1498—1506), при которомъ сожжено 1,664 человекъ живыми, 832 въ изображенія и наказано различнымъ образомъ 32,456 человекъ.

Въ другихъ странахъ инквизиторы не были орудіями и помощниками свѣтскаго деспотизма, и ихъ юрисдикція была очень ограничена папою Николаемъ I (1451), но они нашли возможность въ эту эпоху играть роль не менѣе эффектную, какъ и ихъ испанскіе товарищи, благодаря одному подсудному имъ пункту, колдовству и союзу съ дьяволомъ. Вслѣдъ за сожженіемъ Жанны д'Аркъ (1431), еще одна дѣвушка была сожжена близъ Парижа какъ колдунья. Въ 1436 психическая эпидемія демономаніи вспыхиваетъ въ Ваатландѣ, и сотни людей гибнутъ на вострѣ. Въ 1859 г. подобная же эпидемія вызываетъ казни въ Артуа; наконецъ демономанія дѣлается постоянною психическою болѣзнію въ Европѣ на два вѣка, начиная съ 1484 г., когда германскіе инквизиторы своими увѣщаніями вызываютъ ее въ обществѣ и папа Иннокентій VIII своею буллою въ упомянутомъ году призываетъ инквизиторовъ къ дѣятельности. Этотъ папа, обозначившій такимъ образомъ свое вступленіе на престолъ, оставилъ 16 человекъ дѣтей, бралъ съ христіанъ деньги на войну съ турками и съ султана деньги и подарки за содержаніе его брата въ заключеніи, продавалъ кардинальское званіе 13-лѣтнимъ мальчикамъ, былъ достойнымъ преемникомъ Сикста IV и предшественникомъ Александра Борджіа. При немъ написанъ въ 1487 и напечатанъ въ 1489 г. нѣмецкимъ инквизиторомъ Шпренгеромъ знаменитый «Молотъ Колдуній» (*Malleus maleficarum*), который столько же свидѣтельствуетъ о полной искренности этихъ судей-палачей, какъ и о возмутительномъ отрицаніи

всего понятія о судебномъ безпристрастїи и юридическихъ правахъ, когда дѣло шло о разбирательствѣ вопроса, касющагося религіи. Доносы слѣдовали за доносами, пытки за пытками; эпидемія демономаніи разливалась все далѣе и далѣе, не щадя ни пола, ни возраста, ни состоянія и зажигая костры для несчастныхъ галлюцинантовъ то тамъ, то здѣсь. При свѣтѣ этихъ костровъ все, что оставалось здоровымъ отъ эпидеміи, проникалось все болѣе отвращеніемъ къ средневѣковому строю общества, который логически приводилъ къ подобнымъ извращеніямъ истины и справедливости.

Эта же эпоха, въ виду быстраго распространенія путемъ книгопечатанія сочиненій, враждебныхъ церкви, вызвала первое проявленіе цензуры. Примѣръ подалъ архіепископъ-курфюрстъ Майнцскій (1486), и примѣръ его скоро нашелъ послѣдователей. Цензура церкви окончательно установлена папою Александромъ VI въ 1501 г.

При этихъ обстоятельствахъ оппозиція католицизму уменьшиться не могла. Во имя средневѣковаго аскетическаго идеала выступилъ Савонаролла, связывая этотъ идеалъ съ республиканскими стремленіями городовъ Италіи. Но эти стремленія начинали болѣе и болѣе обращаться въ отвлеченности. Богатые *принципе* итальянскихъ городовъ стремились быть государями, а граждане республикъ обращались въ подданныхъ. Блескомъ литературы и эрудиціи при ихъ дворахъ искали государи Италіи прикритыи свой захватъ власти, и безчисленные хвалители, въ стихахъ и въ прозѣ, на итальянскомъ, латинскомъ и греческомъ языкахъ превозносили Медичи, Эсте, Сфорца, Фердинанда Неаполитанскаго или даже Борджію. Потомомъ лились сонеты и поэмы изъ цикла Карла Великаго, но лишь Луиджи Пульчи (1432—1487) и Боярдо († 1494) были достойными предшественниками Аріосто. Сатира обращалась въ мелкую насмѣшливость надъ пустяками; подражатели Бовкачіо старались превзойти одинъ другаго наготою чувственныхъ картинъ. Сотни литературныхъ академій съ самыми странными названіями соперничали изъ-за мѣстныхъ знаменитостей и изъ-за тонкостей оборота рѣчи. Дворъ Лоренцо Медичи (1472—1492), поэта, банкира и повелителя Флоренціи, былъ главнымъ центромъ итальянской литературы и искусства. Во Флоренціи началось возрожденіе архитектуры, и при Лоренцо еще были свѣжи преданія Брунеллеско († 1444) и Альберти († 1472); рѣзецъ Бенедетто до-Мозно († 1498) и кисть Гириандайо († 1495) украшали столицу Медичи превосходными произведеніями; въ ней развивался гений Буонаротти (р. 1474). Во Флоренціи при Лоренцо писали Пульчи. Тамъ отправлялись празднества въ честь Платона. Тамъ

учитель Лоренцо, неоплатонникъ новаго времени, Марсильи Фензинъ († 1499) сравнивалъ Сократа со Христомъ, помѣщалъ Пифагора, Сократа и Платона между святыми, давалъ превосходный для того времени переводъ Платона (1483—84), Плотина (1492), и другихъ произведеній древности. Тамъ ученый грекъ Халькондиласъ († 1511) издавалъ погречески Гомера (1488), и это изданіе было образцомъ современнаго типографскаго искусства, тѣмъ болѣе, что лишь за 12 лѣтъ предъ тѣмъ появились въ Европѣ (именно въ Миланѣ) первыя греческія изданія. Соперникомъ Халькондиласа былъ во Флоренціи Анджело Полиціано († 1494), одинъ изъ самыхъ разнообразныхъ талантовъ, можетъ быть, слишкомъ расхваленныхъ современниками и потомствомъ: его итальянскіе стихи считались образцовыми по своей отдѣлкѣ; его «Орфей» (1472), написанный въ два дня, былъ первою итальянскою драмою; его переводы съ греческаго считались лучшими; его латинскую рѣчь находили не уступающею древнимъ; его латинскія толкованія греческихъ писателей превосходили по богатству содержанія и по блеску изложенія толкованія ученыхъ грековъ. Нельзя забыть между личностями, окружавшими Лоренцо и Джіованни Пико да-Мирандола († 1494), каббалиста, предложившаго на 24-мъ году жизни ученимъ Европы споръ по 900 тезисамъ изъ всѣхъ областей знанія (de omni re scibili). Лоренцо великодушный не щадилъ денегъ для рукописей, ученыхъ и литераторовъ, но это дорого стоило республикѣ и въ 1420 г. личное имущество Медичи было спасено лишь на счетъ банкротства республики, т.-е. разоренія множества частныхъ людей.

Если Флоренція была главнымъ центромъ дѣятельности возрожденія, то тѣмъ не менѣе эта дѣятельность кивѣла и въ другихъ мѣстностяхъ Италіи, перехода и за Альпы. Въ сикстинской капеллѣ работали художники изъ всей Италіи. Умбрійская школа выдвигала уже Перуджино (р. 1441, † 1524). Въ Римѣ, около Помпоніо Лета († 1494) группировалась школа ученыхъ антикваріевъ. Въ Падуѣ, въ то самое время, когда Помпонацій всходитъ на кафедру (1495), чтобы начинать свою долгую борьбу съ Ахиллини во имя матеріализма, прикрываемаго именемъ Аристотеля и Александра Афродизскаго, въ той же Падуѣ Леоникусъ Томеусъ (1497) начинаетъ чисто гуманистическое толкованіе Аристотеля погречески. Тамъ же преподавалъ знаменитый Эрмолао Барбаро († 1493). Съ 1494 г. въ Венеціи работаютъ станки Альда Мануціи; съ 1496 г. начинается его изданіе Аристотеля; въ 1501 г. появляется первое альдинское изданіе in-8°. Съ 1501 же года начинаютъ появляться изданія Этье-

на во Франціи. Между тѣмъ Цельтесъ († 1508) былъ увѣнчанъ въ Германіи за свои латинскія стихотворенія и основалъ первое нѣмецкое общество гуманистовъ; Рудольфъ Гуйсманъ Агрикола († 1485) былъ уже замѣтнымъ дѣятелемъ гуманизма на берегахъ Рейна; Рейхлинъ удивлялъ римлянъ своимъ знаніемъ латинскаго языка (1482), удивлялъ грека Аргиропуло своимъ знаніемъ греческаго (1498) и становился однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ гебраистовъ Европы.

Несмотря на весь блескъ, который имѣли эти знанія гуманистовъ, несмотря на красоту рѣчи, навѣянную Фициномъ, Полиціаномъ, Компонаціемъ, древними образцами, несмотря на прелесть художественныхъ произведеній скульпторовъ и живописцевъ, нетрудно было замѣтить, что всѣ эти пріобрѣтенія не имѣли никакого приложенія въ жизненныхъ вопросамъ времени, и что обширная эрудиція, прекрасный слогъ гуманистовъ служили украшеніемъ дворовъ и университетовъ, но не давали содержанія, способнаго войти въ жизнь общества. Гуманизмъ и искусство существовали сами по себѣ, а вопросы жизни шли сами по себѣ. Рѣчи Цицерона были хороши, но римскаго сената и римскихъ легионовъ не существовало. Въ альдинской академіи могли говорить не иначе, какъ погречески, но общество требовало литературы на народномъ языкѣ. Въ честь Платона могли совершаться празднества, но неоплатонизмъ Фицина былъ еще болѣе искусственнымъ цвѣткомъ, чѣмъ неоплатонизмъ Плотина и Порфирія. Гуманистическое движеніе могло имѣть важное историческое значеніе лишь какъ средство усиленія свѣтской учености, независимой отъ церкви, и какъ воспитательное орудіе литературы для пріученія къ изящнѣйшей формѣ рѣчи. Въ этого значенія, оно имѣло лишь смыслъ собранія матеріала для далекаго будущаго: гуманисты подготовляли пониманіе историческаго процесса жизни человѣчества, но еще самые элементы этого пониманія не развились тогда въ умахъ, такъ-какъ и наше время только приступило къ этой великой задачѣ.

Гораздо болѣе значительныя и невѣроятныя новости волновали мыслящихъ людей Европы. Съ Пиринейскаго полуострова шли вѣсти о великихъ открытіяхъ. Съ самаго вступленія на португальскій престолъ Іоао II (1481), оживилось снова въ этой странѣ стремленіе къ морскимъ открытіямъ, ослабѣвшее послѣ смерти Генриха (1460). Устроена была въ Лиссабонѣ астрономическая обита, и въ 1486 г. Діасъ дошелъ до южной оконечности Африки. Но давно уже работала мысль смѣлыхъ предпринимателей надъ путемъ черезъ Атлантическій океанъ въ бо-

гаты страны, описанна Марко Поло. Еще въ 1474 г. Тосканелли въ письмѣ, вызванномъ португальскимъ правительствомъ, указалъ, что путь чрезъ океанъ короче пути около африканскаго материка. Въ 1486 г. составилось даже въ Португаліи общество для отысканія на западѣ острова Антиглия, общаго Тосканелли, или какого либо материка. Подъ вліаніемъ этихъ извѣстій и стремленій оставили берега Испаніи 3-го августа 1492 три маленькія судна, съ которыми Кристобалъ Колонъ (Христофоръ Колумбъ) предпринялъ свое знаменитое странствіе. Во время перваго же переѣзда невольно бросились въ глаза указанія новыхъ научныхъ истинъ: на одной и той же широтѣ измѣнялась температура: магнитная стрѣлка давала отклоненія, и притомъ въ различныя стороны; среди океана оказались массы плавающихъ травъ; воды океана стремились къ западу, какъ увлекаемыя (по мнѣнію Колумба) теченіемъ звѣзднаго неба, и въ самомъ океанѣ текли какъ бы широкія рѣки въ водныхъ берегахъ; задачи физики земли въ ихъ разнообразіи вставали неотразимо предъ первымъ смѣлнмъ мореплавателемъ. Онъ 11-го октября увидѣлъ землю и въ 1493 г. Европа узнала о новомъ мірѣ. Колумбъ былъ вполне увѣренъ, что онъ недалеко отъ богатыхъ странъ, описанныхъ Марко Поло, и приурочивалъ названія Клавдія Птолемея къ своимъ открытіямъ, но, къ своему удивленію, онъ былъ окруженъ бѣднми, дикимъ населеніемъ, неуспешнымъ далѣ самыхъ первыхъ началъ культуры. Впрочемъ, путешественники искали золота и драгоценныхъ камней, и съ жадностью шли впередъ по темной вѣсти о дальнихъ драгоценностяхъ. Въ 1493 г. предполагаемый меридіанъ безъ магнитнаго отклоненія, по волѣ папы, сталъ границею владѣнія двухъ государей Пиринейскаго полуострова, и блуждая въ этихъ обширныхъ моряхъ, еще болѣе почувствовали нужду науки. Колумбъ признавалъ за единственный безошибочный методъ вычисленія курса судовъ—методъ астрономовъ. Эфемериды Мюллера (Регіомонтануса) цѣнились на вѣсъ золота. Антикварій Помпоній Лэтъ плакалъ отъ радости при полученіи извѣстій о великихъ открытіяхъ. «Каждый день», по словамъ Петра Ангіеры, «приносилъ новыя чудеса изъ новаго міра», и извѣщенные папы (Левъ X) зачитывались въ кругу своихъ, до поздней ночи, увлеченные «Океанікою» Ангіеры. Геніальный умъ Леонардо-да-Винчи находилъ уже рациональное объясненіе морскихъ теченій. Между тѣмъ жадность къ приобрѣтеніямъ окрыляла предпримчивость. 8-го іюля 1497 года отправился Васко-де-Гама въ свою поѣздку около Африки; 22-го ноября уже обогнулъ Мысъ Добрая Надежды, и 20-го мая 1498 бросилъ якорь предъ Калику-

томъ. Еще ранѣе, въ маѣ 1407 г., отправились Джіованни Габботто (Джонъ Каботъ) и сынъ его Себастьянъ изъ Бристоля чрезъ океанъ отыскивать берега Ципангу (Японію), 24-го іюня видѣли уже материкъ, но все-таки нашли слѣды лишь самой бѣдной культуры. За тѣмъ путешествіемъ чрезъ океанъ сдѣланы уже обычными. Жажда обогащенія влекла толпы конквистадаровъ далѣе и далѣе. Въ 1498 г. Колумбъ, въ 1499 эскадра, на которой былъ Америго Веспуччи, въ 1500 Кабраль были у береговъ Южной Америки. 25-го сентября 1513 г. увидѣлъ Бальбоа Восточный океанъ. Тѣмъ не менѣе Колумбъ умеръ (1506) въ убѣжденіи, что онъ видѣлъ острова, лежащіе у береговъ Азіи, и золотой Херсонесъ Птолема (Малакку). Но въ началѣ XVI-го вѣка весь читающій міръ Европы, давно волнуемый извѣстіями объ открытіяхъ въ Атлантическомъ океанѣ, бросился читать собраніе четырехъ путешествій, приписанное Америго Веспуччи, которое особенно распространилось въ страсбургскомъ изданіи 1509 г. Космографіи Пелакомплуса (Вальдмюллера). Тамъ предложено было признать новый міръ особою частью свѣта подъ названіемъ Америки, и имя счастливаго флорентійскаго кормчаго вошло навсегда въ рядъ самыхъ элементарныхъ человѣческихъ свѣдѣній.

Было уже сказано выше, какъ очевидно было требованіе точной науки вслѣдствіе новыхъ открытій. Астрономическую традицію Мюллера-Регіомонтануса хранилъ въ Нюрнбергѣ его товарищъ и ученикъ Бернардъ Вальтеръ († 1504), оставившій рядъ весьма тщательныхъ наблюденій и впервые изъ новыхъ писателей обратившій вниманіе на дѣйствія астрономической рефракціи. Въ то же время Лука Пачіоли († въ октябрѣ 1509) въ Италіи резюмировалъ въ своей обширной математической энциклопедіи (1494) всю математическую традицію Леонардо Пизанскаго, вносилъ приемы алгебры въ геометрію и подготовлялъ математическіе труды Кардана и Тартаглии.

Пачіоли былъ флорентинецъ, но его имя мы не встрѣчаемъ въ ряду лицъ, покровительствованныхъ Лоренцо. Между ними нѣтъ и имени другаго флорентинца, одного изъ гениальнѣйшихъ и многостороннѣйшихъ умовъ Италіи, Леонардо да-Винчи († 1519). Видя на этихъ примѣрахъ, какъ слѣпы были такъ-называемые покровители наукъ и искусствъ къ настоящему величію націи, невольно припоминаешь слова Либри: «Истинные благодѣтели Италіи, возвратившіе ей ея прежній блескъ, были не тѣ, которые ее притѣсняли, и полезно повторить, что никогда тираны не составляли славу націи». Леонардо да-Винчи не входитъ и

въ галерею ученыхъ, представляемую Фигье *, тогда какъ разнообразная его дѣятельность и оригинальность мысли могли бы его сдѣлать предметомъ интереснѣйшаго біографическаго этюда. Но его можно назвать исторически-несчастливымъ человекомъ. Онъ былъ замѣчательный архитекторъ и инженеръ, но о его архитектурной дѣятельности нельзя было упомянуть даже Любке въ своемъ учебникѣ исторіи искусствъ. Его скульптурныя произведенія удивляли современниковъ, но они погибли безслѣдно. Какъ живописецъ, онъ стоитъ наравнѣ съ Буонаротти и Рафаэлемъ, но его лучшія произведенія или совсѣмъ погибли, или испорчены насколько возможно, и немногія, оставшіяся произведенія даютъ слабое понятіе о гениі живописца. Между тѣмъ, именно Леонардо наиболѣе извѣстенъ какъ живописецъ. О его импровизаторскомъ и музыкальномъ талантѣ, доставившемъ ему вниманіе Сфорцы въ Миланѣ, мы знаемъ лишь по словамъ современниковъ. Тѣмъ не менѣе, художественная дѣятельность, охватившая всѣ сферы искусства, была лишь небольшимъ случайнымъ эпизодомъ въ жизни великаго итальянца. Въ наше время, онъ удивляетъ какъ ученый, какъ предшественникъ Вэкона и Галилея. Но въ этомъ отношеніи Леонардо не оставилъ ни одного произведенія: онъ не воспользовался великимъ оружіемъ книгопечатанія, которымъ такъ быстро злоупотребляли его современники. Онъ разбросалъ свою мысль въ сочиненіяхъ, отъ которыхъ до насъ дошли только оглавленія въ записныхъ книгахъ, донныя невзданныхъ вполеѣ и растерянныхъ небрежными хранителями; наконецъ, въ словѣ, которое перешло въ сочиненія учениковъ и современниковъ. Пачіоли, Ломатто, Вазари сохранили обрывки этой мысли; наше время начало собирать ихъ; но кромѣ неконченнаго труда Вентури (1797) и небольшого очерка Либри **, насколько намъ извѣстно, еще не существуетъ надлежащей монографіи объ одномъ изъ самыхъ замѣчательныхъ предшественниковъ новаго времени. Онъ стоитъ въ ряду свѣтлыхъ умовъ, указывавшихъ, при изученіи природы, не на авторитетъ, а на наблюденіе, переходящее въ опытъ, кото-

* Въ своемъ предисловіи Фигье посвятилъ ему менѣе страницъ. Какъ небрежно составлялъ Фигье свое сочиненіе, видно изъ того, что онъ на страницѣ 45-й говоритъ, что рисунки анатоміи Везаліи приписывались Леонардо да Винчи. Но послѣдній умеръ, когда Везалію былъ пятый годъ, следовательно самое предположеніе неглаго, да едва-ли глго либо и было высказано. На стр. 291-й тотъ же Фигье совершенно вѣрно говоритъ, что эти рисунки приписывались Тиціану.

** *Libri*: «Hist. d. sciences mathematiques en Italie», III (1840). Изъ него преимущественно взято послѣдующее.

рый долженъ служить къ отысканію причины, установленію правила, и послѣднее должно быть провѣрено вычисленіемъ. Леонардо приписываютъ и основаніе въ Миланѣ перваго ученаго общества. Но онъ не только ставилъ задачу науки; онъ самъ выполнялъ ее: онъ составлялъ планъ опытовъ, которые слѣдуетъ произвести, списокъ фактовъ, которые надо установить, сомнѣній, которыя приходится разрѣшать. Подготовивъ такимъ образомъ данныя, Леонардо старался придать разсужденію строго доказательный силлогистическій характеръ. Ему приписывалъ Либри, на основаніи его рукописей, употребленіе буквъ въ алгебрѣ и нѣкоторыхъ употребительнѣйшихъ алгебраическихъ знаковъ. Онъ написалъ геометрический трактатъ и вліялъ на сочиненія Пачиоли. Онъ много занимался теоретической и практической механикой, призналъ въ дѣйствиіи тяжести постоянную ускорительную силу, изслѣдовалъ центры тяжести тѣлъ (первый послѣ Архимеда), теорію наклонной плоскости, теорію удара тѣлъ, ввелъ въ вычисленія треніе, устроилъ динамометръ, наблюдалъ сопротивленіе, сжатіе и вѣсъ воздуха и основалъ на этомъ теорію образования тучъ. Леонардо изучалъ движеніе животныхъ и полетъ птицъ, съ цѣлью дать возможность людямъ летать. Онъ утверждалъ, что земля вращается около оси, изучалъ свѣтъ луны, сверканіе звѣздъ, явленіе прилива и отлива, теорію морскихъ теченій, теорію волнъ, явленія грозъ, магнитное притяженіе, теорію зрѣнія; замѣтилъ волосныя явленія и диффракцію свѣта; Леонардо тщательно наблюдалъ ископаемыя растенія и ископаемыхъ животныхъ; изложилъ теорію поднятія горъ и материковъ и дѣйствіе воды при образованіи долинъ, валуновъ, при отложеніи пластовъ земной поверхности; раздѣлилъ животныхъ на два класса по внутреннему или внѣшнему положенію скелета (позвоночныя и безпозвоночныя); занимался физиологіею растеній. Всѣ эти теоретическія изслѣдованія имѣли всегда въ глазахъ Леонардо практическое значеніе. Онъ прилагалъ ихъ къ многочисленнымъ работамъ и изобрѣтеніямъ. Гидравлика вообще, канализація, осушеніе болотъ, инженерное искусство, приборы для черченія, физическіе приборы (между прочимъ, камеръ-обскура), машины по самымъ разнообразнымъ ремесламъ и работамъ, лампы, высушиваніе растеній и множество другихъ техническихъ примѣненій привлекали на себя вниманіе этого могучаго ума, и не мимоходомъ, а при полномъ сознаніи теоретическихъ и практическихъ затрудненій. Многое изъ идей Леонардо могло найдти отголосокъ между современниками, осуществиться на практикѣ, или перейти, по преданію, къ болѣе счастливымъ потомкамъ, которые обнародовали мысль, дошедшую

до нихъ. Избытокъ изобрѣтательности и творческой силы частомѣшаетъ людямъ округлить, систематизировать свои труды и заняться ихъ обнародованіемъ. Повидимому, Леонардо принадлежалъ къ этой категоріи людей и, очевидно, что онъ самъ виновать въ значительной степени тому, что его ученые труды чрезъ нѣсколько поколѣній стали неизвѣстны: когда типографіи давали средство закрѣпить мысль, онъ не воспользовался этимъ средствомъ. Поэтому, размѣры его ученаго вліянія были далеко менѣе того, чѣмъ они могли бы быть, и Леонардо представляетъ намъ вышнюю точку научной мысли въ началѣ XVI вѣка, но его историческое значеніе въ наукѣ остается неразъясненнымъ, да едва-ли и можетъ быть когда-либо разъяснено.

Мы остановились нѣсколько долѣе на замѣчательной личности Леонардо потому именно, что и въ наиболѣе сподручныхъ европейскихкихъ сочиненіяхъ онъ недостаточно оцѣненъ, тѣмъ болѣе русскій читатель не имѣетъ возможности оцѣнить въ немъ и самаго многосторонняго дѣятеля, и представителя мысли XVI вѣка.

Но эпоха, нами разсматриваемая, имѣла значеніе для науки и въ другомъ отношеніи. Ее можно назвать возрожденіемъ медицины. Въ концѣ вѣка проявились съ большою силою двѣ болѣзни: по Европѣ разлился сифилисъ (преимущественно 1495, но проявлялся и ранѣе) и въ Англии начала дѣйствовать (1486) убійственная потовая горячка. И здѣсь Галенъ и Гиппократъ, точно также, какъ арабскіе авторитеты, были безсильны, потому что не знали этихъ болѣзней; приходилось наблюдать, изслѣдовать, лечить самому. Съ 1496 г. начинается (прежде всего въ Германіи) обширная литература о сифилисѣ. Личное наблюденіе дѣлается у многихъ врачей главнымъ руководителемъ. Во главѣ медицинскаго движенія становится болонская школа, въ особенности же Беренгаръ дн-Карпи (профессоръ съ 1502 г.), который разсѣвалъ сотни труповъ (по преданію даже двухъ живыхъ испанцевъ), впервые демонстрировалъ на самомъ трупѣ и впервые иллюстрировалъ свои сочиненія анатомическими рисунками. Его анатомическія открытія подготовляли замѣчательную школу анатомовъ XVI вѣка. Анатомическія занятія встрѣчали тѣмъ болѣе сочувствія въ Италіи, что первостепенные художники (между прочимъ, Леонардо да-Винчи и Микель-Анджело Буонаротти) считали эти занятія необходимыми для искусства.

Развитіе эпидемій, о которыхъ мы говорили, связываетъ внутреннюю, *настоящую* исторію Европѣ въ эту эпоху съ тѣми вышними ея пестрыми проявленіями, которыя слишкомъ долго закрывали отъ глазъ историковъ дѣйствительныя пріобрѣтенія

человѣчества. Развитіе сифилиса связано съ походомъ французъ въ Италію, какъ появленіе потовой горячки связано съ послѣдними фазисами войны алой и бѣлой розы. Если съ точки зрѣнія развитія сознательности и мысли въ европейскомъ человѣчествѣ посмотрѣть на то, что составляетъ политическую исторію разсматриваемой эпохи, эта исторія представится намъ событіями самаго низшаго разряда, весьма мало отличающимися человѣка отъ другихъ родовъ животныхъ. Хищничество и животное стремленіе къ наслажденіямъ — вотъ формула политики эпохи. Послѣдніе годы Людовика XI († 1483 г.) заняты попытками присвоить себѣ сколько можно болѣе изъ бургундскаго наслѣдства. Послѣдній представитель дома Гюрга, Ричардъ III (1483—1485), есть одинъ изъ тѣхъ рѣдкихъ образцовъ самаго беззащитнаго употребленія всѣхъ средствъ для достиженія власти, которыя невольно придаютъ животной сторонѣ человѣка грандіозные размѣры. Его наслѣдникъ и побѣдитель, примиритель Англій и основатель династіи Тюдоровъ, Генрихъ VII (1485—1509), по жадѣ къ деньгамъ, по склонности торговаться обо всемъ и со всѣми, былъ достойный представитель эпохи. На престолѣ намѣстниковъ верховныхъ апостоловъ, послѣ упомянутыхъ выше Сикста IV и Иннокентія VIII, садится Александръ VI (1492—1503), который, со своими дѣтьми, Цезаремъ и Лукреціей, сдѣлался типомъ животнаго проявленія въ человѣчествѣ, даже для личностей, мало знакомыхъ съ исторією: брать, что можно, и наслаждаться, какъ только можно, не обращая вниманія рѣшительно ни на что — это было девизомъ политическихъ властей вѣка, а Борджіа отличались лишь тѣмъ, что выполнили этотъ девизъ съ самою наглою откровенностью и послѣдовательностью. Въ сущности, онъ былъ всюду девизомъ представителей власти, которую стѣсняла иногда лишь боязнь послѣдствій. Медичи во Флоренціи, Людовикъ Моръ въ Миланѣ, Альфонсъ въ Неаполѣ (1494—1495) слѣдовали ему такъ же, какъ Фердинандъ и Изабелла въ Испаніи, Карлъ VIII (1483—1498) и Людовикъ XII (1498—1515) во Франціи, Генрихъ VII въ Англій, или наслѣдникъ Александра, воинственный Ровере, Юлій II (1503—1513), возвеличенный геніемъ Буонаротти и Рафаэля. Только удача была различна. Со смертію Лоренцо (1492) закатилась звѣзда Медичи, и въ 1492 они пошли въ изгнаніе. Наслѣдникъ Арнольда Брешианскаго, Савонаролла, сталъ призывать Флоренцію къ христіанскому покаянію и къ гражданской свободѣ, мечтая возстановить невозможный уже идеалъ католическаго республиканскаго правленія въ Италіи. Онъ погибъ на дострѣ (1498 г.) въ то самое время, когда парижскій уни-

верситетъ принималъ догматы незапятнаннаго рожденія (1497), а папа справлялъ свои оргіи. Альфонсъ Неаполитанскій имѣлъ только годъ времени на то, чтобъ ужаснуть народъ жестокостью и распутствомъ. Людовикъ Моръ (1479 — 1500) умѣлъ, при пособіи образцоваго политическаго двоедушія, просить даже тонкимъ государственнымъ человѣкомъ, хотя ему пришлось умереть во французской тюрьмѣ, какъ Александру VI отъ яда, приготовленнаго имъ для другихъ. Блестящій Карлъ VIII бросился на Италію съ тою наивною хищностью, съ какою термиты одной кучи бросаются грабить термитовъ другою. Если его походъ (1493 — 1498) повлекъ за собою паденіе Медичи во Флоренціи, паденіе Альфонса Неаполитанскаго, то его порывчатое хищничество встрѣтилось при этомъ съ болѣе расчитаннымъ хищничествомъ государей Испаніи. Этимъ знаменитымъ Фердинанду и Изабеллѣ удалось очень многое, и недаромъ ихъ имя прогремѣло въ исторіи Европы. Имъ удалось окончить осмысливаемую задачу христіанской Испаніи, разрушить слѣды мохамеданскаго владычества на Пиринейскомъ полуостровѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ низвести Испанію съ ея высокаго мѣста центра человѣческой цивилизаціи (въ X — XII вѣкахъ) на одно изъ послѣднихъ мѣстъ въ ряду цивилизованныхъ народовъ Европы. Имъ удалось подломить государственное устройство испанскихъ кортесовъ и изъ страны, гдѣ въ средніе вѣка развилось довольно значительно чувство политической самостоятельности чиновъ, сдѣлать, при пособіи инквизиціи, самую деспотическую и ничтожную въ политическомъ значеніи страну Европы. Имъ удалось обратить величайшее приобрѣтеніе новаго времени, открытіе Америки, въ образецъ самаго безчеловѣчнаго истребленія беззащитной расы одного материка толпою разбойниковъ изъ другаго, называвшихъ себя христіанами. Даже попытка пощадить краснокожихъ обратилась въ рукахъ этихъ католическихъ королей и добродушнаго Ласкаваса въ проклятіе человѣчеству: она повела къ началу торговли неграми (1505), которая дошла до нашего времени какъ одна изъ самыхъ ядовитыхъ ранъ минувшаго, отравила лучшій государственный строй въ современномъ человѣчествѣ, отравила даже науку въ ея спокойныхъ изслѣдованіяхъ. Но недовольные всѣми этими историческими заслугами, великіе основатели испанскаго единства попытались въ вѣроломствѣ политики поспорить съ Людовикомъ XI и съ Борджіями для приобрѣтенія Неаполя; имъ и это удалось; французы завоевали для нихъ страну, которую знаменитому рыцарю Гонзалву Кордуанскому. осталось лишь взять. Даже отецъ народа, добрый Людовикъ XII (которому приписывали, между

прочимъ, убійство его предшественника, Карла *, точно какъ какомунибудь Борджіи), и тотъ увлекся желаніемъ немножко пограбить въ Италіи (1499 — 1504). Но здѣсь вмѣстѣ Александра VI онъ встрѣтилъ папою Юлія II, который, по искусству хищничать, не уступалъ никому. Измѣнять союзникамъ, захватывать города, предпринимать рѣшительные походы и усиливать своихъ родственниковъ, эти всѣ приемы государственной жизни того времени были до точности знакомы Юлію. И въ то же время онъ умѣлъ сдѣлать Римъ центромъ искусствъ, прикрывавшихъ для поверхностнаго наблюдателя и деспотизмъ, и вѣроломство, и развратъ, и разореніе народа. Съ 1504 былъ въ Римѣ Микель-Анджело; съ 1508 Рафаэль. Мраморъ для памятника Юлію II загромождалъ площадь св. Петра, но этотъ памятникъ никогда не долженъ былъ быть оконченъ такъ, какъ его впервые задумалъ Буонаротти; за то куполъ Сикстинской капеллы покрывался грандіозными фигурами пророковъ и сивиллъ. Въ то же время «афинская школа» и рядъ фресковъ Рафаэля украшали стѣны Ватикана, а Браманте начиналъ постройку св. Петра. Рядомъ съ упомянутыми выше искусными хищниками играетъ жалкую роль Максимилианъ I (1493 — 1519), который, несмотря на свой прославленный рыцарскій характеръ, тоже пытался много разъ утвердить силою свое господство и во Фландріи и въ Германіи и въ Италіи, но высказался вполне неспособнымъ къ какой-либо значительной государственной роли и почти всю четверть вѣка своего правленія переходилъ отъ неудачъ къ бессмысленнымъ предпріятіямъ, которыя вели къ новымъ неудачамъ. Великолѣпное изданіе «Тейерданка» (Theuedank) (1517), проникнутаго феодальнымъ духомъ въ эпоху, когда феодальный міръ принадлежалъ вполне прошедшему, характеризуетъ этого государя, неимѣвшаго достоинствъ ни прежняго, ни новаго времени. При немъ центральная власть императора и сеймовъ потеряла еще болѣе вліянія и государственное значеніе разныхъ частныхъ центровъ Германіи еще болѣе возвысилось.

Въ обществѣ, управляемомъ этими главными политическими актерами, были требованія совершенно не тѣ, которыя побуждали государей вести нескончаемыя войны, ученыхъ латинистовъ и эллинистовъ уходить въ наслажденіе древнимъ міромъ и художниковъ создавать свои великолѣпныя фрески и статуи. Забота о насущномъ хлѣбѣ, невыносимое давленіе на поселеннаго,

* По рукописной замѣткѣ, относящейся къ 1687 г., и ссылающейся на карту Риго де-Воль (Везале), архіепископа Сакскаго (1527—1606).

разореніе общества честолюбивыми предпріятіями правительствъ, ненависть горожанъ къ феодаламъ, — таковы были жизненные вопросы для большинства, грубая сатира надъ высшими классами, а пожалуй и надъ собою, такова была эстетическая пища, нужная для его удовлетворенія. Эти жизненные вопросы вызвали крестьянскія волненія въ Германіи (1491, 1493), коалицію городовъ Швабскаго союза (1488) или смѣлыя рѣчи Филиппа По (Pot) на собраніи французскихъ чиновъ 1484 г., говорившаго черезъ годъ по смерти Людовика XI: «Очевидно, король не можетъ самъ распоряжаться общими дѣлами» (республикою). Политическое правило, что подати могутъ быть наложены на народъ лишь съ его согласія, встрѣчаемъ и у приверженца Людовика XI, переманеннаго имъ изъ Бургундіи, просидѣвшаго въ желѣзной клѣткѣ въ первые годы Карла VIII и давшаго Франціи одесъ изъ лучшихъ ея историческихъ произведеній, у Филиппа де-Комина († 1509). Его мемуары выказали въ немъ и внимательнаго наблюдателя, и человѣка государственнаго пониманія, по крайней-мѣрѣ съ той точки, которая ставила единство государственной власти, ея крѣпость и ея расширеніе идеаломъ правителя.

Эстетическимъ требованіямъ массы удовлетворяли во Франціи стихи Вильона († 1482), шутки Кокильера († ок. 1490), сатира Гренгуара († 1547) или фарсы Пателена на сценѣ; въ Германіи же «Корабль дураковъ» (Narrenschiff) Себастьяна Брандта († 1521), «Заклинаніе дураковъ» (1506) францисканца Муркера, Эйденшпигель (1483), или еще болѣе рѣзкая форма поэмы Лиса (Reinike de Vos, 1498), относящаяся къ этой эпохѣ. Литература дураковъ имѣла такое распространеніе въ это время, что знаменитый страсбургскій проповѣдникъ Гейлеръ († 1510) и упомянутый уже Муркеръ вносили ее въ свои проповѣди, какъ не менѣе знаменитые парижскіе проповѣдники Мендъ († 1518) и Мальяръ († ок. 1509) не нравились бы, еслибы ихъ проповѣди не были перемѣшаны съ довольно грубыми фарсами и желчною сатирою.

Замѣтимъ, что къ этому времени, когда новый свѣтъ входилъ въ кругъ научнаго, экономическаго и политическаго пониманія Европы, къ этому времени относится и вступленіе московской Руси, сбросившей иго татаръ (1480) и подчинившей себѣ Новгородъ (1478), въ политическіе вопросы Европы, вслѣдствіе сношеній Максимилиана съ Иваномъ III Васильевичемъ († 1505) для дѣйствія противу Матвея Корвина Венгерскаго († 1490). Къ этому же времени относится проявленіе въ русской литературѣ какъ слѣдовъ заимствованій (имѣвшихъ мѣсто и равнѣ) изъ об-

ширной повѣствовательной литературы Запада, такъ и слѣдовъ религіозныхъ движеній, издавна волновавшихъ славянскія и не славянскія племена Европы, что видно въ сектѣ жидовствующихъ, появившихся въ это время, и достигшихъ значенія даже въ теремахъ царицъ. При этомъ продолжалось соперничество Москвы съ Литвою при Казимирѣ, соединившемъ (1444 — 1492) короны литовскую и русскую съ польскою, и при наследникѣ Казимира въ Литвѣ, Александрѣ (1492 — 1506), впоследствии также соединившемъ обѣ короны (1501 — 1506); оно не могло быть прекращено и бракомъ дочери Ивана Васильевича съ Александромъ. Между тѣмъ Польша при Янѣ-Альбертѣ (1492 — 1501), имѣла своего Коммина въ лицѣ тосканца Буонапарки Каллимаха († 1496), своего религіознаго лирика въ лицѣ пріора Андрея Слупковскаго († послѣ 1497), и даже своего френолога (едва-ли не перваго въ Европѣ) Яна Глоговчича († 1507).

5. Протестантизмъ (1509 — 1536).

Предшествующая эпоха исчерпала то, что могъ дать гуманизмъ съ его чисто-литературнымъ характеромъ. Наслажденіе древностью скоро оказалось лишь поверхностнымъ наслажденіемъ и роскошью мысли, если не приложить къ изученію древности критическихъ приемовъ и предварительныхъ знаній, едва существовавшихъ въ новой Европѣ. Практическіе же вопросы какъ политическіе, такъ и общественной экономіи, оказались совершенно чужды этой сферѣ эрудиціи. Они несравненно болѣе обусловливались огромнымъ расширеніемъ колониальныхъ предпріятій. Тѣмъ не менѣе, слѣдующая эпоха (1509 — 1536) разсматриваемаго періода особенно характеризуется религіознымъ движеніемъ. Та оппозиція противъ католицизма, которая накопилась въ продолженіе трехъ столѣтій, проявляясь въ самыхъ разнообразныхъ формахъ, попыталась послѣдній разъ обновить религіозную жизнь Европы, оставаясь вѣрною христіанскимъ идеаламъ, т.-е. попыталась выполнить задачу среднихъ вѣковъ такъ, какъ они ее постоянно ставили: найти въ основныхъ документахъ христіанства матеріалъ теоретической истины и практической правды, пользуясь всѣми остальными потребностями и пріобрѣтеніями человѣчества лишь какъ пособіемъ. Это особенно характеризовало эпоху реформаціи.

Въ тотъ самый годъ (1510), когда Юлій II быстро мѣнялъ свою политику и въ союзника французовъ становился ихъ врагомъ, молодой саксонскій монахъ провелъ 14 дней въ Римѣ и ужаснулся невѣрію, господствовавшему среди тамошняго духовенства. Этого вѣрующія пилигримы, съ 1509 профессоръ бого-

словія въ Ваттенбергѣ, былъ Мартинъ Лютеръ. Онъ былъ представителемъ общества, которое еще вѣрило, что истину можно найти въ тѣхъ каноническихъ источникахъ, гдѣ искалъ ее католицизмъ въ средніе вѣка, вѣрило, что эту истину надо лишь очистить. Но для цивилизованнаго общества Италіи это время прошло. Юлія II смѣнилъ тотъ самый Медичи, который 13-ти лѣтъ былъ сдѣланъ кардиналомъ, Лезъ X (1518—1521). Этому человеку, смѣвшемуся со своимъ секретаремъ, кардиналомъ Бембо, надъ религіозными мнѣями, пришлось пережить эпоху, гдѣ, во имя религіознаго чувства, народы возстали противу папства. Изъ всѣхъ дѣлъ, его интересовало только усиленіе семьи Медичи, которыхъ ему, еще за годъ до вступленія на папскій престолъ, удалось вернуть во Флоренцію (1512). Бембо и Садолетъ были близъ него представителями новыкъ ципероніанцевъ, употребившихъ лишь выраженія, дозволенныя великимъ ораторомъ послѣдняго вѣка до нашей эры. Рафаэль († 1520) украшалъ Римъ и другіе города Италіи самыми совершенными и великими изъ своихъ произведеній. Микель-Анджело собирался отдѣлывать Сан-Лоренцо, любимую церковь Медичи. Папа не умѣлъ лишь привлечь къ своему двору хвалителя феррарскихъ д'Эсте, Аріосто, который въ своемъ «Неистовомъ Роландо» (1515) явился истиннымъ представителемъ современной итальянской придворной поэзіи. Чрезвычайное искусство въ отдѣлкѣ эпизодовъ, при полномъ недостаткѣ изобрѣтательности, огромная рыцарская поэма въ 46 пѣсней, при полномъ равнодушіи автора къ рыцарству, къ среднимъ вѣкамъ вообще, и даже къ христіанству; безспорная красота формы, при содержаніи, имѣющемъ цѣлью лишь пустую забаву, чуждую положительнаго идеала на столько же, на сколько и сатирическаго отношенія къ дѣйствительности,—таково классическое произведеніе Аріосто; читая его, едва-ли можно вспомнить, что оно писано въ годы, когда французскія, нѣмецкія, испанскія арміи разоряли Италію изъ конца въ конецъ и спорили изъ-за того, кто изъ иностранцевъ будетъ въ ней господствовать.

Черезъ годъ послѣ перваго появленія «Роланда», въ Италіи вышла книга Помпонаціа († ок. 1525) «О безсмертіи души», гдѣ истина религіозная была совершенно отдѣлена отъ истины научной; авторъ принималъ безсмертіе души на основаніи откровенія и отвергалъ его на основаніи размышленія и доказательствъ разума. Только заступничество кардинала Бембо спасло автора отъ венеціанскихъ инквизиторовъ. Подобный же приемъ Помпонаціо приложилъ позже къ теоріи свободы воли, наконецъ рѣшился приложить начало развитія и къ исторіи религіи. Въ

этомъ замѣчательномъ умѣ приемы стараго и возвращенія новаго времени представляютъ борьбу, которую находимъ и у многихъ его современниковъ. Сюда принадлежитъ и Агриппа Неттельгеймскій (1483 — 1535), этотъ рыцарь-профессоръ, алхимикъ и мистикъ, врагъ духовенства, одинъ изъ первыхъ защитниковъ колдуній отъ безобразныхъ юридическихъ приемовъ, употребляемыхъ въ ихъ процессахъ, ставившій изученіе природы въ основу богословія, писавшій одно изъ полнѣйшихъ руководствъ магін и доказывавшій тщетность и невѣрность всякаго знанія, распадѣніе всѣхъ классовъ общества. Въ этой личности, можетъ быть, лучше, чѣмъ въ какой-либо другой выразилось то безпокойное исцаніе истины, которое характеризуетъ весь рассматриваемый періодъ, когда вернуться къ старому было уже невозможно, но по привычкѣ вопросы были поставлены все такъ же, какъ прежде: все искали таинственную сущность, которая бы *разомъ* дала и знаніе и могущество.

Несравненно важнѣе и характеристичнѣе для новаго времени была «Утопія» Томаса Мора, появившаяся въ 1515 г. *. Авторъ уже ранѣе подражалъ Лукіану. Здѣсь, въ формѣ политическаго романа, онъ высказалъ нѣсколько идей, шедшихъ въ разрѣзъ со всѣми средневѣковыми понятіями. Такова была терпимость для всякой вѣры (кромя отрицанія безсмертія души и провидѣнія), какъ для дѣла чисто личнаго; уничтоженіе всѣхъ сословныхъ различій, всѣхъ различій по праву рожденія, отрицаніе смертной казни для менѣе важныхъ преступковъ. Эти идеи, высказанныя въ 1511 г., когда вся Западная Европа признавала *одну* церковь, истребляла еретиковъ и раздѣлялась на тысячи равноправныхъ кружковъ по рожденію и по сословіямъ, были болѣе смѣлы, чѣмъ мысль объ общности имущества, тоже встрѣчающаяся въ «Утопінѣ», но вовсе не новая для среднихъ вѣковъ. Замѣтимъ, что рядомъ съ нею Морусъ рисуетъ семью, съ строгимъ охраненіемъ ея чистоты законами, точно также, какъ рядомъ съ обязательствомъ физическаго труда земледѣльца и ремесленника для всѣхъ гражданъ Утопін, онъ вводитъ рабство.

* Не имѣя предъ собою этого изданія, указываемъ годъ по Моли: «D. Gesch. u. Litter. d. Staatswiss.» I, 179, примѣч. Зигвартъ въ Энциклопедіи Герцога, цитируя того же Моля, указываетъ 1516 какъ годъ, когда *написана* Утопія. Карьеръ (D. Phil. Weltansch. d. Reformations Zeit, 815) говоритъ, что рукопись отослана въ печать 1517. Грессе (Handb. d. Allgem. Litt.-gesch. III, 61) называетъ 1516 г. годомъ изданія. Тотъ же годъ у г. Лессевица въ статьѣ «Оч. разв. идеи прогресса», въ «Совр. Обзор.» 1868 апр. 168. Грегуаръ въ «Nouv. biogr. gen.» (Didot) XXXVI, 689, относитъ ее къ 1518. Мы держимся Моля, потому что онъ имѣетъ обыкновеніе указывать, *какихъ вѣкъ* онъ самъ ее выдалъ.

Томасъ Моръ съ ранней молодости былъ другомъ Дезидеріа Эразма Роттердамскаго, совѣты котораго не мало вліяли на англійскаго гуманиста-богослова, и который въ Англіи, у своего друга, писалъ одну изъ взыщившихъ и самыхъ ѣдкихъ сатиръ этого времени, свою «Похвалу глупости» (1508), гдѣ картина всего общества и особенно церкви, была набросана съ такою рѣзкостью, что впоследствии католическіе богословы говорили: Эразмъ сънесъ яйцо, которое высидѣлъ Лютеръ. Эразмъ разсыпалъ свою сатиру на церковь и въ другихъ произведеніяхъ, но онъ былъ не только сатирикъ. Онъ положилъ начало теоретической обработкѣ новой педагогикѣ, далъ образцы слога для обученія въ школахъ, но еще важнѣе былъ матеріалъ, данный имъ для научной обработки богословскихъ источниковъ: греческое изданіе Новаго Завѣта (1516) по доступнымъ ему рукописямъ съ латинскимъ переводомъ, отступавшимъ отъ Вульгаты, принятой церковью, и парафраза библіи. Это было начало критической обработки писанія. Замѣтимъ, что въ 1517 г. кончено печатаніе многоязычной библіи (полиглотты), изданной лишь въ 1522 г. испанскими учеными подъ руководствомъ кардинала Хименеса, пережившаго лишь нѣсколькими мѣсяцами конецъ ея печатанія.

Нѣмцы считали Эразма однимъ глазомъ гуманизма въ Германіи. Другимъ былъ Іоаннъ Рейхлинъ, о которомъ мы уже говорили, и который посвятилъ свои послѣдніе годы въ особенности изученію еврейскаго языка и каббалѣ. Въ началѣ разсматриваемой нами эпохи Рейхлинъ, несмотря на свой мирный характеръ, былъ вовлеченъ въ процессъ, гдѣ ему угрожало чуть ли не костеръ еретика, именно въ процессъ противъ вѣльскихъ доминиканцевъ, требовавшихъ сожженія всѣхъ еврейскихъ книгъ, которыя Рейхлинъ защищалъ какъ во имя науки, такъ и вслѣдствіе своего пристрастія къ каббалѣ. Споръ начался въ 1510 г. Чувствуя, что онъ поддержанъ всѣми гуманистами, Рейхлинъ напечаталъ въ 1512 г. свою защиту понѣмеди; въ 1514 году епископъ Шпейерскій произнесъ приговоръ въ его пользу и въ 1517 г. въ Римѣ процессъ превращенъ безъ приговора. Но онъ успѣлъ уже взволновать умы, далъ поводъ для цѣлаго потока сатиръ, между прочимъ и для знаменитыхъ «Писемъ темныхъ людей» (*Epistolae obscurorum virorum*), появившихся въ 1515 и 1517 гг.

Въ этой борьбѣ партія гуманистовъ впервые сознала свою силу, какъ опредѣленнаго лагеря, могущаго дѣйствовать вѣстѣ и эвергически противъ общихъ враговъ, которые были въ то же время враги всякой здоровой человѣческой мысли. Еслибы это стремленіе могло получить свое законное развитіе, полная без-

содержательность литературно-филологического гуманизма в-роایتно повела бы къ оживленію его научнымъ опытно-натуралистическимъ гуманизмомъ, который связалъ бы университетскую образованность съ реальными потребностями массъ и безъ особенной борьбы обновлялъ бы европейскую жизнь на основаніяхъ терпимости, высказанной Моромъ, соединенія науки съ техникою, какъ проповѣдывалъ примѣромъ Винчи и здоровой педагогики, которую указывалъ Эразмъ. Но накопившаяся оппозиція противъ католицизма не могла выждать этого ровнаго теченія дѣль. Средневѣковные взгляды засѣли еще глубоко въ привычки большинства даже передовыхъ личностей и нетерпѣливое стремленіе къ обновленію бросило европейское общество въ борьбу, гдѣ реальные интересы были закрыты фантастическими, энергія замѣчательныхъ личностей тратилась на споръ о словахъ, чуждыхъ всякой научной мысли, всякаго полезнаго, а тѣмъ болѣе справедливаго стремленія. Богословскіе факультеты университетовъ получали преобладающее значеніе; полѣвка послѣ «Утопін» слово *терпимость* оказалось новостью, и люди всѣхъ партій доказывали самымъ дѣйствительнымъ образомъ, что они объ немъ не имѣютъ ни малѣйшаго понятія. Распадавшійся католицизмъ нашелъ въ борьбѣ средство возродиться, укрѣпиться, выставить сильныхъ борцовъ и сдѣлать схоластическое мировоззрѣніе такою силою, о которой нельзя было, казалось, и думать въ эпоху Бембо, Помпонація, Макиавелли, Эразма, Мора и Гюттена. Подъ соединенными усиліями духовенства всѣхъ партій школы получили тенденціозный характеръ; наука отодвинулась на второй планъ предъ вопросами сектаторства; нравственность потеряла смыслъ предъ вопросами догматическаго разномыслія. Короче, всѣ силы были вызваны для того, чтобы раздавить въ Европѣ жажду къ научной истинѣ и къ человѣческой справедливости. Эти силы до сихъ поръ неутомимо борются, отстаивая шагъ за шагомъ царство тьмы и безнравственности, возобновляя при всякомъ удобномъ историческомъ событіи попытки реакціи. Но если воплощеніе справедливости есть вопросъ еще отдаленный, живучая растительность науки поборола враговъ. Несмотря на длинный періодъ всеобщаго увлеченія въ область фантастическихъ споровъ, несмотря на потоки крови и на звѣрское варварство, которое разливалось по Европѣ подъ вліяніемъ фанатизма всѣхъ сектъ, несмотря на то, что и внѣшнія и внутреннія причины не дозволяли надолго почти ни одному замѣчательному уму устраниться совершенно отъ безтолковыхъ разсужденій о предметахъ, лежащихъ за предѣлами пониманія,—несмотря на все это, небольшая группа работниковъ продолжала

устанавливать веки на пути науки, собирать матеріалъ, бороться съ невѣжествомъ и безуміемъ. Къ концу вѣка методъ былъ найденъ; основанія науки были установлены, въ слѣдующемъ вѣгѣ она сдѣлалась силою и, можно сказать, единственною живою силою Европы. Съ тѣхъ поръ объ нее разбивались всѣ усилія представителей невѣжества; на нее, какъ на безспорное основаніе, опирались всѣ мыслители, которые хотѣли расширить пониманіе человѣка и внести правду въ общественныя формы; по всѣмъ вѣроятностямъ, ее уже не будетъ въ состояніи никто остановить въ ея развитіи.

Черезъ два года послѣ «Утопіи» Мора, перваго тома «Писемъ темныхъ людей» и «Неистоваго Роланда» Аріосто, черезъ годъ послѣ книги Помпонатіо о душѣ и появленія греческаго перевода Новаго Заветъа, въ тотъ самый годъ, когда Левъ X прекращалъ процессъ Рейхлина и закрывалъ пятый латеранскій соборъ (1517 г.), появились, въ Виттенбергѣ, знаменитые тезисы Лютера. Онъ былъ глубоко искрененъ, былъ одаренъ энергическимъ характеромъ и обладалъ чрезвычайнымъ практическимъ тактомъ. Онъ умѣлъ въ своей борьбѣ найти себѣ союзниковъ во всѣхъ наличныхъ силахъ XVI-го вѣка: въ средневѣковыхъ привычкахъ мысли, какъ въ давно накопѣвшейся оппозиціи противу духовенства; въ стремленіи къ національному обособленію, какъ въ политическихъ цѣляхъ германскихъ князей; въ потребности расширенія знаній въ школахъ, какъ въ нелюбви большинства къ слишкомъ тонкой критикѣ ученыхъ. Шагъ за шагомъ, вслѣдствіе давленія обстоятельствъ, онъ переходилъ отъ спора противъ индульгенцій къ спору противъ правъ папы, отъ обвиненія Эка къ обвиненію Льва X, отъ признанія римской церкви истинною (1517) къ сочиненію «о вавилонскомъ плѣненіи церкви» и къ сожженію папской буллы (1520), наконецъ къ противопоставленію въ Вормсѣ *своею* пониманія Библии папѣ, собору, императору, цѣлому міру (1521). Однажды почувствовавъ себя силою и авторитетомъ, онъ употребилъ всю гибкость своего ума, всю энергію своего характера на то, чтобы удержать этотъ авторитетъ, укрѣпить его, оградить со всѣхъ сторонъ, словомъ, на то, чтобы образовать новую церковь, столь же неподвижную, законченную, подавляющую разумъ и волю всѣхъ назначенныхъ ей предѣловъ, какъ и католицизмъ. Съ неумолимою послѣдовательностью и съ необычнымъ успѣхомъ Лютеръ не только отражалъ авторитетъ католицизма, но и давилъ всѣ партіи, которыя, подъ вліяніемъ революціоннаго стремленія въ религіи, шли дагѣ буквы, признанной *имъ*, Лютеромъ, за безспорный авторитетъ, истолкованный сообразно *ею* пониманію

современных потребностей. Онъ раздавилъ Карльштадта (1521—1525), отрицавшаго средневѣковыя формы нѣсколько болѣе его, отрицавшаго потребность знанія во имя религіознаго одушевленія и христіанскаго возвышенія нищихъ духомъ. Онъ раздавилъ цвингаускихъ пророковъ (1522), вѣровавшихъ въ прямое откровеніе Духа Святаго. Онъ поддержалъ всею силою своего авторитета кровавую и безпощадную реакцію князей и рыцарей, которые истребили крестьянъ, возставшихъ подъ предводительствомъ Мюнцера († 1525) во имя христіанскаго равноправія, чтобы хотя нѣсколько облегчить свое тяжелое положеніе. Онъ послалъ силы протестантизма на помощь католическому епископу, когда въ Мюнстерѣ образовался центръ анабаптической проповѣди, непризнававшей его авторитета и готовой не останавливаться радикальнымъ переворотомъ общественныхъ формъ (1533—1535). Онъ возсталъ самымъ жестокимъ образомъ противу Эразма, который выступилъ защитникомъ свободы воли противу августианскаго ученія о благодати, принятаго Лютеромъ, и едва ли въ этомъ случаѣ знаменитаго реформатора не руководило желаніе не допустить гуманизму оказать болѣе значительное вліяніе на новое движеніе и особенно на школы, находившіяся въ протестантскихъ земляхъ. Лютеръ помѣшалъ Филиппу Гессенскому (1518) ввести въ его земли учрежденія реформы, довольно самостоятельныя по своей формѣ (1527). Наконецъ Лютеръ отвергъ всѣ попытки къ сближенію съ швейцарскими реформатами изъ-за такихъ схоластическихъ соображеній, которыя ставили его ученіе ничѣмъ не выше въ теоріи отвергаемаго имъ католицизма. Ему пришлось при этомъ, въ спорѣ противъ Цвингли, защищать даже вѣру въ бессмысленное на основаніи буквальнаго смысла, а должно замѣтить, что это раздѣленіе лютеранства отъ реформатства ослабляло значительно политическія силы новаго движенія. Но допустить толкованіе Цвингли и Эколампанда значило уступить другому авторитету, слѣдовательно поколебать въ глазахъ его приверженцевъ. *Этого* Лютеръ допустить не могъ, и не изъ расчета, а изъ совершенно естественнаго и безсознательнаго стремленія къ господству и изъ неуступчивости во мнѣніяхъ, которая дозволила ему, бѣдному монаху, возстать противъ всего католицизма, и въ нѣсколько лѣтъ поставила его во главѣ огромной церкви.

И лучшіе представители Германіи почували въ смѣломъ августинскомъ монахѣ защитника ихъ національныхъ стремленій. Гуттенъ († 1523), Звингенъ († 1523), готовы были встать на защиту реформы словомъ и оружіемъ. Величайшій нѣмецкій живописецъ, Альбрехтъ Дюреръ († 1528) былъ ея привержен-

цель. Лучшій нѣмецкій поэтъ того времени, Гансъ Саксъ (1494—1576), посвятилъ ей значительную часть своей литературной дѣятельности.

Между тѣмъ швейцарскіе реформаты дѣлали свое дѣло столь же энергически, и Швейцарія становилась однимъ изъ самыхъ могущественныхъ центровъ религіознаго движенія. Прежде, чѣмъ Лютеръ явился предъ королевскимъ сеймомъ (1521), уже свободная проповѣдь раздавалась въ Цюрихѣ, и проповѣдь болѣе радикальная, чѣмъ проповѣдь Лютера. Тамъ же возникло (1525) движеніе анабаптистовъ, центами котораго сдѣлались потомъ: Страсбургъ (1526), Нидерланды (1530) и Мюнстеръ (1533). Въ концѣ разсматриваемой эпохи для проповѣди протестантизма во Франціи получила значеніе Женева, только что освободившаяся отъ власти савойскихъ герцоговъ (1524). Гордое національное сознаніе швейцарцевъ, желавшихъ имѣть *свою* церковь, точно также какъ свою государственную самостоятельность, сдѣлало ихъ ревностными протестантами. Скоро религіозные споры грозили распаденіемъ союзу кантоновъ, и Цвингли своею кровью († 1531) запечатлѣлъ эту распрю.

Точно также на сѣверѣ Европы національный вопросъ опредѣлилъ значеніе протестантизма. Король датскій и норвежскій Христіанъ II (1512 — 1523) господствовалъ надъ Швецію (1520—1523) помощью князей, причемъ былъ ревностный католикъ. Густавъ Ваза, освободивъ Швецію (1523), и сдѣлавшись ея государемъ (1523—1560), сталъ ревностнымъ лютераниномъ, и король датскій Фридрихъ I (1523—1533), свергнувшій Христіана, ввелъ также протестантизмъ въ свои земли, несмотря на противодѣйствіе епископовъ. Въ Германіи протестантизмъ, подчинившій духовенство свѣтской власти и дѣлавшій государей въ нѣкоторомъ смыслѣ главами церкви, встрѣтилъ сочувствіе въ большинствѣ князей, которые этимъ самымъ становились еще болѣе независимы отъ императора. Такимъ образомъ въ немногіе годы протестантизмъ сдѣлался господствующею религіею въ значительной части Германіи. Въ особенности это лежало въ интересѣ гротмейстера нѣмецкаго ордена, который обращался путемъ протестантизма въ самостоятельнаго, наслѣдственнаго государя. Поэтому Альбрехтъ Бранденбургскій уже въ 1523 г. приглашалъ въ Пруссію лютеранскихъ проповѣдниковъ; въ 1524 году два прусскіе епископа (прежде всѣхъ епископовъ) приняли протестантизмъ и въ 1525 г. Альбрехтъ сталъ герцогомъ Пруссіи подъ леною зависимостью отъ Польши. Конечно, мы не имѣемъ права приписывать это явленіе сознательному расчету, но частныя біографіи и исторіи народовъ слишкомъ часто пред-

ставляютъ примѣры весьма искреннихъ увлеченій личностей и обществъ въ ту сторону, гдѣ лежатъ ихъ выгода.

Само собою разумѣется, не менѣе искренне было и положеніе, принятое Карломъ V, наследникомъ Фердинанда и Изабеллы въ Испаніи и Америкѣ (1516), Максимилиана I въ Нидерландахъ, австрійскихъ земляхъ и въ Германіи (1519), именно положеніе защитника католицизма противу ереси. Правда, что обширность его владѣній и дальнѣйшіе виды на Италію вовлекли Карла въ невѣрстанную борьбу съ турецкимъ султаномъ Селиманомъ II и въ особенности съ королемъ французскимъ Францискомъ I. Наслѣдникъ Селима I (1512—1520), истребителя шитовъ и побѣдителя египетскихъ мамелюковъ (1517), Солиманъ, вслѣдъ за вступленіемъ на престолъ (1520), завоевалъ Родосъ (1522) и донесъ свое знамя до самой Вѣны (1529). Карлу приходилось отражать мусульманъ въ Европѣ и сражаться съ ними въ Африкѣ (1535). Съ Францискомъ I (1515), побѣдителемъ швейцарской вѣхоты при Мариньяно (1515), Карлу пришлось вести рядъ войнъ въ высшей степени разорительныхъ для обѣихъ государствъ (1512—1526, 1527—1529, 1532—1538). Это побуждало Карла временно относиться къ протестантизму снисходительно. Тѣмъ не менѣе, онъ выжидалъ лишь удобной минуты для дѣйствій противу своихъ политическихъ противниковъ въ Германіи, и они такъ хорошо знали это, что спѣшили составить въ Шмалькальденѣ союзъ (1531). Но на сколько, при всей искренности религиозныхъ увлеченій обѣихъ партій, онѣ руководились бессознательно политическими интересами, видно изъ того, что Филиппъ Гессенскій, дѣятельнѣйшій членъ шмалькальденскаго союза, вступалъ въ союзы съ католической Баваріей и съ Францискомъ I противу императора; Лютеръ, столь неуступчивый въ отношеніи Цвингли, давалъ согласіе на двоеженство Филиппа, требуя лишь, чтобы это двоеженство оставалось тайнымъ, а Меланхтонъ даже присутствовалъ при второмъ бракѣ Филиппа; наконецъ Карлъ V, этотъ защитникъ католицизма противу ереси, посылалъ свою армію противу папы Климента VII (1523—1534), и войска римскаго императора повторили подвигъ Гензерика, разграбили Римъ (1527).

Характеристична для внутренняго значенія реформація была ея судьба въ Англіи. Тамъ сѣлъ на престолъ пріятель гуманистовъ и въ особенности Томаса Мора, покровитель Ганса Гольбейна (1498 — 1554), знаменитаго «Пляскою смерти», Генрихъ VIII (1509), отъ котораго Эразмъ ожидалъ золотаго вѣка. Протестантизмъ быстро нашелъ въ Англіи приверженцевъ, и уже въ 1577 г. епископъ Фоксъ требовалъ реформы церкви отъ

Вольсея, главнаго руководителя политики Генриха. Но гуманисты въ Англіи, какъ и въ Германіи, чувствовали, что реформаціонное движеніе, которому они сочувствовали въ его оппозиціонныхъ началахъ, но своимъ положительнымъ стремленіямъ, отвлекаетъ европейскую мысль совсѣмъ не въ ту сторону, гдѣ они видѣли истинное развитіе, и потому ни одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ представителей гуманизма этого времени не вступилъ въ ряды реформаторовъ. Они содѣйствовали и тому, чтобы Генрихъ, готовившійся при жизни старшаго брата, Артура, къ вступленію въ духовенство, противодействовалъ развитію лютеранства. Его сочиненіе противъ Лютера (1522) было просмотрѣно Моромъ и защищено Эразмомъ, что и вызвало споръ послѣдняго съ Лютеромъ. Но Генрихъ принадлежалъ къ одному изъ чистѣйшихъ типовъ деспотовъ, которые тогда пытались въ Европѣ осуществить идеалъ государя, стоявшаго превыше законовъ. Ослабленіе дворянства въ войнѣ Йорковъ съ Ланкастерами и политическая апатія, всегда слѣдующая за эпохами политическаго возбужденія, если оно не привело къ улучшенію общественныхъ формъ, при непривычѣнн англійской нижней палаты къ государственной инициативѣ, давали Генриху возможность дѣлать въ этомъ отношеніи эксперименты, невозможные ни прежде, ни послѣ того. Грабежъ страны подъ формою закона для воинственныхъ предпріятій и для неограниченной роскоши короля, шелъ такъ далеко, какъ только можно было его довести безъ опасенія возстанія. Когда же королю, послѣ двадцати лѣтъ брака, вдумалось развестись съ его первою женою, Катериною Арагонскою, то онъ не задумался принять въ религіозномъ отношеніи весьма оригинальное положеніе. Отвергнувъ авторитетъ папы, Генрихъ объявилъ себя главою церкви уже въ болѣе прямомъ значеніи, чѣмъ сдѣлались главами церкви протестантскіе князья Германіи, именно установителемъ догмата. Онъ захотѣлъ поддержать данный ему Львомъ X титулъ *defensor fidei*, устроивъ католическую церковь безъ павны строгаго охраняя ея чистоту, при чемъ, впрочемъ, онъ нѣсколько видоизмѣнилъ догматы. Вслѣдствіе этого лютеранъ стали жечь въ Англіи какъ еретиковъ, а католиковъ вѣшать, какъ враговъ супрематіи короля. Но какую важность могли имѣть для короля эти казни, когда ему ничего не значило казнить такого человѣка, какъ Томасъ Моръ († 1535), а даже королеву Анну († 1535), изъ-за которой онъ началъ реформу, свергъ всемогущаго Вольсея († 1530), заключилъ первую жену († 1534). Духовенство Англіи съ покорностью и страхомъ соглашалось со своимъ король-папою, какъ парламентъ нарушалъ всѣ юридическія традиціи, посылая на эшафотъ кого угодно по

желанію короля, и еще-радуясь, что грабежъ богатыхъ монастырей Англіи давалъ Генриху возможность не требовать новыхъ сборовъ съ народа.

Франція была самой прочной опорой католицизма въ это время. На престолѣ ея сѣдѣлъ съ 1515 г. Францискъ I, одинъ изъ многихъ государей Франціи, которыхъ литература до нашего времени окружала крайне-незаслуженнымъ ореоломъ какого-то рыцарства. Развратникъ до мозга костей, онъ былъ готовъ всякую минуту давать какія угодно обѣщанія, съ тѣмъ чтобы сей-часъ же протестовать противъ нихъ и нарушить ихъ при первомъ удобномъ случаѣ; деспотъ въ душѣ, онъ нагло объявляетъ парламентамъ и государственнымъ чинамъ, что онъ не признаетъ никакого права въ своей власти, и въ то же время готовъ былъ маскировать свою дикость и свои фанфаронады правомъ парламентавъ регистрировать его приказы; онъ губилъ свои арміи по недостатку заботливости, разорялъ свой народъ для безтолковыхъ предпріятій, толкалъ самъ своихъ лучшихъ военачальниковъ (Вурбона, Дорію) на путь измѣны, самъ измѣнялъ слово да рядомъ своимъ союзникамъ и никогда не умѣлъ во-время вести войну или заключить миръ. Предъ ничтожествомъ его качествъ какъ государя, кажется великимъ даже его соперникъ Карлъ, необладавшій тоже особенно замѣчательными свойствами, но по крайней-мѣрѣ послѣдовательный. Религіозный вопросъ занималъ всё уми при Францискѣ, и онъ выказался въ немъ столь же жалкимъ, какъ и въ другихъ случаяхъ. Изъ-за политическихъ цѣлей, совершенно чуждыхъ Франціи, онъ ввелъ во Францію конкордаты, отмѣнявшій прежнюю самостоятельность галланской церкви. Союзникъ Салимана и нѣмецкихъ протестантовъ, онъ во главѣ процессій (1535) молился торжественно предъ кострами, зажженными на шести площадяхъ Парижа, въ то время какъ остроумно придуманныя качели то погружали мученика-реформата въ пламя, то выдергивали его изъ пламени, пока перегорѣвшія веревки не позволяли ему окончательно упасть въ огонь. Если доброе стихотворное посланіе Клемена Мора (1495—1544) побуждало короля спасти одинъ разъ своего остроумнаго поэта, то скоро его снова хватали, снова грозили ему смертью, пока наконецъ среди возраставшихъ казней, Мора не рѣшился оставить навсегда Францію, какъ пришлось ее оставить весьма многимъ въ слѣдующіе времена. Но это гоненіе сдѣлало только Мора изъ автора легенькихъ произведеній переводчикомъ псалмовъ и сатирикомъ реформы. Усиленіе гоненій не остановило распространенія ученія. Къ нему склонялась и сестра Франциска, Маргарита Ангулемская, вно-

слѣдствіи королева новарская, дуэльные стихи которой вызвали діатрибы Сорбонны и прямое обвиненіе ея констаблемъ Монморанси предъ лицомъ короля въ ересь. Къ протестантамъ принадлежалъ и знаменитый Робертъ I Этьенъ изъ династии ученыхъ издателей, оспаривавшихъ во Франціи славу Альдовъ. Францискъ, охотно подражавшій итальянскимъ князьямъ въ ихъ деспотизмѣ, развратѣ и въ покровительствѣ безвредной эрудиции, старался хвастаться своимъ вниманіемъ къ Этьену, какъ старался привлечь къ своему двору художниковъ и ученыхъ. Леонардо да-Винчи умеръ во Франціи (1519). Приматаціо († 1570) и другіе украсили Фонтенебло. Итальянскіе ученые получали милостивую отъ короля Франціи. Между тѣмъ базошъ, давшая Франціи народную драматическую сатиру, была запрещена (1540) и французская драма должна была возродиться въ слѣдующемъ вѣкѣ лишь въ чуждой для народа искусственной формѣ псевдо-классицизма. Самую важную заслугою Франциска можно назвать учрежденіе французской коллегіи (ок. 1530), которая оживила во Франціи филологію, и заставила даже парижскій университетъ, пережившій свою славу и завистливо смотрѣвшій на новое учрежденіе, не ограничиться доносами на еретическія лекціи профессоровъ коллегіи, но и улучшить свое преподаваніе. Притомъ Францискъ дѣйствовалъ подъ влияніемъ перваго знаменитаго французскаго филолога, Гильома Бюде (1467—1540), получившаго особенную извѣстность своимъ сочиненіемъ «объ асѣ и его раздѣленіи» (1514) и потомъ защитою гелленистовъ отъ обвиненія въ ереси (1534). Францискъ приглашалъ даже Эразма въ ново-учреждаемую коллегію, но знаменитый гуманистъ, опасаясь за свою независимость, не поѣхалъ.

Свита Карла V привезла идеи протестантизма въ Испанію, гдѣ, впрочемъ, наиболѣе вліяла мистическая сторона новаго ученія. Сочиненія Лютера, Цвингли, Меданхтона, Будера находили обширный сбытъ и въ Италіи, гдѣ въ самомъ началѣ разсматриваемой эпохи, въ Римѣ образовался кружокъ лицъ, думавшихъ о реформѣ церкви, а около 1520 г. въ Венеціи были уже ревностные послѣдователи новаго ученія.

Такимъ образомъ во всей Европѣ умы были направлены на богословскіе вопросы. Гуманистовъ укорали въ языческихъ стремленіяхъ; споръ о пресуществленіи волновалъ общество. Идеали мучениковъ за религіозныя убѣжденія вставали предъ мыслию новаго поколѣнія и влекли его изъ школъ, гдѣ профессоръ обращался къ разсудку, въ пламенные собранія сектаторовъ, гдѣ проповѣдникъ, готовый на смерть всякую минуту, говорилъ о таинствахъ, недоступныхъ уму, о вопросахъ, неразрѣшимыхъ разсудкомъ. Интересы науки

и общества, заботы о семьѣ, о согражданахъ, о мирской свободѣ казались такъ блѣдны и малы предъ вопросами вѣчнаго блаженства, религиозной обязанности. И мученики шли на костри; палачи дѣлали свое дѣло; національный и семейный союзъ былъ разрушенъ во имя вражды относительно благодати и предопредѣленія, относительно дѣйствительнаго или идеальнаго присутствія тѣла и крови во хлѣбѣ и водѣ, относительно мессы или проповѣди.

Въ то же время неудержимо и неизбежно религиозное движеніе исчерпывало само себя и доходило до конца своего содержания. Лютеръ изготавлялъ ватихивисъ (1529), оканчивалъ переводъ Библии (1534). Меланхтонъ обдѣливалъ весь цѣль лютеранскаго богословія. Молодой Кальвинъ выступалъ со своимъ «*Institutata christianaе religionis*» (1535); аугсбургское исповѣданіе (1530) заковывало лютеранизмъ въ опредѣленный догматъ. Развѣтіе въ средѣ протестантизма прекращалось. Онъ оставилъ свою основную точку исхода: свободную личную вѣру на основаніи единственнаго авторитета—Библии, чтобы придти къ общему требованію всякой господствующей церкви: къ требованію чистоты и единообразія въ догматическихъ вѣрованіяхъ отъ всѣхъ членовъ церкви. Подавленіе крестьянскаго возстанія (1525) и анабаптистовъ (1535) выдѣляло и это религиозное движеніе изъ народа. Страждущій, притѣсненный, безграмотный народъ скоро увидѣлъ, что господа пасторы, такъ горячо спорящіе о благодати и пресущесталеніи, столь же мало заботятся о ея жизненныхъ вопросахъ, какъ и епископы или монахи католицизма. Протестантизмъ съ его тонкими схоластическими теоріями остался религіей богослововъ, какъ и прочія исповѣданія. Народъ шелъ за своимъ пасторомъ, или за епископомъ, подвергался казнямъ, разоренью, лилъ кровь въ безконечныхъ религиозныхъ войнахъ, потому что энергія предводителей всегда увлекаетъ большинство; но что было общаго у крестьянина или ремесленника съ проповѣдникомъ-лютераниномъ, ругавшимъ реформата, или съ проповѣдникомъ реформатомъ, ругавшимъ лютеранина? Жизнь шла своимъ чередомъ, а религиозные споры своимъ.

Но и цивилизованное меньшинство участвовало лишь во внѣшнихъ проявленіяхъ протестантскаго движенія, а вовсе не было проникнуто религиозными стремленіями. Если протестантизмъ давалъ возможность удовлетворить средневѣковой привычѣ мысли, именно поставленію богословскихъ вопросовъ выше всего, то истинная религиозная потребность, именно потребность согласить всѣ дѣяствія жизни съ основаніями вѣры, проявлялась въ очень небольшомъ числѣ личностей, и особенно мало въ тѣхъ, которыя

стояли во главѣ самаго движенія. Мы видѣли, что за люди были Францискъ или Генрихъ, пославшіе на казнь людей, нѣсколько отклонявшихся во мнѣніяхъ отъ нихъ взгляда. Послѣдній коронованный папою (1530) римскій императоръ, Карль V, въ своихъ стремленіяхъ ко всемірному господству, представляетъ тоже весьма мало слѣдовъ религіознаго одушевленія. Какъ только папа устроилъ противъ него священную лигу (1526), онъ въ Шпейерѣ дозволяетъ слова: пусть каждый въ дѣлахъ религіи поступаетъ такъ, какъ ему кажется лучше для отвѣтственности предъ Богомъ и императоромъ. Это была первая юридическая санкція лютеранства. Послѣдній Медичи на папскомъ престолѣ, Климентъ VII, съ своими хитрыми приемами политики, лавирующей между властелинами Европы, не напоминаетъ также фанатиковъ папъ прежняго времени. Вся его оппозиціонная система, направленная противу императора, исчезаетъ, какъ только Медичи возвращены (1529) во Флоренцію, несмотря на энергическую защиту города геніальнымъ Буонаротти, сдѣлавшимся изъ художника инженеромъ. Даже въ Лютерѣ, соглашающемся на секретное двоеженство Филиппа Гессенскаго, трудно не видѣть сына времени, когда религіозные вопросы были несравненно болѣе культурными привычками, чѣмъ высшими элементами цивилизаціи; и невольно бросается въ глаза противорѣчіе между первымъ изъ знаменитыхъ тезисовъ Лютера (1517), что вся жизнь христіянина должна заключаться въ покаяніи, и не менѣе знаменитымъ его изреченіемъ: кто не любитъ женщинъ, вина и пѣсень, тотъ останется дуракомъ на всю жизнь. Религіозные вопросы были уже въ XVI-мъ вѣкѣ отголоскомъ другаго времени, и жизнь, съ ея реальными задачами, на зло главнымъ представителямъ реформаціоннаго движенія, бессознательно для нихъ самихъ, руководила ихъ несравненно болѣе, чѣмъ тѣ мистическіе девизы, которые были написаны на ихъ знаменахъ. Эти девизы, внося приврачные представленія въ исторію, могли лишь отдалить европейское общество отъ рациональнаго пути его развитія и тѣмъ увеличить страданія общества; но какъ ни громко ихъ провозгласили, на каждомъ шагѣ подъ маскою ихъ боролись интересы реальныя: экономическіе, политическіе, личные, научные, общечеловѣчскіе, а мистика оставалась лишь въ словѣ проповѣдника, въ религіозной пѣснѣ, въ схоластическихъ томахъ богословской полемики, или въ мечтѣ галлюцинатовъ, которыхъ всегда было довольно въ человѣчествѣ.

Не лишено значенія обстоятельство, что въ то самое время, когда религіозные вопросы, казалось, руководили Европой, писалъ свои сочиненія человекъ, который выставилъ самое безпе-

щадное изображеніе политическихъ идеаловъ современности, именно Николо Макіавелли († 1527). Одинъ изъ дѣятелей во Флоренціи въ недолгий періодъ ея свободы (1494—1512), онъ, съ возвращеніемъ Медичи, потерялъ всякую возможность дѣйствовать политически, и 15 лѣтъ его непроизвольнаго досуга дали Италіи нѣсколько образцовыхъ произведеній ея литературы. Безнравственность Италіи и въ особенности ея духовенства отразилась самымъ нагляднымъ образомъ въ «Мандрагорѣ» и другихъ комедіяхъ Макіавелли; но политическіе и историческіе труды его служатъ одновременно доказательствомъ гениальнаго ума автора и глубокаго разложенія національной нравственности въ его отечествѣ. Приверженецъ республики, Макіавелли былъ способенъ отнестись такъ же объективно-безучастно къ теоріи тиранніи, какъ математикъ къ своей задачѣ. Съ самой безопасной логикой представилъ онъ современнымъ государямъ тотъ идеалъ, который ихъ руководилъ, и представилъ такимъ образомъ, что никто не захотѣлъ признать его своимъ идеаломъ. Это было приведеніе къ нелѣпности теоріи тиранніи. И въ то самое время, когда Макіавелли писалъ своего «Государя» и предлагалъ изгнаннымъ и пытавшимъ его Медичи воспользоваться этою математическою выкладкою, въ то же самое время, въ своихъ «Discorsi» онъ, съ такою же послѣдовательностью, развивалъ для республики средства освободиться отъ тиранніи. Человѣкъ своего времени, онъ былъ слишкомъ уменъ, чтобы говорить о нравственныхъ обязанностяхъ людямъ, которые потеряли всякое сознаніе этихъ основныхъ обязанностей человѣка. Оттого его откровенное оставленіе въ сторонѣ всякихъ нравственныхъ требованій, его наивное и холодное описаніе ужасовъ кроваваго заговора Цезаря Борджіи и другихъ ему подобныхъ, дали произведенія, сдѣлавшія его имя нарицательнымъ и вызвавшія обширную литературу опроверженій, возраженій, порицаній и т. д., всего чаще отъ тѣхъ, кто всего охотнѣе слѣдовалъ на практикѣ выводамъ Макіавелли (напр. отъ іезуитовъ и Фридриха II). Строгіе судьи гениальнаго флорентинца должны припомнить себѣ Италію его времени, разореніе ея иноземцами, все усиливающееся господство въ ней испанцевъ, измѣну національнымъ и даже мѣстнымъ интересамъ повелю. Это была эпоха, когда можно было въ Италіи отдохнуть лишь на картинахъ Джуліо Романо (1492—1546) и Корреджіо (1492—1534). Даже комедіи и сатиры Аріосто († 1584), писанныя послѣ его «Роланда», не представляютъ ничего особенно замѣчательнаго. Искусственность Саннацаро († 1530) и манерность Верни († 1596) или дидактическіе и драматическіе опыты Руччелла († 1526) тѣмъ менѣе

можно считать интересными явлениями. Прославленная латинская поэма «Syphilidis» (1530) ученаго стихотворца-медика Фракасторо († 1553) может лишь возбудить удивленіе по странности сюжета. Впрочемъ, на сколько Макіавелли былъ неоднородъ въ своихъ теоріяхъ, видно изъ посмертныхъ «Совѣтовъ» современника Макіавелли, историка и государственнаго дѣятеля Гвиччардини († 1540), гдѣ высказываются совершенно такіа же мнѣнія, какъ и у Макіавелли, хотя съ меньшимъ талантомъ и только въ пользу монарховъ.

Если самое видное стремленіе эпохи заключалось въ возрожденіи богословскаго интереса, то нельзя сказать, чтобы рядомъ съ нимъ не видно было въ жизни обществъ и другихъ стремленій, гдѣ безусловный авторитетъ человѣческаго разума или личной мистикѣ становился выше всякой буквы. Въ этомъ направленіи, повидимому, дѣйствовала проповѣдь либертиновъ (извѣстныхъ весьма плохо, такъ-какъ они извѣстны лишь по полемическимъ сочиненіямъ ихъ врага Кальвина). Они въ концѣ двадцатыхъ годовъ XVI-го вѣка встрѣчаются въ Нидерландахъ, во Франціи, въ Женевѣ со своею проповѣдью живаго духа, въ противность мертвой буквы, съ своимъ пантеистическимъ представленіемъ повсемѣстности духа божія, съ гордымъ отрицаніемъ грѣха и обязательства общественныхъ формъ для возрожденнаго человѣка, въ которомъ грѣхъ обратился въ ничто и который поэтому равенъ Христу. Обвиненіе въ безнравственности слишкомъ постоянно падаетъ на всѣхъ еретиковъ, чтобы можно было вѣрить подобнымъ обвиненіямъ и относительно либертиновъ, а частные случаи ничего не доказываютъ. Наконецъ гуманистъ Вивесъ (1492—1540) выступилъ представителемъ новаго времени какъ въ томъ, что онъ, на основаніи болѣе здоровой педагогикѣ, требовалъ, чтобы начинали съ ближайшаго, то-есть съ доступнаго чувствамъ, такъ и въ своихъ нападеніяхъ на Аристотеля, уму котораго онъ отдавалъ полную справедливость, но требовалъ, особенно въ сочиненіи «О причинахъ порчи искусства» (1531), обращенія къ изслѣдованію природы путемъ прямаго опыта, говоря, что въ этомъ заключается настоящее послѣдованіе Аристотелю. Естественныя науки доставили извѣстность (и репутацію воддуна) учителю Агриппы Нетесгеймскаго, болѣе важному по историческимъ трудамъ, аббату Шпангейма, Іоганну Тритгейму (1482 — 1516). Онъ положилъ, можно сказать, въ новой Европѣ начало исторіи ученыхъ и церкви на основаніи критическихъ примечаній разработки матеріала!

Но несравненно характеристичнѣе для этой эпохи появленіе Царцельса или фонъ-Гогенгейма († 1541). Въ своей бурной и

безпорядочной жизни, какъ въ своемъ не менѣ бурномъ и безпорядочномъ ученіи, онъ соединялъ предвидѣнныя новаго времени съ привычками стараго. Врагъ авторитетовъ, онъ гордо ставилъ положеніе: никто не долженъ подчиняться другому, когда можетъ стоять на своихъ ногахъ, и провозглашалъ себя авторитетомъ выше арабскихъ ученыхъ и Галена, сочиненія которыхъ онъ сжегъ, какъ рассказываютъ, съ неменьшею рѣшимостью, хотя съ меньшею опасностью для себя (1527), какъ за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ Лютеръ сжегъ папскую буллу. Парацельсъ требовалъ наблюденія природы и изслѣдованія ея путемъ опыта. Онъ гордился тѣмъ, что ему свѣтитъ на его пути свѣтъ природы, а не аптечная лампочка, и говорить: «Если кто-либо хочетъ писать и учить, онъ долженъ это дѣлать на основаніи опыта. Основанія всему получаютъ не изъ головы, не по слухамъ, но изъ опыта, изъ разложенія природы и наученія ея свойствамъ». Поэтому онъ обращался чаще къ эмпиризму народныхъ повѣрій, гдѣ думалъ найти прямыя наблюденія, чѣмъ къ ученію профессоровъ въ университетахъ, гдѣ, по его словамъ, умѣли только «обрызывать деревья». Въ оппозицію какъ средневѣковымъ схоластикамъ, такъ и современнымъ ему гуманистамъ, Парацельсъ читалъ свои лекціи понѣмечки. Въ основаніе медицины онъ полагалъ химію; стремился примѣнить свойства простыхъ тѣлъ, извѣстныхъ горнымъ работникамъ и алхимикамъ, къ леченію болѣзней; а для этого отыскивалъ во всякомъ органическомъ лечебномъ средствѣ основной дѣйствующій элементъ (квинтэссенцію) и упрощалъ рецепты для дѣйствія сильными химическими средствами, въ особенности же искалъ специфическія лекарства. Но это теоретическое и практическое обращеніе къ природѣ было у Парацельса основано на самой дикой мистической наукѣ, которая носитъ характеръ средневѣковаго отсутствія критики въ самыхъ безобразныхъ формахъ. Здѣсь міросозерцаніе большинства, о которомъ мы говорили въ началѣ, магическое дѣйствіе веществъ и невидимыхъ олицетвореній силъ природы, смѣшивается съ обрывками фізіологическихъ, химическихъ и мистическихъ теорій цивилизованнаго меньшинства. Пантеистическое пространство божественной силы, архен, оживляющіе тѣла, свойства прочности (соли), вязкости (сѣры), и жидкости (ртути), тартаръ, иліастеръ и мистическія сигнатуры, каббала, требованіе добродѣтели и точный опытъ, явное хвастовство и блестящія мысли, составляютъ въ міровоззрѣніи Парацельса такой хаосъ, который позволялъ какъ современникамъ Парацельса, такъ и его позднѣйшимъ цѣнителямъ одинаково легко его ставить между гениальными представителями новаго времени, и

между самыми безобразными шарлатанами, или полоумными писателями, которые сами не понимают своих словъ. Заслуги его для техники медицины, бесспорно, нельзя ни въ какомъ случаѣ отвергнуть, что съ него начинается входить въ жизнь химическое воззрѣніе на явленія, и что подъ его вліяніемъ химія изъ лабораторіи мистическихъ изыскателей философскаго камня перешла въ область изслѣдованія металловъ, слѣдовательно, изъ орудія мечтательной философіи сдѣлалась орудіемъ науки. Трудно сказать, на сколько въ другихъ отношеніяхъ Парацельсъ способствовалъ движенію идеи новаго времени: требованія опыта на основаніи мистическихъ воззрѣній и борьба съ авторитетами при тѣхъ безобразныхъ формахъ армарочнаго шарлатанства, которое придавалъ своему ученію вѣчно пьяный *Monarcha medicorum et Mystericarum chemicorum principis*, не могло ни въ какомъ случаѣ привлечь умы къ этому направленію мысли. Парацельса называли медицинскимъ Лютеромъ; но ему не доставало именно того, что заставляло даже противниковъ уважать Лютера, именно достоинства личности и жизненнаго такта. Лютеръ умѣлъ пользоваться временемъ и господствовать надъ нимъ на столько, чтобы подавить въ значительной степени стремленія, разившіяся отъ его направленія. Парацельсъ былъ лишь отраженіемъ оппозиціоннаго духа своего времени, на сколько эта оппозиція склонялась уже къ пути прямого изслѣдованія природы и ко враждѣ со всѣми авторитетами. Эту сторону современной мысли онъ высказалъ въ своей жизни ярко, но за то и нѣсколько карикатурно.

Замѣчательно, что и Лютеръ въ спорѣ съ Эразмомъ противопоставлялъ познаніе природы и ея изученіе книжному ученію роттердамскаго гуманиста. Правда, что Лютеръ въ этомъ изученіи, подобно Парацельсу, видѣлъ первую ступень для теологій, для изученія Создателя въ созданіи. Наука слѣдующаго вѣка должна была оставить въ сторонѣ всякія цѣли, для нея постороннія, какъ бы эти цѣли ни казались высокими въ другихъ сферахъ. Оттого духовные потомки Лютера сознали, что добровольное изученіе природы еще болѣе оппозиціонно въ отношеніи къ ихъ стремленіямъ, чѣмъ къ стремленіямъ гуманистовъ.

Работы по естествознанію подвигались скромно впередъ при шумѣ релігіозной полемики и при кровавой борьбѣ политическихъ силъ. Георгъ Бауэръ или Агрикола работалъ сначала въ Богеміи (1527), потомъ уже специально въ Кемницѣ (1531), полагая основанія точной металлургіи, особенно въ ея химическихъ процессахъ, и сколько либо систематической минералогіи (по нашимъ признакамъ). Его «*Vergmaicus*» (1530) имѣло до осьми

изданій. — Между тѣмъ постройка веронской цитадели повела (1517 г.) къ открытію большаго числа ископаемыхъ раковинъ, и для добросовѣстныхъ наблюдателей (напр. медикъ Фракастеро (1483 — 1553) стало уже невозможно сомнѣніе въ томъ, что это были раковины, принадлежавшія дѣйствительнымъ животнымъ, жившимъ на этихъ самыхъ мѣстахъ. Мысль Леонардо да-Винчи, встрѣчавшаяся, какъ мы видѣли, и прежде, о поднятіи материковъ и о дѣйствиіи на нихъ воды, находила опытное подтвержденіе.

Но самыя важныя научныя работы подготовлялись въ области, гдѣ не приходилось дожидать затруднительныхъ наблюденій и производить опыты, для которыхъ не существовало еще порядочныхъ инструментовъ, именно въ области математиковъ, хотя разсматриваемая эпоха не дала ни одного первостепеннаго труда. Живописецъ Альбертъ Дюреръ издавалъ свое сочиненіе о перспективѣ (1525). Иоганъ Вернеръ († 1528) пытался подвинуть далѣе геометрію древнихъ. Но всѣ эти произведенія должны были исчезнуть предъ мировымъ блескомъ труда, о которомъ пока еще никто не зналъ, но который въ кабинетѣ фрауэнбургскаго каноника (1510) подготовлялъ болѣе сильный ударъ авторитету папъ и древнихъ авторовъ, чѣмъ вся полемика Лютера и Цвинглия противъ католицизма, или Парадельса противу Галена. Правда, что влияніе подготовляемаго съ 1510 г. (или около того) труда Николая Коперника должно было быть враждебно не только авторитету Оми Авинята, но и авторитету Лютера, такъ что, впоследствии, не только католическое духовенство Варшавы нашло нужнымъ въ 1829 г. отсутствовать на празднествѣ въ честь знаменитаго поляка, но и въ наше время пасторы лютеранства приходятъ къ убѣжденію, что для насъ міросозерданія надо, чтобы земля стояла на мѣстѣ, а солнце двигалось.

Но еще сочиненіе Коперника не появилось и вниманіе большинства было обращено на тѣ открытія, которыя представляла Европѣ незадолго узнанная новая часть свѣта. На второй годъ царствованія Карла въ Испаніи (1-го марта 1517) впервые испанскій корабль наткнулся на цивилизованную страну въ Америкѣ. Это былъ Юкатанъ. Въ слѣдующемъ году послы императора Монтезумы привѣтствовали бѣлыхъ пришельцевъ. Жажда богатствъ быстро двинула на материкъ Мексики толпы конкистадоровъ. Въ 1519 г. Фернандо Кортесъ вступалъ на почву мексиканской имперіи и въ 1521 г. имперія Монтезумы не существовала, въ то самое время, когда средневѣковыя права кортесовъ были раздавлены окончательно войскомъ Карла послѣ неудачной борьбы (1519 — 1521). Выстѣ съ извѣстіями о богат-

ствахъ, награбленныхъ испанцами, Европа узнавала о государствѣ съ особеннымъ строемъ, съ обширною культурою, съ цѣлою системою религиозныхъ мнѣній, съ исторіею, лежавшею внѣ всѣхъ европейскихъ предачій.

20-го сентября 1510 г. оставляла берега Испаніи эскадра, отправлявшаяся въ первое кругосвѣтное путешествіе. Въ ноябрѣ того же года Магалхаэсъ (Magalhaes, Магелланъ) вступилъ въ Восточный океанъ, обойдя Южную Америку, и смерть предводителя (27-го апрѣля 1521) не мѣшала единственному еще цѣлому судну эскадры вернуться въ отечество чрезъ 3 года и 14 дней по отъѣздѣ (6-го сентября 1522). Оставшіеся въ живыхъ 18 человекъ экипажа обошли земной шаръ.

Какъ только испанцы вступили на берега Восточнаго океана, они начали и тамъ свои хищническія экспедиціи. Въ 1524 г. Франсиско Пизарро является на берегахъ имперіи инковъ и въ 1533 г. послѣдній центръ туземной цивилизаціи въ Америкѣ вмѣстѣ съ столицею Перуанской имперіи былъ разрушенъ европейскими разбойниками. Подъ знаменемъ христіанской пропаганды варварство воцарилось на всемъ материкѣ Новаго Свѣта. Король испанскій и императоръ римскій могъ сказать, что въ его государствѣ солнце не закатывается.

.. Въ то же время возникало въ Индіи такъ-называемое царство великаго Могола (1525) подъ правленіемъ Мохаммеда Бабура (1483—1530) и дѣлалось новымъ центромъ мусульманской цивилизаціи, а на равнинахъ Руси подъ ударами Василя Ивановича (1505—1533) падало послѣднее сѣвернорусское народоправство, Псковъ (1510), и присоединенъ къ Москвѣ послѣдній княжескій удѣлъ (1525); типографія Скарини въ Вильнѣ выпустила первыя русскія наданія (1517); Максимъ Грекъ неутомимо боролся за распространеніе просвѣщенія (1518—1556), и, подъ правленіемъ литвянки Елены Глинской (1533—1538), первый разъ кнутъ опускался на спины русскихъ вельможъ.

ПѢСНЯ О ГАЙАВАТЪ.

ПОЭМА ЛОНГФЕЛЛО.

VI.

СВАТОВСТВО ГАЙАВАТИ.

«ТѢ, что тетива для лука,
То жь и женщина мужчинѣ:
Хоть она его сгибаетъ,
Но сама ему покорна,
Хоть она его и тинетъ,
Но сама за нимъ стремится,
И какъ тотъ, такъ и другая
Другъ безъ друга бесполезны».

Такъ съ собою Гайавата
Разсуждалъ и думалъ думу,
Съ сердцемъ полнымъ чувствъ различныхъ,
Опасеній и надежды
И желаній и томленья,
Грезя все о Миннегагѣ,
О смѣющейся той струйкѣ
Что жила въ странѣ Дакотовъ.

Наставительно Новомисъ
Убѣждала Гайавату:
«Ты себѣ невѣсту долженъ
Взять изъ нашего народа;
Не ходи, о, Гайавата,
Ни къ востоку, ни на западъ».

Дочь хорошаго сосѣда
 Очага огню подобна,
 А красавица чужая —
 Точно лунный свѣтъ или звѣздный —
 Только свѣтитъ, а не грѣетъ».

Но на это Гайавата
 Отвѣчала ей: «о, Нокомисъ,
 Свѣтъ огня весьма пріятенъ,
 Но свѣтъ лунный и свѣтъ звѣздный
 Я люблю гораздо больше».

И тогда ему Нокомисъ
 Съ видомъ строгимъ говорила:
 «Не бери, о, Гайавата,
 Въ жоны правдну дѣвчонку;
 Не вводи въ нашъ домъ лѣнивой,
 Безиолозной бѣлоручи,
 А возьми себѣ такую,
 У которой гибки пальцы,
 Сердце владѣ съ рукою ходитъ,
 Ноги движутся охотно».

Улыбаясь, Гайавата
 Отвѣчала: «Въ землѣ дакотовъ
 Есть одинъ старикъ почтенный,
 Стрѣлодѣлатель искусный;
 У него есть Миннегига
 Дочь, Смѣющаяся Струйка,
 Изъ красавицъ всѣхъ прекраснѣй.
 Я возьму ее въ вигвамъ твой,
 И она охотно будетъ
 Дѣлать всё, что ты захочешь,
 Будетъ для тебя, Нокомисъ,
 Свѣтомъ луннымъ, свѣтомъ звѣзднымъ,
 Огонькомъ твоимъ домашнимъ,
 Свѣтомъ солнца для народа!»

Но его разубѣждая,
 Снова молвила Нокомисъ:
 «Не женись на чужеземкѣ
 Изъ земли дакотовъ дикахъ:

Это злой народъ, свирѣпый,
 Мы ведемъ войну съ нимъ часто,
 Между нами были распри,
 Что еще не позабыты,
 Застарѣлыя есть раны,
 Заживленныя лишь съ виду».

Но, смѣясь, Гайавата
 Отвѣчалъ: «Ужь по этой
 По одной причинѣ долженъ
 И желаю я жениться
 На дакотянкѣ прекрасной;
 Чтобы наше племя было
 Съ этимъ племенемъ въ союзѣ,
 Чтобы старые раздоры
 Были преданы забвенью,
 И гноившіяся раны
 Залечилися на вѣки».

И пошелъ въ страну дакотовъ
 За невѣстой Гайавата
 Черезъ дуга, болота, степи,
 Нескончаемыя дебри,
 Черезъ пустыни, гдѣ царило
 Непробудное молчанье.

Въ башмакахъ своихъ волшебныхъ
 Въ каждый шагъ онъ дѣлалъ мило,
 Но ему дорога долгой,
 Очень долгой показались:
 Шагъ не могъ поспѣть за сердцемъ,
 И онъ шелъ не отдыхая
 По тѣхъ поръ, пока услышалъ
 Дальній грохотъ водопадовъ
 Водопадовъ Миннегаги *.

* Путешественникамъ и читателямъ индѣйскихъ очерковъ знакомы водопады св. Антонія въ прекрасной мѣстности, окружающей форть Сноулингъ. Между фортомъ и этими водопадами находится такъ назыв. «малые водопады» въ 40 фут. вышиною на рѣкѣ, впадающей въ Миссиссипи. Индѣйки называютъ ихъ Миннегага—т.-е. сходящаяся вода.

Вотъ стада оленей красныхъ
 Онъ увидѣлъ на опушкѣ,
 Между лѣсомъ и лугами.
 Не замѣтили олени,
 Какъ подкрался къ нимъ охотникъ;
 Луку онъ шепнулъ: «не выдай!»
 А стрѣль: «не промахнися!»
 И пустилъ ее онъ прямо
 Въ сердце робкое оленя.
 И, взваливъ его на плечи,
 Онъ опять впередъ пустился
 И спѣшилъ не отдыхая.

У дверей вигвама, молча,
 За своей сидѣлъ работой
 Стрѣлодѣлатель почтенный;
 Дѣлалъ онъ головки къ стрѣламъ,
 Острія изъ халцедона;
 Рядомъ съ нимъ сидѣла тоже
 Миннегага за работой,
 И плела она циновки
 Изъ тростинъ и травъ болотныхъ.
 Оба думали въ молчаньи,
 Онъ — о томъ что прежде было,
 А она — о томъ, что будетъ.

Думалъ онъ о дняхъ минувшихъ,
 Какъ подобными стрѣлами
 Убивалъ онъ на охотѣ
 И оленей и бизоновъ,
 Какъ однажды подстрѣлилъ онъ
 Гуса Вэву, въ лѣтъ ударивъ,
 И о войнахъ онъ думалъ,
 Что толпами приходили
 Покупать такіа стрѣлы,
 И безъ нихъ не шли сражаться.
 «Нѣтъ такихъ бойцовъ ужъ нынче,
 Не найдешь ихъ въ цѣломъ свѣтѣ;
 Намъ оружія не надо,
 Всѣ теперь мужчины стали

Точно бабы, и работать
Языкомъ однимъ горазды.

А она все размышляла
Объ охотникѣ красномъ,
Молодомъ, высокомъ, стройномъ,
Приходившемъ издалека
Запастись у нихъ стрѣлами.
Онъ сидѣлъ у нихъ въ вигвамѣ,
Отдохнувши всталъ, и долго
Послѣ медилъ у порога,
И, отправясь въ путь обратный,
Оборачивался часто.
И слыхала Миннегага
Какъ отецъ хвалилъ ей гостя,
Восхвалялъ въ немъ умъ и храбрость:
«Не придетъ ли за стрѣлами
Молодой охотникъ снова
Къ водопадамъ Миннегага?»
И, при этой мысли, праздно
Руки дѣвушки лежали
На неконченной диновѣ;
Взглядъ дакотянки прекрасной
Былъ задумчивъ и разсѣянъ.

Шумъ шаговъ прервалъ ихъ мысли,
Вѣтви лѣса зашумѣли,
И, съ пылавшими щемами,
На плечахъ неся оленя,
Вдругъ изъ лѣса показался
Гаѣавата передъ ними.

И старикъ съ своей работы
Поднял голову; стрѣлу онъ,
Не докончивъ, отодвинулъ,
Всталъ на встрѣчу Гаѣаватѣ,
Приглашалъ его въ вигвамъ свой,
Говоря: «а! Гаѣавата!
Очень радъ тебя я видѣть!»

Т. СЛXXXI. — Отд. I.

Предъ Смѣющеюся Стружкой
 Гайавата сбросилъ ногу;
 Онъ у ногъ ея оленя
 Положилъ; в Миннегага
 На него взглянула съ лаской
 И привѣтливо сказала:
 «Будь намъ гостемъ, Гайавата!»

Очень былъ вигвамъ обширенъ,
 Изъ оленьей сдѣланъ кожи,
 Поблѣенъ и занавѣски
 Размалеваны въ немъ были
 Всѣ даотскими богами.
 Входъ былъ такъ высокъ, что еле
 Гайавата наклонился,
 Чтобъ войти; едва коснулся,
 Проходя, его вершины
 Головнымъ своимъ уборомъ
 Изъ большихъ орлиныхъ перьевъ.

И Смѣющаяся Стружка,
 Отложивъ свою циновку,
 Не доконченную, встала,
 Тотчасъ сбѣгала за пищей,
 Принесла воды холодной
 Изъ ручья, и подавала
 Пищу въ глиняныхъ сосудахъ,
 Воду въ ковшикахъ изъ липы,
 Молча слушая бесѣду
 Старика-отца и гостя.

Какъ во снѣ она внимала
 Всѣмъ рассказамъ Гайаваты:
 О Нокомисъ, доброй бабкѣ,
 Что за нимъ ходила въ дѣтствѣ,
 О друзьяхъ его сердечныхъ —
 Силачѣ и музыкантѣ,
 И о счастьи, изобильн
 На землѣ его родимой,

Въ этой мирной и веселой
Сторонѣ оджибуэевъ.

И рассказъ свой Гайавата
Заключилъ такою рѣчью:
«Послѣ многихъ лѣтъ раздора,
Многихъ лѣтъ войны кровавой
Между племенемъ дакотовъ
И народомъ оджибвейскимъ,
Миръ насталъ, давно желанный.»
А потомъ прибавилъ тихо:
«Чтобы этотъ миръ былъ вѣченъ,
Чтобы крѣпче наши руки
Были сжаты, и прочнѣе
Нашъ союзъ установился,
Дочь отдай свою мнѣ въ жены,
Маннегагу, что прекраснѣй
Всѣхъ дакотинокъ прекрасныхъ».

Помолчалъ старикъ съ минуту,
Позурилъ, въ раздумьи, трубку,
Посмотрѣлъ на Гайавату,
Посмотрѣлъ на Маннегагу,
И отвѣтилъ очень важно:
«Да, когда она желаетъ.
Что ты скажешь, Миннегага?»

И еще милѣй, прекраснѣй
Показалась Маннегага
Въ ту минуту, какъ стояла
Въ нерѣшимости стыдливой,
Послѣ жь прямо къ Гайаватѣ
Подошла, съ нимъ рядомъ сѣла
И сказала, вси зардѣвшись:
«Я пойду съ тобою, мужъ мой!»

И пошелъ онъ изъ вигвама,
Взявъ Смиющуюся Сгрудку,
А старикъ одинъ остался,
У дверей вигвама, долго

Ихъ глазами провожая.
 Шли они рука съ рукою
 По лѣсамъ и по долинамъ,
 Между тѣмъ какъ издалёка
 Несся къ нимъ привѣтъ прощальный
 Водопадовъ Миннегаги:
 «Добрый путь, О Миннегага!»
 Грохотали водопады.

И старикъ осиротѣвшій
 Сѣлъ на солнцѣ, у порога,
 За свою работу снова;
 И шепталъ онъ самъ съ собою:
 «Такъ насъ дочери бросаютъ
 Тѣ, которыхъ мы такъ любимъ,
 И что насъ такъ любятъ тоже.
 Только что онѣ успѣютъ
 Научиться помогать намъ,
 Быть опорой намъ подъ старость,
 Какъ откуда ни возьмется
 Молодецъ въ красивыхъ перьяхъ:
 Онъ побродитъ по деревнѣ,
 До пошнырить, да посмотреть,
 Лучшей дѣвушкѣ вивнетъ онъ —
 И она за нимъ покорно
 Ужъ идетъ, для незнакомца
 Все на свѣтѣ оставляя!»

Весель былъ ихъ путь далекій
 По лѣсамъ и по долинамъ,
 Черезъ горы, череѣ рѣки,
 По холмамъ и по ущельямъ.
 Онъ короткимъ показался
 Гайаватѣ, хотъ и долго
 Шли они, хотъ принужденъ былъ
 Гайавата шагъ свой быстрый
 Замедлить для Миннегаги.
 Черезъ бурные потоки
 И стремительныя рѣки
 На рукахъ онъ несъ невѣсту;

И она ему казалась
 Очень легкой, точно перья
 Въ головномъ его уборѣ.
 Очищала для ней тропинку,
 Отклонила съ дороги вѣтви,
 На начлегъ неламанъ построила
 И постель изъ гибкихъ вѣтокъ
 И стеблей боллоголова,
 И развелъ огонь у входа
 Изъ сухихъ сосновыхъ шишекъ.

Перелетный вѣтеръ мчался
 Вмѣстѣ съ ними; звѣзды ночи
 Съ высоты на нихъ смотрѣли,
 И не спящими очами
 Крѣпкій сонъ ихъ сторожили.
 Притаилъ на темномъ дубѣ,
 Изъ своей засады бѣлка
 На любовниковъ глядѣла;
 Бѣлый кроликъ, ихъ завидя,
 Улепетывалъ съ тропинки
 И, въ свою забившись норку,
 И присѣвъ на заднихъ лапкахъ,
 Онъ выглядывалъ оттуда
 Любопытными глазами.
 Веселъ былъ ихъ путь далекий!
 Птицы громко, сладко пѣли
 Пѣсни счастья и веселья
 Пѣлъ овейса синепѣрный:
 «Ты счастливъ, о, Гайавата,
 Ты счастливъ такой женою!»
 Пѣлъ опечи красногрудный:
 «Ты счастлива, Миннегага,
 Гайаватой обладая!»

Съ неба солнце благосклонно
 Черезъ лѣсъ на нихъ смотрѣло
 И сказало имъ: «о, дѣти!
 Злоба — тѣнь, любовь — свѣтъ солнца
 Все есть въ жизни: свѣтъ и тѣни

Правь любовью, Гайавата!
 Мѣсяцъ тоже съ неба глянулъ,
 Ихъ шалашъ наполнилъ блескомъ,
 И шепталъ онъ имъ: «О, дѣти!
 День тревоженъ, ночь спокойна,
 Склонны властвовать мужчины,
 Жены — слабы созданыя:
 Правь терпѣньемъ, Миннегага!»

Такъ домой опять вернулся
 Гайавата съ Миннегагой
 И принесъ, какъ обѣщался,
 Свѣтъ луны, свѣтъ звѣздъ небесныхъ,
 Свѣтъ огня въ вигвамъ Нокомисъ
 И свѣтъ солнца для народа
 Изъ страны дакотовъ дальней
 Изъ страны красивыхъ женщинъ.

Д. Михаловскій.

КАЗАНСКІЙ ПРИХОДЪ.

I.

Д ѣ д ѣ .

Быль туманный зимній день; низко висѣли тучи, казалось сливались съ снѣжною пустыней. Замерзшая рѣка вся бѣлѣла; кой-гдѣ только чернѣлось на берегу безлистное дерево или избушка, ушедшая въ снѣгъ, а то все было ровно, гладко и бѣло. Старый дѣдъ сидѣлъ на склѣсечкѣ посрединѣ рѣки и ловилъ рыбу. Чуть свѣтъ онъ забрался на рѣку, прорубилъ на льду маленькія лунки, числомъ до десяти, и сѣлъ въ самой срединѣ, такъ что лунки составили около него кругъ. Въ каждую лунку онъ закинулъ удочку, лесъ же приладилъ такъ, что она тотчасъ разматывалась, какъ только попадался ѣршъ: такъ обыкновенно зимой ловятъ ершей. И было кругомъ его бѣло и тихо, и подымались снѣжные холмы по берегамъ, а сѣрыя тучи висѣли низко-низко, надъ самымъ дѣдомъ. Тишина была невозмутима; изрѣдка видѣлся порхающій въ воздухѣ снѣгъ, но такого, чтобъ шелъ хлопьями, не было. Иначе бы нельзя было дѣду видѣть тянувшійся невдалекѣ маленький уѣздный городъ съ низенькими колокольнями и прятавшимися въ снѣгъ домами, весь освѣщенный какимъ-то лиловымъ полусвѣтомъ, а дѣдъ, разумѣется, смотрѣлъ на него, потому что самъ былъ изъ этого города и различалъ, по привычкѣ, и поповскій домъ съ зеленою крышей, и домъ стряпчаго, и мало ли еще что различалъ дѣдъ, взглядывая по временамъ на городъ. Но главное вниманіе дѣда было устремлено на рыбу, и потому чуть только начинала разматываться леса, онъ тотчасъ же вставалъ и клалъ пойманнаго ерша въ особый приготовленный, заранѣе кулекъ.

А былъ онъ лѣтъ, примѣрно, шестидесяти; много на своемъ вѣку онъ прожилъ, и старость его была тиха и покойна; рыбу же ловилъ онъ и лѣтомъ и зимой, и не было даже дня, когда

бы онъ ея не ловилъ. Оттого былъ онъ и здоровъ, и свѣжъ, и короши были его сѣдые заиндѣвѣвшіе усы и брови, изъ-подъ которыхъ мягко и пріятно свѣтились сѣрые глаза; худое, смуглое лицо его было, правда, угловато, какъ и вообще вся фигура, но за то всѣ движенія были ровны, покойны и отличались, собственно говоря, большимъ тактомъ. Да и нельзя было дѣду быть безъ такта, потому что онъ много зналъ, много видѣлъ, да и съ кѣмъ онъ не былъ знакомъ? Попъ Матвей былъ ему другъ и пріятель, человѣкъ рѣдкій; страпчій его зналъ, да и секретарь магистрата, если строго судить, былъ знакомъ ему; однимъ словомъ, не было человѣка, котораго бы дѣдъ не зналъ. Не даромъ его и звали такъ: всѣмъ онъ былъ извѣстенъ и чуть не всѣхъ въ городѣ старше былъ. Да и притомъ изъ духовнаго званія былъ человѣкъ! Отецъ его былъ дьячекъ, давно впрочемъ, когда еще города не было, а была деревня и всѣ жили просто, ходили больше въ лаптяхъ, чаю не пили и ничего такого, чтó теперь завелось, не знали. Было всего двѣ церкви, кругомъ лѣса дремучіе, темные; домъ соломою крытъ, и даже никто не ужиналъ при свѣчахъ, а выходилъ въ сумерки на улицу и тихо трапезовалъ съ семьей, помолясь сначала на церковь или на востокъ, откуда уже поднималась ночная темь съ голубыми, ярко сіявшими звѣздами. За грѣхъ считалось говорить во время трапезы, и жители молча отходили, чтобы на утро встать вмѣстѣ съ солнцемъ и провести день также спокойно и ровно, не тревожась. Вотъ въ какое время воспитался еще дѣдъ! И чтó это за время было! Чтó за сады были тогда, чтó за огороды: капуста, горохъ, огурцы—всего этого полноча—полныя гряды! то-есть такое богатство было, что рай да и только. Дѣдъ помнить очень хорошо, какъ онъ караулил отцовскій садъ и спалъ въ шалаши на тепломъ чекменѣ, а подлѣ него спала большая овчарная собака, вся желтая, страшно косматая, такъ что дѣдъ въ холодныя ночи грѣлъ руки въ ея густой, тѣмной шерсти. Помнить также дѣдъ и теперь, какъ онъ забрался въ сосѣдній садъ и снялъ съ яблони чижъ, который и висѣлъ именно затѣмъ, чтобы другихъ чижей приманивать. И пѣлъ же этотъ чижъ! За то и страсти набрался дѣдъ, когда воровалъ чижъ. Темный и густой былъ сосѣдній садъ; было вдоволь въ немъ яблонь и грушъ, и вишенъ, и хозяинъ былъ заботливый; крѣпкій караулъ держалъ; пономарь онъ былъ, и много у него всякаго богатства было; доходы имѣлъ вѣрные и въ то время уже полосатый жилетъ носилъ, а пуговицы на жилетѣ имѣлъ стеклянныя и такія синія, что дѣдъ все, бывало, глядитъ на нихъ. Вотъ каковъ былъ пономарь, и трудно было своровать чижъ у такого человѣка. Но дѣдъ былъ мастеръ на все. Лѣтъ шестнадцать было ему тогда, а онъ ужъ и смѣевъ

блелъ, и въ бабки игралъ, и чижей въ западни ловилъ, а по праздникамъ въ церковь съ отцомъ ходилъ и на клиросѣ псалмы читалъ. Съ твердымъ характеромъ былъ дѣдъ еще въ молодости; когда же сталъ въ лѣта входить и приспѣло время женить его, то еще больше возмужалъ. Нибогда почти онъ не испытывалъ болѣзней, не позволялъ себѣ излишества, вино пилъ только по праздникамъ, и пища его была всегда простая, здоровая; вотъ оттого, когда онъ въ лѣта пришелъ, то сейчасъ же его женили, и дожилъ онъ до сѣдыхъ волосъ бодро и спокойно, безъ волненій, и много лѣтъ уже ловилъ удочкой рыбу, лѣтомъ на плотинѣ у мельницъ, зимой на льду, гдѣ онъ сидѣлъ, покуривая трубку, среди прорубленныхъ имъ лунокъ.

Теперь, когда мы застали дѣда на снѣгу, онъ уже былъ чело-
вѣкъ зажиточный. И сидѣлъ онъ тутъ не мало времени, потому что уже начинало смеркаться и городъ стемнѣлъ, еще плотнѣе укутался въ сѣрыя зимнія тучи, и глянули туманные, мутные огоньки изъ всѣхъ концовъ его. Приходила уже дѣду мысль, что пора домой идти, но обманывалъ его еще одинъ ершъ, разматывалъ, злодѣй, лесу, и дѣдъ весело уже принимался тащить его, но ничего не было. Досадно стало дѣду. Смотралъ онъ покамѣстъ остальные леса, а темъ становилась все гуще и гуще, тучи спускались ниже и городъ совсѣмъ спрятался въ нихъ; исзезли лиловыя очертанія его, не различалъ дѣдъ даже поповской крыши; не темнѣли на небѣ колокольни и стало все бѣло и мутно; видѣлась одна снѣжная равнина, да высокіе бѣлые холмы по сторонамъ. Дѣдъ увидѣлъ, наконецъ, что совсѣмъ темно, но ему все хотѣлось донять ерша. Наконецъ—таки попался ершъ, и дѣдъ побрелъ, опираясь на толстую суковатую палку, прямо къ городу.

Хорошая палка была у дѣда; самъ онъ ее обдѣлалъ и сучки обжегъ, чтобъ красивѣе была. Ходить онъ съ ней и днемъ и вечеромъ: днемъ на базаръ, вечеромъ куда-нибудь къ сосѣду, или бываетъ именинникъ кто. Даже на рыбную ловлю онъ беретъ съ собой палку. Въ лѣтнее время не любитъ дѣдъ сидѣть въ комнатѣ; если не ловить рыбу, то непременно на дворѣ, что-нибудь дѣлаетъ и вездѣ съ палкой. Или же въ садъ пойдетъ и тамъ, нагнувшись подъ солнцемъ, прививаетъ деревья, надрѣзываетъ ножичкомъ кору и въ ранку сажаетъ вѣтку и мочалкой обматываетъ крѣпко-на-крѣпко: такъ ужъ онъ много насадилъ и яблонь и грушъ, и съ каждымъ годомъ все прибавляетъ. Любитъ, старый, вообще всякую работу. Встаетъ всегда часовъ въ пять. Есть у него святцы, прочныя, кожанныя, съ мѣдными застежками; по нимъ-то онъ молится Богу часа по два, земные поклонны кладеть, гдѣ нужно. Любитъ онъ также всякія заутрени, всенощ-

ня, и обѣди; поць ему обыкновенно просфору давалъ по воскресеньямъ, и дѣдъ, перекрестившись и стоя, разламывалъ на части и молча, съ должнымъ благоговѣнiемъ, ѣлъ, отнюдь не чавкая. Такую религіозность дѣдъ воспиталъ въ себѣ съ дѣтства, когда еще обыкновенно читалъ на кляросѣ и замѣнялъ нерѣдко дѣльца на колокольникѣ.

Въ праздниѣ же, за чаемъ, дѣдъ занимался скворцомъ. Поставить передъ собой на столъ вѣтку и разговариваетъ.

Слова скворецъ знаетъ больше божественныя: Аминь и Богу слава, Господи помилуй, такъ что и тутъ выразилась религіозность дѣда. Выразилась она и на другихъ вещахъ: на каждой двери выжегъ дѣдъ богоулавленной свѣчкой крестъ и каждый годъ подновляетъ его въ вресенье. И разговоры онъ любитъ больше божественныя, праздниѣ охотнѣе высчитывать, посты. Немалую вообще часть времени поглощаютъ у дѣда религіозныя обязанности.

Есть недалеко отъ города роца, съ холма спустилась она къ самой рѣкѣ: тутъ-то лѣтомъ дѣдъ ловить рыбу. Приступаютъ къ самому берегу старыя сосны, тихо плескаютъ волны на ярко-желтый песокъ; есть недалеко острова зеленые, густо-поросшіе, а на той сторонѣ село видно съ веткою, деревянною цѣповью, съ флагомъ у кабака; развѣшаны тамъ на плетняхъ кувшины, горшки, иной разъ свія солдатскія штаны сохнутъ на солнцѣ; видъ вообще оживленный, и дѣдъ, закинувъ удочку, смотреть по временамъ вдаль; самъ-то онъ въ тѣни, а то все залито солнцемъ, и не мало шурится дѣдъ, стараясь разглядѣть и свія солдатскія штаны, и бабу, что нагнувшись, моетъ бѣлье; а вотъ жеребенокъ подбѣжалъ къ рѣкѣ и жадно таветь воду, встрахивая гривой. Все это видитъ дѣдъ. До позднихъ звѣздъ ловить онъ тутъ рыбу. И когда, бываеъ, подъ праздниѣ ударятъ на селѣ ко всеобщей и церковь засіяетъ огнями, то дѣдъ снимаетъ шапку и творитъ про себя молитву. И такъ при каждомъ звонѣ творитъ онъ молитву, смотря на звѣзды: и звѣзды смотрятъ на него такъ привѣтливо, и несказанный покой водворяется въ душѣ стараго дѣда. Такъ питаетъ онъ вездѣ и всегда свою благочестивую вѣру. И какъ безмятежно засыпаетъ онъ дома: не смутитъ его мысль нечестивая, не взволнуютъ глубокаго покоя земныя желанія и страсти; даже во снѣ слышатся ему тихій говоръ волнъ, видятся звѣзды и тихое мерцаніе ночнаго неба: встанетъ онъ добрый и свѣжій и опять пойдетъ ловить рыбу...

Но случись непогодъ, вѣтеръ, дождь, дѣдъ и дома найдетъ себѣ работу: вѣтку починить, черенокъ новый къ ножу придѣлать, мало ли что! Любитъ старій и думать о чемъ нибудь,

особенно въ свободное время, когда дѣлать нечего. Вотъ въ сумерки, напримѣръ, передъ чаемъ. Сидитъ на диванѣ и сейчасъ ужъ видно, что думаетъ о чемъ-то. То соображаетъ, куда бы завтра пойти рыбу ловить, то праздникъ высчитываетъ, особенно если Рождество близко или Святая. Такъ думаетъ онъ до самихъ свѣчей; при свѣчахъ же начинаетъ чай пить и рассказываетъ, о чемъ думалъ, коли случится что. А то возьметъ календарь и запишетъ что нибудь, въ родѣ того:

Рыба подъ мельницей, что на Черткахъ, не ловится, хотя въ прошломъ году на Казанскую и ловилась, подъ Маршкками же берется только на муку. Однако, пощъ Матвей хотя и ловилъ, но ничего не поймалъ. Мало у него споровки, должно быть.

Разныя у дѣда записи въ календарѣ. Важные случаи въ жизни всѣ записаны. Видно, напримѣръ, когда родился дѣдъ, когда его именны, когда женился и проч.

Есть и сентенціи философскія и практическія, напримѣръ:

Какая польза человѣку, аще міръ весь приобращаетъ, душу же своею отщепитъ?

Рождество нынче въ пятницу, въ пятницу же Новый Годъ. Всегда такъ приходится, что во что Рождество, въ то и Новый Годъ.

Купилъ вчера дровъ и сказалъ, чтобы распилли: всего-то сажень, а просить рубль. Ну, народъ!

Время нынче совѣмъ не такое, что прежде, и если кто что говорить станеть, то не вѣрь.

Кассьянъ всего одинъ разъ приходится на четыре года: вотъ что значить высокосъ!

Таковы замѣтки дѣда. Видно, что старшій не всегда надѣется на память и любитъ записать, чтобы не забыть. Одна замѣтка такъ даже и начинается:

Записать, чтобы не забыть: фунтъ гвоздей да два фунта сала. Заказать Васкѣ Косоглазому крѣпко-на-крѣпко.

Однимъ словомъ, какъ и съ какихъ сторонъ ни разсматривай дѣда, все онъ выходитъ хорошій человѣкъ. Первое дѣло старъ, а между тѣмъ бодръ и свѣжъ, хоть куда; вотторныхъ, рыбу ловить на рѣдкость; а третьихъ благочестивъ.

Многіе видѣли дѣда въ разныя минуты его жизни, въ самыя

трудна — и дѣдъ не измѣнялъ себѣ. Такъ однажды попался ему на удочку сомъ въ полтора пуда, а сколько трудовъ стоило его вытащить! Но чего нельзя сдѣлать съ характеромъ дѣда? А кто бы выучилъ чижа пѣть херувимскую, какъ не дѣдъ? А кто ловить такъ снигирей, когда они, красноробне, бѣгаютъ по сѣнгу и кричатъ, и свачуть, словно промежъ нихъ, Богъ-знаеть, что идетъ — кто ловить? А кто столько помнать, какъ дѣдъ? Какъ, напримѣръ, лѣтъ сорокъ тому назадъ попъ Матвей чуть было не утонулъ въ лужѣ пьяный? Или какъ голубятня у Федора Михеева обвалилась — еще дѣвочку пришибла? Да что говорить! Если что по городу хочешь узнать, прямо обращай къ дѣду: все расскажетъ, да еще и свое прибавитъ, старшій! И не то, чтобы совреть — нѣтъ! ужъ такъ сьумѣеть сказать, что невольно повѣришь.

Не даромъ считается дѣдъ однимъ изъ самыхъ коренныхъ и почетныхъ прихожанъ Казанской церкви; и теперь нерѣдко самъ онъ читаетъ шестопсалмие на клиросѣ, и нѣтъ человѣка, который, по своимъ отношеніямъ, стоялъ бы ближе къ отцу Матвею, главѣ Казанскаго прихода, протопопу и вмѣстѣ духовнику дѣда.

Съ другой стороны никто такъ вѣрно и правильно не цѣнитъ дѣда, какъ отецъ Матвей; качества послѣдняго служатъ какъ-бы дополненіемъ къ достоинствамъ перваго, и потому протопопъ заслуживаетъ вполне нашего вниманія, вопервыхъ, какъ духовникъ дѣда, вовторыхъ, какъ рыбоводъ, а втретьихъ, что всего важнѣе, какъ глава казанскихъ прихожанъ, которые и будутъ предметомъ предстоящихъ очерковъ.

II.

Попъ Матвей.

Какъ разъ напротивъ дѣда, близехонько къ церкви Казанской Божіей Матери, въ ветхомъ домикѣ, съ балкономъ на улицу, доживаетъ свой вѣкъ одинъ-одинехонекъ отецъ Матвей, старшій-престаршій, такъ что никто и не знаетъ, сколько ему лѣтъ. Цѣлый Окуевъ не запомнитъ такого стараго попа. Когда еще большой колоколъ лили на казанскую колокольню, такъ Матвею считали пятьдесятъ. А въ то время еще Фадеей Полуѣрзовъ былъ живъ, и только года черезъ три ужъ потомъ нашли его въ канавѣ торчмя головой. Если даже по собакамъ считать, которыхъ отецъ Матвей держалъ у себя на привязи на дворѣ, такъ и то невѣсть сколько лѣтъ выйдетъ. Одинъ какой-то Барбось жилъ у него чуть ли не двадцать лѣтъ: въ чернаго весь сѣдой

сталъ и ужъ не брехалъ подь конецъ. Да и самъ, наконецъ, отецъ Матвей сбивается въ показаніяхъ относительно лѣтъ своихъ.

— Да что, отецъ Матвей, спрашиваетъ иногда дѣдъ:— который тебѣ годъ?

— А вотъ видишь ли, начинается попь:— на Михайла десять лѣтъ, какъ я внуку выдалъ, да двадцать лѣтъ Мартынъ дьячкомъ. Коли помнишь пономаря Антона, такъ выйдетъ лѣтъ тридцать съ хвостикомъ на Демьяна. Дьяконъ Степанъ былъ. Доводился онъ Прохору Абрамову цѣловальнику свать. Прохоръ, надо тебѣ знать, померъ лѣтъ сорокъ тому въ сочельникъ. Стало теперича Грунька, дочь Прохора, вышла замужъ за Мишишку Ерзакова въ мясоѣдъ. Вотъ и считай съизнова: Грунькѣ на Миколу было бы пятьдесятъ, стало наивнъ десять, да Сидора Переёмкина на Самопалова коли помнишь—то и выйдетъ: на Ивана Богда слова двадцать, да на Сергія по осени десять, а тамъ на Прасковью мученицу пять, да на Сидора положи три что-ль... Ну, вотъ и сочти, сколько выходитъ?

Таковы смутныя показанія попа относительно лѣтъ. Дѣдъ, разумѣется, въ недоумѣніи.

— Да ты на Михайлу-то сколько считаешь? спрашиваетъ онъ.

— Ты съ Покрова начинай, а не съ Михайлы, говоритъ попь.

— Да счету все нѣту.

— Какъ нѣту? Прохора вкалъ?

— Сколько?

— Десять.

— Ну, десять.

И дѣдъ взялъ счеты и положилъ десять.

— На Миколу да подь Мартына двадцать, продолжалъ попь.

— Двадцать. И дѣдъ положилъ на счетахъ двадцать.

— Теперь Грунька выходила въ мясоѣдъ. Акакія война вкалъ?

— Сколько?

— Десять, да на Кирики-Улиты пять.

— На кости? спросилъ дѣдъ.

— На кости, отвѣчалъ попь. — На Сидора, примѣрно, восемь, да на Бориса-Глѣба три... Какъ разъ и пригнали къ Спасу. Теперь, выходитъ, набавъ пять да три скости. Скостилъ?

— Скостилъ.

— Ну, положи еще съ хвостомъ тридцать.

— Все?

— Все.

— Сколько жъ мнѣ теперь, по твоему, на Егорья?

— Сто тридцать-семь лѣтъ съ половиною, прочиталъ дѣдъ по счетамъ и съ недоумѣніемъ поглядѣлъ на попа.

Цифра оказалась несообразная. Стали власть снова. Дѣдъ, види, что хвосты и хвостики опять хватаютъ за сто, все спрашивалъ попа, не нужно-ли чего скостить.

— Клади, клади! упорствовалъ попъ.— Нечего скощать. Гони прямо къ міроносицѣ!

Но и эта попытка не удалась. Попъ все на-кости да на-кости: вогнали чуть не въ полтора года.

— Ну, старъ же ты, отецъ Матвей, не безъ пропіи сказалъ наконецъ дѣдъ и не рѣшился власть еще разъ, хотя попъ и предлагалъ снова высчитать, утверждая, что дѣдъ на міроносицѣ просчитался.

Самый домикъ попа былъ чуть-ли не старше хозяина. Проросъ сталъ онъ мохомъ кругомъ и съ каждымъ годомъ косился на-сторону. Жалобно какъ-то глядѣлъ онъ на дѣда, когда тотъ, сидя напротивъ у окна, плѣлъ сѣтку, и словно завидовалъ дѣдову домику, на которомъ, по временамъ, показывалась свѣжая дравица, либо гвоздь новый, двухтѣсный. Росла кругомъ него крапива, и торчала изъ-за нея одна его старая черная крыша, да крыльцо съ навѣсомъ въ родѣ балкона продиралось сквозь зелень и своими распатавшимися ступенями ползло къ дорожкѣ, что протоптали въ травѣ пѣшеходы.

Есть на крыльцѣ лавочки, и попъ любитъ посидѣть тутъ въ сумерки, на прохладѣ, въ своей сѣрой рясѣ, опоясанный широкимъ вышитымъ цвѣтами поясомъ. Высоко въ небѣ проглядываютъ звѣзды, и попъ, погладивъ рукою бороду, долго глядитъ вверхъ, стараясь по облакамъ или по мерцанію звѣздъ предугадать погоду. Потомъ садится на лавочку и думаетъ о чемъ-нибудь. Любо сидѣть ему на прохладѣ послѣ знойнаго лѣтнаго дня. Трава стелется у самаго балкона, окаймляя чуть желтѣющую дорогу; за рѣкой синѣетъ подернутая серебрянымъ туманомъ даль. Тихо все. Изъ-за лѣса поднимается розовый свѣтъ: то мѣсяцъ всходитъ... Въ воздухѣ пробѣгаютъ бѣлыя струи свѣта и скользятъ въ вѣтвяхъ березы, что стоятъ напротивъ, около дѣдова дома. Видитъ все это попъ, и сѣрѣе глаза его съ любовью присматриваются къ обычной картинѣ: какъ будто что новое открываютъ въ ней. Видитъ онъ, какъ церковь поднимается гдѣ-то вдаль, и неясный силуэтъ ея чуть видѣляется на темно-синемъ ночномъ небѣ; кой-гдѣ рощи, какъ черныя стѣны, тянутся на горизонтѣ; за ними-то сияетъ розовый свѣтъ, все свѣтлѣе и свѣтлѣе. Долго просидитъ попъ на крыльцѣ. Дождется онъ, пока засеребрится облака, розовый отгѣнокъ обратится въ свѣтло-голубой, и мѣсяцъ бѣлый, величавый, выплыветъ изъ-за темной стѣны... На лугу, на улицѣ потянутся длин-

ныя тѣни; озарится лицо поца, станутъ виднѣй на немъ мелкія морщинки; на полу, на балконѣ рѣзко очертятся тѣни столбиковъ; будутъ онѣ также на рясѣ поца, которая покажется оттого полосатою; сверкнутъ серебряныя капли росы на травѣ, и весь городъ, съ своими закутавшимися въ зелень домами, съ низенькими колокольнями, тихо освѣчивающими тусклой позолотой старинныхъ, покосившихся отъ времени, крестовъ своихъ, съ заборами и плетнями, унизанными хмѣлемъ, что вѣгся по тычинкамъ и зеленой бахромой свѣшивается на улицу, съ будкой, наконецъ, сторожа Прохора, который скоро задвигается около церкви, вмѣстѣ съ своею длинною, во всю улицу, тѣнью, и застучитъ въ чугунную доску, — все это тихо потонетъ въ лунномъ сіяніи ночнаго неба.

Къ этому времени выходитъ и дѣдъ съ трубкой за ворота, чтобы посидѣть на лавочкѣ, которую самъ онъ сдѣлалъ у калитки. Приходится дѣду въ тѣни сидѣть, и подслѣповатый попъ, првщурившись, различаетъ его только по огоньку, вспыхивающему въ трубкѣ.

Тутъ нерѣдко разговоръ завязывается между пріятелями черезъ улицу. Оно и понятно: время досужное; притомъ дѣдъ и попъ, какъ болѣе независимые члены прихода, обладающіе извѣстнымъ достаткомъ, всегда имѣютъ о чемъ поговорить. Особенно словоохотливъ попъ; у него всегда есть матерія, которую можно развести и обсудить. Дѣдъ такъ и выражается иной разъ: «пойти развѣ къ попу, развести матерію?»

— Жду племянника: хотѣлъ быть, началъ въ одну изъ такихъ вечернихъ бесѣдъ попъ, для котораго пріѣздъ семинариста-племянника, во время лѣтнихъ каникулъ, всегда представлялъ тему для разговора.

— Что, кончилъ курсъ? спросилъ дѣдъ.

— Да, отвѣчалъ попъ. — Мѣтитъ въ академію, ученнымъ хочетъ быть. Сколько онъ этихъ книгъ перечиталъ — страсть!

— На то наука... замѣтилъ дѣдъ.

— Сѣкли его первоначалу-то, Боже мой! Потомъ исправился.

— Пошелъ?

— Пошелъ. Шибко пошелъ съ реторикн-то. Диву дались тогда.

— Дерутъ нынче въ семинарін-то? полюбопытствовалъ дѣдъ.

— Да кто-жь тамъ, не-люди что-ль? отвѣчалъ попъ. — Само собою поруютъ. Въ мое время шибко это шло. Я самъ былъ цензоромъ.

— Оттого и народъ выходилъ, сказалъ дѣдъ.

— Ректоръ Исадоръ, тагъ партами цѣлыми парывалъ: нынче,

пригёрно, первая парта идетъ, завтра вторая, такъ до конца. Бывало, такъ и ждутъ, особливо передъ Рождествомъ. Профессора загуляютъ къ празднику, особливо Михрай Козлище да Яшка Запущивцевъ...

— Что-жь это... перебилъ дѣдъ — имена?

— Имена... Загуляютъ, говорю, къ празднику, въ классахъ пусто... ну и порютъ, чтобъ время, значить, не даромъ.

— А вѣдь что-жь, замѣтилъ дѣдъ, помолчавъ: — и хорошо. Все добру учать.

— Это такъ.

— А родителямъ утѣшеніе... продолжалъ дѣдъ.

— Еще бы! вскинулся попъ: — вздери человѣка или нѣтъ? разница.

— Не скоро высребешь! сообразилъ дѣдъ.

— Не лицо!

— Чесьба небось послѣ-то!

— Боже мой! У пономаря и теперь рубцы живы, коли ходилъ когда съ нимъ купаться. Разъѣло.

— Вишь ты наука-то!

— Да! Человѣкъ не звѣрь—какъ безъ порки? Все царство бы врозь пошло.

— Да вотъ какъ, продолжалъ попъ, помолчавъ и какъ-бы въ раздумьи, самъ съ собой: — теперь иной разъ во снѣ представится, знаешь, какъ на яву: свидашь будто штаны и сейчасъ, значить, драть тебя...

— Шибко, стало, внушали...

— То-есть, Боже мой, какъ внушали... заключилъ попъ и понохалъ табаку.

Тутъ разговоръ прератился на время, пока попъ, понюхавъ табакъ и собравшись съ мыслями, не завелъ снова рѣчь о племянникѣ, при чемъ пояснилъ, что о скоромъ прибытіи послѣдняго извѣщаетъ его отецъ Микита. Письма попа Микиты шли изъ губерніи и потому служили отцу Матвеемъ чѣмъ-то въ родѣ газетъ; дѣдъ же вообще всему, что пишутъ или говорятъ въ губерніи (подъ этимъ именемъ въ уѣздахъ разумѣютъ обыкновенно губернской городъ), придавалъ не малое значеніе, ибо самъ бывалъ нерѣдко въ губерніи и по дѣламъ, и такъ по оказіи, стало немудрено, что онъ, какъ человѣкъ свѣдущій, немало заинтересовался, когда попъ Матвей упомянулъ о письмѣ Микиты и сталъ понемногу передавать его содержаніе. Говоримъ понемногу, ибо попъ Матвей, какъ человѣкъ, рассказывающій нѣчто весьма любопытное, часто и какъ бы съ намѣреніемъ прерывалъ

свой рассказъ молчаніемъ, стараясь чрезъ то еще болѣе заинтересовать слушателя.

— Благодареніе Богу, пишетъ Мивита, передавалъ, между прочимъ, пощъ Матвей:—построились: флигель да сарай. Комета у нихъ тоже новая, съ хвостомъ. Не пишетъ, что означаетъ. Видно, еще и тамъ не знаютъ.

— Здоровъ самъ Мивита-то? спросилъ дѣдъ.

— Переносицу зашибъ, такъ пишетъ, саломъ смазываетъ.

— Есть отъ одного древа сокъ... началъ дѣдъ.

— А водку они тамъ въ пять вогнали, перебилъ пощъ.

— Серебра?

— Серебра. Хошь вовсе не пей, говорить. Меринъ соврасный тоже палъ. Шибко жалуется Мивита-то. Да это все еще туда-сюда... Ты суди, во что они водку вогнали?

— Притча.

— Суди, во что теперь полштофъ-то?

Молчаніе.

— Свадебъ нѣту.

— Съ чего такъ?

— Не годъ, стало-быть.

Молчаніе.

— А впрочемъ, все тихо, замѣтилъ пощъ.

Дѣдъ въ отвѣтъ на это крякнулъ.

— Моръ на скотъ, продолжалъ пощъ.

— Гизъ, протянулъ дѣдъ.

— Войны, благодареніе Богу, не будетъ, пишетъ Мивита, а по городу грабежъ.

— А перемиръ нѣту? спросилъ дѣдъ.

— Перемиръ нѣту.

Послѣ описаннаго нами разговора, пощъ Матвей, въ теченіе, по крайней мѣрѣ, недѣли, бесѣдуя по вечерамъ съ дѣдомъ, обращался по тому или другому поводу къ письму отца Мивиты. Либо припоминалъ какое обстоятельство, которое забылъ сообщить дѣду, въ родѣ того, что Мивита новые сапоги заказалъ да расу старую передѣлалъ; либо же еще разъ обсуждалъ губернскія новости.

— А кто-то, вишь, написалъ въ газетѣ, припомнилъ разъ пощъ, бесѣдуя съ дѣдомъ:—что русскіе тѣ же татаре.

— Ну?

— Ну, такъ велѣно, вишь, выдрать писаку-то.

— Жидъ написалъ, сообразилъ дѣдъ.

— Нѣтъ, съ увѣренностью отвѣчалъ пощъ:—жида за это погвѣсятъ.

— Ну, стало, прохвость какой-нибудь.

— Это такъ, подтвердилъ попъ:—изъ нашихъ же прохвость.

— А то нѣмецъ? сообразилъ дѣдъ.

— Нѣмецъ этихъ страсть теперь сколько! пишетъ Микита.

— Что такъ? спросилъ дѣдъ.

— Такъ, сказалъ попъ:—нельзя намъ безъ нѣмца.

— Ишь! замѣтилъ дѣдъ.—Стало, ему житье у насъ?

— Еще бы! Отчего жъ они оттелева-то бѣгутъ? Дѣла-то у нихъ хоть брось, а у насъ почетъ. Хлѣбъ-соль, милости просимъ. Всякая дрянь потому къ намъ и лѣзеть.

— То-то вотъ, сказалъ дѣдъ:—нашъ братъ все это больше въ рыло наровить.

— Такъ. А нѣмецъ нѣтъ. Нѣмца ты, примѣрно, хошь бей, хошь плюй на него, хошь его огадь, онъ все тебѣ спасибо, все спасибо. Оттого ему ходъ.

— А намъ шашъ.

— А намъ шишъ, повторилъ попъ.—Теперь, говорятъ, какое ни на есть царство большое—вездѣ нѣмецъ требуется. И вездѣ, вишь, чуть мало-мальски,—такъ и запускаютъ нѣмцевъ... А они плодущи, прахъ ихъ побери, уходу тоже не требуютъ; разведутся—страсти! что твои тараканы...

— А все нѣмецъ легче, продолжалъ онъ въ раздумьи:—хуже нѣтъ, какъ свой же братъ начнетъ тебя ѣсть. Пишетъ Микита-то, секретарь у нихъ теперь въ консисторіи: звѣрь, а не человѣкъ. Сколько онъ теперича этихъ поповъ заѣлъ, дьяконовъ: по селамъ-то вой, хошь давись. Несутъ, несутъ, вишь, ему, чтобъ глотку-то поганую заткнуть—все мало. То-есть хуже нѣтъ, какъ нашъ же братъ тебя ѣсть.

Затѣмъ о. Матвей началъ рассказывать о каедральномъ (т.-е. протопопѣ), который на дняхъ побожился-было съѣсть Микиту безиремѣнно, и Микита ужъ угодника хотѣлъ поднимать, да каедральный набросился, вишь, на другаго, такъ Микиту покаместъ оставилъ. И ѣсть теперь онъ, каедральный, поѣдомъ ѣсть отца Пафнутія, котораго, надо полагать, и сшибетъ безиремѣнно. Изъ словъ Микиты оказывалось, что каедральный чуть ли не больше звѣрь, чѣмъ секретарь. «Потому, объяснялъ Матвей:—что каедральный самъ-то изъ грязи, стало, теперь и наверстываетъ».

— То есть, хуже нѣтъ звѣря на свѣтѣ, какъ человѣкъ, заключилъ онъ.

— Ну, понятно, замѣтилъ дѣдъ на это и всталъ.— Никакъ пора, продолжалъ онъ:—заговорились мы съ тобой.

Попъ тоже всталъ.

— Завтра подь Маришки, что-ль? спросилъ онъ.

— Подь Маришки.

— Ну, до завтра. Коли припомню что еще, расскажу.

— У насъ бы такъ-то воду-то не вогнали? спросилъ въ свою очередь дѣдъ.

— Помилуй Богъ, отвѣчалъ попъ. — Милитѣ-то вотъ теперь бы молиться да радоваться, а тутъ воду-то какъ вогнали — и охаетъ.

На завтра чуть свѣтъ, они отправились подь Маришки. Вообще, отецъ Матвей и дѣдъ рѣдко когда разлучаются. То подь Маришками или подь Чертвами рыбу ловятъ вмѣстѣ, то бесѣдуютъ вечеромъ на улицѣ; иной же разъ попъ самъ приходитъ къ дѣду, и наоборотъ: дѣдъ къ попу. Интересы промежъ нихъ всегда есть. Такъ дѣдъ иногда праздникъ какой запомнеть, или пожелаеть узнать, когда Пасха, а то, бываеть, спроситъ, какое зачало въ евангеліи на такого-то святого; по писанію тоже вопросы спорные случаются—все это разъясняетъ дѣду попъ Матвей. Послѣдній, въ свою очередь, нерѣдко совѣтуется съ сосѣдомъ въ хозяйственномъ отношеніи. Чуть замѣтитъ какую плаху у себя на дворѣ, либо доску — сейчасъ къ дѣду. Починна въ домѣ требуется — тоже. Садами же дѣдъ и попъ шеголяютъ другъ передъ другомъ. Только у перваго больше фруктовое дерево: вишень, малины — вронасть; у попа же садъ густой, темный: все липа да береза, вѣтви сплелись сводомъ; съ трудомъ пробивается кой-гдѣ солнце; воздухъ въ аллеяхъ прохладный, смолистый; свамейни дубовы по сторонамъ; любо попу прохаживаться тутъ въ жаркій полдень; но за то плодовъ онъ не собираеть никакихъ. Дѣдъ же не только собираеть, но и продаетъ. Вообще у попа вездѣ порядокъ, чистота; въ домѣ у него все «по чину», какъ онъ самъ выражался: на полу ни соринки; часы съ кукушкой, портреты архіереевъ на стѣнахъ; потолокъ расписанъ цвѣтами, кунидонами. Старинные стулья съ высокими спинками, зеркала съ бронзовыми украшеніями, потуснѣвшими отъ времени, полка съ книгами въ кожаныхъ переплетяхъ съ мѣдными застѣжками, кропильница на полкѣ рядомъ съ просвирой, завезенной гдѣтъ десять тому изъ Кіева, образа съ зажженными лампадами, съ воткнутою сзади вербою, вѣнокъ отъ прошлогодняго тропіина дня — такова была обстановка отца Матвея, если прибавить еще большаго сибирскаго кота, которому, по словамъ попа, на прошлаго Михаила Архангела чуть ли не двадцать стукнуло. Совѣтъ не то у дѣда. Въ саду аллея почти нѣтъ; солнце тамъ и сямъ; воробьи чириваютъ; небо не ключами свѣтеть, какъ у попа, а такъ все висеть

громаднымъ синимъ куполомъ; въ добавокъ, клѣтки развѣшаны по вѣтвямъ, западни... За то, если нѣтъ тѣни, такъ другое угодые: сѣтями покрыты яблони, вишни; видно, какъ наливаются и арѣютъ ягода; вьется хмѣль по плетню, но тичинамъ; огромное чучело, въ зимней дѣдовой шапкѣ, стоитъ надъ горохомъ, отпугивая воробьевъ. Изъ всего дѣдъ извлечетъ пользу. Ромашку даже соберетъ и высушитъ, и продасть при случаѣ; а не продасть — самъ напьется когда зимою, коли поясница шибко заломить, а то и такъ, отъ нездоровья вообще. Такое практическое направленіе дѣда еще болѣе отражалось на внутренней домашней обстановкѣ. Какъ у попа все было чисто убрано и «по чину», такъ у дѣда, напротивъ, все въ комнатѣ выражало аенстоющую изобрѣтательность и разностороннюю дѣятельность хозяина. По стѣнамъ развѣшаны были клѣтки, которыя дѣдъ самъ строилъ; чижы, жаворонки наполнили комнаты немолчнымъ чирканьемъ, урчаньемъ, свистомъ; мухи звенѣли въ окнахъ, на полу разстилались сѣти... Сору было вродать; по угламъ виднѣлись начатныя клѣтки; со стѣнъ, съ потолка, однимъ словомъ стовсюду торчали гвоздики, вродки, зацѣпы разные; все это уѣшано было сѣтями, отчего солнце, попадая въ полдень въ окна, рисовало самыя прихотливыя узоры на полу и на стѣнахъ. При всемъ видимомъ безпорядкѣ, дѣдъ, однако, хорошо помнилъ каждый гвоздикъ, зналъ, на которомъ мѣстѣ сушились, напримѣръ, штаны, гдѣ виситъ мѣшочекъ съ наживой для рыбы, и проч. На столѣ и окнахъ лежали инструменты разные: шило, рубанокъ, дратва. Тутъ же валялись точеные столбики отъ клѣтокъ, шинечки разные, иной разъ гайка отъ самовара, половина подковы, горлышко отъ бутылки, пробка, какаа-нибудь жестяная полоска, которой въ свое время дѣдъ ужъ непременно дастъ извѣстное употребленіе. Но главное неудобство для посторонняго посѣтителя представляли маленькіе гвоздики на полу для растягиванія сѣтей: самъ же дѣдъ такъ хорошо помнитъ каждый гвоздикъ, что подобно фокуснику, идущему по янцамъ съ замканными глазами, могъ даже ночью найти въ своей рабочей какую угодно вещь не споткнувшись. Удивительно также, какъ дѣдъ умѣлъ всему дать смыслъ и значеніе. Ничто не пропадало у него. Несмотря на то, что стѣны были уѣшаны вѣтвямъ, что только можно было вбить или повѣсить, онъ все-таки находилъ мѣсто прилѣпить какую-нибудь барнаю съ конфекты, или же просто билетикъ съ двустышемъ, въ родѣ: «Бомсъ, брусничная вода мнѣ не надѣлала бѣ вреда». Особенно украшались этимъ окна: тутъ былъ и клочекъ цвѣтной бумаги, и орелъ съ табачнаго картуза, аккуратно вырѣзанный; даже кусо-

чекъ воску съ прилѣпленной къ нему шелковинкой, пестрый снурокъ съ аптекарской склянки, нѣсколько бумажныхъ кружковъ съ помадныхъ банокъ, съ надписью «Альфонсъ Ралле», потускнѣвшіе ключи когда-то золотого бордюра, картинка изъ дѣтской азбуки на букву В, и съ подписью «Ваня», наконецъ, тамъ и самъ воткнуты булавки, иголки, и проч. и проч. Однимъ словомъ, самую оживленную картину представляла комната дѣда. Да и самъ онъ, сидѣвшій согнувшись на стулѣ у окна, среди окружавшаго его хлама, съ мѣдными очками на носу, иногда на лбу, не мало способствовалъ общему впечатлѣнію. Онъ влился лесу, либо сѣть чинилъ, а то клѣтку отдѣлывалъ: самъ точилъ столбикъ, самъ полировалъ, и самъ же клалъ все это на окна, на солнце, чтобы высохло хорошенько. По временамъ же посвятивалъ въ дудочку, если замѣчалъ, что птицы переставали пѣть. На поясѣ у дѣда, надо замѣтить, тоже висѣли крючки разные, мѣшочки, ключи, дудочки костяныя и деревянныя, въ которыхъ по временамъ онъ посвятивалъ. Самая длинная изъ нихъ называлась свиристѣлкой и употреблялась въ крайнихъ случаяхъ, именно, когда чижи и прочая мелкота, что сидѣла кругомъ въ клѣткахъ, слишкомъ уже свѣла отъ жару и упорно молчала, несмотря на общія средства, употребляемыя въ такихъ случаяхъ дѣдомъ. Средства эти были: ножъ съ вилокъ, дудочка съ однимъ свистомъ, костяная дудочка въ два свиста и съ какимъ-то еще, по выраженію дѣда, прѣсвистомъ; затѣмъ, деревянная дудка съ переборомъ; кромѣ того, обыкновенный свистъ рта, раздѣлявшійся на свистъ въ полпальца, и свистъ въ полтора пальца, тоже съ прѣсвистомъ; къ крайнимъ средствамъ принадлежали: свиристѣлка и пищалка. Употребленныя вмѣстѣ, онѣ производили удивительное дѣйствіе. Не даромъ дѣдъ называлъ пищалку самограемъ. Какъ бы ни осовѣли птицы, при звукахъ ея тотчасъ же начинали уже не пѣть, а, такъ сказать, орать во все горло. Свирецъ поминутно повторялъ: «Аминь и Богу слава!»; чижи тянулъ Херувимскую; кака-то птичка, въ родѣ овсянки, выдѣлывала: «И ко Господу»; даже снегирь надувался что-то спѣть, да, къ сожалѣнію, ничего не выходило; однимъ словомъ, шумъ, гамъ были несказанные. Впоследствии, дѣдъ еще болѣе усовершенствовалъ систему дудочекъ, прибавивъ двѣ новыя подъ нумерами: Большая сопель № 1, и Малая сопель № 2. Обѣ повисли на поясѣ. Можно судить, каково было ихъ дѣйствіе вмѣстѣ съ пищалкой и свиристѣлкой. Не мало дивился попъ, пробуя то ту, то другую сопель.

— Чтѣ въ ней особаго? спросилъ онъ, вынимая изо рта второй номеръ.

— А видишь ли, отвѣчалъ дѣдъ: — свистъ-то въ ней словно съ насморкомъ.

Такова была изобрѣтательность дѣда. Оттого и обстановка была хлопотливая, дѣятельная; войдешь въ комнату, словно все воочію совершается; видишь, какъ кипитъ работа, поспѣваютъ клѣтки, сѣти новыя плетутся, лугъ въ горшкѣ прозабавать... Не то у попа. Тамъ размѣры сравнительно грандіознѣе; тишина въ комнатахъ невозмутимая, запахъ нѣсколько затхлый, съ примѣсю ладона, напоминающій отчасти ризницу: не услышишь тутъ ни дудки, ни дудочки, прокукують развѣ часы, да котъ перескочитъ со стула на диванъ. Погъ тоже иной разъ вздохнетъ, сяди у окна, въ сумерки, или постучать пальцами по столу, а то и скажетъ что-нибудь, когда мысль придетъ.

Тутъ кстати сказать о времяпровожденіи попа, въ случаѣ, если онъ остается одинъ. А это нерѣдко бываетъ, особливо осенью, когда рано начинаются сумерки и долго посвѣчиваютъ своей блѣдной, чуть теплящейся зарей. Въ вечернемъ воздухѣ холодно и ясно; предметы видѣются рѣзко, не такъ, какъ лѣтомъ, когда они, кажется, тонуть въ поминутно измѣняющихся тѣняхъ гаснущаго неба. За рѣкой желтѣетъ лѣсъ, что былъ недавно еще зеленый и густой, и стались золотыя нивы у опушки его; а теперь, на мѣсто ихъ, голыя озими, торчатъ шалашъ, прежде прятаннѣе въ зелени, да ближе, у самой почти рѣки, избѣнка мельника Прохора, охваченная послѣдними лучами солнца, кажется словно въ огнѣ вся: самъ Прохоръ въ соломенной шляпѣ, сяди на бревнѣ у завалинки, доплетаешь лапоть, а дѣвчонка его, Ганья, обвила ручонками желтую овчарную собаку, и карабкается сѣсть на нее верхомъ... Все это видно бываетъ попу изъ окна, у котораго онъ любитъ сидѣть; нагъво же, немного наискось черезъ дорогу, является дѣдъ въ окнѣ, тоже охваченный солнцемъ: стругаетъ что-то, сибшитъ, видно, кончить засвѣтло; мѣдныя очки блестятъ, во рту дратва: выстругалъ и вертитъ что-то буравомъ старикъ, приподнялся даже; и вотъ уже прикидываетъ на свѣтъ дырку, что буравомъ сдѣлалъ, продуваетъ... Слѣдитъ погъ. Продулъ дѣдъ дырку, сѣлъ, свистнулъ въ дудочку.

«И суетливъ же старикъ!» думаетъ погъ.

Но погасло окно у дѣда. Вышелъ дячокъ Мартынъ на улицу. Вышелъ и сталъ на крылечкѣ: бороду поглаживаетъ.

«Должнѣ, трезвъ», думаетъ погъ.

Вечеръ темнѣетъ все больше и больше. Выступаютъ кой-гдѣ звѣзды. Мартынъ смотритъ вверхъ на небо.

— Тоже на звѣзды глядитъ, говорить попъ. — И чтó онъ тамъ видитъ, желательно знать?

Мартынъ сплюнулъ и сѣлъ.

— Вотъ такъ-то! насмѣшливо сказалъ попъ. — Сущій пѣсь!

Мартынъ, дѣйствительно, за пьянство и за бушеваніе, извѣстенъ былъ во всей улицѣ подъ именемъ пса.

Высказавъ свое замѣчаніе о Мартынѣ; попъ начинаетъ постукивать пальцами.

По мѣрѣ того, какъ темнѣетъ на улицѣ, въ комнатѣ отца Матвея свѣтъ отъ лампы становится ярче: портреты выступаютъ изъ мрака, поблескиваетъ позолота на зеркалахъ, цвѣты и купидоны, чтó ближе къ образу, становятся виднѣе.

Попъ все сидитъ у окна, постукиваетъ пальцами и думаетъ по временамъ. Мысли свои онъ больше вслухъ высказываетъ. Нельзя сказать, чтобы въ нихъ замѣчался строгій порядокъ: свободно текутъ мысли у отца Матвея, смотря по тому, какъ и чтó приходитъ ему въ голову. Иногда являются онѣ въ формѣ замѣчаній, или соображеній, и всегда сопровождаются паузами, болѣе или менѣе продолжительными.

«Хорошая насѣдка у пономаря», думаетъ, напримѣръ, попъ, постукивая пальцами.

Тутъ слѣдуетъ молчаніе, ибо нельзя такъ, чтобы сразу же и другая мысль пришла. Погода мало, попъ продолжаетъ:

— Мартынъ развелъ-было цесарокъ, да не пошли отчего-то. Пауза.

— Вотъ гусинныя яйца, такъ очень велики. Мартынъ сказывалъ, что ѣлъ.

Тутъ попа беретъ сомнѣніе, дѣйствительно ли Мартынъ ѣлъ.

— Да чего! говорить онъ, какъ бы сообразивъ: — онъ, поди, и воробьиныя ѣралъ.

Въ окнѣ у дѣда блеснулъ свѣтъ.

— Э! говорить попъ, совсѣмъ уже вслухъ: — сосѣдъ никакъ свѣчку зажегъ. Нѣтъ, потухло. Должно, трубку закуривалъ.

Пауза.

— Съ чего это табакъ жгутъ?

Затѣмъ, опять про себя:

— А скоро, должно, заморозки пойдутъ. То и дѣло въ синнѣ свербить.

И попъ постукиваетъ пальцами.

— Выпить чайку развѣ?

Громкая зѣвота; попъ креститъ себѣ ротъ три раза и оглядываетъ сапоги.

— Э, эхъ-ма! говоритъ онъ довольно громко: — къ непогодѣ моволь-то ноеть.

И затѣмъ смотритъ въ окно.

— Никакъ это Аксютка колесомъ ходитъ. Вишь, вишь!... (попъ привсталъ). Онъ и есть. А вонъ и Мартынь. Должно, смотреть тоже.

Мартынь, дѣйствительно, стоитъ на крыльцѣ, заложивши пальцы въ жилетные карманы, и пристально слѣдитъ за Аксюткой.

Поглядѣвши, какъ Аксютка ходитъ колесомъ, попъ опять садится и, немного погода, вздыхая, восклицаетъ:

— О-охъ! Божье-то дѣло куды велико!

Пауза.

— Такъ оно все! говоритъ какъ бы въ заключеніе попъ. — И не увидишь, какъ проживешь.

Тутъ опять мысли прерываются. Опять отецъ Матвей стучитъ по столу. Изрѣдка вздыхаетъ и произноситъ что-то въ родѣ хе-хе-хе...

— А чтò, какъ бы спохватившись говоритъ онъ: — когда у насъ высокосъ-то?

И идетъ къ календарю, чтò виситъ на стѣнѣ, смотрѣтъ, когда высокосъ.

Трудно разглядѣтъ что-нибудь на листѣ, именуемомъ календаремъ. Календарь, надо замѣтить, *отъчмий*, и мухи до того испестрили его, что всѣ краски, означавшія праздники большіе и малые, смѣшались: дѣдъ чуть-было не потерялъ глаза, отыскивая разъ Агима на 1903-й годъ. (Благочинному Агиму было уже въ то время за 80, но все-таки понадобилось зачѣмъ-то узнать, во что онъ будетъ именинникъ въ 1903 г.). Не малую возню доставляетъ календарь попу. Двѣ свѣчи зажигаетъ, двое очковъ надѣваетъ иной разъ отецъ Матвей, чтобъ отыскать новый годъ, не говоря уже объ Агимѣ, либо о Фодотѣ...

Вечернія занятія пона ббльшую частію начинаются съ календаря. Зажигается свѣча, отыскивается чернильница съ перомъ, и высокосъ, напимѣръ, либо что другое, вносится для памяти въ особую тетрадку. Подобно дѣду, попъ имѣетъ обычай записывать все, чтò, по его мнѣнію, заслуживаетъ вниманія. Для этого существуетъ особая тетрадь изъ плотной сѣрой бумаги, довольно толстая; только попъ не записываетъ все безъ разбора, какъ дѣдъ, а довольствуется извѣстными замѣтками касательно домашнего хозяйства или медицины. Большая часть тетради наполнена рецептами, переданными отъ вѣрныхъ людей, въ разныя времена. По вечерамъ, отецъ Матвей почти всегда зани-

мается тетрадой, перечитываетъ старое, новое вписываетъ. По множеству рецептовъ, тетрадь скорѣе можно назвать лечебникомъ, хотя самъ отецъ Матвей во всю жизнь ничѣмъ не лечился, кромѣ ромашки да муравьиного спирта. Былъ еще у него настой особаго свойства, на какихъ-то кореньяхъ, по рецепту изъ тетради: и дѣдъ и попъ часто прибѣгали къ нему.

— Ну-ка, снарядцу-то разрывнаго! говорилъ дѣдъ.

И удивительное дѣйствіе имѣлъ снарядъ. Слабить начнетъ — снарядъ, обратно — опять снарядъ; кашель, ломъ въ спинѣ, тоска подъ ложечкой, вывихъ незначительный — все снарядъ; даже если мозоль сильно занеетъ, попъ и тутъ настоємъ лечится. Однимъ словомъ, все какъ рукой снимаетъ. Помогаетъ отъ усталости, отъ большой ходьбы, хорошъ на похмѣлье; многолѣтнимъ опытомъ дѣдъ и попъ убѣдились, что нѣтъ такой болѣзни, которой бы не вылечилъ снарядъ. Да и чего только нѣтъ въ немъ! Перець, ромашка, дурманъ, почечуй-листь, разрывъ-корень (названія, обозначенныя въ тетради), да еще штукъ пять-шесть: все это двѣнадцать днѣй стоитъ на водкѣ, въ теплѣ, — можно судить, какова сила! Да и вообще всѣ рецепты, по которымъ у попа Матвея лечится чуть не полприхода, довольно сильны, сколько можно судить по нѣкоторымъ ингредиентамъ, каковы, напримеръ, порохъ, хмѣль, япсисъ-камень, коровій помѣгъ, дѣготъ и проч. Есть также средства, основанныя на симпатіи, наговорѣ; есть слова извѣстныя, сохранившіяся будто бы отъ языка, на которомъ Адамъ говорилъ въ раю, и т. п. Много также зелий разныхъ, каковы: бабье зелье, самодурное зелье, зелье, чтобъ мужа женъ не били, особня зелья, чтобъ начальникъ былъ ласковъ, чтобъ большой человѣкъ не обидѣлъ, чтобъ чортъ не обошелъ, чтобъ чинъ большой дали. Для образчика приведемъ нѣкоторые рецепты:

Отъ лихорадки. Возьми возяго пуху (лучше ежели отъ козла), обмочи въ масло простое деревянное и приложи къ пупу: ежели будетъ жечь, мочи водой. Лихорадка пройдетъ въ одинъ день, какъ не бывало.

Отъ запоя. Намеси отрубей и смажь коровьимъ каломъ; вложи въ рюмку по ложкѣ передъ тѣмъ, какъ пить. Повторять сіе два раза и болѣе. При семъ ставить свѣчку св. чудотворцу Николаю черезъ день.

Нѣкоторые рецепты носятъ названія секретовъ. Таковъ:

Секретъ отъ тайной болѣзни. Возьми шелкъ сирецъ, намотай на коровій хвостъ и держи девять днѣй; все сіе вслипяти въ чистой водѣ до трехъ разъ и съѣшь часть натопака передъ обѣдней; ежели не пройдетъ, то поиди къ колодцу, стань подъ

вѣтеръ и скажи такъ: *колодезь, колодезь, возьми мою болѣсть; у хвоста коровья много здоровья.* Въ ту же минуту станешь здоровъ, а на утро поставь свѣчку Полиевиту Мученику. Сказывалъ Сидоръ Перепойкинъ изъ села Самопрядова.

Секретъ, чтобы водились куры. Возьми насѣдку и обнеси кругомъ избы; стань къ солнцу и говори такъ:

Разродись, гуриное отродье,
Батюшкѣ на угоды,
Матушкѣ на подспорье,
Мнѣ на здоровье.

куръ въ ту же весну народится гибель.

Иныя замѣтки не носятъ никакого заглавія. Просто, напримѣръ, говорятся:

«Ежели зимой на дорогѣ упадетъ блудъ, то дунь на вѣтеръ и скажи три раза: *зачаль-почаль-много ворочаль; обернись, воротись, напередъ задомъ стань.*»

Любопытна слѣдующая замѣтка, помѣщенная въ числѣ землѣй:

«Ежели зашумитъ генераль и учнетъ тебя ругать, то, сотворивъ про себя молитву, прочитай про себя же «Взбранную». Генераль укроится и въ скорости станетъ къ тебѣ милостивъ».

Въ тетради встрѣчаются также замѣчательныя изреченія, выписки изъ книгъ. Напримѣръ:

«Есть на землѣ три пупа: Москва, Константинь-градъ да Ерусалимъ.— Выписано изъ книги въ бытность у поча Мавиты, ея же заглавіе такъ: «Краткое Всемирное Позорище или Малый Оеатронъ, къ споспѣшествованію російскаго юношества раченіемъ всего духовнаго московской академіи чина купно изданный согласно Православной Каколической Церкви и св. отцовъ, на пользу и поученіе».

Таково вообще содержаніе тетради. Дѣдъ нерѣдко дѣлаетъ изъ нея выписки, ибо въ ней встрѣчаются рецепты, касающіеся леченія птицъ.

— Ну, вотъ никакъ и день прошелъ, говоритъ понъ, перелистовавъ тетрадь, и смотритъ на часы. Затѣмъ выпиваетъ настойки, трапезуетъ по обычаю, и, сотворивъ молитву, отправляется на покой.

— Знать Матвей-то лѣгъ, говоритъ въ то же время дѣдъ, поглядѣвъ въ окно. — Стало пора: онъ по часамъ ложится! И, сотворивъ молитву, тоже отходить ко сну.

Такъ тихо и мирно живутъ наши знакомцы. Да и нельзя имъ жить иначе. Тутъ они выросли, тутъ поженились, и сами себя

не отдѣлять отъ почвы. Они вполне автохтоны. Поля, сады, поросшая травой улица, церковь подлѣ — все это видѣло попа и дѣда тогда еще, когда ннѣшніе старики бѣгали босе ребятишками. Въ глазахъ попа и дѣда все, кажется, имѣетъ смыслъ. Вотъ, напримѣръ, береза въ церковномъ саду у забора: она была когда-то тонкая, жидкая — теперь же какую длинную тѣнь бросаетъ на дорогу, когда заходитъ солнце! А колоколь церковный? Больше полсотни разъ слышали старики наши ночной благовѣсть его во время Свѣтлаго дня. Самъ дѣдъ когда-то былъ мастеръ звонить и въ молодости ходилъ объ святой на колокольню. Теперь старшій не сможетъ уже взойти туда, да и охоты нѣтъ. А весело тамъ. Далеко видно поле; въ свѣтломъ туманѣ весенняго дня покойно тонетъ глазъ, лиловыя облака по краямъ, и вѣтеръ свѣжій, здоровый обдаетъ лицо. Бѣжить по колоколамъ вѣтеръ и слышится гулъ отъ нихъ; а то вдругъ станеть тихо все на мигу: только постукиваетъ капель, тихо падая сверху. Иной разъ донесется съ поля звонкая пѣсня жаворонка: звенить и льется, какъ серебро...

Съ малолѣтства, какъ истыхъ дѣтей своихъ, убавкивала стариковъ нашихъ природа, да и теперь относится къ нимъ ласково, бережно. Нѣтъ ни морозовъ большихъ, ни жаровъ лѣтомъ особенныхъ; на высокой горѣ стоитъ городъ, кругомъ дѣса, холмы, пригорки; воздухъ всегда чистый, здоровый. И что всего важнѣе — рыба не переводится. Ловится окунь, головль, лещъ; зимой же ёршь и налимы.

Какъ сама природа, тиха и безмятежна жизнь стариковъ. Нѣтъ въ ней переменъ особенныхъ: цѣлые годы идутъ ровно, одинаково. Наступитъ ли зима, весна ли настанеть, лѣто, — заранѣе уже извѣстно попу и дѣду, что дѣлать и гдѣ ловить рыбу, и какъ: на червя ли, на муху, подъ Зудѣшками ли начинать, или подъ Чертками, ибо на все есть примѣты. Календарь покажетъ солнцу восходъ, ущербъ мѣсяцу. По Пасхѣ вычислится праздники, посты, и весь годъ такимъ образомъ раздѣлится на извѣстные опредѣленные пункты, каковы: Петровка, Троица, Успѣние, и проч.

Какъ годы, похожи и дни другъ на друга. Особенные случаи развѣ тѣ, что дѣдъ или попъ, по неосторожности, бултыхнетъ въ воду съ головой гдѣнибудь на Черыжномъ Яру подъ Зудѣшками: ну, о такомъ днѣ вспоминають, разговоръ ведутъ. Дѣдъ даже въ календарѣ записываетъ, коли, случится, побываетъ въ проруби.

Покойны и ровны дни, еще покойнѣй ночи.

Тихо гаснетъ въ сумеркахъ день; вечеръ смѣняется тьмою.

Одоголя дремота попа, одолявает дѣда. Проловили весь день старики на Черткахъ, выходили версть двадцать. Скоро, сотворивъ молитву, заснуть они оба. И какой освѣжительный сонъ посылаетъ имъ ночь, словно знаетъ, что старикамъ опять завтра надо рано послѣвать подъ Маришки!

Чуть мерцаетъ лампада въ окнѣ у попа; близится къ полночи время. Высоко поднялся мѣсяцъ, ходитъ дозоромъ надъ улицей и пробирается лучами въ окна. Полъ не закрывается на ночь: чудится, будто голубая дымка изъ лучей спустилась съ оконъ на-полъ. У дѣда ставни; но пробрался въ скважины голубые лучи, искрестили комнату: тамъ блеснулъ гвоздикъ, тамъ стекло... Одинъ лучъ пронизалъ вѣтку, освѣтилъ головку чижа, спавшаго на жердочкѣ, и побѣжалъ тонкой голубой полоской по стѣнѣ до пола...

Видится дѣду попь, сидитъ будто надъ водой, рыбу удить. Отражается съдой попь въ рѣкѣ, надъ нимъ зеленая тѣнь, а вверху клочками синѣть въ вѣтвяхъ небо. Чуть лепечетъ волна, подбѣгая къ берегу, бѣжитъ поплавокъ, облѣпленный сургучемъ. Самъ дѣдъ будто на другой сторонѣ, но рѣва такъ узка, что можно разговаривать. Попалась попу большая рыба, и видитъ дѣдъ — натянута леса, какъ струна, ходитъ огромный окунь и гнетъ въ кольцо приподнятую удищу. Встрепенулась у дѣда душа — не изъ камня! слѣдить за попомъ, слова не выговорить. А окунь все ходитъ и ходитъ. Хочетъ дѣдъ бривнуть попу — и просыпается отъ волненія. Но сонъ такъ ярокъ, что, повернувшись на другой бокъ и перекрестившись, дѣдъ все еще видитъ окуня.

— И за что онъ его захлеснулъ? думаетъ онъ — подъ ребра что ль? и снова засыпаетъ.

Грезится попу дѣдъ. Свиститъ будто въ дудочку, а Мивита подлѣ въ сопель дупить.

— Зачинай! говорятъ дѣдъ.

Мивита надулся.

Дупить Мивита въ сопель нещадно.

— Шибче! кричитъ дѣдъ, выбивая тактъ ногою.

— Вотъ свиристять! думаетъ попь.

Но тутъ представляется ему Мартинъ съ огромной трубой; онъ надувается больше и больше, готовясь сыграть. Вотъ уже приладилъ въ дыркамъ пальцы.

Холодный потъ проступаетъ на лбу у попа. Мартинъ все дуется. Надъ самымъ попомъ приладилъ трубу: видитъ отецъ Матвей широкое, темное какъ ночь, отверстіе.

— Тыфу, окаанный! говоритъ онъ, просыпаясь отъ кошмара и начинатьъ читать «да воскреснетъ Богъ».

Но легче становится сонъ, свободнѣй дышитъ грудь, ибо чувствуется близость утра.

Словно въ полглаза проглядываетъ ночная темь; брезжутъ сумерки. Тинина мертвая повсюду. Все словно задумалось. Листъ не шелохнется на деревѣ. Но это уже не сонъ. Все, чудится, насторожило очи и ждетъ чего-то. Яснѣе, чѣмъ когда-либо, видишь въ часъ разсвѣта, какъ будто зарождается какая-то смутная мысль въ природѣ.

Но ближе и ближе утро. Свѣтлѣютъ вершины окрестныхъ горъ, серебрится туманъ надъ рѣкою.

Высоко поднялась заря и гонитъ облака передъ собой и золотить края ихъ. Просыпаются, отряхаютъ ночную влагу деревья, лепечуть промежъ себя и, охваченны первымъ вѣтромъ, шумятъ, расправляя вѣтви. Такъ оправляетъ слегка шумящее платье молодая хорошенькая дѣвушка, входя въ давно ждущимъ ее гостямъ и разливая кругомъ себя ароматъ свѣжести и молодости.

Разгарается ярче и ярче заря. Повставали тамъ и самъ прятвшіеся во мракѣ ночи колокольни, и вотъ, наконецъ, первые косвенные лучи солнца обняли городъ: пронизали заборы, шетни, потанулись по улицамъ, забрались въ окна, къ попу съ улицы, къ дѣду со двора.

Первый просыпается дѣдъ, отворяетъ ставни и свѣжаго вѣтру пускаетъ въ окна. Сѣлъ у окна и сидитъ. Свистнулъ, по обычаю, въ дудочку.

— Э! думаетъ онъ — дырку-то я доверчу теперь, а какъ копь Матвей встанетъ, то и пойдемъ подъ Маршани.

И тутъ же начинается вертѣть дырку.

— Ай ужъ всталъ? кричитъ отецъ Матвей изъ окна.

— Вот! отвѣчаетъ дѣдъ.

Попъ, высунувшись изъ окна, оглядѣлъ, прищурясь, улюду, расправилъ бороду.

— Ай, что вертишь? обратился онъ снова къ дѣду.

— Верчу, отвѣчалъ дѣдъ безъ объясненій.

Попъ почавкалъ губами, сплюнулъ.

— Ночь-то спалъ?

— Спалъ.

— Мартинъ мнѣ снился, сказалъ попъ.

Дѣдъ продолжалъ вертѣть.

— Съ трубой словно. А ты будто съ Минтой въ сопель дуешь.

Дѣдъ привинулъ на свѣтъ дырку.

— Ай продуваешь? спросилъ попь.

— Видѣль я, началъ въ свою очередь, съ разстановкой и стругая въ то же время что-то, дѣдь: — будто ты окуня вытащилъ.

— Ну? сказалъ попь.

Дѣдь помолчалъ и затѣмъ, опять съ разстановкой и стругая, продолжалъ:

— Фунтовъ отъ семи будто ты вытащилъ окуня. Подъ Чертками словно.

— Ишь ты!

Дѣдь замолчалъ и сталъ оглядывать шило.

— Вишь, сказалъ попь. — Отъ семи фунтовъ.

— Да! подтвердилъ дѣдь. — Подъ Чертками, а не подъ Маришками.

— Подъ Маришки что ль нынче? спросилъ попь.

Дѣдь помолчалъ.

— Словно бы на Чертки, отецъ Матвей! въ раздумьи проговорилъ онъ, оглядывая въ то же время гладко выструганную палочку.

— А на Чертки, такъ на Чертки, согласился попь.

— А то няъ подъ Маришки.

— И подъ Маришки хорошо, подтвердилъ попь.

— Ежели подъ Маришки, началъ съ разстановкой дѣдь:—то надо, отецъ Матвей, на муху, подъ Чертки же червяка припасай, и ежели станетъ братья, то что твои Маришки... Мельникъ тамъ, выходитъ, Агаеонъ (дѣдь что-то застругалъ)... Подъ Чертками-то... Прохору, видишь, свать... лѣтъ ему подъ семьдесятъ... Жена у него Маланья, у Агаеона-то, и завсегда, почитай, на мельницѣ, потому самъ-то пьетъ...

Такъ начинается день у пріятелей нашихъ; такъ же начинался онъ и тридцать лѣтъ тому назадъ, и спокойнѣе шло все у пона съ дѣдомъ, почитай, одинаково. Поэтому такъ сжились старикъ съ окружающей обстановкой, такъ привыкли къ ней, что къ самымъ явленіямъ природы относятся какъ-то запросто, хозяйственнѣе, можно сказать, образомъ. Они почти убѣждены, что если восходить солнце, то чуть ли не потому, что ночью же нельзя всегда рыбу ловить. Зима, по ихъ понятіямъ, для того существуетъ, чтобы за нею наступало лѣто, и, пожалуй, наоборотъ. Когда кто-то спросилъ отца Матвея, зачѣмъ на небѣ звѣзды, то онъ совершенно естественно отвѣчалъ: «а что жь бы ночью-то было?» Такъ все просто и естественно кажется старикамъ, что никогда никакіе вопросы, въ родѣ «почему» да «какъ», не приходятъ имъ въ голову. Разъ

только отецъ Матвей вздумалъ поставить нѣсколько философскія вопросы, по поводу камня, встрѣченнаго на дорогѣ.

— Что, еслибы, сказалъ отецъ Матвей:—да бросить этотъ камень съ неба на землю?

Дѣдъ помолчалъ.

— Да, сказалъ онъ въ свою очередь:—здорово бы треснулся.

Тѣмъ и рѣшенъ былъ вопросъ.

Но какъ просто и даже, можно сказать, по домашнему относятся старики къ окружающей ихъ природѣ, можно судить уже по самымъ выраженіямъ, какія употребляютъ попомъ и дѣдомъ въ подобныхъ случаяхъ.

— Вишь разгремѣлся какъ! говорить, напримѣръ, дѣдъ, поглядывая во время грозы въ окно.

— Прошелъ, продолжаетъ онъ, когда минуетъ гроза: — вишь куда поворотилъ... Ну, теперь на Захарьино возьметъ... Мужиковъ-то съ поля всѣхъ сгонить...

— Да что, когда солнцу-то восходъ? спрашиваетъ иногда попъ такимъ тономъ, какъ будто хотѣлъ сказать: да гдѣ горшокъ-то разбитый?

Солнце, впрочемъ, еще уважаютъ старики, потому пригрѣтъ имъ разъ; но мѣсяцу никакого, можно сказать, почету отъ нихъ нѣтъ.

— Да что мѣсяцъ-то свѣтитъ, что-ль? спрашиваетъ иногда попъ въ сумерки.

— Не видать, говоритъ дѣдъ.

— Погляди-ко въ календарѣ.

— Да по календарю-то вонъ онъ.

— Что жъ онъ по сѣхъ поръ?

Да и не къ мѣсяцу одному: и къ другимъ явленіямъ относятся они не всегда съ уваженіемъ.

— Гляди-ко, расшумѣлся! обращается дѣдъ къ попу, указывая на крупный, пронизанный косыми лучами солнца, дождь.

— Слѣпой, оттого и шумить, замѣчаетъ попъ.

Или, напримѣръ, осенью, тоже во время дождя:

— Вишь пошелъ, не уймешь, говоритъ дѣдъ: — и чего свѣтъ?

— Чего свѣтъ! отвѣчается попъ. — Извѣстно, осенникъ безтолковъ; ему только бы идти...

Но за то есть явленія, пользующіяся какъ бы особымъ преимуществомъ. Такъ, радуга называется не иначе, какъ «Божьей», первый снѣгъ «снѣжкомъ», трава весенняя «травкой» и т. п.

Такимъ образомъ ко всему въ природѣ старики относятся нѣсколько своеобразно: къ иному дружелюбно и ласково, къ иному съ пренебреженіемъ, смотря во тому, какой отъ чего толкъ ви-

дять. Да и какъ относиться иначе? Все-то имъ знакомо, все свое, родное. Нѣтъ мѣста, кажется, кругомъ версть на двадцать, котораго бы они не знали вдоль и поперегъ. Пригорокъ ли поднимется, спустится ли дорожка въ оврагъ и, извиваясь между кустами, побѣжитъ къ самому дну, гдѣ прыгаетъ по яркоблѣющимъ камнямъ ручей; перекиннется ли ветхій въ двѣ-три жерди мостокъ тамъ, гдѣ столпившіеся по берегамъ лѣса стѣснили обычную ширь рѣки, и зеленѣющія волны, прыгая и шумя, грозятъ опрокинуть смѣлаго путника вмѣстѣ съ переправой; пойдетъ ли густой, съ непроницаемыми чащами, лѣсъ, гдѣ роса не спадаетъ съ листьевъ, гдѣ солнце среди лѣта не можетъ добраться до снѣга, что лежитъ въ глубинѣ овраговъ; или же взбѣжитъ на пригорокъ жидкій, наполовину срубленный лѣсокъ, весь пронизанный золотыми лучами заходящаго солнца; вездѣ, однимъ словомъ, хожено да перехожено, развѣ только тамъ, гдѣ чортъ ногу сломить, дѣдъ съ попомъ еще не были. Да и въ такихъ мѣстахъ бывали, особливо смолоду. Станетъ иной разъ, что стѣна, берегъ, буеракъ на буеракѣ, цѣпляйся за землю, на суку висн надъ самой водой, а то по плотинѣ перебирайся къ мельницѣ, рукой держись за колышекъ, а ногой ищи, гдѣ упереться. Да все нипочемъ было смолоду. Теперь ужъ не ходятъ старики по такимъ мѣстамъ. Наровятъ гдѣ бытишь да гладь, да чтобъ и тѣнь была. А все пляются: чуть маломальски свѣтлый денекъ, такъ ихъ и тянетъ, такъ и выпираетъ възъ дому. Впрочемъ, мѣстность самая много перемѣнилась и ходить не въ примѣръ легче противъ прежняго. Пошли села кругомъ; дороги пробиты, гдѣ прежде дубнякъ либо орѣшникъ росъ; по оврагамъ мосты, тамъ изба у самой дороги, либо шалашъ торчить; людно вообще стало. Прежде не то. Дячь, глушь; болота по поясъ; жалья на полсотни версть кругомъ нѣту. Да и городъ не тотъ уже. Теперь каменные дома пошли, самовары вездѣ завелись; курятъ тоже этотъ табакъ, папирсы, чего прежде и слухомъ не слыхать было; вообще мало уже теперь старины въ Окуевѣ, какъ особенно видно будетъ изъ послѣдующихъ очерковъ; попь и дѣдъ служатъ, можно сказать, единственными представителями той древней патріархальной жизни, которая, хотя рѣдко, но встрѣчается еще во всей свѣжести въ нашихъ захолустьяхъ.

III.

Сципионъ Назяка и регентъ Обоудухъ.

Около того времени, какъ попь Матвей сидѣлъ у овна въ ожиданіи сумерекъ, поглядывая, по временамъ, чрезъ улицу на

дѣда, мастеровитого клѣтку, верстахъ въ семь отъ Окуева показались два путника. Солнце садилось и вечерняя свѣжесть была ощутительна послѣ знойнаго дня. Путники замѣтно ускорили шаги, ибо невдалекѣ отъ нихъ, посторонившись немного отъ большой дороги, какъ бы на отлетѣ, бѣлѣлъ только что выстроенный и обитый новымъ тѣсомъ кабакъ, казавшійся тѣмъ привлекательнѣе, что въ окно его ударили послѣдніе лучи ярко-краснаго солнца, а у самаго входа, на чистомъ воздухѣ, видѣлся бѣлый новый столикъ съ такими же около него стульями. Регентъ Оболдухъ былъ слишкомъ положительнаго характера, чтобъ не зайти въ кабакъ; Сципiонъ же Назика, хотя былъ и выше ростомъ и слабѣе Оболдуха, не уступалъ однако послѣднему въ разсудительности. Онъ былъ рыжеватъ, имѣлъ длинный носъ и тонкія губы; былъ вообще угловатъ, глядѣлъ больше внизъ и имѣлъ видъ, какъ будто что нюхалъ носомъ, за что и прозванъ былъ въ семинаріи Назикой; пальто же носилъ гороховаго цвѣта съ таліей. Вообще, Назика былъ семинаристъ хорошій, сморкался въ платокъ, и если бы не веспушки, не рыжіе волосы и не слишкомъ острый подбородокъ, то мало чѣмъ отличился бы отъ Оболдуха, который въ настоящее время былъ гораздо красивѣе товарища. Онъ былъ весь рябой, гораздо выше Назики; носомъ вовсе не нюхалъ, а глядѣлъ прямо и на ходу былъ спокоенъ, не махалъ руками подобно своему товарищу; пальто же имѣлъ черное суковное, безъ перехвата, что еще болѣе придавало регенту полноты и солидности. Вообще, это былъ очень хорошій семинаристъ, въ противоположность тихому и нѣсколько шепелявому Назикѣ, говорилъ басомъ, при всемъ этомъ нюхалъ табакъ, не былъ уклончивъ, объяснялся легко и пріятно. Послѣднихъ качествъ Назика не имѣлъ: когда говорилъ, то больше спрашивалъ, отвѣчалъ не вдругъ, въ разговорѣ держался риторки, любилъ философію и ссылался часто на отцовъ церкви. Оболдухъ, напротивъ, читалъ больше романы, любилъ пѣть канты разныя, игралъ на гитарѣ, топкостей не терпѣлъ, хотя тоже былъ въ философіи и волею-неволею читалъ отцовъ церкви. Назика вѣчно говорилъ съ кѣмъ-нибудь о догматикѣ, приводилъ Августина блаженнаго, Тертуліана, Лактанція, часто сидѣлъ надъ книгами и писалъ длинныя разсужденія на темы, въ родѣ: О нравственномъ вліяніи книгъ, о преимуществѣ духовнаго образованія надъ свѣтскимъ, о послушаніи паставникамъ; Оболдуху же было смертною вазнію написать какое бы то ни было сочиненіе, и до философіи онъ добрался собственно за голосъ, обѣщавшій въ немъ хорошаго протодіакона. Назика мечталъ быть проповѣдникомъ и уже пробовалъ свои силы на

этомъ поприщѣ; когда же Оболдуху пришлось по очереди говорить проповѣдь въ семинарской церкви, то онъ на три дня совсѣмъ пропалъ, такъ что ни въ одномъ трактирѣ не могли отыскать его.

Несмотря на столь противоположныя качества, семинаристы были дружны между собой. Назика любилъ Оболдуху собственно за характеръ, регентъ же уважалъ въ товарищѣ знанія. Притомъ, оба были изъ одного города, жили на одной квартирѣ и теперь отправлялись домой въ Окуневъ: Назика на каникулы къ дядѣ своему, извѣстному намъ о. Матвеемъ, Сболдухъ на постоянное жительство, такъ-какъ онъ не захотѣлъ переходить въ богословіе и предпочелъ мѣсто регента въ одной изъ церквей своего роднаго города.

Назика кончилъ курсъ и готовился въ академію. Въ головѣ у него было много плановъ, и потому немудрено, если онъ былъ нѣсколько разсѣянъ или, лучше сказать, слишкомъ сосредоточенъ на своихъ мысляхъ касательно будущаго. Оттого, можетъ быть, во всѣхъ его движеніяхъ замѣтна была нѣкоторая неровность, нѣчто въ родѣ постояннаго лирическаго паренія; часто вздыхалъ онъ, устремлялъ глаза вдаль, иногда посвистывалъ, глядя на кончикъ сапога. Все это дѣлалось еще замѣтнѣй при видѣ солиднаго, спокойнаго регента, обладавшаго чисто конкретнымъ взглядомъ на вещи. Оболдухъ возвращался домой безъ всякихъ особенныхъ надеждъ и желаній; денегъ оставалось у него всего два рубля, и онъ соображалъ теперь, какимъ бы образомъ повыгоднѣе пустить въ ходъ наследственное серебро, именно толстую, обозначавшую не всегда вѣрно время, луковичу, о которой онъ съ этою дѣлюю и говорилъ уже Назикѣ. Это была единственная, тревожившая его мысль, но и она тотчасъ же разсѣялась, какъ только Оболдухъ усѣлся за столикъ и увидѣлъ предъ собою стаканъ пива: полное спокойствіе разлилось по всѣмъ чертамъ лица его.

— Приятная мѣстность, сказалъ онъ, закуривая трубку.

Назика поглядѣлъ на него, вдохнулъ свѣжаго вечерняго воздуха и сказалъ:

— Вѣрстъ семь не больше осталось.

— Отъ этого кабака ровно семь верстъ, подтвердилъ регентъ.

— А я луковичу возьму, коли крайность, сказалъ Назика послѣ небольшого молчанія.

Регентъ въ отвѣтъ на это кракнулъ и потомъ сплюнулъ.

— Три, сказалъ онъ: — полтину давшіюю долой. Чужа въ придачу, буде хочешь.

— Хорошо, отвѣчалъ Назика.

— Все-таки будетъ нѣтъ у тебя, пояснилъ регентъ.

Пріатели помолчали.

— Чижъ живучъ: онъ и годъ, и два пропбѣтъ у тебя, продолжалъ регентъ. — И вотъ этого табаку онъ не боится: кури хоть цѣлый день!.. Вотъ кормъ мѣнай, тоже воду, — а табакъ ему плеватъ!

Назика, казалось, не слыжалъ словъ Оболдуха и продолжалъ молча разсматривать какую-то травку.

— Не выпить ли по рюмкѣ водки? спросилъ онъ, поднявъ голову и поглядѣвъ на Оболдуха.

— А чтожь, отвѣчалъ послѣдній:—мое мнѣніе таково, чтобъ выпить.

Пріатели вышли. Регентъ набилъ новую трубку и закурилъ.

— Мое мнѣніе таково, сказалъ онъ: — чтобъ ни въ чемъ не стѣснять себя.

Назика ничего не отвѣчалъ на это. Въ разговорахъ пріателей вообще видно было, что Оболдухъ находился подъ нѣкоторымъ вліаніемъ своего товарища. Назика и самъ чувствовалъ это; сознавая себя ученѣе, онъ невольно иногда входилъ въ роль ментора и заправлялъ, такъ-сказать, регентомъ. Послѣдній долгомъ считалъ отвѣчать подробно на всѣ вопросы Назики, совѣтоваться съ нимъ, и, вообще, подчинился своему пріателю, можно сказать, съ охотой.

Помолчавъ нѣкоторое время и замѣтивъ, что Назика сидѣлъ залунавшись, Оболдухъ счелъ какъ бы обязанностью развлечь пріателя.

— Эко заря-то! сказалъ онъ и поглядѣлъ вругомъ.

— Augora musis amica, сказалъ, даже не поглядѣвъ на зарю, Назика и сплюнулъ.

— Это полатыни, замѣтилъ регентъ.

Назика носвисталъ.

— Ты кленлъ когда змѣи? спросилъ онъ вдругъ, ни съ того, ни съ сего.

— Кленлъ. А что?

— Кленлъ и я.

И Назика опять опустилъ голову и опять сталъ разсматривать травку. Регентъ не привыкъ къ такой отривочности мысли и потому, помолчавъ, продолжалъ:

— Я большіе кленлъ.

— Я большихъ не кленлъ, отозвался Назика.

Назика тѣмъ временемъ вынулъ что-то въ родѣ записной книжки изъ бармана и, напѣвая, началъ ее перелистывать.

— Ну, такъ твоя исторія съ ректоромъ и кончилась? спросилъ онъ, продолжая перелистывать.

— Тутъ и конецъ, заговорилъ, оживляясь, регентъ: — поелику, говорить, ты такъ и такъ, надежды не подаешь, а только чижей ловишь, то, говорить, *vuist sui que*, дорога открыта...

— Тоже полатыни! не безъ ироніи замѣтилъ Назика.

— Да, какъ же. Однако не ругался.

Пока пріятели разговаривали такимъ образомъ, подѣхала ихъ повозка съ кладью, съ сидѣньями въ родѣ насѣсти, съ тонкими и длиннымъ ямщикомъ, который въ сумерки, при уснительномъ звонѣ бубенчиковъ, казался сѣдокамъ чѣмъ-то въ родѣ колокольни, поднимающейся въ дали на горизонтѣ. Подлѣ длинной фигуры ямщика, на возлахъ же, помѣщались клѣтки съ чижками и синицами — принадлежность собственно регента. Ему же принадлежала гитара, торчавшая ручкой съ боку. Богъ ужъ вѣдчетъ, какъ помѣщались бурсаки среди всякаго рода узловъ и узелковъ, только они вскарабкались на свои насѣсти, когда подвода подѣхала къ кабаку, и поехали шагомъ къ городу. Регентъ ушелъ въ глубь и, благодаря своей тяжести, засѣлъ твердо, какъ свая; тонкій и жидкій Назика, возсѣдавшій на цѣлой горѣ подушекъ, раскачивался изъ стороны въ сторону, и вообще весь экипажъ съ своимъ длиннымъ, то-и-дѣло подскакивающимъ ямщикомъ, съ тихимъ брѣданиемъ бубенчиковъ, съ расшатавшимися на осяхъ колесами, изъ которыхъ инны болзливо поскрипывали, — представлялъ самую жалкую, несчастную фигуру. Все въ немъ словно развинтилось и того-и-гладн разлетится въ разные стороны: только регентъ, какъ балластъ въ кораблѣ, спасалъ, казалось, своимъ грузомъ все судно отъ печнаго разрушенія.

Въ городѣ бурсаки разстались. Регентъ пріютился на время гдѣ-то на выгонѣ у дальняго родственника, пономаря кладбищенской церкви; Назика отправился къ дядѣ, отцу Матвею.

IV.

Банкулы. Назика готовится въ академію.

Въ первый же вечеръ, какъ пріѣхалъ Назика, поэтъ осадилъ его вопросами о Мязитѣ. Не обнаруживая особенной радости, о. Матвей замѣтно, однакожъ, оживился, сталъ словоохотливѣе, чаще выпиналъ платокъ, чаще сморкался и разглаживалъ бороду. Сѣрые маленькіе глаза его то-и-дѣло поглядывали на На-

звукъ. Когда послѣдній, по возможности, удовлетворилъ любопытству попа, рассказавши, сколько у Микиты рясъ, сапогъ и т. п., о. Матвей замѣтно повеселѣлъ и успокоился.

— Ну, стало, Микита ничего? сказалъ онъ.

— Ничего.

— Правда, отписалъ бы, коли что. Не запираетъ эдакъ, Микита-то?

— Рѣдко. По приходу развѣ.

— То-то. Онъ на это уменъ. По поповству-то какъ у васъ тамъ, въ губерніи — ничего не слыхать?

— Не слыхать будто.

— Пущалъ тутъ прохвость какой-то слухъ, будто архиреевъ изъ нѣмцевъ хотять ставить — правда?

— Вздоръ!

— То-то, благоразумно замѣтилъ попъ:—на чтожь похоже?

И о. Матвей помолчалъ.

— Такъ вотъ какъ, началъ онъ снова, разрѣзывая яйцо (дѣло было за ужиномъ):— Микита, стало, живъ и здоровъ — пу, и слава Богу! А яйца у васъ дороги?

— Да какъ сказать? Не равно.

— Микита небось своихъ куръ-то держать?

— Пропастъ.

— Такъ. Хозяинъ, что говорить! Небось гусь, индѣйка — а?

— Все.

Итакъ, попъ болѣею частію все разспрашивалъ о Микитѣ, не только въ этотъ вечеръ, но и потомъ — о чемъ бы ни заговорилъ съ Назякой, непременно уже рѣчь сводилъ на Микиту.

На другой же день по прїездѣ, Назяка поселился на верху у попа въ мезонинѣ. Комната съ старыми, по мѣстамъ отставшими обоями, выходила единственнымъ окномъ своимъ на дворъ и была вообще темна; только вечеромъ попадало въ нее солнце, да и то пробравшись кое-какъ между крышами. Назяка проводилъ тутъ каждыя каникулы, и теперь засталъ все по прежнему. Картинки библейскаго содержанія, старой печати, все также лѣпнились по стѣнамъ вмѣстѣ съ портретомъ Ермолова; то были: «Видъ Іерусалима», «Іосафатова долина» и проч. Когда Назяка вошелъ, то на него замѣтно пахнуло сыростью, и онъ попытался отворить окно, въ теченіе года остававшееся запертымъ; свѣжій вѣтеръ свободно ворвался въ комнату, обвѣвая сырость и гниль со стѣнъ и шелестя отставшими обоями. Въ комнатѣ посвѣтлѣло. На полу обозначались слѣды прежней краски, а въ углу, куда наиболѣе проникалъ свѣтъ, показались полки съ книгами. Разныя тутъ были изданія. На самой нижней полкѣ,

въ шести томахъ и въ кожаномъ переплетѣ, тянулся «Духъ Благочинія»; повнище «Ядро Россійской Имперіи», а еще выше «Всемирная Исторія Аббата Родена». Эти три заглавія прежде всего бросались въ глаза. Были, кромѣ того, переводы разные: Корнелія Непота, Плутарха, Отрывки изъ Боссюэта и Массильона, Квинтъ Курцій съ гравюрами въ родѣ суздальскаго Бовы Кролоевича, томика два или три Библіотеки для чтенія временъ Сенковскаго; романы нѣкоторые: Мазепа, Ө. Булгарина, 3-я часть Выжигина (прочія отъ частаго употребленія затерялись), Ермакъ, покоритель Сибири, Леонидъ; и между всѣмъ этимъ, чего никакъ нельзя было ожидать, стереотипное изданіе «La pucelle d'Orleans» Вольтера. Какъ зашла сюда подобная книга — трудно объяснить. Самъ о. Матвей, по всей вѣроятности, если и видѣлъ ее, то подумалъ только, что «де вѣрно какая иностранная», и положилъ на мѣсто. Особую полку занимали божественныя книги: Псалтирь, Библія, проповѣди Фадарета, Иннокентія. Сюда же зашелъ Балакиревъ вмѣстѣ съ руководствомъ къ изученію французскаго языка Куртнера, да Катехизисъ Петра Могилы рядомъ съ повѣйшимъ Пѣсенникомъ.

И комната и библіотека вполне соотвѣтствовали характеру новаго жильца. Въ то же утро, Назика осматрѣлъ книги, нѣкоторыя отобралъ и положилъ на столъ, около дивана. Разлился также чернильницей, и съ первыхъ же дней засѣлъ за книги. Кстати, никто не мѣшалъ ему, ибо лѣто было рыбное, и поль съ дѣдомъ почти не сходили съ рѣки. Готовая болѣе или менѣе къ ученому поприщу, Назика не пренебрегалъ никакой книгой, читалъ и Мазепу, и Выжигина 3-й томъ; Леонидъ былъ прочитанъ имъ въ сласть, что называется, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже раза по два: тутъ Назика первый разъ знакомился съ высокими чувствами, съ аристократическими гостинными, гдѣ дѣйствовали и говорили князья, однимъ словомъ, съ такимъ міромъ, о которомъ въ бурсѣ имѣется, какъ извѣстно, самое смутное понятіе. У Назики было довольно пылкое воображеніе, и потому, естественно, въ душѣ его зарождалось иногда смутное желаніе самому влѣзть когда-нибудь въ этотъ заколдованный кругъ, гдѣ шумятъ шелковыя платья, мельбаютъ фраки, музыка гремитъ, и аромат всякій шибаетъ въ носъ... Чувствовалъ, правда, онъ, что еслибы его пустить теперь же туда, такъ, какъ есть, въ гороховомъ сюртукѣ, то фигура вышла бы куда не представляемая! Потому, и самое желаніе было весьма смутно. Къ счастью философа, были другія книги, которыя мѣшали ему сосредоточиваться на однихъ предметахъ. Такъ Корнелій Непотъ и Плутархъ давали совершенно другое направле-

іе мыслямъ. Впрочемъ, они все-таки поддерживали восторженное состояніе; но за то «Духъ Благочинія» и особливо «Ядро Россійскаго Государства» дѣйствовали такъ спасительно, что прочитавши странички четыре (больше не въ состояніи былъ Назика), философъ съ добрыхъ полчаса глядѣлъ, выпуча безъ смысла глаза, на дворъ, словно корешкомъ Ядра по макушкѣ его стукнули. Хорошее тоже вліяніе оказывала исторія Кайданова. Изъ ней, между прочимъ, прочелъ Назика, что аристократы въ Аѳонахъ назывались эвпатридами, въ Римѣ оптиматами, и что Цицеронъ отвергъ заговоръ Катилины. Тутъ съ Назикой происходили иногда странныя явленія, которыя, впрочемъ, можетъ испытывать всякій, кто въ лѣтнюю полуденную пору вздумаетъ читать что-нибудь въ родѣ исторіи Кайданова. Все происходило передъ нимъ въ картинахъ: такъ, когда Назика читалъ объ аристократахъ, то ему буквально представлялись толстые, жирные эвпатриды, и сидѣли они будто на плечахъ у народа и давили его, и надувались даже, чтобы давить покрѣпче; злодѣй Катилина, нечесаный, небритый, съ рожей въ угряхъ, сидѣлъ на задней партѣ въ сенатѣ, а Цицеронъ, поднявъ руки и разинувъ громадный ротъ, оралъ на него съ каедръ не на животъ, а на смерть. Толстый, алаповатый Клавдій, въ длинномъ домашнемъ бѣлилетѣ, съ круглымъ, какъ мѣсяцъ, лицомъ и узкими, запывшими жиромъ, глазками, нѣчто въ родѣ секретаря окуевскаго магистрата, сидѣлъ будто на диванѣ, пилъ водку, закусывая грибами, и, обращаясь по временамъ къ сидѣвшей возлѣ Мессалинѣ, ударялъ ее дружески рукой съ словами: «Эхъ, кума, какая жъ ты жирная!» Такъ представлялось Назикѣ это «играрище женъ и дѣтей». Да и вообще все принимало какія-то знакомыя, родныя формы. Тиверій являлся чѣмъ-то въ родѣ семинарскаго сторожа, вѣчно пьянаго, съ подбитыми глазами и пластырями на носу и на лицѣ; папа Иннокентій III принималъ видъ казанскаго помомаря съ рыжей оладистой бородой и вообще благолѣпной фізіономіей, Неронъ ходилъ будто колесомъ и т. п. Таковы были представленія, которыя Назика, впоследствии, въ сочиненіяхъ своихъ именвалъ *историческими данными*.

Попъ Матвей не безъ удовольствія замѣчалъ, что племянникъ его не на шутку, кажется, хочетъ сдѣлаться ученымъ. Оставляя въ сторону Микиту, онъ заговаривалъ иногда съ Назикой по поводу чтенія, причѣмъ самъ припоминалъ свои познанія и даже пускался, по мѣрѣ возможности, въ философію.

— Небось все читаешь? спрашивалъ онъ какъ будто мимоходомъ Назику, если заставалъ его за книгой.

— Да, почитываю.

— То-то! небось, нужно все! Сильна у васъ латынь-то теперь?

— Ничего, смекають.

— То-то, какъ, небось, не смежать. Небось, ректоръ-то всю проглотилъ...

— Чтѣ?

— Латынь-то. Такъ, небось, и съѣлъ живьемъ. Ужъ что другое, а это надо. Потому, какъ безъ латини? Пропадешь. Вся суть. Дерево теперь — arbor, столъ — mensa — все надо. И небо теперь coelum, и рѣка тоже... Какъ, бишь, рѣка-то?

— Flumen.

— То-то. И земля, небось, terra?

— Да.

— Помнимъ, помнимъ. А Concordia res maxime crescunt — чуеть?

— Чую.

Но не далеко простирался познаніа о. Матвея, и потому онъ охотнѣе вдавался въ общія философскія размышленія, отчасти въ наставительномъ тонѣ.

— Всякому человѣку теперь дано, говорилъ онъ, напримѣръ: — и дано, понимаешь, для того, чтобы не околнчиться... чело-вѣку-то. Поелпку всякъ, ежели зачнетъ дѣлать что, можетъ всегда околнчиться... Не все жъ въ головѣ умъ, иное бываетъ соръ, навозъ почитай... Вотъ кабы мы были нѣмцы — ну, такъ. А нашъ братъ, выходитъ, не тѣмъ силенъ, не оттедова.

И пощъ вопросительно взглядывалъ на Називу.

— И выходитъ ничего не подѣлаешь, заключаеь онъ.

Въ такомъ родѣ говорилъ о. Матвей. Общій смыслъ его наставленій былъ тотъ, что де какъ ни прикидывай, все дважды два четыре, и что ежели и случается что, то все, выходитъ, нужно жить, какъ тамъ опять-таки ни прикидывай. «Супротивъ Бога не стать идти, говорилъ онъ, а ежели, примѣрно, и пойдешь, то сразу околнчишься. Шить тоже не хочется получить. Да и что за охота?»

Такимъ образомъ пощъ, хотя и не высказывалъ прямо, однако втайнѣ радовался успѣхамъ племянника, въ которомъ видѣлъ будущаго профессора семинаріи. Вотъ оттого не безъ удовольствія отправлялся онъ съ Назикой куда-нибудь по вечерамъ въ гости, всего чаще къ какому-нибудь попу или дьякону. Всѣ почти окуевскіе попы знали Назику съ малыхъ лѣтъ, но прежде не обращали, разумѣется, вниманія на маленькаго бурсака; теперь же каждый считалъ своею обязанностью поговорить съ

молодннхъ семинаристовъ, готовившихся въ академію. Тѣмъ съ большимъ уваженіемъ относились къ Назиевѣ, что онъ кончилъ курсъ вторымъ. Попъ Аммосъ интересовался узнать объ отдѣ-ректорахъ, о томъ, какъ латынь идетъ въ семинаріи; Назиева на все отвѣчалъ удовлетворительно. Попъ Аммосъ самъ готовился когда-то въ академію, но, по обстоятельствамъ, не поступилъ; тѣмъ не менѣе сохранилъ нѣкоторую любовь къ занятіямъ собственно научнымъ, почитывалъ журналы и нѣсколько лѣтъ уже занимался разработкою «Лѣтописи соборной оуевской церкви». Много уже касался у него написано по этому предмету, причемъ Аммосъ касался нѣрѣдко и исторіи самаго Окуева, одного изъ древнѣйшихъ городовъ удѣльно-вѣчевой Руси. Существованіе искусственной насыпи, въ видѣ вала, на концѣ города и теперь еще указываетъ на времена татарщины, а огромные камни по улицамъ, гладкіе и по формѣ четырехугольные, говорятъ о прежнихъ кладбищахъ, которыя городъ мало-по-малу захватывалъ, отодвигая все дальше и дальше мѣсто для покойниковъ. Къ сожалѣнію, между жителями Окуева не осталось ни одного преданія, которое восходило бы дальше прошлаго столѣтія, и попъ Аммосъ съ трудомъ могъ отыскать два-три имени знаменитыхъ въ свое время потомковъ Рюрика, князей Окуевскихъ. Церковная лѣтопись, хранящаяся въ соборѣ и служившая Аммосу главнымъ источникомъ для исторіи Окуева, большею частію ограничивается церковными дѣлами; старожила же городскіе, въ родѣ о. Матвея, исходнымъ пунктомъ своихъ сказаній считаютъ 12-й годъ, иначе говоря французскій погромъ. Съ этого года и начинается собственно историческій характеръ въ разсказахъ окуевскихъ стариковъ; сказанія же, относящіеся къ прошлому столѣтію, весьма туманны и сбивчивы: это нѣчто въ родѣ легендъ о какихъ-то непроходимыхъ дремучихъ лѣсахъ, окружавшихъ городъ, о непомѣрномъ количествѣ всякаго звѣря и дичи, о дешевизнѣ необычайной и т. п. Назиева заинтересовался отчасти разсказами попа Аммоса, а впоследствии даже принялъ участіе въ археологическихъ розысканіяхъ относительно Окуева. Водилъ также о. Матвей племянника къ попу Андрею. Это былъ своего рода тузъ между окуевскими попами, былъ толстъ и солдены, норовилъ перейти въ губернію, потому деньгу имѣлъ не малую и съ секретаремъ консисторскимъ бывалъ во всякой пріязни и дружбѣ. Съ попами собственно онъ мало знался, больше все съ исправникомъ, да городничимъ, ибо и въ карты любилъ перебивать и угостить умѣлъ прилично: былъ у него и водки разныя и вино про запасъ. Вліятельный человекъ былъ попъ Андрей. Съ малыми людьми не любилъ

водиться, потому самъ чуть не цѣлымъ табуномъ лошадей имѣлъ и земли много; понятно, большому кораблю—большое и плаваніе.

— Попъ Андрей великая сила, говорилъ отецъ Матвей Назикъ, когда они подходили къ дому Андрея:—одъ ужъ кой-кого погнулъ въ бараній рогъ изъ нашихъ.

— За что? спросилъ Назика.

— А здорово живешь, вотъ за что! навывно отвѣчалъ Матвей.— Наши-то любятъ шашъ изъ кармана показывать, а поодъ Андрей однихъ вонъ лошадей штукъ пять на конюшнѣ держатъ...

— Ну, да это что жь... началъ-было Назика.

— Какъ? пять лошадей-те? вскинулся попъ:—да ты отледова? Назика что-то иромямилъ.

— Хе! продолжалъ попъ: — да кони-то какіе? Все меренъѣ! Одиный въ одному, ѣзда тихая, садеть попъ Андрей, такъ его закатываетъ.

Тутъ Матвей съ Назикой подошли къ самому дому отца Андрея. Хозяинъ сидѣлъ у окна, на прохладѣ, въ ожиданіи чая. По временамъ онъ отдувался, потому жарко было. Назика увидѣлъ обстановку несравненно лучшую, чѣмъ у Аммоса. У Аммоса двѣ маленькія комнатки, изъ которыхъ одна отгорожена ширмами на переднюю и снальную, другая же служитъ приѣмной или гостиной; мебель простая, темноватаго цвѣта, стулья около стѣнъ едва замѣтны въ сумерки, клеенчатый диванъ и передъ нимъ незатѣйливый круглый столъ; тутъ же неподалеку гусли, гитара на стѣнѣ, брохотные стѣнные часы, въ родѣ собачьей мордочки у самаго потолка, и такіе суетливыя, скорые часики, маятникъ словно все спѣшить, прыти много, а бьютъ чуть слышно, словно горло захватило. Да и шуму же у Аммоса въ комнатѣ: тутъ и мухи, и маятникъ, и случайнаго забѣжавшій вѣтеръ, какъ шаловливый мальчишка, которому все нужно и до всего хочется дотронуться: тронетъ вѣтеръ и гусли, и на гитарѣ прозвенитъ, приподыметъ отставшіе кой-гдѣ обои по стѣнамъ, пошевелитъ перомъ въ чернильницѣ, бумажку потянетъ по столу... То-ли дѣло у попа Андрея: комнаты просторныя, мебель красивая, на диванѣ шитыя подушки; воздухъ цѣлыми волнами струится въ открытыя окна, а все чвно и солидно, какъ самъ хозяинъ. Часы въ футлярѣ изъ краснаго дерева глядятъ такъ серьезно, съ достоинствомъ; маятникъ мѣрно и плавно отсчитываетъ секунды, не суетится, не спѣшить, да и большой прытомъ, не то что у Аммоса, что меньше пятака, и часики вяляютъ имъ, словно комнатная шавка хвостомъ.

Попъ Андрей не любилъ быть ниже кого-нибудь; потому, когда посѣтили его отецъ Матвей съ Назикой, онъ не мало

крикѣлъ и стучалъ по столу пальцами, желая спросить что нибудь у будущаго магистра по семинаріи, но скоро почувствовалъ, что дѣло семинарское какъ-то отъ него ушло (поватно: 500 десятинъ земли одной); поэтому, онъ ограничился тѣмъ, что предложилъ вопроса два о ректорѣ да о семинарскихъ профессорахъ, и затѣмъ приступилъ прямо къ дѣлу, затолковать объ овсѣ. Назика сѣлъ у окна и сталъ глядѣть безцѣльно на улицу. Отецъ же Матвей съ хозяиномъ ватаюли какую-то безконечную болтовню о томъ, о сѣмъ: отъ овса перешли къ нѣнству, толковали о полахъ Окуевскихъ и часто поминали архіерея. Назикѣ то и дѣло слышалось: владика говорить, владика въ бытность свою поминалъ... Такъ говорили они до самаго вечера, когда подали, наконецъ, водку. Подали водку двухъ сортовъ, въ граверныхъ разноцвѣтныхъ графинчикахъ, съ приличной закуской. Тутъ хозяинъ обратилъ вниманіе отца Матвея на балыкъ, что подало поводъ къ длинному разговору о томъ, кто въ Окуевѣ какъ торгуетъ, кто проторговался или проторгуется. Затѣмъ, опять владика пошелъ въ ходъ и не сходилъ уже со сцены до самаго конца вечера, когда отецъ Матвей напомнилъ, что пора уже ко дворамъ. Даже въ передней поимъ еще разъ помянули владыку, причѣмъ отецъ Андрей замѣтилъ:

— Помни же ты, отецъ Матвей, коли ежели что владыка...

— Помню, помню, отецъ Андрей...

— Ну, а Аммосу ни гу-гу...

— Чую! Аммосу въ этомъ дѣлѣ...

— Ну, прощай! Не забудь же.

— Прощай! не забуду.

Такъ прощались поимъ, стоя на крыльцѣ. Назика ничего уже не понималъ въ ихъ разговорѣ; слышалось только ему: «брось-прощай, и наплюй-прощай, и что де Аммосъ тутъ не при чемъ». Словомъ, Назика мало вынесъ изъ этого визита, ибо поимъ Андрей овазался слишкомъ практичнымъ человѣкомъ, чтобы обратитъ вниманіе, подобно Аммосу, на молодаго семинариста. За то въ другихъ мѣстахъ, куда водилъ отецъ Матвей племянника, дѣло шло иначе. Назикой интересовались, вступали съ нимъ въ споры, и философъ отводилъ душу, вдаваясь въ діалектическія тонкости и часто ставя въ тупикъ противника неожиданнымъ оборотомъ рѣчи и цѣлыми кучами асыхъ, какъ день, опроверженій и доказательствъ. Философу казалось, что въ спорахъ ему нѣтъ противника, и онъ съ тайнымъ наслажденіемъ, чуть не съ замираніемъ сердца, приступалъ къ изложенію какой-нибудь истины, имѣя въ то же время въ виду поразить на голову какого-нибудь дьякона Савву или попа Еремея.

И всѣхъ онъ поражалъ и разбивалъ, и вездѣ интересовался имъ, и вездѣ подчивалъ наливкой... А между тѣмъ, проходили каникулы и слава Назики росла все больше и больше. Особенно возросла она съ тѣхъ поръ, какъ онъ въ одинъ престольный праздникъ съезжалъ въ Казанской церкви проповѣдь, и сказалъ такъ хорошо и убѣдительно, что староста церковный подарилъ ему цѣлковникъ, и двѣ старухи, стоявшія у дверей, горько плакали и долго послѣ молились въ землю. Темною была небесная іерархія, отъ которой ораторъ удачно перешелъ къ земной, что особенно понравилось секретарю Окуевского уѣзднаго суда, такъ что онъ взялъ на домъ проповѣдь и велѣлъ переписать ее для себя. Словомъ, въ Назикѣ такъ и сказывался будущій профессоръ, который со временемъ будетъ говорить, говорить и говорить, съ роскошной-ли профессорской кафедрой академіи, или просто съ прорваннаго кожанаго стула бурси, только непремѣнно будетъ говорить. Конечно, такой народъ, какъ попъ Андрей, не пойдетъ на удочку, тѣмъ не менѣе найдется много и такого, что послушаютъ Назику всласть и слава его возрастетъ еще больше...

Такимъ образомъ каникулы не даромъ проходили для Назики. Кромѣ говоренія, онъ занимался также тѣмъ, что дѣлалъ выписки изъ книгъ, набрасывалъ замѣтки, записывалъ темы для будущихъ сочиненій, начиналъ даже писать кое-что, словомъ, собиралъ матеріалы въ ожиданіи того времени, когда нужно будетъ отправиться въ академію. Подошло, наконецъ, и время отъѣзда. Еще наканунѣ явился Оболдухъ, чтобы провести послѣднюю ночь съ товарищемъ своего дѣтства, а на утро проводить Назику въ путь и затѣмъ разстаться съ нимъ, по крайней мѣрѣ, на годъ. Но посмотримъ, что дѣлаетъ Оболдухъ.

У.

Калѣйдоскопъ.

Въ сравненіи съ Назикой, положеніе Оболдуха было крайне прискорбное. Между тѣмъ, какъ товарищъ его быстро шелъ по пути почестей и славы, регентъ претерпѣвалъ поражение за поражениемъ. Мѣсто его успѣлъ занять соборный сверхштатный дьяконъ, Оболдухъ же считался какъ бы его помощникомъ, на самомъ же дѣлѣ состоялъ въ хорѣ и получалъ самое скудное содержаніе. Но, къ счастью, не такого характера былъ Оболдухъ, чтобы стѣсняться каими бы то ни было условіями жизни. Онъ жилъ себѣ барипомъ. У Никола на Четвереньбахъ, на самомъ выгонѣ, нанялъ себѣ комнату и устроился такъ, что жилъ на

нять рублей въ мѣсяцъ изрядно. Видно было изъ окна его поле; дорога, окаймленная лозами, убѣгала далеко-далеко, и свѣтился въ сторонѣ ея знакомый домикъ, куда нерѣдко направлялся регентъ въ часы досуга, когда уже садилось солнце и золотые лучи его, казалось, скользили по самой травѣ. И было это любимое мѣстопробываніе Оболюха. Оттуда, сидя за бѣлымъ столикомъ и покуривая трубку, видѣлъ онъ городъ весь, какъ на ладони, видѣлъ синѣвшіе кругомъ лѣса. И едва-ли Назкинъ, сидѣвшій въ то же время у какого-нибудь отца Алексѣя, предъ которымъ ему надо еще было упрочить свой философскій авторитетъ, былъ такъ счастливъ, какъ Оболюхъ. Говоря откровенно, несмотря на всѣ отрицательныя качества Назкина, его нерѣдко терзала зависть, боязнь утратить авторитетъ, страсть къ славѣ и вообще все то, что тѣсно связано со всякимъ высокимъ положеніемъ. Оболюхъ ничего подобнаго не зналъ. Чтобы уяснить его покойный и ровный характеръ, надо замѣтить, что бурса не имѣла на него никакого почти вліянія, ни въ ученостъ, ни въ какомъ другомъ отношеніи. Правда, онъ долбилъ уроки, заткала уши и старался по возможности не видѣть вокругъ себя; составлялъ даже задачи, проспывая по цѣлымъ ночамъ и въ потѣ лица сооружая какой-нибудь вынословный періодъ; но все это, повторяемъ, не имѣло на него особеннаго вліянія, частію потому, что онъ всегда какъ-то инстинктивно ненавидѣлъ всю эту кипжнущую дребедень и уже въ малолѣтствѣ обнаруживалъ склонности болѣе практическія: ловилъ чижей, дѣлалъ клѣтки, палки любилъ стругать... Пятая такая склонность, регентъ на всю свою школьную дѣятельность рано началъ смотрѣть, какъ на что-то постороннее, которое заставляетъ почему-то дѣлать, а почему именно и зачѣмъ—Богъ еѣ вѣдаетъ. Поэтому, онъ никогда не пристращался, подобно Назкинѣ, къ книгамъ, но и вопроса, зачѣмъ онъ сидитъ въ бурсѣ, тоже не задавалъ себѣ, а какъ истинный гражданинъ, неразмышляющій о своихъ обязанностяхъ, а исполняющій ихъ, ждалъ только, пока выйдутъ положенные годы. Немало выигралъ регентъ отъ такого образа мыслей. Между тѣмъ, какъ на слабую голову бурса производила страшное вліяніе, забывая въ нихъ мало-по-малу здравый смыслъ, регентъ упорно оставался и глухъ и нѣмъ ко всѣмъ богословскимъ и философскимъ тонкостямъ, и, по прежнему, любилъ поля, рощи, клѣтки, любилъ играть на гитарѣ въ досужее время, а то такъ что-нибудь мастерить у себя въ углу: либо ящикъ изъ бумаги, а то домикъ на продажу и т. п. За то въ пѣніи отличался. Разумѣется, за такое поведеніе не мало драли его и давно бы выгнали, но голосъ спасъ. Сначала

теноръ, потомъ густой солидный басъ. Къ тому же и ноту понималъ отменно. Благодаря этому, дошелъ до философіи.

Къ этому времени онъ уже превосходно дѣлалъ кѣтки, рамы, началъ тоже учиться переплетному мастерству. Однимъ словомъ, онъ могъ рассчитывать выйти изъ бурсмы съ большимъ запасомъ свѣдѣній, особенно въ сравненіи съ другими бурсаклами. Послѣдніе не могли никакъ рассчитывать на самостоятельный трудъ. Большинство ихъ предстоало либо состарѣться гдѣ-нибудь писцами, бухгалтерами, либо спиться съ кругу въ качествѣ приходскихъ учителей или дьячковъ; многіе даже рады были тому, что попали въ церковные сторожа. Были и такіе, что продались въ рекруты, и такіе, что цѣлые годы не знали что дѣлать съ собой и своими знаніями: спонялись по деревнямъ, уча дѣтей у мелкопомѣстныхъ дворянъ и чуть не каждый мѣсяцъ перемѣняя мѣсто жительства; либо писали письма бабамъ; а говорятъ были и такіе, что фальшивые паспорта составляли по кабакамъ за полуштофомъ водки, а потомъ подъ красную шапку угодили или же по владимірьѣ прошлись.

Ничто подобное не угрожало регенту: одно уже переплетное мастерство, которое ему было извѣстно въ точности, давало ему точку опоры. Но главное, что спасло и должно было спасти регента во всѣхъ обстоятельствахъ жизни,—это необыкновенное спокойствіе и ровность характера, качества, пріобрѣтшія ему уваженіе даже и въ бурсѣ. Эти же качества упрочили вскорѣ положеніе его въ Окуевѣ и прежде всего въ томъ окологдѣ, гдѣ онъ поселился.

Мѣстность эта была дешевая, но пріятная и разнообразная, по близости отъ выгона и поля. Были тутъ маленькіе домики съ низкими, почти у самой земли окнами, съ зелеными ставнями, на которыхъ изрѣдка туземный маляръ изобразилъ разныя фигуры въ видѣ горшковъ съ зелеными цвѣтами. Весь день было тутъ тихо; рѣдко-рѣдко, если пройдетъ кто-нибудь. Трава на улицѣ въ дождливое время подымалась такъ высоко, что косить было можно: въ ней утопали ступеньки, на которыхъ, по вечерамъ, выходили посидѣть хозяева маленькихъ домиковъ; это были разнаго рода снѣги чуйки, или же дьячки, а иногда попадалися семинаристы въ сѣромъ жилетѣ и безъ сюртука; былъ также сапожникъ съ однимъ глазомъ, ибо другой выкололъ себѣ объ Святой какъ-то шиломъ. Сосѣдъ же дьячокъ былъ очень хорошій человекъ: длинный и тонкій, съ острой сѣрой бородкой и пучкомъ волосъ назадъ; Оболдухъ часто видѣлъ, какъ онъ, выходя на крыльцо и прикладывая руку къ глазамъ, смотрѣлъ на небо, либо въ поле, гдѣ ярко свѣтила и волновалась желтая посѣв-

шая рожь; дьячокъ по нѣсколькѣ минутъ смотрѣлъ обыкновенно вдаль и потомъ, сильно нагнувшись изъ боязни стукнуться лбомъ, уходилъ въ маленькую, почти въ половину его роста, дверь, походившую на отверстіе въ собачьей конурѣ. Никто не зналъ зачѣмъ выходилъ дьячокъ и что онъ видѣлъ вдаль, но только онъ выходилъ часто, и всѣ замѣчали это. Вечеромъ, вся улица принимала довольно оживленный видъ. Солнце прорывалось своими косвенными лучами вездѣ, гдѣ было мѣсто: и сквозь штенъ, окружавшій огорода, и изъ-подъ воротъ чьего нибудь двора, въ щель, протягивалась по травѣ золотою нитью; пыльными свѣтлыми столбами сбилось оно изъ-подъ навѣсовъ, и, когда случайно падало краснымъ вечернимъ свѣтомъ на старую изсохшую фигуру дьячка, сидѣвшаго согнувшись на ступенькахъ; когда золотило его сѣдую бороду и играло въ стекляннхъ пуговкахъ его жилетки, то картина была полная, и вся игра тѣни и свѣта, сливая одни предметы и ярко выдвигая другіе, дѣлала изъ улицы и маленькихъ домиковъ нѣкотораго рода калейдоскопъ, въ которомъ попеременно освѣщались то шедшая по улицѣ корова, то верхъ красной кирпичной трубы, то горшокъ съ цвѣтами гдѣ-нибудь въ окнѣ съ полузадернутой бѣлой занавѣской, то, наконецъ, дьячокъ, который въ этомъ случаѣ, казалось, вдругъ вспыхивалъ и, какъ духъ, сидѣлъ нѣсколько времени въ огнѣ. Такова была мѣстность, гдѣ поселился регентъ. Въ этомъ маленькомъ уголкѣ была своя жизнь и свои интересы дня. Такъ, дьячокъ нерѣдко интриговалъ съ сапожникомъ, что, впрочемъ, всегда оканчивалось мировой, ибо недалеко было, какъ сказано, бѣлый домикъ, имѣвшій способность волновать и усмирять въ то же время страсти жителей; притомъ дьячка часто враждовала съ женой сапожника, что заставляло мужей придерживаться больше мира, такъ-какъ сапожникъ имѣлъ иногда обычай пропивать женнины платки, на которые гулялъ нерѣдко и дьячокъ. Все это развлекало регента въ часы досуга. Скоро онъ не только привыкъ къ новой обстановкѣ, но, по своему мирному и трудолюбивому характеру, оказался какъ нельзя болѣе подходящимъ къ тому рабочему люду, который населялъ окологородъ.

Вставалъ Оболдухъ рано; отпѣвши обѣдню, пробѣгалъ разные партесныя ноты, игралъ на гитарѣ, а то читалъ какую-нибудь книжку, если ужъ совсѣмъ нечего было дѣлать. Комната регента имѣла особый, соответственный занятіямъ, видъ: на столахъ были разложены ноты, висѣли кѣтки у оконъ и вдоль стѣнъ; кой-гдѣ видѣлись картины въ новенькихъ рамкахъ; у окна, гдѣ онъ обыкновенно работалъ, было довольно свѣтло;

тутъ лежали инструменты, какая-нибудь вѣпка или картина, ждавшая рамки; остальная часть комнаты, гдѣ начинался шпринъ съ висѣвшею на нихъ гитарою, была постоянно въ полумракѣ, что еще болѣе усиливало эффектъ ярко освѣщеннаго окна. Солнце почти весь день не выходило изъ комнаты, и, подвигаясь съ окна на столъ, освѣщало попеременно то рубанокъ, то половину картины, то захватывало уголокъ ноть, или же сѣялось сквозъ новую, только что выполированную вѣтку. Была также у регента страсть ко всякимъ чижамъ и сипоцамъ, наполнявшимъ съ утра до вечера шумомъ и жизнью маленькую комнату, въ которой рослый плечистый человекъ, рябой и весь загорѣлый, едва не касавшійся потолка своими черными курчавыми волосами, обдѣлывалъ грубыми толстыми руками тонкіе нѣжные прутки и тѣми же руками осторожно разсаживалъ только что пойманныхъ чижей по вѣткамъ. Суровый съ виду, онъ умѣлъ обращаться съ самыми нѣжными созданіями и былъ счастливъ въ своей незавидной камерѣ, гдѣ было довольно ему и тепла и свѣта, и гдѣ, съ самаго ранняго утра, когда въ раскрытое окно вбѣгали все новыя и новыя струи свѣжаго душистаго вѣтра, начиналась шумная веселая жизнь, полная здороваго, прочнаго и, главное, независимаго труда.

Весь уголокъ скоро замѣтилъ здороваго крѣпкаго регента, человекъ негулящаго и трудолюбиваго. Всякій, проходя мимо, могъ видѣть Оболдуха, занятаго у своего окна либо вѣткою, либо отдѣлкой новой рамки. Трудолюбіе и трезвость регента возбуждали къ нему невольное уваженіе въ сосѣдяхъ. Да и самая личность его, съ первымъ пробивавшимся пукомъ на смуглыхъ щекахъ и черными, нѣсколько вьющимися волосами, имѣла такое простое и вмѣстѣ серьезное выраженіе, что невольно вызывала на довѣрчивость и откровенную бесѣду.

Первое знакомство регента, какъ и слѣдовало ожидать, было съ дьячкомъ, котораго раннимъ утромъ, на самомъ восходѣ солнца, сталъ будить Оболдуха къ заутренѣ, постукивая въ окно. Длинный старый дьячокъ былъ и глухъ и подслѣповатъ; немного шамкалъ, когда говорилъ, и за недостаткомъ зубовъ, имѣлъ вдавленные и тонкія губы; острая бородка его тряслась постоянно, потому что онъ имѣлъ привычку какъ бы жевать что. О его внутреннихъ качествахъ едва-ли что можно сказать, кромѣ того, что онъ любилъ посидѣть на крыльцѣ, при случаѣ выпить, говорилъ же рѣдко и по старости лѣтъ казался уже не отъ міра сего. Весь сгорбленный, сухой, съ длинными руками, онъ едва держался на ходу и его длинная хламидъ болталась на немъ, какъ на вѣшалкѣ: такъ онъ высохъ. При церевнѣ онъ былъ за

штатомъ и его держали по старости лѣтъ, удѣляя по временамъ самую малую копейку изъ общихъ доходовъ. Былъ онъ дьячкомъ чуть ли не шестьдесятъ лѣтъ. Его молчаливость и старческая немощь приобрѣли ему если не уваженіе, то, по крайней мѣрѣ, расположеніе сосѣдей. Такъ Кривой Глазь (такъ назывался сапожникъ), хотя и трактовалъ дьячка нѣсколько свысока, покровительственнымъ тономъ, но это не мѣшало ему питать къ своему старому безотвѣтному сосѣду искреннюю привязанность. Ругая его иногда въ пьяномъ видѣ, Кривой Глазь, однако, отправляясь въ бѣлый домикъ, никогда не упустилъ изъ виду захватить съ собой и дьячка. Дорогой онъ спрашивалъ его, на чемъ свѣтъ стоитъ, когда будетъ война и что какая звѣзда на небѣ значить. Дьячокъ, съ своей стороны, показывалъ ему Мысеву дорогу, разъяснялъ, какъ умѣлъ, звѣзды, или же изъ св. писанія говорилъ, такъ-какъ сапожникъ любилъ вообще что-нибудь божественное. Въ такихъ случаяхъ Кривой Глазь былъ обыкновенно очень внимателенъ и серьезенъ, сознавая неволью, что трактуетъ съ человѣкомъ «нижнимъ» и о предметахъ важныхъ. Иногда даже, послѣ такихъ бесѣдъ, онъ терялъ обычную свою разговорчивость и дѣлался молчаливъ на нѣкоторое время. Особенно же его интересовалъ конецъ свѣта. Дьячокъ говорилъ положительно, что конца ему нѣту, и что ежели даже по Мысевой дорогѣ пойдешь, то все конца не будетъ вплоть до самаго неба. Кривой Глазь никакъ не бралъ этого въ толкъ и просилъ дьячка принять въ соображеніе, что всякое дѣло, хоть то же шило, вапримѣръ, и то имѣетъ конецъ, и что нельзя же, чтобъ все это было такъ, безъ всякаго конца.

— Либо ты врешь, либо ужъ Богъ такъ, заключалъ онъ въ подобныхъ случаяхъ. — Ну, а Моисей, зачѣмъ шелъ?

Дьячокъ объяснялъ, зачѣмъ шелъ Моисей.

— Ну, и онъ не дошелъ до конца?

— Нѣтъ. И онъ не дошелъ до конца, отвѣчалъ дьячокъ.

— Ну, а отъ коего мѣста свѣтъ идетъ? продолжалъ допытываться сапожникъ.

— Отъ моря, отвѣчалъ дьячокъ.

— Такъ, замѣчалъ сапожникъ. — Тамъ значить и небо?

— И не тамъ.

— Ну, а вотъ звѣзды, что они, изъ чего?

— Звѣзды изъ огня.

— А зачѣмъ онѣ ходять?

— Положено, отвѣчалъ дьячокъ.

— Такъ, говорилъ въ раздумьи сапожникъ. — Дивно это, подумаешь, какъ свѣтъ устроенъ. Отчего жъ это Фаронъ теперь не

Т. СЛХХІ. — Отг. I.

вѣровавъ? Все, кажись, положено, тоже и Адамъ былъ и Соломонъ... А съ чего премудрости Соломона пошло — не знаешь?

— Богъ повелѣлъ, отвѣчалъ дьячокъ.—Для всякаго человѣка звѣзда есть.

Такъ обывовенно разспрашивалъ Кривой Глазь своего спутника до тѣхъ поръ, пока они не приходили къ бѣлому домику. Замѣчательно, что онъ постоянно любилъ обращаться къ сказаннымъ вопросамъ, ибо никогда не бралъ въ толкъ всего, что говорилъ ему дьячокъ.

Но когда пріатели возвращались домой поздно вечеромъ, и Мысева дорога была уже въ полномъ сіяніи, то философія сапожника принимала нѣсколько другое направленіе. Онъ уже не столько предлагалъ вопросы, сколько самъ разрѣшалъ ихъ. Онъ утверждалъ, изпримѣръ, что до конца свѣта можно идти, только надо шить сапоги крѣпкіе-прекрѣпкіе и идти ночью, потому что Мысевой дороги днемъ нѣту. Запуталъ онъ было дьячка на вопросѣ, почему Мысевой дороги днемъ нѣту. Хорошо еще, что тотъ во время успѣлъ сообразить, что Моисей днемъ шелъ по облаку. Но тутъ начался толкъ объ огненномъ столбѣ, ибо Кривой Глазь пожелалъ знать, какой онъ былъ величины. Наконецъ, опредѣлили его мѣру въ три аршана, на томъ основаніи, что число три въ св. писаніи самое главное. Любили также говорить они о потопѣ, о Ноѣ. Только однажды Кривой Глазь очень обидѣлся, услыхавъ отъ дьячка, что простой народъ пошелъ отъ Хама. Это произвело между ними большой споръ, при чемъ сапожникъ, ударивъ кулакомъ по столу, вскричалъ:

— Я жь тебѣ докажу, что я не отъ Хама! Ты на чьи деньги пьешь?

Дѣло было у бѣлаго домника, на свѣжемъ воздухѣ и послѣ полуштофа. Но ссора не имѣла особенныхъ послѣдствій, такъ какъ дьячокъ объяснилъ, что простой народъ или чернѣй тотъ, который подъ помѣщиками, и что, слѣдовательно, Кривой Глазь пошелъ не отъ Хама.

Таковы были обитатели этого скромнаго уголка. О прочихъ личностяхъ Казанскаго прихода расскажемъ впоследствии.

Н. П.—ій.

СТАРАЯ ПОМПАДУРША *

РАЗСКАЗЪ.

I.

Ни для кого внезапная отставка стараго помпадур не была такъ обильна горькими послѣдствіями, ни въ чьемъ существованіи не оставила она такой пустоты, какъ въ существованіи Надежды Петровны Бламанжé. Квартальные, секретари и другіе подъячіе, въ ожиданіи новаго помпадур, все-таки, продолжали именоваться кварталными, секретарями и подъячими; она одна, въ одно мгновеніе и навсегда, утратила и славу, и почести, и величіе... Были минуты, когда ей казалось, что она даже утратила свой полъ.

— Главное, ма сёге, несите свой крестъ съ достоинствомъ! говоритъ пріятельница ея, Ольга Семеновна Проходимцева, которая когда-то черезъ нее пристроила своего мужа куда-то секретаремъ: — не забывайте, что на васъ обращены глаза цѣлаго города.

Надежда Петровна вздрогнула и мысленно сравнивала себя съ Изабеллой Испанскою. Чтó ей теперь «глаза цѣлаго города!» чтó въ нихъ, когда они устремлялись на нее лишь для измѣренія глубины ея горести! Утративши своего помпадур, она утратила все... даже способность быть патриоткою!..

Послѣднія минуты разставанія были особенно тяжелы для нея. По обыкновенію, прощаніе происходило на первой отъ города станціи, куда собрались самые преданнне, чтобы проводить въ дальнѣйшій путь добрѣйшаго изъ помпадуровъ. Закусили, выпили, поплакали; секретарь Проходимцевъ даже до того обмо-

* Разказъ этотъ, изображающій наше недавнее прошлое, составляетъ отрывокъ изъ обширнаго сочиненія: «Помпадури и Помпадуриши». Дѣйствіе происходитъ въ уѣздномъ городѣ.

Асм.
*

чился слезами, что старий помпадуръ только махнулъ рукою и сказалъ:

— Уведите! уведите его... онъ добрый.

Однако, Надежда Петровна была сдержана и даже довольно искусно притворилась веселою. Ее попросили спѣть что-нибудь— она не отказалась; взяла гитару и пропѣла любимую помпаду-рову пѣсню:

Шли три онѣ...

и только въ ту минуту, когда пришлось выводить:

Ты, Матрена!
Ты, Матрена!
Не подвертывайся!

голосъ ея какъ будто дрогнулъ...

Но когда доложили, что лошади поданы, когда старий помпадуръ началъ укутываться и уже заносилъ руки, чтобы положить въ уши канатъ, Надежда Петровна не выдержала. Она быстро сдернула съ своихъ плечъ пуховую косынку, и обернувъ ея шею помпадура, вскрикнула... Отъ этого крика проснулось эхо сосѣднихъ лѣсовъ.

— Nadine a été sublime d'abnégation! говорила потомъ одна изъ присутствовавшихъ на проводахъ дамъ: — представьте себѣ, она всю дорогу ѣхала съ открытой шеей и даже не хотѣла запахнуть салопа.

— Et se cri! прибавила другая дама: — se cri! Это было какое-то вдохновеніе! Это было просто что-то такое...

Какъ бы то ни было, но старий помпадуръ уѣхалъ, до такой степени уѣхалъ, что самый слѣдъ его экипажа въ ту же ночь занесло снѣгомъ. Надежда Петровна съ ужасомъ помышляла о томъ, что ее съ завтрашняго же дня начнутъ называть «старой помпадуршей».

Ничто такъ болѣзненно не дѣйствуетъ на впечатлительныя души, какъ перемены и утраты. Бываетъ, что даже просто стулъ вынесутъ изъ комнаты, и то ищешь глазами и чувствуешь, что чего-то недостаетъ; представьте же себѣ, какое нравственное потрясеніе должно было произойти во всемъ организмѣ Надежды Петровны, когда она убѣдилась, что у нея вынесли изъ квартиры цѣлаго помпадура! Долгое время она не могла освоиться съ этою мыслью; долгое время ее какъ будто подманивало и подмигивало. Рука ея машинально поднималась чтобъ ущипнуть, или потрепать кого-то по щекѣ; голова и весь корпусъ томно склонялись, чтобъ отдохнуть на чьей-то груди. Въ ушахъ явственно раздавался чей-то голосъ; таія вздрагивала отъ мнимаго прикосновенія чьей-то руки; грудь волновалась и

трепетала; губы полустеривались, дыханіе становилось прерывистымъ и жгло. Однимъ словомъ, въ ней какъ будто самъ собой еще совершался тотъ процессъ вчерашней жизни, когда счастье полнымъ ключемъ было въ ея жилахъ, когда не было ни одного дыханія, которое не интересовалось бы ею, не удивлялось бы ей, когда вокругъ нея толпились необозримыя стада робкихъ поклонниковъ, когда она, чтобъ сдерживать ихъ почтительныя представленія и заявленія, была вынуждаема съ томнымъ самоотверженіемъ говорить: «нѣтъ, вы объ этомъ не думайте! Это все не мое! Это все и на вѣкъ принадлежитъ моему милому помпадуру!..»

— Душенька! не мучь ты себя! Утри свои глазки! успокойвай Надежду Петровну мужъ ея, надворный совѣтникъ Бламанжé, стоя передъ ней на колѣняхъ: — повѣрь, такія испытанія никогда безъ дѣли не посылаются! Современемъ...

— Что «современемъ»? ужъ не вы ли думаете замѣнить мнѣ ея? съ негодованіемъ прерывала его Надежда Петровна.

— Другъ мой! голубчикъ! полно! куда мнѣ! Я говорю: современемъ...

— Отстаньте! вы мерзки!

Бламанжé удалялся въ другую комнату, и оттуда робко вслушивался, какъ вздыхала Надежда Петровна.

Бламанжé былъ малый кроткій и несъ званіе «помпадурина мужа», безъ нахальства и даже безъ особенной развязности, а такъ только, какъ будто былъ имъ чрезвычайно обрадованъ. Онъ успѣлъ снискать себѣ всеобщее уваженіе въ городѣ тѣмъ, что не задиравъ носа и не гордился. Другой на его мѣстѣ непремѣнно сталъ бы и обрывать, и возирать, и финты-фанты выкидывать; онъ же не только ничего не выкидывалъ, но постоянно велъ себя такъ, какъ бы его поздравляли съ праздникомъ.

— Какъ здоровье Надежды Петровны? спрашивали его знакомые, встрѣтившись на улицѣ.

— Благодарю васъ! отвѣчалъ онъ любезно: — въ ту минуту, какъ я оставилъ ее, у нея сидѣлъ...

И потомъ, вдругъ скорчивъ таинственную мину, онъ прибавлялъ своему собесѣднику на ухо:

— Опять повздорили! или: — опять помирились! смотря по тому, было ли извѣстно собесѣднику, что передъ этимъ между помпадурами произошла любовная размолвка, или любовное приглашеніе.

Обыватели не только дѣлили такую ровность характера, но даже усматривали въ ней признаки доблести; да и нельзя было не дѣлать, потому что у всѣхъ былъ еще въ свѣжей памяти

мужъ предшествовавшей помпадурши, корнетъ Отлетаевъ, который не только разбивалъ по ночамъ винныя погреба, но однажды голый и съ штандартомъ въ рукахъ, проскакалъ верхомъ черезъ весь городъ.

Поэтому, когда уѣхалъ старый помпадуръ, Бламанжé огорчился этимъ едва-ли не болѣе, нежели сама Надежда Петровна. Онъ чувствовалъ, что и въ его существованіи образовался какой-то пропускъ; что ему хочется кому-то поклониться—и поклониться нѣкому; хочется во время уйти изъ квартиры—и уйти не для чего; хочется сказать: «какъ приважите?»—и сказать нѣтъ слова. Просто не стало резона производить тѣ дѣйствія, говорить тѣ рѣчи, которыя производились и говорились въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ сряду, и совокупность которыхъ сама собой составила такую естественную и со всѣхъ сторонъ защищенную обстановку, что и жилось въ ней какъ-то уютнѣе, и спалось словно мягче и безмятежнѣе.

Со своей стороны, и Надежда Петровна, за все время своего помпадурствованія, вела себя до такой степени умно и осторожно, что не только не повредила себѣ въ мнѣніи общества, но даже значительно выиграла. Правда, она гордилась своимъ положеніемъ, но гордилась только въ томъ смыслѣ, что она по совѣсти выполняетъ ту роль благодѣтельной феи, которая выпала на ея долю по волѣ судьбы. Ни одинъ подъячій не уходилъ отъ нея безъ утѣшенія, ни одинъ частный приставъ не миновалъ того, чтобъ не придти въ восторгъ отъ ея ласковаго обращенія.

— Вотъ ужъ именно можно сказать: мухъ зла не сдѣлала! восклицали хоромъ эти ревностные исполнители начальственныхъ предначертаній.

Всякому она какъ будто говорила: посмотри, какая я мягкая, славная, сочная, добрая! и какъ долженъ быть счастливъ со мною твой начальник! Всякому она съумѣла сдѣлать что нибудь пріятное. У одного крестила дочь или сына, у другаго была посаженной матерью; у бесплодныхъ ѣла пироги. Не сердилась даже, когда у нея цаловали ручки и заводили при этомъ расслабляющій чувства разговоръ. Она сама не прочь была поворотъ, но всякій разъ, когда вранье начинало принимать двусмысленный оборотъ, она, безъ всякой, впрочемъ, строптивости, прерывала разговоръ словами: «нѣтъ! объ этомъ вы пожалуйста ужъ забудьте! Это не мое! Это все принадлежит моему милому помпадуру!» Однимъ словомъ, стояла на стражѣ помпадурина добра.

Очень понятно, что обыватели и это съумѣли и нить по дос-

тониству. Вспоминали прежних помпадуршъ, какія онѣ были халды и притязательныя, какъ наушничали, сплетничали и даже истязали; какъ онѣ увольняли и опредѣляли, какъ отягощали налогами и экзекуціями... Передавали другъ другу рассказы о корнетшѣ Отлетаевой, которая однажды въ своего помпадурша апельсинномъ на званомъ обѣдѣ пустила, и даже не извинилась потомъ, и сравнивая этотъ порывистый образъ дѣйствія съ благосклонно-мягкими, почти неслышными движеніями Надежды Петровны, всѣ въ одинъ голосъ вопіяли:

— Муки не обидѣла! Самому послѣдному приказному—и тому не сдѣлала зла!

Однимъ словомъ, по мѣрѣ того, какъ она утѣшала своего помпадурша, общественное уваженіе къ ней возрастало все больше и больше. Поэтому, выходъ ея изъ помпадуршъ былъ не только сносный, но даже блестящій. Обыкновенно бываетъ такъ, что старую помпадуршу немедленно же начинаютъ рвать на куски, т.-е. начинаютъ не узнавать ее, дѣлать въ ея присутствіи нѣкоторыя несовмѣстныя тѣлодвиженія, называть душенькой, подсылать къ ней извожиковъ; тутъ же, напротивъ, все обошлось какъ нельзя приличнѣе. Цѣлый городъ понялъ великость понесенной ею потери, и когда нѣкоторый остроумецъ, увидѣвъ на другой день Надежду Петровну, одѣтую съ ногъ до головы въ черное, стоящую въ церкви на колѣнахъ, и сдержанно, но пламенно молящуюся, вздумалъ—было сдѣлать рукою какой-то вольный жестъ, то все общество протестовало противъ этого поступка тѣмъ, что тотчасъ же послѣ обѣдни отправилось къ ней съ визитомъ.

— *Jamais, au grand jamais! même dans ses plus beaux jours, elle n'a été fêtée de la sorte!* говорила статская совѣтница Глумова, вспоминая объ этомъ торжествѣ невинности.

— Просто даже какъ будто она и не Бламанже, а какая-нибудь принцесса! прибавлялъ отъ себя дѣйствительный статскій совѣтникъ Балбесовъ.

Даже кучера долгое время вспоминали, какъ господа ѣдили «Бламанжейшино горе утѣять» — такъ великъ былъ въ этотъ день съѣздъ экипажей передъ ея домомъ.

— Вы, пожалуйста, душечка, къ намъ попрежнему! убѣждала Надежду Петровну предводительша Веденѣева.

— Вы знаете, какъ мы были привязаны къ тому, что для васъ такъ дорого! прибавляла госпожа Прохвостова.

— Вы знаете, какъ мы цѣнимъ, какъ понимаемъ! перебивала статская совѣтница Глумова.

— Mais venez donc dîner, chère... sans cérémonies! благосклонно упрасивала дѣйствительная статская совѣтница Балбесова.

— И чѣмъ чаще-сь, тѣмъ лучше-сь! присовокуплялъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Балбесовъ, поглядывая на помпадуршу масляниши глазами: — горе ваше, Надежда Петровна, большое-сь; но, смѣю думать, не безъ надежды, однако, на утѣченіе-сь!

Не мало способствовало такому благополучному исходу еще и то, что старшій помпадуръ былъ одинъ изъ тѣхъ, которые зажигаютъ неугасимые огни въ благодарныхъ сердцахъ обывателей тѣмъ, что принимаютъ по табельнымъ днямъ, не манкируютъ званыхъ обѣдовъ и вечеровъ, и съ ангельскимъ терпѣніемъ подписываютъ подаваемые имъ бумаги. Припомнили, какъ предшествовавшіе помпадурш швыряли и даже топтали ногами бумаги, какъ они слонялись по городу, съ пѣной у рта, какъ хлопали квартальному по животу, прибавляя: — что! много тутъ погребено всякихъ курочекъ да поросаточекъ! Какъ невѣжничали на званыхъ обѣдахъ... и не могли не удивиться кротости и обходительности новаго (увы! теперь уже отставнаго!) помпадуря. А такъ-какъ и онъ, по началу, оказывалъ нѣкоторыя топтательныя поползновенія, и однажды даже, разсердившись на городническое правленіе, приказалъ всѣмъ членамъ его умереть, то не безъ основанія догадывались, что пережѣна, въ немъ совершившаяся, произошла единственно благодаря благотѣльному вліянію Надежды Петровны.

— Нѣтъ, вы подумайте, сколько надо было самоотверженія, чтобъ укротить такого звѣря! говорили одни.

— Вѣдь она, можно сказать, всякую его выходку на своемъ тѣлѣ приняла! утверждали другіе.

— Да-сь, это искусство немаленькое! Быть ввержену въ одну вѣтку съ звѣремъ — и не проштрафиться! прибавляли третьи.

И такимъ образомъ, и старшій помпадуръ, и сама Надежда Петровна, и даже надворный совѣтникъ Влѣманже, — все дѣйствовало за одно, все способствовало, чтобы привязать къ ней сердца обывателей. Такъ что, когда старшій помпадуръ уѣхалъ, то она очутилась совсѣмъ не въ томъ ложномъ положеніи, какое обыкновенно становится удѣломъ всѣхъ вообще уволенныхъ отъ должности помпадуршъ, а просто явилась интересною жертвою жестокой административной необходимости. Одно только казалось ей страннымъ: что въ ея существованіи вдругъ какъ будто нѣ-

кто провелъ черту и сказалъ при этомъ: «отнынѣ быть тебѣ, попрежнему, дѣвицей!»

Однако, какъ ни велика была всеобщая симпатія, Надежда Петровна не могла не припоминать. Прошедшее вставало передъ нею, осязательное, живое и ясное; оно шло за ней по пятамъ, жгло ей щеки, тѣснило грудь, закипало въ крови. Она не могла взглянуть на себя въ зеркало безъ того, чтобы вездѣ... вездѣ не увидѣть слѣдовъ помпадуря!

— Противный ты, помпадурюшка! нашалилъ и уѣхалъ! говорила она, томно опускаясь на кушетку, а слезы такъ и сыпались крупными алмазами на пылающія щеки.

Надворный совѣтникъ Бламанже обыкновенно ловилъ такіа минуты налету, и неслышно, словно у него были бархатныя ноги, подползалъ къ кушеткѣ.

— Другъ мой! начиналъ онъ: — Богъ милостивъ! Современемъ...

— Отстаньте! вы мнѣ мерзки! все противно! все мерзко! все отвратительно! кричала она на него, и нерѣдко даже разбивала при этомъ какую нибудь бездѣлицу.

Прежде всего, ей припоминались первые, медовые дни ихъ знакомства. Что она плѣнила его — въ томъ ничего не было удивительнаго. Это была одна изъ тѣхъ роскошныхъ женщинъ, мимо которыхъ ни одинъ человѣкъ, на заставахъ команду имѣющій, не можетъ пройти безъ содроганія. Въ особенности же раздражительно дѣйствовала ея походка, и когда она, неся поясницу на отлетѣ, не шла, а словно устремлялась по улицѣ, то помпадуръ, самъ того не замѣчая, начиналъ подпрыгивать. Многие пробовали устоять противъ одуряющаго дѣйствія этой походки, но не устоялъ никто. Однажды, окружной акцизный даже пари подержалъ, что устоитъ, но какъ только поровнялся съ очаровательницей, то вдругъ до такой степени взвизнулъ, что жившій неподалеку мѣщанинъ Полотебновъ сказалъ женѣ: «а что, Мариша, никакъ въ лѣсу заяцъ лѣсно заплѣлъ!» Въ этомъ положеніи засталъ его старшій помпадуръ.

— Вы, государь, мой, въ такихъ лѣтахъ, что можете, кажется, сами понимать, что визжать на улицѣ неприлично! сказалъ онъ ему строго.

Но акцизный даже не извинился, а продолжалъ лопотать языкомъ что-то невнятное, и указывалъ рукой на удаляющуюся Надежду Петровну.

Съ тѣхъ поръ, все пошло какъ по маслу.

Помпадуръ началъ съ того, что обласкалъ надворнаго совѣтника Бламанже. Потомъ, сталъ непрерывно прохаживаться подъ

окнами дома, въ которомъ жила Надежда Петровна, и напѣвать: «Jeune fille aux yeux noirs». Напѣвалъ онъ этотъ романсъ то грустнымъ фальцетомъ, то подражая звуку трубы; приче́мъ фальшивилъ неупустительно. Весь городъ замѣтилъ негѣное помпадурово шатанье, и съ тревожнымъ волненіемъ ожидать, чѣмъ оно кончится. Надежда Петровна тоже что-то предчувствовала, и, завидѣвъ изъ окна влюбленнаго помпадура, смѣялась тѣмъ тихимъ, счастливымъ смѣхомъ, какии смѣются маленькія дѣти, когда у нихъ слегка пощекотать животикъ. Наконецъ, въ этомъ дѣлѣ приняла участіе Ольга Семеновна Проходимцева...

Провинція на этотъ счетъ очень услужлива. Когда замѣтитъ, что помпадуръ въ охотѣ, то сейчасъ же со всѣхъ сторонъ такъ и посыплются на него всякія благодатныя случайности: и нечаянныя прогулки въ загородномъ лѣсу, и нечаянныя встрѣчи въ домѣ какой-нибудь гостепріимной хозяйки, и нечаянныя столкновенія за кулисами во время благороднаго спектакля. Однимъ словомъ, нѣтъ того живаго дыханія, которое не послало бы своего отвратительнаго пожеланія, которое не посодѣйствовало бы какии-нибудь омерзительнымъ движеніемъ успѣху сего омерзительнаго предпріятія.

Такъ было и тутъ. Помпадуръ встрѣчался съ Надеждой Петровной у Проходимцевой, и встрѣчался всегда случайно. Сначала, онъ все пѣлъ: «Jeune fille aux yeux noirs», и объяснялъ, что музика этого романа была любимымъ церемоніальнымъ маршемъ въ его полку. Иногда, впрочемъ, для перемѣны, принимался разсматривать лежавшія на столѣ картинки, и бормоталъ себѣ, подурачки, подъ носъ:

— Неприступная!

— Про кого вы тамъ еще шепчете? спрашивала его Надежда Петровна.

— Небожительница!

О, ежели бы у него былъ хвостъ, она, навѣрно, увидѣла бы, какъ онъ вилялъ имъ въ это время!

Долго, однакожь, она не поддавалась обаянію его любезности; повременамъ, случалось даже такъ, что онъ затынеть:

Des chevaliers ainsi m'ont exprimée leur flamme...

а она въ отвѣтъ:

Et moi, j'ai refusée l'offre des chevaliers...

И съ такой усмѣшкой посмотреть на него, что онъ вдругъ, словно обожженный, перемѣнитъ матерію и затынеть: «T'en souviens-tu?»

— Чтò это вы вдругъ какую похоронную? спроситъ Ольга Семеновна.

— Чтò жь дѣлать-сь? Вотъ Надеждѣ Петровнѣ не имѣемъ счастья правиться! отвѣтить онъ, и какъ-то такъ уморительно надуеть губы, что Надеждѣ Петровнѣ такъ вотъ и хочется по-пробовать, какой онъ издадутъ звукъ, если нечаянно хлопнуть по нимъ пальчикомъ.

Но такъ-какъ никто своей судьбѣ не избѣжить, то и для нихъ настала рѣшительная минута.

Однажды — это было осеннимъ вечеромъ, — помпадуръ, по обыкновенію, пришелъ къ Проходимцевой, и по обыкновенію же, засталъ тамъ Надежду Петровну. Въ этотъ разъ, нервы у ней были какъ-то особенно впечатлительны.

— Jeune fille aux yeux noirs! tu règnes sur mon âme!

затянулъ помпадуръ. Надежда Петровна вполголоса ему вторила:

Eh moi, j'ai refusée...

— Ахъ, нѣтъ! ахъ, нѣтъ! не пойте этого! не смѣйте пѣть! какъ-то нервически вскрикнула Надежда Петровна, какъ будто хотѣла заплакать.

— Вы... ты...

Сердца ихъ зажглись.

Вспоминала объ этомъ Надежда Петровна въ теперешнемъ своемъ уединеніи, вспоминала, какъ послѣ этого она пріѣхала домой, безъ всякой причины бѣгала и кружилась по комнатамъ, какъ Бламанже ползалъ по полу и цаловалъ ея руки; вспоминала... и сердце ея вотще зажигалось, и по щекамъ текли горькія, горькія слезы...

— Какой онъ, однакожъ, тогда глупенькій былъ! говорила она: — и какъ онъ смѣшно глазами вертѣлъ! какъ онъ старался руганды выдѣлывать! какъ будто я и безъ того не понимала, къ чему эти руганды клонятся!

Отъ одного воспоминанія, мысль ея неволью переходила къ другому.

Однажды, у Проходимцевой состоялись живныя картины. Были только *свои*. Онъ представлялъ Іакова, она — Рахиль. Она держала въ рукахъ наклоненную афору, складки ея туннии спускались на груди, и какъ-то случайно разстроились... Онъ протягивалъ губы («и какъ онъ уморительно ихъ протягивалъ... глупушка мой!» думалось ей)...

— Эхъ, Надежда Петровна! кабы вы меня такимъ манеромъ попойли! сказалъ ей тогда дѣйствительный статскій совѣтникъ Балбесовъ, но она сдѣлала видъ, что не слышать, и даже не пожаловалась *ему*.

Почему она не пожаловалась? А потому, что онъ, однажды, сказалъ ей:

— Ты, Наденька, если будутъ къ тебѣ приставать, только скажи! я сейчасъ его на ташку — и фиты!

Она же не только не добивалась ничего подобнаго, но желала одного: чтобы всѣ на нее смотрѣли и радовались.

Потомъ, однажды, это было ужь очень-очень поздно — она расплилась и вдругъ сказалъ ей:

— Наденька! какое, однакожъ, у тебя тѣло, такъ и таетъ!

Потомъ... они были, однажды, въ командировкѣ... она — по дѣламъ, она — случайно... Ихъ пригласилъ предводитель объѣдать... бесѣдка... садъ... поэтъ соловей... вдаль ходить псымоводитель и курить сигару...

Все это такъ и металось въ глаза, такъ и вставало передъ ней, какъ живое! И, чтò всего важнѣе: по мѣрѣ того, какъ она утѣшала своего друга; уваженіе къ ней все болѣе и болѣе возрастало! Никто даже не завидовалъ! всѣ знали, что это такъ есть, какъ и быть должно... А теперь? чтò она такое теперь? Старая помпадурша! развѣ это положеніе? развѣ это постъ?

— Ахъ, гдѣ-то онъ теперь, дурушка мой!

Надежда Петровна томилась и изнывала. Она видѣла, что общество благосклонно къ ней попрежнему, что и квартальные ни мало не утратили своей предупредительности, но это ее не радовало, и даже какъ будто огорчало. Всякій новый зовъ на обѣдъ или вечеръ напоминалъ ей о прошедшемъ, о томъ недавнемъ прошедшемъ, когда приглашенія приходили естественно, а не изъ сожалѣнія или какой-то искусственно-вызванной благосклонности. Правда, у нея былъ другъ — Ольга Семеновна Преходимцева...

Съ этимъ другомъ она записалась одинъ на одинъ, и вспоминала. Она даже сама удивлялась, какой неисчерпаемый источникъ подробностей открывался передъ нею всякій разъ, какъ она принималась припоминать.

— Вотъ какой этотъ помпадурушка глупенькій! сколько онъ нашалилъ! говорила она Ольгѣ Семеновнѣ, и вновь отыскивала какую-нибудь еще неразсказанную подробность, и повѣствовала объ ней своему другу.

Отъ остальныхъ знакомыхъ она почти отказалась, а дѣйствительному статскому совѣтнику Балбесову даже напрямки сказала, чтобы онъ и не думалъ, и что хотя помпадуръ уѣхалъ, но она попрежнему принадлежитъ одному ему, или лучше сказать, благодарному воспоминанію объ немъ. Это до такой степени ожесточило Балбесова, что онъ прозвалъ Надежду Петровну

хотячемъ панихидой по помпадурѣ; но и за всѣмъ тѣмъ успѣха не имѣлъ.

— Вѣдь вотъ, сударь, какое этому помпадуру счастье! говоришь онъ: — вѣдь, кажется, только и хорошаго въ немъ было, что на обвязану похожъ, а какую привязанность къ себѣ получилъ!

Большую часть времени она сидѣла передъ портретомъ стараго помпадура, и все вспоминала, все вспоминала. Случалось иногда, что люди, особенно преданные, успѣвали-таки проникать въ ея уединеніе, и уговаривали ее принять участіе въ какомъ-нибудь уѣздномъ увеселеніи. Но она на всѣ эти уговоры отвѣчала презрительною улыбкой. Наконецъ, это сочтено было даже опаснымъ. Попробовали призвать на совѣтъ надворнаго совѣтника Бламанже, и заставили его еще разъ стать передъ ней на колѣни.

— Голубчикъ! не отъ себя, а отъ имени цѣлаго общества... умолялъ злосчастный Бламанже, ползая по полу.

— Вы съума сошли! вы, кажется, забыли, кто меня любитъ! отвѣчала она, величественно указывая на портретъ стараго помпадура.

А помпадуръ, словно живой, выглядывалъ изъ рамокъ, и, казалось, одобрялъ ея рѣшеніе.

И вотъ, однажды, утромъ Надежда Петровна едва успѣла встать съ постельки, какъ увидала, что на улицѣ происходитъ какое-то необыкновенное смѣненіе. Какъ ни поглощена была ея мысль воспоминаніями прошлаго, но сердце ея невольно вздрогнуло и заколотилось въ груди.

— Поздравляю, душенька! новый помпадуръ пріѣхалъ! весело сказалъ вошедшій въ это время надворный совѣтникъ Бламанже.

II.

Между тѣмъ уваженіе къ Надеждѣ Петровнѣ все росло и росло. Купцы открыто говорили, что «еслибы не она, наша матушка, она бы, какъ святъ Богъ, и насъ всѣхъ, да и брахъ-то нашъ по вѣтру развѣялъ!» Дверяне и чиновники выводили ее чуть не по прямой линіи отъ князя Олега. Частный приставъ настолько встревожился этими слухами, что, несмотря на то, что былъ обязанъ своимъ возвышеніемъ единственно Надеждѣ Петровнѣ, счелъ долгомъ доложить объ нихъ новому помпадуру.

— Скажите бабѣ, чтобы она увялась, а не то... фить! отвѣ-

часть новнй помпадуръ, и какъ-то самонадѣнно-лихо щелкнулъ при этомъ пальцами.

Новнй помпадуръ былъ малый молодой и совсѣмъ отчаянный. Онъ не зналъ ни наукъ, ни искусствъ, и до такой степени мало уважалъ, такъ-называемыхъ, идеологовъ, что даже изъ Поль-де-Кока и прочихъ классиковъ прочиталъ только избраннѣйшія мѣста. Любимѣйшія его выраженія были: «фитъ!» и «куда Ма-каръ телать не загонялъ!»

Тѣмъ не менѣе, когда онъ объѣздилъ уѣздную интеллигенцію, то, несмотря на свою безнадежность, понялъ, что Надежда Петровна составляетъ своего рода силу, съ которою не считаться было бы неблагоприятно.

— Повѣрьте, mon cher, отиривался онъ одному изъ своихъ приближенныхъ: — эта Бламанже... это своего рода московская пресса! Столь же податлива... и столь же тверда! Но что она, во всякомъ случаѣ, волнуетъ общественное мнѣніе — это такъ вѣрно, какъ дважды два!

Но что всего болѣе волновало его, такъ это то, что онъ еще ничѣмъ не успѣлъ провиниться, какъ уже встрѣтилъ противодѣйствіе.

— Помилуйте! я пріѣхалъ сюда... и, кромѣ открытаго сердца... клянусь Богомъ, ничего! говорилъ онъ: — и что жь... на первыхъ же порахъ!

Однако, мало-по-малу, любопытство взяло верхъ, и однажды, когда частный приставъ явился утромъ, по обыкновенію, то новнй помпадуръ не выдержалъ.

— А что... эта старая... какова? спросилъ онъ.

— Птичка-съ!

— Гм... вы понимаете... я... Но!...

— Точно такъ-съ.

— Ну да!

У частнаго пристава сперло въ зобу дыханіе отъ радости. Онъ прежде всего былъ человѣкъ доброжелательный, и не могъ не болѣть сердцемъ при видѣ какихъ бы то ни было междоусобій и неустройствъ. Поэтому, онъ немедленно отъ помпадура поспѣвалъ къ Надеждѣ Петровнѣ, и засталъ ее сидящею въ уннѣи передъ портретомъ стараго помпадура. У ногъ ея ползалъ Бламанже.

— Гдѣ-то ты теперь, глушукя! Нашалилъ — и уѣхалъ! разсуждала она сама съ собою.

Однако, когда въ передней послышалось званіе полицейской шпаги, она не могла не вздрогнуть. Такъ вздрагиваетъ старнй боевой конь, слышавъ призывной звукъ трубы. Надо

сказать, впрочемъ, что къ Надеждѣ Петровнѣ всякій и во всякое время могъ входить безъ доклада и требовать себѣ водки и закусить.

— Принеси ты мнѣ, Семенъ, этой рыбки—знаешь? командовать частный приставъ въ передней.—А вы, Надежда Петровна, все еще въ слезахъ! Матушка! голубушка! да что жь это такое? продолжать онъ, входя въ комнату: — ну, поплакали! ну, и будетъ! глазки-то, глазки-то зачѣмъ же портить!

— Да-съ, вотъ не могу убѣдить! вступился Бламанже.

— До тѣхъ поръ, покуда... сказала Надежда Петровна, и голюсъ ея оборвался.

— Ну да, есть резонъ! а вы бы, сударыня, и объ насъ, грѣшныхъ, тоже подумали!

— Что жь я могу сдѣлать! теперь моя роль...

Надежда Петровна поняла головой.

— А я вотъ что вамъ доложу, сударыня! настойчиво продолжалъ частный приставъ: — вмѣсто того, чтобы передъ этимъ, прости Господи, идоломъ унывать, вамъ бы, сударыня, бразды-съ... вотъ что, сударыня!

Но Надежда Петровна, попрежнему, смотрѣла въ упоръ на стараго помпадуря.

— Я, сударыня, еще сегодня имѣлъ счастье докладывать...

Частный приставъ вздохнулъ.

— Что же? вступился Бламанже.

— А что жь, говорятъ, коли онѣ хотять противодействовать, такъ и пускай!... Нехорошо это, Надежда Петровна! Богъ съ васъ за это спроситъ! такъ-то-съ!

Но она все молчала, и, казалось, въ глазахъ смотрящаго на нее помпадуря почерпала все большую и большую душевную твердость.

«Нашалилъ — и уѣхалъ!» думалось ей.

— Вотъ то-то оно и есть-съ! продолжалъ частный приставъ, какъ бы предвосхищая ея мысль: — они-то уѣхали, а мы вотъ тутъ отдувайся-съ!

— Я постоянно ей это твержу! оправдывался Бламанже: — и ве я одинъ — все общество!

Но Надежда Петровна уже не слушала болѣе. Она вскочила съ мѣста, и какъ раненая тигрица, устремилась на частнаго пристава.

— Такъ вы забыли, кто меня любилъ? вскрикнула она на него: — а я... я помню! я все помню!

И съ этимъ словомъ она величественно удалилась изъ комнаты.

Попытки, однако, этимъ не ограничились. Чаше и чаще начали навѣщать Надежду Петровну городскія дамы, и всякая непременно заводила рѣчь объ новомъ помпадурѣ. Нѣкоторые говорили даже, что онъ начинаетъ приударивать.

— Какъ жаль, что около него нѣтъ... *vous savez?* прибавляла при этомъ какая-нибудь сердобольная дамочка.

— Нѣтъ, не знаю! отвѣчала Надежда Петровна съ изумительнымъ равнодушіемъ.

— Ну, этого... какъ это лучше выразить... руководящаго...

— А!

Наступила эпоха обѣдовъ и баловъ. Надежда Петровна все крѣпилась, и не спускала глазъ съ портрета стараго помпадуря. Въ городѣ стали рассказывать другъ другу по секрету, что она надѣла на себя вериги.

— *Mais enfin, cela commence à devenir ridicule, ma chère!* говорили ей подружки, приглашая принять участіе въ общественныхъ торжествахъ.

— Вы не знаете, *mesdames*, кто меня любилъ! былъ ея обыкновенный отвѣтъ на эти пристаиванья: — а я... я знаю! О! я очень-очень многое знаю!

— Все это такъ... *c'est sublime, il n'y a rien à dire!* но все же... всему есть, наконецъ, мѣра!

— Вотъ такъ-то я съ ней каждый божій день бьюсь! вступался при этомъ надворный совѣтникъ Бламанже, который, въ послѣднее время, истаялъ, какъ свѣча.

Въ сущности, однакожъ, сердце ея мало-по-малу подавалось. Она начинала уже анализировать фیزیомію стараго помпадуря, и находила, что у него носъ...

— Ахъ, *ma chère*, посмотрите, какой у него уморительный носъ! говорила она Ольгѣ Семеновнѣ.

— Я удивляюсь, какъ вы прежде этого не замѣтили, отвѣчала госпожа Проходимцева, которая и съ своей стороны употребляла всѣ усилія, чтобы заставить Надежду Петровну позабыть о прошедшемъ. — Да и губы-то не больно мудрація!

И вотъ, однажды, она рискнула даже взглянуть въ окошко... О, ужасъ! она увидѣла новаго помпадуря, который шелъ по улицѣ, мурлыкая себѣ подъ носъ:

L'amour — qu'est que c'est que ça, madame!

L'amour — qu'est que c'est que ça?

Онъ былъ такъ хорошъ, что она невольно заглядѣлась. Брюнетъ, небольшого роста, но чрезвычайно пропорціонально-сложившій; онъ, казалось, былъ созданъ для того, чтобы повелѣ-

вать и очаровывать. На лѣвой щекѣ его была брошена небольшая борода (она все замѣтила!), а надъ губой прихотливо висла темный усъ, который онъ по временамъ прикусывалъ. Красота его была совсѣмъ другого рода, нежели красота стараго помпадуря. У того и носъ и губы были такіе мягкіе, такіе уморительные, что такъ и позывало какъ-нибудь ихъ сжовтать, смять, а потомъ, пожалуй, и поцаловать. Но не за красоту поцаловать, а именно за уморительность. У этого, напротивъ, все было крѣпко, все говорило о неуклонности, неупустительности и натискѣ.

Но вотъ онъ приближается больше и больше; вотъ онъ уже поравнился съ домою Надежды Петровны; походка его колеблется, колеблется... вотъ онъ остановился... онъ взялся за ручку звонка... Надежда Петровна, вся смущенная и трепещущая, устремилась подъ защиту портрета стараго помпадуря. Бламанже еще разъ оказалъ свою понятливость, стремглавъ бросившись вонъ изъ дома.

— Вы меня извините, милая Надежда Петровна, говорилъ онъ черезъ минуту своимъ вкрадчивымъ голосомъ: — я до такой степени уважалъ вашу горестъ, что не смѣлъ даже подумать потревожить васъ раньше своимъ посѣщеніемъ. Но прошу васъ вѣрить, что мое нетерпѣніе... тѣ лестные отзывы... еслибъ я могъ слушаться только голоса моего сердца...

Но у Надежды Петровны стучало въ ухахъ. Она уставилась глазами въ портретъ, и ей показалось, что старый помпадуръ сверкалъ на нее оттуда глазами.

— Повѣрьте, продолжалъ звучать тотъ же медоточивый голосъ: — что я, тѣмъ не менѣе, отнюдь не оставался безучастнымъ зрителемъ вашего героя. Господинъ частный приставъ, конечно, не откажется удостовѣрить васъ, что я неоднократно приказывалъ, и даже настаивалъ, чтобы вамъ предоставлены были всѣ способы... словомъ, все, что находится въ моей власти...

Надежда Петровна сидѣла, попрежнему, не шевелясь, словно съ ней происходилъ какой-то кошмаръ.

— Однако, мнѣ очень обидно, гудѣлъ помпадуръ: — скажу больше... мнѣ даже больно, что вы... какъ будто изъ-за меня... лишаете общество, такъ сказать, лучшаго его украшенія! Конечно, я... мои достоинства... Я не могу похвалиться опытностью...

— Нѣтъ! васъ хвалятъ! промолвила Надежда Петровна, почти не сознавая сама, что говорить.

— Общество слишкомъ во мнѣ снисходительно! Конечно, все, что отъ меня зависитъ... я готовъ жертвовать жизнью... но, во всякомъ случаѣ, милая Надежда Петровна, вы мнѣ позвольте

Т. СLXXXI. — Отд. I.

уйти съ пріятною мыслью... или, лучше сказать, съ надеждою... что вы не захотите меня огорчить, лишая общество, такъ-сказать, его лучшаго украшенія!

— Я-съ... если прикажете-съ... отвѣчала она, съ преневбесознательностью.

— Не приказываю-съ, но прошу!

Онъ взявъ ея руку и подаловаль.

— Это, важетса, портретъ моего предмѣстника? спросилъ онъ.

— Да-съ; это онъ-съ.

— Какъ счастливъ онъ былъ въ своихъ привязанностяхъ! и какъ много, какъ много утратилъ, съ отъѣздомъ отсюда!

Глаза помпадурѣ становились масляними; рѣчи принимали тенденціозный оттѣнокъ; но Надежда Петровна все еще не выходила изъ своего оцѣпененія.

— Да-съ, онъ былъ счастливъ-съ, промолвила она, сама улыбаясь, отчего языкъ ея говорить только одиѣ глупости.

— Извините, я больше не смѣю утруждать васъ своимъ присутствіемъ, но позволамъ себѣ думать, что уношу съ собою пріятную надежду, что отнынѣ всѣ недоразумѣнія между нами кончены, и вы... вы не лишите общество его... такъ-сказать, лучшаго украшенія! сказалъ онъ наконецъ, поднимаясь съ дивана, и вновь цалуя ручку хозяйки.

По уходѣ его, Надежда Петровна нѣкоторое время стояла въ остолебненіи. Ей казалось, что она выслушала какую-то неулыбкую канцелярскую бумагу, которой смыслъ былъ для нея еще не совсѣмъ ясенъ, но на которую необходимо, во что бы ни стало, дать объясненіе. Наконецъ, когда она очулась, то первымъ ея движеніемъ было схватить портретъ стараго помпадурѣ.

— Помпадурюшка! глупушка мой! Куда жь ты уѣхалъ! что ты со мной сдѣлалъ! вскрикнула она, какъ бы предчувствуя, что въ судьбѣ стараго помпадурѣ долженъ произойти рѣшительный переворотъ.

III.

Дни шли за днями. Въ головѣ Надежды Петровны все такъ перепуталось, что она не могла даже отличать «jeune fille aux yeux noirs» отъ «l'amour qu'est que c'est que ça». Она знала навѣрное, что то и другое пѣлъ какой-то помпадуръ, но какой именно — доподлинно опредѣлить не могла. Съ своей стороны, помпадуръ горячился, тосковалъ и впадалъ въ административныя ошибки.

Мало по малу, затворническая жизнь присучила, и Надежда Петрова начала выѣзжать. Тѣмъ не менѣе, портретъ стараго

помпадур все еще стоялъ на прежнемъ мѣстѣ, и иногда она уѣзжала на балъ, то всякій разъ останавливалась передъ нимъ на нѣсколько минутъ, во всемъ сіяніи бальнаго туалета и красоты, чтобы, какъ она выражалась, «не уѣхать, не позавались своему глупушгѣ». Балы слѣдовали за балами, обѣды за обѣдами, и на каждомъ изъ нихъ она неизбѣжно встрѣчала новаго помпадур, который такъ и пожиралъ ее глазами. Наконецъ, она стала замѣчать, что между нимъ и его предмѣстникомъ существуетъ какое-то странное сходство. Долго она не могла опредѣлить, въ чемъ состоитъ это сходство, пока, наконецъ, не догадалась, что они оба «глупушны». Съ тѣхъ поръ, «показываніе» себя передъ портретомъ стараго помпадур сдѣлалось уже пустою формальностью.

Гдѣ бы она ни была, куда бы ни пріѣхала, съ кѣмъ бы ни заговорила, вездѣ и отъ всѣхъ слышала только одно: хвалу новому помпадуру. Частный приставъ хвалилъ въ немъ благородство души, секретарь — мудрость, страпцій — стремительность и натискъ.

— Вы, Надежда Петровна, что думаете? говорилъ страпцій: — вы, можетъ быть, думаете, что онъ тамъ на балахъ, или на обѣдахъ... что онъ пустяками какиминибудь занимается?... на плечи нашихъ барынь облизывается?... Нѣтъ-съ! онъ мѣропріятіе обдумываетъ! Онъ ужъ у насъ такой! онъ шагу не можетъ ступить, чтобы чегонибудь не рѣшить!

— Такъ-то такъ, задумчиво отвѣчала Надежда Петровна: — да боюсь я...

— Чего же вы боитесь? вы, можетъ быть, думаете, что онъ на руку тяжелъ? Напрасно-съ! онъ у насъ вотъ какой: мухѣ ада не сдѣлаетъ! вотъ онъ у насъ каковъ!

Заволновалась и добрая старушка Проходимцева, про которую въ городѣ говорили, что она минуты не можетъ прожить, чтобы не услужить...

Но помпадуръ былъ робокъ, что, впрочемъ, отчасти объяснялось уже тѣмъ, что въ самомъ фермулярѣ его было отмѣчено, что онъ не бывалъ въ походахъ. Онъ легко обдумывалъ мѣропріятія, но чуть только выходилъ на арену практической дѣятельности, оказывался слабымъ и вялымъ. Всѣ его дѣйствія относительно Надежды Петровны были нерѣшительны и даже просто глупы. Такъ, напримѣръ, однажды, на какомъ-то званомъ обѣдѣ, онъ, въ ея глазахъ, похитилъ со стола грушу, положилъ въ карманъ, и послѣ обѣда, подавая ее Надеждѣ Петровнѣ, какимъ-то отчаяннымъ голосомъ сказалъ:

— Кушайте!

— На что мнѣ? изумилась Надежда Петровна.

— Такъ!... это такъ! почти закричалъ онъ, какъ будто воровство груши терзало его сердце. И вслѣдъ затѣмъ какъ-то такъ глухо заржалъ, что старая помпадурша не могла не подумать:

— Госноди! да какой же онъ, однако, глупушка!

Въ другой разъ, на балу, онъ долгое время стоялъ молча подлѣ нея, и вдругъ проглаголалъ:

— Какъ бы я желалъ, чтобы въ вашемъ домѣ случился пожаръ!

— На что жъ это вамъ? вновь изумилась Надежда Петровна.

— Такъ! Я бы... я бы собственноручно васъ вынесъ изъ пламени!

Въ третій разъ, онъ ее спросилъ:

— Вы когда нибудь цалуете вашего Бламанже?

— Зачѣмъ вамъ?

— Хочу знать!

— Не слишкомъ ли вы любопытны?

— Хочу знать!

— Ннѣ... иногда...

— Отлично! а знаете ли вы, что вашъ Бламанже на скорохода похожъ?

Въ четвертый разъ, онъ накинута на Бламанже и началъ его цаловать.

— Что вы дѣлаете? испугалась Надежда Петровна.

— Цалую!

— Да перестаньте же! развѣ не видите, что онъ весь послѣдъ?

— Цалую! повторилъ онъ, обнаруживая какое-то неестественное ожесточеніе.

Вообще, дѣйствія его были не только нерѣшительны, но и загадочны. Иногда, онъ возьметъ Надежду Петровну за руку, держитъ ее, гладитъ, и вдругъ какъ-то такъ нелѣпо рванетъ, что она даже вскрикнетъ; иногда, вскочитъ со стула словно ужаленная, схватитъ фуражку и, не говоря ни слова, ударетъ въ городническое правленіе. Однако, словомъ, были всѣ признаки; недоставало одного: словесности.

Надеждѣ Петровнѣ показалось, что его стѣсняеть портретъ стараго помпадуря. Его сняли со стола и повѣсили на стѣну; но и оттуда онъ какъ будто бы прищѣпалъ. Тогда надворный совѣтникъ Бламанже предложилъ перенести его, какъ личнаго

своего друга, въ свою комнату. Надежда Петровна задумалась, вздохнула... и согласилась.

Не надо думать, однако, чтобы новый помпадуръ былъ чело-
вѣкъ холостой; нѣтъ, онъ былъ женатъ и имѣлъ дѣтей; но
жена его только и дѣлала, что съ утра до вечера ѣла печат-
ные приписки. Это зрѣлище до такой степени истерзало его,
что онъ, съ гора, чуть-чуть не погрузился въ чтеніе недоумоч-
ныхъ реэстровъ. Но и это занятіе представляло слишкомъ мало
лица для ума и сердца, чтобы навалить помпадуреву жизнь.
Онъ сталъ ходить въ городническое управленіе и тосковать.

Между тѣмъ, зимній сезонъ окончился; наступилъ постъ; нах-
нуло весной. Надежда Петровна чувствовала, какъ грудь ея
мгѣла и закипала. Чтобы угмонять наплывъ жизни, она по
цѣлымъ часамъ выставляла передъ открытою форточкой, вдыхая
влажный воздухъ, и выкашивала десятки верстъ, безстрашно
проникая въ самые глухіе закоулки города. Усталая; полуразби-
тая, возвращалась она домой, опускалась на кушетку и закрыва-
ла глаза. Тяжелая, безпокойная дремота на короткое время
оживляла ея члены, и цѣлыя сотни помпадуровъ вереницею
проходили передъ ея умственными взорами. Тутъ были всякіе:
и съ усамъ и безъ усовъ, и бѣлокурные и брюнеты, и съ боро-
дачками и безъ бородавокъ, и высокоствольные и низкостволь-
ные; но, увы! между ними не было одного — не было новаго
помпадура! Что-то странное произошло съ нимъ: онъ не только
пересталъ прохаживаться подъ ея окнами, но даже какъ будто
избѣгалъ встрѣчи съ нею. Такъ-таки вдругъ и оборвалъ.

«Неужто жъ онъ только того и добивался, чтобы распаловать
этого противнаго Бламанже?» думалось иногда Надеждѣ Пет-
ровнѣ.

Дѣло состояло въ томъ, что помпадуръ отчасти боролся съ
своею робостью, отчасти кокетничалъ. Онъ не меньше всякаго
другаго ощущалъ на себѣ вліяніе весны, но, какъ всѣ люди
робкіе и въ то же время своевольные, хотѣлъ, чтобы Надежда
Петровна сама повинилась передъ нимъ. Въ ожиданіи этой ми-
нуты, онъ до такой степени усилилъ нѣжность къ женѣ, что
даже сталъ вмѣстѣ съ нею ѣсть печатные приписки. Такимъ
образомъ, дни проходили за днями; Надежда Петровна тщетно
ломала себѣ голову; публика ожидала въ недоумѣніи.

Публика эта раздѣлилась на два лагеря. Часть ея, имѣя во
главѣ частнаго пристава, рѣшительно во всемъ обвиняла На-
дежду Петровну.

— Я все ей прощу! грѣшѣть въ глубѣ глава недовольныхъ:—

но одного простить не могу: зачѣмъ она истерзала благороднѣйшее въ мірѣ сердце!

Другая часть, напротивъ, оправдывала ее. Утверждали, что помпадуръ самъ во всемъ виноватъ, что онъ сначала завлекъ благороднѣйшую въ мірѣ женщину, а потомъ, своею непротистительною медлительностію, поставилъ ее въ фальшивое положеніе.

— Чѣмъ въ городническое-то правленіе шататься, да пустыни на бобахъ разводить, лучше бы дѣло дѣлалъ! говорили защитники.

Какъ бы то ни было, но Надежда Петровна стала удостовѣряться, что уваженіе въ ней съ каждымъ днемъ умалется. То вдругъ, на какомъ нибудь благотворительномъ концертѣ, угонять ее карету за тридевять земель, то вчучера занапрасно въ части высѣкутъ, то Бламанжею скажутъ въ глаза явительнѣйшую колкость. Никогда ничего подобнаго не бывало, и всѣ эти маленькія непріятности тѣмъ сильнѣе извили ее сердце, что старшій помпадуръ избаловалъ ее въ этомъ отношеніи до послѣдней степени.

Наконецъ, посинѣли и разлились рѣки; въ полѣ показалась первая молодая травка; въ сосѣднемъ пруду затрещали лагушки, въ сосѣдней рощѣ защелкалъ соловей. До Надежды Петровны стали доходить слухи, что у нея явилась соперница, какая-то татарская внигина Уланбекова, которую недовольная партія нарочно выписала изъ Казанской губерніи.

— Изъ-за чего же онъ со мной это комедію игралъ? спрашивала она себя, бѣгая въ отчаяньи по комнатамъ и вымещая на Бламанже свою досаду.

Однажды, она, по обыкновенію, утомляла себя ходьбою по городскимъ улицамъ, какъ вдругъ на углу одной изъ нихъ столкнулась лицомъ къ лицу съ самимъ помпадуромъ. Онъ былъ обаятеленъ попрежнему, хотя на его лицѣ вскопчило нѣсколько прыщей.

— Вы что жъ это перестали ко мнѣ ходить? спросила она его голосомъ, въ которомъ слышались и укоръ, и строгость.

Помпадуръ растерялся и началъ разводить на бобахъ какую-то канцелярскую чепуху.

— Какъ вы смѣете не ходить ко мнѣ? наступила она на него, не слушая возраженій.

Она была въ неописанномъ волненіи; голосъ ея дрожалъ; на глазахъ блистали слезы. Эта женщина, всегда столь скромная, мягкая и даже слабая, вдругъ дошла до такого изступленія, что помпадуръ началъ опасаться, чтобъ съ ней не сдѣлалась на улицѣ истерика.

— Знаю я! знаю я все, что вы дѣлаете! продолжала она, не

помни себя отъ волненія: — вы около этой мерзкой татарки ухаживаете! Только смѣйте у меня не придти сегодня къ Ольгѣ Семеновнѣ!

Помпадуръ не сопротивлялся. Онъ понялъ, что участь его рѣшена.

IV.

Сердца ихъ заглись...

Но какъ правдивый историкъ, я не могу скрыть, что новое помпадурство Надежды Петровны далеко не имѣло того кроткаго характера, какъ первое. Напротивъ того, оно ознаменовалось нѣсколькими жестокостями, которыя, по мнѣнію моему, были, но малой мѣрѣ, бесполезны.

Вопервыхъ, татарскую внягиню Уланбекову немедленно фиты и водворили въ городъ Свияжскъ, при слияніи рѣки Свияги съ Волгою.

Вовторыхъ, частнаго пристава удалили отъ должности, а прочихъ недовольныхъ разослали въ заточеніе.

Втретьихъ, помпадурову жену лишили послѣдняго утѣшенія: запретили ѣсть печатные пряники.

Вчетвертыхъ, съ Бламанжеемъ поступили до того скверно, что даже невозможно связать...

Н. Щедринъ.

ДОМА — ЛУЧШЕ!

Въ Европѣ удобно, но родины ласки
Ни съ чѣмъ несравнимы. Вернувшись домой,
Въ телегу спѣшу пересѣсть изъ коляски
И маршъ на охоту! Денекъ недурной;

Подъ солнцемъ осеннимъ родная картина
Отвыкшему глазу нова...
О, матушка Русы! ты привѣтствуешь сына
Такъ нѣжно, что кругомъ идетъ голова!

Твои мужики на меня выгнали
Звѣрей изъ лѣсовъ цѣлый день,
А ночью возвратный мой путь освѣщали
Пожары твоихъ деревень.

Н.

НА ВСЯКАГО МУДРЕЦА ДОВОЛЬНО ПРОСТОТЫ.

КОМЕДИЯ ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Л И Ц А.

Егоръ Дмитріичъ Глузовъ, молодой человѣкъ.

Глафира Климовна Глузова, его мать.

Нилъ Фидосіичъ Мамаевъ, богатый баринъ, дальній родственникъ Глузова.

Егоръ Васильичъ Курчавъ, гусаръ.

Годуновъ, человѣкъ, немнѣющій салатій.

Маня, женщина, занимающаяся гадавленіемъ и предсказаніемъ.

Человѣкъ Мамаева.

Чистая, хорошо меблированная комната, письменный столъ, зеркало; одна дверь во внутренніи комнаты, на правой сторонѣ, другая входная.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Глузовъ и Глафира Климовна (за сценой).

Глузовъ (за сценой).

Вотъ еще! Очень нужно! Идти на проломъ, да, и кончено дѣло. (*Выходя изъ боковой двери*). Дѣлайте, что вамъ говорить, и не разсуждайте!

Глузова (*выходя изъ боковой двери*).

Затѣмъ ты заставляешь меня писать эти письма! Право, нѣтъ ничего.

Глузовъ.

Пишите, пишите!

Глузова.

Да что толку? Вѣдь за тебя не отдадутъ. У Турускиной тысяча звѣсти приданого, родство, знакомство, она княжеская невѣста,

или генеральская. И за Курчаева не отдадутъ; за что я взвожу на него, на бѣднаго, разные клеветы и небывальщины!

Глумовъ.

Кого вамъ больше жаль, меня или гусара Курчаева? На что ему деньги? Онъ все равно ихъ въ карты проиграетъ. А еще хнычете: я тебя носила подъ сердцемъ.

Глумова.

Да еслибы польза была!

Глумовъ.

Ужь это мое дѣло.

Глумова.

Имѣешь ли ты хоть какую-нибудь надежду?

Глумовъ.

Имѣю. Маменька, вы знаете меня; я уменъ, золъ и завистливъ; весь въ васъ. Что я дѣлалъ до сихъ поръ? Я только злился и писалъ эпиграммы на всю Мосеву, а самъ баклуши билъ. Нѣтъ, довольно. Надъ глупыми людьми не надо смѣяться, надо умѣть пользоваться ихъ слабостями. Конечно, здѣсь карьеры не составишь, карьеру составляютъ и дѣло дѣлаютъ въ Петербургѣ, а здѣсь только говорятъ. Но и здѣсь можно добиться теплаго мѣста и богатой невѣсты, — съ меня и довольно. Чѣмъ въ люди выходить? Не все дѣлами, чаще разговоромъ. Мы въ Мосевѣ любимъ поговорить. И чтобъ въ этой обширной говорильнѣ я не имѣлъ успѣха! Не можетъ быть. Я сумѣю поддѣлаться и къ тузамъ, и найду себѣ покровительство, вотъ вы увидите. Глупо ихъ раздражать, имъ надо льстить грубо, безпардонно. Вотъ и весь секретъ успѣха. Я начну съ неважныхъ лицъ, съ кружка Турусной, выжму изъ него все, что нужно, а потомъ заберусь и повыше. Подите, пишите! Мы еще съ вами потолкуемъ.

Глумова.

Помоги тебѣ Богъ! (*Уходитъ*).

Глумовъ (*садится къ столу*).

Эпиграммы въ сторону! Этотъ родъ поэзін, кромѣ вреда, ничего не приноситъ автору. Примемса за нанегирики (*снимаю изъ кармана тетрадь*). Всю желчь, которая будетъ накипать въ душѣ, я буду сбивать въ этотъ дневникъ, а на устахъ останется только медъ. Одинъ, въ ночной тиши, я буду вести лѣтопись людской пошлости. Эта рукопись не предназначается для публики, я одинъ буду и авторомъ, и читателемъ. Развѣ, со временемъ, когда укрѣплюсь на прочномъ фундаментѣ, сдѣлаю изъ нея невмеченіе. (*Входятъ: Курчаевъ и Голушкинъ; Глумова выходитъ, и приноситъ тетрадь въ карманъ*).

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

ГЛУМОВЪ, КУРЧАЕВЪ, ГОЛУТВИНЪ.

КУРЧАЕВЪ.

Bon jour!

ГЛУМОВЪ.

Очень радъ; чему обязанъ?

КУРЧАЕВЪ (*садясь къ столу на мѣсто Глумова*).

Мы за дѣломъ. (*Указывая на Голутвина*). Вотъ, рекомендую.

ГЛУМОВЪ.

Да я его знаю давно. Что вы его рекомендуете?

ГОЛУТВИНЪ.

Тонъ мнѣ вашъ что-то не нравится. Да-съ.

ГЛУМОВЪ.

Это какъ вамъ угодно. Вы вѣрно, господа, порядочно незавтракали?

КУРЧАЕВЪ.

Маленькѣ дѣломъ. (*Беретъ карандашъ и бумагу и чертитъ что-то*).

ГЛУМОВЪ.

То-то, оно и видно. У меня, господа, времени свободнаго не много. Въ чемъ дѣло? (*Садится, Голутвина тоже*).

КУРЧАЕВЪ.

Нѣтъ ли у васъ стиховъ?

ГЛУМОВЪ.

Какихъ стиховъ? Вы вѣрно не туда зашли.

ГОЛУТВИНЪ.

Нѣтъ, туда.

ГЛУМОВЪ (*Курчаеву*).

Не марайте, пожалуйста, бумагу!

КУРЧАЕВЪ.

Намъ эпиграммъ нужно. Я знаю, что у васъ есть.

ГЛУМОВЪ.

Ничакихъ нѣтъ.

КУРЧАЕВЪ.

Ну, полно вамъ! Всѣ знаютъ. У васъ на весь городъ написаны. Вонъ онъ хочеть сотрудничкомъ быть въ юмористическихъ газетахъ.

ГЛУМОВЪ (*Голутвину*).

Вотъ какъ. Вы писали прежде?

ГОЛУТВИНЪ.

Писалъ.

Глумовъ.

Что?

Голутвинъ.

Все: романы, повѣсти, драмы, комедіи...

Глумовъ.

Ну, и что же?

Голутвинъ.

Ну, и не печатаютъ нигдѣ, ни за что; сколько ни просилъ, и даромъ не хотятъ. Хочу за скандальчики приняться.

Глумовъ.

Опять не напечатаютъ.

Голутвинъ.

Попытаюсь.

Глумовъ.

Да вѣдь опасно.

Голутвинъ.

Опасно? А что, прибьютъ?

Глумовъ.

Пожалуй.

Голутвинъ.

Да говорятъ, что въ другихъ мѣстахъ бьютъ; а у насъ что-то не слыхать.

Глумовъ.

Такъ пишете!

Голутвинъ.

Съ кого мнѣ писать-то, я никого не знаю.

Курчавъ.

У васъ, говорятъ, дневникъ какой-то есть, гдѣ вы всѣхъ по косточкѣ разобрали.

Голутвинъ.

Ну, вотъ и давайте, давайте его сюда!

Глумовъ.

Ну, да, какъ же не дать.

Голутвинъ.

А ужъ мы бы ихъ распечатали.

Глумовъ.

И дневника никакого у меня нѣтъ.

Курчавъ.

Разговаривайте! Видѣли его у васъ.

Голутвинъ.

Ишь, какъ прикидывается; а тоже вѣдь нашъ братъ Исакій.

Глумовъ.

Не братъ я вамъ, и не Исакій.

Голутвинъ.

А какія бы ми деньги за него взяли...

Курчаввъ.

Да, въ самомъ дѣлѣ, ему деньги нужны. «Будеть, говорить, на чужой счетъ пить, трудиться хочу». Это онъ называетъ: трудиться. Скажите, пожалуйста!

Глумовъ.

Слышу, слышу.

Голутвинъ.

Материаловъ нѣтъ.

Курчаввъ.

Вонъ, видите, у него материаловъ нѣтъ. Дайте ему материалъ, пусть его трудится.

Глумовъ (*вставая*).

Да не марайте же бумагу!

Курчаввъ.

Ну, вотъ еще, что за важность.

Глумовъ.

Какихъ-то пѣтуховъ тутъ рисуете.

Курчаввъ.

Ошибаетесь. Это не пѣтухъ, а мой уважаемый дядюшка, Нилъ Федосѣичъ Мамаевъ. Вотъ (*дорисовываетъ*) и похоже, и хохоль похожъ.

Голутвинъ.

А интересная онъ личность? Для меня, напримѣръ?

Курчаввъ.

Очень интересная. Впервыхъ, онъ считаетъ себя всѣхъ умнѣе и всѣхъ учить. Его хлѣбомъ не корми, только преди совѣта попроси.

Голутвинъ.

Ну, вотъ, подпишите подъ пѣтухомъ-то: новѣйшій самоучитель! (*Курчаввъ подписываетъ*). Да и пошлемъ напечатать.

Курчаввъ.

Нѣтъ, не надо, все-таки дядя. (*Отталкиваетъ бумагу, Глумовъ беретъ и прячетъ въ карманъ*).

Голутвинъ.

А еще какія художества за нимъ водятся?

Курчаввъ.

Много. Третій годъ квартиру ищетъ. Ему и не нужна квартира, онъ просто ѣздитъ разговаривать, все какъ будто дѣло дѣлается. Выѣдетъ съ утра, квартиръ десять осмотритъ, поговоритъ съ хозяевами, съ дѣвками, потомъ поѣдетъ по лавкамъ пробовать веру, балыкъ, тамъ разсядется, въ разсужденія пустится.

Бущи не знаютъ, какъ выжить его изъ лавки, а онъ доволенъ, все-таки утро у него не пропало даромъ. (*Глумову*). Да, вотъ еще, я и забылъ сказать. Тѣтка въ васъ влюблена, какъ кошка.

ГЛУМОВЪ.

Какимъ же это образомъ?

КУРЧАЕВЪ.

Въ театрѣ видѣла, всѣ глаза проглядѣла, шею было-свернула. Все у меня спрашивала: кто такой? Вы этимъ не шутите!

ГЛУМОВЪ.

Я не шучу, вы всѣмъ шутите.

КУРЧАЕВЪ.

Ну, какъ хотите. Я бы на вашемъ мѣстѣ... Такъ вы стиховъ дадите?

ГЛУМОВЪ.

Нѣтъ.

ГОЛУТВИНЪ.

Что съ нимъ разговаривать! Поѣдемъ обѣдать!

КУРЧАЕВЪ.

Поѣдемъ! Прощайте! (*Кланяется и уходитъ*).

ГЛУМОВЪ (*останавливая Курчаева*).

Зачѣмъ вы съ собой его возите?

КУРЧАЕВЪ.

Умныхъ людей люблю.

ГЛУМОВЪ.

Нашли умнаго человѣка.

КУРЧАЕВЪ.

По насъ и эти хороши. Настояще-то умные люди съ какою стати станутъ знакомиться съ нами? (*Уходитъ*).

ГЛУМОВЪ (*съ слезъ ему*).

Ну, смотрите! Маменька! (*Входитъ Глумова*).

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ.

ГЛУМОВЪ, ГЛУМОВА.

ГЛУМОВЪ (*показывая портретъ Мамаева*).

Поглядите! Вотъ съ кѣмъ нужно мнѣ сойтись прежде всего.

ГЛУМОВА.

Кто это?

ГЛУМОВЪ.

Нашъ дальній родственникъ, мой дядюшка, Нилъ Федосѣичъ Мамаевъ.

Глумова.

А кто рисовалъ?

Глумовъ.

Все тотъ же гусаръ, племянничекъ его, Курчаевъ. Эту картинку надо убрать на всякій случай. (*Прячетъ ее*). Вся бѣда въ томъ, что Мамаевъ не любитъ родственниковъ. У него человекъ тридцать племянниковъ, изъ нихъ онъ выбираетъ одного, и въ пользу его завѣщаніе пишетъ, а другіе ужъ и не показываясь. Надоѣсть любимецъ, онъ его прогнать и возьметъ другаго, и сейчасъ же завѣщаніе переписываетъ. Вотъ теперь у него въ милости этотъ Курчаевъ.

Глумова.

Вотъ кабы тебѣ...

Глумовъ.

Трудно, но попробую. Онъ даже не подозрѣваетъ о моемъ существованіи.

Глумова.

А хофшо бы сойтись. Впервыхъ, наслѣдство, потомъ отличный домъ, большое знакомство, связи.

Глумовъ.

Да! Вотъ еще обстоятельство: я поправился тѣтъ Клеопатрѣ Львовнѣ, она меня гдѣ-то видѣла. Вы это на всякій случай запомните! Облизаться съ Мамаевымъ, для меня первое дѣло—это первый шагъ на моемъ поприщѣ. Дядя познакомить меня съ Крутицкимъ, съ Городулинскимъ; впервыхъ, это люди съ вліяніемъ, ввторныхъ, близкіе знакомые Турусиной. Мнѣ бы только войти къ ней въ домъ, а ужъ я женюсь непременно.

Глумова.

Такъ, синогъ, но первый-то шагъ самый трудный.

Глумовъ.

Успокойтесь, онъ сдѣланъ. Мамаевъ будетъ здѣсь.

Глумова.

Какъ же это случилось?

Глумовъ.

Тутъ ничего не случилось, все это было рассчитано впередъ. Мамаевъ любитъ смотрѣть квартиры, вотъ на эту дочку ми его и поймали. (*Входитъ человекъ Мамаева*).

Человѣкъ.

Я привезъ Нилу Федосѣича.

Глумовъ.

И прекрасно. Получай. (*Даетъ ему ассигнацію*). Веди его сюда.

Человѣкъ.

Да, пожалуй, они рассердятся: я сказалъ, что квартира хорошая.

Глумовъ.

Я беру отвѣтственность на себя. Ступайте, маленька, къ себѣ; когда нужно будетъ, я васъ влечу. *(Человѣкъ Мамаева уходитъ. Глумовъ садится къ столу и дѣлаетъ видъ, что занимается работой. Входитъ Мамаевъ, за нимъ человѣкъ ея).*

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ГЛУМОВЪ, МАМАЕВЪ И ЧЕЛОВѢКЪ МАМАЕВА.

МАМАЕВЪ *(не снимая шляпы оладываетъ комнату).*

Это квартира холостая.

ГЛУМОВЪ *(кланяется и продолжаетъ работать).*

Холостая.

МАМАЕВЪ *(не слушая).*

Она не дурна, но холостая. *(Человѣку).* Куда ты, братецъ, меня завелъ?

ГЛУМОВЪ *(поднимаетъ стулъ, и опять принимается писать).*

Не угодно ли присѣсть?

МАМАЕВЪ *(садится).*

Благодарю. Куда ты меня завелъ? я тебя спрашиваю!

Человѣкъ.

Виновать-съ.

МАМАЕВЪ.

Развѣ ты, братецъ, не знаешь, какая нужна мнѣ квартира? Ты долженъ сообразить, что я статскій совѣтникъ, что жена моя, а твоя барыня, любить жить открыто. Нужна гостиная, да не одна. Гдѣ гостиная, я тебя спрашиваю?

Человѣкъ.

Виновать-съ.

МАМАЕВЪ.

Гдѣ гостиная? *(Глумову).* Вы меня извините!

Глумовъ.

Ничего-съ, вы мнѣ не вѣшаете.

МАМАЕВЪ *(человѣку).*

Ты видишь, вонъ сидитъ человѣкъ, пишетъ! Можетъ быть, мы ему вѣшаемъ; онъ, конечно, не скажетъ по деликатности; а все ты, дуракъ, виновать.

Глумовъ.

Не браните его, не онъ виновать, а я. Когда онъ тутъ на лѣстницѣ спрашивалъ квартиру, я ему указалъ на эту и сказалъ, что очень хороша, — я не зналъ, что вы семейный человекъ.

Мамаевъ.

Вы хозяинъ этой квартиры?

Глумовъ.

Я.

Мамаевъ.

Зачѣмъ же вы ее сдаете?

Глумовъ.

Не по средствамъ.

Мамаевъ.

А зачѣмъ же нанимали, коли не по средствамъ? Кто васъ неволилъ? Чтò васъ, за ворота, что ли, ткнули, въ шею толкали? Нанимай, нанимай! А вотъ теперь, чай, въ должниккахъ запутались? На пугундеръ тянуть? Да ужь, конечно, конечно. Изъ большой-то квартиры да придется въ одной комнаткѣ жить; пріятно это будетъ?

Глумовъ.

Нѣтъ, я хочу еще больше нанять.

Мамаевъ.

Какъ-такъ больше? На этой жить средствъ нѣтъ, а нанимаете больше! Какой же у васъ резонъ?

Глумовъ.

Никакого резона. По глупости.

Мамаевъ.

По глупости? Чтò за вздоръ?

Глумовъ.

Какой же вздоръ! Я глупъ.

Мамаевъ.

Глупъ! это странно. Какъ же такъ, глупъ?

Глумовъ.

Очень просто, ума недостаточно. Чтò жь тутъ удивительнаго! Развѣ этого не бываетъ? Очень часто.

Мамаевъ.

Нѣтъ, однако, это интересно! Самъ про себя человекъ говорить, что глупъ.

Глумовъ.

Чтò жь мнѣ, дожидаться, когда другіе скажутъ? Развѣ это не все равно? Вѣдь ужь не скроешь.

Мамаевъ.

Да, конечно, этотъ недостатокъ скрыть довольно трудно.

ГЛУМОВЪ.

Я и не скрываю.

МАМАЕВЪ.

Жалѣю.

ГЛУМОВЪ.

Покорно благодарю.

МАМАЕВЪ.

Учить васъ, должно быть, некому?

ГЛУМОВЪ.

Да, некому.

МАМАЕВЪ.

А вѣдь есть учителя, умные есть учителя, да плохо ихъ слушаютъ,—нынче время такое. Ну, ужъ отъ старыхъ и требовать нечего: всякій думаетъ, что, коли старъ, такъ и уменъ. А если мальчишки не слушаются, такъ чего отъ нихъ ждать потомъ? Вотъ я вамъ расскажу случай. Гимназистъ недавно бѣжить чуть не бѣгомъ изъ гимназій; я его, понятное дѣло, остановилъ и хотѣлъ ему, знаете, въ шутку поученіе прочесть: «въ гимназію-то, молъ, тихо идешь, а изъ гимназій домой бѣгомъ, а надо, милый, наоборотъ». Другой бы еще благодарилъ, что для него, щенка, солидная особа среди улицы останавливается, да еще ручку бы подаловалъ; а онъ что жь!

ГЛУМОВЪ.

Преподаваніе нынче, знаете...

МАМАЕВЪ.

«Намъ, говорить, въ гимназій наставленія-то надобны. Коли вы, говорить, любите учить, такъ наймитесь къ намъ въ надзиратели. А теперь, говорить, я ѣсть хочу, пустите!» Это мальчишка-то, мнѣ-то!

ГЛУМОВЪ.

На опасной дорогѣ мальчикъ. Жаль!

МАМАЕВЪ.

А куда ведутъ опасныя-то дороги, знаете?

ГЛУМОВЪ.

Знаю.

МАМАЕВЪ.

Отчего нынче прислуга нехорошая? Оттого, что свободна отъ обязанности выслушивать поученія. Прежде, бывало, я у своихъ подданныхъ во всякую малость входилъ. Всѣхъ поучалъ отъ мала до велика. Часа по два каждому наставленія читалъ; бывало, въ самыя высшія сферы мышленія заберешься, а онъ стоитъ передъ тобой, постепенно до чувства доходить, одними вздохами, бывало, онъ у меня истомится. И ему на пользу, и

миѣ благородное занятіе. А нынче, послѣ всего этого... Вы понимаете, послѣ чего?

Глумовъ.

Понимаю.

Мамаевъ.

Нынче, поди-ко, съ прислугой, попробуй! Раза два ему метафизикѣ-то прочтешь, онъ и идетъ за расчетомъ. Чтò, говорить, за наказаніе! Да; чтò, говорить, за наказаніе!

Глумовъ.

Безнравственность!

Мамаевъ.

Я вѣдь не строгій человѣкъ, я все больше словами. У купцовъ вотъ обыкновеніе глупое: какъ наставленіе, сейчасъ за волосы, и при всякомъ словѣ и качаетъ, и качаетъ. Этакъ, говорить, крѣпче, понятнѣе. Ну, что хорошаго! А я все словами, и те нынче не нравятся.

Глумовъ.

Да-съ, послѣ всего этого, я думаю, вамъ непріятно.

Мамаевъ (*строю*).

Не говорите, пожалуйста, объ этомъ, я васъ прошу. Какъ меня тогда кольнуло насквозь вотъ въ это мѣсто (*показываетъ на грудь*), такъ до сихъ поръ, словно какъ какой-то...

Глумовъ.

Въ это мѣсто?

Мамаевъ.

Повыше.

Глумовъ.

Вотъ здѣсь-съ?

Мамаевъ (*съ сердцемъ*).

Повыше, я вамъ говорю.

Глумовъ.

Извините, пожалуйста! Вы не сердитесь! Ужь я вамъ сказалъ, что я глушь.

Мамаевъ.

Да-съ, такъ вы глупы... Это нехорошо. То-есть тутъ ничего нѣтъ дурнаго, если у васъ есть пожилые, опытные родственники, или знакомые.

Глумовъ.

То-то и бѣда, что никого нѣтъ. Есть мать, да она еще глупѣе меня.

Мамаевъ.

Ваше положеніе дѣйствительно дурно. Миѣ васъ жаль, молодой человѣкъ.

Глумовъ.

Есть, говорятъ, еще дядя, да все равно, что его нѣтъ.

Мамаевъ.

Отчего же?

Глумовъ.

Онъ меня не знаетъ, а я съ нимъ и видѣться не желаю.

Мамаевъ.

Вотъ ужъ я за это и не похваляю, молодой человѣкъ, и не похваляю.

Глумовъ.

Да помилуйте! Будь онъ бѣдный человѣкъ, я бы ему, кажется, руки цаловалъ, а онъ человѣкъ богатый; придешь къ нему за совѣтомъ, а онъ подумаетъ, что за деньгами. Вѣдь какъ ему растолкуешь, что мнѣ отъ него ни гроша не надобно, что я только совѣта жажду, жажду — алчу наставленія, какъ манны небесной. Онъ, говорятъ, человѣкъ замѣчательнаго ума, а готовъ бы цѣлые дни и ночи его слушать.

Мамаевъ.

Вы совсѣмъ не такъ глупы, какъ говорятъ.

Глумовъ.

Временемъ это на меня просвѣтленіе находить, вдругъ, какъ будто прояснится, а потомъ и опять. Большею частію я совсѣмъ не понимаю, что дѣлаю. Вотъ тутъ-то мнѣ совѣтъ и нуженъ.

Мамаевъ.

А кто вашъ дядя?

Глумовъ.

Чуть ли я и фамилію-то не забылъ. Мамаевъ, кажется, Нилъ Федосѣичъ.

Мамаевъ.

А вы-то кто?

Глумовъ.

Глумовъ.

Мамаевъ.

Дмитрія Глумова сынъ?

Глумовъ.

Такъ точно-съ.

Мамаевъ.

Ну, такъ этотъ Мамаевъ-то, это я.

Глумовъ.

Ахъ, Боже мой! Какъ же это! Нѣтъ, да какъ же! Позвольте вашу руку! (*Почти со слезами*). Впрочемъ, дядюшка, я слышалъ, вы не любите родственниковъ; вы не беспокойтесь, мы можемъ быть такъ же далеки, какъ и прежде. Я не посмѣю явиться къ

вамъ безъ вашего призыванія; съ меня довольно и того, что я васъ видѣлъ и наслаждался бесѣдой умнаго человѣка.

МАМАВЪ.

Нѣтъ, ты заходи, когда тебѣ нужно о чемъ-нибудь посоветоваться.

ГЛУМОВЪ.

Когда нужно! Мнѣ постоянно нужно, каждую минуту. Я чувствую, что погибну безъ руководителя.

МАМАВЪ.

Вотъ заходи сегодня вечеромъ!

ГЛУМОВЪ.

Покорно васъ благодарю. Позвольте ужъ мнѣ представить вамъ мою старуху, она недалняя, но добрая, очень добрая женщина.

МАМАВЪ.

Что жь, пожалуй.

ГЛУМОВЪ (*ирожко*).

Маменька! (*Выходитъ Глумова*).

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ.

ТѢ ЖЕ И ГЛУМОВА.

ГЛУМОВЪ.

Маменька! Вотъ! (*Указывая на Мамаеву*). Только не плавать! Счастливый случай привелъ къ намъ дядюшку, Нила Федосѣича, котораго вы такъ порывались видѣть.

ГЛУМОВА.

Да, батюшка братецъ, давно желала. А вы вотъ родныхъ и знать-то не хотите.

ГЛУМОВЪ.

Довольно, маменька, довольно. Дядюшка имѣетъ на то свои причины.

МАМАЕВЪ.

Родня роднѣ рознь.

ГЛУМОВА.

Позвольте, батюшка братецъ, поглядѣть на васъ! Жоржъ! а вѣдь не похожъ?

ГЛУМОВЪ (*держитъ ее за платье*).

Полноте, маменька, перестаньте!

ГЛУМОВА.

Да что, перестаньте! Не похожъ, совсѣмъ не похожъ.

МАМАВЪ (*строю*).

Что вы шепчете? На кого я тамъ не похожъ? Я самъ на себя похожъ.

Глумовъ (матери).

Очень нужно толковать пустяки.

Мамаевъ.

Ужъ коли начали, такъ говорите.

Глумова.

Я говорю, что портретъ на васъ не похожъ.

Мамаевъ.

Какой портретъ? Откуда у васъ портретъ?

Глумова.

Вотъ видите, у насъ бываетъ иногда Егоръ Васильичъ Курчаевъ. Онъ, кажется, вамъ родственникъ тоже доводится?

Глумовъ.

Такой отличный, веселый малый.

Мамаевъ.

Да; ну, такъ что жь?

Глумова.

Онъ все васъ рисуешь. Покажи, Жоржъ!

Глумовъ.

Да я, право, не знаю, куда я его дѣлъ.

Глумова.

Понизи хорошенько! Еще онъ давеча рисовалъ, ну, помнишь. Съ нимъ былъ, какъ ихъ называютъ? Вотъ что критики стихами пишутъ. Курчаевъ говорить: я тебѣ дядю буду рисовать, а ты подписи подписывай! Я вѣдь слышала, что они говорили.

Мамаевъ.

Покажи мнѣ портреты! Покажи сейчасъ!

Глумовъ (подавая портреты).

Никогда, маменька, не нужно говорить такихъ вещей, которыя другому могутъ вредъ сдѣлать.

Мамаевъ.

Да вотъ, учи мать-то лицемѣрью. Не слушай, сестра, живи по простотѣ! По простотѣ лучше. (Разсматриваетъ портреты). Ай-да молодецъ племянничекъ!

Глумовъ.

Бросьте, дядушка! И непохоже совсѣмъ, и подпись къ вамъ не подходитъ: «Новѣйшій самоучитель».

Мамаевъ.

Похоже-то оно похоже, и подпись подходитъ; ну, да это ужъ до тебя не касается, это мое дѣло. (Отдаетъ портреты и встаетъ). Ты на меня каррикатуры рисовать не будешь?

Глумовъ.

Помилуйте, за кого вы меня принимаете! Что за занятіе!

МАМАЕВЪ.

Такъ ты вотъ что, ты непремѣнно приходи уже вечеромъ. И вы пожалуйте!

ГЛУМОВА.

Ну, я-то ужь... я вѣдь, пожалуй, надоѣмъ своими глупостями. *(Мамаевъ уходитъ, Глумова ея провожаетъ)*. Кажется, дѣло-то улаживается. А много еще труда Жоржу будетъ. Ахъ, какъ это трудно и хлопотно въ люди выходить. *(Глумова возвращается)*.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ.

ГЛУМОВА, ГЛУМОВЪ и потомъ МАНЕВА.

ГЛУМОВЪ.

Маменька, Манева идетъ. Будьте къ ней внимательнѣе, слышите! Да не только внимательнѣе, подобострастнѣе, какъ только можете.

ГЛУМОВА.

Ну, ужь унижаться-то передъ бабой.

ГЛУМОВЪ.

Вы барствовать-то любите; а гдѣ средства! Кабы не моя оборотливость, такъ вы бы чуть не по міру ходили. Такъ помогайте же мнѣ, помогайте же мнѣ, я вамъ говорю. *(Засмѣиваясь, бѣжитъ въ переднюю и возвращается смѣясь съ Маневой)*.

МАНЕВА *(Глумову)*.

Убѣгай отъ суеты, убѣгай!

ГЛУМОВЪ *(съ постыжымъ видомъ и со вздохами)*.

Убѣгаю, убѣгаю.

МАНЕВА.

Не будь корыстолюбивъ!

ГЛУМОВЪ.

Не знаю грѣха сего.

МАНЕВА *(садясь и не обращая вниманія на Глумову, которая ей часто кланяется)*.

Летала, летала, да къ вамъ попала.

ГЛУМОВЪ.

Охъ, чувствуемъ, чувствуемъ.

МАНЕВА.

Была въ нѣкоемъ благочестивомъ домѣ, дали 10-ть рублей на милостыню. Моими руками творятъ милостыню. Святими-то руками доходчивѣе, нечѣмъ грѣшными.

Глумовъ (*вынимая деньги*).

Примите 15-ть рублей отъ раба Егорья.

МАНЕВА.

Благо дающимъ!

Глумовъ.

Не забывайте въ молитвахъ!

МАНЕВА.

Въ ономъ благочестивомъ домѣ пилъ чай и кофей.

Глумова.

Пожалуйте, матушка, у меня сейчасъ готово. (*Манева встаетъ, они ее провожаютъ подъ руки до двери. Глумовъ возвращается и садится къ столу*). Записать! (*Вынимаетъ дневникъ*). Человеку Мамаева три рубля, Маневъ 15 рублей. Да ужь кстаи весь разговоръ съ дядей. (*Пишетъ. Входитъ Курчавъ*).

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ.

Глумовъ, Курчавъ.

Курчавъ.

Послушайте-ко! Былъ дядя здѣсь?

Глумовъ.

Былъ.

Курчавъ.

Ничего онъ не говорилъ про меня?

Глумовъ.

Ну, вотъ! Съ какой стати! Онъ даже едва-ли знаетъ, гдѣ былъ. Онъ заѣзжалъ, по своему обыкновенію, квартиру смотрѣть.

Курчавъ.

Это интрига, адская интрига!

Глумовъ.

Я слушаю, продолжайте!

Курчавъ.

Представьте себѣ, дядя меня встрѣтилъ на дорогѣ и...

Глумовъ.

И... что?

Курчавъ.

И не велѣлъ мнѣ показываться ему на глаза. Представьте!

Глумовъ.

Представляю.

Курчавъ.

Приѣзжаю къ Турусиной — не принимаютъ; высылаютъ баку-то шлюху-приживалу сказать, что принять не могутъ. Слышите?

Глумовъ.

Слышу.

Курчавъ.

Объясните мнѣ, что это значитъ?

Глумовъ.

По какому праву вы требуете отъ меня объясненія?

Курчавъ.

Хоть по такому, что вы человѣкъ умный и больше меня понимаете.

Глумовъ.

Извольте! Оглянитесь на себя, какую вы жизнь ведете.

Курчавъ.

Какую? Всѣ ведутъ такую — ничего, а я виноватъ. Нельзя же за это лишать человѣка состоянія, отнимать невѣсту, отказывать въ уваженіи.

Глумовъ.

А знакомство ваше! Напримѣръ, Голутвинъ.

Курчавъ.

Ну что жъ, Голутвинъ?

Глумовъ.

Язва! такіе люди на все способны. Вотъ вамъ и объясненіе! И зачѣмъ вы его давеча привели ко мнѣ? Я на знакомства очень остороженъ — я берегу себя. И поэтому я васъ прошу не посѣщать меня.

Курчавъ.

Что вы, съума сошли!

Глумовъ.

Дядюшка васъ удалилъ отъ себя, а я желаю этому, во всѣхъ отношеніяхъ, достойному человѣку подражать во всемъ.

Курчавъ.

А! Теперь я, кажется, начинаю понимать.

Глумовъ.

Ну, и слава-Богу!

Курчавъ.

Послушайте-во вы, миленькій, ужъ это не вы ли? Если мой подозрѣніи оправдаются, такъ берегитесь! Такия вещи даромъ не проходятъ. Вы у меня того... вы берегитесь!

Глумовъ.

Буду беречься, когда будетъ нужно; а теперь пока серьезной опасности не вижу. Прощайте!

Курчавъ.

Прощайте! (*уходитъ*).

Глумовъ.

Дядя его прогналъ. Первый шагъ сдѣланъ.

ДВѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

И И Ц А.

Мамавъ.

Клеопатра Львовна Мамавва, его жена.

Крутицкій, старикъ, очень важный господинъ.

Иванъ Ивановичъ Горохулинъ, молодой, важный господинъ.

Глумовъ.

Глумова.

Человѣкъ Мамавва.

Зала, одна дверь входная, двѣ по сторонамъ.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ.

Мамавъ и Крутицкій *(выходятъ изъ боковой двери)*.

Мамавъ.

Да, мы куда-то идемъ, куда-то ведутъ насъ; но ни мы не знаемъ, куда, ни тѣ, которые ведутъ насъ. И чѣмъ все это кончится?

Крутицкій.

Я, знаете ли, смотрю на все это, багъ на легкомысленную пробу, и особенно дурнаго ничего не вижу. Нашъ вѣкъ, вѣкъ по преимуществу легкомысленный. Все молодо, неопытно, дай то попробую, другое попробую, то передѣлаю, другое перемѣню. Перемѣнять легко. Вотъ возьму, да поставлю всю мѣбель въ верхъ ногами, вотъ и перемѣна. Но гдѣ же, я васъ спрашиваю, вѣковая мудрость, вѣковая опытность, которая поставила мѣбель именно на ноги? Вотъ стоитъ столъ на четырехъ ножкахъ, и хорошо стоитъ, вѣрно?

Мамавъ.

Крѣпко.

Крутицкій.

Солидно?

Мамавъ.

Солидно.

Крутицкій.

Дай, попробую поставить его въ верхъ ногами. Ну, и поставили.

Мамавъ *(махнуть рукой)*.

Поставили.

Крутицкий.

Вотъ и увидать.

Мамаевъ.

Увидать ли, увидать ли?

Крутицкий.

Что вы мнѣ говорите! Странное дѣло! Ну, а не увидать, такъ уважутъ, есть же люди.

Мамаевъ.

Есть, есть. Какъ не быть! Я вамъ скажу, и очень есть, да не слушаютъ, не слушаютъ. Вотъ въ чемъ вся бѣда: умныхъ людей, насъ не слушаютъ.

Крутицкий.

Мы сами виноваты: не умѣемъ говорить, не умѣемъ заявлять своихъ мнѣній. Кто пишетъ? Кто кричитъ? Мальчишки. А мы молчимъ, да жалуемся, что насъ не слушаютъ. Писать надо, писать — больше писать.

Мамаевъ.

Легко сказать: писать! На это нуженъ навыкъ, нужна какая-то сноровка. Конечно, это вздоръ, но все-таки нужно. Вотъ я! Говорить я хоть до завтра, а примись писать, и Богъ-знаетъ, что выходитъ. А вѣдь не дуракъ, кажется. Да вотъ и вы. Ну, какъ вамъ писать!

Крутицкий.

Нѣтъ, про меня вы не говорите! Я пишу, я пишу, я много пишу.

Мамаевъ.

Да! Вы пишете? Не зналъ. Но вѣдь не отъ всякаго же можно этого требовать.

Крутицкий.

Прошло время, любезнѣйшій Нилъ Федосѣичъ, прошло время. Коли хочешь приносить пользу, умѣй владѣть перомъ.

Мамаевъ.

Не всякому дано.

Крутицкий.

Да, вотъ кстати. Нѣтъ ли у васъ на примѣтѣ молодого человека, поскромнѣе и образованнаго, конечно, чтобы могъ свободно излагать на бумагѣ разныя тамъ мысли, проекты, ну и проч.

Мамаевъ.

Есть, есть именно такой.

Крутицкий.

Онъ не болтунъ, не изъ нынѣшнихъ зубоскаловъ?

Мамаевъ.

Ни-ни-ни! Только приважите, будетъ нѣмъ, какъ рыба.

Крутицкій.

Вотъ видите ли, у меня написанъ очень серьёзный прожектъ, или записка, какъ хотите назовите, но вѣдь вы сами знаете, я человѣкъ стараго образованія...

Мамаевъ.

Крѣпче было, крѣпче было.

Крутицкій.

Я съ вами согласенъ. Излагаю я стилемъ старымъ, какъ бы вамъ сказать? Ну, близкимъ къ стилю великаго Ломоносова.

Мамаевъ.

Старый стиль сильнѣе былъ. Куда! Далекое нынче.

Крутицкій.

Я согласенъ; но все-таки, какъ хотите, въ настоящее время писать стилемъ Ломоносова или Сумарокова, вѣдь, пожалуй, засмѣютъ. Такъ вотъ можетъ ли онъ дать моему труду, какъ это говорится? Да, литературную отдѣлку.

Мамаевъ.

Можетъ, можетъ, можетъ.

Крутицкій.

Ну, я заплачу ему тамъ что слѣдуетъ.

Мамаевъ..

Обидите, за счастье почтеть.

Крутицкій.

Ну, вотъ! Съ какой же стати я буду одолжаться! А кто онъ?

Мамаевъ.

Племянникъ, племянничекъ, да-съ.

Крутицкій.

Такъ скажите ему, чтобы зашелъ какъ-нибудь пораньше, часу въ восемьомъ.

Мамаевъ.

Хорошо, хорошо. Будьте покойны.

Крутицкій.

Да скажите, чтобы ни-ни! Я не хочу, чтобы до поры до времени былъ разговоръ, это ослабляетъ впечатлѣнїе.

Мамаевъ.

Господи! Да понимаю. Внушу, внушу.

Крутицкій.

Прощайте!

Мамаевъ.

Я самъ съ нимъ завтра же заѣду къ вамъ.

Крутицкій.

Милости просимъ. (*Уходитъ, Мамаевъ его провожаетъ. Выходятъ: Клеопатра Львовна и Глумова*).

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

МАМАЕВА И ГЛУМОВА.

МАМАЕВА.

Молодъ, хорошъ собой, образованъ, милъ! Ахъ!

ГЛУМОВА.

И при всемъ при этомъ онъ могъ погибнуть въ безвѣстности, Клеопатра Львовна.

МАМАЕВА.

А кто жь ему велѣлъ быть въ безвѣстности! Ужъ довольно и того, что онъ молодъ и хорошъ собою.

ГЛУМОВА.

Если нѣтъ родства хорошаго, или знакомства, гдѣ людей-то увидишь? гдѣ протекцію найдешь?

МАМАЕВА.

Ему не надо было убѣгать общества; мы бы его замѣтили, непременно замѣтили.

ГЛУМОВА.

Чтобы замѣтнымъ-то быть, нужно умъ большой; а людямъ обыкновеннымъ трудно, охъ, какъ трудно!

МАМАЕВА.

Вы къ сыну несправедливы, у него ума очень довольно. Да и нѣтъ особенной надобности въ большомъ умѣ, довольно и того, что онъ хорошъ собою. Къ чему тутъ умъ? Ему не профессоромъ быть. Повѣрьте, что красивому молодому человѣку, просто изъ состраданія, всегда и въ люди видти помогутъ и дадутъ средства жить хорошо. Если вы видите, что умный человѣкъ бѣдно одѣтъ, живетъ въ дурной квартирѣ, ѣдетъ на плохомъ извозчикѣ — это васъ не поражаетъ, не колетъ вамъ глазъ; такъ и нужно, это идетъ къ умному человѣку, тутъ нѣтъ видимаго противорѣчія. Но если вы видите молодого красавца, бѣдно одѣтаго — это больно, этого не должно быть, и не будетъ, никогда не будетъ.

ГЛУМОВА.

Какое у васъ сердце-то ангельское!

МАМАЕВА.

Да нельзя!... Мы этого не допустимъ, мы женщины. Мы поднимаемъ на ноги мужей, знакомыхъ, всѣ власти; мы его устроимъ. Надобно, чтобы ничто не мѣшало намъ любоваться на него. Бѣдноты! Фи! Мы ничего не пожалѣемъ, чтобы... Нельзя! Нельзя! Красивые молодые люди такъ рѣдки...

ГЛУМОВА.

Кабы всё такъ думали...

МАМАЕВА.

Всё, всё. Мы вообще должны сочувствовать бѣднымъ людямъ, это нашъ долгъ, обязанность, тутъ и разговаривать нечего. Но едва-ли вынесетъ чье-нибудь сердце видѣть въ бѣдности красиваго мужчину,—молодаго. Рукава потерты, или коротки, воротнички нечисты. Ахъ, ахъ! ужасно, ужасно! Кромѣ того, бѣдность убиваетъ развязность, какъ-то принижаетъ, отнимаетъ этотъ побѣдный видъ, эту смѣлость, которыя такъ простительны, такъ въ лицу красивому молодому человѣку.

ГЛУМОВА.

Все правда, все правда, Клеопатра Львовна! (*Входитъ Мамаева*).

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ.

МАМАЕВЪ И ТЪ ЖЕ.

МАМАЕВЪ.

А, здравствуйте!

ГЛУМОВА.

Я ужь не знаю, кому на васъ жаловаться, Нилъ Федосѣичъ!

МАМАЕВЪ.

А что такое?

ГЛУМОВА.

Сына у меня совсѣмъ отбили. Онъ меня совсѣмъ любить пересталъ, только вами и грезить. Все про вашъ умъ да про ваши разговоры; только ахаетъ да удивляется.

МАМАЕВЪ.

Хорошій мальчикъ, хорошій.

ГЛУМОВА.

Онъ ребенкомъ былъ у насъ очень удивителенъ.

МАМАЕВА.

Да онъ и теперь почти дитя.

ГЛУМОВА.

Тихій, такой тихій былъ, что удивленіе. Ужь никогда, бывало, не забудетъ у отца, или у матери, ручку поцаловать; у всѣхъ бабушекъ, у всѣхъ тетушекъ разцалуетъ ручки. Даже, бывало, запрещаешь ему; подумаютъ, что нарочно научили; такъ потихоньку, чтобъ никто не видалъ, подойдетъ и поцалуетъ. А то одинъ разъ, было ему пять лѣтъ, вотъ удивилъ-то онъ насъ всѣхъ! Приходитъ по утру и говоритъ: «какой я видѣлъ сонъ! Слетаютъ ко мнѣ, въ кровати, ангелы и говорятъ:—люби па-

папу и мамашу и во всемъ слушайся! А когда впростень большой, любя своихъ начальниковъ. Я имъ сказалъ: ангелы! я буду всѣхъ слушаться... Удивилъ онъ насъ, ужъ такъ обрадовалъ, что и сказать нельзя. И такъ мнѣ этотъ сонъ памятенъ, такъ памятенъ...

Мамаввѣ.

Ну, прощайте, я ъду, у меня дѣла-то побольше вашего. Я вашимъ сыномъ доволенъ. Вы ему такъ и скажите, что я имъ доволенъ. (*Надѣвая шляпу*). Да, вотъ было-забылъ. Я знаю, что вы живете небогато и жить не умѣете; такъ зайдите ко мнѣ какъ-нибудь утромъ, я вамъ дамъ...

Глумова.

Покорно благодаримъ.

Мамаввѣ.

Не денегъ, нѣтъ; а лучше денегъ. Я вамъ дамъ совѣтъ от-носительно вашего бюджета. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Мамавва и Глумова.

Глумова.

Довольны, такъ и слава Богу! Ужъ никто такъ не умѣетъ быть благодарнымъ, какъ мой Жоржъ.

Мамавва.

Очень приятно слышать.

Глумова.

Онъ, не то что благодарнымъ быть, онъ можетъ обожать своихъ благодѣтелей.

Мамавва.

Обожать? Ужъ это слишкомъ.

Глумова.

Нѣтъ, не слишкомъ. Такой характеръ, душа такая. Разу-мѣется, матери много хвалить сына не годится, да и онъ не любить, чтобы я про него рассказывала.

Мамавва.

Ахъ, сдѣлайте одолженіе; я ему ничего не передамъ.

Глумова.

Онъ даже ослѣвленъ своими благодѣтелями, ужъ для него лучше вхъ на свѣтъ нѣтъ. По уму, говорить, Нику Федосѣичу равныхъ нѣтъ въ Москвѣ; а ужъ что про вашу красоту говорить, такъ печатать, право, печатать надо.

Мамавва.

Скажите, пожалуйста.

ГЛУМОВА.

Какія сравненія находятъ!

МАМАЕВА.

Неужели?

ГЛУМОВА.

Да онъ васъ гдѣ-нибудь прежде видалъ?

МАМАЕВА.

Не знаю. Я его видѣла въ театрѣ.

ГЛУМОВА.

Нѣтъ, должно быть, видалъ.

МАМАЕВА.

Почему же?

ГЛУМОВА.

Да какъ же? Онъ такъ недавно васъ знаетъ, и вдругъ такое...

МАМАЕВА.

Ну, ну! Что же?

ГЛУМОВА.

И вдругъ такое родственное расположеніе почувствовалъ:

МАМАЕВА.

Ахъ, мнѣнъ мальчижъ!

ГЛУМОВА.

Даже непонятно. Дядюшка, говорить, такой умный, такой умный, а тетюшка, говорить, ангель, ангель, да...

МАМАЕВА.

Пожалуйста, пожалуйста говорите! Я, право, очень любопытна.

ГЛУМОВА.

Да вы не разсердитесь за мою глупую откровенность?

МАМАЕВА.

Нѣтъ, нѣтъ.

ГЛУМОВА.

Ангель, говорить, ангель; да ко мнѣ на грудь да въ слезы...

МАМАЕВА.

Да, вотъ что... Какъ же это? Странно.

ГЛУМОВА (*нерешительно тожь*).

Ужъ очень онъ радъ, что его, сироту, обласкали; отъ благодарности плачетъ.

МАМАЕВА.

Да, да, съ сердцемъ мальчижъ, съ сердцемъ!

ГЛУМОВА.

Да ужъ что говорить! Natura viviparumъ.

МАМАЕВА.

Это въ его возрастѣ понятно и... извинительно.

ГЛУМОВА.

Ужъ извините, извините его. Молодъ еще.

МАМАЕВА.

Да въ чемъ же мнѣ его извинить? Чѣмъ онъ передо мною виновать?

ГЛУМОВА.

Ну, знаете ли, вѣдь, можетъ быть, въ первый разъ въ жизни видѣть такую красавицу женщину, — гдѣ жъ ему было! Она къ нему ласкова, снисходительна... конечно, но родственному... голова-то горячая, поневолѣ съ ума сойдешь.

МАМАЕВА (*задумчиво*).

Онъ очень милъ, очень милъ.

ГЛУМОВА.

Оно, конечно, его расположеніе родственное... А вѣдь, какъ хотите... близость-то такой очаровательной женщины въ молодле его года... вѣдь ночи не спать, придетъ отъ васъ, мечется, мечется...

МАМАЕВА.

Онъ къ вамъ доврчивъ, онъ отъ васъ своихъ чувствъ не скрываетъ?

ГЛУМОВА.

Грѣхъ бы ему было. Да вѣдь и чувства-то его дѣтскія.

МАМАЕВА.

Ну, конечно, дѣтскія... Ему еще во всемъ нужны руководители. Подъ руководствомъ умной женщины онъ современемъ... да, онъ можетъ...

ГЛУМОВА.

Поручайте его! Ему это для жизни очень нужно будетъ. Вы такая добрая...

МАМАЕВА (*смѣется*).

Да, да, добрая. Но вѣдь это, вы знаете, вѣдь это опасно; можно и самой... увлечься.

ГЛУМОВА.

Вы, право, такая добрая.

МАМАЕВА.

Вы, я вижу, очень его любите.

ГЛУМОВА.

Одень, — какъ не любить!

МАМАЕВА (*тожно*).

Такъ давайте его любить вмѣстѣ.

ГЛУМОВА.

Вы меня заставьте завидовать сыну. Да, именно, онъ себѣ счастье нашелъ въ вашемъ семействѣ. Однако, мнѣ и домой

пора. Не сердитесь на меня за мою болтовню... А бѣда если сынъ узнаетъ, ужь вы меня не выдайте. Иногда и стыдно ему, что у меня ума-то мало, иногда бы и надо ему сказать: какія вы, мамаша, глупости дѣлаете, а бѣды же случатся. Онъ этого слова избѣгаетъ изъ почтенія къ родительницѣ. А ужь я бы ему простила, только бы впередъ отъ глупостей остерегалъ. Прощайте, Клеопатра Львовна.

Мамаша *(обнимаетъ ее)*.

Прощайте, душа моя, Глафира Климовна! На дняхъ я къ вамъ, мы съ вами еще потолкуемъ о Жоржѣ *(проводжаетъ ее до двери)*.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ.

Мамаша, потомъ Глузовъ.

Мамаша.

Какая болтушка! Ну, еслибъ услышалъ ее сынъ, не сказалъ бы ей спасибо. Онъ такъ гордъ, подходитъ ко мнѣ съ такой холодной почтительностью, а дома вонъ чтѣ дѣлаетъ. Значить, я могу еще внушить молодому человѣку истинную страсть. Такъ и должно быть. Въ послѣднее время, конечно, очень былъ чувствителенъ недостатокъ въ обожателяхъ; но вѣдь это оттого, что окружающіе меня люди отжили и износились. Ну, вотъ, наконецъ-то. А, мой милый! Теперь я буду смотрѣть за тобой. Какъ онъ ни робокъ, но истинная страсть должна же прорываться. Это очень интересно, наблюдать, когда впередъ знаешь, что человѣкъ влюбленъ въ тебя. *(Входитъ Глузовъ, кланяется и останавливается съ почтительной позой)*. Подите, подите сюда. *(Глузовъ робко подходитъ)*. Что же вы стоите? Развѣ племянники ведутъ себя такъ?

Глузовъ *(цалуетъ ей руку)*.

Здравствуйте, Клеопатра Львовна, съ добрымъ утромъ.

Мамаша.

Браво! Какъ это вы осмѣлились, наконецъ, я удивляюсь!

Глузовъ.

Я очень робокъ.

Мамаша.

Будьте развязнѣе! Чего вы боитесь? Я такой же человѣкъ, какъ и всѣ. Будьте доврчивѣе, откровеннѣе со мной, поврѣйте мнѣ свои сердечныя тайны! Не забивайте, что я ваша тѣтка.

Глузовъ.

Я былъ бы откровеннѣе съ вами, еслибы...

МАМАЛВА.

Еслибъ что?

ГЛУМОВЪ.

Еслибъ вы были старуха.

МАМАЛВА.

Что за вздоръ такой! Я совсѣмъ не хочу быть старухой.

ГЛУМОВЪ.

И я тоже не желаю. Дай вамъ Богъ цѣлѣсти какъ можно долѣе. Я говорю только, что мнѣ тогда было бы не такъ робко, мнѣ было бы свободнѣе.

МАМАЛВА.

Отчего же? Садитесь сейчасъ ко мнѣ ближе и рассказывайте все откровенно, отчего вамъ было бы свободнѣе, еслибъ я была старухой.

ГЛУМОВЪ (*береть стулъ и садится подлѣ нея*).

У молодой женщины есть свои дѣла, свои интересы; когда же ей заботиться о бѣдныхъ родственникахъ! А у старухи только и дѣла.

МАМАЛВА.

Отчегожъ молодая не можетъ заботиться о родныхъ?

ГЛУМОВЪ.

Можетъ, но ее совѣстно просить объ этомъ; совѣстно надоѣдать. У ней на умѣ веселье, забавы, развлеченія, а тутъ скучное лицо племянника, просьбы, вѣчное нѣтъ. А для старухи это было бы даже удовольствіемъ; она бы ѣздяла по Москвѣ, хлопотала. Это было бы для нея и занятіе отъ скуки, и доброе дѣло, которымъ она неслѣ могла бы похвастаться.

МАМАЛВА.

Ну, еслибъ я была старуха, о чемъ бы вы меня попросили?

ГЛУМОВЪ.

Да, еслибъ вы были; а вѣдь вы не старуха, а, напротивъ, очень молодая женщина. Вы меня лѣвите.

МАМАЛВА.

Все равно, все равно, говорите!

ГЛУМОВЪ.

Нѣтъ, не все равно. Вотъ, напримѣръ, я знаю, что вамъ стоить сказать только одно слово Ивану Ивановичу, и у меня будетъ очень хорошее мѣсто.

МАМАЛВА.

Да, я думаю, что довольно будетъ одного моего слова.

ГЛУМОВЪ.

Но я все-таки не буду беспокоить васъ этой просьбой.

Мамаява.

Почему же?

Глумовъ.

Потому, что это было бы насиліе. Онъ такъ вами очарованъ.

Мамаява.

Вы думаете?

Глумовъ.

Я знаю навѣрное.

Мамаява.

Какой вы всевѣдущій. Ну, а я?

Глумовъ.

Ужъ это ваше дѣло.

Мамаява (*про себя*).

Онъ не ревнивъ, это странно.

Глумовъ.

Онъ не смѣетъ отказать вамъ ни въ чемъ. Потому, ему важна просьба будетъ очень пріятна; заставить васъ просить—все равно, что дать ему взятку.

Мамаява.

Все это вздоръ, фантазія! Такъ вы не желаете, чтобъ я за васъ просила?

Глумовъ.

Рѣшительно не желаю. Кромѣ того, мнѣ не хочется быть у васъ въ долгу. Чѣмъ же я могу заплатить вамъ?

Мамаява.

А старухѣ чѣмъ вы заплатите?

Глумовъ.

Постояннымъ угожденіемъ; я бы ей носилъ собачку, подвигалъ подъ ноги свамейку, цловалъ постоянно руки, поздравлялъ со всѣми праздниками и со всѣмъ, съ чѣмъ только можно поздравить. Все это только для старухи имѣетъ цѣну.

Мамаява.

Да, конечно.

Глумовъ.

Потомъ, если старуха дѣйствительно добрая, я могъ бы привязаться къ ней, полюбить ее.

Мамаява.

А молодую развѣ нельзя полюбить?

Глумовъ.

Можно, но не должно смѣть.

Мамаява (*про себя*).

Наконецъ-то!

ГЛУМОВЪ.

И къ чему же бы это повело? Только лишнія страданія. (*Входитъ человекъ*).

ЧЕЛОВѢКЪ.

Иванъ Иванычъ Городулинъ-съ.

ГЛУМОВЪ.

Я пойду къ дядюшкѣ въ кабинетъ, у меня есть работа-съ (*Кланяется очень почтительно*).

МАМАЕВА (*человѣку*).

Проси! (*Человѣкъ уходитъ, выходитъ Городулинъ*).

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

МАМАЕВА и ГОРОДУЛИНЪ.

ГОРОДУЛИНЪ.

Имѣю честь представиться.

МАМАЕВА (*съ утрекомъ*).

Хорошъ, хорошъ! Садитесь: вакинь вѣтромъ, какой бурей занесло васъ ко мнѣ?

ГОРОДУЛИНЪ (*садится*).

Вѣтромъ, который у меня въ головѣ, и бурей страсти, которая бушуетъ въ моемъ сердцѣ.

МАМАЕВА.

Благодарю. Очень мило съ вашей стороны, что вы не забыли меня, брошенную, покинутую.

ГОРОДУЛИНЪ.

Гдѣ онъ? Гдѣ тотъ несчастный, который васъ покинулъ? Узнайте мнѣ его! Я иииче въ особенно воинственномъ расположеніи духа.

МАМАЕВА.

Вы первый, васъ-то и надобно убить, или что-нибудь другое.

ГОРОДУЛИНЪ.

Ужъ лучше что-нибудь другое.

МАМАЕВА.

Я ужъ придумала вамъ наказаніе.

ГОРОДУЛИНЪ.

Позвольте узнать. Объявите рѣшеніе, безъ того не казнять. Если вы рѣшили задушить меня въ своихъ объятіяхъ, я аппетировать не буду.

МАМАЕВА.

Нѣтъ, я хочу явиться къ вамъ просителемъ.

ГОРОДУЛИНЪ.

То-есть, помѣняться со мной ролями?

Маманва.

Развѣ вы проситель? вы сами тамъ гдѣ-то чуть-ли не судья.

Городулинъ.

Такъ, такъ-съ. Но передъ дамами я всегда...

Маманва.

Полно вамъ болтать-то! У меня серьезное дѣло.

Городулинъ.

Слушаю-съ.

Маманва.

Моему племяннику нужно...

Городулинъ.

Что же нужно вашему племяннику? Курточку, панталончики?

Маманва.

Вы мнѣ надоѣли. Слушайте я не перебивайте! Мой племянникъ совсѣмъ не ребенокъ, онъ очень милый молодой человѣкъ, очень хорошъ собой, уменъ, образованъ.

Городулинъ.

Тамъ лучше для него и хуже для меня.

Маманва.

Ему нужно мѣсто.

Городулинъ.

Какое прикажете?

Маманва.

Разумѣется, хорошее! У него отличныя способности.

Городулинъ.

Отличныя способности? Жаль. Съ отличными способностями теперь некуда дѣться; онъ остается лишній. Такія всѣ мѣста заняты: одно Бисмаркомъ, другое Бейстомъ.

Маманва.

Послушайте, вы меня выведете изъ терпѣнія, мы съ вами поссоримся. Говорите, есть ли у васъ въ виду мѣсто?

Городулинъ.

Для обыкновеннаго смертнаго найдется.

Маманва.

И прекрасно.

Городулинъ (*тихо*).

Намъ люди нужны. Позвольте мнѣ хоть однимъ взглядомъ взглянуть на этотъ феноменъ; тогда я вамъ скажу опредѣлительно, на что онъ годенъ и на какое мѣсто можно будетъ его рекомендовать.

Маманва.

Егоръ Дмитритчъ! Жоржъ! Подите сюда (*Городулину*). Я васъ оставлю съ нимъ на нѣсколько времени. Вы послѣ зайдете ко

ми! Я васъ подожду въ гостиней (*Глумовъ выходитъ*). Представляю вамъ моего племянника. Егоръ Дмитритчъ Глумовъ. (*Глумову*). Иванъ Ивановичъ хотеть съ вами познакомиться.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ.

Городулинъ и Глумовъ.

Городулинъ (*подавая Глумову руку*).

Вы служите?

Глумовъ (*развязно*).

Служилъ, теперъ не служу, да и не имѣю никакой охоты.

Городулинъ.

Отчего?

Глумовъ.

Умѣнья не далъ Богъ. Надо имѣть очень много различныхъ качествъ, а у меня ихъ нѣтъ.

Городулинъ.

Миѣ кажется, нужно только умъ и охоту работать.

Глумовъ.

Положимъ, что у меня за этии дѣло не стадесть; но что толку съ этии качествами? сколько ни трудись, вѣкъ будешь канцелярскимъ чиновникомъ. Чтобы выслужиться челоуѣку безъ протекци, нужно совсѣмъ другое.

Городулинъ.

А что же именно?

Глумовъ.

Не разсуждать, когда не назначаютъ, смѣяться, когда начальство вздумаетъ съострить, — думать и работать за начальниковъ и въ то же время увѣрять ихъ со всевозможнымъ смиреніемъ, что я, молъ, глупъ, что все это вамъ самымъ угодно было приказать. Кромѣ того нужно имѣть еще нѣкоторыя лавейскія качества, конечно, въ соединеніи съ извѣстной долей граціозности: напримѣръ, вскочить и вытануться, чтобы это было и подобострастно и неподобострастно, и холопски и вмѣстѣ съ тѣмъ благородно, и прямолинейно и граціозно. Когда начальникъ пошлетъ за чѣмъ-нибудь, надо умѣть производить легкое порханье, среднее между галопомъ, маршъ-маршъ и обыкновеннымъ шагомъ. Я еще и половины того не сказалъ, что надо знать, чтобы дослужиться до чего-нибудь.

Городулинъ.

Прекрасно. То-есть, все это очень сжверно, но говорите вы прекрасно; вотъ важная вещь. Впрочемъ, все это было прежде, теперъ совсѣмъ другое.

Глумовъ.

Что-то не видать этого другого-го. И притомъ, все бумага и форма. Цѣля отъны, цѣля вѣности изъ бумагъ и формъ. И изъ этихъ вѣностей только вылетаютъ, въ видѣ бомбъ, сухіе циркуляры и предписанія.

Городулинъ.

Какъ это хорошо! Превосходно, превосходно! Вотъ таланты!

Глумовъ.

Я очень радъ, что вы сочувствуете моимъ идеямъ. Но какъ мало у насъ такихъ людей!

Городулинъ.

Намъ идеи что! Кто же ихъ не имѣетъ, такихъ идей! Слова, фразы очень хороши. Знаете ли, вы можете сдѣлать для меня великое одолженіе.

Глумовъ.

Все, что вамъ угодно.

Городулинъ.

Запишите все это на бумажку!

Глумовъ.

Извольте, съ удовольствіемъ. На что же вамъ?

Городулинъ.

Вамъ-то я откроюсь. Мы съ вами оба люди порядочные, и должны говорить откровенно. Вотъ въ чемъ дѣло: мнѣ завтра нужно спичъ говорить за обѣдомъ, а думать рѣшительно некогда.

Глумовъ.

Извольте, извольте!

Городулинъ (*жмать ему руку*).

Сдѣлайте для меня это подружески.

Глумовъ.

Стоять ли говорить, помилуйте! Нѣтъ, вы дайте мнѣ такую службу, гдѣ бы я могъ лицомъ къ лицу стать съ моимъ меньшимъ братомъ. Дайте мнѣ возможность самому видѣть его насущныя нужды и удовлетворять имъ скоро и сочувственно.

Городулинъ.

Отлично, отлично! Вотъ ужъ и это запишите! Какъ я васъ понимаю, такъ вамъ, по вашему честному образу мыслей, нужно мѣсто смотрителя или эконома въ казенномъ или благотворительномъ заведеніи?

Глумовъ.

Куда угодно. Я работать не прочь и буду работать прилежно, сколько силъ хватить, но съ однимъ условіемъ: чтобы моя работа приносила дѣйствительную пользу, чтобы она увеличивала

количество добра, нужнаго для благосостоянія массы. Переливать изъ пустаго въ порожнее, считать это службой и получать отличія—я несогласенъ.

ГОРОДУЛИНЪ.

Ужъ и это бы встать. «Увеличивать количество добра». Прелесть!

ГЛУМОВЪ.

Хотите, я вамъ весь спичъ напишу?

ГОРОДУЛИНЪ.

Неужели? Вотъ видите, долго ли порядочнымъ людямъ сойтись! Перекинули нѣсколько фразъ—и друзья. А какъ вы говорите! Да, намъ такіе люди нужны, нужны, батюшка, нужны! (*Взялъ его на часы*). Заѣзжайте завтра ко мнѣ часу въ двѣнадцатомъ (*подаетъ ему руку*). Очень приятно, очень приятно. (*Уходитъ въ истинную. Выходитъ Мамаевъ*).

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

МАМАЕВЪ и ГЛУМОВЪ.

МАМАЕВЪ.

А, ты, здѣсь! Поди сюда! (*Таинственно*). Крутицкій давеча заѣзжалъ ко мнѣ посовѣтоваться объ одномъ дѣлѣ. Добрый старикъ! Онъ тамъ написалъ что-то, такъ нужно ему обдѣлать, выгладить слогъ. Я указалъ на тебя. Онъ у насъ въ кружкѣ не считается умнымъ человѣкомъ, и написалъ, вѣроятно, глупость какую-нибудь, но ты, когда увидишься съ нимъ, польсти ему нѣсколько.

ГЛУМОВЪ.

Вотъ, дядюшка, чему вы меня учите.

МАМАЕВЪ.

Льстить нехорошо, а польстить немного позволительно. Похвали что-нибудь изъ пятаго въ десятое, это приятно будетъ старику. Онъ можетъ впередъ пригодиться. Ругать его будемъ мы, отъ этого онъ не уйдетъ, а ты все-таки долженъ хвалить, ты еще молодецъ. Мы съ тобой завтра къ нему поѣдемъ. Да, вотъ еще одно тонкое обстоятельство. Въ казія отношенія ты поставилъ себя къ теткѣ?

ГЛУМОВЪ.

Я человѣкъ благовоспитанный, учтивости меня учить не надо.

МАМАЕВЪ.

Ну, вотъ и глупо, ну, вотъ и глупо. Она еще довольно молода, собой красива, нужна ей твоя учтивость! Врага, что ли, ты назвать себя хочешь?

ГЛУМОВЪ.

Я, дядюшка, не понимаю.

МАМАЕВЪ.

Не понимаешь, такъ слушай, учись! Слава Богу, тебѣ есть у того поучиться. Женщины не прощаютъ тому, кто не замѣчаетъ ихъ красоты.

ГЛУМОВЪ.

Да, да, да! Скажите! Изъ ума вонъ.

МАМАЕВЪ.

То-то же, братецъ! Хоть ты и седьмая вода на киселѣ, а все-таки родственникъ; имѣешь больше свободы, чѣмъ просто знакомый; можешь иногда, какъ будто по забывчивости, лишній разъ ручку подаловать, ну тамъ глазами что-нибудь. Я думаю, учишься?

ГЛУМОВЪ.

Не умѣю.

МАМАЕВЪ.

Экой ты, братецъ! Ну, вотъ такъ (*заводитъ глаза ксержу*).

ГЛУМОВЪ.

Полноте, что вы! Какъ это можно!

МАМАЕВЪ.

Ну, да ты передъ зеркаломъ хорошенько поучись. Ну, иногда вздохни съ томнымъ видомъ. Все это немножко щекочетъ ихъ самолюбіе.

ГЛУМОВЪ.

Покорѣйше васъ благодарю.

МАМАЕВЪ.

Да и для меня-то покойнѣе. Пойми, пойми!

ГЛУМОВЪ.

Опять не понимаю.

МАМАЕВЪ.

Она женщина темперамента сангвиническаго, голова у ней горячая, очень легко можетъ увлечься какимъ-нибудь франтомъ, чертъ его знаетъ, что за механикъ попадется, можетъ быть совсѣмъ каторжный. Въ этихъ прихвостняхъ Бога нѣтъ. Вотъ оно куда пошло! А тутъ, понимаешь ты, не угодно ли вамъ, молъ, свой, испытанный человѣкъ. И волки смты и овцы цѣлы. Ха, ха, ха! Понялъ?

ГЛУМОВЪ.

Ума, ума у васъ, дядюшка!

МАМАЕВЪ.

Надѣюсь.

Глумовъ.

А вотъ еще обстоятельство! Чтобъ со стороны не подумали чего дурнаго, вѣдь люди злы, вы меня познакомьте съ Турусинной. Тамъ ужъ я открыто буду ухаживать за племянницей, даже, пожалуй, для васъ, если вамъ угодно, посватаюсь. Вотъ ужъ тогда дѣйствительно будутъ и волки сыты и овцы дѣлы.

Мамаевъ.

Вотъ, вотъ, вотъ. Дѣло, дѣло!

Глумовъ.

Клеопатрѣ Львовнѣ мы, разумѣется, не скажемъ про Турусину ни слова. Не то что ревность, а знаете, есть такое женское чувство.

Мамаевъ.

Кому ты говоришь! Знаю, знаю. Ни-ни-ни, и заняться не надо.

Глумовъ.

Когда же мы къ Турусинной?

Мамаевъ.

Завтра вечеромъ. Ну, теперь ты знаешь, что дѣлать тебѣ.

Глумовъ.

Что дѣлать? Удивляться уму вашему. (*Входятъ Мамаева и Городулинъ*).

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ.

Мамаевъ, Глумовъ, Мамаева и Городулинъ.

Городулинъ (*Мамаевой тихо*).

Черезъ двѣ недѣли онъ будетъ опредѣленъ.

Мамаева.

Черезъ двѣ недѣли я васъ подолую.

Мамаевъ.

А, Иванъ Ивановичъ! Я къ вамъ заѣзжалъ сегодня, я хотѣлъ дать вамъ совѣтъ по клубному дѣлу.

Городулинъ.

Извините, Нилъ Федосвичъ, некогда (*подаетъ руку Глумову*). До свиданья.

Мамаевъ.

Такъ поѣдемте вмѣстѣ, я вамъ дорогой. Мнѣ въ сенать нужно. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ.

Мамаева и Глумовъ.

Мамаева (*садится на кресло*).

Цалуйте ручку, ваше дѣло улажено.

- ГЛУМОВЪ.
Я васъ не просилъ.
- МАМАЕВА.
Нужды нѣтъ, я сама догадалась.
- ГЛУМОВЪ (*цалуеъ руку*).
Благодарю васъ (*беретъ шалку*).
- МАМАЕВА.
Куда же вы?
- ГЛУМОВЪ.
Домой. Я слишкомъ счастливъ. Я побѣгу подѣлиться моею радостью съ матерью.
- МАМАЕВА.
Вы счастливы? Не вѣрю.
- ГЛУМОВЪ.
Счастливъ, насколько можно.
- МАМАЕВА.
Значить, не совсѣмъ; значить, вы еще не всего достигли.
- ГЛУМОВЪ.
Всего, на что только я смѣлъ надѣяться.
- МАМАЕВА.
Нѣтъ, вы говорите прямо: всего вы достигли?
- ГЛУМОВЪ.
Чего же мнѣ еще! Я получу мѣсто.
- МАМАЕВА.
Не вѣрю, не вѣрю. Вы хотите въ такихъ молодыхъ годахъ показать себя материалистомъ, хотите увѣрить меня, что думаете только о службѣ, о деньгахъ.
- ГЛУМОВЪ.
Клеопатра Львовна...
- МАМАЕВА.
Хотите увѣрить, что у васъ никогда не бьется сердце, что вы не мечтаете, не плачете, что вы не любите никого.
- ГЛУМОВЪ.
Клеопатра Львовна, я не говорю этого.
- МАМАЕВА.
А если любите, можете ли вы не желать, чтобы и васъ любили?
- ГЛУМОВЪ.
Я не говорю этого.
- МАМАЕВА.
Вы говорите, что всего достигли.
- ГЛУМОВЪ.
Я достигъ всего возможнаго, всего, на что я могу позволить себѣ надѣяться.

МАМАЕВА.

Значить, вы не можете позволить себѣ надѣяться на взаимность. Въ такомъ случаѣ зачѣмъ вы даромъ тратите ваши чувства. Вѣдь это перлы души. Говорите, кто эта жестокая?

ГЛУМОВЪ.

Но вѣдь это пята, Клеопатра Львовна.

МАМАЕВА.

Говорите, негодный, говорите сейчасъ! Я знаю, я вижу, по вашимъ глазамъ, что вы любите. Бѣдный! Вы очень, очень страдаете?

ГЛУМОВЪ.

Вы не имѣете права прибѣгать къ такимъ средствамъ. Вы знаете, что я не посмѣю ничего скрыть отъ васъ.

МАМАЕВА.

Кого вы любите?

ГЛУМОВЪ.

Скажитесь!

МАМАЕВА.

Стоить ли она васъ?

ГЛУМОВЪ.

Боже мой, что вы со мной дѣлаете!

МАМАЕВА.

Умѣть ли она оцѣнить вашу страсть, ваше прекрасное сердце?

ГЛУМОВЪ.

Хоть убейте меня, я не смѣю.

МАМАЕВА (*шепотомъ*).

Смѣлый, мой другъ, смѣлѣе!

ГЛУМОВЪ.

Кого люблю я?

МАМАЕВА.

Да.

ГЛУМОВЪ (*падая на колѣно*).

Васъ.

МАМАЕВА (*тихо вскрикивая*).

Ахъ!

ГЛУМОВЪ.

Я вашъ рабъ на всю жизнь. Карайте меня за мою дерзость; но я васъ люблю. Заставьте меня молчать, заставьте меня не глядѣть на васъ, запретите мнѣ любоваться вами, еще хуже, заставьте меня быть почтительнымъ; но не сердитесь на меня! Вы сами виноваты. Еслибъ вы не были такъ очаровательны, такъ снисходительны ко мнѣ, я, можетъ быть, удержалъ бы мою страсть въ предѣлахъ приличія, чего бы мнѣ это ни стоило. Но

вы, ангель доброты, вы, красавица, изъ меня, благоразумнаго челоуѣка, вы сдѣлали бѣшенаго сумасброда! Да, я сумасшедшій! Миѣ показалось, что меня манить блаженство, и я не побоялся кинуться въ пропасть, въ которой могу погибнуть безвозвратно. Простите меня (*склоняетъ голову*).

МАМАЕВА (*цалуя ея съ головоу*).

Я васъ прощаю. (*Глузовъ почтительно кланяясь уходитъ. Мамасва провожаетъ ея домижъ взылдомъ*).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

І И Ц А.

Софья Игнатьевна Турусина, богатая вдова, бариня, родомъ изъ купчихъ.

Машенька, ея племянница.

МАНВОЛ.

Приживалка 1-я.

Приживалка 2-я.

Брутицкий.

Городулинъ.

Мамавъ.

Глузовъ.

Григорій, челоуѣкъ Турусиной.

Богатая гостиная на дачѣ въ Сокольникахъ, одна дверь во среднѣ, другая съ боку.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ.

МАШЕНЬКА и ТУРУСИНА (*выходятъ изъ средней двери*).

МАШЕНЬКА.

Поѣденте, ша tante! Поѣденте! Ну, пожалуйста поѣденте!

ТУРУСИНА.

Нѣтъ, мой другъ, нѣтъ! Ни за что на свѣтъ! Я ужъ велѣла лошадей отложить.

МАШЕНЬКА.

Помилуйте, ша tante, на что же это похоже! Въ кон-то вѣки мы сберемса выѣхать, и то не въ часъ; десяти шаговъ отъ воротъ не отѣхали, и назадъ.

ТУРУСИНА (*садясь*).

Мой другъ, я очень хорошо знаю, что дѣлаю. Зачѣмъ напрасно подвергать себя опасности, когда можно набѣжать ее?

МАШЕНЬКА.

Но почему же намъ непременно угрожала опасность?

ТУРУСИНА.

О чемъ ты еще спрашиваешь, я не понимаю. Ты сама ви-

дѣла: въ самыхъ воротахъ намъ перешла дорогу какая-то женщина. Я хотѣла приказать остановиться, но такъ ужъ, острѣли сердце, поѣхала дальше, и вдругъ встрѣча...

Машенька.

Да что жъ такое, что встрѣча?

Турусина.

Да, еслись съ лѣвой стороны, а то съ правой...

Машенька.

Да и съ правой и съ лѣвой все равно.

Турусина.

Не говори такъ, я этого не люблю. Я не терплю вольнодумства въ моемъ домѣ. Я и такъ довольно слышу кощунства отъ гостей, которые бывають у насъ. Постороннимъ я запретить не могу, а тебѣ запрещаю. Мы должны беречь свою жизнь. Конечно, слишкомъ много заботиться о себѣ грѣхъ, но беречь свою жизнь мы обязаны. Не надо быть упрямымъ! Мало ли мы видимъ несчастныхъ случаевъ: разобьютъ лошади, сломаются экипажъ, кучерь напьется пьянъ и завезетъ въ канаву. Провидѣнiе печется о людяхъ. Если тебѣ прямо говорятъ: не ѣзди туда-то, ты подвергнешь себя опасности,—такъ кто же виноватъ, если ты не послушаешь благаго совѣта и сломишь себѣ голову?

Машенька.

Намъ нито не говорилъ: не ѣзди!...

Турусина.

Развѣ непременно нужны слова! Дурная встрѣча краснорѣчивѣй всякихъ словъ. Еще еслись была важная необходимость, ну, ужъ нечего дѣлать: а то ѣхать Богъ знаетъ зачѣмъ! Для того только, чтобъ провести весь вечеръ въ пустыхъ разговорахъ, въ пересудахъ о ближнемъ: и для этого пренебрегать указаниями свыше и подвергать себя очевидной опасности! Нѣтъ ужъ, покорно благодарю. Я понимаю, зачѣмъ тебѣ хочется ѣхать туда! Ты думаешь встрѣтить тамъ Курчаева, самаго нераскаивнаго безбожника, котораго я къ себѣ пускать не велю. Вотъ ты и тянешь тетку, нисколько не разсуждая о томъ, что я изъ-за твоего удовольствiя могу переломить ногу или руку.

Машенька.

Я не понимаю, ма tante, что вамъ не понравился Курчаевъ?

Турусина.

Какъ онъ можетъ мнѣ понравиться? Онъ смѣется въ моемъ присутствiи надъ самыми священными вещами.

Машенька.

Когда же, ма tante, когда?

ТУРУСИНА.

Всегда, постоянно, онъ смѣется надъ моими странницами, надъ юродивыми.

МАШЕНЬКА.

Вы говорите, что онъ смѣется надъ священными вещами.

ТУРУСИНА

Ну, конечно; я ему говорю какъ-то: посмотрите, у моей Матрешы, отъ святости, ужъ начинается лицо свѣтяться; это, говорить, не отъ святости, а отъ жиру. Ужъ этого я ему никогда въ жизни не прощу. До чего вольнодумство-то доходить, до чего позволяютъ себѣ забываться молодые люди! Я въ людяхъ рѣдко ошибаюсь; вотъ и оказалось, что онъ за человѣкъ. Я вчера два письма получила. Прочти, если хочешь.

МАШЕНЬКА.

Развѣ вѣрять безъмяннымъ письмамъ?

ТУРУСИНА.

Еслибъ одно, можно бы еще сомнѣваться: а то вдругъ два и отъ разныхъ лицъ. (*Входитъ человекъ и подаетъ Турусиной письмо*).

ГРИГОРІЙ.

Считающіе люди пришли-сь.

ТУРУСИНА.

Что онъ говорить, Богъ его знаетъ. Ну, да все равно, вѣроятно, богомольцы. Вели ихъ накормить. (*Человекъ уходитъ. Турусина читаетъ письмо*) Вотъ еще письмо. Видно, что пишеть женщина солидная! (*читаетъ вслухъ*). Милостивая государыня Софья Игнатьевна, хотя я не имѣю счастья... (*Читаетъ про себя*). Вотъ слушай! «Выборъ вами такого человѣка, какъ Егоръ Васильевичъ Курчаевъ, заставляетъ меня заранѣе проливать слезы объ участи бѣдной Машеньки»... ну, и такъ далѣе.

МАШЕНЬКА.

Удивительно! Я не знаю, что и думать объ этомъ.

ТУРУСИНА.

Неужели ты и теперь ставешь спорить со мной? Впрочемъ, мой другъ, если ты непременно желаешь, такъ выходи за него. (*Нюхаетъ спиртъ*). Я не хочу, чтобъ меня звали тиранкой. Только ты знай, что ты меня этимъ огорчаешь, и что едва-ли ты вправѣ будешь жаловаться, если я тебѣ...

МАШЕНЬКА.

Не дадите денегъ...

ТУРУСИНА.

И, главное-то, благословенія.

Машенька.

Нѣтъ, ма tante, не бойтесь! Я московская барышня, я не пойду замужъ безъ денегъ и безъ позволенія родныхъ. Мнѣ Жоржъ Курчаевъ очень нравится, но если вамъ неуютно, я за него не пойду и никакой чахотки со мной отъ этого не будетъ. Но, ма tante, пожалуйте меня! у меня, благодаря вамъ, есть деньги. Мнѣ хочется пожить.

Турусина.

Понимаю, мой другъ, понимаю.

Машенька.

Найдите мнѣ жениха, какого угодно, только порядочнаго чело-вѣка, я за него пойду безъ всякихъ возраженій. Мнѣ хочется поблестѣть, покрасоваться. Такъ жить, какъ мы живемъ, подумайте сами, мнѣ скучно, очень скучно.

Турусина.

Я вхожу въ твое положеніе. Суетность въ твоемъ возрастѣ извѣстна.

Машенька.

Когда я буду постарше, ма tante, я весьма вѣроятно буду жить такъ же, какъ и вы, — это у насъ въ роду.

Турусина.

Дай Богъ, я тебѣ отъ всей души желаю. Это прямой путь, настоящій.

Машенька.

Такъ, ма tante, но мнѣ прежде надо выдти замужъ.

Турусина.

Не хочу скрывать отъ тебя, что я въ большомъ затрудненіи. Нынче молодежь такъ испорчена, что очень трудно найти такого чело-вѣка, который бы мнѣ понравился, ты мои требованія знаешь.

Машенька.

Ахъ, ма tante, ужъ въ Москвѣ-то не найти! Чего-чего въ ней нѣтъ. Все, что угодно. У васъ такое большое знакомство. Можно обратиться къ тому-другому; Крутицкій, Мамаевъ, Городулинъ вамъ помогутъ, укажутъ или найдутъ для васъ точно та-кого жениха, какого вамъ нужно. Я въ этомъ увѣрена.

Турусина.

Крутицкій, Городулинъ! Вѣдь они люди, Marie! Они могутъ обмануть, или сами обмануться.

Машенька.

Но какъ же быть?

Т. СLXXXI. — Отд. I.

ТУРУСИНА.

Надо ждать указанія. Безъ особаго указанія я никакъ не рѣшусь.

МАШЕНЬКА.

Не откуда же явится это указаніе?

ТУРУСИНА.

Ты скоро узнаешь, откуда оно явится сегодня же.

МАШЕНЬКА.

Курчаеву не отказывайте отъ дому, пусть ѣздитъ.

ТУРУСИНА.

Только ты знай, что онъ тебѣ не женихъ.

МАШЕНЬКА.

Я вполне полагаюсь на васъ; я ваша покорная, самая покорная племянница.

ТУРУСИНА (*цалуетъ ее*).

Ты милое дитя.

МАШЕНЬКА.

Я буду богата, буду жить весело. Вѣдь и вы прежде весело жили, ma tante?

ТУРУСИНА.

Откуда ты знаешь?

МАШЕНЬКА.

Я знаю, знаю, что вы жили очень весело.

ТУРУСИНА.

Да, ты знаешь кой-что, но ты не можешь и не должна всего знать.

МАШЕНЬКА.

Все равно. Вы самая лучшая женщина, какую я знаю, и васъ я беру примѣромъ для себя. (*Обнимаетъ тетку*). Я тоже хочу жить очень весело; если согрѣшу, я покаюсь. Я буду грѣшить и буду казться, такъ какъ вы.

ТУРУСИНА.

Празднoсловіе, Marie! празднoсловіе!

МАШЕНЬКА (*сложивъ руки*).

Виновата.

ТУРУСИНА.

Ужъ ты разговорилась очень. Я устала, дай мнѣ отдохнуть, немного успокоиться. (*Цалуетъ Машеньку; она уходитъ*). Милая дѣвушка! На нее и сердиться нельзя; она и сама, я думаю, не понимаетъ, что болтаетъ. Гдѣ же ей понимать? Такъ лепечетъ. Я всѣ силы употребляю, чтобы она была счастлива; она вполне этого заслуживаетъ. Сколько въ ней благоразумія и покорности! Она меня тронула почти до слезъ своей дѣтской пре-

данностью. Право, такъ взволновала меня. (*Нюхаетъ смерть.*
Входитъ Григорій.)

ГРИГОРІЙ.

Господинъ Крутицкій.

ТУРУСИНА.

Проси! (*Входитъ Крутицкій.*)

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

ТУРУСИНА И КРУТИЦКІЙ.

КРУТИЦКІЙ (*береть ее за руки*).

Что, все нервы? а?..

ТУРУСИНА.

Нервы.

КРУТИЦКІЙ.

Нехорошо! Вотъ и руки холодныя. Ужь вы того, очень...

ТУРУСИНА.

Что?

КРУТИЦКІЙ.

Очень, то-есть прилежно... ну, очень изнурять себя... не надо очень-то...

ТУРУСИНА.

Я ужъ васъ просила не говорить мнѣ объ этомъ.

КРУТИЦКІЙ.

Ну, ну, не буду.

ТУРУСИНА.

Садитесь.

КРУТИЦКІЙ.

Нѣтъ, ничего, я не усталъ. Я вотъ гулять пошелъ, ну, дай, думаю, зайдю навѣстить старую знакомую, пріятельницу старую... хе, хе, хе!.. Помните, вѣдь мы...

ТУРУСИНА.

Ахъ, не вспоминайте! я теперь...

КРУТИЦКІЙ.

А что жъ такое! Что не вспоминать-то... У васъ въ прошедшемъ было много хорошаго. А если и было кой-что на вашъ взглядъ дурное, такъ ужъ вы, вѣроятно, давно покаялись. Я, признать вамъ сказать, всегда съ удовольствіемъ вспоминаю и несколько не раскаяваюсь, что...

ТУРУСИНА (*съ умоляющимъ видомъ*).

Перестаньте! (*Входитъ Григорій.*)

ГРИГОРІЙ.

Сударыня, уродливый пришелъ.

Крутицкій.

Что такое?

Турусина.

Григорій, какъ тебѣ не стыдно! Какой уродливый? Юродивый. Вели его накормить. (*Григорій уходитъ*). Какъ глупы эти люди, самаго обыкновеннаго назвать не умѣютъ.

Крутицкій.

Ну, я не скажу, чтобы въ нынѣшнее время юродивые были очень обыкновенны. Кромѣ васъ, едва-ли ихъ гдѣ встрѣтишь. Обращаюсь къ прежнему разговору. Вы извините, я хотѣлъ вамъ только сказать, что прежде, когда вы вели другой образъ жизни, вы были здоровѣе.

Турусина.

Здоровѣе тѣломъ, но не душою.

Крутицкій.

Ну, ужъ этого я не знаю, это не мое дѣло. Вообще вы съ виду были здоровѣе. Вы еще довольно молоды... вамъ бы еще можно было пожить, какъ слѣдуетъ.

Турусина.

Я живу, какъ слѣдуетъ.

Крутицкій.

Ну, то-есть рано бы ханжить-то.

Турусина.

Я васъ просила...

Крутицкій.

Ну, виновать, виновать, не буду.

Турусина.

Вы странный человѣкъ. (*Входитъ Григорій.*)

Григорій.

Сударыня, странный человѣкъ пришелъ.

Турусина.

Откуда онъ, ты не спрашивалъ?

Григорій.

Говорить, изъ странъ невѣдомыхъ.

Турусина.

Пустать его и посадить за столъ вмѣстѣ съ тѣми.

Григорій.

Да вмѣстѣ-то они, сударыня, пожалуй...

Турусина.

Поди, поди! (*Григорій уходитъ*).

Крутицкій.

Въ у этихъ, что изъ невѣдомыхъ-то странъ приходятъ, хоть бы паспорта велѣли спрашивать.

Зачѣмъ?
 Турусина.

Крутицкій.
 Загѣмъ, что съ ними до бѣды недолго. Вонъ у одного тоже три странника спасались.

Тавъ что же?
 Турусина.

Крутицкій.
 Ну, всё трое и оказались гравѣры хорошіе.

Турусина.
 Что жъ за бѣда?

Крутицкій.
 Да ремесло-то плохое.

Турусина.
 Чѣмъ же плохо ремесло, гравированіе?

Крутицкій.
 Не портреты же они въ землянкахъ-то гравируютъ.

Турусина (*тихо*).
 Лики?

Крутицкій.
 Какъ же не лики! Цѣлковые.

Турусина (*съ испугомъ*).
 Ахъ, что вы?

Крутицкій (*садится*).

Вотъ то-то же! Добродѣтель добродѣтелю, а и осторожность не мѣшаетъ. Вамъ особенно надо беречься. Ужъ это дѣло извѣстное, коли барыня черезчуръ за добродѣтель возьметъ, такъ ужъ тутъ мошенникамъ пожива. Потому что обмануть васъ въ это время очень просто.

Турусина.

Я дѣлаю добро для добра, не разбирая людей. Я съ вами хотѣла посоветоваться объ одномъ очень важномъ дѣлѣ.

Крутицкій (*поднимаясь*).

Что такое, говорите! Я радъ, радъ вамъ служить, чѣмъ могу.

Турусина.

Вы знаете, что Машенька теперь ужъ въ такомъ возрастѣ, что...

Крутицкій.

Да, да, знаю.

Турусина.

Нѣтъ ли у васъ на примѣтѣ молодого человѣка? Вы знаете, какаго мнѣ нужно?

Крутицкій.

Какаго вамъ нужно. Вотъ это-то и загорючка. Мало ли мо-

лоднхъ людей... Да постой же! Есть, именно такой есть, какого вамъ нужно.

Турусина.

Вѣрно?..

Крутицкий.

Я вамъ говорю. Скромнень не по лѣтамъ, уметь, дворяннѣ, можетъ сдѣлать отличную карьеру. Вообще славный малый... малый славный. Его рекомендовали мнѣ для нѣкоторыхъ занятій; ну, я тово, знаете ли, попыталъ его, что, молъ, ты за птица! Парень хоть куда! Далеко поидеть, далеко, вотъ увидите.

Турусина.

А кто онъ?

Крутицкий.

Какъ его! Дай Богъ памяти! Да вотъ, постоите, онъ мнѣ адресъ далъ, онъ мнѣ теперь не нуженъ, люди знаютъ. (*Вынимаетъ бумагу.*) Вотъ! (*Читаетъ*) Егоръ Дмитриевъ Глумовъ! Каково пишеть! Чисто, ровно, красиво! По почерку сейчасъ можно узнать характеръ! Ровно,—значить аккуратень... кругло, безъ розчерковъ, ну, значить, не вольнодумецъ. Вотъ возьмите, можетъ быть, и пригодится.

Турусина (*береть адресъ*).

Благодарю васъ.

Крутицкий.

Что за благодарность! Вотъ еще. Нашъ долгъ! (*встаетъ*). Прощайте. Заходить, а? Или сердитесь?

Турусина.

Ахъ, что вы! Всегда, всегда рада.

Крутицкий.

То-то! Я вѣдь любя. Жаль.

Турусина.

Навѣщайте.

Крутицкий.

По старой памяти? хе, хе, хе!.. Ну, до свиданья. (*Уходитъ*).

Турусина.

Вотъ и старій человекъ, а какъ легкомыслень. Какъ ему повѣрить! (*Прячетъ адресъ въ карманъ*). А все-таки надо будетъ справиться объ этомъ Глумовѣ. (*Входитъ Григорій*).

Григорій.

Господинъ Городулинъ.

Турусина.

Проси. (*Григорій уходитъ. Входитъ Городулинъ.*)

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ.

Турусина и Городулинъ.

Турусина.

Очень рада васъ видѣть. Не стыдно вамъ! Что вы пропали?

Городулинъ.

Дѣла, дѣла. То обѣды, то вотъ желѣзную дорогу отрывали.

Турусина.

Не вѣрится что-то. Просто вамъ скучно у меня. Ну, да спасибо и за то, что вотъ изрѣдка навѣщаете. Что наше дѣло?

Городулинъ.

Какое дѣло?

Турусина.

Вы ужъ и забыли? Вотъ прекрасно! Покорно васъ благодарю. Да и я-то глупо сдѣлала, что поручила вамъ. Вы человѣкъ занятый важными дѣлами; когда вамъ помнить о бѣдныхъ несчастныхъ, угнетенныхъ! Стоитъ заниматься этой малостью!

Городулинъ.

Угнетенныхъ, вы изволите говорить? Насчетъ угнетенныхъ я не могу припомнить ничего-съ. А вотъ позвольте, я теперь вспомнилъ: вы, кажется, изволили просить меня справиться насчетъ ворожей?

Турусина.

Не ворожей, а гадальщицы—это большая разница; къ ворожеѣ я бы не поѣхала ни за что.

Городулинъ.

Извините! Я сознаюсь въ своемъ невѣжествѣ: я въ этихъ тонкостяхъ не силенъ. Однимъ словомъ, вдова коллежскаго регистратора, Улита Шмыгаева.

Турусина.

Какого бы она званія ни была, это все равно, во всякомъ случаѣ она дама почтенная, строгой жизни, и я горжусь тѣмъ, что пользовалась ея особеннымъ расположеніемъ.

Городулинъ.

Особеннымъ-то ея расположеніемъ, какъ изъ дѣла видно, пользовался отставной солдатъ.

Турусина.

Что вы говорите! Это все вздоръ, клевета! Она имѣла успѣхъ, имѣла знакомство съ лучшими домами, ей позавидовали и оклеветали ее. Но я надѣюсь, что ее оправдали, невинность должна торжествовать.

Городулинъ.

Нѣтъ-съ, ей по Владиміриѣ.

Турусина (*привстаетъ*).

Какъ! Вотъ онъ, вашъ хваленый судъ! Сослать невинную женщину! За что же? За то, что она приноситъ пользу другимъ?

Городулинъ.

Да вѣдь ее не за гаданье судили.

Турусина.

Нѣтъ, вы мнѣ не говорите! Все это сдѣлано въ угоду нынѣшнему модному невѣрію.

Городулинъ.

Ее судили за укрывательство завѣдомо краденныхъ вещей, за пристанодержательство и за оноеніе какого-то купца.

Турусина.

Ахъ, Боже мой! Что вы говорите!

Городулинъ.

Святую истину. Жена этого купца просила у нея приворотнаго зелья для мужа, чтобы больше любилъ,—ну, и сварилъ зелье по всѣмъ правиламъ, на мадерѣ; только одно забыли—спросить дозволеніе медицинской управы.

Турусина.

Что же купецъ?

Городулинъ.

Подѣйствовало. Умеръ-было, только не отъ любви.

Турусина.

Вамъ все это смѣшно, я вижу. У юристовъ и у медиковъ сердца нѣтъ. И неужели не нашлось ни одного человѣка, который бы заступился за эту бѣдную женщину?

Городулинъ.

Помилуйте, ее защищали одинъ изъ лучшихъ адвокатовъ. Краснорѣчіе лилось, глубилось, выходило изъ береговъ, и наконецъ стихло въ едва замѣтное журчанье. Ничего сдѣлать было нельзя, сама призналась во всемъ. Сначала солдатъ, который пользовался ея особеннымъ расположеніемъ, потомъ она.

Турусина.

Я этого не ожидала! Какъ легко ошибиться! Нельзя жить на свѣтѣ!

Городулинъ.

Не то что нельзя, а при смутномъ пониманіи вещей, дѣйствительно мудрено. Теперь ученіе о душевныхъ болѣзняхъ довольно подвинулось, и галлюцинаціи...

ТУРУСИНА.

Я васъ просила не говорить со мною объ этомъ.

ГОРОДУЛИНЪ.

Виновать, забылъ.

ТУРУСИНА.

Пусть я ошибаюсь въ людяхъ. Пусть меня обманываютъ. Но помогать людямъ, хлопотать о несчастныхъ — для меня единственное блаженство.

ГОРОДУЛИНЪ.

Блаженство — дѣло не шуточное. Нынче такъ рѣдко можно встрѣтить блаженнаго человѣка. (*Григорій входитъ.*)

ГРИГОРІЙ.

Блаженный человѣкъ пришелъ.

ГОРОДУЛИНЪ.

Неужели?

ТУРУСИНА.

Кто онъ такой?

ГРИГОРІЙ.

- Надо полагать, изъ азіатцевъ-съ.

ГОРОДУЛИНЪ.

И я тоже полагаю.

ТУРУСИНА.

Почему ты думаешь, что азіатецъ?

ГРИГОРІЙ.

Ужъ очень страшень-съ. Такъ даже жутко глядѣть-съ. Ежели, сударыня, къ вечеру, — не приведи Господи.

ТУРУСИНА.

Какъ страшень? что за вздоръ?

ГРИГОРІЙ.

Такая свирѣпость необыкновенная-съ. Обросъ весь волосами, только одни глаза видны-съ.

ТУРУСИНА.

Грекъ, должно быть.

ГРИГОРІЙ.

Не очень, чтобы грекъ-съ, еще цвѣтомъ не дошелъ. А какъ вотъ есть, венгерецъ-съ.

ТУРУСИНА.

Какой венгерецъ? Что ты глупости говоришь!

ГРИГОРІЙ.

Вотъ чтó мышеловки продаютъ.

ТУРУСИНА.

Принять его, накормить и спросить, не нужно ли чего ему.

ГРИГОРІЙ.

Его, я думаю, особенно-съ...

ТУРУСИНА.

Ну, ступай, не разсуждай!

ГРИГОРІЙ.

Слушаю-съ. (*Уходитъ*).

ТУРУСИНА.

У меня къ вамъ просьба, Иванъ Ивановичъ.

ГОРОДУЛИНЪ.

Весь вниманіе.

ТУРУСИНА.

Я насчетъ Машеньки. Нѣтъ ли у васъ кого на примѣтъ?

ГОРОДУЛИНЪ.

Жениха? Пожадите! что за фантазія пришла вамъ просить меня! Ну, съ какой стороны я похожъ на сваху московскую? Мое призваніе — рѣшить узы, а не связывать. Я противникъ всякихъ цѣпей, даже и супружескихъ.

ТУРУСИНА.

А сами носите.

ГОРОДУЛИНЪ.

Оттого-то я и не желаю ихъ никакому лихому татарину.

ТУРУСИНА.

Кромѣ шутокъ, нѣтъ ли?

ГОРОДУЛИНЪ.

Постойте, кого-то я надняхъ видѣлъ, такъ у него крупными буквами на лбу и написано: хорошій женихъ. Вотъ такъ того и гляди, что сію минуту женится на богатой невѣстѣ.

ТУРУСИНА.

Вспомните, вспомните.

ГОРОДУЛИНЪ.

Да, да... Глумовъ.

ТУРУСИНА.

Хорошій человекъ?

ГОРОДУЛИНЪ.

Честный человекъ, я больше ничего не знаю. Кромѣ шутокъ, отличный человекъ.

ТУРУСИНА.

Постойте, какъ вы назвали? (*вынимаетъ бумагу изъ кармана*).

ГОРОДУЛИНЪ.

Глумовъ.

ТУРУСИНА.

Егоръ Дмитричъ?

ГОРОДУЛИНЪ.

Да.

ТУРУСИНА.

Вотъ и Крутицкiй мнѣ про него же говорилъ.

ГОРОДУЛИНЪ.

Ну, значить, ему и быть, такъ у него и на лбу, то-есть на роду написано. Прощайте! (*Кланяется и уходитъ*).

ТУРУСИНА.

Что это за Глумовъ? Въ другой разъ сегодня я слышу имя этого человѣка. И хотя я не вѣрю ни Крутицкому, ни Городулину, но все-таки тутъ что нибудь да есть, воли его хвалить люди совершенно противоположныхъ убѣжденiй. (*Звонитъ. Входитъ Григорiй*). Зови барышню и скажи, чтобы всѣ шли сюда. (*Григорiй уходитъ*). Какая потеря для Москвы, что умеръ Иванъ Яковличъ! Какъ легко и просто было жить въ Москвѣ при немъ. Вотъ теперь я ночи не сплю, все думаю, какъ пристроить Машеньку: ну, ошибешься какъ нибудь, на моей душѣ грѣхъ будетъ. А будь живъ Иванъ Яковличъ, мнѣ бы и думать не о чемъ. Съѣздила, спросила—и покойна. Вотъ когда мы узнаемъ настоящую-то цѣну человѣку, когда его нѣтъ! Не знаю, замѣнить ли его Манева, а много и отъ нея сверхъестественнаго. (*Входятъ Машенька, 1-я приживалка съ колодой картъ, которую держитъ передъ собой какъ книгу, 2-я приживалка съ собачкой на рукахъ*).

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

1-я ПРИЖИВАЛКА (*садится у стола*), 2-я ПРИЖИВАЛКА (*садится на скамейку у ногъ Турусиной*).

1-я ПРИЖИВАЛКА.

Прикажете разложить?

ТУРУСИНА.

Погоди! Ну, Машенька, я говорила о тебѣ и съ Крутицкiмъ, и съ Городулиннмъ.

МАШЕНЬКА (*съ волненiемъ*).

Говорите. Продолжайте. Я покорилась вашей волѣ и теперь съ трепетомъ жду рѣшенiя.

ТУРУСИНА.

Они оба рекомендовали одного человѣка, точно сговорились.

МАШЕНЬКА.

И прекрасно. Значить, человѣкъ достойный. Кто же онъ?

ТУРУСИНА.

Но я имъ не вѣрю.

1-я ПРИЖИВАЛКА.

Прикажете?

ТУРУСИНА.

Гадай! правду ли они говорили? (*Маненька*) Я имъ не вѣрю, они могутъ они баться.

МАШЕНЬКА.

Почему же, ma tante?

ТУРУСИНА.

Они люди. (*2-й приживалка*) Не урони собачку!

МАШЕНЬКА.

Кому же вы повѣрите, ma tante? оракулу? Мнѣ что-то страшно.

ТУРУСИНА,

Очень естественно. Тамъ и надо, и должно быть страшно. Мы не можемъ, не должны безъ страха поднимать завѣсу будущаго. Тамъ, за этой завѣсой, и счастье, и несчастье, и жизнь, и смерть твоя.

МАШЕНЬКА.

Кто же намъ приподниметь завѣсу?

ТУРУСИНА.

Тотъ, кто имѣетъ власть. (*Входитъ Григорій*).

ГРИГОРІЙ.

Манеѳа-съ.

ТУРУСИНА.

Вотъ кто. (*Встаетъ, идетъ на встрѣчу Манеѳ и вст за ней. Входитъ Манеѳа*).

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

ТѢ ЖЕ И МАНЕѳА.

ТУРУСИНА.

Милости просимъ, пожалуйста!

МАНЕѳА.

И то нду. Пошла шабала и пришла шабала.

1-я ПРИЖИВАЛКА (*съ умиленіемъ*).

Охъ, батюшки мои!

ТУРУСИНА (*врозно*).

Молчи!

МАНЕѳА (*садясь*).

Пришла да сѣла, какъ ввашня.

2-я ПРИЖИВАЛКА (со вздохом).

О, о, о, охъ! Ахъ, премудрость!

1-я ПРИЖИВАЛКА.

Привелъ Господь, дожили!

МАНЕА (тише).

Что вы бѣльми-то выпучили?

ТУРУСИНА.

Очень рады, что сподобились видѣть тебя.

1-я ПРИЖИВАЛКА.

Охъ, сподобились!

2-я ПРИЖИВАЛКА.

Всѣ сподобились.

ТУРУСИНА.

Ждемъ! что скажешь, мати Манеа.

МАНЕА.

Ждемъ! ждали въ сапогахъ, а пріѣхали въ лаптяхъ.

1-я ПРИЖИВАЛКА.

Батюшки, батюшки! Запоминайте, запоминайте хорошенько.

ТУРУСИНА.

Я хотѣла спросить тебя...

МАНЕА.

Не спрашивай, впередъ знаю. Знайка бѣжить, а незнайка лежить. Дѣвкой меньше, такъ бабой больше.

2-я ПРИЖИВАЛКА.

Такъ, такъ, такъ.

ТУРУСИНА.

Намъ челоуѣка-то знать нужно. Не скажешь ли чего рабѣ Маріи? Можетъ быть, во снѣ или въ видѣніи тебѣ...

МАНЕА.

Было видѣніе, было. Идетъ Егоръ съ высокихъ горъ.

2-я ПРИЖИВАЛКА.

Скажите! Егоръ!

МАШЕНЬКА (тихо Турусиной).

Вѣдь и Курчаевъ Егоръ.

ТУРУСИНА.

Погоди. Кто же онъ такой?

МАНЕА.

• А я по чемъ знаю? Увидишь, такъ узнаешь!

ТУРУСИНА.

Когда же мы его увидимъ?

МАНЕА.

Желанный гость зову не ждать.

1-я ПРИЖИВАЛКА.

Замѣчайте! Замѣчайте!

ТУРУСИНА.

Ты намъ хоть примѣты скажи.

2-я ПРИЖИВАЛКА.

Первое дѣло: надо спросить, волосомъ каковъ. Всегда такъ спрашиваютъ, какъ это вы не знаете!

ТУРУСИНА.

Ну, ужъ ты молчи! Волосомъ каковъ?

МАНЕЛА.

Къ кому бѣдокуръ, а къ вамъ бѣлокуръ.

МАШЕНЬКА.

Бѣлокурный. Вѣдь и Курчаевъ бѣлокурный. Можетъ быть, онъ.

ТУРУСИНА.

Да вѣдь ты слышала — видѣние было. Развѣ можетъ гусаръ благочестивымъ людямъ въ видѣніяхъ являться? Какая ты легкомысленная.

1-я ПРИЖИВАЛКА.

Ахъ, даже удивительно! И по картамъ выходитъ Егоръ.

ТУРУСИНА.

Что ты мелешь! Какъ ты по картамъ имя увидела?

1-я ПРИЖИВАЛКА.

Тьфу-ты! Обмолвилась. Языкъ-то нашъ... то-есть бѣлокурный по картамъ-то.

ТУРУСИНА (*Мансел*).

Тебѣ все извѣстно, а мы грѣшные люди, мы въ сомнѣніи. Егоровъ много, и бѣлокурныхъ тоже довольно.

МАНЕЛА.

Чужъ чуженинъ далеко, а суженинъ у воротъ.

ТУРУСИНА (*и прочіе*).

У воротъ?

МАНЕЛА.

Сржайтесь, собирайтесь, гости будутъ.

ТУРУСИНА.

Когда?

МАНЕЛА.

Въ сей часъ, въ сей мигъ (*все обращаются къ дверямъ. Входитъ Григорій*). Пріѣхали съ орѣхами (*встаетъ*).

ГРИГОРІЙ.

Нилъ Федосѣичъ Мамаевъ.

ТУРУСИНА.

Одинъ?

ГРИГОРІЙ.

Съ ними молодой баринъ, такой бѣлокурый.

1-я ПРИЖИВАЛКА.

Ахъ! Будемъ ли мы живы?

2-я ПРИЖИВАЛКА.

Не во снѣ ли мы все это видѣли?

ТУРУСИНА.

Проси! (*обнимая Машеньку*). Ну, Машенька, услышаны мои молитвы! (*садится, жожаетъ спиртъ*).

МАШЕНЬКА.

Это такъ необходимо, ша tante, я вся дрожу.

ТУРУСИНА.

Поди, успокойся, другъ мой: ты послѣ выйдешь (*Машенька уходитъ*).

МАНЕОА.

Конецъ всему дѣлу вѣнецъ (*идетъ къ двери*).

ТУРУСИНА (*приживалкамъ*).

Возьмите ее подъ руки, да чаю ей, чаю.

МАНЕОА.

Кто пьетъ чай, тотъ отчаянный.

ТУРУСИНА.

Ну, чего только ей угодно (*приживалки берутъ подъ руки Манею и идутъ къ двери. Въ дверяхъ останавливаются*).

1-я ПРИЖИВАЛКА.

Однимъ бы глазкомъ взглянуть.

2-я ПРИЖИВАЛКА.

Умрешь, такихъ чудесъ не увидишь (*сходятъ Мамаевъ и Глумовъ*).

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

ТУРУСИНА, МАМАЕВЪ, ГЛУМОВЪ, МАНЕОА и ПРИЖИВАЛКИ.

МАМАЕВЪ.

Софья Игнатьевна, позвольте представить вамъ моего племянника, Егора Дмитрича Глумова.

ПРИЖИВАЛКИ (*съ дверяхъ*).

Ахъ, Егоръ! Ахъ, бѣлокурый!

МАМАЕВЪ.

Полюбите его.

ТУРУСИНА (*встаетъ*).

Благодарю васъ! Я люблю его, какъ роднаго сына (*Глумовъ почтительно цалуетъ ея руку. Занавѣсь*).

Конецъ третьяго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Л И Ц А:

Крутицкий.

Глумовъ.

Маманва.

Человекъ Крутицкаго.

Приемная у Крутицкаго. Дверь выходная, дверь направо въ кабинетъ, назыво
въ гостиную. Столъ и одинъ стулъ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Входитъ Глумовъ, человекъ у двери, потомъ Кру-
тицкий.

Глумовъ.

Доложи!

Человекъ (*заглядывая въ дверь ка-
бинета*).

Сейчасъ выдутъ-сь (*выходитъ Крутицкий. Человекъ уходитъ*).

Крутицкий (*кивая головой*).

Готово?

Глумовъ.

Готово, ваше превосходительство (*подаетъ тетрадь*).

Крутицкий (*беретъ тетрадь*).

Четко, красиво, отлично. Bravo, bravo! Трактатъ, отчего
же не прожектъ?

Глумовъ.

Прожектъ, ваше превосходительство, когда что нибудь предла-
гается новое; у вашего превосходительства, напротивъ, все но-
вое отвергается... (*съ заискивающей улыбкою*), и совершенно
справедливо, ваше превосходительство.

Крутицкий.

Такъ вы думаете, трактатъ?

Глумовъ.

Трактатъ лучше-сь.

Крутицкий.

Трактатъ? Да, ну пожалуй. «Трактатъ о вредѣ реформъ во-
обще». «Вообще-то» не лишнее ли?

Глумовъ.

Это главная мысль вашего превосходительства, что всѣ ре-
формы вообще вредны.

Крутицкий.

Да, коренныя, рѣшительныя; но если неважное чтонибудь измѣнить, улучшить, я противъ этого ничего не говорю.

Глумовъ.

Въ такомъ случаѣ это будутъ не реформы, а поправки, поправки.

Крутицкий (*ударяя себя крандашомъ по лбу*).

Да, такъ, правда. Умно, умно. У васъ есть тутъ, молодой человѣкъ, есть. Очень радъ; старайтесь!

Глумовъ.

Покорнѣйше благодарю, ваше превосходительство.

Крутицкий (*надвывая очки*).

Пойдемъ далѣе! Любопытствую знать, какъ вы начинаете экспликацію моея главной цѣли. «Артикулъ 1-й. Всякая реформа вредна уже по своей сущности. Чтѣ заключаетъ въ себѣ реформа? Реформа заключаетъ въ себѣ два дѣйствія: 1) отиѣну стараго и 2) поставленіе на мѣсто онаго чего-либо новаго. Какое изъ сихъ дѣйствій вредно? И то и другое одинаково: 1-е) отиѣтая старое, мы даемъ просторъ опасной пытливости ума проникать причины, почему то или другое отиѣтается, и составлять таковыя умозаключенія: отиѣтается нѣчто непригодное, такое-то учрежденіе отиѣтается, значить, оно непригодно. А сега бить не должно, ибо симъ возбуждается свободномысліе и дѣлается какъ бы вызовъ обсуждать то, чтѣ обсужденію не подлежитъ». Сладко, толково.

Глумовъ.

И совершенно справедливо.

Крутицкий (*читаетъ*).

«2-е) поставляя новое, мы дѣлаемъ какъ бы уступку такъ-называемому духу времени, который есть не что иное, какъ мышленіе праздныхъ умовъ.» Ясно изложено. Надѣюсь, будетъ понятно для всякаго; такъ сказать, популярно.

Глумовъ.

Мудрено излагать софизмы, а неопровержимыя истины...

Крутицкий.

Вы думаете, что это неопровержимыя истины?

Глумовъ.

Совершенно убѣжденъ, ваше превосходительство.

Крутицкий (*омядываясь*).

Что это они другаго стула не ставятъ?

Т. СЛXXXI. — Отд. I.

Глумовъ.

Ничего-съ, я и постою, ваше превосходительство.

Крутицкій.

Конечно, нельзя всякому дозволить; другой, пожалуй, разсидется... магазинчикъ со счетомъ, или портной прійдетъ...

Глумовъ.

Не извольте беспокоиться, ваше превосходительство. Я долженъ буду просить извиненія у вашего превосходительства.

Крутицкій.

Что такое, мой любезный, что такое?

Глумовъ.

Въ вашемъ трактатѣ нѣкоторыя слова и выраженія оставлены мной безъ всякаго измѣненія.

Крутицкій.

Почему?

Глумовъ.

Слабъ современный языкъ для выраженія всей граціозности вашихъ мыслей.

Крутицкій.

Напримѣръ?

Глумовъ.

Въ двадцать пятомъ артикулѣ, о положеніи мелкихъ чиновниковъ въ присутственныхъ мѣстахъ...

Крутицкій.

Ну?

Глумовъ.

Вашимъ превосходительствомъ весьма сильно выражена прекрасная мысль о томъ, что не слѣдуетъ увеличивать содержаніе чиновникамъ и вообще улучшать ихъ положеніе, что, напротивъ, надобно значительное увеличеніе жалованья предсѣдателямъ и членамъ.

Крутицкій.

Не помню (*перемѣшиваетъ тетрадь*).

Глумовъ.

Я, ваше превосходительство, помню наизусть, да нетолько этотъ параграфъ, а весь трактатъ.

Крутицкій.

Вѣрю, но удивляюсь. Для чего?

Глумовъ.

У меня вѣдь цѣлая жизнь впереди; нужно запастись мудростію; не часто можетъ представиться такой случай; а если

представится, такъ надо имъ пользоваться. Не изъ журналовъ же учиться уму разуму.

Крутицкій.

Еще бы!

Глумовъ.

Молодому человѣку и свихнуться не трудно.

Крутицкій.

Похвально, похвально! Пріятно видѣть такой образъ мыслей въ молодомъ человѣкѣ. Чтò тамъ ни толкуй, а благонамѣренность хорошее дѣло.

Глумовъ.

Первое, ваше превосходительство.

Крутицкій.

Ну, такъ чтò жь у меня тамъ въ двадцать-пятомъ артикулѣ?

Глумовъ.

Артикулъ двадцать-пятый. «Увеличеніе окладовъ въ присутственныхъ мѣстахъ, если почему-либо таковое потребуетъ, должно быть производимо съ крайней осмотрительностію, и то только предсѣдателямъ и членамъ присутствія, а отнюдь не младшимъ чиновникамъ. Увеличеніе окладовъ старшимъ можетъ быть произведено на тотъ конецъ, дабы сіи наружнымъ блескомъ поддерживали величіе власти, которое должно быть ей присуще. Подчиненный же сытый и довольный получаетъ несвойственныя его положенію осанистость и самоуваженіе, тогда какъ для излишняго и стройнаго теченія дѣлъ, подчиненный долженъ быть робокъ и постоянно трепетень».

Крутицкій.

Да, такъ, вѣрно, вѣрно.

Глумовъ.

Вотъ слово: «трепетень», ваше превосходительство, меня очаровало совершенно.

Крутицкій (*потружившись въ чтеніе, изрядка взлядываетъ на Глумова*).

(*Какъ бы мелкожъ*). Боли куришь, такъ кури. Спички на каминѣ.

Глумовъ.

Я не курю, ваше превосходительство. А впрочемъ, какъ прикажете?

Крутицкій.

Вотъ еще! Мнѣ-то какое дѣло! Дѣда не видалъ твоей работы?

Глумовъ.

Какъ можно! Какъ же бы я осмѣлился!

Крутицкій.

Ну, то-то же. Онъ только говорить, что уменъ, а вѣдь онъ болванъ совершенный.

Глумовъ.

Не смѣю спорить съ вашимъ превосходительствомъ.

Крутицкій.

Онъ только другихъ учить, а самъ попробуй написать, вотъ мы и увидимъ. А жена тоже вѣдь дура, замѣчательная.

Глумовъ.

Не заступлюсь и за нее.

Крутицкій.

Какъ ты съ ними уживаешься — не понимаю.

Глумовъ.

Нужда, ваше превосходительство.

Крутицкій.

Ты служишь?

Глумовъ.

Поступаю. По протекціи тетуски, Иванъ Ивановичъ Городулинъ обѣщаль достать мѣсто.

Крутицкій.

Вотъ еще нашли человѣка. Опредѣлить онъ тебя. Ты нищѣ прочнаго мѣста; а эти всѣ городулинскія-то мѣста скоро опять закроются, вотъ увидишь. Онъ у насъ считается человѣкомъ опаснымъ. Ты это замѣть.

Глумовъ.

Я не по новымъ учрежденіямъ...

Крутицкій.

Да, да. А ужъ я думалъ... Ну, что жъ, поступай. Безъ службъ болтаться хуже. Потому, если хочешь, я тебѣ могу письма дать въ Петербургъ, — перейдешь, — тамъ служить виднѣе. У тебя прошедшее-то хорошо, чисто совершенно? Тебя можно рекомендовать?

Глумовъ.

Я лѣнивъ былъ учиться, ваше превосходительство.

Крутицкій.

Ну, что жъ, это неважно. Очень-то заучишься, такъ оно, пожалуй, и хуже. Нѣтъ ли чего важнѣе?

Глумовъ.

Мнѣ совѣстно признаться передъ вашимъ превосходительствомъ.

Крутицкий (съ серьезнымъ видомъ).

Что такое? Ужь ты лучше говори прямо.

Глумовъ.

Въ молодости грѣшки, увлеченія...

Крутицкий.

Говори, не бойся.

Глумовъ.

Въ студенческой жизни, ваше превосходительство... только я больше старыхъ обычаевъ придерживался.

Крутицкий.

Какихъ старыхъ обычаевъ? Что ты, раскольникъ, что ли?

Глумовъ.

То-есть не такъ велъ себя, какъ нынѣшніе студенты.

Крутицкий.

А какъ же?

Глумовъ.

Покучивалъ, ваше превосходительство; случались кой-какія исторіи не въ указные часы, небольшія стычки съ полиціей.

Крутицкий.

И только?

Глумовъ.

Больше ничего, ваше превосходительство. Сохрани меня Богъ! сохрани Богъ!

Крутицкий.

Что жъ, это даже очень хорошо. Такъ и должно быть. Въ молодыхъ лѣтахъ надо пать, гутить. Чего тутъ стыдиться? Вѣдь ты не барышня. Ну, такъ значить, я на твой счетъ совершенно покоенъ. Я не люблю оставаться неблагодарнымъ. Ты мнѣ съ перваго раза понравился, я ужъ за тебя замолвилъ въ одномъ домѣ словечко.

Глумовъ.

Мнѣ сказывала Софья Игнатьевна. Я не нахожу словъ благодарить ваше превосходительство.

Крутицкий.

Ты присватался, что ли? Тутъ вѣдь вухъ очень порядочный.

Глумовъ.

Я на деньги глупъ, ваше превосходительство; дѣвушка очень хороша.

Крутицкий.

Ну, не умѣю тебѣ сказать. Онѣ, братъ, всѣ одинаковы; вотъ тетя, знаю, что ханжа.

Глумовъ.

Любовь ничьче не признають, ваше превосходительство; а я знаю по себѣ, какое это великое чувство.

Крутицкій.

Пожалуй, не признавай, никому отъ того ни тепло, ни холодно; а какъ забереть, такъ скажешься. Со мной было въ Бессарабинъ лѣтъ 40 тому назадъ: я было-умеръ отъ любви. Что ты смотришь на меня?

Глумовъ.

Скажите, пожалуйста, ваше превосходительство!

Крутицкій.

Горячка сдѣлалась. Вотъ ты и не признавай. Ну, что жъ, давай Богъ, давай тебѣ Богъ! Я очень радъ. Будешь капиталистомъ, найдемъ тебѣ мѣсто видное, покойное. Намъ такіе люди нужны. Ты вѣдь будешь изъ нашихъ? Намъ теперь поддержка нужна, а то молокососы одолѣвать начали. — Но однако, мой милый, сколько же я тебѣ долженъ за твой трудъ?

Глумовъ.

Не обижайте, ваше превосходительство!

Крутицкій.

Ты меня не обижай!

Глумовъ.

Если ужъ хотите вознаградить меня, такъ осчастливьте, ваше превосходительство!

Крутицкій.

Что такое? Въ чемъ дѣло?

Глумовъ.

Бракъ — такое дѣло великое, такой важный шагъ въ жизни... не откажитесь!... благословеніе такого высокобродѣтельнаго лица будетъ служить залогомъ... уже знакомство съ особой вашего превосходительства есть счастье, а въ нѣкоторомъ родѣ родство, хотя и духовное, это даже и для будущихъ дѣтей...

Крутицкій.

Въ посаженые отцы, что ли? Я что-то не пойму.

Глумовъ.

Осчастливьте, ваше превосходительство!

Крутицкій.

Изволь, изволь! Ты бы такъ и говорилъ. Это дѣло не мудреное.

Глумовъ.

Я передамъ и Софьѣ Игнатьевнѣ.

Крутицкій.

Передавай, пожалуй.

Глумовъ.

Я не нуженъ вашему превосходительству?

Крутицкій.

Нѣтъ.

Глумовъ.

Честь имѣю кланяться.

Крутицкій.

О моемъ марафнѣ молчи. Оно скоро будетъ напечатано, безъ моего имени, разумѣется; одинъ редакторъ просилъ; онъ, хотя это довольно странно, очень порядочный человѣкъ, пишетъ такъ учтиво: ваше превосходительство осчастливьте, ну и проч. Коли будетъ разговоръ о томъ, кто писалъ, будто ты не знаешь.

Глумовъ.

Слушаю, ваше превосходительство! *(кланяется и уходитъ)*.

Крутицкій.

Прощай, мой любезный! Что ужъ очень бранить молодѣжи! Вотъ, значить, есть же и изъ нихъ; и съ умомъ и съ сердцемъ малый. Онъ льстивъ и, какъ будто, немного надмененъ; ну, да вотъ оперится, такъ это, можетъ быть, пройдетъ. Если эта подлость въ душѣ, такъ нехорошо, а если только въ манерахъ, такъ большой бѣды нѣтъ; съ деньгами и съ чинами это постепенно исчезаетъ. Родители, должно быть, были бѣдные, а мать попрошайка: «у того ручку поцалуй, у другаго поцалуй»; ну, вотъ оно и вѣѣлось. Впрочемъ, это все-таки лучше, чѣмъ грубость *(входитъ человѣкъ)*.

Человѣкъ.

Госпожа Мамаева! Онѣ въ гостиной-съ. Я докладывалъ, что ея превосходительства дома нѣтъ-съ.

Мамаева *(за дверью)*.

Не помѣшаю?

Крутицкій.

Нѣтъ, нѣтъ! *(человѣку)* Подай кресло! *(человѣкъ уходитъ, возвращается съ кресломъ. Входитъ Мамаева)*.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

Крутицкій и Мамаева.

Мамаева.

Будетъ вамъ дѣлами-то заниматься! Чтò бы съ молодыми дамами полюбезничать! А то сидитъ въ своемъ кабинетѣ! Такой нелюбезный старичокъ!

Крутицкий.

Гдѣ ужъ мнѣ! Былъ конь, да увздился! Хе-хе-хе! Пора и молодымъ дорогу дать.

Мамаева (*садясь*).

Нынче и молодѣжь-то хуже стариковъ.

Крутицкий.

Жалуетесь?

Мамаева.

Развѣ не правда?

Крутицкий.

Правда, правда. Никакой поэзии нѣтъ, никакихъ благородныхъ чувствъ. Я думаю, это оттого, что на театрѣ трагедій не даютъ. Возобновить бы Озерова, вотъ молодѣжь-то бы и набиралась этихъ деликатныхъ тонкихъ чувствъ. Да чаще давать трагедии, черезъ день. Ну, и Сумарокова тоже. У меня прожектъ написанъ объ улучшеніи нравственности въ молодомъ поколѣніи. Для дворянъ трагедии Озерова, для простаго народа продажу сбитня дозволить. — Мы, бывало, всё трагедии наизусть знали, а нынче скромно! Они и по книгѣ-то прочесть не умѣютъ. Вотъ оттого въ насъ и рыцарство было, и честность, а теперь одни деньги (*декламируетъ*):

Мнѣ ждуть ли, чтобъ судьба прервала дней теченье,
Когда къ страданію даны мнѣ грустные дни?
Прерву.

Помните?

Мамаева.

Ну, какъ же не помнить! Вѣдь чай этому лѣтъ пятьдесятъ, не больше, такъ какъ же мнѣ не помнить!

Крутицкий.

Извините, извините! Я считаю васъ моею ровесницей. Ахъ, я и забылъ вамъ сказать! Я вашимъ родственникомъ очень доволенъ. Прекрасный молодой человекъ.

Мамаева.

Не правда ли, милъ?

Крутицкий.

Да, да. Вѣдь ужъ и вы его балуете.

Мамаева.

Да чѣмъ же?

Крутицкий.

Позвольте, вспомнилъ еще (*декламируетъ*):

О, боги! Не прощу отъ васъ рѣчей искусства;
Но дайте нынѣ мнѣ языкъ души и чувства!

Очаровательно!

МАМАЕВА.

Чѣмъ же будемъ?

Крутицкій.

Ну, да какъ же! Жените. Какую невѣсту нашли...

МАМАЕВА (съ испугомъ).

Какую? Вы ошибаетесь.

Крутицкій (декламируетъ).

О, матерь, слезный токъ, коль можно, осуши!
А ты, сестра, умѣрь уныніе душа!

МАМАЕВА.

На комъ же, на комъ?

Крутицкій.

Да, Боже мой! На Турусной. Вудто не знаете? Двѣсти тысячъ приданаго.

МАМАЕВА (встаетъ).

Не можетъ быть, не можетъ быть, я говорю вамъ.

Крутицкій (декламируетъ).

При вѣсти таковой задумчивъ пребываешь;
Вадиханя тяжкія въ груди своей скрываешь,
И горестъ мрачная въ чертахъ твоихъ видна!

МАМАЕВА.

Ахъ, вы надоѣли мнѣ съ вашими стихами.

Крутицкій.

Но онъ, кажется, парень съ сердцемъ. Вы, говорятъ, ваше превосходительство, не подумайте, что я изъ-за денегъ. Звалъ меня въ посаженные отцы: сдѣлайте, говорятъ, честь. Ну, что жъ не сдѣлать! Я, говорятъ, не изъ приданаго; мнѣ, говорятъ, дѣвушка нравится. Ангель, ангель, говорятъ, и такъ съ чувствомъ говорятъ. Ну, что жъ, прекрасно. Дай ему Богъ:—нѣтъ, а вы возьмите, вотъ въ Донскомъ (декламируетъ).

Когда Россіянинъ рѣшится слово дать,
То безъ стыда ему не можетъ измѣнять.

МАМАЕВА.

Ой!

Крутицкій.

Что съ вами?

МАМАЕВА.

Мигрень. Ахъ, я больна совсѣмъ.

Крутицкій.

Ну, ничего. Пройдетъ. (Декламируетъ).

Ты знаешь, что совъз сей вѣренъ до того...

МАМАЕВА.

Ахъ, подите вы! Скажите вашей женѣ, что я хотѣла ее пождать, да не могу, очень дурно себя чувствую. Ахъ! Прощайте!

КРУТИЦКІЙ.

Да ничего. Что вы? У васъ видъ такой здоровый. (*Декламируетъ*).

Чтобъ при соперницѣ въ извѣнѣ обличить,
И ревностью его веселье отравить...

МАМАЕВА.

Прощайте, прощайте! (*Быстро уходитъ*).

КРУТИЦКІЙ.

Что ее кольнуло? Поди вотъ съ бабами! Хуже, чѣмъ дивизіей командовать. (*Беретъ тетрадь*). Заняться на досугѣ. Никого не принимать! (*Уходитъ въ кабинетъ*).

СЦЕНА ВТОРАЯ.

ЛИЦА:

ГЛУМОВЪ.

ГЛУМОВА.

МАМАЕВА.

ГОЛУТВИНЪ.

Комната 1-го дѣйствія.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ.

ГЛУМОВЪ (*выходитъ изъ боковой двери съ дневникомъ*), потомъ ГЛУМОВА.

ГЛУМОВЪ.

Насилу кончилъ. Интересный разговоръ съ Крутицкимъ записанъ весь. Любопытный памятникъ для потомства! Чего стоило весь этотъ вздоръ запомнить! Я, кажется, въ разговорѣ съ нимъ пересолил немного. Еще молодъ, увлекаюсь, увлекаюсь. Ну, да это не мѣшаетъ, вашу масломъ не испортишь. Вотъ дядюшка у меня прелесть! Самъ научилъ за женой ухаживать. И тутъ я увлекся. Это дѣло ужъ не шуточное! Тутъ надо держать ухо востро. Какъ мы отъ нея ни срываемъ наше сватовство, а все же узнаетъ; пожалуй, и помѣшаетъ, хоть не изъ любви, такъ изъ ревности; женщины завистливы, любить-то не всякая умѣетъ, а ревновать-то всякая мастерица. (*Входитъ Глумова*). Маменька, вы гъ Турусиной?

ГЛУМОВА.

Къ Турусиной.

Глумовъ (*млядя на часы и стрелу*).

Вы немного поздно, маменька! Туда надо съ утра идти. И каждый день, каждый день. Такъ и живите тамъ.

Глумова.

Можно и надоѣсть.

Глумовъ.

Ну, да ужь что дѣлать. Сойдетесь съ прислугой, съ гадавшицами, съ странницами, съ приживалками; не жалѣйте для нихъ никакихъ подарковъ. Зайдите теперь въ городъ, купите двѣ табакерки серебряныхъ, небольшихъ! Всѣ эти приживалки табакъ нюхаютъ зло и очень любятъ подарки.

Глумова.

Хорошо, хорошо!

Глумовъ.

Главное, блюдите всѣ входы и выходы, чтобъ ничто сомнительное ни подъ какимъ видомъ не могло проникнуть въ домъ. Для этого ублажайте прислугу, у прислуги чутье хорошее. Ну, прощайте! Торопите, чтобъ поскорѣ парадный сговоръ.

Глумова.

Говорятъ, ближе, какъ черезъ недѣлю нельзя. (*Уходитъ*).

Глумовъ.

Ухъ, долго! Измучаешься. Богатство само прямо въ руки плыветъ; прозвѣвать такой случай будетъ и жалко, и грѣхъ непростительный. (*Садится къ столу*). Что-то я хотѣлъ добавить въ дневникъ? Да, расходъ записать. (*Записывается*). Двѣ табакерки приживалкамъ. (*Заслыша стукъ экипажа, подходитъ къ окну*). Это кто? Клеопатра Львовна. Что за чудо! Знаетъ она, или не знаетъ? Сейчасъ увидимъ. (*Входитъ Мамаева*).

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

Глумовъ, Мамаева.

Глумовъ.

Могъ ли я ожидать такого счастья! Еслибы всѣ олимпійскіе боги сошли съ неба...

Мамаева.

Не горячитесь, я не къ вамъ: я зашла вашу матушку навѣстить.

Глумовъ (*про себя*).

Не знаетъ. (*Громко*). Она только вышла передъ вами.

Мамаева.

Жаль.

Глумовъ (подавая стулъ).

Присядьте! Осчастливьте мою хату, освѣтите ее своимъ блескомъ.

Мамалева (садясь).

Да, мы счастливимъ, а насъ дѣлаютъ несчастными.

Глумовъ:

Несчастливыми! Да вы знаете ли, какое это преступленіе? Даже огорчить-то васъ чѣмъ-нибудь, и то надо имѣть черную душу и звѣрское сердце.

Мамалева.

Черную душу и звѣрское сердце! Да, вы правду говорите.

Глумовъ.

Ни черной души, ни звѣрскаго сердца у меня нѣтъ, значить...

Мамалева.

Что «значить»?

Глумовъ.

Значить, я и не огорчу васъ ничѣмъ.

Мамалева.

Вѣрить прикажете?

Глумовъ.

Вѣрьте!

Мамалева.

Будемъ вѣрить.

Глумовъ (про себя).

Не знаетъ. (Грѣшко). Какъ мнѣ огорчить васъ! Я, страстный, робкій юноша, давно искалъ привязанности, давно искалъ теплаго женскаго сердца, душа моя ныла въ одиночествѣ. Съ трепетомъ сердца, съ страшной тоской я искалъ глазами ту женщину, которая бы позволила мнѣ быть ея рабомъ. Я бы назвалъ ее своей богиней, отдалъ ей всю жизнь, всё свои мечты и надежды. Но я былъ бѣденъ, незначителенъ и отъ меня отворачивались. Мои мольбы, мои вздохи пропадали, гасли даромъ. И вотъ явились передо мной вы, сердце мое забилось сильнѣй прежняго; но вы не были жестокой красавицей, вы не оттолкнули меня, вы снизошли къ несчастному страдальцу, вы согрѣли бѣдное сердце взаимностью, и я счастливъ, счастливъ, безконечно счастливъ! (Цалуетъ руку).

Мамалева.

Вы женитесь?

Глумовъ.

Какъ! Нѣтъ... да... но!

Мамавва.

Вы женитесь?

Глумовъ.

То-есть, вашъ мужъ хочетъ женить меня, а я не думалъ. Да я и не расположенъ совсѣмъ и не желаю.

Мамавва.

Какъ онъ васъ любитъ, однако! Противъ воли хочетъ сдѣлать счастливымъ!

Глумовъ.

Онъ хочетъ женить меня на деньгахъ. Не все же мнѣ быть бѣднымъ писарькомъ, пора мнѣ быть самостоятельнымъ человекомъ, имѣть значеніе. Очень естественно, онъ хочетъ мнѣ добра; жаль только, что не справился о моихъ чувствахъ.

Мамавва.

На деньгахъ? А невѣста вамъ не нравится?

Глумовъ.

Конечно, не нравится. Да развѣ можетъ...

Мамавва.

Такъ вы ее не любите?

Глумовъ.

Да могу ли я! Кого же я буду обманывать: ее, или васъ?

Мамавва.

Можетъ быть, обѣихъ.

Глумовъ.

За что вы меня мучаете подозрѣніями? Нѣтъ, я вижу, это надо кончить.

Мамавва.

Какъ кончить?

Глумовъ.

Пусть дядюшка сердится, какъ хочетъ, я скажу ему рѣшительно, что не хочу жениться.

Мамавва.

Правда?

Глумовъ.

Сегодня же скажу.

Мамавва.

И прекрасно. Безъ любви что за бракъ!

Глумовъ.

И вы могли подумать! И вамъ не совѣстно?

Мамавва.

Теперь, когда я вижу такое безкорыстіе, разумѣется совѣстно.

Глумовъ (съ жаромъ).

Я вашъ, вашъ, всегда вашъ. Только ужъ вы ни слова: ни дялюшкѣ, никому, я самъ все устрою. А то вы себя выдадите.

Мамавва.

Конечно, конечно.

Глумовъ.

Вотъ чтó значить застѣнчивость! Я боялся сказать прямо дялюшкѣ, что не хочу жениться, отдѣлывался полусловами: посмотримъ, увидимъ, къ чему спѣшить? А вотъ чтó изъ этого вышло. Я далъ поводъ подозрѣвать себя въ низости. (Звонокъ). Кто это? Вотъ очень нужно! (Идетъ къ дверямъ).

Мамавва (про себя).

Онъ меня обманываетъ. Это ясно. Ему хочется успокоить меня, чтобъ я не мѣшала.

Глумовъ.

Клеопатра Львовна, войдите въ маменьину комнату, кто-то пришелъ ко мнѣ. (Мамавва уходитъ. Входитъ Голутвинъ).

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ.

Глумовъ и Голутвинъ.

Глумовъ (пристально глядя на Голутвина).

Ну-съ?

Голутвинъ.

Вопервыхъ, такъ не принимаютъ, а вотторыхъ, я усталъ, потому что на своихъ къ вамъ. (Садится).

Глумовъ.

Чтó вамъ нужно отъ меня?

Голутвинъ.

Пустяки. Minimum 25 рублей; а больше сколько хотите, я не обижусь.

Глумовъ.

Да, вотъ что. На бѣдность? Да кто же вамъ сказалъ, что я имѣю возможность давать такую щедрю милостыню?

Голутвинъ.

Я не милостыню прошу, я за трудъ.

Глумовъ.

За какой?

Голутвинъ.

Я ходилъ за вами, наблюдалъ, собиралъ свѣдѣнiя, черты изъ жизни вашей, написалъ вашу биографiю и приложилъ портретъ.

Въ особенности живо изобразилъ послѣднюю вашу дѣятельность. Такъ неугодно ли вамъ купить у меня оригиналъ, а то я продамъ въ журналъ. Вы видите, я прошу недорого, цѣню себя невысоко.

Глумовъ.

Меня не испугаете. Печатайте! Кто васъ читаетъ?

Голутвинъ.

Да вѣдь я и не тысячу рублей прошу. Я знаю, что большаго вреда вамъ сдѣлать не могу; ну, а всё-таки неприятность, скандалчикъ. Вѣдь лучше для васъ, еслибъ его не было совсѣмъ, ну, такъ и заплатите!

Глумовъ.

Знаете, какъ называется вашъ поступокъ?

Голутвинъ.

Знаю. Умѣнье пользоваться обстоятельствами.

Глумовъ.

Да честно ли это?

Голутвинъ.

Вотъ этого не знаю. А все-таки, должно быть, честно, чѣмъ посылать безыменныя письма.

Глумовъ.

Какія письма? Чѣмъ вы докажете?

Голутвинъ.

Не горячитесь! Заплатите лучше; я вамъ совѣтую.

Глумовъ.

Ни копейки.

Голутвинъ.

У васъ теперь богатая невѣста въ виду. Чтò хорошаго, прочитаетъ. «Ахъ!» скажетъ... Не ссорьтесь со мной, заплатите! И мнѣ-то хлѣбъ, и вамъ покойнѣе. Право, дешево прошу.

Глумовъ.

За что платить? Вы этакъ, пожалуй, повадитесь, въ другой разъ придете.

Голутвинъ.

Честное слово. За кого вы меня принимаете?

Глумовъ (*указывая на десертъ*).

Прощайте.

Голутвинъ.

А то вѣдь въ слѣдующемъ номерѣ.

Глумовъ.

Въ какомъ хотите!

Голутвинъ.

Пять рублей уступлю, деньги пустяки.

Глумовъ.

Пяти копеекъ не дамъ.

Голутвинъ.

Ну, какъ хотите. Панироски нѣтъ у васъ?

Глумовъ.

Нѣтъ. Освободите меня отъ вашего посѣщенія.

Голутвинъ.

Сейчасъ. Отдохну нешного.

Глумовъ.

Васъ Курчаевъ подослалъ?

Голутвинъ.

Нѣтъ, мы съ нимъ поругались. Онъ тоже гусь порядочный, въ родѣ васъ.

Глумовъ.

Ну, довольно.

Голутвинъ *(встаетъ и заглядываетъ въ дверь)*.

Что это у васъ тамъ?

Глумовъ.

Что за низость! Убирайтесь!

Голутвинъ.

Любопытно.

Глумовъ.

Убирайтесь, говорю вамъ.

Голутвинъ *(уходитъ)*.

Вы не умѣете цѣнить чужаго благородства отъ того, что въ васъ своего нѣтъ. *(Идетъ въ переднюю)*.

Глумовъ.

Вотъ еще принесло. Ну, да пусть печатаются! *(Идетъ за Голутвинимъ)*.

Голутвинъ *(изъ двери)*.

Два слова только. *(Глумовъ уходитъ за нимъ въ переднюю и затворяетъ дверь. Выходитъ Малаева)*.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

МАМАЕВА *(одна)*, потомъ ГЛУМОВЪ.

МАМАЕВА.

Никого нѣтъ. Куда же онъ дѣлся? *(Подходитъ къ столу)*. Это что? Дневникъ его. Ай, ай, какъ зло! Это ужасно! А вотъ

о невѣстѣ! Я такъ и знала; онъ меня обманываетъ! Какой глупый человѣкъ! Ахъ, Боже мой! Это про меня-то! Мнѣ дурно, я падаю... Низкій, низкій человѣкъ! (*Оттираетъ слезы. Подумавши*). Вотъ мысли! Онъ никакъ не подумаетъ на меня. (*Прячетъ дневникъ въ карманъ и отходитъ отъ стола*). О, какъ я могу его унижить! Какъ мнѣ пріятно будетъ видѣть его униженіе! Когда всё отвернутся отъ него, бросаю, выкинуть его, какъ негодную вещь, какой кроткой овечкой онъ приползетъ ко мнѣ. (*Входитъ Глузовъ*).

Глузовъ.

Это ужъ изъ рукъ вонъ!

Мамалева.

Кто былъ у васъ?

Глузовъ.

Такихъ людей нельзя пускать ни подъ какимъ видомъ. Написалъ ругательную статью на меня, и пришелъ за деньгами, а то, говоритъ, напечатаю.

Мамалева.

Что вы за ужасы говорите! Это тѣ же бравы. Кто онъ такой, я желаю знать?

Глузовъ.

Зачѣмъ вамъ?

Мамалева.

Ну, хоть для того, чтобы беречься его.

Глузовъ.

Голутвинъ.

Мамалева.

Гдѣ живетъ?

Глузовъ.

Гдѣ день, гдѣ ночь. Адресъ можно узнать въ редакціи. Да зачѣмъ вамъ?

Мамалева.

А если кто меня обидитъ, вотъ и мщеніе! Другаго нѣтъ у женщинъ; дуэли для насъ не существуютъ.

Глузовъ.

Вы шутите?

Мамалева.

Конечно, шучу. Вы дали ему денегъ?

Глузовъ.

Немного. Онъ вѣдь недорогъ. Все-таки покойнѣе. Всякій скандалъ нехорошъ.

Т. СЛХХІ. — Отд. І.

МАМАЕВА.

А если ему дадутъ больше?

ГЛУМОВЪ.

Кому же нужно! У меня враговъ нѣтъ.

МАМАЕВА.

Значить, вы покойны. Ахъ, бѣдный! Какъ онъ васъ разстроилъ. Такъ вы рѣшительно отказываетесь отъ невѣсты?

ГЛУМОВЪ.

Рѣшительно.

МАМАЕВА.

Да вы знаете ли, чего вы себя лишаете?

ГЛУМОВЪ.

Денегъ. Промѣняю ли я рай на деньги?

МАМАЕВА.

Да вѣдь много денегъ, двѣсти тысячъ.

ГЛУМОВЪ.

Знаю.

МАМАЕВА.

Кто же это дѣлаетъ?

ГЛУМОВЪ.

Тотъ, кто истинно любитъ.

МАМАЕВА.

Да вѣдь этого не бываетъ.

ГЛУМОВЪ.

Вотъ вамъ доказательство, что бываетъ.

МАМАЕВА.

Вы герой! Вы герой! Ваше имя будетъ записано въ исторію. Придите въ мои объятія. (*Обнимаетъ его*). Ну, прощайте, душа моя! Жду васъ сегодня вечеромъ (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

ГЛУМОВЪ (*одинъ*).

Ну, какъ гора съ плечъ. Пора къ невѣстѣ. (*Беретъ шляпу и смотрится въ зеркало*). Разумѣется, все это мелочи; но, когда дѣло-то рискованное, такъ всего боишься. Правъ-то у меня на эту невѣсту и, главное, на это приданое нибавишь. Все взято одной энергіей. Цѣлый замокъ виситъ на воздухѣ безъ фундамента. Все это можетъ лопнуть и разлетѣться въ прахъ каждую минуту. Поневоля будешь пугливъ и остороженъ. Ну, да теперь мнѣ бояться нечего! Клеопатру Львовну успокоилъ, Голутыну заплачено. Пока я все уладилъ. (*На растѣ*). Все уладилъ, все

уладилъ. Я съ этими хлопотами разсѣянъ сталъ. Шляпа, перчатки... Гдѣ перчатки, гдѣ перчатки? Вотъ онѣ. (*Подходитъ къ столу*). Въ этомъ карманѣ бумажникъ, въ этомъ дневникъ. (*Не глядя, шаритъ рукой по столу, а другую опускаетъ въ задній карманъ*). Платокъ здѣсь. (*Оборачивается къ столу*). Что такое? Гдѣ же? (*Открываетъ ящикъ*). Куда я его засунулъ? Да что жь это такое? Вотъ еще бѣда-то! Да нѣтъ, не можетъ быть! Я его здѣсь положилъ. Я сейчасъ видѣлъ его. А-ахъ!.. Гдѣ же онъ? Нельзя, нельзя... (*Стоитъ молча*). Падаютъ, все падаетъ... и я валюсь, въ глубокую пропасть валюсь. Зачѣмъ я его завелъ? Что за подвиги въ него записывалъ? Глупую, дѣтскую злобу тѣшилъ. Нѣтъ, ужь если тавія дѣла дѣлать, такъ нечего ихъ записывать! Ну, вотъ и предоставилъ публикѣ «Занески подлеца, имъ самимъ написанныя». Да что же я самъ-то себя ругаю! Меня еще будутъ ругать, всѣ ругать. Кто же это? Онъ или она? Если онъ, я выкупаю; онъ на деньги пойдетъ; еще бѣда невелика. А если она? Ну, тутъ ужь одно краснорѣчіе. Женское сердце мягко. Мягко-то оно мягко; за то вѣдь ужь и злѣй-то женщины ничего на свѣтѣ нѣтъ, если ее обидѣтъ чувствительно. Страшно становится. Женщина отомститъ ужасно, она можетъ такую гадость придумать, что мужчинѣ и въ голову не придетъ. Ну, ужь дѣлать нечего! Бездѣйствіе хуже. Пойду прямо въ пасть къ гіеннѣ. (*Уходитъ*).

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

ЛИЦА:

ТУРУСНА.
 МАШЕНЬКА.
 МАШАВЪ.
 МАШАВА.
 КРУТИЦЕИ.
 ГОРОДУЛИНЪ.
 ГЛУМОВЪ.
 КУРЧАЕВЪ.
 ГРЕГОРИЙ.

Большая терраса на дачѣ, прямо садъ, по сторонамъ двери.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

КУРЧАЕВЪ И МАШЕНЬКА (*выходятъ изъ гостиной*).

КУРЧАЕВЪ.

Какъ все это быстро сдѣлалось.

Машенька.

Я сама не понимаю. Тутъ или самая тонкая петрига, или...

Курчаввъ.

Чудо, вы думаете?

Машенька.

Я ничего не думаю, я просто голову потеряла.

Курчаввъ.

Я его знаю давно, и ничего особеннаго въ немъ не замѣчалъ; кажется, человѣкъ хорошій.

Машенька.

Онъ явился какимъ-то неотразимымъ. Всѣ за него. Всѣ знакомые тетуски рекомендуютъ прямо его, призывали во снѣ его видать каждую ночь, стануть на картахъ гадать—выходить онъ, гадальщицы указываютъ на него, странницы тоже; наконецъ, Манеѳа, которую тетуска считаетъ чуть не за святую, никогда не видавъ ее, описала наружность и предсказала минуту, когда мы его увидимъ. Какія же тутъ могутъ быть возраженія? Судьба моя въ рукахъ тетуски, а она имъ совершенно очарована.

Курчаввъ.

Значить, отдадутъ ему вась, отдадутъ деньги, — добродѣтель награждается, дорокъ наказанъ. Съ вашей стороны возраженій нѣтъ, а про меня и говорить нечего: я долженъ въ молчаніи удалиться. Еще съ кѣмъ другимъ я бы поспорилъ, а передъ добродѣтельнымъ человѣкомъ, я пасъ; я никогда этимъ не занимался.

Машенька.

Тише! Они идутъ. (*Входятъ Турусина и Глумовъ*).

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Тѣ же Турусина и Глумовъ.

Турусина садится въ кресло. Глумовъ останавливается съ левой стороны и кладетъ руку на спинку кресла. Курчаввъ стоитъ съ права, тѣсколько потупившись, въ самой почтительной позѣ.

Машенька у стола перелистываетъ книгу.

Глумовъ.

Когда я почувствовалъ призваніе въ семейной жизни, я взглянулъ на это дѣло серьезно. Жениться для того, чтобы взять деньги, это не въ моихъ правилахъ, — это была бы торговая сдѣлка, а не бракъ — установленіе священное! Жениться по любви... но вѣдь любовь чувство преходящее, плеткое! Я по-

нѣтъ, что въ выборѣ подружки на всю жизнь должно быть нѣчто особое, нѣчто ровное для того, чтобы бракъ былъ крѣпокъ. Мнѣ нужно было найти вроткое женское сердце, связать его съ своимъ неразрывными узами; я говорю: судьба, уважи мнѣ это сердце, и я покорюсь твоимъ велѣнiямъ. Я вамъ признаюсь, я ждалъ чего-то чудеснаго! Чудеснаго много на свѣтѣ, только мы не хотимъ замѣтить его.

Турусина.

Я сама тоже говорю, но не всѣ вѣрятъ. *(Взглядываетъ на Курчаева, тотъ шаркаетъ ногой и кланяется).*

Глумовъ.

Я ждалъ чуда, и дождался чуда.

Курчаввъ.

Сважите! Дождались. Это чрезвычайно любопытно.

Глумовъ.

Я поѣхалъ къ одной благочестивой женщинѣ.

Курчаевъ.

Не къ Манеѣ ли?

Глумовъ.

Нѣтъ, къ другой. Я Манею не знаю. Только я вошелъ, не успѣлъ промолвить слова, она, даже не видя лица моего,—она сидѣла ко мнѣ задомъ,—заговорила: «не ты невѣсть ищешь, онѣ тебя ищутъ. Ступай закурившись и найдешь». Куда идти, говорю, укажите мнѣ! «Какъ войдешь, говоритъ, въ первый незнакомый домъ, гдѣ ты ни разу не бывалъ, тамъ и ищи, тамъ тебя знаютъ!» Я, знаете ли, сначала удивился, и какъ будто не совсѣмъ повѣрилъ. Поутру она мнѣ это сказала—вечеромъ дялюшка привезъ меня къ вамъ. Тутъ есть невѣста, и тутъ меня знаютъ.

Турусина.

Да много чудеснаго, но мало избранныхъ...

Курчаевъ.

У насъ тоже, когда мы стояли въ Малороссiи, былъ случай съ однимъ евреемъ...

Турусина.

Вы бы пошли по саду погуляли. *(Курчаевъ шаркаетъ ногой и кланяется).*

Глумовъ.

Не ясно ли тутъ предопредѣленiе! Я даже не успѣлъ еще хорошенько освѣдомиться о чувствахъ моей невѣсты... *(Машетъ)* Извините, Марья Ивановна! Я довольствовался только ея соглашенiемъ.

ТУРУСИНА.

Ничего больше и не нужно.

ГЛУМОВЪ.

Если я, можетъ быть, не совсѣмъ правлюсь теперь, такъ по-
правлюсь послѣ. Такой бракъ долженъ быть счастливъ и благо-
полученъ.

КУРЧАВЪ.

Непремѣнно.

ГЛУМОВЪ.

Въ этомъ бракѣ нѣтъ людскаго произвола, слѣдовательно,
нѣтъ и ошибки.

ТУРУСИНА.

Вотъ правила! Вотъ у кого надо учиться, какъ жить. (*Вхо-
дитъ Григорій*).

ГРИГОРІЙ.

Иванъ Ивановичъ Городулинъ.

ТУРУСИНА.

Я пойду одѣнусь потеплѣе, здѣсь сыро становится. (*Уходитъ*).

МАШЕНЬКА (*Курчаву*).

Пойдемте въ садъ. (*Уходятъ въ садъ. Входитъ Городулинъ*).

ЯВЛЕНІЕ ТРѢТЬЕ.

ГЛУМОВЪ и ГОРОДУЛИНЪ.

ГОРОДУЛИНЪ.

Здравствуйте! Сколько вы денегъ берете?

ГЛУМОВЪ.

Кажется, двѣсти тысячъ.

ГОРОДУЛИНЪ.

Какъ же вы это сдѣлали?

ГЛУМОВЪ.

Да вѣдь вы же сами меня рекомендовали, — мнѣ Софья Игнать-
евна сказывала.

ГОРОДУЛИНЪ.

Когда же? Да, да, помню. Да какъ же вы поладили съ Туру-
синой, вѣдь вы вольнодумецъ?

ГЛУМОВЪ.

Я съ ней не спору.

ГОРОДУЛИНЪ.

А если она вздоръ говоритъ?

ГЛУМОВЪ.

Ее исправить невозможно. Къ чему же трудиться?

Городулинъ.

Да, такъ вы вотъ какъ. Это хорошо. Вы теперь будете имѣть состояніе. Я васъ въ клубъ запишу.

Глумовъ (*тихо*).

На дняхъ будетъ напечатанъ трактатъ Крутицкаго.

Городулинъ.

Неужели? Вотъ бы его отдѣлать хорошенько!

Глумовъ.

Это очень легко.

Городулинъ.

Еще бы, съ вашими способностями. Но вамъ неловко, вы еще очень молодой человѣкъ, можете себѣ повредить. Васъ надо будетъ выгородить. Вы напишите, а ужъ я, такъ и быть, пожертвую собой, выдамъ за свое. Надо ихъ, старихъ, хорошенько.

Глумовъ.

Надо, надо. Вѣдь только посмотрите, чтѣ пишутъ.

Городулинъ.

Осмѣять надо. Я бы и самъ, да некогда. Очень радъ вашему счастью. Поздравляю. Намъ такіе люди, какъ вы, нужны. Нужны. А то, признаться вамъ, чувствовался недостатокъ. Дѣлцы есть, а говорить некому, нападутъ старики въ распλοхъ. Ну, и бѣда. Есть умные изъ молодыхъ людей, да очень молодые, въ разговоръ пустить нельзя, съ ними разговаривать не стануть. Хоръ-то есть, да запѣвалы нѣтъ. Вы будете запѣвать, а мы вамъ подтягивать. Гдѣ Марья Ивановна?

Глумовъ.

Вонъ, въ саду гуляетъ.

Городулинъ.

Пойду поболтать съ ней. (*Идетъ въ садъ*).

Глумовъ (*въ слѣдъ*).

Я сейчасъ васъ догоню. Кажется, Мамаевы пріѣхали, какъ я урезонилъ. Мало того, что дала согласіе на мой бракъ, но и сама пріѣхала. Вотъ это мило съ ея стороны. (*Входитъ Мамаева*).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Глумовъ и Мамаева.

Мамаева.

Ну, чтѣ, нашлв?

Глумовъ.

Нѣтъ, Го^{уб}винъ клянется-божится, что не бракъ. Даже слезы

на глазахъ у него показались. Я, говорить, безъ куса хлѣба останусь, а такой гнусности не сдѣлаю.

МАМАЕВА.

Кому же взять! Потерали какъ нибудь.

ГЛУМОВЪ.

И представить себѣ не могу.

МАМАЕВА.

Найдесть кто нибудь и бросить.

ГЛУМОВЪ.

Хорошо, какъ бросить.

МАМАЕВА.

А чего же вы бовтесь, развѣ тамъ было что нибудь такое?

ГЛУМОВЪ.

Ничего особеннаго! Сердечныя изліянія, любовныя замѣтки, страстныя тирады, стихи; очи, мудри. Все то, что пишется про себя, и что въ чужихъ рукахъ видѣть стыдно.

МАМАЕВА.

Такъ у васъ въ дневникѣ очи да мудри? Ну, такъ не безпокойтесь, никто не обратитъ вниманія. Такихъ дневниковъ бездна. Чтѣ же вы здѣсь одни? Гдѣ ваша невѣста?

ГЛУМОВЪ.

Гуляеть въ саду съ молодыми людьми. Вотъ вамъ доказательство, что я женюсь не по склонности. Мнѣ нужны деньги, нужно положеніе въ обществѣ. Не все же мнѣ быть милымъ молодымъ человѣкомъ, пора быть милымъ мужчиной. Посмотрите, какимъ молодцомъ я буду, какихъ лошадей заведу. Теперь меня не замѣчаютъ, а тогда всѣ вдругъ заговорятъ: Ахъ, какой красавецъ появился!—точно какъ будто я изъ Америки пріѣхалъ. И всѣ будутъ завидовать вамъ.

МАМАЕВА.

Отчего же мнѣ?

ГЛУМОВЪ.

Оттого, что я вашъ.

МАМАЕВА.

Да хорошо, еслибъ можно было взять деньги безъ невѣсты, а то у васъ будетъ молодая жена.

ГЛУМОВЪ.

Это не мѣшаетъ. Я предложилъ руку невѣстѣ, карманъ для денегъ, а сердце остается вамъ.

МАМАЕВА.

Вы опасный человѣкъ; васъ слушаешь, слушаешь, да, пожалуй, и повѣришь.

ГЛУМОВЪ.

На какихъ рыскахъ я буду подъѣзжать къ вамъ!

МАМАЕВА.

Подъѣзжайте, подъѣзжайте. А теперь подите къ невѣстѣ, не-хорошо оставлять ее. Если она вамъ и не нравится, такъ вы хоть для виду, изъ приличія полюбезничайте съ ней.

ГЛУМОВЪ.

Вотъ вы сами посылаете.

МАМАЕВА.

Ступайте, ступайте. (*Глумовъ уходитъ*). Какъ онъ торже-ствууетъ! Погоди, мой другъ, не рано ли ты вздумалъ радоваться! (*Входитъ Курчаевъ*).

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ.

МАМАЕВА И КУРЧАЕВЪ.

МАМАЕВА.

Куда вы?

КУРЧАЕВЪ.

Домой-съ.

МАМАЕВА.

Домой, такой печальный? Погодите, — я догадываюсь. (*Курчаевъ кланяется*). Погодите, я вамъ говорю. (*Курчаевъ кланяется*). Ахъ, какой противный! Подождите, я вамъ говорю. Мнѣ васъ нужно. (*Курчаевъ кланяется и остается*). Вы влюблены? (*Курчаевъ кланяется и хочетъ уйти*). Вы ничего не знаете?

КУРЧАЕВЪ.

Позвольте мнѣ удалиться.

МАМАЕВА.

Я поѣду домой рано одна, вы меня проводите. (*Курчаевъ кланяется*). Что вы всегда молчите! Послушайте. Будьте со мной откровенны; я признаваю вамъ, какъ тетка. Вы влюблены, я знаю. Она васъ любитъ? Ну! (*Курчаевъ кланяется*). Я увѣренъ, что любитъ. Не теряйте надежды. Мало ли, какіе сиринцы бываютъ.

КУРЧАЕВЪ.

Во всякомъ другомъ случаѣ я могъ бы...

МАМАЕВА.

А здѣсь, что же?

КУРЧАЕВЪ.

Софья Игнатьевна заявляетъ такія требованія...

МАМАЕВА.

Кавія?

КУРЧАЕВЪ.

Я никакъ не могъ ожидать этого. Пригомъ же это нес-в-мѣстно съ моей службой.

МАМАЕВА.

Что несовмѣстно?

КУРЧАЕВЪ.

Я и воспитаніемъ неприготовленъ...

МАМАЕВА.

Я васъ не понимаю.

КУРЧАЕВЪ.

Софья Игнатьевна ищетъ для племянницы...

МАМАЕВА.

Ну?

КУРЧАЕВЪ.

Могъ ли я это ожидать? это такъ рѣдко бываетъ...

МАМАЕВА.

Что, что?

КУРЧАЕВЪ.

Я никогда и не слыхивалъ...

МАМАЕВА.

Да объяснитесь хорошенько.

КУРЧАЕВЪ.

Она ищетъ добродѣтельнаго человѣка.

МАМАЕВА.

Ну, такъ что жъ?

КУРЧАЕВЪ.

Я никакихъ добродѣтелей не имѣю.

МАМАЕВА.

Какъ никакихъ? Что же, въ васъ только пороки?

КУРЧАЕВЪ.

Я и пороковъ не имѣю, я просто обыкновенный человѣкъ. Это страшно нехотать добродѣтельнаго человѣка. Ну, не будь Глумова, гдѣ бы она взяла? во всей Москвѣ только онъ одинъ и есть. И чудеса съ нимъ бываютъ, и видѣнія онъ видитъ. Ну, позвольте васъ спросить, какъ же можно этого требовать отъ всякаго?

МАМАЕВА.

Погодите, погодите! Можетъ быть, это еще и лучше не имѣть добродѣтелей, но не имѣть и пороковъ. (*Входитъ изъ сада Машенька*).

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ,

МАМАЕВА, Курчаевъ, Машенька, потомъ Турусина, Мамаевъ, Крутицкій.

МАМАЕВА.

Поздравляю васъ! Вы съ каждымъ днемъ все больше разцвѣтаете. Очень рада вашему счастью.

МАШЕНЬКА.

Въ господинѣ Глузовѣ такъ много хорошихъ качествъ, что мнѣ становится страшно, я не считаю себя достойною такого мужа.

МАМАЕВА.

Гдѣ же и искать добродѣтелей, какъ не въ вашемъ домѣ? Вы можете пользоваться и наставленіемъ, и примѣромъ, отъ вашей тетушки.

МАШЕНЬКА.

Я ей очень благодарна! Добродѣтельной быть дѣйствительно очень недурно, но изъ всѣхъ добродѣтелей, я могу похвалиться только одной: послушаніемъ. (*Входятъ Турусина, Мамаевъ и Крутицкій*).

МАМАЕВЪ (*Крутицкому*).

Въ принципѣ я съ вами согласенъ, но въ подробностяхъ нѣтъ.

Крутицкій.

Да почему же?

МАМАЕВЪ.

Зачѣмъ непременно трагедія, отчего не комедія!

Крутицкій.

А затѣмъ, что комедія изображаетъ низкое, а трагедія высокое, а намъ высокое-то и нужно.

МАМАЕВЪ.

Да, но позвольте! Разсмотримъ этотъ предметъ со всѣхъ сторонъ (*Отходятъ въ глубину*).

ТУРУСИНА (*Мамаевой*).

У насъ теперь принято не вѣрить ничему, это въ модѣ; только и слышишь, зачѣмъ вы пускаете къ себѣ Манею, она обманщица. Вотъ бы я и пригласила господъ невѣрующахъ посмотреть, кака я обманщица. Я очень рада за нее, она теперь войдетъ въ моду, получитъ большую практику. И мнѣ Москва должна быть благодарна, что я нашла такую женщину, я этимъ много для Москвы сдѣлала.

МАМАЕВА.

Но гдѣ же вашъ женихъ? я его не вижу.

ТУРУСИНА.

Машенька, гдѣ Егоръ Дмитричъ?

МАШЕНЬКА.

Онъ въ саду съ Городулиннымъ.

ТУРУСИНА.

По рекомендаціямъ всѣхъ моихъ знакомыхъ и по нѣкоторымъ другимъ причинамъ, я уже ожидала, что встрѣчу примѣрнаго молодого человѣка. Но когда я познакомилась съ Егоромъ Дмитричемъ покороче, тутъ я увидала, что онъ превзошелъ всѣ мои ожиданія.

МАМАЕВЪ (*подходя*).

Кто это превзошелъ всѣ ожиданія?

ТУРУСИНА.

Вашъ племянникъ.

МАМАЕВЪ.

Я зналъ, что вы будете меня благодарить за него. Знаю, кому что нужно, знаю. Не сталъ сватать ему другую невѣсту, прямо къ вамъ.

ТУРУСИНА.

Вамъ бы грѣшно было; вы знаете, я сирота.

КРУТИЦЫЙ.

Да, Глузовъ можетъ далеко пойти.

МАМАЕВЪ.

Разумѣется, съ нашею помощью. (*Входитъ Григорій*).

ТУРУСИНА.

И за что мнѣ такое счастье? Развѣ за мои... (*Григорію*). Что тебѣ? Развѣ за мои добрыя дѣла! (*Человѣкъ подаетъ конвертъ*). Что это такое? (*Распечатываетъ*). Какая-то газета! Должно быть, не ко мнѣ.

МАМАЕВА (*беретъ конвертъ*).

Нѣтъ, къ вамъ. Вотъ видите, адресъ.

ТУРУСИНА.

Это должно быть ошибка. Кто принесъ?

ГРИГОРІЙ.

Почталіонъ-съ.

ТУРУСИНА.

Гдѣ онъ?

ГРИГОРІЙ.

Онъ давно ушелъ-съ.

МАМАЕВЪ.

Дайте-ко сюда. Я вамъ разберу и объясню. (*Беретъ конвертъ и вынимаетъ изъ него печатный листъ*). Вопервыхъ, газета, да и не газета, а только одинъ листъ изъ газеты, одна статья.

ТУРУСИНА.

Но вѣдь это не изъ редакціи?

МАМАЕВЪ.

Нѣтъ, кто нибудь изъ знакомыхъ прислалъ.

ТУРУСИНА.

Что же такое тамъ?

МАМАЕВЪ.

А вотъ сейчасъ рассмотримъ. Статья называется: «Какъ выходятъ въ люди».

ТУРУСИНА.

Это до насъ не касается. Бросьте.

МАМАЕВЪ.

Зачѣмъ же? Надо посмотрѣть. Вотъ и портретъ съ подписью: «Мужъ какихъ мало». Ба, ба, ба! Да это Егоръ Дмитричъ!

МАМАЕВА.

Покажите сюда, это интересно. (*Мамаевъ отдаетъ газету*).

ТУРУСИНА.

Это какая нибудь гнусная интрига, у него должно быть много враговъ. (*Мамаевъ косо взглядываетъ на Курчаева*).

КУРЧАЕВЪ.

Вы не меня ли подозрѣваете? Я въ живописи не мастеръ, только васъ и умѣю рисовать.

МАМАЕВЪ (*строю*).

Да, да. Я знаю.

МАМАЕВА.

Тотъ, кто писалъ эту статью, долженъ очень хорошо знать Егора Дмитрича: тутъ всѣ малѣйшія подробности его жизни, если это только не выдумки.

МАМАЕВЪ (*вынимаетъ изъ конверта тетрадь*).

Вотъ еще что-то.

КРУТИЦЫЙ.

Это его рука, я къ ней приглядѣлся. Его, его, чѣмъ хотите отвѣчаю.

МАМАЕВЪ.

Да, это его рука, а вотъ подпись другой рукой. «Въ доказательство того, что все въ статьѣ справедливо, прилагается сей дневникъ». Что намъ читать — статью или дневникъ?

Крутицкий.

Лучше ужь оригиналь.

Мамаевъ.

Начнемъ съ той страници, которая заложена закладной. Тутъ счетъ. «Манеевъ даддять-пять руб., ей же еще двадцать-пять руб.. Дура набитая, а берется предсказывать! Учили, учили, наслу наладилъ. Ей же послано: бутылка рому. Ей же дано на дому у меня патнадцать руб... Очень неприятно, что такнмъ прибыльнымъ ремесломъ занимаются глупые люди. Любопытно узнать, что она возьметъ съ Туруснвой? спросить послѣ! Двумъ приживалкамъ Туруснвой за гаданье на картахъ и за рассказыванье сновъ, въ которыхъ онѣ должны видѣть каждый день меня, по семи руб. съ полтиной и по серебрянной табакеркѣ, десять рублей за обѣ.»

Турусина (*нюхая спиртъ*).

Всѣхъ прогоню, всѣхъ. Злой быть грѣшно, и доброй глупо! Какъ жить послѣ этого?

Мамаева.

Не жалуйтесь, не вась однихъ обманываютъ.

Мамаевъ.

«За три анонимныхъ письма къ Туруснвой пятнадцать коп...»

Машенька.

Такъ вотъ откуда письма-то, ма tante!

Турусина.

Вижу, мой другъ. Извини меня. Я очень дурно сдѣлала, что взяла на себя заботу устроить твою судьбу; я вижу, что это мнѣ и не по уму и не по силамъ. Располагай собой, какъ хочешь, я тебѣ мѣшать не буду.

Машенька (*тихо*).

Мой выборъ ужь сдѣланъ, ма tante.

Турусина.

И прекрасно. Въ немъ ты не обманешься, потому что онъ ничего хорошаго и не общаетъ. (*Курчаевъ кланяется*). А этихъ приживалогъ я прогоню непременно.

Крутицкий.

И заведете себѣ другихъ?

Турусина.

Не знаю.

Мамаевъ.

Прикажете продолжать?

Турусина.

Ужъ теперь продолжайте, всё равно.

Мамаевъ.

«Человѣку Мамаева, за то, что привезъ ко мнѣ своего барина обманомъ, пользуясь его слабостью къ отдающимся въ ваины квартирамъ,—этому благодѣтелю моему три руб. Чувствую, что мало. Тутъ дальше разговоръ со мной, совсѣмъ неинтересный. Первый визитъ Крутицкому. Муза! Воспоемъ доблестнаго мужа, и его прожекты. Нельзя довольно налюбоваться тобой, маститый старецъ! Повѣдай намъ, повѣдай міру, какъ ты ухитрился, доживъ до шестидесятилѣтняго возраста, сохранить во всей неприкосновенности умъ шестилѣтняго ребенка?»

Крутицкій.

Ну, довольно! это пашевиль... Кому пріятно?...

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Тъ же и Городулинъ, потомъ Глузовъ.

Мамаевъ *(не замѣчая Городулина)*.

Позвольте, тутъ я вижу нѣсколько словъ о Городулинѣ. «Городулинъ въ какомъ-то глупомъ спорѣ о рысистыхъ лошадяхъ однимъ господиномъ названъ либераломъ; онъ такъ этому названію обрадовался, что три дня по Москвѣ ѣздилъ и всѣмъ рассказывалъ, что онъ либераль. Такъ теперь и числится». А вѣдь похоже!

Крутицкій.

Похоже! Вы про себя то-прочтите, похоже-ли написано.

Городулинъ.

Вы находите, что похоже?

Мамаевъ.

Ахъ, Иванъ Ивановичъ, я васъ и не примѣтилъ. Посмотрите, какъ насъ тутъ описали.

Городулинъ.

Кто же этотъ современный Ювеналь?

Мамаевъ.

Мой племянникъ, Глузовъ.

Турусина.

Отдайте, Иванъ Ивановичъ, эту рукопись автору и попросите его, чтобы онъ удалился незамѣтно. *(Входитъ Глузовъ, Городулинъ почтительно подаетъ ему дневникъ)*.

Глузовъ *(принимая дневникъ)*.

Зачѣмъ же незамѣтно? я ни объясняться, ни оправдываться не стану. Я только скажу вамъ, что вы сами скоро пожалѣете, что удалили меня изъ вашего общества.

Крутицкий.

Милостивый государь, наше общество состоит изъ честныхъ людей.

Всѣ.

Да, да, да.

Глумовъ (*Крутицкому*).

А вы сами, ваше превосходительство, догадались, что я не честный человекъ? Можетъ быть, вы вашимъ проницательнымъ умомъ убѣдились въ моей нечестности, тогда, какъ я вѣдался за отдѣлку вашего трактата? Потому что какой-же образованный человекъ возьмется за такую работу? Или вы увидали мою нечестность тогда, когда я въ кабинетѣ у васъ раболѣпно восторгался своими словами вашими фразами и холопски унижался передъ вами? Нѣтъ, вы тогда готовы были расцаловать меня. И не повядись вамъ этотъ несчастный дневникъ, вы долго, долго, всегда считали бы меня честнымъ человекомъ.

Крутицкий.

Оно конечно, но...

Глумовъ (*Мамаеву*).

Вы, дядюшка, тоже догадались сами, а? Не тогда ли, какъ вы меня учили лстить Крутицкому?... Не тогда ли, какъ вы меня учили указывать за вашей женой, чтобы отвлечь ее отъ другихъ поклонниковъ, а я жеманился да отпѣкивался, что не умѣю, что мнѣ совѣстно. Вы видѣли, что я притворяюсь, но вамъ было пріятно, потому что я давалъ вамъ просторъ учить меня уму-разуму. Я давно умнѣе васъ, и вы это знаете, а когда я прикинусь дурачкомъ и стану просить у васъ разныхъ совѣтовъ, вы рады-радеховьки, и готовы влаться, что я честнѣйшій человекъ.

Мамаевъ.

Ну, что намъ съ тобой считаться — мы свои люди.

Глумовъ.

Васъ, Софья Игнатьевна, я точно обманулъ. и передъ вами я виновать, то-есть не передъ вами, а передъ Марьей Ивановной, а васъ обмануть не жаль. Вы берете съ улицы какую-то голубяную крестьянку, и по ее слову послушно выбираете мужа для своей племянницы. Кого знаетъ ваша Манева, кого она можетъ назвать! Разумѣется, того, кто ей больше денегъ даетъ. Хорошо, что еще попался я. Манева могла бы вамъ сосватать какогонибудь бѣглаго, и вы бы отдали, что и бывало.

Турусина.

Я знаю одно, что на землѣ правды нѣтъ, и съ каждымъ днемъ всё больше въ этомъ убѣждаюсь.

Глумовъ.

Ну, а вы, Иванъ Ивановичъ?

Городулицъ.

Я ни слова. Вы прелестнѣйшій мужина! Вотъ вамъ рука моя. И все, что вы говорили про насъ, то-есть про меня, — про другихъ я не знаю, — правда совершенная.

Глумовъ.

И вамъ нуженъ, господа. Безъ такого человѣка, какъ я, вамъ нельзя жить. Не я, такъ другой будетъ. Будетъ и хуже меня, и вы будете говорить: эхъ, этотъ хуже Глумова, а все-таки славный малый. (*Крутицкому*) Вы, ваше превосходительство, въ обществѣ человѣкъ, что называется, обходительный; но когда въ кабинетѣ, съ глазу на глазъ съ вами, молодой человѣкъ стоитъ на вытяжку, и униженно поддакивая послѣ каждаго слова, говорить «ваше превосходительство», у васъ по всѣмъ членамъ разливается блаженство. Дѣйствительно честному человѣку вы откажете въ протекціи, а за того поскачете хлопотать, сломя голову.

Крутицкий.

Вы слишкомъ злоупотребляете нашею снисходительностію.

Глумовъ.

Извините, ваше превосходительство! (*Мамасу*) Вамъ, дядюшка, я тоже нуженъ. Даже прислуга ни за какія деньги не соглашается слушать вашихъ наставленій, а я слушаю даромъ.

Мамасевъ.

Довольно! Если ты не понимаешь, мой милый, что тебѣ здѣсь оставаться долѣ неприлично, такъ я тебѣ растолкую...

Глумовъ.

Понимаю. И вамъ, Иванъ Ивановичъ, я нуженъ.

Городулицъ.

Нуженъ, нуженъ.

Глумовъ.

И умныхъ фразъ позаимствоваться для снача...

Городулицъ.

И умныхъ фразъ для снача.

Глумовъ.

И критику вмѣстѣ написать.

Городулицъ.

И критику вмѣстѣ написать.

Глумовъ.

И вамъ, тетюшка, нуженъ.

Т. СЛXXXI. — Отд. I.

МАМАИВА.

Я и не спорю, я васъ и не виню ни въ чемъ.

Крутицкій (*Мамасву*).

Я, знаете ли, въ немъ сразу замѣтилъ...

Мамасвъ (*Крутицкому*).

И я сразу. Въ глазахъ было что-то.

Глумовъ.

Ничего вы не замѣтили. Васъ возмущилъ мой дневникъ. Какъ онъ попалъ къ вамъ въ руки, я не знаю. На всякаго мудреца довольно простоты. Но знайте, господа, что пока я былъ между вами, въ вашемъ обществѣ,—я только тогда и былъ честенъ, когда писалъ этотъ дневникъ. И всякій честный человѣкъ иначе къ вамъ относиться не можетъ. Вы подняли во мнѣ всю желчь. Чѣмъ вы обидѣлись въ моемъ дневникѣ? Чтѣ вы нашли въ немъ новаго для себя? Вы сами то же постоянно говорите другъ про друга, только не въ глаза. Еслибъ я самъ прочелъ вамъ, каждому отдѣльно, то, чтѣ про другихъ писано, вы бы мнѣ аплодировали. Если кто имѣетъ право обижаться, сердиться, выходить изъ себя, бѣситься, такъ это я. Не знаю кто, но кто нибудь изъ васъ, честныхъ людей, укралъ мой дневникъ. Вы у меня разбили все: отняли деньги, отняли репутацію. Вы гоните меня и думаете, что это все, — тѣмъ дѣло и кончится. Вы думаете, что я вамъ прощу. Нѣтъ, господа, горько вамъ достанется. Прощайте. (*Уходитъ. Молчаніе*).

Крутицкій.

А вѣдь онъ все-таки, господа, что ни говори, дѣловой человѣкъ. Наказать его надо; но, я полагаю, черезъ нѣсколько времени можно его опять приласкать.

Городулинъ.

Непремѣнно.

Мамасвъ.

Я согласенъ.

МАМАИВА.

Ужъ это я возьму на себя.

А. Н. Островскій.

МОЛИТВА ВДОВЫ *.

(изъ Шамиссо).

Въ деревнѣ, въ глубокую полночь, не спитъ лишь старушка одна;
Стойтъ въ уголку на колѣняхъ и шепчетъ молитву она:
«О, Господи, Господи Боже! молю я тебя, сохрани
Помѣщика нашего долго, на многіе, многіе дни!»
Нужда научаетъ молиться!

Помѣщикъ проходитъ и слышитъ, что громко читаетъ она;
Въ диковинну рѣчи такія; онъ думаетъ: «вѣрно пьяна!»
И собственной барской персоной вошелъ онъ въ сырую избу
И кроткимъ вопросомъ изволилъ свою удостоить рабу:
«Нужда научила молиться?»

—«Ахъ, баринъ! когда-то имѣла я восемь хорошихъ коровъ.
Вашъ дѣдушка—вѣчная память! изъ насъ онъ высасывалъ кровь—
Коровушку лучшую отнялъ, и, какъ тамъ ни плакала я,
И какъ ни молила я горько,—пропала корова моя!
Нужда научаетъ молиться!

«Я долго его проклинала за горе мое; наконецъ
Услышалъ меня и за это послалъ наказанье Творецъ:
Вашъ дѣдушка умеръ и править деревней вашъ батюшка сталъ,
И онъ у меня, горемичной, двухъ добрыхъ коровушекъ взял!
Нужда научаетъ молиться!

* Стихотвореніе это принадлежитъ собственно Мартину Лютеру; мною же оно взято у Шамиссо, у котораго оно названо подражаніемъ Лютеру. П. В.

«Я батюшку вашего тоже и денно и ночью клалъ,
Пока и его, какъ и дѣда, могилка къ себѣ прибрала;
Тогда вы изволили сами прїѣхать въ деревню,—и, охъ!
Къ себѣ изъ моихъ коровенокъ угнали еще четырехъ!
Нужда научаетъ молиться!

«Теперь, коль помрете вы тоже, сыночка оставивъ у насъ,
Корову послѣднюю, вѣрно, себѣ онъ оттянетъ тотчасъ...
О, Господи, Господи Боже, молю я тебя—сохрани
Помѣщика нашего долго, на многіе, многіе дни!»
Нужда научаетъ молиться!

П. Вейнбергъ.

РАЗСКАЗЫ

ИЗЪ ИСТОРИИ ПОСЛѢДНАГО ПЯТИДЕСЯТИЛѢТІЯ (1816—1866).

ПЕРІОДЪ ВТОРОЙ.

(1830—1849).

10. Великобританія и Ирландія.

Избирательная система въ Англіи до 1831 года. Гнилыя мѣстечки. Преобладаніе аристократіи въ палатѣ общинъ. Сущность билля, предложеннаго Росселемъ 1 марта 1831 г. Неудача выговъ. Распущеніе парламента. Волненіе въ народѣ. Томасъ Атвудъ. Отставка графа Грея. Новое волненіе въ народѣ. Второе министерство Грея. Билль о реформѣ принять верхней палатою (4 іюня 1832). Чартясты и ихъ народная хартія. Пауперизмъ въ Англіи и Ирландіи, принятые противъ него съ 1776 по 1833 годъ. Офіціальная вслѣдованія быта рабочихъ классовъ въ Англіи, предпринятые въ 1833 году. Сочиненіе Бюре о пауперизмѣ. Лондонскіе бѣдняки; положеніе рабочихъ въ промышленныхъ городахъ, въ графствахъ Англіи и Ирландіи. Моральныя условія быта бѣдняковъ. Положеніе женщинъ. Рабство и пролетаріатъ. Мѣры правительства противъ нищеты. Рабочіе дома (Work-Houses). Дѣятельность Роберта Оуэна. Отмена хлѣбнаго закона въ Англіи. Ирландскія дѣла. Оранскій союзъ. Освобожденіе невольниковъ (1833). Вступленіе принцессы Викторіи на англійскій тронъ и бракосочетаніе ея съ Альбертомъ Кобургскимъ. Распространеніе англійскаго владычества въ Индіи. Война съ афганцами и китайцами.

По окончательномъ паденіи министерства Веллингтона, въ 1831 году, вся Англія занята была вопросомъ о парламентской реформѣ, и немудрено: неудобства существовавшей тогда избирательной системы были слишкомъ очевидны, чтобы народу не подумать о нихъ. Уже прежде говорили мы о неправильномъ распределеніи въ Англіи избирательнаго права, о томъ, что верховная законодательная власть принадлежала исключительно почти аристократіи, что существовали малолюдныя селенія (такъ-называемыя гнилыя мѣстечки), посылавшія отъ себя представителей въ нижнюю палату, въ то время какъ большіе города, обогатившись въ два послѣднія столѣтія, не имѣли представителей.

Такъ-называемыхъ гнилыхъ мѣстечекъ насчитывалось въ содѣявленномъ королевствѣ до 204, и изъ нихъ нѣкоторые имѣли

по сту, инны же по нѣскольбу десятковъ избирателей. Существовали селенія, въ которыхъ даже вовсе не было жителей, но у которыхъ, несмотря на это, не было отнято избирательное право*. Почти каждое изъ мѣстечекъ мало-населенныхъ и совершенно безлюдныхъ, находилось во владѣннн какого-нибудь аристократа, который, на время выборовъ, помѣщалъ въ своемъ владѣннн нѣсколько слугъ, содержателей постоянныхъ дворовъ и кабаковъ, и, во главѣ всего этого сброда, производилъ выборы въ законодателя страны. Высчитано, что 293 голоса въ палатѣ общинъ принадлежали аристократіи, что на избраніе большей части остальныхъ депутатовъ, аристократія имѣла сильное вліяніе, и что только пятая часть всего числа членовъ нижней палаты, то-есть около *ста двадцати* человекъ, могли назваться представителями страны въ полномъ смыслѣ слова. Въ небольшихъ городахъ сами избиратели, находившіеся, въ качествѣ ремесленниковъ и торговцевъ, въ зависимости отъ богатыхъ землевладѣльцевъ, въ мѣстечкахъ же землевладѣльцы торговали своими избирательными голосами, и эта торговля (хотя и была строго запрещена закономъ) сдѣлалась до такой степени общераспространеннымъ явленіемъ, что доходъ, отъ нея выручавшійся, принимался въ расчетъ при покупкѣ имѣній.

Несмотря на всѣ эти темныя стороны политической жизни Англіи, крайніе тори, усердные приверженцы старинны, старались, во что бы то ни стало, удержать такъ долго существовавшую систему выборовъ; они боялись, что перемѣна въ составѣ нижней палаты поведетъ къ потрясенію всей конституціи, къ революціи и демократическому деспотизму. Государственная машина Англіи—говорили они—конечно, не чужда недостатковъ, но, вообще говоря, дѣйствуетъ такъ хорошо, что желать лучшаго—неблаго-разумно. Въ отвѣтъ на это «неблагоразумные» виги, приверженцы реформы, твердили торіямъ: «Англія достигла величія и славы не потому, что въ ней гнилыя мѣстечки обладаютъ избирательнымъ правомъ, не потому, что въ ея государственной жизни существуетъ много злоупотребленій, но—несмотря на привилегіи гнилыхъ мѣстечекъ. Нѣтъ никакаго основанія и никакой нужды терпѣть эти злоупотребленія, и тѣмъ скорѣе страна освободится отъ нихъ, тѣмъ быстрѣе достигнетъ еще большаго благосостоянія. Англійская конституція, конечно, создана вѣками, она возникла не изъ головы какой-нибудь отдѣльной личности и не для цѣлей одной какой-либо эпохи; англійская конституція создана цѣлымъ

* По два депутата посылались въ парламентъ отъ двухъ безлюдныхъ мѣстечекъ: Old Sarum и Gathon.

народомъ; она есть плодъ всей исторической его жизни, но именно по этой причинѣ каждое поколѣніе имѣетъ право отмѣнять въ законахъ страны *все то, что оказывается вреднымъ*. Англійская аристократія имѣетъ достаточно представителей въ верхнемъ парламентѣ, и вѣтъ никакой нужды, чтобы нижняя палата представляла собою только копію, только второе, даже неисправленное изданіе палаты лордовъ: допустить это — значило бы стать въ противорѣчіе съ духомъ англійской истории. Нужно наконецъ взять въ расчетъ теперешнее настроеніе всего англійскаго народа, который избралъ именно эти дни, чтобы заявить свое желаніе устранять злоупотребленія, давно уже сдѣлавшіяся ему невиданными*.

Билль о парламентской реформѣ предложенъ былъ палатѣ общинъ лордомъ Росселемъ 1-го марта 1831 года. Палата выслушала этотъ билль, сохраняя глубокое молчаніе, но въ концѣ чтенія послѣдовали необыкновенно бурныя заявленія радости и одобренія со стороны виговъ и такое же энергичное неодобреніе со стороны торіевъ. По этому биллю Джона Росселя, мѣстечки, имѣвшія до 1821 года менѣе 2,000 жителей, лишались права посылать представителей въ палату общинъ, а такихъ мѣстечекъ было *болѣе ста*. Сорокъ-семь городовъ, насчитывавшихъ у себя, каждый, не болѣе 4,000 жителей, должны были посылать не по два, какъ прежде, а только по одному депутату. Семь городовъ, имѣвшихъ болѣе 20,000 жителей*, получили по два голоса, двадцать другихъ — по одному голосу. Въ Лондонѣ прежде только старія части города имѣли право посылать депутатовъ въ парламентъ, около 900,000 жителей столицы были лишены этого права; по биллю же Джона Росселя, этимъ 900,000 дано было *восемь* голосовъ въ палатѣ общинъ. Чтобы положить конецъ преобладанію замкнутыхъ корпорацій, билль требовалъ, чтобы каждый горожанинъ, платящій 10 фунтовъ стерл. податей, имѣлъ голосъ на выборахъ. При существованіи же прежней избирательной системы, были въ Англии города, въ которыхъ изъ шестидесятитысячнаго населенія къ корпораціи избирателей принадлежало всего нѣсколько десятковъ домохозяевъ, но были и такіе, въ которыхъ голосъ на выборахъ подавали всѣ жители, не пользовавшіеся пособіемъ изъ каассъ бѣдныхъ.

Внѣ городовъ, въ графствахъ, *свободные собственники* съ доходомъ въ 40 шиллинговъ удерживали за собой, по биллю Рос-

* Въ числѣ этихъ городовъ были: Манчестеръ, Бирмингемъ, Лидсъ, Шеффилдъ.

сели, право голоса на выборах; временные же и наследственные арендаторы (copyholders) могли, по биллю 1-го марта 1831 года, пользоваться правом голоса только в том случае, когда имъли доходъ въ 50 фунтовъ стерл. Этими постановленіями впрочемъ, только ограничивалось, а не уничтожалось вліяніе аристократіи на парламентскіе выборы въ графствахъ.

Изъ всего сказаннаго видно, что реформа, предложенная, по инициативѣ графа Грея, Россельмъ, далеко не была радикальна. Многочисленный рабочій классъ оставался при старой, какъ и при старой системѣ, лишеннымъ избирательнаго права. Реформа эта рассчитана была лишь на то, чтобы устранить, съ теченіемъ времени, самыя вопіющія злоупотребленія, вравнившія въ систему выборовъ. Десять фунтовъ податей въ городахъ и 50 фунтовъ дохода въ селеніяхъ — цензъ весьма высокій; сами министры и другіе вожди движенія сознавались, что намѣреваются лишь отстранить отъ парламентскихъ выборовъ грубую, доступную подкупамъ толпу, среднимъ же классамъ общества дать политическое значеніе, которое соответствовало бы уже приобрѣтенному ими социальному значенію.

Послѣ продолжительныхъ и жаркихъ преній, билль о реформѣ, прочитанный во второй разъ, принятъ билль 22-го марта большинствомъ лишь одного голоса; а при третьемъ чтеніи онъ билль измѣненъ до такой степени, что министры не узнали въ немъ своего созданія. Глубоко убѣжденные въ правотѣ своего дѣла и надѣясь на счастливый его исходъ, министры не отступали; они посовѣтовали королю распустить палату общинъ, что и было исполнено 22-го апрѣля.

Министры не ошиблись. Сила общественнаго мнѣнія дала имъ, несмотря на несовершенную избирательную систему, реформистское большинство въ нижней палатѣ. 21-го іюня снова открытъ билль парламентъ, лордъ Россель снова выступилъ съ своимъ биллемъ, немного измѣненнымъ, но сохранившимъ все существенное, и 21 сентября 1831 г., послѣ долгихъ и горячихъ преній, билль этотъ билль принятъ большинствомъ 109 голосовъ. На слѣдующій день онъ перешелъ въ верхнюю палату, но здѣсь билль отвергнутъ большинствомъ 41 голоса. Вслѣдъ затѣмъ засѣданія парламента были отсрочены до 6-го декабря.

Неудача, испытанная биллемъ о реформѣ, возбудили народъ противъ парламента; въ Лондонѣ и другихъ геродахъ произошло сильное волненіе. Велингтонъ, высказавшійся въ палатѣ лордовъ противъ билля о реформѣ, едва избѣжалъ побіенія камнями. Народъ поговаривалъ уже — какъ и во времена Кром-

вели—объ упраздненїи палаты лордовъ, о примѣненїи принципа свободы, равенства и братства къ государственнѣмъ учрежденїямъ. Народъ поговаривалъ даже о государственномъ переворотѣ, подобномъ тому, который совершился въ 1688 г., при Іаковѣ II. Радикалы въ своихъ газетахъ, и на митингахъ, все чаще и чаще составлявшихся, старались убѣдить народъ, что билль о реформѣ общаетъ слишкомъ мало хорошаго, что серьезное улучшенїе въ быту всего англїйскаго народа можетъ быть достигнуто только распространенїемъ избирательнаго права на весь народъ и отмѣною всякихъ наслѣдственныхъ привилегїй. Существовавшїя прежде общества «друзей реформы» усилились, къ нимъ присоединились еще новые союзы «реформеровъ». Томасъ Атвудъ, президентъ древнѣйшаго изъ этихъ союзовъ, насчитывавшаго до 50,000 членовъ, объявилъ, что реформеры, въ случаѣ нужды, могутъ составить собственное войско и ратовать съ своими противниками въ открытомъ полѣ.

Парламентъ снова собрался въ декабрѣ 1831 г.; нижняя палата снова приняла билль, верхняя — снова его отвергла. Тогда графъ Грей предложилъ королю пожаловать перское достоинство нѣкоторымъ приверженцамъ реформы, и такимъ образомъ обезпечить за министерствомъ большинство въ палатѣ лордовъ. Но король, находившїйся подъ влїяніемъ высшей аристократїи, чужеземныхъ пословъ и супруги своей, мейнингенской принцессы, не согласился на это предложенїе, принявъ отставку Грея и поручилъ герцогу Веллингтону составить новый кабинетъ.

Назначить въ такое время герцога Веллингтона первымъ министромъ, значило — возжечь въ Англїи революцію, повторить въ этой странѣ парижскую іюльскую недѣлю и вызвать страшную грозу противъ вождей аристократїи. Всѣ дѣла остановились, все стало готовиться къ борьбѣ. Въ Бирмингемѣ собралось до 100,000 друзей реформы, которые поклялись бороться за свое дѣло до послѣдней крайности и сообщили населенїю столицы о своей готовности взяться, по первому знаку, за оружіе. Тысячи шотландцевъ выказали полнѣйшую готовность перейти границу своей страны и помочь англичанамъ. Многострадальная Ирландїя ждала только знака къ возстанїю. На всѣхъ митингахъ имя Веллингтона возбуждало общее негодованїе, вмѣшательство супруги короля въ политику осуждалось очень рѣзко.

Всѣ эти демонстраціи подѣйствовали на правительство; Веллингтонъ, правда, не боялся междоусобной войны, но долженъ былъ отказаться отъ министерскаго портфѣя, когда влїятельнѣйшіе изъ торїевъ отказались быть его сотрудниками. Графу Грею опять поручено было составить кабинетъ, на чтѣ онъ и

согласился, но съ условіемъ, чтобы ему дозволено было ввести въ верхнюю палату нѣсколько новыхъ перовъ. Въ высшей степени непріятна была торіямъ эта политическая мѣра, подвѣсившая независимость верхней палаты. Усерднѣйшіе изъ торіевъ палаты лордовъ уклонились отъ подачи голоса; 4-го іюня 1832 года билль о реформѣ прошелъ чрезъ верхній парламентъ и былъ утвержденъ королемъ. Аристократія потерпѣла сильнѣйшее пораженіе. Друзья прогресса могли теперь надѣяться, что, благодаря реформѣ, рушатся многія устарѣлыя феодальныя учрежденія Англіи.

Но все же — повторимъ — не масса народа, а только средніе классы общества получили отъ преобразованія очевидную выгоду. И вотъ, по окончаніи борьбы, народъ заявляетъ свое желанье, чтобы политическія права всѣхъ сословій были одинаковы. Отдѣлившіеся отъ реформеровъ, *радиками*, желая новыхъ преобразованій въ избирательной системѣ, примкнули къ простому народу и къ многочисленнымъ рабочимъ ассоціаціямъ. Эта новая социальнo-политическая партія заявила въ составленной ею *Народной Хартіи* слѣдующія требованія:

- 1) право голоса для всякаго взрослого человѣка, если онъ въ здоровомъ умѣ и не совершилъ никакого преступленія;
- 2) ежегодное возобновленіе парламента;
- 3) содержаніе членамъ парламента, чтобы люди небогатые могли принять выборъ;
- 4) избраніе посредствомъ тайной баллотировки, чтобы устранить подкупы и застращиванія сильныхъ и вліятельныхъ людей;
- 5) равенство избирательныхъ округовъ и отміна избирательнаго ценза.

Оконнелъ, Юмъ, Атвудъ, ирландскій адвокатъ Оконноръ агитировали въ пользу этихъ требованій на митингахъ, въ печати и въ палатѣ общинъ. Въ Манчестерѣ въ пользу чартистовъ (или хартистовъ, т.-е. приверженцевъ народной хартіи) высказался митингъ, состоявшій изъ 300,000 человѣкъ, въ Батѣ — митингъ изъ 40,000 женщинъ.

Центромъ дѣятельности чартистовъ былъ Бирмингемъ, гдѣ находился и комитетъ ихъ. Въ 1839 году этотъ комитетъ подалъ палатѣ общинъ «національное» прошеніе, снабженное 1.285,000 подписей. Эта полномѣсная просьба не была уважена, несмотря на всѣ представленія Атвуда и другихъ приверженцевъ хартіи. Но тѣмъ не менѣе пренія о ней въ парламентѣ доказали, что чартизмъ приобрѣлъ уже силу и что интересы бѣднѣйшихъ рабочихъ классовъ принимаются къ сердцу многими просвѣщенными и высокооставленными людьми. Рабочіе

взволновались по случаю неудачи, испытанной друзьями народа въ 1839 году, и съ трудомъ могли быть успокоены. Разсчитывая на свою многочисленность, чартисты, во время французской революціи 1848 года, сдѣлали новую попытку привлечь большинство въ парламентъ на свою сторону и обѣщали представить петицію съ 5.000,000 подписей. Но весь средній классъ съ такою рѣшимостію и съ такою силою возсталъ противъ этой попытки, что и на сей разъ всѣ усилія чартистовъ остались тщетными. Еще не настала часъ политическаго торжества четвертаго сословія.

Аристократы и буржуазія не допустили въ парламентъ представителей рабочаго класса, и этимъ самымъ возложили на себя нравственную обязанность позаботиться объ облегченіи участи неполноправныхъ, бѣднѣйшихъ классовъ общества. Вопросъ о пауперизмѣ и о средствахъ къ поднятію уровня благосостоянія рабочихъ классовъ довольно серьезно поднятій въ парламентѣ еще въ 1776 году Жильбертомъ, былъ уже тогда предметомъ долгихъ и оживленныхъ преній. Въ то время бѣдныхъ было такъ много, что для вспомошествованія имъ требовалось ежегодно 1.720,316 фун. стерл. только въ одной Англіи, не считая ни Шотландіи, ни Ирландіи. Въ 1801 г. сумма вспомошествованій возросла до 4.078,861 фун. стерл., при населеніи въ 9.000,000 душъ. Въ 1818 г. налогъ въ пользу бѣдныхъ простирался до *восьми милліоновъ фун.*, а въ 1833 г. былъ гораздо болѣе этой цифры *. Въ 1821 году въ Англіи, по вычисленію Жерандо, было 881,000 бѣдныхъ, пользовавшихся пособіемъ отъ государства, т.-е. одна тринадцатая всего населенія, въ 1831 г.—уже 1.276,620 человекъ, т.-е. слишкомъ *осмая* часть всего населенія. Но эти цифры не даютъ еще полнаго понятія о размѣрахъ нищеты, ибо кромѣ бѣдняковъ, пользовавшихся пособіемъ отъ государства, было весьма много работниковъ, которые, хотя и не прибѣгали къ государственной благотворительности, но по справедливости могли считаться круглыми бѣдняками.

Въ 1833 году парламентъ назначилъ особую комиссію для изслѣдованія бѣдствій рабочаго класса и для изысканія средствъ облегчить его участь. Факты, раскрытые этою комиссіей, способны привести въ содроганіе даже человѣка съ весьма крѣпкими нервами. Не рѣшалось утомлять читателя подробнымъ изображеніемъ этихъ фактовъ, уважемъ лишь на самое существен-

* Въ 1818 г. населеніе Англіи не превышало 11¹/₂ милл., въ 1833—14 милл. душъ.

ное въ нихъ. Руководителемъ нашимъ будетъ, на этотъ разъ, Бюре, замѣчательное изслѣдованіе котораго, основанное на официальныхъ данныхъ и собственныхъ наблюденіяхъ, до сихъ поръ остается лучшею монографіей по статистикѣ и исторіи нищеты въ Западной Европѣ тридцатыхъ годовъ*.

Несмотря на громадныя суммы, тратившіяся на вспомошествованіе бѣднымъ, сотни тысячъ людей въ различныхъ городахъ и селеніяхъ Англіи томились въ грязныхъ, нездоровыхъ помѣщеніяхъ, питались скудною, нездоровою пищею, одѣвались въ лохмотья, и не имѣли никакой увѣренности въ завтрашнемъ днѣ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ поближе всмотрѣться въ великолѣпную столицу англійскаго народа, по справедливости славившуюся и въ тридцатыхъ годахъ чистотою своихъ улицъ, роскошью своихъ площадей и домовъ. Роскошны и красивы въ Лондонѣ аристократическіе кварталы: въ цѣломъ мірѣ едва-ли найдется другое мѣсто, подобное Вестъ-Энду по отношенію къ комфорту, блеску и роскоши. Но тотъ, кто покинетъ эту западную часть Лондона, кто покинетъ эти богатыя улицы, обитаемыя лордами, джентльменами, банкирами и фабрикантами, и проникнетъ въ восточную его часть, служащую пристанищемъ для людей бѣдныхъ, тотъ увидитъ самое печальное и возмутительное зрѣлище. Въмѣсто щегольскихъ улицъ и зеленѣющихъ скверовъ Вестъ-Энда, встрѣчаются хижины полуразвалившіяся, улицы немощены, неосвѣщенны, вовсе неснабженныя стоками, и площади тѣсны, узкія, представляющія собою сборище нечистотъ всякаго рода. Всего ужаснѣе въ этомъ отношеніи сѣверо-восточная часть Лондона, которую составляютъ три квартала: Бетналь-Гринъ, Спитальфильдсъ и Уайтъ-Чепель. Въ 1833 году въ этихъ трехъ кварталахъ жило около 150,000 человекъ. Большая часть Бетналь-гринскаго квартала состоитъ изъ участковъ, сохранившихъ до сихъ поръ названіе садовъ (gardens). На этихъ участкахъ построено владѣльцами ихъ и спекуляторами безчисленное множество деревянныхъ домиковъ, имѣющихъ по большей части одинъ только этажъ и назначенныхъ для помѣщенія бѣдныхъ семействъ. Между этими хижинами, построенными изъ гнилыхъ досокъ, нѣтъ ни улицъ, ни канавъ для протока воды; на каждомъ шагѣ встрѣчаются кучи всякихъ нечистотъ, ямы, наполненныя грязной и гвѣющей водою; предъ всякимъ домомъ непременно куча навоза; всюду соръ, грязь, зловоніе. Эти квар-

* De la misère des classes laborieuses en Angleterre et en France, par *Eugène Buret*. 1840, Paris. Извлеченіе изъ этой книги помѣщено въ «Отчественныхъ Запискахъ» 1846, подъ заглавіемъ «Пролетаріатъ и пауперизмъ».

талы не подвергаются никакому надзору. Полиція не посѣщаетъ ихъ, не обращаетъ на нихъ никакого вниманія, не заботится о принятіи самыхъ обыкновенныхъ мѣръ, составляющихъ необходимое условіе существованія всякаго образованнаго города. Жители этихъ мѣстъ предоставлены самимъ себѣ: здѣсь царствуетъ полнѣйшее *laissez faire*, какое только можно себѣ представить. Проходя по этимъ ужаснымъ кварталамъ, мы были поражены, говоритъ Бюре, злоупотребленіями собственности, которыя обнаруживались видомъ жилищъ, отдаваемыхъ внаймы бѣднымъ. Мы были удивлены, какимъ образомъ собственники земли могли создать здѣсь, въ своихъ интересахъ, новую Ирландію среди англійской столицы. Собственники строятъ дома, назначаемые для бѣдныхъ, какъ попало, въ какомъ имъ вздумается порядкѣ, не оставляя между домами промежутка, необходимаго для проведенія улицъ, не уравнивая предварительно почвы, не сообразившись съ гигиеническими условіями мѣстности. Они строятъ деревянные *мажины, годная развѣ для помѣщенія животныхъ**, и никакая власть не вмѣшивается въ это дѣло, несмотря на то, что въ Англіи существуетъ цѣлое законодательство о городскихъ постройкахъ. По истинѣ, бѣдность, въ наши дни, виѣ покровительства законовъ.

Неудивительно, что населеніе этихъ кварталовъ не пользуется ни здоровьемъ, ни долговѣчностью. По мнѣнію доктора Кэ (1838), горячка — болѣзнь, свойственная тѣмъ кварталамъ Лондона, которые населены бѣдными; она свирѣпствуетъ въ нихъ постоянно и, подобно чумѣ, обнимаетъ дома и цѣлыя улицы. Едва лишь больной переходитъ въ больницу и умираетъ, какъ уже мѣсто его занимаетъ новымъ жильцомъ: нищета съ удивительною быстротой наполняетъ эти грязныя убѣжища. Особенно страшно дѣйствуетъ горячка, по преимуществу тифозная, въ послѣдніе годы, въ годы промышленныхъ кризисовъ, когда застой въ работахъ оставляетъ цѣлыя массы населенія почти безъ куска хлѣба.

Менѣе замѣтна, но, конечно, не менѣе ужасна другая болѣзнь, весьма распространенная между рабочими, это — чахотка, развитію которой способствуютъ какъ нездоровыя жилища, такъ и самая работа въ душныхъ, переполненныхъ народомъ, мастерскихъ. Кромѣ того, существуетъ множество занятій, которыя сами по себѣ, помимо другихъ неблагоприятныхъ условій, убійственно дѣйствуютъ на грудь рабочихъ.

* «Въ кварталѣ Shadwell, на правомъ берегу Темзы, жилища бѣдныхъ по отношенію къ чистотѣ, гораздо хуже самыхъ грязныхъ хлѣбовъ, и за такія-то жилища, многія семейства платятъ по 1½ шиллинга въ недѣлю» (Кэ).

Другой рядъ болѣзней между рабочими имѣетъ непосредственною причиною ихъ скудное содержаніе. Поденщикъ на выработанную имъ плату можетъ доставить себѣ въ недѣлю 122 унціи пищи, въ томъ числѣ 13 унцій мяса, между тѣмъ какъ преступникъ въ тюрьмѣ получаетъ 239 унцій пищи и въ томъ числѣ 38 унцій мяса. Пища, трудно варимая желудкомъ взрослога рабочаго, уже совершенно негодна для дѣтей; рабочіе совершенно лишены возможности давать дѣтямъ пищу, соотвѣтствующую ихъ возрасту. Мало того: существуетъ еще обычай, для успокоенія дѣтей, давать имъ водку и даже опиумъ. Понятно, что при такихъ условіяхъ и при другихъ обстоятельствахъ, вообще неспособствующихъ здоровому развитію дѣтей, они страдаютъ разстройствомъ пищеварительныхъ органовъ, оставляющихъ слѣды на всю жизнь. Разстройство пищеварительныхъ органовъ развиваетъ еще въ дѣтствѣ новыя болѣзни. Золотуха распространена между всѣми почти рабочими, и золотушные родители производятъ на свѣтъ золотушныхъ же дѣтей. Кромѣ того, отъ недостатка питанія тѣла во время развитія молодаго организма, является нерѣдко англійская болѣзнь.

Если во всему сказанному присоединить плохую одежду, не защищающую отъ простуды, наконецъ, необходимость крѣпиться во время болѣзни до послѣдней степени, чтобъ не лишиться заработка, то не трудно будетъ вообразить, въ какомъ положеніи находится здоровье тѣхъ самыхъ рабочихъ, руками которыхъ создается богатство Англій.

Не должно думать, чтобы Лондонъ, по отношенію своему къ бѣднымъ кварталамъ, составлялъ исключеніе изъ общаго правила: то, что мы видѣли въ Лондонѣ, встрѣчается во всѣхъ большихъ городахъ Англій. Особенно замѣчательны въ этомъ отношеніи Манчестеръ и Ливерпуль. Въ Манчестерѣ улицы, населенныя бѣдными работниками, построены недавно, а потому онѣ, болѣею частію, отличаются шириною и правильностію. За исключеніемъ нѣсколькихъ сотенъ хижинъ, выстроенныхъ на берегу Медлока, наружность домовъ опрятна, прилична, даже красива. Вообще говоря, эти кварталы похожи на городъ, который былъ хорошо выстроенъ, но который портится и разваливается вслѣдствіе нерадѣнія жителей. Нѣкоторыя части Манчестера какъ будто не совершенно окончены; народъ, привлекаемый сюда развитіемъ промышленности, прибываетъ такъ быстро, что спекуляторы не успѣвали строить достаточное количество домовъ. Между новыми пришельцами было весьма много ирландцевъ, которые, какъ извѣстно, неприхотливы. Поселившись въ балаганахъ, на скоро устроенныхъ спекуляторами на первое вре-

мя, они оставались въ этихъ импровизованныхъ жилищахъ навсегда. Они довольствовались всѣмъ, что находили, поселялись въ погребахъ, подъ лѣстницами.

До холеры (1831) никто въ Англіи не думалъ серьезно о гигиеническихъ условіяхъ, въ которыхъ живутъ бѣдные. Во время холеры, боязнь, что эпидемія распространится отъ бѣдныхъ и на богатыхъ, побудила господствующіе классы позаботиться о санитарномъ состояніи бѣдныхъ кварталовъ. Въ Манчестерѣ проведено было изслѣдованіе, въ результатѣ котораго оказалось, что изъ 687 улицъ болѣе половины выходило въ самомъ неудовлетворительномъ состояніи: инны были вовсе не вымощены, въ другихъ воздухъ былъ совершенно спертъ, безъ движенія, весьма многія наполнены кучами нечистотъ и покрыты грязной, стоячею водою. Изъ 6,950 осмотрѣнныхъ домовъ болѣе половины находились въ самомъ жалкомъ состояніи, напоминая собою хижины Ветналь-Грина и Спитальфилдса. Всего ужаснѣе оказались тѣ пріюты, въ которыхъ нищѣ, бродяги, бездомные люди находятъ себѣ убѣжище по ночамъ — пріюты, одинаково губельныя какъ для здоровья людей, такъ и для общественной безопасности.

На ряду съ Манчестеромъ какъ по богатству, такъ и по нищетѣ, стоитъ Ливерпуль, насчитывавшій въ 1830 году около 230,000 жителей. Въ этомъ городѣ, гдѣ цѣлыя улицы состоятъ изъ дворцовъ, насчитано болѣе 7,800 погребовъ, населенныхъ работниками. Но въ это число не вошли еще погреба, въ которыхъ бѣдняки живутъ только ночью, не проводя тамъ дня, и тѣ подземелья, въ которыхъ помѣщаются питейныя заведенія. Темныя, узкіе, грязные и сырныя погреба Ливерпуля содержатъ въ себѣ пятую часть всего рабочаго населенія этого портоваго города, именно — около 40,000 человѣкъ.

Если вы хотите, говорить Бюре, составить себѣ поватіе объ этихъ погребахъ, то представьте себѣ дыру, занимающую поверхность отъ 10 до 12 квадр. футовъ и часто имѣющую менѣе 6 англ. футовъ въ вышину. Въ этихъ берлогахъ никогда не бываетъ окошекъ; воздухъ и свѣтъ проникаютъ туда посредствомъ двери, верхняя перекладина которой находится на одной линіи съ поверхностью улицы. Въ эту яму, точно какъ въ колодезь, или спускаются по веревкамъ, или сходятъ по совершенно отвѣсной лѣстницѣ. Полъ погреба бываетъ обыкновенно покрытъ водою, грязью и всякимъ соромъ; вентиляціи тутъ никакой быть не можетъ, а потому помѣщенія эти отличаются сыростію. Иногда погребъ состоитъ изъ двухъ отдѣленій; заднее служитъ обыкновенно спальней; оно бываетъ, болѣею ча-

стію, совершенно темно; свѣтъ проникаетъ туда только изъ передней комнаты. Въ каждомъ такомъ погребѣ живетъ отъ 3 до 5 человѣкъ, и за такую квартиру платятъ обыкновенно не мѣнѣе двухъ шиллинговъ въ недѣлю. Вообще же въ Ливерпулѣ находилось, въ тридцатыхъ годахъ, до пятнадцати тысячъ домовъ, дававшихъ весьма вредное, для здоровья людей, помѣщеніе.

Другіе многолюдные города Англій, какъ-то: Ноттингемъ, Ньюкестль, Глазго и проч. представляли, въ описываемое нами время, такое же множество дурныхъ помѣщеній, напоминающихъ скорѣе конюшни Авгіаса, чѣмъ человѣческія жилища. Въ Ньюкестлѣ на Тэнѣ, большинство населенія жило въ такой атмосферѣ, что свѣжій человѣкъ не могъ бы вынести ея даже въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ.

Несправедливо было бы—говорить Бюре—думать, что въ такой грязи и бѣдности живутъ только лѣнныя и развращенныя люди. Въ жалкихъ хижинахъ и подземельяхъ всего чаще можно найти самыхъ трудолюбивыхъ людей, съ истиннымъ героизмомъ боровшихся противъ нужды и въ самую тяжкую минуту стыдящихся протянуть руку за милостыней и принять эту милостыню отъ государства или отъ частныхъ благотворителей. Нѣсколько типовъ такихъ честныхъ и благородно-гордыхъ страдальцевъ изобразилъ Бюре въ своей книгѣ о нищетѣ (*La misère des classes laborieuses*, p. 370—374 etc.).

Не въ однихъ городахъ, продолжаетъ тотъ же авторъ, обитаетъ бѣдность. Въ деревняхъ она еще ужаснѣе: счастье для Англій, что ея земледѣльческое населеніе составляетъ только третью часть всего числа жителей, иначе—Англія превратилась бы въ Ирландію. Въ этой странѣ не существуетъ сословія крестьянъ-собственниковъ, земледѣльцы здѣсь не что иное, какъ жалкіе поденщики, продающіе трудъ свой фермерамъ за самую дешевую цѣну. Спросъ на этотъ трудъ не всегда одинаковъ, слѣдовательно плата весьма измѣнчива, и работники нисколько не увѣрены въ завтрашнемъ днѣ. Задѣльная плата въ земледѣліи такъ низка, что даже во время жатвы рабочій, цѣлый день занятый, едва себя пропитываетъ. Прежде, до конца XVIII столѣтія, существовалъ еще обычай у богатыхъ землевладѣльцевъ отдавать землю въ наймы мелкимъ фермерамъ-поселянамъ. Въ то время каждый такой поселянинъ имѣлъ свою корову, свинью и даже домикъ, огороженный заборомъ. Теперь же одинъ фермеръ хозяйничаетъ на пространствѣ, обработывавшемся прежде тридцатью арендаторами-поселянами, и нанмаетъ 29 жалкихъ

поденщиковъ, помѣщая ихъ въ хижины съ платою за квартиру по 60 шиллинговъ въ годъ.

Еще болѣе бѣдствуетъ земледѣльческое населеніе въ плодородной, вѣкогда цвѣтущей Ирландіи.

По вычисленію Нортонъ, поземельный доходъ Ирландіи простирается до четырехъ сотъ мил. франковъ. Изъ этой суммы работнику земледѣльцу остается, среднимъ числомъ, не болѣе 35 сантимовъ, или 8—9 копеекъ сер. въ день, ибо доходъ живущихъ въ Ирландіи землевладѣльцевъ одѣивается въ 100 миліоновъ, доходъ, наполовину отсутствующаго духовенства—въ 37½ мил., государственные налоги—въ 122½ мил., содержаніе «охраняющей» Ирландію арміи—въ 32 мил. франковъ. Остальная сумма распредѣляется между 6-ю миліонами ирландцевъ.

Голодъ въ Ирландіи—явленіе обыкновенное, ежегодно повторяющееся. Съ апрѣля по августъ, т.-е. со времени посѣва картофеля, до его созрѣванія, ирландцы ежегодно голодаютъ. Въ 1727 году примасъ Бутлеръ писалъ слѣдующее: «со времени моего прибытія, голодъ не превращался между бѣдными, погибли многія сотни бѣдныхъ». Въ 1832 г., епископъ Дойль (Doyle), на вопросъ: каково положеніе народа въ Западной Ирландіи, отвѣтилъ: «по обыкновенію, умираетъ съ голоду» (people are perishing as usual). Комиссія, назначенная правительствомъ для изслѣдованія нуждъ ирландцевъ, въ 1835 г., утверждаетъ, что весьма многіе въ этой странѣ умерли голодною смертію (Poor Irish Inquiry. 10 vol. in-folio, citée par Buret, I, 204). По увѣренію этой комиссіи, около трехъ миліоновъ ирландцевъ находятся въ самомъ бѣдственномъ положеніи.

Изъ всего сказаннаго можно составить хотя приблизительное понятіе о размѣрахъ нищеты въ Соединенномъ королевствѣ въ описываемую нами эпоху. Точныхъ цифръ не даютъ намъ, впрочемъ, и самыя компетентныя судьи въ этомъ дѣлѣ.

То, что сказано было о матеріальной нищетѣ народныхъ массъ, можетъ послужить основаніемъ для выводовъ о моральныхъ условіяхъ ихъ быта. Дѣти бѣдняковъ рабочихъ—говорить Бюре—воспитываются весьма дурно. Никто не заботится объ ихъ умственномъ и нравственномъ развитіи. Съ самыхъ раннихъ лѣтъ дѣти рабочихъ, болѣею частію, блѣдны, худы, взнуренны, живутъ и воспитываются на улицѣ, въ грязи; за ними никто не смотритъ, объ нихъ никто не думаетъ. Работники, съ трудомъ прокармливая себя, видятъ нерѣдко въ дѣтахъ только лишнюю тягость и стараются слишкомъ рано извлекать изъ нихъ матеріальную пользу. Ребенокъ съ самыхъ раннихъ лѣтъ

уже работает на фабрике, или просит милостыню, или продает спички, ленты и всякую дрянь; многие же из ребят с самых ранних лет начинают привыкать к обману, мошенничеству, воровству.

Число преступлений, совершенных малолетними, весьма велико. Из официальных документов, обнародованных английским правительством, видно, что в тюрьмах королевства содержалось в 1838 году более 12,000 преступников, имевших от роду менее двадцати лет. Малолетние составляли в Лондоне 20%, в Ливерпуле 23% всего числа преступников. Во всей Англии обвиненных в преступлениях против лиц и против собственности было:

Въ 1814 году	6,930
» 1817 »	13,902
» 1825 »	14,437
» 1834 »	22,451
» 1838 »	23,612
» 1842 »	31,309

Замѣчательно, что между преступниками насчитывается более 25% женщинъ.

Нищета почти всегда сопровождается двумя пороками: неопытностью и пьянствомъ. Человѣкъ, доходя до извѣстной степени бѣдности, перестаетъ бороться съ своимъ горемъ, впадаетъ въ апатію. Подъ гнетомъ лишеній, онъ ограничиваетъ постепенно свои потребности и доходитъ до того, что ограничивается желаніемъ сохранить свое физическое существованіе. Достигнувъ такого положенія, онъ заботится уже не о томъ, чтобы улучшить, а чтобы только забыть свое бѣдственное состояніе. Пьянство для огромнаго большинства бѣдныхъ есть необходимая потребность. Лавки съ распивочною продажей джина замѣняютъ бѣднымъ работникамъ храмы и театры. Чѣмъ бѣднѣе въ городѣ кварталъ, тѣмъ больше въ этомъ кварталѣ мѣстъ для продажи крѣпкихъ напитковъ. Количество водки, потребляемой въ описываемое время, было:

Въ Англiи	12.341,240	галлоновъ.
» Ирландiи	12.239,464	»
» Шотландiи	6.676,715	»

Образованіе низшихъ классовъ народа находилось въ весьма плачевномъ состояніи. По официальнымъ изслѣдованіямъ въ Англiи тридцатыхъ годовъ, изъ 4.294,230 дѣтей отъ 3-хъ до 15-тилѣтнаго возраста, только 1.276,647 получали первоначальное образованіе.

чальное образованіе, и притомъ такое несовершенное, что оно, въ большей части случаевъ, оказывалось бесполезнымъ.

Изъ всего сказаннаго можно заключить, что и семейная жизнь въ бѣднѣйшемъ классѣ находилась не въ благопріятныхъ условіяхъ. Получая ничтожную задѣльную плату, работникъ долженъ отпустить жену и дѣтей на фабрику, которая, въ описываемое время, убійственно дѣйствовала на нравственность работниковъ и работницъ. Число проститутокъ въ Лондонѣ 1793 года было 50,000; въ тридцатыхъ же годахъ ихъ было до 80,000. Смертность между этими несчастными жертвами бѣдности и разврата такова, говоритъ Бюре, что болѣзнь и самоубійство ежегодно сводятъ въ могилу по 8,000 проститутокъ (Buret, I, 407 и 408). Лондонъ не составляетъ исключенія; и въ другихъ промышленныхъ городахъ можно встрѣтить подобныя же статистическія цифры.

Количество незаконнорожденныхъ въ Англіи 1835 года дошло до 71,298 (Шотландія и Ирландія не вошли въ расчетъ). Если послѣ этого года оно нѣсколько уменьшилось, то это слѣдуетъ приписать новому закону, на основаніи котораго на мать, а не на отца возложена была отвѣтственность предъ обществомъ за незаконнорожденнаго ребенка. Впрочемъ, въ сущности уменьшилось лишь число официально извѣстныхъ незаконныхъ рожденій; дѣйствительная же цифра осталась та же. Число дѣтубійствъ даже увеличилось.

Таково, въ общихъ чертахъ, положеніе большинства англійскаго народа въ тридцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія. Несмотря на громадныя успѣхи промышленности, удвоившей въ короткое время народный доходъ и обогатившей многихъ фабрикантовъ, несмотря на изобрѣтеніе многихъ машинъ, благосостояніе массы въ теченіе 50 лѣтъ (т. е. съ 80-хъ годовъ XVIII столѣтія) не возвысилось, даже упало. Ясно, что было о чемъ позаботиться друзьямъ народа; ясно, почему чартисты достигли такой популярности. Сами рабочіе стали лучше понимать свое положеніе, и умнѣйшіе изъ нихъ—энергичнѣе изыскивать средства къ облегченію своей участи. «Въ теченіе послѣднихъ пятидесяти лѣтъ (1780—1830), говорятъ докторъ Кэ*, произошла перемѣна въ моральномъ и интеллектуальномъ положеніи рабочихъ. Прежде они считали свою бѣдность и свои страданія неизбѣжными, теперь они приписываютъ свои бѣдствія причинамъ политическимъ: они думаютъ, что перемѣны въ англійскихъ государственныхъ учрежденіяхъ могутъ улучшить ихъ бытъ. Аги-

* Dr. Kay у Бюре, т. I, стр. 399 и слѣд.

тація чартистовъ существуетъ не со вчерашнаго дня, она приняла много различныхъ формъ въ послѣдніа тридцать лѣтъ, и каждый разъ можно было видѣть, какъ легко увлечь невѣжественныя, недовольныя и страдающія массы. То принимались эти толпы устраивать заговоръ, стачку для возвышенія заработной платы, то разламывать машины. Агитація дѣлается съ каждымъ днемъ систематичнѣе, и нельзя надѣяться, чтобы этотъ духъ беспорядка успокоился самъ собою, или чтобы онъ могъ быть подавленъ силою. Чартизмъ, это социальное чудовище, грозитъ сдѣлаться еще болѣе страшнымъ.

«Мы не можемъ равнодушно смотрѣть на громадную физическую силу, приводимую въ движеніе людьми столь невѣжественными и столь «чуждыми принципамъ», какъ чартистскіе вожди. Если не дойдетъ дѣло до междоусобной войны, то, вѣроятно, по крайней-мѣрѣ, что собственность и личности подвергнутся насиліямъ, такъ что наши мануфактуры и наша торговля будутъ стѣснены, взаимное довѣріе торговцевъ будетъ подорвано, прочность политическихъ и социальныхъ учреждений ослабѣетъ. Чартисты умѣютъ пользоваться народнымъ суевѣріемъ для подрѣпленія своихъ ученій; они употребляютъ тексты св. писанія, которыхъ невѣжественный народъ хорошо не понимаетъ. Бѣдность, по ихъ словамъ, это Лазарь на лонѣ Авраамовомъ,—довольство, это притѣснитель-богачъ, осужденный на вѣчное геенское пламя. Они находятъ мѣста въ Дѣваніяхъ Апостольскихъ, гдѣ говорится объ общеніи имуществъ, существовавшемъ у первыхъ христіанъ. На этихъ текстахъ они основываютъ свою социальную доктрину. Даже насильственнымъ поступкамъ находятъ они оправданіе въ священномъ писаніи» (*Dr Kay*, у Бюре, I, 399—401).

Но какъ ни мало одобряли доктрину чартистовъ солидные буржуа, все же они не могли отказать ей въ вѣрной постановкѣ политическаго и социальнаго вопроса, и главнымъ образомъ вопроса о пролетаріатѣ и пауперизмѣ. Если въ періодъ реставраціи выработано было европейскою мыслию что-либо дѣльное, серьезное въ моральной и политической сферѣ, то это конечно болѣе ясное, чѣмъ прежде, пониманіе интересовъ рабочаго люда и пониманіе солидарности всѣхъ классовъ общества, всѣхъ людей между собою. И этимъ обязана Европа всего болѣе продолжительному миру, прерывавшемуся несравненно рѣже, чѣмъ въ предшествовавшіа низверженію Наполеона годы.

Чартисты подняли вопросъ о бѣдственномъ положеніи рабочихъ классовъ, но не рѣшили его; по крайней-мѣрѣ, рѣшили

не совершенно, по мнѣнію тогдашнихъ фабрикантовъ, аристократовъ и даже ученыхъ. Гдѣ же исзять правильнаго рѣшенія?

Было время, и исторія хорошо его помнитъ, когда сама наука, въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей, обрела одну часть рода человѣческаго на рабство, на грубыя, матеріальныя работы, другую же предназначала для свободы, для высшаго умственнаго и нравственнаго образованія, для всѣхъ добродѣтелей. Дабы общество могло выработать достаточное количество образованныхъ и свободныхъ гражданъ, необходимо — думали древніе — чтобы масса рабовъ и неполноправныхъ ремесленниковъ работала на этихъ избранныхъ счастливицевъ. Но еслибы тѣмъ же древнимъ было доказано, что всѣ люди, безъ иззятія, могутъ когда нибудь достигнуть и матеріальнаго благозостоянія, и свободы, и добродѣтелей, свойственныхъ свободному человѣку, что будутъ изобрѣтены машины, въ тысячи и тысячи разъ облегчающія человѣческій трудъ, что воцарится въ мірѣ религія мира, правды и любви, которая соединитъ всѣхъ людей, какъ братьевъ, что дармоедство и эксплуатация человѣка человекомъ будутъ изгнаны и уступятъ мѣсто самоотверженной дѣятельности каждому изъ людей для общей пользы; еслибы, повторю, все это было доказано древнимъ, то, конечно, никто изъ нихъ не сталъ бы оправдывать рабства и считать его вѣковѣчнымъ учрежденіемъ. Въ тѣхъ странахъ древняго міра, въ которыхъ потребности были скромныѣе, вся жизнь была проще и природа не совершенно скупа, рабства и не существовало: не имѣли рабовъ многіе кочевые народы, не знали рабства и евреи въ самую лучшую пору своей исторической жизни. Но въ большей части древняго міра существовало это учрежденіе, и оттого оны расцался.

Явилось христіанство, провозгласившее отміну рабства, возвѣстившее братство и равенство всѣхъ людей. Эта святая проповѣдь свободы, равенства и братства распатала основы древняго міра, покоившагося на привилегіяхъ, на порабощеніи большинства меньшинствомъ полноправныхъ гражданъ; но возникшія на развалинахъ римской міровой имперіи государства оказались безсильными провести въ жизнь принятый ими христіанскій принципъ. Рабство, правда, въ нѣсколько смягченной формѣ, организовалось и въ средневѣковыхъ государствахъ. Чтобы обставить роскошью жизнь нѣсколькихъ тысячъ блестящихъ, чистокровныхъ рыцарей, совмѣщавшихъ въ себѣ всю сумму тогдашней свѣтскости и любезности, миллионы крѣпостныхъ людей, лишенные возможности хорошо развить свой умъ и нравственное чувство, должны были работать въ потѣ лица, ни днемъ

ни ночью не знать покоя. Древніе справедливо говорили: «начальную долю рабства давь въ удѣлъ человѣку, Зевесъ отнимаетъ у него вмѣстѣ съ тѣмъ лучшую половину его доблестей». Понятно, что въ массѣ крѣпостныхъ ихъ зависимое положеніе не могло развить высокихъ гражданскихъ добродѣтелей. Только немногіе изъ нихъ, пользуясь выгодой своей мѣстности и занявшись какими нибудь промыслами, могли оградить себя отъ произвола владѣльцевъ, окружить свое селеніе крѣпкими стѣнами, создать въ немъ самостоятельную городскую общину и противопоставить господствующему феодальному сословію фалангу мужественныхъ, доблестныхъ гражданъ. Раньше другихъ странъ свободное городское сословіе выработалось въ Италіи, Нидерландахъ и Англіи.

Но масса народа продолжала пребывать въ зависимости, бѣдности и нравственномъ убожествѣ. Въ Англіи раньше тѣмъ гдѣ-либо крѣпостные поселане получили свободу, но съ свободой они не приобрѣли прочной осѣдлости, собственности. Не имѣя участія въ политической жизни страны, масса народа терпѣливо сносила гнетъ высшихъ классовъ, которые пользовались каждымъ случаемъ, чтобы часть государственныхъ повинностей сложить съ себя на народъ. Всѣ войны среднихъ вѣковъ и новаго времени велись, главнымъ образомъ, на счетъ низшихъ, рабочихъ классовъ общества. Главнымъ налогомъ всегда былъ налогъ на предметы, необходимые для каждаго: на хлѣбъ, на мясо, на соль и проч. Хлѣбная пошлина была въ Англіи особенно отяготительна, ибо въ теченіе многихъ вѣковъ поддерживала цѣну хлѣба на искусственной высотѣ.

Въ концѣ XVIII вѣка въ промышленности Англіи и въ бытѣ ея рабочихъ классовъ произведенъ былъ переворотъ изобрѣтеніемъ паровыхъ машинъ, ткацкихъ и прядильныхъ станковъ. Пока не было машинъ, и все производилось руками, возможно было существованіе множества частныхъ ремесленниковъ, зарабатывавшихъ себѣ хлѣбъ своими трудами поодиночкѣ. Усовершенствованіе ткацкихъ станковъ и прижѣненіе къ нимъ пароваго двигателя способствовало необыкновенному усиленію промышленности, но вмѣстѣ съ тѣмъ принудило многихъ работниковъ изъ самостоятельныхъ мастеровъ сдѣлаться совершенно зависимыми поденщиками на фабрикѣ. При существованіи машинъ, одиночная работа перестала быть выгодною, мало по малу она была совершенно подорвана машиннымъ производствомъ, которое, по своей простотѣ и дешевизнѣ, дало фабрикантамъ возможность понижать цѣну на товары. Волей-неволей мастеру приходилось дѣлаться наемникомъ. Сначала рабочимъ на фабрикахъ давали

еще хорошую плату, но, благодаря быстрому приливу населенія въ промышленныя округа, эта плата быстро и весьма сильно понижалась. Положеніе рабочихъ сдѣлалось безвыходнымъ, и конкуренція между капиталистами-фабрикантами не только не служила къ улучшенію быта рабочихъ, но еще болѣе ухудшила его. Конкуренція выражалась тѣмъ, что производство старались улучшить и удешевить; такимъ образомъ товары упали въ цѣнѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ понижалась и заработная плата. Масса бѣдныхъ пролетаріевъ, неувѣренныхъ въ завтрашнемъ днѣ, увеличилась.

Рабочіе могли бы еще конкурировать съ промышленниками-капиталистами, еслибы сгруппировались въ артели, въ кооперативныя ассоціаціи, подобно благоразумнѣйшимъ изъ рабочихъ нынѣшняго времени. Но у нихъ не было на столько умственного развитія, чтобы придумать и приложить къ дѣлу это средство; они не были подготовлены къ борьбѣ, образованные же классы не хотѣли или не могли помочь имъ. Землевладѣльцамъ и фабрикантамъ до рабочихъ не было дѣла: имъ нужно было только покупать товаръ, называемый работою, какъ можно дешевле; они и не подозрѣвали, сколько горя натерпитса Англія отъ язвы пауперизма; они недостаточно ясно сознавали, что величіе и сила страны несомнѣстны съ бѣдностію народныхъ массъ.

Были, правда, друзья человѣчества, заботившіеся о просвѣщеніи простаго народа; ихъ великодушію и самоотверженію Англія обязана основаніемъ школъ для бѣдныхъ, начало распространенія которыхъ восходитъ къ половинѣ XVIII вѣка, устройеніемъ воскресныхъ школъ (съ 1784 г.) и школъ взаимнаго обученія (съ 1798 г.); но эти попытки были каплею въ морѣ эгоизма и равнодушія къ народнымъ нуждамъ. Правительство Англіи, употребившее на военныя надобности многія сотни милліоновъ фунтовъ стерл. въ концѣ XVIII и началѣ XIX вѣка, не находило возможнымъ удѣлять на народное образованіе хотя бы ничтожную сумму: всю эту важную отрасль народнаго труда оно предоставило частной инициативѣ. Извѣстно, что народныя школы не могутъ давать хорошаго процента на затраченный капиталъ, а потому мало кто, кромѣ людей, проникнутыхъ филантропическимъ чувствомъ, рѣшался открывать ихъ.

Можно прямо сказать, что образованіе простаго народа вовсе не было въ видахъ правительства и господствовавшей въ странѣ партіи торіевъ. Торіи были убѣждены, что хорошее воспитаніе и образованіе не можетъ научить народъ уважать тѣ учрежденія, которыя создали и поддерживаютъ нищету; они знали, что, при хорошемъ образованіи, народъ пойметъ всю несостоя-

тельность политической и социальной системы, обрезающей миллионы людей на жизнь бездомных пролетариевъ, требующей, чтобы труд бѣдныхъ людей покупался быль какъ можно дешевле. Желая быть послѣдовательными, крайніе торіи до самаго послѣдняго времени противятся всякимъ реформамъ въ смыслѣ прочнаго образованія народа; они хотятъ, чтобы для массы оставался лишь выборъ между совершеннымъ невѣжествомъ и библейскою исторіей, объясненною надежнымъ, въ торійскомъ смыслѣ, духовнымъ лицомъ. До самаго 1830 года, то-есть до того времени, когда могущество торіевъ поколебалось, правительство воздерживалось отъ всякихъ жертвъ въ пользу народнаго образованія; въ 1833 году оно начало уже дѣлать нѣкоторыя пособія народнымъ школамъ, наконецъ, въ 1839 г. учреждено было «Бюро образованія» (Board of education), которое могло ежегодно употреблять на поддержку школъ до 30,000 фунтовъ стерл.

Результаты такой политики не трудно было предвидѣть. Несмотря на необыкновенное развитіе промышленности въ Англіи, несмотря на увеличеніе размѣровъ фабричнаго производства въ началѣ XIX столѣтія, число бѣдныхъ въ этой странѣ увеличилось до того, что государство, для вспомошествованія имъ, должно было, какъ мы видѣли, ежегодно тратить около восьми милл. фунт. стерл. (около 200 мил. франк.) *. И при такой громадной цифрѣ подаяній, города и селенія Англіи представляли весьма печальную картину бѣдности и невѣжества рабочаго класса.

Что же сдѣлали высшіе, просвѣщеннѣйшіе классы англійскаго общества для устраненія зла? Не углубившись въ самую сущность, въ самыя причины зла, они — эти просвѣщенные классы общества — стали ратовать противъ его послѣдствій. Видя, что милостыня, раздаваемая бѣднымъ, достигла страшной цифры, что часть ея попадаетъ въ карманы инспекторовъ по благотворительной части, или пропивается самими бѣдняками, они уменьшили оффиціальную милостыню и обставили ея получение такими тяжелыми условіями, что не всякій могъ рѣшиться принять ее. «Бѣдность есть тяжкій проступокъ, за который виновный долженъ быть наказанъ» — вотъ принципъ, положенный въ основу новаго закона о бѣдныхъ (1835 г.). По этому закону, помощь на дому прекращается; лица же, нищета которыхъ доказана, должны

* Уже въ 1818 году Робертъ Овенъ доказывалъ, что изобрѣтеніе, во второй половинѣ XVIII вѣка, механическихъ ткацкихъ станковъ и паровыхъ машинъ увеличило промышленную производительность Англіи въ двѣдцать разъ. (Соч. Добролюбова. IV, 40).

идти въ рабочій домъ (Work house) и тамъ искупать свой грѣхъ, бѣдность, тяжкими принудительными работами. За немѣняемъ полезныхъ занятій, бѣдняки, осмѣлившіеся прибѣгнуть къ общественной благотворительности, должны иногда вертѣть по цѣлымъ днямъ жернова на ручной мельницѣ — то-есть исполнять трудъ, на который древніе осуждали провинившихся въ чемъ-нибудь невольниковъ. Семья своей бѣднякъ въ рабочемъ домѣ не видятъ, ибо жена его помѣщается въ особомъ отдѣленіи, дѣти — въ особомъ. Пища самая скудная, совершенно недостаточная для здороваго человѣка, обращеніе самое суровое. Словомъ, употреблены всѣ мѣры для того, чтобы возбудить въ рабочихъ полнѣйшее отвращеніе къ общественной благотворительности. Лишившіеся заработковъ, бѣдняки весьма неохотно поступаютъ въ рабочій домъ, и только невыносимая, жгучая нужда можетъ ихъ къ тому принудить; чтобы избѣжать этой благотворительной тюрьмы съ ея безцѣльнымъ, принудительнымъ трудомъ, рабочіе готовы принимать отъ хозяевъ самыя невыгодныя условія.

Болѣе важныхъ мѣръ къ уничтоженію нищеты правительство не предприняло; оно предоставило самому прелетарію собственными силами выбиваться изъ бѣдственнаго положенія. «Мы не виноваты — такъ рассуждали господствующіе въ Англіи классы общества — мы не виноваты въ бѣдствіяхъ, испытываемыхъ рабочими; винить во всемъ слѣдуетъ историческія условія, подъ вліяніемъ которыхъ сложилась жизнь англійскаго общества; современное поколѣніе искушаетъ ошибки и грѣхи предковъ».

Конечно, грѣхи и ошибки предковъ тягостны и для потомства; еслибы въ былыя времена больше сдѣлано было для благосостоянія и образованія народныхъ массъ, то простому народу жилось бы теперь легче: но все же должно сказать, что лишеній и страданій досталось по наслѣдству гораздо больше простому народу, чѣмъ аристократіи и буржуазіи. Въ рукахъ землевладѣльческой и промышленной аристократіи сосредоточились всѣ земли, всѣ капиталы, все политическое и моральное вліяніе. Ясно, что такія преимущества налагали на нихъ извѣстный рядъ обязанностей относительно бѣднѣйшихъ классовъ общества. Во всѣ времена сильные, лучшіе люди сознавали свою нравственную обязанность оказывать поддержку слабымъ; сознается она многими и въ нашъ вѣкъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, имѣетъ еще поклонниковъ теоріи, провозгласившая, что слабые должны быть предоставлены самимъ себѣ, что поддерживать ихъ значитъ посягать на ихъ нравственную свободу. Предоставьте общественную жизнь ея собственному теченію, и тогда сама собою устроится желанная гармонія интересовъ всѣхъ людей. Безспорно, принципъ свободы

личности долженъ быть положенъ въ основу общественной жизни; но въ такомъ случаѣ, зачѣмъ же заперать для представителей рабочаго народа двери парламента, зачѣмъ лишать большинство народа политическихъ правъ? Чтобы свобода личностей и соперничество ихъ принесли желанную пользу, необходимо, чтобы силы или, по крайней-мѣрѣ, права личностей были уравнены. Скажутъ: народъ не можетъ пользоваться политическими правами, онъ будетъ злоупотреблять ими, ибо еще очень невѣжественъ. Но когда же онъ сдѣлается просвѣщеннѣе? какими средствами? Опытъ показалъ, что въ массахъ народа очень много силы воли, много самоотверженія для того, чтобы выбиться изъ нищеты, доказательствомъ могутъ служить многочисленныя общества рабочихъ, составляющіяся въ Англии для взаимнаго вспоможенія, для общаго потребления, для совокупнаго производства. Невозможно вычислить, сколько лишений добровольно внесли рабочіе для того, чтобы, отлаживая по копейкамъ изъ своего скуднаго заработка, составить потребный капиталъ для организаціи всѣхъ этихъ обществъ, увеличивающихся съ каждымъ годомъ; нельзя надвинуться энергіи, съ какою они работаютъ для коллективныхъ интересовъ. Но именно для просвѣщенія своего они дѣлаютъ всего менѣе, по той простой причинѣ, что, чѣмъ невѣжественнѣе человекъ, тѣмъ меньше онъ чувствуетъ нужду въ просвѣщеніи. Иначе и быть не можетъ. Вотъ почему лучшіе, образованнѣйшіе люди въ каждомъ государствѣ сознаютъ свою великую обязанность способствовать просвѣщенію народныхъ массъ. Необходимо только при этомъ, чтобы въ основу образования положены были не феодальныя, не средневѣковыя моральныя и политическія воззрѣнія, а начала гуманной, христіанской нравственности и политики. Необходимо также, чтобы содѣйствіе образованнѣйшихъ классовъ общества невѣжественнымъ не имѣло характера милостыни, подачи, а было плодомъ твердаго внутренняго убѣжденія. Необходимо, чтобы каждый членъ общества пришелъ къ сознанію, что интересы всѣхъ людей солидарны между собою, что невозможно пользоваться благосостояніемъ матеріальнымъ и духовнымъ, и въ то же время равнодушно смотрѣть, какъ милліоны людей гибнутъ въ нищетѣ и невѣжествѣ; необходимо сознавать, что общество существуетъ для возможно-полнаго благосостоянія всѣхъ и cadaго.

Всѣ эти условія не представляютъ собой ничего невозможнаго. Никогда и никто серьезно не отрицалъ существованія въ человѣкѣ симпатіи, чувства любви къ ближнимъ. Всѣ законодатели, болѣе или менѣе, опирались на эту симпатичную сторону челоѣческой натуры; ею поддерживается общество. Но можно возразить:

«Принципъ христіанской любви къ ближнимъ, конечно, долженъ служить основой какъ частной, такъ и общественной жизни; онъ и примѣняется болѣе или менѣе; желать большаго, значить впадать въ область утопій». Отвѣтомъ на эти слова можетъ служить жизнь одного замѣчательнаго человѣка, посвятившаго себя благу бѣднѣйшихъ рабочихъ классовъ; я говорю о Робертѣ Овенѣ.

Овенъ родился въ 1771 году въ Ньютонѣ, отъ бѣдныхъ родителей. Въ ранней молодости онъ посвятилъ себя торговлѣ и, не получивъ основательнаго научнаго образованія, восполнилъ этотъ недостатокъ тщательнымъ изученіемъ практической жизни. Своею дѣятельностію, честностію, настойчивостію въ трудѣ Овенъ приобрѣлъ уваженіе всѣхъ, кто только зналъ его. Тридцати лѣтъ отъ роду онъ женился на дочери одного манчестерскаго фабриканта Дѣла, который принялъ его въ компаніоны по большой ньюленѣрской фабрикѣ, на берегахъ Клейда въ Шотландіи. Фабрика находилась въ самомъ плачевномъ положеніи; не было въ ней ни богатствъ, ни цвѣтущей индустріи. Рабочее населеніе этой мѣстности было крайне грубо, бѣдно, невѣжественно; это былъ всякій сбродъ, оказавшійся негоднымъ въ трехъ королевствахъ, составляющихъ Англію.

Главною задачею своею Овенъ поставилъ вырвать рабочихъ изъ ихъ плачевнаго положенія. Чтобы достигнуть этой цѣли, нужно было сперва рѣшить вопросъ: по своей винѣ сдѣлались рабочіе дурными, или по причинамъ, независящимъ отъ ихъ воли? Рѣшивъ вопросъ этотъ въ послѣднемъ смыслѣ, Овенъ пришелъ къ убѣжденію, что улучшить нравственность людей, съ которыми свела его судьба, можно только устраненіемъ причинъ, отъ которыхъ они сдѣлались дурными. А такъ-какъ, наказанія и стѣсненія дѣйствуютъ не на причину зла, а на его слѣдствіе, то онъ отвергъ всякое наказаніе (равно какъ и награды), и сталъ дѣйствовать на рабочихъ только своимъ добрымъ примѣромъ, взаимнымъ поощреніемъ, благопріятною окружающею средою, особенно же неистощимою личною добротою своею, безпредѣльною любовію къ ближнимъ, которою былъ пронинуть. Скоро обнаружались прекрасные плоды такого воспитанія. Видя, что хозяинъ ихъ не обманываетъ, рабочіе получили къ нему довѣріе; они не только не препятствовали Овену парализировать вредныя дѣйствія содержателей кабаковъ, старавшихся спавать народъ, но и сами помогали ему. Пьянство было изгнано, и стало считаться великимъ порокомъ въ Нью-Ленѣрѣ. Уровень нравственности возвысился, рабочіе стали бережливѣе, богаче, получая почти прежнюю плату; фабричное дѣло пошло отлично,

доходи фабриканта увеличились необыкновенно. Давая рабочимъ задатки, Оуэнъ поощрялъ ихъ къ закупкѣ нужныхъ припасовъ большими количествами и къ обширному хозяйству съобща.

Кромѣ прядальной фабрики, въ Нью-Ланерѣ были и другія мастерскія. Для удобства всѣхъ рабочихъ этой мѣстности, Оуэнъ устроилъ на свой счетъ училище на 600 воспитанниковъ, гдѣ система его имѣла такіе же благіе результаты. Дѣти учились основнымъ началамъ практическихъ наукъ, изощрили эстетическое чувство свое пѣніемъ, музыкой, и приобрѣтали тѣлесную крѣпость гимнастическими упражненіями. Воспитанники не получали ни наградъ, ни наказаній, не приобрѣтали также никакихъ свѣдѣній въ катехизисѣ и, несмотря на то, были примѣромъ доброй нравственности и прилежанія. Уже по истеченіи четырехъ лѣтъ, колонія отличалась благосостояніемъ и образованіемъ. Тысячи путешественниковъ ежегодно посѣщали счастливое селеніе и дивились созданію Оуэна. Самъ русскій императоръ Николай I, посѣтившій Оуэна, не могъ отказать ему въ удивленіи и сочувствіи.

Ободренный успѣхомъ, Оуэнъ выступилъ теоретическимъ и практическимъ реформаторомъ общественныхъ отношеній. Прежде всего обнародовалъ онъ (въ 1812 г.) свои воззрѣнія въ брошюрѣ: «Объ образованіи человѣческаго характера». «Человѣкъ — говоритъ въ ней Оуэнъ — во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ зависитъ отъ окружающихъ его обстоятельствъ. Полной, абсолютной свободы не существуетъ и никогда не существовало. Поэтому человѣкъ не можетъ нести отвѣтственности за то, что у него дурной характеръ и ложныя убѣжденія. Равнымъ образомъ, и всѣ практическія послѣдствія развитія ума или воли не должны быть относимы прямо къ винѣ отдѣльной личности, а должны быть приписаны дѣйствію тѣхъ же обстоятельствъ. Измѣненіе человѣческаго характера возможно, слѣдовательно, только при перемѣнѣ той общественной обстановки, въ которой живетъ человѣкъ. Эта послѣдняя перемѣна должна быть совершена посредствомъ улучшенія матеріальнаго быта массъ и посредствомъ воспитанія новыхъ поколѣній на совершенно новыхъ началахъ». Итакъ, по воззрѣнію Оуэна, нѣтъ въ мірѣ виноватыхъ, достойныхъ казни; есть только несчастные, неполучившіе достаточно хорошаго воспитанія, окруженные съ дѣтства дурными примѣрами, словомъ люди, не имѣвшіе возможности выработать въ себѣ честный характеръ. Добродѣтельные же люди, это счастливыя, получившіе отъ Бога сердце, воспріимчивое ко всему доброму и прекрасному, да къ тому же и окруженные благоприятными условіями для выработки въ себѣ чистаго, добраго характера. Какъ

первыя не заслуживаютъ казней, такъ послѣдніе — виѣшнихъ наградъ. Не наказывать, а исправлять слѣдуетъ порочныхъ и преступныхъ людей, а исправить ихъ можно только давъ имъ умственное и нравственное образованіе, приучивъ ихъ къ труду, словомъ измѣнивъ обстановку ихъ жизни. Въ другомъ своемъ сочиненіи, представленномъ ахенскому конгрессу, Овэнъ предлагаетъ нѣкоторыя практическія мѣры, могущія облегчить участь рабочихъ во всей Европѣ. По его мнѣнію, необходимо отказаться отъ огромныхъ, чисто-мануфактурныхъ центровъ, служащихъ мѣстомъ игры громадныхъ капиталовъ и имѣющихъ развращающее, унижающее и разоряющее вліяніе на массу рабочаго населенія. Вмѣсто ихъ Овэнъ предлагаетъ завести небольшія общины, которыя были бы устроены на основаніи выработанныхъ имъ началъ, въ видѣ промышленно-земледѣльческихъ ассоціацій. Этой радикальной мѣрой Овэнъ думалъ отвратить бѣдствіе пролетаріата, избавивъ массу населенія отъ необходимости отдавать свой трудъ въ распоряженіе богатыхъ спекуляторовъ. Въ подтвержденіе возможности успѣшнаго существованія такихъ общинъ, Овэнъ указывалъ на Нью-Лэнэръкъ. Но ахенскій конгрессъ былъ слишкомъ занятъ различными дипломатическими вопросами и не имѣлъ времени подумать объ улучшеніи быта рабочихъ классовъ. Проектъ остался безъ послѣдствій на конгрессѣ.

Съ 1818 года начинается для реформатора жестокая борьба, вмѣсто того триумфа, которымъ онъ пользовался нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ. Заявляя требованіе объ уменьшеніи числа часовъ работы на фабрикахъ и объ опредѣленіи возраста, раньше достиженія котораго нельзя принимать дѣтей на фабрику*, Овэнъ не имѣлъ еще особенно большихъ неприяностей; но требованіе безусловной религіозной терпимости въ школьномъ преподаваніи возмутило клерикаловъ и приверженцевъ высокой (англиканской) церкви.

Робертъ Овэнъ могъ искать себѣ поддержки въ радикальной партіи, но и тутъ повредила ему прямота и откровенность. Въ простотѣ сердца онъ имѣлъ смѣлость объяснить раввикаламъ, что замышляемая ими парламентская реформа неважна, что она недостаточна для облегченія бѣдствій народныхъ массъ.

Основавъ въ Шотландіи, Ирландіи и Англій нѣсколько новыхъ колоній по образцу нью-лэнэръкской общины, Овэнъ удаленъ въ

* Овэнъ требовалъ, чтобы дѣти ранѣе десятилѣтняго возраста не были принимаемы на фабрики, и чтобы дѣти, принятые на фабрики, работали не болѣе десяти часовъ въ день.

Америку, думая тамъ найти больше релігіозной терпимости, больше людей, способныхъ осуществить его принципы. Основанная имъ на рѣкѣ Вѣбашѣ (въ штатѣ Индіанѣ) колонія долгое время процвѣтала; несмотря на то, что на кличъ реформатора въ Нью-Гармони собрался народъ самый непорченный, Овэнъ умѣлъ образовать изъ него хорошихъ рабочихъ. Особенно дѣти быстро измѣнялись къ лучшему. У Овэна были усовершенствованы всѣ методы воспитанія, и онъ умѣлъ отъ юношей добиться дружной и старательной земледѣльческой работы. Горсть образованныхъ людей, послѣдовавшихъ за Овэнномъ, принялась по его внушеніямъ образовывать и смягчать грубость этого, почти дикаго, населенія. Здѣсь давались балы, концерты, вечера; самыя низкія работы перемѣшивали съ самыми деликатными. Овэнъ слишкомъ поторопился, слишкомъ понадѣялся на правоту своихъ взглядовъ, и потерпѣлъ въ Нью-Гармони неудачу. Онъ убѣдился, что не всѣ усвоили его ученіе, что въ колоніи образовалась ватага лѣвтяевъ, старавшихся только воспользоваться выгодами общинной жизни, отклонивъ отъ себя ея обязанности. Увидѣвъ, что расходы не покрываются доходами, Овэнъ закрылъ предпріятіе, отказавшись отъ вознагражденія за свои затраты на него. Скоро встрѣтилъ Овэнъ новыя непріятности: онъ долженъ былъ выдержать борьбу съ методистомъ фанатикомъ Кэмпбелемъ, путешествовавшимъ по Америкѣ и проповѣдивавшимъ крестовый походъ противъ Овэна и его послѣдователей.

Не найдя поддержки, даже терпимости въ Америкѣ, реформаторъ возвратился въ Европу. Здѣсь онъ узналъ, что основанное имъ въ Лондонѣ кооперативное общество чрезвычайно дѣятельно стремилось къ осуществленію его теорій. Въ Дублинѣ, Брайтонѣ, Ливерпулѣ, Манчестерѣ, Глазго и другихъ городахъ учреждены были отдѣленія этого общества. Вскорѣ основана была новая колонія, на началахъ Овэна, близъ Дублина, подъ управленіемъ Комба. Колонія эта процвѣтала до 1827 г., то-есть до смерти Комба.

Съ 1829 года реформаторъ сталъ встрѣчать особенно сильный отпоръ своей пропагандѣ въ высшихъ слояхъ общества. Союзниками его остались одни лишь рабочіе, да и между ними весьма немногіе понимали сущность новаго ученія. Въ послѣдніе годы жизни Овэнъ ограничился пропагандою своихъ идей посредствомъ публичныхъ чтеній и брошюръ. И въ этомъ онъ былъ неутомимъ; число рѣчей, имъ сказанныхъ, считается тысячами.

Какъ ни мало нашелъ реформаторъ послѣдователей между высшими, образованными классами общества, все же мысль его

не умерла: ей обязана Англія большею частію существующихъ нынѣ многочисленныхъ рабочихъ ассоціацій.

Овэнъ не имѣлъ полнаго успѣха, но не потому, что его идеи несостоятельны, а потому лишь, что противъ него возстали представители укоренившихся привилегій и злоупотребленій; а въ средѣ рабочихъ онъ не нашелъ достаточно просвѣщенныхъ помощниковъ.

Усиленная работа общества налъ вопросомъ объ улучшеніи быта народныхъ массъ способствовала нѣкоторымъ замѣчательнымъ преобразованіямъ въ податной системѣ Англіи. Въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ Англія нашла средство значительно удешевить самый необходимый для каждаго товаръ — хлѣбъ.

До XV столѣтія заграничный хлѣбъ былъ запрещенъ къ привозу въ Англію; въ слѣдующія за тѣмъ столѣтія онъ обложенъ былъ высокими пошлинами. Въ XVIII вѣкѣ хлѣбъ допущенъ былъ къ привозу только въ томъ случаѣ, когда на туземномъ рынкѣ онъ достигалъ 57 шиллинговъ за квартеръ*. Но и этого показалось землевладѣльцамъ мало. Въ 1815 году, когда страна была весьма истощена, когда государственный долгъ ея возросъ до 840 милліоновъ фунтовъ стерл., а проценты долга до 32 милліоновъ фунт.; въ то время, когда пауперизмъ въ Англіи достигъ весьма видныхъ размѣровъ, изданъ былъ законъ, охарактеризованный названіемъ «голоднаго закона» (Famine law), дозволявшій ввозъ хлѣба изъ чужихъ краевъ лишь въ томъ случаѣ, когда цѣна пшеницы на туземномъ рынкѣ достигнетъ *восемьдесяти шиллинговъ* за квартеръ. Благодаря этому закону, землевладѣльцы увеличили въ своихъ имѣніяхъ арендную плату, и въ теченіе 15-ти лѣтъ доходъ съ имѣній упатерился, между тѣмъ, какъ поземельный налогъ оставался такъ же низокъ, какъ и прежде. Народъ поднималъ по временамъ ропотъ противъ хлѣбнаго закона, и министерство Каннинга сдѣлало уступку народнымъ требованіямъ, допустивъ почти безпошлинный привозъ хлѣба при 73 шиллингахъ за квартеръ. Но аристократамъ не нравилась эта уступка, вынужденная у нихъ Каннингомъ послѣ долгой борьбы. Какъ только Каннингъ умеръ, хлѣбный законъ былъ восстановленъ во всемъ прежнемъ своемъ безобразіи.

Терпѣніе народа истощилось, и онъ обнаружилъ наконецъ признаки политической жизни. Послѣ 1828 года къ прежнимъ обществамъ, агитировавшимъ противъ хлѣбнаго закона, присоединилось много новыхъ, особенно когда ту же цѣль стала преслѣ-

* За квартеръ пшеницы.

довать такъ-называемая манчестерская партія, то-есть партія приверженцевъ свободной торговли и дешевизны во что бы то ни стало.

Въ 1838 году во всей Англїи произошелъ сильнѣйшїй финансовый кризисъ, вызвавшїй страшную дороговизну и закрытіе многихъ фабрикъ. Къ этому присоединился еще двухгодичный неурожай. Во всей Англїи былъ страшный голодъ, рабочіе были въ отчаяніи и громко выражали свое неудовольствіе противъ правительства. На одномъ митингѣ въ Манчестерѣ высказано было, между прочимъ: «Хлѣбные законы изданы были противъ воли народа, вопреки его протестамъ, и если существуютъ до настоящаго дня, то потому лишь, что противъ нихъ не производилось никакой сильной, исходящей отъ самаго народа агитаціи». Въ томъ же году, по инициативѣ Кобдена, Смита и Боуринга, основана была обширная ассоціація для противодѣйствія стѣсненіямъ хлѣбной торговли. Въ 1839 году Кобдену удалось убѣдить манчестерскую торговую палату пожертвовать для цѣлей ассоціаціи 3,000 фунтовъ стерлинговъ. Эти 3,000 ф. сдѣлались основнымъ капиталомъ лиги.

Имѣя въ своемъ распоряженіи нѣкоторыя денежные средства, Кобденъ собралъ въ Манчестерѣ депутатовъ отъ всѣхъ ассоціацій противъ хлѣбнаго закона и съ ними отправился въ Лондонъ, чтобъ поддержать члена нижней палаты Вилльерса, наиреваншагося склонить парламентъ къ отиѣнїи ненавистнаго народу закона. Въ назначенный заранѣе день Вилльерсъ представилъ свою петицію, покрытую 10,000 подписей, и въ то же время предложилъ палатѣ «выслушать такихъ свидѣтелей, которые могли бы сдѣлать ей полезныя сообщенія касательно жалобъ, изложенныхъ въ петиціи».

Но палата не пожелала выслушать никакихъ полезныхъ сообщеній и два раза отвергла прошеніе Вилльерса. Депутаты ассоціацій возвратились въ Манчестеръ, гдѣ состоялся новый митингъ. Кобденъ уговаривалъ депутатовъ не унывать и сказалъ между прочимъ: «образуйте великую лигу противъ несправедливостей нашей феодальной аристократіи, и пусть развалины замковъ на Рейнѣ и Эльбѣ укажутъ нашимъ противникамъ на ту участь, которая ожидаетъ ихъ въ случаѣ, если они будутъ продолжать дѣйствовать наперекоръ интересамъ промышленныхъ классовъ. Пусть нашъ союзъ зовется лигою противъ хлѣбнаго закона (anticorn law league). Аристократы стали дѣйствовать противъ агитаторовъ ихъ же средствами: они образовали союзъ подъ именемъ Central Agricultural society of Great Britain and Ireland. Въ изданномъ ими, по этому случаю, манифестѣ гово-

рится между прочимъ: «представители земледѣльческихъ интересовъ не должны терять ни минуты, для противоудѣйствія гибельнымъ планамъ лиги «противъ хлѣбнаго закона». Какъ бы презрѣнны ни были матеріалы, изъ которыхъ составлялась эта лига—искатели приключеній, неизмѣннѣ никакихъ принциповъ, социалисты, имѣющіе черезчуръ высокое о себѣ понятіе—все-таки было бы безуміемъ не сознаться въ томъ, что непрерывная агитація этихъ людей можетъ повести рано или поздно къ великому злу. Лига употребила возможные средства для того, чтобы отравить потокъ общественнаго мышленія и чувствованія. Чтецы ея снуютъ по всей странѣ и проповѣдуютъ о «гнусности» землевладѣльческой монополіи. Хотя эти люди суть не что иное, какъ пустыя головы, однако ложь и бредни ихъ могутъ въ концѣ концовъ показаться истинами, если не вызовутъ противоудѣйствія. Землевладѣльскимъ интересамъ, въ видахъ самосохраненія, остается только прибѣгнуть къ тактикѣ противниковъ, т.-е. образовать союзъ, распространять брошюры, разсылать по всей странѣ многочисленныхъ чтецовъ и т. д.»

Съ конца 1842 г. агитація противъ хлѣбныхъ законовъ приобрѣла новую силу. Лига расходовала въ это время не менѣе 3,000 фунт. стер. въ мѣсяцъ на пропаганду; вліятельнѣйшіе члены лиги, Кобденъ, Брайтъ и др. разъѣзжали по всей Англій, созывали митинги, говорили рѣчи, издавали брошюры, расходившіяся въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ.

Въ 1845 году, къ неурожаю въ Англій и Шотландіи присоединилась болѣзнь картофеля въ Ирландіи. Лига, пользуясь этимъ обстоятельствомъ, стала проповѣдывать, что само провидѣніе высказываетъ свою волю въ непосланныхъ на Англій бѣдствіяхъ, что никто не смѣетъ запираеть гавани Великобританіи для ввоза иностраннаго хлѣба». Давленіе лиги такъ было сильно, что министры, члены палаты, органы журналистики, прежде съ энергіей возстававшіе противъ нея, теперь стали склоняться въ пользу беспошлиннаго привоза хлѣба. Самъ Робертъ Пиль, этотъ столпъ торизма, этотъ сильный защитникъ землевладѣльческихъ интересовъ, объявилъ себя побѣжденнымъ. И кто же былъ его побѣдителемъ? Ричардъ Кобденъ, сынъ бѣднаго поселаннина, пасшій нѣкогда стадо овецъ, а въ зрѣлыхъ лѣтахъ сдѣлавшійся однимъ изъ лучшихъ экономистовъ Англій.

Въ началѣ 1846 г. билль о беспошлинномъ привозѣ хлѣба былъ принятъ нижнею, а потомъ и верхнею палатой. Хлѣбъ подешевѣлъ, заработная же плата вовсе не понизилась и до сихъ поръ стоитъ выше, чѣмъ была до отмѣны хлѣбнаго закона.

Въ 1847 году поднятъ былъ вопросъ объ уменьшеніи числа часовъ работы на фабрикахъ. Аристократы въ парламентѣ вспомнили теперь «о бѣдныхъ рабочихъ, трудящихся до изнеможенія, лишенихъ свѣта и воздуха въ черныхъ фабрикахъ, о бѣдныхъ матеряхъ, которыя отрываются отъ домашняго очага, о бѣдныхъ дѣтяхъ, которыя вырываются изъ родительскаго дома». Благодаря враждѣ, возникшей между аристократами и фабрикантами во время агитаціи противъ хлѣбныхъ пошлей, билль объ ограниченіи часовъ работы прошелъ, и болѣе десяти часовъ въ день фабриканты не имѣли уже права удерживать женщинъ и дѣтей въ мастерскихъ.

Съ вопросомъ объ улучшеніи быта рабочихъ въ Англіи тѣсно связанъ ирландскій вопросъ. Хотя многіе британцы, унаслѣдовавшіе отъ предковъ духъ нетерпимости, и теперь наклонны считать ирландцевъ какою-то отверженною расой, обреченною на вѣчную нищету, грязь и невѣжество, но есть, и тогда были, люди, гуманное чувство которыхъ не допускало такого взгляда. Исторія утверждаетъ, что Ирландія не всегда была странною голода и равнодушія къ нищетѣ. Прежде чѣмъ принадлежать Британіи, она пользовалась въ Европѣ хорошею славой; народъ ирландскій былъ знаменитъ благородствомъ и живостію своего характера, своимъ поэтическимъ даромъ, своею способностью къ искусствамъ и къ наукѣ. Впродолженіе многолѣтняго рабства, Ирландія онѣмѣла, ея народъ потерялъ всю живость ума, всю веселость, которою отличался въ былые дни. Но и при всемъ этомъ матеріальномъ и нравственномъ паденіи народа, въ средѣ и внѣ его были люди, неотчаявавшіеся въ его свѣтлой будущности, въ его возрожденіи.

Несмотря на эманципаціонный билль 1829 года, давшій католикамъ доступъ въ парламентъ, ирландцы имѣли еще много во пьющихъ несправедливостей. Богатѣйшія церковныя имущества Ирландіи оставались еще въ рукахъ протестантскаго духовенства, и 6 миліоновъ ирландцевъ-католиковъ должны были платить еще десятину англиканской церкви, въ то время какъ католическое духовенство и католическія школы, поддерживаемыя частными лицами, владѣли самое печальное существованіе. Протестанты преобладали еще въ администраціи и судѣ; суды присяжныхъ попрежнему составлялись изъ протестантовъ.

Первымъ требованіемъ ирландцевъ, послѣ эманципаціоннаго билля, была отмѣна ненавистой десятины. Оконнелъ, чтобы пресѣчь зло въ самомъ его корнѣ, призывалъ соотечественниковъ къ совершенному отдѣленію отъ Британіи, къ учрежденію особаго, ирландскаго парламента. Слово «*repeal*» сдѣлалось

ловунгомъ всѣхъ ирландцевъ; по всему острову распространились общества, цѣлю которыхъ было содѣйствовать окончательному отдѣленію Ирландіи отъ Великобританіи. Но, несмотря на то, что Оконнель могъ повелѣвать своими соотечественниками, какъ любимый вождь, несмотря на то, что на людныхъ сходкахъ (monster meetings) слову его народъ внималъ точно евангелію, онъ былъ на столько хитеръ, что не преступилъ предѣловъ законности. Не такъ осторожны были многіе изъ его приверженцевъ. Народъ часто отказывался платить десятину; сборщикамъ и полицейскимъ агентамъ, описывавшимъ имущество неплательщиковъ, нерѣдко оказываемо было сопротивленіе; даже убійствами и пожарами истили нерѣдко ирландцы ненавистнымъ «англосаксамъ» за всѣ ихъ пратѣсненія.

Чтобы Ирландію сдѣлать органическою и здоровою частію Соединеннаго королевства, необходимо было совершить въ ней радикальныя церковныя и политическія реформы. Но невѣжество англиканскаго духовенства, все еще пугавшаго общественное мнѣніе мнимою опасностію отъ папизма; недобросовѣстность торіевъ, боившихся за свою власть и за свои кошельки — все это помѣшало осуществленію радикальныхъ преобразованій. Лишь по каплямъ можно было выжимать у парламента цѣлебныя средства противъ тяжелыхъ общественныхъ недуговъ Ирландіи. Ирландскій десятинный билль опять предложенъ былъ палатѣ общинъ министрами вигами; но въ 1838 году билль этотъ вышелъ изъ парламентскихъ преній въ весьма изуродованномъ видѣ. Десятинные сборы, сложенные съ неимущихъ ирландцевъ, перенесены были на землевладѣльцевъ, которые съумѣли ввалить ихъ на бѣдныхъ поселянъ-арендаторовъ, увеличивъ арендную плату. Когда же лордъ Россель захотѣлъ употребить излишки ирландскаго церковнаго дохода на улучшеніе народныхъ школъ, то приверженцы высшей, то-есть англиканской церкви завопили о профанациі, и предложеніе Росселя было отвергнуто парламентомъ. Итакъ, вовсе не диво, что въ Ирландіи никогда, даже по смерти великаго агитатора не умолкало, и до сихъ поръ не умолкаетъ требованіе отдѣленія отъ Британіи; не диво, что голодъ 1846 года *, и французская февральская революція вызвали снова въ Ирландіи рядъ возстаній. Противъ этихъ возстаній, правительство дѣйствовало не устраненіемъ злоупотребленій и неправдъ, а штыками и ядрами. Новый агитаторъ Обринъ (O'Brien) сосланъ былъ, какъ государственный измѣнникъ, въ

* Населеніе Ирландіи въ голодный 1846 и слѣдующіе за нимъ годы до 1851 уменьшилось на два съ половиною милліона (съ 8¹/₂ до 6 м.).

Австралію. И если въ наши дни заговоръ феніевъ имѣеть цѣлю освобожденіе Ирландіи отъ британскаго владычества, то не есть ли это слѣдствіе системы, столь безжалостно поддерживающей церковныя, политическія и соціальныя неправды въ Ирландіи?

Неблагопріятному рѣшенію ирландскаго вопроса много способствовалъ такъ-называемый оранскій союзъ. Основанный во времена Вильгельма III, для поддержанія англійскихъ законовъ и протестантизма, этотъ союзъ обнаруживалъ свою дѣятельность и въ новѣйшія времена, когда поднятъ былъ ирландскій вопросъ. Всѣ торіи примкнули къ оранскому союзу, число членовъ котораго возрасло до 300,000 человекъ. Идеаломъ всей этой партіи былъ герцогъ Кумберландскій, получившій, впоследствии, въ качествѣ ганноверскаго короля, такую печальную извѣстность. Могущественный оранскій союзъ стремился теперь уже не только къ упроченію преобладанія протестантства въ Ирландіи, но и къ сохраненію владычества торіевъ надъ всею Англіей. Со страхомъ помышляли торіи о близкой смерти бездѣтнаго и болѣзненнаго Вильгельма IV, которому, по англійскимъ законамъ, должна была наследовать принцесса Викторія, дочь его старшаго брата, герцога Кентскаго. Такъ-какъ Викторія воспитана была въ принципахъ партіи виговъ, такъ-какъ отъ дяди своего, бельгійскаго короля, она могла заразиться либерализмомъ, то торіи боялись утратить при ней свое вліяніе. Принцъ же кумберландскій, совершенно преданный интересамъ торіевъ, былъ способенъ отстаивать эти интересы съ упрямствомъ Карла X и легкомысліемъ Полиньяка. Оранскому союзу приписываютъ планъ обойти законъ о престолонаслѣдствіи и возвести герцога кумберландскаго на англійскій престолъ. Радикальный Юмъ довелъ до свѣдѣнія парламента происки торійской партіи и потребовалъ закрытія оранскихъ ложъ. Слухи о дѣйствіяхъ и намѣреніяхъ оранжистовъ встревожили общественное мнѣніе до того, что принцъ кумберландскій самъ долженъ былъ распорядиться закрытіемъ этого союза (1836).

Послѣднимъ замѣчательнымъ событіемъ царствованія Вильгельма IV, было освобожденіе невольниковъ въ англійскихъ вестъ-индскихъ колоніяхъ. По биллю, предложенному лордомъ Стэнли, рабовладѣльцамъ, за отпущенныхъ на волю негровъ, присуждено было вознагражденіе въ *пятьсотъ милліоновъ франковъ* (20 милл. фунтовъ стер.). Невольниковъ освобождено было около 639,000, въ которыхъ на одной Ямайкѣ — 322,000. Эта мѣзачательная реформа совершена была не безъ труда. Въ парламентѣ происходили по поводу предложенія Стэнли продолжи-

тельныя и оживленныя пренія. Приверженцы рабства утверждали, что негры, лишеныя всякаго моральнаго и интеллектуальнаго развитія, недостойны «даровъ свободы», что плантаторы обращаются съ своими невольниками такъ гуманно, такъ евангельски-кротко, что положеніе ихъ, то-есть невольниковъ, сносно, мало того — весьма пріятно. Что касается до состраданія и христіанскихъ добродѣтелей сословія плантаторовъ; то все это оказалось вздоромъ; доказательствомъ можетъ служить, между прочимъ, слѣдующій фактъ: въ теченіе двухъ лѣтъ, на островѣ Тринидадѣ и въ Демерарѣ отсыпано было негритянскимъ спинамъ, официально дозволенныхъ, 642,620 ударовъ плетью. Серьезнѣе было то возраженіе, что освобожденные негры не захотятъ продолжать обработку земли и что сахаръ британскихъ колоній не въ состояніи будетъ конкурировать съ колониальнымъ сахаромъ другихъ государствъ, выдѣланнымъ невольниками. Но и это возраженіе оказалось неосновательнымъ. Правда, въ первые годы послѣ утвержденія билля въ переходную для негровъ эпоху (1834 — 1838) производство сахара нѣсколько уменьшилось въ британскихъ колоніяхъ; но уже съ 1840 года оно стало увеличиваться, и въ 1845 году достигло прежней цифры. Правда, многіе негры въ первое время по освобожденіи отказывались отъ работъ на плантаціяхъ; но только потому, что плантаторы предлагали имъ за трудъ ничтожную плату. Освобожденные негры съ большою охотой пріобрѣтали, при первой возможности, небольшіе участки земли и съ необыкновеннымъ усердіемъ обрабатывали свою собственную землю. Моральныя послѣдствія освобожденія были еще утѣшительнѣе, чѣмъ матеріальныя. Негры оказались людьми столь же благонравными и столь же жаждущими просвѣщенія, какъ и бритты. Окончательная эманципація 639,000 негровъ въ англійскихъ колоніяхъ совершилась 1-го августа 1838 года; совершилась она въ строгомъ порядкѣ и сопровождалась религіозными торжествами.

20-го іюня 1837 года умеръ король Вильгельмъ; ему наследовала юная принцесса Викторія. Континентальные принцы стали предпринимать, наперерывъ другъ передъ другомъ, путешествія въ Англію; каждый изъ нихъ уповалъ найти больному сердцу своему исцѣленіе въ обществѣ царственной дѣвны. Наконецъ принцъ Альбертъ саксенъ-кобургскій, племянникъ бельгійскаго короля, отличавшійся утонченнымъ образованіемъ и мужествомъ, сдѣлался избранныкомъ сердца королевы; съ нимъ Викторія и вступила въ супружество.

Въ правленіе Викторіи, владычество и торговня связи Англій значительно расширились въ Азіи. Уже съ 1824 года англичане

начали утверждаться въ Задней Индіи; война съ бирманцами доставила имъ Араканъ и Ассамъ, а въ 1852 году — Перу со всѣмъ прилегающимъ къ нему побережьемъ. Успѣхи Россіи въ Средней Азіи побудили англичанъ начать войну съ авганцами, которымъ въ 1839 году англичане дали преданнаго Британіи государя. Но въ 1841 году авганцы возмутились противъ англичанъ и прогнали ихъ войско. Англичане, правда, отмстили авганцамъ: въ 1842 году они разорили города Кандагаръ и Кабуль; но должны были очистить страну. За то въ 1843 году они покорили Синдъ, страну при устьѣ Инда и, послѣ продолжительной войны, овладѣли землею сейковъ, Пенджабомъ, съ городомъ Лагоромъ, гдѣ нашли безчисленные сокровища и въ томъ числѣ знаменитый алмазъ Кохинуръ (гора свѣта).

Споръ изъ-за торговли опиумомъ, запрещенной китайцами, подалъ поводъ къ войнѣ англичанъ съ Китаемъ, во время которой они завоевали Кантонъ, грозили взять Нанкинъ и принудили (1842) китайцевъ къ невыгодному миру. По нанкинскому мирному трактату, англичанамъ уступленъ былъ островъ Гонконгъ; пять китайскихъ гаваней открыты для торговыхъ сношеній; одурающій и расслабляющій нервы опиумъ допущенъ къ привозу въ Китай.

12. Испанія и Португалія.

Начало междоусобной войны въ Испаніи (1838). Донъ-Карлосъ, претендентъ на испанскій престолъ. Правительница Марія-Христина заключаетъ союзъ съ Франціей, Англіей и Португаліей. Эспартеро побѣждаетъ карлистовъ. Мирный договоръ 31 августа 1839. Правительница Христина сближается съ реакционерами. Возстаніе противъ правительницы. Христина присягаетъ на вѣрность конституціи. Благотворная дѣятельность Эспартеро. Вступленіе Изабеллы на испанскій престолъ. Сношенія испанскаго правительства съ Луи-Филиппомъ. Состояніе Португаліи.

Не успѣлъ еще король Фердинандъ VII-й закрыть глаза (1833 г.), какъ апостоліческая партія въ сѣверной Италіи провозгласила королемъ брата его, Донъ-Карлоса, подъ именемъ Карла V-го. Чтобы воспрепятствовать успѣхамъ этой партіи, правительницею Маріи-Христины оставалось прибѣгнуть къ либераламъ. Семилѣтняя война между карлистами и христиносами превратилась такимъ образомъ изъ борьбы за престолъ въ междоусобную войну изъ-за политическихъ принциповъ. Карлисты, благодаря талантамъ своего генерала Цумалакарредуи (Zumalacarréduy), имѣли сначала перевѣсъ надъ своими противниками, но Донъ-Карлосъ все гостилъ еще въ Португаліи у своего любезнаго племянника Дона-Мигуэля и оттуда грозилъ вторгнуться въ Испанію. Чтобы оградить себя, Христина обратилась за помощію къ Англіи

и Франціи. Просьба ея была услышана, и между этими двумя государствами, къ которымъ примкнули Португалія и Испанія, заключенъ былъ такъ-называемый четверной союзъ (24 апрѣля 1834), съ цѣлью поддержать конституціонный испанскій тронъ Изабеллы и португальскій — Маріи да-Глоріи. Въ томъ же 1834 году оба претендента, Донъ-Мигуэль и Донъ-Карлосъ, должны были оставить Португалію. Карлосъ на англійскомъ кораблѣ удался въ Англію, но въ іюлѣ того же года оставилъ ее и черезъ Францію успѣлъ пробраться въ Новарру, чтобы оживить павшій духъ приверженцевъ своимъ «королевскимъ» присутствіемъ. Война вспыхнула снова и продолжалась съ страшнымъ ожесточеніемъ. По смерти Цумамакарреуи, погибшаго 14 іюня 1835. при осадѣ Бильбао, перевѣсъ, повидимому, склонился на сторону христіаносовъ. Но противъ неутомимаго Кабреры, перешедшаго въ лагерь претендента, христіаносы ничего не могли сдѣлать: это былъ весьма искусный вождь въ партизанской войнѣ. Только съ тѣхъ поръ, какъ армія, ратовавшая за конституцію, ввѣрена была генералу Эспартеро, военное счастье перешло на сторону конституціоналистовъ. Въ 1836 году Эспартеро разбилъ карлистовъ въ кровопролитной битвѣ при Луханѣ (Luchana), и затѣмъ, устремившись къ Мадриду, отразилъ нападеніе на этотъ городъ.

Къ военнымъ неудачамъ присоединились еще разногласія и распри въ лагерѣ претендента. Совершенно неспособный и несамостоятельный, Донъ-Карлосъ былъ орудіемъ камариллы, которая, при выборѣ главнокомандующаго, обращала вниманіе болѣе на свѣдѣнія въ катехизисѣ, чѣмъ на военныя способности и стратегическія свѣдѣнія, которая низлагала способныхъ генераловъ и замѣняла неспособными креатурами. Новымъ главнокомандующій Гѣрге былъ нѣсколько разъ разбитъ христіаносами, предводимыми храбрымъ Эспартеро — обстоятельство, значительно охладившее сѣверныя испанскія провинціи къ Карлу. Гѣрге былъ смѣненъ, и начальство ввѣрено хитрому Маротто, врагу камариллы, умѣвшему устоять противъ ея козней только благодаря своимъ побѣдамъ, но и его наконецъ побѣдилъ Эспартеро. 31 августа 1839 г. Маротто заключилъ съ этимъ вождемъ перемиріе, по условію котораго перешелъ со всѣмъ своимъ войскомъ на сторону христіаносовъ, выпросивъ лишь для басковъ и наваррцевъ амнистію и подтвержденіе старинныхъ вольностей. Дѣло Донъ-Карлоса было такимъ образомъ совершенно потеряно. Со многими изъ своихъ приверженцевъ удался онъ во Францію и шесть лѣтъ прожилъ въ Буржѣ, подъ надзоромъ полиціи. Въ 1845 году, получивъ позволеніе выѣхать изъ Франціи, онъ удался въ Италію. Въ 1855 Донъ

Карлосъ умеръ въ Триестѣ. Приверженцы его продолжали борьбу въ Каталоніи подъ предводительствомъ Кабреры, но Эспартеро побѣдилъ ихъ. Междоусобная война окончилась, но борьба партій не прекратилась. Эспартеро получилъ титулъ герцога Витторіа и сдѣлался популярнѣйшею личностію въ Испаніи: даже сама правительница боялась его.

Ни частною жизнію, ни политическою дѣятельностію, Христина не снискала любви и уваженія испанцевъ. Ея либеральныя стремленія были далеко не искренни, и какъ скоро обстоятельства перемѣнились въ лучшему для нея, ея либерализмъ уступилъ мѣсто направленію совершенно противоположному. Въ 1834 году, когда возстаніе карлистовъ наиболѣе грозило трону, Христина назначила первымъ министромъ гонимаго прежде поэта Мартинеса де-ла-Розу и дала странѣ конституцію, которая, впрочемъ, никого не удовлетворила. Послѣ долгой паузы кортесы собрались снова и скоро раздѣлились по прежнему на двѣ враждебныя партіи: умѣренныхъ и прогрессистовъ. Быстро смѣнили другъ друга министры. При безотрадномъ финансовомъ положеніи, прогрессисты, на зло апостолической партіи, требовали уничтоженія монастырей, монашескихъ орденовъ, и конфискаціи ихъ имуществъ, что отчасти и было приведено въ исполненіе. Въ нѣкоторыхъ городахъ происходили кровавыя сцены: много монастырей было разрушено, нѣсколько монаховъ и монахинь убито, толпы безумцевъ прогнаны за границу. Прогрессисты боялись реакціи и хотѣли предупредить ее. Въ большихъ городахъ организованы были возстанія, и программу инсургентовъ была конституція 1812 года. Правительство отвѣтило на эти требованія объявленіемъ осаднаго положенія въ Мадридѣ и распущеніемъ національной гвардіи. Тогда возстаніе вспыхнуло въ лѣтней королевской резиденціи — Ла-Гранхѣ (La Granja), куда, вмѣстѣ со всѣмъ дворомъ, удалилась Христина. Гвардейскіе солдаты ворвались во дворецъ и принудили Христину ввести конституцію 1812 года. Учредительное собраніе пересмотрѣло эту конституцію, и такимъ образомъ составила хартію 1837 года. Христина присягнула на вѣрность новой конституціи, но надѣялась своимъ вліяніемъ на выборы навязать парламенту большинство умѣренныхъ. Когда это ей удалось (въ 1840), то она издала законы, которыми выборъ общинныхъ сановниковъ поставленъ былъ въ зависимость отъ правительства. Это было причиной возстанія въ Мадридѣ и другихъ городахъ. Подавить возстаніе правительница поручила генералу Эспартеро, только-что окончившему свою борьбу

* Торено, Мендизабаль, Истурридъ.

бу съ карлистами; но онъ не согласился быть орудіемъ непріятной народу политикѣ, а только онъ и могъ остановить революціонное движеніе. 16-го сентября 1840 г. Эспартеро назначенъ былъ президентомъ министровъ. Онъ окружилъ себя въ министерствѣ одними прогрессистами и 5 октября предложилъ правительницѣ политическую программу, въ которой требовалъ отміны новаго общиннаго закона, распушенія кортесовъ и удаленія камарильи. При такихъ условіяхъ власть имѣла для Христины мало прелести, а тутъ еще одно весьма-затруднительное обстоятельство: вскорѣ послѣ смерти супруга, Христина увлеклась однимъ красивымъ лейб-гвардейцемъ, съ которымъ прижила кучу дѣтей. Чтобы узаконить эти отношенія, она вступила съ своимъ любимцемъ въ бракъ, а когда увижала, что весьма многіе испанцы недовольны этимъ поступкомъ, правительница предпочла сложить съ себя государственныя обязанности и удалиться во Францію.

Вновь избранные кортесы назначили Эспартеро правителемъ Испаніи, опекуномъ королевы Изабеллы и ея сестры, инфанты Луизы-Фернанды. Эспартеро выказалъ себя достойнымъ такого высокаго поста: во всѣхъ отрасляхъ государственнаго управленія онъ велъ порядокъ и умѣлъ съ достоинствомъ защищать интересы народа отъ чрезырннхъ притязаній папы и клерикаловъ. Но онъ не могъ долго удержать за собою власть. Зная, что Христина, поддерживаемая Луи-Филиппомъ, не жалѣетъ денегъ и труда, чтобы ослабить новое испанское правительство, имъ руководимое, онъ особенно дорожилъ союзомъ съ Англійей, за что завистники и соперники обвиняли его какъ измѣнника интересамъ отечества. Когда Эспартеро велѣлъ бомбардировать возставшую противъ правительства Барселону и тѣмъ подавить мятежъ, недруги обвинили его въ превышеніи власти. Въ 1843 году, на югѣ вспыхнулъ новый мятежъ. Полковникъ Примъ посѣщилъ въ Каталонію и сталъ во главѣ солдатъ, которыхъ Христина привлекла на свою сторону денежными подарками. Но самымъ непримиримымъ врагомъ герцога былъ генералъ Нарваэцъ, высадившійся въ Валенсію и вступившій съ войскомъ въ Мадридъ. Эспартеро, противъ котораго соединились прогрессисты и умѣренныя, увидѣлъ себя покинутымъ, и (26 іюля 1843) отплылъ изъ Кадикса въ Англію, откуда только въ 1848 году воротился на родину.

Въ ноябрѣ 1848 г., тринадцатилѣтняя Изабелла объявлена была совершеннолѣтнею. Принявъ управленіе страной, она назначила Нарваэца президентомъ министровъ, а мать свою Христину призвала въ Испанію. Такимъ образомъ французскому вліянію и интригамъ реакціонеровъ предоставленъ былъ полный

просторъ. Конституція 1837 года была измѣнена въ пользу абсолютизма, свобода печати ограничена, національная гвардія распущена, парламентъ же долженъ былъ ограничиться ризрачнымъ существованіемъ. Чтобы обезпечить за своею династіей вліяніе на Испанію, Луи-Филиппъ, по соглашенію съ Христиной, устроилъ, въ 1846 году, бракосочетаніе королевы Изабеллы съ двоюроднымъ братомъ ея, Францемъ Ассизскимъ, и инфантинъ Луизы съ младшимъ сыномъ своимъ, Монпансье.

Живая, весьма похожая на мать, Изабелла была мужа своего Франца слабымъ и въ физическомъ и въ моральномъ отношеніи, къ тому же невыносимо скучнымъ, а напротивъ прогрессиста, генерала Серрано, милымъ и любезнымъ, такъ что Францъ поневолѣ долженъ былъ осудить себя на отшельническую жизнь въ своихъ охотничьихъ замкахъ; супруга же его вселилась въ Лагранхъ съ Серрано и другими офицерами. Впрочемъ, согласіе между супругами было опять восстановлено: королева произвела на свѣтъ ребенка, потомъ другаго. Бывшая правительница Христина не оставила своими заботами королевскую чету, но весьма многимъ ея вліяніе на королеву было непріятно въ высшей степени.

Въ Португаліи политическія событія имѣли тотъ же характеръ, что и въ Испаніи. 9-го сентября 1836, когда получено было извѣстіе о происшествіи въ Лагранхъ, народонаселеніе Лиссабона взволновалось не на шутку, въ толпѣ раздались крики: «Да здравствуетъ конституція 1820 года!» Марія да-Глорія должна была назначить министерство («сентябристовъ») и созвать учредительное собраніе, которое въ 1838 году измѣнило конституцію, впрочемъ, въ самомъ умѣренномъ духѣ. Черезъ четыре года послѣ того, эта новая конституція была отмѣнена; отыскана хартія 1826 г. и составлено новое правительство подъ руководствомъ герцога Терсейры и графа Тамара. Истощенная страна снова стала стонать подъ тяжестью налоговъ. Когда же новое возстаніе вспыхнуло въ Португаліи, королева вынуждена была прибѣгнуть за помощію къ тремъ державамъ, съ которыми и заключенъ извѣстный четверной союзъ. Только съ помощію англійскаго флота да испанской сухопутной арміи королева успѣла подавить возстаніе. Подъ управленіемъ даровитаго Салданьи въ странѣ снова водворилось спокойствіе.

НАРОДНЫЕ МОТИВЫ.

I.

Цѣлое лѣто нѣтъ дождика съ неба.
Горе крестьянамъ остаться безъ хлѣба...

Въ небѣ — ни тучки, сухая земля,
Выжжены солнцемъ нагія поля.

Въ полѣ чуть бродить усталое стадо...
— «Дождичка, дождичка только намъ надо,

Чтобъ въ землѣ все полѣзло тотчасъ»...
Молвилъ прохожему староста Власть.

— «Ну, братъ, спасибо, отвѣтилъ прохожій:
Въ землю зарылъ я, по милости божьей,

Ровно трехъ жень своихъ... Будетъ мнѣ адъ,
Если полѣзутъ всѣ жоны назадъ»...

II.

На борзомъ конѣ воевода сказавъ
Домой съ своимъ вѣрнымъ слугою;
Онъ три года ровно дѣтей не видалъ,
Разстался съ женой дорогою.

И въ синюю даль онъ упорно глядитъ,
 Глядитъ и вздыхаетъ глубоко...
 — «Далеко ль еще?» онъ слугѣ говорить,
 Слуга отвѣчаетъ: «далеко!»...

Ужъ старъ воевода; скакать на конѣ,
 Какъ прежде, онъ долго не можетъ,
 Но хотеть узнать поскорѣй о женѣ,
 Его нетерпѣніе гложетъ.

Слугѣ говорить онъ: «скачи ты впередъ,
 Узнай ты, все-ль дома здорово,
 Съ коня не слѣзая, у самыхъ воротъ,
 И мчись ко мнѣ съ вѣсточкой снова.»

И скачетъ безъ усталы вѣрный слуга...
 Скорѣе ему доскакать бы...
 Вотъ видить знакомой рѣки берега
 И садъ воеводской усадьбы.

Узналъ обо всемъ онъ у барскихъ воротъ
 И сталъ, какъ опущенный въ воду...
 Печальныя вѣсти назадъ онъ везетъ
 И жалко ему воеводу.

— «Ну, что?» Воевода скрываетъ свой вздохъ
 И ждетъ. — «Все въ усадьбѣ исправно»,
 Слуга отвѣчаетъ: «лишь только издохъ
 Любимый вашъ соколъ недавно.»

— «Ахъ, бѣдный мой соколъ! Онъ дорогъ былъ мнѣ
 Какой же съ нимъ грѣхъ приключился?»
 — «Сидѣлъ онъ на вашемъ издохшемъ конѣ,
 Съѣлъ падалъ и съ жизнью простился.»

— «Какъ, конь мой буланый? Неужли онъ палъ?
 Но какъ же погибъ онъ, мой Боже!»

— «Когда подъ Николу вашъ домъ запылалъ,
 Сгорѣлъ вмѣстѣ съ домомъ онъ тоже.»

— «Что слышу? Скажи мнѣ, мой теремъ сваленъ,
 Мой теремъ, гдѣ росъ я, женился?
 Но какъ то случилось?» — «Да въ день похоронъ
 Въ усадьбѣ пожаръ привелючился»...

— «О, если тебѣ жизнь моя дорога,
 Скажи мнѣ, какъ брату, какъ другу:
 Кого жь хоронили?» И молвилъ слуга:
 — «Покойную вашу супругу.»

III.

На село вернулся ратникъ,
 Гдѣ лѣтъ пять онъ не бывалъ,
 И пошли кругомъ разспроси:
 — «Гдѣ ты былъ, съ кѣмъ воевалъ?»
 — «На татаръ ходилъ, ребята!»
 Хвасталъ ратникъ.. «На татаръ?»
 И спрашивали парни:
 — «А скажи-ка намъ, Макаръ,
 Коль не трусь ты, то, вѣстимо,
 Одного хотя врага,
 На войну ходивъ къ татарамъ,
 Да убилъ ты, братъ...» — «Ага!
 Точно, браццы, было дѣло.»
 Отвѣчаетъ имъ храбрець:
 «Самъ дивлюсь я, какъ отъ смерти
 Уберегъ меня Творецъ.
 Разъ иду я, братцы, лѣсомъ,
 Глядь—лежитъ передо мной
 Здоровеннѣйшій татаринъ,
 Развалившись подъ сосной.
 Я топоръ хватаю въ руки
 И — хошь въ гробъ сейчасъ, не лгу—
 Отрубилъ врагу я руку,
 А татаринъ—ни гу-гу,
 Все лежитъ. Что, молъ, за даво!
 Видно вѣрнѣйшій человекъ!»

И ему другую руку
Въ тужъ минуту я отсѣлъ,
А татаринъ хошь бы дрогнулъ,
И ногой не шевелилъ...»
— Да ему, кричали парни,
Ты-бы голову срубилъ...»
— «Безтолковые ребята!
Знать, прямне дурни вы;
Какъ я могъ съ нимъ это сдѣлать,
Коль онъ былъ... безъ головы».

ДМИТРІЙ МИНАЕВЪ.

ВЪ ЗАХОЛУСТЫИ И ВЪ СТОЛИЦѢ *.

III.

Подъ этимъ названіемъ помѣщены были мною двѣ статьи въ №№ 18 и 20 «Отечественныхъ Записокъ» прошедшаго 1867 г. Поводомъ къ нимъ послужило мѣсячное пребываніе мое въ деревнѣ, въ одной изъ внутреннихъ губерній, въ теченіе лѣта 1866 года. Одновременно съ этими статьями набросано было мною вчернѣ и продолженіе ихъ, составившее довольно объемистую тетрадь; но я долго не могъ собраться съ временемъ, чтобы придать моимъ дальнѣйшимъ замѣткамъ окончательную отдѣлку и сдѣлать ихъ годными для печатанія. Между тѣмъ, лѣтомъ нынѣшняго 1868 года, мнѣ снова довелось провести пять недѣль въ тѣхъ же самыхъ мѣстахъ, которыя, назадъ тому два года, доставили матеріалъ для моихъ наблюденій сельской жизни. Ходъ этой жизни совершается столь медленно и однообразно, а обычныя явленія ея, при всей ихъ кажущейся простотѣ и несложности, такъ трудно поддаются анализу заѣзжаго наблюдателя, что, вѣроятно, мнѣ немного пришлось бы прибавить новаго къ моимъ прежнимъ бѣглымъ замѣткамъ, еслибы въ нынѣшнемъ году не отяготѣло надъ этою мѣстностію одно изъ тѣхъ бѣдствій, которыми нашъ сельскій народъ изстари привыкъ исчислять время своего скорбнаго житія. Голода, моры и войны, съ ихъ разореніями и усиленными рекрутскими наборами, — вотъ событія, которыми только и обозначалось тысячелѣтнее существованіе нашего народа; одно лишь недавнее освобожденіе отъ помѣщичьей власти составило свѣтлую для крестьянъ эпоху

* Печатаю эту полную живаго интереса статью и предполагаю печатать статью, служащую продолженіемъ настоящей, — считаемъ нужнымъ сказать, что мы не всегда согласны съ воззрѣніями почтеннаго автора, и предоставляемъ себѣ право дѣлать подъ строкою наши оговорки въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ разногласіе коснется чего-либо существенно-важнаго. *Ред.*

въ этомъ ряду тяжкихъ воспоминаній. Въ нынѣшнемъ году, мѣстность, о которой говорилось въ моихъ прежнихъ статьяхъ, терпѣла жестокой голодъ; оба упоминаемые тамъ уѣзда, вмѣстѣ съ сосѣдными уѣздами той же губерніи, принадлежать къ мѣстностямъ, наиболѣе пострадавшимъ отъ прошлогодняго неурожаа. Поэтому, прежде, чѣмъ продолжать печатаніе замѣтокъ, написанныхъ мною вслѣдъ за посѣщеніемъ этихъ мѣстъ въ 1866 г., я намѣренъ сказать нѣсколько словъ о нынѣшнемъ положеніи здѣшнихъ жителей относительно продовольствія и потомъ изложить тѣ общія причины, которыя, по моему мнѣнію, поддерживаютъ бѣдность русскихъ крестьянъ и препятствуютъ имъ предохранять себя отъ послѣдствій неурожая.

Мы, жители Петербурга, имѣемъ довольно смутное понятіе о томъ, въ какомъ именно видѣ обнаруживались въ деревняхъ послѣдствія прошлогодняго неурожаа. Свѣдѣнія, сообщавшіяся въ официальныхъ и частныхъ газетахъ, были весьма между собой разнорѣчивы: одни изъ нихъ говорили только о недостаткѣ продовольствія; другія, шедшія изъ тѣхъ же самыхъ мѣстъ, рисовали самыя мрачныя картины настоящаго голода, сопровождаемаго голодною смертью, самоубійствами и пр. Были и такіе повѣствователи, которыми нынѣшнее бѣдствіе крестьянъ выдавалось чуть ли не выдумкою няглицовъ, или, по крайней мѣрѣ, объяснялось тѣмъ, что наши крестьяне, падкіе на даровщину, обливившіеся и пропившіеся вслѣдствіе упраздненія помѣщичьей власти, охотнѣе готовы протягивать руку за пособіями, чѣмъ добывать себѣ хлѣбъ собственными трудами. Отнюдь не надобно думать, что всѣ эти противоположныя мнѣнія искусственно фабрикуются въ редакціяхъ газетъ, или, что сообщаемые въ нихъ факты умнишенно искажаются официальными и частными доносителями, въ силу данныхъ имъ наставленій. Мнѣ приходилось, на самомъ мѣстѣ бѣдствія и отъ самыхъ очевидцевъ его, слышать объясненія и рассказы, почти столь же разнорѣчивые, какъ и тѣ, которые помѣщались въ нашихъ официальныхъ и частныхъ газетахъ. Все это служитъ только подтвержденіемъ той старой истины, что нѣтъ такого очевиднаго и убѣдительнаго факта, о которомъ нѣсколько свидѣтелей могли бы дать совершенно согласное показаніе, но что, съ другой стороны, въ показаніи каждаго изъ нихъ заключается нѣкоторая, хотя бы и самая малѣйшая доля истины. Помѣщикъ, раздраженный потерей крѣпостнаго права, чиновникъ мѣстной администраціи, помышляющій только о томъ, чтобы удержаться на своемъ мѣстѣ и имѣть при этомъ какъ можно менѣе заботъ и отвѣтственности, купецъ, норовящій извлечь себѣ выгоду изъ общаго стѣ-

свѣнія, молодой полюшникъ гуманныхъ идей, прочитавшій много прекрасныхъ книгъ, но вовсе незнакомый ни съ сельскимъ бытомъ, ни съ извилинами человѣческаго сердца, наконецъ, крестьянинъ, дожащійся свать съ пустымъ желудкомъ и видащій во снѣ кули ржи и пачки ассигнацій, обильно притекающіе къ нему въ видѣ пособій изъ царской казны или отъ добродѣтельныхъ дателей, — всѣ эти люди будутъ описывать нынѣшнее бѣдствіе весьма различными чертами и объяснять его весьма несходными причинами, и при этомъ каждый изъ нихъ будетъ чистосердечно убѣжденъ, что въ его-то словахъ и заключается настоящая истина. Каждый видитъ обыкновенно въ описываемомъ имъ предметѣ только то, что соотвѣтствуетъ его личнымъ интересамъ и склонностямъ. Ближайшіе къ народу чиновники нашей администраціи, становые и исправники, хотя и знаютъ иногда дѣйствительное положеніе народнаго продовольствія, но рѣдко считаютъ нужнымъ представлять о немъ начальству вѣрныя свѣдѣнія. Дѣлается это наичаще не вслѣдствіе какого-либо умысла, а просто въ силу столь общаго у насъ нерадѣнія и по привычкѣ всегда и во всемъ отдѣлываться одними бессмысленными формальностями. Еслибы какой-нибудь становой и сумѣлъ составить обстоятельный и достовѣрный отчетъ о состояніи народнаго продовольствія въ его станѣ, то онъ не сдѣлаетъ этого потому, что впередъ увѣренъ, что его донесеніе, не обративъ на себя ничьего вниманія, безслѣдно пропадетъ въ архивѣ губернаторской канцеляріи и даже можетъ навлечь ему замѣчаніе начальства, за обремененіе его излишнею и неумѣстною перепискою. О такихъ фактахъ, какъ народное продовольствіе, народное здравіе, степень личной и имущественной безопасности въ глубинѣ уѣздовъ, губернское начальство находится наичаще въ полнѣйшей невѣдѣнности, до той поры, когда, вслѣдствіе какой-нибудь случайности, возникшей въ Петербургѣ, вдругъ потребуются отъ него немедленныя донесенія. Тогда становые и исправники съ изумительною быстротою составляютъ свѣдѣнія, въ которыхъ жерѣдко доносятъ объ умолотѣ хлѣбовъ, стоящихъ еще на корню, или рапортуютъ въ половинѣ мѣсяца о числѣ умершихъ отъ эпидеміи за цѣлый мѣсяць. На основаніи подобныхъ свѣдѣній, въ канцеляріяхъ губернаторовъ составляются отчеты, въ которыхъ съ полною ясностію усматривается только одно обстоятельство, именно, что мѣрами, заблаговременно принятыми губернскою администраціею, мѣстное населеніе спасено отъ угрожавшаго ему бѣдствія. Какъ въ этомъ случаѣ, такъ и во множествѣ ему подобныхъ, вина не столько въ отдѣльныхъ лицахъ, составляющихъ администрацію, сколько во всей административ-

ной системѣ, при которой и лучшіе люди скоро опускаютъ руки и теряютъ надежду сдѣлать что-нибудь полезное.

Въ настоящемъ моемъ разсказѣ я намѣренъ передать только то, что видѣлъ собственными глазами или узнать, чрезъ многократныя распросы и взаимную провѣрку, отъ непосредственныхъ свидѣтелей описываемыхъ здѣсь фактовъ. При этомъ я долженъ предупредить читателей, что посѣщенныя мною деревни принадлежатъ, по сознанию самихъ крестьянъ, къ наименѣе нуждавшимся въ этихъ двухъ уѣздахъ; самая большая нужда существовала въ волостяхъ, лежащихъ на противоположномъ краю этихъ уѣздовъ, а также въ двухъ другихъ уѣздахъ той же губерніи, гдѣ мнѣ вовсе не пришлось быть. Такимъ образомъ мое описание будетъ относиться только къ небольшому пространству четырехъ или пяти волостей, о положеніи которыхъ я могъ судить частію по собственному наблюденію, частію по разсказамъ ихъ жителей.

Неурожаѣ 1867 года коснулся здѣсь собственно озимаго хлѣба, составляющаго у насъ основу народнаго продовольствія; яровые же хлѣба были большею частію удовлетворительны, хотя и нѣсколько хуже обыкновенныхъ. Въ лучшихъ имѣніяхъ этихъ уѣздовъ помѣщики не досчитались по крайней-мѣрѣ одной трети обыкновеннаго здѣсь урожая ржи; въ большинствѣ же хозяйствъ потеря вышла на половину и даже болѣе. Среднимъ урожаемъ ржи надобно считать здѣсь самъ-четыре, но иногда бываетъ самъ-семь и самъ-восемь. Въ моей первой статьѣ я упоминалъ, что въ 1866 году, около 4-го августа, начались здѣсь проливные дожди, замедлившіе уборку полей, производимую здѣсь около того же времени; вслѣдствіе этого и посѣвъ озимыхъ, дѣлаемый крестьянами всегда изъ новаго хлѣба, былъ въ 1866 году произведенъ слишкомъ поздно, что, по мнѣнію нѣкоторыхъ здѣшнихъ жителей, имѣло неблагоприятное вліяніе на урожаѣ слѣдующаго года. Но еще чаще случалось мнѣ слышать, что неурожаѣ 1867 года надобно объяснять холодною и дождливою весною этого года, сопровождавшеюся сильными вѣтрами (около Николаина дня). Въ чемъ бы ни состояла дѣйствительная причина неурожаѣ, она очевидно была на этотъ разъ не мѣстною, а общею для огромнаго пространства, ибо это бѣдствіе одновременно прошло широкою, хотя и прерывающеюся полосою, отъ Архангельской губерніи и Финляндіи до Орловской, задѣвъ и восточную Пруссію.

Недостатокъ продовольствія обнаружился въ описываемой мною губерніи уже осенью 1867 года, хотя и въ различной степени. Въ тѣхъ мѣстахъ, которыя довелось мнѣ посѣтить лично, крестьяне могли обмѣнить собранною рожью всѣ свои озимыя поля; но затѣмъ для ихъ продовольствія осталось уже весьма

малое количество ржи, въ которую они были принуждены подмѣшивать все болѣе и болѣе мякины. На первое время важнѣе для нихъ подспорьемъ служилъ яровой урожай, преимущественно овесъ, который они употребляютъ частію для примѣси въ ржаной хлѣбъ, частію на блины. Ячмень и гречиха сѣются въ одномъ изъ этихъ двухъ уѣздовъ въ ничтожномъ количествѣ, потому что эти хлѣба не выдерживаютъ тумановъ и медовыхъ росъ, которые такъ часты въ этой лѣсной и болотистой мѣстности. Къ февралю 1868 года крестьяне упоминаемой мѣстности, исключая самыхъ зажиточныхъ, съѣли весь собственный запасъ хлѣба. Отселе они начинаютъ проинтиваться только тѣмъ хлѣбомъ, который могли купить на чистыя деньги, или успѣвали добыть въ займы отъ помѣщиковъ и богатыхъ крестьянъ, или же наконецъ получали отъ правительства въ видѣ заемобразнаго пособія. Цѣна ржи стала быстро подниматься, и къ веснѣ ннѣшняго года достигла 10 руб. за четверть. Для покупки хлѣба многіе крестьяне принуждены были продать часть рогатаго скота, составляющаго единственное ихъ богатство; много есть и такихъ, которые продали половину лошадей и остались при одной лошади на работника. Иногда и въ цѣломъ дворѣ не найдется больше одной лошади, ибо еще прежде многіе крестьяне подѣлились и имѣли всего по двѣ лошади на дворѣ. Кромѣ того, за хлѣбъ, бравшійся въ долгъ, крестьяне отдавали въ залогъ мелкимъ городскимъ и сельскимъ торговцамъ свои овчины, армяки, сапоги и все имѣющее какую-нибудь цѣнность въ крестьянскомъ обиходѣ. Въ уѣздномъ городѣ одинъ мелкій купецъ показывалъ мнѣ цѣлый амбаръ, набитый крестьянскою одеждою и холстами, отданными въ залогъ. Мужикъ еще повѣритъ иногда въ долгъ знакомому мужику и безъ залога; но въ городѣ безъ залога, или, какъ говорятъ здѣсь, безъ застави никто не дастъ крестьянину и гарнца хлѣба. Богатые крестьяне, давашіе хлѣбъ въ займы, большею частію не назначали роста; но въ замѣнъ его должникъ обязывался отбить какую-нибудь работу въ полѣ заимодавца. Хлѣбный ростъ и въ обыкновенное время бываетъ довольно значителенъ, по 2 мѣры на четверть, т.-е. 25%, за 5 мѣсяцевъ; но во время голода многіе крестьяне считаютъ грѣхомъ брать ростъ хлѣбомъ, хотя требуемая въ замѣнъ его работа часто, по цѣнѣ своей, даже превосходитъ сказанный ростъ. Однако, при здѣшнихъ скудныхъ урожаяхъ, крестьянину все-таки легче отбить работу, чѣмъ отдавать ростъ хлѣбомъ. Кромѣ того, хлѣбные заимодавцы непременно требуютъ отъ мужика угощенія водкой; безъ этого не совершается ни одной подобной сдѣлки. Вотъ почему въ то самое время, какъ крестьянинъ и

вся его семья голодаютъ по цѣлымъ днямъ, кабаки бываютъ по праздникамъ биткомъ набиты народомъ; однако, угощеніе при сдѣлкахъ бываетъ умѣренное, такъ что во все лѣто я видѣлъ здѣсь только одного пьянаго. Впрочемъ, иногда работа, назначаемая въ замѣнъ роста, бываетъ такъ тяжела, что только крайняя нужда заставляетъ крестьянъ принимать такіа условія. Одинъ изъ здѣшнихъ волостныхъ старшинъ, человѣкъ весьма зажиточный, арендующій значительныя земли у помѣщиковъ, соглашается иногда платить подати за нѣкоторыхъ крестьянъ; но при этомъ, какъ говорили мнѣ крестьяне, если онъ заплатитъ за кого 10 р., то деньги возврати ему само собой, да работы сдѣлай на десять же рублей. Крестьяне, имѣвшіе хоть какія-нибудь денежные средства, предпочитали покупать хлѣбъ на наличныя деньги отъ мелкихъ сельскихъ промышленниковъ, т.-е. дворянъ, держателей мельницъ и т. п. При покупкѣ на наличныя деньги, эти продавцы довольствовались небольшимъ барышомъ, какиъ-нибудь гривенникомъ съ пуда. Крестьянину выгоднѣе было дать лишній гривенникъ съ пуда ближнему торговцу, чѣмъ терять время на поѣздку въ городъ.

Помѣщики большею частію распродаютъ свои запасы еще съ осени, въ руки мелкихъ промышленниковъ. Они жалѣютъ теперь, что послѣдили продажей, не дождавшись высшихъ цѣнъ. Въ декабрѣ прошедшаго года цѣна ржи на мѣстѣ была 8 р. 50 к., а въ апрѣлѣ нынѣшняго года она дошла до 10 р. Въ іюнѣ въ деревняхъ невозможно уже было вовсе купить хлѣба; въ уѣздныхъ же городахъ цѣна его возвышалась съ каждою недѣлею на рубль и болѣе съ четверти: въ началѣ іюня привозный хлѣбъ продавался въ городахъ по 10 р. 50 к., потомъ по 11 р., въ концѣ іюня по 12 р., а въ губернскомъ городѣ одно время доходилъ до 14 р. 50 к. Немногіе изъ помѣщиковъ рѣшались давать хлѣбъ крестьянамъ въ счетъ будущей работы, хотя такіа сдѣлки были бы всего выгоднѣе какъ для крестьянъ, такъ и для помѣщиковъ: первыхъ онѣ избавили бы отъ голоданья, отъ необходимости продавать скотъ и платить за хлѣбъ чрезмѣрныя цѣны или же отдавать въ закладъ свою одежду; помѣщикамъ эти сдѣлки доставили бы дешевыя рабочія руки. По отзывамъ помѣщиковъ, главною причиною, по которой не могли осуществиться подобныя сдѣлки, была необезпеченность условій, заключаемыхъ съ крестьянами. Голодный крестьянинъ, говорятъ они, готовъ на всякое условіе; но какъ только минетъ крайняя нужда и наступитъ время отработывать зайтой хлѣбъ, то начнутся съ его стороны всякаго рода уклоненія и проволочки. Жалобы въ волостное правленіе и волостной судъ

оканчиваются болѣею частью ничѣмъ и только отнимаютъ у помѣщика время. Волостныя власти ограничиваются только склоненіемъ обѣихъ сторонъ въ полюбовнымъ уступкамъ; затѣмъ начинаются новыя уклоненія со стороны крестьянина, новыя жалобы въ волость и новыя вынужденныя уступки со стороны помѣщика. Такимъ образомъ безсудность, царствующая въ нашемъ сельскомъ мѣрѣ, между прочимъ, имѣетъ своимъ прямымъ послѣдствіемъ то, что бѣдствія, столь часто претерпѣваемыя нашими крестьянами, отъ естественныхъ ли причинъ, или же отъ случайныхъ несчастій, не могутъ быть облегчаемы взаимнымъ обѣимъ услугъ между земледѣльцами и помѣщиками; крестьянину остается только голодать, разоряться продажей своего имущества, входить въ неоплатные долги, однимъ словомъ, впасть въ безвыходную нищету.

Избытокъ помѣщичьяго хлѣба, производимаго въ этой губерніи, отправляется къ портовымъ городамъ изъ трехъ существующихъ въ ней пристаней, такъ-какъ на заграничныхъ рынкахъ здѣшній овинный хлѣбъ предпочитается сыромолотному, идущему изъ степныхъ губерній. По отзывамъ нѣкоторыхъ помѣщиковъ, несмотря на скудный урожай 1867 г., хлѣба, собраннаго въ здѣшней губерніи, хватило бы для избавленія мѣстнаго населенія отъ крайняго голода до новой жатвы, еслибы весь урожай съ помѣщичьихъ полей остался въ губерніи и не былъ въ значительнѣйшей части вывезенъ къ портовымъ городамъ. Ныѣшнею весною, несмотря на высокія цѣны въ здѣшней губерніи, въ ней былъ особенно бойкій спросъ хлѣба къ одному изъ нашихъ портовъ. Изъ пристани, лежащей въ одномъ изъ описываемыхъ мною уѣздовъ, отпущено 250 барокъ ржи и овса, т.-е. около 300,000 кулей; изъ другой пристани, находящейся въ сосѣднемъ уѣздѣ, отправленъ къ тому же порту еще болѣе значительный караванъ; всего же изъ трехъ пристаней губерніи ссылавлено вѣроятно не менѣе 800,000 кулей. Конечно, часть этого хлѣба доставлена изъ сосѣднихъ губерній; но если положить, что собственнаго хлѣба здѣшней губерніи было въ этомъ количествѣ только 400,000 кулей, то и этотъ запасъ, оставшійся въ предѣлахъ губерніи, могъ бы спасти отъ голода наиболѣе нуждающіеся уѣзды. Но при необезпеченности условій и совершенномъ отсутствіи взаимнаго довѣрія между помѣщиками и крестьянами, помѣщики предпочитаютъ сбывать свой хлѣбъ огуломъ въ руки кушцовъ, отправляющихъ его къ пристанямъ, чѣмъ раздавать по мелочамъ крестьянамъ, въ счетъ работы, хотя послѣдняго рода сдѣлки были бы гораздо выгоднѣе для помѣщиковъ, ибо доставляли бы имъ дешевыя рабочія руки.

Такое состояніе нашего сельскаго міра безъ преувелченія можетъ быть названо первобытнымъ и неустроеннымъ. Желѣзныя дороги, направляемыя изъ хлѣбородныхъ мѣстностей въ губерніи малопродуктивныя, конечно, могутъ до известной степени облегчить бѣдствіе крестьянъ во время неурожаевъ быстрой подвозкою хлѣба; но за этотъ хлѣбъ крестьянамъ придется платить чистыми деньгами, т.-е., опять-таки продавать свой скотъ или входить въ неоплатные долги, такъ-какъ въ губерніяхъ, подобныхъ описываемой, гдѣ средній урожай не превышаетъ самъ-четырехъ и не существуетъ почти никакихъ промысловъ, у крестьянъ вовсе не имѣется запасныхъ денегъ. Для спасенія себя отъ голода, крестьянину, и при существованіи желѣзныхъ дорогъ, придется разстроивать свое хозяйство на нѣсколько лѣтъ. Между тѣмъ, при существованіи въ странѣ законности и довѣрія, крестьяне въ голодные годы могли бы получить хлѣбъ отъ помѣщиковъ въ зачетъ будущей работы, такъ-какъ здѣшніе помѣщики сильно нуждаются въ рабочихъ рукахъ; хозяйство крестьянина не терпѣло бы разстройства и выигрывала бы мѣстная хлѣбная производительность чрезъ большее напряженіе труда. Вотъ одно изъ ощутительнѣйшихъ доказательствъ той истины, что для благосостоянія всякой страны не столько важны желѣзныя дороги, сколько утвержденіе въ странѣ законности и взаимнаго довѣрія. На эти-то первоначальныя основы цивилизаціи слѣдовало бы обратить у насъ главнѣйшія заботы правительства и общества, для того, чтобы излечь Россію изъ ея нынѣшняго гражданскаго и экономическаго нестроенія. Желѣзныя дороги могутъ обезпечивать продовольствіе жителей только въ мѣстностяхъ мануфактурныхъ, подобныхъ напримѣръ Ярославской, Владимірской и частію Нижегородской губерніи, гдѣ крестьяне могутъ уплачивать за привозный хлѣбъ своими издѣліями. Въ описываемой же губерніи крестьяне, не производя никакихъ мануфактурныхъ издѣлій, существуютъ только своимъ скуднымъ земледѣліемъ и лишь немногіе изъ нихъ отправляются зимою въ извозъ. Съ другой стороны надобно замѣтить, что и крестьяне неохотно и только въ крайней нуждѣ обращаются къ помѣщикамъ для занятія хлѣба, считая условія, предлагаемыя имъ помѣщиками, слишкомъ для себя тяжелыми.

Дѣйствительно, я самъ имѣлъ случай удостовѣриться, какъ тягостны бываетъ для крестьянъ подобнаго рода сдѣлки съ помѣщиками; но такъ всегда бываетъ тамъ, гдѣ вѣрность условій ничѣмъ не обезпечена и не существуетъ правильнаго кредита: условія непременно должны быть тягостны для одной стороны, какъ скоро они рискованы для другой. Въ іюнѣ мѣсяцѣ, когда

у большинства окрестныхъ крестьянъ не только не оставалось уже ни зерна кулшеннаго или хлѣба, но прѣдана была и вся мякина, они толпами приходили къ нѣкоторымъ наиболѣе состоятельнымъ помѣщикамъ, вымаливая въ займы хлѣба. Забравъ однажды въ волостное правленіе послушать разбирательство волостнаго суда, я былъ свидѣтелемъ условій, заключавшихся письменно однимъ помѣщикомъ съ нѣсколькими крестьянами сосѣднихъ деревень. Однимъ онъ давалъ въ займы по кулю, другимъ, менѣе состоятельнымъ, по осьминѣ ржи на дворъ. Занимаемый хлѣбъ долженъ быть возвращенъ изъ перваго же умоота въ нынѣшнемъ году, то-есть не далѣе конца августа; въ противномъ случаѣ воленъ помѣщикъ взять у крестьянина любую скотину. Въ замѣнъ роста, помѣщикъ выговорилъ за каждый куль одного работника на 14 дней молотбы въ началѣ августа. Надобно замѣтить, что эта пора есть самая дорогая для крестьянина: здѣсь онъ долженъ и возить снопы на гумно, и молотить свой хлѣбъ, и обсеменять свое озимое поле, и косить свой покосъ. Работникъ, нанимаемый въ эту пору, стоитъ здѣсь около 50 к. въ день; слѣдовательно 14 дней молотбы надобно цѣнить около 7 рублей. Понятно, что только страхъ умереть съ голоду, не дождавшись новаго урожая, могъ побудить крестьянъ занимать хлѣбъ на такомъ условіи. Между занимавшими были и такіе, у которыхъ во дворѣ всего два и даже одинъ работникъ и которымъ, слѣдовательно, предстоялъ рискъ оставить собственное поле несжатимъ или незасѣяннымъ. Вся надежда такихъ крестьянъ на бабъ, которыя здѣсь и молотятъ снопы, и пашутъ землю. Расчетъ же сказаннаго помѣщика состоялъ въ томъ, что, обазавъ крестьянъ отмолотить ему въ августѣ 14 овинновъ, онъ обмолотитъ даровыми руками весь свой урожай и не будетъ имѣть надобности нанимать осенью и зимою работниковъ для молотбы, которая въ прошедшемъ году обошлась ему до 200 рублей. Условіе это было до того тягостно для крестьянъ, что нѣкоторые изъ нихъ не рѣшились его принять, а другіе согласились только вслѣдствіе безвыходной крайности. Черезъ недѣлю послѣ того я слышалъ отъ крестьянъ, что тотъ же помѣщикъ уже не давалъ болѣе никому ржи, которой у него самаго оставалось немного, но еще ссужалъ нѣкоторымъ голодавшимъ крестьянамъ овесъ. За 4 куля овса онъ требовалъ, въ видѣ роста, скосить и убрать 2 десятины луга, вспахать десятину поля и выставить 4 человекъ на бороньбу, по одному дню на борону; всѣ эти работы требовались въ промежутокъ времени съ конца іюня до половины августа. Такъ-какъ скосить и убрать десятину луга одинъ человекъ можетъ въ 6 дней, а вспа-

хатъ десятину поля въ 3 дна, то условленную работу можно оцѣнить, въ сказанную пору, рублей въ 9; это составляетъ двухмѣсячный ростъ на 4 кула овса, стоявшихъ въ ту пору въ этой мѣстности не болѣе 16 рублей. Такою дорогою цѣною добывали себѣ пропитаніе здѣшніе крестьяне; но такихъ счастливыхъ было немного, ибо немного здѣсь помѣщиковъ, имѣвшихъ у себя запасъ хлѣба; да и тѣ давали его въ займы только крестьянамъ, лично имъ извѣстнымъ и за исправность которыхъ ручалось волостное правленіе. Слѣдуетъ еще добавить, что крестьяне, занимавшіе хлѣбъ у сказаннаго помѣщика, были уже должны ему по прежнимъ займамъ, кто по два, а кто и по 3 кула. Многие изъ нихъ сверхъ того состояли должниками въ волостной запасный магазинъ. Такъ-какъ и въ нынѣшнемъ 1868 году урожай ожидается здѣсь весьма плохой, то, по всей вѣроятности, заемъ, сдѣланный крестьянами у этого помѣщика, растянется на нѣсколько лѣтъ. Условіе взять любую сумму дѣлается больше для острастки крестьянамъ; но помѣщикъ впередъ увѣренъ, что нѣкоторая часть розданнаго имъ хлѣба пропадетъ безвозвратно. Потому-то нельзя не согласиться, что, ссужая крестьянъ хлѣбомъ, въ такое бѣдственное время и безъ увѣренности въ его возвратъ, сказанный помѣщикъ дѣлалъ имъ почти благодѣяніе. Самая тяжесть условленной работы объясняется тѣмъ, что отъ многихъ изъ заемщиковъ помѣщикъ только и получить, что эту работу, назначенную въ видѣ роста, самый же хлѣбъ придется ему скинуть со счетовъ. Конечно, и въ этомъ случаѣ помѣщикъ не останется въ убыткѣ, если принять въ соображеніе цѣнность условленной работы и трудность найти здѣсь рабочія руки. Надобно также вспомнить о всѣхъ досажденіяхъ, испытываемыхъ помѣщиками отъ крестьянъ, о неговорчивости послѣднихъ въ хорошіе годы, о готовности ихъ насолить помѣщику при всякомъ удобномъ случаѣ; въ виду этого нельзя не отдать справедливости тѣмъ помѣщикамъ, которые не отворачивались равнодушно отъ крестьянъ, когда голодъ сдѣлалъ ихъ смиренными и сговорчивыми. Правда, помѣщика, ссужающіе хлѣбъ крестьянамъ, имѣютъ при этомъ и слѣдующее соображеніе: они боятся, чтобы голодъ и отчаяніе не довели крестьянъ до насилія и не подвинули ихъ на разграбленіе помѣщичьихъ магазиновъ. Это соображеніе и побудило многихъ здѣшнихъ помѣщиковъ поспѣшить продажей своего хлѣба еще съ осени, какъ скоро обозначилось, что крестьянамъ предстоитъ голодъ.

Запасные сельскіе магазины были бы въ нынѣшнемъ году истиннымъ спасеніемъ для крестьянъ, еслибы эти магазины су-

ществовали въ дѣйствительности, а не были бы однимъ изъ тѣхъ обмановъ или виѣшнихъ подобій благоустройства, которыми такъ прензобилуетъ русская земля. По закону, въ запасномъ магазинѣ должно быть засыпано по 1 кулю ржи и по осьминѣ овса на каждую ревизскую душу. Еслибы этотъ комплектъ хлѣба существовалъ въ дѣйствительности, то его достаточно было бы для прокормленія мѣстнаго населенія въ теченіе 5 мѣсяцевъ (принимая, что изъ куля ржи получается 9 пуд., а изъ осьмины овса 2 пуда муки, и что, въ крайней нуждѣ, для прокормленія каждой души мужской и женской достаточно по 3 фунта чистой муки въ сутки); стоимость же всего запаснаго хлѣба въ этой губерніи (свыше полумилліона ревизскихъ душъ) равнялась бы, при бывшихъ весной цѣнахъ, болѣе чѣмъ 6 милліонамъ рублей. Никакія пожертвованія и продовольственные капиталы не могли бы замѣнить собою и малой доли такого запаса. Продовольственный капиталъ, какъ бы онъ ни былъ значительнъ, не можетъ обезпечить населеніе отъ голода, ибо его приходится обыкновенно расходовать при самыхъ высокихъ цѣнахъ на хлѣбъ и слѣдовательно приобрѣтать на него сравнительно весьма незначительное количество хлѣба. Продовольственные губернскіе капиталы, отчисленные въ распоряженіе земствъ, на основаніи высочайше утвержденнаго 25-го апрѣля 1866 г. мнѣнія государственнаго совѣта, составляютъ всего по 48 коп. на ревизскую душу временно-обязанныхъ крестьянъ и мѣщанъ (государственные крестьяне въ составленіи продовольственныхъ капиталовъ не участвовали). На эту сумму, при бывшей здѣсь весной цѣнѣ ржи въ 10 руб., можно бы было приобрѣсть только по полтора гарнца на каждую душу, мужскую и женскую, что едва-ли можетъ быть названо обезпеченіемъ продовольствія. Весь продовольственный капиталъ, отчисленный на эту губернію, составляетъ 220,000 руб., слѣдовательно въ 27 разъ меньше той суммы, въ которую слѣдовало бы оцѣнить весь запасъ хлѣбныхъ магазиновъ, еслибы они дѣйствительно заключали узаконенное количество хлѣба. На эти 220,000 руб. можно бы было приобрѣсть только 22,000 кулей ржи, тогда какъ полный комплектъ магазиновъ представлялъ бы полмилліона кулей ржи и четверть милліона кулей овса. Изъ четырехъ извѣстныхъ мѣнъ волостей въ этой мѣстности, въ двухъ вовсе не существуетъ запасныхъ магазиновъ. Въ большинствѣ деревень этихъ волостей магазиновъ не было и прежде, при крѣпостномъ правѣ; въ другихъ деревняхъ магазинный хлѣбъ былъ частію распроданъ помѣщиками, какъ скоро они слышали о готовившемся уничтоженіи крѣпостнаго права, частію разобранъ самими крестьянами,

уже послѣ освобожденія, и съ тѣхъ поръ никогда не пополнялся; даже не осталось и строеній отъ магазиновъ. Между тѣмъ уѣздъ, въ которомъ находятся обѣ эти волости, есть одинъ изъ самыхъ бѣднѣйшихъ въ губерніи и весьма часто терпитъ нужду въ продовольствіи. До сей поры никому не приходило въ голову побудить крестьянъ въ исполненію закона, хотя со времени освобожденія прошло уже 7 лѣтъ, изъ числа которыхъ было нѣсколько урожайныхъ годовъ. Земство, существующее въ этой губерніи уже 3 года, также не обратило вниманія на это обстоятельство, хотя правленіе одной изъ упоминаемыхъ волостей помѣщается именно въ имѣніи предсѣдателя уѣздной управы, который живетъ въ немъ почти круглый годъ. Въ другомъ уѣздѣ мнѣ извѣстны также двѣ волости. Въ одной изъ нихъ магазины существовали только у трехъ помѣщиковъ и, по освобожденіи крестьянъ, были переведены въ общій волостной магазинъ; остальные же деревни этой волости не вспаши въ магазинъ ни одного зерна. Въ нынѣшнемъ году весь хранившійся въ немъ хлѣбъ былъ розданъ, по осмнѣ на ревизскую душу, наиболѣе нуждавшимся крестьянамъ, по усмотрѣнію волостнаго старшины. При этомъ хлѣбъ выдавался и тѣмъ крестьянамъ, которые не участвовали въ заснпѣй магазинна, тогда какъ многіе изъ заснпавшихъ вовсе его не получали. Въ другой волости того же уѣзда изъ магазинна выдано было весной по кулю ржи на душу, но также только наиболѣе нуждавшимся, ибо и въ этомъ магазинѣ далеко не содержалось полнаго комплекта хлѣба.

Описываемая губернія, какъ наиболѣе потерявшая отъ неурожая, послѣ Архангельской (малолюдной по населенію), получила и наибольшія пособія. Кромѣ губернскаго продовольственнаго капитала (220,000 р.), распределеннаго до послѣдней копейки между уѣздами, на губернію ассигновано 900,000 р. изъ общаго продовольственнаго капитала министерства внутреннихъ дѣлъ, и сверхъ того выдано комиссіею для сбора частныхъ пожертвованій и московскимъ ея отдѣломъ: 40,300 р. деньгами и на 173,000 р. хлѣбомъ; слѣдовательно всего губернія получила воспособленія на 1.333,300 р. Впрочемъ, изъ сказанныхъ 900,000 р. было отдѣлено 350,000 р. на производство работъ, съ цѣлью доставленія заработковъ мѣстному населенію, а 200,000 р. оставались еще невзятыми въ теченіе минувшаго лѣта. Такъ какъ въ нынѣшнемъ году большая половина этой губерніи страдала отъ голода, то понятно, что, при всей значительности поименованныхъ средствъ, они, даже и при самомъ лучшемъ ихъ употребленіи, не могли бы обезпечить всѣхъ нуждающихся (въ губерніи 1.140,000 душъ обоюго пола); такъ наприимѣръ, было

счислено, что на 550,000 р., полученныхъ изъ общаго продовольственнаго капитала, можно выдавать въ нуждающихся мѣстностяхъ только по 4 гарнца ржи въ мѣсяцъ на человѣка, включая работниковъ и дѣтей до пятилѣтняго возраста. Но независимо отъ того, въ распоряженіи упомянутыми средствами произшли, по рассказамъ мѣстныхъ жителей, разныя замѣшательства и замедленія, значительно ослабившія ту пользу, которую могли бы получить голодавшіе крестьяне отъ помощи, предоставленной имъ правительствомъ и частными жертвователями. Обвиняютъ въ этомъ земскія управы, которымъ ввѣрено было распоряженіе всѣми предоставленными на продовольствіе губерніи средствами. Такъ напримѣръ, хотя сильный недостатокъ продовольствія обнаружился въ описываемыхъ мною уѣздахъ еще въ началѣ осени 1867 г. и многія озимыя поля остались незасѣянными, тѣмъ не менѣе губернская управа только въ концѣ января 1868 г., то-есть въ самый уже развалъ голода, распорядилась высылкою въ эти уѣзды пособія изъ губернскаго продовольственнаго капитала (около 24,000 р. на каждый изъ двухъ уѣздовъ); да прошло болѣе мѣсяца, пока уѣздныя управы приобрѣли хлѣбъ и приступили къ его раздачѣ. Губернская управа оправдывала такое замедленіе необходимостью ожидать на выдачу продовольственнаго капитала разрѣшенія очереднаго губернскаго собранія, бывающаго обыкновенно въ декабрѣ; но, при столь серьезныхъ обстоятельствахъ, слѣдовало бы созвать чрезвычайное собраніе еще въ самомъ началѣ осени, еслибы губернская управа дѣйствительно заботилась о народномъ продовольствіи: положеніе урожая вполне бываетъ ясно еще въ іюлѣ мѣсяцѣ. Въ распоряженіи деньгами, высланными министерствомъ изъ общаго продовольственнаго капитала, земство также не обнаружило ни быстроты, ни расчетливости. Деньги эти были присланы въ губернскій городъ въ концѣ февраля. Еслибы земство немедленно распорядилось покупкою хлѣба, то оно обошелся бы ему на мѣстѣ не дороже 9 р. за кулъ ржи и 3 р. за кулъ овса, а при законтрактованіи въ сосѣдней губерніи, и еще того дешевле. Въмѣсто того земство и губернское начальство потратили болѣе мѣсяца времени на переписку, требуя отъ волостныхъ старшинъ свидѣній о существующихъ цѣнахъ на хлѣбъ и ведя переговоры съ мѣстными хлѣбными торговцами; губернская же управа хлопотала болѣе всего о земляныхъ работахъ. Первые покупки были произведены уѣздными управами уже въ концѣ марта и началѣ апрѣля. Торговцы, пользуясь такимъ промахомъ земства, брали съ него за рожь по 11 р., а за овесъ по 5 р., наживая на каждый кулъ по 2 р. Вообще здѣсь того мнѣнія, что земство, даже и въ это время,

могло бы сдѣлать покупку хлѣба гораздо экономнѣе. Въ одномъ изъ этихъ уѣздовъ члену управы (изъ дворянъ) выдано было 22,000 р. для закупки хлѣба въ сосѣдней губерніи, гдѣ цѣны стояли значительно ниже мѣстныхъ; между тѣмъ, если вѣрить рассказамъ, онъ приобрѣлъ хлѣбъ, еще по зимнему пути, дорожке, чѣмъ онъ обошелся бы на мѣстѣ. Рассказываютъ еще, будто бы въ другомъ уѣздѣ (не изъ числа мною описываемыхъ) предсѣдатель управы, по настоянію своей жены, поручилъ закупку хлѣба живущему у нихъ гувернеромъ при дѣтяхъ молодому полчачку, изъ студентовъ. Объ этомъ характеристическомъ казусѣ много толковали въ средѣ здѣшней губернской аристократіи, которая, разумеется, интересовалась при этомъ не столько безцеремонностію отношеній нѣкоторыхъ изъ своихъ сочленовъ къ общественному дѣлу (на этомъ пути никто изъ здѣшнихъ аристократовъ другъ другу не уступить), сколько нѣкоторымъ отбѣнкомъ скандала, примѣшаннымъ къ сказанной исторіи. О работахъ, открытыхъ здѣшнимъ земствомъ для прокормленія мѣстнаго населенія, ходятъ также различные слухи. Повторять ихъ я не буду, не разъ убѣдившись на опытѣ, какъ слухи и газетныя корреспонденціи бывають часто далеки отъ истины, и что вѣрить можно только тому, что видѣлъ собственными глазами. Не подлежитъ, какъ кажется, сомнѣнію одно обстоятельство, именно — что нѣкоторые помѣщики этой губерніи, взявъ подрядъ на участки сказанныхъ работъ (они раздавались безъ торговъ), передавали ихъ потомъ другимъ лицамъ, съ полученіемъ отступнаго. Бывъ въ губернскомъ городѣ, я встрѣтилъ одного помѣщика, моего школьнаго товарища; онъ сожалѣлъ, что не догадался также взять подрядъ, чтобы получить потомъ отступнаго, и при этомъ никакъ не могъ понять, что эти отступныя суть куски хлѣба, вырываемые изо рта у голодающихъ работниковъ.

Въ противоположность дѣйствіямъ здѣшняго земства, съ замѣчательною быстротою и распорядительностію дѣйствовалъ московскій отдѣлъ комиссіи для пособія пострадавшимъ отъ неурожая, а также и главная комиссія въ Петербургѣ, состоявшая подъ предсѣдательствомъ Государя Наслѣдника Цесаревича. Московскій отдѣлъ, учрежденный 8 февраля нынѣшняго года, уже 16-го февраля отправилъ въ здѣшнюю губернію 20,000 р., и вмѣстѣ съ тѣмъ распорядился о закупкѣ хлѣба какъ въ этой губерніи, такъ и въ сосѣднихъ съ нею. Купленный отдѣломъ хлѣбъ уже съ первыхъ чиселъ марта сталъ доставляться въ нуждавшіеся уѣзды этой губерніи, такъ что наибольшая его часть получена еще по зимнему пути и по цѣнамъ значительно низшимъ, чѣмъ тѣ, по которымъ закупало хлѣбъ мѣстное земство.

Вообще коммисіи и московскій ея отдѣлъ оставили по себѣ свѣтлую память. Высокое и любезное Россіи имя, стоявшее во главѣ коммисіи, внушало жертвователямъ особое въ ней довѣріе, такъ что пожертвованія, особенно въ Петербургѣ, стекались съ невиданною у насъ дотошѣ щедростію; быстрота же, расчетливость и добросовѣстность дѣяній коммисіи и отдѣла вполне оправдали возлагавшіяся на нихъ надежды.

При раздачѣ земствомъ хлѣбныхъ ссудъ произошли въ этой губерніи замѣшательства, истинныя причины которыхъ я не могъ вполне себѣ разъяснить, хотя разспрашивалъ о томъ у многихъ крестьянъ и у нѣкоторыхъ помѣщиковъ. Дѣло въ томъ, что весной, то-есть въ началѣ раздачи ссудъ, большинство крестьянъ рѣшительно отказывалось отъ полученія ихъ хлѣбомъ, а желало получить деньгами; вслѣдствіе этого нѣкоторыя уѣздныя управы, боясь, чтобы купленный ими хлѣбъ не остался у нихъ на рукахъ, продали его купцамъ, а чрезъ нѣкоторое время снова должны были покупать его, но уже по гораздо высшимъ цѣнамъ. По пріѣздѣ въ Петербургъ, я прочелъ въ одной газетной корреспонденціи такое объясненіе этого печальнаго происшествія, что его слѣдуетъ приписать наущенію нѣкоторыхъ неблагонамѣренныхъ людей, подговаривавшихъ крестьянъ не брать хлѣбомъ, потому-де, что царь велѣлъ выдавать имъ деньгами, по 15 р. на душу, а земство, въ своихъ выгодахъ, накупило хлѣба по дорогой цѣнѣ. Весьма возможно, что были и подобныя случаи подговора: между крестьянами шныряютъ часто подозрительныя личности, и не изъ однихъ солдатъ и исключенныхъ семинаристовъ, а иногда, изъ людей дворянскаго званія, изъ праздношатающихся и обнищавшихъ помѣщичьихъ дѣтокъ, которые неровая въ мутной водѣ ловятъ рыбу. Но нельзя однако допустить, чтобы отказъ отъ хлѣбныхъ ссудъ, повторившійся одновременно въ нѣсколькихъ уѣздахъ, произошелъ единственно отъ наущенія двухъ-трехъ такихъ личностей; въ подобныхъ общераспространенныхъ явленіяхъ всегда есть общія и болѣе самостоятельныя причины. Вотъ что удалось самому мнѣ узнать изъ разспросовъ у крестьянъ и у одного волостнаго старшины. Въ одной волости крестьянамъ было предложено, уже въ концѣ марта, ѣхать въ сосѣднюю губернію, верстъ за 120, за хлѣбомъ, купленнымъ земствомъ, и получить его въ ссуду. Въ это время начиналась уже распутица; крестьяне боялись пробыть долго въ дорогѣ, истратиться на харчи и лошадиный кормъ, измучить лошадей, и потому отказались отъ поѣздки, надѣясь добыть хлѣба другими средствами. Такъ объясняли сами крестьяне причину своего отказа. Въ другихъ случаяхъ крестьяне, по ихъ

словамъ, отказывались отъ хлѣба потому, что земство ставило его въ большую цѣну, чѣмъ по какой можно было купить его на мѣстѣ, и хотя разсрочивало ссуду, но съ процентами, входить въ которые крестьяне не желали, опять-таки надѣясь извернуться собственными средствами. Разсказывали, что въ одномъ изъ сосѣднихъ уѣздовъ, гдѣ голодъ свирѣпствовалъ съ особою силою, земское начальство требовало, чтобы крестьяне немедленно уплачивали половину стоимости ссужаемаго хлѣба, а другую половину разсрочивало на два года. По всему видно, что въ первое время все дѣлалось впопыхахъ и крестьянамъ не были разъяснены, какъ должно, условія, на которыхъ предлагалось имъ пособіе. Эта неизвѣстность, въ соединеніи съ обычными недоувѣріемъ и боязнію крестьянъ ко всему, что идетъ отъ начальства, едва-ли не были главною причиною ихъ отказовъ отъ хлѣба. Въ срединѣ лѣта, когда голодъ достигъ высшей степени, тѣ же самые крестьяне, которые весной отказывались отъ ссуды, осаждали волостныхъ старшинъ, требуя пособій. Но тогда хлѣбъ выдавался имъ уже въ самомъ ничтожномъ количествѣ и рѣдкими порціями: часть запасеннаго земствомъ хлѣба была, какъ уже сказано, продана обратно; другая часть, законтракованная у подрядчиковъ, не была вовсе ими доставлена. Земство стало выдавать пособія преимущественно деньгами, и уже волостные старшины сами покупали хлѣбъ и раздавали его наиболѣе нуждавшимся деревнямъ по своему усмотрѣнію. Нѣкоторая часть денегъ еще весной выдавалась прямо на руки крестьянамъ, для покупки овса на обмененіе.

Земство выдавало пособія разнымъ деревнямъ въ весьма различномъ количествѣ, смотря по собраннымъ отъ волостныхъ старшинъ свѣдѣніямъ о степени существовавшей нужды; многія деревни не получили вовсе пособія. Въ тѣхъ двухъ волостяхъ, въ которыхъ не существуетъ запасныхъ магазиновъ, отпущено было, до половины іюня 1868 г., сперва по 3 гарнца ржи, а потомъ по 2 на ревизскую душу, и сверхъ того выдано по 60 коп. на душу для покупки овса на посѣвъ. Въ другомъ уѣздѣ выдано было въ одну волость для покупки хлѣба 600 р., что составляетъ менѣе 60 коп. на ревизскую душу, такъ-какъ въ этой волости считается болѣе 1,000 душъ. Въ бытность мою въ этой волости на сходѣ, я былъ свидѣтелемъ, какъ толпа мужиковъ, человѣкъ въ пятьдесятъ, съ шумомъ осаждала старшину, упрекая его за то, что онъ оставляетъ ихъ голодать и не хлопочетъ о выдачѣ имъ новаго пособія, тогда какъ другія волости получили по два и по три раза. При этомъ нѣкоторые крестьяне, вѣроятно принявъ меня за чиновника изъ губерніи, жало-

вались мнѣ на старшину, говоря, будто бы онъ, при выдачѣ магазиннаго хлѣба (по осьминѣ на душу) и денежныхъ пособій, обращаетъ вниманіе только на мужиковъ состоятельныхъ, а бѣдняковъ оставляетъ безъ помощи. Они увѣряли, что нѣкоторые изъ получившихъ хлѣбъ продавали его другимъ съ барышомъ, не имѣя въ немъ нужды. Трудно распознать, на сколько въ этихъ словахъ было правды и на сколько преувеличенія. Крестьяне вообще завистливы и несговорчивы; притомъ они не долюбиваютъ этого старшину за то, что онъ держитъ ихъ въ строгости и не оставляетъ безъ удовлетворенія жалобъ помѣщиковъ. Крестьяне говорятъ о немъ, что онъ тянетъ только сторону помѣщиковъ и богатыхъ мужиковъ. Дѣйствительно, этотъ старшина представляетъ въ нѣкоторомъ родѣ аристократа между крестьянами; это тотъ самый, который арендуетъ у помѣщиковъ значительныя земли и платитъ иногда подати за крестьянъ. Онъ знаетъ преимущественно съ помѣщиками и богатыми крестьянами, и потому естественно принимаетъ не очень близко къ сердцу нужды мелкой братіи. Но надобно также замѣтить, что исправный возвратъ выдаваемыхъ ссудъ прямо лежитъ на отвѣтственности старшины, и потому, вѣроятно, онъ отказывалъ въ ссудахъ тѣмъ крестьянамъ, которые, по своему разстроенному хозяйству и безпечности, подавали мало надежды на ихъ возвращеніе. Въ слѣдъ за этимъ сходомъ, старшина ѣздилъ въ земскую управу просить вторичнаго пособія, и получилъ оттуда 275 р., на которые купилъ, въ концѣ юня, у одного мѣстнаго помѣщика 25 четвертей ржи по 11 р. Изъ нихъ выдано было тотчасъ по нѣскольку гарнцевъ на человѣка въ самыя нуждавшіяся деревни. Это была, въ упоминаемомъ уѣздѣ, послѣдняя помощь крестьянамъ до новаго урожая, такъ-какъ, по словамъ старшины, въ управѣ не было больше ни копейки денегъ. А до новаго урожая оставался еще цѣлый мѣсяцъ! Въ другую волость того же уѣзда выдана было земствомъ, еще весной, денежная ссуда на посѣвъ овса, рассчитанная по осьминѣ на душу, и еще вторично, на прокормленіе, по 50 коп. на душу. И въ этой волости помощь выдавалась не всѣмъ крестьянамъ, а только наиболѣе нуждавшимся. Въ одной деревнѣ, принадлежащей къ другой волости, крестьяне получили всего по 25 коп. на душу; въ одну волость присланъ былъ однажды всего одинъ кулъ ржи. Вѣроятно это были пособія, присылаемыя изъ московскаго отдѣла и петербургской комиссіи и распределявшіяся земствомъ по мѣрѣ нужды разныхъ волостей и деревень. Въ сосѣднемъ уѣздѣ получено однажды изъ московскаго отдѣла 900 пудовъ ржаныхъ сухарей, весьма тщательно уложенныхъ въ ящики.

Нерѣдко я слышалъ отъ крестьянъ жалобы на то, что пособія раздавались несоответственно нуждѣ: однѣ деревни, терпѣвшія крайнюю нужду, получали очень мало или вовсе ничего не получали; другія, менѣе нуждавшіяся, получали больше и чаще; кто изъ волостныхъ старшинъ больше хлопоталъ въ земствѣ, тотъ и больше получалъ на свою волость. Едва-ли и возможна была въ этомъ случаѣ раздача, совершенно соразмѣрная со степенью нужды: отъ крестьянъ трудно узнать правду, на сколько кто изъ нихъ нуждается, особенно когда нужда гнететъ ихъ всѣхъ. Вѣроятно, были и лицепрятія со стороны волостныхъ старшинъ. Но зато случалось, какъ я уже упоминалъ, что и крестьяне продавали полученный ими хлѣбъ. Мнѣ рассказывали даже случаи, когда два мужика, получивъ деньги на овесъ, тотчасъ же ихъ пропили въ кабаки. Но примѣръ нѣсколькихъ негодяевъ не можетъ служить укоромъ всѣмъ крестьянамъ, точно такъ, какъ невозможность совершенно уравнительной раздачи хлѣба не уничтожала пользы, полученной крестьянами отъ пособій.

Хлѣбъ и деньги, отпускаемые въ волости, выдавались крестьянамъ въ видѣ ссудъ, которыя должны быть возвращены деньгами въ три года, съ ростомъ по 6%⁰; нѣкоторая же часть денегъ и хлѣба выдавались безъ возврата: по всей вѣроятности, это были пожертвованія, полученные изъ комиссiи и московскаго ея отдѣла. Относительно одѣвки хлѣбныхъ ссудъ, выдававшихся крестьянамъ здѣшнимъ земствомъ, принятъ былъ, какъ я слышалъ, такой порядокъ: пожертвованныя деньги присоединялись къ тѣмъ, которыя выданы правительствомъ изъ общаго продовольственнаго капитала, но купленный хлѣбъ отпускался крестьянамъ по цѣнѣ, уменьшенной пропорціонально пожертвованной суммѣ. Впрочемъ, это уменьшеніе должно было быть весьма незначительно, такъ-какъ вся денежная сумма, присланная въ губернію изъ комиссiи и отдѣла, равнялась 40,300 р., и нѣкоторая часть ея была роздана деньгами.

Многіе читатели, узнавъ, что пособія, выдававшіяся крестьянамъ, равнялись часто нѣсколькимъ гарницамъ на мужскую душу, вѣроятно готовы будутъ назвать такія пособія бесполезными, такъ-какъ ими нельзя было продовольствоваться до новаго урожая. Но надобно знать то положеніе, въ которомъ находились минувшимъ лѣтомъ здѣшніе крестьяне, чтобы понять, какъ дороги были для нихъ и эти гарницы ржи и овса, получавшіяся ими насчетъ продовольственнаго капитала и частныхъ пожертвованій: безъ нихъ многія здѣшнія деревни буквально могли бы вымереть голодною смертью. Расскажу то, что я видѣлъ соб-

ственными глазами въ нѣкоторыхъ деревняхъ, въ теченіе нынѣшняго лѣта. Мы пріѣхали въ одну деревню съ помѣщикомъ, у котораго нѣкоторые изъ тамошнихъ крестьянъ только что получили взаимобразно по кулю ржи. Въ первомъ дворѣ мы велѣли хозяину отпереть кѣты; въ ней не оказалось ни зерна хлѣба, и только было нѣсколько гарницевъ льняной мякни. На порогѣ хаты сидѣла толпа голодныхъ ребятишекъ, отъ двухъ до пяти лѣтъ (дѣтей и племянниковъ хозяина), съ нетерпѣніемъ ожидавшихъ его возвращенія. Завидя его, они подняли веселый визгъ и стали пресить хлѣба. Хозяинъ, суроваго и озабоченнаго вида, молча прошелъ мимо нихъ и повелъ насъ въ хату. Мы отворили печь; она была нетоплена и совершенно пуста: въ хатѣ не варили никакого приварка. Мы спросили, есть ли хлѣбъ; крестьянинъ досталъ кусокъ, не болѣе полутора фунта: это была смѣсь изъ одной части ржаной муки и двухъ частей льняной мякни, колючая при глотаніи и почти вовсе неизвѣстная хлѣбнаго вкуса. Въ избѣ стояла дѣжа со вновь утвореннымъ хлѣбомъ, изъ муки, полученной утромъ отъ помѣщика; мы отерли дѣжу: муки почти не было замѣтно между массою льняной мякни. Намъ принесли напозавъ небольшой кусокъ хлѣба изъ другой хаты: этотъ былъ еще чернѣе и колючѣе и имѣлъ вкусъ земли, смѣшанной съ соломою; онъ былъ иссеченъ изъ сѣра, выметеннаго въ амбарѣ и на гумнѣ, съ маломъ примѣсью ржаной муки. Въ цѣлой деревнѣ не оставалось уже ни зерна собственнаго хлѣба; кое у кого была еще мякни, овсяная и льняная. Это было около 12-го іюня, слѣдовательно до новаго хлѣба оставалось еще болѣе мѣсяца, если предположить, что въ нынѣшнемъ году, по случаю ранняго зрѣнія ржи и крайней нужды въ хлѣбѣ, жатва начнется около Ильина дня. Женщина, которую мы видѣли въ хатѣ, хотя еще не старая, но невозможная и имѣвшая на лицѣ какіе-то темныя прыщи и пятна, говорила намъ, что она совсѣмъ измалалась и едва держится на ногахъ отъ худой пищи. Всѣ крестьяне этой деревни имѣли видъ исхудалый и озабоченный; подрѣзавшіяся щеки и впалые глаза свидѣтельствовали о претерпѣваемыхъ ими лишенияхъ. Всѣ задѣшныя работники ушли еще съ весны въ другія губерніи, на желѣзныя дороги и нныя работы. Оставшіеся дома терпятъ много времени, рыская по деревнямъ, мельницамъ и постоялымъ дворамъ, чтобы достать нѣсколько гарницевъ ржи или овса, для прокормленія себя и своей семьи. Возвращаясь съ тяжелыхъ полевыхъ работъ, они ложатся спать съ пустымъ желудкомъ; многіе и утромъ не вѣютъ, что перекусить, и голодаютъ по цѣлымъ днямъ. Дѣти ѣдятъ, вмѣсто хлѣба, ту же неудобосваривую массу,

которому питаются взрослые. Несмотря на то, я, къ удивленію моему, замѣтилъ, что большая часть дѣтей сохраняла еще свѣжій и здоровый видъ. Вѣроятно, это надобно приписать молоку, которое, несмотря на петровъ постъ, крестьяне не возбраняютъ малымъ дѣтямъ. Но иногда мнѣ попадались дѣти старшаго возраста, поражавшія меня впадыми глазами и какии-то старческимъ видомъ, какого я никогда прежде не встрѣчалъ въ дѣтяхъ: это были дѣти голодныя. Вслѣдствіе преувеличеннаго понятія нашихъ крестьянъ о постѣ, они не дозволяютъ въ теченіе его ѣсть молоко дѣтямъ, вышедшимъ изъ младенческаго возраста. Какъ ни велика была нужда крестьянъ въ упомянутой деревнѣ, но они считали себя еще счастливейе многихъ. Въ томъ же уѣздѣ есть много деревень, гдѣ овинныя поля остались неза-сѣянными и гдѣ крестьяне стали голодать еще съ прошедней осени. Въ разговорѣ съ нами, крестьяне выражали признательность Государю и жертвователямъ за полученныя ими пособія, и говорили, что безъ этого имъ пришлось бы умирать съ голоду. Для этихъ людей вопросъ былъ уже не въ продовольствіи, не въ сытости, а буквально въ спасеніи отъ голодной смерти, и сіе-то великое благодѣяніе оказывала имъ тѣ гарницы ржи и овса, которые они время отъ времени получали изъ правительственнаго пособія и частныхъ пожертвованій. Въ другомъ уѣздѣ я жилъ въ мѣстности, также значительно лучшей противъ другихъ по положенію продовольствія; но и тамъ большинство крестьянъ давно уже пріѣло собственный хлѣбъ. Къ помѣщику того имѣнія, въ которомъ я жилъ, почти ежедневно являлись толпы крестьянъ просить взаимн хлѣба. Часто, вмѣсто всякихъ объясненій, они произносили краткую фразу: ѣсть хотимъ. Въ этомъ уѣздѣ я не видалъ мякиннаго хлѣба, потому что мякина была уже вся употреблена въ пищу; крестьяне ѣли чистый хлѣбъ, но въ такихъ пріемахъ, которые едва могли поддерживать у нихъ процессъ жизни. Встрѣчать муку, неѣвнаго два и даже три дня, было здѣсь не рѣдкость. Въ одной деревнѣ я видѣлъ, какъ крестьяне, вмѣсто приварка, хлебали зеленую ботву съ огорода, сваренную въ одной водѣ, безъ всякой другой приправы, кромѣ щепотки соли. «Развѣ у васъ нѣтъ коноплянаго масла?» спрашивалъ я у нихъ. «Мы и въ хорошіе годы не употребляемъ коноплянаго масла, отвѣчали они; только нрѣдка въ постные дни мы прибавляемъ въ приварокъ коноплянаго соку. Мы только и можемъ уплачивать выкупные платежи доходомъ съ нашихъ конопляниковъ, и потому продаемъ свою коноплю почти до послѣдняго зерна». Особенно бѣдственно положеніе семействъ малоробочихъ, которыя теперь весьма размножились, вслѣдствіе

безпрестанныхъ раздѣловъ. Часто бываетъ, что въ домѣ, при одномъ работникѣ, находится куча дѣтей и подростковъ и ни зерна хлѣба. Бросить поле безъ обработки — значитъ остаться зимою безъ пищи; а если работать въ полѣ, то кому же идти добывать хлѣбъ на прокормленіе! Да такому малосильному хозяину никто и не дастъ взаймы хлѣба, такъ-какъ нѣтъ надежды на возвратъ долга. Даже волостные старшины, какъ я уже упоминалъ, отказываютъ такимъ бѣднякамъ въ выдачѣ хлѣба изъ магазина или насчетъ получаемыхъ пособій, опасаясь, что сдѣланная ссуда не будетъ возвращена. Войдя въ одну хату, я нашелъ въ ней вдову, лишившуюся мужа назадъ тому три мѣсяца, и двухъ малыхъ дѣтей, изъ которыхъ одно грудное. Другой ребенокъ, мальчикъ лѣтъ четырехъ, слушая мой разговоръ съ его матерью, печально промолвилъ: «коли бъ былъ татка (отецъ), принесъ бы хлѣба». Былъ уже вечеръ, а дѣти не ѣли еще ничего съ самаго утра. Старшій сынъ вдовы, мальчикъ лѣтъ тринадцати, пахалъ въ полѣ, а дочь, лѣтъ десяти, возила вавозъ. Мать просила взаймы хлѣба у сосѣдняго помѣщика, но получила отказъ, такъ-какъ она не подавала никакой надежды возвратитъ долгъ, а отработать его у нея было небыть. Она принуждена была наконецъ пойти по деревнямъ собирать малостиню. Уходя изъ деревни, я встрѣтилъ ея старшихъ дѣтей, сына и дочь, ѣхавшихъ въ телегѣ съ работы: исхудалыя лица и страдальческій видъ ихъ доказывали, что желудки ихъ были пусты цѣлый день, а тяжелая работа изнурила ихъ послѣднія дѣтскія силы. Неподалеку отъ насъ есть деревня, выгорѣвшая наканунѣ Духова дня; крестьяне, безъ крова и хлѣба, живутъ въ сарагахъ, и многіе изъ нихъ не въ состояніи будутъ выстроиться къ зимѣ. Таково положеніе большинства крестьянъ въ этомъ, сравнительно лучшемъ окологдѣ одного изъ двухъ описываемыхъ мною уѣздовъ. На противоположномъ его краю, покрытомъ огромными лѣсами, со множествомъ болотъ, нужда, по слухамъ, достигла крайней степени. Одна помѣщица, живущая въ тѣхъ окрестностяхъ, говорила мнѣ, что еще въ августѣ прошедшаго года тамошніе крестьяне ходили по помѣщикамъ, прося хлѣба на озимый посѣвъ. Тифъ, почти никогда не прекращающійся между крестьянами той мѣстности, свирѣпствуетъ съ прошедшей осени съ чрезвычайною силою.

Къ бѣдствіямъ, претерпѣваемымъ крестьянами вслѣдствіе прошлогодняго неурожаа, присоединилась жестокая засуха нынѣшнимъ лѣтомъ, угрожающая, что будущій годъ будетъ еще голоднѣе настоящаго. Съ мая мѣсяца и по 11-е іюля, когда я пишу эти строки, здѣсь почти вовсе не было дождей; растительность

поддерживалась только обильными росами. Въ концѣ іюня отъ жаревъ стали горѣть лѣса и даже такія болота, по которымъ, за топкою, нельзя было пройти въ прежнее время. Земля за-сохла и растрескалась на полтора аршина въ глубину. Яровые, взшедшіе-было довольно хорошо, остановились въ ростѣ и представляютъ теперь, почти въ половинѣ іюля, жалкій видъ травы, едва видной отъ земли и пожелтѣвшей отъ зноя; между тѣмъ гречиха и ленъ уже около недѣли стали цвѣсти, а овесъ давно уже повыветался. Если бездождіе продлится еще недѣлю, то, по общему мнѣнію, гибель яровыхъ несомнѣнна. Рожь также пострадала отъ засухи, хотя и въ гораздо меньшей степени. Въ одномъ изъ двухъ уѣздовъ, сравнительно лучшемъ, рожь бѣльшую частію изрядна, преимущественно на помѣщичьихъ поляхъ; но на нѣкоторыхъ крестьянскихъ нивахъ она такъ рѣдка и нивка, что ее нельзя будетъ жать, а придется косить. На такихъ нивахъ она едва-ли уродится самъ-другъ. Вообще здѣсь замѣчено, что рожь поздняго сѣва бываетъ хуже ранней; не смотря за то, крестьяне почти постоянно запаздываютъ посѣвомъ, что, по мнѣнію помѣщиковъ, слѣдуетъ объяснять только ихъ нерадѣніемъ и привычкою откладывать всякое дѣло до послѣдней возможности. Уже по возвращеніи моемъ въ Петербургъ, мнѣ присланы слѣдующія свѣдѣнія объ урожаѣ ржи въ этомъ уѣздѣ, добытыя на мѣстѣ отъ одного офиціальнаго лица: всѣхъ крестьянскихъ надѣловъ въ уѣздѣ считается 42,000; изъ нихъ въ 4,000 рожь очень хороша, въ 13,000 хороша, въ 17,000 посредственна, въ остальныхъ 8,000 плоха и даже мѣстами очень плоха. Яровые, по тѣмъ же свѣдѣніямъ, почти повсемѣстно плохи; хотя мѣстами и есть хорошіе, но такихъ мѣстъ весьма мало. Предвидится сильный недостатокъ въ яровой соломѣ, а также и въ сѣнѣ; уже въ концѣ іюля сѣно въ ближайшемъ къ описываемымъ мѣстамъ уѣздномъ городѣ продавалось по 40 коп. за пудъ. Въ другомъ уѣздѣ количество полей съ худшимъ урожаемъ, судя по слухамъ, гораздо значительнѣе. Забывъ къ одному изъ тамошнихъ мировыхъ посредниковъ (около половины іюля), я видѣлъ у него донесенія волостныхъ старшинъ объ озимомъ урожаѣ нынѣшняго года. Изъ 7 волостей, составляющихъ этотъ мировой участокъ (всѣхъ волостей въ уѣздѣ 20), въ одной волости, за посѣвомъ, останется ржи на продовольствіе до 1-го января, а въ другой только до 1-го октября, но во второй волости семь деревень не будутъ имѣть ржи на обсыменение. Въ остальныхъ пяти волостяхъ рожь мѣстами изрядна, мѣстами плоховата, вообще же лучше прошлогодней. Яровыхъ, по донесенію старшинъ, не хватитъ во многихъ деревняхъ даже на

обсѣменение; въ нѣкоторыхъ же, немногихъ селеніяхъ яровые изрядны. Я слышалъ, что, по расчету земской управы, на одно обсѣменение крестьянскихъ полей потребуются въ этомъ уѣздѣ не менѣе 60,000 р. пособія. Въ концѣ іюля крестьяне, какъ мнѣ пишутъ, стали уже приходить къ посредникамъ просить пособія на сѣмена. По общему мнѣнію, этому уѣзду предстоитъ голодъ и въ будущемъ сельско-хозяйственномъ году. Отъ одного тамошняго мирового посредника, пріѣзжавшаго въ Петербургъ осенью, я слышалъ, что въ большинствѣ деревень продовольствія хватить только до 1-го января. Къ голоду должна присоединиться потеря лошадей и рогатаго скота, какъ вслѣдствіе бывшаго тамъ падежа, такъ и отъ недостатка корма: травы посохли, а яровой соломы, главнаго корма для крестьянскаго скота, почти вовсе не будетъ. Притомъ многіе крестьяне, заложившіе свои овчины и армяки и немнѣющіе средствъ ихъ выкупить, останутся зимою безъ одежды.

Въ нѣкоторыхъ извѣстныхъ мнѣ деревняхъ, несмотря на всѣ бѣдствія, претерѣваемые крестьянами, за ними состоятъ весьма мало недоимокъ въ казну и помѣщикамъ: подати, оброки и другіе платежи за первую половину года внесены ими болѣею частію сполна. Эта исправность крестьянъ, въ столь бѣдственное для нихъ время, должна бы быть весьма поучительна для тѣхъ помѣщиковъ, которые безпрестанно кричатъ о распущенности мужиковъ, а сами не платятъ по дѣльнымъ годамъ тѣхъ небольшихъ сборовъ, которые слѣдуютъ съ нихъ въ земство. Едва-ли однако здѣшніе крестьяне будутъ въ состояніи уплатить повинности за вторую половину года; обвиненіе ихъ замѣтно для самаго поверхностнаго взгляда и къ будущей веснѣ должно еще болѣе усилиться. Замѣчу также, что и многіе изъ здѣшнихъ мелкопомѣстныхъ дворянъ бѣдствуютъ почти не менѣе мужиковъ. Одинъ волостной старшина говорилъ мнѣ, что двѣ помѣщичьи обрашались къ нему съ просьбою о выдачѣ имъ займообразно хлѣба изъ пособій, отпускаемыхъ крестьянамъ. По словамъ старшины, этимъ помѣщикамъ дѣйствительно нечего было ѣсть. Въ другомъ изъ описываемыхъ двухъ уѣздовъ земская управа постановила выдавать на продовольствіе бѣднѣйшимъ изъ мелкопомѣстныхъ дворянъ по 48 в. въ мѣсяцъ на человѣка; потомъ это пособіе было, какъ я слышалъ, увеличено до 90 коп.

Чрезвычайное губернское земское собраніе, бывшее въ іюлѣ мѣсяцѣ, признало, что для обсѣмененія полей во всѣхъ уѣздахъ, пораженныхъ въ нынѣшнемъ году неурожаемъ, необходимо 160.000 р.; но затѣмъ нашло возможнымъ обойтись безъ новыхъ

денежных пособій собственно на прокормленіе жителей, если только будутъ расширены упомянутыя выше земляныя работы, для доставленія заработковъ нуждающемуся населенію, и будутъ предоставлены жителямъ льготы по уплатѣ податей и другихъ сборовъ. По ходатайству министра внутреннихъ дѣлъ, означенная сумма 160,000 р. ассигнована земству, въ началѣ августа, изъ общаго продовольственнаго капитала, взаимнообразно на три года, безъ процентовъ. На усиленіе же земляныхъ работъ, сверхъ отпущенныхъ уже 350,000 р. изъ общаго продовольственнаго капитала и 300,000 р. изъ казны, вновь ассигновано изъ казны 30,000 р. и испрашивается еще министерствомъ внутреннихъ дѣлъ отпускъ 434,000 р. Министерство внутреннихъ дѣлъ дѣлаетъ, какъ видно, съ своей стороны все возможное, чтобы облегчить бѣдственнаго несчастнаго губерніи; дай Богъ, чтобы земство сумѣло распорядиться, какъ слѣдуетъ, средствами, отпускаемыми въ его руки для доставленія заработковъ голодающему населенію. Мы писали, что изъ упомянутыхъ 160,000 р. отпущено на обмененіе 30,000 р. въ тотъ уѣздъ, гдѣ, по соображеніямъ уѣздной управы, нужно было для этой цѣли 60,000 р. Уѣздная управа сначала не могла нигдѣ найти хлѣба на эти деньги и хотѣла-было вовсе отказаться отъ его приобрѣтенія; наконецъ ей удалось гдѣ-то его купить. Не знаю однако, успѣлъ ли этотъ хлѣбъ ко времени озимаго посѣва.

Какія противоположныя ощущенія вызвала нынѣшнимъ лѣтомъ деревенская жизнь въ городскомъ жителѣ, случайно заброшенномъ въ эти края! Солнце въ полномъ блескѣ посреди голубаго, безоблачнаго неба; прозрачный воздухъ наполненъ цѣлительными ароматами, несущимися отъ рощей и луговъ; уснувшее озеро блещетъ своею неподвижною синевою; вдали горизонтъ окаймляется темною полосой лѣса; кругомъ невозмутимая тишина и безмолвіе; только вярѣдка пронесется изъ глубины рощи и потонетъ въ воздухѣ свистъ какой-нибудь птицы. Среди этого великолѣпія, ясности и торжественнаго покоя окружающей природы, люди, казалось бы, только и могутъ дышать миромъ, довольствомъ и благоговѣніемъ. А между тѣмъ въ этихъ, чернѣющихъ вдали деревняхъ, гнѣздятся голодъ, подавляющія заботы и мрачная безнадежность; на этихъ окаменѣвшихъ пашняхъ виднѣется исхудалый и печальный народъ, напругающій послѣднія силы надъ своимъ неблагодарнымъ трудомъ. Отъ продолжительной засухи почва затвердѣла, какъ камень; сохи не могутъ углубляться въ землю и ломаются; среди цѣлыми рядами терзають лошадей; люди и лошади выбиваются изъ силъ и земледѣлецъ принужденъ оставлять свое

поле невспаханнымъ. А тутъ рядомъ, на яровыхъ поляхъ, елва торчатъ изъ земли жалкіе и уже пожелтѣвшіе всходы, погибшіи трудъ цѣлаго года. Я видѣлъ, какъ одинъ крестьянинъ, наломавъ двѣ сохи надъ своею явою, сталъ поливать ее водою изъ ближняго озера. Конечно, этотъ пріемъ оказался бесполезнымъ: нуженъ сильный дождь въ теченіе нѣсколькихъ дней, чтобы размягчить окаменѣвшую землю. Бездождіе, какъ слышно, продолжается и въ сосѣднихъ уѣздахъ. Будущее все болѣе и болѣе представляется въ мрачномъ видѣ. По церквамъ совершаются за обѣднями продолжительныя молебствія, съ колѣнопреклоненіемъ, о ниспосланіи дождя.

Когда видишь нашъ народъ въ такія тяжкія години, какъ нынѣшняя, тогда-то встаетъ предъ глазами колоссальный образъ той силы, которая спасала его во всѣхъ невзгодахъ и восполняла ему недостатокъ многихъ другихъ качествъ, которыми обдѣлала его природа и исторія: эта сила есть неистощимое терпѣніе нашего народа, способность его переносить всевозможныя лишения и бѣдствія, не впадая въ отчаяніе и не покидая, до послѣдняго издыханія, борьбы съ гнетущими его обстоятельствами. Проходя этими полями, на которыхъ молчаливая толпа мужчинъ и женщинъ спокойно дѣлала свое обычное дѣло, встрѣчаясь съ этими людьми, отъ которыхъ не слышно было ни ропота, ни мольбы о помощи, ни буйныхъ порывовъ отчаянія, нельзя бы, казалось, и подумать, что они давно уже стѣбли послѣдній кусокъ собственнаго хлѣба и что у нихъ не осталось почти никакой надежды и на будущій урожай. Крестьяне, приходившіе просить въ займы хлѣба къ знакомымъ мнѣ помѣщикамъ, терпѣливо и безъ малѣйшихъ сѣтованій выслушивали отказъ. Нѣкоторые изъ нихъ сохраняли еще при этомъ способность шутить, смѣяться и балагурить, хотя было извѣстно, что они не ѣли по цѣлымъ суткамъ. Другіе смиренно сознавались, что постигшее ихъ бѣдствіе было Божиимъ наказаніемъ за ихъ грѣхи. А между тѣмъ имъ было извѣстно, что у нѣкоторыхъ помѣщиковъ завромъ полны еще хлѣба... Едва-ли въ какой-либо другой европейской странѣ народъ могъ бы выносить голодь съ такимъ терпѣніемъ и спокойствіемъ. Только замолкнувшая по деревнямъ русская пѣсня наводила на мысль, что крестьянамъ было уже не до пѣсней и хороводовъ. Проживъ въ деревнѣ болѣе мѣсяца, я ни разу не слышалъ крестьянскаго пѣнія, столь обычнаго въ нашихъ деревняхъ при возвращеніи съ работъ и подъ большіе праздники.

Другая, столь же извѣстная черта, отличающая русскій народъ отъ иноземцевъ, есть его сострадательность; она осо-

бенно выказываются въ такіа тяжкіа времена, какъ нивѣшнее. Крестьянинъ, у котораго въ хатѣ есть еще запасъ хлѣба, не отказываетъ удѣлить кусокъ нищему, хотя и собственнаго его семья ѣсть только вполголода. Этою мірскою милостинею только и можно объяснить, что въ нашихъ окрестностяхъ не было еще доселѣ случаевъ голодной смерти. Милостинею кормятся, по деревнямъ и въ городахъ, преимущественно вдовы, малолѣтки, старики и старухи изъ бобылей, наконецъ больные и неспособные къ работѣ, составляющіе тягость для ихъ семействъ. Къ чести нашего дворянства слѣдуетъ сказать, что и оно не уступаетъ крестьянамъ въ чувствѣ христіанскаго милосердія. Многіе здѣшніе помѣщики, въ томъ числѣ и такіе, которые сами терпятъ стѣсненіе, не отказываютъ въ кускѣ хлѣба приходившимъ нищамъ. Одинъ богатый и титулованный помѣщикъ, живущій большую часть года въ Петербургѣ, открылъ минувшею зимою большія постройки въ своемъ имѣніи, чтобы доставить заработки своимъ прежнимъ крестьянамъ. Я однако замѣтилъ, что здѣшніе крестьяне, вынужденные просить милостиню, охотнѣе обращаются за нею къ своему брату—мужику, чѣмъ къ помѣщикамъ, или же идутъ въ города. Въ одномъ имѣніи помѣщикъ разрѣшилъ—было давать молоко для крестьянскихъ дѣтей сосѣдней деревни, терпѣвшей крайнюю нужду; однако крестьяне, по чувству самолюбія, почти вовсе не пользовались этою даровою дачею. Крестьяне помнятъ, что они довольно-таки досаждали помѣщикамъ своею несговорчивостію, нежеланіемъ идти къ нимъ въ работу, самовольнымъ нарушеніемъ договоровъ, погромами и порубками; однимъ словомъ, они сознають, что отношенія ихъ къ помѣщикамъ были не очень дружелюбны, и потому имъ тяжело теперь протянуть помѣщикамъ руку за милостинею. Другое дѣло—попросить хлѣба въ займы и за работу; это не можетъ считаться милостинею, хотя бы крестьянинъ и рассчитывалъ про себя затянуть долгъ на непредѣленное время. Вообще крестьяне охотнѣе принимаютъ помощь отъ людей вовсе имъ постороннихъ и неизвѣстныхъ, но стыдятся нищенствовать въ своемъ околоткѣ. Потому-то въ деревняхъ нищія встрѣчаются довольно рѣдко, даже въ это голодное время. Мужикъ, который жилъ собственнымъ хозяйствомъ, рѣшается идти по міру только въ самой крайней нуждѣ. Одинъ крестьянинъ говорилъ мнѣ, что, войдя въ первый разъ въ чужую избу за милостинею, онъ не могъ промолвить слова и выскочилъ изъ нея, какъ угорѣлый; «а потомъ помаленьку привыкъ», добавлялъ онъ. Зато города, особенно губернскій, биткомъ набиты нищамъ. Едва настанетъ утро, они одинъ за другимъ

начинають ходить по домамъ и лавкамъ до самыхъ вечерень. Конечно, они получаютъ подаваніе далеко не вездѣ. У купцовъ имъ обыкновенно подаются маленькіе баранки изъ такъ-называемой вѣрочки, величиною въ четвертакъ, по два и по три баранка на человѣка. Есть и такіе благодѣтельные люди изъ дворянъ и купцовъ, которые велятъ печь хлѣбъ нарочно для нищихъ и раздають его каждагодневно. Въ губерискомъ городѣ между нищими всрѣчаются иногда крестьяне, которые въ теченіе нѣсколькихъ недѣль питались однимъ щавелемъ; они имѣють огромные животы, распухшее тѣло и отличаются полумертвеннымъ видомъ и какимъ-то равнодушіемъ, походящимъ на идиотизмъ. Желудокъ ихъ уже не въ состояніи переваривать хлѣба, который дѣлается для нихъ гибельнымъ. Жители даютъ имъ масляной супъ и другую легкую пищу. Слышно, что въ уѣздѣ губерискаго города было уже много случаевъ голодной смерти. Одного изъ этихъ несчастныхъ анатомировали и нашли кишеч совершенно пустыми.

Какъ ни велико теперь число нищихъ въ городахъ, но все-таки оно должно быть признано ничтожнымъ сравнительно съ массою народа, бѣдствующаго отъ голода по деревнямъ. Вообще мнѣніе о сѣловности русскаго народа къ нищенству (этого мнѣнія я и самъ прежде держался, на основаніи отдѣльныхъ случаевъ) показалось мнѣ крайне преувеличеннымъ и несправедливымъ, когда я увидѣлъ, съ какими лишеніями борются теперь наши крестьяне и что только весьма немногіе изъ нихъ, угрожаемые голодною смертію, рѣшаются пойти по міру. Нѣмецкіе пролетаріи несравненно болѣе нашихъ крестьянъ склонны къ нищенству, не говоря уже о томъ, что нѣмецкіе нищіе отлучаются назойливостію и беззабѣтчивостію, о которыхъ у насъ не имѣють и понятія. Если у насъ есть нищіе, обратившіе нищенство въ постоянное ремесло, и есть даже цѣлыя деревни, промышленяющія прошеніемъ милостыни и сборомъ на погорѣлое, то эти явленія отнюдь не составляютъ черты народнаго характера; они происходятъ, вопервыхъ, отъ отсутствія у насъ порядка и полицейскаго надзора, чѣмъ пользуются всякаго рода негодяи и празднолюбцы, а вовторныхъ, эти явленія суть неизбежныя слѣдствія того, что общественная благотворительность нигде не была у насъ устроена правильно и разумно. Для раздачи милостыни у насъ не отыскивають истинно нуждающихся и несчастныхъ, а подаютъ ее всякому, кто вздумаетъ протянуть руку; поэтому милостыня навсѣгда попадаетъ у насъ въ руки негодяевъ, обратившихъ нищенство въ выгодный промыселъ. Нѣкоторые релігіозные обычаи и учрежденія еще бо-

лѣе облегчаютъ людямъ порочнымъ и празднлюбивымъ средства жить на счетъ нашей неразумной благотворительности. Неспособность русскаго люда къ общественнымъ соглашеніямъ и къ правильному организованію чего бы то ни было, уменьшаетъ такимъ образомъ пользу его личной сострадательности и нерѣдко обращаетъ ее даже во вредъ общественному порядку и нравственности. Такъ и въ настоящее время, личная благотворительность къ голодающимъ дѣйствуетъ въ городахъ враздробъ, но не получаетъ ни возбужденія, ни правильного устройства путемъ общественнаго соглашенія. Въ губернскомъ городѣ нѣкоторые жители мнѣ говорили, что они охотнѣе пожертвовали бы извѣстную сумму, по своимъ средствамъ, для устройства столовъ для нищихъ, чѣмъ каждый день и ежеминутно видѣть подъ окнами и на кухнѣ толпы нищихъ, между которыми нѣтъ возможности отличить истинно нуждающихся отъ тѣхъ, для которыхъ нищенство сдѣлалось прибыльнымъ ремесломъ. Особенно ничего не можетъ у насъ клеветаться и достигать цѣли тамъ, гдѣ заправлять дѣломъ берутся наши такъ-называемые губернскіе аристократы и аристократки. Они не могутъ смотрѣть серьезно на какое дѣло и все обращаютъ только въ предметъ чванства или развлеченія отъ скуки. Другія сословія, зная съ давнихъ поръ эти замашки губернской аристократіи, никогда не принимаютъ добровольно къ ея предпріятіямъ, хотя бы они имѣли самую лучшую цѣль. Такъ и въ здѣшнемъ губернскомъ городѣ составился—было дамскій комитетъ для устройства столовъ для бѣдныхъ; немедленно собрано было до 2,000 руб.; но вслѣдъ затѣмъ возникла распря о томъ, кому изъ аристократокъ начальствовать въ комитетѣ и принимать данъ хвалы и удивленія отъ своихъ согражданъ и отъ редакціи губернскихъ вѣдомостей. Между губернскими аристократками произошла сцена, и комитетъ разстроился послѣ перваго же засѣданія. Хотя столъ для бѣдныхъ и существуетъ (съ платою по 3 коп. сер. за входный билетъ), но охотниковъ покупать эти билеты для нищихъ является очень немного, такъ что полиція должна почти принудительно навязывать ихъ купцамъ.

Съ конца іюня многіе здѣшніе крестьяне, доведенные до послѣдней крайности, стали продавать коровъ и лошадей; но покупатели находились рѣдко, потому что продолжительные жары посушили травы и предвидѣлся недостатокъ въ кормѣ. Около Петрова дня бываетъ ярмарка въ одномъ изъ ближнихъ уѣздныхъ городовъ. Къ этому дню потянулись туда крестьяне съ своимъ скотомъ. Но цѣны давались тамъ низкія; покупателями были почти одни мелкіе промышленники, или кулаки. Крестьяне

большую частію вернулись домой съ своими лошадьми и коровами, и осенью должны будутъ продать ихъ на шкуру.

Къ довершенію бѣдствій, отъ продолжительныхъ жаровъ и мучительной работы на окаменѣвшей почвѣ, при худомъ кормѣ, на лошадей открылся, въ началѣ іюля, падѣжъ, имѣющій несомнѣнные признаки сибирской язвы. Гдѣ-нибудь на тѣлѣ образуется желвакъ, который быстро разрастается, и лошадь падаетъ, часто въ тотъ же самый день, въ который заболѣла. Падѣжъ быстро распространяется по окрестнымъ уѣздамъ. Во всемъ нашемъ околоткѣ, на пространствѣ многихъ десятковъ квадратныхъ верстъ, нѣтъ ни одной деревни, въ которой не пало бы уже по нѣскольку лошадей. Мѣстами начинаютъ падать также коровы и свиньи. Въ одной сосѣдней деревнѣ умеръ мужикъ, вслѣдъ затѣмъ, какъ онъ содралъ шкуры съ палыхъ лошадей; другой крестьянинъ также заболѣлъ отъ той же причины, но потомъ оправился. Это новое бѣдствіе навело на крестьянъ сильное уныніе: лошади составляютъ рабочую силу крестьянина и, вмѣстѣ съ рогатымъ скотомъ, суть единственное его богатство. Зажиточный крестьянинъ, потерявъ лошадей, вырощенныхъ или приобрѣтенныхъ имъ въ теченіе многихъ лѣтъ, разомъ становится бѣднякомъ и часто не можетъ уже поправиться. Здѣсь насчитываютъ уже нѣсколько такихъ мужиковъ, внезапно разорившихся въ послѣдніе дни отъ потери всѣхъ своихъ лошадей; придетъ жатва, а имъ нечемъ будетъ привезти снопа съ поля. Несчастный народъ, терпѣливо переносившій голодъ, вспокоился теперь при этомъ новомъ бѣдствіи, угрожающемъ въ конецъ разорить его бѣдное состояніе. Мужики и бабы ходятъ по сосѣднимъ помѣщикамъ, выпрашивая, для леченія лошадей, кто камфоры, кто нашатыря, кто мышьяку. Ничего этого ни у кого здѣсь не имѣется, и лошади погибаютъ безъ всякаго пособія. О ветеринарахъ нѣтъ здѣсь и слуху; весьма рѣдки даже простые коновалы, все искусство которыхъ состоитъ въ бросаніи руды, что въ эпизоотіи не приноситъ, какъ вѣдается, ни малѣйшей пользы. Бросаніе же крови здоровымъ еще лошадямъ положительно для нихъ пагубно, какъ я слышалъ отъ опытныхъ людей; между тѣмъ коновалы, являясь въ деревню, начинаютъ обыкновенно съ того, что открываютъ кровь всѣмъ лошадямъ, больнымъ и здоровымъ, получая по 3 и по 5 коп. съ головы. Здѣшнееземство, доживающее уже свое первое трехлѣтіе, не позаботилось ни о лекаряхъ, ни о ветеринарахъ, и вообще не проявило себя ничѣмъ полезнымъ для народа. Заботливость здѣшнихъ крестьянъ, хотя въ настоящемъ случаѣ и бесплодная, о подавіи помощи заболѣвающему скоту служить опроверженіемъ толковъ, будто бы наши

мужики считаютъ безполезнымъ всякое врачебное пособіе, какъ людямъ, такъ и животнымъ, объясняя все Божиимъ попущеніемъ, противъ котораго ничего не подѣлаешь. Правда, крестьяне наши непредусмотрительны и неспособны, какъ и всё ми русскіе, къ общественнымъ соглашеніямъ; она, наиримѣръ, едва-ли когда-нибудь позаботится сами нанять, насчетъ нѣсколькихъ волостей, ветеринара или медика: думать и предусматривать за нихъ долго еще должны будутъ власти. Но когда бѣда стрясется надъ ними или ихъ скотомъ, то они обращаются ко всѣмъ, кого считаютъ способнымъ оказать имъ помощь. Болтае они только наизусть градскихъ больницъ, зная по опыту, что онѣ были доселѣ только обманомъ и пародіею больницъ, куда больные отправлялись, какъ на вѣрную смерть. Передъ самымъ моимъ отѣздомъ изъ этихъ мѣстъ, прибылъ туда единственный, имѣющійся въ губерніи ветеринаръ, высланный губернскимъ начальствомъ, по требованію, какъ говорили, того титулованнаго помѣщика, о которомъ упоминалось выше. Но что можетъ сдѣлать одинъ ветеринаръ, когда падежъ начинается охватывать уже 4 уѣзда*.

Общее заключеніе о состояніи продовольствія въ тѣхъ волостяхъ, гдѣ я былъ лично или о которыхъ имѣлъ непосредственныя свѣдѣнія отъ тамошнихъ крестьянъ, можно сдѣлать такое. Нужда существуетъ въ нихъ въ различной степени, и притомъ, въ одномъ изъ двухъ уѣздовъ она сильнѣе, чѣмъ въ другомъ. Это послѣднее обстоятельство видно между прочимъ и изъ того, что въ первомъ уѣздѣ значительное количество крестьянъ разбрелось по деревнямъ и городамъ просить милостыню, тогда какъ во второмъ нищія встрѣчаются сравнительно гораздо рѣже, а въ нашемъ околдѣ ихъ почти не было видно. Въ первомъ уѣздѣ и пособія выдавались крестьянамъ чаще, чѣмъ во второмъ. Въ известной мнѣ мѣстности втораго уѣзда есть три или четыре достаточныя деревни, гдѣ крестьяне извлекаютъ свои доходы не столько изъ земледѣлія, сколько изъ разныхъ промысловъ: ѣздятъ въ извозъ, занимаются по городамъ и деревнямъ плотничною и штукатурною работою; здѣшнія штукатуры ходятъ даже въ Петербургъ; двѣ деревни имѣютъ собственныя мельницы. Крестьяне этихъ зажиточныхъ деревень запаслись поугулымъ хлѣбомъ; нѣкоторые довольствуются даже собственнымъ, прошлогоднимъ сборомъ, и хотя ѣдятъ не вдосталь, но и не голодаютъ, а даже ссужаютъ хлѣбъ сосѣдямъ. Изъ одной такой деревни крестьяне ѣздили вволю за хлѣбомъ въ одинъ хлѣбородный

* По возвращеніи въ Петербургъ, я получалъ извѣстіе, что падежъ, къ счастью, скоро прекратился.

уѣздъ другой, даже не сосѣдней губерніи, верстѣ за 300. Замѣтные люди всегда и вездѣ предусмотрительнѣе и запасливѣе бѣдняковъ, которыхъ всѣ помысли подавлены только заботою о завтрашнемъ днѣ. Но такія достаточныя селенія составляютъ здѣсь неключеніе. Остальныя деревни въ извѣстныхъ мнѣ околадахъ обоихъ уѣздовъ можно бы раздѣлить на два разряда. У однихъ собственнаго хлѣба хватило на большій срокъ, такъ что, распредѣвъ кое-что изъ своего имуществва и войдя въ долгъ, онѣ могли растянуть булешный и займтый ими хлѣбъ до настоящей минуты, и хотя мѣшали его съ макиной, но не испытывали того, что собственно называется голодомъ. Другія же деревни вриѣли собственный хлѣбъ еще зимою, и уже въ декабрѣ прошедшаго года питались смѣсами, почти неизмѣнными подобія хлѣба. Въ такихъ деревняхъ крестьяне поддерживаютъ свое существованіе только урывочнымъ питаніемъ, то изъ выдаваемыхъ имъ пособій, то изъ хлѣба, добываемаго ими въ долгъ или чрезъ продажу своего скота и пожитковъ. Положеніе такихъ крестьянъ вполне можетъ быть названо голодомъ, и если о случаяхъ голодной смерти еще не было слышно въ посѣщенныхъ мною мѣстахъ, то это надобно объяснять какъ привычкою здѣшнихъ крестьянъ во всевозможнымъ лишеніямъ (они и въ обыкновенные годы ѣдятъ пушной хлѣбъ), такъ и тѣмъ, что совершенно обнищавшіе и голодные находятъ себѣ пропитаніе прошеніемъ милостини. Притѣмъ, много крестьянъ ушло на желѣзныя дороги и другіе заработки; ушедшіе присылаютъ деньги своимъ семействамъ. Деревни послѣдняго разряда, испытывающія настоящій голодъ, составляли большинство въ первомъ изъ двухъ уѣздовъ, гдѣ я прожилъ всего одну недѣлю, около половины іюня. Вѣроятно, съ тѣхъ поръ голодъ еще болѣе тамъ усилился. Въ другомъ уѣздѣ, гдѣ я пробылъ около четырехъ недѣль в вторнй оставилъ 11-го іюля, одну половину сосѣднихъ съ нами деревень можно отнести къ первому разряду нуждающихся, другую — ко второму, т.-е. къ голодному. Однако, здѣсь и эти голодныя деревни, находясь среди другихъ, менѣе нуждающихся, оказываются въ болѣе счастливомъ положеніи сравнительно съ голодными деревнями перваго уѣзда. Разумѣется, и въ голодныхъ деревняхъ встрѣчаются крестьяне болѣе или менѣе достаточные, которые не подходятъ подъ общее заключеніе. Изъ числа сосѣднихъ уѣздовъ два находятся, по слухамъ, въ самомъ бѣдственномъ положеніи. Знакомый мнѣ арендаторъ большаго имѣнія, живущій въ одномъ изъ этихъ уѣздовъ, разсказывалъ, что въ ихъ околадахъ, въ одной деревнѣ, изъ 120 рев. душъ умерло отъ голода въ іюнѣ 37 душъ.

Многіе адѣйніе крестьяне, какъ бывшіе помѣщачья, такъ и государственные, истощенные голодомъ, распродаютъ свой скотъ и пожитки для покупки хлѣба, виды свои поля незащявными еще съ прошлогодней осени, ввали въ отчаяніе и устремились къ переселенію въ дальнія губерніи. Это переселеніе въ неизвѣстныхъ страны могло бы принять большіе размѣры, еслибы не было сдерживаемо земскою полиціею и убѣжденіями мирныхъ посредниковъ. Нынѣшнею весною, какъ рассказывалъ мнѣ очевидецъ, въ одномъ изъ двухъ описываемыхъ мною уѣздовъ ставовой читалъ крестьянамъ какую-то бумагу о переселеніи въ Самарскую или Оренбургскую губернію; въ бумагѣ этой между прочимъ говорилось, что крестьяне должны сперва послать туда выборныхъ людей для осмотра мѣстъ. Это объявленіе произвело большое движеніе между крестьянами; двѣ волости объявили поголовно, что онѣ желаютъ идти на переселеніе. Между тѣмъ въ другомъ, сосѣднемъ уѣздѣ я слышалъ отъ одного изъ мирныхъ посредниковъ, что имъ и земскою полиціи подъ строжайшею отвѣтственностію предписано препятствовать всѣми способами попыткамъ къ переселенію и убѣждать крестьянъ, что нигдѣ никакихъ земель имъ не отводится. Не знаю, какъ согласить эти два противорѣчивыя сообщенія, въ достовѣрности которыхъ нельзя сомнѣваться; вѣроятно, второе предписаніе было послѣдующимъ и дано именно для отвращенія тѣхъ серьезныхъ затрудненій, которыя могли бы произойти вслѣдствіе перваго. По слухамъ, стремленіе къ переселенію приняло гораздо большіе размѣры въ одномъ изъ сосѣднихъ уѣздовъ, гдѣ мнѣ не случилось быть, хотя этотъ уѣздъ весьма мнѣ близокъ по воспоминаніямъ перваго дѣтства. Тамъ, повидимому, нужда и лишения между крестьянами достигли крайней степени. Очевидцы говорятъ, что въ этомъ уѣздѣ голодные крестьяне, преимущественно изъ государственныхъ селеній, еще съ зими стали продавать свои пожитки, а съ наступленіемъ весны, побросали свои хвизны и незащявныя поля и толпами устремились на переселеніе, съ женщинами и дѣтьми, не зная сами, куда они идутъ. Однихъ успѣли вернуть, другіе ушли; но, конечно, большая часть ихъ должна погибнуть на пути въ неизвѣстную и далекую страну. По слухамъ, раздача нособій въ этомъ уѣздѣ производилась крайне безпорядочно. Въ одномъ официальном документѣ, напечатанномъ въ газетахъ въ срединѣ сентября, сказано, что, по свѣдѣніямъ, полученнымъ отъ мѣстнаго начальства еще въ февралѣ нынѣшняго года, въ описываемой губерніи былъ почти повсемѣстный голодъ, преимущественно же въ тѣхъ двухъ уѣздахъ, о которыхъ говорится въ настоящей статьѣ,

а также въ томъ, гдѣ обнаружилось такое сильное стремленіе къ переселеніямъ. «Въ этихъ трехъ уѣздахъ—сказано въ документѣ — приблизительно двѣ трети населенія не имѣли ни ржи на продовольствіе, ни ярого хлѣба для обмѣненія. Запасныя магазины почти всѣхъ волостей губерніи были въ неудовлетворительномъ состояніи. Вслѣдствіе недостатка въ насущномъ хлѣбѣ, начали появляться болѣзни и усиливаться воровства и грабежи». О послѣднемъ обстоятельстве, т.-е. о воровствахъ и грабежахъ, я ничего не слыхалъ отъ мѣстныхъ жителей; мнѣ самому приходилось не разъ ѣздить, въ глухую полночь, по проселочнымъ дорогамъ и чрезъ здѣшніе густыя лѣса, и со мною ничего подобнаго не случалось. Воровства въ нашихъ околовкахъ случались, но не чаще обыкновеннаго, а главное—виновниками ихъ были не голодающіе крестьяне, но нѣкоторые, всѣмъ извѣстные здѣсь негодяи, давно уже безнаказанно промышляющіе этимъ ремесломъ.

Скалдинъ.

(Продолженіе будетъ.)

НОЧЬ ПОСЛѢ ГРОЗЫ.

Гроза давно умокла. Влажная земля
Покоится въ здоровомъ усыпленьи;
Дохнули свѣжестью окрестныя поля
И лѣсъ сосѣдній замеръ, словно въ восхищеньи.

Далекон мельницы однообразный шумъ,
Какъ усыпляющая нѣсма старон няни,
Наводитъ на душу, усталую отъ думъ,
Забвенье личныа чувствъ, тревогъ, надеждъ, желаній...

Здѣсь духъ стоитъ на томъ великомъ рубежѣ,
Миращемъ временное съ вѣчною свободой,
Когда въ исполненной гармоніи душъ
Мы чуемъ родственную связь свою съ природой.

Безлунной лѣтней ночи строгій полусвѣтъ
Облеаъ весь спящій міръ торжественности краской:
Такъ любящій супругъ, въ разцвѣтѣ силъ и лѣтъ,
Глядитъ въ глаза подруги съ мужественной лаской...

И одинокая, съ насупленнымъ челомъ,
По небу тучка тихо двигается съ юга,
Какъ будто человекъ, что медленно въ свой домъ
Плетется съ похоронъ любимѣйшаго друга...

Ив. Г.-М.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ИЗЪ НЕДАВНЕЙ ПОѢЗДКИ.

I.

Цѣль моего путешествія. На Николаевской желѣзной дорогѣ я убѣждаюсь, что, иди въ карманѣ полтинникъ, можно выиграть самое спорное дѣло, пропустивши даже законные сроки. Приятное сосѣдство въ спальномъ вагонѣ. Хлѣбъ для голодныхъ, вымачиваемый подъ дождичкомъ и поджариваемый подъ солнышкомъ. Московскіе городовые, не выдерживающіе никакого сравненія съ петербургскими. Гулянье въ Сокольникахъ, на которомъ я замѣчаю въ московскихъ студентахъ меченіе къ кокардамъ. Штурмъ вагоновъ третьяго класса Нижегородской дороги. Нѣкоторыя, беззволешныя для публики, свѣдѣнія, собранныя на волжскомъ пароходѣ.

Видно правду говорить, что хорошо только тамъ, гдѣ насъ нѣтъ. Не знаю, какъ другихъ, но меня, по крайней мѣрѣ, постоянно куда-то тянетъ: такъ бы вотъ набилъ чемоданъ, да и уѣхалъ. Впрочемъ, есть основаніе предполагать, что такого рода слабость чувствую не одинъ только я, а почти всѣ мои соотечественники безъ различія сословій и независимо отъ той обстановки, при которой они живутъ. Возьмите, на примѣръ, нашихъ крупныхъ землевладѣльцевъ-помѣщиковъ: ну, чѣмъ бы имъ, казалось, не житье? Вѣкъ свой ничего не дѣлай и тѣшь себя щи съ пряниками; а между тѣмъ и эти идеально счастливые люди нерѣдко продавали хлѣбъ свой на корню, за два, за три года впередъ, чтобы удрать куда нибудь въ Бадень-Бадень въ ружетку и въ карточки поиграть, или въ Ниццу — полежать подъ тѣнью лимонныхъ деревьевъ. Купечество нуше и прикащикій людъ постоянно мечтаютъ, какъ бы поскорѣе удрать на нижегородскую ярмарку, преимущественно въ Кунавину слободу, въ которой, какъ извѣстно, сосредоточиваются всевозможныя удовольствія. Наконецъ, и «черныя непросвѣщенныя», сирѣчь мужики, отличающіеся, какъ постоянно намъ толковали, необыкновенною привязанностью къ домашнему очагу, — и эти, какъ оказалось, постоянно стремятся переѣхать на какую-то Дарью-рѣку съ кисельными берегами и съ сытной водой, а иные рады бы ѣхать и въ такія мѣста, гдѣ нѣтъ ни кисельныхъ береговъ, ни

сытнѣе воды. Привязанность въ насѣженному и пересѣженному мѣсту и здѣсь оказавшаяся такою же слабою и ничтожною, какъ перегнившая веревка, на которой нѣсколько лѣтъ сряду держали цѣпную собаку около господскихъ хлѣбныхъ амбаровъ.

Въ концѣ мая мѣсяца, когда все петербургское населеніе выѣзжаетъ изъ города на дачи, или за границу, — и я тоже послѣдовалъ общему примѣру. На первыхъ порахъ вновь нанятая дача привела меня въ восторгъ: вездѣ зелень, сады и вода; видъ съ балкона открывался верстъ на десять и даже дальше. Удобства увеличивались еще вслѣдствіе того обстоятельства, что дача моя стояла не непосредственно на землѣ, а на крышѣ чужой дачи, въ которой жили какіе-то нѣмцы.

Черезъ нѣсколько дней оказались, однакоже, нѣкоторыя неудобства, прежде мною незамѣченныя. Съ открытаго залива со втораго же дня по моему пріѣздѣ началъ дуть холодный вѣтеръ съ упорствомъ неимовѣрнымъ, и указалъ мнѣ, изъ какого матеріала строятся петербургскія загородныя дачи нашими предпріимчивыми нѣмцами. Оказалось, что хитрый нѣмецъ сколотилъ мое жилище просто изъ тонкихъ барочныхъ досокъ, пробитыхъ, какъ рѣшето, дырами, оставшимися изъ-подъ гвоздей; слѣдовательно, ничто не мѣшало буйному вѣтру вторгаться въ мою квартиру и задувать свѣчку въ то время, когда мнѣ хотѣлось, чтобы она горѣла. Иной разъ даже страхъ забиралъ, какъ бы меня, вмѣстѣ съ мезонинномъ, не сорвало съ крыши чужой дачи. Наконецъ, въ половинѣ іюня, буйные вѣтры поунались, опасность миновала, но появилась за то другая бѣда: дымъ и смрадъ, извѣстіями о которыхъ, за неимѣніемъ другихъ, лучшихъ матеріаловъ, нынѣшнее лѣто пробавлялись всѣ наши газеты. Сначала дымокъ показывался маленькій, и то только по вечерамъ; потомъ все больше да больше и, наконецъ, до слезъ началъ доводить: явилась новая опасность обратиться въ нѣчто въ родѣ копченой корюшки. Подумалъ-подумалъ я — и рѣшился ѣхать; куда бы то ни было, но непременно ѣхать. Почему, напримѣръ, по Волгѣ, по Камѣ не проѣхаться? Почему не посмотрѣть, какія въ этомъ, родномъ мнѣ, краѣ дѣла творятся? Съ достаточною ли быстротою развивается тамъ общественная жизнь, которой, какъ извѣстно, въ послѣднее десятилѣтіе дано вразъ нѣсколько сильныхъ подзатыльниковъ сверху? Много новаго я тамъ увижу, еще болѣе услышу, а, вдобавокъ, избавлюсь на время отъ дыма и смрада, который разъѣдаетъ глаза. Не зная, не вѣдалъ я еще тогда, что петербургскій дымъ и смрадъ успѣютъ прокоптить и пропитать гарью и горечью всю Русь безъ исключенія, даже и самые отдаленные ея края.

Желаніе выбраться какъ можно поскорѣе изъ прокопченнаго Питера было во мнѣ очень сильно, но тѣмъ не менѣе я чуть не опоздалъ на утренній пассажирскій поѣздъ, благодаря флегматическому извощику, котораго трудно было заподозрять въ томъ, чтобы его куда нибудь тянуло отъ биржевой колоды.

Какъ бы то ни было, но въ вокзалъ Николаевской дороги я прибылъ уже въ такое время, когда пассажиры всѣ размѣстились по вагонамъ, оставивъ на память о себѣ на полу лешенки грязь и кое-какіе обрывки тряпокъ. Не огромной залѣ 3-го класса спокойно раскладывали двое или трое сторожей.

— Что, ужъ теперь нельзя? обратился я къ одному изъ раскладывающихся по залу.

— Опоздали! отвѣчалъ сторожъ.

— Экая досада! Еслибы зналъ, то навощика бы лучше нанялъ. Пусть бы лишній полтинникъ ужъ вышелъ... Еслибы кто билетъ мнѣ досталъ, я и сейчасъ бы не прочь полтинникъ заплатить...

Немедленно послѣ этихъ словъ, сказанныхъ про себя, съ досады, одинъ изъ сторожей, молча, взявъ у меня сагъ-вожжъ и, указавши пальцемъ на притворенную дыру въ кассу, отправился по направленію къ ней, пригласивъ и меня слѣдовать за собою. Вслѣдъ за этимъ я тотчасъ же убѣдился, что человѣку, располагающему свободнo полтинникомъ, предоставляется полнѣйшая возможность выиграть самое спорное дѣло, пропустивши даже законные сроки.

Въ томъ отдѣленіи спального вагона, въ которое усадилъ меня добрый сторожъ, народъ собрался все спокойный, молчаливый, повидимому склонный болѣе къ созерцанію и отчасти ко сну, чѣмъ къ спорамъ и оживленной бесѣдѣ. Ближайшій мой сосѣдъ— купецъ съ лопатообразной бородой, по крайней-мѣрѣ съ полчаса сидѣлъ молча, неподвижно; потомъ вдругъ, безъ всякой видимой причины, перекрестился, вытащилъ изъ-подъ подушки сайку и началъ ее медленно жевать. По крайне-медленному движенію челюстей сосѣда можно было съ большою вѣроятностію предположить, что жевалъ онъ сайку вовсе не потому, чтобы особенный аппетитъ чувствовалъ, а такъ, просто для развлечения. Люди просвѣщенные запасаются съ этою цѣлью газетами, но въ нашемъ непросвѣщенномъ отдѣленіи газетъ никто не купилъ, но каждый за то вооружился чѣмъ нибудь съѣстнымъ: это сайкой, кто кренделемъ; а одинъ изъ пассажировъ, не взирая на востный день, вытащилъ даже изъ узелка кусокъ колбасы съ чеснокомъ, что заставляло въ немъ предполагать или человѣка передоваго, съ либеральнымъ образомъ мыслей, или же просто не совсѣмъ православнаго.

Но вѣдь нельзя же было, однако, все время заниматься исключительно жеваніемъ саекъ; нельзя уже потому, что пришлось бы запастись саекъ въ огромномъ количествѣ, тогда какъ пассажиру не позволено имѣть при себѣ, не сдвая въ багажъ, болѣе двадцати фунтовъ. Не знаю, по этой ли, или по какой нибудь другой причинѣ, но только сосѣдъ мой, даже еще не покидая жвачки, обратился ко мнѣ съ рѣчью, имѣющею видъ формальнаго вопроса судебного слѣдователя:

1) Откуда ѣхать изволите?

2) Здѣсь, въ Питерѣ, и прокиваете, или на время только приѣзжали?

3) А теперь куда ѣдете?

На третій вопросъ я отвѣтилъ, разумѣется, что ѣду въ ту же сторону, въ которую ѣдетъ и онъ, то-есть въ Москву; но сосѣдъ такимъ отвѣтомъ не удовлетворился.

— До Москвы только, или еще дальше? спросилъ купецъ съ физиономіей, невыразившей, впрочемъ, никакого любопытства. Ясно было, что онъ и допрашивалъ съ тою же самой дѣлюю, съ какою и сабу жевалъ.

Я сказалъ, что еще дальше.

— Такъ-съ... промчалъ сосѣдъ. — А вы сами-то чьи изволите быть?

Такой неожиданный запросъ даже озадачилъ меня нѣсколько, потому что я никогда прежде не думалъ о томъ, чей я. Чей, въ самомъ дѣлѣ? Если я скажу, что ничей, то подобный отвѣтъ покажется непонятнымъ моему пожилому сосѣду, какъ видно, насквозь пропитанному исключительно русскими началами, выработанными самостоятельной русской наукой. Послѣ такого отвѣта разспросы моего сосѣда не прекратятся, а, напротивъ, усилятся до такой степени, что придется отдѣлываться отъ него какими нибудь крѣпкимъ словомъ, чего бы мнѣ не хотѣлось. Видимое дѣло, что почтенный сосѣдъ со своею, чисто-національной точки зрѣнія, смотреть на всѣхъ вообще согражданъ какъ полицейскіе служители на городскихъ собакахъ, бѣгающихъ по улицамъ съ ошейниками, или безъ ошейниковъ. Если съ ошейникомъ, то, значить, кому нибудь принадлежитъ; ее нужно сберечь, потому что можно даже ожидать награды; если же безъ ошейника,—то, значить, вольная, можетъ быть, даже бѣшеная: всего благоразумнѣе дубиной по лбу треснуть и шкуру содрать. Съ этой точки зрѣнія, въ вопросѣ купца о принадлежности каждаго человѣка другому человѣку ничего не было страннаго, и я, изъ деликатности, долженъ былъ отвѣтить, хотя уклончиво.

— То-есть какъ, чей? переспросилъ я, видѣсто отвѣта. — Просто вотъ по своимъ дѣламъ въ Москву ѣду, да и все тутъ!

Купецъ, повидимому, удовлетворился, но отъ допроса не отсталъ.

— Вы торговлей какой изволите заниматься, служите гдѣ, али бы такъ-съ?

— Такъ! отвѣчалъ я, потому что фраза эта дѣйствительно всего ближе ко мнѣ подходила, да, притомъ, яснѣе-то и отвѣчать не стоило.

Долго еще продолжался кунеческій допросъ. Слѣдователь мой любопытствовалъ узвать, былъ ли у меня батюшка, была ли матушка и иные родственники; продолжался бы, вѣроятно, этотъ допросъ вплоть до отвѣта: «убирайтесь отъ меня къ чорту!», еслибы мы не подѣхали въ какой-то полустанціи, на которой сосѣдъ мой бросился покупать пироги и ватрушки.

Версть за пятьдесятъ отъ Петербурга и дальше, по объѣмъ сторонамъ желѣзной дороги, видѣлся лѣсной пожаръ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дымъ подходилъ къ самой насшии и лѣвъ въ окна вагона. Печальная мѣстность сдѣлалась еще печальнѣе отъ пожирющаго ее внутренняго, подземнаго огня. Изсохшее болото, да мелкій соснакъ и ельничъ желто-краснаго цвѣта на безконечное пространство, а вдали дымъ. Поневолю всѣмъ пассажирамъ вразъ захотѣлось закрыть окошки наглухо занавѣской, поднять пологи, замѣняющія кровати, и улечься поспать до обѣда.

Не знаю, какому счастливому случаю мы были обязаны, но только на этотъ разъ нашъ поѣздъ опоздалъ всего на какихъ нибудь двадцать минутъ съ небольшимъ. Въ девять часовъ утра мы уже прокатили мимо Марьиной роши и потихоньку танулись мимо цѣлыхъ горъ рогожныхъ кулей съ хлѣбомъ, наваленныхъ грядями по объѣмъ сторонамъ дороги. Это, какъ мы узнали, были запасы продовольствія, предназначенные для нашихъ голодныхъ согражданъ сѣверныхъ губерній: хлѣбные запасы эти здѣсь временно вымачивались подъ дождичкомъ и поджаривались подъ солнышкомъ. О возможности порчи хлѣба, казалось, никому и мысль въ голову не приходила, да едва-ли и могла прійти. Каждый очень хорошо сознавалъ, что обезумѣвшимъ отъ голодухи нашимъ сѣвернымъ братьямъ, привывшимъ пожирать вмѣсто хлѣба мохъ, древесную кору и даже *молотыя шишки избы*, — и самый дрянной хлѣбъ покажется превосходнымъ, а осолодѣлый хлѣбъ даже долженъ показаться слаще неосолодѣлаго.

Аккуратность, съ какою нашъ поѣздъ прибылъ въ Москву, была до такой степени непривычна, что всѣ мы, пассажиры, взглянули на нее, какъ на нѣчто болѣзненное, ненормальное. Много было разныхъ догадокъ и предположеній, болѣе или менѣе вѣроятныхъ, наконецъ остановились на томъ, что такъ-дакъ на дняхъ Николаевская дорога будетъ сдана главному обществу, то старое начальство на послѣднихъ порахъ захотѣло зарекомендовать себя съ хорошей стороны. Быть можетъ, молъ, главное общество, замѣтивъ въ старомъ начальствѣ рѣзкій поворотъ къ лучшему, переимѣнитъ гнѣвъ на милость и скажетъ: «оставить всѣхъ ихъ, старыхъ, на прежнихъ мѣстахъ и прибавить имъ жалованья, ибо доказано уже тысячами примѣровъ, что отъ прибавки жалованья на Руси чиновники совершенно видоизмѣняются, становясь изъ черныхъ бѣлыми, какъ свѣтъ!» Очень жаль, что старое начальство за умъ хватилось поздно немножко, всего только за недѣлю какую нибудь передъ смертью; а то бы намъ, пассажирамъ, куда бы какъ хорошо было!

Если чтò и можетъ броситься въ глаза человѣку, пріѣхавшему изъ Петербурга въ Москву, — такъ это, вопервыхъ, примѣрная грязь и нечистота и, воторыхъ, ничтожное, сравнительно съ петербургскимъ, количество городскихъ, къ которымъ такъ привыкъ глазъ петербуржца; впрочемъ, первое, то-есть нечистота

по улицамъ, бросается больше въ носъ, чѣмъ въ глаза, а потому а поговору преимущественно о второмъ, то-есть о городскихъ.

Петербургскіе городавны, какъ извѣстно, народъ все рослый, красивый, одѣтый франтовски; они по угламъ улицъ точно монументы какіе стоятъ, и поза у нихъ величественная и благородная. Иной разъ, какъ протянетъ руку по направленію къ остановившемуся на дорогѣ извознику, — смотрѣть любо: точно статуя Петра-Великаго. Не даромъ, какъ изъ газетъ видно, московскій оберъ-полицеймейстеръ поѣхалъ въ Петербургъ съ ключательной дѣлюю посмотреть петербургскую полицію, чтобы, но этому образцу, устроить ее и у себя, въ Москвѣ.

Московскіе городовые не выдерживаютъ никакаго сравненія съ петербургскими. Тамъ на иномъ перекресткѣ встрѣтишь городского худенькаго, преземистаго, съ какой-то, вовсе невинственной фізіономіей и одѣтаго мѣшквата, а на другомъ такъ и вовсе его не встрѣтишь и, если спросить, гдѣ онъ? то услышишь въ отвѣтъ: «пошелъ по кварталу полицейскую газету разносить!» Разъ, проходя по Колосову переулку, я случайно набрелъ на ужаснѣйшее побоище: двое московскихъ гражданъ били не на животъ—на смерть третьяго москвича гражданина, а густая толпа московскихъ гражданъ любовалась этимъ зрѣлищемъ среди улицы. Такъ-какъ избитый едва уже дышалъ, то нѣсколько сострадательныхъ зрителей отправились въ будку и на ближайшій перекрестокъ за городовымъ, но ни въ томъ, ни въ другомъ мѣстѣ не отыскали ни одного. На вопросъ, куда же онъ дѣвался?—услышали они обычный отвѣтъ: «пошелъ полицейскую газету разносить!»

Или, напримѣръ, насчетъ уваженія. Въ Петербургѣ ни одному прохожему, даже пьяному, въ голову никогда не придетъ, въ виду полицейской власти, пачать какимъ бы то ни было способомъ тротуаръ, или стѣны домовъ, а въ Москвѣ это — сплошь да рядомъ. Въ Москвѣ даже и въ сухую погоду по тротуарамъ ходитъ мокро, да и самыя стѣны домовъ, сплошь до оконъ перваго этажа, разукрашены никогда невысыхающими потоками поной, называемыми фонтанами московскихъ слезъ.

Такъ-какъ ивъ никогда еще не случалось бывать на московскихъ загородныхъ гуляньяхъ, то я, пользуясь случаемъ, отправился въ Сокольники на какой-то семейно-танцевальный вечеръ, на которомъ испыталъ за уплаченный рубль тоску самую мучительную. Около одной изъ аллей скучной сосновой рощи отгороженъ былъ тѣномъ евадратъ саженъ въ 60, на задней сторонѣ котораго стоялъ деревянный амбарчикъ съ волоннами, оказавшійся воксаломъ. Около загорода, съ наружной ея стороны, наставлены стулья, натасканные съ дачъ. Здѣсь тихой похоронной процессіей танулась безконечная дѣль разводѣтнхъ дамъ и кавалеровъ, воторіе въ ворота загорода, однако же, не шли, такъ-какъ за входъ нужно было заплатить по рублю. Въ амбар-

чинѣ, уставленномъ стульями, кое-гдѣ торчали посѣтители и посѣтительницы, слушаа жиденькій оркестръ музыки. Ни одобреній, ни порицаній со стороны публики не было: всѣ сидѣли чинно и поглядывали вдалѣ другъ на друга тоскливо. Кто-то въ углу заклоналъ—было въ ладоши, но тотчасъ же пересталъ, вѣроятно, сконфузившись своимъ одиночествомъ, а бить можетъ и просто испугавшись законной отвѣтственности. Въ Москвѣ вѣдь былъ уже случай, что за аплодисменты въ театрѣ нѣсколько человѣкъ студентовъ посажены были подъ арестъ и отданы подъ судъ.

Оркестръ попиливалъ часа полтора и скрылся куда-то; слѣдомъ за нимъ разошлись и слушатели изъ загорода, напоминающей собою овчарню. Похоронная процессія двигалась по-прежнему, а изъ глубины роши доносились звуки шарманки. Когда нѣсколько стемнѣло, въ овчарнѣ зажгли плошки и ставанчичи; далеко по окрестности распространился запахъ блиновъ, жаренныхъ въ испорченномъ маслѣ, и въ амбарчикѣ опять появился оркестръ. Теперь публики собралось уже больше прежняго. Появились каіе-то странно одѣтые вноши въ лаковыхъ башмакахъ, бархатныхъ короткихъ пиджакахъ и въ бѣлыхъ военныхъ фуражкахъ съ кокардами и нѣсколько дѣвицъ. Франты съ кокардами, по справкамъ, оказались студентами, изъ которыхъ многіе, какъ разсказываютъ, отличаются любовью къ кокардамъ. Начались танцы,—и я, разумеется, отправился домой, сожалѣя о потраченномъ времени и потерянномъ рублѣ.

Обжегшись разъ на московскомъ увеселительномъ учрежденіи, мнѣ еще больше прежняго захотѣлось поскорѣе удрать вонъ, подалше отъ этихъ центровъ, которые насъвозъ меня пропитали и прожали. Потянуло меня неудержимо вдалѣ, на Волгу и на Каму, гдѣ, по крайней-мѣрѣ, вовдухъ почище и жизнь попривольнѣе.

Суда по тому, какое громадное количество пассажировъ лѣзло въ вагоны нижегородской дороги, можно было подумать, что, вмѣстѣ со мною, вся Москва тронулась. Вагоны третьяго класса буквально брались приступомъ и дѣло обходилось не безъ драки. Здоровенные мужики, подылавши покрѣпче къ синямамъ мѣшки, со сжатими кулаками и свирѣпымъ видомъ храбро лѣзли другъ на друга въ двери вагона, откуда другіе, такіе же свирѣпые люди, толкали штурмующихъ въ грудь и куда попалю. Платформа желѣзной дороги буквально на время обратилась въ поле брани, но ужъ никакимъ образомъ не въ поле чести, потому что брань раздавалась всюду самая невогребная. Начальство желѣзной дороги не только не вступалось въ разборъ всѣхъ этихъ споровъ и недоразумѣній, доходящихъ до зуботычинъ, но само наускивало новыя толпы рабочихъ съ мѣшками на отчаянные штурмы. Ну, куда вы, ослы, лѣзете? Куда лѣзете? озлобленно кричали высунувшіеся изъ вагонныхъ дверей красныя, банныя фізіономіи пассажировъ: мы и то другъ на

дружѣ сидимъ. На головы, что ли, вы въ намъ сядете? — Но никакіе доводы не могли остановить штурмующихъ. Поощряемые сюда желѣзно-дорожнымъ начальствомъ, они лѣзли неудержимо и, направляемые сюда новыми толпами, обращали всякій разъ самыя жестокіе отпоры въ ничто. Здѣсь, стоя на платформѣ нижегородской дороги, можно было получить понятіе о настоящей атакѣ и штурмѣ, несравненно болѣе ясныя понятія, чѣмъ, напримѣръ, на военныхъ маневрахъ. Здѣсь очень ясно каждый желающій могъ видѣть, какъ это на поляхъ битвъ —

«Надъ старымъ строемъ новый строй
Штыки смываетъ...»

Здѣсь только фразу «штыки смываетъ» нужно было замѣнить другою, а именно: «мѣшки смываетъ», потому что штурмующіе рабочіе дѣйствовали своими мѣшками, какъ солдаты штыками. Туго набитые мѣшки, выдвигаемые впередъ, впервыхъ, обезсиливали удары и толчки, а вовторыхъ, подавляли своей тяжестью энергію вагоннаго гарнизона. Изъ набитаго вагона, когда онъ, наконецъ, захлопывался самымъ начальствомъ, слышались стоны, вопли и брань великая. Нѣкоторые изъ пассажировъ, просунувъ кое-какъ изъ окна голову между десятками другихъ головъ, осмѣливались даже бранить вслухъ начальство, которое, будто бы, за мѣста въ вагонѣ деньги получаетъ, а мѣста отводить на головахъ и плечахъ пассажировъ. Желѣзное начальство слышало брань, видѣло кто бранится, но уже не обижалось, а улыбалось только, сознавая, вѣроятно, что за великія мученія можно сдѣлать кое-какую уступку. Въ качествѣ утѣшителя скорбящихъ, въ туго набитые вагоны послали юнаго, милостиваго кондуктора, который съ ангельской улыбкой докладывалъ огорченнымъ пассажирамъ, что имъ страдать придется только до третьей или до четвертой станціи, гдѣ болѣе половины публики выльзетъ.

Версты за полторы до нижегородскаго воксала предъ глазами нашими предстала та же картина цѣлаго горнаго врижа изъ кулей съ хлѣбомъ подъ открытымъ небомъ, какою ми любовались и на московской. Какой-то чиновникъ, глядя на безконечный рядъ кулей, оглядываясь по сторонамъ, проговорилъ громко, на весь вагонъ: «Вотъ ужъ именно правильно говорится, что съ голода не умираютъ люди на Руси сватой. Чуть только начальство узнало о кое-какихъ недостаткахъ въ хлѣбѣ, — сейчасъ вонъ сколько навезли, и все вѣдь на пожертвованія. Теперь, кажется, пожаловаться ужъ ни на кого нельзя: слава Богу, благодать!»

— Не пріемли имени Господа твоего всуе! возразилъ степеннаго вида купецъ. — Навезти-то навезли—это точно, да голодные-то изъ этого сити не будутъ. Хлѣбъ-о-тъ этотъ вотъ ужъ тѣ мѣсяцъ тутъ лежитъ подъ дождемъ. Солодъ вмѣсто хлѣба олучать наши голодающіе!

Многіе изъ пассажировъ улыбнулись невеселой улыбкой, да головами покачали, а у чиновника такая физиономія сдѣлалась, что, казалось, такъ бы вотъ сейчасъ вразъ онъ два или три предостереженія сдѣлать наивному купцу, еслибы сѣдѣлъ не въ вагонѣ и не среди такой публики.

Но невеселыя мысли быстро разсѣялись сами собою. Направо показалась во всей своей красотѣ и величїи, только-что усиленная прогорѣть, знаменитая Кунавина слобода, которая чуть не каждый годъ очищается огнемъ и водой и все-таки никакъ не можетъ очиститься отъ грязи. Появилась на горѣ, неавѣстно съ какою цѣлью воздвигнутая, верзила-башня съ часами, по которымъ съ ярмарки все-таки нельзя было узнать, который часъ. Прядь зрителями раскинулась дѣлая панорама широкой, мелководной рѣки, горъ, садовъ и красивыхъ вѣдаль, но облупленныхъ, а главное, вовсе ни къ чему негодныхъ построекъ, которыми отличаются всѣ наши старинные города, окруженные кирпичными стѣнами на случай нашествія татаръ, хотя нынѣшніе татары дѣлають набѣги не съ оружіемъ въ рукахъ, а съ мыломъ и халатами.

По выходѣ на крыльцо воксала, я тотчасъ же имѣлъ случай убѣдиться, что нижегородская полиція не бездѣйствуетъ. На всѣхъ столбахъ, въ огражденіе пассажировъ, вывѣшены таксы дѣнь, по которымъ должны бы возить нижегородскіе извозчики на пароходныя пристани, еслибы извозчики были люди благонамѣренныя и послушныя. Я, признаюсь, ни въ какія таксы не вѣрю и всегда больше стараюсь придерживаться свободныхъ торговъ и переторжекъ, но за то до смерти люблю смотрѣть на глубоко вѣрующахъ въ нихъ людей, когда они свои вѣрованія горячо начинаютъ примѣнять къ практикѣ.

На этотъ разъ одинъ изъ нашихъ пассажировъ, какъ видно, приверженецъ строгой законности, твердо вѣруя въ таксу, сѣлъ прямо на перваго, близъ стоявшаго, извозчика, и приказалъ трогать на пристань. Извозникъ молча слѣзъ съ козелъ, снялъ съ дрожекъ сѣвъ-вожъ своего непростеннаго сѣдока и попросилъ самаго сѣдока сойти прочь, потому что онъ уже занятъ. То же самое повторялось съ нимъ разъ пять или шесть, тогда какъ люди, придерживающіеся свободнаго торга, спокойно сѣдлись-себѣ, и уѣзжали. Законникъ перебрался со своимъ сѣвъ-вожѣмъ на крыльцо воксала, горячился, размахивалъ руками и кричалъ, что онъ покажетъ, кто онъ такой, и заставитъ уважать законъ; грозился въ газетахъ даже пропечатать, — но грубые извозчики не пропались и этимъ. Въ довершеніе несчастія законника, въ нему подошелъ жандармъ и вѣжливо замѣтилъ: «Господишь, потрудитесь сойти внизъ; здѣсь не призвано!..» «А такса-то зачѣмъ? злобно закричалъ законникъ. — А ты-то, наконецъ, зачѣмъ здѣсь торчишь?» «Пожалуйте, господишь, внизъ!» повторилъ жандармъ уже болѣе настойчиво, и здоровенная рука его въ бѣлой перчаткѣ согнулась, какъ у лакея, когда

онъ намѣревается подсаживать свою старую барыню въ карету... Чѣмъ кончилась исторія, — не знаю, потому что и мнѣ пора было ѣхать на пристань, покуда не разѣхались всѣ извозчики.

Наконецъ, я у дѣли своихъ желаній, на Волгѣ, и, притомъ, на одномъ изъ роскошнѣйшихъ пароходовъ волжской компаніи, подъ названіемъ «Государь», сдѣланномъ въ Англіи, не по нашему. Это не то, что какой-нибудь меркурьевскій «Купецъ» или «Молодецъ», на которыхъ сидишь точно на водяной мельницѣ, да и то на такой, которая вѣдомствомъ государственныхъ имуществъ въ старше годы сдавалась обыкновенно въ аренду за 15 рублей въ годъ.

Пассажировъ на роскошномъ пароходѣ было, какъ говорится, разъ-два — да и обчелся; впрочемъ, и всѣ вообще пареходы, во время отартія нижегородской ярмарки, внизъ по Волгѣ идутъ пустыми, выручая уже съ избыткомъ свои протори и убытки на обратномъ пути. Случается, что въ этотъ ярмарочный періодъ времени на пароходахъ (особенно самолетской компаніи, отличающейся своей отмѣнной бездеремонностью) пассажировъ везутъ съ такими же точно удобствами, съ какими въ добрыя времена возили негровъ-невольниковъ изъ Африки въ Америку. Палубу сплошь уставать ящиками съ астраханскими фруктами, которыми торгуютъ и капитанъ, и лодмана, и матросы; въ промежуткахъ навалать дровъ, а въ свободныя щели, между фруктами и дровами, напустить человѣкъ 200, такъ-называемыхъ, пассажировъ 3-го класса, съ которыми обыкновенно обращаются съ меньшей церемонностью, чѣмъ съ дровами. Каюты 2-го класса, въ эти тяжкіе для пассажировъ времена, тоже превращались въ нѣчто въ родѣ тюремныхъ камеръ съ нарами по стѣнамъ. Отъ вопіющихъ неудобствъ освобождаются лишь только каюты перваго класса, и то потому единственно, что въ нихъ нрѣдко сидятъ вониственнаго вида служащіе и отставные генералы.

На нашемъ пароходѣ пассажировъ собралось до такой степени много, что даже тоска забирала. Въ огромную каюту собралось всего человѣкъ семь-восемь: форсистый русскій купчикъ съ европейской наружностью, армянинъ, чахоточный, умирающій офицеръ, чиновникъ съ красивыми бачками, и еще двѣ какія-то личности, которыхъ разглядѣть не представлялось случая. Темныя эти личности, какъ только вступили въ каюту, сейчасъ раздѣлись по домашнему, залегли спать, и спали вплоть до Казани, изрѣдка только, второпяхъ, выбѣгая на палубу. Въ женскомъ отдѣленіи помѣщалась вунчица, молоденькая вертлявая барышня и горничная.

Чахоточнаго офицера везли, какъ оказалось, на кунисъ, хотя каждому, и не медику, было ясно, что онъ ѣдетъ прямо на какое нибудь изъ кладбищъ Самарской губерніи. Больной еле двигался, бранилъ все кого-то и безпрестанно приговаривалъ при-

служъ закупоривать окна въ каютѣ, хотя для пассажировъ, неразсчитывающихъ еще на кладбище, это было положительно невыносимо. Всѣ отправились на палубу. Туда же вышла и вертлявая барышня, какъ оказалось, жена умирающаго офицера. Несмотря на постигшее ее несчастье, она хохотала безъ умолку, и только изрѣдка, видимо искусственно, дѣлалась на минуту серьезною, печально качала головою, хотя въ то же время глаза у нее смѣялись. Теперь только сдѣлалось мнѣ понятнымъ, къ кому обращалась брань умирающаго офицера, неподвижно лежавшаго въ душевной каютѣ. Предъ глазами моими разыгрывалась, значить, одна изъ тѣхъ плачевныхъ семейныхъ драмъ, которыя каждому, сколько нибудь наблюдательному челоуѣку, таскавшемуся по бѣлому свѣту, случается владѣть чаще, чѣмъ постоянному посѣтителю Александринскаго театра плохія тенденціозныя драмы и водевили съ клубничнымъ характеромъ.

Щеголеватый купчикъ распылся предъ будущей неутѣшной вдовой, какъ бѣсъ передъ заутреней; чиновникъ съ бачками мало чѣмъ уступалъ купчику, а армянинъ и самъ, какъ видно, сознавая себя неспособнымъ конкурировать съ этими господами по разговорной части, пристально, не спуская глазъ, смотрѣлъ на барыню и по временамъ вздыхалъ.

Даже и ночью духота не позволяла спуститься въ каюту, въ которой стоналъ умирающій. Ночь была теплая, свѣтлая, и Волга казалась еще привольнѣе, нежели днемъ. Ловко управляли два рослые, плечистые лодмана рулевымъ колесомъ, не посадивъ нашего «Государя» ни разу на мель, что съ другими пароходами случается—таки частенько. Кстати, въ послѣднее время почти уже ни одна пароконная волжская компанія не приглашаетъ въ капитаны морскихъ нашихъ офицеровъ, какъ это еще недавно было въ обычаѣ у всѣхъ компаній. Впервыхъ, флотскіе офицеры обходились очень дорого, а вовторыхъ, рассказываютъ, что они чаще, нежели кто другой сажали пароходы на мель, такъ какъ имъ Волга была столько же извѣстна, сколько волжскимъ лодманамъ извѣстно Балтійское море. Отдавая полную справедливость искусству нашихъ балтійскихъ моряковъ, съ какимы они проводятъ военные фрегаты и броненосныя суда мимо мелей и шхеръ, рѣчныя пароконныя компаніи пришли къ тому убѣжденію, что для волжскихъ пароходовъ самые полезные люди — простые лодмана, родившіеся на Волгѣ.

На этотъ разъ я проплылъ мимо Казани, пересѣвши на другой пароходъ. Мнѣ хотѣлось сначала съѣздить въ Каму, чтобы, высадившись тамъ на одной изъ отдаленныхъ пристаней Казанской губерніи, совершить небольшое сухопутное путешествіе и собственными глазами увидѣть, съ достаточною ли быстротою развивается въ этомъ, родномъ мнѣ краѣ, общественная жизнь, которой, какъ извѣстно, въ послѣднее десятилѣтіе дано нѣсколько сильныхъ толчковъ сверху.

II.

Чисто-русскій городъ съ греческимъ окончаніемъ. Наружный видъ города и неудачныя попытки къ его улучшенію. О томъ, какими способами ведется обширная хлѣбная торговля и какое вліяніе имѣютъ подобныя сношенія на крестьянъ.

Съ какимъ-то особеннымъ, чрезвычайно сложнымъ, смѣшаннымъ и неопредѣленнымъ чувствомъ подплывалъ я на пароходѣ къ пристани города Чистополя*, къ пункту, съ котораго я рѣшился начать свои наблюденія. Въ этомъ городѣ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ качествѣ предсѣдателя земской управы, я прожилъ слишкомъ годъ. При мнѣ открыта управа, мною составлены всѣ проекты, которые теперь уже, какъ утвержденные собраніемъ, должны быть уже приведены въ исполненіе. Очень естественно, что мнѣ, больше чѣмъ кому-либо, любопытно было посмотреть, какъ осуществилось на дѣлѣ все то, что тогда только лишь казалось удобоисполнимымъ. И такъ, при самомъ обсужденіи моихъ проектовъ, люди опытные, мужи, убѣжденные съдиною, повачивали головами, въ душѣ сердились и не противорѣчили единственно только потому, что не умѣли противорѣчить и, притомъ, боялись, чтобы не прослыть ретроградями. Проектъ о переложеніи подводной повинности въ денежную съ привлеченіемъ къ платежу всѣхъ землевладѣльцевъ и капиталистовъ — едва-едва прошелъ. Мужи, убѣжденные съдиною, хотѣли было вытащить изъ-подъ спуда старинный указъ о вольности дворянства и опереться на него, какъ на несокрушимую твердыню; но, къ счастью, въ собраніи преобладали черные и русые волосы, а съдины составляли только лишь ничтожный комокъ, немѣвній силы**.

* Чистополь — уѣздный городъ Казанской губерніи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, одна изъ важнѣйшихъ хлѣбныхъ присатней на Камѣ. Настоящее названіе этого города, вѣроятно, было просто *Чистое поле*, а греческое окончаніе, надобно полагать, присвоено уже впоследствии, такъ больше, изъ приличія. Судя по окончанію *поль* — подумаешь, что городъ основанъ греками, точно будто Севастополь, или Константинополь, но за то ужъ слово *Чисто*, какъ его ни перевертывай, все-таки остается чисто русскимъ. Могу побожиться, что городъ Чистополь никогда не былъ греческой колоніей. Метрополіей его, по справедливости, можетъ считаться, недалеко отъ него отстоящее, село Рыбная слобода, изъ котораго вышли всѣ родоначальники нѣкѣйшихъ именитыхъ чистопольскихъ купеческихъ фамилій. Недалеко отъ Чистополя есть деревня Дикое Поле, которое тоже, вѣроятно, когда разбогатѣетъ и увеличится, превратится въ Диконополь, на томъ же основаніи, какъ и Чистое поле въ Чистополь, въ которомъ нѣтъ ни одного грека; развѣ случайно какой зайдетъ съ коробкой, или съ халвой.

** Въ обществѣ, къ сожалѣнію, до сей поры еще понятіе о съднхъ волосахъ тѣсно соединено съ понятіемъ о мудрости и умственной зрѣлости, хотя это далеко не всегда такъ. Недавно, въ одной австрійской газетѣ былъ раскла-

Времени мною прожито въ этомъ городѣ немного, но за то немало пережито. Не входя въ неинтересныя читателямъ подробности, я замѣчу только, что въ чистопольской управѣ, въ теченіе первыхъ трехъ лѣтъ, успѣло переимѣниться *четыре председателя*, членами же въ этотъ короткій промежутокъ времени перебивала чуть не третья часть всего количества гласныхъ. Въ председателяхъ успѣли перебивать люди различныхъ сословій и національностей; не было покуда только татарина и чувашанина. Былъ въ числѣ ихъ и князь, но очень, впрочемъ, недолго, и то больше номинально. Онъ все время прожилъ вдали отъ управы, и даже за полученіемъ жалованья не пріѣзжалъ. Теперь, пятимъ по счету председателемъ, — мѣщанинъ, вышедшій изъ крестьянскаго сословія.

Уже изъ одного количества председателей и членовъ, успѣвшихъ смѣниться въ три года, читателю дѣлается болѣе или менѣе яснымъ, почему я завелъ рѣчь о *пережитомъ мною* въ теченіе года въ русскомъ, купеческомъ городѣ, съ греческимъ окончаніемъ. Считаю великимъ прежде всего поговорить о самомъ городѣ.

Каждый, имѣющій привычку выражаться точно и опредѣленно, увидавши хотя разъ въ жизни Чистополь, сейчасъ бы понялъ, что словъ *Чисто* — рѣшительно неподходяще и неприлично, какъ къ его греческому окончанію, такъ, равно, и къ самой вѣщности города. Его съ бѣльшимъ удобствомъ можно было бы назвать гравнополемъ, мервополемъ, свинополемъ, или, вообще, какъ вамъ угодно, но съ единственныи условіемъ: не употребить слова, чистоту выражающаго.

Городъ этотъ, по населенности своей, занимаетъ не послѣднее мѣсто между уѣздными городами: въ немъ числится до двѣнадцати тысячъ постоянныхъ жителей, но ужъ за то, относительно внутреннихъ удобствъ, — не взыщите! Осенью и весною, даже на самыхъ главныхъ его улицахъ, люди и лошади буквально тонуть въ жидкой и липкой, какъ растворъ вишневаго клея, грязи. (Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, на базарной улицѣ, одинъ мужикъ, дѣйствительно, утонулъ въ грязи. Нѣкоторымъ оправданіемъ городу можетъ служить здѣсь то обстоятельство, что, при судебномъ вскрытіи, въ желудкѣ у мужика оказалась водка и каленныя явцы; хотя, съ другой стороны, еслибы подвергнутъ

занъ замѣчательный случай, какъ, заграницей, въ одномъ игорномъ домѣ, въ нѣсколько минутъ совершенно посядѣлъ какой-то прокутившійся 22-лѣтній дворянъ, сынъ русскаго откупщика, поставивъ на карту послѣднія 75 тысячъ. Неужели и такихъ сѣдихъ кутилъ, когда они, промотавшись заграницей, возвратятся въ отечество, мы будемъ считать тоже мудрыми?

Во всѣхъ календаряхъ, по завѣренію аферистовъ-издателей ихъ, *тщательно просмотренныхъ*, въ Чистополь значится 1,800 съ чѣмъ-то жителей, тогда какъ въ немъ теперь навѣрное слишкомъ *двѣнадцать!* Что, еслибы кто взялъ на себя трудъ проверить дѣйствительно всѣ эти *тщательно просмотренные* календари? Вотъ бы враки-то открылись!

вскрытію каждаго чистопольскаго гражданина послѣ двѣнадцати часовъ пополудни, те въ желудкѣ жидкія частицы оказались бытъ же, что и у покойнаго мужа). Въ городѣ устроены тротуары, но такого свойства, что можно недумать, будто устроены они для гибели человечества, а не для удобства: это, скорѣе, каньоны, чѣмъ тротуары. Въ самое послѣднее время, при новомъ исправникѣ, разставили-было по улицамъ нѣсколько фонарей, но сомнительно, чтобы это нововведеніе удалось. На другой же, или на третій день, два фонаря *урали*. Мѣстные статистики расчитываютъ, что къ концу осени останутся въ городѣ только два фонаря: у подъязовъ исправника и его помощника; остальные же всѣ будутъ раскрадены, такъ-какъ въ Чистополѣ вѣрно придерживаются мудрой поговорки: «всякъ для себя, — Богъ для всѣхъ». Сторожили рассказывать, что много лѣтъ тому назадъ, какому-то мудрому городничему удалось вбить въ голову не менѣе мудрому и податливому городскому головѣ мысль о необходимости вымостить улицы камнемъ. Камень былъ принасенъ и сложенъ на видномъ мѣстѣ, но граждане *сезъ се раскрам* на камени въ баняхъ и на другія домашнія потребности. Мудрый городничій и голова усѣбли теперь уже обратиться въ мифъ, а камень тоже улетучился.

Судя по тому, что Чистополь расположенъ на наклонной плоскости, довольно круто спускающейся къ Камѣ, большой грязи нельзя бы, кажется, въ немъ и ожидать; но, чего бы не слѣдовало ожидать отъ естественнаго расположенія, къ тому нечистоплотные чистопольскіе жители пришли искусственными способами. Чистополы, въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго періода времени, стучѣли накопить на своихъ улицахъ толстый слой искусственной почвы изъ перегниваемаго навоза и всевозможныхъ гниющихъ остатковъ и, наконецъ, достигли до того, что теперь улицы ихъ мостить даже неудобно: камни тонуть въ жидкой, вязкой грязи, и ложатся такъ глубоко, что толку отъ нихъ никакого и быть не можетъ. Самое простое и легкое дѣло обратилось теперь въ головоломное; а все потому единственно, что грязи ужъ стѣшкомъ много накопилось. Надъ накопленіемъ ея трудилось нѣсколько поколѣній.

Впрочемъ, и незамѣтно, чтобы чистополы ломали голову надъ разрѣшеніемъ этого вопроса; они давно порѣшили его по своему, безъ всякой головоломной работы: богатые граждане завели у себя лошадей и экипажи, такъ что ихъ прѣшихъ и увидать такъ же трудно, какъ китайскихъ дѣвицъ изъ мѣстной аристократіи, у которыхъ, какъ извѣстно, ноги нарочно дѣлаютъ негодными для ходьбы; а бѣдному населенію все равно: могутъ ходить или въ смазныхъ сапогахъ, или босикомъ, соображаясь съ состояніемъ. На этомъ всѣ и успокоились и принялись опять накапливать на своихъ улицахъ гнилую, вязкую почву для будущихъ поколѣній. Но, въ то же время, нельзя однакоже сказать, чтобы богатые люди не заботились объ украшеніи города. Въ прошед-

шестъ году, напрямѣръ, богатые граждане порѣшили устроить, на общественныхъ городскія суммы, на площади, при самомъ выѣздѣ изъ города, огромный скверъ, на манеръ петербургскаго на Румянцовской площади, — и работа уже кипитъ попетербургски. Огромная площадь огорожена красивой рѣшеткой, деревья равсажены, дорожки проложены, и, хотя скверъ этотъ, по соудству съ безконечными полями, лугами и рощами, можетъ показаться вещью совершенно ненужною, — но все-таки, какъ хотите, а красиво выходитъ. Если — чего можно сильно опасаться — энергія къ рожденію новой рощи не остынетъ; если это потѣшное предпріятіе чистопольскихъ затѣйниковъ не будетъ потоптано коровами и телатами и возбуждено свиньями, — то, вполсѣдствіи, можетъ вырости на этомъ мѣстѣ отличная роща, которую руководители городской думы могутъ выгодно продать на срубъ, точно такъ же, какъ продали нынѣшнюю превосходную дубовую рощу около самаго города, служившую, въ теченіи многихъ лѣтъ, единственнымъ загороднымъ гулянемъ. Впрочемъ, вполсѣдствіи, новый скверъ съ большимъ удобствомъ можетъ идти и подѣ кладбище, которое находится съ нимъ по соудству и станвится уже тѣснымъ.

Впрочемъ, нельзя сказать, чтобы богатые и именитые чисто-попы не дѣлали кое-чего и для низшей ободранной братіи. Впервыхъ, и самый скверъ устроивается на общественный счетъ, значить для всѣхъ; въ немъ, когда деревья подростутъ, могутъ гулять, сколько душѣ угодно, и бѣдняки. (Оно и встаетъ, потому что, когда городскую рощу вырубятъ, то тѣнь и успокоеніе въ лѣтніе жары бѣдняки найдутъ только лишь на кладбищѣ. У богатыхъ, опять-таки, свои сады есть); вовторыхъ, устроивается и еще кое что, кромѣ сквера. По завѣщанію умершаго купца Полякова, наследникъ его воздвигъ въ прошломъ году на берегу Камы новую, прекрасную каменную церковь, которую съ Камы видно издали, со всѣхъ сторонъ. При церкви устроенъ монастырь для нѣсколькихъ женщинъ, разумѣется, небогатыхъ, неспособныхъ или отвыкшихъ отъ работы, такъ что, безъ вновь устроеннаго общежитія, онѣ бы принуждены были голодать, или съ величайшимъ только усиленіемъ приниматься за работу. На это учрежденіе, которое мы не смѣемъ назвать иначе, какъ полезнымъ, — употреблено до восьмидесяти тысячъ денегъ.

Вообще, если рѣчь повести объ общественной благотворительности мѣстнаго купечества, то упрекнуть его рѣшительно невозможно: деньги сыплются щедро, въ особенности, когда имѣется въ виду поминовеніе умершаго близкаго человѣка. Въ нерѣдкихъ случаяхъ похоронъ, родинъ, крестьянъ, различныхъ «родительскихъ» и т. п. — сотни небогатаго народа стекаются на обширные купеческіе дворы и получаютъ тамъ пшеничные пироги, блины, калачи и мѣдныя деньги. Слѣстнаго раздается имъ такъ много, что бѣдные, даже самые прожорливые изъ нихъ, не успѣвая всего переѣсть на дворѣ, уносятъ кое-что съ собою, и

иногда доносить до дому, если только на пути не случится драки, весьма нередкой въ этихъ случаяхъ, или, если пшеничные пироги не поступятъ въ кабаки въ обмѣнъ на сивуху, которая бѣдному человѣку такъ же необходима, какъ и пироги. Таковыя похоронныя раздачи для избавленія отъ вѣчной муки умершихъ богатыхъ хлѣботорговцевъ производятся въ теченіе нѣсколькихъ дней, и такъ-какъ купцы, по значительному ихъ количеству въ городѣ, мрутъ нередко, а купчихи рождаются еще чаще, — то разсказываютъ, что доходи, получаемый бѣдными людьми этимъ путемъ, превышаетъ доходи обыкновеннаго поденщика. Такой порядокъ дѣлъ, само собою разумѣется, воспроизвелъ особенный, довольно многочисленный классъ работниковъ, единственно только умѣющихъ поминать души умершихъ купцовъ. Прекратись эти благодѣтельныя раздачи только на какіе-нибудь полгода, — сейчасъ же образуется въ городѣ и окрестностяхъ многочисленный классъ самаго несчастнаго народа, какой только можно себя вообразить; въ счастію, что этого и вообразить себѣ невозможно, по крайней-мѣрѣ, въ близкомъ будущемъ. Это все равно, какъ еслибы кто задалъ вопросъ: что бы случилось съ несмѣтными стадами воронъ, еслибы вдругъ куда-нибудь пропала обычная ихъ пища? На это можно только отвѣтить, что при нашихъ хозяйствахъ, при нашемъ значительномъ скотоводствѣ, воронамъ опасаться нечего; точно такъ и бѣдняки, специально пробавляющіеся поминаніемъ умершихъ. Купечество наше, при его похвальномъ стремленіи сохранять верушимо все старое, просуществовать въ томъ видѣ, какъ теперь, еще времена нескончаемыя; слѣдовательно, и бѣднымъ людямъ, непривычнымъ ни къ какой, особенно обременительной работѣ, опасаться покуда нечего: купцы поддержатъ. Умирать же они, конечно, тоже не перестанутъ.

Впрочемъ, если взглянуть на дѣло повнимательнѣе, то окажется, что купечеству даже невыгодно было бы уничтожить подобный порядокъ вещей; окажется, что благодѣанія бѣднякамъ, принося неоспоримую пользу умершимъ, почти не приносятъ никакого убытка и живымъ жертвователямъ. Бѣдняки, получивши свою добычу, потребляютъ изъ нее только лишь малую часть, а остальное все, превративши въ деньги, несутъ въ кабаки, которые въ городѣ содержатся опять-таки тѣми же благотворителями. Во всемъ этомъ олицетворяется, разумѣется, въ маломъ видѣ, мудрый механизмъ природы, посредствомъ котораго образуется постоянный дождь. Капли дождя (какъ купеческія копейки, бросаемаы нищему) всасываются въ землю (то-есть идутъ въ кабаки), и собираются тамъ въ ручьи, которые, сливаясь въ рѣки, впадаютъ въ море (то-есть во всѣ купеческіе карманы въ совокупности); а море опять испаряетъ свои излишки, и опять повторяется тотъ же, безконечный круговоротъ.

Но, мнѣ кажется, о благотворительности чистопольскаго купечества сказано уже довольно; пора поговорить о тѣхъ спосо-

бахъ, посредствомъ которыхъ пріобрѣтаютъ они капиталы, потому что въ этомъ состоитъ вся суть. Чтобы прослѣить благодѣтельнымъ Тятюмъ, — мало еще одного желанія: нужно имѣть средства. Чтò въ томъ толку, читатель, если вы, напримѣръ, желали бы устроить монастырь съ женскимъ или мужскимъ общежитіемъ? На это нужны деньги, а деньги нужно умѣть добыть. Чистопольскіе купцы деньги добывать умѣютъ; вотъ объ этомъ-то мы съ вами и поговоримъ.

Несмотря на непроходимую грязь по улицамъ и на невзрачность, когда-то погорѣвшаго и до сей поры неотстроеннаго городка, здѣшняя клейкая, навозная почва способна, какъ видно, производить миллионныя капиталы и цѣлныя поколѣнія тысячниковъ. Здѣшняя пристань ежегодно отправляетъ сотни тысячъ кулей разныхъ сортовъ, такъ-называемаго, *сборнаго* хлѣба въ Рыбинскъ, и занимается въ большихъ размѣрахъ поставкою его по различнымъ *вѣдомствамъ*.

Каждый годъ, предъ самыми сроками уплаты податей, двухсотъ-тысячное населеніе уѣзда везетъ свой сыромолотный, второпяхъ обработанный, сорный хлѣбъ на городской базаръ не партиями, а отдѣльными возами, хотя этихъ отдѣльныхъ возовъ появляются цѣлныя тысячи. (Отсюда и названіе: *сборный* хлѣбъ, то-есть съ міру по возу). Вотъ тутъ-то и начинается своеобразная торговля, очень выгодная для капиталистовъ, и убыточная бѣднякамъ. Эта торговля и даетъ возможность мѣстнымъ капиталистамъ строить различныя общежитія, какъ мужскія, такъ и женскія и, вообще, производить всякаго рода добрыя дѣла, приносящія пользу преимущественно душамъ умершихъ капиталистовъ.

Самые дѣятельные изъ мѣстныхъ капиталистовъ выстроили свои дома при самомъ въѣздѣ въ городъ, съ той стороны, гдѣ сходятся всѣ дороги, ведущія изъ внутренности уѣзда, — съ цѣлю, какъ можно бдительнѣе слѣдить за пріѣзжающими съ хлѣбомъ крестьянами. Такимъ образомъ, на мѣстѣ Чистополя образовалось какъ-бы два города: старый, на берегу Камы, съ церквями, присутственными мѣстами, кабаками и съ жилищами нуждающихся всякаго рода, и — новый городъ, при въѣздѣ въ поле, со вновь устроеннымъ скверомъ, обстроенный красивыми домами, въ которыхъ живутъ тѣ, въ комъ всѣ нуждающіеся нуждаются. Устроено все это дѣло такъ отлично, что ни одному мужику, пріѣхавшему съ хлѣбомъ изъ деревни, не удастся прѣникнуть въ старый городъ съ цѣльнымъ возомъ, а все больше уже налегѣтъ, съ деньгами въ карманѣ, которыя онъ тутъ же и распределяетъ, болѣе или менѣе равномерно, между уѣзднымъ казначействомъ и кабаками.

Еще версты за двѣ до города, чуть только ловкіе и зоркіе купеческіе приващики завидятъ тянущихся по полю съ возами мужиковъ, — они, какъ ясные соколы, нападаютъ на бѣдныхъ утиць и, волей-неволей, тянутъ ихъ къ своимъ хозяевамъ на

широкіе дворы, съ высокими, какъ всѣлици, вѣсами, за тесовыя ворота. Встрѣчается иногда и протестъ со стороны пріѣзжихъ и врасплохъ захваченныхъ мужиковъ, выражающійся, обыкновенно, въ формѣ кулачнаго боя; но, такъ-какъ купеческіе приказчики не даромъ же называются *молодцами*, то, очень естественно, что побѣда всегда остается за ними; побѣжденные силою протискиваются, въ качествѣ плѣнныхъ, на дворъ, и за ними плотно захлопываются тесовыя ворота. Само собою разумеется, что образованные хозяева не приказываютъ своимъ молодцамъ распорядиться такъ безцеремонно и, повидному, рессованно; они только лишь *не запрещаютъ* имъ; смотреть сквозь пальцы. Освободившись отъ хлѣба, пріѣзжіе пейзажи на базаръ, то-есть въ старшій городъ, ѣдутъ уже съ пустыми возами, беззаботно развалившись въ телегахъ. Многие изъ нихъ жалуются на наливную, будто бы, тяжесть *хозяйскихъ* гирь и на недостатокъ математической вѣрности въ хозяйскихъ вѣсахъ; но жалуются они только лишь Богу, да промежъ себя, а къ вѣсамъ мѣстной Оемиды никогда они не обращаются, считая, почему-то, и эти вѣсы не совсѣмъ вѣрными.

Впрочемъ, неразумные мужики понапрасну только Бога гнѣвить, понапрасну жалуются на неодоучу имъ какого-нибудь полтинника, да и сами молодцы, если только предположимъ, что они заботятся единственно о хозяйскихъ интересахъ, тоже напрасно имъ не додадутъ, потому что, въ концѣ-концовъ, деньги всѣ *тамъ* же будутъ. На базарѣ, или на обратномъ пути въ деревню, всѣ вырученныя деньги, цѣликомъ, все-таки попадутъ въ карманы тѣхъ же капиталистовъ, посредствомъ безчисленнаго множества кабаковъ, воздвигнутыхъ заботливыми капиталистами на каждомъ, сколько-нибудь видномъ мѣстѣ города и уѣзда. И здѣсь опять наглядно, въ маломъ видѣ, совершается мудрый законъ природы, помощію котораго моря постоянно испаряются и никогда не иссыхаютъ и почва постоянно высыхаетъ, но никогда не высыхаетъ до такой степени, чтобы окончательно растрескалась.

Но это самый грубый видъ хлѣбной торговли, замѣненный нѣнѣшнимъ цивилизующимся купечествомъ другими, болѣе тонкими способами. Нынче хозяева сами уже разѣзжаютъ по уѣзду, пріобрѣтаютъ тамъ въ собственность земли, арендуютъ мельницы, и сами входятъ, на мѣстахъ, въ сдѣлки съ крестьянами, освобождая ихъ отъ напрасныхъ поѣздокъ въ городъ. Зная очень хорошо сроки, когда мужики чувствуютъ особенную крайность въ деньгахъ, капиталисты сами лично, или чрезъ своихъ агентовъ, обязательно предлагаютъ нуждающимся деньги подъ залогъ будущаго хлѣба, который они обязуются принять по существующимъ въ условленный срокъ городскимъ базарнымъ цѣнамъ, напимѣръ, на 6-е декабря, или по какой-нибудь другой срокъ, но уже непременно такой, относительно котораго заранее условились всѣ мѣстные капиталисты. Все это очень

хорошо и безобидно для крестьянъ, но бѣда въ томъ, что въ извѣстный, условленный срокъ, базарныя цѣны на хлѣбъ обыкновенно бывають самыми низкими, а отъ мужика, «въ подлости рожденнаго», между тѣмъ, требуется, чтобы онъ честно и благородно держалъ свое слово. Мѣстные капиталисты, хотя бы и находящіеся между собою въ семейной ссорѣ, лишь только дѣло коснется ихъ общихъ интересовъ, дѣйствуютъ дружно, не допуская измѣны, а конкурентовъ имъ нѣтъ, да и некому быть. Помѣщики сами постоянно закупаютъ тѣмъ же купцамъ хлѣбъ на сроки, а мѣстные чиновники, если и покупаютъ хлѣбъ, то больше все пѣченый и, притомъ, въ количествахъ весьма незначительныхъ. Такимъ-то образомъ, капиталисты собирають огромные запасы мужицкаго хлѣба за безцѣнокъ, такъ что, послѣ, несмотря на рискъ при отправкѣ въ Рыбинскъ и Петербургъ, всегда остаются съ большими барышами. Изрѣдка, разумѣется, и нарываются, но, чтѣ же значить азартному игроку продуть разъ тысячу рублей, когда онъ постоянно, каждую недѣлю, выигрываетъ навѣрняка по двѣ?

Капиталисты очень хорошо знаютъ поговорку: «одинъ въ полѣ не воняетъ», и потому всегда дѣйствуютъ скопомъ, компаниями, въ которыхъ каждому изъ членовъ дается обязанность, соответствующая его способностямъ. Вблизи знакомые съ деревенскимъ бытомъ, помогаютъ легчайшему сбыту хлѣба крестьянамъ и деревенскимъ помѣщикамъ; купцы же, получившіе, такъ называемое, высшее образованіе, то-есть внѣшній лоскъ, странствуя постоянно по дворянскимъ клубамъ, облегчаютъ трудъ помѣщиковъ, постоянно живущихъ по городамъ. Образованные купцы очень хорошо знаютъ, что, если у крестьянъ нужда въ деньгахъ преимущественно является во время сбора податей и рекрутскихъ наборовъ, то у помѣщиковъ она является почти исключительно тогда, когда они продаются въ своемъ клубѣ въ карты. Въ обоихъ случаяхъ, очевидно, нужда временная, преходящая; слѣдовательно, въ обоихъ случаяхъ одинаково необходимо придерживаться мудрой поговорки: «куй желѣзо, пока горячо» — и, разумѣется, образованные капиталисты вуютъ, да такъ иной разъ удачно, что изъ неостывшаго помѣщика, какъ отъ выкованнаго въ кузницѣ куска желѣза, остается только одинъ, выбрасываемый за дверь, негодный шлакъ, называемый попросту кузнечнымъ дерьмомъ.

Тѣ же самые образованные комерсанты съ большою пользою употребляются при поставкѣ компанейскихъ партій сборнаго хлѣба въ различныя учрежденія. Образованный купчикъ, не то что неучъ какой неотесанный, умѣетъ и поболтать съ гѣмъ слѣдуетъ и объ чѣмъ слѣдуетъ. Когда нужно, то, пожалуй, онъ и объ литературѣ пройдетъ не прочь; кстати, напримѣръ, замѣтитъ, что изъ новѣйшихъ произведеній литературы ему «Война и миръ» его сятельства правятся больше, чѣмъ «Трущобы» господина Крестовскаго. Подчасъ, въ случаѣ надобности, онъ

съумѣть съ большимъ чувствомъ и о народной нуждѣ поговорить и объ эксплуатаціи, какой нашъ бѣдный мужичокъ опутывается, какъ тараканъ паутиной, благоразумно, разумѣется, умалчивая, кто именно тутъ играетъ роль паука. Съумѣть образованный куцкиъ и въ карточки сыграть партійку съ кѣмъ слѣдуетъ и даже проиграть, сколько слѣдуетъ.

Впрочемъ, такіа тонкости къ дѣлу примѣнять обыкновенно очень рѣдко случается. По большей части, откровенные приемщики объявляютъ прямо, какъ подобаешь честному и благородному человѣку, сколько ему нужно получить съ куля *добавочныхъ*, то есть, значить, сверхъ той цѣны, по которой поставляется хлѣбъ на бумагѣ. Торговля производится здѣсь уже на чистоту, какъ въ обыкновенной лавкѣ пушными, или какими угодно товарами. Точно такъ же запрашиваютъ, свидываютъ, боятся и вьются и, даже, употребляютъ торговую фразу: «столько для васъ, поверьте, по знакомству». Мнѣ разъ случилось быть невольнымъ свидѣтелемъ подобнаго, очень оригинальнаго торга у одного, знакомаго мнѣ, образованнаго купца. Само собою разумѣется, что я былъ заключенъ въ отдѣльную комнату номера и выпущенъ былъ изъ нея только лишь тогда, когда договоръ о добавочной платѣ былъ окончательно улаженъ за бутылкой добраго вина и, когда, получившій эти *добавочныя*, уже вѣхалъ на извозницѣ по огромной площади, раскинувшейся передъ окнами гостиницы.

Замѣчательно, что оба сторговавшіеся были въ одно и то же время отменно веселы. И получившій *добавочныя* потиралъ руки и песмѣивался, точно будто кого оставилъ въ дуракахъ, и мой образованный пріятель утверждалъ положительно, что онъ оставилъ приемщика въ дуракахъ, потому что теперь ему остается съ каждаго куля по столько-то копеекъ чистой пользы противъ той цѣны, какую предполагалось дать. Пріятель увѣрялъ меня, что главнѣйшая выгода при поставкѣ хлѣба заключается именно въ величинѣ этой добавочной платы, которая зависитъ единственно отъ личности и сообразительности приемщика.

— Да зачѣмъ же вы платите эти добавочныя-то? спросилъ я въ простотѣ сердечной своего пріятеля. — Вѣдь онъ, во всякомъ случаѣ, долженъ хлѣбъ принять? Зачѣмъ же тутъ еще добавочныя, которыя, по правдѣ тебѣ сказать...

Образованный пріятель не далъ мнѣ договорить, схватился мнѣ за плечо и захохоталъ очень громко и добродушно. Видно, что онъ посмотрѣлъ на меня, какъ на человѣка очень мало образованнаго, а главное, несообразительнаго.

Оно и точно, что я тогда, съ перваго-то раза, не сообразилъ. Оказалось, что эготъ сборный хлѣбъ, хотя и дешевъ, но за то и плохъ очень, такъ что стоитъ только захотѣть приемщику, и онъ всегда имѣетъ возможность его не принять; слѣдовательно, во всякомъ случаѣ, нужно такъ устроить, чтобы приемщику *не захотѣлось не принять*, а напротивъ, какъ можно сильнѣе

захотѣлось бы принять. Вотъ добавочныя-то для этого именно и выдуманнѣ:

— А что, спросилъ я: — хлѣбъ-то очень развѣ плохъ?

— Какой ужъ хлѣбъ! охотно отвѣчалъ пріятель, увлекшись, вѣроятно, страстью образовать меня, невѣжду, хотя нѣсколько. — Хлѣбъ, извѣстное дѣло, сборный, крестьянскій, сырой, портится скоро и слеживается въ лепешки. Хорошаго хлѣба возить сюда нельзя, потому что, все равно, привратъся могутъ и къ хорошему, и потребуютъ такіа же добавочныя, а ужъ тогда платять будетъ не взъ чего. Теперь, по крайней-мѣрѣ, мы сами скупили его у мужиковъ за безцѣнокъ, а тогда и купи за дорогую цѣну, да еще тоже добавочныя плати.

«Вотъ какъ!» подумалъ я. «Когда буду заниматься хлѣбной торговлей, тогда приму къ свѣдѣнію. Вотъ ужъ правда, что съ образованнымъ человѣкомъ если поговоришь, и самъ сдѣлаешься замѣтно образованнѣе!»

— Хорошаго-то хлѣба, продолжалъ пріятель: — нигдѣ нынче и не требуется, по крайней-мѣрѣ, не требуется въ большихъ количествахъ, а запросъ существуетъ только на дрянной, сборный. Отъ этого нынче хорошій, высушенный и отчашенный хлѣбъ стоять почти въ одинакой цѣнѣ съ дряннымъ, такъ что не стоять имъ и заниматься. А попробуй только доставить сюда хорошаго, сейчасъ на него цѣна и подымется и наша пристань обанкротатся. Наша пристань тѣмъ именно и слыветъ, что она сбываетъ дрянъ, но за то много.

Послѣ этихъ словъ моего знакомаго, я уже просвѣтлѣлъ окончательно.

Вотъ та вліятельная среда, въ которой принуждены вращаться и работать земскіе дѣятели въ описываемой мѣстности. Читатель видитъ, что при описанныхъ условіяхъ, очень трудно ожидать, чтобы народъ разбогатѣлъ, или, по крайней-мѣрѣ, хотя сколько-нибудь поправился; а между тѣмъ, для успѣха земскаго дѣла, это положительно необходимо, потому что отъ нищихъ трудно ожидать, чтобы они завели у себя прочныя мосты, удобныя дороги, училища, больницы и богадельни. Посмотримъ же теперь, какое вліаніе произвели на народъ земскія учрежденія въ теченіе трехъ лѣтъ своего существованія.

НОВАТОРЫ ОСОБАГО РОДА.

Жертва вечерня. Романъ въ двухъ книгахъ и четырехъ частяхъ П. Боборыкина. («Всемирный Трудъ», 1868 года).

Могутъ ли представлять для литературы достаточный интересъ біографіи пустыхъ и ничтожныхъ людей? Вопросъ этотъ разрѣшается нашей современною беллетристикою весьма разнообразно; должно, однакожь, сознаться, что въ послѣднее время въ ней замѣтна была склонность разрѣшить его скорѣе въ отрицательномъ, нежели въ утвердительномъ смыслѣ.

Т. СЛХХІ. — Отд. II.

3

Какъ ни переворачивайте умственный и нравственный хламъ челоуѣка, все же это будетъ не болѣе, какъ хламъ, то-есть явленіе простое и малосодержательное. Изслѣдуя его, анализъ слишкомъ скоро истощается и приходитъ къ своему послѣднему слову; искусство, воспроизводящее жизнь, также не находитъ въ немъ достаточнаго матеріала для объясненія разнообразія жизненныхъ положеній. Есть такіа положенія, въ которыхъ присутствие ничтожества даже немислимо, и именно тѣ положенія, которыя представляютъ собою наиболѣе плодотворную сторону челоуѣческой дѣятельности. Не лучше ли же оставить въ сторонѣ и предать забвенію это бесполезное ничтожество, тѣмъ болѣе, что на изученіе его, и безъ того, потрачено не мало труда и времени?

Несмотря на абсолютную вѣрность этого взгляда, мы думаемъ, однакожъ, что въ немъ есть весьма важная недомолвка, а именно въ немъ упущено изъ вида то вліяніе, которое оказываетъ на жизнь общества присутствіе въ немъ всякаго рода правдныхъ, случавшихся, исковерканныхъ и пораженныхъ извою мельчайшаго самолюбія людей. Самъ по себѣ взятый, хламъ, конечно, не больше, какъ хламъ, но замѣчательна его историческая устойчивость, важно то, что нельзя сдѣлать шагу въ жизни, чтобы не запутаться въ немъ, или, по крайней-мѣрѣ, не почувствовать его подъ ногами. Все это заставляетъ думать, что міръ ничтожества стремленій, пошлости идеаловъ и распушенности мысли далеко не упраздненъ окончательно. Все, что можно допустить въ этомъ смыслѣ — это то, что онъ постепенно разлагается и утрачиваетъ ту кажущуюся творческую силу, которую онъ нѣкогда выставлялъ впередъ, какъ оправданіе своего бытія; но отрицательное вліяніе его на успѣхи общества все еще громадно и даже едва-ли не увеличивается въ той же мѣрѣ, въ какой уменьшается вліяніе положительное.

Если мы примемъ на себя трудъ опредѣлить главные жизненные принципы, выработанные этимъ умирающимъ міросозерцаніемъ, то легко убѣдимся, что всѣ они вращаются около самаго ограниченнаго числа представленій, между которыми едва-ли не самую видную роль играютъ: необузданность воли, стремленіе подавить сознательную работу мысли, трудообязнь, и, наконецъ... клубнига во всѣхъ видахъ и формахъ, какъ отдохновеніе отъ подвиговъ по части необузданности. Конечно, съ такимъ запасомъ нельзя рассчитывать на многое въ смыслѣ положительномъ и творческомъ, но можно и даже очень можно воспользоваться имъ, какъ метательнымъ орудіемъ, весьма пригоднымъ для затрудненія общественаго хода. Мало сознавать, что истина и право, въ окончательномъ результатѣ, всегда торжествуютъ; не надо упускать изъ вида, что за правомъ и истиной стоятъ живые люди, которые могутъ страдать и погибать, и что самый міръ истинны и права есть міръ нарождающійся и потому окруженный обстановкою на столько колеблющеюся, что она еще слишкомъ мало ограждаетъ его отъ притязаній своевоія и необузданности.

Сопоставить эти два мира, показать их взаимное друг на друга давленіе — это задача не только лишняя, но и поучительная. Почему пошлость и необузданность всегда и неизменно торжествуют? почему, за всѣмъ тѣмъ, это торжество только кажущееся, выражающееся исключительно въ вѣдшихъ результатахъ? Почему сознательное исканіе истины и права всегда и неизменно затрудняется? почему, за всѣмъ тѣмъ, оно столь же неизменно торжествует? Все это такіе вопросы, уясненіе которыхъ далеко не можетъ быть безъинтереснымъ для общества. Самая борьба, которая неминуемо возникаетъ изъ этого сопоставленія, представляетъ такой животрепещущій матеріалъ, изъ котораго сама собою выждется драма со всѣми ея потрясающими и воспитывающими коученіями.

Въ этомъ смыслѣ, несомнѣнно, нѣтъ того нишаго духомъ начала, который не былъ бы достоинъ изученія, нѣтъ того страдающаго разнуженіемъ спиннаго мозга эстетика-клубничиста, котораго изображеніе можно было бы счесть лишнимъ. Всѣ они не только существуютъ, но и торжествуютъ, и слѣдовательно имѣютъ полное право удержать свое мѣсто въ общей картинѣ. Не однихъ придатокъ они составляютъ въ ней, не въ роли дѣйствующихъ лицъ безъ рѣчей являются они, но въ роли героевъ, защищающихъ право, признанное преданіемъ. Трагическая судьба этихъ сторонниковъ отжившаго преданія и безсознательности столь же несомнѣнна, какъ и таковая жъ судьба тѣхъ, которые борются съ безсознательностью; она только менѣе бросается въ глаза. Если послѣдніе гибнутъ непосредственно подъ грубыми, почти механическими ударами судьбы, то первые погибаютъ нутями болѣе косвенными: они гибнутъ въ своихъ дѣлахъ, гибнутъ жертвою той горькой очевидности, что сколько они ни употребляли усилій для защиты своихъ певатовъ, все-таки, въ ихъ глазахъ, въ ихъ собственныхъ святилища успѣли проникнуть и водвориться иные певаты.

Предметъ романа, сочиненнаго г. Воборинимъ, составляетъ именно тотъ хламъ, о которомъ мы сейчасъ говорили. Но мы сомнѣваемся, чтобы онъ руководился высказанными нами соображеніями относительно значенія этого матеріала; напротивъ того, намъ кажется, что онъ взглянулъ на хламъ совсѣмъ не такъ, какъ на признакъ извѣстнаго общественнаго строя, а просто какъ на хламъ, и въ этомъ качествѣ нашего его достойнымъ изученія. Сверхъ того, изъ всего нигдѣ дѣйствующаго хлама онъ призналъ наиболѣе любопытнымъ тотъ, который, навидному, всего меньше даетъ матеріала для какихъ бы то ни было выводовъ, а именно: нимфоманію и приаипизмъ.

Прежде всего будемъ справедливы: г. Воборкинъ исполнилъ свою задачу, по мѣрѣ возможности, довольно удовлетворительно, и романъ его читается очень легко. Есть извѣстные рутинные приемы, несоблюденіе которыхъ дѣлаетъ чтеніе нѣкоторыхъ бельетристическихъ произведеній (особенно начинающихъ писате-

лей) чрезвычайно затруднительнымъ. Таковы, напримеръ: самоповтореніе, излишество подробностей, несоразмѣрность частей, желаніе остановить вниманіе читателя на извѣстныхъ взглядахъ и мысляхъ, облюбованныхъ авторомъ, и т. д. Всѣхъ этихъ недостатковъ г. Боборыкинъ избѣжалъ весьма счастливо. Романъ его проглатывается почти мгновенно, сколько благодаря своему веселому содержанию, столько же благодаря и тому, что онъ не представляетъ совершенно никакихъ претязаній для мысли. Авторъ не повторяется, потому что ему нечего повторять; онъ избѣгаетъ несоразмѣрности частей, потому что тамъ, гдѣ, въ строгомъ смыслѣ, нѣтъ цѣлаго, не можетъ быть и частей; онъ не допускаетъ излишества въ подробностяхъ, потому что въ вопросѣ о нимфоманіи чѣмъ больше подробностей, тѣмъ удобнѣе дѣлается онъ для проглатыванія; наконецъ, онъ не навязываетъ насильно читателю никакихъ взглядовъ, потому что какіе же могутъ быть взгляды, когда весь интересъ романа рассчитанъ на томъ, чтобы помутить въ читателѣ рассудокъ и возбудить въ немъ ощущение пола? Повторяемъ: всею этою рутинной авторъ овладѣлъ вполне; романъ его не тяготитъ, не ломаетъ рукъ и можетъ читаться и страница за страницю, и черезъ страницю, и съ начала до конца, и съ конца до начала, во всякомъ мѣстѣ, во всякое время, лишь бы нечего было дѣлать другого. Дѣйствие будетъ навѣрное всегда одинаковое, ибо, что въ немъ всего драгоценнѣе—это та чрезвычайная опредѣленность и ясность слога, та завидная прозрачность мысли, до которой можно возвыситься только при совершенно тщательномъ изученіи и даже, такъ сказать, самоутожествленіи того безпоровнаго міра, въ которомъ владичествуетъ петербургская лоретка подъ благосклонною сѣнью божка Пріама.

Романъ написанъ въ формѣ дневника молодой вдовы. Она дебутируетъ тѣмъ, что вспоминаетъ о покойномъ своемъ мужѣ, и первое, на чемъ останавливается ея мысль—это его ласки. «Не знаю, пишетъ она, говорилъ ли онъ мнѣ что-нибудь про себя, когда ухаживалъ. Все, кажется, больше поводитъ зрѣяныя. Я сейчасъ же *вслыхъ своимъ тѣломъ* поняла, что это такое значить, когда мужчина *такъ* на васъ смотритъ... Онъ былъ такой неистовый въ своихъ ласкахъ, *такъ все и кидался*». За тѣмъ, она рассуждаетъ о томъ, какъ глупо, что русскія женщины дѣлаются матерями «оттого только, что гвардейскому адъютанту понравились ихъ перси». «Я думаю даже, прибавляетъ она, что еслибъ этихъ самыхъ «персей» у женщинъ не было, мужчины были бы гораздо умнѣе». Рядомъ съ этими игриво-философскими мыслями, идутъ воспоминанія о канканѣ, сравненіе русскаго канкана съ французскимъ, причемъ отдается рѣшительное предпочтеніе послѣднему.

Такимъ образомъ, съ перваго же раза вы видите передъ собой женщину, которой образъ мыслей установился вполне, и которая въ нравственномъ отношеніи совершенно *созрѣла*. Эта жен-

щина не только *естъ* своимъ *тѣломъ* понимаетъ бездѣлицу, но даже любитъ познакомиться съ ней, любить поразсказать объ ней себѣ самой. Вамъ дѣлается любопытно знать, какой будетъ романъ этой женщины: поведетъ ли ее авторъ по какимъ-нибудь интарствамъ, или же сразу водворитъ въ домъ терпимости и тамъ броситъ.

Молодая вдова принадлежитъ къ числу тѣхъ обыкновенныхъ русскихъ досужихъ женщинъ, у которыхъ съ ранней молодости всѣ помыслы направлены къ «срыванію цѣтвъ удовольствія». Конечно, мы не имѣемъ повода отвергать, что такого рода барыни, по большей части, предаются этому занятію изъ самозабвенія, но тѣмъ не менѣе, ежели бы мы сказали, что въ этомъ усердномъ служеніи участвуетъ хоть капля сознательности, то, конечно, сочли бы себя виновными въ преувеличеніи. По нашему мнѣнію, при обыкновенномъ ходѣ вещей тѣлесный развратъ есть результатъ правды, распушенности и темперамента — и ничего больше. Съ этой точки зрѣнія, героиня романа г. Боборыкина составляетъ исключеніе даже въ ряду самыхъ рыаныхъ пропагандистовъ ученія о бездѣлицѣ; она не только ощущаетъ, но мыслитъ себя, какъ идолопоклонницу Пріапа, а между этими двумя формами бытія, по крайней-мѣрѣ, такая же разница, какъ между простою кражей и кражей со взломомъ. Къ сожалѣнію, г. Боборыкинъ не показываетъ намъ, какимъ образомъ его молодая вдова дошла до этого взлома; онъ просто представляетъ ее уже достигшею того состоянія «приятной женщины», когда канканъ дѣлается звѣздой-руководительницею всѣхъ человѣческихъ дѣяствій и единственною духовною пищей, которая принимается безъ отвращенія.

Послѣ очень прозрачнаго описанія, какъ молодая вдова застала свою приятельницу Софи на водѣнкахъ у «себяны въ преображенскомъ мундирѣ» и какъ они, при входѣ ея, «разлетѣлись въ разные стороны», авторъ сводитъ свою героиню съ нѣкоторымъ синимъ чулкомъ въ лицѣ г-жи Плавниковой, и тутъ она встрѣчается къ какой-то литературной «сélébrité» по фамили Домбровичъ. Эта сélébrité—такая слизистая гадина, до которой нельзя дотронуться, чтобы не почувствовать потребности обтерѣться. Но на гадину — гадина, и гадина болѣе гадкая, какъ и всегда, побѣждаетъ и поглощаетъ менѣе гадкую. Увы! въ мірѣ мерзости тоже имѣются своего рода неотразимыя силы, въ которыхъ мерзости менѣе сильныя впадаютъ какъ небольшія рѣки въ многоводный океанъ.

Г. Боборыкинъ не даетъ подробныхъ новѣстій, къ какой именно школѣ сѣдуетъ причислить его литературную сélébrité, Домбровича, но не скрываетъ, что онъ принадлежитъ къ породѣ «эстетиковъ». Этихъ эстетиковъ мы довольно хорошо знаемъ, они толпами шатаются между первымъ и пятымъ часами по Невскому и похода изгибаютъ при видѣ прогуливающихъ козотовъ. Это тѣ самые чистокровные шалопаи, которые на изоб-

раженіе мадонны не могутъ взирать, чтобы не припомнить при этомъ «L'oiseau envolé», которые не могутъ видѣть красивой женщины безъ слюмотеченія.

Судя по признаніямъ Домбровича, его религія — искусство; но слова иногда захватываютъ болѣе своего дѣйствительнаго значенія. Въ сущности, религію Домбровича составляетъ не искусство, а бездѣлица, которая до того помутила его голову, что не оставила въ ней даже самаго маленькаго мѣсточка для здраваго смысла. «Мы никакимъ вопросамъ не сочувствуемъ, перешлетныхъ заведеній не заводимъ... мы не мудрствовали, не разрушали основъ... мы обожали искусство... я ничего не понимаю во всѣхъ этихъ реализмахъ, социализмахъ, нигилизмахъ», — такъ говорить о себѣ этотъ пламенный обожатель бездѣлицы. Эта неистово-безсмысленная слова, конечно, ни о чемъ болѣе не свидѣтельствовали и не могутъ свидѣтельствовать, какъ о высшей степени разжиженія спиннаго мозга у производившаго ихъ субъекта, но за всѣмъ тѣмъ они оказались достаточными, чтобы пребывать въ молодой вдовѣ то чувственное вождѣліе, которое, со смерти мужа, было разлито въ ея организмъ въ скрытомъ состояніи. На повѣрку вышло, что даже это непроходимое самохвальство тупоуміемъ и неплотью все-таки составляло шагъ впередъ въ сравненіи съ тѣмъ «поваживаніемъ зрачками», которымъ подчивалъ ее покойный мужъ.

Рѣшительный шагъ, или паденіе героини совершается просто. Въ одну изъ своихъ прогулокъ по петербургскимъ улицамъ, вдова внезапно чувствуетъ болѣзненный припадокъ; попадаетъ подъ руку Домбровичъ и увлекаетъ ее къ себѣ на квартиру. Является завтракъ, шампанское. Домбровичъ показывааетъ вдовѣ на образцы головъ и торсовъ и говоритъ, что природа дѣвила ее съ нихъ. Потомъ начинаются ноцадуи, объятія, шампанское и чувственный разговоръ дѣлаетъ свое дѣло неотразимо. Но предоставимъ слово самому автору.

«Я пала... но пала противъ своей воли!... Да, тысячу разъ да! Теперь говорю самой себѣ. Мнѣ не передъ кѣмъ ни оправдываться, ни стыдиться. Я защищалась, какъ могла. Правда, можно было кричать; но я себя не помнила. Это былъ припадокъ сначала нервной веселости, потомъ изнеможенія. Онъ это видѣлъ, онъ это знаетъ лучше меня...

«Нѣтъ такихъ словъ высказать, что чувствуетъ женщина, когда съ ней поступаетъ, какъ съ вещью! Кто далъ намъ такую проклятую натуру? И это дѣлается среди бѣлаго дня... Тонкій, цивилизованный человѣкъ поступаетъ съ нами, какъ съ падшею женщиною.

«Когда я очнулась, еслибы тутъ былъ номакъ, еслибы тутъ было что-нибудь, я бы зарѣзалась, удавилась. Я какъ была на кушеткѣ, такъ и замерла. Этакого ужаса, этакого омерзѣнія я и вообразить себѣ не могла! Господь Богъ приготовилъ намъ особня пріятности! Мнѣ кажется, еслибы рыданія не хлынули цѣлой волной, я бы задохнулась. Но тѣмъ сильнѣе я плакала, тѣмъ адонитѣе, тѣмъ горче дѣлался мой позоръ... Всѣ обиды, какія только злодѣй можетъ издумать, ничего въ сравненіи съ этой... И какъ легко обойтись съ женщиной galamment! Просто выбрать лучшее минуто, схватить ее поспѣше

и «сберечь дѣти удовольствій». О-е! теперь я понимаю, что значить эта адская фраза. Вотъ они, эти умники. Вотъ какъ они обожаютъ красоту!... Батюшки мои! Что бы мнѣ такое совершить съ этимъ мерзавцемъ?...

Вотъ къ какому неожиданному результату приводитъ иногда такъ называемый обихънй мислей. Позволятельн, однакож, еомнѣваться въ искренности негодованія, выражаемаго вселюу бариней по поводу претерпѣннаго ею пораженія. Она слишкомъ усердно штудировала ученіе о бездѣлицѣ, чтобы ближайшее примѣненіе его могло заставить ее врасплохъ; она получила слишкомъ всестороннее въ этомъ смыслѣ образованіе, чтобы не понять, что приглашеніе Домбровича посѣтить его квартиру не могло имѣть нинхъ послѣдствій, кромѣ описанныхъ выше.

И дѣйствительно, очень скоро стихаетъ это напускное негодованіе, и вдова вновь возвращается къ спокойному созерцанію клубинни. Посѣтивши черезъ мѣсяцъ (послѣ многихъ увеселительныхъ сеансовъ у себя на дому) квартиру Домбровича, она уже отмѣчаетъ въ своемъ журналѣ: «увидала я кушетку, и расхохоталась, какъ я на нее злобствовала; все мнѣ въ этомъ кабинетѣ было нѣчто свое, родное». Съ своей стороны и Домбровичъ не теряетъ золотого времени; онъ постепенно развиваетъ эстетическія наклонности своей пациентки, давая ей читать «Liaisons dangereuses», «Mon poviciat» и другихъ классиковъ. Отъ этого назидательнаго чтенія слѣдуетъ быстрый переходъ къ Soupers à la régence, или попросту къ аенискимъ вечерамъ; затѣмъ — полная анархія плоти.

Тутъ, по всей вѣроятности, слѣдовало бы автору остановиться. Описаніемъ вечеровъ, въ которыхъ каждая изъ участвующихъ паръ («un chasun avec une chasine», «моншеръ съ машерью»), какъ выражается Домбровичъ) примѣняетъ на практикѣ теорію жтій «въ свое удовольствіе» тѣмъ, что, потрудившись на поприщѣ канкана, удаляется для отдыха въ отдѣльную комнату, онъ вполне достигнетъ тѣхъ самыхъ результатовъ, которые достигаются и пресловутыми «Liaisons dangereuses»; но ему показалось этого мало. Разоблачивъ передъ нами клубинну реальную, онъ предпринялъ трудъ познакомить насъ съ клубинною, такъ сказать, трансцендентальною.

Изъ области аенискихъ вечеровъ молодую вдову освобождаетъ нѣкто Степа, товарищъ ея дѣтства. Онъ пріѣзжаетъ изъ-за границы, и узнаетъ о подвигахъ своей подруги отъ горничной Ариши, которая не разъ видѣла свою бариню возвращавшеюся съ вечеровъ въ пыльномъ видѣ. Авторъ рекомендуетъ читателю этого Степу, какъ человѣка, отъ рожденія осужденнаго сидѣть между двумя стульями. Онъ не принадлежитъ ни къ поколѣнію сороковыхъ годовъ, ни къ поколѣнію шестидесятыхъ годовъ. Онъ самъ по себѣ, одною собственной персоной составляетъ цѣлое поколѣніе, которое можно безошибочно назвать *некалѣмже азовъ*, такъ-какъ онъ ни о чемъ такъ охотно не говоритъ, какъ о необходимости самовозрожденія посредствомъ *азовъ*. Чтобы

утвердить въ этой мысли свою прѣительницу, онъ подвергаетъ ее опыту довольно интересному. Оказывается, что въ Петербургѣ существуетъ какое-то общество, которое имѣетъ цѣлью нравственное возрожденіе такъ-называемыхъ жертвъ общественнаго темперамента. Легкомысленныя аенянки, составляющія это общество, убѣждены, что этого «возрожденія» можно достигнуть, ни мало не касаясь общественнаго строя, однимъ пересказываніемъ своими словами нѣкоторыхъ болѣе или менѣе интересныхъ абуучныхъ истинъ. Туда-то именно и направляетъ героиню романа новый человекъ Степа.

Начинается бездонное диллетантское пустословіе съ какою-то Лизаветой Петровной, специалисткой по части падшихъ женщинъ, о силѣ любви, о чудесахъ, ею производимыхъ, о томъ, что всѣ люди братья, и что духъ погибнуть не можетъ. Разговоры перемежаются пощепеніями прѣитовъ терпимости, въ которыхъ Лизавета Петровна совершаетъ свои подвиги и которые, по этому случаю, описываются довольно обстоятельно. Какимъ образомъ эта несчастная женщина можетъ надѣяться достигнуть какихъ нибудь результатовъ отъ своей пустопорожней болтовни—понять совершенно невозможно. Она не только ничего не *дѣлаетъ* путнаго въ продолженіе всей третьей части, но даже и говорить только пустяки, одни пустяки. Любая изъ «падшихъ» затекаетъ ее за поясъ здравостью своего смысла, любая изъ нихъ можетъ ей доказать всю бессмысленность и ненужность ея праздно-мистическаго переливанія изъ пустаго въ порожнее—но она не останавливается передъ этимъ, она все будетъ продолжать растравлять своимъ наглیمъ прикосновеніемъ чужія, и безъ того наболѣвшія раны, все будетъ приставать со своимъ: «брось! я тебя поцалую за это!»

Наконецъ, даже молодая вдова поняла, въ какой степени это занятіе нагло, безобразно и нестерпимо.

Мы не станемъ утверждать, что этотъ опытъ вторженія героини романа въ область нравственнаго возрожденія падшихъ женщинъ, допущенъ авторомъ въ видахъ ознакомленія публики съ обычаями и обстановкою домовъ терпимости (описание одного изъ нихъ, аристократическаго, сдѣлано очень удачно); допустимъ даже, что онъ задуманъ не авторомъ, а собственно Степомъ, съ коварною цѣлью доставить торжество теоріи азовъ. Чтò же это за теорія такая?

Разъясненіе ея принимаетъ на себя самъ представитель и шебрътатель ея, Степа. Вудучи поставленъ вопросомъ своей подруги: кто онъ такой и не нигилистъ ли? въ необходимости объясниться, онъ вполнѣ разоблачаетъ передъ нею свои вѣрованія. И онъ былъ литераторомъ; и онъ обличалъ и будилъ общество; и онъ писалъ по значному листу въ день. И вдругъ, послѣ довольно продолжительной будительной дѣятельности, убѣдился въ одномъ: что онъ знаетъ только то, что онъ ничего не знаетъ. Мало того: онъ убѣдился даже, что не имѣетъ ни-

лессообразно говорить, что онъ угодобляется въ этомъ отношеніи тому злосчастному французскому актеру, который, имѣя сказать въ пьесѣ всего одну фразу: «с'en est fait, il est mort», произнесъ: «с'en est mort, il est fait». Тогда имъ овладѣла лихорадочная страсть къ грамматикѣ и ариметикѣ, для удовлетворенія которой онъ отправился за границу, и тамъ устроилъ для себя свое собственное, тагъ-сказать, внутреннее училище *азовъ*. Въ минуту появленія его на сцену, онъ, съ трудомъ перетаскившись во второй классъ этого училища, прибылъ въ отечество съ тѣмъ, чтобы «еще поучившись, поѣздивши и поживши съ разнымъ людомъ, учить дѣтей говорить».

Мы знаемъ, что есть грамматическія изслѣдованія очень почтенныя, и вовсе не имѣемъ намѣренія издѣваться надъ тѣмъ, что человекъ, по какимъ бы то ни было причинамъ, рѣшился посвятить себя этого рода спеціальности. Мы не понимаемъ только одного: какимъ образомъ, занятіе грамматикой и арифметикой можетъ сдѣлаться типическою чертою какаго бы то ни было поколѣнія? Между тѣмъ, Степа утверждаетъ, что это такъ, и что грамматическая лихорадка можетъ не только характеризовать дѣятельность цѣлага поколѣнія, но, по временамъ, дѣлается до того сильною, что оказываетъ рѣшительное вліяніе даже на такіе жизненные вопросы, какъ, напримѣръ, отношеніе мужчины къ женщинѣ.

Какъ ни воспламенила молодую вдову теорія стѣпанныхъ азовъ, все-таки теорія Домбровича о срываніи цвѣтовъ удовольствія не на столько уже утратила своей силы, чтобы оставить ее спокойною зрительницей, самодовольно развивающейся передъ нею грамматической лихорадки. И вотъ она начинаетъ слегка эвзаменовывать познанія своего друга по части клубнички.

Оказывается, что онъ въ этомъ дѣлѣ чистѣйшій профанъ, и что грамматика убила въ немъ всякую возможность мечтать о любовныхъ радостяхъ. «Гдѣ мнѣ мечтать о любовныхъ радостяхъ и о семейномъ довольствѣ, когда мнѣ еще *несколько лѣтъ* (?) надо пошататься по бѣлу-свѣту, а потомъ сдѣлать *еще* дѣтей моими собственными», говорить этотъ новый Зенонъ *азовъ*, и потомъ прибавляетъ: «ваша бѣда, по части любви, вышла отъ того, что мы очутились между двумя поколѣніями: люди сороковыхъ годовъ были спеціалисты по части клубнички; люди шестидесятыхъ годовъ будутъ дѣлать дѣло и *во время* соединять его съ личнымъ довольствомъ». «Бѣдный Степа! что же тебѣ остается по части амуровъ?» восклицаетъ легкомысленная вдова, не выдерживая тяжести *азовъ*. «Что же остается, Машенька? По части грѣховныхъ побужденій остается то, что и каждый холостой человекъ находить»...

Эта грамматическая непреклонность, это суровое сознаніе въ неумѣнніи предаваться *во время* «любвнымъ радостямъ», приводятъ насъ въ умиленіе. Это геркулесовы столбы той теоріи азовъ, для изученія которой, по мнѣнію Степы, необходимо по-

святить, но крайней-мѣрѣ, сороть лѣтъ человѣческой жизни. «Но вѣдь это гадко, Степа?» замѣчаетъ молодая вдова. «Некрасиво, мой другъ!» возражаетъ ей собесѣдникъ, и вдругъ, по какому-то вдохновенію, предлагаетъ ей выбрать, не касаясь его, другой объектъ, у котораго «есть чѣмъ любить». — Дуракъ! отвѣчаетъ ему героиня романа.

Наконецъ, въ лицѣ Кроткова, является этотъ объектъ, у котораго есть чѣмъ любить. Это совсѣмъ уже *новый* человекъ, и сидитъ на своемъ стулѣ твердо, то-есть смотреть въ глаза прямо, и провѣщиваетъ самія обиденныя рѣчи, какъ будто бы въ нихъ заключался глубочайшій смыслъ. Онъ говоритъ только то, что нужно сказать, не любить слова «принципъ» и остроумно надѣвается надъ «эмансипаціей женщинъ»; онъ не прочь и привязаться къ женщинѣ, но не просто привязаться, а тогда, когда эта привязанность *нужна*. И вотъ этотъ осколокъ египетскаго сфинкса учащаетъ свои визиты къ молодой вдовѣ, волнуется ея воображеніе до того, что она задыхается, и, наконецъ, начинаетъ даже самъ чувствовать, какъ его сфинксово существо начинаетъ смягчаться, смягчаться... Но тутъ — о, ужась! героиня романа убѣждается, что Домбровичъ и аэианскіе вечера сдѣлали свое разрушительное дѣло слишкомъ успѣшно, и что ей болѣе нечѣмъ любить! Убѣдившись въ этомъ, она отравляется, заканчивая свой журналъ словами Гамлета:

T'is a consummation
Devoutly to be wished.

Вотъ краткое, но правдивое изложеніе содержанія новаго романа г. Воборникина. Мы сдѣлали только одну, и притомъ небольшую выписку изъ него, и должны сознаться, что ограничивались этимъ единственно по чувству приличія. Удостоверяемъ, впрочемъ, читателя, что въ романѣ есть очень много такихъ мѣстъ, которыя, спеціальностью своего содержанія, не только не уступаютъ, но далеко превосходятъ приведенное нами описаніе наденія этой, такъ-сказать, отъ рожденія павшей героини клубничизма.

Попытка узаконить въ нашей литературѣ элементъ «срыванія цѣлтовъ удовольствія» не нова, и ведетъ свое начало отъ Баркова. Сочиненія этого достойнаго писателя, впрочемъ, для публики неизвѣстны, хотя мы положительо не понимаемъ, какое можетъ быть препятствіе къ обнародованію ихъ, послѣ обнародованія «Жертвы вечерней». Затѣмъ, традиція плотскаго динизма хотя и не прерывалась, но проявленіемъ ея все-таки не удалось сдѣлаться общимъ достояніемъ по причинѣ ихъ крайней наготы. Въ послѣднее время она начинаетъ, мало по малу, вторгаться въ литературу подъ видомъ ученія о малой бездѣлицѣ, и мы можемъ указать на гг. Стебницкаго и Авенариуса, какъ на ревютиѣйшихъ пропагандистовъ этого ученія. За ними послѣдовалъ с. Воборникинъ, и сразу подарилъ публику такимъ трактатомъ,

съ которыми ничего доселѣ написанное по этой части сравниться не можетъ.

Намъ возразятъ, быть можетъ, что г. Боборыкинъ не можетъ быть сравненъ ни съ г. Стебницкимъ, ни съ г. Авенарисомъ; что эти послѣдніе изображали «срываніе цѣтвъ удовольствія» совершенно наивно, потому что имъ во сердцу былъ самый этотъ сюжетъ; что г. Боборыкинъ, напротивъ того, хочетъ быть моралистомъ, что онъ прямо указываетъ на ту бездну, къ которой можетъ вести слишкомъ радикальное поклоненіе бездѣльцѣ, и что, наконецъ, онъ въ то же время показываетъ намъ и обратную сторону медали, а именно, въ лицѣ Степы, представляющаго образецъ ненависти къ клубничкѣ, а въ лицѣ Кротова—образецъ ея умѣренного и своевременнаго употребленія. Мы, однако же, не можемъ согласиться съ этими доводами, по той очень простой и совершенно законной причинѣ, что какъ Степа, такъ и Кротовъ до такой степени лишены всякой жизненности, и занимаютъ въ романѣ относительно столь ничтожное мѣсто, что представляются намъ не болѣе, какъ авторскими приемами, употребленными съ цѣлью, чтобы ясно показать, въ какомъ отношеніи можетъ быть ученіе о бездѣльцѣ, въ первомъ случаѣ—къ непреклонному пропагандисту теоріи азовъ, во второмъ—къ простому осколку египетскаго обелиска. Дѣйствительно живыми лицами можно назвать только героиню романа и Домбровича. Только они одни знаютъ навѣрное, чего хотятъ, только они одни не допускаютъ сомнѣній насчетъ своихъ намѣреній и дѣйствій. Какъ ни старается авторъ увѣрить читателя въ нравственномъ возрожденіи своей героини, вончившемся ея трагическою смертью — читатель даже въ этой смерти не можетъ видѣть ничего другаго, кромѣ крайняго выраженія ученія о срываніи цѣтвъ удовольствія. Вѣдь находили же фанатики разныхъ сектъ удовольствіе въ томъ, что сожигали себя: отчего же подобнаго явленія не допустить и для фанатиковъ секты клубничизма. Это сектаторское «всладцѣ узвви ми» — и болѣе ничего.

Повторяемъ, авторъ задался цѣлью очень непохвальною: онъ хотѣлъ перенести на русскую почву «Liaisons dangereuses» и возбудить въ нашей публикѣ вкусъ къ подобнымъ произведеніямъ. На этотъ гнуснѣйшій изъ всѣхъ современныхъ общественныхъ хламовъ онъ взглянулъ даже не какъ на матеріалъ, могущій, въ связи съ другими матеріалами, служить для характеристики общества въ данный моментъ; нѣтъ, онъ увидѣлъ въ немъ нѣчто достолюбезное, обладающее способностью привлекать и притягивать своимъ собственнымъ содержаніемъ. Быть можетъ, попытка его и будетъ имѣть успѣхъ, но, во всякомъ случаѣ, этотъ успѣхъ можно и должно назвать прискорбнымъ.

Еще одно слово: г. Боборыкинъ относитъ своего литератора Домбровича къ числу эстетиковъ сороковыхъ годовъ. Мы не возражаемъ противъ того, что въ сороковыхъ годахъ могли быть

и даже были эстетики-литераторы въ родѣ Дембровича, не утверждаемъ, что въ то время не могли появиться, а смели бы даже и могли, то не имѣли бы успѣха произведенія, подобнаго «Жертвѣ вечерней». Вѣдь это тоже своего рода успѣхъ, заставляющій задуматься. Не идутъ ли въ нашѣмъ отечествѣ эстетическія наклонности, подобныя изображеннымъ г. Воборкинымъ, все болѣе и болѣе развиваясь? Можно ли назвать въ настоящее время человѣка, подобнаго Дембровичу, исключеніемъ, какъ это было въ сороковыхъ годахъ, и не есть ли это, напротивъ того, въ нашей богатой досужествомъ и эстетически цивилизованной средѣ, явленіе до того уже обыденное, что оно ни мало даже не считается нужнымъ маскировать: свои эстетическія пошлости?

СТАТИСТИКА ПРЕСТУПЛЕНІЙ ВЪ РОССИИ.

МАТЕРИАЛЫ ДЛѢ УГОЛОВНОЙ СТАТИСТИКИ РОССИИ. Соч. Е. Анучина.
Тобольскъ. 1866.

Если о статистикѣ вообще можно сказать, что это наука новая, то о статистикѣ такъ-называемой уголовной, должно сказать, что это наука едва только явившаяся, *начинающая*. Вся ея литература исчерпывается пока тремя-четырьмя талантливыми именами. Несмотря, однакожь, на такую свою молодость, уголовная статистика успѣла уже и въ настоящее время занять весьма важное мѣсто въ ряду социальныхъ наукъ. Данныя, ею собранныя, выводы, ея сдѣланныя, такъ близко захватываютъ самыя живыя и существенныя интересы современнаго общества, что въ нимъ невольно привлекается вниманіе каждаго мыслящаго человѣка.

Главная заслуга уголовной статистики состоитъ въ томъ, что она выяснила тѣсную, или, точнѣе сказать, неизбежную зависимость нравственныхъ дѣйствій человѣка отъ совокупныхъ условий того общества, въ которомъ живетъ человѣкъ, вообще отъ того или другаго состоянія даннаго общества. Въ существѣ своемъ мысль эта, конечно, не нова. И философы, и не философы всѣхъ временъ и народовъ говорили, что нравственность частныхъ лицъ много зависитъ отъ того или другаго воспитанія, которое они получаютъ, отъ тѣхъ или другихъ примѣровъ, которые ихъ окружаютъ, отъ той или другой матеріальной обстановки, и т. п.; но всегда при этомъ предполагалось, что то или другое вліяніе воспринимается каждою личностію свободно и что, следовательно, по отношенію къ личности оно совершенно случайно, можетъ быть и не быть, смотря по тому, захочетъ ли личность оставаться подъ тягестью тѣхъ или другихъ вліаній или не захочетъ по своей доброй волѣ. Уголовная статистика,

нагляднымъ и очевиднымъ для всѣхъ способамъ, доказала неизбежность этихъ вліяній. Она открыла, что въ мірѣ свободныхъ человѣческихъ дѣйствій царствуетъ законъ такой же непреложной необходимости, какъ и въ мірѣ физическомъ, что всѣ свободныя дѣйствія людей, которыя доселѣ могли только подлежать ея наблюденію, совершаются въ каждомъ данномъ обществѣ въ теченіе извѣстнаго времени съ такою неизмѣнностію и такою пунктуальною точностію относительно сроковъ, относительно числа лицъ, ихъ совершающихъ, какъ будто бы такое ихъ исполненіе въ строго-опредѣленномъ числѣ и въ опредѣленные сроки было предписано самымъ строгимъ закономъ и находилось подъ самымъ строгимъ принудительнымъ контролемъ.

«Въ области человѣческой дѣятельности — говоритъ Кольбъ, повторяя слова Каетелета — нѣтъ, конечно, дѣйствія, гдѣ бы свободная воля принимала такое непосредственное участіе, какъ въ бракѣ — и, однакожь, продолжаетъ онъ — списки о брачующихся доказываютъ, что въ бракахъ существуютъ постоянство и правильность гораздо большія, нежели въ въ рожденіи и смертности. Само собою разумѣется, что каждое общественное бѣдствіе, каждый дурной, равно какъ и хорошій годъ, производятъ разницу въ цифрахъ и рожденій, и смертности, и браковъ. Но замѣчательно, что изъ этихъ трехъ моментовъ, цифра менѣе всего мѣняется относительно браковъ. Но, кромѣ того, здѣсь встрѣчаются и другіе поразительные факты. Если мы будемъ разсматривать сумму браковъ въ какой-нибудь значительной странѣ, на примѣръ, съ населеніемъ Франціи или даже только съ населеніемъ Бельгіи, то мы найдемъ, что даже между различными родами браковъ, какъ-то браковъ между холостыми и дѣвцами, между холостыми и вдовами, между вдовцами и дѣвцами, наконецъ вдовыми, числовыя отношенія остаются одни и тѣ же. «Но чтѣ всего болѣе приводитъ въ изумленіе — замѣчаетъ Каетелетъ — такъ это то, что постоянная правильность однихъ и тѣхъ же числовыхъ отношеній между различными родами брачующихся сохраняется до самыхъ мелкихъ провинцій, гдѣ числа такъ малы, что разнообразныя, рядомъ съ волею человѣческою дѣйствующія случайныя причины должны бы были, казалось, разрушать всякую правильность. А между тѣмъ, въ дѣйствительности идетъ все такъ, какъ будто бы весь народъ отъ одного конца страны до другаго ежегодно поголовно соглашался заключать одно и то же число браковъ и распределять ихъ равномернымъ образомъ между частными провинціями, между городомъ и деревней, между холостыми и дѣвцами, вдовцами и вдовами. Едва ли можно исчать какихъ бы то ни было слѣдовъ человѣческой воли въ этой постоянной пропорціональности, ибо, нѣтъ сомнѣнія, никто не думаетъ о томъ, чтобы подобная пропорціональность существовала. Этого мало. Можно подумать, что существуютъ какія-нибудь правительственныя распоряженія, дозволяющія (или, лучше сказать, предписывающія и требующія настоятельно какъ

подать) различнымъ возрастамъ заключать только известное число браковъ. Такая господствуетъ въ этомъ отношеніи правильность въ брачныхъ союзахъ. О мужчинѣ моложе 30 лѣтъ, который женится на женщинѣ 60 лѣтъ, конечно, нельзя сказать, что онъ увлекается слѣдомъ страстью или необдуманностью. Онъ находится въ такомъ положеніи, что можетъ располагать своею свободою въ самомъ широкомъ значеніи этого слова. И вотъ онъ думается, однакожь, до того, что покорно несетъ свою подать въ ту вторую казну, которая учреждена обычаями и ветростями нашего общественнаго организма. И именно *этой* казны подати вносятся всегда съ гораздо большою правильностью, нежели тѣ, которыя слѣдуетъ платить въ казну государственную». «Еще болѣе замѣчательно то, что упоминаемое Кветелетомъ числовое отношеніе брачующихся остается правильнымъ и въ тѣ годы, которые, напримѣръ, вслѣдствіе дороговизны, имѣютъ вліяніе на уменьшеніе браковъ. Число ненормальныхъ браковъ въ эти именно годы не только остается на прежней высотѣ, а даже нѣсколько возрастаетъ. Въ Австріи въ 1852 году сумма всѣхъ брачныхъ союзовъ простиралась до 816,800, изъ нихъ 281,200 были замучены между холостыми и 85,000 между состоявшими уже въ бракѣ; часть или двѣ части послѣднихъ были между вдовыми. Въ 1855 году общее число браковъ упало до 245,000; это ненормальное уменьшеніе браковъ на цѣли 72,000 отнеслось однакожь исключительно къ бракамъ нормальнымъ (между холостыми), которые уменьшились до 156 тысячъ, браки же ненормальные даже увеличились до 79,000. Въ 1852 году мѣра ивения стоила только 3,⁸⁵ флорина, а въ 1855 году 6,⁰⁴ флорина. Въ этомъ послѣднемъ обстоятельстве заключается, по нашему мнѣнію, поясненіе почему именно въ дурныя времена вдовы (имѣющіе уже известное прочное положеніе въ обществѣ) имѣютъ болѣе возможности вступать въ браки, нежели въ другое время. Многіе изъ брачующихся, которые въ хорошіе годы вступили бы въ бракъ съ холостыми, или несамыми, въ дурныя годы ищутъ себѣ партіи между вдовцами и вдовами».

«Да не подумаешь это ибудь, говоритъ Кветелетъ, что изъ всѣхъ общественныхъ явленій только браки имѣютъ такую правильность и постоянство. Въ *преступленіяхъ* оказывается такая же правильность и постоянство, и даже наказанія, которыя они влекутъ за собою, подчиняются тому же закону. Та же правильность усматривается въ *членорядительствѣ*, которыя дѣлаются для избѣжанія конскрипцій, въ *количествѣ суммъ*, пригнываемыхъ въ публичныхъ игорныхъ домахъ; даже въ *количествѣ* не точно или неправильно адресованныхъ и потому не отправленныхъ по назначенію писемъ. Однимъ словомъ, все идетъ такимъ образомъ, какъ будто бы различныя разряды общественныхъ явленій подлежали дѣйствию исключительно физическихъ законовъ». «Къ этому мы можемъ, говоритъ Кольбъ, присовокупить, что и дѣла милосердія, разныя вспоможенія,

однимъ словомъ «добри дѣла» подлежатъ тому же самому закону».

И такъ, тотъ міръ, который мы привыкли считать міромъ чисто свободныхъ дѣйствій, подчиненъ законамъ какаго-то неотразимаго фатума, по волѣ котораго люди, воображая себя свободными, движутся и дѣйствуютъ точно кули на пружинахъ...

Что же такое человѣческая свобода? Есть ли она? «Въ виду такихъ, очевидно подрывающихъ ее фактовъ, не должны ли мы отвергнуть ее безусловно? спрашиваетъ Кветелетъ и отвѣчаетъ: «я не думаю, а полагаю только, что свобода воли въ своей дѣятельности ограничена *очень тѣсными предѣлами* и въ общественныхъ явленіяхъ играетъ роль *случайной причины*. Поэтому, если выпустимъ изъ виду частныхъ недѣлимыхъ, и будемъ рассматривать положеніе вещей въ общемъ и цѣломъ, то окажется, что дѣйствія *случайныхъ причинъ нейтрализуются* и сводятся къ тому, что остаются господствующими только истинныя причины, которыми стоитъ и сохраняется общество. Возможность основать моральную статистику и дѣлать изъ нея полезныя выводы, вполне зависитъ отъ того основнаго факта, что свободная человѣческая воля ступенчато и остается незамѣтною, какъ скоро наблюденіе распространяется на извѣстное значительное число недѣлимыхъ. Только такимъ образомъ и можно распознавать, какія изъ причинъ, управляющихъ обществомъ, постоянны и какія измѣнчивы, — и на видовѣніе именно этихъ причинъ и должно быть обращено вниманіе, когда хотятъ сдѣлать въ обществѣ полезныя перемѣны». Чтобы понять это объясненіе Кветелета, представимъ себѣ, что кому нибудь пришла охота записывать число прогуливающихся на Невскомъ проспектѣ людей въ каждый ясный, хорошій день. Очень немудрено, что, по истеченіи года послѣ такой записи, оказалось бы, что въ каждый ясный день на Невскомъ проспектѣ прогуливается постоянно одно и то же число, положимъ, 5,000 или 10,000 ч., конечно съ небольшими колебаніями, недѣлающими, однакожь, значительной разницы для общей цифры. Очень не мудрено, что при этомъ оказалось бы, что постоянно въ извѣстныя часы проходитъ публика однихъ занятій и профессій, въ другіе часы публика другихъ занятій и профессій и т. д. Еслибы всѣ эти числа заключить въ статистическія формулы, то представилось бы, что Петербургъ какъ будто сговорился въ каждый ясный день высылать на Невскій проспектъ опредѣленную массу людей, распредѣливъ притомъ прогуливающихся такимъ образомъ, что категория однихъ профессій и занятій должна гулять въ такой-то часъ, другихъ въ другой и т. д. Общая причина, вызывающая опредѣленное число проходящихъ Невскій проспектъ въ ясный день, была бы одна: именно хорошая погода. Но эта общая причина несколько не исключала бы частныхъ или, какъ говорить Кветелетъ, случайныхъ причинъ, вслѣдствіе которыхъ каждый индивидуумъ изъ пяти или десяти тысячъ выходитъ на Невскій проспектъ въ ясный день. Одни, какъ извѣстно,

проходить Невскій проспект не только въ ясный, но и каждый Божій день по дѣламъ служебнымъ, торговымъ и другимъ. Другіе приходятъ сюда исключительно въ ясные дни для гигиеническихъ дѣлъ, третьи въ эти же дни для свиданія съ знакомыми, которыхъ надѣются здѣсь встрѣтить; четвертые идутъ сюда потому, что некуда дѣваться отъ бездѣлья, и проч. и проч. Контигентъ прогуливающихся каждый день на Невскомъ проспектѣ можетъ и долженъ оставаться долгое время неизмѣннымъ, потому что сумма людей, несущихъ извѣстныя служебныя, торговыя и другія обязанности, болѣе или менѣе постоянна, равно какъ болѣе или менѣе постоянно количество людей, имѣющихъ извѣстныя гигиеническія взгляды на прогулку въ ясные дни, а также людей, шатающихся безъ дѣла и ищущихъ, гдѣ бы главу приклонить или преслѣдующихъ разныя мелкія житейскія цѣли въ подобныхъ сборищахъ.

Но если изысканія моральной статистики и не отрицаютъ свободной воли въ человѣкѣ, то во всякомъ случаѣ они должны сильно видоизмѣнить вопросъ о вѣнненіи преступленій. Хотя и прежде, какъ мы уже сказали выше, предполагалось, что та или другая нравственность человѣка зависитъ отъ того или другаго воспитанія, отъ той или другой среды, въ которой онъ живетъ и т. п., но пока цифрами не было разъяснено и доказано, на сколько велико участіе тѣхъ или другихъ общественныхъ вліяній въ преступленіяхъ людей, дотолѣ каждый за свое преступленіе наказывался почти какъ личность абсолютно свободная. Теперь подобное вѣнненіе было бы весьма жестоко и вполнѣ несправедливо. Есть такія общественныя состоянія, которыя извѣстныя преступленія дѣлаютъ неизбѣжными и преступникъ является сгорѣе жертвой подобнаго плачевнаго состоянія общества, чѣмъ причиною дѣйствующей. Наказывать его какъ истиннаго преступника значило бы то же, что наказывать человѣка, подвергшагося болѣзни отъ эпидеміи. Съ другой стороны тѣ же статистическія данныя о преступленіяхъ доказываютъ, что самоопредѣляемость воли въ людяхъ и вообще очень слаба и состоитъ, исключая, можетъ быть, очень немногихъ избранныхъ личностей, подъ постояннымъ гнетомъ той или другой опутывавшей ихъ рутинны. Если часто имъ самимъ и кажется, что они дѣйствуютъ весьма обдуманно и по полному сознанію, то это ничего не доказываетъ, кромѣ природной слабости ихъ разума, или крайней его неразвитости. Кольбъ очень кстати припоминаетъ по этому поводу слова глубокомысленнаго Спинозы, который говоритъ, что слѣди только потому почитаютъ себя свободными, что они сознаютъ свои *дѣйствія*, но не знаютъ *причинъ*, которыми они опредѣляются (къ дѣйствіямъ). Дитя думаетъ, что оно свободно хочетъ молока; разгнѣванный мальчикъ думаетъ, что онъ свободно хочетъ мщенія; трусъ—что онъ свободно рѣшился бѣжать; пьяный — что онъ говоритъ по свободному самосознанію. Дѣти, глупцы, болтуны и вообще люди подобнаго сорта также

вображаютъ себѣ, что они говорятъ по свободной волѣ, тогда какъ они не имѣютъ никакой силы противодѣйствовать внутреннему напору въ болтовнѣ».

Общій смыслъ всѣхъ добытыхъ данныхъ уголовною статистическою фактовою тою, что въ своихъ преступленіяхъ люди болѣе жалки, чѣмъ преступны, и что каждое человѣческое общество нуждается болѣе въ домахъ умалшенныхъ съ хорошими докторами, чѣмъ въ тюрьмахъ съ усердствующими сторожами. Нѣтъ сомнѣнія, что работая все въ этомъ направленіи, статистика когда нибудь подороетъ наконецъ современный свирѣпый взглядъ людей на преступность себѣ подобныхъ, уничтожить бесполезныя истязанія и внести болѣе свѣта и тепла въ человѣческія отношенія. Но всѣхъ этихъ блестящихъ результатовъ статистика можетъ достигнѣ очень скоро... быть можетъ, только въ очень отдаленномъ будущемъ.

Въ настоящее время мы можемъ пользоваться болѣе скромными плодами ея трудовъ, хотя, впрочемъ, также весьма существенными въ дѣлѣ общественнаго прогресса. Важно то, что уголовная статистика, собирая *данныя* по разрядамъ преступленій, указываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ ненормальное или безобразное накопленіе въ тѣхъ или другихъ состояніяхъ общества, слѣдовательно, указываетъ большыя мѣста въ обществѣ. Это даетъ возможность законодателямъ и лицамъ, имѣющимъ власть и средства, дѣйствовать на общественный строй, улучшать разномъ цѣля общественна состояніа, не имѣя дѣла съ личною преступною волею. Опытъ всѣхъ вѣковъ и народовъ доказалъ, что всѣ мудрыя мѣропріятія—репрессивныя, карательныя, истязательныя, направленныя на личною преступную волю, не вели въ общемъ ни въ чему и всегда самымъ благонадежнымъ образомъ ухудшали, а не улучшали общество. Вѣка жестокихъ казней, пытокъ, инквизицій, шпионства, всегда и всюду были вмѣстѣ съ тѣмъ и вѣками глубокаго варварства. Съ другой стороны, прамыя указанія статистики освобождаютъ неумѣлыхъ администраторовъ измышлять собственнымъ умомъ разныя мѣропріятія въ видахъ улучшенія общественной нравственности. Ясная, проверенная на опытѣ и жизни народа цифра говоритъ имъ, что они должны дѣлать для этой цѣли...

Въ Россіи разработка уголовной статистики еще не начиналась, — не имѣется въ виду даже подготовительныхъ матеріаловъ, на основаніи которыхъ могла бы быть начата подобная разработка. Авторъ сочиненія, заглавіе котораго мы выписали въ началѣ нашей статьи, былъ поставленъ въ особенно благопріятныя обстоятельства для своей работы. Онъ имѣлъ въ рукахъ своихъ архивъ тобольскаго приказа о ссыльныхъ. Приказъ о ссыльныхъ, учрежденный въ 1823 году въ Тобольскѣ, имѣетъ своимъ спеціальнымъ назначеніемъ приемъ и распредѣленіе ссыльныхъ во Сибирь. О всѣхъ ссылаемыхъ въ Сибирь преступникахъ ведутся особыя книги, въ которыхъ записывается имя и

звание арестанта съ обозначеніемъ пола, возраста, религіи, рода преступленія, степени наказанія и мѣстности, откуда онъ отправленъ. На основаніи этихъ книгъ составляются відомости, въ которыхъ всѣ арестанты, сосланные въ Сибирь, распределяются по полу, по губерніямъ и главнымъ категоріямъ преступленій. Конечно, весь этотъ матеріалъ ни въ количественномъ, ни въ качественномъ отношеніи не можетъ быть признанъ удовлетворительнымъ для статистическихъ исследованийъ и выводовъ. Въ количественномъ потому, что 1) не всѣ наши преступники сосылаются въ Сибирь, слѣдовательно на основаніи его нельзя дѣлать волюгъ твердыхъ выводовъ относительно всей Россіи; 2) потому, что въ немъ, кромѣ лѣтъ, званія, крѣпкого мѣста жительства, вѣри преступника, не обозначаются болѣе никакіе условія, которыя, между тѣмъ, могли быть и самыми важными въ преступленіи, и изученіе моральнаго вліянія вторыхъ въ обществѣ составляетъ предметъ первѣйшей важности для статистики, напр. степень образованія. Въ *качественномъ* отношеніи матеріалъ этотъ неудовлетворителенъ потому, что трудно имѣть довѣріе къ тѣмъ приговорамъ о преступникахъ, которые дѣлались нашими старыми судами. Если бы была возможность повѣрить ихъ, то, по всей вѣроятности, оказалась бы очень значительный процентъ и лицъ совершенно неминныхъ, обвиненныхъ въ тяжкихъ преступленіяхъ и сосланныхъ въ Сибирь, и лицъ виновныхъ, но виновныхъ не въ тѣхъ преступленіяхъ, за которыми они сосланы. Все это должно сильно видоизмѣнить истинную цифру преступленій. Но окончательную пертурбацію въ эту цифру должны вносить сосланные административнымъ порядкомъ. По відомостямъ тобольскаго приказа о ссыльныхъ, общее число сосланныхъ въ продолженіе 20 лѣтъ (съ 1827—по 1846) простиралось до 159,755 человекъ, въ томъ числѣ сосланныхъ за уголовныя преступленія *по суду* . . . 79,846 чел.

и сосланныхъ безъ суда, *административнымъ* порядкомъ 79,909 »

Такимъ образомъ, административнымъ порядкомъ сослано столько же, и даже нѣсколько болѣе, чѣмъ по суду.

Преступленія, каравшіяся административнымъ порядкомъ, были слѣдующія:

1) Бродяжничество	48,566 чел.
2) Дурное поведеніе, по распоряженію мѣстнаго начальства	6,129 »
3) Дурное поведеніе, по волѣ помѣщиковъ	6,888 »
4) Бѣгство каторжныхъ и ссыльныхъ изъ Сибири.	18,328 »

Разсматривая эти четыре категоріи преступленій административнаго усмотрѣнія, за которыя въ теченіе 20 лѣтъ пошло въ Сибирь почти 80 тысячъ человекъ, можно сильно сомнѣваться не только въ дѣйствительной преступности большей части пострадавшихъ, но даже иногда въ существованіи самихъ пре-

ступлений, за которыми они пострадали. Всѣ мы знаемъ, что, напримеръ, значила часто ссылка за дурное поведеніе по землѣ помещиковъ. О бродягахъ г. Анучинъ говоритъ, что ссылка ихъ въ Сибирь была до того неразборчива, что администрація долго не имѣла законнаго опредѣленія о томъ, кого считать бродягой. «Такимъ образомъ, говоритъ г. Анучинъ, какъ видно изъ доносенія калужскаго губернатора, считали за бродягъ и ссылки въ Сибирь безъ дальнѣйшихъ справокъ даже приходившихъ изъ сосѣднихъ губерній по своимъ дѣламъ, или для испрашиванія милостыни, такъ-какъ указомъ 23-го февраля 1823 года велѣно было всѣхъ непредъявляющихъ паспортовъ, не наводя о нихъ никакихъ справокъ, отсылать прямо въ Сибирь. На этомъ основаніи ссылки всѣхъ странствующихъ нищихъ, слѣпыхъ, хромихъ, нѣмыхъ и другихъ убогихъ» (стр. 231). Очень можетъ быть также, что нерѣдко за побѣгъ ссылки принимали просто ихъ отлучки безъ вѣдомъ, или безъ позволенія начальства. Спрашивается: какъ же быть послѣ этого съ преступниками административнаго усмотрѣнія статистику?... Не включать ихъ въ число преступниковъ нельзя, потому что, можетъ быть, половина ихъ понесла дѣйствительно заслуженное наказаніе по существующему закону. Но, съ другой стороны, какъ и включать ихъ въ число преступниковъ, когда есть болѣе ясное основаніе думать, что, по крайней мѣрѣ, половина ихъ люди не въ чемъ неповинны? — Вѣдь это значить на цѣлыя 40,000 чел. увеличить общую сумму преступниковъ?

Естественно, что большая часть выводовъ отъ этого должна стать на шаткую почву или принять другой колоритъ. Г. Анучинъ храбро включилъ всѣхъ административно-сосланныхъ въ число преступниковъ; мы бы на его мѣстѣ поступили иначе: всѣхъ преступниковъ административнаго усмотрѣнія исключили бы изъ статистики, домысливъ свѣдѣнія и отчетъ объ нихъ отдѣльной главой въ приложеніи.

Дѣло въ томъ, что г. Анучинъ нѣсколько иначе смотритъ на свой матеріалъ, чѣмъ мы... Онъ не признаетъ его такъ недоброкачественнымъ, какъ мы; онъ видитъ въ немъ только одинъ недостатокъ — количественную неполноту. Но количественная неполнота не пугаетъ его. «Неполнота и ограниченность матеріаловъ тобольскаго приказа о ссылкахъ — говоритъ онъ — лишаетъ насъ возможности найти точныя величины для процента преступности, но отнюдь не пренатస్తుетъ правильности выводовъ относительно наклонности къ преступленіямъ подъ вліяніемъ различныхъ условій, что и составляетъ нашу главную задачу, такъ-какъ основная мысль, съ которою мы принялись за этотъ трудъ, заключается въ томъ, чтобы опредѣлить, по возможности, на сколько степенъ и форма преступленія обуславливается нѣкоторыми обстоятельствами, независимыми отъ личности человека, какъ напримеръ, его полонъ, возрастомъ, общественнымъ положеніемъ, религіею, расою и мѣстностію».

Авторъ весь илѣвшійся у него подъ руками матеріалъ раздѣлялъ на двѣ части: первая объявляетъ двадцатилѣтіе отъ 1827 до 1846—эта уже вышла въ свѣтъ; другая, еще неизшедшая въ свѣтъ, представляетъ выводы за послѣднее двадцатилѣтіе, съ 1847 до 1866 года.

Первую часть своего труда авторъ кончилъ и началъ печатать еще въ концѣ 1865 года. Но книга печаталась въ тобольской губернской типографіи; во время печатанія ея возникло недоразумѣніе: можетъ ли книга съ такими радикальными выводами явиться въ свѣтъ; она была послана въ Петербургъ на цензуру по начальству, и такимъ образомъ явилась въ свѣтъ только въ 1867 году. Но напечатанная и сложенная въ Tobольскѣ, она и по появленіи своемъ въ свѣтъ остается мало кому извѣстною. Это обстоятельство, конечно, не можетъ вліять на автора поощряющимъ образомъ. Мы слышали, что у него давно уже приготовлена къ изданію и вторая часть его труда,—но онъ останавливается въ раздумьи надъ своею книгою, не зная какъ понять кажущееся равнодушіе публики къ своему труду.

Нельзя не пожалѣть, что случайныя обстоятельства сдѣлали книгу г. Анучина мало доступною для русской публики. Трудъ этотъ, какіе бы ни были его недостатки, во всякомъ случаѣ весьма почтенный и серьезный и содержитъ очень много интересныхъ выводовъ для статистическіхъ преступленій въ Россіи, потому мы почитаемъ своею обязанностію, хотя и заднимъ числомъ, познакомить съ нимъ нашу читающую публику.

Книга г. Анучина раздѣлена на семь отдѣловъ: въ первомъ изъ нихъ представленъ краткій очеркъ исторіи русскаго законодательства о ссылкѣ въ Сибирь; во второмъ содержатся объясненія колебанія цифръ сосланныхъ въ Сибирь по періодамъ времени. Слѣдующіе отдѣлы излагаютъ вѣроятность зависимости преступленій: третій отъ пола; четвертый — отъ возраста; пятый — отъ сословія; шестой — отъ религіи; седьмой — отъ мѣстности.

Мы не поведемъ читателя по всѣмъ этимъ рубрикамъ, ибо это было-бъ утомительно, да, пожалуй, немножко скучновато. Мы изъ всѣхъ рубрикъ выберемъ болѣе характерныя выводы автора относительно женскаго и мужскаго пола, и такимъ образомъ, читатель будетъ имѣть понятіе о томъ, въ чемъ въ особенности грѣшны разныхъ соѣтовъ россияне и россиянки.

Изъ 159,755 лицъ, сосланныхъ въ Сибирь въ теченіе 20 лѣтъ, было 184,315 мужчинъ и 25,440 женщинъ. Слѣдовательно, въ массѣ ссыльныхъ вообще, россиянки составляютъ около $\frac{1}{6}$ всего числа, или, что все равно, на 100 россиянъ приходится 18,95 россиянокъ. Это доказываетъ несомнѣнное благопріятіе нашего прекраснаго пола. Но это благопріятіе не во всемъ выдерживается; напротивъ, по нѣкоторымъ статьямъ оказывается весьма несостоятельными. Такъ, между сосланными въ Сибирь

за дѣтубійство, на 100 мужчинъ приходится	1912,50	женщинъ;
» прелюбодѣвіе » 100 » »	492,31	»
» супругоубійство » 100 » »	161,61	»

До 16 лѣтъ своего возраста, россиянки остаются ангелами. Но съ этого времени страсти ихъ быстро развиваются, и онѣ дѣлаются кровожадными въ преступленіяхъ, ихъ полу свойственныхъ, и такимъ образомъ дѣло идетъ до тридцатилѣтнаго возраста включительно. Тогда какъ, изъ мужчинъ отъ 16 до тридцатилѣтнаго возраста за дѣтубійство сослано было въ Сибирь, въ теченіе 20 лѣтъ, всего 11 человекъ, женщинъ въ то же самое время, и за то же самое преступленіе, было сослано 417; мужчинъ, отъ 16 до 20 лѣтъ своего возраста, убившихъ своихъ женъ, въ теченіе двадцати лѣтъ было только 19, — отъ 21 до 30 лѣтъ — всего 89; женщинъ, отъ 16 до 20 лѣтъ своего возраста, убившихъ въ теченіе того же времени своихъ мужей, было 158, отъ 21 до 30 лѣтъ — 181.

Желаая оправдать такую страшную кровожадность прекраснаго пола въ юныхъ возрастахъ, авторъ говоритъ о дѣтубійствѣ, что это преступленіе до такой степени сильно развито между женщинами вслѣдствіе невыгодныхъ условій общественнаго положенія у насъ женщинъ — условій, при которыхъ вся вина незаконной половой связи падаетъ на женщину. «Нѣтъ сомнѣнія, продолжаетъ онъ, что къ дѣтубійству побуждаютъ женщинъ глазнымъ образомъ стыдъ и страхъ общественнаго мнѣнія, и потому до тѣхъ поръ, пока не измѣнятся условія, порождающія этотъ стыдъ и страхъ, дѣтубійство останется въ ряду женскихъ преступленій на самомъ видномъ мѣстѣ».

Точно также и сильную склонность женщинъ къ супругоубійству авторъ объясняетъ изъ общихъ условій общественнаго и семейнаго положенія нашей женщины. «Господствующій въ нашихъ сословіяхъ обычай — говоритъ онъ — отдавать дѣвицъ замужъ безъ ихъ согласія, даже насильно, жестокое обращеніе мужа съ женою, желаніе освободиться отъ жестокаго или нелюбимаго мужа — вотъ условія, въ которыхъ кроются причины мужеубійства. Указывая на особенную склонность женщинъ къ супругоубійству, мы не можемъ оставить безъ вниманія тотъ замѣчательный фактъ, что для исполненія этого преступленія, женщины гораздо чаще прибѣгаютъ къ отравленію, чѣмъ мужчины. Именно, изъ мужей прибѣгаютъ въ этомъ случаѣ къ яду 1 изъ 26, изъ женъ 1 изъ 3; мы приводимъ эти цифры, какъ лучшее доказательство зависимости формъ отъ силы исполнителя».

Все это можетъ быть и такъ, но мы, во всякомъ случаѣ, себѣ вѣтовали бы молодымъ людямъ и вообще мужчинамъ, вступающимъ въ бракъ, ради сохраненія своей жизни, не жениться на молодыхъ дѣвушкахъ, или молодыхъ женщинахъ, а избирать себѣ изъ возрастовъ болѣе зрѣлыхъ и благоразумныхъ, начиная

отъ 31 и въ особенности отъ 41 года. Ибо статистическія данныя показываютъ, что тогда какъ отъ

15 до 20 лѣтъ супругоубійць бываетъ на 100,00 м. 755,00 ж:
20 » 30 » » » » 100,00 » 200,00 »

въ возрастахъ отъ 30 до 40 на 100,00 мужчинъ приходится только 64,71 супругоубійцы, а отъ 40 до 50 на 100,00 всего 39,16 супругоубійць.

Кромѣ наклонности къ дѣтоубійству и супругоубійству, авторъ находитъ женщинъ въ молодыхъ ихъ лѣтахъ еще очень склонными къ кровосмѣшенію, и доказываетъ это слѣдующими данными. Въ теченіе двадцатилѣтія было сослано въ Сибирь за кровосмѣшеніе.

	16—20 лѣтъ	21—30	31—40	41—50	51—60	сверхъ 60—всего.	
Мужчинъ	»	7	14	25	23	9	75
Женщинъ	7	35	10	2	»	»	54

Благоговѣемъ предъ приведенными фактами! Но только все-таки не знаемъ, за кѣмъ признать наклонность къ кровосмѣшенію, за женщинами ли молодыхъ лѣтъ, или за мужчинами старшихъ лѣтъ, выбравшихъ для кровосмѣшенія женщинъ не старшихъ, а младшихъ возрастовъ?

Чтобы правильно разрѣшить этотъ вопросъ, надобно, относительно мужчинъ, данныя по преступленію кровосмѣшенія разсматривать вмѣстѣ съ данными по преступленію изнасилованія. Мы привели выше данныя о мужчинахъ по преступленію кровосмѣшенія, а вотъ данныя по преступленію изнасилованія въ теченіе того же двадцатилѣтія:

11—15 лѣтъ	16—20	21—30	31—40	41—50	51—60	сверхъ 60—всего	
4	30	113	47	39	20	4	257

Изъ этой краткой таблички видно, что мужчина, удовлетвореніе своихъ плотскихъ вожделѣній начинаетъ насиліемъ. Насиліе дѣлать, какъ показываетъ табличка, даже мальчуган, но достигше до 15 лѣтъ! Чѣмъ болѣе съ возрастомъ увеличивается сила физическая, тѣмъ число этихъ насилій возрастаетъ. На возрастъ отъ 16—20 лѣтъ падаетъ 30 случаевъ изнасилованія, на возрастъ отъ 21—30 лѣтъ 113 случаевъ изнасилованія, на возрастъ отъ 31—40 лѣтъ также сильный, но болѣе уже благоразумный, падаетъ 47 случаевъ. — Цифра изнасилованія уменьшается, но вмѣстѣ съ тѣмъ возрастаетъ цифра кровосмѣшенія; она даетъ уже 14 случаевъ кровосмѣшенія; въ слѣдующее десятилѣтіе отъ 41—50, когда начинается уменьшеніе силъ, цифра изнасилованія еще болѣе уменьшается, но цифра кровосмѣшенія становится почти вдвое болѣе, наконецъ въ остальныхъ двухъ десятилѣтіяхъ цифра кровосмѣшенія уже превосходитъ цифру изнасилованія.

Что къ это показываетъ? Это показываетъ то, что пока мужчина силенъ и крѣпокъ, онъ насилуетъ кого и гдѣ можетъ и въ дѣмъ; когда онъ хирѣетъ и дѣлается слабъ, онъ насилуетъ под-

ручницъ ему дома, употребляя для этого или нравственный гнетъ, или, гдѣ ему не поддаются, то и силу физическую, если ей еще хватаетъ.

Авторъ приводитъ любопытныя въ этомъ отношеніи данныя; жаль только, что они представлены за одно пятилѣтіе. Онъ говоритъ:

«Виределженіе пяти лѣтъ было сослано за кровосмѣшеніе 48 мужчинъ и 24 женщины. Въ числѣ мужчинъ 22 сослано за кровосмѣшеніе, осложненное изнасилованіемъ. Эти числа, по различнымъ видамъ кровосмѣшенія, располагаются слѣдующимъ образомъ:

мужчинъ.		женщинъ.	
За кровосмѣш. съ снохомъ	15;	За кровосмѣш. съ свекромъ	12
» » » дочерью	8 » » 10	» » » доверкомъ	6
» » » весталк.	7 » » — » » » братомъ	8	
» » » падчер.	1 » » 5 » » » дѣдѣ	1	
» » » род. сест.	2 » » 1 » » » отчимомъ	1	
» » » племя.	1 » » — » » » зятемъ	1	
» » » сводчен.	1 » » — » » » зятемъ	1	

«Слѣдовательно — говоритъ авторъ — самый частый видъ кровосмѣшенія, и притомъ добровольный — между свекромъ и снохомъ. Затѣмъ кровосмѣшеніе отца съ дочерью и отчима съ падчерицею почти всегда сопровождается насиліемъ».

Говоря о наклонности молодыхъ женщинъ къ кровосмѣшенію, авторъ выпустилъ изъ виду сильную наклонность мужчинъ къ изнасилованію, и потому написалъ:

«Измѣненіе по возрастамъ наклонности къ кровосмѣщенію представляется совершенно обратнымъ въ обоихъ полахъ. Въ то время, какъ у женщины наклонность къ этому преступленію соответствуетъ цвѣтущему возрасту и быстро ослабѣваетъ къ старости, у мужчинъ, напротивъ, наклонность къ нему увеличивается съ возрастомъ до 60 лѣтъ, когда она доходитъ до наибольшей степеней».

А между тѣмъ, вмѣсто этого, слѣдовало бы написать:

Воспитываемый по отчиму преданію въ татарскихъ нравахъ, россиянинъ всасываетъ въ себя наклонность ко всякаго рода насиліямъ съ молокомъ матернимъ. Этотъ принципъ насилія онъ прилагаетъ и къ молодымъ отношеніямъ и начинаетъ насиліе чуть не съ колыбели. Пона онъ крѣпокъ и силенъ, онъ удовлетворяетъ своей страсти изнасилованія внѣ дома; когда же онъ дѣлается слабъ и хилъ, онъ насилуетъ близкихъ къ нему, употребляя для этого или гнетъ нравственный, или, если онъ не помогаетъ, остатокъ силы физической. А такъ-какъ россиянинъ, человекъ не безъ вкуса и въ половыхъ отношеніяхъ молодыхъ женщинъ предпочитаетъ старымъ не только въ своей юности, но и въ преклонныхъ лѣтахъ, то и представляется, что женщина въ молодыхъ лѣтахъ имѣетъ наклонность къ кровосмѣщенію болѣе, чѣмъ мужчина.

Однако, довольно намъ адвокатствовать за женщинъ. Будемъ продолжать ихъ изображение.

О россиянкѣ, которая вышла замужъ за лицо духовное, или за купца, можно смѣло сказать, что она запечатала свое благонравіе семью печатами, въ-подъ которыхъ нѣчто ея не похитить. Ни въ комъ изъ православныхъ не обнаруживается такой катехованной нравственности, какъ въ женскомъ полѣ духовнаго и купческаго званія. О женщинахъ изъ дворянъ авторъ говоритъ: «Особенно сильною, сравнительно со всеми прочими сословіями, склонностію къ убійству родителей, отличаются дворяне и, что всего замѣчательнѣе, женщины. У дворянъ склонность къ этому преступленію не только значительнѣе, чѣмъ у женщинъ другихъ сословій, даже сильнѣе, чѣмъ у мужчинъ всѣхъ сословій, кромѣ однодворцевъ, которые одни могутъ сравниться съ нею въ этомъ отношеніи». О солдатахъ и дворянъ женщинахъ авторъ говоритъ: «Изъ сравненія солдатки или дворовой женщины съ купчихою оказывается, что для первыхъ двухъ вѣроятность сдѣлаться убійцею въ 12 разъ сильнѣе, чѣмъ для послѣдней. Женщины духовнаго званія отличаются такою же слабою склонностію къ убійству, какъ и купчихи. Но самый замѣчательный выводъ состоитъ въ слѣдующемъ. Для женщинъ вообще вѣроятность сдѣлаться убійцею въ 4 раза слабѣе, чѣмъ для мужчинъ. Между тѣмъ для солдатки и дворовой женщины вѣроятность убійства почти такая же, какъ и для мужчинъ изъ сословія крестьянъ, и гораздо значительнѣе, чѣмъ для мужчинъ изъ сословія духовнаго и купческаго».

«Наивысшимъ процентомъ *дѣтубійства* отличаются солдаты, далеко превосходящіе по склонности къ этому преступленію всѣ другія сословія. Гораздо меньшій, но сравнительно съ прочими сословіями, значительный процентъ имѣютъ однодворцы, военные поселенцы, заводскіе, фабричныя, дворовые и казаки. Рѣже всего становятся дѣтубійцами мѣщане и женщины духовнаго званія. Въ купческомъ сословіи это преступленіе случается еще рѣже». На сколько можно судить по проценту сосланныхъ за воровство солдатокъ, это преступленіе должно быть очень сильно развито въ военномъ сословіи. Между женщинами послѣ дворовыхъ, какъ воровки, болѣе всего отличаются солдаты. Вообще, по пропорціи женщинъ въ общемъ числѣ сосланныхъ сословія слѣдуютъ въ такомъ порядкѣ:

Между сосланными изъ купческаго сословія на 100 м. приход.	4,56%	ж. в.
» » » духовнаго » » » » »	5,68	» »
» » » мѣщанъ » » » » »	15,00	» »
» » » дворянъ » » » » »	15,64	» »
» » » гос. крестьянъ » » » » »	16,72	» »
» » » влад. крестьянъ » » » » »	28,05	» »
» » » казаковъ » » » » »	29,14	» »
» » » дворовыхъ » » » » »	39,79	» »

Иной свободный человекъ, пробѣжавъ эти выводы, можетъ подумать, что низкій процентъ преступности между женщинами духовнаго званія и купеческаго обусловливается тѣмъ усердіемъ въ дѣявіи, каюе по преимуществу доселѣ провѣляется въ этихъ двухъ сословіяхъ.

Но въ пропорціи женщинъ между ссыльными различныхъ вѣроисповѣданій оказывается слѣдующее:

У протестантовъ на 100 мужчинъ приходится	28,64	женщ.
» католиковъ » » » »	22,44	»
» православныхъ » » » »	23,01	»
» раскольниковъ » » » »	14,91	»
» евреевъ » » » »	7,57	»
» магометанъ » » » »	1,33	»

Изъ этого видно, что магометанки отличаются еще болѣе большимъ благопріеміемъ, чѣмъ наши духовныя и купеческія жены.

Авторъ это кажущееся благопріеіе женщинъ нехристіанскаго исповѣданія въ сравненіи съ христіанскими женщинами объясняетъ слѣдующимъ образомъ:

«При объясненіи разницы въ степени вѣроятности преступленія для мужчины и женщины, какъ на одну изъ существеннѣйшихъ и вліятельнѣйшихъ причинъ, мы указали на различіе въ образѣ жизни. Для мужчины сдѣлаться преступникомъ гораздо вѣроятнѣе, чѣмъ для женщины, потому же самому, почему для него вѣроятнѣе сдѣлаться жертвою нечаянной или неестественной смерти. Онъ чаще вращается въ мірѣ и подвергается болѣе частой массѣ впечатлѣній и случайностей. Первая увеличиваетъ для него возможность преступленія, какъ послѣднія возможность нечаянной смерти. Того же самую причину можно объяснить разницу въ пропорціи женщинъ между преступницами христіанскими и нехристіанскими исповѣданій. Стоитъ только вомотрѣться въ образъ жизни и общественное положеніе христіанки и магометанки, чтобы убѣдиться въ справедливости нашихъ предположеній. Основатель магометанства вложилъ въ воракъ все, чтобы совершенно удалить женщину отъ общественной жизни и сдѣлать изъ нея простую вещь, приковавъ эту вещь къ господину-мужу. Укутанная въ чадру, замкнутая въ гаремѣ, пріянявшая съ дѣтства самую рабскую покорность къ мужицкѣ, привыкнувъ считать себя за вещь, которую можно покупать и продавать, магометанка лишена всякой возможности проявить свою дѣятельность въ какомъ бы то ни было отношеніи, какъ въ хорошемъ, такъ и въ дурномъ. Образъ жизни магометанки, сложившійся на ученіи пророка, постепенно развилъ въ ней сильнѣйшую апатію и сдѣлалъ ее совершенно неспособною ни на героизмъ, ни на крупное злодѣяніе. Цивилизація христіанскихъ обществъ поставила женщину совершенно въ другія условія. И мужчина, и женщина, по ученію Христа, въ равной степени признаются человѣкомъ съ одинаковыми правами и въ настоящей и въ

будущей жизни. Съ другой стороны, римская цивилизація, перешедшая по наслѣдству въ европейскія общества, независимо отъ христіанства, мало по малу освобождала женщину отъ веропродоговъ, протраждавшихъ ей путь въ общественной жизни. Вслѣдствіе этихъ-то причинъ, женщина новѣйшихъ христіанскихъ обществъ, поставленная въ большее соприкосновенію съ внѣшнимъ міромъ, чѣмъ магометанка, подвергается гораздо большей суммѣ впечатлѣній, способныхъ довести ее до преступленія, чѣмъ наслѣдница, совершенно отрѣзанная отъ общественной жизни и по степени нравственнаго развитія ниведенная къ состоянію существа, равно безвреднаго и бесполезнаго».

Нѣсколько похолое на это объясненіе авторъ даетъ и относительно незначительнаго процента преступности женщинъ въ куческомъ сословіи. «Спокойная и сидячая жизнь женщинъ куческаго сословія—говоритъ онъ—предполагаетъ несравненно меньшую вѣроятность преступленія, чѣмъ дѣятельная, полная тревогъ и заботъ жизнь крестьянки и въ особенности дворовой женщины. Этимъ и объясняется разница въ пропорціи женщинъ между сосланными этихъ сословіи. Въ самомъ дѣлѣ, какое сословіе отличается болѣе покойною жизнью, чѣмъ куческое? Окруженная всѣми удобствами, всегда сыта и тепло одѣтая, кучиха въ своемъ довольствѣ доходитъ до состоянія совершенной апатіи. Матеріальное благосостояніе кучества выражается даже въ его внѣшности: полнота лица этого сословія есть прямое слѣдствіе ихъ образа жизни, располагающаго къ ожирѣнію тѣлови и къ развитію флегматическаго темперамента. Невозможность удовлетворенія насущныхъ потребностей, существенная причина большей части преступленій — незнакома жонѣ или дочери богатаго купца. Остается только разрядъ преступленій изъ злобы или мести. Но и въ этомъ случаѣ нравственность женщины куческаго сословія достаточно гарантирована ея темпераментомъ. Какъ для женщины куческаго сословія, вслѣдствіе счастливой обстановки, вѣроятность преступленія незначительна, такъ, напротивъ, она велика для дворовой женщины вслѣдствіе особенно неблагоприятныхъ условій ея жизни. Какъ кучиха бросается въ глаза своею полнотою, такъ, напротивъ, дворовая женщина отличается по большей части меншею наружностію. Взрослая въ горѣ и нищетѣ, дворовая женщина моря вынести изъ своего дѣтства и юности только недовольство. Безпрестанное вліяніе цѣлой массы неблагоприятныхъ впечатлѣній сдѣлало ея характеръ раздражительнымъ, а избытокъ въ условіяхъ, возбуждающихъ дурныя страсти, значительно увеличиваетъ для нея возможность преступленій».

Такъ-какъ вы, читатель мой, родились мужчиной, то я долженъ сказать вамъ, что надъ вами, если не съ самой волѣею, то съ самимъ равниемъ дѣтъ вашей юности повѣшенъ мечъ Дамокловъ. Вы никогда не лишены вѣроятности попасть въ Омбуръ кучень ли судебной, или путемъ административной ссылки — все равно.

Чѣмъ дальше идете вы по избранному вами поприщу жизни, каковъ бы это поприще ни было, все равно, тѣмъ болѣе эта вѣроятность увеличивается. И когда вамъ ступнетъ 60 лѣтъ, вѣроятность эта хотя и уменьшится, но все-таки совершенно не исчезнетъ. И это все потому только, что вы родились мужчиной. Вы мужчина, слѣдовательно вы *приобриваетесь*. А статистическія данныя показываютъ, что въ 79,846 сосланныхъ въ Сибирь по суду въ теченіе двадцатилѣтія болѣе 60,000 все приобрѣтатели, то-есть поскользнушіеся такъ или иначе на пути приобретенія. Да и то еще надобно полагать, что въ этой цифрѣ сочтены не всѣ поскользнушіеся... Ибо въ теченіе двадцатилѣтія сослано за растрату казеннаго имущества всего 157 ч., а за лихоимство всего 82. Не правда ли, что обѣ эти цифры должны быть очень снискодительны!!!

Вы, можетъ быть, обидитесь на меня за это и скажете, что вы не просто мужчина, а дворянинъ, привыкшіій дѣлать приобретенія честныя. Вполнѣ вѣрю вамъ лично, отвѣтствую я вамъ на это; но все-таки, опираясь на несомнѣнныя статистическія данныя, не могу не сказать, что если вы не простой смертный, а еще и дворянинъ, то вѣроятность побывать въ Сибири не только отъ этого для васъ не уменьшается, а еще увеличивается.

«По многимъ причинамъ казалось бы, говорить авторъ, что для дворянина вѣроятность преступленія должна быть значительно слабѣе, чѣмъ для лица всякаго другаго сословія. Привилегированное положеніе дворянина среди другихъ сословій и высшій уровень образованія должны бы, казалось, въ значительной мѣрѣ содѣйствовать уменьшенію этой вѣроятности. Между тѣмъ, статистическія цифры показываютъ совершенно противное. Онѣ показываютъ именно, что для дворянина вѣроятность быть сосланнымъ въ Сибирь за такое преступленіе значительно выше, чѣмъ для многихъ другихъ сословій. Правда, что процентъ для дворянства значительно увеличивается собственно отъ двухъ преступленій: отъ поддѣлки документовъ и противъ власти, процентъ вторыхъ въ этомъ сословіи наивысшій. Но даме и по общему проценту для такихъ преступленій, какъ смертоубійство, грабежъ, закигательство, дворяне не уступаютъ ищанамъ и значительно превосходятъ крестьянъ, а въ особенности духовенство и купечество».

Авторъ въ своихъ исследованияхъ раздѣляетъ дворянство на три категоріи: 1) неслужащее дворянство; 2) военнослужащее и 3) чиновниковъ, и приходитъ въ слѣдующему окончательному выводу, относительно преобладающихъ преступленій въ каждой изъ эти категорій:

1) сильнѣйшая склонность къ преступленіямъ преимущественно развита между чиновниками. Но при этомъ нужно замѣтить, что значительный процентъ для категоріи чиновниковъ происходитъ отъ сильной склонности ихъ къ поддѣлкѣ документовъ и преступленіямъ по службѣ.

2) По общему проценту для самых тяжких преступлений (смертоубийство, грабеж и закидательство) военное дворянство значительно превышает все другие категории. Самая слабая склонность к таким преступлениям замечена в категориях чиновников, немного превышающих в этом отношении купечество и духовенство.

3) Сильнейшей склонностью к государственным преступлениям отличается неслужашее дворянство, слабейшей — чиновники.

Как дворянство погрязает, если можно так выразиться, теми самыми орудиями, которыми оно служит славе своего отечества, а именно, чиновники теми самыми пером, которыми они начертывают распоряжения администрация, подделывают и фальшивые документы; военное дворянство самое оружие, которое они употребляют на врагов отечества, обращают на смертоубийства и грабежи, и наконец, неслужашее дворянство, то самое победоносное красноречие, которыми они блистают в дворянских, земских и других собраниях, употребляют и к погублению себя, ибо думаем, что государственными их преступлениями, главным образом, состоять в неукротимости их языка, так точно и в других случаях замечается, что они злоупотребляют теми самыми предметами своего служения, которые и по существу их служения, и по общему понятию всех должны бы быть для них священнейшими.

В особенности в этом случае резко выдается духовенство.

«Сильная склонность к святотатству — говорит автор — составляет главнейшую характеристическую черту духовенства в криминальном отношении. Из сравнения сословий по пропорции этого преступления между осмысленными также по проценту осмысленных за святотатство видно, что это преступление составляет почти такую же исключительную особенность духовенства, как государственные преступления в дворянстве и преступления по службе в классе чиновников. Святотатство есть самая частая причина смерти для духовенства. Лица этого сословия осмысляются в Сибирь за святотатство даже чаще, чем за простое воровство. Между осмысленными святотатцами из духовного звания составляют больше $\frac{1}{2}$ всего числа, именно 34,02%, тогда как ни в одном из других сословий пропорция подобных преступников не превышает 4%. В ряду сословий, располагаемых по проценту осмысленных, духовенство в большей части преступлений занимает одно из самых последних мест. Исключение составляют только три преступления: святотатство, подделка документов и насилие. Первое из них — святотатство, есть единственное преступление, по проценту которого духовенство превышает все сословия. Разница в этом отношении между духовенством и всеми прочими сословиями огромная, как видно из следующих пропорций:

ПРОЦЕНТА ПО ПРОЦЕНТУ СВЕТОСТАТСТА.

Духовенства : солдат.	— 6, 8 : 1
» : мѣщанамъ	—10,20 : 1
» : дворянамъ	—14,42 : 1
» : купцамъ	—21,25 : 1
» : крестьянамъ	—39,28 : 1

Купечество имѣеть такъ же нѣкоторую профессиональную слабость, какъ духовенство.

«Относительно порядка преступленій купечество — говоритъ авторъ — представляетъ ту особенность, отличающую это сословіе отъ всѣхъ другихъ, что послѣ воровства и смертоубійствъ лица купеческаго сословія чаще всего ссылаются въ Сибирь за поддѣлку ассигнацій и монеть. Это есть единственное изъ тяжкихъ преступленій, по наклонности къ которому, купечество превышаетъ всѣ другія сословія. Въ этомъ отношеніи купечество уступаетъ только заводскимъ и фабричнымъ. Къ прочимъ главнымъ сословіямъ купечество находится въ такихъ отношеніяхъ по проценту ссыльныхъ за это преступленіе:

Купечество : солдатамъ	—1,84 : 1
» : мѣщанамъ	—1,58 : 1
» : дворянамъ	—2,23 : 1
» : духовен.	—4,46 : 1
» : крестьянамъ	—4,83 : 1

Въ такомъ видѣ представляются наши лучшія сословія — лучшія, какъ по *материальному* положенію, такъ по образованію и нравственности, по крайней-мѣрѣ, въ общемъ мѣрѣ. Посмотримъ теперь на самыя худшія сословія въ томъ и другомъ отношеніи; но предварительно приведемъ процентное отношеніе сословія по самымъ тяжкимъ преступленіямъ, какъ-то: смертоубійству, разбою, грабежу и зажигательству.

Солдаты	0,00710
Заводскіе и фабричныя	0,00686
Дворовые	0,00584
Одводворцы	0,00542
Военные поселенцы	0,00492
Казачи	0,00326
Дворяне	0,00302
Мѣщане	0,00290
Государственныя крестьяне	0,00266
Владѣльческія крестьяне	0,00257
Духовенство	0,00163
Купечество	0,00150

И такъ, самый огромный процентъ преступности, по самымъ тяжкимъ преступленіямъ въ двадцатилѣтіе съ 1827 по 1846 годъ, существовалъ между солдатами, фабричными и дворовыми.

«Наклонность къ тяжкимъ преступленіямъ развита между солдатами, говоритъ авторъ, въ самой сильной степени: по проценту сосланныхъ за смертоубійство, солдаты значительно превышаютъ даже дворовыхъ и заводскихъ съ фабричными. По проценту сосланныхъ за грабежи и разбои, они уступаютъ только заводскимъ, однодворцамъ и военнымъ поселенцамъ, по проценту для святотатства—только духовенству. Наклонность къ поддѣлкѣ ассигнацій и монетъ развита между ними также сильно, какъ въ купечествѣ, наклонность къ взнасилованію и возмущеніямъ также велика, какъ и въ дворянствѣ, а по проценту государственныхъ преступленій они превышаютъ всѣ прочія сословія, кромѣ дворянства. Такъ-какъ масса солдатъ набирается изъ крестьянъ, то небезынтересно сравненіе этихъ сословій по проценту тяжкихъ преступленій.

Солдаты : государственнымъ крестьянамъ — 2,58 : 1.

Эта пропорція показиваетъ, что обращеніе крестьянина въ солдаты увеличивало для него вѣроятность совершить преступленіе въ $2\frac{1}{2}$ раза.

«Заводскіе съ фабричными, по значительной наклонности къ преступленіямъ, могутъ быть поставлены наравнѣ съ дворовыми и солдатами. Въ особенности отличаются заводскіе сильнѣйшею наклонностію къ смертоубійству, грабежамъ и поддѣлкѣ ассигнацій и монетъ. По двумъ послѣднимъ преступленіямъ, они превышаютъ всѣ прочія сословія, а по проценту смертоубійства уступаютъ только солдатамъ».

О дворовыхъ авторъ говоритъ, что обращеніе владѣльческаго крестьянина въ дворовые увеличивало для него втрое вѣроятность быть сосланнымъ въ Сибирь. Ибо, по пропорціи:

сосланные вообще дворовые: владѣльческімъ крест. — 3,06 : 1

» за тяжкія преступ.: владѣльч. крестьян. — 2,70 : 1
по наклонности къ смертоубійству, дворовый уступаетъ только солдату; по проценту сосланныхъ за зажитательство, дворовые рѣшительно превосходятъ всѣ другія сословія; по поддѣлкѣ документовъ, они уступаютъ только дворянамъ; по проценту сосланныхъ за воровство, превышаютъ всѣ другія сословія кромѣ однодворцевъ».

Мы нарочно привели эти три категоріи: солдатъ, фабричныхъ съ заводскими, дворовыхъ, — категоріи самыя высокія по проценту преступности, чтобы читатель могъ видѣть, какъ сильно безземельность и бездомовность можетъ вліять у насъ на развращеніе массы.

Мы видимъ причины сильной преступности трехъ означенныхъ категорій именно въ безземельности и бездомовности. Прикрьплены были къ помѣщикамъ и владѣльческіе крестьяне, какъ и дворовые; но владѣльческіе крестьяне, по проценту преступности, немного только превосходили крестьянъ государственныхъ. Военную службу несли и казаки, но казачье сословіе вообще,

говорить авторъ, не отличается наклоностію въ преступленіямъ; такъ, по проценту сосланныхъ за тяжкія преступленія, казаки, въ ряду другихъ сословій, стоятъ даже ниже мѣщанъ, и только немногимъ превосходятъ крестьянъ. Только по двумъ преступленіямъ, казачье сословіе выдается особенно между другими, именно: по проценту сосланныхъ за грабежъ и за плотскія преступленія. Одна изъ главнѣйшихъ особенностей казачьяго сословія заключается въ томъ, что плотскія преступленія распространены между казаками болѣе недѣлиа ассигнацій, святотатства, важнѣйшества и даже поддѣлки документовъ.

По вѣроятности тяжкихъ преступленій солд. : казак. — 2,22 : 1.

Все это не худо бы имѣть въ виду тѣмъ, которые хлопочутъ о безземельности нашихъ крестьянъ въ видахъ якобы преступленія земледѣлія и фабрично-заводскаго дѣла.

Въ заключеніе отмѣтимъ еще нѣкоторые любопытные выводы, сдѣланные авторомъ относительно зависимости преступленій отъ вѣровсповѣданій и отъ мѣстности.

Статистическія данныя показываютъ, что изъ вѣровсповѣданій въ *православномъ* населеніи наклонность къ преступленіямъ гораздо значительнѣе другихъ. Въ этомъ отношеніи мужчины православнаго исповѣданія уступаютъ только магометанамъ, а православыя женщины превосходятъ по проценту женщинъ всѣхъ другихъ исповѣданій. Слабѣйшеш наклонностію къ преступленіямъ отличается населеніе *протестантское*. Нѣтъ ни одного преступленія, по которому бы протестанты особенно выдавались среди всѣхъ другихъ вѣровсповѣданій.

«Трудно объяснить, говоритъ авторъ, чѣмъ обусловливается слабая наклонность къ преступленіямъ въ протестантскомъ населеніи сравнительно съ населеніемъ другихъ исповѣданій. Можетъ быть, главную роль играютъ тутъ племенные особенности расъ финской и нѣмецкой, но весьма можетъ быть также, что нѣкоторая доля вліянія принадлежитъ въ этомъ случаѣ большому развитію грамотности въ протестантскомъ населеніи. Извѣстно, что изъ всѣхъ губерній Европейской Россіи наибольшимъ процентомъ грамотности отличаются три прибалтійскія губерніи съ протестантскимъ населеніемъ. По свѣдѣніямъ центрального статистическаго комитета, въ трехъ остзейскихъ губерніяхъ 1 учащійся приходится на 25 жителей, а вообще въ 49-ти губерніяхъ и областяхъ Европейской Россіи одинъ учащійся приходится на 133 человека. Какъ ни патаки эти цифры, но все-таки разница выходитъ огромная (по развитію грамотности остзейскія губерніи : всѣмъ губерніямъ Европейской Россіи — 5,12 : 1), и можетъ быть ея отчасти и объясняется разница въ наклонности къ преступленіямъ».

Къ нѣсколько подобному выводу приходитъ авторъ, разсматривая географическое распредѣленіе преступленій въ Россіи. Именно онъ находитъ, что наклонность въ преступленіямъ вообще очень замѣтно и довольно правильно уменьшается отъ во-

стока и юга имперіи въ западу и сѣверу. Этотъ выводъ, по мнѣнію автора, въ особенности поддѣрживается данными относительно убійства родныхъ и дѣтоубійства. «Географическое распространеніе этихъ двухъ преступленій представляетъ въ высшей степени интересныя особенности, говоритъ авторъ. Врядъ ли какое другое преступленіе такъ удачно характеризуетъ нравъ населенія, какъ убійство родныхъ. Убийцею посторонняго можетъ сдѣлаться лицо, временно живущее въ извѣстной мѣстности или пришлецъ, случайно туда попавшій, между тѣмъ какъ убійца родныхъ почти исключительно принадлежитъ къ коренному населенію. Приведенныя нами цифри показываютъ, что семейный разладъ чаще оканчивается преступленіемъ въ восточныхъ губерніяхъ, въ особенности въ приуральскихъ, рѣже во внутреннихъ, малороссійскихъ и новороссійскихъ, слабѣ всего развито это преступленіе въ западныхъ, и въ особенности остзейскихъ губерніяхъ, гдѣ убійство такого рода составляетъ чрезвычайную рѣдкость. Слѣдовательно, наклонность къ этому преступленію совершенно правильно и прогрессивно возрастаетъ отъ запада къ востоку. Этотъ замѣчательный фактъ трудно объяснить чѣмъ нибудь инымъ, какъ не такимъ же прогрессивнымъ уменьшеніемъ мягкости нравовъ по направленію отъ запада къ востоку. Самая слабая наклонность къ этому преступленію замѣчается въ трехъ остзейскихъ губерніяхъ, сильнѣйшая въ Персикой, Вятской и Казанской».

«Географическое распредѣленіе дѣтоубійства представляетъ совершенно противное убійству родныхъ. Именно, наклонность къ этому преступленію съ замѣчательною правильностью ослабѣваетъ отъ запада къ востоку. Сильнѣйшею она оказывается въ западныхъ губерніяхъ, преимущественно въ остзейскихъ, затѣмъ въ малороссійскихъ, литовскихъ и бѣлорусскихъ, нѣсколько слабѣе въ вгрозпадныхъ и новороссійскихъ, еще слабѣе во внутреннихъ. Наименьшимъ процентомъ дѣтоубійства отличаются приволжскія губерніи. При соображеніи этихъ выводовъ невольно бросается въ глаза возрастаніе наклонности къ дѣтоубійству по мѣрѣ приближенія къ западу. Очень можетъ быть, что болѣе развитое, и въ этомъ случаѣ совершенно неумѣстное чувство стыда и боязнь общественнаго мнѣнія, чаще заставляютъ остзейскую или малороссійскую дѣвушку губить плодъ незаконной любви и, напротивъ того, меньшая доза стыдливости у женщины меньше развитой, какъ напримѣръ, крестьянка восточныхъ губерній въ сравненіи съ крестьянкой западныхъ, предохраняетъ ребенка отъ насильственной смерти».

Приведенныхъ нами выдержекъ достаточно для того, чтобы читатель ознакомился съ значеніемъ г. Аничина. Дальнѣйшее, болѣе близкое знакомство съ нею предоставляемъ собственной любознательности читателя.

Мы же скажемъ еще нѣсколько словъ о выполненіи авторомъ

взятой имъ на себя задачи. Мы уже сказали, въ началѣ статьи, какой авторъ имѣлъ въ рукахъ матеріалъ. Матеріалъ этотъ опредѣлялъ не только размѣръ, но нѣкоторымъ образомъ и порядокъ работы. Къ тому же авторъ скромно называетъ свой трудъ: *материаломъ для уголовной статистики Россіи*, а не уголовною статистикою. Слѣдовательно, нельзя ставить ему въ упоръ, почему имъ разработано одно, выпущено изъ виду другое, болѣе нужное. Авторъ могъ работать только надъ тѣмъ матеріаломъ, который былъ у него въ рукахъ, и выполнилъ свою работу самымъ тщательнымъ образомъ. Онъ выжалъ изъ своего матеріала все, что только можно было выжать, и можно скорѣе обвинять его въ излишнемъ напряженіи взять изъ матеріала больше, чѣмъ сколько матеріалъ могъ дать, нежели въ опущеніяхъ. Это напряженіе особенно замѣтно въ послѣднихъ двухъ отдѣлахъ, разсматривающихъ зависимость преступленій отъ вѣры и мѣстности. Нѣтъ, конечно, сомнѣнія, что разныя особенности разныхъ вѣроисповѣданій могутъ косвенно вліять на развитіе тѣхъ или другихъ преступленій. Но чтобы то или другое вѣроисповѣданіе вліяло прямо и непосредственно на преступность, этого, конечно, сказать нельзя. Что православные и магометане отличаются сильнѣйшею склонностію къ преступленіямъ, чѣмъ послѣдователи другихъ преступленій, тутъ конечно и православная, и магометанская религія ни при чемъ. Слѣдовательно, дѣлать дробные процентныя разсчеты и даже еще по каждому отдѣльному преступленію, сколько въ немъ есть православныхъ, протестантовъ, католиковъ и проч., едва-ли въ какомъ нибудь отношеніи можетъ быть нужно. Еще менѣе пользы можно ожидать отъ подобныхъ дробныхъ процентныхъ выкладокъ при разсмотрѣніи географическаго распредѣленія преступленій. Нѣтъ сомнѣнія, что разныя мѣстности, сложившіяся въ теченіе вѣковъ подъ вліяніемъ особыхъ природныхъ условій и особыхъ мѣстныхъ обычаевъ, могутъ вліять сильно на тѣ или другія формы преступности. По всей вѣроятности, и у насъ, при болѣе подробномъ и внимательномъ изученіи значительнаго числа фактовъ преступленій, окажется разнообразное вліяніе разныхъ мѣстностей на преступность, хотя на такой плоской равнинѣ, какъ Россія, неизмѣющей никакихъ почти рѣзкихъ особенностей въ природѣ, притомъ населявшейся однимъ племенемъ съ одинаковыми обычаями, одинаковыми повѣрьями и нравами, едва-ли найдется много такихъ мѣстностей, въ особенности если примемъ во вниманіе, что сильная, впродолженіе нѣсколькихъ вѣковъ дѣйствующая централизація самымъ тщательнымъ образомъ сглаживала разныя племенные, мѣстныя, бытовныя рѣзкости и особенности. Авторъ, напротивъ, чуть-ли не въ каждой губерніи хочетъ отыскать вліяніе мѣстности на характеристику преступленій. Это, само собою разумѣется, приводитъ его къ мало-вѣроятнымъ выводамъ, а эти выводы ведутъ его въ свою оче-

редь къ безплоднымъ, ничего неразъясняющимъ и нисколько неубѣдительнымъ экспликаціямъ. Такъ, сравнивъ губерніи по проценту сосланныхъ за плотскія преступленія, авторъ дѣлаетъ такую экспликацію:

«Изъ сравненія губерній и группъ по проценту сосланныхъ за плотскія преступленія замѣчаемъ, что особенно часты подобныя преступленія на востогѣ и югѣ Россіи, и что по направленію къ западу и сѣверу наклонность къ нимъ ослабѣваетъ очень замѣтнымъ образомъ. Отражается ли въ этихъ выводахъ вліяніе климатическихъ условій и племенныхъ особенностей — положительно сказать довольно трудно. По всей вѣроятности, и то и другое имѣетъ здѣсь свою долю значенія. Впрочемъ, нѣкоторые данныя заставляютъ предполагать, что въ этомъ случаѣ вліяніе племенныхъ особенностей перевѣшиваетъ вліяніе климата. Если бы возрастаніе процента плотскихъ преступленій зависѣло главнымъ образомъ отъ климатическихъ условій, то онъ увеличивался бы отъ сѣвера къ югу, но уже никакъ не по направленію отъ запада къ востоку, такъ-какъ по этому направленію климатъ становится континентальнѣе. Пермская и Вятская губерніи, отличающіяся особенно высокимъ процентомъ для плотскихъ преступленій, имѣютъ очень суровый климатъ. Слѣдовательно, увеличеніе наклонности къ плотскимъ преступленіямъ должно главнымъ образомъ приписать племеннымъ особенностямъ, а на востогѣ Россіи исключительно вліянію магометанскаго закона».

Вообще страсть къ экспликаціямъ сильно заѣдаетъ автора. Онъ любитъ всегда широкою объясниться съ своимъ читателемъ, что можно видѣть даже изъ тѣхъ выдержекъ, которыя мы привели. Такъ, напримѣръ, пусть читатель пробѣжитъ выдержку, гдѣ дается объясненіе, почему магометанскія женщины кажутся менѣе порочными, чѣмъ христіанскія. Конечно, мы нисколько не противъ подобнаго рода экспликаціи, ибо хотя и растянутыя, онѣ не только дѣлу не вредятъ, напротивъ дѣлаютъ книгу автора удобочтимою для читателя, который вообще не любитъ читать одни сухіе статистическіе выводы и выкладки, но... мы совѣтовали бы автору въ будущемъ изданіи своей книги удержаться отъ тѣхъ экспликацій, которыя усиливаются объяснить необъяснимое...

И затѣмъ мы отъ души желаемъ, чтобы достойный трудъ автора нашель наконецъ то сочувствіе въ русской публикѣ, котораго онъ вполне заслуживаетъ.

НОВАЯ КНИЖКА.

Ужына. (Очеркъ изъ жизни женщины). Соч. Е. Н. Глобной. Спб. 1868 г.

Оскуденіе русской музъ за послѣдніе десять, двѣнадцать лѣтъ — явленіе ни для кого не безъизвѣстное. Причины, обусловившія это явленіе — также не тайна для всѣхъ, кто сколько нибудь знакомъ съ ходомъ русской литературы за это время. Время послѣдняго поэтическаго урожая, какъ вѣроятно это помнятъ читатели, совпадаетъ съ послѣднимъ изъ сороковыхъ и первыми изъ пятидесятыхъ годовъ, когда общественная жизнь не давала человѣку, желавшему мыслить и дѣйствовать, рѣшительно никакой для этого возможности. Въ это приснопаматное время, люди, имѣвшіе претензію на человѣческое достоинство, отъ ужаса житейской практики могли спастись только въ оиванды безпечальнаго созерцанія и въ самоуслажденіе изящной стороною жизни, какая выпадала на долю незначительному меньшинству, выросавшему паразитомъ надъ безчисленною массою трудоваго и безмолвнаго люда. Но такъ-какъ и въ этой пристани для мысли, рѣсть которой вообще обуславливается общеніемъ съ дѣйствительностью, а не удаленіемъ отъ нея, не было особеннаго простора, а изящество могло развиваться безпрепятственно, то большинство стихотворцевъ этого времени и достигло преимущественно развитія формы, иногда дѣйствительно замѣчательно прекрасной, но почти всегда прикрывавшей убогую нищету содержанія. Внесеніе въ эти формы гуманнаго, достойнаго дѣйствительно развитаго человѣка нашего времени содержанія, *поэтическое открытіе народа* и стремленіе быть дѣйствительнымъ и дѣятельнымъ сыномъ своей страны и гражданиномъ (не въ смыслѣ только почетнаго, безъ каковаго прилагательнаго, тогда едва-ли приведенное нами слово даже и провозносилось у насъ) — удалось, какъ извѣстно, весьма немногимъ первостепеннымъ талантамъ. Когда, послѣ крымской войны, подъ гальваническимъ вліаніемъ различныхъ случайностей, русская мысль стала какъ бы просыпаться, и даже — въ нѣкоторыхъ исключительныхъ личностяхъ — покушалась идти путемъ самостоятельнымъ — на безсодержательныхъ стихотворцевъ должно было неизбежно начаться гоненіе. Оно тогда дѣйствительно и явилось, но такъ-какъ формопоклонники, отъ слишкомъ ревностнаго выполненія всѣхъ обрядностей своего культа, значи-

тельно утратили способность мысли и самое поэтическое чутье, когда дѣло не касалось до мѣрсовской отдѣлки деталей вѣшной стороны ихъ произведеній, то эти гоненія здравой критики вѣсто того, чтобы выковать изъ этихъ стихотворцевъ довлѣющее число булатовъ, размножили большинство ихъ въ осколки стекла. Стекло, конечно, не Богъ-знаетъ что, но оно обладаетъ способностью производить занозы... Оно и занозило русскую мысль въ то время, когда, казалось, дѣло критики было закончено, а гоненіе на послѣднихъ могиканъ безсодержательности перешло въ сатирическую и юмористическую ихъ травлю. Какъ отпоръ и реакція этихъ могиканъ — авилась съ ихъ стороны заноза, принимаемая многими добродушными людьми и до сихъ поръ за нѣчто справедливое и доказательное... Заноза эта — важнѣйшій ихъ аргументъ — состояла въ томъ, что они, не краснѣя, объявили во всеуслышаніе, что сосуществованіе тенденціи и искусства — немислимо, то-есть другими словами отняли отъ творчества, высшаго сознательнаго акта душевной дѣятельности человѣка, всякую цѣлесообразность; оставивъ за нимъ только рефлекторный и механически-случайный характеръ... Жрецы надругались надъ тѣмъ, что они притворно признавали своимъ божествомъ! Развитую мысль, стремленіе принести людямъ пользу — основной смыслъ человѣческаго общенія — они окрестили названіемъ *гражданской скорби*, находя, что сочетаніе этихъ двухъ словъ удивительно смѣшно, что скорбь можетъ быть только личная, и что писатель не имѣетъ даже права возвышаться до такого развитія, когда, лично удовлетворенный, онъ не считаетъ себя нравственно успокоеннымъ, видя бѣдствія окружающихъ его людей и препятствія, появляющіяся съ разныхъ сторонъ тому, чтобы челоѣчество вышло наконецъ на ту дорогу, которую оно можетъ до чего нибудь дойти... Мы лично глубоко сомнѣваемся, чтобы понятіе гражданской скорби представляло въ себѣ что-либо смѣшное, но люди мыслить и чувствуютъ различно; не даромъ Гоголь рассказывалъ, кажется о прапорщикѣ Дырѣ, которому стоило показать палецъ, чтобы его бралъ неудержимый хохоть... Въ этомъ дѣлѣ обидно только то, что существуетъ еще много людей, на которыхъ даже смѣшливые прапорщики могутъ имѣть вліяніе и конечно подрывать вредить такого рода производителей хохота составляетъ нравственную обязанность всякаго сознательнаго писателя... Эти-то сердитые и смѣшливые стихотворцы, а вслѣдъ за ними и всякіе, поклоняющіеся имъ «униженные и оскорбленные» критики, то гоненіе, какое подняла у насъ серьезная мысль на стихотворенія безсодержательныя — злобно распространяютъ и на всякаго стихотворца, если даже его произведенія и провинуты серьезнымъ сочувствіемъ или негодованіемъ ко всему, что по своей природѣ заслуживаетъ того или другаго чувства...

При такомъ положеніи дѣла, скудость русской музы, понятна само собою. Много ли у насъ дѣйствительныхъ поэтовъ...

публикѣ извѣстно. Формопоклонники изниваютъ въ послѣднихъ конвульсіяхъ, новыя же стихотворцы до того запуганы, что при скромности, неразлучной со всякимъ талантомъ, появленіе ихъ можетъ случиться только при исключительныхъ обстоятельствахъ, еслибы даже при богатствѣ мысли они обладали и порядочной формой...

Въ этомъ смыслѣ, мы не мало были удивлены смѣлостью г-жи Глобиной, рѣшившейся выступить въ публику съ стихотвореніемъ, напечатаннымъ даже не въ журналѣ, который могъ бы дать отпоръ могущимъ возникнуть на нее нападеніямъ, за то, что она въ наше время рѣшается публично говорить о своемъ сочувствіи народу — въ формѣ приличныхъ стиховъ. Имя г-жи Глобиной появляется въ печати чуть ли не въ первый разъ... и если содержаніе ея «Ульяны» нѣсколько сентиментально, а стихъ не довольно выработанъ, то все-таки мы не считаемъ себя въ правѣ отнестись къ ней безъ сочувствія. Проблески таланта въ ея небольшой поэмѣ — очевидны, форма — современнѣе выработана, а за содержаніе ея будущихъ произведеній, при той теплотѣ чувства, которая согрѣваетъ ея «Ульяну», и томъ чутьѣ, какое она выказала, въ своемъ разсказѣ о несложныхъ страданіяхъ деревенской женщины, опутанной безразсвѣтнымъ рабствомъ обычаевъ — опасаться не представляется основаній...

Чтобы сужденіе наше не показалось голословнымъ, приводимъ нѣсколько строкъ изъ «Ульяны», и именно то мѣсто, въ которомъ г-жа Глобина, разсказавъ, какъ Ульяна, желая спасти своего ребѣнка отъ насилія и произвола грубаго и «не мидаго» своего мужа, убиваетъ ребѣнка и самое себя.

Вотъ это мѣсто:

О, какъ я тебя понимаю,
 Безмѣрно несчастная мать!
 Смотри, надъ тобой я рыдаю
 И слезъ не могу удержать...
 Что пользы? Вѣдь нѣтъ во мнѣ силъ
 Тебя воскресить изъ могилъ.
 Нѣтъ силъ твою горькую долю
 На лучшей удѣлъ измѣнить
 И рабство твое и неволю
 Сломить, уничтожить, разбить;
 Но будь же лучшее время
 И рухнетъ тяжелое бремя,
 *Твою деревеньку родную
 Какъ лентой заря обовьетъ,
 Про новую жавнь и другую
 Соловушка пѣсню споетъ
 И выберетъ холмъ твой могильный
 Для пѣсни свободной и сильной...

Для начинающаго стихотворца, это мѣсто положительно недурно.

ОСНОВЫ ХИМИИ. Д. Менделѣва, профессора И. Спб. университета (вып. I. съ 92 полит.). Спб. 1868 г.

Большинство учебниковъ химіи представляютъ собраніе эмпирическихъ свѣдѣній, съ изложеніемъ весьма немногихъ обобщеній относительно отдѣльныхъ частныхъ группъ явленій. Они полны описанія реторты, банокъ, различныхъ реакцій, но о теоретическихъ взглядахъ обыкновенно не упоминается вовсе, или упоминается вскользь, какъ о чемъ-то случайномъ. Вслѣдствіе этого подобныя учебники теряютъ всякій интересъ для массы образованныхъ читателей, которые ищутъ въ наукѣ не знанія голого факта, а мысли, дающей возможность составить цѣльный и ясный взглядъ на рядъ изучаемыхъ явленій. Ученые любятъ строго придерживаться фактовъ, опасаясь пускаться въ неизвѣстную область мысли, а между тѣмъ самое важное значеніе науки заключается именно въ томъ, что въ своихъ наиболѣе широкихъ обобщеніяхъ, она вводитъ новыя элементы въ міросозерцаніе человѣка, характеризуетъ его отношенія къ природѣ. Таково, напр., значеніе закона о вѣчности матеріи, установленнаго Лавуазье, на которомъ съ тѣхъ поръ и зиждется вся химія.

Книга г. Менделѣва, въ этомъ отношеніи, представляетъ исключеніе изъ ряда сочиненій того же содержанія. Онъ является въ ней не только, какъ ученый специалистъ, но также какъ философъ, стремящійся объяснить факты и связать ихъ въ одно цѣлое. Чтобы охарактеризовать книгу съ этой стороны, мы, въ самыхъ краткихъ словахъ, коснемся теоретическихъ взглядовъ автора.

При изученіи, такъ-называемыхъ, частичныхъ явленій (свѣтъ, теплота, электричество, и т. д.), къ которымъ относятся и химическія явленія, чрезвычайно важную роль играетъ законъ постоянства силъ. Какъ матерія не можетъ возникнуть изъ ничего, или исчезнуть, точно также всѣ извѣстныя намъ силы: свѣтъ, теплота, электричество, химическое средство, обыкновенное движеніе—не нарождаются вновь и не пропадаютъ безъ слѣда. Онѣ постоянно видоизмѣняются, переходятъ одна въ другую, но количество ихъ въ природѣ неизмѣнно. Это взглядъ, въ наукѣ, сравнительно новый. Онъ началъ развиваться только въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія. Наиболѣе разработаны онъ въ примѣненіи къ ученію о теплотѣ, наименѣе въ области химіи. Русскіе читатели знакомы съ этимъ предметомъ только по переводнымъ сочиненіямъ Грове, Фарадея, Тиндала и Гельмгольца. Въ книгѣ г. Менделѣва мы находимъ примѣненіе этого закона къ изученію химическихъ явленій. «Если къ общимъ свойствамъ тѣла, говоритъ авторъ, причисляютъ непроницаемость, дѣлимость, притяженіе къ землѣ, и т. п., то къ нимъ же должно причислить и то, что всѣ тѣла заключаютъ въ себѣ запасъ тепла, и запасъ химической энергіи. Физика добавляетъ, что въ

каждомъ тѣлѣ есть свойственный ему запасъ тепла. Расходъ тепла при нагреваніи, выдѣленіе его при охлажденіи составляютъ прибыль и убытокъ этого запаса. Это объясняютъ тѣмъ, что признають частицы тѣла въ состояніи движенія. Напряженность этого движенія и есть запасъ тепла. Эта напряженность можетъ увеличиваться, или уменьшаться, но представить себѣ состояніе покоя нельзя, изучая физическія явленія. Таковъ и запасъ химической энергіи, свойственный тѣламъ. Его можно разсматривать, какъ мы постараемся развить впоследствии, какъ особый видъ движенія, подобно теплотѣ. Этотъ запасъ увеличивается, или уменьшается при образованіи новыхъ тѣлъ, но не уничтожается совершенно ни при какихъ соединеніяхъ. Какъ при переходѣ изъ одного состоянія въ другое поглощается или выдѣляется часть запаса теплоты, такъ при соединеніяхъ, разложеніяхъ и всякихъ химическихъ процессахъ происходитъ измѣненіе въ запасѣ химической энергіи». Разсматривая химическія явленія съ этой точки зрѣнія, Менделѣевъ предлагаетъ намъ нѣчто новое, и въ высшей степени интересное. Сила химическаго сродства характеризуется имъ слѣдующимъ образомъ: «Сила эта подобна всякой притягательной силѣ. Она опредѣляетъ совокупленіе разнородныхъ веществъ въ одно цѣлое, новое вещество». Химическое соединеніе наступаетъ, когда притяженіе разнородныхъ частей беретъ перевѣсъ надъ притяженіемъ однородныхъ, разложеніе наоборотъ. Такое представленіе о ходѣ химическихъ процессовъ, какъ говоритъ самъ авторъ, заключаетъ въ себѣ много гадательнаго, такъ-какъ наука не даетъ средствъ для измѣренія химической энергіи. О ней можно судить только по нѣкоторымъ физическимъ процессамъ, сопровождающимъ химическіе, но и тутъ изслѣдованіе трудно и запутанно по причинѣ сложности явленій. Тѣмъ не менѣе во многихъ частныхъ случаяхъ есть возможность понять отношеніе этой силы къ другимъ физическимъ силамъ, и этимъ путемъ до извѣстной степени уяснить себѣ понятіе о сродствѣ и химической энергіи. Современное состояніе химіи, авторъ характеризуетъ слѣдующимъ образомъ. Химикъ предугадываетъ тѣ количества, въ которыхъ тѣла соединяются между собою, но качественныя отношенія тѣлъ, даже подѣлствуютъ ли тѣла другъ на друга, объ этомъ онъ можетъ судить только ощупью, по дѣятели. Это составляетъ современную задачу химіи. «Должно думать, говоритъ г. Менделѣевъ, что по мѣрѣ разработки свѣдѣній о химической энергіи матеріи, можно будетъ столь же точно предугадывать качественныя отношенія различныхъ тѣлъ, какъ предугадываетъ химикъ въ настоящее время ихъ количественное отношеніе; здѣсь нужно ждать новаго Лавуазье, который бы открылъ приемъ опредѣлять мѣру химической энергіи, свойственной каждому веществу, какъ Лавуазье далъ приемъ измѣрять количество веществъ, вступающихъ во взаимодѣйствіе, который бы открылъ общій законъ, управляющій всѣми хими-

чесными явлениями, какъ законъ вѣчности матеріи управлять количествомъ веществъ, вступающихъ во взаимодѣйствіе».

Мы не можемъ входить въ дальнѣйшія подробности содержанія этой книги, и скажемъ только, что вся она пронизана цѣльнымъ философскимъ взглядомъ на предметъ и составлена послѣднее слово науки. Но есть частности, выходящія изъ области химіи, которыя могутъ ввести читателя въ недоразумѣніе относительно образа мыслей г. Менделѣева. Такъ, въ предисловіи, помѣщенномъ на оберткѣ, говорится, между прочимъ, слѣдующее: «Въ наукѣ о природѣ нельзя отыскать *прирожденныхъ аксіомъ*, съ помощію которыхъ облегчается изученіе такихъ наукъ, какъ геометрія. Въ ней всѣ истины добыты путемъ упорнаго труда и всестороннихъ попытокъ наведенія». Употреблено ли здѣсь слово «прирожденныхъ» случайно, или сознательно, мы не знаемъ, но, во всякомъ случаѣ, оно наводитъ сомнѣнія. Повидимому, г. Менделѣевъ хотѣлъ сказать только то, что въ противоположность истинамъ другихъ наукъ, геометрическія аксіомы приобрѣтаются безъ труда. Это справедливо, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы онѣ были истинами, врожденными человѣку. Явленія, отъ которыхъ они отвлекаются, такъ просты и до такой степени тѣсно связаны съ существованіемъ человѣка съ самаго его дѣтства, что онѣ усвоиваетъ ихъ непосредственно, не отдавая себѣ въ томъ отчета. Вслѣдствіе этого, когда ребенокъ принимается за изученіе геометріи, въ его умѣ являются готовыя истины, въ родѣ того, что цѣлое болѣе своей части, двѣ прамыя пересѣкаются въ одной точкѣ и т. п. Онѣ какъ будто врождены ему, но въ сущности нѣтъ и не можетъ быть знанія внѣ опыта. Мы дѣлаемъ это замѣчаніе потому, что существуетъ философская система, утверждающая существованіе врожденныхъ понятій, система, съ которой г. Менделѣевъ, повидимому, не имѣетъ ничего общаго. Затѣмъ, на первой страницѣ своего сочиненія г. Менделѣевъ говоритъ слѣдующее: «Все замѣчаемое нами, мы ясно различаемъ, или какъ вещество, или какъ явленіе. Вещество занимаетъ пространство и имѣетъ вѣсъ, а явленіе есть то, что происходитъ во времени». Спрашивается: объемъ, фигура, однимъ словомъ, всѣ геометрическія свойства тѣлъ, что это: вещество, или явленіе? Не вещество, потому что не имѣетъ вѣса, и не явленіе, потому что не происходитъ во времени. Здѣсь недоразумѣніе, вслѣдствіе котораго и въ самое опредѣленіе химіи вернулась нѣкоторая доля неопредѣленности. Краткость библиографической замѣтки не позволяетъ намъ входить въ дальнѣйшій разборъ этого вопроса. Замѣтимъ только, что точное и ясное опредѣленіе предмета науки, ежели оно возможно, важно въ томъ отношеніи, что оно характеризуетъ ея значеніе въ цѣпи другихъ наукъ. Задача эта значительно облегчена умозрѣніями Огюста Конта въ его философіи науки (*Phylosophie positive*).

Въ заключеніе, мы должны сказать, что сочиненіе г. Менде-

лѣва во всѣхъ отношеніяхъ превосходно, и составляетъ рѣдкое явленіе какъ по глубинѣ мысли, такъ по ясности и точности изложенія. Факты сгруппированы такъ, что читатель не теряетъ въ нихъ обилія, и постоянно имѣетъ въ виду главную мысль. Читатель съ удовольствіемъ прочтетъ его и получить значительное прращеніе умственного капитала.

Отчего и оттого. *Вопросы изъ важнѣйшихъ отдѣловъ физики. Для учителей и учащихся въ школахъ и дома, методически составлены Отто Уле. Съ помптинажками въ текстъ. С.-Петербургъ. Въ типографіи Н. Неклюдова. 1868.*

«Отчего? — вотъ постоянный вопросъ дѣтати, который такъ часто затрудняетъ родителей и учителей и, къ сожалѣнію, такъ часто подавляется отвѣтомъ: «этого ты еще не поймешь! или, это ты еще успеешь узнать». А между тѣмъ, вопросъ ребѣнка весьма часто вовсе не есть вопросъ простаго, бесплоднаго любопытства, какъ часто думаютъ, а служить выраженіемъ пробуждающихся познавательныхъ стремленій, и потому заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія со стороны родителей и наставниковъ. Отдѣливаться отъ такихъ вопросовъ дешевыми отвѣтами, на подобіе вышенприведенныхъ, — значитъ въ самомъ зародышѣ забыть въ ребѣнкѣ стремленіе къ разумному воспріятію впечатлѣній, первыя усилія просыпающагося мышленія. Всего чаще вниманіе ребѣнка притягивается явленіями физическаго міра, а много ли родителей, которые обладали бы хотя элементарнымъ знаніемъ законовъ и явленій этого міра. Самое преподаваніе физики въ школахъ страдаетъ — по мнѣнію автора — многими, весьма существенными недостатками. Въ школахъ или ограничиваются, такъ-называемымъ, нагляднымъ обученіемъ, которое тамъ, гдѣ, какъ въ физикѣ, дѣло идетъ не объ обнаруженіи явленій, а объ отыскиваніи и опредѣленіи ихъ причинной связи, очевидно, должно оказываться бесплоднымъ или, по меньшей мѣрѣ, недостаточнымъ; или же исходить изъ законовъ, останавливаясь на явленіяхъ лишь на столько, сколько это необходимо для разъясненія и подтвержденія установленнаго закона. Въ послѣднемъ случаѣ, многія явленія остаются незамѣченными и неразъясненными, и потому, рѣдко даютъ намъ возможность на всякое возникающее впоследствии «отчего» найти соотвѣтствующее «оттого». Вотъ тѣ соображенія, которыя побудили автора къ составленію предлагаемой книжки. Въ ней собрано значительное число вопросовъ и отвѣтовъ, дающихъ возможность «отъ пзвѣстныхъ явленій восходить до познанія важнѣйшихъ законовъ физики». При этомъ обращалось вниманіе главнымъ образомъ на такія явленія, которыя или уже знакомы учащемуся, или таковы, что легко могутъ быть ему представлены при помощи самыхъ дешевыхъ приборовъ.

Остается только прибавить, что книжка, въ самомъ дѣлѣ, составлена довольно удачно, вопросы по большей части заним-

ствованы изъ обыкновенной обстановки, окружающей ребенка, а отвѣты составлены толково и понятно. Только отдѣлъ о простыях машинахъ требуетъ полнѣйшей переработки, иначе онъ едва-ли будетъ доступенъ для дѣтей, для которыхъ, по преимуществу, назначается эта книга.

Уходъ за дѣтьми физиологической и нравственной. Составилъ преимущественно для родителей А. Комбъ, медикъ англійской королевы и членъ королевской эдинбургской медицинской коллегии. Переводъ съ англійскаго деятелиа изданія, просмотрѣннаго Д. Клеркомъ, медикомъ англійской королевы. Изданіе 2-е, А. Θ. Базунова. Спб. 1868.

Книга эта предназначается преимущественно въ руководство родителямъ и молодымъ медикамъ. Главная цѣль ея — въ общедоступномъ изложеніи представить основные физиологическіе законы физическаго и нравственнаго ухода за дѣтьми, чтобы за тѣмъ уже, на этихъ законахъ человѣческаго организма основывать нѣкоторые наиболѣе важныя, практическія указанія и правила. Но пусть не думаетъ читатель, что въ практическихъ наставленіяхъ, установленныхъ г-номъ Комбомъ, онъ найдетъ опредѣленные отвѣты на всѣ встрѣчающіяся ему въ практикѣ затрудненія. Книга Комба тѣмъ и отличается отъ многихъ другихъ сочиненій въ этомъ родѣ, что она не есть сводъ практическихъ отвѣтовъ на различныя жизненныя темы, но отвѣтовъ, по болѣе части основанныхъ на чистомъ эмпиризмѣ и въ общемъ выводѣ приносящихъ скорѣе вредъ, чѣмъ пользу. Вредны они потому, что объ опредѣленныхъ, безусловныхъ правилахъ тамъ, гдѣ дѣло идетъ о такой сложной машинѣ, какъ человѣческій организмъ, и рѣши бытъ не можетъ. Каждый организмъ, при всемъ сходствѣ своемъ въ строеніи и отравленіяхъ съ другими организмами, представляетъ еще свои спеціальныя особенности, обуславливающіяся, такъ-называемой, конституціей, то-есть суммой всѣхъ мелкихъ отклоненій въ организаціи, которыя хотя и незамѣтны для поверхностнаго наблюденія, тѣмъ не менѣе, оказываютъ громадное дѣйствіе и производятъ то, что полезное для одного, очень часто оказывается вреднымъ для другаго организма, и наоборотъ. Особенно явственно это бываетъ въ болѣзняхъ. Всякій изъ насъ знаетъ, что не всѣ мы бываемъ одинаково чувствительны къ различнымъ внѣшнимъ вліяніямъ, и что весьма часто извѣстное средство на одного дѣйствуетъ цѣлебнымъ образомъ, тогда какъ относительно другаго оно оказывается недѣйствительнымъ или даже вреднымъ. Вотъ почему книги-оракулы, съ опредѣленными отвѣтами на всевозможные случаи, вредны, или, по крайней-мѣрѣ, всегда бесполезны. Комбъ очень хорошо повялъ этотъ основной недостатокъ всѣхъ такого рода руководствъ. Онъ совершенно неслучайно изъ своего трактата отдѣлъ о дѣтскихъ болѣзняхъ, очень хорошо сознавая, что самое лучшее правило въ этихъ случаяхъ — какъ можно скорѣе

обратиться за совѣтомъ въ врачу. Точно также по всей книгѣ онъ старается провести ту мысль, что на его правила и указанія никакъ не слѣдуетъ смотрѣть, какъ на изреченія оракула, имѣющія обязательную силу при всякихъ условіяхъ и обстоятельствахъ, и что главная цѣль его не эти изреченія, а то, чтобы дать родителямъ ключъ къ пониманію процессовъ, совершающихся въ дѣтскомъ организмѣ, и тѣмъ, по меньшей мѣрѣ, удержать ихъ отъ всякаго непрошеннаго и невѣжественнаго вмѣшательства въ эти процессы. И надо отдать ему справедливость, цѣль его вполне достигается. Онъ даетъ весьма основательный очеркъ физиологіи ребенка, начиная съ періода его зачатія, до того времени, когда дѣти, обыкновенно, начинаютъ посѣщать школы. Очеркъ этотъ долженъ наводить родителей на очень многія соображенія — не о ребенкѣ, а о нихъ самихъ, объ ихъ физическомъ и нравственномъ поведеніи и, еслибъ на свѣтѣ все дѣлалось какъ по писанному, то книга Комба могла бы принести громадную пользу. Приносить ли она эту пользу, мы не знаемъ. Знаемъ только, что въ Англии она имѣла уже 9 изданій, а у насъ она также уже является вторымъ изданіемъ. Мы, съ своей стороны, можемъ только пожелать, чтобы и это изданіе раскупилось, подобно первому, потому что на нашъ взглядъ, это книга весьма и весьма полезная.

Кромѣ родителей, Комбъ имѣетъ въ виду также и молодыхъ медиковъ. Книга эта никому не принесетъ такой пользы, какъ этимъ лицамъ, особливо, если принять во вниманіе, какъ мало обращается вниманія на гигиену въ нашихъ медицинскихъ заведеніяхъ, ибо при всей своей популярности, она все-таки предполагаетъ въ читателѣ знаніе такихъ вещей, которыя намъ, простымъ людямъ, рѣшительно неоткуда узнавать. Греки и римляне, какъ извѣстно, очень мало посвящали времени изученію естественныхъ наукъ: первые занимались играми, а вторые, все время сочиняли сводъ законовъ. А такъ-какъ греки и римляне естественныхъ наукъ не знали и не любили, то, понятно, и мы, русскіе, тоже не должны знать, а паче любить ихъ. Вотъ почему даже такая книжка, какъ сочиненіе Комба, большинству изъ насъ неособенно недоступна.

Физическая географія Мери Сомервилъ, автора сочиненій *Connexion of the physical sciences (связь физическихъ наукъ), Mechanism of the heavens (механизмъ неба) и проч. Перевелъ съ англійскаго пятаго изданія Андрей Минъ. Москва. Изданіе А. И. Глазунова. 1868.*

Одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ мыслителей современной Англии, Гербертъ Спенсеръ, оказывается величайшимъ обскурантомъ въ дѣлѣ эманципаціи женщинъ. Несмотря на свою дружбу и высокое уваженіе къ Стюарту Миллю, онъ рѣшительно возстаетъ, разумѣется, въ теоріи, противъ агитаціи послѣдняго въ пользу, такъ-называемаго, женскаго вопроса, считая этотъ вопросъ не-

своевременнымъ и лишеннымъ всякаго соціального значенія. Само собою разумѣется, что основанія, на которыя опирается Спенсеръ въ своемъ отрицаніи женскаго вопроса, не имѣютъ ничего общаго съ тѣми глубокомысленными соображеніями, которыя выставляютъ противъ него нашими доморощенными фидософами. Онъ не видитъ въ немъ ни подкоповъ противъ семейныхъ узъ и семейнаго благочинія, ни дерзостнаго бунта, ни потаеннаго желанія (очевидно, онъ не читалъ г-на Тургенева) сбросить съ себя всякую узду общественныхъ приличій и нравственности, чтобы тѣмъ съ большей невоздержностью предаться всякаго рода безпутствамъ и непотребствамъ. Словомъ, потому ли, что онъ незнакомъ съ русской литературой и русскимъ общественнымъ мнѣніемъ, или по какой-либо другой причинѣ, но въ своихъ возраженіяхъ противъ женской агитаціи, Гербертъ Спенсеръ исходитъ отъ совершенно другихъ началъ. Онъ говоритъ, что прежде, чѣмъ хлопотать о предоставленіи женщинамъ одинаковыхъ правъ съ мужчинами, необходимо сперва озаботиться о коренномъ измѣненіи всей системы современнаго воспитанія, которая во всѣхъ своихъ частяхъ носитъ еще на себѣ глубокіе слѣды и кастоваго духа, и гибельныхъ предрасудковъ, а главное, какъ будто нарочно рассчитана на то, чтобы какъ можно тщательнѣе и хитрѣе скрыть отъ воспитывающихся существованіе внѣшняго міра съ его интересами и борьбою, съ его надеждами и нуждами. Покуда такое измѣненіе не произойдетъ, покуда воспитаніе не будетъ поставлено въ уровень съ современными соціальными требованіями въ самомъ широкомъ ихъ смыслѣ, до тѣхъ поръ всякое расширеніе правъ женщинъ поведетъ только къ переведенію безвредныхъ обскурантовъ въ категорію вредныхъ, которыхъ и безъ того вполне достаточно, какъ въ Англіи, такъ и на континентѣ. Объявите женщинъ равноправными съ мужчинами, и самымъ капитальнымъ результатомъ такой общественной реформы явится только увеличеніе числа узкоголовыхъ *почтеннѣйшихъ*, засѣдающихъ въ верхней палатѣ и съ тупымъ упрямствомъ и выжившей изъ ума привязанностью къ старинѣ тормозящихъ дѣло соціального развитія и усовершенствованія. Мало того, обскуранты-женщины всегда будутъ вреднѣе и опаснѣе, чѣмъ таковыхъ же качествомъ мужчины. Вслѣдствіе историческихъ обстоятельствъ, вслѣдствіе долговременнаго рабства и приниженія, составлявшаго удѣлъ женщины всѣхъ временъ и расъ, въ характерѣ ея выработалась та черта тягучести и коснѣнія, которая составляетъ характерную особенность всѣхъ угнетенныхъ рабовъ и которая, вмѣстѣ съ тѣмъ, есть одна изъ величайшихъ преградъ для всего новаго и самобытнаго. И потому-то при нынѣшней системѣ воспитанія, имѣющей въ виду не просто человѣка, а того или иного рода будущаго члена общества, уравниеніе правъ женщинъ принесетъ больше вреда, чѣмъ пользы.

Мы не станемъ разбирать здѣсь, насколько мнѣніе Спенсера

справедливо, и основательно ли вообще, при обсужденіи подобнаго рода вопросовъ, становиться на такую, по меньшей мѣрѣ, оригинальную точку зрѣнія; мы не ручаемся также, что вопліѣ вѣрно передаемъ сущность его воззрѣній. Сколько намъ извѣстно, печатно онъ нигдѣ не высказывался въ такомъ духѣ, да и вообще, кажется, онъ о женскомъ вопросѣ не трактуетъ вовсе. Все, что мы говорили здѣсь, мы вычитали у одного русскаго туриста, слышавшаго это изъ устъ самого Спенсера. Заговорили же мы объ этомъ потому, что оно какъ-то само собою пришло намъ на умъ при чтеніи книги г-жи Сомервилль — и вотъ по какому поводу. Мы всегда думали, что скука и педантство должны составлять исключительную привилегію писателей-мужчинъ, особенно ученыхъ. По самому свойству нашего воспитанія, уже съ раннихъ лѣтъ на наши умственные способности накладывается печать однообразія, неизглаживающаяся и неоставляющая насъ во все теченіе послѣдующей жизни, которая, съ своей стороны, есть не что иное, какъ непрерывный рядъ благоусмотрѣнныхъ и ясно сформулированныхъ правилъ и пунктовъ. Главными воспитательными центрами служатъ школы, а что такое школы, какъ не такія учрежденія, которыя устроятся съ спеціальною цѣлью укоренять въ молодыхъ умахъ всякаго рода благочиніе. Но благочиніе, какъ извѣстно, именно въ томъ и заключается, чтобы всѣ были, какъ одинъ, и чтобы не раздавалось слишкомъ высокихъ нотъ и разныхъ тоновъ. Такимъ образомъ, скука, которую мы, мужчины, вносимъ съ собою во всѣ области нашей дѣятельности, получаетъ даже нѣкоторую официальную санкцію, и въ случаѣ какихъ-нибудь неблагонамѣренныхъ нареканій, мы можемъ, по крайней-мѣрѣ, сослаться на начальство. Совсѣмъ другое дѣло — женщины. Официальнаго воспитанія онѣ не получаютъ, а если теперь гдѣ и получаютъ, то въ такихъ скромныхъ размѣрахъ, что вопліѣ могутъ сохранить всѣ свои умственные способности. Учеными быть имъ официально не полагается, и потому, кажись, у нихъ всѣ данныя, чтобы не сдѣлаться педантами. Говоря серьезно, для того, чтобы женщина могла достигнуть такой высокой эрудиціи, какою, повидимому, владѣетъ г-жа Сомервилль, требуется стеченіе чрезвычайнаго многихъ благопріятныхъ условій такого рода, которыя должны бы оградить ее отъ рутинныхъ путей и пріемовъ, и не допустить ее впасть въ педантическую манеру официальной учености. Не въ школахъ и школьной мудрости черпаетъ она свою ученость, а изъ знакомства и общенія съ людьми и сочиненіями совсѣмъ инаго порядка, далеко болѣе разнообразнаго и живаго.

Но чтеніе книги г-жи Сомервилль доказало намъ то, что наше умозаключеніе, какъ и всякое апіористическое сужденіе, несостоятельно, что можно быть женщиной и тѣмъ не менѣе, въ смыслѣ скуки и педантства, писать не хуже самаго закорючлаго профессора. Книга ея не учебникъ и не популярное сочи-

невие, а толстая, ужасающая своими развѣрами, вѣщаница, приправленная телеологическимъ добродушіемъ и закоснѣлостью въ устарѣлыхъ взглядахъ, которая такъ свойственна истиннымъ ученымъ. Какъ истинный ученный, она еще въ 1862 г. отказывается признать теорію Дарвина о происхожденіи видовъ, въ особенноти въ приложеніи ея къ человѣку. Признаніе этой безбожной теоріи она считаетъ страшнымъ униженіемъ достоинства человека — существа, одареннаго разумомъ и проч. Для существа, одареннаго разумомъ, гораздо приличнѣе, если оно будетъ создано непосредственнымъ вмѣшательствомъ творческой дѣятельности. Словомъ говоря, книга г-жи Соммервиль очень толстая и почтенная книга, но она въ высшей степени скучна и педантична. Подтверждать наше мнѣніе цитатами изъ самой книги — мы не станемъ, потому что вообще не дѣло нашего журнала разбирать такія высоко-ученыя сочиненія, какъ Физическая Географія г-жи Соммервиль, автора многихъ другихъ, судя по названію, не менѣе ученыхъ трактатовъ. Мы заговорили объ этой книгѣ потому, что изданіе ея на русскомъ языкѣ, очевидно, рассчитываетъ на г-жу Соммервиль, какъ на женщину, и намъ самимъ интересно было услѣдить, какъ женщина справится съ матеріаломъ, до сихъ поръ обрѣтавшимся исключительно въ рукахъ у мужчинъ. Намъ, кромѣ того, интересно было уличить Спенсера въ несправедливости къ женщинамъ и доказать ему, что женщины уже потому одному, что онѣ женщины, навсегда защищены отъ односторонности и ученаго филистерства, заѣдающихъ нашего брата, мужчину, и потому аргументація его противъ женскаго вопроса лишена даже и той доли справедливости, которая можетъ отыскаться въ ней на первый взглядъ. На сколько мы успѣли въ послѣднемъ нашемъ намѣреніи — предоставляемъ судить читателю.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

МРАЧНЫЯ КАРТИНЫ.

(«Gaalight and Daylight» by G. A. Sala, «Paved with Gold», by A. Mayhem, «Unsemental Journeys» by J. Greenwood).

I.

Русская читающая публика восхищалась безпощадно злымъ юморомъ и неприкрашеною правдою въ умныхъ произведеніяхъ Теккерея; талантливый Диккенсъ забавлялъ ее своимъ тонкимъ остроуміемъ. растрогивалъ до слезъ удивительною задумчивостію; она читала свѣжія и дѣльные произведенія Джорджа Эліота и даже знакома съ «женщиною въ бѣломъ» г. Уильяма Коллинса и съ разными «мертвыми» плодами миссъ Бродокъ; но, если мы не ошибаемся, произведенія Джорджа Са-

ли, Августа Мегью и Джемса Гринвудъ ей до сихъ поръ еще неизвѣстны. Мы считаемъ великимъ знакомить русскую публику съ этими писателями, такъ-какъ они, на нашъ взглядъ, отличаются довольно замѣчательными особенностями отъ прочихъ своихъ собратіи.

Произведенія каждого изъ помянутыхъ трехъ писателей на-дѣляли довольно шуму въ Лондонѣ и, что гораздо существеннѣе, на столько потревожили величавыхъ гражданъ Великобританіи, что они сочли нужнымъ обратить вниманіе на общественныя благотворительныя, смирительныя и воспитательныя учрежденія и произвела въ нихъ кое-какія измѣненія. Заботливые издатели, ревнующіе о распространеніи просвѣщенія преимущественно посредствомъ предпринятыхъ ими изданій, на заглавномъ листѣъ каждого новаго труда этихъ писателей напоминаютъ, что Джемсъ Гринвудъ авторъ «Ночи въ рабочемъ домѣ», Августъ Мегью написалъ «Мощено золотомъ», и изъ-подъ пера Джорджа Саля вышелъ «Газовый Свѣтъ и Дневной Свѣтъ». Подобная мнительная попечительность со стороны издателей понятна, но она бесполезна и излишня: тотъ, кто читалъ эти книги, навѣрно твердо запомнилъ имена ихъ авторовъ, каковы бы ни были его личные взгляды и убѣжденія. Его одинаково глубоко (хотя различнымъ образомъ) потрясетъ прочитанное, отвесится ли онъ къ авторамъ съ горячимъ сочувствіемъ или явится ихъ ожесточеннымъ порицателемъ.

Несмотря на все это, ни Джемсъ Гринвудъ, ни Джорджъ Салъ, ни Августъ Мегью не сдѣлались настольною книгою не только въ изящныхъ аристократическихъ салонахъ или роскошныхъ буржуазныхъ гостиницахъ, гдѣ красуются золотообрязные Теккерей и Диккенсъ, и дается иногда мѣстечко Джорджу Элиоту, Уильяму Колинсу и миссъ Брэддонъ, но они не сдѣлались настольною книгою даже въ болѣе подвижныхъ средахъ общества; у нихъ нѣтъ фаланги чувствительныхъ поклонницъ, нѣтъ толпы восторженныхъ сторонниковъ, и фирма Таухница, поставившая себѣ задачей цивилизовать родъ человѣческой легкимъ, приятнымъ и образовательнымъ чтеніемъ, не пустяла и, по всей вѣроятности, не пуститъ въ ходъ такихъ «мрачныхъ, гнетущихъ» произведеній.

Да, произведенія эти дѣйствительно не имѣютъ свойства успокоивать читателя, или приводить его въ сладостно-мягкое или безпечно-веселое настроеніе, и хотя они пропитаны юморомъ, но окончивъ ихъ чтеніе, читатель почувствуетъ какой-то тяжелый гнетъ, и многія такъ-называемыя «свѣтлыя стороны», и «прогрессивныя побѣды» явятся ему въ темномъ цвѣтѣ.

Всѣ читатели, сибѣмъ надѣяться, прекрасные люди, но дѣло въ томъ, что большинство ихъ привыкло, чтобы его щекотали очень легко и этимъ легонькимъ щекотаньемъ вызывали смѣхъ или слезу; болѣе рѣзкое прикосновеніе руки заставляетъ ихъ нервно вздрагивать и приводить въ отвратительное расположеніе духа.

Разумѣтся, благонамѣренный читатель желаетъ, чтобы ему говорили правду, но онъ выслушиваетъ эту правду благосклонно только тогда, когда она высказывается ему деликатно и умѣренно. Но представьте себѣ человѣка вонистину равнодушнаго къ земному величію, человѣка, который въ пылу рвенія и усердія забываетъ отдать почтительный поклонъ читателю, настукаетъ ему на ноги и оттаптываетъ мозоли, и подумайте какъ эти самыя благосклонныя уши должны насторожиться! Несомнѣнно, что съ этой же самой минуты наивный вѣщатель истинъ будетъ взятъ на замѣчанье и безвозвратно причисленъ къ категоріи тѣхъ неблагонадежныхъ волковъ, которыхъ сколько ни корми, а они все въ лѣсъ глядятъ.

Есть изолированные люди, повторяющіе слова, которыя, по преданію, восклицалъ пророкъ Іезекииль: Горе вамъ, подкладывающимъ мягкія подушки подъ локти человѣчеству и устранивающимъ человѣчеству пуховыя изголовья, горе вамъ, уснпвающимъ его! но эти люди на перечетѣ, и ихъ одинокіе голоса заглушаются криками и воплями изнѣженнаго большинства, которое именно требуетъ мягкихъ подушекъ и пуховыхъ изголовій.

Человѣкъ слабъ и писатель слабъ тоже, и потому онъ запасается, выходя на поприще, имѣнно тѣми вещами, какія требуются.

Это можно отнести не только къ тѣмъ писателямъ, которые, искусно мѣшая истину съ вымысломъ, увѣряютъ, что мракъ разсѣвается и разсѣется самъ собою, и этимъ убаюкиваютъ челоѣчество, но и къ тѣмъ которые, ясно сознавая необходимость немедленной перестройки «общественнаго зданія», предлагаютъ сдѣлать эту перестройку такъ, чтобы и дешево и мило, и родителамъ пріятно.

Подобныхъ писателей мы раздѣляемъ на два разряда. Одни, въ простотѣ душевной, сами твердо вѣрятъ въ доброту предлагаемаго ими товара; другіе, хотя и не имѣютъ этой наивной вѣры, но по своимъ расчетамъ и соображеніямъ предпочитаютъ выступать на арену «высокой дѣятельности», запасшись такимъ товаромъ, какой требуется большинствомъ. Первые несомнѣнно очень много вредятъ, и случается дюжій дѣтина изъ ихъ стана швырять камень такъ далеко и такъ глубоко, что десятернымъ разумнымъ головамъ приходится долго и мучительно обдумывать и соображать, какъ бы этотъ камень вытащить; но вторые вредятъ неизмѣримо больше и неизмѣримо прочиѣе, потому что не бросаютъ на отмахъ камнями, а дѣйствуютъ расчетливо и осмотрительно, и никогда почти не даютъ промаха. Они обладаютъ въ высшей степени искусствомъ въ мѣру припугнуть, въ пору ободрить; умѣютъ кстати нахмуриться и побичевать, кстати сказать теплое слово и приласкать; они знаютъ, какъ и когда взяться за дѣло, и носить такую личину, что при первомъ на нихъ взглядѣ всякій простодушный голову готовъ прозакладывать, что видитъ передъ

собой людей, чуждых всякой земной користи и расчетливости, и движимых единственно чувствомъ любви къ ближнему. Подъ этою личиною они нерѣдко втираются въ честную, но близорукую среду и съ холодною бессовѣстностію сбиваютъ съ толку свѣжія силы.

Джорджъ Сала, Августъ Мегью и Джемсъ Гринвудъ принадлежатъ къ особому, самому малочисленному разряду тѣхъ писателей, которые являются передъ публикою безъ всякихъ поклоновъ и уловокъ, не отличаются вѣрачивою мягкостію, не умѣютъ или не желаютъ пѣть Лазаря, а скорѣе относятся къ ней дѣловымъ образомъ и вообще предпочитаютъ обращаться съ своимъ ближнимъ не какъ съ чувствительнымъ, а какъ съ разумнымъ существомъ. Подобные неделкатные авторы для благонамѣренныхъ читателей хуже ножа остраго; они бѣгутъ отъ нихъ, какъ отъ огня, обзываютъ ихъ холодными циниками, непризнающими ничего высшаго и святаго на землѣ, и стараются внушить всѣмъ, что съ такими срамниками и изувѣрами не слѣдуетъ и соприкасаться добрымъ людямъ.

Сословіе благонамѣренныхъ читателей очень многочисленно, они очень крикливы, однако, при всей своей многочисленности и крикливости, они не въ силахъ подавить меньшинства людей иного закала, тѣхъ людей, которые не боятся взглянуть прямо въ лицо существующему злу, не бѣгутъ прочь при видѣ общественныхъ язвъ. Эти здоровые, свѣжіе, крѣпкіе люди сразу узнаютъ въ вышеупомянутыхъ авторахъ честныхъ дѣателей и встрѣчаютъ ихъ съ уваженіемъ и сочувствіемъ.

II.

«Достоверно извѣстно, что въ Лондонѣ существуетъ 70,000 человекъ, которые просыпаются каждое утро въ совершеннѣйшемъ невѣдѣніи насчетъ того, гдѣ имъ преклонить голову на ночь. Быть можетъ, такихъ людей немного больше, или немного меньше 70,000, но несомнѣненъ тотъ фактъ, что огромное количество народа ежедневно находится въ помянутомъ недоумѣніи и что для большинства изъ нихъ недоумѣнія эти разрѣшаются самымъ непріятнымъ образомъ, т.-е. они вовсе остаются безъ пріюта на ночь».

Этими словами начинается книга г. Джорджа Сала «Газовый свѣтъ и Дневной свѣтъ, и нѣкоторыя сцены лондонской жизни, на которыя падаетъ это освѣщеніе».

Подобное вступленіе само по себѣ такая задача, что заставляетъ призадуматься человѣка, исполненнаго самыхъ отрадныхъ упованій, которому настоящее и будущее представляется въ переливахъ самыхъ радужныхъ цвѣтовъ. Слѣдующее затѣмъ описаніе ночи, случайно проведенной авторомъ безпомощно на улицѣ, вводитъ, такъ сказать, въ самую сущность дѣла.

«Полночь. Объ этомъ докладываютъ мнѣ часы св. Дунстана, Т. CLXXXI. — Отд. II.

когда я, безпріютный, стою около Темплъ-Бара. Я изрядно походилъ впродолженіе дня, и меня беспокоятъ непріятное ощущеніе въ ногахъ, какъ будто бы подошвы моихъ сапоговъ сдѣланы изъ пережженного мелкаго кирпича. Меня томить жажда (на дворѣ іюль мѣсяць и душно); какъ разъ при послѣднемъ ударѣ часовъ св. Дунстана, я вхожу въ пивную лавочку, выпиваю полпинты портеру, и девятая часть моего девятипенсоваго капитала оставляетъ меня навѣки. Пивная лавочка, снабжающая меня портеромъ, принадлежитъ къ числу «раннихъ», и хозяинъ, подавая мнѣ полпинты, зѣваетъ и соннымъ голосомъ приказываетъ своему мальчику запереть ставни и двери, потому что «пора въ постель». Счастливыи хозяинъ! Тутъ же доканчиваетъ свою послѣднюю пинту, сильно упившійся щетинистобородный портной и тоже объявляетъ намѣреніе пойдти «завалиться». Трижды счастливый портной!

«Я съ свирѣпою завистью провожаю его глазами, хотя, быть можетъ, у него спальня гдѣ-нибудь на грязномъ чердакѣ и вся постель состоитъ изъ засаленного мѣшка въ заплаткахъ, и вмѣсто одѣяла будетъ служить матросская куртка.

«Я наблюдаю съ особымъ родомъ лѣниваго любопытства весь процессъ закрыванья ставень и замыканья дверей въ Бѣртонскомъ пивномъ заведеніи, начиная отъ огромнаго хлопанья ставенными половинками, визготни задвижекъ и вплоть до прилаживанья болтовъ и желѣзныхъ затворовъ. Затѣмъ, я направляю шага къ западу, останавливаюсь на углу улицы Веллингтона и погружаюсь въ созерцаніе находящейся тутъ извощичьей бржи.

«Выбивайся изъ силъ, усталый, взмученный умъ! истощайся въ ухищреніяхъ, искусная находчивость! изнемогай въ томленіи, талантливая изобрѣтательность! Всѣ вы, вмѣстѣ взятые, напрасно изворачиваетесь и не приобретете мнѣ презрѣннаго мѣстечка для пріюта и ночлега!

«Обладай я восхительнымъ безстыдствомъ, спобойною дерзостью моего пріятеля Болъта, я бы пяти минутъ не остался безъ постели. На моемъ мѣстѣ Болътъ, я увѣренъ, безъ малѣйшаго колебанія отправился бы въ самый лучшій отель на Альберль-Стритъ или на Джерминъ-Стритъ, потребовалъ бы себѣ ужинъ, позвалъ слугу, приказалъ хорошенько нагрѣть себѣ постель и затѣмъ, съ вѣрою въ провидѣніе и свою счастливую способность падать, подобно коту, на всѣ четыре лапы, спокойно заснулъ бы до утра. Но мнѣ въ этомъ случаѣ такъ же легко подражать Болъту, какъ плясать на канатѣ.

«Вотъ и Спѣнджъ тоже—онъ всегда, въ благодарность за оказанную помощь, грубитъ вамъ и не проситъ, а грозно требуетъ, чтобъ вы дѣлились съ нимъ съѣстными припасами, или ссудили ему полкроны — Спѣнджъ, будь онъ на моемъ мѣстѣ, ворвался бы къ знакомому и, еслибы не согналъ этого знакомаго съ постели, то, по крайней-мѣрѣ, завладѣлъ бы на ночь его дива-

номъ и какимъ нибудь плащомъ, а на утро съ буйною пылкостью потребовалъ бы завтрака. Еслибы я могъ быть хотя Спѣнджемъ!

«Что мнѣ дѣлать? Теперь ровно четверть перваго; какъ же это бродить до завтрашняго утра? Положимъ, я могу исходить три мили въ часъ, — неужто мнѣ придется сдѣлать тридцать-пять миль по этимъ ужаснымъ лондонскимъ улицамъ? Положимъ, пойдетъ дождь, — неужто мнѣ простоять двѣнадцать битыхъ часовъ гдѣ-нибудь подъ воротами?

«Я слыхалъ о темныхъ аркахъ въ Адельфи и о бездомныхъ горемыкахъ, которые тамъ ищутъ ночнаго пріюта, но я тоже читалъ, что полицейскимъ внушается каждую ночь отправляться туда, отыскивать поманутыхъ горемыкъ и выгонять ихъ изъ жалкаго убѣжища. Я слыхалъ еще о сухихъ аркахъ у Ватерлоссваго моста и объ аркахъ при желѣзной дорогѣ, но я оставляю всякую мысль искать пріюта тамъ, потому что я робокъ и боязливъ отъ природы и не могу заглушить въ себѣ тревожныхъ мыслей о *гларобформъ* и о *спасительномъ снарядѣ*, которые тѣсно связаны съ этими мѣстностями.

«Я слыхалъ тоже о постоянныхъ дворахъ «для бродягъ» и о «двупенсовой веревкѣ». Я не могу положительно утверждать, что не воспользуюсь этимъ родомъ ночлега: я жестоко усталъ и совсѣмъ разбитъ на ноги. Но я не знаю, гдѣ мнѣ отыскивать такой постоянный дворъ, гдѣ найти двухпенсовую веревку, а спрашивать о такихъ мѣстахъ я стыжусь.

«Еслибы мнѣ гдѣ нибудь прилечь. Я стараюсь угадать, благосклонно ли приметъ вонъ этотъ кучеръ, если я предложу ему кружку портеру взаимнѣ позволенія отдохнуть въ его экипажѣ, пока его никто не требуетъ, или онъ сочтетъ подобное предложение оскорбительнымъ для своего кучерскаго достоинства? Я знаю, что нѣкоторымъ кучерамъ случается иногда простоять дѣлую ночь на мѣстѣ, и я могъ бы преотлично выспаться въ каретѣ № 2,022. Но кучеръ, который разводитъ рѣчи съ водносомъ о пивѣ и демократической политикѣ, не внушаетъ мнѣ благонадежнаго о себѣ мнѣнія; ни онъ, ни остальные, находящіеся тутъ его собратія, не похожи на людей, къ которымъ можно обратиться съ довѣрчивою просьбою.

«Нынѣшнимъ вечеромъ дадутъ оперу, какъ я случайно узнаю изъ замѣчанія проходящаго мимо полисмена. Пойду, поглазѣю на развѣзжающіеся послѣ оперы экипажи; это зрѣлище, навѣрное, развлечетъ меня и поможетъ мнѣ скоротать томительное время.

«И я направляюсь къ Ковентгарденскому театру съ какимъ-то, похожимъ на надежду, чувствомъ.

«Я сразу попадаю въ самую толпу. Толкотня, суматоха, крикъ и гамъ страшные; топотъ ретивыхъ коней и укоризны взволнованныхъ полисменовъ оглушительны. Вотъ экипажъ мистриссъ Фицъ заступилъ дорогу, а вотъ мистеръ Смитъ стоитъ, совершенно рас-

теранный, въ хаосѣ мелькающихъ экипажей, съ двумя лѣди на каждой рукѣ и безпомощно восклицаетъ: «кебъ!» Вотъ забавный эпизодъ въ образѣ полицмена, преслѣдующаго увертливаго карманщика между лошадиными мордами и подъ колесами; а вотъ трогательный эпизодъ, въ лицѣ пожилой дѣвственной лѣди, которая потеряла свою компанію во всеобщей давгѣ, и башмакъ въ грязи, и подпрыгиваетъ около подъязда, какъ воробей въ агоніи.

«Скоро, однако, все это кончается. Экипажи съ громомъ катятся и кебы развѣзжаются. Важный людъ, лорды изъ Ломбардъ-Стрита и владыки изъ Корнгилла, исчезаютъ въ великолѣпныхъ каретахъ, сади и спереди украшенныхъ гербами; герцоги и маркизы уносятся въ крошечныхъ колясочкахъ и микроскопическихъ кабріолетахъ. Самая высокая особа страны отъѣзжаетъ въ простой, незатѣливой каретѣ въ два лакея въ черномъ, и джентльменъ изъ провинціи, стоящій около меня, съ негодованіемъ восклицаетъ, что скорѣе подумаешь это ѣдетъ докторъ, а не королева Великобританіи. Мистеръ Смитъ нашелъ экипажъ, а воробьеподобная лѣди свою компанію и башмакъ. Почти всѣ разошлись и развѣзались. Нѣтъ, не всѣ еще. Вотъ показывается у выхода джентльменъ, заботливо исправляя громадный бантъ своего бѣлаго галстука и завертываясь во что-то среднее между лошадиною попоною и балахономъ, именуемое «оперною навидкой». Джентльменъ считаетъ «благороднымъ» препровожденіемъ времени посѣщать оперу; онъ пойдетъ теперь домой въ Клеркенуэлъ, съ футлярѣмъ своей театральной трубки въ рукахъ, выставляя на видъ бѣлыя лайковые перчатки, чтобы дать почувствовать всякому встрѣчному, что онъ идетъ изъ оперы. Безъ сомнѣнія, это покажется назидательнымъ слѣдящимъ за порядкомъ полицменамъ и ночнымъ скитальцамъ. Слѣдомъ за джентльменомъ выходитъ «обычный» посѣтитель всѣхъ оперъ, вѣроятно, большой любитель музыки. Сложивъ аккуратно свои перчатки, онъ прячетъ ихъ въ боковой карманъ, складываетъ лорнетъ и застегиваетъ пальто. Затѣмъ, онъ не слѣша отправляется въ Альбионъ, гдѣ, я вижу, важно принимается за пинту крѣпкаго пива. Ну, теперь всѣ, пѣшіе и конные, исчезли. Тяжелыя, массивныя двери закрыты и королевская итальянская опера предоставлена пожарному, ночному мраку и мнѣ.

«Пока все это вертѣлось передъ глазами, вопросъ о постели былъ временно отодвинутъ въ сторону. Разрѣшеніе его еще немного отложено забавою и поученіемъ, которые я извлекаю, наблюдая за дѣятельною торговлею ветчиной и говядиной въ мелочной лавочкѣ на углу Боу-Стрита.

«Тутъ цѣлыя толпы измороженныхъ и голодныхъ покупателей, прямо изъ Лисеума или Джери-Лена, громогласно требуютъ «ломтиковъ». Ломтики съ ветчиной, ломтики съ говядиной, ломтики съ нѣмецкой колбасою—цѣлыя легионы ломтиковъ варьзы-

ваются и истребляются. Раздается крикъ: «горчицы!» мѣдь гремитъ, протягивается плата и берется сдача. Потомъ приходитъ народъ, который покупаетъ и несетъ домой полфунта «холодной требухи» или трехпенсовую порцію «грудины»; я пытливо наблюдаю за этимъ народомъ, за покупаемымъ ими матеріаломъ и за ихъ грошами. Я съ живѣйшимъ вниманіемъ гляжу на всѣхъ и жду съ трепещущимъ интересомъ, чѣмъ окончится томительная борьба: перетянетъ вотъ этотъ послѣдній кусочекъ жиру или полуунцовая гирька. Полуунцовая гирька перевѣсила, и хозяйнѣ лавочки бойко ударяетъ лезвіемъ ножа по куску мяса и съ торжествомъ гремитъ полученною платою. Я такъ увлекся всѣмъ этимъ движеніемъ, что не замѣтилъ, сколько прошло времени; когда покупатели начали сбывать, я взглядываю на часы и съ пріятнымъ удивленіемъ убѣждаюсь, что уже десять минутъ втораго.

«Много еще впереди тяжелыхъ, томительныхъ ночныхъ часовъ. Улицы не совершенно еще опустѣли, попадаютса довольно людей, но «почтенныя» прохожія и проѣзжія личности постепенно исчезаютъ, а число «непочтенныхъ» увеличивается съ ужасающею быстротою. Полисмены, закутанные въ плащи, дрожащія ирландскіе бродяги и какія-то мелькающія какъ-будто женскія тѣни, завладѣли Боу-Стритомъ и Лонгъ-Авромъ. Они остались бы единственными хозяевами Джери-Лена, еслибы не высыпали молоденькіе воры и не шатались нѣсколько пьяныхъ камешниковъ.

«Я блуждалъ по этой неблаговоной улицѣ и останавливался, рассматривая ее съ безотраднымъ чувствомъ. Меня теперь поражаютъ въ ней углы улицъ. На самой улицѣ почти нѣтъ ни души, но на всѣхъ углахъ непремѣнно устроены столбы, и почти у каждаго столба видишь прислоненныя фигуры: здѣсь два дюжихъ полисмена ведутъ гражданскія рѣчи, здѣсь двѣ женщины, а вонъ тамъ кучка блѣднолицыхъ парней, съ длинными, замасленными волосами и съ короткими трубками. Воры, мой другъ (если есть у меня другъ), несомнѣнно воры!

«Промысловыхъ, настоящихъ нищихъ теперь не видать — съ какой стати имъ теперь выходить на улицу! *Попрошайки-мишени* отправились домой ужинать и спать, *попрошай-нищие* тоже ушли ужинать и спать. У всѣхъ у нихъ есть постели!

«Около нѣкоторыхъ воротъ видѣются какія-то свернувшіяся кучи; время отъ времени подходитъ къ этимъ кучамъ полисмень и ворочаетъ ихъ своимъ жезломъ, или, вѣрнѣе, своимъ сапогомъ. Тогда вы видите безпорядочное движеніе рукъ и ногъ и слышите тоскливое стenanіе съ ирландскимъ акцентомъ. Если блюститель ночнаго порядка станетъ настаивать на своемъ «прочь убирайся», ноги и руки сдѣлаютъ нѣсколько усній, проташутся шагъ-другой, и какъ только полисмень отвернется, закрадутся подъ другія ворота; — и, быть можетъ, черезъ чет-

верть часа снова будутъ выгнаны отсюда другимъ жезломъ, или другимъ сапогомъ.

«На часахъ св. Маріи половина втораго и я нахожусь въ Чарльзъ-Стритъ, въ Дрѣри-Ленъ. Это очень грязная, маленькая, узенькая улица; она въ этомъ отношеніи можетъ потагаться съ Чѣрчъ-Леномъ, или съ Бевриджъ-Стритомъ. Однако, неопредѣленное, но сильное чувство влечетъ меня впередъ по ея гнуснымъ извилинамъ и заставляетъ пройти еще сотню шаговъ. Тутъ я останавливаюсь.

«Квартиры для холостыхъ мужчинъ за четыре пенса въ ночь». Мои глаза встрѣчаютъ это пріятное объявленіе на оковномъ стеклѣ, освѣщенномъ изнутри. Я отступаю на средину улицы, чтобы лучше охватить вворомъ зданіе, предлагающее ночлеги за четыре пенса. Это отвратительный, грязный домъ, похожій на какой-то разбойничій вертепъ,—но всего четыре пенса! Возьмите это во вниманіе, господинъ вѣженка! Безчисленное множество писанныхъ объявленій налѣплено на дверныхъ косякахъ, и при свѣтѣ ближней уличной лампы я могу ихъ читать. Я разбираю льстивое сказаніе объ отдѣльныхъ постеляхъ, о всякомъ снисхожденіи въ стряпнѣ и о всегда готовой къ услугамъ теплой водѣ. Я вразумленъ, что здѣсь неподражаемый постоянный дворъ и, кромѣ того, наслаждаюсь островами насмѣшливыхъ куплетовъ насчетъ Спитальфильдскаго большаго постоялаго двора, который въ этихъ куплетахъ обзывается «Бастилей». Я невольно начинаю ловить въ карманъ свои восемь пенсовъ. Господь вѣдаетъ, въ какую компанію мнѣ придется попасть! Но вѣдь всего четыре пенса, а ноги у меня такъ устали! *Jacta est alea.* Я останавливаюсь попробовать четырехпенсовой постели.

«Меня встрѣчаетъ такъ-называемый «выборный» или помощникъ заведенія, коротко остриженный, низколобый, отугувшій олухъ, который, говорятъ, бываетъ временами крутенежъ съ черезчуръ пытливыми и любопытными гостями. Но такъ-какъ я прихожу спать, а не любопытствовать, то меня не обижаетъ, а только осматриваютъ съ головы до ногъ и выпускаютъ. Я узнаю, что въ заведеніи осталось одно свободное мѣсто, которое предоставляется мнѣ занять. Я плачу четыре пенса и тогда — никакъ не прежде—меня вводятъ въ смрадный корридоръ. Выборный замыкаетъ двери и, помахивая желѣзнымъ подсвѣчникомъ, какъ будто бы онъ былъ античнымъ скипетромъ, приглашаетъ меня слѣдовать за нимъ.

«Но когда, взобравшись по заскоружнымъ ступенямъ, я очутился въ спальнѣ, и «выборный» съ волчьей миной пожелалъ мнѣ доброй ночи, что же заставляетъ меня стремглавъ бѣжать съ лѣстницы и мчаться по корридору, умоляя «выборнаго» выпустить меня, во имя всего святаго, на улицу? Когда «выборный» отмыкаетъ двери и выпускаетъ меня, обзывая кое-какими неслестными именами и задерживая мои четыре пенса, я стою въ какомъ-то полуобморокѣ на улицѣ, куда меня не

приводить въ чувство и не заставляеть опомниться едва не свалившій съ ногъ толчокъ, которымъ поподчивала меня шайка бродящихъ пьяницъ, оглашающая окрестность пьяною хоровою пѣснейю.

«Я не былъ пораженъ подозрительною наружностью «выборнаго», ни разбойничьимъ видомъ заведенія. Меня даже не поразила видъ грязныхъ и оборванныхъ горемыкъ, съ которыми приходилось вмѣстѣ ночевать. Меня просто на просто ошеломила вонь отъ клоновъ. Ухъ! они такъ и кипали тутъ! Они ползали по полу, падали съ потолка, перегоняли другъ друга по стѣнамъ!

«На улицу! на улицу!

«Но дойди до Вроатъ-Стрита, въ Сентъ-Джилльсъ, я уже начинаю думать, что поступилъ опрометчиво. Я чувствую себя такимъ усталымъ, такимъ измученнымъ, такимъ соннымъ и мнѣ приходитъ мысль, что останься я въ заведеніи, я бы заснулъ въ ту же минуту, какъ убитый, и не могъ бы чувствовать, какъ клоны меня пожирають. Теперь уже поздно. Четыре пенса утрачены и я не посмію взглянуть въ лицо «выборному».

«Два часа утра, но на дворѣ черная, непроглядная, непроницаемая ночь; я повертываю въ Оксфордъ-Стритъ. Мелькающія женскія тѣни попадаютъ рѣже на глаза. Четверть третьяго. Я дошелъ до Реджента и могу выбрать, чтѣ мнѣ угодно: прогуляться въ окрестностяхъ Реджентъ-парка, или спокойно побродить около клубовъ. Совершенная роскошь! Я выбираю клубы, и тащусь внизъ по Реджентъ-Стриту, къ Пиккадилли.

«Я чувствую, какъ съ каждою минутою влѣзаю, такъ-сказать, въ кожу настоящаго ночнаго бродяги — бездомнаго, отчаяннаго, горемычнаго бродяги. Я чувствую, ноги мои заплетаются нога за ногу, плечи поднимаются къ ушамъ, я держу руки, поджавъ ихъ подъ мышки; я уже не хожу, а ползаю; хотя на дворѣ июль мѣсяць, я дрожу, какъ листь. Когда я стою на углу Кондватъ-Стрита, проходящая фигура въ атласѣ и въ черныхъ кружевахъ бросаетъ мнѣ пенни. Какъ могла она узнать, что я безпріютенъ и безпомощенъ? Я не гляжу оборванцемъ, но моя бѣда, должно полагать, все-таки очевидна. Я принимаю брошенный мнѣ пенни.

«Меня удивляетъ, куда эти подѣвались всѣ полисмены? Я прогуливаюсь взадъ и впередъ по срединѣ великолѣпнѣйшей улицы, и не встрѣчаю ни души. Погодите, вотъ изъ-за стѣны Тенисонсъ-Чепель показывается юный, свѣтлогловый британецъ. Все его одѣяніе состоитъ собственно изъ однихъ панталонъ въ лохмотьяхъ, потому что объ остальныхъ частяхъ костюма не стоитъ и поминать. Онъ буйно обращается ко мнѣ, требуя позволенія перекувырнуться передо мной и прокатиться колесомъ три раза сряду, — все это за пенни. Я отдаю ему пенни, полученное мною отъ фигуры въ атласѣ и черныхъ кружевахъ, и прошу его не затруднять себя кувирваньемъ и ватаньемъ колесомъ. Но

строгая честность не позволяет ему отступать отъ предложеннаго разъ условія и, заложивъ за скулу пени, онъ куврырается, катится колесомъ и въ колесообразномъ видѣ исчезаетъ у меня изъ глазъ.

«На углу Квадранта ко мнѣ присоединяется собака, — не чистокровной, а смѣшанной породы собака. Я тотчасъ узнаю, что эта собака, подобно мнѣ, неприютная. У нея нѣтъ той рѣшительной, сильной рыси, которыми отличаются домовитыя, пристроенныя собаки; она нерѣшительно и безцѣльно блуждаетъ, съ притворнымъ, дѣловымъ видомъ завертываетъ во всѣ закоулки и съ опущенной головой возвращается оттуда на улицу; она останавливается и задумывается надъ сигарными окуреками и капустными кочерыжками, чего не стала бы дѣлать ни одна собака, имѣющая опредѣленное жилище. Но даже эта собака счастливѣе меня, потому что она можетъ лечь на какомъ нибудь порогѣ и отдохнуть; никакой полицменъ не запретитъ ей сдѣлать это; но «новый полицейскій актъ» не позволяетъ такъ поступать мнѣ и угрюмо говоритъ, что я долженъ «идти прочь».

«У! вдали слышенъ шумъ, — ближе-ближе, громче и громче! Пожарная труба несется во всю прыть, и въ одно мгновеніе улица наполняется народомъ.

«Откуда вдругъ взялся этотъ народъ — я не могу сказать, но онъ тутъ, — тутъ сотни людей, которые всѣ кричатъ и шумятъ. Труба ѣдетъ дальше, шумная толпа слѣдуетъ за ней, съ завываньемъ ночнаго вѣтра смѣшивается страшный крикъ: «пожаръ!»

«Я, разумѣется, тоже бѣгу слѣдомъ за толпою. Мчашаяся во весь опоръ пожарная труба представляетъ для ночнаго бродяги такую же неотразимую прелесть, какъ большая свора собакъ для лейчестершейрсакаго фермера. Пожаръ въ узкой улицѣ Сого, въ овощной лавкѣ. Пожаръ силенъ, и это, я полагаю, пріятно толпѣ; но въ домѣ никто не живетъ, что, конечно, производить нѣкоторое разочарованіе, потому — вы знаете — сильныя ощущенія на пожарѣ составляютъ всю его прелесть. Въ видѣ вознагражденія за это, подлѣ обитаетъ не менѣе трехъ семействъ съ маленькими дѣтьми; толпа чрезвычайно восхищается, когда ихъ, въ ночныхъ одеждахъ, проворно выносятъ пожарная команда.

«Еще сильныя ощущенія! Домъ на противоположной сторонѣ захваченъ огнемъ. Толпа въ восторгѣ, а между тѣмъ, воры дѣлаютъ единодушное нападеніе на всѣ возможные карманы, какіе только есть по близости. Не скажу, чтобъ мнѣ было пріятно, но я заинтересованъ, чрезвычайно заинтересованъ. Я сталъ бы качать воду, но не имѣю достаточной силы въ рукахъ. Я вижу, что тѣ, которые качаютъ, получаютъ пиво.

«Я такъ долго смотрѣлъ на пылающее зданіе, и, какъ бы грѣясь среди шума, криковъ и смѣтенія, слушалъ сильный стукъ орудій, восклицанія толпы, глухой трескъ пожара, что вопросъ о

ночлегъ совершенно отклонился и я вовсе забылъ о немъ въ это время. Но огонь погашенъ, или, по крайней-мѣрѣ, съ нимъ удалось, наконецъ, справиться, и когда языки пламени и снопы летящихъ искръ смѣнились столбами дыма, сильныя ощущения, естественно, начинаютъ нѣсколько ослабѣвать и удивленіе толпы уменьшается; отвернувшись отъ обуглившейся и разбитой овощной лавки, я слышу, что часы въ церкви св. Анны въ Со-го бьютъ четыре, и вижу, что уже наступилъ бѣлый день.

«Еще предстоитъ блуждать четыре тяжелые часа, пока начнется настоящій лондонскій день; для довершенія моего безутѣшнаго положенія, крайней усталости и неумолимой бѣды, которая тяготѣетъ надо мною, начинаетъ идти дождь, и притомъ, не сильный, пробивающій насквозь ливень, а дождь, медленно, однообразно, отвратительно моросящій,—дождь, который мочить, не смачивая, который то обманчиво наводитъ васъ на мысль, что сейчасъ пройдетъ, то внезапнымъ брызгомъ прямо въ лицо насмѣшливо даетъ знать, что вовсе не имѣлъ подобнаго намѣренія. Я пробираюсь по узкимъ маленькимъ улицамъ около Со-го, по истинѣ, въ самомъ жалкомъ положеніи, не встрѣчая никого, кромѣ какого нибудь кота, возвращающагося изъ своего ночнаго собранія, и угрюмаго полицмена, который съ сердитымъ видомъ ощупываетъ болты у ставней и дергаетъ за дверныя скобки домовъ, какъ бы опасаясь, чтобы какой нибудь неосмотрительный обыватель не оставилъ ни малѣйшаго искушенія для хитрыхъ воровъ.

«Встрѣчаю въ Гольденъ-Сверѣ другаго полицмена, мрачнаго и недовольнаго; вѣроятно, ему не удалось воспользоваться обществомъ должностнаго лица, которое стережетъ спасительные пожарные снаряды въ этомъ модномъ краю города, и еще не возвратилось съ пожара. Когда я прохожу мимо, полицмень удостоиваетъ меня долгаго взгляда.

«Доброе утро», говоритъ онъ.

«Я отвѣчаю такимъ же привѣтствіемъ.

«Идете домой спать?» спрашиваетъ онъ.

«Д-д-да», отвѣчаю я.

«Онъ повертывается на каблучкахъ, и больше ничего не говоритъ; но я замѣчаю иронію въ его бычачьихъ глазахъ, презрительное недовѣріе въ его навощенномъ воротникѣ! Не нужно даже того долгаго тихаго свиста, до котораго онъ снисходитъ, чтобъ дать мнѣ понять, какъ онъ хорошо знаетъ, что у меня нѣтъ ни дома, ни постели.

«Я осторожно прокрадываюсь по Шеррардъ-Стриту. Не знаю почему, но я начинаю бояться полицменовъ. Я никогда не нарушалъ закона и, однакожъ, избѣгаю его «охранителей». Звукъ ихъ тяжелыхъ каблучковъ со шпорами отнимаетъ у меня спокойствіе. Одинъ изъ нихъ стоитъ у дверей заведенія гг. Суана и Эдгара, и чтобъ избѣжать встрѣчи съ нимъ, я даже оставлю

рѣшеніе пройти по Реджентъ-Стриту, и, вмѣсто того, возвращаюсь по Геймаркету.

«Вотъ трое молодцовъ, которые, очевидно, имѣютъ постели для ночлега, хотъ и заповдали нѣсколько отправиться на покой. Я знаю, что у нихъ есть ключи отъ квартиры, знаю по ихъ рѣшительному виду, по ихъ дерзкой, смѣлой рѣчи. Они только-что вышли, или были выпровожены изъ устричной лавки. Они всѣ трое очень пьяны, перемѣнялись по ошибкѣ шляпами, а у одного въ платкѣ завязано нѣсколько морскихъ раковъ.

«Эти многообщающіе джентльмены вышли съ «пируши». Двери трактировъ и гостиницъ выпускаютъ цѣлыя отряды такихъ молодцовъ по всему Геймаркету; нѣкоторые изъ нихъ самаго благороднаго вида, съ смѣло закрученными усамн и багепбардами; мнѣ кажется, что я ихъ видѣлъ прежде и, вѣроятно, увижу опять, — увижу ихъ, украшенныхъ ботфортами и золотыми шкурками, гарцующихъ на огромныхъ воронныхъ лошадяхъ подлѣ экипажа ея величества, когда она поѣдетъ открывать парламентъ. Джентльмены, или, скорѣе, посѣтители «пирушекъ» называютъ ихъ «душею общества». Они, вѣроятно, будутъ спать въ нынѣшнее утро въ полицейской караулнѣ и будутъ општрафованы различными денежными суммами за распутное поведеніе. Могу сказать, что эти люди въ теченіе трехъ лѣтъ будутъ пьяны по триста разъ въ годъ. Въ эти три года они проведутъ нѣсколько десятковъ полисменовъ, сломаютъ нѣсколько сотенъ газовыхъ лампъ, сотни разъ «утекутъ» изъ рукъ охранителей порядка и произведутъ очень много шума. Они поѣдутъ по желѣзной дорогѣ въ Эпсонъ и будутъ заводить беспорядки на пути. Они будутъ посѣщать за полцѣны Адельфа, а потомъ отправляться въ ночныя пристанища. Растративъ свое жалованье на развратъ, они получаютъ новые денежные запасы отъ людей, дисконтвующихъ векселя, но и эти деньги у нихъ будутъ долго вытаныты содержателями игорныхъ домовъ. Настанетъ день, когда и здоровье, и деньги этихъ джентльменовъ будутъ израсходованы, когда всѣ векселя у нихъ будутъ выпрошены, когда они будутъ достаточно обобраны всякаго рода промышленниками: тогда они должны будутъ оставить занимаемую теперь мѣста и будутъ отвергнуты своими друзьями. Тогда они переселятся въ улицу Блага Креста, предстанутъ предъ судъ несостоятельныхъ должниковъ, и Богъ-знаетъ, должно быть, плачевно кончатъ жизнь: быть можетъ, передъ смертью дойдутъ до *delirium tremens*.

«Мнѣ пришла фантазія прогуляться по Сентъ-Джемскому парку; я уже готовъ спуститься по огромнымъ ступенямъ каменной лѣстницы, ведущей въ Мэлль, и встрѣчаю толпу служителей Марса, состоящую изъ гренадера въ сюртукѣ, съ зажженнымъ фонаремъ (хотъ уже свѣтло, какъ въ полдень), офицера въ плащѣ, и четырехъ или пяти гренадеровъ, одѣтыхъ также въ сюртукахъ; всѣ они имѣютъ до-нелвзя смѣшной видъ въ

этихъ безобразныхъ сѣрыхъ костюмахъ. Офицеръ, новидному, смотритъ на все съ чувствомъ неподдѣльнаго отвращенія, и обязанность, къ которой призванъ, считаетъ истиннымъ наказаніемъ. Если не ошибаюсь, описанные люди составляютъ «дозоръ» или что-то въ этомъ родѣ. Когда офицеръ, при видѣ часоваго у памятника герцога Йоркскаго, обращаетъ къ нему какой-то непонятный вопросъ, офицеру дается отвѣтное, но столь же непонятное мычаніе. Тогда передовой гренадеръ вертитъ безмысленно своимъ фонаремъ, въ родѣ того, какъ король Лиръ игралъ соломенкой, а офицеръ размахиваетъ шпагой; теперь я полагаю, «дозоръ», на сколько дѣло касалось герцога Йоркскаго, конченъ, потому-что вся команда важною поступью направляется по Палль-Маллю, къ памятнику герцогини Кентской.

«Я оставляю этихъ людей съ ихъ затѣями, и печально начинаю шататься по Палль-Маллю. Теперь еще только три четверти пятого; я такъ измученъ и утомленъ, что едва могу волочить ноги. Дождь прекратился, но утренній воздухъ сыръ и холоденъ, и эта сырость, кажется, проникаетъ до мозга моихъ костей. Волосы у меня мокры, и грязными прядями падаютъ на щеки. Ноги мои, кажется, разрослись до нелѣпныхъ размѣровъ, а сапоги—до нелѣпности съюзились. Я желалъ бы быть собакой или полевой крысой! Какъ бы я хотѣлъ, чтобъ тутъ былъ стогъ сѣна или груды мѣшковъ, или что-нибудь подобное! Думаю, теперь я нашелъ бы отдохнѣ даже на тѣхъ ужасныхъ покатыхъ доскахъ, которыя видаль въ Парижѣ, приготовленными въ сторожкѣ на набережной для найденныхъ утопленниковъ. Я имѣю поползновеніе разбить фонарь—пусть бы меня взяли въ полицейскую карательню! Или броситься съ Вестминстерскаго моста? Должно быть, я трушу, потому что не дѣлаю ни того, ни другаго. Загнѣтивъ подъ деревомъ скамейку, я бросаюсь на нее; и какъ это ложе ни жестко и какъ ни преисполнено горбами и желваками—я все-таки свертываюсь на подобіе комка и стараюсь заснуть. Но, тщетная мечта! Я ужасно, мучительно бодрствую. Чтобъ до краевъ наполнить горькую чашу своихъ страданій, я встаю и дѣлаю кругъ или два; тогда я чувствую такое изнуреніе, что, кажется, могу спать стоя; но какъ только, улучивъ благоприятное, по моему мнѣнію, для дремоты мгновеніе, снова бросаюсь на скамью—чувствую, что сонъ такъ же далекъ отъ меня, какъ и прежде!

«Тутъ, кромѣ меня, есть еще одинъ безпріютный бродяга лѣтъ восемнадцати; онъ быстро заснулъ и храпитъ съ возмутительнымъ упорствомъ. Онъ—полунагой, у него нѣтъ ни сапоговъ, ни чулокъ. И однакожъ онъ спитъ, и спитъ, по всѣмъ признакамъ, очень вѣриво. Когда громозвучные часы конной гвардіи пробили пять, онъ просыпается, смотритъ съ минутой на меня и вробормотавъ: «тяжеленько житье, товарищъ», поворачивается и снова засыпаетъ. Побуждаемый совнаніемъ таинственнаго брат-

ства бѣдняковъ, онъ называетъ меня «товарищемъ». Должно быть, я наконецъ займствовалъ отъ него частицу бродячей способности спать въ трудныхъ обстоятельствахъ, потому что покорчившись и повертѣвшись на неудобномъ деревянномъ ложѣ до тѣхъ поръ, пока не заболѣли каждая кость и каждый мускулъ, я впадаю въ глубокой, глубокой сонъ, такой глубокой, что онъ похожъ на смерть.

«Сонъ такъ глубокъ, что я не слышу, какъ на этихъ безпокойныхъ для ночлежниковъ парка часахъ конной гвардіи звонятъ четверти часа, и только вдругъ вскакиваю, когда бьетъ шесть часовъ. Мой безпріютный пріятель уже ушелъ; я самъ, опасаясь допроса отъ приближающагося полицмена (не зная еще, какое ужасное преступленіе составляетъ сонъ въ Сентъ-Джемскомъ паркѣ), прихрамывая удаляюсь, совсѣмъ измученный, но немного освѣженный часовымъ сномъ. Я прохожу мимо мѣста, гдѣ доятъ коровъ и продаютъ творогъ и сыворотку въ лѣтніе вечера, и вступаю въ Чарингъ-Кроссъ, чрезъ длинный Спрингъ-гарденскій переулокъ.

«Нѣсколько разъ въ теченіе ночи я слышалъ, что въ это утро долженъ проходить торгъ въ Ковентъ-Гарденъ. Я видѣлъ, какъ по молчаливымъ улицамъ пробирались телеги, нагруженныя цѣлыми горами корзинъ съ зеленью. Я встрѣтилъ нѣсколько раннихъ мелочныхъ торговцевъ съ тележками, и ихъ юные помощники поглумились надъ моею унылою, убитою фигурою. Я смотрѣлъ на ковентгарденскій рынокъ, какъ на попутный вѣтеръ для моего путешествія, потому что слышалъ и читалъ, какое обиліе и разнообразіе представляетъ этотъ рынокъ на забаву и поученіе наблюдателя.

«Признаюсь, я обманулся въ ожиданіи. Ковентъ-Гарденъ кажется мнѣ не болѣе, какъ огромнымъ скопленіемъ капусты. Я осипанъ этимъ растеніемъ, когда его бросаютъ съ вершинъ нагруженныхъ телегъ къ стоящимъ внизу зеленщикамъ. Проходя, я попадаю въ капусту и спотыкаюсь на капусту; короче, и сверху, и внизу, и со всѣхъ сторонъ капуста преобладаетъ.

«Можно впрочемъ сказать, что имѣи я терпѣніе, я увидѣлъ бы что-нибудь, вромѣ капусты. Но я такъ ею забросанъ, меня такъ толкаютъ въ ту и другую сторону, со мной такъ мало церемонятся грубые лавочники, что я выбираюсь съ рынка и прокрадываюсь на площадь.

«Здѣсь я встрѣчаю моего безпріютнаго бродягу, товарища по парку; онъ дешево и питательно завтракаетъ въ кофейной. Эта кофейная сама по себѣ представляетъ какое-то неудобноописываемое зданіе, что-то среднее между цыганскимъ шатромъ и будкой часового; для полноты сравненія, лѣди, приготовляющая кофе, очень походитъ лицомъ на цыганку, и на ней надѣто такое точно верхнее платье, какое бываетъ у часовыхъ. Ароматическое питье (если я могу назвать этимъ именемъ смѣсь жженыхъ бобовъ, жареной лошадиной нечешки и негоднаго дикорію, изъ

которыхъ составлено «кофе») раздвигаютъ, горячее, какъ кипятить, изъ котла (какіе бывали у волшебницъ) въ цѣлый строй стоящихъ подлѣ него чашекъ и блюдечекъ; а для болѣе основательнаго подкрѣпленія желающихъ, рядомъ съ чашками поставлены блюда съ огромными кучами толстыхъ ломтей хлѣба съ масломъ и какого-то двусмысленнаго вещества, называемаго «пирожнымъ». Кромѣ моего пріятеля-бродяги, два мальчика изъ числа «мелочныхъ» помощниковъ, пользуются гостепримствомъ «кофейной», а толстый садовникъ, усѣвшись верхомъ на вучу картофельныхъ мѣшковъ, лежащую по близости, досталъ хлѣба, масла и кофе, и уплетаетъ все это съ такою жадностью, что при каждомъ глоткѣ изъ глазъ его выступаютъ слезы.

«Я вспомнилъ о существованіи въ моемъ карманѣ нѣкоторой четырехъ-пенсовой монетки, и два или три раза покушался издержать ее, но обдумавъ, счелъ лучшимъ приобрести на эти деньги настоящій завтракъ и отправиться въ настоящую кофейную. Между тѣмъ, въ это время быстро разсвѣтаетъ и лондонскій шумъ становится слышимѣе. Глухой стукъ колесъ не прекращался, впрочемъ, цѣлую ночь, но теперь нагруженныя кареты бѣшено мчатся къ станціи желѣзной дороги. Ночные полисмены постепенно исчезаютъ, медленно показывается сонная прислуга трактировъ, зѣвая у дверей; выходятъ сонные слуги кофейныхъ домовъ и читальныхъ залъ. Есть трактиры и кофейни, которые были открыты цѣлую ночь. На рынкѣ трактиръ «Разбойничье Оружіе» никогда не запирается. Молодой лордъ Стуйтусъ съ капитаномъ Азинусомъ сегодня утромъ въ четыре часа пытались перевернуть тамъ вверхъ дномъ всѣ конторки, но по настоятельному желанію трактирщика Фрума оставили это намѣреніе, и вслѣдъ за тѣмъ рыцарски предложили всѣмъ окружающимъ ставану «Стараго Тома», что и было принято съ такою же рыцарскою готовностью. Такъ-какъ «всѣ окружающіе» составляли до тридцати человѣкъ лэди и джентльменовъ, то для Фрума это было дѣльце хорошее; какъ ловкій торговецъ, онъ вполне воспользовался золотымъ случаемъ, распорядившись подавать тѣмъ членамъ общества, которые были пьяны (а такихъ было три четверти всего собранія), ставаны съ водой вмѣсто джину; такая операція, съ одной стороны, способствовала обузданію невоздержныхъ, а съ другой — очень замѣтнымъ и чувствительнымъ образомъ улучшила состояніе его собственнаго кошелька. Какъ было въ «Разбойничьемъ Оружіи», такъ и въ другихъ трактирахъ, посѣщаемыхъ продавцами зелени и ночными извозчиками; нечего и говорить о томъ извѣстномъ, утреномъ маленькомъ домикѣ близъ Дрери-Лена, называемомъ «Синяя Дубина», который, какъ извѣстно, служитъ мѣстомъ свиданія знаменитаго Тама Сѣга съ его шайкой; подвиги ихъ по части удавленій, посредствомъ шелковаго платка и спасительнаго снаряда, употребляемаго въ видѣ колеса, заслужили всеобщее удивленіе со стороны солидныхъ защитниковъ системы

отпусныхъ билетовъ. Во время моихъ блужданій я заглядывалъ въ нѣкоторые изъ этихъ извѣстныхъ заведеній. Съ наступленіемъ дня они принимаютъ видъ болѣе степенный, мрачный и сонный, и до полуночи остаются въ этомъ видѣ. Въ нихъ не загорится жизнь и веселость, не начнутся грабежи и насилія до наступленія «темныхъ» часовъ.

«То же самое и въ кофейныхъ. Я вхожу въ одну изъ нихъ, чтобъ превратить свою четырехъ-пенсовую монету въ завтракъ, состоящій изъ кофе, хлѣба и масла; эта кофейная также была открыта всю ночь; но теперь тамъ единственные посѣтители, кромѣ грязнаго слуги, находящагося въ жалкомъ состояніи дремоты, состоятъ изъ подлужины бездомныхъ горемыкъ, которые получили право сидѣть за отвратительными столами благодаря тому, что заплатили за чашку кофе; склонивъ головы на руки, они жадно пользуются божливымъ сномъ, изъ котораго скоро, увы! слишкомъ скоро! пробуждаетъ ихъ слуга, расталкивая спящихъ и говоря: «проснитесь, вы!» Повидимому, онъ имѣетъ привязаніе не позволять заснуть въ кофейной.

«Я сажусь и стараюсь не спать надъ столбцами стараго номера газеты «Солнце», но безуспѣшно. Я чувствую такую слабость и утомленіе, я до нельзя измученъ и усталъ, какъ собака, и впадаю въ усыпленіе; потому ли, что слуга также заснулъ, или — что раскодъ на четыре пенса гарантируетъ мнѣ исключеніе изъ общаго правила, мнѣ позволяется дремать.

«Я вижу сны. Въ этихъ ужасныхъ видѣніяхъ мнѣ представляются и клопы, и капуста, и дѣлающіе обходъ солдаты и — по временамъ — пожаръ въ овощной лавкѣ. Проснувшись, я вижу, къ величайшей радости, что уже десять минутъ девятаго, оборванный мальчикъ, разнощикъ газетъ, приноситъ сырой экземпляръ «Times», и въ этой газетѣ я нахожу половину столбца, занятую статьей подъ заглавіемъ «Страшный пожаръ въ Сого».

«Еслибы усталость не обезсмыслила меня, то, безъ сомнѣнія, я предался бы по поводу этой ночи нравоучительнымъ разсужденіямъ; но теперь у меня въ головѣ только два предмета, только два предмета существуютъ для меня на дѣломъ свѣтѣ — *домъ и постель*».

Въ очередь этой одной безпріютной ночи очень ясно и отчетливо видѣнъ весь процессъ, которымъ безпомощная нищета можетъ привести человѣка къ преступленію и паденію. Сначала онъ весь подавленъ чувствомъ совершеннаго одиночества и его мучительно душитъ сознаніе собственнаго безсилія. Онъ пытается найти какой нибудь выходъ изъ жалкаго положенія, но напрасно ломаетъ себѣ голову: необыкновенные замыслы для него недоступны, великіе недосягаемы — даже обыденная, часто не совсѣмъ чистая, находчивость, ловкая изобрѣтательность, гибкая ивворотливость бесполезны; является сильная горечь и мелькаетъ мысль, что гораздо удобнѣе жить на свѣтѣ такимъ нагимъ

людямъ, какъ знакомый Больтъ, и такимъ безсовѣстнымъ, какъ вотъ другой знакомый Спѣнджъ.

Мысль эта венова; онъ слыхалъ ее нерѣдко отъ другихъ, и ему самому приходитъ она въ голову не въ первый разъ, но дѣло въ томъ, что до поры до времени всякія мысли только скользятъ, задѣвая иногда и за живое, но такъ сказать, со стороны. Мы всѣ, напримѣръ, повторяемъ на разные печальныя и шутивныя, трусливыя и насмѣшливыя лады и тоны, что мы смертны и что слѣдственно жизнь наша можетъ очень легко угаснуть завтра, или нынче, или черезъ полчаса; но когда смерть является, мы только тогда хорошо почувствуемъ все ея значеніе, власть и силу. Намъ извѣстно, что голодъ мучителенъ и затемняетъ разсудокъ, но надо испытать муку голода, чтобы вполнѣ узнать, какъ терзаетъ онъ и до чего помрачаетъ мышленіе. Давно извѣстная истина, что нагле и безсовѣстные люди лучше и удобнѣе устраиваются на бѣломъ свѣтѣ, чѣмъ люди совѣстливыя и честныя, возбуждаетъ въ безпомощномъ человѣкѣ, необладающемъ особенными нравственными и умственными силами, не рѣшимость бороться, а горькое раздражительное сожалѣніе, зачѣмъ онъ не наглець и къ чему сохранилъ неудобную деликатность и тонкость чувствъ? Разъ какъ подобная мысль вкрадывается, хотя бы и въ минуту отчаянія, можно почти навѣрно сказать, что если благоприятныя обстоятельства или счастливый случай не помогутъ, человѣкъ быстро или потихоньку, рано или поздно, а ужъ скатится съ своей нравственной высоты.

Г. Сала, представляя безпріютнаго и безпомощнаго человѣка, рассказываетъ, что этотъ человѣкъ встрѣчаетъ и видитъ, и какъ холоды, голоды и изнеможеніе даютъ ему себя чувствовать, но не распространяется о томъ, какія мысли его точатъ и какія чувства у него накипаютъ: читающій разсказъ угадываетъ ихъ самъ какъ нельзя лучше, и вполнѣ понимаетъ, что хотя злодѣяніе то или другое въ эту минуту и не свершается, но что всякое можетъ, даже должно случиться тамъ, гдѣ 70,000 человѣкъ постоянно находятся въ безпомощномъ положеніи.

Цифры въ иныхъ случаяхъ убѣдительнѣе всевозможныхъ доводовъ, разсужденій и доказательствъ, а вѣрное, безъ прикрасъ и смягченій, представленіе обыденной жизни поразительнѣе всякихъ краснорѣчивыхъ воззваній и чувствительныхъ возгласовъ. Дѣло въ томъ, что въ наше время всѣ слова утратили прежнее значеніе и потеряли прежнюю цѣну и силу. Всѣ теперь выучились говорить красиво и благородно, грозно и трогательно; всякій, по пословицѣ, высоко летаетъ, что вовсе не мѣшаетъ ему низко садиться.

Кто теперь не громить, напримѣръ, свѣтской пошлости и не позорить празднаго существованія? Кто не требуетъ эманципаціи женщинъ и не разрывается по поводу пролетаріата? Дама, обнажившая плечи на вершокъ меньше, чѣмъ ея сосѣдка, съ

негодованіемъ указываетъ пальцемъ на послѣднюю; обезпеченный господиномъ, котораго неприятности съ начальствомъ довели до сознанія, что образованный умъ украшаетъ человѣка больше эпюлетъ или вышитаго воротника, съ презрѣніемъ смотритъ на тѣ эпюлеты и воротники, которые еще не подверглись начальнической немилости и не пришли къ заключенію о преимуществѣ ума надъ мундирами; дѣлаетъ сонмы людей обоюга пола поставили себя единственною дѣятельностію ходить по знакомымъ и выражать свое изумленіе и негодованіе, какъ это можетъ кто нибудь погрязнуть въ праздности и сдѣлаться коптителемъ неба? Шумъ словесный великій, говоръ и ропотъ постоянные; но безсодержательный гамъ уже прислушался, вздрагивать никого не заставляетъ, не шевелитъ заглохшихъ слухъ, не возбуждаетъ притихшихъ стремленій...

70,000 цифра безпріютныхъ людей, приведенная г. Саля, дѣйствуетъ какъ сильнѣйшій ударъ хлыста по изнѣженному лицу и производитъ очень больное и горькое, но отрезвляющее впечатлѣніе. Эта 70,000 цифра крѣпко засѣдаетъ въ голову, становится между всѣмъ, на что ни обращаются глаза, къ чему ни прислушиваются уши, и рѣшительно на все набрасываетъ сумы мрачный колоритъ. Тѣ «прекрасныя, но тщетныя» стремленія и «несбыточныя мечты, разсѣянныя суровою дѣятельностію», тѣ «улегшіеся вопросы» и «усмиренныя житейскою опытностію требованія», съ которыми многіе люди, казалось, совершенно покончили, опять начинаютъ мутить и уничтожаютъ весь запасъ трусливыхъ примиреній съ окружающею жизнью и съ самимъ собою. Утѣшительные выводы и успокоительныя разсужденія, подобранныя долгими стараніями и труднымъ искусствомъ, разсыпаются въ прахъ, и на лицо остаются знаменательныя 70,000 безпріютныхъ и беспомощныхъ людей, голодныхъ, измученныхъ холодомъ или духотой и падающихъ отъ изнеможенія на улицахъ просвѣщенной столицы великаго государства.

III.

Представляя статистическія цифры и существующіе факты, г. Саля не показываетъ «злоупотребленій», не выводитъ на свѣжую воду «злоупотребителей», что очень важно и придастъ всему особый отгѣнокъ и особое значеніе.

Большинство людей, какъ извѣстно, склонно къ нѣгѣ и обладаетъ въ замѣчательной степени способностію со всѣмъ на свѣтѣ быстро осваиваться, счастливымъ даромъ надѣяться на лучшее, умѣнемъ морочить себя всевозможными иллюзіями и тѣшить себя нелѣпою увѣренностію, что дорогія вещи по случаю приобретаются по дешевой цѣнѣ. При такихъ свойствахъ понятно, что большинство людей стоятъ горой за полумѣры. Нанести ударъ тому или другому существующему злу у нихъ не поднимается рука. Они ходятъ

около него, пробуютъ его пальцемъ, совѣтуются, качаютъ головами, вдыхаютъ, призадумываются; вдругъ имъ бросается какойнибудь наростъ на чудовищѣ, и они, забывая о самомъ чудовищѣ, съ жадностью выдаютъ на него и кричатъ: вотъ гдѣ самый ядъ! вотъ гдѣ самая бѣда! Черезъ долгое или короткое время, смотря по обстоятельствамъ, наростъ кое-какъ вытравляется, — всѣ радн, торжествуютъ побѣду и спокойно обращаются къ обычнымъ занятіямъ. Такое завидное состояніе продолжается или до какогонибудь сильно чувствительнаго толчка, или до той поры, когда чудовище не въ мѣру тяжеле придавить. Тогда снова начинается то же нерѣшительное хожденіе вокругъ, пробованье пальцемъ, совѣты, вздохи, задумчивость, и снова дѣло ограничится только (въ самомъ лучшемъ случаѣ) вытравленіемъ нароста, побуда на помощь не явятся личности инаго закала, которыхъ, если имъ повезетъ удача, пменуютъ великими людьми, а если постигнетъ поражение, обзываютъ сумасбродами. Но такъ-какъ подобныя личности никогда не являются движнами, то люди чаще всего хватаются за мелкія детали и дѣвуютъ изъ кожи, сокрушая частности.

Благонамѣренный человѣкъ, готовый покарать всякого нибудь Ивана или Петра, за его нехорошее поведеніе, не будетъ вызванъ на это похвальное, хотя и недостаточное дѣло, разказами г. Сала. У г. Сала всѣ Ивановы и Петры люди милые, добрые, старательные и грѣшать развѣ только несообразительностію, что, какъ извѣстно, свершается не по собственной доброй волѣ, а по неисповѣдимымъ путямъ провидѣнія, награждающаго кого однимъ, кого десятью талантами. У него всѣ исправны на своихъ мѣстахъ, начиная съ ея величества королевы Викторіи, добродѣтельнѣйшей семьянинки, кроткой и небожной женщины, которая любить простоту, ѣдитъ въ оперу въ черной, непоказной каретѣ, всего съ двумя лакеями на запяткахъ, старается о всеобщемъ благоденствіи и издаетъ свои «размышленія», до почтенаго полицмена, который преданъ весь своему долгу и скрѣпя сердце гонитъ бродягъ изъ-подъ воротъ общественныхъ зданій.

Нѣтъ ни единого Петра или Ивана, котораго слѣдовало бы покарать. Напротивъ, являются Ивановы и Петры, къ которымъ чувствуется живѣйшая признательность, какъ, напримѣръ, къ учредителямъ общества для доставленія ночнаго крова безпріютнымъ и къ ихъ чиновникамъ и чиновницамъ. Мы почти цѣлкомъ приводимъ этотъ знаменательный разказъ, оваглавленный у г. Сала «Безпріютные и Голодные».

«Я отправился, въ ненастный зимній вечеръ, къ Заставѣ Увѣчныхъ, съ цѣлю посѣтить убѣжище, основанное обществомъ доставленія ночнаго крова безпріютнымъ.

«Позвольте мнѣ, прежде всего, доложить вѣратцѣ, какъ это общество объясняетъ свою дѣятельность. По словамъ отчета общества, главная цѣль и основное начало этого благотворительнаго учрежденія заключаются въ доставленіи ночнаго пріюта

и помощи людямъ, которые въ суровую зимнюю пору остаются совершенно безпріютными и безпомощными, и въ доставленіи имъ возможности пріостановить на время, вслѣдствіе суровой погоды, свою работу, производящуюся на открытомъ воздухѣ. Для осуществленія этого намѣренія общество распорядилось, чтобъ пріютъ былъ открытъ и доступенъ въ каждый часъ ночи, безъ требованія отъ ищущихъ убѣжища какаго бы то ни было входнаго билета или другого паспорта или удостовѣренія, кромѣ его или ея собственныхъ словъ о своей безпомощной нуждѣ. Доставкаемая здѣсь помощь ограничивается порціей хлѣба въ такомъ количествѣ, которое достаточно для поддержанія жизни теплымъ кровомъ и покоемъ. Такимъ образомъ, людямъ, весьма недалеко отстоящимъ отъ полной безпомощности, представляется мало побужденій пользоваться кровомъ исключительно для того, чтобъ воспользоваться пищей. Но, въ случаяхъ изнеможенія или слабости, происходящей отъ голода или холода, выдаются, подѣ надзоромъ медика, приличныя подкрѣпительныя средства, какъ, напримѣръ, каша, вино, водка, супъ и лекарство. «Многіе были, такимъ образомъ, спасены», говоритъ отчетъ, «сизъ когтей смерти».

«У меня есть два пріятеля, которые не одобряютъ учрежденія, основаннаго на взложенномъ началѣ. Мой добрый другъ Прагмосъ считаетъ ихъ бесполезными. Онъ доказывалъ мнѣ цифрами, таблицами, отчетами прозорливыхъ начальствъ, что въ Лондонѣ нѣтъ причинъ, порождающихъ лишенія, — что, говоря на основанія статистическихъ данныхъ таблицъ, свѣдѣній почетныхъ совѣтовъ — въ Лондонѣ совсѣмъ нѣтъ безпомощности. Какъ *можетъ* тамъ быть какая бы то ни было безпомощность, когда подается и домашняя, и уличная помощь, когда существуютъ богаделенныя испытанія, — должностныя лица, обязанныя помогать бѣднымъ и временныя госпитали? Сверхъ того, для всѣхъ есть мѣста. Есть госпитали и лечебницы для больныхъ, богадельни для дряхлыхъ. Благосостояніе постоянно увеличивается. Безпріютнымъ и голоднымъ не можетъ быть никто, кромѣ людей праздныхъ и развратныхъ; если такіе и существуютъ, то должны, для своего спасенія, соединяться въ союзы, и, слѣдовательно, убѣжища для безпріютныхъ не ведутъ ни къ какой благодѣтельной цѣли, — напротивъ, — отводятъ благотворительныя пожертвованія стѣ должнаго направленія, питаютъ праздность и пороки и выставляютъ на показъ, предъ глазами публики, бѣдность, которая, въ дѣйствительности, не существуетъ. Такъ рассуждаетъ Прагмосъ. Онъ не жестокосердъ; но просто, спокойно сознаетъ (вслѣдствіе вѣрованія въ арабскія цифры и въ девяносто-девятый отчетъ почительнаго комитета о бѣдныхъ), что безпомощныхъ людей быть не можетъ. Едва онъ кончилъ цитировать вѣдомость подѣ лѣт. Д, какъ мой другой, болѣе веселый, другъ Шарплинксъ, дѣлаетъ мнѣ шутивый, остроумный выговоръ. Онъ смѣется надо мной. «Безпомощность, дружище», говоритъ Шарплинксъ фамиллярно: «пустяки! Какъ можете вы,

остроумный свѣтскій человекъ» (я краснѣю), «ошутный хитрецъ» (я кланяюсь) обманываться такимъ прозрачнымъ задоромъ? Развѣ вы не читали «Times»? Развѣ вы не читали «Веселыхъ Нищихъ»? Развѣ вы никогда не слышали о «Пѣшеходахъ», о такъ-называемыхъ «серебрящикахъ»? о «мелкотравчатыхъ»? Тагъ, сэръ, любой оборванецъ, который слоняется кругомъ, одержимый притворнымъ параличомъ, нишѣшнею ночью будетъ имѣть на ужинѣ телятину, почечную часть филеа съ начинкой, облитую лимоннымъ сокомъ. Нищая женщина, стоящая у двернаго порога, взяла на прокатъ двухъ маленькихъ дѣтей по четыре пенса въ день, и будетъ имѣть полторы пияты джину передъ тѣмъ, какъ ложиться спать. Этотъ, повидимому, чахоточный руманецъ — не что иное, какъ разрисовка лица красною краскою; это дрожаніе членовъ — притворное; эта спокойная, молчаливая покорность — лукавство. Не говорите мнѣ, что они безпріютны и голодны! Обманщики, которые притворятся такими, пируютъ по ночамъ въ темныхъ погребахъ. У нихъ есть и индѣйка, и колбасы, и жареная свинина, и горячій пуншъ, любовники и любовницы, колоды картъ и громкія пѣсни. Безпріютные, — какъ бы не такъ! Я далъ бы имъ ночлегъ — въ полицейской караулнѣ, а утромъ отправилъ бы ихъ на рабочую мельницу». Сказавъ это, Шарплинксъ отходитъ, ворча что-то о добромъ, старомъ времени, и о кандалахъ для преступниковъ, и о позорномъ столбѣ.

«Такъ разсуждаютъ они оба — Прагмосъ и Шарплинксъ — и я не могу порицать ихъ. Это все старая исторія о большинствахъ, наказываемомъ за грѣхи меньшинства. Вы, я, тысячи другихъ людей — стѣснены, ограничены въ своихъ удовольствіяхъ, удобствахъ, забавахъ, свободахъ, правахъ; насъ безславяютъ и поносятъ, какъ пьяницъ и мошенниковъ, потому только, что одинъ какой-нибудь толстогубый, угрюмый глупецъ, съ бычьей шеей, упиивается до безумія алкоголемъ, бьетъ свою жену, ломаетъ окна и блуждаетъ около Дрюри-Лена со спасительнымъ снарядамъ. Тысячи людей, единственное преступленіе которыхъ состоятъ въ неимѣніи ни денегъ, ни друзей, ни платья, ни убѣжища, хотя бы даже похожаго на норы, какія имѣютъ лисицы въ обширномъ Божьемъ мирѣ, — эти тысячи видятъ, что рука благотворительности отвращается отъ нихъ, и дверь милосердія запирается предъ ними потому только, что Алиса Грей — обманщица, а Бэмфильдъ-Муръ Кэрью — плутъ, и потому, что существовали такіа мѣста, какъ «Дворъ чудесъ» и «Замокъ Крысъ». Ступай туда и веселись, плутъ, шутовски говоритъ мистеръ Шарплинксъ. Такимъ образомъ, беспомощные должны идти на улицу и умирать. Они умираютъ — вы можете-себѣ продолжать разсуждать и составлять свои выкладки до дня страшнаго суда, — они умираютъ. Я не думаю унижать дома призрѣнія, сострадательныхъ чиновниковъ, больницъ, богаделенъ, полицейскихъ карауленъ, комиссій, записокъ и росписей, обществъ для вспоможенія нищимъ и «Гильдгалльскихъ Соломоновъ». Но

все-таки говорю съ Галлесомъ: «ві жноче!» и утверждаю, что въ городѣ, *вымощенномъ золотомъ*, есть люди совершенно безпомощные, умирающіе у порога домовъ, на улицахъ, на лѣстницахъ, подъ темными сводами, въ канавахъ и у защищенной отъ вѣтра стороны стѣнъ. Полиція это знаетъ. Когда-нибудь, быть можетъ, правительство также снисзойдетъ до признанія этого явленія и поручитъ какому-нибудь джентльмену принять на себя завѣдываніе имъ за тысячу фунтовъ въ годъ.

«Думая о Прагмосѣ и Шарлинксѣ, я шелъ вечеромъ въ прошедшій вторникъ по Смитфильду, и дошелъ до Барбикена. Это путешествіе — очень непривлекательное даже въ самую лучшую погоду, — но въ сырую февральскую ночь, когда погода колеблется между цѣленищимъ морозомъ и моросащею оттепелью и, не переходя рѣшительно ни въ то, ни въ другое, даетъ вамъ почувствовать качества обонхъ, — путешествіе пѣшкомъ до улицы Бѣлаго Креста просто мучительно. Вся окрестность проявнута миазмами бѣдноты, срезающей зубами, нездоровой, угрюмой и часто порочной. Здѣсь все дешево и гадко; продавцы смотрятъ такими же бѣдняками, какъ и покупатели. Тутъ есть лавки, весь торговый запасъ которыхъ не стоитъ полдюжины шиллинговъ. Есть прохоніе, все платье которыхъ слишкомъ дорого оцѣнить въ девять пенсовъ. Свѣчныя лавки, морскіе склады, заемныя банки и публичныя дома поражаютъ глаза. Морозная ржавчина лежитъ на оконныхъ стеклахъ и на газовыхъ лампахъ. Хлѣбъ — продается самый черствый, плохой; въ мясныхъ лавкахъ, съ ихъ блистающими газовыми рожками, не выставлено ничего кромѣ объѣдковъ и обглодковъ мяса. Помѣщенная вверху зеленая лавка заграждаетъ вамъ дорогу своими корзинами; но она имѣетъ такой непривлекательный видъ, что хочется эти продукты свалить въ дождевой желобъ, или отдать законнымъ владѣтелямъ ихъ — свиньямъ. Воздухъ зараженъ запахомъ зловоннаго табаку, лежалыхъ сельдей, стараго платья и мастерскихъ различныхъ вредныхъ производствъ. Передъ вами проносятся изъ прихода гробъ, передъ вами проходитъ полицменъ, неповоротливый и мрачный, полицменъ, совершенно непохожій на проворнаго № 67. На сыромъ ночномъ вѣтрѣ долетаютъ до вашихъ ушей божба и выкрикиваніе гнилаго товара, и плачь оставленныхъ безъ призора дѣтей, и хоровое пѣніе развратныхъ пѣсень. Каждый крытый экипажъ, какой вамъ встрѣчается на пути отъ разнощицъ тележки до Пикфордской телеги, вается, везетъ въ тюрьму какого-нибудь несправнаго должника.

«Пробываясь, сколько хватало силъ, чрезъ всю эту гадость, — скользя по грязной мостовой, и часто спотыкаясь, я дошелъ, наконецъ, до улицы Бѣлаго Креста и нырнулъ (это единственный способъ, которымъ можно туда проникнуть) въ ужасающій, грязный, тусклый проходъ, который былъ рубежомъ моего странствія — въ театральнй дворъ. У меня нѣтъ подъ рукой Питера Куннингама, и я не на столько хорошій антиварій, чтобъ сказать,

когда или гдѣ именно существовалъ театръ въ этихъ печальныхъ мѣстахъ. Теперь здѣсь разыгрывается скорбная драма.

«Мнѣ не трудно было найти пріютъ. Надъ входомъ висѣла лампа съ проволочнымъ колпакомъ, на которомъ намалевано было названіе пріюта. Я прошелъ къ открытой двери, откуда исходилъ потокъ свѣта, и передъ которой обширнымъ полукругомъ расположилась толпа прижавшихся къ землѣ существъ, — мужчинъ, женщинъ и дѣтей, — терпѣливо ожидавшихъ, когда наступитъ ихъ очередь войти. Это именно была дверь въ домъ для бѣдныхъ.

«Нѣтъ надобности объяснять, что цѣль моего посѣщенія была скоро понята начальствующими въ этомъ заведеніи лицами и что мнѣ доставили всѣ возможныя удобства, чтобы видѣть, какъ подается помощь бѣднымъ. Впрочемъ, съ какой-нибудь стороны распорядители общества могли выставить предо мной немногое; у нихъ нѣтъ ни аппаратовъ для приготовления пищи паромъ, ни роскошныхъ ваннъ, ни желѣзной прачешной, ни корридоровъ со сводами, ни осьмиугольныхъ боннатовъ, ярко выбѣленныхъ известкой и ослѣпительно сверлящихъ мѣдными украшениями, — ни изящныхъ велій, снабженныхъ умывальниками и шкафами и различными удобствами новѣйшихъ привилегированныхъ изобрѣтеній. Напротивъ, все было самого простаго и самого суроваго качества; но все, по моему мнѣнію, удивительно соответствовало цѣли, для которой было назначено.

Прежде всего, я вошелъ въ контору, гдѣ стояло нѣсколько огромныхъ корзинъ, наполненныхъ кусками хлѣба, гдѣ за бюро сидѣлъ человѣкъ, записывавшій въ большую книгу лицъ, которыхъ желали быть принятыми; это совершалось по мѣрѣ того, какъ они являлись на его спросъ, останавливаясь въ дверяхъ или у перилъ. Люди эти подходили по одиночкѣ, чередуясь мужчины съ женщинами, по мѣрѣ того, какъ ихъ вызывали изъ полукруга, который былъ на дворѣ. Тутъ былъ и мальчикъ-матросъ въ гернсейскомъ кафтанѣ, и измученный работою земледѣлецъ, и хлѣбный ремесленникъ, и изнуренная оборванная женщина съ вучею дѣтей, и — зрѣлище самое жалкое изъ всѣхъ, — какая-нибудь удрученная горемъ, согнутая въ дугу швея, — еще молодая, но отъ бѣдности такъ постарѣвшая, что на видъ ей лѣтъ сто, — недурная собою, но совершенно изсушенная и невозможная голодомъ. Отвѣты пришельцевъ были почти всѣ одинаковы: они пришли изъ провинцій искать работы, или были уроженцы Лондона и не могли достать работы, или — что союзъ рабочихъ уже былъ половъ и они не могли добиться пріема, или что у нихъ не было денегъ, или имъ нечего было ѣсть, или они не знали — куда идти. Все это говорилось не бѣгло, не умоляющимъ тономъ, безъ всякихъ жалобъ, и лишь съ немногими прибавками противъ моихъ словъ, съ утомленнымъ видомъ, коротко, почти нехотя. Да и что имъ было говорить? Что отъ нихъ было нужно, кромѣ имени, числа, мѣс-

та? Въ ихъ жалбой одеждѣ, въ мертвенныхъ голосахъ, исцѣженныхъ лицахъ заключалось достаточно нѣмого враспорѣчія, чтобъ наполнить пятьсотъ большихъ книгъ, подобныхъ той, которая лежала на конторкѣ. Я не выдаю себя за физиономиста, но думаю, что обладаю достаточнымъ знаніемъ уличнаго міра, и могу различить нищаго по ремеслу отъ голоднаго человѣка; я могу утвердительно сказать, что въ эту ночь чрезъ дверь пріюта не прошелъ на моихъ глазахъ ни одинъ человѣкъ, на лицѣ котораго нельзя бы было прочесть: «оборванный и измученный, забитый до смерти, — совершенно безпомощный, — безпріютный и голодный». Распорядитель записывалъ имя каждаго приходящаго, возрастъ и мѣсто рожденія, также—гдѣ онъ спалъ въ прошлую ночь,—какія были его занятія,—по какой причинѣ онъ пришелъ. Книга для этой цѣли была раздѣлена на столбцы. Я взглянулъ на нее. Въ столбцѣ о причинахъ прихода былъ одинъ неизмѣнный отвѣтъ: безпомощность. Подъ вопросомъ: гдѣ спалъ прошлую ночь? стояли отвѣты: у Сентъ-Люва, въ Уайтъ-Чепелѣ, на улицѣ, въ Степпи, — на улицѣ, на улицѣ, опять и опять на улицѣ, пока, наконецъ, у меня замелькало въ глазахъ это повтореніе. На свѣтѣ есть много луговъ, мы это знаемъ, и въ числѣ пятисотъ несчастныхъ, исцѣвленныхъ здѣсь крова, могъ быть извѣстный процентъ обманщиковъ, — я этого не думаю оспаривать,—могли быть немногіе, собственное дурное поведеніе и неосмотрительность которыхъ довели ихъ до самаго жалваго и затруднительнаго положенія; но я все-таки держусь того мнѣнія, что эта печальная книга содержала въ себѣ въ нѣсколько тысячъ разъ болѣе правды, чѣмъ ея находится въ цѣлой библіотекѣ отчетовъ парламентскихъ комитетовъ.

«Воспользовавшись перерывомъ пріема, я спросилъ — есть ли тутъ ирландцы, когда распорядитель велѣлъ придвернику «вызвать первую женщину изъ толпы». Случилось такъ, что «первая женщина» именно была ирландка. Это была очень маленькая женщина въ самой крошечной шляпкѣ, каковую только я видѣлъ. Шляпка эта была, положительно, не что иное, какъ черная заплата на задней части ея головы, съ обдерганными концами, которые были отчаянно стянуты къ подбородку, обнажая уши сивозъ разодранный тюръ. Платье ея смотрѣло такъ, какъ будто бы какой-нибудь искусный паукъ свилъ эту ткань изъ грязи, или будто бы это былъ равный соръ, кое-какъ сплоченный и заштопанный. Ногъ ея я не видѣлъ, но слышалъ шлепанье на полу при ея движеніяхъ и угадывалъ, какого рода башмаки она должна была носить. Эта маленькая женщина принадлежала къ числу тѣхъ, у которыхъ бывають круглыя, пухленькія розовыя лица, и у нея были черныя какъ агаты глаза; но эти глаза и все лицо—были какъ бы раздавлены и разгромлены нуждой и страданіями. Даже кожа ея висѣла лохмотьями. Вѣдая маленькая женщина постоянно дѣлала гримасы, придавая лицу искусственно-спокойно, выраженіе, которое было бы смѣш-

но, еслибы — въ связи съ тѣмъ, что ее окружало и что на ней было надѣто, въ связи съ ея отважною рѣшимостью не плавать — этотъ видъ не разрывалъ сердце. Да, она была ирландка (она сказала это въ видѣ оправданія), но долгое время жила въ Ливерпулѣ. Мужъ бѣжалъ и оставилъ ее, дѣтей у нея не было. Еслибы были, то она, по ея словамъ, лучше бы переносила такую жизнь. Одну ночь она спала въ «заведеніи» (она нѣсколько гордилась этимъ словомъ и употребляла его довольно часто), но ей стыдно было придти туда опять, и потому она спала потомъ одну ночь въ богадельнѣ и послѣ того три ночи на улицѣ.

Надзиратель ласково сказалъ ей, что она можетъ остаться въ пріютѣ еще на одну или двѣ ночи, но что потомъ всего лучше сдѣлаетъ, если отправится опять въ Ливерпулъ. «Но я, право, не могу идти туда, вскрикнула маленькая женщина: — я никогда не буду въ состояніи туда пойти. О, Господи! О, Боже!» Мужественно-напряженное лицо ея сразу какъ бы надломилось, когда она отошла съ своимъ билетомъ, и я слышалъ изъ коридора ея шлепающіе шаги и смиренныя рыданія. Она не навязывала намъ своей исторіи. Она не выплакивала себѣ сочувствія; она, повидимому, стыдилась своего горя. Хотѣлъ бы я знать, неужели эта женщина была обманщицей?

«Потомъ выступилъ длинный, худощавый человѣкъ, въ черномъ, грязномъ платьѣ; выраженіе его глазъ, казалось, колебалось между такимъ, которое должно быть у несомнѣнно «оборваннаго и утомленнаго», и зловѣщимъ выраженіемъ человѣка «оборваннаго и дошедшаго до отчаянія». Я никогда не забуду его рукъ, скрестивъ которыя онъ стоялъ на порогѣ: это были длинные, чахлае куски костей, обтупенныя кожей. Это были именно такія руки, которыми человѣкъ можетъ сдѣлать самому себѣ или кому-нибудь другому зло, о которомъ послѣ онъ будетъ самъ жалѣть. Я никогда не забуду также того быстрого жгучаго взгляда, которымъ онъ смотрѣлъ, или почти пожиралъ огонь въ каминной рѣшеткѣ. На предлагаемые вопросы, онъ отвѣчалъ какъ бы механически, не глядя на вопрошающаго; все его вниманіе, всѣ желанія, мысли были сосредоточены на пламени въ угольяхъ. Казалось, онъ заранѣе упивался наслажденіемъ тепла; онъ жадно стремился къ нему. Лучше огонь здѣсь, чѣмъ вода холодной мрачной рѣки. Мнѣ стало легче, когда онъ получилъ свой билетъ, и все смотря черезъ плечо на огонь, переваливаясь, отошелъ прочь. Онъ меня пугалъ.

«Смотритель (словоохотливый военный человѣкъ, потерявшій ногу въ войнѣ съ кафрами) сообщилъ мнѣ, что у нихъ установлено, въ видѣ общаго правила, чтобы пріютъ, даваемый обществомъ лондонскимъ жителямъ, ограничивался тремя ночами, а иногороднымъ — семью. Въ особыхъ случаяхъ, однакожъ, дѣлаются исключенія.

«Принимаются всѣ мѣры, чтобы подавать помощь этимъ усталымъ путникамъ, и стараются оказывать имъ возможное снисхожденіе.

деніе и обращаться съ ними такъ хорошо, какъ только позволяетъ справедливость къ другимъ. Каждому принятому дается при входѣ порція — въ 8 унцій хлѣба; другая порція дается при выходѣ, на слѣдующее утро между восемью и девятью часами.

«Затѣмъ, въ сопровожденіи секретаря и смотрителя, я осмотрѣлъ спальни. Сперва мы посѣтили мужскую половину. Пройдя рядъ умывальницъ, гдѣ каждый ночлежникъ долженъ вымыть себѣ лицо, шею и руки (для этой цѣли заготовлена горячая вода), мы поднялись по деревянной лѣстницѣ и вступили въ цѣлый рядъ длинныхъ, высокихъ комнатъ (въ родѣ тѣхъ, какія бывають въ хлѣбныхъ ригахъ), раздѣленныхъ деревянными столбами на отдѣленія. Посрединѣ стояла громадная печь, отгороженная маленькими кольями; и я могъ представить себѣ, какъ у ея заманчиваго, гостепріимнаго огня жадно грѣлись человѣкъ въ черномъ и еще десятка два другихъ бѣдныхъ братьевъ. По одной сторонѣ расположены были длинныя ряды корытообразныхъ, похожихъ на могилы, постелей, каждая для одного ночлежника. Въ первое время существованія общества (оно существуетъ уже болѣе 30-ти лѣтъ) ночлежники спали на соломѣ; но такъ-какъ это во многихъ отношеніяхъ невыгодно отражалось на здоровьѣ и заводило нечистоту, а кромѣ того, представляло опасность отъ огня, то заведены были матрацы, набитые сѣномъ и покрытые непромокаемыми покрывшами, которыя легко моются и провѣтриваются. вмѣсто одѣялъ, въ которыхъ заводятся насѣкомыя и которыя, сверхъ того, менѣе прочны, тамъ приняты широкія покрывала изъ овечьей кожи, теплыя и прочныя. Съ этими предметами, съ порціей хлѣба, съ благотворной теплотой цѣль заведенія достигается. Здѣсь нужно не то, что въ гостиницѣ. Малѣйшая доля роскоши подтвердила бы слова Прагмоса и послужила бы одобреніемъ для людей недостойныхъ, праздныхъ и развратныхъ. Пріютъ не конкурируетъ ни съ какой гостиницей, ни съ воровской кухней, ни съ погребомъ, въ которомъ угрываются бродяги; онъ — мѣсто для удовлетворенія самой крайней жизненной необходимости, самымъ простымъ жизненнымъ требованіямъ. Кровь, постель, тепло, кусокъ хлѣба — вотъ что предлагаютъ здѣсь людямъ, которые буквально ничего не имѣють.

«При свѣтѣ газа, который горитъ всю ночь, я стоялъ, прислонясь къ одному изъ деревянныхъ столбовъ, и смотрѣлъ на эту печальную сцену. Постели быстро наполнялись. Многие изъ утомленныхъ скигальцевъ уже погрузились въ сонъ; другіе, сидя на постеляхъ, чинили свои бѣдныя лохмотья; многіе не спали, но лежали, безмолвно отдыхая. На сколько могъ замѣтить глазъ, рядамъ корытъ соотвѣтствовали груды лохмотьевъ. Нервнымъ движеніемъ я перемѣнилъ свое мѣсто, увидѣвъ, что, куда ни обращусь, все стою подъ взглядомъ безчисленныхъ глазъ — глазъ спокойныхъ, неподвижныхъ, задумчивыхъ, безнадежныхъ.

Кто не испыталъ этого чувства, перехода чрезъ больницю, домъ умалишенныхъ, тюрьму? Вы сознаете, что на васъ обращены угрожающіе, печальныя, упрекающіе глаза. Вы почти чувствуете, что являетесь сюда незванымъ гостемъ. Вы не докторъ, который приходитъ лечить, не священникъ, который утѣшаетъ, не благодѣтельная лѣдя, пришедшая помогать страждущимъ. Какое право имѣете вы тутъ быть, извлекая пользу изъ людскихъ несчастій, заноса вздохи и слезы въ свою записную книжку?

«У огня за конторкой я нашелъ доктора. Его только что призвали для помощи одному заболѣвшему; это случается, впрочемъ, довольно часто. Несчастнаго сейчасъ перенесли со скамьи на постель. Онъ вошелъ, и потомъ вдругъ ему сдѣлалось дурно, онъ заболѣлъ не холерой, не лихорадкой, не разстройствомъ желудка, но болѣзнию, называемою — мой пріятель, Шарплинксъ, этому не повѣрить — «изнеможеніемъ». Онъ просто былъ при смерти отъ изнуренія и истощенія. Онъ опьянѣлъ отъ голода, былъ пресыщенъ стужей, обмеръ отъ усталости. Ему не нужны были ни ампутаціи, ни кровососныя банки, ни хининъ, ни саспарель: онъ просто нуждался въ небольшомъ количествѣ вина и кашн, въ теплѣ, ужинѣ и постели. Стоимость всего этого, вѣроятно, не превышала шести пенсовъ; но интересно то, что по недостатку этихъ шестипенсовыхъ пищи и покоя, на дверяхъ полицейской караульни возможно было на слѣдующее утро появленіе билета, начинающагося словами: «найдено мертвое тѣло».

«Я спросилъ доктора: «Часто ли встрѣчаются подобныя случаи?»

— «Да, отвѣчалъ онъ.

— Всегда ли они имѣютъ роковой исходъ?

— Случается. Не дальше, какъ въ прошлую ночь полицейскій привнесъ человѣка, котораго нашелъ втихомолку оцѣпенѣвшимъ отъ голода за телегой. Пока полицейскій рассказывалъ о его положеніи, онъ внезапно упалъ головой впередъ на полъ — мертвый! Онъ не былъ боленъ, а только умеръ съ голоду.

«Освѣдомляясь, каково вообще ведутъ себя мочелжники, я узналъ, что хорошее поведеніе составляетъ правило, а беспорядочныя поступки или строптивость — исключеніе.

— Еслибы вы были здѣсь въ восемь часовъ, сэръ, сказалъ смотритель (теперь было половина восьмаго): — вы не услышали бы ни звука. Бѣдныя созданія! они слишкомъ утомлены, чтобы поднимать шумъ. Мальчики, конечно, немного поболтаютъ между собою; но они легко усновываются. Какъ только у насъ появится безпорядочная личность, мы ее выпроваживаемъ, и тѣмъ дѣло кончается».

«Мнѣ говорили, кромѣ того, что кроткимъ обхожденіемъ можно было почти все сдѣлать съ этой пестрой колоніею, и что всѣ они выражали и, повидимому, чувствовали искреннюю благодарность за оказываемую имъ помощь. Смотритель сказалъ, что между ночными товарищами рѣдко заводится дружба. Они приходятъ,

ѣдить, согрѣваются и уходятъ утромъ каждый своей дорогой — поодиночкѣ. Горе ихъ слишкомъ велико для товарищества.

«Что же касается до мальчиковъ, то эта молодежь отсылалась въ отдѣльную колонію «корить», куда они нырли и тамъ валились съ обычной манерою городскихъ бедуновъ. Я узналъ, что «заведеніе» (употребляя это простое выраженіе) относится къ мальчикамъ нѣсколько недозвѣрчиво. Они часто бываютъ безпкойны, и потому когда есть возможность, ихъ отсылаютъ въ спальни «школь для лохмотниковъ», въ которыхъ, по словамъ моего проводника, ихъ заставляютъ прежде учиться, а потомъ уже кладутъ спать, что имъ очень не нравится. Бываетъ еще и такъ, что иные родители, желая избавиться отъ хлопотъ доставленія своимъ дѣтямъ ужина и постели, посылаютъ одного или нѣсколькихъ изъ нихъ въ пріютъ; тамъ, гдѣ свободное мѣсто имѣетъ такую высокую цѣну, понятно, что неправильное введеніе хотя бы одного лишняго лица должно тщательно устраняться.

«Пріютъ отрывается послѣ пяти часовъ вечера, и швейцаръ находится на своемъ мѣстѣ всю ночь для посѣтителей, требующихъ безотлагательнаго приѣма. Огонь въ печкѣ и газъ также не потушаютъ цѣлую ночь, и смотритель со смотрительницей сидятъ тутъ, на случай какой-нибудь надобности. Пришедшіе въ пріютъ на ночлегъ въ субботу пользуются правомъ оставаться тамъ въ теченіе цѣлаго воскресенья. Имъ дается лишняя порція хлѣба съ тремя унціями сыру; утромъ и послѣ полудня совершается божественная служба. Въ Лондонѣ существуетъ много праздничныхъ дней покоя или такъ-называемыхъ субботъ: суббота укуса, суббота бархата и атласа, суббота расваленной кочерги, суббота экипажей, мрачно-лѣнливая суббота, суббота трубокъ и горшковъ; но я сомнѣваюсь, чтобъ которая нибудь изъ нихъ могла сравниться съ днемъ покоя, проводимымъ въ этомъ жалкомъ «театральномъ дворѣ», съ истинной субботой покоя, мира и милосердія.

«Послѣ этого мы пошли на женскую половину. Расположеніе точно такое, какъ и на мужской половинѣ, съ томъ разницею, что одна комната назначена для женщинъ съ семействами; тамъ перегородки между кроватями сняты, чтобъ дѣти могли спать вмѣстѣ со своими матерями. Мы прошли между рядами постелей, замѣтивъ и здѣсь почти неизмѣнно такое же угрюмое, утомленное, бдѣтельное молчаніе, хотя, какъ мнѣ говорили, невынужденное. Единственное запрещеніе, это запрещеніе курить. Повременамъ, какая нибудь худощавая дѣвушка, распустивъ свои черные волосы, приподнималась на постели и смотрѣла на насъ; гдѣ нибудь, оборванная фигура изъ числа тѣхъ, которыя сидѣли въ ожиданіи, когда комната внизу освободится для ихъ пріятія, поднималась со скамейки и отпускала намъ поклонъ, но общая тишина была глубокая и неизмѣнная. Тутъ же хлопотала безъ шуму приличная женщина со своей помощницей, которая смот-

рѣла странно среди всѣхъ этихъ лохмотьевъ; это была хорошенькая дѣвушка въ локонахъ и въ лентахъ. Каждый забылъ бы здѣсь, что подобное существо возможно. Я заговорилъ съ нѣкоторыми изъ женщинъ, сидѣвшихъ на скамейкахъ. Это все была та же старая исторія. Работа иглой за ничтожную цѣну, невозможность заплатить два пени за квартиру, друзей никого, полная беспомощность; или это, или смерть.

«Было нѣсколько (и число ихъ, какъ я слышалъ, постоянно увеличивается) женъ миліціонныхъ солдатъ, или людей изъ сухопутнаго перевозочнаго и армейскаго рабочаго корпусовъ. Мужья были отправлены на войну, жены не имѣли никакого права обратиться въ постоянное «общество для помощи воинскимъ чинамъ», не получали никакой части изъ жалованья своихъ мужей, оставались безъ пріюта и голодали.

«Я остановился и долго смотрѣлъ на комнату, гдѣ были женщины и дѣти. Они улеглись, несчастные, беспорядочно: одинъ прикорнулъ головою у ногъ другаго, поперегъ постели, какъ попало, чтобы было теплѣе; всѣ лежали свернувшись, скорчившись подъ покрывалами, по временамъ тихо плакали. При видѣ этого торжественнаго, безмолвнаго, ужаснаго зрѣлища, вы содрогаетесь. Задайте себѣ вопросъ — по какому праву вы согрѣты, счастливы, сыты, хорошо одѣты, а эти несчастныя созданія, ваши братья и сестры, не имѣютъ лучшей пищи и лучшаго жилища, кромѣ этого? Еслибы не мраморный полъ и не чаны съ водой, то это мѣсто могло бы быть конурой для собакъ; еслибы не лохмотья и не этотъ рядъ глазъ, то можно бы было подумать, что тутъ помѣщается овчарья барановъ со Смитфилдскаго рынка.

«Навонецъ, я сошелъ съ лѣстницы; больше нечего было смотрѣть. Изъ дальнѣйшаго разговора съ секретаремъ я узналъ, что среднее число людей, неимѣющихъ пристанища, которые принимаются здѣсь на ночь, составляетъ 550, но что помѣщеніе рассчитано на 600. Взглянувъ на балансъ расходовъ общества, я нашелъ, что итогъ издержекъ на пріютъ (кромѣ уплаты ренты) менѣе тысячи фунтовъ. Тысяча фунтовъ! мы сжигаемъ ихъ на порохъ; мы тратимъ ихъ на дурачкіе колпаки дипломатинъ; мы даемъ ихъ каждый мѣсяцъ достопочтеннымъ джентльменамъ за то, что они ничего не дѣлаютъ или портятъ дѣло, которое люди дѣльные исполнили бы лучше. Тысяча фунтовъ! Ее недостаточно на жалованье помощнику какого-нибудь военнаго начальника; ее едва достаточно для пенсін помощнику протонотаріуса. Тысяча фунтовъ! Должностное лицо отнеслось бы къ нимъ съ пренебреженіемъ, еслибы ему предложили эту сумму въ видѣ вознагражденія за потерю должности. Тысяча фунтовъ! Цифра эта раздавалась у меня въ ухахъ, когда я шелъ обратно чрезъ Смитфилдъ. По крайней-мѣрѣ, общество покровительства безпріютныхъ, за свои десять сотенъ фунтовъ, спасетъ въ годъ нѣсколько тысячъ человѣческихъ живней.

«Я остаюсь при томъ убѣжденіи, что мужчины и женщины умн-

рають ночью въ нашихъ поволоченнихъ улицахъ *потому, что у нихъ есть кусокъ хлѣба, вѣтъ врова, куда бы они могли преклонить свои жалкія головы.* Фактъ, хотя и оставляемый безъ вниманія людьми, наглядно показываетъ, что въ обществѣ, гдѣ подобныя явленія возможны, существуютъ элементы совершенно негодные и гнѣздится гниль и порча».

Окончивъ этотъ рассказъ, разумѣется, каждый, прежде всего, принесетъ должную дань уваженія и благодарности челоуѣколюбивымъ учредителямъ этого благодѣтельнаго общества и пожелаетъ основанія подобныхъ заведеній и во всѣхъ другихъ столицахъ, но вслѣдъ затѣмъ во всякой свѣтлой головѣ должны родиться крайне безотрадныя мысли и, соглашаясь вполне съ жослѣдними словами разсказа г. Сая, каждый неизбежно выведетъ заключеніе, что общественная «гниль и порча» не излечиваются даже и самымъ высокимъ милосердіемъ.

ПЕТЕРБУРГСКІЕ ТЕАТРЫ.

И.

Первымъ идетъ — мѣна вудеть. Комедія въ пяти дѣйствіяхъ. И. В. Самарина.

Въ прошлый театральный сезонъ мы имѣли драму г. Стебницаго, комедію г. Чернявскаго и, наконецъ, комедію г-жи Себиновой «Демократическій подвигъ» — три произведенія, въ которыхъ вполне выразили нашъ положительный нигилизмъ, тотъ нигилизмъ, который учить мыслить затылкомъ и кричать: «пожаръ!» при малѣйшемъ сознательномъ движеніи жизни впередъ. О первыхъ двухъ пьесахъ мы уже отдали отчетъ въ нашемъ журналѣ; что же касается до третьей, то она свидѣтельствуетъ только о томъ, къ какимъ тенденціозно-наругательнымъ подвигамъ можетъ быть способна мысль, доведенная до совершенной неурядицы, и споспѣшествуемая при этомъ крайнимъ недостаткомъ самыхъ простыхъ свѣдѣній о свойствахъ челоуѣческаго разума и совершеннымъ отсутствіемъ таланта. Болѣе говорить объ этой пьесѣ не стоитъ.

Нынѣшній театральный сезонъ начинается, повидимому, подѣ предзнаменованіями болѣе примирительными. Разумѣется, мы отсюда не можемъ считать публику на столько обезпеченною, чтобы до масляницы ее опять не ушибли какимъ-нибудь новшмъ «Гражданскимъ бракомъ», но, по крайней мѣрѣ, дѣло идетъ довольно благополучно. Въ сосѣдствѣ съ «Прекрасною Еленой» (это ли не примирительная пьеса, на которой, повидимому, должны собраться всѣ партіи, какъ литературныя, такъ и политическія!) театръ даритъ намъ новую комедію г. Самарина, названіе кото-

рой значится выше. Предоставляя специалистамъ отчитываться передъ публикой о достоинствахъ «Прекрасной Елены», мы считаемъ излишнимъ, для начала нашихъ бесѣдъ о петербургскихъ театрахъ, сказать нѣсколько словъ о произведеніи г. Самарина.

Комедія «Перемелется—муза будетъ» не безъ претензій. Она жаждетъ что-то выразить, что-то оправдать, кому-то оказать услугу; она видимо не хочетъ, чтобъ ее причислили къ разряду тѣхъ произведеній, къ которымъ принадлежитъ, напримѣръ, «Демократическій подвигъ», и которыя въ умахъ благонамѣренныхъ петербургскихъ столенаачальниковъ посѣваютъ сѣмя сомнѣнія насчетъ будущаго Россіи, якобы окваченной пожаромъ отрицанія. Она даже сама нѣчто отрицаетъ, разумѣется, отрицаетъ съ булавочную головку, т.-е. на столько, на сколько капелъдинеры Александринскаго театра могутъ вмѣстить вещь столь ужасную, какъ отрицаніе.

Въ сущности, пьесѣ г. Самарина было бы всего приличнѣе именоваться такъ: «Дѣтскія мысли, или чего хочу — не знаю, о чемъ тужу — не понимаю». Какъ ни скромно такое названіе, но, во всякомъ случаѣ, оно выражаетъ основную мысль пьесы гораздо полнѣе и точнѣе, нежели заглавіе «Перемелется — муза будетъ», которое не только ничего существеннаго не выражаетъ, но даже оставляетъ зрителя въ недоумѣніи: гдѣ же тутъ муза? и какого она сорта?

Чтобы сдѣлать нашу мысль болѣе ясною, расскажемъ прежде всего содержаніе пьесы.

Сцена отирывается тѣмъ, что нѣкто Рѣшетовъ (г. Бурдинъ) рассказываетъ своему другу Егорову (г. Малышевъ), какъ онъ, бывши нѣкогда крѣпостнымъ крестьяниномъ графовъ Шитвинскихъ, и замѣтивъ въ своемъ сынѣ, Ганѣ, особенную остроту ума, пробовалъ откупиться на волю, какъ Шитвинскій притѣснилъ его слишкомъ несоразмѣрнымъ запросомъ цѣны крови, и какъ, наконецъ, Положеніе 19-го февраля 1861 года разрѣшило этотъ узелъ, освободивши Рѣшетовыхъ вмѣстѣ съ прочими, помимо согласія гг. Шитвинскихъ. Изъ разговоровъ этихъ ми узнаемъ, между прочимъ, что Ганя Рѣшетовъ — малый самый отличный, скромный, съ дамами вѣжливъ, съ старшими почтителенъ, съ сверстниками обходителенъ, на лекціяхъ исправенъ, г-жѣ Онордѣ въ «Жизни за царя» не аплодировалъ, а потому и мировымъ судьей Пероновымъ ни въ какому наказанію приговоренъ не былъ, и, въ довершеніе всего, до такой степени влюбленъ въ своихъ преподавателей, что даже получилъ за это степенъ кандидата московскаго университета. Покуда притѣли переливаютъ такимъ образомъ изъ пустаго въ порожнее, приходитъ самъ молодой Рѣшетовъ (г. Нильскій), въ сопровожденіи четверыхъ студентовъ и бутылки шампанскаго...

Шампанское — это какой-то неотразимый атрибутъ г. Нильскаго; оно преслѣдуетъ его, какъ преслѣдовала нѣкогда Эльвира

Донъ-Жуана. Это, впрочемъ, объясняется отчасти складомъ новѣйшей русской жизни, въ которой ни одного великодушнаго или даже просто благонамѣреннаго начинанія не предпринимается безъ шампанскаго. А такъ-какъ благонамѣренныхъ начинаній пропасть, и во всёхъ неизмѣнно участвуетъ г. Нильскій, то и шампанскаго выпивается тоже пропасть, и во всякой выпивкѣ главнымъ участникомъ и даже иниціаторомъ является тотъ же г. Нильскій. Это сдѣлалось почти народною чертою нашихъ драматическихъ пьесъ, все равно, какъ оплеуха является главнымъ лѣстящимъ народности двигателемъ пьесъ французскаго репертуара. Зайдите въ Михайловскій театръ, и вы заранее можете быть обезпечены, что если въ спектаклѣ участвуетъ г. Жаненъ или г. Дьбдоннѣ (а они рѣдко въ какой пьесѣ не принимаютъ участія), то кто-нибудь изъ нихъ непремѣнно получитъ нѣсколько пощечинъ. Это явленіе до такой степени спеціализировалось на обѣихъ сценахъ, что установившаяся общепринятая номенклатура драматическихъ амалудъ становится тѣсною, именно, къ прежнимъ разновидностямъ «первыхъ любовниковъ» требуется прибавить двѣ новыхъ: перваго любовника съ шампанскимъ, и перваго любовника съ пощечинами. Но будемъ продолжать наше изложеніе.

Подаютъ шампанское; молодой Рѣшетовъ объявляетъ, что его посылаютъ на казенный счетъ за границу для усовершенствованія въ любви къ наукѣ, а покамѣстъ онъ отправляется на лѣто въ деревню къ графу Борису Федоровичу Шитвинскому, который приглашаетъ его, чтобы давать уроки маленькому своему сыну, Северу. Провозглашаются тосты, отъ которыхъ, какъ и слѣдуетъ ожидать, всего больше достается нашей alma mater — московскому университету. Вѣдная alma mater! Какимъ неистовымъ ласкамъ, какимъ привадамъ снотворной нѣжности не подвергалась ты со стороны твоихъ благодарныхъ питомцевъ! О, еслибъ отъ нихъ зависѣло! они, конечно, истрепали бы тебя такъ, что и слѣда не оставили бы твоей первоначальной, исторической красоты. Но въ книгахъ написано: не до конца заключивши—и вотъ ты цвѣтешь по прежнему, несмотря на утраты, понесенныя тобой въ лицѣ гг. Чичерина, Дмитриева и чуть-чуть не Соловьева... Провозгласивши тосты, господа студенты ватагиваютъ: Gaudeamus igitur, чѣмъ и доказываютъ, что гг. капельдинеры Александринскаго театра въ вопросѣ объ образованіи придерживаются преданій классицизма.

Второе дѣйствіе приводитъ насъ въ деревню графа Шитвинскаго (г. Самойловъ). Какъ это заведено уже издревле, у графа, кромѣ сына, есть еще дочь (г-жа Струйская 1-я). Графъ—человѣкъ либеральный, но намятущій, что въ Петербургѣ выдается газета «Вѣсть», которая вообще всѣхъ графовъ снабжаетъ готовыми либеральными афоризмами. Онъ, повидимому, всему сочувствуетъ, даже акцизно-соціально-демократическому либеральному чиновниковъ министерства финансовъ; но строго блюдетъ

чистоту своей графской крови, предполагая, навѣрно, что у графовъ она какая нибудь особенная, и что хотя обновленіе ея, въ крайнемъ случаѣ, и можетъ быть допущено, но только петионьку и не иначе, какъ при содѣйствіи другихъ, болѣе цивилизованныхъ національностей, безъ всякой примѣси апризнаго демократизма. Къ сожалѣнію, онъ не внушилъ этихъ убѣжденій дочери, которая, благодаря такому непростительному пробѣлу въ воспитаніи, пошла такъ далеко по пути либерализма, что чуть-было не зашла въ самую трущобу.

Зміемъ-искусителемъ является молодой Рѣшетовъ, который какъ будто нарочно и поѣзду свою за границу отложилъ съ этою цѣлью. Своими разговорами о пользѣ наукъ и о преимуществѣ прилежанія надъ лѣнностью онъ до того отуманилъ голову графини Софьи Борисовны, что не далъ г. Самарину даже времени подготовить зрителя къ драматической катастрофѣ. Второе дѣйствіе уже застаётъ нашихъ влюбленныхъ влюбленными, каковая похвальная ихъ влюбленность проходить и черезъ все третье дѣйствіе. Разговариваютъ они и дома, и ночью въ саду, при свѣтѣ луны. Она рассказываетъ ему, что онъ для нея все, что чрезъ него она увидѣла свѣтъ; но онъ останавливаетъ и охлаждаетъ ея порывы. Онъ говоритъ, что ему надо еще учиться, что онъ изъ вольноотпущенныхъ, что графъ никогда не согласится и т. д. Но она такъ твердо надѣется на либерализмъ своего папаша (очевидно, онъ упитывался «Вѣстью» тайкомъ отъ домашнихъ), что боится только, чтобъ онъ-то, Ганя Рѣшетовъ, какъ нибудь не отказался и согласился быть ея мужемъ; при чемъ присовокупляетъ, что и ей не вѣкъ же печатные приятели вѣсть, а надо учиться, учиться, учиться... «Ганя!» «Сони!» восклицаютъ эти любовники науки, и ужъ целуются же они... Воже мой! какъ целуются, повторяя свои клятвы быть вѣрными наукѣ! Тоска по наукѣ такъ и охватываетъ зрителями-столоначальниками при видѣ этихъ надрывающихъ душу сценъ, сопровождаемыхъ подалуями. «Господи! да вѣдь никакъ и мы ничему не учились?» восклицаютъ они мысленно, и даютъ себѣ клятву на другой же день купить въ гостиномъ дворѣ книжку. Но въ гостиномъ дворѣ, вмѣсто книжки, заворачиваютъ имъ «Вродяція саян» г. Авенаріуса; происходитъ печальное *qui pro quo*. Столоначальники опять идутъ въ Александринскій театръ, и опять не могутъ понять, по какой же книжкѣ публично изнываютъ въ стѣнахъ его.

Нѣтъ вичего пагубнѣе подобныхъ недоумѣній, особливо ежели они посѣваются въ ночное время и при свѣтѣ луны. Какъ разъ примешь одну книжку за другую, и, прочитавши «Жертву вечернюю» г. Воборыгина, получишь фальшивое убѣжденіе, что ознакомился съ «Новѣйшими основаніями науки психологій» и, чего добраго, пожалуй, сочтешь себя образованнѣйшимъ молодымъ человекомъ.

Но для чего же, спроситъ читатель, эти разговоры объ наукѣ

въ саду, ночью и при лунѣ, тогда какъ, принимая въ расчетъ завѣдомый либерализмъ графа, ихъ можно вести на свободѣ дома и днемъ? Читатель! хотя мы и не можемъ разрѣшить этотъ вопросъ, но думаемъ, это не болѣе, какъ драматическій приемъ, или, лучше сказать, авторская хитрость, пущенная въ ходъ для того, чтобы меса не могла растаяться до безконечности. Дѣло въ томъ, что нигдѣ такъ не удобно камердинеру Николаю застать воркующую пару, какъ въ саду, гдѣ онъ тоже прохаживается ночью по своимъ дѣламъ; Николай же питаетъ къ Рѣшетову непримиримую злобу за то, что барышня-графиня слишкомъ неключительно съ нимъ занялась и вслѣдствіе того Рѣшетовъ возгордился. Разумѣется, Рѣшетовъ возгордился совсѣмъ не этимъ, а тѣмъ, что онъ выучилъ книжку; но Николай этого не понимаетъ (можетъ быть, и онъ съ своей стороны считаетъ себя въ правѣ гордиться тѣмъ, что прочиталъ «Вонительницу» г. Стебницаго), и доноситъ о своемъ открытіи графу. Графъ

... далъ ему злата и презрѣлъ его,

или попросту выгналъ, а змию-Рѣшетову отказалъ отъ должности, т.-е. тоже выгналъ, и тоже далъ на дорогу злата.

Но Соничка очень хорошо помнить, что папѣ ея либераль, и въ ту минуту, когда уже подаются лошади, чтобы увлечь Рѣшетова въ Москву (Николай отправленъ просто на подвождѣ, а можетъ быть даже и пѣшкомъ), она вбѣгаетъ и требуетъ объясненія. Открывается тайна несчастной любви, провозглашаются устами графа дѣлныя тирады изъ «Вѣсти», начинаются сгоны — слабое предвкусіе тѣхъ стонѣвъ, которые ожидаютъ зрителя въ четвертомъ актѣ!

Четвертый актъ — это та темная область стонѣвъ, въ сравненіи съ которыми ничтоженъ даже могущественный стонъ, который производятъ колеблющіяся тѣни въ глумовскомъ «Орфеѣ». Трудно себѣ представить, чѣмъ можетъ сдѣлаться стонъ, когда производство его поручено театральнымъ начальствомъ г-жѣ Струйской 1-й. Это что-то такое ужасное, передъ чѣмъ, ми увѣрены, не могла бы устоять даже самая непоколебимая административная твердость. Застоны такимъ образомъ недомыслие-крестьянинъ — можно сказать навѣрное, что исправникъ простить его! Г-жа Струйская стонетъ впродолженіе получаса безъ отдыха, какъ будто бы угрожая зрителю: «погоди! вотъ въ пятomъ актѣ застонетъ г. Нильскій — тогда-то ты восчувствуешь!» Этотъ систематическій, преднамѣренный стонъ изрѣдка перемежается непреклонностью стараго графа, который, попрежнему, остается вѣрнѣе афоризмамъ «Вѣсти». На помощь графу является сестра его, генеральша Каратаева, и тоже убѣждаетъ Софію Борисовну, что ежели что сказано въ «Вѣсти», — такъ тому и быть. Но тщетно все. Г-жа Струйская продолжаетъ стонать, и, наконецъ, захлебнувшись стономъ, падаетъ на сценѣ мертвая.

Мы слѣдили за лицами собравшихся вкупѣ столоначальниковъ,

и ясно видѣли въ нихъ недоумѣніе. «Ужели, думалось имъ, страсть къ наукѣ можетъ довести до такихъ пароксизмовъ? ужъ не бросить ли намъ?» Съ другой стороны, можетъ быть, имъ думалось и то: изъ-за чего эта глупенькая дѣвочка стонеть, когда ей стоило бы только бросить своего тупоумнаго отца, чтобы жить да поживать съ своимъ милымъ Ганичкой да дѣтей наживать? Увы! они не знаютъ, эти неопытные администраторы, коррозивной силы афоризмовъ «Вѣсти»! Они не понимаютъ, что эти афоризмы всасываются въ кровь человѣка и окрашиваютъ ее особенною краскою, даже до третьяго колѣна! Мы, съ своей стороны, немало не удивились ни неистощимой непреклонности графа, ни неистощимой стонательной способности его дочери. Мы тѣмъ болѣе не удивились этому, что знали навѣрное, что г. Самаринъ все это съ тѣмъ и представилъ, чтобы ничему не вѣрили, и что ни подобныя графиня, ни подобныя графовъ на свѣтѣ не существуетъ.

Многихъ изъ зрителей приводило въ недоумѣніе: что сдѣлалось съ графомъ послѣ такихъ потрясеній? Убѣдился ли онъ въ несостоятельности афоризмовъ «Вѣсти» и сталъ подписываться на «Московскія Вѣдомости»? Или онъ подкрѣпилъ себя еще афоризмами «Новаго Времени» и продолжаетъ пропагандировать ученіе о чистотѣ крови? Не онъ ли, прикрившись именемъ г. Скарятина, отправлялся съ тоски на торжество открытія орловско-витебской желѣзной дороги? раздавалось по театру; не его ли такъ утонченно-язвительно отдѣлывъ наши либеральные и любезно-вѣрные смоленскіе сѣятели и дѣятели? Но г. Самаринъ оставилъ этотъ вопросъ безъ отвѣта и, вмѣсто того, чтобы разрѣшить его, предпочелъ произвести въ пятомъ актѣ новый стонъ, горше перваго.

Пятый актъ составляетъ совершенно лишній придатокъ къ пьесѣ, и г. Самаринъ, безъ ущерба для своего произведенія могъ бы совсѣмъ уничтожить его. Впрочемъ, онъ могъ бы столь же легко остановиться и на третьемъ актѣ, потому что и тогда уже исходъ драмы ни для кого не подлежалъ сомнѣнію. Но авторъ, какъ видно, человѣкъ солидный и аккуратный: онъ хотѣлъ показать зрителю, что случилось съ его героемъ, Рѣшетовымъ-сыномъ, и какъ онъ перенесъ потерю Сонички, то-есть палъ ли или воспрянулъ. Но съ другой стороны, зачѣмъ же онъ не объяснился съ зрителями насчетъ судьбы стараго графа? Зачѣмъ онъ не показалъ намъ, пересталъ ли пить Егоровъ, какъ живетъ, да поживаетъ Рѣшетовъ-отецъ, и получилъ ли мѣсто и за какое жалованье камердинеръ Николай? Все это такіе промахи, которыхъ онъ, конечно, постарается на будущее время избѣжать, сочинивъ такую комедію, которую мы будемъ смотрѣть три дня и три ночи, но въ которой за то уже ничто не останется необъясненнымъ.

Пятый актъ начинается, подобно первому акту, разговоромъ Рѣшетова-отца съ Егоровымъ, который является на сцену по-

рабочно ужъ выпивши. Рѣшетовъ разскалываетъ, что сынъ его совсѣмъ испортился: не пьетъ, не ѣстъ, не умывается, а только все толстѣетъ. Слѣдуютъ разсужденія, въ родѣ того: каково-то родительскому сердцу! и за что онъ себя губитъ! и какъ это все приключилось! и т. д. Разсужденія эти позволяютъ безобидно протянуть время, покуда Рѣшетовъ-сынъ не сдѣлается снова дѣйствующимъ лицомъ. Но вотъ и онъ. Лицо его распухло и въ патнахъ (очевидно, онъ не умывается съ тѣхъ поръ, какъ его примчали изъ деревни графа Шатвинскаго), зубы не вычищены, ногти отросли и въ беспорядкѣ; однимъ словомъ, все такъ и говорить въ немъ: вотъ истинная горестъ! вотъ какъ надо оплачивать потери сердца! Начинается стонъ, но, къ удивленію зрителя, Рѣшетовъ-сынъ не только не ослабѣваетъ въ этой тяжелой работѣ, подобно Соничкѣ, но какъ будто бы почерпаетъ въ ней новыя силы. Долгое время Егоровъ уговариваетъ его безъ всякой пользы; долгое время коснѣющимъ отъ вина языкомъ онъ довазываетъ, что первое достоинство мужчины есть быстрота и натискъ, что не доучивши книжку, онъ тѣмъ самымъ нагло обманываетъ довѣріе начальства, что у него есть отецъ, о которомъ онъ не долженъ забывать, что онъ, наконецъ, не имѣетъ права бросить науку, ибо за что же она-то будутъ страдать, и т. п. Увы! доброе сѣмя не вдругъ принимается въ этой благодарной почвѣ, и Рѣшетовъ-сынъ продолжаетъ стонать, переходя отъ рыданій къ вздохамъ...

Но вотъ онъ задумывается; зрители ожидаютъ, что онъ чихнетъ. На чуть не бывало. Онъ вздрагиваетъ, онъ проводитъ рукой по волосамъ, онъ подходитъ къ шкафу съ книгами и беретъ одну изъ нихъ. Конечно! спасительный кризисъ совершился! Изъ стона рыдательнаго, г. Нильскій дѣлаетъ быстрый переходъ въ стонъ ликующій, и удивляетъ зрителей разнообразіемъ своихъ дарованій. Онъ машетъ книжкою (мы очень хорошо помнимъ, она была въ синей бумажной оберткѣ), и объявляетъ, что отнынѣ его любовницей будетъ одна наука. Учиться!... кто не учился... о, еслибы всѣ учились... все зло отъ того, что мы не учились — вотъ слова, которыя такъ и сыплются градомъ изъ устъ его на зрителей. «Засядемъ въ ночную!» возглашаетъ онъ въ заключеніе, и только быстрое паденіе зававѣса препятствуетъ намъ видѣть, что шампанское уже готово, и что любовникъ науки приступаетъ къ занятіямъ на первый разъ тѣмъ, что съ гитарой въ рукахъ дирижируетъ: «Gaudemus igitur».

Пьеса кончилась, и дѣль пятаго акта объяснилась. Онъ лишній — въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія; но въ то же время онъ главный, а лишними скорѣе должны быть названы остальные четыре акта — и въ этомъ тоже не можетъ быть сомнѣнія. Бываютъ такія пикантныя положенія въ драматической литературѣ, когда не знаешь сказать навѣрное, что именно лишнее: хорошо бы и такой-то актъ выкинуть, да и такой-то, пожалуй, не дурно... а не вычеркнуть ли всю пьесу? Ги... жалко! но

съ другой стороны, что же дѣлать, мой другъ? Мы, конечно, не принадлежимъ къ числу тѣхъ лицъ, которыя охотно подали бы г. Самарину совѣтъ снять его нѣсу съ репертуара, но не принадлежимъ единственно потому, что для насъ рѣшительно все равно, будетъ ли на сценѣ Александринскаго театра одной плохой пьесой болѣе или менѣе.

Таково содержаніе драматическаго опыта г. Самарина. Не имѣвъ подъ рукой подлиннаго текста пьесы, мы, конечно, не можемъ представить читателю выдержекъ изъ нея, но во всякомъ случаѣ, ручаемся, что внутренній смыслъ комедіи переданъ нами вполне согласно съ истиной. Теперь обратимся опять къ тому, съ чего мы начали наше обзорнiе.

Мы свазали выше, что комедія г. Самарина всего ближе было бы присвоить заглавіе: «Дѣтскія мысли, или чего хочу — не знаю, о чемъ тужу — не понимаю». Постараемся, по мѣрѣ силъ нашихъ, объяснить причины, побудившія насъ высказать такое мнѣніе.

Что такое дѣтскія мысли? Это суть такія мысли, которыя, получивъ право гражданственности, за нѣсколько тысячелѣтій до Рождества Христова, постепенно изъемяются изъ всеобщаго обращенія, или какъ ненужныя, или какъ слишкомъ общезвѣстныя, но въ то же время продолжаютъ волновать нѣкоторые умы, недостаточно знакомые ни съ исторіей развитія человѣческой мысли, ни съ тою суммою истинъ, которая въ данный моментъ составляетъ ея достоиніе. Вслушайтесь въ дѣтскій лепетъ, и вы навѣрное узнаете изъ него множество такихъ истинъ, которыя вамъ не только давно извѣстны, но съ которыми вы отчасти даже ужъ порѣшили, какъ съ непригодными, или ижѣющими слишкомъ слабое значеніе, чтобы съ ними нанѣчиться. Эти истины, конечно, могутъ быть до извѣстной степени интересными, если онѣ составляютъ плодъ самостоятельной умственной работы ребенка; но ежели этотъ ребенокъ вамъ почему-нибудь дорогъ, то вы, погладивъ его по головкѣ за остроту ума, все-таки поспѣшите объяснить, что есть истины гораздо болѣе полезныя и плодотворныя, нежели тѣ, до которыхъ онъ дошелъ при помощи собственныхъ усилій. Такъ, напримѣръ, ежели вы увидите, что ребенокъ, убѣдившись въ пользѣ таблички умноженія, будетъ ломать свою голову надъ ея изобрѣтеніемъ, то, навѣрное, не будете столь жестоки, чтобы скрыть отъ него, что эта табличка уже изобрѣтена. Точно такое явленіе очень часто встрѣчается и въ людяхъ взрослыхъ, съ тою только разницею, что малы дѣти ищутъ пищи для своей наивной изобрѣтательности въ области міра реальнаго, а дѣти взрослые — въ области міра нравственнаго. Такъ-называемыя общія мѣста, ничто неопредѣляющія, незавлючающія въ себѣ никакого дѣйствительнаго содержанія, становятся въ этихъ случаяхъ такимъ неистощимымъ источникомъ изобрѣтательныхъ наслажденій, въ чадѣ которыхъ всякое, даже ничего незначащее слово уже кажется чѣмъ-то плодотворнымъ, проливающимъ новый и яркій свѣтъ на жизнен-

ныя отношенія. Человѣкъ, произносящій, въ сущности, лишь бессодержательные звуки, мнитъ себя новаторомъ, потому только, что никто не даѣтъ себѣ труда объяснить ему, что нѣтъ надобности беспокоиться объ изобрѣтеніи таблички умноженія, какъ скоро она уже изобрѣтена.

Къ числу подобныхъ, давно открытыхъ и отчасти уже упраздненныхъ истинъ принадлежитъ большая часть изреченій, такъ называемой, народной мудрости. Ежели бы кто задумалъ написать трагедію на тему: «праздность есть порокъ», то его трудъ, навѣрное, послужилъ бы только нагляднымъ доказательствомъ этой истины. То же самое должно сказать и объ истинѣ: «ученье — свѣтъ, а неученье — тьма», которую проводитъ г. Самаринъ въ своей комедіи. Нѣтъ спора, это истина очень почетная, но слишкомъ ошибется тотъ, кто вздумаетъ заявить претензію, что онъ первый додумался до нея. Онъ не получитъ привилегіи на ея пропаганду уже по тому одному, что мысль эта давнымъ-давно свила себѣ гнѣздо въ сердцѣ каждаго извошца.

Вотъ почему мы, кажется, были правы, предложивши назвать основную мысль комедіи г. Самарина мыслью дѣтскою.

Но сверхъ того, эта мысль поражаетъ насъ и своею чрезвычайною неопредѣленностью. Конечно, ученье — свѣтъ, а неученье — тьма, но исторія человѣческихъ обществъ была свидѣтельницаю ученій столь разнообразныхъ и достигавшихъ столь различныхъ цѣлей, что любопытство относительно дѣйствительнаго значенія, которое скрывается въ этомъ словѣ, дѣлается не только позволительнымъ, но и необходимымъ. Конечно, очень пріятно было слышать изъ устъ г. Самарина проповѣдь о необходимости ученья; но было бы еще пріятнѣе, еслибы г. Нильскій объявилъ публикѣ, по крайней-мѣрѣ, заглавіе той книжки, которою онъ такъ усердно махалъ передъ ея глазами. А ну, если и въ самомъ дѣлѣ, это не нная какая книжка, какъ вторая часть «Жертвы Вечерней» г. Боборыкина? Какъ поступить, куда дѣваться съ подобнымъ ученіемъ?

Предположимъ, однако, что авторъ хотѣлъ въ этомъ случаѣ предоставить зрителю свободу выбора. Тѣмъ не менѣе, и за это его похвалить нельзя. Очевидно, онъ забылъ, что такъ-называемыя «излишества свободы», вредны вообще, нигдѣ не приводятъ къ такимъ печальнымъ результатамъ, какъ въ дѣлѣ выбора руководящихъ книжекъ. Здѣсь, свобода не развязываетъ зрителю руки, а напротивъ того, угнетаетъ; онъ чувствуетъ, что отъ него чего-то требуютъ, что его дразнятъ какою-то книжкой, и не будучи въ состояніи уяснить себѣ этихъ поддразниваній, ожесточается. «Да ты самъ-то, полно, знаешь ли, какая у тебя книжка въ рукахъ?» восклицаетъ онъ, и въ неразуміи своего негодованія, охотно смѣшивается и Рѣшетова-сына, и г. Нильскаго, и даже самого г. Самарина.

А между тѣмъ, не было ничего легче, какъ устранить всѣ эти не-

доразумѣнія: стоило только присвоить пьесѣ названіе: «Чего хочу— не знаю, о чемъ тужу—не понимаю». Несмотря на свою кажущуюся скромность, это заглавіе разрѣшило бы многое: оно не только освободило бы почтеннаго автора отъ обязанности называть заглавіе таинственной книжки, но и зрителю дало бы понять, что эта книжка самая безпутная, по поводу которой нѣтъ даже надобности мучить себя излишнею любознательностью.

Разсказавъ такимъ образомъ содержаніе новой комедіи, и тѣ впечатлѣнія, которыя мы изъ нея вынесли, считаемъ излишнимъ прибавить нѣсколько словъ объ исполненіи пьесы на сценѣ Александринскаго театра.

Персональ петербургской русской сцены возобновляется до крайности туго. Вотъ уже много лѣтъ, какъ не появляется ни одного сколько-нибудь замѣчательнаго дарованія, между тѣмъ, какъ старыя актеры, въ былое время удовлетворявшіе публику, очевидно, ветшаютъ. Характеръ репертуара въ послѣдніе десять лѣтъ измѣнился на столько же, на сколько измѣнились и самыя интересы русской публики. вмѣсто «Булочной» и «Героевъ преферанса», съ грѣхомъ пополамъ изображавшихъ былую современность, явились пьесы тенденціозныя, безкуплетныя и имѣющія въ виду одну цѣль: какъ-нибудь такъ ошеломить почтеннѣйшую публику, чтобъ она сколь можно дольше не могла поправиться. Нѣтъ спора, что эти наружно-увѣсистойя произведенія, въ существѣ своемъ, столь же легковѣсны, какъ и «Герои преферанса», но эта увѣсистойя легковѣсность имѣетъ тотъ неизбѣжный результатъ, что она совершенно вытѣсняетъ со сцены всѣхъ старыхъ, болѣе или менѣе талантливыхъ актеровъ. У нихъ нѣтъ для подобныхъ пьесъ ни нужныхъ словъ, ни нужныхъ движеній; они и рады бы изобразить радость по случаю, напримѣръ, открытія земскихъ учрежденій, но чтѣ дѣлать, если руки у нихъ двигаются на оборотъ? То же должно сказать и о такъ-называемыхъ капитальныхъ пьесахъ репертуара. Упразднены цѣлый репертуаръ Полеваго, Зотова, Кукольника, и вмѣсто него, на сцену выступили пьесы съ бытовымъ содержаніемъ, но и въ нихъ актеры прежняго времени не появляются, да и появляться не могутъ, потому что привыкли ходить въ порфирахъ, а не въ зипунахъ. Положимъ, это бѣда еще небольшая, что мы рѣдко наслаждаемся игрою гг. Григорьева и Каратыгина; но бѣда въ томъ, что вмѣсто нихъ мы слишкомъ часто видимъ гг. Озерова и Шемаева, которые продолжаютъ ихъ традицію на русской сценѣ, забывая, что эта традиція уже анахронизмъ, и что они, сверхъ того, не имѣютъ въ своемъ распоряженіи и десятой доли той талантливости, которою обладали ихъ предшественники.

Изъ прежнихъ актеровъ остался одинъ Самойловъ, у котораго нашлись и нужныя слова, и нужныя движенія. Правда, что это одинъ изъ тѣхъ немногихъ сценическихъ дѣятелей, которые могутъ украсить любую сцену; но, во первыхъ, въ большинствѣ

пьесъ новаго репетуара онъ все-таки не участвуетъ, а восторжъ, мы невольно спрашиваемъ себя: чтѣ же останется на сценѣ Александринскаго театра, если Самойловъ почему-либо оставить ее? Останется, конечно, два-три полезныхъ артиста, а затѣмъ... Подумайте, читатель, что не только Мартыновъ, но даже Максимовъ до сихъ поръ не замѣненъ—а затѣмъ судите, не въ правѣ ли мы ожидать повторенія того же явленія и относительно Самойлова?

Эта бѣдность подготовки составляетъ своего рода загадку, распутать которую было бы весьма небезынтересно. Ни въ одномъ вѣдомствѣ (а сколько ихъ въ нашемъ отечествѣ—одному Богу извѣстно) она не выступаетъ такъ ярко, какъ въ театральномъ. Зайдите въ любой департаментъ, и вы увидите цѣлые легионы молодыхъ столоначальниковъ, которые не только не уступаютъ старымъ, но развязностью манеръ даже превосходятъ ихъ. Мало того: каждый изъ сихъ малыхъ, едва вступить на сцену администраціи, уже тяготится своимъ скромнымъ положеніемъ, и угрожаетъ въ непродолжительномъ времени сдѣлаться администраторомъ въ полномъ значеніи этого слова. Загляните въ вѣдомство болѣе подходящее — въ балетъ, и тамъ вы убѣдитесь, что каждый годъ непременно приноситъ что-нибудь новое: то г-жу Кандыреву, то г-жу Вергину, то г-жу Ваземъ. Вездѣ прогрессъ, вездѣ неторопливое, но неуклонное шествіе впередъ: вводятся самострѣльные ружья, появляются самоговорящіе ораторы, издаются самошпионствующіе журналы, выходятъ на сцену самопишущіе литераторы,—тронъ только за пружину, и вдругъ все разомъ начинаетъ выкидывать такіе артикулы, что даже смотрѣть зазорно! Одна русская драматическая сцена до сихъ поръ не успѣла ничего придумать для своего облегченія, даже самоиграющаго актера.

Намъ скажутъ, можетъ быть, что создать хорошаго столоначальника нетрудно, потому-де, что тутъ нужно только умѣть подшивать бумаги. Но возраженіе это, очевидно, основано на недоразумѣніи, на воспоминаніи о старомъ типѣ петербургскаго столоначальника. Что прежніе столоначальники только подшивали бумаги и нюхали табакъ — въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія; но нынѣшній столоначальникъ смотритъ на свое дѣло уже со всѣми другими глазами; онъ бдитъ, предусматриваетъ и стоитъ на стражѣ. Поэтому-то, бумаги у него остаются неподшитыми, за то стража и пронзительность — превныше всякихъ похвалъ. Не нужно думать, что въ природѣ существуютъ занятія высокія и занятія низкія. Всѣ занятія одинаковы, всѣ требуютъ участія той обременительной для многихъ работы, которая называется работою мозговаго вещества.

Итакъ, особенностями актерскаго ремесла, тайна ни мало не разъясняется. Не разъяснится ли она особеннымъ устройствомъ нашего театральнаго училища, или какими-нибудь оригинальностями, допущенными въ самомъ образѣ командованія російски-

ми драматическими искусстваами? Какъ ни прискорбѣ такое предположеніе, но, по мнѣнію нашему, оно одно только и можетъ объяснить бѣдность нашего драматическаго персонала. Тѣмъ не менѣе, мы оставляемъ нашу бесѣду объ этомъ предметѣ до другаго раза, вонервыхъ, потому, что статья наша и безъ того вышла достаточно обширна, а вовторыхъ, потому, что мы имѣемъ въ виду собрать достаточное число фактовъ, необходимыхъ для нашей цѣли.

Что касается собственно до исполненія комедіи «Перемелется—мука будетъ», то говорить объ немъ значить говорить объ дономъ г. Самойловѣ. Намъ положительно рѣдко случалось видѣть на какой бы то ни было сценѣ игру болѣе умную, изящную и приличную. Главная задача актера—представить цѣльное лицо (иногда даже и помимо воли автора), была выполнена здѣсь вполне. Г. Самойловъ не позволилъ себѣ ни одного рѣзкаго жеста; повидимому, онъ даже позабылъ о томъ, что актеръ долженъ непременно что-то изображать. Онъ жилъ на сценѣ, а не изображалъ.

Изъ остальныхъ актеровъ, упомянемъ о гг. Бурдивѣ и Горбуновѣ, которые сдали свои роли весьма прилично. Но за то г. Нильсвй, г-жа Струйская 1-я...

III.

РУССКАЯ ОПЕРА.

Своеправіе публики. — Комитетъ, учрежденный для обсужденія вопроса: что болѣе по вкусу публики — итальянская, русская или французская (комическая) опера? — Временное торжество итальянomanовъ. — Поворотъ въ пользу національной оперной группы. — Музыкальный элективизмъ. — Г-жа Лавровская ученица здѣшней консерваторіи. — Бѣглый очеркъ исполненныхъ г-жой Лавровской партій въ трехъ операхъ: въ «Жизни за царя», въ оперѣ Глюка «Орфей» и въ «Трубадурѣ». — Вагнеръ. — Обзоръ статей, написанныхъ по поводу постановки «Лоэнгринъ» на нашей сценѣ.

Не даромъ слово «публика» женскаго рода. Подобно женщинѣ, *почтеннѣйшая публика* (говоря афишечнымъ языкомъ) своеправна, непостоянна, и какъ подобаетъ быть великосвѣтской женщинѣ — своевольна и вліятельна. Въ половинѣ сезона 1866 года, зала Большаго театра, вдругъ ни съ того ни съ сего, начала пустѣть во время представленій итальянской оперы. Въ составѣ тогдашней итальянской группы находились тѣ же, прежніе любимцы публики: миловидная, нѣсколько вислогодосая, но драматическая (на французскій манеръ) Барбо; энергическій, хотя и поблекшій Тамберликъ; сладкозвучный, впрочемъ, приторный отчасти Граціани и проч. и проч.

Въ отношеніи состава итальянской труппы, казалось, все обстоит благополучно. Иностранные артисты получали громадное жалованье, то-есть отпускали каждый звукъ на вѣсъ золота, и продолжали еще пользоваться европейскою славой — чего же болѣе? Въ отношеніи репертуара также нельзя было пожаловаться. Публику продолжали угощать любимыми операми, поднося для эстетическихъ ея наслажденій въ сотый разъ: «Лучія», «Троваторе», «Травиату» и проч. и проч. Казалось, ничего лучшаго и желать не оставалось бы? а между тѣмъ, своевременная, непостоянная публика вдругъ заупрямилась и перестала посѣщать представленія недавно еще превозносимой, излюбленной ею итальянской труппы. Дѣло выходило серьезное! Нельзя, въ самомъ дѣлѣ, платить груди золота ни за что, ни про что!

Вслѣдствіе этого неразгаданнаго *абсентизма* публики, рѣшено было въ то время не возобновлять контрактовъ съ итальянскими пѣвцами и распустить ихъ по домамъ. Такъ и сдѣлано было; но тотчасъ же возникъ вопросъ: чѣмъ же замѣнить упраздненную оперу? Для обсуждения этого вопроса учрежденъ былъ комитетъ, составленный не столько изъ специалистовъ въ музыкальномъ дѣлѣ, сколько изъ людей бывалыхъ, опытныхъ въ отношеніи нравовъ и обычаевъ петербургской публики.

Обсужденія и пренія комитета оставались, конечно, тайною для большинства публики, но кой-какіе отголоски доходили до нея. Говорили, между прочимъ, что въ комитетѣ предложено было однимъ изъ членовъ попробовать возобновить у насъ французскую комическую оперу, по примѣру того, какъ это было при Екатеринѣ II и въ началѣ текущаго столѣтія. Предложеніе это не нашло поддержки въ прочихъ членахъ.

Между тѣмъ, въ повременной нашей печати стали болѣе и болѣе раздаваться голоса въ пользу улучшения и увеличенія состава національной оперной труппы.

Рецензенты указывали, между прочимъ, что съ давнихъ временъ, лучшіе наши государственные люди стремились водворить у насъ лирическую драму на русской сценѣ. Такъ, напримѣръ, еще въ царствованіе Елизаветы Петровны, былъ выписанъ сюда неаполитанскій композиторъ Араа, которому поручено было написать на русскій текстъ (написанный латинскими буквами) большую оперу. Какое впечатлѣніе произвели на публику эти попытки *обрусенія* итальянца, или, наоборотъ, попытка *обиталинизированія* русскихъ, неизвѣстно; но по дальнѣйшимъ послѣдствіямъ видно, однакоже, что попытки были, вѣроятно, не безуспѣшны, потому, что при Екатеринѣ II послышаны были въ неаполитанскую консерваторію для обученія композиціи молодые русскіе композиторы. Плоды этихъ правительственныхъ командировокъ выразились операми Омина, Титова и другихъ.

Сторонники увеличенія состава, и расширенія и упроченія правъ гражданства національной труппы утверждали, что это послужитъ къ развитію отечественныхъ композиторскихъ талантовъ,

положить прочное основаніе русской музыкальной школѣ, и увеличить круговоръ музыкальныхъ нашихъ наслажденій, измѣнивъ репертуаръ, набившій оскомину ежегоднымъ повтореніемъ однихъ и тѣхъ же оперъ въ теченіе десятковъ лѣтъ. Доходили ли до свѣдѣнія членовъ комитета всѣ эти мудрствованія — неизвѣстно; но въ одинъ прекрасный день распространили слухъ, что *можно* вновь восстановить у насъ итальянскую труппу въ увеличенномъ и обновленномъ составѣ. Рѣшеніе это состоялось, какъ говорятъ, вслѣдствіе формальнаго завѣренія одного изъ вліятельнѣйшихъ членовъ комитета, что публика наша не прочь еще слушать многіе сотни разъ одиѣ и тѣ же итальянскія оперы, и что она попрежнему будетъ наполнять залу Большаго театра, лишь бы только залучить ее какою-либо *приманкою* въ видѣ новой, европейской, неизвѣстной еще здѣсь знаменитости.

Слова вліятельнаго члена блистательно оправдались на дѣлѣ, какъ извѣстно.

Приманкою послужила граціозная берлинская пѣвица, г-жа Лукка, и—кто бы это подумалъ? — отживающая свой вѣкъ знаменитость, нѣкогда сладковучнѣйшій изъ теноровъ, а нынѣ съ дребезжающимъ голосомъ.. Маріо! Остальной составъ труппы оставался отчасти прежній, отчасти же измѣнился вовсе не къ лучшему, тѣмъ не менѣе, своевольная публика толпами хлынула въ возобновленную итальянскую оперу, дабы вновь насладиться заученными ею наизусть, можетъ быть, и прелестными, но, увы! до полинялости затасканными мелодіями.

Этотъ новый взрывъ *итальяноманіи*, принявшій громадные размѣры, распространился, какъ извѣстно, и на *матушку* Москву. И тамъ, говорятъ, у дверей кассы итальянской оперы, дѣло доходило чуть не до смертоубійства, а у насъ уже появились въ газетахъ предложенія *трехсотрублевой* преміи за уступку ложъ на 16 представлений!

Правъ былъ вліятельный членъ комитета, утверждая, что все дѣло въ приманкѣ!

Торжество итальяномановъ, казалось, было полнѣйшее, и на русской оперной сценѣ въ теченіе прошлагодняго сезона настало затишье. Осенью и зимою 1867 года, на Марининскомъ театрѣ было *довольно тихо*, какъ говорится про биржевые фонды. За исключеніемъ постановки новой оперы г. Кашпирева (неимѣвшей особеннаго успѣха), тамъ пробавлялись болѣею частію сборными спектаклями, что почитается, какъ извѣстно, сознаніемъ безсилія труппы.

Но кто признавалъ это безсиліе? Сами исполнители или дирекція?

Дѣло это выяснилось весной текущаго года.

Новый директоръ императорскихъ театровъ, вынужвъ въ дѣло, всмотрѣвшись и вслушавшись, счелъ полезнымъ впустить свѣжую струю въ составъ и русской оперной труппы. Еще до назначенія своего въ званіе директора, А. С. Геденовъ, присутствуя при экза-

менахъ въ консерваторіи, обратилъ вниманіе на одну изъ ученицъ, одаренную симпатическимъ и отлично выработаннымъ голосомъ. Возымѣвъ въ послѣдствіи намѣреніе, какъ сказано выше, влить новую свѣжую струю въ составъ русской оперной труппы, г. Гедеевъ ангажировалъ г-жу Лавровскую, ученицу г-жи Нис-сень.

Дебютъ г-жи Лавровской въ роли Вани (въ «Жизни за царя») былъ блестящій, чему немало способствовало одно обстоятельство, заслуживающее особеннаго вниманія.

Какъ ни своенравна наша публика, но у нея, какъ вообще во всѣхъ большихъ массахъ, проявляются, повременамъ, трогательныя черты, обозначающія ея воспримчивость и добросердечіе. Первое представленіе «Жизни за царя» съ участіемъ г-жи Лавровской, ученицы консерваторіи, удостоила своимъ присутствіемъ августѣйшая покровительница русскаго музыкальнаго общества. Всѣмъ извѣстно, какое живое участіе Ея Императорское Высочество принимаетъ въ судьбахъ покровительствуемой ею консерваторіи; вслѣдствіе этого, публика, большинство которой не имѣло еще ни малѣйшаго понятія не только о талантѣ, но даже и о звукѣ голоса дебютантки, привѣтствовала появленіе ея на сценѣ единодушными, громкими, продолжительными рукоплесканіями.

Слѣдовательно, первый дебютъ г-жи Лавровской ознаменовался *манifestаціею*, выражающею сочувствіе въ русскому музыкальному дѣлу вообще; но съ первыхъ же звуковъ дебютантка завладѣла сочувствіемъ публики и послѣдующія рукоплесканія принадлежали уже собственно ей.

Голосъ г-жи Лавровской—mezzo-soprano достаточнаго протяженія (болѣе двухъ октавъ). Звуки нижняго ея регистра весьма симпатичны, но слабѣе верхняго, выработаннаго, какъ бы сказать, искусственно, въ ущербъ природнаго тѣмбра голоса.

Нынѣ это искусственное возвышеніе голоса принято всѣми учителями пѣвня, по той причинѣ, что для ограниченнаго контральтоваго діапазона композиторы теперь не любятъ писать эффектныхъ партій. Но партія Вани написана именно въ предѣлахъ контральтоваго голоса, и поэтому она не совсѣмъ—то соотвѣтствуетъ средствамъ г-жи Лавровской; тѣмъ не менѣе молодая пѣвица обворожила публику симпатическимъ звукомъ голоса, яснымъ и отчетливымъ произношеніемъ словъ и неподдѣльнымъ чувствомъ. Особенно рельефно вышли первый дуэтъ (съ Сусанинымъ) и анданте ари въ 4-мъ дѣйствіи.

Для втораго дебюта, г-жа Лавровская появилась въ роли Орфея. Это нѣсколько преждевременно. Партія глюковскаго Орфея, на которой зиждется вся опера, требуетъ не только полнѣйшей артистической зрѣлости, но и классическаго, такъ-сказать, образованія. Чтобы вдуматься въ эту роль, необходимо поближе ознакомиться съ такъ-называемою классическою литературою. Даровитѣйшая и образованнѣйшая изъ пѣвицъ, незабвенная

Полина Виардо, нѣсколько лѣтъ вдумывалась и вчитывалась, прежде чѣмъ рѣшиться (и то уже на закатѣ артистическаго своего поприща) выступить предъ публикою въ роли Орфея. Впрочемъ, нельзя сказать, что г-жа Лавровская неудовлетворительна въ роли Орфея: она и тутъ поетъ хорошо и играетъ прилично, но въ общемъ нѣтъ надеждащей круглоты и законченности.

Для третьяго дебюта г-жа Лавровская появилась въ «Трубадурѣ» Верди, въ роли цыганин, и тутъ-то okazaлось, что истинное призваніе нашей молодой пѣвицы танеть ее къ сильно драматическимъ ролямъ.

Всѣмъ извѣстна неясность содержанія этой оперы. Отчего нареченный сынъ цыганинъ именуется трубадуромъ, по какому случаю командуетъ онъ войскомъ, и пр. и пр.—все это остается покрыто правомъ неизвестности, но въ оперѣ есть небольшой разговоръ (не во гнѣвъ будь сказано гг. вердифобамъ), отлично написанный, въ которомъ предоставляется полный разгулъ для драматической декламации. Разсказъ этотъ г-жа Лавровская поетъ или, вѣрнѣе сказать, произноситъ отлично, придавая каждому слову и каждому звуку должное значеніе.

По этому образцу смѣло можно вывести заключеніе, что при первомъ удобномъ случаѣ, т.-е. при первой истинно-драматической, вполне осмысленной роли, игра г-жи Лавровской выкажется въ полномъ блескѣ.

Скажемъ въ заключеніе этого бѣлаго обзора дѣятельности новой пѣвицы, что она содѣлалась отнынѣ любимицею публики и что на представленія, въ которыхъ она участвуетъ, постоянно стекается множество зрителей.

Заручившись въ лицѣ г-жи Лавровской надежною *приманкою* (great attraction, какъ говорятъ англичане), дирекція возымѣла похвальную мысль приступить мало по малу и къ удовлетворенію любознательности публики посредствомъ расширенія артистическаго ея кругозора, т.-е. посредствомъ постановки новыхъ, неизвѣстныхъ еще здѣсь оперъ.

Говорятъ, что нѣсколько оперъ русскихъ композиторовъ приняты уже дирекціею и готовятся къ постановкѣ, но въ ожиданіи этого благополучія, намъ дана была возможность прослушать одну изъ оперъ Вагнера въ полномъ ея составѣ.

Пора! давно пора! Болѣе двадцати лѣтъ толки о Вагнерѣ и о предпринятой имъ *реформѣ* въ дѣлѣ лирической драмы волнуютъ весь музыкальный міръ, а петербургскіе меломаны, тратящіе громадные деньги на удовлетвореніе музыкальныхъ своихъ потребностей, слышали до сихъ поръ только кой-какіе отрывки изъ оперъ нѣмецкаго реформатора. Пора было, наконецъ, познакомиться намъ основательно хоть съ однимъ изъ произведеній пресловутаго Вагнера, освистаннаго въ Парижѣ (за «Тангейзера») и увѣнчаннаго лаврами въ большей части Германіи.

Намъ, русскимъ, тѣмъ болѣе необходимо было познакомиться.

съ произведеніями Вагнера, что ученіе его пустило у насъ значительные ростки.

При появленіи «Юдоя» на нашей сценѣ, указано уже было на сродство между приѣмами г. Сѣрова и приѣмами Вагнера; нынѣ есть поводъ предполагать, что вагнеризмъ распространился и промежду молодыми людьми, посвятившими себя изученію музыки.

Завлюченіе это можно вывести, между прочимъ, изъ восторженнаго настроенія духа нѣкоторой части зрителей, присутствующихъ при представленіяхъ «Лоэнгринна». Въ то время, какъ большинство выслушивало всѣ три акта этой оперы холодно, но терпѣливо, — недоумѣвая, повидимому, слѣдуетъ ли случать или восхищаться, — небольшіе кружки молодыхъ энтузіастовъ восторженно рукоплескали. Подобные симптомы современнаго настроенія духа нашей молодѣжи въ дѣлѣ музыки заслуживаютъ серьезнаго вниманія, и потому неважные выннуть поглубже въ этотъ вопросъ, сдѣлавъ краткій обзоръ статей, появившихся въ повременной нашей печати по поводу постановки «Лоэнгринна» на нашей сценѣ.

Наиболѣе обстоятельныя и пространныя статьи по этому предмету помѣщены были въ газетѣ «Голось» (въ №№ 273, 274, 275 и 278). Три первыя статьи написаны г. Фаминцинымъ, а послѣдняя г. Ростиславомъ.

Рецензенты далеко не сходятся въ мнѣніяхъ насчетъ достоинства и значенія реформы, предпринятой Вагнеромъ, и это способствуетъ разъясненію дѣла.

Г. Фаминцинъ раздѣляетъ статьи свои на три отдѣла: 1) біографія Вагнера, 2) его теорія и 3) разборъ текста и музыки «Лоэнгринна».

Біографія или, вѣрнѣе сказать, біографическимъ свѣдѣніямъ о Вагнерѣ, заимствованнымъ авторомъ вышеупомянутыхъ статей изъ предисловія, написанныхъ самимъ Вагнеромъ къ изданію текста первыхъ его трехъ оперъ, — г. Фаминцинъ предпосылаетъ слѣдующія слова: «Мы имѣемъ дѣло съ личностью, гениальность которой несомнѣнно выказывается не только въ громадности произведенной имъ реформы, но и въ томъ, что каждое новое произведеніе его, начиная съ первыхъ работъ, обнаруживаетъ несомнѣнный прогрессъ, все болѣе и болѣе приближеніе къ предполагаемому имъ идеалу. Очень ошибутся слушатели, ожидающіе отъ его оперы ряда арій, дуэтовъ и т. д. Вагнеръ является передъ публикою съ совершенно другими воззрѣніями и требованіями. Онъ домогается не музыкальнаго эффекта (sic! это въ оперѣ-то!), а драматической истины, которая почти исчезла съ оперной сцены. Онъ вмѣстѣ съ тѣмъ и поэтъ; онъ самъ сочиняетъ тексты для своихъ оперъ. Отъ пѣвца онъ требуетъ игры, естественности; пѣвецъ его музыкально (sic!) декламируетъ, а оркестръ выражаетъ при этомъ его чувства—отношеніе къ пѣвцу *совершенно новое*» (sic!).

Изъ автобіографическаго очерка видно, что Вагнеру судьба доставила драгоцѣнный случай нигѣмъ *не быть воспитаннымъ*, какъ онъ выражается. Отецъ его умеръ, когда онъ еще былъ младенцемъ, вслѣдствіе чего Вагнеръ, предоставленный собственному произволу, съ ребяческаго возраста руководимъ былъ только опытомъ жизни, стремленіемъ къ искусству и собственнымъ разумомъ. «Не быть *никѣмъ воспитаннымъ*, восклицаетъ Вагнеръ, вотъ что ведетъ человѣка къ развитію въ немъ гениальности!»

Механической виртуозности никто не училъ Вагнера, равно какъ и теоріи музыки. Онъ прислушивался; самъ, безъ помощи руководителя, изучалъ великія произведенія какъ драматическія, такъ и музыкальныхъ писателей, и только на пятнадцатомъ году своей жизни страстно полюбилъ музыку, ознакомясь съ симфоніями Бетховена.

Это обстоятельство имѣло, повидимому, рѣшительное, роковое вліяніе на будущность Вагнера, развить въ немъ преобладающее стремленіе къ симфонической музыкѣ.

Повинуясь внезапно возродившемуся въ немъ музыкальному влеченію, Вагнеръ усердно принялся писать сонаты, увертюры, симфоніи, и даже оперы. На восьмнадцатомъ году онъ написалъ оперу подъ названіемъ «Фен», заимствовавъ сюжетъ изъ романа Гоцци, и вслѣдъ за ней другую оперу, подъ названіемъ «Запрещенная любовь или палермская послушница», передѣланная изъ драмы Шекспира «Measure for measure». Самъ Вагнеръ сознается, что первыя его произведенія написаны были подъ вліяніемъ сочиненій Бетховена, Вебера и даже Маршнера.

Такъ-какъ при изслѣдованіи артистическаго развитія художника, весьма важно каждое обстоятельство, имѣвшее вліяніе на духовное его развитіе вообще, слѣдуетъ замѣтить, что іюльская революція застала Вагнера на 18-мъ году его жизни, то-есть на первыхъ порѣхъ художнической его дѣятельности, и возбуждая въ немъ горячее, восторженное сочувствіе, порѣшила будущее его направленіе въ политическомъ отношеніи. Такимъ образомъ мы замѣчаемъ въ юности Вагнера два рѣшительныхъ, роковыхъ момента. На пятнадцатомъ году глубокое впечатлѣніе, произведенное на него Бетховенскими симфоніями, налагаетъ на него на вѣкъ печать *симфониста*, а восторженное чувство, возбужденное въ немъ событіями іюльской революціи, влечетъ за собою четырнадцатилѣтнее изгнаніе его изъ отечества (съ 1849 по 1863 г.).

Изъ автобіографіи мы узнаемъ, что на 19-мъ году своей жизни Вагнеръ дирижировалъ уже опернымъ оркестромъ, но гдѣ именно — не сказано, что заставляетъ, однако, предполагать, что первыя оперныя его попытки имѣли нѣкоторый успѣхъ, иначе никто не рѣшился бы поставить дирижеромъ молодого, неопытнаго самоучку. Этотъ періодъ своей жизни Вагнеръ описываетъ довольно юмористически:

«Разучиваніе легкихъ французскихъ модныхъ оперъ (въроятно, въ нѣмецкомъ переводѣ) и управленіе ими, въ качествѣ опернаго дирижера; доставляли мнѣ — говорить Вагнеръ — искреннее удовольствіе. Меня забавляли и душевно радовали хитрозадуманные (sic! во французскихъ-то операхъ!), нерѣдко упрямые оркестровые эффекты, послужно вылетавшіе направо и налѣво изъ-подъ моего дирижерскаго жезла. Подъ впечатлѣніемъ пестрой театральной жизни — продолжаетъ Вагнеръ — я искалъ развлечения въ чувственныхъ наслажденіяхъ; въ музыкальной дѣятельности моей это настроеніе отразилось въ видѣ вѣшняго, такъ-сказать, мишурнаго блеска и безпокойства моихъ сочиненій. За собственное *нашему отку легкомысліе* я заплатился столь же современнымъ вознагражденіемъ (это не совсѣмъ понятно!). Я влюбился, въ порывѣ *тыжко упрямова*, женился, и съ того времени сталъ мучить себя и другихъ отвратительнымъ впечатлѣніемъ крайней бѣдности, физически и нравственно убивающей столько тысячъ людей».

Выхода эта доказываетъ, во первыхъ, что Вагнеръ не совсѣмъ-то доволенъ своею женитьбою, и, во вторыхъ, что въ то время денежные его обстоятельства находились, несмотря на дирижерство, въ весьма нецвѣтущемъ положеніи.

За сямъ Вагнеромъ овладѣло непреодолимое, впрочемъ, весьма естественное влеченіе вырваться какъ изъ стѣснительныхъ обстоятельствъ, такъ и изъ мелочной нѣмецкой жизни. Его влекло въ Парижъ, а между тѣмъ онъ попался къ намъ — въ Ригу, въ качествѣ также опернаго капельмейстера. Тутъ онъ написалъ первые два акта «Ріэнзи» — оперы, выростившей изъ романа Бульвера, но не ужился въ Ригѣ, и лишенный почти всякихъ средствъ (по какому это случаю, не объяснено), отправился искать счастья въ Парижъ. Тутъ ему пришлось уже совершенно плохо! О постановкѣ «Ріэнзи» на парижской сценѣ онъ потерялъ всякую надежду, и для поддержанія своего существованія и, вѣроятно, существованія несчастной женщины, на которой, по словамъ его, онъ такъ опрометчиво женился, Вагнеръ принужденъ былъ принимать поденные, такъ-сказать, заказы на различныя музыкальныя аранжировки. Вагнеръ, по окончаніи «Ріэнзи», почувствовалъ потребность, какою бы ни было образомъ, излить свое негодованіе, за достигшія его неудачи, и для этого избралъ *критическое поприще*. Вагнеру удалось попасть въ редакцію «Gazette Musicale», и тутъ онъ излилъ досыта всю накопившуюся въ немъ желчь. По счастью, потребность дѣйствительнаго, артистическаго творчества не заглохла въ немъ подъ терніями горькихъ сарказмовъ озлобленнаго критика, и онъ принялся съ энергическимъ рвеніемъ за разработку сюжета новой оперы «Le Vaisseau fantome». «Это было первое народное сказаніе (прибавимъ отъ себя фантастическое, какъ и послѣдующія его оперы) — говоритъ Вагнеръ — глубоко проникнувшее въ мое сердце; меня непреодолимо влекло объяснить и воспроизвести

его въ видимой формѣ. Съ той поры начинается мое поприще *пота* (полно, такъ ли?), я пересталъ быть поставщикомъ оперныхъ текстовъ». Въ то же время Вагнеръ получилъ извѣстіе, что «Ріэнзи» его ставится на дрезденской сценѣ.

Съ той минуты, своеобразная фортуна повернулась лицомъ къ Вагнеру. Жаль, что въ автобіографіи, представленной въ извлеченіи г-мъ Фаминцынымъ, не сказано, какимъ образомъ и чрезъ кого Вагнеръ, до того времени неизвѣстный и угнетенный трудными обстоятельствами, добился постановки своей оперы въ Дрезденѣ. Выясненіе этого было бы весьма интересно и поучительно, тѣмъ болѣе, что еще до постановки и успѣха «Ріэнзи» въ Дрезденѣ, въ Берлинѣ уже согласились принять «Моряка-свиталяца» (*Le Vaisseau fantome*), оперы еще неоконченной. Благопріятныя эти извѣстія ободрили Вагнера, но онъ не могъ, однакоже, тотчасъ же оставить Парижъ, и отправиться немедленно туда, куда стремился всѣми помыслами души, за неимѣніемъ денежныхъ средствъ. «На этотъ разъ — сказано въ автобіографіи — онъ занимался переложеніемъ для фортепьяно оперъ Галеви, но уже не съ прежнимъ чувствомъ оскорбленнаго артиста, а съ юморомъ (*à l'!*), въ надеждѣ на скорое улучшеніе обстоятельствъ». Пока Вагнеръ зарабатывалъ необходимыя деньги для путешествія въ Германію, ему попалось подъ руку народное сказаніе о «Тангейзерѣ» и о «Лоэнгринѣ». Знакомство съ этими сказаніями — говоритъ онъ въ автобіографіи — открыло ему, наконецъ, новый міръ поэтическихъ сюжетовъ. Вагнеръ намѣревался-было приняться за историческій сюжетъ (Манфреда), но отвергнулъ на всегда помыслы объ историческихъ сюжетахъ на слѣдующихъ основаніяхъ: «Въ исторіи — говоритъ онъ — мнѣ представлялись *обстоятельства* и только обстоятельства, человѣка же я находилъ только обусловленнымъ обстоятельствами, но не обуславливающимъ ихъ. Въ сказаніяхъ же я находилъ не историческую условную фигуру, въ которой одежда интересуетъ насъ болѣе самой фигуры; мнѣ представился *дѣйствительный*, живой человѣкъ, въ которомъ широко и свободно обращается кровь, въ которомъ широко и свободно движеніе мышцъ; словомъ, я увидѣлъ *человѣка*».

Это странное воззрѣніе укоренилось въ Вагнерѣ на двадцать-девятью году его жизни и послужило основаніемъ всей его будущей лирической дѣятельности.

Въ началѣ 1838 года, Вагнеру удалось, наконецъ, скопить небольшую сумму денегъ для путешествія въ Германію. Онъ прибылъ въ Дрезденъ для присутствованія при обѣщанной ему постановкѣ «Ріэнзи». Успѣхъ этой оперы, написанной въ тогдашнихъ условныхъ оперныхъ формахъ, превзошелъ всѣ его ожиданія.

Впечатлѣнія, испытанныя имъ въ то время, изображены въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«... Меня, говоритъ онъ, до того времени неизвѣстнаго, всѣ-

ми повинутаго, безпріютнаго, вдругъ полюбили, мнѣ дивились, мною восхищались. Нельзя слишкомъ обвинять меня за то, что послѣ продолжительной борьбы, нищеты, горя, лишеній, радужный, полный любви и поощреній пріемъ вскружилъ мнѣ голову и я сталъ предаваться иллюзіямъ, въ которыхъ мнѣ суждено было, впрочемъ, горько разочароваться.

Послѣ блистательнаго успѣха «Ріензи», Вагнеру предложено было мѣсто капельмейстера при дрезденскомъ королевскомъ театрѣ и тотчасъ приступлено къ постановкѣ «Моряка скитальца». Тутъ ушибнувшаяся-было Вагнеру фортуна вновь отъ него отвернулась и начались горькія разочарованія, о которыхъ онъ упоминаетъ въ автобіографіи...

«Морякъ скиталець» провалился въ Дрезденѣ, а въ то же время въ Гамбургѣ и въ Берлинѣ потерпѣли совершенный фіаско и «Ріензи» и «Морякъ скиталець». Сомнѣніе въ самомъ себѣ закралось въ душу Вагнера и возбудило въ немъ сильную внутреннюю борьбу. «Я зналъ, говоритъ онъ въ автобіографіи, что мнѣ стоило только дѣйствовать на нѣкоторыя слабыя струны публики для того, чтобы достигнуть блистательнаго успѣха; но я съ отвращеніемъ отбросилъ эту мысль. Меня влекло къ чистому, идальному, вдохновенному творчеству, и я съ новою силою и энергіею сталъ разрабатывать «Тангейзера», слѣдуя задуманному мною музыкальному идеалу. Этимъ сочиненіемъ, присовокупляетъ Вагнеръ, я подписалъ себѣ смертный приговоръ въ глазахъ опернаго міра, и болѣе не могъ рассчитывать на жизнь!»

Нельзя не сочувствовать этой твердости духа, но не подлежитъ сомнѣнію, что Вагнеръ скорѣй достигнулъ бы предположенной цѣли, т.-е. проведенія и упроченія лирическихъ своихъ принциповъ, еслибы сдѣлалъ во время кой-какія уступки въ пользу преобладающаго вкуса публики. Твердость духа Вагнера, конечно, заслуживаетъ похвалы, но пропаганда принциповъ, за которые онъ ратуетъ, пострадала отъ его несговорчивости.

Самъ онъ сознаетъ, что изъ перваго представленія «Тангейзера», прослушаннаго дрезденскою публикою съ *недоумтніемъ* и *неудовольствіемъ*, онъ вынесъ убѣжденіе, что «Тангейзеръ» написанъ только для немногихъ близкихъ друзей его, а не для публики, къ которой онъ однако *невольнo* обращался, задумывая оперу. Намъ кажется, что еслибы въ то время Вагнеръ вникнулъ бы поглубже въ причины *недоумтнія* и *неудовольствія* большинства публики, то онъ узналъ бы, что она вовсе не отвергаетъ основныхъ его принциповъ, т.-е. драматической правды, правильной декламаціи, и полного симфоническаго содѣйствія оркестра для выраженія данной ситуаціи и для очерченія характеровъ дѣйствующихъ лицъ. Приведеніе въ исполненіе этихъ принциповъ публика приняла бы съ благодарностью и съумѣла бы сразу оцѣнить; но что поставило ее въ *недоумтніе*, и возбудило ее *неудовольствіе* — это пренебреженіе правъ *человѣческой волюсы* въ лирическомъ произведеніи.

Публика не могла примириться съ мыслию, что пѣвцовъ будто бы не существуетъ, а что есть только роли (какъ выразился Вагнеръ въ одномъ изъ своихъ литературныхъ сочиненій). Публика негодовала за то, что пѣвцы, вмѣсто пѣнія, пробавляются почти что разговорною рѣчью, предоставляя оркестру очертаніе одушевленіи ихъ чувствъ. Вотъ единственная причина, кажется намъ, неуспѣха «Тангейзера» предъ дрезденскою публикою. Еслибы въ то время Вагнеръ принялъ это къ свѣдѣнію, то послѣдующія его произведенія, не отступая ни на шагъ отъ вышеупомянутыхъ основныхъ, совершенно рациональныхъ принциповъ, имѣли бы тотчасъ повсемѣстный успѣхъ. Но мы видимъ что въ этомъ отношеніи онъ не сдѣлалъ ни малѣйшей уступки, а напротивъ усугублялъ еще въ послѣдующихъ произведеніяхъ подчиненность пѣвцовъ оркестру. Вагнеръ бѣдствовалъ, сокрушался, вновь впалъ въ одиночество и преданъ былъ забвенію, но ни на шагъ не отступалъ отъ предвзятой мысли.

Между постановкою «Тангейзера» въ Дрезденѣ и постановкою «Лоэнгрина» въ Веймарѣ прошло 12 лѣтъ. Постановкѣ этой, Вагнеръ обязанъ знаменитому музыканту Листу, находившемуся тогда канцельмейстеромъ при веймарскомъ дворѣ.

Весною 1849 года Вагнеръ, компрометированный во время революціоннаго движенія предшествовавшаго года, вынужденъ былъ бѣжать изъ Германіи. Первоначально онъ отправился въ Парижъ, но потерявъ надежду поставить тамъ одно изъ своихъ лирическихъ произведеній, онъ вскорѣ удалился въ Швейцарію. Тамъ онъ принялся вновь за перо—но уже не для писанія музыкальной партитуры, а для изложенія проповѣдуемыхъ имъ принциповъ въ литературной формѣ. Брошюры сочиненія Вагнера подъ названіемъ «Искусство и революція» и «Художественное произведеніе будущности», можно, по справедливости, назвать громкимъ протестомъ противъ общественнаго воззрѣнія на искусство. Брошюры эти появились въ 1849 году, и намъ кажется, что чтеніе ихъ болѣе способствовало къ возбужденію въ Франціи Листѣ сочувствія къ музыкальнымъ произведеніямъ Вагнера, чѣмъ сама опера. Какъ бы то ни было, но Листъ содѣлался съ тѣхъ поръ самымъ горячимъ и самымъ дѣятельнымъ сторонникомъ Вагнера, проповѣдуя и словомъ и дѣломъ его ученіе. Въ 1850 году онъ поставилъ въ Веймарѣ «Лоэнгрина», и въ то же время написалъ брошюру подъ названіемъ «Лоэнгринъ и Тангейзеръ», въ которой изложилъ главные основанія теоріи Вагнера. Между тѣмъ Вагнеръ находился въ изгнаніи, и одержимый нервическою, тяжкою болѣзнію, прозябалъ въ Парижѣ, куда онъ возвратился изъ Швейцаріи, желая вновь попытаться счастья насчетъ постановки своихъ оперъ. Вагнеръ приходилъ въ отчаяніе и уже намѣревался бросить все и бѣжать, бѣжать отъ людей, самъ не зная куда—какъ вдругъ, неожиданно получилъ извѣстіе, что для него вновь занята заря счастья, объ-

щающая ясные дни. Вотъ въ какихъ пламенныхъ выраженіяхъ Вагнеръ привѣтствуетъ этотъ лучъ надежды:

«Въ это самое время, говоритъ онъ, мнѣ пришлось узнать полнѣйшую, благороднѣйшую, чистѣйшую любовь, любовь дѣйствительную, безусловную; она возвратила меня искусству. Меня понялъ и вырвалъ изъ отчаяннаго положенія человѣкъ, почти меня ненавший. Этотъ чудесный другъ—*Францъ Листъ*».

Съ тѣхъ поръ счастье окончательно улыбнулось ему—оперы его стали распространяться по всей Германіи и приобрѣтали большую и большую не только извѣстность, но даже популярность. Однажды только въ Парижѣ, лѣтъ семь тому назадъ, «Тангейзеръ» его потерпѣлъ неудачу; но это нисколько не поколебало его убѣжденій, и не помѣшало дальнѣйшей композиторской дѣятельности.

Кромѣ «Ріензи», «Морскаго свитальца», «Тангейзера» и «Лоэнгрина», Германія ознакомилась уже съ «Нюрнбергскими пѣвцами» (весьма тяжеловѣсною, какъ говорятъ, комическою оперою) и съ «Тристаномъ и Изольдою», выдержавшемъ въ Мюнхенѣ только нѣсколько представленій, несмотря на могущественную поддержку молодого короля, величайшаго приверженца Вагнеровской музыки.

Нынѣ Вагнеръ занятъ приведеніемъ къ окончанію громаднаго, говорятъ, произведенія: «Кольцо Нибелунга», не отступая отъ зарока, даннаго самому себѣ еще въ молодости—«предпочитать легендарныя и фантастическія сюжеты историческимъ сюжетамъ».

Мы не станемъ слишкомъ много распространяться о такъ-называемой «Теоріи Вагнера»; въ основныхъ принципахъ она есть не что иное, какъ продолженіе возрѣвшаго Глюка на трагическую драму, какъ это доказываетъ весьма убѣдительно другая рецензентъ газеты «Голось», представляя выписки изъ предисловія Глюка къ Альцесту. Скажемъ только въ общихъ чертахъ, къ чему стремится Вагнеръ, судя по тѣмъ его произведеніямъ, которыя извѣстны намъ, и по его брошюрамъ,

Вагнеръ говоритъ, что у грековъ подъ именемъ «музыки—искусства музъ, подразумѣвались поэзія, пѣніе, инструментальная музыка, декламация и танцы». Отдѣльные элементы въ совокупности входили въ составъ драмы, которая у грековъ имѣла торжественный, возвышенный, религіозный характеръ. Тѣ же *элементы* и теперь входятъ въ составъ лирической драмы, и торжественность и возвышенность представленія зависятъ совершенно отъ таланта лица, занимающаго постановкою.

Намъ кажется, что Вагнеръ не сказалъ ничего особенно новаго, выразивъ желаніе, чтобы лирико-драматическія произведенія «созидались совокупною дѣятельностью нѣсколькихъ спеціальныхъ по каждой отрасли художниковъ». Стремиться къ наибольшему совершенству весьма законно, и для достиженія этой цѣли, конечно, нужно прибѣгать къ совокупному содѣйствію лучшихъ художниковъ, а не престоныхъ ремесленниковъ.

Выразивъ эту, далеко новую мысль, Вагнеръ въ сочиненіи своемъ «Опера и драма» приходитъ къ убѣжденію, что опера въ настоящее время (т.-е. до произведеній Вагнера) дошла до предѣловъ ничтожества и неестественности... «Заблужденіе въ оперной формѣ, говоритъ онъ, заключается въ томъ, что средство къ выраженію (т.-е. музыка) сдѣлалось цѣлю, а цѣль выраженій (драма) средствомъ его». Выражаясь не столь туманно, Вагнеръ могъ бы сказать, что въ лирическихъ произведеніяхъ драма отодвинулась на второй планъ, предоставляя первенство музыкѣ.

Въ краткомъ очеркѣ Вагнеръ обобщаетъ оперную дѣятельность Глюка, Моцарта и Вебера, заслугамъ которыхъ отдаетъ должную дань справедливости, но всею силою негодованія нападаетъ на Россини и въ особенности на ненавистнаго ему повидимому Мейербера. Россини, говоритъ онъ, уничтожилъ ошеломительно разумное развитіе оперы, сдѣлавъ мелодію единственнымъ, законнымъ факторомъ въ оперѣ, которому рабски должны были подчиниться всѣ прочіе интересы, но болѣе всего дѣятельность поэта, составившаго текстъ.

Противъ этого невозможно возражать, если Вагнеръ говоритъ о лирическихъ произведеніяхъ Россини, предшествовавшихъ «Вильгельму Телю». Въ нихъ Россини подчинялъ мелодіи не только текстъ либреттиста, но и драматическую ситуацію. Нерѣдко прорывался у него плясовой мотивъ тамъ, гдѣ люди гибли или страдали; но Вагнеръ писалъ обвинительный свой актъ почти чрезъ 20 лѣтъ послѣ появленія «Вильгельма Теля», и странно, что онъ не обратилъ вниманія на переворотъ, совершившійся въ россиніевской манерѣ. Неужели не замѣтилъ, что въ «Вильгельмѣ Телѣ» характеры дѣйствующихъ лицъ очертаны музыкально, и декламація выдвинута на первый планъ и музыкѣ приданъ мѣстный колоритъ? Все это Вагнеръ, вѣроятно, очень хорошо замѣтилъ, но ему хотѣлось доказать, что самостоятельно, твердо очертанная мелодія — то, что онъ называетъ *мелодическою мазурью*, никуда не годится для лирической драмы. «Не только Россини, восклицаетъ онъ, но и самъ Веберъ придалъ мелодіи такое рѣшительное значеніе, что она, вырванная изъ драматической связи, даже лишенная словъ, во всей, такъ сказать, *наготнѣ* своей сдѣлалась достояніемъ публики». Такъ вотъ въ чемъ дѣло! Вагнеръ возстаетъ противъ господства мелодіи, т.-е. противъ мелодій легко запоминаемыхъ и привлекательныхъ по собственному своему мелодическому достоинству.

О творцѣ «Роберта» и «Гугенотовъ» Вагнеръ отзывался съ пренебріемъ. Онъ сравниваетъ Мейербера съ *скворцомъ*, который, слѣдуя въ полѣ за плугомъ, съ поспѣшностью ловитъ вырывающихся на поверхность червей. «Ни одно направленіе, говоритъ онъ, не принадлежитъ Мейерберу: каждое изъ нихъ онъ подмѣтилъ и употребилъ въ дѣло съ необыкновеннымъ тщеславіемъ, и притомъ съ такою быстротою, что не успѣвалъ его предше-

ственный выговорить слово, какъ у него была уже готова на это слово цѣлая фраза».

Дѣйствительно, Мейерберъ подражалъ Россини въ операхъ, написанныхъ имъ на итальянскій текстъ, но, сочиняя «Роберта», онъ желалъ поддѣлаться подъ стиль французской школы, чему служить доказательствомъ, между прочимъ, множество мелодическихъ очертаній, заимствованныхъ имъ изъ извѣстныхъ французскихъ мотивовъ.

Вагнеръ, негодуя на всѣхъ своихъ предшественниковъ за деспотическое ихъ вліяніе на поэта, т.-е. на составителя либретто, восклицаетъ, между прочимъ: «Веберъ желалъ драмы, которая бы всегда, въ каждомъ сценическомъ нюансѣ разрѣшалась въ его благородной, задушевной мелодіи; Мейерберъ, напротивъ, искалъ чего нибудь чудовищно-пестраго, исторически-романтическаго, *набожно-чувственаго*, легкомысленно-священническаго, *таинственно-дерзкаго* (sic!), *сантиментально-мошенническаго* въ формѣ драматическаго произведенія, чтобъ имѣть случай сочинять музыку *чудовищно-курьезную*». Не говоря уже о чудовищномъ наборѣ эпитетовъ, въ этой выходкѣ насъ поражаетъ ослобленіе Вагнера, доведшее его, такъ сказать, до абсурда.

Желая поразить противника, онъ поражаетъ и самого себя, включивъ въ номенклатуру порицаемыхъ имъ лирическихъ драмъ и романтическо-историческую. Если «Донъ-Григъ» имѣетъ право гражданства въ лирической драмѣ, то нельзя отказать и «Роберту» въ тѣхъ же правахъ.

Вслѣдствіе всего вышесказаннаго, Вагнеръ приходитъ къ заключенію, что лирическая драма тогда только можетъ усовершенствоваться, когда и текстъ, и музыка воплотятся въ одной и той же головѣ. Противъ этого возражать нечего.

Если въ одноѣхъ и томъ же человѣкѣ соединяются и композиторскія и поэтическія достоинства, то это тѣмъ лучше; но тутъ необходима величайшая осмотрительность. Если композиторы нерѣдко употребляли во зло деспотическую власть надъ либреттистами, то тутъ можетъ видѣти наоборотъ. Въ данный моментъ, совнаніе собственнаго достоинства поэта можетъ ввать верхъ надъ композиторомъ и заставить сего послѣдняго пожертвовать музыкальною ситуаціею для вышшаго торжества поэтическаго текста. Дабы предупредить подобнаго рода возраженія, Вагнеръ объясняется на этотъ счетъ, въ довольно туманныхъ, впрочемъ, выраженіяхъ:

«... При составленіи эскиза отдѣльныхъ сценъ, говоритъ онъ, я нисколько не видѣлъ себя вынужденнымъ подчинять ихъ какой нибудь впередъ придуманной музыкальной формѣ, такъ-какъ сцены мои сами обусловливали необходимую для ихъ выраженія въ музичѣ форму... *И такъ, я нисколько не игралъ роли ужаснаго разрушителя, по принципу формъ арій, дуэты и т. д., но не употреблялъ этихъ формъ, потому что ихъ не требовали мои тексты...*» Сознаніе это весьма важно! Мы видимъ, что Вагнеръ

но принципу не отвергаетъ формъ арій, дуэтовъ и пр., и между тѣмъ избѣгаетъ ихъ по возможности въ своихъ операхъ. Намъ кажется, что это происходитъ единственно отъ внутренней борьбы, совершающейся въ душѣ человѣка, совмѣщающей въ себѣ и композитора, и либреттиста. Вагнеръ утверждаетъ, что онъ не прибѣгаетъ къ извѣстнымъ формамъ арій и дуэтовъ потому только, что текстъ этого не требуетъ. Полно, такъ ли? Возьмемъ, на примѣръ, одну изъ ситуацій втораго дѣйствія въ «Лоэнгринѣ».

Прекрасная Эльза выходитъ на балконъ подышать вечернимъ воздухомъ. Ночь! Кругомъ все тихо. Блѣдныя лучи мѣсяца освѣщаютъ стройную фигуру дѣвушки. Все въ ней дышитъ поэзіею, и сладковучная мелодія такъ и проситъ сорваться съ устъ восторженной дѣвушки. Въ той части души двойственнаго человѣка, т.-е. композитора-поэта, въ которой властвуетъ композиторъ, уже сложилась мелодія вполне соответствующая данной обстановкѣ, но душа поэта почувствовала, подъ вліяніемъ той же обстановки, непреодолимое влеченіе высказать свои мысли по поводу вечерней прохлады, бродящихъ облаковъ, аромата цвѣтовъ и пр. и пр. Если композиторъ одолѣетъ, то выйдетъ прекрасная, пѣвучая мелодія; если же одолѣетъ поэтъ, то выйдетъ мелопея, т.-е. едва очертанная мелодія, представляющая первенство слову. Такъ и вышло въ означенной сценѣ втораго дѣйствія «Лоэнгрина». Нельзя сказать, чтобы мелодическая фраза, представленная въ этомъ мѣстѣ Эльзѣ, не соответствовала ситуаціи. Напротивъ; но она едва-едва очертана для того именно, чтобы слушатели не потеряли ни одного слова изъ поэтического текста. Къ сожалѣнію, композиторъ-поэтъ не достигаетъ своей цѣли.

Большая часть словъ все-таки пропадаетъ, во первыхъ, потому, что большая часть пѣвицъ и пѣвцовъ не довольно ясно и отчетливо произносятъ слова, а во вторыхъ, потому, что интересная инструменталія отвлекаетъ вниманіе слушателей. Притомъ же, громадный составъ современныхъ оркестровъ, въ которыхъ струнные инструменты считаются десятками, причиною, что даже и *riapissimo* сиряпокъ и басовъ, на примѣръ, составляетъ уже значительную массу звуковъ.

Впрочемъ, надо сказать, что возрѣнія Вагнера на мелодію различаются отъ общепринятыхъ понятій. По собственному его сознанію, сначала онъ подражалъ общепринятымъ мелодическимъ формамъ; но когда сталъ заниматься выработкою «Моряка скитальца», то мало по малу, говорить онъ, освободился отъ вліянія сильно запечатлѣвающагося слуху новѣйшей (т.-е. итальянской) оперной мелодіи. Ритмическая народная мелодія показала ему болѣе соответствующую вновь избранному имъ направленію; въ «Морякѣ скитальцѣ» онъ и приспособилъ ее, но тамъ только, гдѣ сюжетъ входилъ въ прикосновеніе съ народными элементами. Вездѣ же, гдѣ онъ долженъ былъ выражать ощущенія драмати-

ческих личностей, тамъ онъ воздерживался отъ ритмической народной мелодіи. «Впрочемъ, говорить онъ, мнѣ и въ голову не приходило въ этихъ случаяхъ пользоваться ею; здѣсь я имѣлъ задачу передавать рѣчь, причѣмъ должно было возбуждать звуками *чувство*, а не *образъ* (т.-е. манеру) его музыкальнаго выраженія... Я сталъ *производить* такимъ образомъ мелодію свою изъ вѣрной и осмысленной *декламации рѣчи*».

Легко сказать: «*производить мелодію изъ осмысленной декламации рѣчи!*» Но какъ это сдѣлать? вотъ вопросъ!! Впервыхъ, мелодія есть положительно «дщерь вдохновенія», и слѣдовательно, не подлежитъ *производству*, т.-е. фабрикаціи, а добывается посредствомъ *творчества*. Ввторыхъ, мелодія, на подобіе словесной рѣчи, состоитъ изъ періодовъ, составленныхъ изъ предложений, съ той существенной разницею, что словесный періодъ можетъ состоять изъ одного предложения (какъ на примѣръ: «Богъ всемогущь!»), а мелодія, состоящая изъ одного только предложения, не есть мелодія, а только мелодическая фраза, требующая развитія. Мелодія содѣлывается удобопонятною или, какъ выражается Вагнеръ, *сильно замечательвающеюся слуху*, тогда только, когда составляющія ея предложенія находятся въ связи между собою. Пояснимъ это примѣромъ, почерпнутымъ изъ литературы. Вотъ полная картина, обрисованная стихами:

«Гирей сидѣлъ потуна взоръ,
Ягтарь въ устахъ его дымался,
Безможно раболѣнный дворъ
Вдругъ хана грознаго тѣснился!

Изъ этихъ четырехъ стиховъ, составленныхъ изъ нѣсколькихъ предложений, мы получаемъ полное понятіе о личности грознаго хана, о его дѣйствіяхъ въ данный моментъ и, наконецъ, объ окружающихъ его лицахъ. Еслибы вмѣсто этой ясноты картины была бы написана слѣдующая *безсмыслица*:

«Гирей сидѣлъ потуна взоръ,
А сундукъ въ углу стоялъ —
Ханъ Гирей не видалъ,
Спотыкнулся и уналъ!»

Изъ этого мы узнали бы только, что Гирей — ханъ; но суровъ ли, или благодушенъ — это осталось бы въ невѣдѣнности и осталось бы также неразрѣшеннымъ, зачѣмъ сундукъ въ углу стоялъ? и какимъ образомъ Гирей могъ упасть, когда онъ сидѣлъ.

Въ мелодической рѣчи или, вѣрнѣе сказать, въ правильной мелодіи то же самое. Въ ней необходима логическая послѣдовательность, т.-е. связь между предложеніями, иначе мысль улетучивается и слуху представляется только хаотическое впечатлѣ-

нѣ безсвязныхъ звуковъ. Слѣшимъ оговориться. Этимъ примѣромъ мы хотѣли только, по возможности наглядно, доказать, что и въ мелодическихъ періодахъ должна быть логическая послѣдовательность, но не имѣли намѣренія подвести подъ уровень означеннаго примѣра фактуру всѣхъ вообще вагнеровскихъ мелодій. Вся симфоническая часть «Лоэнгрина» построена, напротивъ того, съ замѣчательною логическою послѣдовательностію; то же можно сказать и относительно хоральныхъ нумеровъ, но кантатены солистовъ (дѣйствующихъ лицъ), дѣйствительно, нѣсколько туманны и отзываются *производствомъ* (т.-е. фабрикаціею), а не вдохновеніемъ.

Восторженные поклонники г. Вагнера приписываютъ особенное значеніе постройкѣ и содержанію лирическихъ его драмъ.

Въ *поэмахъ* Вагнера, утверждаютъ они, нѣтъ никакой художественной или мишурныхъ эффектовъ, а все основано на художественной правдѣ. Посмотримъ, справедливо ли это показаніе.

Сюжетъ «Лоэнгринъ» заимствованъ изъ среднѣвѣковой германской легенды.

«Многимъ, конечно, извѣстно (говорить г. Фаминцынъ въ № 275 «Голоса») сказаніе о священномъ Гралѣ. Гралемъ, по преданію, называлась чаша, сдѣланная изъ драгоцѣннаго камня, изъ которой, во время тайной вечери, Спаситель давалъ пить вино апостоламъ; въ эту же чашу Іосифъ собралъ нѣсколько капель крови изъ раны пригвожденнаго къ кресту Спасителя, послѣ чего драгоцѣнное это сокровище переходило изъ рукъ въ руки, пока не было водворено, наконецъ, на священной горѣ, окруженной непроходимымъ кипариснымъ лѣсомъ, лежащей далеко на востокъ. Чаша сохранялась въ замкѣ или храмѣ, выстроенномъ королемъ Титурелемъ изъ дорогаго дерева, золота и драгоцѣнныхъ камней. Замокъ охраняли рыцари, отличавшіеся на землѣ высокими нравственными доблестями. Поступая въ число рыцарей Граля, они продолжали являться на землѣ для защиты невинности, и даже могли оставаться между людьми, но только до тѣхъ поръ, пока сохранялось втайнѣ ихъ знамя. Однимъ изъ преемниковъ Титуреля былъ Персиваль; снѣгъ его былъ тотъ самый Лоэнгринъ, о которомъ Вагнеръ говоритъ, что онъ искалъ женщины, которая бы всей душой, съ полнѣйшимъ довѣріемъ полюбила его, не спрашивая у него ни имени, ни рода».

Вотъ легенда, послужившая основаніемъ вагнеровской лирической драмы. Расскажемъ вкратцѣ содержаніе самой драмы.

Генрихъ-птицеловъ, король германскій, прибываетъ въ Брабантъ для учиненія суда и расправы. Фридрихъ Тельрамундъ, опекунъ малолѣтнихъ брабантскихъ принцевъ, пользуясь присутствіемъ короля, обвиняетъ Эльзу, принцессу брабантскую, въ убіеніи его брата. По приказанію короля, приводятъ на сцену Эльзу, нѣтъмъ неповинную, но немѣющую возможности

оправдаться, за немѣнимъ юридическихъ доказательствъ. Вся эта сцена судебного разбирательства утомительна и далеко не художественна. Согласно средневѣковымъ обычаямъ, король предлагаетъ Эльзѣ подчиниться испытанію «божьяго суда» то-есть предоставить защиту честнаго ея имени судьбѣ оружія. Эльза соглашается. Король повелѣваетъ глашатаямъ провозгласить обычный вызовъ. По третьему вызову появляется, наконецъ, защитникъ невинности. Вдали на рѣкѣ, видѣнъ челнокъ, влекомый лебедемъ. Издали, и лебедь, и челнокъ, и стоявшій въ немъ витязь должны, конечно, представляться въ уменьшенномъ видѣ; вслѣдствіе этого, за мѣсто Лоэнгринна показывается сначала небольшой мальчикъ, который, по мѣрѣ приближенія, преобразовывается въ широкоплечаго г. Никольскаго. Вотъ уже первое, и по вымыслу автора либрето, неизбежное отступленіе отъ художественной правды. За симъ начинается цѣлый рядъ несообразностей. Вопервыхъ, Лоэнгринъ, чудесное появленіе котораго на челнокѣ, влекомомъ лебедемъ, не могло не возбудить всеобщаго смятенія, продолжительно и преспокойно прощается съ лебедемъ:

«Плыви назадъ (говоритъ онъ) о, лебедь мой!
Путь твой въ далекія моря,
Туда, откуда мы съ тобой;
О, не забудь, мой другъ, меня!
Намъ (?) счастье здѣсь дано судьбой
Прости, прости, о лебедь мой!

Трогательное это прощаніе происходитъ во всеуслышаніе, на глазахъ оцѣпенѣвшей толпы народа, и въ виду короля, преспокойно возсѣдающаго на возвышенномъ мѣстѣ, не взирая на совершившееся чудо, то-есть несмотря на появленіе челнока, влекомаго лебедемъ.

Распростившись съ лебедемъ, Лоэнгринъ обращается наконецъ къ королю съ привѣтствіемъ. Король отвѣчаетъ, что онъ очень радъ прибытію неизвѣстнаго ему витязя, и предоставляетъ ему защиту обвиняемой. Эльза бросается къ ногамъ Лоэнгринна, и безъ дальнѣйшихъ оговорокъ прямо объявляетъ:

«Защитникъ правды! рыцарь мой!
Я вся твою! умру съ тобой.

Лоэнгринъ хладнокровно выслушиваетъ это обвиненіе, и даже не даетъ себѣ труда поднять колѣнопреклоненную Эльзу. Это уже не нормальски. Долго объясняется Эльза на колѣняхъ, и наконецъ, встаетъ и бросается на шею Лоэнгрину, несмотря на присутствіе короля, опекуна ея, остолбенѣвшихъ царедворцевъ и толпы народа. Странно также, что король разрѣшаетъ составленіе, то-есть очистительный поединокъ между однимъ изъ под-

властныхъ ему графовъ съ явнымъ чародѣемъ, раздѣвляющимъ на лебедѣ. Все это намъ кажется далеко отъ возвышенной, художественной правды, къ которой, говорятъ, стремится композиторъ-поэтъ Вагнеръ.

Лоэнгринъ побѣждаетъ, разумѣется, обвинителя Фридриха, и рѣшается жениться на Эльзѣ съ условіемъ, что она не будетъ допытываться о его происхожденіи. Но женщины, какъ извѣстно, до крайности любопытны. Несчастливая Эльза не сдержала слово, и въ самый день свадьбы, такъ настойчиво принялась допытывать Лоэнгринна: кто онъ такой? и откуда онъ? что рыцарь Граля, вѣршии своему обѣту, отправился вновь во своаго, покинуть любопытную Эльзу, которая, впрочемъ, тутъ же, на сценѣ, умираетъ съ горя. Рецензентъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», подписывающій статьи свои тремя звѣздочками, предлагаетъ назвать эту драму мѣщанскимъ произвѣснмъ: «Наказанное любопытство».

Для самолюбія великаго германскаго реформатора, это было бы уже слишкомъ обидно; но нельзя не согласиться, что поэма Лоэнгринна не соотвѣтствуетъ во многихъ отношеніяхъ тѣмъ возвышеннымъ цѣлямъ, къ которымъ, говорятъ, стремится Вагнеръ. Послѣдняя сцена, напимѣръ, вызываетъ улыбку, а вовсе не то возвышенное впечатлѣніе, на которое рассчитывалъ композиторъ-поэтъ. Смѣшно видѣть, какъ лебедь куврируется въ нарусинныя волны, изъ которыхъ возникаетъ человекъ, долженствующій изображать пропавшаго безъ вѣсти брата брабантской принцессы — и какъ голубокъ, замѣнившій лебеда, танецъ челнокъ на веревочкѣ.

Мы сказали уже въ началѣ статьи, какое впечатлѣніе производитъ на публику опера Вагнера. Большинство слушаетъ ее терпѣливо, съ средоточеннымъ вниманіемъ, но, повидимому, съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ.

Небольшой, но восторженный кружокъ любителей восхищается каждымъ ея звукомъ.

Мнѣнія, высказанныя въ повременныхъ изданіяхъ, довольно разнообразны.

Г. Фаминцынъ (въ № 273, 274 и 275 газеты «Голось») безусловно превозноситъ и теорію Вагнера и оперу «Лоэнгринъ».

Рецензентъ «Сына Отечества» отзыается о постановкѣ «Лоэнгринна» на нашей сценѣ, какъ о великомъ событіи, и самую оперу называетъ образцовою.

Г-нъ П. М. въ «Виржевыхъ Вѣдомостяхъ» говоритъ, что въ оперѣ Вагнера все вообще представляется продуктомъ глубокаго *музыкальнаго ума* и знакомства съ силами оркестра (№ 270-й «Вир. Вѣдом.»).

Рецензентъ «Инвалида» отзыается о «Лоэнгринѣ» съ уваженіемъ, но довольно сдержанно.

Въ разрывъ всѣмъ этимъ восхваленіямъ, въ № 278-мъ «С.-Пе-

тербургскихъ Вѣдомостей» является статья, въ которой рецензентъ подъ тремя звѣздочками объявляетъ во всеуслышаніе, «что Вагнеръ — художникъ совершенно бездарный, лишенный творческой способности, и что, къ тому же, въ натурѣ его лежитъ закваска грубаго безвкусія, отъ которой онъ никакъ не можетъ освободиться».

Означенный рецензентъ приучилъ уже читателей къ эксцентрическимъ выходкамъ, но намъ кажется, что въ этомъ отыивѣ скрывается именно та *закваска грубаго безвкусія*, которую онъ надѣляетъ Вагнера.

Вообще трудно понять, чего добивается и къ чему стремится господинъ о трехъ звѣздочкахъ.

Однажды, онъ обозвалъ Моцарта пошлякомъ; Вильгельма Теля Россини онъ называетъ тривіальнымъ произведеніемъ; Мейрбера — шарлатаномъ; Мендельсона — кислятиной и т. д.

До сего времени, судя по прежнимъ отзывамъ, мы полагали, что Вагнеръ придется ему по плечу — выходитъ, что нѣтъ. Увидимъ, что будетъ далѣе, и въ какомъ свѣтѣ выкажется суровый критикъ, когда онъ самъ выступитъ, наконецъ, на поприще композитора, какъ о томъ ходятъ слухи.

Другой рецензентъ газеты «Голосъ», г. Ростиславъ, не принимаетъ ни къ безусловнымъ восхвалителямъ «Лоэнгринъ», ни къ порицателямъ этой оперы.

Г. Ростиславъ стремится доказать, основываясь на выпискѣхъ изъ сочиненій Глюка, что главные принципы, такъ-называемой, вагнеровской теоріи, почерпнуты изъ давнишнихъ воззрѣній Глюка на лирическую драму. «Подобно Глюку — говоритъ онъ — Вагнеръ возстаетъ противъ преобладанія виртуозности и требуетъ отъ исполнителей выразительности, декламации, а не однихъ только вокальныхъ упражненій».

Подобно Глюку, прибавимъ мы отъ себя, Вагнеръ ищетъ художественной правды, но, судя по вышеупомянутымъ сценкамъ въ «Лоэнгринѣ», не всегда этого достигаетъ.

Высказавъ мнѣніе, что первенство реформы въ лирической драмѣ принадлежитъ по праву Глюку, а не Вагнеру, г. Ростиславъ (разбираетъ шагъ за шагомъ оперу (въ особенности первое дѣйствіе), отдаетъ справедливость лучшимъ мѣстамъ, указываетъ на то, что онъ почитаетъ недостатками, и относится вообще съ большимъ уваженіемъ къ труду нѣмецкаго композитора. Изъ статьи его можно сдѣлать слѣдующій выводъ. Хотя онъ и не признаетъ оперу Вагнера за *мировое собитіе*, за ультра-образцовое произведеніе, но видитъ въ ней весьма замѣчательный трудъ, изобилующій въ ея авторѣ весьма талантливаго композитора.

Склонясь въ пользу этого мнѣнія, мы присовокупимъ, что авторъ «Лоэнгринъ» по призванію *симфонистъ*, потому что вся симфоническая часть оперы неизмѣримо выше вокальной. Вообще

во всѣхъ нумерахъ, въ которыхъ попреимуществу участвуютъ хоральныя массы и оркестръ, тамъ Вагнеръ находится въ своей сферѣ; тамъ же, гдѣ должна преобладать одна кантилена, Вагнеръ или увлекается предвзятою теоріею, или слабѣетъ отъ недостатка мелодическаго вдохновенія.

Въ заключеніе обзора музыкальныхъ критикъ, написанныхъ по поводу «Лознгрива», мы должны упомянуть о письмѣ извѣстнаго нашего композитора г. Сѣрова, напечатаннаго на французскомъ діалектѣ въ 234-мъ № «Journal de-St.-Petersbourg».

Въ исполненіе возложеннаго на него порученія г. Вагнеромъ касательно наблюденія за постановкою на нашей сценѣ «Лознгрива», г. Сѣровъ почтительнѣйше доноситъ своему довѣрителю, что все обстоитъ благополучно. Онъ хвалитъ г. Никольскаго, г-жу Платонову, г. Кондратьева—всѣхъ вообще, и совершенно справедливо.

За симъ онъ отзывается съ болѣею похвалою о декораціяхъ, о костюмахъ, о капельмейстерѣ, о хорахъ и объ оркестрѣ.

Все это и справедливо и вполне законно; но вотъ что до крайности неловко въ письмѣ нашего соотечественника, предвзначеннаго для свѣдѣнія не одного только Вагнера, а распубликованнаго на весь міръ и при томъ въ полуофіціальной газетѣ, издаваемой въ Петербургѣ.

«Что же касается—говоритъ г. Сѣровъ—до нашей музыкальной критики, то это слабая наша сторона. Мы совершенно лишены талантливыхъ и свѣдущихъ людей по этой части. Наша пресса непопулярна, это правда, но она толкуетъ *pro* или *contra*, (то-есть и вкось и вкривь), частію изъ фанатическаго убѣжденія и частію по глупости (*par betise*)».

Неужели г. Сѣровъ позабылъ поговорку, «что выносить соръ изъ избы не слѣдуетъ» и не сообразилъ, что заявленіе его, напечатанное на французскомъ діалектѣ, получить огласку и подать весьма невыгодное понятіе объ умственномъ нашемъ развитіи. Притомъ г. Сѣровъ, выражаясь столь абсолютно и столь круто о русской музыкальной критикѣ, вызываетъ, по истинѣ сказать, возмутительную неблагодарность.

Кто, какъ не русская музыкальная критика, вынесла его «Юдифъ», такъ сказать, на плечахъ, объяснивъ недоумѣвающей публикѣ каждый звукъ, и внивувъ во всѣ намѣренія и поэтическіе оттѣнки автора?

Впрочемъ, можетъ быть, г. Сѣровъ составилъ себѣ особенное понятіе о чувствахъ благодарности.

Онъ, можетъ быть, формулируетъ это понятіе французскимъ изрѣченіемъ: «L'ingratitude c'est le privilège des grands hommes!»

СОВРЕМЕННЫЯ ЗАМѢТКИ.

Петербургскій климатъ и цивилизація. — «Прекрасная Елена» на русской сценѣ; ея дѣйствіе на публику и на дѣтей. — Зимнее занятіе для сельскихъ дамъ и двѣцъ. — Школы для взрослыхъ; могутъ ли онѣ хорошо идти при теперешнихъ народныхъ учителяхъ и не грѣшно ли учить и учиться въ праздники? — Последніе дни «Педагогическаго собранія». — О паранахъ. — Вытъ безземельныхъ крестьянъ. — Добрый помѣщикъ. — «Держи ихъ». — Подривъ коммерціи. — Мужья и жены. — NB.

Самое современное въ настоящую минуту, это — дождь, грязь и холодъ! Вотъ уже болѣе двухъ недѣль подрядъ петербургскіе жители не видали ни одного яснаго дня. Все дождь, дождь и дождь — петербургскій дождь, то-есть самый противный изъ всѣхъ возможныхъ дождей — мелкій, рѣдкій, едва замѣтный; но тѣмъ не менѣе, пронизывающій до мозга костей. Такая погода способна отравить всѣ радости жизни, — особенно у того, кто ихъ и безъ того мало имѣетъ! Она нагоняетъ тоску, отчаяніе и вызываетъ даже на рѣшимость раздѣлаться съ жизнью. Дѣ-томъ отравляла нашу жизнь дымъ, а теперь отравляетъ ее «петербургская погода».

Но не беспокойтесь за насъ, любезные провинціальныя читатели — мы далеки отъ силна и отъ всѣхъ страшныхъ послѣдствій его. Мало того, мы даже почти и не замѣчаемъ, что у насъ такая дурная погода. Это далеко не то же, что нашъ недавній гость — дымъ. Тогда мы хотѣли наслаждаться природой, хотѣли гулять, веселиться и, по мѣрѣ надобности, трудиться подъ открытымъ небомъ, сидѣть на балконахъ, у растворенныхъ оконъ. А теперь мы не имѣемъ никакой нужды въ природѣ. Хороша она, свѣтло, тепло, сухо — прекрасно! Нехороша — дождь, слякоть, мракъ — тоже не бѣда! Слава-Богу, мы пережили уже тотъ періодъ развитія, когда люди во всемъ зависѣли отъ вишней, неразумной, природы, и если мы не совсѣмъ еще подчинили себѣ эту вишнюю, такъ-сказать, уличную природу, за то сумѣли отрѣшиться отъ нея. На улицѣ можетъ быть и дождь, и свѣтъ, и холодъ и что угодно — для насъ это рѣшительно все равно! Въ нашихъ домахъ, театрахъ, клубахъ намъ и тепло, и свѣтло, и уютно; даже тѣмъ теплѣе и уютнѣе, чѣмъ хуже тамъ, на дворѣ. Зимой-то именно Петербургъ и хорошъ, и тѣмъ-то онъ собственно и хорошъ, что въ немъ можно найти всѣ удобства жизни, можно такъ хорошо оградить себя отъ всякихъ неудобствъ и непріятностей вишней, неразумной природы.

Другіе люди живутъ только лѣтомъ, а зимой прозябаютъ; мы же, наоборотъ, лѣтомъ прозябаемъ, а осенью и зимой живемъ. Чувствовать себя хорошо — тепло, сыто, весело — лѣтомъ, на солинышкѣ, на берегу ручейка, подъ тѣнью фруктоваго сада, среди полей и луговъ — невеликая хитрость; а вотъ ухитритесь устроить свое существованіе также точно пріятно и удобно при всѣхъ невгодахъ внѣшней природы — это не такъ-то легко! Для этого надобно сперва посѣять, а потомъ и пожать плоды цивилизаци. Мы хотя и мало ихъ сѣяли, за то пожинаемъ въ изобиліи. Пожинайте ихъ и вы, провинціальныя и сельскіе жители, тогда и вы заживете отлично.

Но вамъ далеко еще до насъ. Мнѣ даже грустно становится при мысли о томъ, какъ вы отстали отъ насъ! Я уже не говорю о томъ, что вамъ никогда не удастся видѣть и слышать божественную А. Патти (ея еще и мы до сегодня не видали), но вы не видали даже и «Елены прекрасной» — ни французской, ни нѣмецкой, ни русской! А мы ее видѣли, всѣхъ трехъ видѣли. Сперва французскую, потомъ нѣмецкую (въ двухъ экземплярахъ), и на дняхъ удостоились видѣть даже русскую. Можетъ ли что сравняться съ блаженствомъ видѣть эту «Елену прекрасную», слышать эти, за дуну забирающіе, мотивы, чувствовать этотъ невыразимый, пробѣгающій по всему тѣлу, трепетъ при видѣ того, какъ прелестная женщина, въ объятіяхъ такого же прелестнаго мужчины, падаетъ, падаетъ и, наконецъ, совсѣмъ падаетъ на софу! А кругомъ таинственный полумракъ; оркестръ что-то шепчетъ; правобѣды и лиценсты совсѣмъ замерли и, кажется, хотятъ прыгнуть на сцену; маменьки и сестрицы стараются ничего не видѣть, а папеньки и дяденьки пріятно ухмыляются и, такъ-сказать, облизываются. Ничего вы этого не видали и не переживали и, можетъ быть, долго еще не увидите и не переживете — бѣдныя вы провинціалы и деревенскіе жители! Жаль мнѣ васъ!

Вы, можетъ быть, скажете: я видѣть не желаемъ, потому что это безнравственно.

Безнравственно?... Можетъ быть. И у насъ многіе говорятъ то же самое, хотя въ то же время и сами идутъ и дѣтей своихъ пускаютъ смотрѣть эту безнравственность (я видѣлъ въ одной ложѣ Александринскаго театра цѣлую кучу дѣтей, 7—10-лѣтняго возраста, и всѣ эти дѣти хлопали «Еленѣ прекрасной» самымъ восторженнымъ образомъ). Что для дѣтей нетолько 7, но даже 15 или 17-лѣтняго возраста, «Елена прекрасная» зрѣлище нѣсколько преждевременное, съ этимъ я совершенно согласенъ. Но что касается до нашей обыкновенной театральной публики, то я не нахожу для нея ничего опаснаго и развращающаго въ этой пресловутой «Еленѣ», равно какъ и во всѣхъ подобныхъ ей нѣсахъ. Я не скажу, что «масла масломъ не испортишь», потому что это было бы слишкомъ сильно, и въ отношеніи ко многимъ посѣтителямъ нетолько Александринскаго и французскаго театровъ, но даже и въ отношеніи ко многимъ записнымъ

балетоманамъ несправедливо; но нѣчто подобное можно бы сказать. Конечно, кто никогда не бывалъ ни въ «Эльдорадо», ни на «Минеральныхъ водахъ», ни во французскомъ, ни даже въ Александринскомъ театрѣ и вообще не видывалъ ничего, хоть сколько-нибудь подобнаго «Прекрасной Еленѣ», для того эта «Елена» будетъ зрѣлищемъ, дѣйствительно, слишкомъ приятнымъ. Но такихъ наивныхъ или добродѣтельныхъ людей между зрителями русской «Прекрасной Елены», конечно, не много найдется. Петербургскіе жители привыкли уже ко многому, какъ хорошему, такъ и дурному, и насъ не удивишь ни тѣмъ, ни другимъ. Мы не приходимъ въ экстазъ отъ зрѣлища, преисполненныхъ добродѣтели, не рѣшаемся, вслѣдствіе одного того, что мы видимъ или слышимъ что-нибудь изъ ряда вонъ выходящее хорошее или полезное, сейчасъ же усвоить себѣ это и перенести въ свою жизнь. Равнымъ образомъ и дурное не дѣйствуетъ на насъ непременно одуряющимъ образомъ. Въ большинствѣ случаевъ, мы относимся ко всему этому только наблюдательнымъ образомъ. Вотъ эта прекрасная «Елена» дается у насъ на сценѣ уже третій (или четвертый?) годъ, но особеннаго ухудшенія нравовъ отъ этого не видно. Мы знаемъ, что при каждомъ представленіи этой пьесы на французской и нѣмецкой и теперь вотъ на русской сценѣ извѣстные юноши нажимаютъ собою театръ и высказываютъ свое полнѣйшее сочувствіе разнымъ пикантнымъ мѣстамъ этой пьески. Но заключать изъ этого о томъ, что, будто бы, прежде, до появленія у насъ на сценѣ подобной пьесы, юноши эти не сочувствовали ничему пикантному, или даже, что они можетъ быть и понятія не имѣли ни о какой пикантности и безнравственности, было бы слишкомъ несправедливо. Стоитъ только вспомнить о разныхъ, всѣмъ извѣстныхъ, сценахъ и подвигахъ на Невскомъ, въ Пассажѣ, на «Минеральныхъ водахъ», въ «Шато-де-Флѣръ» и т. п., или объ извѣстныхъ... анимальныхъ десертахъ, гдѣ на блюдахъ подавались къ столу женщины *sans habit*. Въ настоящее время только выступаетъ наружу, дѣлается явно, при тысячахъ зрителей, то, что прежде дѣлалось и чему высказывалось сочувствіе тайно, въ кругу посвященныхъ. Большой разницы здѣсь нѣтъ. Это едва-ли даже не шагъ къ лучшему; по крайней-мѣрѣ, это послѣдній шагъ на этомъ непохвальномъ пути. Потому что чего же еще ожидать за симъ? Анимальныхъ десертовъ? Но на сценѣ они невозможны, а въ посвященныхъ кружкахъ они потеряли уже интересъ новизны и не могутъ быть болѣе пикантны. По необходимости должно будетъ послѣдовать пресыщеніе. Вовбужденію этого чувства много могла бы помочь та часть публики, которая имѣетъ и понимаетъ и другіе еще интересы въ жизни, кромѣ этихъ — эротическихъ, хотя бы тѣмъ, чтобы поднимать на смѣхъ слишкомъ усердныхъ поклонниковъ «Прекрасной Елены».

Въ настоящее время еще трудно отличить въ Александрин-

скомъ театрѣ истыхъ, записныхъ поклонниковъ этой пьесы, отъ случайныхъ. Пьеса эта дана была по настоящее время всего только 7 или 8 разъ. Театръ постоянно полонъ; билеты достаются съ величайшимъ трудомъ, за нихъ платятъ вдвое, втрое, въ пятеро противу настоящей цѣны (одинъ барышникъ увѣрлялъ меня, что еслибы у него былъ пятирублевый билетъ въ бель-этажъ, для 3 представленія, то онъ сейчасъ же продать бы его за 50 руб.). Русскую «Прекрасную Елену» спѣшать видѣть всѣ: одни, чтобы посмотрѣть, какъ эта пьеса играется на русскомъ театрѣ; другіе чтобы насладиться знакомыми картинами; третьи — просто, чтобы посмотрѣть, что это за «Прекрасная Елена», о которой такъ много говорятъ. Судить о томъ, какъ русская (т.-е. собственно александринская публика) относится къ этой пьесѣ, трудно — въ театрѣ повидному всѣ очень довольны, всѣ веселы и смѣются. Но судить поэтому о томъ, что, будто бы, пьеса эта пришла въ свѣтъ какъ нельзя болѣе по вкусу, еще нельзя. Одни смѣются дѣйствительно потому, что чувствуютъ себя необмыновенно пріятно; другіе смѣются не болѣе и не менѣе, какъ надъ исполнителями; третьи — надъ глупостью многихъ мѣстъ пьесы; четвертые—надъ своими сосѣдями, приходящими отъ всей этой пивантности - галиматши въ восторгъ; наконецъ, пятые смѣются надъ самими собою, что и они сочли своимъ долгомъ непременно посмотрѣть эту пресловутую пьесу. Но есть и такіе, которые не смѣются, а сердатся. Они не удовлетворены. Они ожидали большаго, имъ слишкомъ много наговорили о пивантности пьесы. И вдругъ самое большее, самое пивантное только то, что Елена въ объятіяхъ Париса падаетъ на софу! Не знаю, много ли было такихъ недовольныхъ, но по крайней-мѣрѣ одинъ изъ моихъ сосѣдей высказывалъ такое недовольство довольно громко. И это даже въ отношеніи къ русской «Прекрасной Еленѣ», съ ея исполнительницей г-жею Лядовой, которая, единственная изъ всѣхъ видѣнныхъ мною шести (!) исполнительницъ этой роли, въ извѣстной сценѣ въ спальнѣ, не довольствуется простымъ обниманіемъ, но даже па-
даеть!...

Чему смѣются и отчего приходать въ восторгъ 7—10 лѣтнихъ дѣти, занимающія съ папашами и мамашами нѣкоторыя ложи бель-этажа, я не знаю; но во всякомъ случаѣ это слишкомъ не педагогически начинать воспитаніе дѣтей съ такихъ зрѣлищъ, какъ «Прекрасная Елена», и со стороны той части публики, которая понимаетъ это, было бы очень не лишне громко высказать свое негодованіе при видѣ того, какъ глупые родители привозятъ на представленіе подобныхъ пьесъ своихъ 7—10 лѣтнихъ дѣтей.

Отъ изложенія содержанія этой пьесы, хотя уже и старой для Петербурга, но новой собственно для русской сцены, равнымъ образомъ и отъ разбора игры исполнителей и описанія костюма главной исполнительницы (а костюмъ ея играетъ здѣсь не ма-

луду роль), я себя увольняю. Я потому только и о появленіи этой пьесы на русской сценѣ заговорилъ, чтобы показать провинціальнымъ читателямъ, чѣмъ мы теперь болѣе всего интересуемся и какъ умѣемъ отрѣшаться отъ всякихъ неприяностей окружающей насъ внѣшней природы. «Прекрасная Елена», «Царь Кандавлъ» (это есть такой балетъ, въ которомъ мужъ показываетъ пріятелю свою жену sans habit; а жена на это обижается и заставляетъ мужнинаго пріятеля убить за это ея мужа и жетиться на ней), ожиданіе пріѣзда Ад. Патти, клубные маскарады и т. п. интересы, заставляютъ насъ совершенно не замѣчать, что мы въ полномъ разгарѣ петербургской осени.

Но каково-то жить теперь въ провинціи, и особенно въ деревнѣ! Боже мой, какая, я думаю, тоска и скука! Конечно, карты и тамъ есть, и въ стуолку играть тоже умѣютъ; есть и унылыя фортепіано, можетъ быть, даже цѣлыя военные оркестры, подъ звуки которыхъ можно и танцовать, и шлетничать, и въ любви объясняться; есть, по увѣренію нѣкоторыхъ знатоковъ провинціального быта, и мадера въ изобиліи; но я разумѣю не тѣхъ провинціальныхъ жителей, у которыхъ все это есть, а тѣхъ, у которыхъ ничего этого нѣтъ, или и есть, могло бы быть, но они желали бы жить болѣе разумною жизнью. Чтò дѣлаютъ эти провинціальныя и деревенскіе жители?

Чтò дѣлаете вы, образованныя дамы и дѣвѣцѣ, живущія въ скучное осеннее и зимнее время въ деревнѣ? Вѣроятно, читаете газеты, романы и журналы, а между этимъ занятіемъ,—мечтаете, скучаете и жалуетесь на то, что кругомъ васъ такъ безлюдно? Знаете, чтò предложилъ бы я вамъ для того, чтобы вы могли разогнать свою скуку? Петербургскія дамы заявили желаніе учиться и просятъ открыть для нихъ лекціи при университетѣ; московскія дамы заявили то же самое; смоленскія, полтавскія, калишскія прислали, по этому поводу, сочувственные адреса. Вѣроятно, и много найдется еще женщинъ и дѣвѣцъ, которыя сочувствуютъ этому, которыя желали бы учиться; а тѣ, которыя будутъ лишены возможности посѣщать университетскія лекціи, будутъ завидовать этому, и еще болѣе скучать въ своемъ сельскомъ уединеніи. Но какъ бы вы наполнили свою жизнь, сколько это доставило бы вамъ развлеченія и, по всей вѣроятности, наслажденія, если бы вы послѣдовали примѣру тѣхъ двухъ деревенскихъ дѣвѣцъ, дочерей помѣщика, которыя всю прошедшую зиму занимались обученіемъ крестьянскихъ дѣтей грамотѣ? Если вы будете имѣть и университетскіе дипломы, а кругомъ васъ попрежнему будутъ сотни людей не только мало образованныхъ, но даже безграмотныхъ,—ваша жизнь будетъ попрежнему скучна и лишена всякихъ удобствъ цивилизованныхъ странъ. Въ сочувственномъ адресѣ калишскихъ дамъ, между прочимъ, говорится: «первоначальное воспитаніе и образованіе дѣтей въ Америкѣ, ввѣрено исключительно женщинамъ. И у насъ университетское образованіе доставитъ сотнямъ женщинъ средства серьезно преподавать науки»...

Это совершенно вѣрно, и противъ того, чтобы женщины, научнымъ образомъ образованныя, сдѣлались преподавательницами наукъ, нельзя ничего сказать. Но для того, чтобы учить людей грамотѣ или сообщать имъ общія понятія объ исторіи, географіи и отчасти литературы, нѣтъ необходимости имѣть университетскій дипломъ, — на столько-то, вѣроятно, учена каждая шестнадцативосемнадцатилѣтняя дѣвица, умѣющая говорить пофранцузски и играть на фортепиано. Покажите же свою любовь къ просвѣщенію не на томъ только, чтобы самимъ просвѣщаться, но и на томъ, чтобы другихъ просвѣщать, и если вы заявляли свое желаніе учиться, не боясь глупыхъ насмѣшекъ... синихъ колпаковъ, то нечего бояться вамъ и пересудовъ и насмѣшекъ разныхъ тѣтушекъ и братцевъ надъ тѣмъ, что вы просвѣщаете этихъ темныхъ людей.

Препятствій другаго рода, болѣе серьезныхъ, вы, въ настоящее время, кажется, не можете встрѣтить. Тѣ времена, когда просвѣщеніе считалось у насъ преступленіемъ или вообще не одобрялось, давно уже прошли; то время, когда просвѣщеніе считалось дѣломъ похвальнымъ, но преслѣдовалось распространеніе его или собственно распространители и распространительницы, тоже прошло уже. Воскресныя школы для дѣтей начинаютъ снова распространяться, хотя и въ другомъ видѣ. Недавно было даже заявлено официальное предложеніе епархіальнымъ архіереямъ открыть народныя школы для взрослыхъ — по вечерамъ и въ нерабочіе дни. Все это, кажется, говорить о томъ, что просвѣщеніе народа не считается уже, не можетъ считаться дѣломъ предосудительнымъ и что несоблюденіе нѣкоторыхъ формальностей при томъ, когда вы будете учить крестьянскихъ дѣтей азамъ или сообщать имъ общія свѣдѣнія изъ исторіи и географіи, — не будетъ преслѣдоваться, какъ полушеніе къ нарушенію общественнаго спокойствія. Притомъ же, вы и ваши отцы и супруги находитесь по всей вѣроятности, въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ съ мѣстными властями...

Примитесь же за это доброе и полезное дѣло, — полезное не только для другихъ, но столько же, если еще не больше, и для васъ самихъ, для вашихъ братьевъ и дѣтей, — если только просвѣщеніе вамъ въ самомъ дѣлѣ дорого.

Еще одно возраженіе, но уже самаго комическаго свойства. Это то, что вы, со времени утраты извѣстныхъ отношеній къ крестьянамъ, находитесь съ ними въ не совсѣмъ пріязненныхъ отношеніяхъ...

Но этого возраженія я не хочу и опровергать. Если вы дѣйствительно представите его мнѣ, то я въ отвѣтъ на это только пожелаю вамъ самой сильнѣйшей скуки и самой севернѣйшей осени, севернѣйшей зимы, весны и даже самаго невыносимаго, для васъ, лѣта!

Относительно школъ для взрослыхъ я считаю нелишнимъ до-

бавить, что их предполагается учредить преимущественно въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ уже есть школы для дѣтей; обученіемъ въ нихъ должны будутъ заниматься тѣ же учителя, которые и дѣтей учатъ; «учебными средствами предполагаются тѣ же средства каждой школы и кромѣ того вновь могущія поступить собственно на этотъ предметъ пожертвованія и восполненія отъ правительства».

Тѣ же учебныя средства... А мѣры привлеченія учениковъ въ школу и удержанія ихъ въ ней и особенно пресловутыя «педагогическія мѣры исправленія»? Тоже — *ты же?*

Конечно, въ школахъ для взрослыхъ этихъ педагогическихъ мѣръ не будетъ, — хоть потому, что взрослые ученики ихъ не потерпятъ; но за то вѣдь, вѣроятно, большая часть теперешнихъ учителей нашихъ народныхъ школъ едва-ли и способна будетъ привлекать взрослыхъ учениковъ въ школу и удерживать ихъ въ ней безъ этихъ педагогическихъ мѣръ. Взрослыхъ учениковъ нужно будетъ заинтересовывать самымъ предметомъ и способами преподаванія его, а на сколько сильна въ этомъ большая часть теперешнихъ сельскихъ учителей, это, кажется, всѣмъ извѣстно.

Вино новое, какъ извѣстно, въ мѣхи старыя не вливаютъ. Впрочемъ, во всякомъ случаѣ, къ мѣрѣ этой нельзя не отнести съ полнымъ сочувствіемъ. Хотя бы изъ сотни нашихъ теперешнихъ сельскихъ учителей только одинъ оказался способнымъ для своей новой роли, и то было бы прекрасно. Школы для взрослыхъ новость только для насъ, но въ Западной Европѣ и особенно въ Америкѣ онѣ, какъ извѣстно, давно уже существуютъ и приносятъ прекрасныя плоды.

Но, вотъ что, — не грѣшно ли учиться въ воскресныя и праздничныя дни?

Вопросъ, конечно, очень странный; тѣмъ не менѣе онъ недавно кѣмъ-то былъ возбужденъ и рѣшонъ — утвердительно! Ибо... «воскресныя и праздничныя дни, по ученію православной церкви, посвящаются отдыху отъ житейскихъ работъ и занятій, молитвѣ... Занятія умственныя для людей, обреченныхъ (?) на тѣлесныя работы, составляютъ отдыхъ, какъ было понимаемо это еще въ древности и выражено самымъ словомъ *школа* (школы), означаящимъ *праздность* (но вѣдь «праздность» есть мать всѣмъ порокамъ?!)... Несомнѣнно, что преподаваніе въ воскресныхъ школахъ есть трудъ для преподавателей; но сей трудъ совершается не съ цѣлію житейскихъ выгодъ, а имѣетъ свойство дѣла духовнаго милосердія, вполне приличнаго христіанскому проведенію праздниковъ».

Слѣдовательно, учителя народныхъ школъ не потребуютъ за свои воскресныя и праздничныя занятія въ школѣ прибавки жалованья, — не смѣютъ требовать, потому что, въ противномъ случаѣ, они будутъ нарушать заповѣдь о празднованіи воскресныхъ и праздничныхъ дней? Это меня очень радуетъ; а то я, при первомъ извѣстіи о томъ, что епархіальнымъ архіереемъ

предложено было устроить воскресныя школы для взрослыхъ, началъ-было опасаться, что слѣдствіемъ этого будетъ только возникновеніе новыхъ пререканій между писарями и сельскими старшинами съ одной стороны и сельскими же священниками съ другой — изъ-за платы за уроки, и даже, какъ дальнѣйшее слѣдствіе этого, разныя обвиненія и жалобы по начальству (Смotr. «Совр. Зам.» въ № 10 «Отеч. Зап.»).

Но въ то время, какъ для просвѣщенія народа выискиваются новыя средства, просвѣщенію самихъ просвѣтителей народа, учителей — угрожаетъ опасность. Извѣстно, что въ Петербургѣ нѣкоторые учителя казенныхъ и частныхъ училищъ и люди, вообще интересующіеся педагогіей, по два раза въ мѣсяцъ собираются вмѣстѣ для разъясненія разныхъ интересующихъ ихъ педагогическихъ вопросовъ. Сужденія и рѣшенія этого собранія, хотя и печатаются, въ видѣ резолюцій и педагогическихъ правилъ или аксіомъ, въ одномъ спеціальному журналѣ, для общаго свѣдѣнія, но они не имѣютъ ни для кого обязательной силы, ни кому не навязываются и не заставляютъ учителей слѣдовать въ ихъ практической учительской дѣятельности непременно этимъ рѣшеніямъ или совѣтамъ собранія педагоговъ. Можно быть даже членомъ этого собранія и не соглашаться съ его рѣшеніями и мнѣніями, составлять въ собраніи постоянную оппозицію и въ своей практической дѣятельности поступать совершенно вопреки рѣшеніямъ собранія, — собраніе не употребляетъ противъ этого никакихъ мѣръ, не исключитъ, на примѣръ, такого члена изъ своей среды. Словомъ, въ практическомъ отношеніи, это самое невинное и безобидное учрежденіе. Тѣмъ не менѣе ему угрожаетъ опасность закрыться. Если я не ошибаюсь, оно существовало доселѣ на правахъ только временнаго учрежденія; во всякомъ случаѣ, недавно оно представило проектъ своего переустройства. Но проектъ этотъ былъ возвращенъ собранію съ такими измѣненіями, которыхъ собраніе вовсе не желало, и, главное, съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы измѣненія эти были собраніемъ приняты, иначе — собраніе будетъ закрыто. Желая спасти хоть что-нибудь, собраніе рѣшилось принять эти измѣненія. Но здѣсь явилось еще особенное обстоятельство, которое можетъ устранить отъ участія въ совѣщаніяхъ будущаго, преобразованнаго, собранія бѣольшую часть его теперешнихъ членовъ. Лица, подписавшіяся подъ тѣмъ проектомъ, который представленъ былъ на утвержденіе, совершенно неожиданно для нихъ самихъ, признаны были учредителями будущаго собранія или общества, такъ сказать, единственными хозяевами дѣла. Отъ нихъ зависѣть будетъ принять въ свое общество всѣхъ остальныхъ членовъ настоящаго собранія или не принимать ихъ и лишитъ такимъ образомъ возможности гдѣ либо собираться и разсуждать о томъ, что ихъ такъ интересуетъ. Изъ того же самаго педагогическаго собранія, желавшаго только нѣсколько прочиѣе устроить свое существованіе и можетъ быть расширить

свои права, может выйти, при новомъ уставѣ, нѣчто совершенно другое, нисколько не похожее на теперешнее собраніе— съ другимъ направлениемъ, съ другими цѣлями дѣятельности.

Грустно было присутствовать на послѣднемъ засѣданіи этого собранія! Члены его видимо не знали, что же имъ дѣлать, на что рѣшиться — принять или не принимать? Да и что принимать? Вѣдь уже все рѣшено — общество уже существуетъ и извѣстныя лица, самая малая часть членовъ *бывшаго* педагогическаго собранія, признаны учредителями, основателями-хозяевами этого общества. Собственно говоря, педагогическое собраніе болѣе уже не существуетъ, и бывшіе члены его собрались только для того, чтобы узнать, что сдѣлалось съ ихъ ходатайствомъ, и потомъ спросить своихъ бывшихъ депутатовъ: что же вы, господа, намѣрены устроить общество или нѣтъ, и если намѣрены, то принимаете ли вы на себя нравственную обязанность и насъ, вашихъ бывшихъ довѣрителей, принять въ свою среду?

Нѣкоторые «основатели», кажется, испугались-было этой нравственной обязанности, потому что нѣкоторое время колебались отвѣтить *да*; другіе хотѣли вовсе отказаться отъ неожиданной для нихъ чести быть основателями. Но эти недоразумѣнія и колебанія скоро были разсѣяны, и всѣ «основатели» отвѣтили на оба вопроса утвердительно.

Во всякомъ случаѣ, посмотримъ, что-то выйдетъ изъ этого феникса и не начнетъ ли онъ пѣть, можетъ быть, болѣе громкую и благонамѣренную пѣсню, но только на другой ладъ.

Я распространяюсь о мелочахъ — о петербургской погодѣ, о пошленькой опереткѣ и о разныхъ педагогическихъ опытахъ; но въ началѣ истекшаго мѣсяца опубликованъ былъ законодательный актъ такой важности, что объ немъ, по всей справедливости, слѣдовало бы сказать прежде всего.

Это — указъ о поземельномъ устройствѣ царанъ.

Царане — это крестьяне Бессарабской области, неизмѣнныя своей земли и жившіе на землѣ, принадлежавшей помѣщикамъ и духовному вѣдомству. Они пользовались личною свободой, но «имѣли право переходить съ земли помѣщика только на землю другого помѣщика, на казенныя же земли не принимались; переселятса на свой собственный участокъ земли, если такой участокъ ими приобретался, они имѣли право только въ томъ случаѣ, если участокъ этотъ заключалъ въ себѣ пространство не менѣе четырехъ фальчей (?) въ одномъ мѣстѣ». За пользованіе землею царане платили или работою, или деньгами и, кажется, въ обоихъ случаяхъ, еще десятую часть взъ продуктовъ земли. Съ изданіемъ настоящаго указа, царанамъ отдается все то количество земли, которымъ они доселѣ пользовались за повинности: усадьбы, пастбища, водопой, пахатныя и сѣнокосныя земли и сады; «отвождъ земель дѣлается по добровольному соглашенію, а если соглашеніе не состоится, то на основаніи обязательныхъ правилъ. Если царане пользовались землею въ меньшемъ коли-

чествѣ, противъ установленнаго, то могутъ получить новыя, или дополнительныя участки». За отведенныя имъ участки, они должны отбывать прежнимъ владѣльцамъ земли опредѣленную повинность — денежную или надѣльную, по взаимному соглашенію (впрочемъ, съ нѣкоторыми ограниченіями, направленными къ тому, чтобы крестьяне отбывали преимущественно денежную повинность). Затѣмъ, крестьяне могутъ выкупать свои участки, и дѣлаться «крестьянами-собственниками». При выкупѣ, они пользуются содѣйствіемъ отъ правительства. «Если помѣщикъ самъ потребуетъ выкупа отъ поселянъ, то они могутъ отказаться отъ него не иначе, какъ отказавшись въ то же время и отъ пользованія своимъ надѣломъ. Но въ такомъ случаѣ, земля эта поступаетъ не въ пользованіе помѣщика, а въ пользованіе другихъ лицъ земледѣльческаго сословія, съ торговъ».

Такимъ образомъ, бытъ царанъ устроивается почти совершенно ед тѣхъ же началахъ, какъ это было и съ бывшими великорусскими и малорусскими крѣпостными людьми. Нѣкоторыя частности этого устройства зависятъ чисто отъ мѣстныхъ условій.

Я не буду вдаваться въ подробности, которыя можно бы было извлечь изъ положенія, — для большинства читателей, это будетъ едва-ли интересно. Гораздо интереснѣе было бы представить здѣсь описаніе прежняго быта царанъ — на сколько онъ разнился отъ быта, такъ хорошо знакомыхъ намъ, нашихъ крѣпостныхъ крестьянъ, или былъ сходенъ съ нимъ.

По однимъ голымъ фразамъ: денежная повинность и надѣльная повинность, нельзя еще судить объ истинномъ положеніи дѣла. Повидимому, въ этихъ фразахъ нѣтъ ничего особенно страшнаго; кажется, нѣтъ и особеннаго улучшенія въ томъ, что теперь царане будутъ отбывать «опредѣленную» денежную и надѣльную повинность; но мы знаемъ, что скрывалось подъ этими выраженіями, въ отношеніи къ нашимъ «крѣпостнымъ», прежде, и что разумѣется подъ ними теперь. Разница, повидимому, невелика, повидимому, — кромѣ личной крѣпостной зависимости, — все остается по прежнему. Денежная повинность — это «оброкъ», надѣльная или задѣльная — это «барщина». Но если судить о значеніи этихъ, повидимому, совершенно одинаковыхъ терминовъ по тому, что говорятъ объ нихъ такъ-называемые крѣпостники, то окажется, что между теперешнимъ отношеніемъ крестьянъ къ ихъ повинностямъ и прежнимъ окажется огромная, почти неизмѣримая разница. То же, вѣроятно, окажется и относительно новыхъ повинностей царанъ.

Для большинства публики, неинтересующейся частностями, самое главное въ этомъ указѣ о царанахъ то, что всѣ надежды извѣстныхъ личностей на поворотъ къ прежнему вдругъ оказываются совершенно неосновательными. Напрасными оказываются и всѣ опасенія другихъ людей. Еслибы существовали какія-либо колебанія и сомнѣнія относительно того, что не постигши ли-де съ освобожденіемъ крестьянъ, не слишкомъ-ли быстро пошли по

новому пути и не слѣдуетъ-ли нѣсколько возвратиться назадъ, то не было бы необходимости снѣшить и освобожденіемъ паранъ.

Мы желаемъ вѣдь не прежней барщины и не прежняго оброка, а не болѣе и не менѣе, какъ прежней личной крѣпостной зависимости! А тутъ вдругъ даютъ землю, открываютъ возможность сдѣлаться совершенно независимыми людьми — положимъ, что какими-то паранамъ, а не русскими мужикамъ, но все же рабамъ, мужикамъ! Кого бы ни освобождали и гдѣ бы ни освобождали, — пусть будутъ это польскіе крестьяне, латыши, ирландцы, негры — это все равно; главное — принципъ!

И этому-то принципу наносится ударъ!

Какъ бы то ни было, и чтó бы ни случилось, но, послѣ новаго акта освобожденія людей несвободныхъ, самое послѣднее, чего можно бы было ожидать, не можетъ уже осуществиться. И люди, мечтающіе о восстановленіи въ Россіи прежняго крѣпостнаго права, должны теперь направить свои надежды и злоухищренія на что-нибудь другое; съ другой стороны, и всѣ ихъ козни къ восстановленію безвозвратно осужденнаго, можно оставлять на будущее время безъ вниманія.

Это, впрочемъ, не значитъ, что я предлагаю пѣть пѣсню о побѣдѣ или объ обезоруженіи, — до этого еще далеко! Мы видимъ, что бывшіе крѣпостные крестьяне не блаженствуютъ еще, хотя они и освобождены уже отъ личной зависимости и землю владѣютъ; не блаженствуютъ и государственные крестьяне, хотя они всегда были вольными и землю имѣли. Стало быть, могутъ быть и еще нѣкоторые другія обстоятельства, кромѣ крѣпостной зависимости и невладѣнія землем, которыя могутъ мѣшать людямъ жить хорошо. Восстановленіе крѣпостнаго права, очевидно, уже невозможно; тѣмъ не менѣе у насъ все еще есть люди, которые стремятся къ достиженію этой недостижимой цѣли, а стремясь къ ней, они постоянно изобрѣтаютъ всевозможныя препятствія и затрудненія для того, чтобы благодѣтельная мѣра и начинанія развивались надлежащимъ образомъ. Они до того запутываютъ и затемняютъ дѣло, что иногда становится совершенно трудно его узнать. Отъ этого у насъ оказывается необходимою какая-то постоянная внутренняя, скрытая война: съ одной стороны запутываніе, съ другой распутываніе, при чемъ никто ничего положительнаго не выигрываетъ, а только понапрасну силы тратятся. Не лучше ли бы было, еслибы люди ясно и опредѣленно сознали свое положеніе, опредѣлили бы свои цѣли и взаимное отношеніе и, отдѣлившись при этомъ достижимое отъ недостижимаго, дружно, не мѣшая другъ другу, стремились къ упроченію своего благосостоянія? Но это невозможное дѣло, — мы стремимся къ достиженію цѣлей не параллельно идущихъ, не такихъ, которыя допускали бы совместное существованіе, а прямо протавоположныхъ, другъ другу враждебныхъ. Кто-нибудь долженъ при этомъ уступить. Кто же долженъ уступить? Сила или правда? Но и сила и правда находятся

на одной сторонѣ; на другой же сторонѣ только сила случайная, временная, и рано или поздно она должна будетъ уступить силѣ дѣйствительной. Вѣдь это уже общезвѣстная, избѣгата истина, что до тѣхъ воровъ, пока имѣть общаго благосостоянія, благосостоянія большинства, и благосостояніе частное, личное, идущее въ разрѣзъ съ общимъ, не можетъ быть въ такой степени совершенно и прочно, какъ это было бы при обратномъ положеніи дѣла.

Но дѣло въ томъ, что мы далеко не хватаемъ. Мы не задумываемъ не только за столѣтія впередъ—куда ужъ намъ до этого! мы не рассчитываемъ впередъ даже за десятокъ лѣтъ, даже за годъ. Только вотъ теперь было бы намъ хорошо, въ настоящую минуту, а тамъ—будь, что будетъ!

Это какое-то невольническое легкомысліе, и нельзя было бы думать, что такъ способны дѣйствовать люди, имѣющіе всю видимость крайней солидности, люди важные, глубокомысленные, рассуждающіе о предметахъ самыхъ возвышенныхъ.

Но ихъ дѣла показываютъ это. Вся эта важность и солидность, эти, повидимому, серьезныя пренія и рассужденія и этотъ жаръ, — все это нанужное, только виѣшній лоскъ, слѣды и плоды извѣстнаго воспитанія. Человѣкъ здравомыслящій съ этими людьми не можетъ говорить и никогда ни въ чемъ ихъ не убѣдить, потому что они неспособны понимать и убѣждаться. Да она и слушать не будутъ, и рассуждать не будутъ, потому что не привыкли къ этому. Поэтому, ихъ надобно оставлять въ покоѣ и только передѣлывать то, что они дѣлаютъ. Дѣти шалить, разбрасываютъ игрушки и все ставятъ въ домѣ вверхъ дномъ, а няня ходи за ними и подбирай, приводи все въ порядокъ.

Но кто же долженъ быть здѣсь нянькой?

Такъ-какъ настоящихъ, такъ сказать, узаконенныхъ нянекъ при этихъ дѣтяхъ не полагается, то должны явиться непрошенныя, самозванныя няньки. И такую нянькой можетъ и долженъ быть всякій, кто въ состояніи замѣтить беспорядокъ, производимыя этими дѣтьми. Будьте такой нянькой и вы, читатель, и, не вступая въ споры и рассужденія съ тѣми, которые не въ состояніи рассуждать, распространяйте здравыя понятія и взгляды на вещи въ той средѣ, которая можетъ понимать и убѣждаться.

Возвращаясь къ даранамъ.

Я увѣренъ, что очень многіе, слыша о томъ, что какимъ-то даранамъ дали свободу или что ихъ надѣлили землею и сравняли ихъ положеніе съ теперешнимъ положеніемъ бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ, спрашивали себя: да развѣ были еще въ Россіи такіе крестьяне, которыхъ не коснулась реформа 19 февраля? Мы знаемъ въ Россіи только «воляжскіе» и «барскіе» люди; барскіе укажемъ 19 февр. были освобождены; затѣмъ, кажется, не должно уже было остаться на всемъ пространствѣ Русской Имперіи ни одного человѣка несвободнаго или находящагося въ такомъ же положеніи, какъ бывшіе «барскіе» люди. Откуда же явились еще эти

даране, относительно которых оказался необходимымъ почти такой же указъ, какъ знаменитый указъ 19 февраля?

Да, были, и ветолюк были, но и теперь есть еще въ Россіи люди, которые находились и находятся почти въ такомъ же состояніи, какъ наши бывшіе барскіе люди до ихъ освобожденія. Въ нѣкоторомъ отношеніи положеніе этихъ людей даже хуже, чѣмъ бывшее положеніе русскихъ крестьянъ. Это — крестьяне, нанимающіе своей земли и живущіе на землѣ чужой, съ которой ихъ могутъ прогнать по произволу. Бывшіе русскіе помѣщики обременяли своихъ крестьянъ непомерной барщиной и непомерными оброками, они могли ихъ даже продавать, какъ движимое имущество; но они не имѣли права сгонять ихъ съ земли и никогда не сгоняли. А крестьянъ острова Эзеля недавно выгнали изъ ихъ домовъ, прогнали съ усадьбъ и, такъ сказать, прижали къ берегу моря. Да и это была еще милость, что берегъ-то моря имъ оставили, потому что и берегъ моря былъ не ихъ.

Они жили на чужой землѣ, за которую должны были платить аренду. Въ настоящемъ году имъ объявили, что съ будущаго года они должны платить больше. Крестьяне не захотѣли на это согласиться, и тогда имъ приказано было убраться куда угодно. Крестьяне не уходили. Для «усмиренія» ихъ привезли были войска. И крестьяне усмирившись, — съ женами и дѣтьми и со всѣмъ домашнимъ скарбомъ поселились... нѣтъ, просто расположились, сѣли на берегу моря! Они могли бы идти и нѣсколько дальше еще, въ самое море, потому что имъ оставлены были лодки и рыболовныя сѣти — они могли бы жить на этихъ лодкахъ!

Въ настоящее время, кажется, все уже уладилось: одни крестьяне приняли условія, на которыхъ имъ отдали землю, другихъ пустили въ избы, на время.

Все это основывается болѣе или менѣе на правѣ, на томъ, что земля крестьянамъ въ самомъ дѣлѣ не принадлежитъ. Но крестьянамъ отъ этого не легче, и тѣмъ хуже для нихъ, что они должны бѣдствовать на основаніи права.

А въ такомъ отношеніи къ землѣ находятся не одни только жители небольшого острова Эзеля, но почти все крестьянское сословіе прибалтійскихъ губерній, около 4 миллионъ людей.

Поэтому мы въ правѣ ожидать, что и они, въ виду освобожденія русскихъ крѣпостныхъ крестьянъ и надѣла ихъ землею и въ виду недавняго переустройства быта царствъ, въроатно, болѣе или менѣе скоро деждутся своего 19-го февраля и 14-го іюля.

Справедливость и необходимость, а можетъ быть даже и близость такой мѣры начинать, кажется, сознавать и сами привилегированные землевладѣльцы этого края. Недавно напечатано было въ газетахъ, что одинъ ливляндскій помѣщикъ, нѣкто фонъ-В., возвратившись откуда-то, послѣ семилѣтняго отсутствія, въ свои владѣнія, созвалъ всѣхъ крестьянъ, живущихъ на его землѣ и, между прочимъ, объявилъ имъ слѣдующее: «Хотя въ

моихъ помѣстьяхъ уже давно соблюдалось правило, по которому арендное владѣніе крестьянскимъ участкомъ постоянно переходило отъ отца къ сыну, но я хочу, чтобы теперь вы стали причастны *благодѣянію* жить на собственной своей землѣ. При продажѣ участковъ я вовсе не имѣю въ виду достиженіе значительныхъ барышей; я хочу прежде всего, чтобы каждый теперешній арендаторъ могъ стать собственникомъ арендуемаго имъ участка. Съ этою цѣлью я назначаю умѣренную цѣну, въ размѣрѣ отъ 100 до 150 руб. сер. за талеръ, такъ что стоимость талера среднимъ числомъ не должна превышать 125 руб.». «Принимая во вниманіе, что и при такой платѣ за талеръ, многіе изъ крестьянъ не будутъ въ состояніи тотчасъ же совершить куплю, такъ-какъ скопленные ими избытки потрачены на улучшение хозяйства, г. фонъ-В. обѣщаетъ не стѣснять ихъ относительно уплаты, а выжидать пока каждый изъ нихъ скоптитъ сумму, равную шестой части стоимости талера».

Не зная мѣстной стоимости земли, трудно судить о томъ, насколько это предложеніе для крестьянъ выгодно, особенно еще при неясности и неопредѣленности послѣдняго, только что приведеннаго условія. Во всякомъ случаѣ, здѣсь важно признаніе того, что жить крестьянамъ на своей собственной землѣ есть — *благодѣяніе* для нихъ *.

Одинъ господинъ открылъ, впрочемъ, и другое средство къ возвышенію благосостоянія остзейскихъ крестьянъ. Онъ говоритъ, что крестьяне бѣдствуютъ оттого, что землевладѣльцы бѣдствуютъ; поэтому нужно прежде всего, посредствомъ учрежденія въ краѣ, на счетъ государства, обширныхъ общественныхъ работъ, возвысить благосостояніе помѣщиковъ; тогда около нихъ и крестьяне могутъ кое-чѣмъ поживиться! (Не такъ, что общественныя работы дадутъ крестьянамъ возможность больше добывать; нѣтъ, а именно, что помѣщиками, улучшивъ, вслѣдствіе этихъ работъ, свое состояніе, расширятъ затѣмъ кругъ своей дѣятельности и дадутъ этимъ земледѣльческому сословію возможность больше зарабатывать).

Но довольно объ этихъ слишкомъ серьезныхъ матеріахъ. Я долженъ еще сказать кое-что о двухъ судебныхъ процессахъ, надѣлавшихъ въ послѣднее время очень много шума, или, собственно, кое-что по поводу ихъ.

Если считать публику, присутствующую на судебныхъ засѣданіяхъ, представительницею всего общества данной мѣстности, — а вѣдь есть много основаній такъ думать, — то я долженъ сознаться, что мы, петербуржцы, недавно сконфузили себя самымъ ужаснымъ образомъ. Ибо мы въ одномъ судебномъ засѣданіи держали себя такъ дурно, что насъ начали переписывать, какъ

* Г. фонъ-В. подарилъ еще крестьянамъ, на ихъ общественныя нужды, нѣсколько земли, строеваго лѣсу для постройки лазарета и домовъ общиннаго управленія и довольно значительную сумму денегъ.

распалвившихся школьничковъ, а когда мы пустились отъ этого бѣжать по коридору и внистъ по лѣстницѣ, то на насъ (будто-бы) завричали даже: «Держи ихъ». Такому пострашенію не подвергались даже жители ни одного уѣднаго городишка, а мы, просвѣщенная публика просвѣщенной столицы... Что же, послѣ этого, подумаютъ объ насъ «провинціалы»? Хороши вы, скажутъ они! Только гордиться и хвалиться передъ нами умѣете, а сами и хорошаго обращенія не знаете, не умѣете солиднымъ образомъ вести себя въ публичномъ мѣстѣ, да и трусы отчаянные.

Что дѣлать, мы и сами сознаемъ это, и одна газета прочтала уже публикѣ по этому поводу приличное наставленіе. Смыслъ этого наставленія тотъ, что: 1) въ публичномъ мѣстѣ слѣдуетъ вести себя прилично, 2) если имѣешь мнѣніе и высказываешь его, то имѣй храбрость и защищать его; какиѣ бы ты опасностямъ за это ни подвергался, оставайся при своемъ.

Это очень хорошія мысли и ихъ нельзя не одобрить. Но «свойдите въ положеніе...» Извѣстно вѣдь, что въ нихъ случаяхъ отъ избытка сердца уста говорятъ, а равнымъ образомъ и руки. А то засѣданіе петербургскаго окружнаго суда, гдѣ публика такъ неблагоуразумно высказала свое сердце, говорить, было очень чувствительное; нѣкоторые присяжные засѣдатели, будто бы, плакали, и обвиняемый плакалъ, и самъ г. Лохвицкій, защитникъ его, тоже плакалъ! Такъ какъ же тутъ было публикѣ-то не расчувствоваться и на мгновеніе не забыть, что выражать въ судѣ свои чувства ей не дозволено! (Это было уже по окончаніи всего, въ тотъ моментъ, когда присяжные засѣдатели сказали: «невновѣнъ»). Но я все-таки вполне соглашаюсь съ тѣмъ, что публика поступила нехорошо.

Загѣмъ, о трусости и бѣгствѣ публики. Это тоже очень нехорошо, это даже ужъ совсѣмъ нехорошо — бѣжать! Даже безъ верхней одежды, совсѣмъ бѣжать и придти за своими пальто только на другой день, и при этомъ еще говорить, что мы-де вчера случайно забыли ихъ здѣсь! Это уже ни на что не похоже, и я увѣренъ, что такихъ бѣглецовъ, а равнымъ образомъ и вообще бѣглецовъ, было немного, и судить по нимъ о всей публикѣ, бывшей на этомъ засѣданіи — не слѣдуетъ. Но что вообще струсить можно было, то съ этимъ, вѣроятно, всякій согласится. Въ этомъ засѣданіи былъ одинъ мой знакомый, морякъ, который бури и штурмы выдерживалъ, грохота пушекъ не боится, abordажы видывалъ — и тотъ струсилъ! Одобрить этой трусости нельзя, но объяснить и понимать ее можно. Поэтому что... Да неужели это требуетъ еще объясненія? Мы родились и выросли въ страхѣ Божиемъ, въ немъ и должны пребывать, и если на публику, посвѣщающую судебныя засѣданія, смотреть такъ, что ее не только можно «иеренасивать», но даже кричать на нее «держи ихъ», то, стало-быть, публика эта имѣетъ основанія иногда и трусить. Это, кажется, ясно, какъ день.

Посему, господа провинціалы, не насмѣхайтесь надъ нашей трусостью — и вы не имѣете основанія быть храбрѣе насъ.

О самомъ процессѣ я не считаю нужнымъ говорить, потому что онъ не представляетъ ничего особеннаго, хотя объ немъ почему-то и много говорятъ (одинъ адвокатъ обвинялся въ присвоеніи денегъ своей довѣрительницы; но это не было доказано, и онъ оправданъ).

Другой процессъ — въ Москвѣ, отставнаго полковника Колзакова.

Здѣсь интересна самая сущность дѣла, или, вѣрнѣе, то, что въ настоящее время могутъ возникать судебныя преслѣдованія, даже и по такимъ дѣломъ, какъ поступокъ Колзакова. А поступокъ этотъ такого рода, что тысячи, десятки тысячъ русскихъ людей ни за что не признаютъ его преступленіемъ. Отставной полковникъ Колзаковъ занимался покупкою и продажей лошадей; покупалъ за дешево, продавалъ за дорого, то-есть барышничалъ или велъ маленькую торговлю лошадыми. Вотъ, однажды, и случилось ему продать пару такихъ лошадей, которыя были съ изъяномъ, а онъ увѣрялъ, что лошади совершенно здоровы. За это его и отдали подъ судъ и даже присудили къ лишенію всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ и на 3 мѣсяца къ тюрьму.

Справедливо ли осужденъ Колзаковъ или нѣтъ, это, пожалуй, вопросъ еще спорный, потому что Колзаковъ увѣряетъ, что онъ не хотѣлъ обмануть и заявлялъ, что лошади не совсѣмъ здоровы; но бесспорно то, что отъ сего дня коммерція не можетъ болѣе процвѣтать, что за обманъ при продажѣ можно подвергаться судебному преслѣдованію и лишиться даже правъ состоянія! А развѣ можно торговать безъ обмана? Конечно, обманъ въ торговлѣ и прежде не считался добродѣтелью, но прежде за него, по крайней мѣрѣ, не преслѣдовали, и вундъ, продавшій дурную вещь за хорошую, могъ считать себя, съ полученіемъ за нее денегъ, уже совершенно покойнымъ. Много, много еслибы его за это при случаѣ ругнули. Но брань на вороту не виснетъ. А теперь?! За всякую лежалую, подмошную, подсохшую, подрашенную, вообще попорченную вещь можно попасть на скамью подсудимыхъ! Нѣтъ, да на что же это похоже! Этакъ совсѣмъ и торговать нельзя!

И вотъ «новый судъ» пріобрѣтаетъ себѣ еще новыхъ враговъ, въ лицѣ торгующаго и плутующаго купечества (т.-е., того купечества, которое съ плутнями торгуетъ)! Впрочемъ, это враги неопасныя.

Но неужели честность, гуманность и вообще человѣческія отношенія между людьми должны у насъ распространяться, въ самомъ дѣлѣ, только чрезъ угрозы наказаній? Это было бы очень прискорбно; а однако это почти такъ; потому что другихъ средствъ для нашего гражданственнаго воспитанія или перевоспитанія у насъ очень мало. И потому, остается только же-

дать, чтобы новый судъ все болѣе и болѣе расширялъ сферу своей дѣятельности и принималъ къ разбирательству и рѣшалъ по правдѣ и совѣсти даже такіа дѣла, на которыя, повидимому, и суда нѣтъ.

Дѣлъ такого рода много; но въ настоящій разъ я укажу только на одно — это ненормальныя отношенія между лицами, связанными между собою узами родства. Хотя дѣла этого рода судъ и принимаетъ къ разбирательству, но онъ относится къ нимъ крайне нерѣшительно и сдержано, — вѣроятно, въ томъ предположеніи, что дѣла этого рода должны сами собою улаживаться и что въ нихъ должно быть какъ можно рѣже и меньше допускаемо постороннее вмѣшательство. Онъ беретъ за нихъ со всею своею обыкновенною строгостію, со всеѣмъ безпристрастіемъ только тогда, когда изъ простыхъ ненормальныхъ отношеній возникаютъ уже положительныя преступленія. Какъ, напримеръ, поступаетъ судъ въ томъ случаѣ, если жена жалуетъ на своего мужа, что онъ съ ней дурно обращается и что ей отъ него житья нѣтъ? Если жалоба справедлива, то мужа сажаютъ на нѣсколько мѣсяцевъ въ тюрьму, съ преданіемъ церковному покаянію, или и безъ преданія покаянію, — и только. А по окончаніи срока заключенія, мужъ опять начинаетъ поминать женою, и конечно, еще хуже прежняго (бываютъ даже и такіа рѣшенія суда, что виноватые выходятъ вовсе ненаказанными!). Но вотъ жена, выведенная, наконецъ, изъ терпѣнія, рѣшается на преступленіе, — и тогда ее судятъ уже по всей строгости законовъ, — не обращая вниманія на то, что она была доведена до преступленія снисходительностію или недѣятельностію самого же закона. То же самое и наоборотъ, — когда мужъ, чтобы избавиться отъ жены, рѣшается на преступленіе, — хотя это и несравненно рѣже бываетъ. (Вообще, статистика признаетъ, что жены чаще убиваютъ своихъ мужей, чѣмъ мужья женъ, потому что женамъ чаще приходится страдать отъ мужей, чѣмъ мужьямъ отъ женъ). Бываетъ еще и другой исходъ дѣла, и едва-ли не гораздо чаще, — это самоубійство. Здѣсь суду уже не приходится ничего дѣлать, развѣ только лишить самоубійцу счастнаго погребенія!

«Въ «Кіевлянинѣ» извѣщаютъ, что въ Житомирѣ, въ домѣ отставнаго коллеж. асессора К., повѣсилась жена его, какъ передаетъ полицейское дознаніе, вслѣдствіе жестокаго обращенія съ нею мужа ея».

Будетъ ли за это мужъ подлежать какому либо наказанію или нѣтъ, — это неизвѣстно еще; очень можетъ быть, что и нѣтъ, или что все наказаніе ограничится преканіемъ мужа церковному покаянію; и во всякомъ случаѣ онъ не будетъ судимъ, какъ убійца. Да дѣло-то и не въ томъ, чтобы мужа непременно наказали, — жена его отъ этого не воскреснетъ, а въ томъ, какъ дошла эта несчастная женщина до того, что единственное для нея средство спасенія, защиты оказалось само-

убійство! Чѣмъ дѣлали тѣ люди и учрежденія, которые защищаютъ насъ не только отъ самыхъ мелкихъ ворюшекъ, но которые наблюдаютъ даже затѣмъ, чтобы мы, въ извѣстныхъ случаяхъ и мѣстахъ не слишкомъ громко говорили, не смѣялись бы и не хлопали въ ладоши, и допускаютъ людей страдать до такой степени, что они рѣшаются даже на самоубійство? А въ настоящемъ случаѣ былъ, кажется, всѣ данныя для того, чтобы предотвратить этотъ роковой конецъ. Еще въ августѣ напечатано было въ петербургскихъ газетахъ слѣдующее извѣстіе изъ Житомира: «Молодому человѣку, принадлежащему, по положенію своему, къ порядочному обществу, поправилась молодая дѣвушка, дочь родителей, по сословію и по положенію, пользующихся почетомъ. Умная, хорошо воспитанная и хорошенькая собой, дѣвушка составитъ семейное счастье, а пожалуй, и карьеру; примѣривъ-то у насъ на это много,—разсуждалъ года два тому назадъ молодой человѣкъ. Познакомившись съ родителями дѣвушки, онъ началъ скатать руки ея, но во все время знакомства не только не могъ возбудить въ ней привязанности къ себѣ, но рѣшительно не нравился,—былъ, какъ говорится, не по сердцу. Хотя онъ и видѣлъ холодность дѣвушки, но это не только не отдаляло его отъ нея, а, напротивъ, еще усиливало его намѣренія, и онъ задалъ себѣ задачу, во что бы то ни стало, жениться на ней. Онъ увидѣлъ возможность осуществить свои надежды черезъ мать дѣвушки и сталъ настойчиво домогаться согласія дѣвушки на бракъ съ нимъ. Болѣе года продолжались настоянія и вразумленія со стороны матери, но молодая дѣвушка была непреклонна. Мать желала, какъ говорится, сбить дочку съ рукъ, и когда увидѣла, что ни совѣты, ни наставленія не достигаютъ дѣла, то, попросту, приказала своей дочери быть женой избраннаго ею, матерью, для нея жениха и въ январѣ 1868 года устроила свадьбу. По пословицѣ «насилъно миль не будешь», молодой человѣкъ и послѣ брака остался чуждымъ сердцу дѣвушки. Какъ до брака, такъ и послѣ брака она продолжала выражать ему свою холодность и нерасположеніе. Когда ласки и угрѣзы мужа въ продолженіе шести мѣсяцевъ не помогли ему возбудить въ ней нѣжности, то онъ въ концѣ іюля мѣсяца прибѣгнувъ къ силѣ. Найдя какой-то предлогъ, онъ очень сильно побилъ жену. Несчастная думала найти спасеніе отъ побоевъ мужа въ домѣ родителей, и, вырвавшись изъ рукъ его, прибѣжала къ матери. Но она ошиблась; вслѣдъ за ней прибѣжалъ туда и мужъ, и вмѣстѣ съ матерью встѣбли молодую женщину розгами, при чемъ мать внушала ей исполнять требованія мужа и повиноваться ему. Изъ опасенія продолженія истязаній, молодая женщина убѣжала изъ дому матери въ квартиру одного изъ знакомыхъ, человѣка почтеннаго, прося защиты и спасенія, но и это не удалось: вскорѣ мужъ отыскалъ ее и отвезъ въ свою квартиру. Говорятъ, что несчастная, послѣ побоевъ и истязаній, серьезно больна; не знаемъ, перенесетъ ли она страданія. Всѣ

знающіе эту молодую женщину искренно скорбятъ о ней и сокрушаются о ея будущности. Казалось бы, каждый долженъ возмущаться безчеловѣчными поступками мужа и матери съ молодой женщиной, но, увы, и тутъ нашлись люди, которые стали на сторонѣ тирана и дѣлаютъ положеніе молодой женщины безвыходнымъ».

Въроятно, весь Житомиръ зналъ объ всемъ томъ, что здѣсь говорится; должна была знать это и полиція, и судебные слѣдователи, и прокуроръ; должны были знать это, хоть вотъ по этой печатной корреспонденціи, явившейся еще въ августѣ, и въ Петербургѣ. И однако, никто не вмѣшался въ это дѣло, — потому что это семейныя отношенія, въ которыхъ постороннимъ людямъ вмѣшиваться не слѣдуетъ и которые должны улаживаться сами собою. А вотъ теперь конецъ его! Впрочемъ, извѣстіе «Кіевлянина» касается, можетъ быть, вовсе не этой женщины, — въ Житомирѣ, кажется, вообще нерѣдки случаи такого обращенія мужей съ ихъ женами; въ апрѣльской книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» я уже сообщалъ, что «въ Житомирѣ жена одного чиновника подожгла домъ, для того, чтобы ее хотъ въ тюрьму посадили, но избавили бы отъ мужа, который ее жестоко бьетъ». Въ такомъ случаѣ, — если женщина эта еще жива — пусть поспѣшаетъ, — кому это вѣдать надлежитъ, — спасти ее отъ заразительнаго примѣра. Прокурорскій надзоръ и судъ могутъ и должны вмѣшиваться и въ такія дѣла, — не для того только, чтобы наказывать, но чтобы разбирать людей, уяснять имъ ихъ отношенія и уничтожать причины ихъ ненормальныхъ отношеній.

NB. Обѣдъ, о которомъ я сообщалъ въ прошедшій разъ, дѣйствительно состоялся; но не въ г. Гжатскѣ и стоилъ не 20,000 руб., кушанье готовилъ тоже не Борель. Все это были ложныя извѣстія. За то вѣрно то, что былъ обѣдъ въ Смоленскѣ, приготовленъ былъ Дюссо и стоилъ, съ привозомъ туда и обратно разныхъ гостей, 50,000 руб.! А въ «Сѣверной Почтѣ», отъ 1-го ноября, напечатано: «изъ губерній, постигнутыхъ въ настоящемъ году неурожаемъ, наиболѣе озабочивала министерство *Смоленская*, въ которой, по случаю прошлогодняго неурожаа, матеріальныя средства крестьянъ совершенно истощены: рабочій скотъ и самыя необходимыя вещи распроданы или заложены, хлѣбныя запасныя магазаны почти вездѣ пусты. — Между тѣмъ, по донесенію губернатора и по свѣдѣніямъ земскихъ учреждений, менѣе чѣмъ въ половинѣ уѣздовъ могъ получиться удовлетворительный урожай, въ прочихъ нельзя было ожидать и посредственнаго, а во многихъ мѣстностяхъ даже возврата посѣянныхъ сѣмянъ; изъ общаго числа крестьянскаго населенія губерніи 29,000 душъ не въ состояніи будутъ обсеменить озимыя поля и свыше 150,000 душъ — прокормиться до новаго урожая».

ЗАМѢТКА О ВЫСТАВКѢ ВЪ АКАДЕМІИ ХУДОЖЕСТВЪ.

Всякая жатва обыкновенно бываетъ осенью, и противъ этого говорить нечего — таковъ законъ природы. Рожь не поспѣваетъ раньше, и пшеница не поспѣваетъ, яблоки тоже—значить, надо ждать осени, — это совершенно понятно. Но почему картины живописцевъ и программы зодчихъ, гипсовые носы ваятелей и прочій урожай искусства поспѣваютъ только къ осени — этого я не понимаю, и даже противъ такого поздняго поспѣва могу сказать весьма многое: во первыхъ, въ осенней темнотѣ Петербурга не только художественнаго, но и своего собственнаго носа большею частью нѣтъ возможности видѣть, отчего произведенія, достойныя лучшей участи, остаются покрытыми мракомъ неизвѣстности; во вторыхъ, грязныя галоши любителей художествъ наносятъ извѣтъ новенькой, какъ съ иглолочки, академической швейцарской, и третьихъ, насморки отъ сложенія съ себя ризъ въ упомянутой швейцарской, причиняютъ неменьшій извѣтъ любительскимъ носамъ. Значить, никто не въ выигрышѣ, въ проигрышѣ же—рѣшительно всѣ. Видѣть въ октябрѣ выставку отнюдь еще не значить—увидѣть выставку, это чаще всего значить увидѣть только, что не видѣлъ выставки.

— Ну, чтò, хороши картины?

— Да, право, не знаю, я хорошенько не рассмотрѣлъ—темно ужь очень было. А должно быть, хороши: народу много.

Такіе отзывы случается слышать о выставкѣ.

Одному посѣтителю показалось, что новѣйшіе художники умѣютъ на свои произведенія налагать печать времени; а другой понялъ это такъ, что они пишутъ темныя картины, потому что время стоитъ темное... Вотъ вамъ и неудобство осенней жатвы— даже недоразумѣнія порождаетъ.

Я знаю, мнѣ скажутъ, что это тоже законъ природы, что искусства не менѣе яблокъ требуютъ свѣта и солнца для своего произрастанія, а солнце и свѣтъ свойственны (и то въ слабой степени) единому лѣту. Согласенъ. Но принужденъ сказать, что только яблоки, во избѣжаніе порчи, требуютъ непосредственнаго подаванья на столъ вслѣдъ за тѣмъ, какъ они сняты; картины же и статуи зимою не портятся, даже совершенно наоборотъ: свѣжая, только что написанная картина, оконченная часто съ поспѣшностью во вредъ своему достоинству, лишь бы не опоз-

дать на выставку, подвергается порчѣ, если ее рано покроютъ лакомъ, для показа; непокрытая же лакомъ, *пожухлая*, она теряетъ половину своего достоинства. Только тщательно оконченный, въ мѣру выстоявшійся и въ пору покрытый лакомъ, холстъ явится во всемъ своемъ блескѣ — ни одинъ полутономъ, ни одно намѣреніе кисти не ускользнутъ отъ глаза, и картина никогда не дастъ трещинъ, также какъ непрѣнно потрескается всякая, отъ преждевременнаго лака или сушен (секатыва) въ краскахъ. Притомъ же, всякому извѣстно, что и зимою художники работаютъ исправно, даже исправнѣе лѣта; лѣтомъ можно готовить работы, дѣлать этюды съ натуры; зима помогаетъ ихъ оканчивать, правда медленнѣе и уловляя немногіе дни, которые съ утра непохожи на сумерки. Стоить толкнуться только въ мастерскіи художниковъ зимою, чтобы повѣрить истину этихъ словъ. Значить, не законъ природы, а болѣе законъ рутинны способствуетъ назначенію выставокъ поздней осенью. Свозите въ академію къ началу апрѣля, или, пожалуй, въ половинѣ августа, когда и снопы свозятся на гумна, ваши художественные снопы — и всѣмъ будетъ лучше: снопамъ, жнецамъ и потребителямъ. Незыблемы твердыни академіи, такъ долго выставившія обновленія всякаго рода, не склоняя передъ ними выи, должны же были наконецъ уступить потоку — омыться и скинуть въюковой халатъ, дырявій и засаленный; онѣ пріодѣлись понинѣшнему, даже освѣтили свои картины болѣе или менѣе какъ слѣдуетъ, — словомъ, принесли дань свободнымъ требованіямъ свободныхъ художествъ, а это, *для академіи*, очень много! Неужто жъ они окажутся непреклонными передъ закономъ рутинны, заставляющимъ окутывать октябрьскимъ мракомъ произведенія своихъ питомцевъ и орлять, орловъ и вскормленныхъ мужей?...

Въ настоящемъ году, впрочемъ, тотъ, кто видѣлъ выставку не увидавъ ее, можетъ пребывать въ счастливомъ заблужденіи, и относить на счетъ темноты черезчуръ уже большую скромность количества и качества, даже размѣровъ выставленныхъ произведеній. Это очень маленькая и очень маленькая выставка — вотъ все, что можно сказать о ней. Новая квартира не привлекла къ себѣ на первый разъ большихъ жильцовъ, и стѣны ея обновляются мелкими. А картины теперь — на стѣнахъ, какъ это дѣлалось давно въ цѣломъ свѣтѣ, а не на шпигтрахъ, какъ дѣлалось до сихъ поръ у насъ. Такимъ образомъ, вы ходите точно въ картинной галлерей, отдѣленные отъ холстовъ желѣзными перилами, и не рискуете повалить наземъ призванныхъ упираться въ небо боговъ. Это удобство; неудобство же заключается въ томъ, что картины, вися почти безъ промежутковъ, мѣшаютъ одна другой, напрашиваются по нѣсколько вмѣстѣ на вниманіе и очень напоминаютъ Петровъ Иванычей Бобчинскаго и Добчанскаго, которые о ревьюрѣ хотѣли говорить разомъ. Только истинно плохія работы и въ состояніи выдвинуть при этомъ изъ своего общества то, что получше; но будь выставка составлена

поровнѣе—трудно было бы уловить фязіономію многихъ картинъ, которыми только и извиняется въ нынѣшнемъ году приглашеніе публики на новоселье академіи.

Да, къ новоселью академіи отнеслись какъ-то холодно наши лучшіе художники. Большинство ихъ просто отсутствуетъ, даже г. Айвазовскій не произвелъ своего обычнаго морскаго прилива, который, бывало, ждетъ только удобнаго случая, чтобъ совершить вторженіе въ залы первой открывающейся выставки! Изъ тѣхъ же, кто явился, ни однимъ не внесено ничего новаго или замѣтнаго въ общій итогъ ихъ произведеній. Гг. Боголюбовъ и Перовъ выставили каждый по нѣскольку, болѣе или менѣе удачныхъ, даже, можно сказать, прелестныхъ бездѣлицъ. Видн Палермо и Золотаго Рога, перваго, такъ свѣтлы, теплы и привлекательны, написаны съ такимъ соблюденіемъ мѣры и въ колоритѣ, и въ оконченности, что могутъ принадлежать кисти мастера, несомнѣнно достигшаго полнаго развитія. Этюднвъ сада—сама природа. Сцена мужичковъ (г. Перова), дивующихся бѣгущему поѣзду желѣзной дороги, тоже мастерская. Но все это мелко и на хорошей выставкѣ не было бы замѣчено. Фигура стараго фанатика, который нашивается передъ распятіемъ крестъ на шляпу («Кавувъ варооломеевской ночи» г. Гуна), одна можетъ быть названа истинною картиною, выражая этимъ сосредоточеннымъ выраженіемъ морщинистаго, жесткаго лица и всѣмъ движеніемъ длиннаго сухаго тѣла предчувствіе цѣлой драмы. Работа г. Якоби (кардиналу Гизу показываютъ голову адмирала Колиньи, убитаго въ варооломеевскую ночь) хотя и сложнѣе по сочиненію, ужаснѣе по замыслу, но далеко не достигаетъ одинаковаго впечатлѣнія. Притомъ же солдатъ, принесшій голову, нѣсколько обязательно свирѣпъ, а самъ Гизъ, у аналога съ молитвенникомъ, словно на минуту оторвавшійся отъ бесѣды съ Богомъ, если и удовлетворяетъ выраженіямъ скрытаго удовольствія на притворно-набожномъ лицѣ, зато ужъ черезчуръ напоминаетъ эффектомъ освѣщенія слишкомъ извѣстнаго Тасса въ темницѣ, Галле. Вся картина въ полусвѣтѣ, и однѣ руки, какъ тамъ, только освѣщены сверху. Правда, движеніе пальцевъ правой руки, невольно поглаживающихъ лѣвую, выражено какъ нельзя лучше, и это стоило показать зрителю, какъ проявленіе внутренняго ощущенія кардинала, но красота рукъ, написанныхъ Галле, много вредитъ рукамъ г. Якоби...

Вотъ и все, что есть хорошаго по части «исторической драмы». Драма «мѣщанская» представлена нѣсколькими вѣрными, какъ всегда, воспроизведеніями будничнаго горя и всеневныхъ, мелкихъ, долбящихъ ударовъ жизни... Эта щемящая за душу нота въ искусствѣ льетъ чернила и краски, какъ льетъ она слезы въ дѣйствительности. *Молодые* художники къ ней особенно чувствительны, и такъ велика ихъ чуткость въ этомъ отношеніи, что на настоящей выставкѣ только *классные* художники (т.-е. неизмѣющае еще художественнаго ранга) дали образчики такихъ произведеній. За

то г. Лемохъ, напригѣрь, своимъ «Семейнымъ горемъ» могъ бы заставить покраснѣть не одного титулованнаго чиновника академи. Въ небольшой комнатѣ, на диванѣ, у зеленыхъ ширмъ, за которыми виднѣется край постели, сидятъ старушка, исплакавшаяся и убитая, съ лицомъ поворнымъ бѣдѣ, почти безъ выраженія, — такое *выраженіе* лицу придаетъ именно горе! Рядомъ съ нею молодая женщина. Она отвернулась къ ширмамъ, впи- лась въ нихъ и сжатою въ кулакъ кистью руки подперла свою щеку. Лица такимъ образомъ почти не видно; но движеніе тѣла, эта сжатая рука и весь порывъ женщины въ ту сторону, гдѣ совершается что-то жестокое для ея сердца—можетъ быть умираетъ мужъ, любимый человекъ, — все это вмѣстѣ выражаетъ горячее отчаяніе, почти вызовъ и проклятіе злой судьбѣ... Ребенокъ съ куклой разбѣжался — бѣжалось, да такъ и ошѣпиль: всѣмъ что-то не до него... Эта сѣренькая драма удержитъ передъ собою зрителя гораздо долге, чѣмъ Гизъ, съ его ярко-освѣщенными руками, золотомъ застежекъ на молитвенникѣ и брошенными на наложъ четками, которыя вотъ-вотъ только что богомольно перебирались этими бѣлыми руками... А вотъ и опять драма въ одномъ лицѣ: дѣвушкѣ возвратили обручальное кольцо. Она положила его подлѣ себя и тупо оставила хорошенькіе свои черные глазки, полные слезъ. Такую картину написалъ г. Брянскій (тоже нетитулованный художникъ), и написалъ очень хорошо; онъ былъ такъ скромень, что даже не выставилъ цѣны за свою работу, а г. заслуженный профессоръ Гютрюмовъ повернулъ къ зрителямъ задомъ напередъ какую-то раздѣтую женщину и положилъ за нее 500 р.!

Не перечисляя всѣхъ произведеній молодыхъ художниковъ, болѣе или менѣе стремящихся осуществлять на полотнѣ дѣйствительность, нельзя не отнести къ этому разряду и гипсовую работу г. Каменскаго «Вдова съ ребенкомъ». Здѣсь также точно обыденная драма, а въ вашии это особенная рѣдкость, можно даже сказать смѣлость. Лѣпкѣ подлежали до сихъ поръ только Амуры да Венеры, гладиаторы, боги и всякіи ненуждающійся въ одеждѣ народъ. Г. Бродскій и другіе такъ и продолжаютъ думать, и академія, конечно, вмѣстѣ съ ними, наполняя ихъ гипсами и мраморами свои залы. И вдругъ является чудакъ, который лѣпнитъ не богиню и Амура, но скромную, кроткую, унылую женщину, въ платкѣ на шеѣ, съ нерастрепанными, но причесанными волосами на головѣ; на рукахъ у нея спитъ ребенокъ, и она съ горькимъ-горькимъ счастьемъ смотритъ на него. Маленькія, полденькія ножки выбились изъ пеленокъ, ручки тоже... вотъ и вся нагота. А сколько художественности въ этой закрытой фигурѣ женщины и ея склоненномъ молодомъ, миловидномъ, безъ идеализаціи лицѣ.

Если я упомяну еще о мастерской сценѣ пляшущихъ мужичковъ, г. Корзухина, о работахъ г. Рицони, выточившаго на этотъ разъ множество маленькихъ картинокъ, и — о, диво! не изъ

еврейскаго быта—что должно быть даже обидно избранному имъ народу, да уважу на портретъ г. Горавскаго, съ тавимъ бриллиантовымъ перстнемъ на рукѣ католическаго епископа, передъ блескомъ котораго меркнетъ самъ епископъ, написанный впрочемъ прекрасно; если не скрою, что по горной дорогѣ г. Сверчкова выпустилъ цѣлыя поколѣвія и полныя конюшни лошадей г. Ковалевскій, и наконецъ отиѣчу нѣсколько пейзажей даровитаго Дюквера, сосновую рощу г. Шишкина и крымскіе виды много обѣщающаго г. Орловскаго... то могу, безъ особенныхъ угрызений совѣсти, поставить точку и подписать:

ПЕТЕРБУРГСКІЙ ЗЕНИТЕЛЬ.

ЛИТЕРАТУРА НА ОБЪДЪ.

«Не все коту маслиница».

Русская пословица.

Я знаю тебя, милнй мой россиянинъ, отъ первыхъ ногтей юности твоей, знаю всѣ твои входы и исходы, и для меня ясно нутро твое. Напрасно ты хочешь отвести мнѣ глаза, обморочить меня разными заморскими убранствами, которыя нахваталъ ты изъ заморскихъ книгъ и даже просто изъ газетъ. Когда ты прикидываешься передо мною ученымъ, умирающимъ надъ наукою, цитируешь цѣлый ворохъ разныхъ европейскыхъ свѣтилъ науки, я знаю, что твоя ученость все-таки не восходитъ выше учености покойнаго «Свистка». Когда ты разыгрываешь роль государственнаго человѣка, политика, притворяешься изучившимъ въ тонкости положеніе всей Европы, я твердо убѣжденъ, что твоя политическая мудрость идетъ никакъ не далѣе передовыхъ статей «Московскихъ Вѣдомостей» и «Русскаго Инвалида». Высказываешь ли ты мнѣ мрачный взглядъ на міръ, являешься самымъ ярнымъ матеріалистомъ и социалистомъ, для меня это—ясный знакъ, что твоя карьера доселѣ была безуспѣшна и что тебѣ нигдѣ не удалось даже прихватить взаймы порядочный кушъ денегъ; когда ты начинаешь говорить о необходимости вѣры, о святости собственности, для меня дѣлается очевиднымъ, что ты уже приобрѣлъ хорошую обстановку и денегъ давать никому не намѣренъ. Я не вѣрю даже въ искренность твоего космополитизма и патриотизма, ибо иначе отчете бы въ цѣлой Россіи не было ни одного космополита въ штабъ-офицерскихъ чинахъ? Наконецъ мнѣ просто смѣшно, когда ты начинаешь либеральничать необузданно и беспардонно, ничего опредѣленно не желая и ничего опредѣленно не отвергая, нося и на языкѣ и въ сердцѣ вѣчную гражданскую скорбь о необходимости улучшеній и на дѣлѣ противо-

дѣйствуя всѣми возможными способами всякимъ улучшеніямъ, и такимъ образомъ являясь какимъ-то несладкимъ протестомъ противъ самого себя, ходячимъ возраженіемъ противъ разумности человѣческой природы. Я знаю, что стоитъ только съѣсть тебѣ за обѣдъ, выпить много два-три тоста, и спадутъ съ тебѣ всѣ лохмотья либерализма и явнишься ты истиннымъ, неподдѣльнымъ росіяниномъ, какимъ ты есть и какимъ долженъ быть по законамъ непреложной судьбы.

Исторія Россіи, въ особенности новѣйшей, есть исторія ея обѣдовъ, и напрасно тотъ будетъ стараться разгадать и понять хитраго росіянина, непрестанно мѣняющагося, подобно хамелеону, кто не будетъ наблюдать за нимъ во время торжественныхъ обѣдовъ.

Съ этою цѣлью мы рѣшились занести для будущаго историка на страницы нашего журнала исторію смоленскаго торжественнаго обѣда по случаю открытія орловско-витебской желѣзной дороги.

Въ Россіи немного можно насчитать городовъ, которые могутъ поспорить съ Смоленскомъ своею знаменитостью. Смоленскъ существовалъ, когда еще не было и въ поминѣ Русскаго государства. Константинъ Багрянородный знаетъ его уже цвѣтущимъ и богатымъ. Въ XII-мъ вѣкѣ Смоленскъ уже блисталъ классическимъ образованіемъ, изучая греческій и латинскій языки. Когда основалась Москва, Смоленскъ сдѣлался, по выраженію нашихъ предковъ, *дорогимъ озерельемъ* Россіи, которымъ, впрочемъ, не менѣе Москвы дорожила и Литва. Смоленскъ поочередно переходилъ то къ той, то къ другой, и катался какъ сыръ въ маслѣ. Перейдетъ къ Литвѣ—Литва его награждаетъ вольностями, правами и льготами; перейдетъ къ Москвѣ—Москва, хотя по обычаю и искоса косматриваетъ на эти вольности и права, но подтверждаетъ ихъ и холить своего любимаго. Надобно отдать честь Смоленску, что онъ всегда горѣлъ патріотическимъ жаромъ къ тому отечеству, въ которомъ находился; потому съ усердіемъ билъ Литву и ляховъ, когда билъ въ предѣлахъ Москвы; и съ такимъ же усердіемъ билъ русскихъ, когда попадался къ Литвѣ. Поэтому когда Смоленскъ окончательно присоединенъ былъ къ Россіи, онъ сдѣлался правой рукою Москвы по патріотизму. Онъ разверзалъ длань свою на всякаго врага, покушавшагося на Москву, и сжималъ ее въ кулакъ, чтобы проводить его, когда его начинала гнать Москва.

Г. Скарятинъ, вблизи видѣвшій этотъ патріотическій кулакъ, не безъ основанія догадывается, что почтенные строители орловско-витебской желѣзной дороги, генералъ А. К. Казаковъ и П. И. Губонянъ для торжества открытія дороги, выбрали Смоленскъ не почему другому, какъ по глубинѣ и древности его патріотическихъ чувствъ.

Знаменитости избраннаго для торжества мѣста, само собою разумѣется, должна была соответствовать и знаменитость самого

торжества. И дѣйствительно, даже русскія лѣтописи желѣзныхъ дорогъ доселѣ не завосили на свои страницы ничего подобнаго. Мы говоримъ: даже русскія; ибо иностранныя, напримѣръ въ-мемція открытія желѣзныхъ дорогъ обходятся не дороже десяти талеровъ; изъ этой суммы 8 талеровъ употребляются на пиво, и два талера на бутерброды, — другихъ *развлеченій* для гостей не полагается. Празднество открытія орловско-витебской дороги стоило 50,000 р. сер. Для приготовленія обѣда выписанъ былъ изъ Петербурга въ Смоленскъ Дюссо, и обѣдъ съ винами, кромѣ впрочемъ шампанскаго, обошелся въ 8,000 р. Но этотъ обѣдъ нисколько не помѣшалъ гостямъ, возвращаясь изъ Смоленска въ Петербургъ въ числѣ 70 ч., прообѣдать снова на псковской станціи 2,800 руб. По счету содержателя псковскаго буфета, 70 человѣкъ смоленскихъ гостей выпили въ четверть часа на псковской станціи 80 бут. шампанскаго, 50 бут. лафиту, 50 бут. сотерна, 50 бут. хереса, 50 бут. мадеры, 200 бут. пива, всего 480 бутылокъ, т.-е. каждый гость въ четверть часа выпилъ почти 7 бутылокъ. И хозяйка смоленскаго празднества безпрекословно заплатила этотъ счетъ?! Не могу не благоговѣть передъ широкой русской ватурой, равно великой и въ умѣнныя сколотить деньгу на шарашку, и въ умѣнныя разбросать ее на вѣтеръ, хотя внутренно не могу не сочувствовать великому сражничеству великаго русскаго царя, который цѣлую жизнь не могъ забыть, что рижскіе ивѣнцы ввали съ него два черовнца за десятокъ лицъ. Для увѣковѣченія смоленскаго торжества въ потомствѣ, хозяйка праздника выбила для всѣхъ почетныхъ гостей своихъ жетоны, изъ которыхъ каждый стоилъ 50 руб. сер., а три жетона, назначенные дамамъ и украшенные брилліантами, стоили по нѣскольку сотъ.

По сему краткому очерку читатель можетъ понять, что подобное торжество не могло состояться безъ присутствія въ немъ литературы. Такъ взглянули на это дѣло и почтенные устроители торжества и просили разныя редакціи украсить ихъ празднество. Само собою разумѣется, что редакціи не имѣли никакихъ причинъ отказать устроителямъ празднества въ такомъ законномъ ихъ желаніи.

И вотъ четверо отъ четырехъ газетъ, а именно: Скарятинъ отъ «Вѣсти», Марковъ отъ «Инвалида», Панютинъ отъ «Голоса», Незнакомецъ отъ «Петербургскихъ Вѣдомостей» отправились въ Смоленскъ.

Посадили ихъ въ вагонъ съ другими почетными гостями и повезли... Повидимому ничего, какъ и быть слѣдуетъ. Но уже дорогою они начали примѣчать, что генералъ Казаковъ, сопровождавшій гостей, цѣнить ихъ не особенно высоко. Такъ по крайней мѣрѣ понялъ свое и другихъ положеніе «Незнакомецъ», но нисколько этимъ не огорчился; всю дорогу онъ видимо благодумствовалъ, освѣжая себя впечатлѣніями природы, а въ Песовѣ даже древностей не забылъ. Невниманіе же

къ себѣ и другимъ генерала Казакова объяснилъ себѣ тѣмъ, что генералъ, даже по самому свойству своего чина, не могъ вѣскольکو не игнорировать литературы, чинностию, какъ вѣвѣсно, не блистающей.

Но вотъ прибыли наконецъ въ Смоленскъ. Отъ станціи желѣзной дороги до дома дворянскаго собранія, гдѣ приготовленъ былъ обѣдъ, разстояніа версты четыре. Представители журналовъ стали искать приготовленнаго для нихъ экипажа, такъ-какъ для всѣхъ званыхъ гостей экипажи были приготовлены заранѣе предусмотрительными хозяевами; но экипажа для нихъ не оказалось. Они было-хотѣли принанять на свои деньги, но всѣ извозчики были уже заранѣе наняты для гостей.

Такимъ образомъ и Скарятинъ отъ «Вѣсти», и Марковъ отъ «Инвалида», и Панютинъ отъ «Голоса», и Незнакомецъ отъ «Петербургскихъ» должны были отправиться на празднество пѣхтурой. Пройти разстояніе въ четыре версты, конечно, не Богъ вѣсть какая вещь, тѣмъ болѣе, что петербургская литература привыкла дѣлать пѣхтурой и не такіа разстоянія.

Но неприятно было то, что хозяева въ этомъ случаѣ позабыли позаботиться о своихъ литературныхъ гостяхъ. Этого уже нельзя было приписать одному генералу Казакову. Тутъ оказывалось уже невниманіе общее. Послѣ этого можно было всего опасаться, можно было опасаться даже и не пообѣдать. Все это должно было пріѣхавшую въ Смоленскъ литературу навести на грустныя мысли относительно ея значенія въ общемъ и дѣломъ. И такъ-какъ несчастія вообще скоро соединяють людей, то нѣтъ ничего удивительнаго, что хотя она состояла и изъ весьма разнородныхъ элементовъ, рѣшилась на этотъ разъ быть, какъ выражались наши предки, въ *одиначество*, дѣйствовать за *однимъ*.

Пришедши въ залу дворянскаго собранія, литература помѣстлась совокупно за однимъ изъ пяти боковыхъ столовъ. Болѣе почетные гости сидѣли за столомъ поперечнымъ.

Начался обѣдъ; затѣмъ пошли тосты; съ тостами, по русскому обычаю, полилась и рѣчь.

Возникъ вопросъ: говорить ли литературѣ или молчать?

Не странно ли молчать представителямъ слова? сказалъ въ сердцѣ своемъ Скарятинъ отъ «Вѣсти», Марковъ отъ «Инвалида», Панютинъ отъ «Голоса» и Незнакомецъ отъ «Петербургскихъ» и порѣшили: «говорить».

Возникъ второй вопросъ: говорить съ тенденціозностію или безъ тенденціозности?

И сказали себѣ въ сердцѣ своемъ: Марковъ отъ «Инвалида», Панютинъ отъ «Голоса», Незнакомецъ отъ «Петербургскихъ»: «если скажемъ: говорить съ тенденціозностію, увечетъ насъ Скарятинъ; скажемъ лучше: безъ тенденціозности», и сказали: безъ тенденціозности. И сказалъ Скарятинъ: «да будетъ такъ».

И пошелъ Скарятинъ и взялъ позволеніе на слово, и всталъ чтобы говорить. Но вотъ Скарятинъ ростомъ мадъ, съ зад-

наго стола, гдѣ сидѣла литература, никому не виденъ, и раздались голоса: «на стулѣ, на стулѣ», и Скарятинъ вальсъ на стулѣ. «По собранію, говорятъ Незнакомецъ, прошель какой-то гудъ, не то — въ знакъ изумленія, не то въ знакъ одобренія».

И Марковъ отъ «Инвалида», и Панютинъ отъ «Голоса», и Незнакомецъ отъ «Петербургскихъ» находились въ притрещетномъ ожиданіи послѣдующихъ событій.

Вѣроятно еще болѣе въ безпокойномъ положеніи былъ Скарятинъ. Потому онъ рѣшился затанць на этотъ разъ въ душѣ своей свои поворотныя убѣжденія и высказывать одни только *безповоротныя*.

Смысль высказаннаго Скарятинимъ безповоротнаго убѣжденія состоялъ въ томъ, что черезъ строящіяся нинѣ желѣзныя дороги русскія силы и русскій духъ напрутъ на окраины и враждебный духъ окраинъ не устоитъ противъ этого напора.

Услышавъ это, сказали себѣ въ сердцѣ своемъ: Марковъ отъ «Инвалида», Панютинъ отъ «Голоса», Незнакомецъ отъ «Петербургскихъ»: «нѣтъ, не улететь насъ Скарятинъ», и стали отъ радости рукоплескать и кричать «браво». Въ это время вблизи ихъ раздались зловѣщее: «довольно». Но крикъ былъ слабій и робкій. Полагая, что это крикъ какихъ нибудь ничтожныхъ провинціальныя зомловъ,—и Марковъ отъ «Инвалида», и Панютинъ отъ «Голоса», и Незнакомецъ отъ «Петербургскихъ» отвѣтили на него шиваньемъ и въ то же время снова прокричали Скарятину «браво». Но крики «довольно» стали усиливаться, прерратились въ шумъ, Скарятинъ возвысилъ-было голосъ, чтобы перекричать... но это было невозможно... Патриоты видимо усмѣались. Скарятинъ замолкъ, — но шумъ не прекращался и только заиграшая музыка положила ему конецъ. Скарятинъ не зналъ, что ему дѣлать—оставаться ли на стулѣ или сойти. Нѣсколько мгновеній, говоритъ Незнакомецъ, онъ «все еще оставался здѣсь совершенно смущенный и разстроенный».

Незнакомецъ не рассказываетъ, какія чувства наполняли въ это время его самага, и Маркова отъ «Инвалида», и Панютина отъ «Голоса». Но видимо становилось небезопасно для всѣхъ. Разъ возволнованное патриотическое чувство трудно быто ввести въ предѣлы, тѣмъ болѣе, что тосты продолжались. А это патриотическое чувство уже и прежде до того было возволновано, что совершенно не пошло изъ рѣчи Скарятина, въ чемъ онъ убѣжденъ *безповоротно*. Ему почутилось, что Скарятинъ считаетъ «окрайной» Смоленскъ и думаетъ, что на него надо наипрять русскимъ духомъ.

Когда кончилась обѣдѣ, образовались кружки, которые начали разсуждать о происшедшемъ. Въ равныхъ мѣстахъ послышались голоса, что бывшаго «довольно» для Скарятина не довольно. Въ кружкахъ слышалось адеполучное «окрайна». И хотя нѣкоторымъ удалось кой-гдѣ убѣдить шумящихъ, что рѣчь Скарятина непенята, что безповоротное убѣжденіе его совсѣмъ не

то, но никто не хотѣлъ вѣрить въ искренность этого убѣжденія. Припомнили его прошедшую дѣятельность; припомнили, что «онъ крѣпостникъ, что онъ утверждалъ солидарность русскаго общества съ Каразовымъ, что онъ проповѣдывалъ гибельность реформъ». Слѣдствіемъ всѣхъ этихъ дебатовъ было то, что какой-то голосъ прокричалъ: «а вас, Скарятинъ!». Тогда: «а вас, Скарятинъ! долой, вонъ Скарятинъ!» раздается по всей залѣ. Въ это время одни изъ смолянъ бѣгутъ изъ зала, другіе продолжаютъ кричать, но уже съ сверкающими глазами. Минута становится критическая.

Одинъ Господь только можетъ спасать — въ подобныя минуты. А Скарятинъ все думаетъ провѣять патриотовъ краснорѣчіемъ. Онъ бросается къ стулу и жестомъ требуетъ себѣ позволенія говорить. Но «онъ стоялъ, говорить Незнакомецъ, понизивъ головой, блѣдный, убитый, готовый разрыдаться». Это уморило патриотовъ, дайте они не дерзали.

Этихъ и окончилась исторія великаго смоленскаго скандала.

Передадимъ теперь тѣ впечатлѣнія, которыя произвелъ этотъ скандалъ на разные органы нашей прессы.

Первое извѣстіе о скандалѣ, бывшемъ на смоленскомъ торжествѣ, сообщилъ самъ Скарятинъ въ своей газетѣ «Вѣсть». Замѣчательно, что онъ, несмотря на то, что игралъ роль жертвы, отнесся къ происшествію самымъ благодушнымъ образомъ. Передавъ своимъ читателямъ свѣдѣнія о томъ, какъ прервана была его рѣчь криками «довольно» и сообщивъ самую рѣчь, Скарятинъ пускается въ патетическое восхваленіе древнихъ патриотическихъ подвиговъ Смоленска и разсыпается въ благодарности устроителямъ праздника за то, что они устроили торжество въ такомъ знаменитомъ своимъ патриотизмомъ городѣ.

«Забудемъ ли Смоленскъ—такъ говоритъ Скарятинъ въ заключеніе своего изображенія доблестей Смоленска — этотъ многострадальный и славный городъ лѣтописи русской? Не намъ пренебрегать славнѣйшими именами русской исторіи. Забудемъ ли нашу славу, станемъ ли прятать ее? Напротивъ, гордо и славно повесимъ ее на радость друзьямъ, на страхъ врагамъ!

«Итакъ, избраніемъ Смоленска хозяева праздника заслужили искреннюю признательность своихъ гостей, затронувъ въ ихъ русскіхъ сердцахъ одну изъ лучшихъ струнъ лѣтописи нашей славной, великой, единой Руси».

Иной зовѣлъ, прочитавъ статью Скарятина о смоленскомъ торжествѣ и сличивъ ее съ дѣйствительнымъ ходомъ бывшихъ тамъ событій, можетъ подумать, что Скарятинъ, обжегшись на своихъ безповоротныхъ убѣжденіяхъ на смоленскомъ обѣдѣ, поетъ теперь Лазаря передъ смоленскимъ дворянствомъ. Мы этого не скажемъ. Мы, напротивъ, болѣе склонны думать, что смуженный на обѣдѣ въ самомъ началѣ своей рѣчи, потомъ окончательно слонфуженный, разстроенный, Скарятинъ не владѣлъ понятиемъ *суть* случившагося съ нимъ, а многое, можетъ быть,

не примѣтилъ или запомнилъ... Да и какъ было не запомнить. Дѣло было жаркое. Легко было запомнить, тѣмъ болѣе, что, по словамъ Незнакомца, Скарятинъ, отправившись въ дворянскаго собранія немедленно послѣ скандала въ вагонъ, упалъ съ платформы и ушибъ себѣ ногу такъ сильно, что всю дорогу принужденъ былъ лежать. Нуженъ очень сильный организмъ, чтобы, перенесши массу самыхъ сильныхъ впечатлѣній, потрясеній, ощущеній самаго неприятнаго свойства и сверхъ того страшную боль физическую, удержать все въ памяти въ стройномъ порядкѣ и послѣдовательности, какъ то было въ дѣйствительности. Потому нѣтъ ничего удивительнаго, что Скарятинъ забылъ какъ ему кричали: à bas, вонъ, долой Скарятинъ,—и не сказалъ ничего объ этомъ въ своей первой статьѣ, поэтому же крики: *довольно*, онъ понялъ совсѣмъ иначе, чѣмъ Незнакомецъ. По той же причинѣ, Скарятинъ былъ въ заблужденіи, какъ мы видѣли уже, и въ послѣднемъ дѣйствіи скандала, когда свергающихъ очами смольянъ хотѣлъ остановить потокомъ своего краснорѣчія.

Въ другомъ положеніи, чѣмъ Скарятинъ, находился на смоленскомъ праздествѣ Незнакомецъ. Психическое состояніе его было, можетъ быть, и не вполне безмятежно во время скандала, но по крайней-мѣрѣ на столько спокойно и здраво, что онъ могъ все видѣть и все понять. Поэтому, рассматривая все дѣло въ цѣломъ, онъ не относится такъ благодушно къ смольянамъ. Правда, и онъ, какъ поэтическая душа, предается нѣкоторымъ слововызверженіямъ на счетъ древнихъ доблестей смольянъ, но это служитъ ему только точкою отпавленія для того, чтобы прочесть строжайшую проповѣдь тѣмъ современнымъ смольянамъ, поступокъ которыхъ съ Скарятинимъ онъ ничѣмъ не отличаетъ отъ извѣстнаго поступка пермскихъ мужиковъ въ прошедшемъ году съ Сен-Лораномъ.

Еще жестче къ смоленскому происшествію, чѣмъ Незнакомецъ, отвесилъ редакторъ «Новаго Времени» Юматовъ. «Смоленское происшествіе поставило теперь, говоритъ онъ, весьма рельефно вопросъ о томъ, что журналисты въ Россіи не могутъ на патристическихъ обѣдахъ считать себя въ опасности. Въ перспективѣ имъ грозитъ даже публичное побіеніе; и если настроеніе людей извѣстной фракціи не остынетъ, то можно опасаться, что журналисты сдѣлаются на обѣдахъ такимъ же рѣдкимъ звѣремъ, какъ волкъ въ Англій, и также нѣмы, какъ рыбы... Есть люди, въ присутствіи которыхъ нуженъ для поддержанія порядка не только обычный президентскій колокольчикъ, но и будетъ лишнею и кавалерійская нагайка, какъ оружіе обороны. Это тѣ лица, которыя на умѣренное слово отвѣчаютъ призывомъ къ физическо-расправѣ. Кавалергардскій оркестръ на роскошномъ банкетѣ вещь хорошая, но нѣсколько здоровыхъ вахмистровъ могутъ быть еще нужны для предупрежденія нѣкоторыхъ печальныхъ недоразумѣній».

Такъ отнеслась къ смоленскому происшествію петербургская пресса Московская взглянула на дѣло совершенно иначе.

По смыслу двухъ статей, написанныхъ по поводу смоленскаго происшествія «Московскими Вѣдомостями», надобно удивляться не тому, что такое происшествіе случилось съ Свартинымъ, а надобно бы было удивляться и, пожалуй, сожалѣть о томъ, если бы оно не случилось. Ибо вѣдь кто такой Скарятинъ? Человѣкъ, который основалъ особый органъ для того, чтобы служить враждебнымъ Россіи силамъ. Кто тормозитъ русскую силу въ вельскомъ дѣлѣ, содѣйствуетъ и радуется усиѣхамъ его, нападаетъ на патріотовъ, страдающихъ отъ интригъ палазовъ? — Все это дѣлаетъ Скарятинъ. И пускай бы онъ дѣйствовалъ открыто. Нѣтъ, онъ старается обморочить общество, представляется говорящимъ отъ имени всего русскаго дворянства, поддерживающимъ будто бы интересы послѣдняго. Не должно ли было, или лучше сказать; могло ли дворянское общество, бывшее на смоленскомъ обѣдѣ, общество, представлявшее собою лучшую русскую интеллигенцію, не показать Скарятину, что у него нѣтъ ничего общаго ни съ русскимъ обществомъ, ни съ русскимъ дворянствомъ, отъ имени и во имя которыхъ онъ проповѣдуетъ? Скарятинъ не могъ не предвидѣть этого, и начавъ говорить, онъ самъ этимъ обрекъ себя на неизбѣжный скандалъ.

Такъ или почти такъ разсуждаютъ «Московскія Вѣдомости», и разсуждаютъ, по нашему мнѣнію, весьма адрово и основательно. Но становясь вполнѣ на ихъ точку зрѣнія, мы не можемъ однакожъ не сдѣлать нѣкотораго упрека цвѣту русской интеллигенціи, присутствовавшему на смоленскомъ торжествѣ.

Нельзя не замѣтить, что они дѣйствовали не довольно энергически, можно сказать, даже мало, даже апатично. Какъ! Передъ нами стоялъ человѣкъ, тормозящій русское дѣло, служащій польскимъ интересамъ, однимъ словомъ, вмѣнявшій отечеству, и ограничиться только тѣмъ, что провѣрять ему только à bas, долой, вонъ! И больше ничего!?? Пошадите, Бога ради! Да гдѣ жъ тутъ патріотизмъ? Развѣ такъ долженъ патріотъ поступать съ вмѣнницами, и особенно съ вмѣнницами, которые хотятъ замаскировать себя, одурачить все общество, которые являются предъ глаза всего общества въ качествѣ людей добродѣтельныхъ и начинаютъ говорить патріотическія рѣчи? И чтожъ, въ виду такого-то обстоятельства, смоленскій патріотизмъ ограничился только тѣмъ, что остановилъ рѣчь Скарятина и вотомъ провѣрчалъ ему: à bas! вонъ! Но и это было сдѣлано мало, не единодушно! Крики: *довольно!* начались слабо, едва слышно, въ одномъ только мѣстѣ, и вотомъ уже только были поддержаны значительнымъ числомъ голосовъ. Но, очевидно, что и такое легкое выраженіе патріотизма понравилось не всему обществу. Ибо послѣ обѣда начались дебаты о томъ, хорошо ли это сдѣлано. Были люди, которые не одобряли кричавшихъ и защищали Скарятина, — и ихъ, какъ кажется, было не мало. Потому что, когда наступила рѣ-

шительная минута, когда нѣкоторые крайніе порѣшши кричать: à bas! vons! тогда зала, по свидѣтельству Невнакомца, значительно опустѣла. Кричащихъ и сверкающихъ глазами осталось немного.

Такое неединодушное, явное дѣйствіе смольянъ сильно, по нашему мнѣнію, повредило дѣлу смоленскаго патриотизма. Вѣдь вотъ уже и теперь Скарятинъ говоритъ, что *довольно* кричали не всѣ, другіе, напротивъ, требовали продолженія рѣчи, и что музыка прервала рѣчь его вовсе не по приказанію распорядителя праздника, который удостовѣрилъ Скарятина лично, что онъ этого приказанія не давалъ. Скарятинъ думаетъ, что музыкѣ велѣли играть какой нибудь изъ враговъ его, очевидно потому, что не надѣялся съ своими единомышленниками перекричать тѣхъ, которые требовали продолженія рѣчи Скарятна. О крикахъ: à bas! vons! Скарятинъ убѣжденъ, что они были произведены только вѣсколькими единичными голосами. Такимъ образомъ, онъ скандалъ смоленскій вовсе не принимаетъ за выраженіе общественнаго мнѣнія относительно его, а приписываетъ его небольшому, враждебному для него, кружку лицъ. И, прибавимъ мы, имѣеть право на это, потому что скандалъ происходилъ такъ недружно, такъ робко, что его никакъ нельзя признать единокласснымъ желаніемъ всѣхъ. Юматовъ идетъ еще дальше. Онъ думаетъ, что не только число участвовавшихъ въ скандалѣ было очень незначительно, но что и родовитыхъ дворянъ тутъ вовсе не было, а прозвали скандалъ «какіе-нибудь однодворцы и приказные, которыхъ въ прежнее время и не принимали даже въ хорошемъ провинціальномъ кругу, но теперь, благодаря недавнимъ усиліямъ, которые сдѣлало наше общество на пути равенства, упомянутые люди могли быть допущены на обѣдъ въ видѣ омыта, но однакожь оказалось, что вводимое равенство еще преждевременно». «Русскія Вѣдомости» идутъ еще дальше Юматова. Они просто на просто говорятъ, что скандалъ былъ произведенъ людьми пылыми. «Вино, разумѣется — говорятъ они — лилось рѣкою, и по мѣру того, какъ опорожнявались бутылки, умы собесѣдниковъ воспалились, языкъ развязывался, и развязался наконецъ до того, что перелилъ границы приличія и самоуваженія».

Вотъ какая образовалась путаница мнѣній объ одномъ и томъ же предметѣ. Не правы ли мы, когда говоримъ, что смоленское общество поступило не довольно энергически или, что то же, не довольно патриотически. Учинилъ ли скандалъ дружно, единоклассно, съ натискомъ, съ одушевленіемъ, даже съ остервененіемъ, да прихвати при этомъ и остальную литературу, бывшую на обѣдѣ, тогда для всѣхъ были бы ясны патриотическія мысли и желанія смольянъ, а ихъ дѣйствія для всѣхъ были бы поучительны. Теперь же какая изъ всего скандала польза, когда даже люди пострадавшіе, какъ Скарятинъ, нисколько имъ не вразумлены? Да и вразумить нѣтъ никакой возможности. Развѣ всѣ бывшіе на обѣдѣ дадутъ собственноручными подписями въ томъ, что скандалъ учиненъ былъ

отъ общаго согласія? Да и такое единогласіе нисколько не убѣдитъ теперь Скарятина. Онъ знаетъ, что они всё увлечены къ такому согласію толкованіемъ «Московскихъ Вѣдомостей», что самый ходъ скандала доказываетъ совершенно противное.

А если для самаго Скарятина скандалъ въ томъ видѣ, какъ онъ былъ, не имѣетъ вовсе никакого поучительнаго значенія, то тѣмъ болѣе такая полумѣра не можетъ имѣть ничего внушительнаго для литературы. Вѣдь порази смоляне Скарятина единодушно, да прихвати при этомъ и бывшую въ Смоленскѣ литературу,—тогда вся петербургская литература поняла бы, что въ провинціяхъ патриотизмъ не дремлетъ, что онъ всегда живъ и дѣйственъ для того, чтобы опочить на хребтахъ враговъ. Тогда, конечно, ни одинъ петербургскій литераторъ не посмѣлъ бы показаться носу въ провинціи, а не то, что выставляться тамъ на парадныхъ обѣдахъ и говорить рѣчи. Не потому, конечно, чтобы петербургскіе литераторы были не патриоты, а потому, слово «патріотъ», въ наше время очень скользкое и неопредѣленное и чуть ли еще не болѣе имѣетъ смисловъ, чѣмъ сколько во время Гоголя имѣло слово: «добродѣтельный человѣкъ». За примѣрами ходитъ недалеко. Вѣдь вотъ въ Петербургѣ нѣтъ ни одной редакціи, которая бы не оскорбилась, если бы ее назвали непатріотической, и нѣтъ ни одного литератора, который бы не считалъ себя самымъ горячимъ патріотомъ. А между тѣмъ, давно ли Москва сомнѣвалась не только въ патріотизмъ всей петербургской литературы вообще, а даже въ патріотизмъ и самаго Петербурга? А въ провинціи, быть можетъ, и патріотизмъ самой Москвы находятъ еще подозрительнымъ. Ктожъ бы туда поѣхалъ, еслибы смоляне энергически проявили свой патріотизмъ? А теперь... будетъ открываться опять гдѣ-нибудь желѣзная дорога, опять празднество и опять поѣдутъ туда: и Марковъ отъ «Инвалида», и Панютинъ отъ «Голоса», и Незнакомецъ отъ «Петербургскихъ», и Скарятинъ отъ «Вѣсти». Скарятинъ??—Можетъ ли это быть, спроситъ изумленный читатель. Вѣрно не поѣдетъ?—То-то поѣдетъ. Онъ уже заявилъ объ этомъ, почитая какъ бывшій, такъ и всякій имѣющій быть съ нимъ скандалъ въ будущемъ вѣнцомъ своего общественнаго служенія.

«Люди,—говоритъ онъ,—выступающіе на публичную арену, должны быть заранѣе готовы на всякія случайности, которыя зависятъ отъ состава и настроенія духа публики, ихъ слушающей. Въ страхахъ, гдѣ публичность вошла въ нравы и обычаи, общественные дѣятели, по очереди, не смущаясь, или терпятъ поражение, или вызываютъ рукоплесканія. Общественный дѣятель, сегодня въ такомъ-то городѣ вызвавшій рукоплесканія, завтра терпитъ поражение въ другомъ городѣ (*Гм! пораженіи! т.-е. какъ? Божомъ?*)

«Одна изъ газетъ,—говоритъ онъ далѣе,—высказала мнѣніе, что послѣ случая въ Смоленскѣ, представители печати сдѣлаются такимъ же рѣдкимъ звѣремъ на торжественныхъ обѣдахъ,

какъ волки въ Англiи, и нѣмы, какъ рыбы. Мы, напротивъ, убѣждены, что русское общественное мнѣнiе оцѣнить по достоинству настоящiй скандалъ и что рѣдкимъ звѣремъ на этихъ обѣдахъ сдѣлаются не представители свободнаго слова, а его ненавистники».

«Ну, чтожъ за бѣда, что поѣдутъ? Пусть ѣдутъ», скажетъ читатель. «Какъ, что за бѣда? Вѣдь опять чтонибудь случится, опять прокричатъ: «довольно», какомунибудь литератору, прокричатъ, можетъ быть, а баз, вонъ, а можетъ быть, выведутъ, и наконецъ, мало ли что можетъ быть. Кто можетъ предвидѣть, до какихъ предѣловъ можетъ дойти разгоряченный патріотизмъ?»

Въ виду всего этого редакціи, отправляющія своихъ сотрудниковъ на празднества, не могутъ оставаться безучастными къ ихъ положенію.

Вотъ Юматовъ и теперь говоритъ, что на подобныя торжества не худо бы отправлять вахмистровъ. Редакціи менѣе воинственныхъ возрѣній позаботятся съ своими сотрудниками, отправляющимися на празднества, послать хоть не вахмистровъ, а здоровыхъ молодыхъ на всякій непредвидѣнный случай. Наконецъ, самия бѣдная редакціи, и тѣ, вѣроятно, будутъ снабжать своихъ сотрудниковъ, хотя желѣзными масками. Вотъ вѣдь къ чему все это ведетъ.

Когда я написалъ эти слова, ко мнѣ вошелъ мой хорошій знакомый и полюбоществовалъ узнать, что я пишу. Я ему прочиталъ.

«— Совсѣмъ вы не то пишете, что слѣдуетъ, сказалъ онъ мнѣ, выслушавъ мою статью. — Вы забываете самое главное, именно то, что скандалъ у насъ есть пока единственный двигатель мысли общественной и литературной».

«— Какъ! и литературной даже?» спросилъ я съ изумленіемъ.

«А вы думали какъ? Развѣ можетъ какаянибудь серьезная публицистическая литература (о ней главнымъ образомъ я говорю) быть въ странѣ, гдѣ нѣтъ полной свободы слова, гдѣ нѣкоторая свобода слова дана только для опыта, и то избраннымъ. Всѣ ваши газетныя, передовыя статьи и разсужденія ни дать, ни взять тѣ *челобитыя*, которыя въ древнее время писали государевы сироты. Сироту пооброчили не по силамъ и не по животамъ, у сироты землицку отняли, сироту воевода пообидѣлъ, ну — садится сирота и строчить. И каждый сирота излагаетъ свою собственную нужду и горе, до общаго ему нужды нѣтъ. Такъ и у васъ въ литературѣ, каждый газетный сирота сидитъ и строчить свое собственное челобитье и только старается прикрыть его общественной нуждой. А какая общественная нужда, когда всѣ газетчики ноутъ обыкновенно врознь! Одинъ вдругъ ни съ того, ни съ сего начинаетъ говорить о смертной казни, когда другой въ это же время пишетъ о необходимости новой кодификаціи свода законовъ, третій о замыслахъ Наполеона на Пруссію и т. д. Однимъ словомъ, нѣтъ того, чтобы статьи въ газетахъ

вызывались самимъ положеніемъ вещей, были отвѣтомъ на вопросы дня, и на вопросы дня не второстепенные какіе нибудь, а фигурирующие, настоятельные, неотразимые. Вѣдь вотъ возьмемъ къ примѣру крестьянскій вопросъ. Онъ теперь основной вопросъ всего нашего будущаго развитія, судьбы всѣхъ нашихъ новыхъ учрежденій, всѣхъ нашихъ чалнй и надеждъ въ будущемъ. Отъ такого или другаго разрѣшенія его зависить все наше будущее. А вѣдь что мы о немъ знаемъ? Положительно ничего. Кой-гдѣ встрѣтится замѣтка въ газетахъ, что тутъ-то, дескать, описаны крестьянскія имѣнья за недонму въ столько-то тысячъ, или что по какой нибудь губерніи недонми возросли во столько-то сотенъ тысячъ, и ничего больше. Прошу васъ представить себѣ: такъ ли бы дѣйствовали газеты, еслибы крестьянскій вопросъ разрѣшался, напримѣръ, въ Англіи? Тамъ вѣрно въ каждой деревнѣ сидѣли бы газетные репортеры и изо дня въ день давали бы извѣстія о ходѣ дѣлъ».

Я было-открылъ ротъ, чтобы возразить на этотъ потокъ красно-рвчія. Но мой знакомый остановилъ меня и снова продолжалъ: «Знаю, знаю, что вы хотите сказать, что наши газеты лишены совершенно возможности заниматься своимъ дѣломъ. Но мнѣ до этого дѣла нѣтъ. Я только констатирую, — какъ любить у васъ выражатея, въ литературѣ, — фактъ, — говорю, что всѣ ваши передовныя статьи и разсужденія только сиротскія хныканья, надъ которыми читающіе умирають отъ скуки и которыя сами сироты пишутъ только съ горя. Потому-то я и говорю, что скандалъ пока почти единственный возбудитель и двигатель нашей мысли, не только общественной, но и литературной. Когда случится скандалъ, разумѣется, крупный, онъ немедленно дѣлается фигурирующимъ явленіемъ дня въ литературѣ. Объ немъ начинаютъ говорить, его начинаютъ обсуждать всѣ газеты. И какъ говорить, какъ обсуждаютъ!... Это уже не тѣ сиротскія челобитья, которыя пишутся обыкновенно. Тутъ является и задоръ, и жаръ, и страсть, и всесторонняя оцѣнка фактовъ, и оцѣнка движущихъ все возрѣній и принциповъ,—и все это, не говорю, прочитывается, а проглатывается публикою съ жадностію, какъ никакая другая газетная дребедень. Думаете ли вы, что все это остается безъ сильнаго нравственнаго вліанія на публику? Вѣрите, нѣтъ. По поводу смоленскаго скандала и всего, что написано о немъ, оглянутся на себя не только смоляне, но и другія провинціи, оглянутся на свою дѣятельность самъ Сварятинъ, оглянутся даже «Московскія Вѣдомости»,—и всѣ болѣе для мнѣе умягчатся.

Я засмѣялся.

«Вѣрите, умягчатся въ нравахъ. Еслибы это нужно было, я бы вамъ исторически могъ доказать, что мы цивилизуемся посредствомъ скандаловъ. Да и какъ вы хотите иначе въ обществѣ, гдѣ только по поводу крупнаго скандала мысль приходитъ повсюду въ пробужденіе, начинаетъ всматриваться во все окру-

жающее, анализировать себя и других, понимать известныя воззрѣнія и принципы; однимъ словомъ, дѣлаться чѣмъ-то дѣйствительно сознающимъ? Теперь спрашивается: кому причиняется вредъ скандалами? Одной только жертвѣ скандала. Жертва эта бываетъ всегда невольная, очень нерѣдко совершенно невинная, но за то всегда почти очистительная для общества, то-есть посредствомъ своего моментальнаго страданія, вносящая известную дозу свѣта и добра въ общественное сознаніе. Въ виду великаго общественнаго блага, въ виду поднятія уровня общественнаго сознанія, хоть на одну линію, стоитъ ли жалѣть о такой ничтожной въ сущности жертвѣ? Если чѣмъ мнѣ Скарятинъ понравился на смоленскомъ скандалѣ, то это тѣмъ философскимъ взглядомъ на свое отношеніе къ подобнаго рода сюрпризамъ. Онъ справедливо говорить, что общественный дѣятель всегда долженъ быть къ нимъ готовъ, что они въ его служеніи неизбежны...

— И такъ... сказалъ я.

— Да здравствуетъ всякій крупный скандалъ, очищающій нравственные миазмы въ нашей общественной атмосферѣ! заключилъ рѣчь свою мой знакомый.

— Вы думаете, что чѣмъ крупнѣе, тѣмъ лучше, и даже... спросилъ я.

— Гм! Ну, нѣтъ... я не тово... не въ томъ смыслѣ, замаялся мой знакомый. — Вѣдь не киргизскія у насъ, въ самомъ дѣлѣ, степи!!

П Р И З Н А К И В Р Е М Е Н И .

ПЕРИОДИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

II.

Нѣсколько словъ о нашемъ «*avoir vivre*» и о мірахъ въ постепенному расширенію его.

«Нынче, мой другъ, народъ не то, чтобы просто, а какъ-то очень ужъ глупъ сталъ. Все самъ себя обманываетъ, самъ себя прельщаетъ, даже словно самъ у себя украсть хочетъ. Назовешь-это вещь другимъ именемъ, и думаетъ, что и вещь другая сдѣлалась. Возьми, напримѣръ, хоть то: выдумали теперь какой-то *avoir vivre*, а разбери ты его какъ слѣдуетъ, этотъ ихній *avoir vivre*, — анъ выйдетъ то же мошенничество!» Эти слова принадлежать не мнѣ, а бабушкѣ Прасковѣ Павловнѣ, которая во всемъ околудѣ известна своею мудростью и откровенностью (однажды она, за эту самую откровенность, чуть-чуть не была водворена въ городъ Варнавинъ). Вообще, это женщина, которая придерживается старыхъ порядковъ, а про затѣи современныхъ

либераловъ отъивается такъ: «повѣрь, душа моя, что все это одинъ savoir vivre!»

Признаюсь, хотя я далеко не убѣдился въ справедливости сравненія дорогой бабушки, тѣмъ не менѣе, для меня несомнѣнно, что на свѣтѣ, дѣйствительно, существуетъ какой-то «savoir vivre», повидимому, обладающій замѣчательною творческою силою.

Куда ни посмотришь — вездѣ savoir vivre. Тотъ приобрѣлъ многоэтажный домъ, другой — стаянулъ цѣлую желѣзную дорогу, третій — устроилъ свою служебную карьеру, четвертый — отлично женился, пятый — набралъ денегъ и бѣжалъ за границу... И все съ помощью какаго-то таинственнаго savoir vivre! Право, даже любопытно становится.

— Разсудите, пожалуйста! говорилъ мнѣ на дняхъ одинъ знакомый: — вотъ человѣкъ, который, продавая мнѣ имѣнiе, показывалъ чужой лѣсъ за свой собственный! Ну, не подлецъ ли?

— Зачѣмъ же подлецъ? хладнокровно оправдывался такъ-называемый «подлецъ». — Спрашиваю я васъ: ежели я что имъ показываю, должны ли они моими показами руководствоваться?

Я разсудилъ, вникнулъ, взвѣсилъ, разсмотрѣлъ, и нашель, что, дѣйствительно, тутъ нѣтъ никакой подлости, а есть savoir vivre — и больше ничего.

— Вообразите! вопилъ другой мой знакомый: — вотъ человѣкъ, который моимъ именемъ выманилъ у моего кредитора пятьдесятъ тысячъ — и серылъ! ну, не мошенникъ ли?

— Зачѣмъ же мошенникъ? оправдывался обвиняемый: — разсудите сами: ежели я подлинно что у нихъ просилъ, должны ли они были моими просьбами руководствоваться?

Я опять разсудилъ, и опять нашель, что мошенничества тутъ нѣтъ, а есть довольно крупный savoir vivre — и ничего больше.

— Позвольте! остановилъ меня третій знакомый: — вотъ вамъ субъектъ: онъ былъ моимъ ходатаемъ по дѣламъ, выигралъ мой процессъ, взяскаль деньги, и прикарманилъ! ну, не бездѣльникъ ли?

— Зачѣмъ же бездѣльникъ? оправдывался субъектъ: — разсудите сами: ежели я, что для нихъ, по ихъ порученiю, дѣлаю, должны ли они за мной смотрѣть или нѣтъ?

И я опять разсудилъ, что тутъ нѣтъ никакого бездѣльничества, а есть savoir vivre — и больше ничего!

И что всего замѣчательнѣе, потерпѣвшiя стороны сами очень хорошо понямали, что во всемъ этомъ главную роль играетъ savoir vivre. Если онѣ жаловались на своихъ обидчиковъ, то въ этихъ жалобахъ слышался матеріальный ущербъ, а отнюдь не нравственная сторона вопроса: «Только отдай ты мнѣ, что у меня укралъ, звучало въ ихъ голосѣ, а ужъ я тебѣ и съ своей стороны покажу savoir vivre!» И въ ожиданiи этого, они готовы были не только примириться съ своими обидчиками, но и обозвать ихъ голубчиками...

— Ахъ, какой умный! Что за голова! Что за savoir vivre! и

вотъ говорить, что у насъ нѣтъ смѣлости и предпріимчивости! случается слышать вездѣ, гдѣ соберется кучка гулящихъ русскихъ людей.

Полюбопытствуйте разспросить, кому слагаются эти похвалы, и вы убѣдитесь, что тутъ навѣрное или стаяли желѣзную дорогу, или пустили по міру десятокъ и сотни семействъ.

— Вотъ-то дурачина! вотъ-то пентюхъ и осель! опять раздается все въ той же толпѣ гулящихъ русскихъ людей.

И опять полюбопытствуйте, и опять убѣдитесь, что тутъ идетъ рѣчь о какомъ-нибудь наивно-престоватомъ труженикѣ, на которомъ довѣрчивая компанія развязныхъ дармоѣдовъ (поклонниковъ *savoir vivre*) рѣшилась создать свое благополучіе. И вѣрите мнѣ, нѣтъ того поноснаго ругательства, нѣтъ того презрительнаго выраженія, которое бы не послали вслѣдъ простаку гуляціе русскіе люди! «Фофанъ! соломенная голова! ослинныя уши! курицынъ сныль!» такъ и стонутъ они своими утробными голосами.

Бабушка! бабушка! ужели же ты и въ самомъ дѣлѣ была права, утверждая, что *savoir vivre* и мошенничество — одно и то же?

Но я все еще сомнѣваюсь; все еще стараюсь увѣрить себя, что *savoir vivre* — самъ по себѣ, а мошенничество — само по себѣ. Поэтому буду говорить здѣсь только о *savoir vivre*.

Savoir vivre, какъ и всякая другая творческая сила, переживаетъ, въ своемъ развитіи, очень много самыхъ разнообразныхъ фазисовъ. Сначала, оно представляетъ собой явленіе простое и малосодержательное, потомъ все больше и больше усложняется, и набирается соковъ; наконецъ, лопается, словно пышный кактусъ, и, не опасаясь публичности, предъявляетъ изумленному міру разнообразіе и полноту своего содержанія.

Самая простая и первоначальная форма, въ которой проявляется *savoir vivre* — это тайное присвоеніе платковъ, скрывающихся въ чужихъ карманахъ. На предпріятія подобнаго рода обыкновенно рѣшаются такіе люди, у которыхъ нѣтъ своихъ собственныхъ платковъ, но такъ-какъ при этомъ не требуется ни глубины взглядовъ, ни обширности соображеній, то, по большей части, умѣлыхъ людей этой категоріи называютъ карманными ворами и бѣть. Понятно, какая нужна осмотрительность, чтобы проводить *savoir vivre* въ этой простой и нѣсколько грубой формѣ; но понятно также и то, что, въ виду безпрестанныхъ опасеній, дѣло это само собой не можетъ удержаться на первоначальной своей точкѣ, но будетъ постоянно стремиться расширить и распространить свою арену.

И дѣйствительно, *savoir vivre* въ скоромъ времени усложняется и входитъ въ послѣдующій фазисъ своего развитія. Утаиваются дома, деревни, капиталы, дороги; устраиваются карьеры и браки; появляются проекты ограбленія въ столь обширныхъ размѣ-

рахъ, что польза ихъ такъ и бьетъ всѣмъ въ глаза. Предпріятія такого рода, конечно, уже гораздо труднѣе, ибо предполагаютъ знаніе человѣческаго сердца и извѣстную смѣлость взгляда. Но важнѣе съ тѣмъ, они и легче, потому что не сопровождаются оушеиеніемъ и оплеваніемъ. Они производятся у всѣхъ на виду и при открытыхъ дверяхъ, а потому приобретаютъ характеръ турнира. Безстрашнѣйшими и безупречнѣйшими рыцарями этого *zavoiг vivге* вѣге исторія представляетъ намъ бывшихъ откушниковъ; въ будущемъ, мы можемъ усматривать зачатки такого же рыцарства въ блистательно начинающемся желѣзно-дорожномъ дѣлѣ. «На то война!» говорятъ пропагандисты этого *zavoiг vivге*, и съ самою утонченною вѣжливостію преломляютъ копыа.

— Какую я, душа моя, дорогу получилъ! говорилъ мнѣ на дняхъ одинъ прекрасный молодой человекъ, котораго до сихъ поръ я имѣлъ наивность считать пустѣйшимъ мальцомъ: — объядѣніе!

— Что же такое?

— Кромѣ песку и выси поднебесной — ничего!

И затѣмъ, онъ началъ мнѣ разъяснять. Милліоны и сотни тысячъ такъ и лились изъ его устъ, словно это совсѣмъ не милліоны, а какіе-нибудь презрѣнные мѣдяки.

— Ты понимаешь? я взялъ — и сейчасъ въ сторону! и у меня осталось...

Опять поспынались милліоны и тысячи, такъ что мнѣ, подъ конецъ, сдѣлалось тошно.

— Послушай, другъ мой, а зѣдь я думалъ, что у тебя соломенная голова! сказалъ я: — ты меня извини!

— Извиняю, душа моя, все, извиняю! отвѣчалъ онъ, и въ порывѣ счастья (вотъ какъ оно украшаетъ человѣка!) не только извинилъ, но бросился даже цаловать меня, повторяя: не-ески! не-ески!

— Но, позволь, однако, что скажетъ Катковъ? остановилъ я его.

— Разрѣшилъ!

Понятно, что такого рода *zavoiг vivге* никакъ нельзя сравнивать съ первымъ. Это даже почти не *zavoiг vivге*, а, такъ сказать, законная дань качествамъ ума и сердца. Тутъ нѣтъ ничего... совсѣмъ ничего... мошеническаго... Тутъ просто развязность, изобрѣтательность, знаніе географія... и песка!

Но по мѣрѣ того, какъ мы привыкаемъ къ такому *zavoiг vivге*, по мѣрѣ того, какъ онъ доставляетъ намъ деньги, комфортъ и всеобщее уваженіе, нашъ умственный горизонтъ расширяется самъ собою и предъявляетъ взору такіа перспективы, которыхъ мы не могли даже и предвидѣть. Мы начинаемъ терять способность различать не только между своимъ и чужимъ платками, но даже и между всевозможными платками вообще, кому бы они ни принадлежали и гдѣ бы ни находились. Всякій платокъ представляется намъ олицетвореніемъ афоризма: *res nullius cadet grimo occupandi*. Не только поступки и дѣйствія наши прои-

каются учением о непреложности *avoir être*, но и наши суждения, наши понятия произвести нравственную оцѣнку такого-то поступка или дѣйствія всецѣло подчиняются ему...

Это, конечно, самый счастливый и самый цвѣтущій періодъ *avoir être*; это самая совершенная форма его. Если первая изъ упомянутыхъ выше формъ можетъ быть охарактеризована изрѣченіемъ: на ворѣ шапка горитъ, вторая — изрѣченіемъ: не пойманъ — не воръ, то третью всего приличнѣе формулировать такъ: и пойманъ, да не воръ, потому что кому же судить?

Бабушка! бабушка! что ты надѣлала? Съ какою цѣлью ты поселила во мнѣ разладъ?

Кто растолкуетъ мнѣ, какое дѣйствительное значеніе заключаетъ въ словѣ «воръ»? Кого долженъ я разумѣть настоящимъ воромъ, и кого — просто агентомъ общества *avoir être*? Кому могу я позать руку, кому объявляюсь плунуть на оную?

Куда я теперь дѣнусь? Если бѣжать въ степи, то вѣдь и онѣ прорѣзываются нынче желѣзными дорогами, а вмѣстѣ съ ними и туда проникаетъ *avoir être*.

Неслыханное зрѣлище представляютъ эти прекрасныя, дѣвственныя русскія степи! Хищный волкъ подходитъ къ робкому барану, но не хватаетъ его за шиворотъ, а любовно вилля хвостомъ, спрашиваетъ: «позвольте ли васъ скушать»? Лисица, забравшись въ курятникъ, не душитъ и не терзаетъ, но ищетъ успокоить всполохнувшихся куръ, и вкрадчивымъ голосомъ вопіеть: «посмотрите, милыя, какъ я васъ ощиплю!» Эта душегубствующая любезность, это умиротворяющее хищничество приводитъ меня въ ужасъ. Я чувствую, какъ капли пота выступаютъ у меня на лбу, какъ холодѣетъ спина, и начинаютъ дрожать ноги.

Тысячи разнородныхъ экземпляровъ челоуѣка проходятъ мимо меня, и, странное дѣло! — никому-то не стыдно, никто не краснѣетъ!

Всѣ идутъ очень свободно; всѣ разговариваютъ, и безза стѣнчиво передаютъ другъ другу свои вчерашнія и сегодняшнія процессы.

— Слышали, какую штуку Федька удрагъ? говорить одинъ.

— Слышали, какой Сережа проесть во всеобщему ободраніи сочинилъ? вторить другой.

— А! вотъ и онъ! Сережа! Сережа! къ намъ! сюда! Quand on parle du soleil, on en voit les rayons! слышете со всѣхъ сторонъ.

Сережа приближается; онъ ситъ, доволенъ и, сверхъ того, чувствуетъ, что его уважаютъ. Его окружаютъ, около него лебелятъ. Что же мудренаго — онъ финансистъ.

— Ну, что, шалопан! Хотите въ компанію? благосклонно спрашивает онъ, подавая собесѣдникамъ концы пальцевъ.

— Сережа! голубчикъ! хоть чуточку! вопіеть одинъ.

— «Пѣтушкомъ!» ослабляется другой.

Остальные облизываются.

— Вы, однако, должны знать, *messieurs*, что это дѣло серьезное... очень, очень серьезное! глубокомысленно провозглашаетъ Сережа.

— Ужъ я! ужъ мы! только допусти!

— А помнишь ли ты, соломенная голова, какъ ты у братьевъ наследство укралъ? вдругъ врывается въ бесѣду чей-то фофанскій голостъ, очевидно, обращающійся къ Сережѣ.

— Что касается до этого, то... *puis en parlerons plus tard, mon cher!* Теперь же могу сказать тебѣ одно: въ наше время жизнь дается только тѣмъ, кто ее съ бою беретъ, а не тѣмъ, кто передъ нею слюни точить! произноситъ Сережа и величественно удаляется, сопровождаемый толпою поклонниковъ.

Это — послѣднее слово современнаго *savoir-vivre*. Умѣть эскамотировать шары, съ утра до вечера рыскать по городу и топтать въ переднихъ коврахъ — это называется брать жизнь съ бою; сидѣть спойной дома и чуждаться охватившей всѣхъ жажды стяжанія... стяжанія во что бы то ни стало — это называется точить слюни.

— Совсѣмъ насъ узнать нельзя! говорилъ кто-то на дняхъ въ какомъ-то учено-обѣденномъ обществѣ: — просто мы не славяне, а англо-саксы какіе-то сдѣлялись! такъ и хватаемъ! такъ и хватаемъ!

— Ключемъ отлично! прибавилъ другой: — только какъ бы не наклевать на замаскированный крючокъ!

— Съ Божьею помощью, этого не случится! прервалъ третій, который, повидимому, еще не успѣлъ сбыть свои акціи, и котораго воспоминаніе о крючкѣ сильно передернуло.

Однимъ словомъ, восторгъ общій. Ученныя общества надѣются и провидятъ новыя залого прусифанія, публицисты плещутъ руками и подають благоразумныя совѣты; генералы входятъ въ общеніе съ простыми негоціантами, задають обѣды съ музыкой и говорятъ спичи; присяжныя повѣренныя предлагаютъ свои услуги.

Никогда не было на Руси такого веселья! Были мы грубы и неотесаны; только и было на языкѣ: мошенники да мошенники! И вдругъ... *savoir vivre!*

— *N'est-ce pas que cela arplanit bien des choses?* говорила мадамъ одна прекрасная кокетка, и говорила сухую правду.

И за всѣмъ тѣмъ, меня тревожатъ два вопроса:

Вопросъ первый. Какимъ образомъ могло случиться, что соломенные головы вдругъ сдѣлялись и экономистами, и финансистами, и чуть-чуть не полетиками?

Вопросъ второй. Если справедливо, что отъ всѣхъ этихъ

затѣй пахнетъ миллионами, то съ какого благодатнаго неба должны свалиться на насъ эти миллионы?

Первый вопросъ разрѣшается очень легко: именно потому-то и имѣютъ успѣхъ соломенные головы, что онѣ соломенныя.

Нѣтъ ничего прѣще, какъ устройство соломенной головы. Правда, что она не отличается прочностью, и что чрезъ ея скважины очень скоро стекаетъ всякая мысль, которая въ нее извнѣ вливается; но зато въ нее и попадаетъ всякій соръ гораздо удобнѣе, нежели въ обыкновенную человѣческую голову. Она постоянно раскрыта для каждаго вѣтра, хотя бы даже и зловоннаго, но поэтому-то самому такъ быстро и колеблется всякими дувоненіями. Обыкновенная голова имѣетъ способность задерживать мысли и комбинировать ихъ съ тѣмъ мыслительнымъ капиталомъ, который нажитъ прежде. Напротивъ того, соломенная голова ничего не задерживаетъ и не имѣетъ надобности комбинировать, потому что мысли проходятъ сквозь нея, какъ сквозъ пустое рѣшето. Это качество во многомъ ее облегчаетъ: оно дѣлаетъ ее быстро-воспламеняющеюся, оно дозволяетъ ей дѣйствовать ничѣмъ не стѣсняясь. Не нужно быть ни экономистомъ, ни финансистомъ, ни политикомъ, чтобы скалить зубы на чужой платокъ. Для этого требуются только крѣпкіе инстинкты плотоядности и чревоугодничества, а затѣмъ званія экономистовъ, финансистовъ и политиковъ придутъ сами собою.

Нахальство, нестѣсняемость, развязность и постоянное, неуклонное стремленіе къ куску—вотъ основанія и принципы этой новой экономической науки.

Что такое рубль? откуда онъ выходитъ? какая его родословная?— все это вопросы, совершенно чуждые соломенной головѣ, и я положительно утверждаю, что только при отсутствіи этихъ вопросовъ и можно дѣлать тѣ операціи, которыя она дѣлаетъ.

Соломенная голова разсуждаетъ такъ: рубль — это рубль, и ничего больше. Она думаетъ, что это какая-то заблудшая овца, которая родилась на монетномъ дворѣ или въ мѣняльной лавочкѣ, потомъ шаталась гдѣ-то безъ дѣла, и теперь, благодаря ей *avoir vécu*, лѣзетъ къ ней въ карманъ.

Соломенная голова даже не знаетъ, что будетъ дѣлать эта заблудшая овца у нея въ карманѣ. «Полагать надо, думаетъ она, что пошевелится она тамъ малое время безъ призорнія, ну куда не пристроится опять къ какому нибудь мѣняльчѣ, и опять надо будетъ ее оттуда вытаскивать...

Что такое «операція»? Что изъ нея выйдетъ? на сколько она можетъ подѣйствовать въ томъ или другомъ смыслѣ? и на что подѣйствовать? и эти вопросы точно также чужды соломенной головѣ, и я точно также утверждаю, что только при совершен-

ной свободѣ отъ нихъ можно дѣйствовать на отмашь и не стѣнясь.

— Пе-ески! пе-ески! радостно восклицала мой юный пріятель, о которомъ я повѣствовалъ выше, и рассуждалъ такъ наивно, что даже нѣтъ возможности спросить его: «да чему же ты, дурашка, радуешься? Что тебѣ вдругъ такъ весело сдѣлалось?» Нельзя сдѣлать ему этотъ вопросъ уже потому одному, что онъ и слово «пески» во всемъ его объемѣ постигнуть и объяснить не можетъ.

Многіе думаютъ, что тутъ кроется какая-то тайна. Совсѣмъ никакой тайны нѣтъ, а дѣло самое обыкновенное. Нахальство и стремительность въ достиженіи цѣлей (а слѣдовательно и успѣхъ) столь же свойственны соломеннымъ головамъ, сколько совѣстливость и нѣкоторая перѣшителность свойственны обыкновеннымъ головамъ человѣческимъ. Это истина, которую подтверждаетъ и исторія. Стоитъ только начѣмъ не брезговать, да вольно ходить, и вдругъ очутишься такимъ финансистомъ, что самъ Молinari руками разведетъ.

Говорятъ, что мы не славяне, а англо-саксы. На чемъ, однако, основано такое мнѣніе? На томъ ли, что мы очень жадны? на томъ ли, что насъ, при видѣ гривенника, кидаетъ въ ознобъ? Но есть нѣкоторое животное, боровомъ называемое, которое и того жаднѣе, но которое, за всѣмъ тѣмъ, никому и въ голову не приходило называть англо-саксомъ! Стало быть, это вздоръ, а правда — вотъ она: всѣ мы бахвалы-лежебоки, которыхъ легкій трудъ очень правится! И ничего болѣе.

Изъ всего изложеннаго видно, что многіе вопросы, которые на первый взглядъ кажутся очень трудными, въ сущности, разрѣшаются самымъ свободнымъ образомъ. Итакъ, не завидуя, читатель, успѣху соломенныхъ головъ и будь доволенъ тѣмъ, что у тебя на плечахъ голова обыкновенная! *Suam cuique*: имъ—рубль и соломенный намѣтъ; тебѣ—голова, и три копейки мѣдныхъ. Чей удѣлъ счастливѣе?

Гораздо труднѣе разрѣшить вопросъ нумера второго, а именно: съ какого благодатнаго неба имѣютъ свалиться на насъ ожидаемые милліоны?

Но такъ-какъ вопросъ этотъ дѣйствительно очень труденъ, то я предпочитаю не разрѣшать его. Будемъ думать, что онъ когда-нибудь разрѣшится самъ собою.

Меня всегда удивляло, почему *zavoiг vivге* такъ мало развитъ между такъ-называемою меньшею братшею? И, — что всего замѣчательнѣе, — тѣмъ бѣднѣ эта меньшая братія, тѣмъ слабѣе въ ней развиты всякаго рода промышленныя и цивилизующія поползновенія, тѣмъ менѣе оказывается и чувства *zavoiг vivге*.

Меньшая братія не знаетъ ни заемныхъ писемъ, ни векселей, ни сохранныхъ росписокъ, ни контрактовъ. Пробовали давать меньшему брату взаимны денегъ безъ всякихъ документовъ—отдаетъ; пробовали заключать съ нимъ самня, что называется, удометворительныя условія безъ малѣйшаго посредства бумаги—исполняетъ. Какъ ни испытывали его *savoir vivre*, какъ ни старались возбудить его въ немъ—не оказывается, да и все тутъ.

Если меньшій братъ взялъ у васъ денегъ и предвидитъ, что ему нечѣмъ будетъ заплатить въ срокъ, то онъ уже загодя мучится и всею своею фигурой говорить: виноватъ! То пройдетъ мимо васъ, потушивъ глаза, то вдругъ взглянетъ на васъ... какъ взглянетъ! Тогда възъ него хоть веревки вей. По первому вашему мановенію, онъ начинаетъ и пахать, и сѣять, и косить, и жать, или, другими словами, дѣйствовать хребтомъ, и дѣйствуетъ имъ до тѣхъ поръ, покуда вы сами, наконецъ, не скажете: довольно!

— А вѣдь это, братъ, только проценты! долгъ-то, братъ, самъ по себѣ! инсинуируете вы ласково.

— Ну, само собой! долгъ-это, разумѣется, само собой! отвѣчаеъ онъ, и какъ благодарень-то, какъ благодарень онъ вамъ, что вы позволили ему подѣйствовать мало-мало хребтомъ...

И въ самомъ дѣлѣ, чтò такое ему хребетъ! онъ дѣйствуетъ имъ такъ свободно и ловко, какъ будто онъ у него не свой, а казенный!

Вотъ къ какимъ прекраснымъ результатамъ можно прити, ежели сойдутся вмѣстѣ: съ одной стороны *savoir vivre*, а съ другой — недостатокъ въ ономъ.

То ли дѣло другъ мой, Феденька Козелковъ! Онъ три года долженъ мнѣ нѣкоторую сумму, и, вслѣдъ за тѣмъ какъ мы встрѣчаемся, не онъ робѣетъ передо мной, а я передъ нимъ. Онъ такъ развязно подходитъ ко мнѣ, такъ любезно спрашиваетъ о моихъ занятіяхъ, что я чувствую себя не только очарованнымъ, но даже боюсь, буквально боюсь, чтобъ онъ какъ нибудь не договорился о своемъ ничтожномъ должкѣ!

Мнѣ скажутъ, быть можетъ, что тѣмъ не менѣе, большинство воровъ, грабителей, разбойниковъ и т. д. все-таки выходитъ въ меньшей братіи, и слѣдовательно... Позвольте, господа! впервыхъ, можно поручиться заранѣе, что эти воры и т. д. болѣе или менѣе уже тронуты стремленіемъ къ *savoir vivre*; вовторныхъ, возьмите ихъ численное отношеніе къ массѣ меньшей братіи, и вы увидите, что объ этомъ даже и говорить не стоитъ.

Но чѣмъ больше мужикъ оперяется, тѣмъ настоятельнѣе начинаютъ взнвать въ немъ инстинкты *savoir vivre*. Изъ простаго чибиса онъ дѣлается коршуномъ, изъ барана—волкомъ. Правда, что ни орломъ, ни львомъ онъ все-таки никогда не сдѣлается, но вѣдь и мѣсто наше такое... по нашему мѣсту, и волка очень довольно.

Онъ начинаетъ отрицаться, утаивать, отговариваться зашаманованіемъ, и всѣ эти акты своего savoir vivre сопровождается вздохами. «Ничего я этого не знаю», «никогда я у тебя не бралъ», «и напрасно ты меня этимъ дѣломъ безпокоишь»—вотъ слова, которыя изрекаютъ его уста въ этотъ первый періодъ его превращенія. Потомъ, онъ мало по малу входитъ въ разсмотрѣніе среды, въ которой живетъ, и, тщательно изучивъ положеніе каждаго изъ ея членовъ, начинаетъ производить свои финансовыя операціи въ болѣе крупныхъ размѣрахъ. Потомъ, голову его постепенно начинаетъ угнетать мысль о всеобщемъ ограбленіи; ему становится тѣсно въ деревнѣ; ему надо губернію, двѣ губерніи, три губерніи... цѣлую Россію! И вотъ онъ бредетъ откуда нибудь, изъ родной Заманиловки, не ѣстъ, не пьетъ, все думаетъ: какъ бы отдѣлать дѣло въ лучшемъ видѣ! И вдругъ, спустя полгода, вы узнаете, что народился новый финансистъ!

— Кто такой? кто такой? спрашиваете вы съ жадностью.

— Представьте... простой мужичокъ! и даже неграмотный! отвѣчаетъ вамъ одна изъ соломенныхъ головъ, плѣненная проектомъ быстрого и всеобщаго узавленія.

— Чтѣ жъ онъ такое сочинилъ? продолжаете вы ваши вопросы.

— Ну, это, покамѣсть, еще тайна!

Оказывается, однакожъ, что мужичокъ-финансистъ, при помощи авоськи да смекалки, ничего не упустилъ изъ вида; что онъ не только поверхность земли, но и самня ея нѣдра предположилъ устроить и привести въ порядокъ, чтобъ не лежали праздно, а приносили посильный плодъ на пользу и радость любовному отечеству.

Появляются проекты объ эксплуатированіи собачьяго помета, проекты о собираніи на всемъ пространствѣ Россіи рыбныхъ костей, о заселеніи песчаныхъ степей, объ обращеніи безплодныхъ мѣстъ въ плодосныя...

— Иванъ Иванычъ! голубчикъ! такъ мы, стало быть, собачій пометъ собирать станемъ? спрашиваетъ соломенная голова, готовая, въ порывѣ энтузіазма, даже и на этотъ подвигъ.

— На что же-съ! Мы только авціи выпустимъ-съ! отвѣчаетъ мужичокъ-финансистъ, и затѣмъ уже начинаетъ обстоятельно и толково объяснять сокровенную сущность проекта.

Я отнюдь не говорю, и не думаю, чтобы у этого мужичка-финансиста была содоменная голова (я скорѣе готовъ назвать ее булжнниковою), но предоставляю читателю судить о тѣхъ, кто соблазняется проектами, до концепціи которыхъ онъ дошелъ собственнымъ умомъ...

На дняхъ я читалъ книгу Тендъ: «Paris en Décembre 1851» и убѣдился, что современный savoir vivre ведетъ свое начало изъ переворота 2-го декабря 1851 года. Мало того: эта книга дока-

зала мнѣ, что истинный *saouig vivge* можетъ быть иногда доведенъ даже до разнѣровъ полнаго свободомыслія.

Никто не станетъ отрицать, что Кавеньякъ, Шангарнье, Шаррасъ, Тьеръ, Викторъ Гюго, и множество другихъ жертвъ декабрьскаго переворота—люди умные и довольно проникательные. Многіе утверждаютъ, что они въ этомъ отношевіи стоятъ даже выше, нежели какіе-нибудь Морни, Сентъ-Арно и Мона и другіе герои того же зачала, которые невѣдомо откуда взялись и расцвѣли въ ночь съ перваго на второе декабря (въ Тьеръ и Шангарнье нельзя, однакожь, отвергать и замѣчательнаго *saouig vivge*). И вотъ, однакожь, эти внезапные выходы невѣдственности, эти простые люди, незнакомые ни съ міромъ, ни съ его ухищреніями, вдругъ, въ теченіе какихъ-нибудь нѣсколькихъ часовъ, становятся выше, опытаѣе и дальновидѣе тѣхъ, которые, въ продолженіе многихъ и многихъ лѣтъ, уловляли вселенную! Надо же, чтобъ была какаа-нибудь причина, объясняющая столь загадочное явленіе.

По моему мнѣнію, такое извращеніе естественнаго порядка въ дѣлѣ уловленія произошло единственно оттого, что ни Тьеръ, ни Шангарнье, ни Кавеньякъ не умѣли возвыситься до того свободомыслія, до котораго разомъ возвысились простые рыбаки, никогда нестѣснявшіеся никакими соображеніями. Кажется, что можетъ быть легче, какъ войти цѣлою ордою въ домъ къ спящему человѣку и пришибить его, а кто же, кромѣ совершенно свободномыслящаго человѣка, рѣшится ватакой подвигъ? Что можетъ быть проще насилія, пошлѣе коварства, нахальнѣе необузданности, и между тѣмъ кто, кромѣ субъекта, впелѣиъ освободившагося отъ всякихъ нравственныхъ обязательствъ, охотно согласится на такіе поступки, которые повлекутъ за собой для него названіе человѣка коварнаго и необузданнаго? Всѣ подобнаго рода дѣйствія не требуютъ ни ума, ни особенныхъ способностей; единственное условіе, которому они подчиняются—это условіе внезапности. Сюрпризы, изготовляемые при помощи *saouig vivge*, тѣмъ именно и благонадежны, что къ нимъ нельзя приготовиться, и что, слѣдовательно, ни умъ, ни проникательность, ни таланты — ничто не можетъ устоять противъ нихъ. Это своего рода киринчи, внезапно сваливающіеся съ крыши и убивающіе человѣка — что противъ нихъ подѣлаешь?

«Сберегайте ваши силы, и утомляйте силы обывателей». «По временамъ ошибайте, но дѣлайте видъ, что это произошло невзначай». «Обманывайте, обманывайте и обманывайте!» Ничего не можетъ быть проще и даже глупѣе этихъ аксіомъ, но съ тѣхъ поръ, какъ онѣ отысканы, какъ прояснились наши понятія! Какія обширныя перспективы открылись передъ нами! Мы нашли средство вывести ихъ изъ той спеціальности, въ которой онѣ первоначально замыкались, и отыскивать для нихъ такіа примѣненія, которыя едва-ли снились даже изобрѣтателямъ ихъ. Мы переносимъ эти аксіомы во всевозможныя жизненныя сферы, какія доступны нашему пониманію, мы видимъ въ нихъ не только идеаль праж-

тической мудрости, но и единственное условие казникъ бы то ни было успѣховъ. Мы обманываемъ, обманываемъ, обманываемъ...

Съ одной стороны *savoir vivre*, съ другой — толпа, до которой имѣеть дѣло этотъ самый *savoir vivre*. Какъ ни просто сей послѣдній, какъ ни ограниченны его цѣли, все-таки онъ знаетъ, чего хочетъ, и слѣдовательно обладаетъ извѣстною дозой рѣшимости. Онъ тогда только и выходитъ, когда уже заранѣе опредѣлитъ и свои собственныя позиціи, и точку, въ которую предстоитъ ему цѣлиться. Совсѣмъ другой видъ представляетъ толпа: какъ ни предполагайте ее проникательномъ, она уже по тому одному не въ силахъ ничего предпринять, что не знаетъ, откуда и какого рода камень будетъ въ нее брошенъ. Она можетъ выдѣлять изъ себя великихъ и гениальныхъ людей, она можетъ совершать чудеса самопожертвованія и доблести, но противъ неожиданностей и разставляемыхъ ловушекъ ничего совершить не въ состояніи.

На этомъ-то именно и основанъ весь расчетъ такъ-называемаго *savoir vivre*, и вотъ этотъ-то именно расчетъ и поняти въ совершенствѣ, такъ-называемыя, соломenni головы.

Когда мы дойдемъ до той степени простоты взглядовъ, что, встрѣчаясь на улицахъ, будемъ говорить другъ другу:

— Поздравь меня, душенька! я только-что сію минуту у Доминна пирогу съ прилавка благополучно стащилъ!

— Эка невидаль! А я вчера тридцать тысячъ украсть — и то никто не примѣтилъ!

Когда, говорю я, мы достигнемъ такого свободомыслія, что перестанемъ отличать свои барманы отъ чужихъ — тогда наступитъ для насъ тотъ блаженный періодъ, въ которомъ нѣтъ ни правыхъ, ни виноватыхъ, а существуютъ одни умѣлые люди.

Я не утверждаю, чтобы мы были очень близки къ этой волшебной цѣли; но достойно замѣчанія, что уже теперь, когда мы находимся еще на половинѣ пути къ ней, истинно умными людьми называются только люди умѣлые. Ихъ однихъ цѣнять, одними ими дорожать. Все остальное, неподходящее къ этому идеалу, составляетъ собраніе, такъ-называемыхъ, *têtes creuses*, о которыхъ не можетъ быть даже помину, когда идетъ рѣчь о развернутомъ фронтѣ разнообразныхъ актовъ нашего *savoir vivre*.

Мнѣ кажется, однако, что мы могли бы имѣть и еще больше успѣха, еслибъ дѣйствовали нѣсколько смѣлѣе и увѣреннѣе. Намъ смущаеетъ мысль, что мы все-таки не больше, какъ *les cadets de la civilisation*, и что настоящихъ образцовъ даже въ такомъ простомъ дѣлѣ дать никому не можемъ. Французское мастерство продолжаетъ застилать намъ глаза, и отнимаетъ у нашихъ поштокъ всякую оригинальность. Въ этомъ случаѣ, образованность и слишкомъ большая начитанность, по моему мнѣнію, даже вредны. Не будь у насъ этой болезни идеаловъ,

этого обожанія чужой цивилизаціи, мы не падали бы въ обмо-
рокъ при мысли: что-то скажутъ наши учителя? — но устроивали
бы свое дѣло, собственными средствами, какъ Богъ на душу
положить... И навѣрное, дѣлали бы много, прочно и хорошо.

Укажу, напримѣръ, на слѣдующее простое дѣло: украсть
человѣкъ сумму, или лучше сказать, не украсть, а незамѣт-
нымъ образомъ совершилъ экспроприацію: Фактъ, повидимо-
му, простой, и совершенно безобидный — и что жъ вы, одна-
кожь, думаете? — поднялась разногласица, устроился чуть ли не
цѣлый турниръ! по поводу такого-то, ничего не стоящаго
факта! Одни говорятъ (къ счастью еще, что случился люди
вполнѣ компетентные!): если украсть — пускай пользуется! дру-
гіе говорятъ: нѣтъ! воровать не позволяется, потому что такимъ
манеромъ скоро не будешь знать, цѣлесообразно или не цѣле-
сообразно выходить на улицу одѣтымъ, и имѣть при себѣ пла-
токъ?

— Этакъ, батюшка, куски изо рта вырывать будутъ! говорили
голоса болѣе рѣшительные.

— Такъ вы скорѣе глотайте! возражали имъ голоса не менѣе
рѣшительные.

Я понимаю, что въ вопросѣ столь великой важности, подоб-
ный разладъ совершенно умѣстенъ; тѣмъ не менѣе, онъ все-
таки на столько прискорбенъ, что служить почти единственною
помѣхою для нашего поступанія впередъ. Еслибъ мы были на
этотъ счетъ согласны, еслибъ мы одинъ разъ навсегда сказали
другъ другу: прочь сомнѣнія! украшій — пусть пользуется;
оплошавшій — пусть вкушаетъ плоды экспроприаціи! — нельзя
даже исчислить, до какихъ геркулесовыхъ столбовъ цивилизаціи
мы могли бы дойти! Всякій, видя насъ, говорилъ бы: вотъ люди,
которые знаютъ чего хотятъ! вотъ люди, на которыхъ можно
положиться, какъ на каменную стѣну! — тогда, какъ теперь,
видя наши неурядицы, всѣ говорятъ: вотъ слабое, преждевре-
менно-отжившее поколѣніе, которое преиращается даже на счетъ
такихъ общезвѣстныхъ предметовъ, какъ экспроприація!

Нѣтъ; какъ ни несомнѣнно мое уваженіе къ старой бабушкѣ,
я не могу согласиться съ нею. *Savoir vivre* и мошенничество,
можетъ быть, двѣ равно великія, но въ то же время совершенно
различныя силы. Большая разница: *вырвать* у ближняго изо рта
кусокъ наглѣмъ образомъ, и *вынуть* тотъ же кусокъ такъ, чтобъ
никто не замѣтилъ; на сколько первое зазорно и оскорбительно,
на столько второе естественно... почти законно!

Пускай огорченные идеологи ораторствуютъ на счетъ развра-
щенности современныхъ нравовъ; пускай какой-нибудь обозлив-
шійся мизантропъ провозглашаетъ, что наше время можетъ пред-
ставить только ядовитѣе продукты умственаго и нравственнаго

гнівія; скажемъ другъ другу разъ навсегда: это говорить зависть, ограниченное скудоуміе, — и затѣмъ, станемъ добре.

На свѣтѣ слишкомъ много простосердечныхъ людей, чтобъ можно было допустить ихъ контить небо невозбранно. Пожалуй, они закоптятъ его такъ, что намъ, людямъ умѣлымъ, нельзя будетъ прямо взглянуть на солнце. Этотъ народъ плещетъ и назойливъ; его необходимо разрѣзать частью посредствомъ водворенія... въ извѣстныхъ границахъ, частью посредствомъ проглатыванія. Только въ этомъ разрѣженномъ состояніи можно допустить участіе столь безпокойнаго элемента въ общемъ жизненномъ хорѣ; только въ этомъ видѣ, онъ можетъ быть разсматриваемъ не только какъ извѣстный, неоскорбляющій слуха диссонансъ, но даже какъ нѣкоторая поправка нашему слишкомъ разыгравшемуся *zavoir vivre*.

Нѣтъ спора, снисходительность и великодушіе похвальны; но и они становятся приторными, какъ скоро употребляются безъ мѣры и несвоевременно. Время не терпѣть; каждая минута приносить за собой капиталы; намъ предстоитъ шарить, хватать, глотать — а мы станемъ распускать слюни и слушать проповѣди о воздержаніи и какихъ-то ядовитыхъ продуктахъ нравственнаго гніенія! — поймите же, наконецъ, до какой степени это будетъ несообразно и глупо!

И такъ, будемъ великодушны, и въ то же время тверды. Пустьская наша снисходительность умѣряется бодростью и неуклоннымъ шествіемъ впередъ. Сверхъ того, не станемъ стѣсняться образцами, но изберемъ себѣ тѣ пути, которые укажутъ намъ наши собственные истинныя любостажанія. И да не постыдимся.

ЛѢТО ВЪ ПУТБУСѢ.

ОЧЕРКЪ..

(ПОСВЯЩ. НАДВОРНИМЪ СОВѢТНИКАМЪ).

Я ДѢЛАЮ ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОТКРЫТІЕ.

Счастливъ смертный, чья свободная воля не связана ни предѣлами отпуска, ни размѣрами получаемого содержанія: онъ, какъ птица, покидаетъ страну холода и тумана, послушный только зову солнца да природы; но горе надворному совѣтнику! Для него голосъ начальства властительнѣе голоса природы, а влеченіе къ солнцу находится въ прямой зависимости отъ дѣны мѣсть въ вагонахъ. Не крылья фантазій, а карту желѣзныхъ дорогъ развертываетъ онъ робкою рукою, закрывая глаза на все, что дѣлѣ Берлина и ниже Дрездена; вымѣриваетъ разстоянія, записываетъ цифры, считаетъ дни и, насчитавъ мѣсяцы, ощущаетъ ознобъ: границы его отпуска преступлены! Потомъ дѣлаетъ сложеніе и отираетъ потъ: размѣры жалованья нарушены! Не разъ и не два почувствуетъ испарину и ознобъ бѣдный надворный совѣтникъ, покуда остановится на какомъ-нибудь географическомъ компромиссѣ—такъ, чтобъ и поближе было и подешевле, но чтобы однако хоть однимъ глазомъ да смотрѣло бы на югъ—не на тотъ заповѣдннй югъ дѣйствительныхъ статскихъ и тайныхъ совѣтниковъ, гдѣ «цвѣтутъ лимоны», а хоть туда, гдѣ поспѣваютъ яблоки и гдѣ ужъ не такъ неумѣренно обильны родныя словы шишек!

Въ избѣжаніе недоразумѣній, слѣшу присовокупить, что «надворнаго совѣтника» я употребилъ какъ названіе родовое, что, подъ нимъ должны быть подразумѣваемы разныя его виды, каковы надворные, коллежскіе и тому подобныя, и что надворнымъ совѣтникомъ можно быть даже вовсе не будучи надворнымъ совѣтникомъ, но литераторомъ, ученымъ, конторщикомъ, художникомъ,

или неслужащій дворяниномъ. Надворный совѣтникъ — это вса та выносливая середина, надъ которой и подъ которой гронозится и стоитъ зданіе благоустроеннаго общества. Ея назначеніе выносить—и она выносить. Надворный совѣтникъ — это что-то немножко большее совѣмъ маленькаго, хотъ и гораздо меньшее большаго; это—ограниченность правъ и средствъ, свѣта и воли въ жизни, умѣренность требованій и надеждъ, виѣствъ съ терпѣніемъ существа, обречоннаго ходить въ хомутъ... словомъ, надворный совѣтникъ это—надворный совѣтникъ; лучшее опредѣленіе нашель ему тотъ, кто назвалъ его этимъ именемъ.

Какъ всякая середина, онъ охраненъ со всѣхъ сторонъ предѣлами, и ни въ небо устремиться, ни провалиться съвозъ землі не можетъ. Но если его печень преступить свои подреберные предѣлы, или геморрой—печальное наслѣдіе нагнетеннаго положенія, согнетъ его въ три погибели, то онъ можетъ просить себѣ отпуска у начальства, буде силою согнувшю была служба, или у собственнаго бумажника, буде не государственное назначеніе посылаетъ манну для его каши. И тутъ-то именно начинаются пароксизмы испарины и озноба, пекуда наконецъ въ одинъ нестерпимо-жаркій лѣтній день, нестерпимо свистящій и дымящій поѣздъ желѣзной дороги не выброситъ его, оглушеннаго и продышленнаго, въ одинъ изъ тѣхъ, самую природою устроенныхъ лазаретовъ, или *бадесуртовъ*, которые пахнутъ кофеемъ съ цинкоріей, и гдѣ подъ звуки невыспавшагося оркестра онъ шесть недѣль сряду будетъ таскать по аллеямъ плѣшиваго парка свой неутоленный голодъ, чтобы замученному, пожелтѣлому, сократившемуся въ объемъ, рѣдко разогнутому, но всегда неуклюбно послужившему источнику или ваннѣ, бѣжать опретью — еще дослуживать *Сонне* или вному *монде!*...

И для этого-то потѣлъ онъ и чувствовалъ ознобы? и такою-то волею успѣлъ дохнуть! такихъ-то плодовъ отпуска вкусилъ онъ (вѣдн устраниють даже вкушеніе яблокъ!) и только-то и увидѣлъ онъ за свои въ три погибели согнувшіе его рубли?! И что онъ увидѣлъ?

Увидѣлъ онъ прежде всего изъ вагона кресты петербургскихъ кладбищъ, болѣе обильные даже, чѣмъ кресты на груди его начальниковъ или покровителей, и убѣдился, что живому, какъ и мертвому, ему суждено находиться въ болотѣ... Потомъ онъ видѣлъ, отъ одного утра до другаго, безотрадную, безконечную, скорбную гладь пустырей, съ обгорѣлымъ ельникомъ и березнякомъ, съ черными кучами бревенчатыхъ деревень, мелькающими крестами далекихъ глухихъ городовъ... Далѣе увидѣлъ удивительные цвѣтники прусскихъ станцій съ величественнымъ, почти бисмаргов-

снимъ видомъ обер-кондукторовъ, принимающихъ талеръ за то, чтобы превращать въ рючки съ сельдами отдѣленія вагоновъ, не дающихъ талера... Узналъ онъ, что есть на свѣтѣ и кромѣ долбилно-нескончаемаго труда надъ бумагою, такой же трудъ надъ рыжею, сухою почвою, гдѣ ни одна падь не оставлена въ тунѣ, но дѣлныя поля воздѣланы какъ грады, окопаны и всхолены, до торфяныхъ болотъ, отапливающихъ города и села, а не воздухъ своими пожарами, и гдѣ отъ убогой платы природы не оскудѣваютъ сокровища покорно-влагаемаго въ ея нѣдра труда... За ними побѣжали, крутятся передъ глазами, деревья въ лѣсахъ, выровненные какъ солдаты въ строю; старые стоятъ дядьками и берегутъ молодую поросль, которая пустилась кругомъ и въ свой чередъ тоже будетъ дядькою... красныя черепичныя крыши деревень въ зелени садиновъ и стрѣлы готическихъ церквей... Наконецъ онъ увидѣлъ знаменитую корову на шнурѣ, щиплющую на узкой полосѣ между пашней именно ту самую траву, какую ей указываетъ нѣмца въ шляпѣ, и Кача Невскаго проспекта *Подъ Литами* въ Берлинѣ...

Значить, онъ просто ничего не узналъ и не увидѣлъ, или увидѣлъ то, что давнымъ-давно уже зналъ! Вездѣшніе Качи и благовоспитанность нѣмецкихъ коровъ и нѣмокъ—кому они неизвѣстны! Нѣтъ, я вообще не того хочу: я хочу тихаго пристанища, а не службы, хотя бы и колодцу, для человѣчества въ отпуску, — не сердитаго вѣтру съ пескомъ, въ Свино-мионде, а ласковаго дыханія моря и земли... Дайте ему увидѣть по крайней-мѣрѣ, какъ не застилается бѣлымъ туманомъ окрестность, да цвѣтутъ лѣтомъ поля и лѣса! Словомъ, за всю его безсрочную, безслѣдную и бѣдную службу, которую вы зовете жизнью, что-нибудь ему дайте! Все извѣстное слишкомъ хорошо извѣстно и извѣстно слишкомъ нехорошо, для того, чтобы объ него разбивались его утлые надежды и рубли... Пойщите ему неизвѣстнаго...

— Гм... говорить какой-нибудь членъ ученаго географическаго общества, читая меня (я допускаю нескромное предположеніе) — гм! не лѣвѣе Берлина и не ниже Дрездена все извѣстно! тутъ искать нечего. И презрительно помаваетъ головою.

— Прекрасно! говорю я: — и вы за это поручитесь?

— Поручусь, отвѣчаетъ онъ.

— А что такое Путбусъ? внезапно налетаю я на него.

Членъ безмолвствуетъ.

— Что такое Путбусъ? приступаю я: — вотъ вы и не знаете.

— Путбусъ?... Путбусъ?... бормочетъ ученый, и потъ орошаетъ чело его.

— Да-съ, Путбусъ, говорю я, торжествуя. — Гдѣ онъ? Чтѣ онъ? Какъ онъ? Ага, вотъ и не знаетъ!

И даже проназъ пальцемъ воздухъ, точно фехтую съ наукою и ея свѣтиломъ...

— Да чтѣ вы, въ самомъ дѣлѣ, какъ съ ножомъ пристаѣли съ вашимъ Путбусомъ! наконецъ вопить выбившійся изъ силъ географъ и отправляется за платкомъ подъ фалды. — Конечно, гдѣ-нибудь въ Японіи или... или чортъ его знаетъ гдѣ!

Пораженіе науки полнѣйшее: неизвѣстное, значить, существуетъ. Возможность стать самому свѣтиломъ улыбается мнѣ сквозь таинственное и странное имя.

— Путбусъ!... твержу я: и откуда я взялъ это смѣшное слово! Ну, а вдругъ я его только во снѣ слышалъ, и его даже въ Японіи не существуетъ!

Но нѣтъ! я его слышалъ на яву! слышалъ даже, какъ его сравнивали съ островомъ Уайтомъ... Гдѣ, кто и когда сравнивалъ, не помню, только это было на яву, и, кажется, при этомъ очень брѣпко свистѣлъ и стучалъ вагонъ... Стало быть, спать я никакъ не могъ бы. Значить, на яву. И когда я вспомню только, что обстоятельствомъ самымъ ничтожнымъ случалось быть причиной важныхъ отергтій, что дуэту, напримѣръ, пропѣтому предприимчивымъ мореплавателемъ * съ хорошенькою африканкою, обязана вселенная путемъ въ Индію, то ни мало не удивляюсь, что сомнѣнію въ моемъ умѣ не могло быть мѣста... И если я обязанъ сознаться, что никакая африканка тутъ участія не принимала и дуэта никакого не было—помнится даже, я въ свою очередь произнесъ скептическое *эм!* то это нисколько ни помѣшало, однако, слышанному мною засѣсть у меня въ мозгу. И тамъ-то, подобно зерну, занесенному вѣтромъ, чтобы превратиться въ колось, слово, можетъ быть тоже брошенное на вѣтеръ, возрасло въ мысль — осуществить Путбусъ. Но какъ это сдѣлать? Въ цѣломъ мірѣ не находилось души, способной дать хоть какія-нибудь свѣдѣнія объ этомъ загадочномъ мѣстѣ, и очень много такихъ, чтобы посмѣяться надъ его смѣшнымъ именемъ. Надо было рѣшиться искать самому — пу- скаться безъ вѣтряла и весла... И я пустился.

Мимо извѣстный Штетинъ съ его избыткомъ Мюнде! Мимо тайный страхъ при мысли о невѣдомомъ мірѣ—невѣдомомъ даже Штетину, какъ оказалось, Путбусъ! Лежало всего три съ половиною часа желѣзной дороги и два парохода, между неизвѣстностью и открытїемъ, а въ равнодушномъ городѣ не носилось нога, попиравъ

* Васко-де-Гамо.

шей подошвою собственнаго сапога дѣйствиющую его почву. Всѣ онъ попирали Свине-монде, и даже совѣтовали и мнѣ дѣлать то же самое. Несчастныя! Далѣе! Далѣе!

Вотъ уже гряды полей и шеренги лѣсовъ, оазисы деревень и городковъ, мелькая мимо, сдудѣютъ, и разстилятся безъ конца плоскость, уныніе и песокъ — привѣтствіе близкаго моря... Цѣль бѣжить съ каждой минутой на встрѣчу... и на душѣ становится жутко: что-то увидишь сейчасъ? Нѣчто похожее долженъ испытывать искатель невѣсть передъ свиданіемъ съ женщиной, съ которой надо обвѣнчаться. Ну, вдругъ она горбатая? Наконецъ, поѣздъ, шипя и свистя, остановился въ Грейфсвальдѣ; неуклюжая коляска подпрыгиваетъ по булыжнику узкихъ старыхъ улицъ... выѣхала на какой-то каналъ, съ мельницами; мельницы вертятся и выдѣлываютъ соль изъ морской воды... вотъ уже дохнуло и само море своимъ влажнымъ и чуть-чуть затхлымъ дыханіемъ. Маленькій красивый пароходъ, почти рѣчной, дымится и звонитъ, снимается и съ $\frac{1}{2}$ часа идетъ между тростниками канала... Но вотъ и проливъ... Сиво-зеленоватая равнина воды только-что обнала своими блескомъ, плескомъ и свѣжестью, а уже по ту сторону вытягивается бесплодный и песчаный берегъ...

— Что это? спрашиваешь нерѣшительно.

— Это — островъ Рюгенъ, отвѣчаетъ капитанъ, побывавшій въ Кронштадтѣ, гдѣ научился говорить: «извожикъ, давай! твацетъ копеекъ! Карашо! Нишаво, дуракъ!» и постигъ отчасти вкусъ аттической соли вѣрныхъ словъ, которую русскіе путешественники пересыпаютъ иногда и своё знакомство съ хорошенькими вѣтками...

Проливъ расширился и материкъ совсѣмъ ушелъ куда-то... Только полоса Рюгена выростаетъ, придвигается и какъ бы оглабаетъ собою... Вотъ уже руки указываютъ на выступающія на встрѣчу пестрыя горы, островки, поросшіе лѣсомъ, глубокою бухту и какъ оазисъ холмистый берегъ, на которомъ что-то непонятно бѣлѣтся изъ за-пирамидъ тополей...

— Что это бѣлѣтся, капитанъ?

— Это Путбусъ; въ Путбусѣ всѣ дома бѣлые.

Путбусъ! Путбусъ! Такъ вотъ онъ наконецъ! Не лживый сонъ, а правда и дѣйствительность! не Японія, господинъ членъ географическаго общества, а мѣсто какъ разъ не лѣвѣе Берлина, гдѣ все такъ хорошо извѣстно! Взоры напрягаются и отличаютъ открытый къ югу, глубокой, живописный заливъ, благословенный растительностью, заслоненный длинными языками высокихъ полуострововъ, отъ сѣвера и востока, разноцвѣтными поля, деревушки въ садахъ и цвѣтникахъ у самой зыби моря... Серд-

це такъ и прыгаетъ въ груди. Господа надверные совѣтники! если неблагодарное потомство (оно ужъ никогда не бываетъ благодарнымъ) забудетъ мое имя, такъ вы должны спасти его

«Время отъ вѣчной темноты!»

Пароходъ тихо подплылъ и причалилъ къ досчатому, далеко-выступившему въ воду помосту... И новый Васю встрѣченъ не дикими туземцами съ каменьями и дреколѣями въ рукахъ, а привѣтливыми привратниками отелей *du Nord*, *Belle Vue* и *Fürstenhof*... Только заставный нѣмецъ, добродушнаго, хоть и воинственнаго вида, какъ все въ Пруссіи, даже махальщики на желѣзной дорогѣ, облагаетъ пришельца однимъ зильберъ-грошемъ за право попить священную почву... Коляски (даже коляски!) и омнибусъ раскрываютъ свои гостепріимныя двери... и вы ѣдете: ѣдете же вы потому, что все-таки еще не достигли земли обѣтованной, а только *Лаутербаха* — небольшой деревни, съ *Hotel Victoria*, довольно скучнаго вида. Вашъ экипажъ забираетъ въ гору. Сизое море, оставленное позади, вдругъ дѣлается ярко-голубымъ съ берега... Минуете бѣлѣющее Парененомъ въ сторонѣ, на темномъ фонѣ дубоваго лѣса, зданіе *бадекауза* (купальня), и уже ныряете между зелеными волнами нивъ, душистаго лиловаго клевера и цвѣтущихъ травъ, которыя отливаютъ по холмамъ всѣми цвѣтами золота на солнцѣ. Теплый май точно убралъ и распвѣтилъ Путбусъ, какъ невѣсту въ ожиданіи жениха, — и невѣста не оказалась горбатою... Воздухъ, напоенный вмѣстѣ и моремъ и цвѣтами, лился такою живительною струею въ грудь, какою онъ льется только въ Швейцаріи или Тироли... Это въ одно и то же время сила и ласка, бодрость и нѣга, это предчувствіе возвращающагося здоровья! Такое ощущеніе повторяется не часто и остается въ памяти навсегда. Прямая мощеная дорога, обставленная каштанами и пирамидами высокихъ тополей, все подымаясь, привела черезъ четверть часа къ воротамъ парка, замѣнутымъ тяжелою желѣзною цѣпью. Надъ воротами два гладиатора, забывшіе захватить даже обязательные листки, жестоко нападали другъ на друга. Изъ-за нихъ глядѣла разметенная и незатоптанная аллея старыхъ дубовъ и платановъ, видимо отрывавшая свои широкія тѣни только избраннымъ. Коляска почтительно проѣхала мимо. Направо и налѣво, у самыхъ фестоновъ повисшей кругомъ съ устоя на устоя желѣзной цѣпи, дорога манила въ одну сторону къ бѣлѣющему городу, а въ другую — тоже къ бѣлому одинокому домику на пестромъ коврѣ поляхъ.

«Вотъ бы гдѣ жить!» думаешь себѣ, и спрашиваешь кучера о домигѣ.

— Это фёрстергаузъ — домъ начальника княжеской охоты, отвѣчаетъ нѣмецъ.

— А отчего вы не ѣдете паркомъ?

— Это ein ferbotener Weg (то-есть запретный путь), отвѣчаетъ онъ. — Тутъ только одинъ князь ѣдитъ.

— Про какого это вы князя говорите?

Пораженный вопросомъ нѣмецъ, вдругъ останавливается лошадей и совсѣмъ перевертывается лицомъ ко мнѣ.

— Господинъ, должно быть, издалека? спрашиваетъ онъ.

— А вы отчего такъ думаете?

— Господинъ спросилъ про князя, я оттого и подумалъ. Это, господинъ, все принадлежитъ князю... адѣйшему князю Путбусу...

— И весь Путбусъ?

— И весь Путбусъ принадлежитъ князю.—Да, господинъ, я вижу издалека...

Тѣмъ временемъ таинственная бѣлизна Путбуса выступила изъ-за сѣтен вѣтвей—и высокіе, красивые, всѣ бѣлы одинъ бѣлые дома главной площади или циркуля, предстали поистинѣ изумленному взору путешественника... Въ какомъ-то уголкѣ, неизвѣстномъ даже на разстояніи шести часовъ ѣзды, вдругъ является затѣйливая, академически-правильная (даже уже въ ущербъ привлекательности правильная) дуга архитектурно-обдуманнхъ, съ плоскими крышами, вазами и башенками аданій, связанныхъ садами. Она служитъ окружностью просторному, усланному пескомъ и съ любимомъ здѣсь обстановкою стройныхъ пирамидальныхъ тополей, полукругу, котораго радиусъ—аллея изъ подстриженныхъ въ стѣнну кустарниковъ и молодыхъ дубковъ. Въ центрѣ—высокій обелискъ (къ сожалѣнію, въ шапкѣ или коронѣ, должно быть, того же мнѣологическаго князя).

Съ балкона гостиницы обозрѣваете площадь и достигающія оконъ развѣсистыя чащи парка, который оказывается вообще доступнымъ смертнымъ ногамъ, лишь бы этихъ ногъ было у каждаго не болѣе двухъ; далѣе, широкія ворота, въ рошу, съ античными конями и жокаами, которые опять не позаботились о листьяхъ.

— Фу! говорить нѣмки, прохода мимо, и глухо смѣются въ платокъ.

И когда подумаешь, что все это могло быть неоткрыто и даже понадобилась отвага, чтобы его открыть!

Я извираю себѣ мѣсто для поселенія.

Сдѣлавъ открытіе, уже не въ силахъ терпѣть ни минуты, и тотчасъ бѣжишь его осматривать. Такъ нашедшій золотой самородокъ спѣшитъ удостовѣриться въ его вѣсѣ.

Съ крыльца Hôtel du Nord можно перешагнуть въ самую прохладу и благоуханіе цвѣтущей каштановой аллеи... Такого тѣню какъ она покрываетъ только вѣчные дубы Альбанской аллеи... Многоэтажная, широкая листва громадныхъ деревьевъ легла сводомъ; подъ нимъ прохладнѣе не чувствуетъ знойнаго полудня и по нѣсколько часовъ сряду выдерживаетъ ливень. Направо и налѣво, бархатная зелень скатовъ, бѣлые цвѣты акаціи и китайскихъ жасминовъ, какъ хлопья снѣга залѣпившіе листву, темные кипарисы на молочномъ фонѣ цвѣтущихъ яблонь, грушъ и вишенъ... Все это мелькаетъ, пахнетъ и производитъ головокруженіе... А голубой заливъ уже пробился съвозъ старыя орѣшники и дубы — и блестятъ, какъ въ огнѣ, въ промежуткѣ темной боковой аллеи. И всюду тѣни и цвѣты, цвѣты и тѣни... Княжескій дворецъ, не стѣсняясь, занялъ такое пространство на землѣ и въ воздухѣ, что становится страшно за княжескій карманъ... Поодаль привѣтливый домикъ, съ рогатыми оленьими головами надъ дверью и окнами; деревья розъ поднялись подъ самую крышу и развѣсили свои букеты передъ жилищемъ начальника охоты...

— А что еслибы тутъ нанять квартиру?

Нерѣшительная рука стучится въ двери. Просторныя сѣни, убранныя опять рогами, чучелами птицъ и всѣми принадлежностями охоты, раскрываются; выходитъ нѣмка, сухая и старая, не подозрѣвая за собою ни того, ни другаго... Пожеманясь, какъ свойственно нѣмкамъ, и поцеремонясь, какъ прилично придворной особѣ (она не замедлила открыться, что принадлежитъ въ княжескому двору), нѣмка объявляетъ, что можно—только это зависитъ отъ господина начальника охоты, ея отца. Мы входимъ въ маленькія, но уютныя и хорошенькія комнаты. Мафусаль-отецъ, онъ же и начальникъ охоты, поднимается точно изъ лѣса опять—тани оленьихъ роговъ, превращенныхъ въ кресла, стулья и диваны. Онъ еще суше дочери и, въ своихъ длинныхъ сапогахъ, самъ длинный, очень смахиваетъ на Донъ-Кихота.

Тутъ начинается борьба великодушія между родителемъ и дѣтищемъ: онъ говоритъ, что отдать квартиру зависитъ отъ дѣтища; дѣтище утверждаетъ, что зависитъ отъ родителя. Мало-по-малу, однако, обнаруживается, что это право нисколько не принадлежитъ послѣднему, какъ и вообще власть надъ охотничьимъ домомъ и надъ самимъ начальникомъ охоты. Идутъ переговоры и даже предусматриваются съ обѣихъ сторонъ возможныя случайности, въ родѣ приготовления супа и котлетъ или бифстека съ одной стороны и трудности допущенія этого съ

другой, такъ-какъ нѣтъ примѣра въ Путбусѣ, чтобы прїѣзжіе не ходили за табльдотъ въ гостиницу; наконецъ все улаживается. Вдругъ на сторону нанимающую падаетъ тяжелое подозрѣніе въ русскомъ происхожденіи, и сторона, отдающая въ наемъ, находитъ необходимымъ удалиться, для составленія условій. Не раньше, какъ черезъ полчаса вынесенъ *ультиматумъ*, нелегкій для кармана *. Ему суждено было вызвать впоследствии ужасъ и зависть цѣлаго Путбуса, въ лучшихъ домахъ котораго можно поселиться за половинную цѣну. А поселиться можно вездѣ: вскій отдаетъ свою квартиру на лѣто, а самъ исчезаетъ куда-то подъ черепицу.

Въ эту цѣну входило, впрочемъ, множество неопцѣненныхъ преимуществъ, въ родѣ дровъ, которыя получались прямо отъ князя, и порядочности хозяевъ, не похожихъ на другихъ, крытая новою матеріею мѣбель въ гостиной, которая дѣвѣ очень дорого стоила, и коверъ на всю комнату. Что дѣва была точно дѣва, о томъ свидѣтельствовалъ запахъ петрушки, которою неумолимо было вымыто ея лицо... Коверъ же былъ въ самомъ дѣлѣ порядочный и мѣбель недурная, хоть и безъ колорита тѣхъ роговъ, въ какихъ урывался Донъ-Кихоть. Наконецъ, самый лучший въ Путбусѣ садикъ, съ обширнымъ впадомъ (правда, черезъ гряды картофеля) на залнвъ и кудрявыя вершины острововъ надъ его равниной, вплоть до блѣдной почвы твердой земли и таущихъ вдали колоколенъ Грейфсвальда... Между нимъ и моремъ — холмы и ложбины покосовъ и нивъ, съ букетами раскиданныхъ рощъ... Струя морскаго, теплаго воздуха доносится напоенная вѣсѣмъ букетомъ полей, — и только теплаго, потому что вромѣ юга ничто не посылаетъ его въ эту доступную одному хорошему уголокъ...

— Вы правы, г. ягдмейстеръ! Лучше этого ничего выдумать нельзя. Квартира за мною, говорю я. А самъ думаю: «здѣсь мнѣ будетъ хорошо!»

— И вы будете имѣть, какъ условлено, котлеты или бифстекъ... и именно котлеты или бифстекъ... напоминаетъ хозяйка, съ прежней обворожительностью и новою улыбкой, послѣ чего я окончательно убѣждаюсь, что здѣсь мнѣ будетъ хорошо.

* За двѣ комнаты небольшихъ и одну маленькую, съ комнатою на чердакѣ въ *ультиматумѣ* стоило:

за 1-й мѣсяць	90 талер.
» 2-й	70
» 3-й	60
	<hr/>
	220 талер.

Подписано ягдмейстеръ такой-то...

Разлука совершилась при увѣреніяхъ ховяевъ въ ихъ собственной порядочности, избыткѣ дровъ и любезности...

Черезъ день я уже былъ обладателемъ на три мѣсяца домика съ рогатыми головами.

И въ самомъ дѣлѣ здѣсь было хорошо. Вѣдь хорешее условно. Когда нѣтъ аппетита, и лучшей кухни Парижа не возбудить его — безусловно хорошей поваръ только голодь. Если вамъ случалось отсчитывать сотню, другую версть по пустырямъ Россіи, привѣтствующимъ одними самоварами, да баранками почти палеонтологическаго свойства, вы вѣрно знаете, какимъ деликатесомъ являлся вамъ первый *битокъ* уѣзднаго трактира, или бараній бокъ станціоннаго смотрителя! Тотъ незабвенный бокъ, настигнутый мною, много-много лѣтъ назадъ, въ Нагайскѣ, послѣ двухъ сутокъ самовара въ землянкахъ — бокъ, увн! доѣдаемый уже смотрителемъ, никогда не изгладится изъ моей памяти! Всѣмъ вкушеннымъ съ тѣхъ поръ утонченнѣйшимъ кухнямъ материка Европы съ ея островами, не удалось до сихъ поръ заставить меня признать своего превосходства надъ этимъ бокомъ! Я объѣдался имъ, упивался его запахомъ и сокомъ, и самны кости переворачивалъ съ вожделеніемъ обжоры или волка...

Путбусъ и мой садикъ скоро сдѣлались моимъ бараньимъ боккомъ. Только ночь и могла загнать домой изъ прохладныхъ сѣней парка, гдѣ цѣлое стадо оленей красиво и ловко несетъ свои огромные рога на возвышенномъ пространствѣ, отдѣленномъ рѣшеткою, или какъ гдѣсь скучивается подъ темные дубы въ знойный полдень... гдѣ цѣлѣй дѣвственный лѣсъ отведенъ фазанамъ... и лебедь бьетъ своимъ бѣлымъ крыломъ по тихому зеркалу пруда... гдѣ отъ умирающаго глadiatorа, тоже совсѣмъ *фуй*, передъ оранжереями можно видѣть, какъ привѣтливо синѣеть, или угрюмо пѣнится море... Здѣсь вы обрѣтете тотъ покой и отдыхъ, которыхъ тщетно ищите, господа, и которыхъ безъ открытаго, вмѣстѣ съ Путбусомъ, невѣдомаго князя, не найдти бы вамъ; и потому я посвящаю особую главу тому

Что такое Путбусъ и что такое князь Путбусъ?

Вонервухъ, географія.

Городъ ли Путбусъ или нѣтъ? Не городъ. Деревня? Нѣтъ. Овъ Путбусъ, то-есть городъ и деревня вмѣстѣ, а все-таки и ни деревня и ни городъ. Въ немъ есть почтамтъ и телеграфъ, королевское училище, съ несмѣтными полчищами фуражекъ учениковъ — красныхъ, синихъ, бѣлыхъ и желтыхъ, мелькающихъ

шеренгами и поодиочно въ паркѣ, на улицахъ, по дорогѣ къ морю, вездѣ... есть театръ съ барельефами, гдѣ Аполлонъ, не стѣсняясь присутствіемъ девяти музъ, остается безъ рубашки; полицейскіе въ мундирахъ, роскошный воксалъ и княжескій докторъ, массовскій домъ и хорошій фотографъ; два магазина съ зеркальными окнами въ аристократической части Путбуса и цѣлая улица лавочниковъ и мастеровыхъ — въ демократической. Дома его, частію большіе, двухъ и трехэтажныя, чисто городскіе, частію маленькіе, низенькіе, но всѣ красивыя, о трехъ и пяти окнахъ, и какъ передъ тѣми, такъ и передъ другими, неуклонно возвышаются деревца розъ; какъ тѣ, такъ и другіе, глядятъ одною стороною прямо въ паркъ, а другою — въ собственные сады и садики. Между тѣми и другими раскидывается непрерывное пространство, зеленѣющее, цвѣтущее, алѣющее и желтѣющее плодами и растеніями... Наконецъ, три большихъ и нѣсколько малыхъ трактировъ и паркъ, съ фестонами желѣзной цѣпи, на нѣсколько верстъ; сосновая роща на горѣ съ сѣвера и цѣлые лѣса дуба, клѣна, ясеня, орѣшника и дикихъ плодовыхъ деревьевъ къ западу; широкія аллеи большихъ дорогъ въ разныхъ направленіяхъ — все это составляетъ *Путбусъ* и поражаетъ взумленіемъ.

Когда же узнаешь, что это все возникло по прихоти и на деньги одного человѣка, наполнилось привлеченнымъ сначала даромъ чужеземствомъ, потомъ за умѣренный наемъ или черезъ аренду и выгодную куплю земель и домовъ, то невольно начинаешь тревожиться вопросомъ: кто же, наконецъ, отъ кого получалъ странное названіе — мѣсто ли отъ человѣка, или человѣкъ отъ мѣста?

Но тутъ уже собственно начинается исторія, и такъ-какъ это всегда очень скучная исторія, то я и увольняю читателей отъ повѣствованія о томъ, какъ островъ Рюгенъ оглашался нѣкогда славянской рѣчью и крѣпкими словами населявшихъ его нашихъ праотцевъ, какъ самый Путбусъ, берущій свое начало, по обыкновенію, во мракѣ неизвѣстности, былъ собственно *Пудабусъ* (а можетъ быть и прости *подобьусъ*? Дай-ка, молъ, подобьусъ я къ князю, авось-либо онъ мнѣ землю или домишко пожалует!). Я умолчу и о томъ, что князь — потомокъ какого-то неожиданнаго короля Болеслава (König von Rügen und Pommern), а лучше сообщу ему, что этотъ князь произвелъ на свѣтъ настоящій Путбусъ, что онъ былъ дѣдъ нинѣ благополучно княжествующаго, и носилъ прусскій мундиръ, въ которомъ и можно его видѣть на портретахъ во всѣхъ лавкахъ и трактирахъ, а также у сапожниковъ, мясниковъ, булочниковъ, токарей — словомъ,

какъ говорится, «и въ чертогахъ и въ хижинахъ». Живой князь, князя и властвуя въ Путбусѣ, является въ Берлинѣ чѣмъ-то въ родѣ форшнейдера за параднымъ придворнымъ столомъ и, ближе всѣхъ находясь къ стулу короля, мѣняетъ въ важныхъ случаяхъ королевскія тарелки. Такимъ образомъ, какъ Путбусъ, такъ и его князь, могутъ считаться одного происхожденія — отъ известнаго глагола (подобьюсь).

Живой князь отличается отъ умершаго почти какъ Иванъ Ивановичъ отъ Ивана Никифорича. Съ 200 тысячъ талеровъ дохода, одинъ умѣетъ создать цѣлый городокъ, съ тысячнымъ населеніемъ, чуть не царскіе чертоги, паркъ, охоту съ егерями и начальникомъ, звѣрницы въ Путбусѣ и Границѣ (гдѣ опять другіе чертоги — охотничій замокъ въ рыцарскомъ стилѣ). Онъ владеть въ свое созданіе весь врожденный ему вкусъ, всю свою гордость и любовь, и проводить въ немъ и для него всю свою долгую жизнь, только изрѣдка провѣтривая свой мундиръ въ Берлинѣ... Точностью въ дѣлахъ, великодушіемъ и простотою жизни этого человѣка полны воспоминанія Путбуса, и десятилѣтнее княженіе мотоватаго внука, съ красивою, свѣтскою и молодою княгинею, съ балами и приемами, съ гостящими по неделямъ Бисмаркомъ и наслѣднымъ принцемъ, съ самыми кородемъ въ салонахъ — не въ состояніи затмить скромной фигуры старика, составлявшей какъ бы часть Путбуса. Щегольской молодой князь съ княгинею составляли гораздо чаще часть итальянскаго бульвара въ Парижѣ и англійской прогулки въ Нидцѣ; Путбусъ служилъ для нихъ только предлогомъ назвать изъ Берлина гостей и удивить чудесами, не ями надѣланнаго. Тогда дворецъ загорался огнями, а улицы и аллеи кишѣли любопытными; Аполлонъ раскрывалъ двери театра столичнымъ посѣтителямъ, и даже совсѣмъ чужіе празднествамъ бюргери добродушно нелетали изъ всѣхъ концовъ Пруссіи — поглазѣть на происходящее и полакомиться столомъ берлинскаго метрдотеля въ курзалѣ... Все шло своимъ новымъ порядкомъ — и гости къ князю, и деньги отъ князя; Путбусъ остановился и застылъ на той чертѣ, до какой его довелъ «умершій», но было весело, было шумно, и очаровательная княгиня расточала кругомъ свои чары: рада была, любезничала во дворцѣ и продавалась по улицамъ на фотографическихъ карточкахъ въ группѣ съ Бисмаркомъ; стрѣляла въ цѣль на состязаніи путбусскихъ сапожниковъ и портныхъ, раздавала милостиню — и получала за это популярность... Не будучи знатнаго рода (она была *только* баронесса, съ собогъзнованіемъ разсказываютъ путбусци), женщина эта все взяла красотою и привлекательностью. И вдругъ, въ

полномъ упоеніи побѣды, разомъ, въ нѣсколько дней, теряетъ все, умираетъ въ родахъ... Дворецъ, словно предвѣщая добрымъ обитателямъ Путбуса что-то недоброе, сгораетъ годомъ раньше... Пустота, скука и трауръ князя и двора смѣняютъ прежнюю толпу, веселость и наряды... Въ утихшемъ паркѣ, у самаго остова высокихъ обгорѣлыхъ палатъ, щебечутъ на всѣ лады птицы, безстрашно царапаются по деревьямъ бѣлки... Природа и захоластье входятъ опять въ свои полныя права... Можно просиживать здѣсь цѣлые дни, слыша только ихъ звуки... Солнце золотыми лентами и покрывами лежитъ на аллеяхъ и луговинахъ, трогаетъ тамъ листья и цвѣты, здѣсь дуплистый стволъ и далѣе откосъ каменной стѣны... Тихо, какъ-то внимательно тихо! иволга мелодически болтаетъ и словно сама прислушивается и дразнить себя... Иногда донесется до слуха стукъ топора, или свистъ пилы, ударъ каменщика о кирпичъ... Это возобновляется сгорѣвшій дворецъ. Уже! Той, кѣмъ онъ былъ полонъ и для кого свѣтился тысячами огней, не будетъ больше никогда; а онъ возникаетъ въ прежнемъ блескѣ и еще затѣливѣе прежняго... Цѣлымъ существомъ, самымъ главнымъ, стало въ немъ меньше; а его дѣлаютъ больше — онъ оказался тѣсенъ! Для кого? не для этого ли вдовца съ маленькими дѣтьми? Не затѣмъ ли, чтобы разсѣять скуку траура, котораго онъ не видитъ силъ дотащить до срока? Ужъ онъ кидается на все: и въ Берлинъ съѣздить — и вернется; топчетъ лошадьми траву и аллен парва, и стрѣльбу затѣетъ съ призами для своихъ егерей, и, наконецъ, до того разохотятся, что поваливши оленя, съ сотнею куропатокъ и зайцевъ, идетъ на пруды и накидывается на добродушнѣйшихъ утокъ, привывшихъ принимать булку изъ рукъ годовыхъ ребятъ... Потомъ онъ уѣзжаетъ въ Испанію въ октябрѣ, а въ январѣ ужъ летитъ въ Путбусъ на охоту! Куропатки, призывающія человѣка изъ Испаніи — согласитесь, очень его характеризуютъ! И подъ весь этотъ гамъ и скокъ, въ виду поднимающагося выше прежняго жилища плѣнительной княгини, тутъ же, въ тихой чащѣ деревъ, подъ лепетъ иволги, складывается на пространствѣ нѣсколькихъ квадратныхъ саженъ послѣднее жилище для бѣдной женщины, забытой и неоставившей даже пустаго мѣста по себѣ... Разодѣтыя дѣти весело бѣгутъ каждое утро посмотреть на слепокъ своей матери, а траурный вдовецъ дѣлаетъ большую охоту накануне перенесенія тѣла ея въ Берлина...

Опустѣнію Путбуса, повидимому, суждено сдѣлаться хроническимъ. Берлинскій метрдотель не даромъ увезъ свои вострули и не привозитъ больше. Запертый курзалъ стоитъ мавзолеемъ

надъ прежнею славою германскаго Уайта. Положительный *бадезастъ* требуетъ отъ приморскаго мѣста прежде всего вѣтра и прибоа волнъ хотя бы у курьихъ ножекъ дранийшиихъ шалашниковъ, и Парсееномъ у тихаго залива его не надуешь.

Подъ нимъ струя свѣтлѣй лазури,
Надъ нимъ лучъ солнца золотой,
А оны, мглежний, просать бури —
Какъ будто въ буряхъ есть покой!

Поэтому-то, дрянная селедочная деревушка (Герингсдорфъ) около Штетина или пустынный Засницъ на Рюгенѣ, въ такой же прогрессіи приобретаютъ каждое лѣто купальщиковъ, въ какой благоустроенный Путбусъ ихъ теряетъ. Если дѣла пойдутъ тѣмъ же путемъ, то названіе *бадеорта* сдѣлается анахронизмомъ. Уже и теперь пріѣзжаютъ сюда больше пользоваться пріятностями земли, чѣмъ моря. Какое-нибудь семейство изъ Штральзунда или Грейфсвальда, выселяется на лѣто, вмѣсто дачи, или горсть берлинскихъ бургеровъ шумно нагрянетъ въ праздничные дни, и кинется дѣлать *портіонъ* по окрестностямъ. А окрестности Путбуса считаются знаменитыми, — особенно охотничій замокъ князя, на самомъ высокомъ мѣстѣ острова, съ башнею, откуда видѣнъ весь Рюгенъ, измытый моремъ на клочки, и самое море съ берегомъ материка, точно на топографической картѣ. Затѣмъ слѣдуетъ *Штубенкамеръ*, или Рюгенская Швейцарія, съ отраженіемъ бѣлыхъ, мѣловыхъ утесовъ въ морѣ... Известно, что нѣтъ того куска земли на свѣтѣ, гдѣ бы не было своей Швейцаріи. Почему же ея не имѣтъ и Путбусу? Одинъ москвичъ водилъ же меня въ Сокольникахъ смотрѣть на какую-то гнилую рѣчонку съ бугоркомъ леску и выдавалъ это за Швейцарію. Вотъ чтò покуда кормитъ еще трактирщиковъ, и между прочимъ, зрителя купальнаго Парсеенона, съ толстою фрау Катъ у входа. Женщины и дѣти преимущественно составляютъ контингентъ этой дамы, и надо признаться, не весьма значительный. Хозяинъ омнибуса, таскающаго съ 8 до 11 часовъ съ горы на гору купальщиковъ изъ Путбуса къ фрау Катъ, и обратно, жалуется, что каждый годъ онъ увозитъ домой, въ Штральзундъ, по сотнѣ талеровъ меньше. Самая невозможность достигать моря иначе, какъ въ экипажѣ, или почти невозможность, — есть такіе, что совершаютъ и пѣшкомъ двѣ съ половиною версты туда, да столько же обратно, по дорогѣ, гдѣ камни чувствуются гораздо болѣе тѣни, — самое это обстоятельство не мало отвлекаетъ купальщиковъ въ другую сторону. Можно, правда, жить и у самаго купанья, въ чистыхъ комнатахъ Парсеенона, въ тѣнистой рошѣ, съ дорожками, у самыхъ ногъ моря,

или въ *Hôtel Victoria*, около, и въ домикахъ Лаутербаха; но это уже до того *бадеортно*, что уединеніе Путбуса отсюда представляется столичнымъ шумомъ... Не побывавъ здѣсь, невозможно себя вообразить, чтобы существовало мѣсто еще тише Путбуса. Путбусъ — это именно то тихое пристанище, куда житейское море должно выкидывать свои обломки. Нетолько множество поселившихся въ немъ разбитыхъ параличомъ о томъ свидѣтельствуешь, но и добровольное нѣкогда удаленіе отъ свѣта, прямо изъ Варшавы, въ одинъ изъ домовъ циркуля, маркиза Виедонольскаго, съ разбитыми надеждами... *Aux coeurs blessés l'ombre et le silence!* сказалъ, кажется, Бальзакъ. А ужъ такой тѣни, и такого безмолвія какъ въ Путбусѣ, повскаты! Можно удалиться гораздо дальше — уйти на край свѣта, и все-таки не найти того удаленія, какъ здѣсь, въ шести часахъ разстоянія отъ Берлина!

— Хорошо, говорить мой читатель. — Но это вы, однако, все больше со стороны сердца, да надеждъ относитесь къ Путбусу. А вы лучше вотъ что скажите: каково-то тамъ желудку?

Желудокъ вашъ встрѣтитъ въ Путбусѣ тотъ же пріемъ, какъ и вообще у нѣмцевъ. Въ его гостиницахъ, чистыхъ и совершенно приличныхъ, онъ получитъ въ свѣдъ тотъ же табльдотъ, и за тѣ же 15 грошей (полтина), какъ вездѣ. Только вина подадутъ ему гораздо лучше, чѣмъ вездѣ, изъ лучшаго погреба въ Штетинѣ. А Штетинъ, по своей наивности, предлагаетъ еще за цѣну отъ тѣхъ же 15-ти грошей до талера, такое красное французское вино, за какое петербургскіе мудрецы берутъ отъ полутора до трехъ рублей. Отъ рыбы, приносимой ежедневно рыбаками сосѣдней деревни, можно облизать себя пальчики, какъ отъ того произведенія природы, отъ котораго послѣ Собакевича остался одинъ хвостъ. Каждая пятница знаменуется на рынкѣ телегами и фурами окрестныхъ поселянъ въ сюртукахъ и ихъ женъ въ соломенныхъ шляпкахъ, картофелемъ, зеленью, плодами, масломъ, цыплятами и вообще питательнымъ матеріаломъ для желудка. Коровы путбусянъ текутъ молокомъ, а ульи пчелъ медомъ (послѣдніе, впрочемъ, въ умѣренномъ количествѣ); два мясника, соперничая другъ передъ другомъ молодостью говядины, въ самомъ цвѣтѣ лѣтъ приносятъ въ жертву Путбусу, телятиной, едва успѣвшею увидѣть свѣтъ, бараньими котлетами и бобами, неуступающими достопамятному нагайскому, — преподносятъ хозяйкамъ и кухаркамъ что нужно, до драгоценныхъ вырѣзовъ включительно, столь необходимыхъ для благополучія желудка *... Еслибы вы, почему-либо, усумнились, дѣйствительно-

* По ихъ отзывамъ, всѣ эти любезности обходятся не дешево, и только молодого ни по чомъ: около 3 коп. бутылка.

ли находитея въ предѣлахъ великой германской державы, то хлѣбъ, весьма похожій на пуля, разсвѣтъ ваши сомнѣнiя. Я просто не понимаю, какъ это Австрія, съ ея великолѣпными булками, могла такъ долго заблуждаться, считая себя тоже державою германскою! И изъ-за чего было воевать Пруссiю съ нею! Тутъ ни въ какихъ Круппахъ, ни въ Садовой никакой надобности не было; первая булочница разрѣшила бы споръ. Но не по одиѣмъ булкамъ, а и по столу, передъ которымъ давно склонилась остальная Германiя, Австрія имѣеть мало общаго съ Германiею, и Францъ-Иосифъ совершенно основательно украшаетъ себя лаврами на своихъ изображенiяхъ. Вѣдь лавровый листь тоже идетъ въ кушанья. Только теперь въ Берлинѣ хлѣбъ и обѣдъ начинаютъ утрачивать свой великiй національный характеръ. Не даромъ же побывали пруссаки у воротъ Вѣны.

Но такъ-какъ не о хлѣбѣ единомъ живъ бываетъ человекъ, даже и здѣсь, то лавки модныхъ, галантерейныхъ и другихъ товаровъ оживятъ его существованiе, и еслибы ихъ силъ не хватило удовлетворить ненасытности желанiй, то для этого существуютъ коренастая фигура и мозолистая руки комиссiонера, онъ же и кондукторъ штральзундскаго омнибуса и фурманъ, который, если не ворочаетъ экипажи, фургоны и всякiя тяжести, то отправляется на разсвѣтъ въ Штральзундъ, съ тѣмъ, чтобы къ вечеру доставить вамъ, вмѣстѣ съ букетомъ конюшни, зонтикъ, восковыя спички, кресла, ваксу и вообще такое руно, какого почему-либо въ Путбусѣ не оказалось. Получая за это нѣсколько скромныхъ грошей, признательный Аргонавтъ, привышiй напругать не одни мускулы, но и голосъ, кричитъ такъ, какъ будто бранится, или переговаривается съ кѣмъ-нибудь въ Штральзундѣ.

Такова физиономiя Путбуса и его князя. Но черты ея были бы не всё, еслибъ пропустить еще одну, его характеризующую. Дѣло въ томъ, что не довольствуясь своимъ собственнымъ княземъ, преимуществомъ, достаточнымъ передъ другими мѣстными Пруссiи, Путбусъ нашелъ возможнымъ имѣть и собственнаго короля. Замѣчательнѣе всего, что не только путбускiй князь, но даже берлинскiй король не оскорбляются такимъ соперникомъ. И онъ безъ всякаго препятствiя производится на свѣтъ ежегодно.

Производится же король очень просто. Въ одинъ изъ невозмутимо-тихихъ лѣтнихъ дней, каковы всѣ дни въ Путбусѣ, восходящее изъ-за моря солнце имѣеть обыкновенiе видѣть каждый годъ шеренги добрыхъ гражданъ, которые наканунѣ еще подвизались иглою, токарнымъ станкомъ, шиломъ и тому подобными

орудіями мира, внезапно предающихся совершенію воинскихъ подвиговъ, съ боемъ барабана и ружьями на боку. Они маршируютъ и барабанятъ, барабанятъ и маршируютъ. Знамена развѣваются у домовъ на деревьяхъ и посрединѣ улицъ на веревкахъ. Набарабанившись и намаршировавшись вдоволь, граждане принимаются стрѣлять. Зайцы и куропатки, принявъ это на свой счетъ, настораживаютъ уши и крылья, и ударяются кто куда гораздъ. Имъ неизвѣстно, что портные и сапожники злоумышляютъ не противъ нихъ, но другъ противъ друга: кто передъ кѣмъ отличится и такъ попадетъ въ мишень, чтобъ изъ своего скромнаго дѣха попасть прямо въ королевскій. Вечеромъ уже весь Путбусъ и его окрестности набухаютъ на прогалинѣ въ лѣсу, и здѣсь произойдетъ рѣшеніе династическаго вопроса: прежній ли останется король на Путбусѣ, или новнй выстрѣлитъ себѣ власть? А власть короля не малая. Вопервыхъ, на него тутъ же надѣнутъ длинную цѣпь, съ медальонами и портретами всѣхъ предшествовавшихъ ему королей и эмблемами ихъ занятій: сѣдельникъ повѣсилъ металлическое сѣдло, княжескій ягдмейстеръ (и онъ вкусилъ въ свою очередь отъ трона)— олена; покойная красавица княгиня, будучи королемою, повѣсила дорогой медальонъ съ бирюзой и своимъ портретомъ. Вторыхъ, въ этой цѣпи король сядетъ на первое мѣсто за обѣдомъ, который будетъ ѣсть завтра на счетъ своихъ подданныхъ, а вчера еще согражданъ, и въ теченіе цѣлаго года будетъ имѣть тоже удовольствіе при всѣхъ, болѣе или менѣе общественныхъ кормленьяхъ; а это токарю, напрямѣръ, который завоевалъ себѣ корону въ настоящемъ году, и по ругѣ. Третьихъ, на всякомъ балѣ токарь поведетъ въ первой парѣ главную даму Путбуса, что даже и не токарю пріятно. До чего доходить страсти, возбуждаемыя состязаніемъ, можетъ лучше всего доказать то, что одинъ портной отправленъ былъ въ домъ умищенныхъ, въ Бергенъ, на другой же день послѣ восшествія токаря на престолъ.

Историческая правда вынуждаетъ добавить, что нынѣшній король, надо полагать, обязанъ болѣе персту Всевышняго, нежели своему собственному въ удачѣ, такъ-какъ его преклонныя лѣта и большіе очки на носу отнимаютъ всякое довѣріе къ вѣрности руки и глаза его величества.

Впрочемъ, это не мѣшаетъ ему оставаться достойнымъ токаремъ, а королевѣ-женѣ продавать очень хорошія яблоки и груши изъ собственнаго сада, королевнѣ же дочери разносить ихъ въ корзинахъ по домамъ.

Таковы-то Путбусъ, его король и князь.

Я ВКУШАЮ ОТЪ ПЛОДА ГЕРМАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ.

Случалось ли вамъ, читатель, быть на фабригѣ, на заводѣ, въ большой мастерской, гдѣ все стучитъ и вертится, пилить, сверлить, колотить, угрожая страшнымъ маховымъ колесомъ, какъ рукою исполна, оторвать по локоть неосторожную руку рабочаго... Въ ухахъ свистъ и шумъ; въ глазахъ искры... Голось человѣческій покрытъ этимъ оркестромъ и говорить одни молоты, да напикаи... И вдругъ раздаются звонокъ — работа кончена. Исполннъ уменьшаетъ свои розмахи; шумный разговоръ станковъ уступаетъ мѣсто людской рѣчи; раздаются шаги — и все смолкло... Если вамъ это незнакомо, то можетъ быть вы знаете, какъ умолкаетъ ночью столичный шумъ. Мнѣ удалось быть свидѣтелемъ умоляшаго Парижа — этой фабрики жизни, непривыкающей ни времени сутокъ, ни времени года, вѣчно стучащей и размахивающей колесами, — Парижа, гдѣ рѣчь человѣческая круглыя сутки заглушена вѣдомъ omnibusовъ и фургоновъ, колясокъ и кабріолетовъ, и гдѣ передъ глазами летаетъ еще больше искръ, чѣмъ на заводѣ... Была какая-то торжественная процессія (кажется, крестили сына нынѣшняго Наполеона); вѣда въ центрѣ города была прекращена. Точно утихающее послѣ бури море, шумъ началъ улегаться, глхнуть, уходить все далѣе и далѣе... Становилась слышны шаги прохожихъ, голоса разговаривающихъ на улицѣ, и свой собственный голось въ комнатахъ. Все это производило какое-то новое, странное впечатлѣніе... Гдѣ-то хлопнула дверь — слышно, открыли окно сосѣди — даже и это слышно! Безногія пѣвцы, пользуясь тишиной, въ военномъ кепи, пошелъ по улицамъ, стуча деревяшкой, и каждое слово его пѣсенки отдается ясно... Передъ нимъ упадетъ на мостовую мелкая монета изъ окна, и та зазвенитъ отчетливо и внятно... Каждый звукъ словно получалъ небывалую силу...

Послѣ стукотни столичной жизни и дѣлъ, испытываешь что-то похожее, когда очутишься среди тишины и бездѣйствія деревни, даже дачи... Исключеніе составляютъ, разумѣется, *мастольця* петербургскія дачи, со всѣми условіями грома, пыли и грязи проѣзжей дороги, съ неумолимымъ барабаннымъ боемъ ножей и клубами кухоннаго дыма — своего, чужаго и еще чужаго, — съ каждой стороны по дыму; съ неумолимостью гаммъ у одного сосѣда на фортепьяно, съ аріей изъ «Трѣватора» у другаго; со стрѣльбою въ цѣль третьяго и воемъ собаки четвертаго, нервы которой не вынесли, наконецъ, того, чѣ обречены выносить людскіе нервы. Такія дачи (а оиѣ-то и состав-

лиють пахити, отведенныя рокомъ для большинства надворныхъ совѣтниковъ столицы!) тоже своего рода мастерскія, только съверныя. Но перенеситесь въ ту тишину, гдѣ листья, коснувшійся листа на деревѣ, слышенъ, а убаюканные нервы встрѣчаютъ только ласку освѣжающаго вѣтерка, глаза улыбку неба и земли... словомъ, перенеситесь со мною въ Путбусъ, и вы ощутите фабрику, которая остановилась, Парижъ, который умогъ...

— И о дачѣ думать нечего! и перевозиться на ломовыхъ не надо! твердишь, «лежа въ тѣни сикаморы», или чего-то въ ея родѣ.

Ломовые! И воображенію предстаютъ эти могучіе сыны родной рогожи, крѣпкихъ веревокъ и рукъ, въ которыя суждено попадать тонкимъ издѣліямъ иѣмца столара и обойщика француза... Оправдывая свое меткое названіе, ничего-то они не оставить дѣлнымъ, и на все положить печать! Но, быть можетъ, цивилизованныя конторы перевозки спасутъ отъ ихъ варварства? Попробовать развѣ еще конторы? И пробуешь конторы. Начинается съ того, что какое-то подобіе шалаша на дорогахъ, подѣвжаетъ, звеня, къ дому, и плѣная взоры съвозъ щели и дырья знакомыми рогожами, готовыми облечь ваши картины, зеркала и все, чтò есть получше. Все тотъ же могучій сынъ и нѣсколько ему подобныхъ. тѣми же могучими руками влекутъ ваши вещи и тѣ же крѣпкія веревки принимаютъ ихъ въ свои объятія... Является мужичокъ съ кнутикомъ за бушакомъ и предлагаетъ уложить посуду.

— Да ты кто же, любезный?

— Я, значитъ, извозчикъ — фуру-то повезу. А покель накладываютъ, дѣла мнѣ никакого нѣту-ти.

— Да ты уладывалъ ли когда нибудь?

— Какъ не уладать? уладаль не разъ. Артельщизну, выходить, дѣло есть — и уладешъ за него. Какъ не уладать?

— Ну, смотри, только не перебей.

— Зачѣмъ перебить. Ничего не перебьемъ! Ужъ будьте вы спокойны.

И мужичокъ съ кнутикомъ уложить. Иной разъ точно не перебьетъ; иной перебьетъ; но ужъ рогожи и веревки навѣрно всегда перетрутъ вещи. Да еще на первомъ пригоркѣ фура пристанетъ, на второмъ опять пристанетъ, и если при общахъ усиліяхъ влячь, а пуше мужичковъ, не рухнется на бокъ, то къ ночи обрадуешь, наконецъ, исполненіемъ долгаго ожиданія получить вещи, благо когда не взмокшія до послѣдней степени! И вдругъ ничего этого не надо! Благоустроенный уединенный до-

мигъ, благорастворенный климатъ — ни сырости, ни тумана, — да и откуда имъ быть, когда все оюпано и высушено, распячано, засѣно или засожено. Здѣсь окружаетъ человѣка своими заботами заодно и самъ человѣкъ, и добрая природа, и даже море: оно до того ласково, что у своей соленой влаги даетъ растить бѣлыя лиліи и розы въ фруктовыхъ садикахъ рыбаку. Да, у рыбака растутъ лиліи и розы, господа! А его домикъ, просторный, каменный, крѣпкій, выдерживаетъ тѣ рѣдкія минуты гнѣва, какія случается имѣть и этому морю. Сломанная бурей верхушка каменнаго обелиска въ цѣрквѣ свидѣтельствуетъ о необычайной, одинъ разъ, впрочемъ, и случившейся за все существованіе Путбуса, силѣ этого гнѣва. Съ тѣхъ поръ обелискъ наврели княжеской короной, не столько надо полагать въ предохраненіе отъ простуды, сколько для должнаго внушенія: казенное, дескать, добро — не тронь. Ну, и вѣтеръ больше не трогаетъ. Море здѣсь какъ вспыльчивый, горячій человѣкъ: раскодится, на шумитъ, пугнетъ — а на утро уже смотришь, и улыбаются кротко, словно старается заглядить выходку вчерашняго дня. Въ нынѣшнемъ году (а онъ былъ исключительно хорошъ), одинъ разъ весной и одинъ разъ осенью, ему довелось-таки показать себя: дня два — вдругъ примется, бывало, ревѣть и пѣниться, бурей набѣгать на деревья и поля, и все клонить и трясти своею бѣшенною рукою. Тогда дѣлалось какъ-то неприязненно и жутко: точно въ миръ и тишину Путбуса вторгалась какая-то враждебная, шумная сила и ниспровергала порядокъ, установившійся отъ вѣка... Но вотъ солнце сѣло; вѣтру словно вдругъ пришло въ голову, что довольно бушевать, — и онъ разомъ упалъ... и разомъ все затихло... Деревья повачались еще, и остановились; только листья трепещутъ, какъ послѣ переполоха. И добрая, мягкая ночь уже матерински убаюкиваетъ землю... Ранорано выбѣжить солнце и раззолотить ее, разсеребрить заливъ и росу, — и вновь спокойно спать этотъ уголокъ, послѣ двухъ-трехсуточной передраги...

Какъ кроткая природа, кротки и добродѣтельны люди. Запоры не нужны. Отъ желѣзной цѣпи, охраняющей княжескій паркъ, не пропадетъ ни одного звѣна. Предиримчивая рука, отлепывающая десятки сажень тяжелой желѣзной рѣшетки около дома владѣльца (какъ то было въ 15-ти верстахъ отъ Петербурга) и безстрашно увозящей ее на подводахъ для продажи въ свое удовольствіе, здѣсь еще не родилась. Вообще у нѣмца родится только то, что *должно* родиться; дѣлаетъ онъ только то, что *обязанъ* дѣлать: воровать его никто не обязываетъ — онъ и не воруетъ. Онъ исполнить непременно все, что установлено, но

ему въ голову не придетъ сдѣлать чего не установили: свое бѣлье, напримѣръ, онъ станетъ мыть непременно, потому что бываетъ стирка, и значить мыть надо; но самъ себя моетъ только лѣтомъ, и то если природа установила быть около него рѣкѣ, морю или озеру, и не моетъ зимою, потому что нигдѣ (кромя большихъ городовъ) нѣтъ установленныхъ для того купальни или бань. Стоило бы завести только, чтобъ отдавался однажды въ недѣлю въ стирку, и вѣмецъ непременно отдавался бы. Нѣмцу поставьте пруты на дорогѣ и надпишите на дощечкѣ: *verbotener Weg*—онъ благоговѣнно обойдетъ цѣлыя пять верстъ. Нашъ братъ, русскій, не только переступитъ пруты, но еще на дощечкѣ оставитъ эротическую надпись. Вообще хотя нѣмцы недавно завоевали большую часть самихъ себя, но въ обществѣ воинственности въ нихъ я усматриваю меньше, чѣмъ въ своихъ соотечественникахъ. Я въ нихъ вижу нѣкоторую нѣжность во всѣхъ отношеніяхъ, и даже въ отношеніи къ бревнамъ, которыя нѣмецкій ломовой извозчикъ (фурманъ) опускаетъ на земь сохраннѣе, чѣмъ нашъ владеть хрусталь. У него цѣпь, блокъ и просмоленная холстина — у насъ веревка, собственныя мышцы и рогажа. О, эта всемогущая и всездѣйствующая рогажа! Чего только она собою не покроетъ — отъ хлѣбнаго зерна до произведенія кисти Калама и Поль де-Лароша! Разбилось стекло въ избѣ—всунутая рогажа является стекломъ; дыра въ срубѣ—опять рогажа! Я видѣлъ мосты, заткнутые рогажею, чтобъ, значить, не провалился кто!

А какъ безмолвно и смиренно работаетъ нѣмецъ! За четыре мѣсяца при мнѣ выведенъ подъ крышу четырехъ-этажный дворецъ Путбуса, навезено видимо-невидимо бревенъ, досокъ, песку и кирпичу,—и еслибъ всего этого не было видно, то не услышать бы ужъ навѣрное. Фурманъ везетъ тяжесть на парѣ, иногда на четвернѣ добрыхъ сытыхъ коней, выступающихъ цугомъ, мѣрно и спокойно. Онъ сидитъ верхомъ на одномъ изъ нихъ и бить его только изрѣдка щолкаетъ, да и то по воздуху... Ни его, ни лошадиныя силы не напряжены до-нельзя. Отъ этого и взаимныя его отношенія съ животнымъ другія: ихъ не соединяетъ то общее недовольство, несмытность и истома, какъ у насъ. Рабочіе тоже не надсаживаются надъ работой. Она, правда, не кипитъ, какъ у русскаго каменщика или плотника; но за то ведется добросовѣстно и надежно, безъ летящихъ щепокъ и осколковъ, безъ потрясающихъ землю паденій дерева и камней.

Часъ отдыха нѣмецъ не превращаетъ въ часъ сна; поѣвши, изъ принесенной женою или дочерью корзинки, онъ если и ло-

жится, то бесѣдуетъ, а не то читаетъ книгу, иной даже вжеть чулокъ. (Пастуха, въ круглой шляпѣ и пальто, я иначе не видѣлъ, какъ съ чулокъ въ рукѣ). По первому звонку ужъ онъ на работѣ. Нѣтъ тѣхъ почесываній, потягиваній и оттягиваній, которыя неизбежны послѣ несоразмѣрнаго труда и несвоевременнаго сна. Надо тоже сказать правду, что сонъ у русскаго человѣка собственно по своей привлекательности счужѣлъ занять мѣсто въ ряду пріятныхъ препровожденій времени. Даже, напримѣръ, или вучерь, отлично выспавшіеся дома, считаютъ почти неприличнымъ не уснуть: первый — въ корридорѣ театра, а второй — на козлахъ у подъѣзда. Мнѣ случалось слышать похвальбу нѣкоторыхъ «молодцовъ» своею жизнью у купца: «день спишь, ночь спишь — просто жисть!».

А что бы можно взять, чтобы цѣною такого труда вырвать у земли всходъ и урожай хлѣба? Передо мною пахатное поле. На пространствѣ не болѣе двухъ десятинъ, около двухъ недѣль, не переставая работаютъ люди и лошади, чтобы приготовить его принять зерно! Начинается съ того, что шесть плуговъ, запряженныхъ каждый четвернею пугомъ, пашетъ недавно убранныю, еще полурыхлую ниву... За ними тянется шесть боронъ, парами. Вспахали, заборонили и теперь поѣдутъ укатывать и разбивать, пахать. Люди садятся, какъ въ сани, на какіе-то дубовые, тяжелые валы въ родѣ шоссейныхъ и пошли кататься по полю: катаются по одному направленію, потомъ катаются по другому, наконецъ катаются по всѣмъ направленіямъ. Что укатали сани, пойдутъ опять паровать бороны. Ну, укатали, распарпали, — кажется, готово, надо сѣять. Не тутъ-то было. Дали нѣсколько дней отдыха, и опять кинулись пахать, паровать и укатывать, точно до тѣхъ поръ ничего и не дѣлали. Пашутъ вдоль, пашутъ поперекъ, пашутъ вдоль и поперекъ; скребутъ въ одну сторону, скребутъ въ другую, скребутъ во всѣ стороны, катаютъ и опять скребутъ... Но вотъ явилась сѣялка. Конечъ! думаешь себѣ. Нѣтъ, не конечъ! Глядишь, опять пошли скрести и укатывать. Засѣяли, выскребли, укатали — ну, ужъ теперь и придумать больше нечего. Какъ нечего? придумать покопаться всегда можно, особенно нѣмцу. Опять выступаетъ соха — теперь уже одна, и проводить по пашнѣ тѣ борозды, которыя превращаютъ ее въ гряды и служатъ стокомъ водѣ. Землевладѣлецъ идетъ самъ за сохою, и слѣдя лично за ея направленіемъ, тростью откидываетъ въ сторону малѣйшую соринку. Женщины заровняли граблями края, готово. Какъ вдругъ вороны, тоже слѣдившія за дѣломъ, налетаютъ черною тучею и принимаются за зерно. Землевладѣлецъ и пахари устремляются на нихъ, машутъ руками и

шапками, кружатся и подсакиваютъ, словомъ изыскиваютъ всё мѣри къ ихъ устрашенію! Но птицы только перелетаютъ съ мѣста на мѣсто и клюютъ. Новыя подрѣвленія успѣваютъ однако выбить врага изъ позиціи—и все успокоивается, до слѣдующаго паханья, укатыванья, царпанья и маханья...

Спрашивается, во что долженъ обойтись каждый колось върожденной такимъ образомъ нивы?

А колось тоже не пропадетъ ни одинъ! Послѣ того, какъ уберутъ снопы, набѣжитъ бѣднѣйшее населеніе деревень, и женщины, дѣти примутся отыскивать, какъ перлы, тѣ немногіе оброненные колосья и сохранно собирать ихъ въ подолы. Поле станетъ послѣ этого чисто, какъ выметенная комната.

Пришло воскресенье, и все это человѣчество, возившее, тесавшее и складывавшее бревна и кирпичи, пахавшее и укатывавшее землю, сбиравшее колосья, является чистыми, свободными гражданами Путбуса. Земледѣлецъ или фурманъ, самъ въ круглой шляпѣ и съ неугасимой трубкой въ зубахъ, катитъ въ просторной, опрятной телегѣ, на здоровыхъ коняхъ въ шорахъ, съ женою, облеченною въ шаль (хотя бы зной былъ африканскій), съ дочерьми въ шляпкахъ и мантильяхъ. И все это идетъ гулять въ паркъ чинно и подъ ручку...

Какое зрѣлище культуры для ума!

Сапожникъ, спившій мнѣ пару сапогъ, имѣя дочь замужемъ въ Петербургѣ, не находитъ лучшаго средства выразить неизмѣнность своей любви къ далекому дѣтищу, какъ послать ему... что бы вы думали? Колбасу! Онъ затрудняется просить меня объ исполненіи этой не совсѣмъ удобной комисіи, не потому что она совсѣмъ неудобна, но только оттого, что у него не оказывается собственной кишки (свинья околѣла), а чужая обойдется паромъ грошей дороже.

Какая наивная добродѣтель! *Er ist auch in Arcadien geboren.*

И здѣсь ли, среди этой бѣлоснѣжности жизни и людей, наткнуться хоть на одно пятно скучной дѣйствительности? Я укажу и на моихъ хозяевъ, какіе они чистые люди! А еще какіе придворные люди!

— *Nous sommes si près de cour!* то и дѣло твердить маракующая немножко пофранцузски хозяйка.

Она такую милую заботою окружаетъ шипѣніе моихъ котлетъ на ея кухнѣ! Она, взлѣзая на свою тонкую и высокую клячу, поражаетъ такимъ сходствомъ съ благороднымъ рыцаремъ печальнаго образа, что невзгоды земли и неба здѣсь непремѣнно должны проходить мимо, какъ тучи, привлекаемныя моремъ.

Но, увы! видно, тучи-то пройдутъ и не тронуть, а эта мелочь

дѣствительности, какъ воронье, влетитъ вездѣ и примется кле-
вать, хоть бы забѣжалъ отъ нея въ самый Путбусъ! Но, увы!
вся эта нѣмецкая жизнь дышетъ идилліей только до тѣхъ поръ,
покуда не наступишь на нѣмецкій мозоль ея грошей и пфенни-
говъ... А на этотъ мозоль, рано или поздно, а наступишь не-
премѣнно; наступишь—и уже, глядишь,

На солнцѣ начинаютъ обнаруживаться пятна.

Большую частью начинается съ чего нибудь въ такомъ родѣ.
Одинъ прекрасный и мирный полдень, который вы менѣе всего
ожидали видѣть омраченнымъ, внезапно оглашается бранными
звуками изъ кухни. Нѣмецкая рѣчь такъ и сыпится, такъ и гре-
митъ, точно горохъ; голоса—одинъ молящій, другой угрожаю-
щій, сливаются, впадаютъ въ дуэтъ, повышаются, понижаются
и, наконецъ, въ сильномъ фортиссимо идутъ на васъ. Ваши
тихія грѣзы, какъ перепуганныя птицы, спѣшать улетѣть, и
кривлявая существенность въ видѣ кухарки съ хозяйкою, пред-
станутъ передъ вами.

— Гведигеръ геръ! начинается послѣдняя, и вы узнаете, чей
голосъ былъ грозою.—Гведигеръ геръ! вы сами условились, что
будутъ жариться котлеты... или бифстекъ? Я даже повторила вамъ
это...

— Помню, помню. Успокойтесь, пожалуйста. Чтѣ-жъ сдѣлали
эти котлеты, чтобъ васъ такъ потревожить?

— Котлеты не сдѣлали ничего, и онѣ не могли ничего сдѣ-
лать—онѣ были условлены... бифстекъ также; но цыплята!.. объ
нихъ не было и рѣчи! Ваша кухарка позволила себѣ щипать
цыпленка. Этого я допустить не могу — цыпленокъ не долженъ
показываться въ моей кухнѣ.

— Такъ вотъ она разгада нѣжнаго вниманія къ моимъ кот-
летамъ! думаете вы. И тутъ же вамъ припоминается, что какая-то
заботливая фея давно уже оставляетъ слѣды своего посѣщенія
въ комнатахъ: то большой коверъ превратится вдругъ въ очень
маленькій, сложенный невидимою рукою вчетверо и притѣмъ на
изнанку, то «дорогая» мѣбель покроется старыми сѣтертами и
простынями, утративъ всякій образъ и подобіе дорогой... Но
хоть съ васъ были взяты деньги именно за эти исчезающія свой-
ства ковра и мѣбели, вы въ этомъ не видѣли ничего, кромѣ
невинныхъ шалостей феи. Зрѣлище молотка въ рукѣ, столяра
съ пилою, производили всякій разъ смуту въ домѣ: вотъ расчи-
лять его пололамъ! разобьютъ какъ орѣхъ! Все это служило для
васъ только признаками наивной простоты неспорченныхъ
душъ...

Вамъ такъ было хорошо здѣсь!... И вдругъ!.. Но возвратимся къ дыплену.

— Ваше нерасположеніе къ дыплетамъ никому не было извѣстно, говорите вы хозяйкѣ,—иначе бы они и не показывались.

— Я ничего не имѣю противъ дыплетъ, горючится она: — но ихъ надо шипать, ихъ надо чистить... Это уже совсѣмъ другое, чѣмъ сжарить бифстекъ.

— Но вѣдь это и касается только кухарки. Прибавляется только ей дѣла, а вашей кухнѣ это все равно!

— Какъ, все равно! благодарю васъ! *Это* все равно! Я даже удивляюсь, какъ вы такъ можете относиться къ моей кухнѣ. Это не было условлено, это уже совсѣмъ другое; значить, это не все равно!

Обида, нанесенная нѣмгѣ вашимъ легкомысліемъ, такъ велика, что она долго не можетъ успокоиться. Нѣмка относится къ кухнѣ какъ къ храму. Это ея заповѣдный уголь: въ немъ она привѣтствуетъ и провожаетъ день, читаетъ свою газету, подъ звуки шипящихъ сковородъ и кастрюль; въ ней она собственными руками, обнаженными по локоть, производитъ на свѣтъ лучшія созданія яицъ, муки и *шинкена*, составляющія ужасъ остальнаго человѣчества... Здѣсь все серьезно и нельзя ни къ чему относиться легко.

— Они главное осерчали изъ-за того, что я поставила картофель къ бифштеку... объясняетъ кухарка.

Нѣмка, уловивъ знакомое слово, кипитъ пуще прежняго.

— Она вамъ говорить о картофелѣ? Да, она говорить о картофелѣ? Знаете ли, что она осмѣлилась варить и картофель? извѣстно ли вамъ это?

— Я, право, ничего не зналъ. Но вѣдь это такая мелочь!

Боже! зачѣмъ было говорить это!

— Мелочь! уже вопить хозяйка:—картофель — мелочь!? Ну, послѣ этого я уже и не знаю... Ну, ужъ это ни на что не похоже! Кар-то-фель мелочь! повторяетъ она разъ десять, и наконецъ бѣжить, говоря, что пришлетъ отца.

Приходить отецъ, выступая на этотъ разъ какъ-то особенно торжественно—вѣроятно такъ выступаютъ послы, имѣющіе предложить рѣшительныя условія.

— Моя дочь, начинаетъ онъ, садясь:—считаетъ себя обиженною. Вы съ нею говорили не такъ, какъ бы слѣдовало.

— Чѣмъ же я оскорбилъ ее?

— Вы говорили о кухнѣ, вы сказали, что картофель такая мелочь... Къ этому она не привыкла...

— Такъ и вы находите, что это обидно?

— Я не знаю, это уже не мое дѣло. Но ваши условія нарушены... и—и мы вправѣ измѣнить свои.

— Въ чемъ же?

— Вы обязались кушать котлеты—готовится цыпленокъ... Наконецъ, варится картофель. Отъ этого выходитъ больше дровъ—а дрова очень дороги и вы должны приплатить за дрова.

— Но вѣдь дровъ я могъ расходовать сколько захочу—при томъ вы сами говорили, что дровъ не покупаете.

Рыцарь немножко смущается. Онъ не рассчитывалъ на вашу память.

— Да, я точно это говорилъ; но я забылъ прибавить, что нанимаю фуру для доставки... Забудьте, оправился онъ:—вы приплачиваете *только* за дрова, за квартиру же пѣна остается прежняя. Мы люди благородные, и условія для насъ священны.

Вы пытаетесь объяснить, что картофель принадлежитъ къ бифстеку. Но, увы! случайность картофеля вами не была предудотрѣнна—и вы должны за это поплатиться.

Дѣло кончается тѣмъ, что вы приобрѣтаете право, за особую плату, считать картофель принадлежностью бифстека и платить за дрова, отданныя вамъ даромъ, какъ ничего не стоящія благородному человѣку, для котораго условія священны, и что условіе это остается во всей силѣ лишь до его нарушения чѣмъ либо, въ настоящей конвенціи непредудотрѣннымъ.

Ну, а каково-же все предудотрѣтъ и гдѣ же средство, напри-мѣръ, провидѣтъ, что кухарку вашу не осѣнятъ такое вдохновение, вслѣдствіе котораго на плитѣ не явится морковь вмѣсто картофеля, или наглый баранъ не простретъ своихъ притязаній на заповѣдное мѣсто, отведенное цыпленку? Ну, что тогда будетъ? Опять вы нарушитель священныя условій и неблагородный человѣкъ! Просто никакъ нельзя всего предудотрѣтъ!

Нѣмецъ, положимъ, еще можетъ это сдѣлать, — ему это гораздо легче: онъ предудотрѣтъ ежедневно свою чашку кофе поутру, ломоть хлѣба съ масломъ въ 11 часовъ и сосиску за обѣдомъ послѣ биръ или мильхъ-супа, съ взюмомъ, да кружку пива на ужинъ. Онъ вообще всю свою жизнь предудотрѣтъ можетъ, такую, какою она переходитъ отъ отца къ сыну, съ достижимостью ея недалекихъ цѣлей и счастья, приобрѣтаемаго на грошъ. Нѣмцу это положительно возможно; у него все неизмѣнно и сдѣлано однажды навсегда: привычки, вывѣски, нравы, города и трактиры. Приѣзжайте черезъ полстолѣтія на мѣсто, гдѣ вы были 50 лѣтъ назадъ—вы все найдете на прежнемъ мѣстѣ. Русскій предудотрѣтъ что нибудь, загремѣть и сгорѣть въ годъ или два, даже слѣдовъ его не останется — нѣмецъ негоразимъ

и волочить за собою слѣды нѣзъ поколѣнїя въ поколѣнїе. Умеръ нѣмецъ, да здравствуетъ нѣмецъ! Въ Дрезденѣ завелся какъ-то, соперничая съ знаменитымъ «*Sächsischer Hof*», русскїй трактиръ Гайдукова—удобный, роскошный и широкїй норусски, съ перинами и шами, квасомъ и кулебякою... Я не встрѣчалъ лучшей гостиницы. Слава объ *Hôtel Haidukoff* пошла даже между нѣмцами.

Прїѣзжаю я въ Дрезденъ.

— Къ Гайдукову! говорю кучеру.

— Гайдукова ужъ нѣтъ. Въ тюрьмѣ сидитъ.

— А его гостиница?

— Продана съ публичнаго торгу. Не хотите ли въ *Sächsischen Hof*?...

И поѣхали въ *Sächsischen Hof*.

Тотъ же швейцаръ въ шапкѣ, обшитой галуномъ, тотъ же оберъ-кельнеръ съ проборомъ до лопатокъ, та же зала... Тѣ же счеты проѣзжимъ, все то же, и наши внуки прїѣдутъ и найдутъ то же... развѣ только швейцаръ передастъ свою обшитую галуномъ шапку другому, да проборъ оберъ-кельнера будетъ спускаться уже до другихъ лопатокъ...

Тагъ тутъ все предусмотрѣть можно. Вотъ ваша конвенція, тагъ та потребуетъ не одного пересмотра!

Пройдетъ мѣсяць, и опять выступитъ торжественнымъ шагомъ посолъ.

— Я забылъ вамъ сказать, объявить онъ:—что если окажутся гдѣ-нибудь пятна, то за мѣбель и коверъ вы обязываетесь уплатить по ихъ дѣйствительной цѣнности.

— Этого не было однако условлено, говорите уже вы, становясь въ свою очередь на юридическую почву.

— Но это подразумевалось. Я только на такомъ условїи и отдаю квартиру.

Вамъ здѣсь такъ хорошо! притомъ же, пятна можно попробовать вывести. И остается одно: взять на себя пятна, и обязаться заплатить за все. И такъ далѣе, и такъ далѣе, до самаго дня отъѣзда.

Вы уже не сомнѣваетесь болѣе, что каждый лишній шагъ вашъ будетъ обложенъ лишнимъ грошемъ, и вротѣ покоряетесь — нѣмецкому мозелю!

Въ роковой день усмотрѣно роковое пятно — не на солнцѣ, а на диванѣ, и притомъ, какъ это случается при затмѣнїяхъ и съ солнцемъ, не всѣмъ видимое: Африка, напримѣръ, видить, Европа нѣтъ.

Африкой являются ваши хозяева.

— На новой матеріи мы нашли пятно, объявляют они строго.

— Покажите.

Покровы совлечены съ дивана и кресель, но все подозрѣніе сосредоточено на первомъ.

— Пятно должно быть здѣсь, говорятъ они, указывая на совершенно чистое мѣсто.

Вы отрицаете. Тогда, не видя возможности открыть искомое простымъ глазомъ, престарѣлый охотникъ вооружаетъ его очками. Пятна все нѣтъ! Нѣмецъ принимаетъ балетныя позы, — то припадетъ грудью въ дивану, то отскочить, то шолкнетъ его, то погладить — диванъ остается неуомлимымъ.

— Надо его хорошенько поколотить, онъ пятно выдастъ, рѣшаетъ старикъ.

Несчастливаго влекутъ въ сѣни, колотятъ, сѣбуть плетью*; но благородный диванъ, несмотря на всѣ истязанія, не выдаетъ пятна.

— Надо бы солнца! Эхъ, жалко, нѣтъ солнца — солнце бы выдало! сокрушаются хозяева.

Точно по манію волшебника, является солнце — и какаѣ-то неуловимая тѣнь отражается на диванѣ.

— Вотъ пятно! вотъ оно! а-а! ликуютъ нѣмцы — и нишуть счетъ въ нѣсколько талеровъ за призванъ пятна, можетъ быть, просто за отраженіе посторонняго предмета на диванѣ...

Честность нѣнца — чство юридическая; ея стимулъ — законъ, а проявленіе — расчетъ. Нечестнымъ быть можно, когда это безопасно. Та непосредственная, наивная честность безъ расчета, такъ просто по душѣ, какаѣ встрѣчается, рядомъ съ величайшими плутнями, у русскаго или итальянца, не есть достояніе культурной Германіи. Она не прорвется и тѣмъ дешевымъ великодушіемъ, какимъ иногда способенъ щегольнуть французъ.

Вотъ два небольшихъ образчика въ этомъ родѣ. Проѣздомъ въ Штетинъ, я себѣ покупаю пальто. На меня надѣваютъ что-то рыжее и на бумажной подкладкѣ.

— Бисмаркъ, и какъ разъ по господину! говоритъ торжественно нѣмецъ.

— А нѣтъ-ли хоть и не бисмарка, да подобнаго лучше?

— Есть. Только ужъ это будетъ *Напульонъ* (Наполеонъ).

Является сѣрый напульонъ (историческая правда того требуетъ, чтобъ наполеонъ былъ непременно сѣрымъ).

* Нѣмцы выколачиваютъ пыль двухвостомъ ременною плетью.

— Шолкъ! показывается портной, и при этомъ шурить и отстраняетъ глаза, словно ослѣпленный блескомъ.

— Что стоитъ?

— Да. Стоитъ 12 талеровъ 25 грошей, унылымъ голосомъ произноситъ нѣмецъ, и грустно смотритъ на меня: знаю-моль, что тяжело заплатить такіа деньга, и жалѣю тебя, но роскошь должна оплачиваться.

— Да, прибавляетъ онъ, уже будто за меня: — цѣна точно большая.

Я купилъ наполеона и вышелъ, не примѣривши. Нѣмецъ поручился, что и наполеонъ тоже по мнѣ сдѣланъ. Ручается нѣмецъ, значить ничего и не надо больше. Только попытавшись тннуть пальто — я узналъ, какіе бываютъ маленькіе наполеоны!

— Наполеонъ-то не по мнѣ! говорю я, вернувшись, и показываю свои распятія руки.

Нѣмецъ принимаетъ сосредоточенное выраженіе, тащитъ на меня изо всѣхъ силъ наполеона, тотъ только слегка потрескиваетъ; наконецъ, оттянувъ его внизъ, такъ что я даже присѣлъ, объявляетъ, что лучшаго ничего не производило портняжное искусство.

— Это первое пальто въ магазинѣ, заключаетъ онъ.—У меня другаго не остана. Кто пожелаетъ дорогое пальто, я теперъ долженъ отказать.

— Такъ возьмите его назадъ. Я готовъ вамъ даже талеръ другой уступить.

— Это не въ моихъ принципахъ, гордо возражаетъ нѣмецъ.— Мнѣ вашихъ денегъ не надо.

— Но такъ-какъ и мнѣ вашего пальто не надо, то это только взаимная сдѣлка. Согласитесь лучше.

— Это не въ моихъ принципахъ: вы купили, и потому должны имѣть пальто отъ меня.

Такъ и пришлось покориться маленькому наполеону и великимъ принципамъ.

Мѣсяцъ спустя, я купилъ у француза какія-то запонки, проданныя за старое серебро (*viel-argent*), онѣ мигомъ обнаружили свое желѣзное происхожденіе, и зачернили рукава рубашки.

— Дай, думаю себѣ, попробую показать французу, что-то онъ изобрѣтетъ, чтобъ посеребрить это желѣзо?

И меня заранѣе забавляло, какъ будетъ врать и изворачиваться сынъ великой націи. На каково же было мое разочарованіе, когда французъ, послѣ минутнаго удивленія, сказалъ только: *tiens! c'est droll!* И самъ предложилъ получить деньги обратно.

Когда я рассказал свои случаи нѣмцамъ, честные нѣмцы обнаружилъ-было негодованіе; однако усповолились на томъ, что честный штетинскій портной не поступилъ бы такъ, еслибъ не имѣлъ дѣла съ русскимъ.

— Но вѣдь и французъ тоже съ русскимъ имѣлъ дѣла, замѣтилъ я.

— Это одно шарлатанство! закричали нѣмцы.—Французъ шарлатанъ!

Я съ ними не спорилъ, хотъ и подумалъ, что на этотъ разъ, по крайней-мѣрѣ, французское шарлатанство безъ всякой нескромности могло себя не признавать побѣжденнымъ нѣмецкими принципами.

Путешествіе преподаетъ не одни уроки географіи, — оно научаетъ видѣть людей не такими, какъ они кажутся, но такими, какъ они есть: путешественникъ платитъ за то золотомъ, чтобъ быть за кулисами. Извѣстно, что нашествіе иностранцевъ на страну не возвышаетъ ея добродѣтелей—это доказываетъ Швейцарія, сохранившая свою первоначальную честность только тамъ, куда подкованная желѣзомъ ступня англичанина и его альпійская палка еще не проложили себѣ пути. Но если англійское нашествіе не благотѣтельно, то русское уже совершенно пагубно: то, по крайней-мѣрѣ, знаменуется острализмомъ клоповъ изъ гостиницъ и такою дисциплиною кухни, что мясные сухари разомъ исчезаютъ и на ихъ мѣсто являются настоящіе ростбифы и бифстеки. Едва-ли не лучшему трактиру въ Женевѣ суждено было разомъ лишиться всѣхъ англичанъ за то только, что одному изъ нихъ *показалось*, будто онъ *могъ* встрѣтить въ одѣялѣ клопа. Мы не изгнали ничего, не ввели даже самоваговъ и порядочнаго чаю, а дурнаго распространили много.

Можетъ быть, въ Самаркандѣ мы и заносимъ что нибудь другое, въ Европу же — одну распущенность, безтолочъ и, разумѣется, дороговизну. Мы даемъ себя сколько угодно обирать, и не приобретаемъ за это даже уваженія обирающихъ насъ. Англичанъ обираютъ тоже, но уважаютъ и боатся, — насъ обираютъ гораздо больше, и презираютъ или снисходятъ къ намъ. Прислуга, почуявъ насъ по духу чемодана, начинается, правда, съ того, что разстигается передъ нами, не даетъ намъ покоя, поминутно стучится въ двери, зоветъ за табльдотъ, желаетъ покойной ночи и хорошаго аппетита — а въ Австріи даже «цалуетъ руку»; но если мы не имѣли глупости въ ту же минуту давать ей за это денегъ, или пообщать ихъ, — она уже къ вечеру отвернется, не станетъ приходить на звонки и, хотя будетъ знать, что все-таки получить вдесятеро больше, чѣмъ

отъ всякаго другаго, но будетъ служить всякому другому въ десять разъ лучше, нежели намъ. Даже полученная въ началѣ подачка не засчитается и вызоветъ одно неудовольствіе при отъѣздѣ. Давайте каждый день сколько угодно глупо-улыбающейся нѣмецъ съ красными локтями, за то, что она разболтываетъ ими вашу ванну, ощущеніе этихъ доктей считая удобнѣе указаній ртутн, но не положите только на прощанье полную руку трингельда, — и вы увидите, казимъ грубымъ презрѣніемъ смѣнится эта глупая улыбка. Мы и обращаемся-то съ нѣмцами не умѣемъ порядочно: мы или утонченно любезничаемъ, или покровительственно шутимъ, и въ обоихъ случаяхъ поступаемъ не такъ; съ нами за то или обращаются запанибрата, или на наши шутки отвѣчаютъ грубо. Не надо забывать, что нѣмецъ все дѣлаетъ серьезно; шута, какъ мы, онъ не относится даже въ подаваемой котлеткѣ; лавейство для него тоже таинство; ему и въ голову не можетъ придти стыдиться куртки *кемнера*, хотя бы зрѣлые лѣта и давали ему право на общій всему человѣчеству сюртукъ. А мы съ нимъ шутимъ, и онъ сердится; мы въ свою очередь принимаемся тоже сердиться (скотина, моль, не понимаетъ, что съ нимъ шутятъ!) и пошла катавасія: обѣ стороны недовольны! Нѣмецъ всегда съ лакеемъ серьезень, даже повелителень — и лакей имъ доволенъ, а нѣмецъ доволенъ лакеемъ, потому что оба совершаютъ каждый свое таинство — одинъ *гершадства*, другой — *кемжрства*. Насъ считаютъ отъ груди матери вскормленными такими противозаконіями и неправдами, что нѣтъ того нарушенія даже простого приличія, какаго не позволили бы себѣ въ отношеніи къ намъ.

Въ трактирахъ Берлина, спрошенные вечеромъ стаканъ воды съ виномъ и ломтикъ хлѣба, превращаются въ счетъ въ *ужинъ*, и за него выставляется цѣна дѣйствительнаго ужина, состоящаго изъ супа, мяснаго блюда и компота. Русскому *позволяется* не ужинать, если онъ хочетъ, онъ воленъ довольствоваться стаканомъ воды съ виномъ, но не имѣетъ права не заплатить за него, какъ за ужинъ, если спросить его въ назначенный для того часъ. Банкирская контора обчисляетъ васъ безъ всякаго зазрѣнія на курсъ денегъ, тутъ же для всѣхъ выставленномъ и для всѣхъ обязательномъ, вромѣ васъ. Но трактирщикъ положить на выѣскѣ русскими буквами: «Лавка мѣновщика» — и русское самолюбіе по большей части сочтетъ себя удовлетвореннымъ. Значить, правы не мы.

А кто виноватъ, на примѣръ, въ возможности такого разбора (лично мною слышаннаго) между русскимъ и нѣмцемъ, на

этотъ разъ уже не портнымъ, и не штепсельнымъ, но ученымъ и изъ Берлина вѣмцемъ.

Говорено было о русскихъ процентныхъ бумагахъ, которыя берлинцы вообще любятъ—ужь очень онѣ всегда дешевы по курсу!

Русскій.—Что вы думаете о нашихъ билетахъ внутреннихъ лоттерейныхъ займовъ?

Нѣмецъ.—Они были бы необыкновенно выгодны; какіе шансы! и во всякомъ случаѣ проценты и капиталъ обезпечены. Это была бы просто ваша вторая Сибирь, съ ея золотыми россыпями, еслибъ только... вы меня извините, я не могу говорить всего... но вы, конечно, это лучше меня знаете.

Русскій.—Нѣтъ, пожадуйте, говорите! Можетъ быть, вы сомнѣваетесь въ правильности выигрышей? Это совершенно на-врасно.

Нѣмецъ (*иронически*).—Не выигрышей, а... полученія выигранныхъ денегъ... по крайней-мѣрѣ всѣхъ денегъ сполна. Вѣдь вы не станете отрицать, что у васъ, къ сожалѣнію, нельзя ничего получить, не купивши чиновниковъ?

Русскій.—Что въ этомъ случаѣ это не такъ, я вамъ ручаюсь.

Нѣмецъ.—Представьте себѣ, у насъ это общее убѣжденіе... и оно останавливаетъ пріобрѣтать билеты.

Русскій.—На чемъ же оно основано? Развѣ вамъ извѣстны примѣры чего нибудь подобнаго?

Нѣмецъ.—Есть, хоть и не по этому собственно, но примѣры извѣстные всей Европѣ... и между прочимъ,—этого уже вы отвергать не можете! примѣры, скажу даже правило, что ангажированные на театры артисты должны отдавать часть своего жалованья чиновникамъ... Одна знаменитая пѣвица, говорятъ, не могла никогда добиться контракта потому только, что не согласилась ничего уступить изъ условленной платы какому-то важному сановнику, говорятъ—даже тайному совѣтнику.

Читатель, кто виноватъ? и что оставалось дѣлать русскому, какъ не удариться въ отступленіе, въ родѣ: «конечно», «разумѣется», «можетъ быть что-нибудь подобное», «когда-нибудь», «однако, теперь, когда» и т. п.; берлинцу же—обязательно перенести разговоръ на русскіе подвиги въ Самарандѣ.

Такимъ-то образомъ, углубляясь за предѣлы отечества, русскій путешественникъ отнюдь не долженъ ласкать своего аппетита надеждою, что будетъ кушать одни сладкіе пирожки, на каждомъ шагѣ только того и ожидающіе, чтобы свалиться ему въ ротъ Обходитель, господа, замгрываемыми посредствомъ объявленій,

писанныхъ порусски о портныхъ и гостиницахъ, до *Кача* включительно, этого воплощенія «дыма отечества», *Подъ Ли-нами* (настоящій дымъ не каждый годъ достигаетъ Берлина!). Постарайтесь, если можете, не видѣть въ этомъ грубой лестн плута-приващика передъ обираемымъ имъ баринотъ... А главное, не забывайте, что красные дни отпуска уходятъ точно также, какъ и красные дни лѣта, и спѣшите во время углубиться въ свои предѣлы, не глядя на птицъ, которыя летять въ югу...

...Осень. Сентябрь, уходя, спѣшитъ передать своему преемнику землѣ, расписанную всѣми цвѣтами блеклости, золотить и румянить лѣса, устилаетъ аллеи путбускаго парка пестрыми коврами шуршащаго листа, и даже подъ каштановые, недавно непроницаемые своды роняетъ свой палевый лучъ... Море стало ворчливымъ старикомъ, и его сердитые порывы не несутъ уже того обновленія воздуху, какъ веселый разгулъ его июльскихъ бурь... Въ рукахъ у нѣмокъ задвигались длинныя спицы и плетутъ шерстяныя кофты — предчувствіе холодовъ. Моя хозяйка варитъ на зиму сливы въ огромномъ котлѣ и мѣшаетъ ихъ палкою... А запасливыя бѣлки тагъ и мелькаютъ своими пушистыми рыженькими хвостами, царапаются по деревьямъ, рыщутъ по травѣ, и съ орѣхомъ или каштаномъ въ зубахъ бѣгутъ пополнять свои зимніе запасы гдѣ-то въ заповѣдныхъ мхахъ... Длинныя уши выдають зайцевъ въ обнаженномъ полѣ...

Я ѣду тѣми же рядами тополей, но уже совсѣмъ сквозныхъ, тѣми же холмами, но уже нагими и сѣрыми... Природа, встрѣтившая меня невѣстою, провожаетъ вдовою...

II. Ковалевскій.

Г И М Н Ъ.

Господь! твори добро народу!
Благослови народный трудъ,
Упрочь народную свободу,
Упрочь народу правный судъ!

Чтобы благія начинанья
Могли свободно возрости,
Разлей въ народѣ жажду знанья
И къ знанью укажи пути!

И отъ ярма порабощенья
Твоихъ избранниковъ спаси,
Которымъ знамя просвѣщенья,
Господь! ты ввѣришь на Руси...

Н.

РОЛЬ НАУКИ

ВЪ ПЕРІОДЪ ВОЗРОЖДЕНІЯ И РЕФОРМАЦІИ.

Louis Figuiet: «Vies des savants illustres de la renaissance» (Paris. 1868).

Paul-Antoine Cap: «La science et les savants au XVI siècle» (Tours. 1867).

6. Предшественники новаго времени (1536—1559).

Четвертая эпоха разсматриваемаго періода уже носитъ характеръ опредѣлительнаго предвѣстія новаго времени. Оба элемента, составлявшіе главный интересъ предыдущихъ эпохъ, какъ они составляли идеальныя стремленія среднихъ вѣковъ, истощились на столько, что передовые люди могли понять тщету мечтаній предковъ.

До Петрарки думали найти въ древнихъ авторахъ неисчерпаемую мудрость; послѣ Петрарки искали въ нихъ неисчерпаемые источники красоты. Жаловались, что древнихъ авторовъ нѣтъ, что рукописей мало, что онѣ дороги. Рукописи нашлись; книгопечатаніе ихъ удешевило. Восхищеніе было безмѣрно. Но подражатели древнихъ скоро произвели литературу, интересную лишь для самихъ авторовъ и для ихъ пріятелей. Красоты Гомера и Горация были безспорны, но гуманисты сознавали, къ собственному удивленію, что остроумный фаблю, рассказъ изъ цикла Карла-Великаго, личная современная сатира или Лютеровъ гимнь гораздо болѣе шевелятъ ихъ самихъ, чѣмъ превосходнѣйшія произведенія грековъ и римлянъ. Латинская поэзія новаго времени оказалась совершенно бумажнымъ цвѣткомъ, и французскіе, нѣмецкіе, итальянскіе, испанскіе поэты стали писать на своихъ *варварскихъ* языкахъ; они извинялись въ этомъ; но дѣлать было нечего: иначе ихъ не стали бы читать. Относительно предполагаемой мудрости древнихъ тоже скоро разочаровались, когда большинство сохранившихся текстовъ было издано.

Въ девятнадцать столѣтій, прошедшихъ отъ Платона и Аристотеля до Леонардо да-Винчи, Макіавелли и Томаса Мора, обстановка общества, требованія знанія и задачи жизни измѣнились на столько, что древняя мысль могла служить лишь *однимъ* изъ многихъ положительныхъ элементовъ науки и практической философіи новаго времени. Огромный матеріалъ, завѣщанный новой Европѣ классическимъ міромъ, былъ драгоцененъ, но передовые мыслители убѣдились, что этотъ матеріалъ долженъ быть подвергнутъ критикѣ по своему содержанію, и эта критика должна была произнести свои приговоры на основаніи положеній, выработанныхъ самостоятельно европейскою мыслию новаго времени. Древній міръ требовалъ не поклоненія ему, а пониманія его, какъ особеннаго, *минувшаго* міра, возвращеніе котораго невозможно. Къ этому распространяющемуся убѣжденію передовыхъ дѣятелей въ области мысли присоединилось сознаніе, что союзъ, заключенный между церковью и гуманитарною эрудиціею, не пойдетъ въ пользу первой. Вслѣдъ за Альбертомъ-Великимъ и Томомъ Аквинатомъ выступили аверронсты, Марсиль падуанскій, Поппонаціо. Вслѣдъ за Петраркой пошли платонники — пантеисты, святители, Эразмъ. Нетрудно было напомнить замѣтить, что въ *ихъ* интересахъ было опасно слѣдовать покривленнымъ гуманизма Николаю V или Льву X. Пока католицизмъ былъ одинокъ въ Западной Европѣ, можно было на это не обращать вниманія, потому что десятину все-таки платили, индульгенціи покупали и распространяющееся невѣріе не колебало строа духовенства. Но когда протестантизмъ могъ лишить папство доходовъ, и пришлось спорить о церковномъ владѣнствѣ съ другими основаніемъ, то дѣло становилось совсѣмъ инымъ. Но точно также протестантизмъ не могъ благоприятно смотрѣть на гуманистовъ. Какъ движеніе, имѣвшее въ виду внести возможно болѣе религіознаго элемента въ жизнь, протестантизмъ не могъ не понять, что языческій міръ, дѣлавшій предметомъ почитанія, есть весьма плохое орудіе для развитія христіанскаго чувства, и не могъ не видѣть, что среди гуманистовъ развивается святицизмъ и индифферентизмъ, а вовсе не стремленіе къ религіозности.

Отсюда быстрое ослабленіе гуманистическаго движенія, какъ въ Италіи, бывшей до сихъ поръ центромъ его, такъ и въ протестантскихъ странахъ Европы. Какъ только папы перестали некриволиковать гуманистамъ, и какъ только значеніе различныхъ центровъ итальянской жизни ослабѣло подъ вліяніемъ испанскаго господства, число гуманистовъ въ Италіи уменьшилось. Въ концу рассматриваемой эпохи только Петръ Виторіусъ (1499—1586) и Карлъ Сигоніусъ (1524—1584) были замѣча-

тельными представителями итальянской эрудиции. Въ Германіи оппозиція Лютера противъ Эразма, а послѣ того приверженцевъ Лютера противъ приверженцевъ Меланхтона, привела къ подчиненію школъ и университетовъ богословскимъ дѣламъ, въ служенію занятій и къ рутинѣ, продолжавшейся до XVIII вѣка. Оттого филологи потеряли въ Германіи значеніе, и положеніе ихъ сдѣлалось весьма бѣдственно*. Изъ замѣчательныхъ германскихъ дѣятелей въ этой области, къ разематриваемой эпокѣ относятся лишь Камераріусъ (1500—1574) и Штурмъ († 1589). Позднѣйшій, Хессель (Кавеліусъ, 1533—1613), котораго мы здѣсь упоминаемъ для связи, былъ *послѣднимъ* замѣчательнымъ гуманистомъ Германіи до XVIII вѣка.

Всего выгоднѣе было положеніе Франціи въ этомъ отношеніи. Несмотря на гоненіе гугенотовъ, короли французскіе слишкомъ дорожили самостоятельностью своего государственнаго авторитета, чтобы подчиниться вполнѣ католической реакціи, но они также не стали во главѣ церкви, какъ государи Англіи. Для французскаго правительства реформа была гораздо болѣе практической, чѣмъ теоретическимъ вопросомъ. Строй реформатскихъ общинъ, непризнававшихъ іерархіи, гораздо болѣе возмущалъ и вызывалъ преслѣдованіе, чѣмъ теоретическія основанія вѣрованій, и короли Франціи заботились о внѣшнемъ единствѣ церкви гораздо болѣе, чѣмъ о внутреннемъ. Оттого именно Франція въ эту эпоху высказываетъ всего болѣе гуманистическія тенденціи, какъ въ слѣдующую она выдвинула замѣчательнѣйшихъ филологовъ Европы. Здѣсь, конечно, надо всего прежде упомянуть семью Этьеновъ, изданія которыхъ положили начало серьезнымъ работамъ во Франціи по этой области. Правда, ихъ протестантскія убѣжденія наложили печать на ихъ дѣятельность. Въ 1550 Робертъ Этьенъ оставилъ Парижъ для Женевы и напечаталъ (1552) свое рѣзкое оправданіе. Но одинъ сынъ его, Робертъ II, продолжалъ традицію Этьеновъ въ Парижѣ въ то время, какъ другой, знаменитый Анри Этьенъ (1532—1598), впервые издавалъ Анакреона (1554) такъ, какъ онъ теперь извѣстенъ, Діодора Сицилійскаго съ десятию новыми книгами и цинероновскій лексиконъ (1557), гдѣ Анри Этьенъ высказывалъ свою ученую самостоятельность тѣмъ, что рѣшался исправлять ошибки въ текстахъ великаго оратора. Столь же серьезны для знающаго съ древнимъ міромъ были труды Жака Амю (1513—1593), особенно какъ переводчика Плутарха (1559). Впрочемъ, въ самой замѣт-

* Эразмъ вѣрно предсказалъ для ближайшаго времени: «вслѣду, гдѣ царствуютъ лютеранизмъ, гибнуть литературныя занятія».

ной формѣ процвѣтанія гуманизма во Франціи, выказалась вся безжизненность этого направленія въ отношеніи къ вопросамъ новаго времени. Жанъ Дорэ или Augustus († 1588) былъ учителемъ ряда восторженныхъ почитателей древности, замѣчательнымъ латинистомъ и эллинистомъ и, по словамъ своихъ учениковъ, *новымъ Пиндаромъ* въ стихахъ на классическихъ нарѣчіяхъ. Изъ его школы вышла знаменитая французская плеада XVI вѣка (онъ самъ былъ включенъ въ нее), которая пыталась ввести формы древнихъ языковъ во французскій языкъ, породила періодъ псевдо-классицизма въ литературѣ, совершенно отдѣлившій цивилизованное меньшинство отъ народа, и несмотря на свою громкую славу между современниками, потеряла всякое значеніе въ слѣдующій періодъ. Въ 1549 г. появился манифестъ новой школы поэтовъ, написанный Жоаненомъ дю-Белле (1524—1560) (*французскимъ Овидіемъ*, по словамъ товарищей) о систематическомъ обновленіи французскаго языка и литературы. Въ слѣдующемъ году появилось произведеніе главы школы («Аполлона, источника музъ», по словамъ Маріи Стюартъ), великаго пиндаризатора, Пьера Ронсара (1524—1585). Рядомъ съ нимъ сражался Банфъ (1552—1589), который за свои старанія ввести латинскія сравнительныя во французскій языкъ, удостоился *поглавному* посланія, гдѣ Банфа называли:

Docte, docteur et doctime Baif.

Наконецъ, къ плеадѣ принадлежалъ и Жодель (1532—1573), авторъ первыхъ драматическихъ произведеній по образцу древнихъ (1552), пьесъ, за которыя его товарищи по плеадѣ, согласно древнему греческому преданію, почтили Жоделя увѣнчаннымъ вѣнкомъ и пѣніемъ пэана. За три года предъ появленіемъ «Клеопатры» Жоделя, французскіе парламенты запретили представленіе мистерій (1549), какъ за девять лѣтъ предъ тѣмъ Францискъ I заставилъ молчать драматическую сатиру Бавошь. Въ томъ же 1549 г. Павелъ III запретилъ драматическія представленія въ Колизеѣ. Средневѣковое искусство, которое, при всѣхъ своихъ дилетанствіяхъ, имѣло ту важную заслугу, что оно было искусствомъ для народа, исчезало подъ давленіемъ новой цивилизаціи и меньшинства, желавшаго искусствениныхъ элементовъ въ новизнѣ, вслѣдствіе временнаго господства искусственинаго взгляда на красоту, какъ на исключительную принадлежность древнихъ формъ.

Другой элементъ предшествующей эпохи, религиозная реформа, выказалъ теперь всю сухость своего содержанія. Уже давно, со временъ блаженнаго Іеронима, вдыхали о томъ, что церковь не

соотвѣтствовать своимъ требованіямъ. Сначала думали помочь, вытѣсняя изъ нея еретиковъ, усиливая значеніе епископовъ и папы. Въ эпоху Григорія VII пытались реформировать церковь регламентаціею, исходявшею отъ папъ, безбрачіемъ духовенства, усиленіемъ аскетизма. Потомъ остановились на мысли, что зло въ церкви лежитъ именно въ католической іерархіи, въ противоположеніи католицизма — библии. Со всѣхъ сторонъ возвышались голоса, что надо устроить церковь по бесспорному авторитету библии, авторитету, доступному и ясному для всѣхъ, потому что библия — слово Божіе. Это, наконецъ, удалось. Библия, какъ бесспорный, божественный авторитетъ, легла въ основаніе ученія Лютера и Цвингли. Но оказалось, что даже эти люди, проникнутые глубокою религіозностію, не могли сойтись въ догматахъ. Буква разныхъ исповѣданій и конкордій давила мысль не менѣе буквы написаныхъ буллъ. Еще въ началѣ тридцатыхъ годовъ отдѣлился отъ лютеранизма Швенкфельдъ (1490—1562), требовавшій болѣе внутренняго богопочтанія, чѣмъ то, которое давалъ лютеранизмъ. Въ 1537 г. Грикель (Агрикола) Эйслебенскій (1492—1566) началъ споръ антиномистовъ изъ-за того, на сколько законъ долженъ стоять ниже вѣри. Послѣ смерти Лютера (1546) полемика богослововъ еще усилилась. Андрей Озіандеръ (1498—1552), о заслугахъ котораго по научнымъ изданіямъ еще скажемъ ниже, вызвалъ въ новомъ, кѣнигсбергскомъ университетѣ (1546) своими мнѣніями (1549 и сл.) жестокий споръ о томъ, божественная или человѣческая природа Христа послужила въ оправданію вѣрующихъ. Этотъ споръ продолжался и послѣ смерти Озіандера и довелъ даже до казни его зятя, Функа (1566). Еще жарче былъ споръ адиафорнистическій, начавшійся въ 1548 г., о томъ, что именно можно считать безразличнымъ (адиафорю) въ религіозномъ вѣрованіи, при чемъ Флацихъ (Флаціусъ (1520—1575) осыпалъ Меланхтона самыми изысканными ругательствами. Тотъ же Флацихъ, со многими другими, восталъ противъ Георга Майора (1502—1574), который нѣсколько неосторожно защищалъ (1552) мнѣніе, что добрыя дѣла необходимы для спасенія, тогда какъ его противники утверждали, что для этого необходима лишь вѣра, изъ которой добрыя дѣла слѣдуютъ сами собою. Майоръ былъ лишенъ всѣхъ средствъ существованія и умеръ въ нищетѣ. Опять Флациха встрѣчаемъ въ спорѣ (нач. 1555) о томъ, вызываетъ ли Духъ Святой въ волѣ прежде всего желаніе спастись, или спасаетъ человѣка совѣмъ независимо отъ его воли. Изъ-за этого нѣсколько іенскихъ пасторовъ были (1559) ночью схвачены въ кроватяхъ и заключены въ тюрьму. Самъ Флацихъ

былъ чрезъ 3 года изложенъ и высланъ, за то, что принималъ первородный грѣхъ за субстанцію, а не за принадлежность (accidens) человѣческой природы. Въ то же время съ вѣчными жаромъ продолжались споры между лютеранами и реформатами, а частію и въ средѣ самихъ лютеранъ, о пресуществленіи хлѣба и воды. Реформаты—бѣглецы изъ Англіи не могли найти себѣ пріюта въ лютеранской Германіи. Лютеранскіе богословы называли ихъ мучениками за дьявола и говорили, что сверше можно терпѣть папистовъ, чѣмъ этихъ еретиковъ. Среди этихъ споровъ, вовлеченный въ нихъ на зло своей примирительной природѣ, раздраживъ сухихъ фанатиковъ буквы лютеранства своею уступчивостію, умеръ Меланхтонъ (1560). Слабѣющею рукою онъ написалъ предсмертные слова: «ти будешь избавленъ отъ всѣхъ заботъ и отъ бѣшенства богослововъ (et a vobis theologorum).

Герой реформаціоннаго движенія этой эпохи былъ Жанъ Кальвинъ, уже извѣстный первымъ изданіемъ своей «Institution» (1535). Онъ испугалъ Женеву своимъ ригоризмомъ во время перваго своего пребыванія тамъ (1536—1538), былъ изгнанъ, но вернулся (1541) духовнымъ и свѣтскимъ диктаторомъ республики. Съ тѣхъ поръ Кальвинъ, въ продолженіе 23 лѣтъ († 1564), господствовалъ въ Женевѣ, неутомимо преслѣдуя всякое разномысліе, и сдѣлалъ Женеву центромъ реформаціоннаго движенія для значительной части Европы. Эта была одна изъ тѣхъ фанатическихъ натуръ, которыя, во имя предполагаемаго долга, могутъ задавить въ себѣ всякое человѣческое движеніе и столь же беспощадно требуютъ отъ другихъ безусловной покорности. Противъ него въ Женевѣ стояли либертины — пантеисты съ требованіемъ духовной свободы совѣсти для личности. Противъ него были и либертины — политики, только что освободившіе Женеву (1535) отъ господства Савойи, конечно, не для того, чтобы подчиниться инквизиціи богослововъ. Кальвинъ сломилъ всѣ сопротивленія съ опасностію собственной жизни, но не щадя и своихъ противниковъ. Его неутомимый характеръ отразился и въ богословіи позднѣйшихъ переработокъ его «Institution» (1539, 1559), гдѣ онъ утверждалъ, что Богъ предопредѣляетъ не только спасенныхъ къ блаженству, но и грѣшниковъ къ гибели. Кальвинъ организовалъ въ Женевѣ строгую теократію консисторіи, съ назначеніемъ гражданъ измышленной богословской полиціи и съ отрицаніемъ всякаго права свободы мысли. Консисторія сдѣлалась грозой гражданъ; толпы французскихъ эмигрантовъ были поддержкою деспотизма Кальвина. Въ 1547 г. повелѣно было несѣщеніе церквей подъ опасеніемъ денежныхъ штрафовъ. Запре-

иене неготовленіе игральныхъ картъ. Въ 1550 учреждены домашнія посѣщенія членовъ консисторіи для наслѣдованія вѣры и нравственности всѣхъ гражданъ республики. За то, что Амд называлъ Кальвина злымъ человекомъ, его водили въ рубашкѣ по городу съ зажженной свѣчей въ рукахъ до висѣлицы, подѣ которю онъ долженъ былъ испросить прошеніе у Кальвина. Итальянку выгнали изъ Женевы за неосторожное выраженіе противу Кальвина и консисторіи. Однихъ наказывали за танцы; другихъ за то, что они смѣялись во время проповѣди Кальвина. Въ 1558 и 1559 г. было 400 случаевъ подобныхъ наказаній. Въ 1564 г. осужденъ на публичное покаяніе гражданинъ за то, что не причащался въ Духовъ день. Игроковъ выставляли къ позорному столбу съ картами на шеѣ. Ребятъ сѣли по приговору суда и даже казнили за оскорбленіе родителей. Всеобщій терроръ, во имя очищенія вѣры, господствовалъ въ Женевѣ. Подѣ руководствомъ Кальвина реформація доказала, что она нисколько, по своей сущности, не допускаетъ большей свободы мысли и совѣсти, чѣмъ католицизмъ. Послѣдовательно развивая свой принципъ преобладанія религіознаго начала въ жизни, она должна была дойти и дошла до террористической теократіи, до домашней инквизиціи, до всеобщаго наушничества и до казней.

Главнымъ помощникомъ Кальвина былъ Теодоръ де-Веза, особенно важный, какъ апостоль вальвинизма во Франціи, подобно тому, какъ Кноксъ (1505—1572) сдѣлался его апостоломъ въ Шотландіи. Теодоръ де-Веза былъ руководитель реформатской академіи въ Лозаннѣ (1549—1558), а потомъ въ Женевѣ (съ 1559), остроумный сатирикъ и полемикъ на защиту вальвинизма. Но на сколько богословское подчиненіе затемняло его мысль, видно изъ того, что онъ не устыдился быть защитникомъ казни Сервъ.

Женева казалась центромъ свободы совѣсти для всѣхъ гонимыхъ за вѣру въ католическихъ земляхъ, но когда эмигранты еретники приходили въ это мѣсто спасенія, они замѣчали, что могутъ оставаться тамъ лишь въ такомъ случаѣ, когда думаютъ совѣмъ такъ, какъ женевская консисторія относительно догматовъ и жизни. Въ этомъ отношеніи особенно важно направленіе унитаріевъ (позже соцініанъ), которое представляло весьма замѣтный фазисъ въ развитіи протестантизма. Оттого ли, что средневѣковая схоластика съ особеннымъ стараніемъ останавливалась на догматѣ Троицы, оттого ли, что, въ своихъ практическихъ стремленіяхъ, Лютеръ, Цвингли и Кальвинъ не видѣли нужды останавливаться на этомъ трансцендентномъ положеніи, но главн реформы лишь нрѣдка касались его въ своихъ глав-

нихъ работахъ. Тѣмъ не менѣе унитаризмъ нашелъ себѣ довольно раннихъ представителей. Гецеръ († 1528) сближалъ его съ анабаптистическими стремленіями; Себастьянъ Франкъ († 1545), первый историкъ на нѣмецкомъ языкѣ, связывалъ его съ пантеистическою философіею, которая дѣлаетъ Франка предшественникомъ новѣйшаго идеализма. Клавдій Савойскій проповѣдывалъ унитаризмъ въ Бернѣ (1534). Но это ученіе особенно развилось въ Италіи, гдѣ умы, привыкшіе въ гуманистическихъ школахъ болѣе свободно относиться къ религіознымъ вопросамъ, и въ то же время болѣе склонные къ отдѣленію теоретическихъ воззрѣній отъ практическихъ, обратились смѣло къ основному догмату. Камиллусъ Ренатусъ изъ Сициліи проповѣдывалъ (съ 1542) въ Кіевеннѣ и оставилъ значительную школу. Подъ его вліяніемъ (съ 1547) началъ дѣйствовать и Леліо Соццини (1525—1562), неутомимо разносившій унитаризмъ отъ береговъ По и Тевны до береговъ Вислы. Всего поразительнѣе было отпаденіе въ это ученіе пламеннаго проповѣдника, Бернардино Окино (1487—1565), папскаго духовника, а потомъ генерала ордена капуциновъ, незадолго предъ тѣмъ отдѣлившася отъ францисканцевъ (о чемъ скажемъ ниже). Не останавливаясь на многихъ другихъ унитарьянцахъ этого времени, мы должны въ особенности упомянуть о Мигаэлѣ Сервето или Сервѣ. Этотъ испанецъ, углубившійся въ философскія мечтанія, былъ въ то же время одинъ изъ первыхъ ученыхъ своего времени. Онъ издавалъ древнихъ авторовъ, зналъ анатомическое строеніе пути легочнаго кровообращенія и, можетъ быть, открылъ бы большое кровообращеніе за $\frac{3}{4}$ вѣка до Гервѣя, еслибы ему дозволили жить долѣе. Но его пламенная натура и страсть къ полемикѣ создавала ему всюду враговъ. Въ 1538 году полемика его противу невѣжественныхъ медиковъ заставила его оставить Парижъ. Въ 1542 г. его предисловіе къ изданію библіи, вслѣдствіе его способа объяснять пророчества, вызвало порицаніе. Уже въ 1546 г. Кальвинъ грозилъ ему казнью. Въ 1553 г. его «Возстановленіе христіанства», направленное противу различія ипостасей и крещенія дѣтей, вызвало надъ нимъ судъ въ Вьеннѣ. Онъ бѣжалъ изъ тюрьмы, предоставляя королевскому и духовному суду сжигать его en effigie, но имѣлъ осторожность остановиться на мѣсяць въ Женевѣ. Кальвинъ донесъ на него и, несмотря на энергическую защиту Сервѣ, добился его осужденія на смерть. Предшественникъ Гервѣя былъ сожженъ въ Женевѣ (1554). Въ то время, какъ унитаристы возставали въ многочисленныхъ сочиненіяхъ противу варварства Кальвина, и католики съ влорадствомъ указывали на его нетерпимость, значительнѣйшіе богословы обѣихъ протестантскихъ

сектъ: Меланхтонъ, Буллингеръ и Бѣза оправдывали казнь. Костеръ, на которомъ сгорѣлъ Сервъ, утвердилъ владичество Кальвина въ Женевѣ, но тѣмъ самымъ освѣтилъ истинное значеніе протестантизма. Въ самой сущности его лежала не свобода мысли, не свобода гражданская, какъ до сихъ поръ еще говоритъ большинство историковъ, а подчиненіе всѣхъ жизненныхъ элементовъ религіозному вѣрованію, нетерпимость относительно всѣхъ міросозерцаній, кромѣ того, которое вѣрующій считаетъ истиннымъ. Оно такъ и должно быть. Кто вѣритъ, что ему открыта сверхъестественная истина сверхъестественнымъ путемъ, долженъ видѣть грѣхъ и преступленіе во всякомъ разномысліи, и терпимость для него есть слабость. Только тотъ можетъ имѣть терпимость въ отношеніи къ другимъ мнѣніямъ, кто знаетъ, что его убѣжденіе получено на основаніи критики, должно быть постоянно провѣряемо, и можетъ, какъ всякое естественное человѣческое знаніе, всегда допускать исправленіе. Но это точка зрѣнія науки, а не религии. Унитаризмъ былъ естественнымъ врагомъ протестантизма, потому что онъ допускалъ возможности коснуться до самыхъ основныхъ догматовъ христіанства, и его послѣдователей можно назвать христіанами лишь по имени. Допустить критику унитарьянъ, значило допустить, что критика есть единственное орудіе мысли для полученія истины, что мысль человѣка есть высшій авторитетъ, то-есть допустить для области религіи то, что едва допускали въ области почитанія человѣческихъ авторитетовъ школы. Протестантизмъ, какъ элементъ реакціонный, этого допустить не могъ, и долженъ былъ бороться на смерть съ унитаризмомъ. Кальвинъ былъ лишь послѣдовательнѣйшимъ изъ протестантскихъ проповѣдниковъ, и обстоятельства были для него удобнѣе. Оттого онъ пришелъ къ теократіи, къ инквизиціи, къ казнямъ.

Пока, такимъ образомъ, протестантизмъ логически шелъ къ своимъ выводамъ, католицизмъ, озадаченный бурей, противу него подымавшейся, быстро вызывалъ изъ своей среды тѣ могущественныя орудія, которыя должны были обновить его внѣшнія формы. Его крѣпкая организація, несмотря на упадокъ внутренняго содержанія, давала ему еще много средствъ бороться.

На папскомъ престолѣ сидѣлъ въ это время Павелъ III Фарнезе (1534—1544), одинъ изъ тѣхъ свѣтскихъ папъ прежняго періода, для которыхъ возвышеніе родственниковъ, великолѣпная постройка и политическіе вопросы были единственнымъ важнымъ дѣломъ. При немъ Фарнезе сдѣлался однимъ изъ княжескихъ дѣмовъ Италіи; Парма и Пьяченца страдали отъ тираніи его сына. При немъ Микель-Анджело кончилъ свою громадную фреску

страшнаго суда (1541) и взялъ въ свои руки работы по постройкѣ собора Св. Петра, работы, завершившія жизнь великаго художника († 1564), который, въ своихъ стихотвореніяхъ, высказалъ болѣе патриотизма, чѣмъ современныя ему самыя блестящія представители итальянской литературы. При Павлѣ III выступилъ въ рядъ знаменитѣйшихъ художниковъ Италіи и Бенвенуто Челлини (1500—1570), которому пришлось посидѣть, по волѣ папы, въ крѣпости Св. Ангела, откуда онъ бѣжалъ во Францію. Но несмотря на свѣтскія стремленія Павла III, опасность, грозившая католицизму, была такъ замѣтна, что онъ невольно сдѣлался орудіемъ партій, направлявшихъ папство на прежній путь Григоріевъ и Инноцентіевъ. Около него собралась коммиссія, гдѣ фанатическій Караффа, ципероніанецъ Садоletz и другіе, столь смѣло высказали (1538) мнѣніе о разстройствѣ церкви, что это рѣшеніе кардиналовъ пришлось чрезъ 20 лѣтъ помѣстить въ Индексъ. Всѣхъ дѣятельнѣе и энергичнѣе для возрожденія католицизма дѣйствовалъ кардиналъ Караффа, основатель ордена театинцевъ (1524); подъ его вліяніемъ папа учредилъ во всей Италіи инквизицію (1542), устроивъ главный центръ ея въ Римѣ. Именно съ этого времени начинается окончательное паденіе итальянскаго гуманизма, о которомъ мы говорили выше, и ослабленіе преподаванія въ итальянскихъ университетахъ, такъ-какъ свобода слова и мысли стала опасностью; это же энергическое орудіе въ рукахъ Караффы истребило протестантизмъ въ Италіи, имѣвшій уже не мало послѣдователей.

Но самое важное орудіе возрожденія католицизма заключалось въ новыхъ дуковныхъ орденахъ, основанныхъ около этого времени. Въ 1525 г. отдѣлились отъ францисканцевъ капуцины. Это отдѣленіе произошло, повидному, лишь по вопросу о формѣ капуды (копца) на монашеской рясѣ; но въ сущности, это было возрожденіе нищенствующихъ орденовъ, сослужившихъ такую важную службу папству въ XIII-мъ вѣкѣ. Но теперь папство не смотрѣло уже неодобрительно на ихъ отрппаніе собственности и всей блестящей вышности католицизма, какъ бы на укоръ своей свѣтскости. У него были другіе, болѣе опасные враги, и оно предоставило капуцинамъ оставаться босоногими, грязными и нищими, чтобы воспользоваться вполне тѣмъ вліяніемъ, которое всегда аскетизмъ и лишенія производятъ на нищую и неразвитую массу. Прошло время, когда нищенствующие ордена могли выставять соперниковъ папской власти въ ученыхъ профессорахъ, собиравшихъ около себя десятки тысячъ слушателей и служившихъ умственною поддержкою свѣтской власти королей и императоровъ. Враждебная папству наука воспользоулась

изъ рукъ монаховъ: враждебные имъ богословы были протестанты, враждебные имъ философы были свѣтскіе гуманисты, а вскорѣ получили возможность опереться на болѣе прочное основаніе, на науку природы. Капуцины могли сдѣлаться лишь орудіями, а не противниками папства.

Какъ грубая проповѣдь и аскетическая внѣшность капуциновъ были направлены на простонародье, такъ, для завоеваній въ средѣ цивилизованнаго меньшинства, католицизмъ выдвинулъ въ эту эпоху самыхъ энергическихъ своихъ защитниковъ, которые должны были столь же ошутительно доказать мыслящему человечеству, какія силы лежатъ въ сущности новаго католицизма, какъ строй Женевы при Кальвинѣ долженъ былъ доказать ему, въ чемъ сущность протестантизма. Мы говоримъ о іезуитахъ, для которыхъ монашескій донъ-Кихотъ, донъ-Иниго Лопезъ де-Реваде или Игнатій Лойола (1491—1556) получилъ въ 1540 г. утвержденіе отъ папы. Если его товарищу и наслѣднику, Лайнесу, принадлежитъ организація ордена въ самое могущественное орудіе для противодѣйствія человѣческому развитію, то основатель іезуитовъ уже далъ въ своихъ *утраченіяхъ* самый искусный способъ, какъ педагогически развивать въ личностяхъ помѣшательство. Они доводили человѣка методически до той мысли, которую желательно внушить помѣшанному; они доводили пациента до пункта, гдѣ фантастическое на столько сдѣлается съ реальнымъ, что личность дѣлается вполне орудіемъ въ рукахъ человѣка, ее направляющаго, но фантастическіе образы не получаютъ еще того преобладающаго значенія, которое создаетъ изъ сумасшедшаго возую, самостоятельную личность. Полупомѣшанный установилъ теорію, какъ дѣлать другихъ столь же помѣшанными, какъ онъ самъ, и систематически противопоставить армію людей безъ критической мысли новому міру, который собираетъ всюду внести критику. Въ то время, какъ Лойола устанавливалъ орденъ іезуитовъ въ Европѣ, самоотверженная миссія Ксавера, врожденіе десяти лѣтъ (1542—1552) проповѣдывавшаго христіанство въ Азіи, облакала этотъ орденъ ореоломъ апостольскаго подвижничества.

Значеніе іезуитовъ, какъ безусловныхъ защитниковъ папства, проявилось уже въ первый періодъ—засѣданій тридентскаго собора (1545—1547). Всѣ бури, заботы, колебанія и случайности эпохи отражались на этомъ собраніи, которое должно было столько разъ измѣнить свой характеръ. Доминиканцы спорили съ францисканцами о схоластическихъ догматахъ; епископы пробовали отстаивать свое божественное право противу мысли о томъ, что они делегаты папы; императоръ хотѣлъ употребить соборъ

для политическихъ цѣлей, папа — для іерархическихъ; догматы католицизма, въ виду протестантскаго отпаденія, устанавливались съ ббльшею опредѣленностью, и давали еще менѣе, чѣмъ когда-либо, свободы личному убѣжденію и мѣстнымъ потребностямъ. Но между тѣмъ, какъ эти различныя силы боролись за свои спеціальныя стремленія, ходъ засѣданій собора опредѣлялся теченіемъ внѣшнихъ политическихъ событій.

Взаимно обманывая другъ друга разсчитанными любезностями, Францискъ и Карлъ дошли до новой войны (1542 — 1544), во время которой императоръ и король англійскій собирались уже раздѣлить Францію, между тѣмъ какъ христіаннѣйшій король не только ссылаясь съ протестантами за границей, востребляя у себя еретиковъ огнемъ и мечемъ, но прямо призывалъ турокъ разорвать христіанскіе города. Тѣмъ не менѣе война кончилась лишь страшнымъ разореніемъ народа, увеличеніемъ налоговъ, которые вызывали даже возмущенія (въ Ла-Рошелѣ 1542), и новыми лицемерными любезностями. Истощенный развратомъ, Францискъ передалъ корону (1547) еще богѣ ничтожной личности, Генриху II (1547 — 1559). На мѣсто всемогущей герцогини д'Этампъ стала руководить дѣлами Диана Пуатье, герцогиня Валентинуа, бывшая 20-ю годами старше своего любовника и заподозрѣнная историками въ томъ, что она была одною изъ жертвъ сластолюбія Франциска. Ея помощникомъ былъ гордый и кровожадный интриганъ, коннетабль Аннъ де-Монморанси. Оба они были ревностные католики, и казни протестантовъ умножились. Притѣсненія народа вызвали возстанія, подавленные въ крови возмущившихся. Они вызвали (1548) * и знаменитое произведеніе друга Монтена, Ла-Бовѣи «Le contr'un ou de la servitude volontaire», гдѣ высказана революціонная мысль, что рабское чувство народовъ обращаетъ ихъ въ рабство и ихъ трусость составляетъ силу дурныхъ монарховъ; для того, чтобы быть свободными, имъ достаточно не поддерживать власти. Тяжесть общественнаго положенія вызвала въ то же время и другое сочиненіе, важное потому, что указывало ходъ общественной мысли. Это «Agréts gouaux» (1556) Рауля Снифама, гдѣ предлагается полная реформа общества: налогъ на доходы, секуляризація духовныхъ земель, переплавка колоколовъ въ орудія и монету, начало новаго года съ 1-го января, доставленіе въ публичныя бібліотеки по экземпляру всѣхъ появ-

* Согласно Де-Ту и большинству біографовъ, между прочимъ, Фѣжаръ (Féjard). Впрочемъ, Пайенъ въ своей біографіи (1858) доказываетъ, что сочиненіе Ла-Бовѣи написано 1546 г., когда ему было 16 лѣтъ.

лящихся сочиненій, надворъ за нездоровыми жилищами, защита бѣдныхъ классовъ отъ богатыхъ и т. п.

Двумя мѣсяцами ранѣ Франциска умеръ Генрихъ VIII (1547). Онъ казнилъ двухъ женъ и едва не казнилъ еще одну (шестую). Шестъ пунктовъ догмата, имъ установленнаго (1539), вызывали безпрестанныя казни искреннихъ католиковъ и протестантовъ. Парламентъ былъ одинаково готовъ признать дочерей короля незаконными, какъ и способными наследовать престолъ Англіи. Лестцы, подобныя Кромвелю и Норфольку, были столь же близки къ эшафоту, какъ смѣлые противники деспотизма монарха. Кромвель былъ казнень (1540); Норфолькъ не могъ спастись отъ осужденія на смерть, даже обвинивъ своего сына, поэта Соррея (Surgey). Сына казнили, но смерть короля спасла отца. Царствованіе Эдуарда VI (1547—1553) представляло лишь рядъ интригъ со стороны партій, желавшихъ управлять именемъ молодого короля. Если герцогу Нортумберландскому (Царвину) удалось низложить (1549) и возвести на эшафотъ (1552) протектора, опекуна и дядю короля, герцога Сомерсета, то они оба одинаково притѣснили и разорили народъ, послали на казнь иновѣрцевъ и требовали подчиненія всѣхъ англичанъ, начиная съ принцессы Маріи, молитвеннику, установленному парламентскими актами о единообразіи (1549—1552). Эдуардъ, несмотря на свои молодые годы, былъ ревностнымъ преслѣдователемъ иновѣрцевъ, и это побудило его предъ смертью, по совету герцога Нортумберландскаго, измѣнить законъ о престолонаслѣдіи, установленный его отцомъ, отстранить католичку Марію и назначить наследницею свою двоюродную племянницу, Дженъ Грей. Но она не удержалась, и Маріа (1553—1558) ввела ее на эшафотъ.

Въ Германіи на шпейерскомъ сеймѣ (1544) протестанты впервые получили юридическія права на существованіе, пока императоръ скрывалъ свои планы. Но еще ранѣ смерти Франциска и Генриха, Карлъ рѣшился нанести давно изготовляемый ударъ протестантскимъ князьямъ, въ которыхъ видѣлъ столько же политическихъ, какъ и религіозныхъ враговъ. Морицъ Саксонскій перешелъ на сторону императора. Побѣда при Мюльбергѣ (1547) окончила шмалькальденскую войну и отдала въ руки Карла обояхъ вождей нѣмецкаго лютеранства; но въ то самое время, когда оружіе католицизма торжествовало надъ еретиками, глава католицизма, испуганный увеличеніемъ могущества императора, и боясь почувствовать его вліяніе, перевелъ соборъ въ Болонью (1547) и неслась союза Франціи.

Недовольный императоръ предпринималъ своими средствами, для

Германіи, совершить дѣло собора, именно найти примирительные пункты, къ которымъ бы могли примкнуть враждующія религиозныя партіи. Конечно, эти пункты устанавливались временно (interim) до окончанія собора. Германскіе князья позволютъ согласились на это средство. Но явились и примирительные богословы обѣихъ партій для этого дѣла. Гуманность и приверженецъ Эразма Пфлугъ, епископъ наумбургскій, склонилъ къ уступкамъ въ Аугсбургѣ (1548) свѣнкъ товарищей обѣихъ исповѣданій. Въ Лейпцигѣ, подъ вліяніемъ новаго курфюрста, Морица, Меланхтонъ и другіе согласились (1548) также на примирительные пункты, нѣсколько болѣе близкіе къ лютеранству. Оба *интерима* были основаны на томъ, что самыя ягучія спорныя положенія были выражены такъ неясно, что допускали противоположныя толкованія, или были объявлены невѣдущими значенія для истинной вѣры (одиафорами). Съ этихъ интеримовъ начался длинный рядъ попытокъ согласить католицизмъ съ протестантизмомъ, при чемъ люди, дѣлавшіе эти попытки, весьма добросовѣстно предполагали, что вопросы, несваженные для нихъ, будутъ столь же маловажны въ глазахъ массы вѣрующихъ. Но уже въ XVI вѣкѣ рѣзко проявилось раздѣленіе въ области культуры и мысли между цивилизованнымъ меньшинствомъ и большинствомъ общества, раздѣленіе, составляющее одно изъ самыхъ большихъ затрудненій въ развитіи Европы. Это раздѣленіе имѣло однакъ и тотъ же результатъ тогда, какъ и впоследствии: столь витанныя вещи, какъ религія, связаны со множествомъ традиціонныхъ, культурныхъ привычекъ и живыхъ, раздражительныхъ вопросовъ современности, а потому въ ней мысль немногихъ личностей никогда не могла быть мѣркою для большинства. Чѣмъ выше было развитіе этихъ личностей и чѣмъ менѣе онѣ подчинялись раздражающему вліянію жизненныхъ столбовеній, тѣмъ менѣе имъ было вонятно жаркое упорство людей, болѣе узкихъ мыслию, и болѣе доступныхъ волненію минуты. Примиреніе для враждующихъ религиозныхъ партій возможно лишь тогда, когда цивилизація, въ своемъ примирительномъ ходѣ, обращаетъ интересъ людей на другія, болѣе человѣчныя задачи, отодвигая прежніе сектаторскіе вопросы всебже на второй планъ, т.-е. когда образуется новое раздѣленіе вѣрующихъ на секты. Это явленіе происходило въ Европѣ постепенно; оно не совершилось окончательно и до нашего времени. Оттого находились люди, которые старались о соединеніи, и готовы были на уступку, между тѣмъ какъ около нихъ большинство видѣло измѣну слѣтнѣ вѣры во всякой попыткѣ къ уступкамъ. Оттого и оба интерима имѣли слѣдствиемъ лишь самыя жестокіе споры въ средѣ

самых историков, о чем было сказано выше, и навлекли на Агриолу и Меланхтона съ ихъ приверженцами желчны обвиненія, за участіе въ составленіи интеримовъ.

Но Павелъ III умеръ, не уступивъ побѣдоносному императору и не переведа слова собора въ Триентъ. Юлій III (1550—1555) повтореніемъ сдѣлать это, но и этотъ послѣдній представитель палъ періода возрожденія, занятый гораздо болѣе своими личными дѣлами, чѣмъ дѣлами церкви, долженъ былъ подчиниться влеченіямъ новаго времени. Иезуиты основали центральную школу своего ордена въ Римѣ (Collegium Romanorum, 1550), получили (1552) право основывать всюду школы и коллегіи, и давать академическія званія, и въ томъ же году получила начало ихъ римская коллегія для обращенія Германіи (Collegium germanicum, 1552). Они преобладали въ вѣнскомъ университетѣ, дѣйствовали въ Кельнѣ и Ингольштадтѣ, вызывали беспорядки и просьбы объ ихъ удаленіи въ Португалію, побуждали испанцевъ-доминиканцевъ видѣть въ нихъ предшественниковъ антихриста. Французскій король вступилъ въ союзъ съ протестантскими князьями, и въ ряду противниковъ, вызванныхъ преобладаніемъ Карла, былъ Морицъ, поставленный имъ такъ высоко. Внезапно императоръ увидѣлъ себя окруженнымъ врагами. Интерими были отменены, и хотя Морицъ палъ въ битвѣ (1553), но аугсбургскій религиозный миръ (1555) былъ важнымъ фактомъ въ европейской цивилизаціи. Въ противоположность невозможному идеалу религиознаго единства, онъ ставилъ положенія о раздѣльности государственныхъ интересовъ отъ религиозныхъ. Религиозное различіе не должно было мѣшать миру между разновѣрцами. Еретическія государства получали право на существованіе. Конечно, все это было еще далеко отъ мысли о свободѣ совѣсти, о религіи, какъ правѣ личнаго убѣжденія. Въ XVI-мъ вѣкѣ въ возрастаніи находился идеалъ самодержавія государей и централизаціи всѣхъ политическихъ функцій въ одной личности. Въ пользу этого идеала выпали и постановленія аугсбургскаго мира. *Государи* могли свободно выбирать религію, и въ странахъ, гдѣ государи приняли протестантизмъ, подданные могли его исповѣдывать; но никто не могъ мѣшать государю-католику не допускать въ своихъ земляхъ ересь, и требовать выселенія еретиковъ. Лишь привычная оппозиція противу духовенства оградила подданныхъ духовныхъ курфюрстовъ и владѣтелей отъ преслѣдованія. Аугсбургскій миръ былъ торжествомъ не свободы совѣсти, но государственнаго принципа надъ религиозною нетерпимостью. Фактъ разновѣрныхъ государствъ въ одной политической системѣ былъ узаконенъ.

Уже въ этихъ послѣднихъ дѣйствіяхъ представителямъ католическихъ интересовъ былъ не Карлъ, а братъ его Фердинандъ. Предпріятія Карла противу Франціи, какъ противу германскихъ князей, кончались неудачно, и утомленный владѣтель 'столеныхъ воровъ' сѣвннлъ сломить ихъ съ себя (1556), чтобы удалиться въ монастырь Св. Юста, откуда, впрочемъ, продолжалъ оказывать вліяніе на политическія дѣла († 1558). Если современный мыслитель захотѣлъ бы оцѣнить въ исторіи послѣдующаго времени слѣды громкой дѣятельности государя, господствовавшаго впродолженіе 40 лѣтъ отъ Тизаго океана до Дуная и постоянно направившаго всѣ силы своихъ государствъ въ достиженію опредѣленныхъ цѣлей честолюбія, то слѣды этотъ окажется крайне жалкимъ. Изъ дѣятельности Карла замѣтно до сихъ поръ лишь разрушеніе политической жизни въ Испаніи, да еще память Карла неразрывно связана съ картинами Тиціано Вечелли (1477—1576), самаго вѣрнаго и преданнаго ему художника, представителя венеціанской школы живописцевъ съ ея блестящимъ колоритомъ. Протестантское движеніе въ его могущество и въ его слабости, обновленіе католицизма подъ вліяніемъ іезуитизма, возвышеніе Франціи и Англіи въ политической системѣ Европы, научныя завоеванія, промышленный переворотъ—все это совершилось рядомъ съ нимъ, мимо его воли, безъ его вліянія. Даже расширеніе могущества турокъ остановлено не имъ, хотя онъ употреблялъ на это значительныя усилія.

Съ 1554 г. синь Карла, Филиппъ, былъ мужемъ королевы Англіи, которая выросла въ католическомъ фанатизмѣ и дѣвнла, по собственнымъ словамъ, спасеніе своей души выне десяти королевствъ, подобныхъ Англіи. Невзбѣжно начался гоненіи. Эмигранты хлынули на материкъ. Краймеръ, умѣвшій угодить Генриху, взомель на костеръ (1556), точно также какъ Латмеръ (1555) и много другихъ епископовъ. Сомерничеству съ Испаніей, англійскіе духовные суди казнили до 300 еретиковъ въ пятилѣтнее царствованіе *красной* Маріи. Парламентъ, утвердившій въ 1552 г. новое исповѣданіе, съ такою же готовностью изъявилъ въ 1554 г. сожалѣніе объ отдѣленіи отъ апостольской церкви, и Юлія III, дѣлавшій кардиналомъ 16-лѣтняго вожака обевьянъ, могъ сказать, что онъ очень счастливъ, когда англичане его благодарятъ за то, за что онъ самъ долженъ бы ихъ благодарить. Какъ только Филиппъ сдѣлался королемъ, война съ Франціей возобновилась (1556—1559), и Маріи соединила оружіе Англіи съ оружіемъ муша. Но Англія платалась за это своимъ послѣднимъ владѣніемъ на материкѣ; именно Кале, остатокъ завоеваній Эдуарда III и Генриха V, былъ взятъ Гизомъ

(1556), тогда как Испанія по миру въ Като-Камбреси (1559) отнимала у Франціи почти всё прежніе ея приобретенія, «состоит третья королевства», говорит Монпелье. Въ то самое время, когда Генрихъ II собирался ввести во Франціи инквизицію и употребить самыя энергическія средства для истребленія ереси въ королевствѣ, конь Монгомери на турнирѣ передало власть въ руки вдовы Генриха, Катерины Медичи (1559). Если Филиппъ приобрѣталъ въ ней союзницу своимъ планамъ, то онъ за годъ предъ тѣмъ потерялъ болѣе вѣрную союзницу въ женѣ († 1558), и эта потеря была тѣмъ важнѣе, что Марію замѣнила на англійскомъ престолѣ Елизавета.

Со смертью Юлія III-го католическая реакція достигла, наконецъ, папскаго престола. Если Марцель II-й (1555) едва успѣлъ промелькнуть на этомъ престолѣ, то уже самое его избраніе указывало на новыя характеры въ конклавѣ. Это стало еще болѣе поразительно, когда наследникомъ Марцела явился, подъ именемъ Павла IV-го (1555—1559), тотъ самый Караффа, который раздавилъ протестантизмъ въ Италіи и былъ однимъ изъ самыхъ энергическихъ дѣятелей католическаго возрожденія. Какъ основатель театиновъ и человекъ со своимъ особеннымъ пониманіемъ обновленія католицизма, онъ столь же мало любилъ іезуитовъ, какъ и Филиппъ II-й. Тѣмъ не менѣе, именно при немъ іезуитизмъ организовался окончательно, когда генераломъ ордена сдѣлался, по смерти Лойолы, Лайнесъ (1558—1565). Въ годъ смерти Лойолы, іезуиты дѣйствовали уже на 13-ть провинцій, изъ которыхъ 7 находились на Пиринейскомъ полуостровѣ, 3 въ Италіи, одна во Франціи и 2 въ Германіи. Пожизненный генералъ ордена былъ представитель Бога для членовъ ордена, какъ папа представитель Бога для всякаго католика, и безусловное повиновеніе генералу сдѣлало изъ этихъ монаховъ, вынужденныхъ съ дѣтства, самую энергическую армію. Какъ трупы въ рукахъ начальнива, судя о добрѣ и злѣ сообразно требованію начальника, они пошли на свой тройной трудъ: внутренней миссіи среди католицизма, обращенія христіанскихъ неверующихъ, обращенія язычниковъ. Сущность религіи, какъ глубокаго убѣжденія, исчезла въ этой дѣятельности предъ пламеннымъ желаніемъ торжества тому, что несло названіе религіи. Когда предъ лицомъ духовника-іезуита можно было оправдать всякое дѣйствіе на основаніи *пробабилитизма*, то-есть на основаніи цитаты какаго-либо авторитета, тогда религія потеряла всякое значеніе, какъ нравственно-обязательное ученіе. Когда предосудительное дѣйствіе, по методу направленія намѣренія (*methodus dirigendae intentionis*), могло быть совершено, если въ виду имѣ-

дѣль не грѣшная, но похвальная дѣль, то самый безобразный фанатизмъ былъ оправданъ. Когда ограниченіе въ мысли (*restrictio* или *reservatio mentalis*) дозволяло общать съ дѣлью не сдерживать обѣщанія въ той формѣ, какъ оно было дано, тогда всякая возможность общественныхъ сношеній исчезла. Понятно, что личности и общества, съ наибольшою терпимостью относившіяся къ чужимъ религіознымъ убѣжденіямъ, относились иногда враждебно къ иезуитамъ, которые, во имя самихъ основныхъ своихъ учрежденій, отказывались отъ всего, что составляло нравственное достоинство человѣка: отъ личнаго убѣжденія, отъ уваженія къ своему слову, отъ уваженія къ своему дѣльству. Конечно, католицизмъ въ его дѣльомъ столь же мало можетъ быть отождествленъ съ иезуитизмомъ въ его крайнихъ представителяхъ, какъ протестантизмъ въ его дѣльомъ можетъ быть отождествленъ съ инквизиціонною теократіею Кальвина въ Женевѣ. Но иезуиты ввели логическіе результаты католическаго строя въ минуту борьбы съ опасными врагами, какъ Кальвинъ вывелъ результаты религіознаго одушевленія протестантизма. Когда высшая премудрость и справедливость предполагается воплощеною въ одну личность, то совершенно логично для этой личности перестроить правила нравственности согласно своимъ видамъ; совершенно логично для вѣрующихъ въ эту личность принять мѣры для систематическаго отупленія молодежи, для подчиненія себѣ ея мысли и ея воли, и для употребленія этихъ «живыхъ труповъ» на подорваніе всѣхъ общественныхъ связей, непокорныхъ идеѣ, одушевляющей вѣрующихъ. Первый шагъ въ борьбѣ вѣрующихъ съ враждебнымъ міромъ, былъ безбрачіе и аскетизмъ монашества; второй — безбрачіе духовенства вообще; третій — инквизиція; четвертый — иезуитизмъ. По мѣрѣ того, какъ опасность увеличивалась, а вѣра въ неизбежное торжество уменьшалась, средства дѣльались лишь болѣе и болѣе энергичными, но сущность этихъ средствъ была одна и та же: для высшей религіозной дѣльи, вѣрующій долженъ подавить въ себѣ все, что дѣльно для личности: мірскіе интересы, плотскую любовь, чело- вѣчность, наконецъ, личное достоинство. Исторія иезуитовъ доказала, что это ученіе не осталось въ книгахъ, а перешло въ жизнь. Однако, какъ ни сильна была ихъ организація, природа чело- вѣческая была достаточно энергична, чтобы эта организація не побѣдила Европы. Даже знаменитое иезуитское воспитаніе весьма скоро привело лишь къ тому, что изъ иезуитскихъ школъ стали выходить самые опасные враги католицизма. Впрочемъ, организація иезуитскихъ школъ принадлежитъ послѣдующей эпохѣ.

Правленіе Караффы замѣчательно и въ другомъ отношеніи.

Ревностный до фанатизма, приверженец очищенія католицизма отъ всѣхъ его свѣтскихъ наростовъ, онъ былъ въ то же время горячимъ итальянскимъ патриотомъ. Ненависть къ испанскому владычеству въ Италіи была одною изъ самыхъ основныхъ чертъ его страстной природы. Столкновение этихъ двухъ страстей составляло драматическую особенность его жизни. Конечно, никто въ Европѣ не былъ въ эту эпоху столь ревностнымъ католикомъ, какъ Филиппъ II-й; никто не могъ и не желалъ сдѣлать столько для очищенія католицизма и для подавленія ереси. Но онъ-то именно, какъ король испанскій, былъ врагомъ самостоятельности Италіи, и въ немъ видѣлъ Павелъ IV самаго ненавистнаго противника; ему искалъ папа всюду соперниковъ. Во имя этой вражды папа призвалъ къ себѣ еретиковъ-протестантовъ, чтобы ихъ противопоставить ревностнымъ католикамъ войска герцога Альбы. Во имя ея же Караффа, врагъ всѣхъ прежнихъ злоупотребленій папскаго nepотизма, довелъ могущество своихъ презрѣнныхъ племянниковъ до такой высоты и до такихъ злоупотребленій, какимъ мало было примѣровъ даже въ предшествующія правленія папъ. Никогда внутренняя лживость увлеченія религиозными девизами, которые вызвали кровавыя войны и безчеловѣчныя казни въ тогдашней Европѣ, не была такъ очевидна, какъ въ этой борьбѣ: неутомимый Альба, трепетавшій отъ мысли о папѣ, когда ничто не заставляло его дрожать, все-таки осаждалъ Римъ, и, цалуя съ умилениемъ туфлю нобѣжденнаго первосвященника, употреблялъ всѣ усилія, чтобы ослабить его могущество; фанатикъ папа называлъ ангелами, пришедшими съ неба, войска протестантовъ, шедшихъ на помощь Риму, и давалъ своимъ племянникамъ грабить народъ; протестанты ландскнехты и протестанты швейцарцы бились за господство католическаго короля Испаніи въ Италіи и за папу римскаго. Павелъ IV-й въ этомъ столкновении увидѣлъ, что всѣ его планы разрушены. Ему пришлось подчиниться господству испанцевъ въ Италіи. Ему пришлось сознаться предъ священною коллегіею, что онъ самъ допущалъ жестокія злоупотребленія въ церкви. Онъ изгналъ свою родню, и его племянники были казнены при его наслѣдникѣ, такъ что Караффа были послѣднимъ княжескимъ домомъ въ Италіи, возвысившимся чрезъ родство съ римскими первосвященниками. Неудача Павла IV окончила и рядъ попытокъ папъ приобрести европейское политическое вліяніе. Съ тѣхъ поръ имъ пришлось ограничиться государственными значеніемъ въ сферѣ своихъ владѣній и лишь духовнымъ вліяніемъ въ остальномъ католическомъ мірѣ. Средневѣковой идеаль папы, повелителя государей, погибъ навсегда.

Изъ предъидущаго видно, что вопросъ о реформѣ церкви, такъ долго занимавшій средневѣковыхъ мыслителей, привелъ въ своихъ двухъ отрасляхъ въ печальнымъ результатамъ: реформаторы, отдѣлившись отъ прежней церкви, впади въ схоластическіе споры о тонкостяхъ, недостаточныхъ пониманіи, и вернулись къ теократіи со всѣми ужасами инквизиціи; консерваторы создали для борьбы противъ новизны орудіе, которое искувало даже приверженцевъ старой церкви своимъ губительнымъ дѣйствіемъ. Требования истины и справедливости не были удовлетворены ни тамъ, ни здѣсь. Для мыслящихъ людей обѣ партіи могли представить интересъ лишь тѣмъ, что могли служить опорой для борьбы за какія-либо человѣчныя начала противъ другихъ преобладающихъ эгоистическихъ элементовъ.

Именно, какъ мы видѣли, былъ одинъ элементъ, который уже въ Шпейерѣ, а еще рѣшительнѣе въ Аугсбургѣ 1555 г. противопоставилъ религіозному вопросу себя, какъ элементъ высшій. Это былъ элементъ государственній. Въ XVI-мъ вѣкѣ онъ сливался съ личностью государей, и религіозныя партіи, для усильной полемики противъ этого господствующаго надъ ними начала, не могли найти лучшаго орудія, какъ подвергнуть помянутое о государствѣ болѣе тщательной критикѣ. Ихъ давили господствующія личности государей; имъ пришлось полемизировать съ точки зрѣнія народовластиа. Такимъ образомъ религіозная борьба дала поводъ къ обороту мысли довольно революціоннаго характера. Это случилось особенно со стороны протестантовъ, такъ-какъ ихъ наиболѣе притѣсняли. Не вовсе не должно думать, какъ думаютъ до сихъ поръ многіе писатели, что существовала кака-нибудь логическая связь между реформаціею и политическимъ либерализмомъ. *Логической* связи между ними не было, и быть не могло, но произошла связь *историческая*, именно сближеніе интересовъ двухъ, *совершенно различныхъ* партій, хотя стремленія одной изъ нихъ принадлежали *только* прошедшему, а другой — будущему. Догматы реформаціи ничего не имѣли общаго съ политикою, и реформація сдѣлалась случайнымъ орудіемъ либерализма, лишь потому, что реформаторы притѣсняли государя, стремившіеся къ неограниченной власти. Этотъ новоротъ въ реформаціонномъ движеніи, совершившіеся именно въ свѣтъ, принадлежалъ къ женовскому индивидуизму деспотнаму, придавъ кальвинизму историческое значеніе, второго самъ по себѣ кальвинизмъ не имѣлъ. Этотъ новоротъ принадлежитъ слѣдующей эпохѣ.

Гуманизмъ, осуществившій средневѣковое желаніе узнать древность, скоро, какъ мы видѣли, окончилъ свою роль. Соперникъ

ность ему явились национальная литература. Италия имѣла уже въ прошедшемъ образцы формы, которые своею красотой подавали современность. Если средневѣковое величіе Данте единично отходило отъ задачъ этого періода, то его лирика опредѣлялась традиціею Петрарки, его литература новеллы—Декамеронъ, его шуточная эпика—Роландомъ. Последний, какъ самая свѣжая слава, оказывалъ и самое значительное вліяніе на рассматриваемую эпоху. Но подражатели Аріосто не имѣютъ даже его оригинальности въ частностяхъ. И «Влюбленный Роландъ» Верви (1541) и «Джироне» Аламани, и «Амадисъ», (1559) Бернардо Тассо суть лишь передѣлки готоваго матеріала. Ни духовные стихи Викторіи Калонни (1548), ни патристическая лирика изгнанника Аламани († 1556) и писца Джудичони († 1541) не могутъ быть причислены къ первостепеннымъ произведеніямъ. Количество стихотворцевъ этого времени, вслѣдствіе обработки стиха предшествующими писателями, было уже такъ велико, что въ 1559 г. издано собраніе стихотвореній 50 дамъ (*pubblicissime e virtuosissime Donne*). Изъ многочисленныхъ итальянскихъ сатириковъ упомянемъ въ особенности Пьетро Аретино (1492—1557), одну изъ самыхъ характеристическихъ личностей для рассматриваемаго времени. Одаренный замѣчательнымъ талантомъ, остроуміемъ и пониманіемъ, онъ былъ лучшимъ драматическимъ писателемъ своего времени, какъ въ своей трагедіи, такъ и въ своихъ комедіяхъ, которыя можно поставить рядомъ съ комедіями Маккиавелли. Онъ умѣлъ понять, что литература, при содѣйствіи книгопечатанія, есть сила, предъ которою могутъ трепетать самыя могучія власти, и что унылый литераторъ, вооруженный своимъ перомъ, занимаетъ экономическое и общественное положеніе, достаточно выгодное, чтобы не нуждаться въ постоянныхъ покровителяхъ, не закабалить себя въ какую либо партію и стоять независимымъ дѣятелемъ во имя правды вѣсь всякихъ личныхъ партій. И Аретино достигъ этого независимаго положенія. Императоры, короли, папы, герцоги осыпали подарками и почестями этого незаконнорожденнаго литератора; онъ чуть-чуть не попалъ въ кардиналы; онъ гордо рассматривалъ государемъ медаль съ своимъ изображеніемъ и съ подписью *il divino Aricino*. Этому неуксусству подчинить себя, во имя ума и таланта, всѣ общественныя власти, надо, кажется, приписать то вниманіе, которымъ пользовался Пьетро Аретино въ кругу современниковъ и художниковъ, заслужившихъ уваженіе какъ личности, вниманіе, доказываемое его обильною перепискою. Во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, это былъ самый презрѣнный человѣкъ. Едва-ли кто соединялъ такой бле-

стиль и разнообразный талант, какъ Аретино, съ такимъ критическимъ пренебреженіемъ къ самымъ элементарнымъ требованіямъ самоуваженія. Онъ употреблялъ литературу, какъ безразличное оружіе, для всякой лести и для всякой клеветы; для провозглашенія себя свободнымъ служителемъ истины и для самыхъ грязныхъ возбужденій чувственности, невыносимыхъ даже въ *модерней* Италіи; для духовныхъ грѣшнѣй и для самаго безцеремоннаго осмѣянія всякой святости. Онъ совершенно открыто предоставлялъ свою похвалу и свое молчаніе тѣмъ, кто могъ ихъ купить, и грозилъ пасквиллами тѣмъ, кто не могъ этого сдѣлать. Свое независимое перо и богатства, имъ доставляемыя, онъ употреблялъ лишь на обжорство и на животный развратъ. Онъ не разъ подвергался жестокимъ побоямъ и рисковалъ жизнью изъ за ѣдкой сатиры; но эта сатира, всегда личная, не была проводникомъ какой либо идеи, а оружіемъ личной мести, личнаго раздраженія во имя самыхъ низкихъ побужденій. Въ Пьетро Аретино выказалось вполне могущество литературы, какъ общественаго оружія; но въ то же время и съ такою же ясностью выказалось, что нравственное достоинство литератора, а не степень его таланта, сообщаютъ литературѣ ея высокое общественное значеніе, что талантъ презрѣнной личности можетъ доставить ей вліяніе, но въ то же время унижаетъ литературу вообще, и лишаетъ ее надолго возможности дѣйствовать благотворно на общество.

Гораздо значительнѣе чѣмъ въ Италіи были явленія національной французской литературы въ эту эпоху. Мы уже упоминали выше о той партіи ея, которая, подъ вліяніемъ гуманизма, отреклась отъ формы старой французской литературы, и положила начало французскому псевдо-классицизму, долженствовавшему имѣть такую обширную будущность. Но рядомъ съ этимъ ложнымъ направленіемъ было въ разсматриваемую эпоху и другое, несравненно болѣе живое и замѣчательное, хранившее въ себѣ традиціи свободной средневѣковой новеллы и сатиры, и сливавшее эти традиціи съ новымъ матеріаломъ, доставленнымъ изученіемъ греко-латинскихъ классиковъ. Замѣчательно, что проповѣденія этой литературы стояли внѣ релігіозныхъ партій, раздѣрвавшихъ Европу, и насмѣшливо относились къ ихъ борьбѣ въ то самое время, какъ авторы не могли не терпѣть отъ нея. Подъ прямымъ вліяніемъ Лукіана писалъ Вольтеръ *Деперье* свои «*Symbalum mundi*» (1537), проникнутый элементомъ невѣрія на столько же, какъ и произведенія его первообраза. Это произведеніе, осужденное католиками и гугенотами, сожженное рукою палача, было истреблено такъ хорошо, что едва могли найти

потомъ одинъ экземпляръ для его восстановления. Авторъ, гонимый повсюду, окончилъ свою жизнь самоубійствомъ въ томъ самомъ году (1544), когда выходилъ «Второй адъ» книгопродавца Доле, гдѣ была осмѣяна французская магистратура, что повело чрезъ два года (1546) автора на костьеръ. Дѣперь оставилъ и собраніе новеллъ, появившихся одновременно (1558) съ новеллами его покровительницы, Маргариты Валуа. До самой ея смерти (1549), ея дворъ въ Неракѣ былъ убѣжищемъ многихъ гонимыхъ за вѣру или за невѣріе, и умѣренные католики, развитые гугеноты и либертины не разъ пользовались покровительствомъ сестры Франциска I, всегда остававшейся внѣ борьбы религиозныхъ партій. Конечно, на обонхъ упомянутыхъ сборникахъ новеллъ слишкомъ ясно видно вліяніе Боккачіо, которому авторы значительно уступаютъ въ талантѣ, но многочисленныя изданія обонхъ сборниковъ въ XVI-мъ вѣкѣ повазываютъ, какъ соотвѣтствовали эстетическимъ потребностямъ общества эти полусатирическіе, нѣсколько вольные, а иногда и довольно грязные, рассказы съ примѣсью нравственныхъ сентенцій.

Впрочемъ, всѣ французскія произведенія этого времени блѣднѣютъ предъ громадною эпическою сатирою Франсуа Раблэ (р. ок. 1495; † ок. 1553), гдѣ безпощадная насмѣшка гениальнаго автора поразила всѣ классы тогдашняго общества, всѣ партіи, спорившія о мечтательныхъ благахъ, когда реальныя вопросы сами собою возникали предъ обществомъ, требуя себѣ отвѣта. Раблэ не принадлежалъ ни къ какой традиціи; его Горгантуа, Пантагрюэль, Панюржъ, братъ Жанъ, и многочисленныя аллегорическія личности, оживленныя его мыслию, столь же мало восходятъ къ традиціи аллегоріи «Романа розы», какъ къ Овидію. Умъ въ высшей степени самостоятельный и творческій, онъ переработалъ въ нѣчто ему принадлежащее и античныя и средневѣковныя литературныя приемы. Безобразію схоластическаго ученія онъ противопоставилъ изученіе природы; магистратуру Франціи онъ осмѣялъ и въ лицѣ невѣжественныхъ ея представителей, и въ лицѣ кровожадныхъ рамнограбисовъ; бичу жоневскихъ инвизиторовъ, онъ столь же смѣло нарисовалъ рядъ картинъ, гдѣ католицизмъ выступалъ со всѣми каррикатурными чертами монастырскаго жизни, жирной іерархіи и обоготворенія папъ; наконецъ, въ виду безконечныхъ войнъ, вызываемыхъ хищничествомъ европейскихъ государей, прямо назвалъ подвиги Александра и Цезаря грабежомъ и разбойничествомъ, осмѣялъ героевъ-завоевателей въ картинѣ загробнаго міра и вложилъ въ уста циника Панюржа слова: «эти черти-короли, точно телята, ничего не знаютъ и ни на что не годятся, кромѣ на то,

чтобы ихъ бѣдныя подданные страдали, и чтобы свѣтъ возмущался войнами для ихъ злаго и презменнаго удовольствія». Кровавой борьбѣ мѣшай, деспотизму, пытокъ и казни Раблѣ противопоставилъ идеальный девизъ аббатства Телье: «дѣлай что хочешь», продолжая традицію вѣротерпимости, указанную Моромъ, и совершенно чуждую практикѣ общества, окружавшаго Раблѣ. Замѣчательно, что, несмотря на жестокія нападенія многочисленныхъ и ожесточенныхъ враговъ, Раблѣ удалось возмозжнть съ третьей книги «Пантагрюэля» (1546) объявить свое имя. Онъ это сдѣлалъ въ то самое время, когда заигался костеръ для Доле, который своимъ изданіемъ Пантагрюэля еще болѣе возбудилъ противъ себя неудовольствіе. Францискъ I, Генрихъ II и даже напы кровостельствовали бѣглому монаху-меднику, который дѣлалъ изъ своего Гаргантюа такого идеальнаго монарха-пастыря народа и такъ забавно рассказывалъ приключенія Панюржа. Раблѣ удалось въ фанатическое правленіе Генриха II еще издать (1453) четвертую книгу, но остальное появилось послѣ его смерти, и можетъ быть, никакое цевровительство не спасло бы автора отъ преслѣдованій за рѣзкія выходы, заключающіяся въ этой пятой книгѣ Пантагрюэля, хотя, повидимому, кое-что въ ней слѣдуетъ приписать другому перу, воспользовавшемуся тѣмъ, что Раблѣ былъ уже недоступенъ навазанію. Геніальная сатира Раблѣ, несмотря на ея многочисленныхъ хвалителей, лишь потому до сихъ поръ менѣе читается и цѣнится, чѣмъ многія другія, несравненно слабѣйшія, произведенія, что именно вслѣдъ за Раблѣ французскій литературный языкъ претерпѣлъ столь сильное измѣненіе, что современному читателю Раблѣ представляется несравненно болѣе затрудненія, чѣмъ итальянскій языкъ Данте, писавшаго за два вѣка до Раблѣ. Но «Пантагрюэль» остался не только весьма важнымъ источникомъ для мысли и культуры Франціи въ половинѣ XVI вѣка. Онъ остался и въ эстетическомъ отношеніи однимъ изъ произведеній, гдѣ богатство живыхъ типовъ и сатирическое творчество не было превзойдено ни кѣмъ ввслѣдствіи времени.

Авторъ «Пантагрюэля» былъ не только литераторъ. Въ его фантастической сатирѣ высказывается глубокая эрудиція по предмету естественнаго, показывающая, что онъ стоялъ въ уровенъ въ этомъ отношеніи съ лучшими представителями науки въ срединѣ XVI вѣка. И дѣйствительно, какъ медикъ, Раблѣ оставилъ по себѣ извѣстность: Монпелье хранило долге егѳ красное платье, въ которое долженъ былъ облачаться всякій новый бакалавръ на своемъ послѣднемъ экзаменѣ. Сохранилось также преданіе о его первомъ диспутѣ по медицинскои ботаникѣ, о его превсе-

ходномъ объясненіи Гипократа и о нѣкоторыхъ его отрицаніяхъ.

Наука, вотъ было знамя, въ которому сознательно и бессознательно примичали лучшіе умы эпохи. Гуманизмъ, какъ почитаніе древней красоты, выдыхался всюду: онъ долженъ былъ ждать оживленія въ новой формѣ отъ науки. Преобразование церкви и общества не удалось ни соборамъ, ни папамъ, ни Лютеру, ни Кальвину. Чтобы поддержать католицизмъ, соборамъ пришлось подчиниться папамъ. Чтобы остаться чѣмъ-нибудь, папамъ пришлось отказаться отъ своего гордаго идеала повелителей міра. Лютеранизмъ пришелъ къ безжизненной схоластикѣ. Кальвинизмъ пришелъ къ теократическому деспотизму. Ни въ одномъ изъ этихъ элементовъ не было *своей* жизни, богатой будущностью, и всѣхъ ихъ давило растущее преобладаніе королевской власти съ чисто-хищническими стремленіями. Невольно на смѣшка или утомленіе проврадались въ умы нѣсколько тревожные при подобномъ жалкомъ состояніи самыхъ видныхъ общественныхъ вопросовъ. Чаше и чаще обращались къ личному наблюденію, къ самостоятельной критикѣ, внѣ всѣхъ авторитетовъ. Это уже дѣлалось спокойно, безъ шарлатанскихъ замашекъ Парацельса. И результаты получались блестящія. Простой ремесленникъ, цырульникъ, крестьянинъ, нищій, опираясь на упорный трудъ, на собственное мышленіе, становились во главѣ современной науки. Громаднѣйшіе авторитеты древности: Птолемей и Галенъ, выказывались несостоятельными предъ спокойною критикою новаго времени. Великіе математики древности уступали новымъ аналитикамъ. Сознаніе собственныхъ силъ усиливалось въ Европѣ. Молодые умы обращались къ сферамъ занятій, обѣщавшимъ столько въ будущемъ. И самые представители борющихся партій начинали чувствовать необходимость опереться на эти новыя силы. Математика и естествознаніе получили видное мѣсто въ школахъ іезуитовъ, въ то время какъ кальвинизмъ, для успѣшной борьбы съ государственной властью, проникался во Францію и въ Англій началами политическими, становился знаменемъ для вопросовъ жизни. Точное знаніе природы, критика общественныхъ формъ — таково было требованіе будущаго, и потому предшественниковъ новаго времени въ эту эпоху приходится искать не на вѣстолахъ, не на кафедрахъ проповѣдниковъ, не среди художниковъ и литераторовъ, а среди скромныхъ труженниковъ науки.

Именно въ эпоху Ренессанса медицина получала значительную помощь отъ успѣховъ анатоміи. Въ Парижѣ кафедра медицины въ королевской коллегіи перешла 1550 г. отъ Гвидо Флорентійскаго

тъ Жаку Дюбуа (1478—1555), получившему европейскую известность под именем Сильвиуса. Его искусство разсѣченія труповъ и хорошая терминологія для сосудовъ и мышцъ сдѣлало его школою одною изъ первыхъ въ Европѣ. Его мысль объ инъекціи сосудовъ цвѣтными жидкостями была правильно осуществлена лишь гораздо позже. Изъ его школы вышелъ Шарль Этъенъ († 1564), сынъ Робера I и братъ Анри, известный своими изданіями анатомическихъ рисунковъ, своими трудами по анатоміи скелета и связокъ, своимъ различіемъ сѣраго мозгового вещества отъ бѣлаго и венной крови отъ артеріальной, на столько же, на сколько и французскимъ изданіемъ «*Maison rustique*». Ученикомъ Дюбуа былъ и Сервъ, о судьбѣ котораго мы говорили выше. Но самый значительный изъ его учениковъ, основатель новой анатоміи и одинъ изъ самыхъ замѣтныхъ предшественниковъ новаго времени, былъ Андрей Везалій (1514—1564).

Въ падуанскомъ университетѣ, послѣднемъ убѣжищѣ отживающаго авверонизма, вступилъ 23-лѣтній фламандецъ Андрей Везалій на кафедру анатоміи и хирургіи, которую послѣ него занимали достойные его наслѣдники, Габріэле Фаллопіо и Фабриціо Аквапенденте. Какъ и другіе, онъ началъ комментировать Галена, но чѣмъ тщательнѣе онъ его комментировалъ, тѣмъ болѣе убѣждался, что знаменитый медикъ II вѣка неточно передаетъ анатомію человѣка, что онъ разсѣзалъ не человѣка, а обезьяну. Съ четвертаго курса Везалій отрекся отъ Галена, и съ разныхъ концовъ Европы хлынули въ Падую внимательные ученики на слухъ, что молодой профессоръ, демонстрируя на трупѣ, опровергаетъ шагъ за шагомъ непркосновенный авторитетъ среднихъ вѣковъ. Везалій читалъ то въ Падуѣ, то въ Болоньѣ, то въ Пизѣ и, наконецъ, несмотря на отсвѣтыванье ученыхъ друзей, онъ издалъ въ 1543 г. свое большое сочиненіе «Объ устройствѣ человѣческаго тѣла» (*De humani corporis fabrica*), положившее начало современной анатоміи и бросившее перчатку всѣмъ рутинерамъ-поклонникамъ Галена. Располагая анатомію почти по плану Галена, Везалій въ каждомъ вопросѣ сначала излагалъ состояніе науки до него, затѣмъ собственныя наблюденія, и наконецъ дѣлалъ выводъ о настоящемъ положеніи дѣла. Онъ отвѣтилъ у Галена съ 200 невѣрностей и, несмотря на неизбѣжныя ошибки при такомъ огромномъ трудѣ, установилъ методъ и всѣ главныя основанія анатомическаго познанія человѣка, особенно въ отношеніи скелета.

Какъ и ожидали друзья Везалія, его книга вызвала самыя желчныя нападки. Смущенный многочисленностью обвиненій,

императоръ Карлъ подвергъ книгу Везалія просмотру богослововъ; въ Саламанкѣ былъ поднятъ вопросъ (1555), можно ли христіанамъ разсѣкать трупы. Везалія осыпали ругательствами его старѣющій учитель Дюбуа; но самыя сильныя возраженія пришли, какъ оно и слѣдовало, отъ анатомовъ, которые воспользовались методомъ самаго Везалія для того, чтобы подвинуть науку далѣе, и употребляли свои успѣхи, невозможные безъ труда Везалія, именно на то, чтобы унизить значеніе реформы, имъ произведенной. Личное наблюденіе при внимательномъ разсѣченіи и препарированіи труповъ, т.-е. именно методъ Везалія сдѣлался орудіемъ дальнѣйшихъ успѣховъ. Съ помощью его римскій профессоръ Бартоломео Евстахій († 1574) противопоставилъ нормальному человѣку анатоміи Везалія съ одной стороны многочисленныя индивидуальныя отклоненія строенія, съ другой стороны генетическое измѣненіе формъ при развитіи органовъ. Эта полемика дала начало изученію аномалій, эмбриологической анатоміи и сравнительной анатоміи, не говоря уже о многочисленныхъ дополненіяхъ къ анатоміи человѣка вообще. Труды Евстахія оказали бы гораздо болѣе вліянія на ходъ науки, чѣмъ они имѣли въ дѣйствительности, еслибы огромный анатомическій атласъ, изготовленный имъ уже 1552, не остался совершенно неизвѣстенъ въ продолженіе полутора вѣка. Нѣсколько мѣсяцевъ рѣзко чѣмъ другіе, напалъ на Везалія его преемникъ на падуанской кафедрѣ, Габріэле Фаллопіо († 1562); онъ, какъ пишутъ, разсѣкалъ даже живыхъ преступниковъ, осужденныхъ на смерть, и сдѣлалъ въ анатоміи многія дополненія, исправивъ недосмотры своего знаменитаго предшественника. Везалій получилъ въ Испаніи возраженія (1561) Фаллопія, и поторопился ему отвѣтить, не имѣя подъ руками даже черепа въ богомольномъ Мадридѣ Филиппа II, но возраженіе не застало уже Фаллопія въ живыхъ, и Везалій былъ приглашенъ снова на кафедру, которую занималъ въ своей молодости. Смерть вслѣдствіе кораблекрушенія помѣшала ему продолжать свои труды. Но труды этихъ трехъ великихъ анатомовъ установили науку человѣческаго строенія, и наслѣдники ихъ могли смѣло приступить къ важнѣйшимъ *физиологическимъ* задачамъ, такъ-какъ задачи *анатомическія* требовали лишь дополненія въ подробностяхъ. Ученикъ Везалія, Реальдусъ Колумбусъ оспариваетъ у несчастнаго Серве и честь открытія легочнаго кровообращенія (1559).

Рядомъ съ этими теоретиками науки, ея успѣхамъ содѣйствовалъ и великій практикъ Амбруазъ Парэ (1517—1590), вышедшій изъ лавки цырульнича въ то самое время, когда хирурги приобрѣтали во Франціи (1545) ученныя права и вытѣсняли изъ

своей среди цырульниковъ, тогда какъ въ Германіи вся хирургія была въ рукахъ цырульниковъ и нѣе зачатіе считалось безчестнымъ. Парэ сдѣлался реформаторемъ хирургіи, какъ вслѣдствіе своего открытія, что раны отъ огнестрѣльнаго оружія не ядовиты, такъ и вслѣдствіе введенной имъ перевязки артерій въ замѣнъ прижиганія при ампутаціяхъ, не говоря уже о многочисленныхъ частныхъ улучшеніяхъ, введенныхъ имъ въ хирургию. Кромѣ того, онъ, своимъ сочиненіемъ объ огнестрѣльныхъ ранахъ (1545), сдѣлался основателемъ французской научной литературы, такъ-какъ это было первое ученое сочиненіе, напечатанное на французскомъ языкѣ. Точно также его небольшая хирургія (1564) сдѣлалась руководствомъ для большинства хирурговъ и подготовила изгнаніе латинскаго языка изъ учебниковъ. Хотя Парэ, плохо образованный и мало знакомый съ литературою, относился съ крайнимъ уваженіемъ къ авторитетамъ Гипократа и Галена, но и его дѣятельность была результатомъ того самаго начала, которое должно было лечь въ основу новаго европейскаго развитія, именно результатомъ личнаго опыта и критической оцѣнки наблюдаемыхъ фактовъ.

Рядомъ съ великимъ хирургомъ, чуждымъ ученаго образованія, слѣдуетъ поставить имя другаго, еще болѣе гениальнаго его современника. Также какъ и Парэ, лишь силою своей мысли и энергіею характера возвысился Бернаръ Палисси, изъ положенія бѣднаго ремесленника до значенія первостепеннаго художника, стоявшаго наравнѣ съ Челлини, и до того свѣтлаго взгляда на природу, который сдѣлалъ горшечника Палисси предшественникомъ Кювье и Гумбольдтовъ. Впрочемъ, намъ придется говорить о Палисси преимущественно въ слѣдующую эпоху, тогда какъ вся первая и ббольшая часть его жизни (род. около 1570) прошла въ упорной борьбѣ съ бѣдностью и въ преслѣдованіи открытія разноцвѣтной глазури для фаянсовыхъ издѣлій, что составляло необходимую матеріальную основу для художественныхъ подражаній природѣ помощью глины, покрытой глазурью. Трудясь безъ всякой ученой подготовки и безъ чьей бы то ни было помощи, Палисси въ этотъ періодъ своей жизни накопилъ тѣ многочисленные наблюденія въ области химіи, геологіи и физики земли, которыя ставятъ его въ рядъ первостепенныхъ естествоиспытателей. Подавленіе возстанія, вызвавшее республиканское произведеніе Ла-Вовчи, дало и Палисси болѣе широкое поле дѣятельности. Оно привало конетабли Монморанси въ мѣстность, гдѣ кровожадный и хищный министръ Генрика II могъ ознакомиться съ изящными *rustiques figulines* Палисси, построить ему мастерскую для украшенія своего замка, и далъ ему опору

для будущаго, тѣмъ болѣе грознаго для Палисси, что онъ въ это самое время принялъ кальвинизмъ и сдѣлался однимъ изъ его проповѣдниковъ.

Къ этой же эпохѣ относятся многочисленныя труды по изученію природы. Личности, которыя, въ предшествующіе періоды, посвятили бы себя эрудиціи по древней или схоластической литературѣ, а всего скорѣе богословію, теперь неудержимо стремились къ наблюденію природы, и эти наблюденія накопились въ обширныхъ сочиненіяхъ, болѣею частью компилятивнаго характера, съ рѣдкими проблесками обдуманнаго и яснаго метода, но подобныя компиляціи *дѣйствительныхъ* наблюденій служили прекраснымъ матеріаломъ для будущихъ изслѣдователей, которые должны были внести въ наблюденія природы болѣе систематическій взглядъ. Георгъ Бауэръ (Агрикола, † 1555), о которомъ мы имѣли случай уже говорить прежде, издавъ (1546) свои знаменитыя сочиненія по металлургіи и минералогіи, которыя долго оставались классическими по этимъ предметамъ, были много разъ изданы и послужили основой для развитія новой европейской металлургіи и минералогіи. Валерій Эбервеннъ (Кардусъ) въ свою недолгую жизнь (1515—1544) успѣлъ приобрести извѣстность замѣчательнаго ботаника и фармаколога. Еще болѣе замѣчательнъ былъ въ этой области Леонгардъ Фузъ (1501—1566), который своею полемикою претиву арабскихъ авторитетовъ въ ботаникѣ, и особенно точностью рисунковъ растеній въ своемъ главномъ сочиненіи (1542), далъ надлежащее направленіе ботаникѣ. Во многихъ мѣстахъ (особенно въ Италіи) возникали ботаническія сады. Изученіе рыбъ привлекло на себя вниманіе нѣсколькихъ замѣчательныхъ ученыхъ этого времени. Почти одновременно (1551—1555) напечатали въ этой области свои труды Белонъ (1518—1564), пріятель Раблэ Рондэ (1507—1566) и итальянецъ Сальвиани (1514—1572). Но самую характеристическую личность въ этомъ отношеніи былъ Конрадъ Геснеръ (1516—1565), охватившій своею обширною дѣятельностью не только всѣ царства природы, но почти всѣ области человѣческаго знанія. Ботаникѣ принадлежали его первыя (1541) труды, точно также какъ его послѣднее сочиненіе, изданное дѣсти лѣтъ послѣ его смерти. Его зоологическое сочиненіе (1551—1558) Кювье считалъ основой современной зоологіи, несмотря на полное отсутствіе метода и на алфавитный порядокъ, принятый Геснеромъ для животныхъ. Впрочемъ, въ послѣдующихъ извлеченіяхъ изъ большаго сочиненія (1558—1560) Геснеръ уже употребляетъ группировку видовъ въ роды (genus), и даже собираетъ иногда нѣсколько родовъ въ высшія группы.

Оль оставилъ сочиненіе и по минералогіи (1565), впрочемъ, уступающее сочиненію Агриколы, и небольшой трудъ по фармацевтикѣ (1552), при чемъ самъ на себѣ испытывалъ лекарственное дѣйствіе растений. Въ этихъ трудахъ по естествознанію Геснеръ издалъ громадную компиляцію «Всеобщей бібліотеки» (1545), гдѣ далъ полный списокъ всѣхъ извѣстныхъ авторовъ (существовавшихъ въ его время или потерянныхъ), писавшихъ на трехъ ученыхъ языкахъ: латинскомъ, греческомъ и еврейскомъ; у Геснера названіе сочиненія сопровождается краткимъ отчетомъ о его содержаніи и критическимъ отзывомъ. Въ 1555 г. Геснеръ напечаталъ «Митридата», то-есть алфавитный списокъ 130 извѣстныхъ въ его время языковъ, какъ древнихъ, такъ и новыхъ. Кроме того, онъ издалъ нѣсколько переводовъ древнихъ авторовъ, участвовалъ въ нѣсколькихъ изданіяхъ греческаго, латинскаго словарей, и въ своемъ «списаніи о горахъ» (1541) высказалъ даже довольно замѣчательное поэтическое пониманіе красотъ природы. Ему принадлежатъ и первые опыты употребленія гексаметра на нѣмецкомъ языкѣ. По обычаю того времени, Геснера называли новымъ Плиніемъ, но если его сочиненія не уступаютъ въ эрудиціи труду Плинія, то надо замѣтить, что Геснеръ, вѣчно нуждавшійся, не имѣлъ ни рабовъ, ни секретарей, которые бы трудились за него; что онъ умеръ моложе Плинія, написалъ несравненно болѣе его, и высказалъ въ своихъ сочиненіяхъ не мало критики и стремленія къ личнымъ наблюденіямъ, которыя не приходили и въ голову римскому консуляру.

Италія въ эту эпоху была особенно замѣчательна своими математиками. Какъ Палисси добывалъ себѣ неутомимымъ трудомъ и наблюдательностью мѣсто между первыми учеными, такъ сдѣлалъ и Николо Тартаaglia († 1559). Изуродованный французами при разореніи Брешии (1512), по бѣдности не выучившійся писать всю азбуку до 14 лѣтъ, онъ въ 30 лѣтъ сдѣлалъ первое существенное математическое открытіе новой Европы, рѣшеніе кубичныхъ уравненій (1530—1535), надъ которыми въ продолженіе XV вѣковъ трудились математики. Начало этому открытію было положено въ первыхъ годахъ вѣка 1505) мало извѣстнымъ Сципио Ферро, преподававшимъ въ Болоньѣ (1496—1525), и его ученики, пользовавшіеся его открытіями, не понимая его, вызвали Тартаaglia на состязаніе, которое привело ко вторичному открытію формулы для корней кубичныхъ уравненій и къ ея распространенію. Впрочемъ, Тартаaglia не напечаталъ этой формулы ни въ одномъ изъ своихъ сочиненій, гдѣ положено было начало научной теоріи полета снарядовъ (*Scienza nuova*. 1550; *Questi et Invenzioni diversi*, 1554) и заключалось не мало

замѣчательныхъ розысканій по чистой математикѣ (*General trattato*, 1560). Эта была эпоха, когда итальянскіе математики посылали другъ другу вызовы съ герольдами, когда ученые турниры при пособіи радикаловъ и кривыхъ линій были весьма обычнымъ явленіемъ. Конечно, многіе старались при этомъ скрыть оружіе, которое доставляло имъ побѣды, и Тартаaglia принадлежалъ къ этому числу. По крайней-мѣрѣ, лишь этимъ можно себѣ объяснить то упорное молчаніе, которое онъ хранилъ о своемъ открытіи продолженіе четверти вѣка, такъ что приходится радоваться нѣкоторой бессовѣстности его соперника, обнаружившаго это открытіе, несмотря на торжественную клятву молчать о немъ, данную Тартагалии.

Этотъ соперникъ былъ знаменитый Джироламо (Геронимъ) Кардано (р. 1501), самая замѣчательная часть дѣятельности котораго принадлежитъ разсматриваемой эпохѣ и представляетъ самую оригинальную смѣсь средневѣковыхъ тенденцій мысли съ новыми ея задачами. И ему пришлось, при всей жадѣ литературнаго бессмертія, при неутомимомъ трудѣ и обширномъ знаніи, ждать до 36-го года, пока нашелся издатель его сочиненій. Ему пришлось бороться съ нищетою, съ презрѣніемъ рутинеровъ, съ собственными безпорядочными влеченіями и предрасудочною мыслию, пока его книга «О великомъ искусствѣ» (*Ars magna*, 1545) не поставила его въ первомъ ряду современныхъ ему математиковъ, въ то же время, какъ его слава, какъ медика, распространилась до Шотландіи, дѣлала его дорогимъ гостемъ въ Парижѣ и въ Лондонѣ, а его философскія произведенія (*De Subtilitate*, 1551; *De rerum varietate*, 1557) дѣлали его имя популярнымъ среди всѣхъ классовъ образованныхъ читателей. Впрочемъ, какъ медикъ, Карданъ не оставилъ слѣда въ исторіи, если не считать важнымъ указаніе имъ практическихъ ошибокъ въ современныхъ ему способахъ леченія. Въ философіи Карданъ принадлежалъ къ разряду мыслителей, которые сохранили средневѣковые приемы мистическаго міросозерцанія, хотя не считали нужнымъ связывать себя средневѣковыми авторитетами. Старинное число стихій онъ уменьшилъ до трехъ. Психическую дѣятельность человѣка возвелъ къ двумъ началамъ: къ душѣ, умирающей вмѣстѣ съ тѣломъ, и къ божественному духу, единому для всѣхъ людей. Вся природа для него проникнута жизнію, которая тождественна съ небесною теплою. Поэтому всѣ вещи находятся въ симпатической связи, и человѣкъ можетъ, при посредствѣ экстаза, сновидѣнія или въ истолкованіи знаменій, узнать тайны этой всеобщей симпатіи вещей, предвѣщающей ему будущее, связанной со всею его дѣятельностью. Для Кардана это было не только

теоретическое возрѣніе, но совершенно практической элементъ жизни. Въ своихъ трудахъ, какъ въ своихъ предпріятіяхъ, въ общественной и въ семейной дѣятельности, онъ постоянно наблюдалъ знаменія, ими руководился, и былъ окруженъ міромъ вѣдѣній, въ который вѣрилъ совершенно искренно. Въ его ученіи старій фетишизмъ первобытнаго человѣчества выливался наружу накануне развитія новой Европы, какъ бы для богѣ яснаго доказательства, что рядъ метафизическихъ вѣрованій, чуждыхъ природѣ, могъ только на время заслонить отъ человѣка сознание ея непосредственнаго вліянія на него, и вся метафизика Порфиріевъ, Августиновъ, Аквинатовъ оказывалась столь мало вліятельною на развитие человѣческой мысли, что ея призвали, разлетѣвшись, оставили человѣка почти на той же ступени пониманія міра, на которой люди стояли въ доисторическій періодъ. Этотъ возрожденный фетишизмъ оказался совершенно годною подготовкою для научнаго періода европейской мысли, такъ-какъ, при всей своей предрасудочности, онъ требовалъ внимательнаго наблюденія и истолкованія наблюдаемаго, т.-е. индуктивнаго и дедуктивнаго способа мышленія надъ *реальными* явленіями. Оттого, несмотря на странность міросозерцанія Кардана, онъ могъ стать на видное мѣсто въ ряду предшественниковъ новаго времени. Это было именно въ области математики, гдѣ онъ впервые понялъ значеніе символическихъ выраженій (отрицательныхъ и мнимыхъ), подвинулъ способъ рѣшенія уравненій далеко за предѣлы, которые были достигнуты древними геометрами, и въ особенности внесъ въ общій капиталъ знанія, какъ стройное цѣлое, тѣ отрывочныя завоеванія въ алгебрѣ, которыя составляли секретъ учениковъ Ферро и Тартаглиа. Здѣсь Кардану содѣйствовалъ его ученикъ Феррари († 1565), уже 18-ти лѣтъ извѣстный преподаватель и 43-хъ лѣтъ умершій профессоромъ въ Болоньѣ; онъ оставилъ по себѣ извѣстность одного изъ замѣчательнѣйшихъ математиковъ своего времени и обозначилъ своимъ именемъ одинъ изъ важныхъ успѣховъ алгебры, хотя и не оставилъ ни одного сочиненія. Въ естественныхъ наукахъ Карданъ, иславшій въ природѣ фантастическихъ силъ и знаменій, конечно, не могъ сдѣлать многого; тѣмъ не менѣе онъ пытался путемъ опыта опредѣлить плотности тѣлъ и вѣсъ воздуха, разсматривалъ холодъ какъ отсутствіе жара, производилъ опыты надъ магнитомъ и пытался приложить свое знаніе къ изобрѣтенію разныхъ полезныхъ машинъ. Впрочемъ, то, что можно найти полезнаго въ этомъ отношеніи въ сочиненіяхъ Кардана совершенно отрывочно, не превосходитъ пріобрѣтеній, сдѣланныхъ и средневѣковыми учеными, такъ что изъ средне-

вѣковъхъ тенденцій, тяготеющихъ на мысли Кардана, эта мысль выработалась лишь въ области математики.

Въ одно время съ Карданомъ трудился надъ математикою и астрономіею мессинецъ Мауроллико (1496—1575), и уже въ 1540 г. написалъ обширную математическую энциклопедію, заключающую въ себѣ замѣчательнѣйшихъ математиковъ и астрономовъ прежняго времени и многочисленныя трактаты по всѣмъ отраслямъ чистой и прикладной математики. Но эти сочиненія болѣею частью погибли, а онъ самъ при жизни своей напечаталъ весьма немногое, и, судя по сохранившимся свѣдѣніямъ, обширная математическая эрудиція «новаго Архимеда» (какъ его называли современники) не привела его къ особенно новымъ результатамъ.

Гораздо важнѣе былъ для математики современникъ Кардана, Штифельсъ, сочиненіе котораго по алгебрѣ (*Arithmethica integra*, 1544) заключало многія изъ современныхъ алгебрическихъ обозначеній и даже первые шаги въ теоріи логарифмовъ.

Но значеніе всѣхъ этихъ работъ блѣднѣло предъ великимъ трудомъ фрауэнбургскаго каноника, — трудомъ, появленіе котораго совпало съ годомъ смерти автора (1543). Болѣе тридцати лѣтъ Коперникъ подготавливалъ и отдѣлывалъ свое сочиненіе, почти готовое уже въ 1530 г. Извѣстность его распространилась среди ученыхъ Европы, несмотря на его скромную и уединенную жизнь. Уже въ 1536 году, кардиналъ Шомбергъ просилъ его обнародовать свои открытія. Въ 1541 г. напечатано письмо астронома Ретикуса, заключающее главныя черты великой теоріи Коперника. Съ нетерпѣніемъ ждали истинныя ученныя труда «новаго Птолемея». «Издателемъ сочиненія» О движеніи тѣлъ небесныхъ явился въ 1543 г. Озіандеръ, содѣйствовавшій появленію въ печати многихъ трудовъ Кардана, тотъ самый Озіандеръ, который вызвалъ, какъ мы видѣли, ожесточенныя богословскіе споры своими особенными воззрѣніями. На сколько путешествіе Колумба произвело революцію въ географію, на столько книга Коперника произвела революцію въ астрономическихъ воззрѣніяхъ ученыхъ. И до Коперника было нѣсколько человѣкъ въ исторіи, предполагавшихъ, что земля движется, но они ограничивались предположеніями, догадками, слѣдовательно, ихъ мнѣнія относятся къ философіи, а не къ наукѣ. Можетъ быть, Аристархъ Самосскій сдѣлалъ болѣе, но его сочиненія не дошли до насъ и даже не сохранились въ какомъ-либо подробномъ извлеченіи. Польскій каноникъ первый сдѣлалъ философское *представленіе* о движеніи земли научнымъ *понятіемъ*: онъ предпринялъ оцѣнку его вѣроятности, сравнительно съ другими предположеніями; доказалъ, что оно объясняетъ факты, наблю-

давшие астрономам, и давая возможность своим преемникам повѣрить, исправить и дополнить свою теорію въ тѣхъ частностяхъ, въ которыхъ она была недостаточна. Конечно, при всемъ огромномъ значеніи сочиненія Коперника, должно сознаться, что оно еще принадлежало не вполне новой наукѣ. Во имя авторитета и эстетическихъ соображеній, онъ допускалъ круговую форму движенія для небесныхъ тѣлъ, какъ единственно возможную. Даже вращеніе земли около оси защищалъ Коперникъ на совершенно ненаучномъ основаніи различія естественнаго движенія отъ насильственнаго. Согласно историческому закону Комта, научное пониманіе небесной механики не могло предшествовать научному пониманію механики вообще, а во время Коперника Галилей еще не родился. Поэтому, метафизическій элементъ долженъ былъ еще имѣть много мѣста въ сочиненіи польскаго астронома и въ книгѣ «De revolutionibus» выказывается характеристическая черта сильныхъ умовъ XVI-го вѣка: не имѣя ни достаточно матеріала, ни достаточно упражненія для научно-научныхъ изслѣдованій новаго времени, они смѣло употребляли философскую догадку и даже свидѣтельство авторитета рядомъ съ научною критикою, не различая особенно строго вѣроятности этихъ приемовъ; но невольно, подъ общимъ давленіемъ времени, они давали все болѣе мѣста научнымъ соображеніямъ, ограничивая гипотезы и цитаты, на сколько было возможно; кромѣ того, они руководились эстетическими соображеніями о простотѣ и гармоніи въ природѣ несравненно болѣе, чѣмъ ихъ предшественники — схоластики, чуждые всякаго чувства стройности, или чѣмъ ихъ послѣдователи — эмпирики, совнавшіе, что эстетическія соображенія вовсе не имѣютъ права на мѣсто въ научномъ выводѣ. Изъ указанныхъ трехъ особенностей, первая связываетъ великіе умы разсматриваемой эпохи съ предыдущимъ періодомъ; вторая дѣлаетъ ихъ предшественниками новаго времени; послѣдняя же составляетъ характеристическую черту эпохи, когда обожали Платона и Цидерона; когда именно красота древняго міра привлекала къ нему; когда Рафаэли, Тиціано, Дюрери находили вѣду покровителей и въ красотѣ мадоннъ высказывалась на столько же оппозиція противъ средневѣковаго католицизма, на сколько она высказывалась въ насмѣшкѣ Макіавели или въ пламенной проповѣди Лютера.

Прославленное нѣсколькими учеными сочиненіе Коперника не произвело сначала никакого шума, какъ не встрѣтило особеннаго противодѣйствія. Лишь гораздо позже оно подверглось осужденію церкви и внесенію въ «Индексъ».

Замѣтимъ, что въ эту самую эпоху (1554) появились первыя

варты Кауфмана (Меркатора) (1512 — 1594) съ улучшеною системою проэкцій, а Герберштейнъ издалъ (1549) первую карту Россіи.

Въ тотъ самый годъ, когда появилась книга о движеніи свѣтъ, въ Парижѣ были напечатаны два сочиненія, несравненно болѣе привлечшія вниманіе большинства личностей, считавшихъ себя учеными. Это была логика, пытавшаяся замѣнить логику Аристотеля (*Dialecticae institutionis*) и рѣзкое нападеніе на знаменитаго стагирита (*Arestotelicae animaduersiones*). Они принадлежали сыну крестьянина, Пьеру Ла-Рамэ (*Ramus*), заявившему себя уже прежде (1536) дерзкимъ тезисомъ, что «все, сказанное Аристотелемъ, — ложь». Нападенія на средневѣковаго учителя были не новостью, но никто еще не высказалъ ихъ такъ безусловно и рѣшительно. Озлобленіе схоластиковъ дошло до того, что они обратились къ власти. Францискъ I назначилъ диспутъ и окончилъ дѣло указомъ, который запретилъ Ла-Рамэ преподавать философію и вообще запретилъ порицать Аристотеля. Ла-Рамэ занялся математикою, скоро сталъ въ главѣ прѣльской коллегіи, и поставилъ ее такъ высоко, что снова возбудилъ неудовольствіе университета. Смерть Франциска доставила Ла-Рамэ нетолько свободу преподаванія, но еще мѣсто профессора въ королевской коллегіи (1551), имѣвшей къ концу жизни Франциска 12 кафедръ. Несмотря на противодѣйствіе университетскихъ схоластиковъ и на новыя процессы о правѣ преподаванія по своему методу, влияние Ла-Рамэ было значительно. Онъ былъ предшественникомъ новаго времени именно по своей мысли сблизить философское преподаваніе съ положительною наукою и съ изящною литературою, черпая изъ великихъ писателей и великихъ ученыхъ образцы правильного мышленія. Какъ реальный міръ долженъ былъ сдѣлаться основою знанія, такъ реальная жизнь должна была указать потребности школъ. Религіозный вопросъ явился враждебнымъ элементомъ для Ла-Рамэ, какъ онъ явился временною помѣхою для всѣхъ другихъ рациональныхъ началъ развитія въ Европѣ того времени.

Для дополненія характеристики времени, замѣтимъ, что въ той же королевской коллегіи занималъ одно время кафедру еврейскаго языка (1539 — 1563) визионеръ Постель въ ученіи котораго сбѣшивались апокалипсическія предсказанія съ мистическою увѣренностью въ высшія силы, ему данныя.

Еще много средневѣковыхъ элементовъ присутствовало въ дѣятельности самыхъ лучшихъ представителей этой эпохи; тѣмъ не менѣе одновременное появленіе въ разныхъ сферахъ мысли личностей съ опредѣленнымъ пониманіемъ новыхъ требованій времени по-

казывало, какую силу приобретало реальное воззрѣніе на міръ и жизнь въ то самое время, когда фантастическія задачи стояли на первомъ планѣ, и богословы заглушали своими ожесточенными снотворомъ все остальное, а государственная власть стремилась эксплуатировать всѣ элементы жизни. На каеэдрахъ гремѣли ругательства проповѣдниковъ; костры зажигались во всей Европѣ для еретиковъ; войны государей разорали народы и среднебюковни права задыхались подъ давленіемъ самодержавныхъ владыкъ. Сравнительно съ этимъ стукомъ и громомъ, очень тихи и мало замѣтны кажутся труды Коперника, Везалия, Кардана, Тартаглин, Палиссей, Паре, Геснера, Ла-Раме; но въ этихъ трудахъ скрывались несокрушимыя начала будущаго. Сила ихъ заключалась въ томъ, что они росли и укрѣплялись, несмотря на всѣ препятствія, и что самне ихъ противники неволью прибѣгали къ этимъ началамъ, какъ только это могли сдѣлать безъ очевидной опасности для своихъ стремленій. Что касается до элементовъ, занимавшихъ первыя роли на сценѣ эпохи, то довольно было присмотрѣться къ ихъ развитію, чтобы замѣтить, какъ несомненно и пусто содержаніе фантастическаго элемента, заживавшаго костры по Европѣ, и какъ неизбежно государственная власть должна была въ своемъ быстромъ возрастаніи встрѣтить противодѣйствіе въ тѣхъ самыхъ элементахъ, на которые она опиралась, но которые не могли терпѣть ея безусловнаго преобладанія.

Внѣ движенія, охватившаго Европу въ эту самую эпоху, стояло Московское царство; концентрировавъ всѣ силы Руси подъ рукою Ивана Васильевича Грознаго, оно раздавило ханства Казанское (1552), и Астраханское (1554), отгѣснило крымцевъ (1559), и готовилось вступить въ борьбу съ западно-европейскими силами въ Ливоніи и Польшѣ. Это столкновение должно было повести къ сознанію необходимости новыхъ началъ и для московской Руси, которая именно въ то время, когда начинала эту важную для себя борьбу, думала успокоиться на *своихъ* среднебюковныхъ началахъ, закрѣпленныхъ въ Стоглавѣ (1551), въ Судебникѣ (1550), и въ Домостроѣ попа Сильвестра († 1560); ихъ дополняла личная дѣятельность Ивана Васильевича съ его византийско-монгольскимъ идеаломъ владыки. Рационалистическія попытки Башкина и Косого были раздавлены. Противъ любимой литературы народа, противъ апокрифовъ, началось сильное гоненіе.. Воирамъ, которые не могли ухититься подъ рукою московскаго царя, оставались на выборъ казни или бѣгство въ Литву. Бродячее населеніе казаковъ умножалось на окраинахъ Руси и пробовало искать пути на дальній Востокъ.

БЛУМСБЕРГСКАЯ КРАСАВИЦА.

(THE FINEST GIRL IN BLOOMSBURY, by Augustus Mayhew.)

ГЛАВА I.

Крайности сходятся.

Изъ всѣхъ даровыхъ зрѣлищъ, которыми джентльменъ, полагающій малою толикою свободнаго времени, можетъ пользоваться въ Лондонѣ, самое, по моему, жестокое зрѣлище представляетъ дождь, жирноволосый, обрызганный кровью мясникъ, влачащій за ногу обезумѣвшую отъ ужаса овцу и вталкиващій ее въ бойню, увѣшенную свѣже-ободранными овечьими трупами.

Упавшая среди улицы лошадь производитъ тягостное впечатлѣнiе; точно также и загнанная собака, точно также и пьяная, едва-державшаяся на ногахъ женщина, несущая ребенка головою внизъ; но ничто не поражаетъ меня такъ болѣзненно, какъ видъ угнетенной овцы. Я, разумѣется, имѣю пристрастiе къ нѣжной, хорошо-приготовленной баранинѣ — зубы у меня великолѣпнѣйшіе работники по этой части и желудокъ мой въ отличнѣйшемъ порядкѣ; но если я увижу, какъ бѣдная овечка дергаетъ ногами, отставая драгоцѣнную жизнь, и представлю себя, что черезъ нѣсколько часовъ она будетъ висѣть въ мясной лавкѣ — меня искушаетъ желанiе взять баранью сторону въ борьбѣ, разогнать лѣнливыхъ мальчишекъ, которые безчувственно глядятъ и смѣются, и, схвативъ мясника, за *его собственную* ногу, заставить его немного подрагать.

И еще другое любопытное дѣйствiе производитъ на меня видъ бѣднаго и кроткаго животнаго, а именно напоминаетъ мнѣ очень дорогаго прiятеля, Адольфуса Игль. Это былъ величайшій изъ мучениковъ, которымъ только когда-либо я имѣлъ честь быть представленнымъ; это была сама улыбающаяся невзличность! и его

какъ овечку роковая судьба оторвала отъ родимаго пастбища и живаго предава на съѣденіе!

У меня были, леда и джептьменн, свои тяжкія испытанія въ жизни и смягчили меня, какъ смягчаетъ толчея пеньку, и развили во мнѣ искреннее сочувствіе къ злополучіямъ ближняго. Теперь сердце мое способно чутко отзываться на чужое горе. Если человѣкъ, мучимый такимъ голодомъ, что можетъ проглотить полбыка какъ нелюльку, бывалъ вынужденъ ограничить своей обѣдъ чашкою кофе, то подобное испытаніе нѣскольکو научаеъ его быть человѣколюбивымъ въ отношеніи жалкаго горемыки, признающагося, что онъ двое сутокъ не пробовалъ никакой пищи. Когда около меня шелестятъ лохмотья и заплаты, бормоча о пенсахъ, необходимыхъ для пріобрѣтенія ночнаго пріюта, я живо вспоминаю ту ночь, когда я былъ выброшенъ за дверь и долженъ былъ протрастись до разсвѣта на скамейкѣ въ паркѣ, въ одномъ фракѣ и въ рубашкѣ съ вышитой грудью. Для внушенія намъ человѣколюбивыхъ чувствъ ничего нѣтъ лучше, какъ малая толика дознаннаго страданія. Я знаю одного джептьмена, который чрезвычайно легко подаетъ милостину рябымъ нищимъ, потому что самъ разъ чуть не умеръ отъ оспы.

Но, Господи владыко! что значать мои мизерныя злополучія по поводу истощенныхъ финансовъ и утраченнаго кредита? что значать тѣ долгіе дни, когда нечѣмъ было мнѣ существовать, некого любить и не съ кѣмъ жить? зубъ, который такъ мучительно болѣлъ во время оно, давно выдернуть, боль забита и я снова могу щелкать орѣхи съ любимымъ веселымъ молодцомъ на ярмаркѣ.

Мой коробъ бѣдствій и кручины навалился на меня не вдругъ, не съ разу, а малыми частицами и постепенно. Первая моя бѣда была самая легкая, изъ всѣхъ меня постигшихъ. Но вообразите вы, коли можете, какво должно быть изложеніе несчастнаго смертнаго, на котораго внезапно обрушилось ужасное, неоправданное несчастіе, который прожилъ восхитительно-безмятежныхъ, блаженныхъ двадцать-пять лѣтъ, вдругъ приходитъ въ заключенію, что лучше бы ему не родиться на свѣтъ; на чью горемычную беззащитную голову, безчувственнымъ оскорбленіямъ и жестокосердичнымъ преслѣдованіямъ вдругъ снинули сокрушающимъ градомъ и совершенно ошеломили, придавили и разбили его?

Такова была участь моего уважаемаго пріятеля, Адольфуса Икля. Онъ тоже попался въ руки мясникамъ, которые быстро улегли его въ мясной рядъ!

Добродушный, вроткій человѣкъ, съ нѣжными, голубыми глазами и слабыми ладонями, но съ такимъ сердцемъ!

Северная вещь быть всегда счастливымъ. Это заставляетъ человека жить, дѣлаетъ его лѣнивымъ, расслабляетъ мозгъ. Кручина — великолѣпнѣйшее, капитальное средство для отрезвѣнія всего существа и для возбужденія дѣятельности и бодрости.

Бѣда, къ сожалѣнію, не возвѣщаетъ, какъ локомотивъ, своего приближенія свисткомъ и некогда соскочить съ рельсовъ, чтобъ вслѣдъ затѣмъ уснуть гдѣ нибудь въ сторонѣ, на розовыхъ листьяхъ. Угрюмая вѣдьма крадется по слѣдамъ и бросается на насъ въ ту минуту, когда мы безопасно идемъ, напѣвая пѣсенку; она точно полисменъ въ партикулярномъ платьѣ, съ невиннымъ зонтикомъ въ рукахъ, но съ властительнымъ жезломъ и желѣзными браслетами въ карманѣ.

Укрѣпите себя рядомъ тихихъ постоянныхъ бѣдствій; видерсируйте себя такъ, чтобы когда начнется главная потасовка, вы могли принять оглушающіе подзатыльники съ любезною улыбкою и бодримъ видомъ. Человеку, который вопилъ отъ мучительной подагры, стонать отъ ревматической боли, покажется приятнымъ измѣненіемъ страданія. Злополучный Адольфусъ Илья! Великое, сокрушительное бѣдствіе постигло васъ въ ту самую минуту, какъ вы рассчитывали быть счастливѣйшимъ существомъ на землѣ. Злополучный молодой человекъ!

Я въ первый разъ былъ представленъ Адольфусу, спустя двѣнадцать часовъ послѣ его появленія на свѣтѣ. Онъ лежалъ обернутый въ теплую фланель и самъ теплый, какъ только что исеченная лепешка, и когда сидѣлка сказала мнѣ, что я могу, если желаю, до него дотронуться, я копнулъ его какъ слѣпаго котенка и проговорилъ: бѣдненькій! Невинныя времена, мой другъ, благословенныя времена и чуждыя всякаго коварства и плутовства!

Наши родители были сосѣдями; ихъ поля сопривасались. Мой папаша каждое утро гулялъ по своему владѣнію въ четыреста акровъ, и на извѣстной границѣ, у изгороди встрѣчался съ папашей Адольфуса, который гулялъ по своему владѣнію въ четыреста акровъ. Они жали другъ другу руки черезъ изгородь, осведомлялись другъ у друга о здоровьѣ женъ, и затѣмъ съ облегченнымъ сердцемъ шли по домамъ завтракать. Мамаша Адольфуса и моя мамаша посылали другъ другу въ презентъ молодые овощи, свѣжія яйца и модныя выкройки. Такимъ образомъ, съ самой ранней юности я и мученикъ Адольфусъ были товарищами.

Между нами существовала та разница, что Адольфусъ былъ единственнымъ дѣтищемъ, а меня судьба надѣлила пятью братьями. Если Адольфусу не давали желе, то ему стоило только захныкать, и желе являлось, а если я осмѣливался спорчить плак-

сивую мину, мои чувства усмиряли розгою. Всѣ игрушки, въ которыя мы играли, были собственностью Адольфуса (исключая дряннаго лоннуваго мячика, на который онъ никогда и не глянулъ), и какъ скоро ему прискучили игрушечныя лошади, родители приобрѣтали для него настоящаго живаго пони. Адольфусъ былъ счастливѣйшій малышъ, но онъ этого не понималъ и слѣдственно не могъ цѣнить.

Меня воспитывали иначе, и я очень былъ радъ, когда пришелъ конецъ этому воспитанію.

Отецъ мой былъ точный, аккуратный, упрямый человѣкъ, имѣвшій неудобныя для меня убѣжденія касательно воспитанія дѣтей. Онъ былъ, разумѣется, совершенно правъ, проводя свои убѣжденія въ жизнь, но мнѣ отъ этого приходилось больно, одиноко,—совсѣмъ плохо. Я пользуюсь прекраснымъ здоровьемъ, но во дни дны, еслибы дѣло было предоставлено мнѣ на выборъ, я несомнѣнно предпочелъ бы не укрѣпляющія тѣло, а веселящія духъ обращеніе и содержаніе. Пятнадцать лѣтъ я питался за завтракомъ гороховой похлебкой, приправленной щепоткой соли, и никогда не лизнулъ другаго пирога или пуддинга, кромѣ мяснаго. Я полагаю, что мальчишка, послѣ шестичасовыхъ упражненій латинью, не мѣшаетъ поощрить какой-нибудь роскошью, и нахожу, что пуддингъ изъ плодовъ въ этомъ случаѣ какъ нельзя болѣе кстати.

То же касательно холодныхъ ваннъ: онѣ чрезвычайно полезны, но замораживать въ нихъ ребенка до полусмерти, я считаю утрировкой. То же относительно хлѣба: я не говорю, что непременно надо кормить свѣже-испеченнымъ, но давать исключительно черствый, семидневный хлѣбъ, который раскисивается, какъ пепелъ и крошется во рту какъ зола, я считаю тоже утрировкой.

Воспитаніе Адольфуса было не похоже на мое воспитаніе. Счастливый малышъ! онъ обѣдалъ съ обожавшими его родителями и его угощали, какъ принца Уэльскаго. Ему всегда предлагали тотъ именно кусокъ, къ которому я всей душой тщетно стремился, и если онъ просилъ вторую порцію вишневаго пирога, его мамаша приходила въ восторгъ, и восклицала: «милый крошка! какой у него аппетитъ!» Когда онъ являлся, разгоряченный бѣганьемъ, его такъ поливали одеколономъ, что его приятно было нюхать; когда ночь была холодная, въ его спальнѣ разводили таковой огонь, что онъ могъ въ одномъ бѣльѣ танцевать передъ каминомъ. Иногда родители его находили, что Адольфусу полезно будетъ выпить полстакана портвейну и ломтики хлѣба съ масломъ, равно какъ и поджаренные гренки всегда были го-

товъ въ его услугамъ. Однако, сколько я знаю, здоровье его отъ этого ни мало не страдало. Я видалъ, правда, какъ онъ отпускаетъ поясъ послѣ обѣда, но онъ дѣлалъ это не потому, что его схватывали судороги, а потому, что поясъ становился немножко уже и нѣсколько тѣснилъ его.

Едва мнѣ минуло шестнадцать лѣтъ, я былъ отправленъ на всѣ четыре стороны искать счастья, какъ лошадь, которую тотчасъ осѣдываютъ, какъ только она въ состояніи сдержать сѣдло. Меня всунули въ вагонъ втораго класса, вмѣстѣ съ двумя парами платья и полудюжиною рубашекъ, и благословили на битву съ жизнью, предоставивъ мнѣ стать на свои ноги, если смогу, или повалиться, если оплошаю. Находя, что у меня пріятная, располагающая наружность, рѣшили на этомъ основаніи сдѣлать изъ меня доктора. Я началъ свою докторскую карьеру тѣмъ, что покралъ всѣ лепешки отъ кашлю изъ даровой аптеки; мнѣ въ особенности пришлось по вкусу, помню, розовыя, душистыя карамельки.

Я уже предавался болѣе серьезнымъ наукамъ — ходилъ по больницамъ и обкуривалъ новыя трубы, изучалъ анатомію и совершенствовался по части питья пунша — когда мой старшій товарищъ, Адольфусъ Игль, прибылъ въ Лондонъ. Оба его родители умерли, завѣщавъ все дорогому дѣтищу, и обѣщавъ не упускать его изъ виду, и покровительствовать ему, и беречь его съ того свѣта.

Несмотря на это, онъ впалъ въ совершеннѣйшее уныніе и отчаяніе. Мать умерла въ его объятіяхъ. Онъ, плача, говорилъ мнѣ, что чувствуетъ ея послѣднее дыханіе на своей щекѣ, и даже показалъ мнѣ мѣстечко, гдѣ именно. Никогда, вѣстеся, не бывало такого согласнаго, другъ друга любящаго семейства, и, проведя шесть лѣтъ въ Лондонѣ, я съ отраднымъ изумленіемъ замѣчалъ подобную нѣжность и мягкость чувствъ.

Такимъ образомъ, Адольфусъ Игль, богатшій нѣжными чувствами и звонкою монетой, былъ кинутъ въ водоворотъ житейскій. Добродѣтельный молодой человѣкъ, однако, не устоялъ на ногахъ. Я, со всѣми своими испытаніями и непріятностями по части медицины и хирургіи, я, который никогда не имѣлъ пенни до тѣхъ поръ, пока случайно не поднялъ одного на Оксфордской улицѣ — я въ концѣ-концовъ гораздо успѣшнѣе и лучше справился съ своими дѣлами. Я могу теперь звонить въ свой собственный колокольчикъ такъ громко, какъ мнѣ угодно, могу давать щелчки и толчки своему разсыльному мальчику, когда нахожусь въ дурномъ расположеніи духа, или кураться надъ кухаркой, заставляя ее по нѣскольку разъ въ день

отчищать мѣдную дощечку на двери — мѣдную дощечку, на которой вырѣзано изящнѣйшимъ образомъ: «Джонъ Тоддъ, лекаръ. Прививанье оспы бесплатно».

Но теперь не время распространяться о настоящемъ благополучіи, а надо возвратиться къ эпохѣ голода, холода и всякихъ бѣдствій, къ той эпохѣ, когда Адольфусъ впервые прибылъ въ Лондонъ.

Мнѣ стоило несказанныхъ трудовъ и изворотливости проинтаться, прикрыть кое-какъ грѣшное тѣло и заплатить за квартиру. Въ тѣ дни я полагалъ, что невозможно быть несчастнымъ, имѣя пятьдесятъ фунтовъ въ недѣлю. Въ моихъ глазахъ, Адольфусъ былъ счастливѣйшимъ изъ смертныхъ. Онъ жилъ въ изобиліи и роскоши, — я былъ по уши въ долгу, и моя хозяйка вѣчно слѣдила, не несу ли я. выходи изъ дому, узелка; она даже бѣжала за мной въ догонку, если ей представлялось, что карманы у меня подозрительно оттопыривались.

Иногда зависть къ Долли доходила у меня чуть не до ненависти; именно въ одинъ сирой день, когда подошва моего лѣваго сапога совсѣмъ отказалась служить, и я увидалъ въ его уборной, по крайней-мѣрѣ, три десятка новехонькой обуви. То же въ тотъ день, когда я два часа провелъ, замазывая чернилами побѣлѣвшіе швы сюртука, а потомъ былъ свидѣтелемъ, какъ онъ отдалъ своему лакею пару платья, которая привела бы въ восхищеніе весь Мидльсексъ и прославилла бы меня на вѣки.

Всѣ за нимъ ухаживали, никому онъ не былъ долженъ, такъ что жъ мудренаго, что я подѣ часъ желалъ быть на мѣстѣ этого счастливица, я, къ которому ежедневно стучалась въ дверь хозяйка, настойчиво спрашивая, когда мнѣ угодно будетъ свести счеты?

Однажды я прихожу къ нему (у него были четыре великолѣпнѣйшія комнаты, а я, увы! мостился на чердакѣ!) и застаю его за завтракомъ (пантеть изъ дичи, ветчина, яйца и у него ни капли аппетита, а я ничего не ѣлъ съ утра, кромѣ мерзкаго, грошоваго кусочка колбасы!)

! — Чтб, Долли? Еще не завтракалъ? крикнулъ я. — Я, пожалуй, сдѣлаю тебѣ компанію, прибавилъ я, направляясь къ пантету. — Былъ на танцевальномъ вечерѣ? спросилъ съ полнымъ ртомъ.

— Да, отвѣтилъ онъ. — Я пріѣхалъ отъ леди Лобстервилъ въ пять часовъ утра. Не хотите ли шэрри?

Человѣкъ, который радъ-радехонекъ ниву и позволеть себѣ вино только въ самыхъ торжественныхъ случаяхъ, какъ на-

примѣръ, въ день своего рожденія, всегда согласенъ вышиты шерри.

— На этомъ вечерѣ, я думаю, были прелестныя женщины, Долли?

— Божественныя! отвѣтилъ онъ, вздыхая: — на слѣдующей недѣли я приглашенъ на пикникъ.

Вотъ что значитъ имѣть тысячу-двѣсти фунтовъ годового дохода! Для бѣдныхъ нарней, перебивающихся фунтомъ въ недѣлю, нѣтъ пикниковъ!

Грумъ вошелъ съ почтительнымъ вопросомъ, когда подавать зиппакъ.

— Хотите, поѣдемте верхомъ въ Ричмондъ? спросилъ Долли.

Я называю подобные вопросы оскорбленіемъ. Онъ долженъ бы видѣть, что на мнѣ веткія ботинки и мои колѣни должны были достаточно показать ему, что, если я только попытаться замести ногу въ стремя, то панталоны мои лопнутъ и расплзутся, какъ мокрая оберточная бумага. Грумъ (безподобно одѣтый негодяй, розовый и пухлый, какъ принцъ) неумѣнно оскалится бы зубы при моемъ отвѣтѣ: «не могу, любезный другъ; у меня есть спѣшное дѣло», еслибы я не посмотрѣлъ на него многозначительнымъ взглядомъ.

Затѣмъ, принесено было множество писемъ. Всѣ они были раздушены. Въ одномъ, леди Рюмбетонъ предлагала мѣсто въ своей ложѣ, въ другомъ сэръ Ташеръ убѣдительно просилъ его на обѣдъ; третье письмо, я полагаю, было отъ молодой дѣвicy, потому что онъ покраснѣлъ распечатывая, и потому, что изъ конверта выпала вышитая закладка для книги.

Да, всѣ льстили ему, всѣ прелонались передъ его богатствомъ!

А вѣдь, собственно говоря, что такое деньги? Разъ какъ бы насытились простою бараниной, развѣ вы станете завидовать какому-нибудь жареному лебедю, приготовленному для богача? Заплативъ все золото Ломбардъ-Стрита, развѣ вы можете прибавить себѣ вершокъ росту? Все богатство барона Ротшильда развѣ можетъ преобразить курносый носъ въ греческій? Нѣтъ; и вотъ-то мы, высокіе, рослые, стройные парни, превосходимъ васъ, богатыхъ, слабосильныхъ карликовъ.

Маленькій Долли Икль, какъ онъ ни вытягивался, имѣлъ, въ двадцать-три года, всего четыре фута десять вершковъ. Это было его сокруха. Я сколько разъ замѣчалъ, какъ онъ взглядывалъ на мои великолѣпныя ноги и вздыхалъ; потомъ печально поднималъ глаза на мою величественную грудь, и вздыхалъ опять; наконецъ, устремлялъ взоры на мой внушающій почтеніе носъ,

и думалъ, съ какою радостью онъ отдалъ бы половину своего состоянія за такіе члены и черты!

Онъ былъ болѣзненный, захирѣвшій человѣчекъ, и такой блѣдный и слабый, что любая дѣвочка могла бы его опрокинуть. Въ его уборной, на каминѣ, стояли склянки съ лекарствами, на одномъ рецептѣ: «крѣпятельное. Принимать каждое утро и вечеръ», на другомъ: «пилюли, для возбужденія аппетита; принимать по двѣ передъ ѣдою». Онъ привезъ съ собой предписанія своего деревенскаго доктора, «который въ совершенствѣ изучалъ его сложеніе», и осыпалъ золотомъ столичныхъ докторовъ, которые звать не хотѣли его «сложенія». Его мамаша передъ кончиною вручила ему, что она называла, «альманахъ здоровья», изобрѣтенный самою нѣжною родительницею на пользу любимаго сына; въ этомъ альманахѣ были проповѣди о пользѣ фланели, рассужденія о вредѣ сырой погоды и т. д. Кромѣ того здѣсь встрѣчались удивительныя размышленія о домашнемъ комфортѣ; помѣщены были медицинскіе рецепты, въ родѣ слѣдующаго: «превосходный крапивинъ декоктъ для усноженія и очищенія крови», или «любимыя пилюли папашни».

Уморительно было видѣть отчаянныя усилія Долли казаться выше того, какъ онъ былъ на дѣлѣ: онъ носилъ двухвершковые каблукъ, верхушка его шляпы была длиннѣе водосточной трубы, а манерою держаться онъ затмилъ бы гордаго Врута. Идѣ, онъ такъ выпрямился и такъ вытягивалъ ножки, что, казалось, того и гледи, онъ гдѣ-нибудь лопнетъ.

У него была слабость всѣхъ маленькихъ людей: онъ обожалъ громадныхъ женщинъ. Чуть, бывало, завидитъ какую-нибудь Вобелину, и пропагъ: уставить глаза на гигантскаго ангела, и только бормочетъ: «что за роскошное созданіе! О, благородная красота!»

Что можетъ быть смѣшнѣе маленькаго человѣчка, который тарачить глаза на шляпку прекраснаго гиганта, откинувъ голову назадъ, какъ будто старается увидать, который часъ на церкви св. Петра?

Я предпочитаю склонять голову, любуясь милымъ лицомъ моею избранной.

Разумѣется, нельзя ожидать отъ этихъ крошечныхъ людей такого здраваго смысла, какимъ обладаемъ мы, рослые шести-футовые парни. Но за то, они крайне чувствительны. Бѣдный Долли! Впрочемъ, теперь уже поздно голосить. Миѣ прискорбно, что я нѣкоторымъ образомъ былъ отчасти причиною его погнѣблѣ. Однако...

Но лучше рассказать все по порядку.

Въ воскресные дни Адольфусъ всегда приглашалъ меня завтракать. Разъ я прихожу къ нему усталый и измученный долгой ходьбой, утѣшая себя тѣмъ, что подрѣшию силы. Можете представить мое положеніе, когда я узнаю, что мистеръ Иаль нездоровъ и завтракаетъ въ своей спальнѣ!

Я, однако, овладѣваю своими чувствами; вхожу въ спальню, и вижу, что онъ лежитъ въ постелѣ и передъ нимъ на столѣкѣ только чашечка чаю! Подобная небрежность, подобный эгоизмъ возбудили мое негодованіе въ такой степени, что когда этотъ карапузъ поднялъ глаза къ потолку, и съ вытанутой рожицей пробормоталъ жалобно: «я не спалъ всю ночь», я едва принудилъ себя быть учтивымъ. Голодъ превращалъ меня въ людоѣда; я чувствовалъ спазмы и колотье.

Однако, я, какъ медикъ, долженъ былъ дать ему совѣтъ. У него была легкая простуда, сопровождаемая сильною зубной болью. Я, смѣясь, сказалъ ему, что хорошій завтракъ лучше всѣхъ лекарствъ его вылечить. Но онъ заупрямился.

«Хорошо, пріятель!» подумалъ я. «Вы приглашаете голоднаго человѣка завтракать, и потомъ преспокойно объ этомъ забываете! Дантистъ отмститъ за меня!»

И прежде, чѣмъ я окончилъ бисквитникъ, я увѣрилъ Доли, что ему необходимо выдернуть зубъ.

Онъ спросилъ, очень ли это больно. Я щелкнулъ пальцами и отвѣтилъ, что это скорѣе пріятное, чѣмъ больное ощущеніе.

У меня есть правило всегда помогать пріятелямъ, но я стараюсь по возможности выбирать между ними тѣхъ, которые могутъ тоже оказать мнѣ при случаѣ какую-нибудь услугу. У меня былъ пріятель Бобъ де-Кадъ (еще до сихъ поръ у меня въ бѣлѣхъ его два фальшивыхъ воротничка), сынъ дантиста.

Судя по его помѣщенію, старшій де-Кадъ отлично велъ свои дѣла. У него былъ лакей въ радужной ливреѣ, который встрѣчалъ больной зубъ и провожалъ его въ пріемную, и другой лакей, весь въ черномъ, въ бѣломъ галстухѣ, который объявлялъ больному зубу, когда придетъ для выдергиванья. Я знаю тоже, что старшій Рафаэль де-Кадъ сколотилъ не одну тысячу своей металлическою пломбировкой, не говоря уже объ ерихонскомъ зубномъ порошокѣ, о привилегированныхъ челюстяхъ и о начетахъ на всякій зубъ, который попадался ему въ щипцы.

Зубъ Доли положить старику десять шиллинговъ въ карманъ, и старику въ благодарность пригласить меня обѣдать или на вечеръ. Я велѣлъ ѣхать прямо на Блумсбери-сверъ.

Но когда мы вышли изъ экипажа у полированной двери дантиста и я хотѣлъ позвонить, Доли объявилъ, что зубная боль

прошла. Тщетно я усовѣщевалъ его не рѣбичиться, быть мужчиною и войти. Онъ былъ бѣлъ, какъ алебастровая кула и, къ довершенію его ужаса, старшій де-Кадъ съ засученными руками показался у окна, отчищая инструментъ пытки.

Доли рванулся и побѣжалъ отъ меня, какъ дикая коня. Я послѣдовалъ за нимъ, зная, что такой поціонъ усилитъ кровообращеніе и воротитъ зубную боль. Вскорѣ я нашелъ крѣтца на углу Оксфордской улицы; онъ сидѣлъ на ступенькѣ чьей-то лѣстницы, схвативъ голову руками и мычалъ, какъ теленокъ.

Я утѣшилъ и ободрялъ его, и привелъ назадъ. Черезъ нѣсколько минутъ онъ уже сидѣлъ въ жертвенномъ креслѣ, утѣпившись за кресельными ручки, а старшій де-Кадъ примащивался около него, прича за спину роковое орудіе. Я оставилъ ихъ и отправился выкурить трубку въ комнату Боба.

Прежде, чѣмъ я успѣлъ пустить шесть колечекъ дыму, мы услышали крикъ, провзвѣстный крикъ, какъ будто вдругъ свиснули разомъ шесть дудокъ.

Мы вскочили и полетѣли наверхъ, какъ рѣзвыя антилопы. Мистриссъ де-Кадъ появилась на порогѣ гостиной и спрашивала горничную, какъ она осмѣлилась «это сдѣлать?» Миссъ де-Кадъ сверху лѣстницы съ испугомъ кричала лакею въ ливреѣ, что взорвало газопроводы.

Но я узналъ голосъ и спѣшилъ въ операціонную комнату. Здѣсь, распростертая въ жертвенномъ креслѣ, лежала нѣжная, слабая жертва, безчувственная и блѣдная, а старшій Рафаэль беззаботно отиралъ жестокое орудіе и видимо былъ доволенъ совершившеюся пыткой.

— Коренной и здоровенный! вотъ все, что сказали въ объясненіе этотъ варваръ.

Я завопилъ, требуя вина, водки, жженныхъ перьевъ, укуса и престонокскихъ солей, но безсердечный старшій разбойникъ только усмѣхнулся, и сказалъ:

— Онъ сейчасъ очнется самъ.

— Знаете ли, сэръ, вскричалъ я: — у него тысяча двѣсти фунтовъ годового дохода?

— Создатель! я этого не воображалъ! отвѣтилъ онъ, бросая щипчики и устремляясь къ двери.

Я понялъ, что онъ объявилъ во внутреннихъ покояхъ о богатствѣ Доли; прежде чѣмъ я успѣлъ попробовать пульсъ пациента, въ комнату ворвалась мистриссъ де-Кадъ съ бутылкой водки, а за нею влетѣла миссъ Анастасія; она запыхалась, «искала престонокскія соли», по ея словамъ, но я зналъ, въ чемъ тутъ дѣло: когда я встрѣтилъ ее на лѣстницѣ, на ней не было кру-

жевнаго воротничка и ея прелестная особа не была украшена брошкой съ камемми; не было тогда на ней тоже золотой цѣпочки, ни узкихъ перчатокъ.

Миссъ Анастасія отнеслась къ страданіямъ Долли съ самымъ трогательнымъ сочувствіемъ и нѣжнымъ состраданіемъ; она настаивала на томъ, чтобы тотчасъ же послать за докторомъ Ледерть, ихъ пріятелемъ, и съ ужасомъ спрашивала, сжимая руки Долли въ своихъ: «могу ли я, какъ медикъ, поручиться, что есть надежда спасти мистера Илья?»

Мать и дочь такъ суетились, что совсѣмъ истолкли меня: одна совала мнѣ въ руки стаканъ съ виномъ, проливая вино мнѣ въ рукавъ и приказывала, чтобы я пропустилъ хоть капельку въ уста бѣдняжки; другая дергала меня за фалды, патетически требуя отъ меня «надежды», какъ будто надежду я носилъ въ карманѣ и не хотѣлъ удѣлить ей.

Даже когда Долли открылъ глаза и такъ сильно сталъ дышать, какъ при игрѣ на флейтѣ, миссъ Анастасія еще не смѣла вѣрить счастливому исходу дѣла.

Едва я намекнулъ, что Долли не худо бы успокоиться, мистриссъ де-Кадъ стремглавъ кинулась въ гостиную, въ одно мгновеніе ока чехлы были сдернуты съ розовой штофной мебели, и миссъ Анастасія явилась съ подушкой, взбила ее собственными руками, устроила на софѣ комфортабельное изголовье, Долли былъ положенъ отдыхать и всѣ удалились, осторожно ступая.

Выкуривъ съ Бобомъ десятокъ трубокъ, я пришелъ провѣдать паціента. Онъ не спалъ и теръ щеку.

— Больно? спросилъ я.

Онъ подвѣялъ глаза вверхъ и скромно отвѣтилъ:

— Очень!

— Но все-таки лучше, чѣмъ зубная боль? сказалъ я въ утѣшеніе.

— О, хуже! отвѣтилъ онъ.

Послѣ краткаго молчанія, онъ преговорилъ:

— Какъ они добры—какъ добры и внимательны ко мнѣ!

— Необыкновенно добры и внимательны! отвѣтилъ я.

— Какая у нихъ прелестная дочь! продолжалъ Долли. — Она, я полагаю, съ меня ростомъ, а?

Съ него ростомъ! Дѣвица была ростомъ шесть футовъ, и стоя рядомъ, могла на него глядѣть, какъ на садовую дорожку! Мы, милдсекскіе, прозвали ее блумсберійской красавицей, о чемъ я его и увѣдомилъ.

— Это совершенно справедливо! отвѣтилъ невинный Долли.— Великолѣпное созданіе!

Т. СLXXXI. — Отд. I.

24

Я объявилъ дамамъ, что пациентъ проснулся, и онѣ тотчасъ же удостоили его визитомъ. Миссъ Анастасія была еще плѣнительнѣе въ легкомъ, развѣвающимся, воздушномъ платьѣ.

Чувствительный Адольфусъ чуть не ахнулъ при ея входѣ. Кружева обертывали ее, словно облака и вились около нея, и трепетали какъ крылья, а сквозь этотъ прозрачный матеріалъ, сквозила вышитая шемизетка. Голова пораженнаго Адольфуса склонилась на сторону, ротъ слегка раскрылся: онъ былъ побѣжденъ!

Они вступили въ разговоръ. Миссъ Анастасія сѣла около него на софѣ, распустивъ свои роскошныя облака и скрывъ ими Долли почти совершенно.

Она чрезвычайно мягко и сочувственно относилась къ его страданіямъ, симпатично вздыхала, трогательно взглядывала. Иногда его рѣчь такъ сильно ее потрясала, что она на мгновеніе закрывала лицо надушеннымъ платкомъ и испускала тихія восклицанія.

— Что особенно заставило васъ такъ страдать? спросила она съ глубокимъ интересомъ.

— Я полагаю, отвѣчалъ очарованный Адольфусъ: — что инструментъ былъ слишкомъ великъ для моего рта...

— А! ужасно! меня это бы убило! пролепетала Анастасія.

Но милой дѣвицѣ не угрожала вовсе опасность: ея ротъ, хотя и классическій, былъ достаточно широкъ и вмѣстителенъ.

Старый де-Кадъ пригласилъ меня и Долли остаться обѣдать. Адольфусъ, въ моему великому огорченію, отказался, говоря что не можетъ теперь ничего ѣсть.

Но мистриссъ де-Кадъ стала его уговаривать, а миссъ де-Кадъ восклицнула:

— О, останьтесь!

И при этомъ такъ очаровательно вспыхнула, что Адольфусъ забылъ свою рану и согласился.

Когда радужный лакей доложилъ, что кушать подано, Адольфусъ храбро предложилъ руку прелестной очаровательницѣ, и я замѣтилъ, что онъ ей какъ разъ по поясъ. Она приняла его руку съ милѣйшею улыбкою и поплыла держась за него, какъ за дорогой ридикюль.

Какъ она была внимательна и добра, безцѣнная дѣвушка!

— Не утомляетъ ли васъ дѣстница? нѣжно спросила она Долли, спускаясь въ столовую. — Не отдохнете ли вы?

Бѣдный Долли, который подирывалъ, стараясь идти на цыпочкахъ, отвѣчалъ съ невинностью младенца:

— О, я могу идти! Ноги у меня не болят, болят только во рту!...

ГЛАВА II.

Г О Л У Б И Н.

Что может быть интереснее возмужавшей любви? Что может быть любопытнее постепенного прогресса нѣжного чувства? Влюбленная страсть!

Я понимаю волненіе влюбленного: человѣка, но я тоже вхожу и въ чувства спекулирующей матери и дѣню благородныя старанія отца.

Обѣдъ въ Блумсбери-скверѣ внушилъ миссъ Анастасіи нѣкоторыя мысли, затмилъ Долли послѣдній разсудокъ и подалъ мистриссъ де-Кадъ самыя жестныя надежды.

Поведеніе маленькаго обожателя много общало; два раза онъ попробовалъ сказать комплиментъ (который совершенно бы пропалъ, еслибы мистриссъ де-Кадъ не поспѣшила его искусно выяснить); онъ не сводилъ съ красавицы глазъ и въ то же время трепеталъ, боясь что она это замѣтитъ; онъ чувствовалъ нервную дрожь и улыбался; желая для контрасту, помочить себя молодого картофеля, онъ разорвалъ его по полу; онъ метался до тѣхъ поръ на своемъ креслѣ, пока занутился въ роскошныя складки воздушнаго платья и, стараясь вынутаться, разорвалъ сверху до низу два кокетства.

Но всѣ были свѣтло и счастливо настроены, и Долли былъ успокоенъ прежде, чѣмъ красна смущенія успѣла сбѣгать съ его лица. Я сравнилъ молодой картофель съ бильярдными шариками, а великолѣпная Анастасія, улыбаясь божественной улыбкою, сказала (я опасался, не совсѣмъ чистосердечно), что она безконечно рада погибели этого противнаго платья: она именно терпѣть его не могла и общала отдать горничной.

Я потомъ видѣлъ это самое платье на ея младшей сестрѣ, много общающей псполнискей дѣвочкѣ; она носила его по воскресеньямъ.

Въ возбужденное состояніе Блумсбери-сквера достигло высшей степени, когда Долли на другой день снова явился, «показать свой ротъ», объяснялъ онъ; но опытную мать, какъ мистриссъ де-Кадъ, не проведешь такими жалкими уловками.

Долли явился слишкомъ рано, и потому его визитъ произвелъ большую суматоху; миссъ Анастасія не успѣла еще облечься во всеоружіе брани. Положеніе было критическое, но генераль не потерялся. Радужный дакей былъ отпраздненъ къ главѣ семей-

ства съ запиской смотрѣть Долли въ ротъ, пока Анастасія будетъ готова.

— Съ этого дня надо одѣваться какъ можно раньше, моя милая, говорила взволнованная мать.—Нельзя рисковать... Такой кладъ не скоро съищешь! Теперь съ утра надо надѣвать персиковое шелковое платье—оно очень эффектно...

Свиданіе Анастасіи и Долли не удалось: не утѣшило нѣжныхъ родителей и не развеселило красавицу. Войдя, Долли увидѣла божественное созданіе, глубоко погруженное въ чтеніе книги (она держала ее вверхъ ногами); она вздрогнула при его неожиданномъ появленіи и сказала, что это очень любезно съ его стороны.

Радужному лакею было отдано приказаніе доложить мамашѣ, что пожаловалъ мистеръ Икъ, но мамаша, слушавшая подъ дверями, сочла за лучшее не мѣшать разговоръ молодыхъ людей. Она терпѣливо ждала, и когда Долли уѣхала, кинулась къ дѣтищу, повторяя задыхающимся голосомъ:

— Что? Что? Что?

Анастасія была раздражена. Она презрительно отвѣтила:

— У насъ былъ пріятный разговоръ: мы, главнымъ образомъ, толковали о его ртѣ.

— Господь Богъ мой! воскликнула мамаша.—Что за умовредный человекъ! Но каковъ онъ былъ вообще?

— Онъ точно боялся меня и думалъ какъ бы бѣжать. Я напрасно старалась переменить разговоръ: онъ все сводилъ его къ своему мизерному рту!

Она была такъ сердита, что не будь у Долли 1,200 фунтовъ годового дохода, она отправила бы недогадливаго простачка на всѣ четыре стороны.

Долли былъ побѣжденъ окончательно при второмъ свиданіи. Я это понялъ, какъ только пришелъ къ нему и взглянулъ на него. Онъ былъ ласковъ до нельзя, шерри явилось передо мною въ мгновеніе она; я молча сидѣлъ и ждалъ его исповѣди. Онъ не зналъ, какъ завести рѣчь, и началъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ, ступая по пестрому коври такъ, чтобы нога непременно попадала только въ голубую кѣтку. Нервные люди, когда чѣмъ нибудь сильно взволнованы, всегда прибѣгаютъ къ какимъ-нибудь противоболнующимъ средствамъ. Одинъ мой знакомый, говори мнѣ о болѣзни ребенка, съѣлъ весь ноготь большого пальца; другой знакомый, въ случаѣ сильнаго возбужденія чувствъ, тоскаетъ себя немство за бакенбарды. Нѣкоторые дергаютъ себя жестоко за носъ; нѣкоторые кусаютъ себѣ губы; у иныхъ бывають конвульси. Долли такъ старался попадать въ

голубии влѣтки, что ослабѣлъ отъ усилій и на лбу у него показались капли пота. Ножи его выдѣлывали разными быстрыми па, и скользили, какъ угри; его лицо было торжественно, какъ у мусульманина. Напрасно я, время отъ времени, говорилъ: «какова сегодня жара, Долли, а?» или спрашивалъ: «что новаго, Долли?» Онъ, казалось, не слышалъ меня и не замѣчалъ. Къ счастью онъ, наконецъ, сблизился съ голубой влѣткой и опомнился.

Тогда онъ покраснѣлъ и началъ:

— Да, сегодня очень жарко; новостей нѣтъ; но я хочу попросить у васъ совѣта, дорогой мой Джекъ. А вы, пожалуйста, надо мной не смѣйтесь!

Самое вѣрное средство заставить человѣка смѣяться—это попросить его не смѣяться.

— Начинайте, дружище, отвѣтилъ я, совершенно готовый надорвать бока отъ хохоту.

Онъ началъ.

— Какъ вы думаете, сказалъ онъ, торжественнымъ тономъ:— высокій ростъ имѣетъ большую важность?

Я еще не успѣлъ выговорить: «никакой важности!» какъ онъ уже продолжалъ:

— Думаете вы, что дѣвушка предпочтетъ высокаго человѣка человѣку средняго роста?

Я сказалъ: — что за чепуха!

— Но мы привыкли соединять величіе души и твердость характера съ благороднымъ построеніемъ тѣла. Я полагаю, люди маленькаго роста нигуда не годны!

Злосчастный юноша! Какъ онъ себя ненавидѣлъ въ эту минуту!

Чтобы его успокоить, я спросилъ, что у него лежитъ на душѣ.

Онъ поспѣшилъ высказаться.

— Предположимъ, что я желаю кому нибудь посвятить всю свою жизнь. Вѣдь это благородное желаніе, потому что очень рискованное; но какъ женщина, напримѣръ, приметъ мои слова? Развѣ я могу ей говорить о какихъ-нибудь подвигахъ, о правившихъ врагахъ, и о побѣжденныхъ опасностяхъ, когда она видитъ, что я едва могу влѣзть на стулъ? Я всегда полагалъ, что женщины любятъ такихъ мужчинъ, которые обладаютъ львиною силою и львинымъ мужествомъ.

— Вы неправы! сказалъ я рѣшительно.

(Я пелъ его шерри и считалъ своимъ долгомъ утѣшать).

— Я правъ! отвѣтилъ онъ. — Я не осмѣлюсь сдѣлать предложеніе жанинѣ! Всякая глѣдитъ на меня съ презрѣніемъ!

— Есть очень маленькія женщины... началъ я.

— Я не люблю карлицы! отвѣтилъ онъ гнѣвно. — Посмотрите на Анастасію де-Кадъ — вотъ женщина!

— А! сказала: — изъ нея видѣть даже молотокъ!

Безуміе шутить въ такихъ случаяхъ. Онъ пришелъ въ негодованіе.

Я поскорѣе принялся превозносить несравненныя прелести Влугсберійской Бобелины, и этотъ маневръ спасъ меня отъ его гнѣва. Онъ сматчился.

— Мой несчастный обморокъ уронилъ меня въ ея глаза, меланхолически сказалъ онъ: — но старикъ такъ рванулъ зубъ...

Затѣмъ, вдругъ просвѣтлѣвъ, онъ прибавилъ:

— Какъ она была очаровательна въ голубыхъ полусаножкахъ! Божественна!

— Долли, началъ я убѣдительно: — вы попустому себя мучите. Развы вы до сихъ поръ не знаете, что высшія женщины безума отъ малорослыхъ мужчинъ?

— Не хотите ли еще шерри, Джекъ? Чтожъ вы совсѣмъ не пьете? Можеть, вы предпочтаете кларетъ? Я хочу попросить васъ объ одной услугѣ... Не можете вы какъ-нибудь узнать мысли Анастасіи на этотъ счетъ? Только поскорѣе, Джекъ. Впрочемъ, это совершенно бесполезно! прибавилъ онъ меланхолически. — Нечего себя тѣшить мечтами!

Онъ съ томительной тоской поглядѣлъ на меня, ломая свои красненькіе, прозрачные пальцы.

— А какъ вы полагаете, дружище, много у нея обожателей съ такимъ состояніемъ, какъ у васъ, а? Большой доходъ лучше большаго роста.

Вѣдний крошва привскочилъ на мѣстѣ и вскрикнулъ:

— О, нѣтъ! нѣтъ! ни слова о деньгахъ, Джекъ! Я хочу чистой любви... я жажду... Лучше увѣрьте ее, что у меня ничего нѣтъ, что я безъ всякихъ средствъ... и что я буду для нея трудиться... Это придастъ мнѣ значенія... Но къ чему ласкать себя несбыточными надеждами? Развѣ этотъ неподобный срафимъ обратитъ на меня вниманіе? что я передъ ней?

— У васъ очень интересный видъ, Долли, сказала: — и вы напрасно такъ отчаяваетесь.

Любовь Долли, медицина и домашнія междоусобія съ хозяйкою совершенно поглотили все мое время, и завалили меня до горла работою. Кромѣ того, постоянные обѣды съ Долли изнѣжили мой нравъ; человекъ, подобный мнѣ, не долженъ привы-

кать объѣдать; ежедневные объѣды развиваютъ въ немъ легкомысліе и безумную самонадѣянность.

Мой бѣдный крошка не могъ обойтись безъ меня ни минуты. Вѣчною темою нашихъ разговоровъ была прекрасная Анастасія; меня уже начинало тошнить при ея имени.

Невозможно себѣ представить ничего безпомощнѣе этого влюбленнаго карапузика! Разъ я засталъ его въ сокрушеніи; онъ испускалъ какіе-то жалобные горловые звуки, похожіе на болѣзненное воркованье, и промучившись надъ нимъ съ часъ, я выныталъ наконецъ, что его преслѣдуетъ мысль о разорванномъ платьѣ красавицы.

— Что она должна думать обо мнѣ? стоналъ Долли.— Я не смѣю идти туда, не смѣю ей показаться на глаза! Господи! Еслибы я могъ послать ей какой-нибудь подарокъ, а?

— Отчего жъ не послать, Долли?

— Вы думаете, это позволительно? вскричалъ онъ, и лицо его просвѣтлѣло.— Но я не знаю... я не умѣю покупать, ни выбирать, Джекъ...

— Я выберу и куплю за васъ, хотите?

Онъ совершенно повеселѣлъ.

— О, какъ вы милы и добры, Джекъ! Я никогда, никогда не забуду этой услуги!

Подарокъ былъ купленъ и отправленъ при умномъ и любезномъ письмѣ (моего сочиненія) въ Блумбери-сиверъ.

Гусиный гоготъ и сматенное маханье крыльями, когда собака врывается въ среду гусинаго стада, можетъ дать слабое понятіе о томъ шумѣ, который поднялся у де-Кадовъ при полученіи нашей посылки. Долли не былъ у нихъ недѣлю. Они уже стали забывать о мелькнувшей надеждѣ. Мистриссъ де-Кадъ назвала уже Долли карликомъ, Бобъ грозился его изувѣчить, и прекрасная Анастасія выражала къ нему колѣблѣе пренебреженіе.

Но теперь надежда засіяла снова, и засіяла болѣе яркимъ свѣтомъ.

На семейномъ совѣтѣ рѣшено было снабдить Боба деньгами и поручить ему пригласить меня на товарищескій объѣдъ въ ресторанѣ. Онъ долженъ былъ поднести меня и выпытать у меня всю подготовленную о Долли.

Я это все тотчасъ же сообразилъ.

Я разсуждалъ такъ: эти люди хотятъ поймать Долли; я могу имъ мѣшать; но съ другой стороны Долли погибаетъ отъ любви и готовъ согласиться на все, лишь бы жениться на красавицѣ.

А красавица? Я не осуждаю ее такъ, какъ осуждаю родителей. 1,200 фунтовъ годоваго дохода—это такое искушеніе, противъ

котораго трудно устоять дѣвушкаѣ, т.-е. невольницѣ въ родительскомъ домѣ.

Она ни чуть не любитъ Долли; она и не помнитъ о любви; всѣ ея мысли заняты его доходомъ. Но Долли милѣйшій, добрѣйшій человекъ, и она не рѣшится обижать и притѣснять его. Разумѣется, она будетъ вертѣть имъ, какъ ей угодно, но онъ будетъ радъ ей во всемъ слѣпо повиноваться.

Я съ апетитомъ съѣлъ обѣдъ Боба и кромѣ того досита наѣлся, наблюдая за его уловками вызвать меня на болтовню о Долли. Безобразный молодой человекъ! гдѣ ему было тѣтаться со мною! Къ концу обѣда онъ совершенно опьянѣлъ и не былъ въ состояніи связать двухъ словъ. Я самъ началъ рѣчь.

— Скажите мамашѣ, Бобъ, что мистеръ Ивль окончательно плѣненъ вашей сестрицей, и если миссъ Анастасія согласна, то она можетъ пристроиться какъ нельзя лучше.

— Отлично! пробормоталъ онъ. — Выпьемъ за ихъ здоровье! И онъ опорожнилъ бокалъ себѣ въ жилетъ.

Услыхавъ радостное извѣстіе, нѣжная родительница упала на грудь дочери и осыпала ее поцалуями. Прелестная Анастасія вдругъ, казалось, выросла еще на футъ, — такъ божественно подняла она свой орлиный носъ и такимъ побѣдоноснымъ взоромъ окинула близкихъ сердцу.

Вся семья стала оказывать необыкновенное вниманіе Анастасіи; всѣ сознавали ея огромное значеніе и ту несравненную услугу, которую она оказывала. Всѣ были чрезвычайно веселы и одушевлены.

— Мой другъ, сказала мистриссъ де-Кадъ своему супругу: — вы должны дать мнѣ денегъ: Анастасія надобны нѣкоторыя вещи...

— Мое сокровище! обратилась мамаша къ своему дѣтищу: — нечего мѣшкать, а надо поскорѣй одѣться: онъ можетъ придти рано. Я дамъ вамъ свою кружевную пелеринку, только вы не надѣвайте ее прежде, чѣмъ услышите звонокъ.

— О, мамаша! пролепетала интересная красавица.

— Дѣлайте, что вамъ приказываетъ мать, Анастасія, сказалъ панаша. — Я дамъ вамъ шесть фунтовъ.

— Зачешите волосы назадъ и прищипьте черныя бархатныя банты; и золотую стрѣлу воткните въ косу, продолжала мамаша дѣловымъ тономъ.

— Хорошо, милая мамаша.

— И предите возьмите мою алмазную брошку. Нѣтъ! погодите! Надѣньте вѣнокъ изъ махроваго мака. Можно сказать, что собираетесь дать сеансъ живописцу, готовите сюрпризомъ

для отца свой портретъ. Это даетъ очень хорошее понятіе о вашемъ сердцѣ и сразу завязываетъ интимный разговоръ.

— Но если онъ не придетъ? возражаетъ невинная дѣва.

— Не придетъ! восклицаетъ мамаша.—Я не даромъ прождала на свѣтѣ, и знаю, что говорю. Не забудьте перчатокъ.

Мамаша не ошиблась; онъ пришелъ. Я самъ довелъ его до дверей и оставилъ тамъ въ сильнѣйшемъ смѣненіи. Увидя Анастасію въ вѣнкѣ, онъ совершенно потерялся и у него явилась мысль бѣжать къ первому парикмахеру и велѣть завить себѣ волосы.

Свиданіе было удовлетворительно. Анастасія (она обладала необычайнымъ тактомъ) помѣстилась у окна и разговаривая, подстерегала перваго прохожаго высокаго росту. Скоро показался высоченнѣйшій джентльменъ.

— О, мистеръ Игль! шутливо вскрикнула очаровательница:— поглядите на этого человѣка! Видали вы такое чудовище? О, какой ужасный!

Счастливый Долли взглянулъ и въ душѣ пожелалъ быть такимъ чудовищемъ.

— Онъ очень высокаго роста, отвѣтилъ онъ, и прибавилъ съ волненіемъ:—развѣ вамъ не нравятся люди высокаго роста, миссъ де-Кадъ?

— Развѣ они могутъ нравиться, мистеръ Игль?

Она сдѣлала очаровательную гримаску, выражающую отвращеніе и сказала:

— Я ихъ ненавижу! Я называю ихъ фонарными столбами! Ха! ха! ха! Они такіе несладные, не знаютъ куда дѣвать свои громадные руки! О, безобразныя чудовища! Ха! ха! ха!

Долли тоже расхохотался и подумалъ, что Анастасія умнѣвшая женщина на свѣтѣ.

— И какіе они неулюблѣны, неотесанные всегда, наступаютъ ножищами на платье, затоптываютъ, рвутъ... О, я ихъ терпѣть не могу!

Долли покраснѣлъ, какъ ракъ.

— Разъ я былъ такъ несчастливъ... пробормоталъ онъ:—разорвалъ...

— О, я это вамъ давно простила! послѣдшне перебила добрая красавица:—я была виновата, а не вы; я неловкое, большое созданіе!

И она лукаво и нѣжно на него поглядѣла.

Долли горѣлъ желаніемъ сказать ей, что она была прелестнѣйшимъ созданіемъ, но у него не хватило столько мужества: онъ только смотрѣлъ на нее съ обожаніемъ и сильно краснѣлъ.

— Онъ премилый крошка, сказала красавица своей мамашѣ.— Надо его немножко повмунитровать, и изъ него выйдетъ пресъ забавное созданище. Я полагаю, что привяжусь къ нему.

— Разумѣется, моя милая; это вамъ долгъ, отвѣтила мамаша.

Дѣло пошло живо, къ великому удовольствію всего племени де-Кадовъ. Зная мое вліяніе на Долли, они подкупили мое расположеніе всевозможными средствами: утонченною лестью, пресъсходными обѣдами, изъявленіями симпатіи и проч., и проч.

Но Долли медлила объясненіемъ, а родители де-Кадъ были нетерпѣливы. Замедленіе раздражало тоже Анастасію. Она достигла того, что онъ называлъ ее «Анастасія», сама называла его Долли, но хотя нерѣшительный крошка таялъ видимо отъ любви, онъ все еще не сдѣлалъ настоящаго предложенія о вступленіи въ бракъ.

— Я не могу! не могу! говорилъ мнѣ Долли.—У меня языкъ не повертывается! Господи! чѣмъ все это кончится!

Наконецъ, я сжался надъ нимъ и взялся все устроить.

Я отправился къ мистриссъ де-Кадъ и переговорилъ съ нею. Старая лицемѣрка начала съ того, что вслеснула руками и ахнула; затѣмъ взволнованнымъ голосомъ стала выражать свои опасенія: это такой важный шагъ въ жизни женщины; такъ мало зная человѣка, выходить за него замужъ страшно; можно послѣ раскаться въ благородной довѣрчивости и т. д., а кончила тѣмъ, что никогда не рѣшится принуждать свое дорогое дитя и все предоставить ея сердцу.

Я показалъ, разумѣется, видъ, что всему этому свято вѣрю и поручилъ ей молить миссъ Анастасію сжалиться надъ бѣдннмъ Долли.

— Мистеръ Иель можетъ положиться на меня, отвѣчала съ чувствомъ старая плутовка.

Разумѣется, Анастасія «сжалилась», и радость Долли была до того велика, что я счелъ нужнымъ употребить для его уснокоенія нѣкоторыя медицинскія средства. Рѣшено было, что молодые люди должны объясниться какъ можно скорѣе.

Въ назначенный часъ я привезъ Долли въ Блумсбери-сверъ. Едва онъ показался, какъ мистриссъ де-Кадъ ринулась на него, называя своимъ драгоценнымъ сыномъ и поймала его въ свои объятія, между тѣмъ какъ старшій Рафаэль простиралъ надъ нимъ руки, давая свое родительское благословеніе и заклиная его постоянно любить и беречь вручаемое ему нѣжное сокровище. Я избавилъ бѣднаго Долли отъ этой пытки, обратясь съ поздравленіемъ къ чувствительному дантисту и впрвалъ зади-

хажуагося крошку изъ объятій нѣжной тѣщи, какъ пробку изъ закупоренной бутылки.

Въ гостиной, на малиновой штофной софѣ, сидѣла прелестная Анастасія, нюхая престонскія соли. Одѣтая въ непорочное бѣлоснѣжное одѣяніе, оживленное двумя-тремя десятками аршинъ яркихъ розовыхъ лентъ, она представляла собою олицетвореніе довѣрчивой невинности. Въ волосахъ у нея была роза, усыпанная стеганными росинками.

Мы втолкнули Долли въ гостиную и поспѣшно удалились, т.-е. удалася я; мистриссъ де-Кадъ, даптистъ и молодой Бобъ только сдѣлали видъ, что уходятъ, а на дѣлѣ вернулись снова къ дверямъ и стали подслушивать.

Увидавъ своего будущаго властелина, чувствительная Анастасія упала въ обморокъ. Этотъ неожиданный пассажъ такъ поразилъ Долли, что онъ схватилъ престонскія соли и принялся совать ей въ носъ флаконъ, отчаянно вскрикивая:

— О, Анастасія! О, Господи! Я не виноваты! Мыѣ сказали, что вы согласны! О, великій Боже! О! Я уйду! Сейчасъ уйду! Гдѣ довторъ? Очнитесь, я уйду!

Онъ въ самомъ дѣлѣ хотѣлъ бѣжать, и это заставило красавицу очнуться. Она съ усніемъ открыла глаза, бросила кругомъ очаровательно-дикій взглядъ и спросила, что съ нею и гдѣ она. Затѣмъ, она узнала Долли, сладостно ему улыбнулась и дала поцаловать руку, а черезъ двѣ секунды собрала достаточно силы, чтобы выразить ему свою любовь нѣсколькими милыми словами.

— Вы всегда будете добры ко миѣ, Адольфусъ? пролепетало прелестное, слабое, беззащитное и невинное существо.

— О, всегда! О, вѣчно! отвѣчалъ безумный крошка.

Бобъ бросился прочь отъ дверей и разразился хохотомъ въ отдаленныхъ покояхъ.

— Она просить еіо быть къ ней добрымъ! говорилъ молодой циникъ, хватаясь за бока.—Бѣдный карапузъ! Дай Богъ, чтобы у него осталась цѣла голова на плечахъ!

ГЛАВА III.

ЗАРЯ СЧАСТІЯ.

Долли ждалъ бравосочетанія съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ и всѣхъ торопиль. Безмозглый молодой человекъ! Это было самое золотое время; онъ тогда велъ именно ту жизнь, какая приличествовала такому слабому, добродушному и невинному смертному. Мамаша де-Кадъ передъ нимъ благоговѣла, папаша

де-Кадь подобострастно угождалъ ему, Бобъ пересталъ заниматься у него деньги — словомъ, онъ царствовалъ въ Блумсбери-скверѣ!

У него составилось убѣжденіе, что величественная Анастасія, выходя за него замужъ, приноситъ ему величайшую жертву, и онъ строилъ тысячу плановъ, какъ бы отличиться и не допустить ее до раскаянія; онъ думалъ о ней дѣнно и ночью и шалѣлъ отъ избытка счастья; онъ каждый день таскалъ ей всевозможные подарки; подходя къ дому, онъ начиналъ весь дрожать, какъ ананасное желе, а если въ окнѣ показывался божественный горбоносный серафимъ, если мелькалъ хотя локонъ черныхъ какъ смоль роскошныхъ волосъ, перевитыхъ пунсовымъ бархатомъ, онъ спотыкался, глаза ему застилало туманомъ и онъ не попадалъ въ двери, не ступивши обо чтонибудь лбомъ или затылкомъ.

— О, какъ поздно, Долли, негодный! говорила прелестная и нѣжная невѣста.—Я ждала васъ такъ долго-долго! О, еслибы у васъ не было этихъ милыхъ глазъ, какъ бы я васъ разбрала! Но эти глаза! Я противъ нихъ бессильна!

— О, Стаси! Я опоздалъ, потому что хотѣлъ купить эти алмазные сережки... Я больше никогда не буду! Я прямо буду спѣшать сюда!

— Ахъ, какія чудныя сережки, Долли! И какъ онѣ встали! О, милый, милый другъ! О, простите мои слова! Меня такъ глубоко трогаетъ ваше вниманіе, Долли, что я готова васъ ждать сколько хотите! Не стѣсняйте себя никогда! уговаривала добрая дѣвушка. — О, чудныя сережки! Я пойду покажу мамашѣ!

Мамашѣ было немного завидно; она сама любила цѣнныя вещи; но она затаяла свои чувства и полюбовалась на подарокъ.

— По крайней-мѣрѣ десять фунтовъ далъ, сказала эта вульгарная матрона.

Разъ Анастасія спросила Долли, не любилъ ли онъ прежде.

— Я любилъ очень кормилицу, отвѣтилъ Долли.

— Вы знаете, что я подразумеваю, Долли!

Онъ долго припоминалъ, наконецъ отвѣтилъ: .

— Была одна, миссъ Мильсъ...

— А! Миссъ Мильсъ!

— Она дала мнѣ свой локонъ на память, но я не могъ ее любить; она была такая ничтожная.

— О, я знаю, что есть еще ктонибудь! Какаянибудь ужасная женщина, которая вырветъ васъ изъ моихъ объятій и разобьетъ мое бѣдное сердце!

— Ахъ, вы говорите о перешлетчицѣ? Клянусь честью, между нами ничего нѣтъ!

— Я это предчувствовала! Я это предчувствовала! взвизгнула Анастасія. — Признавайтесь во всемъ, сэръ! Во всемъ, если не хотите, чтобы я упала мертвая у вашихъ ногъ!

Я бы предоставилъ ей кататься по ковру сколько душѣ угодно и былъ бы безмятеженъ полагаюсь на здоровое тѣлосложеніе чувствительной и страстной женщины, но Долли пришелъ въ ужасъ, бросился на колѣни, вопилъ, просилъ прощенья, клялся въ любви и невинности; наконецъ, онъ подарилъ ей массивный золотой браслетъ съ огромнымъ изумрудомъ, и тогда только она повѣрила его чистотѣ и вѣрности.

— А вы, Стаси, никого не любили прежде? спросилъ трепещущій Долли, когда миръ былъ уже заключенъ.

— О, нѣтъ, скромно отвѣтила красавица. — Я не шла замужъ, потому что никто не нравился. Я отказала лорду Маргету, какъ онъ ни молилъ меня...

— Лорду Маргету? Этому великолѣпному мужчинѣ!

— Между нами не было симпатіи, Долли, просто объяснило неподдупное созданіе.

Воркованье длилось уже нѣсколько недѣль и семья крайне нетерпѣливо ждала свадьбы. Старые де-Кады ссорились, что такъ долго продолжаютъ экстренные расходы, а миссъ Анастасія, отличавшаяся живымъ нравомъ, не совсѣмъ благодушно выносила упрёки мамы за медленное веденіе дѣла.

— Пожалуйста, не оправдывайтесь, Стаси! восклицала мистриссъ де-Кадъ. — Я очень хорошо знаю, что онъ все сдѣлаеть, что вы пожелаете. Миѣ ужъ надоѣло ворчанье вашего отца! Что вы хотите уморить меня, что ли?

Въ одно утро Долли получилъ отъ доктора Ле-Дерта, пріятеля стараго де-Кады, приглашеніе на вечеръ. Я до сихъ поръ подозреваю, что старій де-Кадъ повѣрилъ Ле-Дерту свое затруднительное положеніе и просилъ его помощи.

Вечеръ мы провели препріятно. Анастасія возбуждала восторгъ мужчинъ, но была неприступна для всѣхъ, какъ богиня; Долли сначала принялся ревновать, какъ Отелло, но нѣжная улыбка его успокоила и развеселила. Я замѣтилъ, что всѣ гости какъ будто ожидали чего-то и что дамы подходили къ Анастасіи и пожимали ей руку, какъ бы желая сказать: «не робѣйте!»

Когда стали разносить шампанское, докторъ Ле-Дертъ поднялъ свой бокалъ и объявилъ, что предлагаетъ тостъ.

— Пожелаемъ здоровья и счастья нареченнымъ мистеру Адольфу и миссъ Анастасіи де-Кадъ!

Признательный давтисть отвѣтить благодарственнымъ сичемъ.

— Черезъ нѣсколько дней, закончилъ коварный отецъ: — а расстаюсь съ дочерью, я лишюсь ее! Но за то я приобретаю сына!

Всеобщее сочувствіе выразилось потокомъ поздравленій, и мистриссъ де-Кадъ, не совладавъ съ своими чувствами, удалилась изъ-за стола и въ дамской уборной дала волю слезамъ.

На слѣдующее утро радужному лакею дано было приказаніе просить мистера Иеля, какъ только онъ появится, въ комнату мистриссъ де-Кадъ.

Она встрѣтила Долли сладостною улыбкою и объявила ему, что послѣ вчерашнихъ поздравленій свадьбу не слѣдуетъ откладывать.

— Надо принудить Стася, сказала она: — а то бѣдное дитя никогда не назначить рѣшительнаго дня. Она со слезами молила меня отложить свадьбу еще хотя на годъ.

— На годъ! вскрикнулъ испуганный Долли.

Поспѣшно отправились въ Анастасію.

— О, мама! время еще терпѣть, отвѣтила красавица, опуская глаза.

— Вы огорчаете мистера Иеля, Анастасія, сказала мамаша.

— О, Долли! вскрикнуло любящее созданье, испуганное одной мыслью, что могло огорчить своего избраннаго.

— Свадьба будетъ черезъ десять дней! холодно и повелительно сказала мистриссъ де-Кадъ.

Бѣдная дѣвица поглядѣла кругомъ съ изумленіемъ и даже нѣкоторымъ ужасомъ.

— Черезъ десять дней! воскликнула она. — О, мамаша! Я не могу! Дайте мнѣ еще хоть одинъ годъ, хоть одинъ годъ!

— Черезъ десять дней! рѣшительно сказала мистриссъ де-Кадъ.

— О, черезъ шесть мѣсяцевъ! Черезъ шесть мѣсяцевъ! молила трепещущая красавица.

— Черезъ десять дней!

— Хоть мѣсяць! хоть мѣсяць дайте!

— Черезъ десять дней!

Анастасія видѣла, что мольбы бесполезны и опустила голову.

Долли, желая ее ободрить, взялъ за руку и прошепталъ:

— О, Стася! Я буду съ вами—не бойтесь ничего!

— О, Долли! Долли! вскричала красавица, падая къ нему на грудь.—Если вы когданибудь обманете меня, я погибну!

Мамаша, отирая слезы, поцаловала бѣдное дитя и, взявъ Долли за руку, увлекла его изъ комнаты.

— Мистеръ де-Кадъ желаетъ переговорить съ вами наединѣ, пробормотала она, всхлипывая и пожимая отъ избытка волненія руку Долли.

ГЛАВА IV.

МИССЪ АНАСТАСІЯ ПРИСТРОЕНА.

Блумсбергійскій дантистъ былъ жирный, прованчскій, безчувственный дѣловой человѣкъ. Огонь и мечты юности были въ немъ давно придушены говядиной и портувейномъ, всѣ стремленія и помышленія его были обращены на звонкую монету.

Старый разбойникъ тщательно приготовился къ свиданію съ своею жертвою. Хотя свиданіе пришлось не въ тотъ день, когда онъ переменялъ бѣлье, онъ надѣлъ чистую рубашку, пригладилъ старательно волосы и сдѣлалъ колечки на вискахъ; онъ спряталъ зубные инструменты и сѣлъ самъ въ кресло, обыкновенно занимаемое паціентами.

Онъ встрѣтилъ Долли съ такою сладкою и чувствительною улыбкою, которая заставила бы опытнаго человѣка немедленно обратиться въ бѣгство.

Зять былъ введенъ тѣщею, которая объявила тестю, что свадьба будетъ черезъ десять дней. Онъ выказалъ горестное удивленіе и чуть не зарыдалъ при мысли такъ скоро разлучиться съ милою дочерью.

— Можетъ быть, все это къ лучшему! пробормоталъ онъ. — Я радъ, я очень радъ... Говоря правду, Адольфусъ, это убивало бѣдное дитя. Она никогда не отличалась сильнымъ здоровьемъ... Правда, моя милая?

Мамаша побачала только головою и глубоко вздохнула. Адольфусъ былъ словно пораженъ громомъ.

— Постоянное волненіе истомляло ее, продолжалъ отецъ, мрачно сдвигая брови. — Она похожа на мать: сегодня на видъ крѣпка и здорова, а нельзя поручиться, что завтра поутру она не будетъ лежать на столѣ!

Это неприятное замѣчаніе передернуло мистриссъ де-Кадъ, хотя она и пользовалась превосходнымъ здоровьемъ. Желая переменить предметъ разговора, она послѣпшно сказала:

— Какъ трудно было уговорить Стася!

— Я зналъ это, моя милая, отвѣчалъ дантистъ. — Оставить дочь, отца, мать—вѣдь это страшно волнуетъ ее! Она необы-

новенно чувствительная дѣвушка, Адольфусъ! Добра, какъ ангелъ и любяща, какъ дѣта!

— Ахъ, помните вы бѣдную женщину? сказала мистриссъ де-Кадъ. — Помните?

— А! несчастную негрятянку, моя милая? Вообразите, Адольфусъ, видъ этой отверженной такъ подѣйствовалъ на Стаси, что она чуть не заболѣла; я долженъ былъ остановить ее силою, иначе она отдала бы все, что у нея есть, этой женщинѣ.

Это и другія доказательства мягкости нрава миссъ Анастасіи глубоко трогали Доли. Онъ повертывался всѣмъ корпусомъ то къ мамашѣ, то къ мамашѣ, смотрѣлъ на нихъ счастливыми глазами и только произносилъ: о! о! о!

Когда старшій де-Кадъ нашелъ, что Доли достаточно растроганъ и слѣдственно расположенъ къ великодушнымъ и необдуманнымъ поступкамъ, онъ вдругъ вспомнилъ, что Анастасію всѣ оставили на жертву собственнымъ мыслямъ, и послалъ мать успокоивать неопытную красавицу.

Робкій Доли почувствовалъ смущеніе, оставшись наединѣ съ дантистомъ.

— Что онъ хочетъ мнѣ сказать? думалъ невинный человѣчекъ.

— Черезъ десять дней! проговорилъ дантистъ. — Боже мой! Трудно все устроить въ такое короткое время!

— Неужели?

— Очень трудно. Надо спѣшить.

— Конечно, надо спѣшить! съ одушевленіемъ замѣтилъ Доли.

— Мистриссъ де-Кадъ говорила съ вами относительно приданаго дочери?

— Нѣтъ! произнесъ онъ съ изумленіемъ, когда Доли въ отвѣтъ покачалъ отрицательно головой. — Ахъ, женщины ничего не смыслятъ въ серьезныхъ дѣлахъ!

Доли улыбнулся, потому что де-Кадъ улыбался, — изъ учтивости, а не отъ веселья.

— Я, конечно, не считаю богатства непремѣннымъ условіемъ счастья, продолжалъ дантистъ.

— О, разумѣется! съ жаромъ воскликнулъ Доли.

— Это часто только лишняя обуза для любящихся сердецъ.

— Несомнѣнно, отвѣчалъ Доли.

— Я даже въ этомъ увѣренъ! сказалъ старшій плутъ. — Впрочемъ, Адольфусъ, я вовсе не ханжа. Я не вступаю противъ пользованія земными благами, противъ благоудѣтельнаго вліянія

богатства на окружающую нас среду. Это наполняет и украшает жизнь! Вы имѣете намѣреніе застраховать свою жизнь?

— Если Анастасія этого захочетъ... отвѣчалъ нѣсколько ошеломленный Фроша.

— Это мы послѣ обсудимъ вмѣстѣ, спокойно сказалъ дантистъ.—Вы, конечно, знаете, Адольфусъ, что моя дочь получать свою часть только послѣ моей смерти?

Великодушный простофиля отвѣчалъ:

— Нѣтъ, я не зналъ этого, но это мнѣ все равно; у насъ будетъ чѣмъ жить.

— Благородно сказано! Благородно прочувствовано! Я горжусь вами! вскрикнулъ дантистъ съ неподдѣльнымъ энтузіазмомъ.—Вы заслуживаете вполне счастья, Адольфусъ. Но говоря о счастьи, я вспоминаю, что всѣ мы (глубокій вздохъ) игрушки рока. Вы намѣрены укрѣпить за Анастасіей какойнибудь капиталъ?

— Ей принадлежить все, что у меня есть, отвѣтилъ Долли.

— Подобныя чувства возвышаютъ васъ еще болѣе въ моихъ глазахъ, Адольфусъ, но я полагаю, вы сами будете спокойнѣе, когда укрѣпите чтонибудь за Анастасіей; вы будете увѣрены, что — сохрани Богъ! — если случится какоенибудь несчастіе, ваша жена и дѣти будутъ обезпечены. И потомъ войдите въ положеніе отца и матери: я не въ состояніи буду сомкнуть глазъ, думая о будущемъ дочери, предоставленномъ всѣмъ случайностямъ рока!

Сантиментальный маленькій простофиля отвѣчалъ:

— Я радъ сдѣлать все, чтобы успокоить родителей моей Анастасіи!

— Богъ да благословитъ васъ, Адольфусъ! воскликнулъ дантистъ, давая волю своимъ взволнованнымъ чувствамъ.—Но теперь надо еще уломать Анастасію: она будетъ всѣми силами этому противиться, я знаю!.. Вы назначите ей 600 фунтовъ въ годъ, и я, пожалуй, буду однимъ изъ довѣрителей. Ну, идемъ къ ней!

Милая красавица видимо просіяла при появленіи своего избраннаго; она еще не оправилась послѣ недавней сцены и въ глазахъ ея выразалась тихая печаль.

— Вы хотѣли видѣть меня, Долли? сказала она, взявъ его руку и лаская своею такъ нѣжно, что онъ не могъ отвѣтить ей слова отъ волненія. Онъ только собрался съ духомъ говорить, когда она оставила его руку.

Какъ предсказывалъ старикъ де-Кадъ, такъ и вышло. Едва только Долли произнесъ слова: «укрѣпить капиталъ», она за-

начала головою, сдвинула съ негодованіемъ брови и закричала:
— Нѣтъ! нѣтъ! нѣтъ! никогда! Довольно объ этомъ! Я от-
казываю! Я несогласна!

— Но, милая, милая! подумайте о случайностяхъ... мы всѣ
подвержены... бормоталъ Долли, восхищенный ея безкорыстіемъ.—
Можетъ случиться несчастіе, можетъ придти бѣдность...

— Я буду дѣлать съ вами нищету! воскликнулъ благородный
ангелъ, поднимая глаза вверхъ.

Онъ долго пробовалъ уговаривать, но она все отвѣчала: ни-
когда!

— Для меня, для моего спокойствія, согласитесь!

— Кончимъ этотъ разговоръ! сказала она; сурово сдвигая
брови.

— Для успокоенія вашихъ родителей, Анастасія! сказалъ онъ,
пробуя послѣднее средство.

Это ее поколебало. Она пролепетала: милая, милая мамаша!
и склонила молча голову. Это равнялось высказанному согласію.

Долли огорчился. Какъ! она дѣлала для родителей то, чего ни
за что не хотѣла сдѣлать для него! Въмѣсто того, чтобы осмыть
ее восторженными поцалуами признательности, онъ, въ изумле-
нію красавицы, вдругъ надулся, какъ мышь, и сказалъ обижен-
нымъ голосомъ:

— Анастасія, я больше не буду настаивать.

— Милая, милая мамаша! слабо пролепеталъ встревоженный
ангелъ.

— Я болѣе не скажу объ этомъ ни слова!

— Добрый, любящій папаша! вздохнулъ еще болѣе встрево-
женный ангелъ.

— Довольно объ этомъ, сказалъ онъ рѣшительно.

— О, какъ я неблагодарна! вскрикнулъ ангелъ почти въ ужасѣ.

— Ни слова болѣе! сказалъ онъ мрачно.

— Если вы думаете, Долли, что это необходимо... вскрикнулъ
ангелъ въ отчаяніи.

— Я ничего не думаю!

— Милый, великодушный другъ, я сдаюсь! Закрѣпите за
мною, что хотите, я на все согласна, я вамъ покоряюсь! вос-
кликнула самоотверженная душа.

— Это была не моя мысль, я здѣсь не причемъ! былъ со-
крушающій отвѣтъ.

— Наши малютки стануть, быть можетъ, упрекать меня...
пролепетала стыдливая дѣва.

— Они не будутъ терпѣть ни въ чемъ нужды! гордо отвѣ-
чала мистерь Иллъ.

— Я сдѣлаю это для васъ, Адольфусъ, восликнуло преданное существо, закрывая лицо руками при такомъ признаніи и холодѣя отъ смертельнаго страха потерять 600 фунтовъ.—Милый, великодушный другъ! я признаюсь, что вамъ я ни въ чемъ не могу отказать!

Она схватила его руку и поцаловала ее въ порывѣ страстной нѣжности.

Прежде, чѣмъ были готовы пригласительные свадебные билеты, интересная бумага, заверѣляющая за любящею невѣстою 600 фунтовъ въ годъ, была засвидѣтельствована гдѣ слѣдуетъ.

Наканунѣ свадьбы Доли совсѣмъ меня замучилъ. То онъ боялся, что не принесутъ во-время подарковъ, купленныхъ для невѣсты, то приходилъ въ отчаяніе, что свадебные панталоны не поспѣютъ къ сроку.

— Господи! какое ужасное положеніе! тихонько вослицала онъ, ходя въ волненіи по комнатамъ.

Онъ не далъ мнѣ ни на минуту сомкнуть глазъ, опасаясь проспать и опоздать въ церковь, и цѣлую ночь только дремалъ и пронзительно вскрикивалъ.

Красавица была неподобна въ подвѣнечномъ уборѣ. Это было какое-то атласное божество: бѣла какъ заново выбѣленный потолокъ, чиста, какъ сама невинность! Казалось, даже легкое прикосновеніе только что вымытаго пальца запятнать ее изащима, волнующіяся одежды!

Женихъ былъ до того растерянъ, что старый де-Кадъ спросилъ меня, не пьянъ ли онъ.

Шесть подругъ невѣсты дали волю своимъ чувствамъ и совершенно попортили себѣ завязки у шляпокъ; съ мистриссъ де-Кадъ едва не сдѣлался припадокъ.

Возвращеніе домой и завтракъ были торжественны, старый де-Кадъ заботился (подъ внушеніемъ гордости, вполнѣ извинительной), чтобы свадьба произвела впечатлѣніе во всемъ приходѣ. Каждый домъ на площади и на улицахъ знали, что дочь дантиста выходитъ замужъ за очень богатаго джентльмена. Это было недурно рассчитано на тотъ случай, чтобы сосѣди знали, куда нужно будетъ нести деньги, если у нихъ заболѣютъ зубы, или нужно будетъ вставить новыя.

Неудивительно, поэтому, что когда шесть экипажей подъѣхали къ дверямъ, — каждое окно на площади было раскрыто, и наше возвращеніе привѣтствовали въ этихъ окнахъ головы всякой величины и всякаго возраста.

Украшеніемъ завтрака была, безъ сомнѣнія, рѣчь доктора Ледерта. Лучшаго проявленія ораторскихъ способностей я никогда

не слыжалъ, даже въ нашемъ клубѣ. Жившцынъ до того растрогался, что желе было разбито на куски отъ рыданія тѣхъ особъ, которыя его брали. Въ то время, какъ онъ говорилъ о будущемъ счастьи—господствовала тишина, такая тишина, что когда я украдкой разбилъ ложечкой яйцо, то звукъ раздался какъ громовой ударъ и всѣ съ ужасомъ на меня оглянулись; утѣшенія любящимъ родителямъ, которыя онъ представлялъ, вызвали громкіе вопли, и потоки слезъ быстро полились со всѣхъ сторонъ.

Наконецъ, наступила та страшная минута, когда безумно любящее сердце матери должно было облиться кровью, — и когда долженъ былъ пострадать карманъ обожаемаго отца, если отецъ обладаетъ какой-нибудь долей душевнаго величія. Забывая о новомъ чепцѣ, мамаша скрываетъ свое лицо въ шляпкѣ чада и целуетъ милыя щечки, теперь принадлежащія другому, — щечки, которыми она такъ страстно любовалась! Тутъ же невдалекѣ стоятъ и папаша, ожидая когда эти милыя щечки освободятся, чтобъ и самому напечатлѣть сердечный поцалуй на ихъ атласистой поверхности. Взгляните, въ его рукѣ свертокъ, и когда любимое дитя поворачиваетъ личико къ милому папа, онъ владеть скрытое сокровище въ ея ожидающую ручку. «Спрячь въ карманъ», шепчетъ онъ и отвертывается въ другую сторону.

Когда Анастасія взглянула въ таинственный свертокъ, она была неприятно поражена, увидѣвъ, что чека была только въ пять фунтовъ.

Мы смотрѣли, какъ новобрачные благополучно уѣхали; джентльмены смотрѣли имъ вслѣдъ, стоя въ дверяхъ и помахивая сафетками,—дамы, красиво сгруппировавшись на балконѣ, неистово посылали руками поцалуи. Мистриссъ Игль въ дорожномъ нарядѣ была восхитительна; а мистеръ Игль произвелъ на всѣхъ впечатлѣніе своимъ шотландскимъ костюмомъ. Уличный вабъ, нагруженный снаружн и внутри багажемъ, слѣдовалъ за новобрачными. Разумѣется, для счастья, вслѣдъ за новобрачными, брошенъ былъ старнй башмакъ, который, попавъ на огромную, какъ барабанъ, коробку, имѣлъ честь сопровождать счастливую чету до самой станціи желѣзной дороги.

Я потомъ узналъ, что по пути чрезъ городъ новобрачные не позволили себѣ отвести душу въ разговорныхъ изліаніяхъ. Они были совершенно поглощены соверпаніемъ своего счастья и другъ друга. Они сядѣли рука-объ-руку, не сводя одинъ съ другаго восторженныхъ взоровъ,—развѣ только для того, чтобъ мигнуть.

Когда Долли испускалъ слабое стenanіe, Анастасія отвѣчала ему сдержаннымъ вздохомъ; она знала, что это стenanіe значитъ ея

тебя обожаю», а онъ переводилъ ее вѣдохъ словами: «о, радость моя!»

Только когда экипажъ достигъ Чипсайда, шумъ и суматоха грубой черни заставили влюбленныхъ очнуться отъ небесныхъ восторговъ и напомнили имъ, что они все-таки смертные. Безпрестанныя остановки и постоянные толчки низвели ихъ съ вершины блаженства на землю.

Бѣгая по платформѣ вокзала, мистеръ Икль уже не былъ прежнимъ застѣнчивымъ Долли, но гордымъ, повелительнымъ, крикливымъ джентльменомъ, который распоряжался носильщиками, точно будто бы они были у него на жалованьи, и вызывающимъ взоромъ смотрѣлъ на каждаго встрѣчнаго. «Куда вы положили ящики *моей жены*?» кричалъ онъ, «смотрите! Эй! осторожнѣе съ картонками *моей жены*!» гремѣлъ онъ. «Уложенъ багажъ *моей жены*?» гнѣвно спрашивалъ онъ.

Онъ рѣшился дать знать всѣмъ и каждому, что онъ женатъ, и совершенно успѣлъ въ этомъ; едва они сѣли въ экипажъ, какъ носильщикъ, просунувъ голову въ окно, заявилъ ему, что «желалъ бы вынуть за здоровье новобрачной, ваша милость».

Вслѣдъ за тѣмъ караульный пришелъ посмотреть ихъ билеты и пожелалъ новобрачному счастья на всю жизнь, «а также и прекрасной лѣди». Еще три носильщика сильно желали осушить кубокъ въ честь прекрасной Анастасіи, но это прелестное созданіе такъ гнѣвно вскричало: «какъ вы смѣете; мужики! прочь!» что безстыдные парни удалились въ смущеніи.

Не бывало другого путешествія болѣе сентиментальнаго, какъ путешествіе этихъ двухъ существъ, спѣшившихъ въ Дувръ. Какъ только Анастасія дѣлала движеніе, Адольфъ съ тревогой вскакивалъ съ мѣста; если ему случалось чихать, она уже была подлѣ и поддерживала его. Когда утреннее возбужденіе улеглось, Анастасія почувствовала сильное желаніе соменить глаза.

— Засните, дорогая, умоляю нѣжный супругъ.

— Засните, шептала прекрасная супруга.—Если вы этого желаете, мой ангелъ, то я попытаюсь заснуть, но только для того, чтобъ видѣть васъ во снѣ.

Потомъ онъ спросилъ:

— Отчего этотъ свистокъ такъ пронзительно свиститъ?

На это послѣдовалъ восхитительный отвѣтъ: — я его не слышала, мой Адольфусъ; мои мысли были съ милымъ сердцу.

— Будемъ всегда, моя дорогая, сказалъ Адольфусъ, которому, въ темнотѣ тоннеля, внезапно пришла на умъ свѣтлая мысль:—будемъ всю жизнь избѣгать ссоръ и несогласій.

— О, да! да! будемъ жить для счастья другъ друга, отвѣчала она серьезно.

— Знаю, жизнь моя, продолжалъ добрый Доли, блѣдный отъ волненія:—что мой нравъ временами жестокъ и суровъ, и боюсь, что вамъ это можетъ показаться тяжелымъ!

— Какъ это странно! возразила она.—Я вотъ никогда не бываю сердитою, никогда!

— Иногда, продолжалъ маленькій человѣчекъ:—я самъ себя ненавижу за то, что поддаюсь ужасному гнѣву. Это такъ дурно.

— Это очень замѣчательно! отвѣтила она. — Я не помню, чтобъ когда-нибудь во всю жизнь увлеклась гнѣвомъ.

— Хорошая дѣвушка! воскликнулъ Доли. — Я научусь у васъ обуздывать себя. Когда я хмурюсь...

— Я буду улыбаться! прервало милое существо.

— Когда я стану дуться... прибавилъ онъ.

— Я васъ буду ласкать! заключила она.

Они пріѣхали въ Дувръ въ неблагоприятное время. По причинѣ прекрасной погоды городъ былъ переполненъ посѣтителемъ, такъ что задніе фасады верхнихъ этажей домовъ сравнялись по цѣнѣ съ лицевыми изящными квартирами. Не видно было ни одного окошка съ пріятною надписью объ отдачѣ комнатъ въ наймы.

Въ довершеніе досады, всѣ гостиницы были переполнены народомъ. Герцогъ саксенъ-горнбургскій, посѣтивъ Англію на счетъ своего народа, занялъ, съ своею многочисленною свитой, одинъ изъ отелей; герцогъ саксенъ-гольбергскій, также съ огромной свитой, завладѣлъ другимъ отелемъ; каждая изъ остальныхъ гостиницъ въ городѣ была осаждена многочисленною свитой принца Свратченберга: все это были приглашенные гости нашего богатаго королевства.

Что было дѣлать? Пока новобрачная чета хлопотала о томъ, какъ бы устроиться, пароходъ отплылъ къ улыбающимся берегамъ Франціи; ближайшій рейсъ въ Лондонъ былъ не ранѣе полуночи. Анастасія умирала отъ усталости, а между тѣмъ, вѣроятность отдыха казалась очень отдаленною.

Я убѣжденъ, что ни одна леди во всей Англіи, кромѣ Анастасіи, не добилась бы ничего. О деньгахъ не могло быть рѣчи. Очаровательная ловкость и божественное умѣнье вести дѣла—вотъ все, на что можно было рассчитывать.

Войдя въ хорошо-извѣстную своими удобствами гостиницу «Юньская Роза», Анастасія отвела въ уголь полногрудую хозяйку, и рассказала ей свою плачевную исторію. Только сегодня утромъ обвѣчалась; только нѣсколько часовъ тому назадъ оста-

вила великолѣпное городское жилище своего отца, и вѣтъ очутилась вмѣстѣ съ супругомъ (который тоже привыкъ къ удобствамъ) безъ пристанища и крова. Не грустно-ли, что любой уличный бѣднякъ былъ теперь счастливѣе ихъ, людей богатыхъ и привыкшихъ вращаться въ высшемъ кругу общества?

Сердце трактирщицы забилось сочувствіемъ: она вспомнила тотъ день, когда сама была также невѣстой, полною надеждою на будущее, и — поправивъ чепчикъ, бросилась въ помѣщеніе жильцовъ-нѣмцевъ.

Ей удалось уладить дѣло. Нашелся добрый человекъ, геръ Грунтцъ, или, лучше сказать, ангелъ въ образѣ человека, — который съ перваго же слова уступилъ свою комнату въ распоряженіе сокрушавшейся невѣсты. Онъ посоветовался съ товарищами, и они согласились пожертвовать собою, и легли спать втроемъ на одной постели.

— Всѣ люди прекрасные; они въ свѣтѣ принца Скратченберга, объяснила хозяйка гостиницы.

— Какъ они добры! какъ великодушны! восликала благодарная Анастасія. — Утромъ, милый Адольфусъ, вы должны пойти поблагодарить этого джентльмена.

Не воображая бѣднякъ Долли, ставя за дверь свои маленькіе сапожки, что этому самому господину Грунтцу, которому онъ былъ такъ благодаренъ за уступку постели, суждено сдѣлаться несчастіемъ его жизни!

Долли, быть можетъ, изво всѣхъ людей на свѣтѣ, былъ самый робкій, наименѣе ищущій извѣстности или одобренія толпы. Онъ любилъ свободу уединенія и спокойствіе какаго-нибудь тѣнистаго лѣснаго уюта. Нельзя сказать, чтобъ онъ совершенно не любилъ общества себѣ подобныхъ; но онъ былъ человекъ нервный, и не желалъ служить предметомъ чьего бы то ни было созерцанія.

Можно себѣ представить его смущеніе, когда на слѣдующее утро онъ очутился героемъ «Юньской Розы». Куда бы онъ ни пошелъ, за нимъ слѣдовали улыбавшіеся слуги. Если онъ позволялъ себѣ побродить взадъ и впередъ предъ домою для возбужденія аппетита предъ завтракомъ, посвятившая какакой-нибудь незатѣйливый мотивъ, немедленно за его движеніями наблюдали головы въ шляхахъ и чепцахъ, гладко выстриженныя или завитыя въ булки. Онъ принужденъ былъ удалиться въ свою комнату и ждать, чтобъ Анастасія защитила его.

Это любящее созданіе услышало его шаги.

— Долли, милый, крикнула она изъ спальни:—что вы желаете, чтобъ я надѣла, а?

Онъ подумалъ съ минутой, и потомъ сказалъ:

— Надѣньте, милочка, кружевную пелеринку! Вы въ ней воспитательница!

— Глухой вы барашекъ! возразила она: — вѣдь это была машина пелеринка.

Минуту спустя, милый голосъ опять крикнулъ ему:

— Доли, милый! Я не могу найти брошку.

— Не беспокойтесь, мы поищемъ ее послѣ завтрака, возразилъ онъ. — Надѣньте алмазную.

— Какой же вы безумецъ, милочка! отвѣчало благородное созданіе: — вѣдь вы знаете, что алмазная тоже принадлежитъ мамашѣ.

Господи, подумалъ Доли: она все носила вещи матери!

Тотъ же сладкій голосъ еще разъ сказалъ:

— Вѣдь хорошо будетъ надѣть браслеты; да, душа моя?

Доли любилъ видѣть ее въ браслетахъ.

— О, дорогая, надѣньте, задумчиво отозвался онъ: — тѣ золотые браслеты, которые я видѣлъ на вашихъ прелестныхъ ручкахъ въ первое наше свиданіе!

— О, злой лукавецъ, воскликнула Анастасія: — будто я вамъ не говорила, что эти браслеты также мамашины!

Господи комилуй! мысленно воскликнулъ удивленный супругъ съ досадой: отчего это все принадлежало мамашѣ?

Но всякая досада исчезла, когда очаровательная мистриссъ Игль сѣла за завтракъ, восхитительно одѣтая въ платье ибжно-лилового цвѣта, которое сидѣло на ней очень ловко и чрезвычайно шло къ ея прекрасной фигурѣ. Она такъ граціозно распорядилась чайникомъ, что онъ выпилъ цѣлыхъ три чашки.

Послѣ завтрака, карета была нанята, ящики уложены; булонскій пароходъ уже сильно звонилъ въ призывный колоколъ, а надо было еще благодарить учтиваго германца, уплатить по счету и присмотрѣть за багажемъ. Доли былъ командированъ внизъ для изъявленія признательности великодушному чужеземцу, а Анастасія въ это время сдавала сундуки. Доли вручилъ свою карточку слугѣ, изъявилъ желаніе видѣть г. Грунтца, и сталъ бродить по залѣ, въ ожиданіи отвѣта.

Между тѣмъ, слуги, цѣлое утро ожидавшіе случая поймать новобрачнаго, сейчасъ замѣтили, что благопріятная минута наступила. Съ быстротою молніи по всему дому пролетѣла вѣсть, что новобрачный ходитъ одинъ въ залѣ. Они всѣ начали собираться вокругъ несчастнаго Доли, выбѣгая по лѣстницѣ изъ кухни, спускаясь по той же лѣстницѣ изъ спальни, выбѣгая изъ конюшенъ и флигелей: тутъ явились лакеи, горничныя,

швейцаря, чистильщика сапоговъ, повара, даже кучеръ. Они окружили его такъ, что не было никакой возможности ускользнуть. «Долго здравствовать новобрачной, сэръ», кричалъ одинъ; «надо бы выпить за ея здоровье, ваша честь», говорили другой; «дай Богъ счастья и благополучія и дома, и въ чужихъ краяхъ», торжественно пѣлъ третій.

Новобрачному оставалось только улыбаться и сунуть соверенъ въ ближайшую руку. Но это не усмирило жадныхъ доброжелателей.

— Намъ изъ этого ничего не достанется, ваша честь, замѣтили чистильщики сапоговъ.

— Велите ему сейчасъ раздѣлить этотъ соверенъ! сказала горничная.

Былъ раздѣленъ и второй соверенъ, за вторымъ — третій, и невозможно сказать, сколько пришлось бы ихъ пожертвовать, — еслибы неустрашимая Анастасія, сходя съ лѣстницы, не замѣтила алчныхъ грабителей; она бросилась въ толпу и избавила своего агнента отъ гибели.

— Выпить! Я вамъ дамъ выпить, вскричала негодующая леди.

— Они такіе ненастные! прибавилъ Доли съ отвращеніемъ.

Пока Анастасія вела расчеты съ хозяйкой гостиницы, къ ея супругу подошелъ, кланяясь и улыбаясь, ослепительный, увѣсистый джентльменъ, съ большими ушами, въ золотыхъ очкахъ, во фракѣ, плотно обхватывавшемъ его талию, и въ короткомъ атласномъ жилетѣ. Это былъ, очевидно, геръ Грунтцъ. Онъ протянулъ свою широкую ладонь и пальцы его охватили крошечную ручку Доли такъ легко, какъ бы это была рукоятка перочиннаго ножика.

Краснѣющій Доли началъ рѣчь очень хорошо: «я весьма обязанъ, сэръ», но улыбающійся иностранецъ прервалъ его короткимъ замѣчаніемъ:

— Я не говорю поанглійски, сэръ!

Потомъ пожалъ плечами, покачалъ головой, и добросердечно улыбнулся.

Чтобы дать возможность лучше понять чужеземцу нашъ прекрасный языкъ, Адольфусъ заговорилъ громче. Онъ знакомъ пригласилъ нѣмца сѣсть, и указывая на адресъ, напечатанный на карточкѣ, закричалъ изъ всѣхъ силъ:

— Вотъ мой адресъ! — очень радъ васъ видѣть! Лондонъ — дома!

Иностранецъ, очевидно, понялъ слово «Лондонъ», потому что подаловалъ концы своихъ пальцевъ и испустилъ звукъ: «О!», желая, вѣроятно, выразить свое восхищеніе британской столицей; потомъ, вида, что дальнѣйшія разговоръ затруднителенъ, онъ

опять принять шутовское выражение лица, и раскланялся, очевидно, чрезвычайно довольный собою. При этомъ онъ нашелъ время бросить долгій взглядъ на прекрасную Анастасію, которая въ эту минуту спорила съ хозяйкой нѣ-за-расчета; красота новобрачной замѣтно поразила его. Между тѣмъ, расчетливая Анастасія восклицала:

— Гинея за постель! Это неслыханная цѣна! Я не дамъ! Это грабѣжъ!

— Прошедшею ночью вы не назвали бы это грабежомъ, мадамъ, возразила съ гнѣвомъ хозяйка гостиницы. — Тогда вы были очень любезны и кротки!

— Моя милая, вступился-было Адольфъ.

— Пожалуйста, не выѣшивайтесь, мой милый, отрубала ему Анастасія.

Вѣдний паренъ отступилъ въ смущеніи.

— Боже милостивый, уже! прошептавъ онъ.

ГЛАВА V.

Мистриссъ Икль учитъ, какъ должно расходовать деньги.

Что сдѣлалось съ нашей интересной парой послѣ прибытія въ Парижъ, — я никогда не могъ достовѣрно узнать. Дѣйствительно, дѣла велись такъ секретно, что я думаю, должно было случиться что-нибудь серьезное.

Новобрачные сознавались только въ тѣхъ бѣдствіяхъ, которыя, обыкновенно, постигаютъ людей, посѣщающихъ чужія страны, не будучи въ состояніи говорить на туземномъ языкѣ. Эти маленькія мученьца Долли въ значительной степени приписывала наклонности своей возлюбленной Анастасіи слишкомъ рьяно пускаться въ разговоры съ мѣстными жителями, и никогда не позволить супругу подать мнѣніе относительно значенія сказанныхъ словъ.

— Она женщина чрезвычайно талантливая, замѣчалъ Долли: — но какъ она знаетъ пофранцузски не болѣе шести словъ, включая въ то же число «да» и «нѣтъ», то я думаю, должна бы позволить мнѣ заглядывать, по временамъ, въ карманный лексиконъ.

Самое непріятное обстоятельство, одно изъ самыхъ мучительныхъ безпокойствъ, какія только могутъ постигнуть лѣниваго человѣка, — бываетъ тогда, когда вернувшись домой послѣ трехмѣсячной соимвой, распущенной праздности — онъ находитъ у себя на столѣ до сотни писемъ, съ надписью «снѣвшее» или

«нужное», — писемъ, требующихъ отвѣтовъ въ возможно-скоромъ времени.

Изъ привязанности къ Долли, я въ теченіе его медоваго мѣсяца, часто посѣщала его комнаты, и приводила въ порядокъ на столѣ его обширную корреспонденцію, такъ что, первый предметъ, поразившій бѣдные глаза новобрачнаго, при входѣ въ комнату, была огромная змѣя писемъ, извивавшаяся по его столу причудливыми изгибами.

— Что это за чертовщина? вскричала Долли въ ужасѣ, указывая на мою змѣю.

— Это письма къ вамъ, любезный другъ, возразилъ я.

Долли широко раскрылъ глаза.

— Ко мнѣ? вскричала она: — невозможно! Я не знаю ни одного человѣка, который бы могъ писать ко мнѣ!

Но пока онъ говорилъ это, послышался стукъ почтальона, который принесъ еще два письма. Они превосходно закончили хвостъ змѣи.

— Я сожгу ихъ! сказала Долли, злобно и искоса смотря на змѣю, точно она могла его понимать.

Многіе любятъ читать чужія письма, даже больше, чѣмъ свои собственныя, — по крайней-мѣрѣ, я люблю это, и потому, конечно, не хотѣлъ и слышать о подобномъ предложеніи.

— Что за пустяки! возразилъ я: — чтеніе не займетъ и десяти минутъ. Начинайте, я вамъ помогу.

Мы принялись за работу.

Вотъ и говорите о прелестяхъ супружеской жизни! Да! я знаю, что это дѣло великое имѣть женою любящее, кроткое созданіе, котораго единственная мечта состоитъ въ томъ, чтобъ увеличить счастье и благополучіе своего преданнаго супруга, — которое жертвуетъ собою, чтобъ обезпечить себѣ вашу любовь и благословляетъ васъ за нее; вотъ подобную-то женщину я ищу, и если когда-нибудь встрѣчу ее, то употреблю всѣ усилія, чтобъ надѣть ясное золотое кольцо на ея палець.

Но такихъ женщинъ мало, и ихъ скоро разбираютъ; право, если вы знаете хотя одну такую, то въ обмѣнъ локона ея возьмется я готовъ дать вамъ прекрасныя карманныя часы съ цѣпочкой и брелочками.

Но иногда женщины бываютъ похожи на мартовскіе орѣхи: сорокъ ни на что негодныхъ приходится на одинъ, стоящій хотя что-нибудь. Я холостякъ, и себѣ на умѣ. Еслибъ у меня было шесть дочерей, то, быть можетъ, я сталъ бы проповѣдывать иную теорію и поклялся бы, что счастье жизни заключается въ женитьбѣ. Я увѣренъ, что есть мужья, которые предаются

раскаиваю и называютъ себя не лестными именами еще до истеченія перваго года супружескаго счастья. Мнѣ было бы понятно, еслибы Долли, прочитавъ сто писемъ, пожалѣлъ о томъ, что прекрасная Анастасія не была дрожайшей половиной кого-нибудь другого.

Прежде всего, мы раскрыли поздравительное письмо отъ нѣкоего Уильяма Клингера, дяди жены, — письмо, полное сладкихъ пожеланій будущаго благополучія, заключавшееся просьбой объ одолженіи въ займы 50 фунтовъ, которые будутъ уплачены при первой возможности.

Первый кузенъ, подписавшійся Джейсъ Лякъ, просилъ только 20 фунтовъ, но прислужкою ихъ нельзя было медлить ни одного дня; второй кузенъ, Джонъ Моссъ, былъ увѣренъ, что не можетъ обойтись менѣе, чѣмъ 30 фунтами, — «и, пожалуйста, билетами».

Кузина, по имени Мэри Соккеръ, писала патетическое заявленіе о своемъ затруднительномъ положеніи и, чтобъ поправиться, прямо требовала четырехлѣтней пенсін.

Даже Бобъ Декадъ, эта бездонная пропасть, находился въ числѣ алчной толпы; но, разумѣется, въ его письмѣ было и смягчающее обстоятельство: онъ съ честію занималъ мѣсто въ этомъ стадѣ, возвысивъ свои нужды до суммъ 300 фунтовъ, уплату которыхъ онъ гарантировалъ «своею честію». Основательное знаніе такого человѣка, какъ Бобъ, дѣлало суду, при этой гарантіи, спекуляцію первоклассною.

Вскрывая каждое письмо, я изъ любопытства записывалъ просимую сумму, и, когда мы кончили всю змѣвку, я имѣлъ удовольствіе — путемъ простаго сложенія, получить очень крупную сумму, немного болѣе 3,000 фунтовъ.

— Боже милостивый! да они, кажется, принимаютъ меня за идиота! вскричалъ Долли, дико смотря вокругъ себя. (А это скверное чувство — знать, что на васъ смотрять, какъ на дурака, многочисленные родственники, обитающіе на всемъ разстояніи отъ Южнаго Девоншейра до Эбердина!).

Эти родственники, очевидно, думали, что каждый, кто женится на прекрасной Анастасіи, долженъ быть слабоумнымъ, и, слѣдовательно, легкой добычей. Что-то подобное уже вертѣлось въ умѣ Долли, когда онъ сидѣлъ, запустивъ пальцы въ волосы и угрюмо похвистывая.

— Вы, конечно, пошлете деньги, сказалъ я, улыбаясь и принимая на себя шутивый видъ, чтобъ онъ не вообразилъ, что я говорю серьезно. — Въ прекрасное дѣльце вы впутались, мой милѣйшій.

Онъ сердито вскочилъ съ мѣста; его маленькіе члены какъ бы распрямились отъ гнѣва, а миниатюрная фізіономія приняла почти звѣрское выраженіе; онъ скопчалъ всѣ письма, сказавъ: «я покончу съ этимъ; Анастасія будетъ отвѣчать имъ, она будетъ отвѣчать, клянусь Юпитеромъ».

Блумсбергійская красавица обладала особымъ способомъ обращенія съ бѣдными родственниками: она предоставляла имъ выпутываться изъ затрудненій, какъ они знаютъ. Она была не такая женщина, которую можно поддѣть. Мистеръ Игль составлялъ ея собственность, и никто не долженъ былъ трогать его деньги, пока она могла ихъ тратить.

Единственное письмо, которое она удостоила отвѣтомъ, было письмо милого старца Боба: пиннокъ, который она письменно отпустила этому достойному юношѣ, заставилъ его оставить привычку братья за перо на будущее время.

Другія посланія пригодились развести огонь. Передъ пылавшей массой, стояла прекрасная Анастасія, и мѣшая ее кочергой, говорила съ негодованіемъ: «что за безстыдство!» Когда наконецъ бѣдная змѣя была обращена въ тлѣющую грудю пепла, она прибавила: «подобной наглой попытки грабежа я никогда еще не видала! Послѣ этого они снимутъ съ меня платье!»

Доли въ эту минуту удивился, почему она исключительно говорить о своемъ платьѣ и совершенно забываетъ объ ея сюртукѣ.

— Мнѣ пришло въ голову, Доли, прибавила она, поуспокоившись нѣсколько отъ негодованія: — что было бы лучше мнѣ одной распорядиться деньгами; помните, я говорила это еще въ Парижѣ. У васъ нѣтъ достаточно мужества, мой другъ, чтобъ противиться этимъ гадкимъ вымогательствамъ. Вы слишкомъ простосердечны и податливы. Если такъ будетъ продолжаться, я останусь безъ пріюта!

Эти постоянныя опасенія за собственное удобство и полнѣйшее равнодушіе къ тѣмъ лишеніямъ, какія могли постигнуть мужа, заставили Доли почувствовать себя очень незначительнымъ и несчастнымъ. Онъ началъ думать, что его Анастасія склонна къ эгоизму.

— Теперь пока еще я буду самъ завѣдывать своими дѣлами, милочка, отвѣчалъ онъ.

Частыя попытки завладѣть распоряженіемъ его кошелка начинали его тревожить. Ему казалось, что если онъ выпуститъ изъ рукъ деньги, то современемъ возлюбленная, быть можетъ, и забудетъ о существованіи на свѣтѣ особы, именуемой Адольфусомъ Иглемъ, зскавайромъ.

Когда я его увидѣлъ въ слѣдующій разъ, онъ сказалъ мнѣ:

— Право, не постигаю, что сдѣлалось съ Анастасіей! Вы знаете, что она всегда была такъ мила! Теперь она не оказываетъ мнѣ ни малѣйшаго уваженія, точно я какая-нибудь пѣшка.

— Отчего жъ не высказать этого ей самой вмѣстѣ того, чтобы говорить мнѣ? замѣтилъ я, стараясь возбудить въ немъ мужество.

— Да, до этого и дойдетъ! пробормоталъ онъ.

Но я видѣлъ, что самая мысль о сценѣ съ величественной супругой заставляла трепетать его боязливое маленькое сердечко.

Легко понять, что лэди, обладающую счастливою наружностью и прекраснымъ состояніемъ, какими обладала мистриссъ Илья, должна была сердить и мучить самая мысль о житьѣ въ мѣблированныхъ комнатахъ. Какое удовольствіе женщина съ такими возвышенными идеями могла найти, живя въ первомъ этажѣ, когда она чувствовала, что должна была имѣть изящно-мѣблированную квартиру съ своей собственной ливрейной прислугой и лошадьми на конюшнѣ?

Ея ожидало видное положеніе въ обществѣ, иначе для чего же она вышла замужъ, любопытно знать?

— Я вовсе не намѣрена запереться въ этихъ отвратительныхъ конурахъ въ угоду вамъ, мистеръ Илья, или кому бы ни было другому, сообщила она своему супругу.

— Отвратительныхъ конурахъ! воскликнулъ Долли: — четыре гиней въ недѣлю, моя милая!

— Еслибъ онѣ стоили даже четыреста гиней въ недѣлю, я и тогда не перемѣнила бы своего мнѣнія, сэръ! отвѣчала непоколебимая лэди. — Еслибъ я вышла за какого-нибудь клереа въ Сити, то и тогда не могла бы жить хуже!

Въ то же утро она отправилась къ одному изъ лучшихъ лондонскихъ мѣбельщиковъ.

Анастасія была женщина съ большимъ природнымъ вкусомъ и обладала зоркимъ глазомъ въ дѣлѣ выбора. Съ безпримѣрнымъ великодушіемъ она просила Долли не давать себѣ ни малѣйшаго труда хлопотать относительно объясненій съ торговцами или выбора мѣбели. Она взвалила весь этотъ трудъ на свои прекрасныя плечи.

Всѣ заботы мистера Илья ограничивались тѣмъ, чтобы по временамъ ѣздить въ Сити и доставать деньги для уплаты по счетамъ; безъ сомнѣнія, это была самая легкая часть всего дѣла, потому что никогда не отнимала у него болѣе нѣсколькихъ часовъ времени.

— Какой чудесный шкафъ для платья я купила сегодня ут-

ромъ! вы никогда такого не видали, мой милый! сказала мистрисъ Икль, когда они сидѣли за обѣдомъ. — Всѣ мои венцы въ немъ размѣстились превосходно.

— Я думаю, что и мнѣ нужно бы что-нибудь въ томъ же родѣ, отвѣчалъ Долли.

— Ахъ, я и забыла, возразила она: — напомните мнѣ утромъ, милый; вамъ нуженъ комодъ.

— Мнѣ особенно нужно кресло, сказала Долли.

— Вѣдь будетъ и такъ много кресель; зачѣмъ же входить въ лишнія издержки, Адольфусъ? возразила экономная супруга. — Вы можете пользоваться тѣми, которыя я заказала для себя.

— Но я хочу имѣть для себя особое кресло, продолжалъ Долли, съ возрастающимъ раздраженіемъ: — обитое кожей, просторное кресло.

— Мистеръ Икль, упрекнула жена: — позвольте васъ спросить, какая будетъ польза изъ того, что я лѣзу изъ кожи, стараясь сберечь деньги, если вы будете мѣшать мнѣ подобными негѣпо-эксцентричными наклонностями? Я бы желала, чтобъ вы были поразсудительнѣе, мой милый.

Но Долли, въ концѣ концовъ, все-таки добился кресла, и общалъ мнѣ, что одержалъ первую побѣду, и намѣревается продолжать въ томъ же духѣ.

Вилла близъ Твингенга была, говоря умѣреннымъ языкомъ, просто совершенство. Сады въ ней были такъ великолѣпны, что три садовника жаловались на обременительность работы и говорили, что надо еще держать мальчижа. Хотя плата была и висока, но по соображеніи съ красотою мѣстности (какъ выражалась надменная Анастасія) «даже при цѣнѣ вдвое большій должно было считать насемъ чрезвычайно дешевымъ». Если было много слугъ, то хозяйка дома замѣчала, что «она найдетъ довольно работы для всѣхъ». Такого рода аргументъ, хотя и утѣшительнъ, но имѣетъ свои темныя стороны.

— Душа моя, мы вовсе не въ состояніи жить такимъ образомъ, жаловался Долли.

— Разъ навсегда, мистеръ Икль, возразила Анастасія съ подавляющимъ достоинствомъ: — позвольте мнѣ распоряжаться своимъ домомъ такъ, какъ я считаю лучше. Я все обдумала, разумно ограничивъ нѣкоторые изъ нашихъ лишнихъ расходовъ; прежде всего, вы должны оставить свой клубъ.

Это было тяжелымъ ударомъ для Долли, который любилъ посѣщать клубъ — спасительный пріютъ для женатыхъ людей.

— Но, моя милая! пробормоталъ онъ.

— Потому, у васъ, я увѣрена, довольно будетъ платья лѣтъ

на десять, такъ что счетовъ отъ портняжъ получать болѣе не предвидится.

— Однакожъ, жизнь моя, протестовала супругъ, который привыкъ одѣваться хорошо.

— А лучше всего въ здѣшной сельской жизни то, Долли, продолжала жена: — что вамъ некуда тратить денегъ, хотя бы даже вы и хотѣли этого; право, одного фунта вамъ будетъ довольно-предовольно на мѣсяцъ.

— Клянусь честью, моя милая, протестовалъ маленькій человѣчекъ, огорченный тѣмъ, что всѣ жертвы приходится дѣлать только ему.

Когда домъ былъ устроенъ, какъ слѣдуетъ, въ милой мамашѣ, въ Влумсберн-скверъ отправили письмо съ просьбою провести нѣсколько дней въ Твикенгемъ. Прелестное дитя сильно желало выставить передъ родительскими глазами хорошую мебель, украсившую ея домъ. Нѣжная родительница не замедлила прибытіемъ. Либомытство ея было возбуждено до такой степени, что еслибы приглашенія не послали, то можно бы было ждать съ ея стороны насильственного визита. Она привезла съ собою сундукъ, который предвѣщалъ что-то въ родѣ цѣлаго мѣсяца пребыванія въ Твикенгемъ. Сказать правду, милая мамаша нѣсколько завидовала, гуляя по великолѣпнымъ комнатамъ своей дочери. Она въ восхищеніи складывала руки, осматривая рѣзныя кровати, и постукивая кулакомъ въ упругіе матрацы. Она ощупывала тонкое бѣлье и малиновые шелковые обои. Она готова была присягнуть, что комнаты для слугъ лучше, чѣмъ у нея самой. «Какъ! полотняныя простыни, а братъ твой Бобъ спитъ на коленкорѣ!» восклицала она въ изумленіи. Брюссельскіе ковры, куча бархату, турецкіе, персидскіе ковры, все это вызывало у нея громкія восклицанія и затаенную зависть.

Достойная старушка завидовала до послѣдней степени; самое худшее было то, что при видѣ всего этого она должна была принимать радостный и гордый видъ. «Какъ бы я хотѣла имѣть платье, такое, какъ занавѣсы въ вашей гостиной!» Это было единственное замѣчаніе, которое она осмѣлилась сдѣлать.

Посѣщеніе мамашы можно было легко объяснить тѣмъ, что мистриссъ Илль еще мало знала толкъ въ хозяйствѣ, и чувствовала себя столь же смущенною, сдѣлавшись госпожей обширнаго зданія въ Твикенгемъ, какъ можетъ быть смущена невинная молодая лэди, привыкшая управлять тележкой, запряженной пони, когда увидитъ себя на козлахъ большой телеги съ длинными возжами въ рукахъ. Послѣ многихъ совѣщаній между матерью и дочерью, — заключенія, къ которымъ онѣ при-

или, были, для формы, сообщены мистеру Иглю, чтобъ узнать, не имѣетъ ли онъ противъ нихъ какихъ нибудь возраженій.

— Мы съ Анастасіей уладили все, начала мистриссъ де-Кадъ, смѣло рѣшившаяся объяснить Долли всю дѣловую сторону своихъ заключеній.—Вы представить себѣ не можете, Игль, какъ это милое дитя забѣтится, чтобъ поддержать приличный видъ, необходимый для свѣта.—Но прежде всего, скажите мнѣ, вы желаете имѣть завтрагъ каждый день?

Посмотрѣвъ на нее нѣсколько минутъ, пока собирался съ мыслями, Долли отвѣчала, съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ, что привыкъ завтракать каждый день.

— Не знаю, можно ли будетъ устроить завтрагъ, Игль, сказала ему тѣща, покачивая головою.

— Какі! нельзя устроить завтрака? — нельзя, въ моемъ собственномъ домѣ? вскричала Долли.

— Вашихъ шестьсотъ фунтовъ въ годъ не надолго станеть для поддержки такого дома, объяснила мамаша.

— Но вѣдь есть еще ея шестьсотъ фунтовъ, возразилъ супругъ.

Капнувъ нѣсколько разъ, мистриссъ де-Кадъ продолжала:

— Я думаю, что Анастасія рѣшилась насколько возможно быть бережливой; она хочетъ копить свои доходы для дѣточекъ, если будетъ осчастливлена ими. Я сильно сомнѣваюсь, чтобы 8 фунтовъ въ недѣлю было достаточно для поддержки такого дома, Игль.

Несчастный Долли былъ какъ въ туманѣ. Ея доходъ! бережливой на сколько возможно! Это было что-то новое и неожиданное. Не желая разсуждать объ этомъ предметѣ съ мистриссъ де-Кадъ, онъ сказалъ:

— Если восьми фунтовъ недостаточно, возьмите десять.

— Но, Игль, будьте разудительны, воскликнула она:—подумайте, хотя немного, прежде чѣмъ говорить такія вещи. Вспомните, что нужно уплачивать за насъ помѣщенія. Кромѣ того,—налоги, плата прислугѣ. Хотѣла бы я знать, откуда взять столько денегъ?

Это разсужденіе ему показалось смѣшнымъ.

— Откуда? вскричала онъ.—Конечно, изъ дохода Анастасіи! онъ ей выдѣленъ!

Спокойствіе, съ которымъ тѣща посмотрѣла на Долли, было убійственно.

— Не думаю, мистеръ Игль, замѣтила она: — чтобъ мистеръ де-Кадъ, какъ опекунъ дочери, согласился подѣ какими бы то ни было видомъ, трогать достояніе Анастасіи!

Могъ ли Долли вѣрить своимъ ушамъ? Онъ всколыхнулъ, какъ бѣшеный, и промчавшись самымъ невѣроятнымъ образомъ мимо дорогой тѣщи, которая стояла, какъ пораженный громомъ, — бросился вверхъ по лѣстницѣ, въ спальню жены. Его блѣдное лицо и дрожанія губъ сильно встревожили измученную Анастасію, которая, сидя на своей «divan», завалилась умицаніемъ своихъ прекрасныхъ бровей.

— Въ чемъ дѣло, скажите на милость? спросила она.

— Мистриссъ Игль, началъ забывавшіеся Долли:—ваша мать позволила себѣ, и—я боюсь—съ вашего одобренія,—произнести нѣсколько такихъ словъ, которыя требуютъ объясненія и оправданія съ вашей стороны немедленно, или...

— Или что, мистеръ Игль? спокойно спросила супруга.

— Или всё близкія отношенія между нами должны воцѣпиться, сказалъ Долли.

Онъ хотѣлъ сказать: «или я оставлю этотъ домъ», но гладнопроеіе жены его усмирило.

— Какъ вамъ угодно, мистеръ Игль, возразила Анастасія, возвращаясь къ своимъ бровямъ.

— Правда ли, сударыня, провозгласилъ Долли, стараясь принять на себя величественный видъ: — правда ли, что вы уполномочили мистриссъ де-Кадъ такъ деприлично выразиться относительно вашего дохода?

— Я не вижу, какое отношеніе *мой* доходъ можетъ имѣть до васъ, мой другъ! возразила мистриссъ Игль, даже не смотря на мужа.

— Подъ вліяніемъ страсти, сударыня, началъ Долли, задѣтый за живое: — я великодушно раздѣляю съ вами мое состояніе. Когда вашъ отецъ сказалъ мнѣ, что у васъ нѣтъ ни пенни за душой, то вмѣсто ропота, я уравнялъ васъ въ богатствѣ съ собою. Я сдѣлалъ это потому, что обожалъ васъ, сударыня, и имѣлъ глупость думать, что и вы нитаете ко мнѣ нѣжность!

— Продолжайте, сэръ, продолжайте! вскричала Анастасія, наклонясь надъ зеркаломъ, быть можетъ, для того, чтобы скрыть выступившій на лицѣ румянецъ.

— И теперь, теперь, продолжалъ Долли, какъ настоящій храбрецъ: — теперь вы осмѣливаетесь потрясать этимъ доходомъ передъ моими глазами, и не позволите мнѣ взять ни одного пенни изъ *вашихъ* денегъ. Я краснѣю за васъ! Это было предумышленно заранѣе, теперь я вижу это ясно — я былъ обманутъ!

Быть можетъ, Анастасія была такъ занята своими бровями, что не имѣла времени слушать разсердившагося маленькаго че-

ловѣна. Въ самомъ дѣлѣ, очень трудно расположить намъ слѣдуетъ густую броню и въ то же время поддерживать споръ съ должнымъ умиреніемъ. Снисходи, вѣроятно, въ ея отношеніи, Долли была такъ любезна, что повторила свое послѣднее замѣчаніе:

— Я говорю, сударыня, прерывала онъ: — я говорю, что была обманута!

Анастасія, гнѣвно повернувшись, вскричала:

— Обманута! какъ вы смѣете дѣлать такіа непримѣлимые замѣчанія? Кто васъ обманывалъ, сэръ?

— Сперва вѣдь отецъ, потомъ вы сами — словомъ, вся ваша семья, гремѣлъ Долли. — Меня надули!

— Надули! Оставьте мою комнату, сэръ, и не смѣйте показываться мнѣ на глаза, пока не научитесь относиться съ должнымъ уваженіемъ къ вашей женѣ и ея семейству, воскликнула мистриссъ Илль съ подавляющею торжественностью.

— Я не только оставлю эту комнату, сударыня, но оставлю этотъ домъ *навсегда*, сударыня! вскричала Долли.

Но, вмѣсто того, чтобы сдѣлать это, онъ тревожно ждалъ, какое дѣйствіе произведетъ эта страшная угроза на его Анастасію.

Но она только насмѣшливо улыбнулась и отвѣчала:

— Сдѣлайте милость, сэръ, прошу объ этомъ:

— Съ этого времени мы больше не мужъ и жена, прибавилъ онъ.

— Отчего же вы не подождали, пока пройдетъ первый годъ? съ насмѣшной сказала Анастасія: — это было бы лучше, я думаю.

— Я васъ презираю.

— Какой ужасъ! ха-ха!

— Вы мнѣ жалки!

— Это очень милостиво съ вашей стороны!

Къ удивленію Анастасіи, онъ, въ самомъ дѣлѣ, оставилъ домъ. Она слышала, какъ уличныя двери со стукомъ захлопнулись за нимъ, и, взглянувъ въ окно, увидѣла, что Долли несъ дорожный мѣшокъ, и съ величайшею поспѣшностью удалился въ направленіи въ Лондону.

— Моя милая Анастасія! вскричала мистриссъ де-Кадъ, въбѣгая въ комнату: — онъ ужасъ! чтѣ случилось?

Дочь, своимъ тихимъ веселымъ голосомъ, передала матери разговоръ съ супругомъ. Она смотрѣла на эту исторію, какъ на шутку.

— Противный караванъ! замѣтила она. — Я его проучу за грубость и наглость. Глупый баранъ! попользуется онъ предомной на колѣнахъ!

— Но, моя милая, уговаривала мамани: — будьте благодарными! Что, если онъ вовсе уѣдетъ! Эти крошечные люди бывають уларни, когда продають въ вестуленіе. Зачѣмъ вы его не усмирели, дуна моя? Ваши 600 фунтовъ въ этомъ громадномъ дежѣ — просто капля въ морѣ.

— Я введу его въ долги, вскричала яростная красавица. — Это будетъ стоить ему сотни фунтовъ и послужить ему хорошимъ урокомъ!

— Напишите ему письмо, учила мамани. — Я увѣрена, что онъ ѣдетъ гдѣ-нибудь по близости. Ну, будьте умной женщиной!

— Я дамъ балъ и заставлю его мучиться ревностью! рѣшила раздраженная красавица.

ГЛАВА VII.

Поведеніе мистриссъ Игль дѣлается чрезвычайно страннымъ.

Доли пришелъ ко мнѣ со слезами на глазахъ, унылый, какъ обанерутившійся аферистъ.

Вслушавъ его горестный разсказъ, я сказалъ:

Сколько времени вы женаты? Только восемь мѣсяцевъ. Ну, а бы дакъ на такую исторію по крайней-мѣрѣ года полтора.

Я тоже сказалъ ему, что онъ поступилъ хорошо, оставивъ домъ и что, вѣроятно, это образумитъ мистриссъ Игль.

Но мои слова не принесли ему никакого утѣшенія. Онъ только испускалъ стenanія и призывалъ смерть.

— Что пользы бранить ее, Джекъ, прошепталъ онъ. — Не браните ее болѣе. Еслибы я только могъ ее ненавидѣть, то былъ бы счастливъ, но я не могу съ собой ничего сдѣлать, а люблю ее по прежнему!

Я дѣлалъ все возможное, чтобы ободрить его. Я не ходилъ въ больницу въ теченіе недѣли. Мы попробовали развлекаться парками, театрами, ужинами, поѣздками по окрестностямъ; но хотя онъ слѣдовалъ за мною вездѣ и дѣлалъ все, что я желалъ, но все-таки на его бѣдной, угрюмой, крошечной физиономіи никогда не показывалась улыбка, и онъ вздыхалъ даже за обѣдомъ. Товарища началъ меня спрашивать, съ какимъ это «скелетикомъ» я постоянно гуляю?

Въ одно утро, когда онъ казался болѣе обыкновеннаго несчастнымъ (я наблюдалъ за нимъ, пока онъ брѣлся), ко мнѣ пришло письмо, которое я, какъ только прочталь, передалъ

бѣдному Долли. Это было приглашеніе отъ мистриссъ Ивль на вечеръ.

Онъ покраснѣлъ, какъ брикетный шарикъ, и вскричалъ: «О, небо!» затѣмъ пристально посмотрѣлъ на меня. Человѣку, знающему мистриссъ Ивль, легко было понять, зачѣмъ требовалось мое общество.

— Ей нужны вы, Долли, ей нужно, чтобы вы знали, какъ весело она проводить время безъ васъ, разъяснилъ я ему: — и такъ-какъ она увѣрена, что мы теперь живемъ вмѣстѣ, то и рассчитала, посредствомъ меня, довести до вашего свѣдѣнія о томъ, какъ отлично она веселится. Очень искусно, должно признаться!

— Какъ она безсердечна! вскричалъ онъ: — недоставало только этого послѣдняго удара!

— Любезный другъ, между вами происходитъ борьба, и это приглашеніе показываетъ, какъ она намѣрена вести дѣло, продолжалъ я. — Вы можете положиться на мои слова, что и она не чувствуетъ себя счастливою. Вы должны дѣлать видъ, что не обращаете вниманія на то, что она дѣлаетъ, и называть, что совершенно перестали о ней думать. Это ее сряжетъ. Предоставьте мнѣ вести съ ней дѣло. Идти мнѣ на этотъ вечеръ?

Долли казалось, что принять приглашеніе равносильно переходу на сторону прекраснаго непріятеля. Этого блестящаго гражданина, который давался въ насмѣшку ему, должны были, по его мнѣнію, бѣжать всѣ, которыхъ онъ называлъ друзьями.

Но, какъ человѣкъ самоотверженный, Долли рассудилъ, что хотя у меня и недостаетъ великодушія, онъ все-таки не будетъ мѣшать моему удовольствію бить на балѣ.

— Вы единственный человѣкъ, сказалъ Долли: — котораго мнѣ пріятно представить себѣ веселящимся въ моемъ дѣлѣ.

— Вы ошибаетесь, Долли, отвѣчалъ я: — если я пойду въ ней, то не для собственнаго удовольствія, а чтобы быть позволеннымъ вамъ. Она меня не ждетъ, даже увѣрена, что я не приду; мое появленіе изумитъ ее столько же, какъ еслибы онъ сами явились. Хотите услышать правдивый отчетъ обо всемъ, что тамъ происходитъ?

— Да, отвѣчалъ онъ: — неужто она можетъ быть весела и счастлива!

— Хотя бы ей сердце разрывалось, отвѣчалъ я: — вы можете быть увѣрены, что она ~~мнѣ~~ этого не выкажетъ.

— Если она несчастна, я прощу ее, променталь: Долли.

Когда наступилъ назначенный вечеръ, я одѣлся въ самое модное платье. Долли смотрѣлъ на меня съ безмолвно-несчаст-

нигъ видѣлъ: она толковала, что останеца одинъ, но кляса, что не хотѣлъ бы тамъ быть и за тысячу фунтовъ. Мы условились, что она будетъ ожидать моего возвращенія, а я долженъ уѣхать оттуда сейчасъ же послѣ ужина.

Мнѣ всегда доставляло наслажденіе отличать людей изъ же монетой, или, какъ говорится, поразить ихъ собственнымъ оружіемъ. Когда мистриссъ Милъ, разодрѣтая въ духъ и прахъ, подошла ко мнѣ съ улыбкой и любезно осведомилась о моемъ здоровьѣ, я уразумѣлъ все значеніе ея коварной привѣтливости.

— А гдѣ же мистеръ Никль? заиѣталъ я, когда, въ своемъ очереди, достаточно наговорилъ ей комплиментовъ.

— Развѣ вы его не видѣли? вскричала она съ удивленіемъ, превосходно разыгрывая роль: — а я думала, что вы съ нигъ такіе неразлучные товарищи!

— Да, это такъ, отвѣчалъ я, съ самой натуральной улыбкой: — но когда дворянскіи женятся, то мы, холостики, хорошо знаемъ, что востоянная компанія съ нами кончена. Здоровьѣ оны?

Препрассная агунья повала своими прелестными бѣлыми плечами и старалась казаться хладнокровною.

— Вѣроятно, оны гдѣ-нибудь на континентѣ, сказала она съ улыбкой: — оны уже адѣлажъ изъ меня вдову.

Я пристально наблюдалъ за ней, и она также не сводила съ меня глазъ нѣмой вечеръ. Она казалась мнѣ такъ же хороша, какъ и я ее конялъ. Она представлялась беззаботною и веселою, какъ птичка. Не проходило ни одного танца, въ которомъ бы она не принимала участія. Она выставляла мнѣ на видъ всѣ свои кокетивныя ужимки сидя подлѣ меня, она отдала джентльмену-нѣнику розу изъ своего букета. Разумѣется, я долженъ былъ, но ее рассчитавъ, напрямѣнно передать Долли это. Въ сущности, она испортила свою роль утравкой. Я былъ замученъ громаднымъ числомъ новыхъ знакомствъ, которыя она мнѣ навязывала; знаковые эти были все молодые джентльмены, смотрѣвшіе привычными губителями дамскихъ сердець. Это былъ способъ слобдить меня снисхождъ ея полконниковъ. Я былъ радъ, когда ногъ, наконецъ, успѣлинуть и воспѣивилъ къ бѣдному Долли.

Оны не слншалъ, какъ я вошелъ. Я нѣсколько минутъ смотрѣлъ на моего добросердечнаго друга, спавшаго въ большемъ креслѣ: плато на немъ было въ беспорядкѣ, волосы растрепаны, лицо озабочанное и исхудалое.

Я разбудилъ его крикомъ: Вставайте, дружище!

Оны омацалъ, потягивался:

— Я усомился, прислушивался къ стуку экипажей и заснулъ — Мнѣ только что спалась она... Чтѣ она?

— Конечно, прекрасна, отвѣчалъ я.

— Да, да, разумѣется, пробормоталъ онъ. — Спрашивала обо мнѣ? прибавилъ онъ, колеблясь.

Пока я рассказывалъ ему все, что видѣлъ и слышалъ, онъ сидѣлъ, опершись локтями на столъ и смотря пристально въ мое лицо.

— Но какъ вамъ кажется, какъ человѣку безпристрастному, сказалъ Долли: — несчастна она, грустна въ душѣ? жалѣеть?

— Конечно! возразилъ я: — она только притворяется веселой.

— Слава-Богу, слава-Богу! вскричалъ онъ: — быть можетъ, она еще все-таки любитъ меня.

Мнѣ нужно было предложить ему нѣсколько вопросовъ, для его и для моего собственнаго руководства.

— Вы знаете нѣмца, спросилъ я: — нѣмецкаго господина Грунтца?

— Да, этотъ господинъ имѣетъ чертовски-привлекательную наружность, возразилъ Долли. — Онъ очень любезенъ и бывалъ у насъ. Очень приятный господинъ. Поанглійски не умѣетъ говорить, но очень приятный собесѣдникъ.

— А знаете вы другаго нѣмца, который *умѣетъ* говорить поанглійски, продолжалъ я: — господина Куттера, который вальсируетъ, какъ бѣшеный?

— Нѣтъ, я никогда его не видалъ, отвѣчалъ Долли, послѣ нѣкотораго размышленія.

— А еще одного нѣмца, по имени Пруша, съ длинными волосами; онъ поетъ — теноръ?

— Нѣтъ, это ими мнѣ незнакомо.

— Всѣ она неистово ухаживали за вашей женой, заключилъ я.

Онъ вскочилъ такъ быстро, что я подумалъ, не бѣжитъ ли онъ домой расправляться съ германскими соперниками. Но я усадилъ его опять въ кресло прежде, чѣмъ онъ успѣлъ пере-двинуть ноги.

— А она поощряетъ этихъ людей? спросилъ онъ, едва переводя дыханіе.

— Мой любезный другъ, возразилъ я: — это входитъ въ ея тактику. Она стала бы поощрять даже горбуна или живаго скелета, еслибы думала, что это возбудитъ въ васъ ревность.

На слѣдующій день, пока онъ еще спалъ крѣпкимъ сномъ, я тихонько вышелъ изъ дому по своимъ дѣламъ.

Я былъ недолго въ отсутствіи, но по возвращеніи домой, увидѣлъ, что птичка уже улетѣла.

Чортъ возьми! подумалъ я, взявъ записку, оставленную Дол-

ли на столѣ:—если онъ окажется тамъ въ эти критическія минуты, — все пропаде!

Вотъ что было въ запискѣ:

«Милый Джекъ! я скоро вернусь, я хочу еще разъ взглянуть на нее. Я знаю мѣсто, гдѣ могу спрятаться и видѣть ее; тамъ никто меня не замѣтитъ. Скоро вернусь. Никакъ не могу удержаться».

«Доли».

Онъ пробрался въ свой собственный садъ заднимъ ходомъ, потомъ, ползкомъ, по аллеѣ, стараясь держаться подѣ кустами, приблизился къ самому дому и тамъ, скорчившись подѣ лавровымъ деревомъ, терпѣливо ждалъ времени, когда прекрасная Анастасія выйдетъ прогуляться на свѣжемъ воздухѣ.

Послѣ двухчасоваго ожиданія въ такой залчѣй позѣ, маленькія ножки Доли стали ворчаться отъ судорогъ; однакожь, несмотря на боль въ нразахъ, несмотря на то, что всѣ жилы его, казалось, сплелись въ узлы, онъ не хотѣлъ двинуться съ мѣста, и только страстно желалъ, чтобы красавица успѣшила прогулкой, пока у него остается сила переносить боль безъ стоновъ.

Доли видѣлъ, какъ слуги унесли кушанья и чай, какъ они ходили назадъ и впередъ, какъ унесенны были даже свѣчи; но видѣть возлюбленную Стаси ему не удалось.

Онъ началъ думать объ обратномъ пути; поднявъ свой зонтикъ и ерѣшко нахлобучилъ на голову шляпу, приготовился отправиться къ маленькимъ заднимъ воротамъ, когда сильный стукъ заставилъ его приставиться на мѣстѣ.

Какой-то человекъ или нѣсколько человекъ вошли въ комнату съ улицы, и вслѣдъ затѣмъ шторы въ задней комнатѣ (онъ могъ ихъ легко видѣть, они находились въ такъ-называемой розовой комнатѣ) начали опускаться, какъ будто бы носѣватели вошли въ эту комнату. Доли пристально смотрѣлъ на эти окна и увидѣлъ, что вскорѣ какой-то джентльменъ — по виду иностранецъ — показался между висѣющими занавѣсами и сталъ смотрѣть на садовыя куртины подѣ окномъ.

Доли никогда до того времени не видѣлъ его; это былъ тотъ самый господинъ Куттеръ, о которомъ я ему упоминалъ.

Видя, что иностранецъ внезапно отвернулся отъ окна, и слыша вмѣстѣ съ тѣмъ стукъ закрывавшейся двери, Доли заключилъ, что Анастасія вышла къ гостю. Что ему было дѣлать? Онъ чувствовалъ, что ревность въ немъ разнуздывается съ чрезвычайною силою, но въ какое уважительное положеніе онъ себя поставить, выказавъ волненіе! Съ другой стороны, долженъ ли

онъ оставаться тутъ безмолвнымъ, униженнымъ, сидѣть, скорчившись, подъ кустомъ, тогда какъ другой будетъ шептать ей слова любви? Нѣтъ!

Недалеко отъ двери въ кухню стояла лѣстница. Взглянувъ на нее, Долии убѣдился, что она достаточно высока. Не видно было ни души: никто не могъ замѣтить Долии. Съ быстротою молнии онъ бросился туда и, взявъ на плечо лѣстницу, приладилъ ее къ окну. Прежде, чѣмъ прошла еще секунда, всоръ его уже старался проникнуть за горшки съ цвѣтами, разставленные на окнѣ.

О, небо! тяжело было удерживать равновѣсiе на этой лѣстницѣ при видѣ сцены, представившейся его глазамъ!

Этотъ нѣмецъ, сжимая руку Анастасiи, которая смотрѣла веселѣе, чѣмъ когда-нибудь, говорилъ ей вполголоса (это можно было безошибочно предположить) комплименты, а она, коварная женщина, слушала его съ улыбкой, какъ будто бы это ей доставляло чрезвычайное наслажденiе. Долии слышалъ звуки голоса, но не могъ уловить ни одного слога изъ разговора.

Наконецъ, онъ увидѣлъ, что этотъ сладкорѣчивый иностранецъ поднесъ руку его возлюбленной жены къ своимъ губамъ и напечатлѣлъ поцалуй на ея бѣлой перчаткѣ. Этого было довольно, — болѣе чѣмъ довольно! Анастасiя невѣрна! Всѣ грѣзы мнотали!

Долии поспѣшно сошелъ съ лѣстницы, и обойдя кругомъ, къ передней двери, сталъ стучать въ нее такъ, какъ будто бы хотѣлъ разломать ее на части. Онъ желалъ отомстить или умереть въ попыткѣ мщенiя...

Сжавъ зонтикъ такъ крѣпко, какъ будто бы это было смертоносное орудiе, Долии, съ побагровѣвшими щеками, вбѣжалъ по лѣстницѣ и ворвался въ розовую комнату съ такою стремительностью, которая заставила перенуганную Анастасiю вообразить на мгновенiе, что кто-нибудь вбросилъ къ ней супруга.

Какъ ни былъ Долии ослѣпленъ бѣшенствомъ, онъ, однакожь, на столько еще удержалъ способность различать предметы, что замѣтилъ, какъ кресло иностранца (стоявшаго теперь на другомъ концѣ комнаты) было близко къ кушеткѣ, на которой сидѣла красавица.

— Адольфусъ, вы съ ума сошли! вскричала мистриссъ Илья, не съ такою, однакожь, силою, какую она придавала своимъ словамъ, когда вполнѣ владѣла собою. Быть можетъ, она была нѣсколько встревожена; можетъ, даже стыдъ заговорилъ въ ней.

Но не съ ней, любимымъ и слабымъ существомъ, Долии долженъ былъ имѣть дѣло. Она могла считать его и оумасшед-

шить, и въ здоровомъ разсудкѣ, какъ ей было угодно. Единственною цѣлью Долли было сказать нѣсколько словъ массивному нѣмецкому джентльмену; этотъ послѣдній (какъ ни былъ Долли малъ ростомъ) значительно перепугался и занялъ надежную позицію по другую сторону стола, «кругообразная форма котораго была очень удобна для настоящаго случая.

Долли смотрѣлъ на него и задыхался. Я думаю, что онъ вѣдѣлся бы въ громаднаго незнакомца, подобно бульдогу, еслибы сталъ не раздѣлять ихъ; теперь онъ только впился въ него глазами, фыркая и отдуваясь.

Потомъ, протянувъ руку по направленію къ двери, онъ сказалъ, указывая на выходъ:

— Оставьте мой домъ!

Больше онъ ничего не могъ произнести; у него было какое-то удущье въ горлѣ, и его терзало желаніе разразиться громовой бранной рѣчью.

Нѣмецкій джентльменъ казался взумленнымъ. Онъ понималъ, что въ присутствіи прекрасной Анастасіи ему необходимо принять презрительный и безпечный видъ, чтобы внушить этой леди мысль о своей неустрашимости и преданности, но попытка улыбнуться кончилась только тѣмъ, что онъ подвинулъ свою верхнюю губу и показалъ нѣсколько зубовъ, почернѣвшихъ отъ табачнаго дыма. Повернувшись къ мистриссъ Илль, онъ сказалъ вполголоса самымъ любезнымъ тономъ:

— Не имѣю удовольствія знать этого господина.

— По грубому поведенію этого человѣка, вы, безъ сомнѣнія, уже узнали въ немъ моего мужа. Позвольте мнѣ представить вамъ мистера Илля, г. Куттеръ.

Этого спокойно-самоувѣреннаго, дерзкаго тона Долли не могъ вынести. Онъ подошелъ къ нѣмцу, крича во все горло:

— Убирайтесь вонъ, сэръ, вонъ!

Нанаданіе было такъ быстро, что нѣмецъ едва имѣлъ время отвѣтить: «Разумѣется, сэръ!», какъ Долли очутилась уже надъ нимъ. Вслѣдствіе этого, вѣжливый поклонъ г. Куттера и прощальныя слова: «имѣю честь кланяться, мистриссъ Илль», потеряли свой эффектъ; Долли захлопнула за нимъ дверь и залепила ее на замокъ, потомъ сложилъ руки à la Napoleon и сталъ смотрѣть на измѣнницу. Но Анастасія, вмѣсто того, чтобы почувствовать боязнь или смущеніе, расхохоталась, играя часовой цѣпечкой.

— Могу я узнать, мистеръ Илль, спросила она:—чему я обязана этой трагической бессмыслицей? Съ котораго времени ваша моська повреждена?

Долли чувствовалъ, что почва уходитъ изъ-подъ его ногъ. Онъ никогда не могъ противиться саркастической силѣ Анастасіи.

Но онъ рѣшился сразу дать битву и побѣдить.

— Съ котораго времени мой мозгъ поврежденъ? вскричалъ онъ: — вы, зная, что произошло въ этой самой комнатѣ, осмѣливаетесь говорить мнѣ это! Я вамъ отвѣчу, сударыня: съ того времени, какъ вы забыли свой супружескій долгъ.

— Ахъ, вы, маленькая, злая тварь! взвизгнула Анастасія: — что вы хотите этимъ сказать, негодяй?

— Спросите себя, сударыня! вселикнулъ Долли, удивленный словомъ «негодяй». — Эта напускная невинность вамъ не поможетъ. Я видѣлъ собственными глазами, какъ иностранецъ цаловалъ вашу руку. Спрашиваю васъ, какъ замужнюю женщину, сообразно ли это съ вашими обязанностями по отношенію ко мнѣ?

— Вы отвратительный крошечный бродяга! вскричала Анастасія, ея запашъ грубыхъ выраженій отличался не только пріятностью, но и полною женственностью. — Такъ вы подсматривали! Ха, ха! Я очень рада, что вы наказаны! Ха, ха!

У Долли оставался въ запасѣ еще одинъ громовой ударъ, и теперь онъ пустилъ его въ ходъ сколько могъ энергичнѣе. Онъ взглянулъ на жену съ презрѣніемъ и вскричалъ:

— Женщина!

Анастасія, подобно другимъ леди, не любила, чтобы къ ней прилагали слово «женщина». Конечно, она знала, что она женщина и даже очень хорошенькая, но все-таки что-то чрезвычайно унижительно для леди слышать, что къ ней обращаются, какъ ко всякому другому существу, носящему юбку. Ея шелкъ, тонкое бѣлье и драгоценныя украшенія давали ей право на названіе леди.

— Женщина! возразила Анастасія. — Какъ вы смѣете употреблять подобныя выраженія, низкая букашка?

— Выслушайте меня, Анастасія, началъ Долли, пробухъ другой кланъ аттани. — Давъ вамъ свое имя, я ввѣрилъ вамъ свою честь. Позвольте мнѣ умолять васъ сохранять то и другое незамысловатымъ и чистымъ, если не для меня, то хотя для самой себя!

Стоило посмотреть, какъ это прекрасное созданіе поднялось съ мѣста и встало передъ крошкѣй-мужемъ, подобное богинѣ по величію и осанкѣ. Это былъ монументъ, который смотреть съ отвращеніемъ на стоящій подлѣ него чугунный котелокъ.

— Если я хорошо расслышала, сказала она своимъ звучнымъ контраaltoвымъ голосомъ: — мистеръ Икль обвиняетъ меня въ невѣрности.

— Вы разслушали невѣрно, мягко возразилъ Долли:—я только предостерегалъ васъ.

— Я очарована вашимъ истинно-джентльменскимъ поведениемъ, сэръ, продолжала она, дѣлая презрительную мину.—Правда, я совершенно уничтожена! Чтожъ, продолжайте, мистеръ Илья! Вѣрно, у васъ есть въ запасѣ еще болѣе вѣжливыя слова? Я въ вашей власти, сэръ. Можете оскорблять меня, сколько вашей душѣ угодно.

Видя, что вмѣсто нападенія приходится обороняться, Долли перемѣнилъ тактику и, въ видѣ защиты, противопоставилъ женѣ обмѣненіе.

— Я видѣлъ, что этотъ человѣкъ цаловалъ вашу руку, воскликнулъ онъ, вздергивая голову, какъ бы желая сказать, что готовъ помяться въ справедливости своихъ словъ и что бесполезно оспаривать это обстоятельство.

— А еслибы онъ это и сдѣлалъ, сэръ, вскричала мистриссъ Илья:—если онъ, нѣмецъ, воспитанный и выросшій въ Германіи, рожденный отъ германскихъ родителей,—еслибы онъ и сдѣлалъ то, что всегда дѣлается въ Германіи (это вамъ было бы невѣстно, сэръ, еслибы было хотя немного смысла и свѣдѣній въ вашей негѣпой головѣ), какая же бѣда сталась отъ того, что онъ цаловалъ мою руку? Цалуютъ у королевы руку—да мнѣ нѣтъ? Чего жъ вы безумствуете? Мистеръ Илья, мнѣ стыдно за васъ! Фи!

Но Долли былъ непоколебимъ.

— Вы, какъ англичанка, какъ моя жена, носящая мое имя, не должны были одобрять его нѣмецкія привычки. Я, какъ мужъ, предпочитаю англійскіе обычаи!

— Я краснѣю за васъ, мистеръ Илья, отвѣчала Анастасія.—О, я расскажу это дома! Ха, ха! Ахъ, вы негѣпный простакъ! гадкій вы карликъ!

Красавица нанесла этими словами очень большую рану; мысль быть поднятнмъ на смѣхъ блумсберійскимъ населеніемъ очень огорчила Долли.

— Германскіе обычаи! вскричалъ Долли:—но вѣдь, я думаю, еслибъ въ Германіи былъ обычай... обычай...

Онъ никакъ не могъ придумать, какой тутъ нужно было привести обычай.

— Продолжайте, гадкій змѣенникъ, продолжайте, я не сиѣшу нигуда; соберитесь съ вашими идиотскими мыслями, говорила Анастасія, садясь опять на прежнее мѣсто.

Время было остановитъ этотъ перечень обидныхъ прозвищъ.

— Я могу быть и идиотомъ; и чѣмъ вамъ угодно, мистриссъ

Икль, отвѣчалъ онъ:—но все-таки долженъ васъ предостеречь, разъ навсегда, сударыня, что если я когда нибудь опять застану васъ въ исполненіи этихъ чужеземныхъ обычаевъ, то или я оставлю васъ навсегда, или вы оставите этотъ домъ и отправитесь въ ту страну, гдѣ подобныя неприличные обычая терпимы.

— Вы можете дѣлать, какъ вамъ угодно, сэръ, спокойно отвѣчала она.—Можете отправляться куда хотите. Можете отправиться حتی въ Іерихонъ, мистеръ Икль, если вамъ это нравится.

— Я отправлюсь, когда и куда мнѣ будетъ угодно, мистриссъ Икль.

— Такъ я прикажу, чтобъ подали экипажъ.

— Бездушное, продажное созданіе! прокричалъ Долли: — на зло вамъ, я останусь.

И онъ бросился изъ ея комнаты въ библіотеку — въ *свою* комнату.

Точно кто нибудь больной при смерти лежалъ въ этомъ домѣ, угрюмомъ, затихшемъ домѣ: всѣ разговоры говорились въ немъ шопотомъ. Долли, отдавая прислугѣ приказанія, невольно говорилъ плачевнымъ тономъ. Мистриссъ Икль держала себя трогательно; жизнь ея, казалось, быстро угасала. Доброта въ отношеніи къ прислугѣ дошла у нея до крайней степени.

Сами слуги выказывали большую заботливость къ своимъ враждующимъ господамъ. Кухня раздѣлялась на двѣ партіи—приверженцевъ господина и защитниковъ госпожи. Женщины упорно держали сторону Долли, не вучеръ, какъ рыцарь съ возвышеннымъ сердцемъ, стоялъ за прекрасную Анастасію. Въ теченіе двухъ дней супруги не говорили другъ съ другомъ; они встрѣтились только разъ въ корридорѣ. Долли прошелъ мимо Анастасіи, поднимая голову и смотря прямо впередъ, а она смотрѣла ему прямо въ лицо и презрительно улыбалась. На обѣдъ онъ велѣлъ себѣ подать въ библіотеку двѣ котлетки, а она подкрѣпила свои силы въ гостиной дичью и грибами.

За обѣдомъ онъ думалъ: «я ее отучу отъ такого оскорбительнаго обращенія со мною!», а она думала: «Постоять онъ предомной на козлѣхъ за это!»

Часовъ въ девять вечеромъ, Долли позвонилъ въ колокольчикъ, и позвавъ горничную, сказалъ ей, что будетъ спать отдѣльно отъ жены, въ запасной спальнѣ. Горничная полетѣла съ этими новостями въ кухню; кухарка и Мэри принялись восклицать: «Боже мой!» и выражали желаніе знать, какъ перенесетъ это барыня; а Джонъ смѣялся и утверждалъ, что «очень это пріятно слышать» и что «по дѣламъ вору и мука».

Когда наступило время ложиться спать, Долли спросилъ свѣч-

бу. Къ большому его изумленію, горничная принесла кухонный оловянный подсвѣчникъ, съ кускомъ грязнаго, оловяннаго садынаго огарка.

— Зачѣмъ вы принесли эту гадость? спросила Долли: — принесите мнѣ серебряный подсвѣчникъ.

— Барыня сказала, что для васъ назначенъ этотъ подсвѣчникъ, сэръ, отвѣчала горничная.

Это открытое оскорбленіе — такое грубое, такое низкое — перешло мѣру терпѣнія Долли.

— Ступайте и принесите мнѣ немедленно мой серебряный подсвѣчникъ, крикнулъ онъ.

Горничная перешла чрезъ корридоръ и постучалась къ мистриссъ Игль.

Долли, отличавшійся острымъ слухомъ, ясно слышала, какъ она передала его порученіе.

— Скажите своему господину, что серебро заперто, возразила Анастасія. — Я не могу въ такой поздній часъ шарасть по какому дому изъ-за его прихоти!

Долли крикнулъ:

— Скажите своей госпожѣ, что мнѣ непременно нуженъ серебряный подсвѣчникъ.

Анастасія отвѣчала:

— Скажите своему господину, что я очень устала и не хочу, чтобъ мнѣ надоѣдали надоебной бесмыслицей. Заприте дверь.

— Скажите своей госпожѣ, гремѣлъ Долли: — что котъ бы мнѣ пришлось сломать всѣ шкафы въ домѣ, я хочу имѣть серебряный подсвѣчникъ!

Отвѣтъ былъ слѣдующій:

— Скажите своему господину, что онъ можетъ дѣлать, какъ ему угодно. Запрете ли вы, наконецъ, эту дверь? сколько разъ я говорю вамъ!

Побѣда осталась за нею!

Я предупреждалъ Долли никогда не прибѣгать къ подобнымъ недобрымъ и нелицеприятнымъ угрозамъ, а вести ссору на нравственномъ основаніи, ни подъ какимъ видомъ не сводить спора съ вопроса объ обязанностяхъ жены въ отношеніи мужа къ недѣльной помыжѣ, дѣйствовать по праву сильнаго, которое, хотя бы и доставляло ему временный успѣхъ, все-таки вынуждетъ его вмѣстѣ съ тѣмъ человекомъ жестокомъ и безчеловѣчнымъ.

Мстительная Анастасія рѣшила, что ея повелитель долженъ дорого поплатиться за перемѣну спальни.

Первое открытіе, сдѣланное Долли при входѣ въ свое каюшное помѣщеніе, было то, что постель не постлана. Изъ разбитаго

она ужасно дуло. Онъ хотѣлъ вынуть руки, но въ комнатѣ не оказалось ни воды, ни полотенца. Гдѣ были его щетки, бритвы, ночная рубашка?

Приходилось плохо! Но онъ рѣшился скорѣе перенести всѣ неудобства, чѣмъ признаться, что ему худо. Анастасія, навѣрное, теперь посмѣивалась и говорила: «я проучу этого маленькаго негодяя».

Сражаніе продолжалось двое сутокъ, и Долли бѣжать. Онъ вдругъ вспомнилъ, что существуютъ на свѣтѣ гостиницы, гдѣ онъ можетъ прекрасно помѣститься. Онъ оставилъ Анастасію завесу, въ которой прощался съ нею до тѣхъ поръ, пока она не раскрасится въ своемъ поведеніи, не попроситъ у него прощенья и не дастъ обѣщанія вести себя съ надлежащимъ приличіемъ.

На этотъ разъ Анастасія струсила и пожалѣла, что зашла такъ далеко. Теперь она дорого бы заплатила за возвращеніе Долли. Ей стало стыдно, и въ ней пошевельнулось чувство состраданія къ преданному существу. Еслибы она только знала, гдѣ найти Долли, она бы нашла его, и обняла его понижшую голову, и еслибы онъ пожелалъ — она даже попросила бы у него прощенья.

Притомъ, для жены вообще нехорошо быть оставленной мужемъ — это обстоятельство угнетало ее больше всего. Лучше бы ей самой его оставить; общественное сочувствіе, навѣрное, будетъ на сторонѣ Долли, и если цалованіе руки когда-нибудь сдѣлается, чего Боже сохрани! навѣстнымъ, то нельзя и сказать, до какихъ скандальныхъ размѣровъ разростется эта исторія!

— Любила ли она Долли? любила; она любила его больше всякаго другаго человѣка, но себя она любила больше всѣхъ въ мірѣ. Мысль, что онъ можетъ жить отдѣльно отъ нея, — что ее прелесть потеряли для него свою привлекательность; что онъ готовъ лучше подвергаться всякаго рода неудобствамъ и ущербамъ, чѣмъ выносить ея общество, — эта мысль заставляла безпокойно вертѣться въ креслѣ, и проводить цѣлые часы въ составленіи плановъ — какъ приманить его опять домой и удерживать тутъ навсегда, отрѣзавъ возможность новаго бѣгства.

— Но я никогда не уступлю ему, хотя бы это стоило мнѣ жизни! повторяла она самой себѣ, по крайней-мѣрѣ, каждыя полчаса.

ГЛАВА VII.

ТИРПЭНИИ МИСТРИСОУ ИГЛЕ ПОДВЕРГАЮТСЯ ОМЪНУ ИСКУШАНІЮ.

Умніе мистера Игла было таково, когда онъ спѣшилъ изъ ненавистной твикенгемской виллы, что онъ совершенно утра-

тягъ всякое распоряженіе своими ногами и позволялъ имъ бѣжать со скоростью нити миль въ часъ. Печаль такъ-сказать прилила къ его ногамъ и заставила прыгать изъ стороны въ сторону, подскакивать, вертѣться и совершать какую-то безумную отчаянную пляску по дорогѣ.

Онъ безпрестанно повторялъ: «неблагодарная женщина, мы разстанемся!» Эти слова дѣйствовали на рѣзвыя ноги подобно удару лозы, и заставляли его ушащать шаги до немнѣвѣрной скорости. Два мальчугана попытались состязаться съ нимъ въ бѣгѣ, но, захлывшись и раскрасѣвшись, должны были остаться далеко позади, несмотря на то, что онъ несъ дорожный мѣшокъ.

Ему нужно было уединеніе; онъ желалъ быть одинъ, чтобы никто и ничто не нарушало его меланхолиі. Ему нужна была какая-нибудь глухая комнатка въ одно окно, выходящее въ стѣну или на кладбище, — здѣсь онъ будетъ проводить цѣлые дни, склонивъ голову на столъ и думая о счастьи, котораго онъ такъ радостно добивался, но не могъ добиться!

Никто не долженъ былъ знать, гдѣ онъ скрывается (онъ назовется мистеромъ Смитомъ); никто, даже честный Джекъ Тоддъ, не долженъ былъ посѣщать его, даже бѣдный старый пріятель Джекъ, вѣрный другъ, который всегда былъ готовъ и радъ обойти для него цѣлый Лондонъ. Онъ чувствовалъ себя совершенно несчастнымъ, и теперь предпочиталъ это состояніе всякому другому, и никто не долженъ былъ его утѣшать, хотя бы даже это стоило ему жизни!

Я смѣюсь надъ Долли, осмѣиваю его нелѣпую попытку представлять изъ себя человѣка съ разбитымъ сердцемъ, обманутаго мужа, тогда какъ онъ былъ только слабодушный, сантиментальный глупецъ. Поведеніе его было мелочно и безцѣльно. Онъ лишился моего уваженія, безумно вдавшись въ припадки ревности, и потомъ началъ вкратку, бояливо отступать, точно собака, выгнанная изъ мясной лавки за воровство.

Еслибы прекрасная Анастасія была *моей* принадлежностью по церковному обряду, то я попытался бы достигнуть цѣли путемъ спокойнаго разсужденія, сѣдя въ креслѣ, показавъ ей, что дарованіе руки въ нашъ просвѣщенный вѣкъ вообще считается неблагоразумнымъ препровожденіемъ времени; я приписалъ бы затѣмъ ея поведеніе неопытности и вѣтрености, и попросилъ бы ее на будущее время оставить такіе опрометчивые поступки.

Но дѣлать безумства въ ея комнатѣ и прямо обвинять это милое созданіе въ невѣрности, какъ будто бы она уже уложила въ дорожный сундукъ свои драгоценности, а на улицѣ ее уже ожидала почтовая карета, — это значило дать ей придирку пу-

стать въ дѣло ядовитыя шпильки и защищаться до послѣдней крайности.

Я вообще противъ обвиненій человѣка въ убійствѣ за то только, что онъ раздавилъ муху. Я презираю эти домашнія ссоры, подобныя горчичному сѣмени, — ссоры, которыя допускаютъ разрастаться въ дремучій лѣсъ по неумѣяно остановить ихъ сразу и во время.

Я домашній Веллингтонъ и объявляю, что ни одно хозяйство не допускаетъ маленькихъ войнъ — битвъ горшковъ съ кастрюлями, ужасныхъ гостинныхъ сраженій.

Подумайте также, что нужно спуститься съ пьедестала обманутаго мужа до раздоровъ изъ-за оловяннаго подсвѣчника, — нужно оставить красивыя обвиненія въ безсердечной невѣрности и снивойти до ропота на неудобную постель!

Мой несчастный Долли бѣжалъ отъ своей красавицы-жены и изящнаго дома не изъ-за величественнаго обвиненія въ цалованіи у нея руки постороннимъ мужчиной, но потому, что его заставили спать на дурной постели, освѣщаемой кускомъ грязнаго сальнаго огарка.

Какія же надежды можно возлагать на подобнаго человѣка? Дипломатиі у него нѣтъ ни малѣйшей! онъ несостоятеленъ даже въ брани! Ну, и стой на своемъ вулканѣ и наслаждайся запахомъ сѣры!

Кто скажетъ, что это несправедливыя, жестокія слова? Лишь только пришедшій въ отчаяніе Долли обратился въ бѣгство, какъ уже свѣтъ выказалъ къ нему чрезвычайную доброту, принявъ его сторону въ домашней ссорѣ. Въ окрестностяхъ распространился слухъ, что поведеніе мистриссъ Икль было такъ ужасно, что мужъ ея долженъ былъ оставить это испорченное существо.

Сосѣди были очень обрадованы скандаломъ и ревностно старались распространять его во всѣхъ направленіяхъ.

Отчего женщины бываютъ такъ злы въ отношеніи къ другимъ женщинамъ? Мужчины, услышавъ о предполагаемой вѣмнѣ мистриссъ Икль, — только улыбались и говорили: «это пустяки!» вѣсто того, чтобъ съ ужасомъ закатывать глаза, дергать подбородкомъ, всплескивать руками и испускать восклицанія. Женщины же, не требуя ни малѣйшихъ доказательствъ, произнесли противъ прекрасной Анастасіи обвинительный приговоръ.

Три дня спустя послѣ бѣгства Долли, сосѣдки стали уже хмуриться при встрѣчѣ съ мистриссъ Икль и избѣгать ее. Вѣроломная горничная «разсказала все» красивому хлѣбопеку

Уильяму, который, въ качествѣ веселаго молодого холостяка и общаго любимаго, охотника поболтать съ хорошенькими горничными, сообщилъ эту новость Мери въ «Тюльпанномъ домикѣ» и Сарѣ въ «Лавровомъ деревѣ» и Дженъ въ «Ивовой скамьѣ».

Будьте увѣрены, что Мери, Сара и Дженъ, убирая своимъ господамъ волосы къ обѣду, не упустили случая совратить время посредствомъ разсказа о грустномъ обстоятельствѣ, постигшемъ мистера Ила. Горничныя для того и нанимаются, чтобъ сплетничать и наушничать господамъ. Что можетъ быть восхитительнѣе сплетень? Одинъ мой пріятель, когда его спросили, каковы, по его мнѣнію, условія счастья, отвѣчалъ: «пятьсотъ фунтовъ въ годъ и сплетница».

Наша красавица не могла понять, почему она никогда не заставляла обитательницъ «Тюльпаннаго домика», не могла понять и того, почему обитательницы «Лавроваго дерева» внезапно прекратили свои дружескіе визиты.

По мѣрѣ того, какъ знакомыя леди стали избѣгать Анастасію, знакомые джентльмены, напротивъ, принялись посѣщать ее самымъ настойчивымъ образомъ. Когда она выходила изъ церкви — послѣ отличной проповѣди о милосердіи и любви къ ближнимъ — жительница «Ивовой скамьи» повертывалась спиной въ отвѣтъ на ея вѣжливый поклонъ, а въ тотъ же день послѣ полудня, старшій сынъ этой самой обитательницы «Ивовой скамьи» не только посѣтилъ ее, но принесъ ей великолѣпный букетъ прелестныхъ оранжерейныхъ цвѣтовъ.

Столъ въ залѣ былъ нагруженъ визитными карточками и самыми изящными подарками. Самый элегантный изъ людей, Фредерикъ Пиншедъ, эсквайръ, — оставилъ въ лавкѣ съ живностью огромный счетъ, потому что чрезъ вѣднѣ два дня послышалъ Анастасію дичь, «которую онъ только что получилъ изъ деревни и которую, смѣетъ надѣяться, мистриссъ Илъ приметъ». Другой рѣшительный молодой джентльменъ, Чарли Смольвилъ, попытался привлечь къ себѣ сердце этого ангела, постоянно доставляя Анастасіи запасы новыхъ музыкальных произведеній. Дюжина другихъ Аполлоновъ, начиная отъ сэра Уильяма Минникина до маленькаго Гуса Груба, принесли ей все, что можно достать на деньги или посредствомъ росписокъ, отъ свертковъ съ духами до цѣлыхъ грудъ перчатокъ или корзинъ съ тепличными растеніями.

Дружественный характеръ этихъ любезныхъ поступковъ былъ до такой степени утѣшителенъ среди испытаній, постигшихъ Анастасію, что взволнованныя чувства покинутой Венеры успокоились; по крайней-мѣрѣ, жители Твикенгема сочувствовали

ей въ незаслуженномъ несчастіи и держали ея сторону противъ низкаго Доли!

Изыдцыне джентльмены, вслѣдствіе этого, встрѣчались очень любезно и получали милую и пламенную благодарность, которая сейчасъ же заставляла ихъ думать объ алмазныхъ брошкахъ и браслетахъ. Но когда мистриссъ Ииль спрашивала объ ихъ мамашахъ и сестрицахъ и выражала удивленіе, почему она ихъ давно не видитъ, они давали уклончивые отвѣты, а потомъ, мигая и посмѣиваясь, говорили другъ другу, что послѣ всего происшедшаго, со стороны красавицы было совершеннымъ безстыдствомъ думать, что она когда-нибудь можетъ рассчитывать на знакомство съ женскою половинной ихъ семействъ.

Самый неблагоразумный поступокъ, въ которомъ Анастасія была виновна въ это трудное время, состоялъ въ допущеніи посѣщеній виновника всѣхъ ея несчастій, сиблага и опаснаго гера Буттера. Она сдѣлала это на зло своему Доли. Твикенгемъ возмущался.

Даже поклонники вознегодовали на подобный дерзвій шагъ. Они спрашивали другъ друга: «неужели этотъ господинъ опять былъ тамъ прошлой вечеръ?» Они прекратили свои подарки и, вида неудачу гаденькихъ намѣреній, начали громко кричать о безнравственности мистриссъ Ииль.

Что касается до твикенгемскихъ маменекъ и ихъ дочекъ, то онѣ были опечалены до глубины сердца судьбою мистера Ииль и объявляли, что «это должно кончиться судомъ».

— Что новаго, дружище? спрашивалъ Минникинъ, встрѣтивъ Пиншеда. — Давно вы были тамъ?

Словомъ «тамъ» онъ обозначалъ гостиную мистриссъ Ииль.

— Да, прошлой вечеръ, отвѣчалъ Пиншедь: — и этотъ проклятый нѣмецъ, конечно, сидѣлъ тамъ. Какъ глупа должна быть эта женщина! вослигнулъ онъ, не понимая, какъ она можетъ предпочесть кого бы то ни было ему, Пиншеду.

— Я называю это самоубійствомъ, возразилъ Минникинъ, недовольный, что Анастасія не захотѣла погубить свою репутацію, полюбивъ его, Минникина.

— Я самъ слышалъ, что онъ спрашивалъ у нея — какъ надо произносить слово «love (любовь)!» продолжалъ Пиншедь: — онъ произносилъ «lof»; каково животное!

Минникинъ былъ такъ раздосадованъ, что вскричалъ:

— Я туда больше не пойду!

— Не пойду и я! сказалъ Пиншедь: — я не могу выносить подобное поведеніе!

Однакомъ, по странной случайности, они оба въ тотъ же ве-

черъ встрѣтились въ гостиной Анастасіи и сознались, что въ присутствіи этой несравненной женщины гнѣвъ становится бессильнымъ.

Пока мистриссъ Илья компрометировала, такимъ образомъ, свое доброе имя, Долли умерла медленной смертью въ грязной комнаткѣ второго этажа, близъ Сого-сквера. Онъ вовсе не походилъ со двора, почти не смѣлъ и не ѣлъ.

Онъ радовался тому, что похудѣлъ, поблѣднѣлъ и одичалъ. У него было что-то въ родѣ предчувствія, что онъ опять увидитъ свою возлюбленную и — какъ она будетъ поражена, увиди его такого слабого, костлявого и блѣднаго.

Но онъ никогда не унизится до того, чтобъ идти къ ней — нѣтъ: она должна походить за нимъ, она должна броситься къ его ногамъ и испрашивать у него прощенія. Онъ заставитъ ее плакать вдоволь — онъ ожесточенъ!

Напрасно осведомляться о немъ и посредствомъ «Times». На его непреклонное сердце не подѣйствуетъ бессмыслица въ родѣ: «дорогой Д., вернись къ своей А. и все будетъ забыто остальнымъ съ сокрушеннымъ сердцемъ И.»

Нѣтъ, нѣтъ! она должна пасть предъ нимъ ницъ, должна уцѣпиться за его колѣни, откинувъ назадъ свои длинные волосы, ловить его руку и т. п. Тогда, быть можетъ, онъ смилостивится.

Не, увн! хотя онъ каждый день просматривалъ «Times», однакожъ никакого извѣщенія, адресованнаго дорогому Д., не встрѣчалъ его безпокойный взоръ. Когда хозяйка спрашивала его — что онъ желаетъ къ обѣду, Долли отвѣчалъ: — я не могу ничего ѣсть, благодарю васъ; а когда, поздно ночью, онъ тушилъ свѣчку, то долго лежалъ съ открытыми глазами, глядѣлъ на звѣзды и думалъ объ этой жестокой, милой, презрѣнной Анастасіи.

Между тѣмъ, глаза мистриссъ Илья открылись, и красавица, къ ужасу своему, замѣтила, что къ ней относятся съ презрѣніемъ и что ее избѣгаютъ. Боже милостивнн! За что это? что она сдѣлала? Какъ смѣла обитательница «Ивовой скамьи» такъ оскорблять ее? Это было похоже на безстыдство высокоумной «Тюльпанной хижинны». Но какъ она ни бѣсилась, несомнѣннымъ оставался, однакожъ, тотъ фактъ, что каждая леди въ сосѣдствѣ смотрѣла на нее, какъ на обезчещенное существо.

Какъ оскорбительно! Какъ грубо было со стороны этихъ людей вмѣшиваться въ ея ссоры съ мужемъ! Что имъ за дѣло? Каково вносить невѣжливое обращеніе, понимать, что на все смотреть какъ на недостойную женщину!

И этому должна подвергаться она! — она, которая знала себя такъ хорошо и имѣла такое высокое мнѣніе о своихъ собственныхъ достоинствахъ! Я уже сказала вамъ, что она любила себя больше всѣхъ и всего на свѣтѣ, и согласитесь, что очень тяжело видѣть униженіе тѣхъ, кого мы любимъ.

Долли должна вернуться! Но она уже приняла рѣшеніе никогда не звать этого маленькаго негодяя! Неужели теперь она будетъ вынуждена спрашивать его о возвращеніи? Жестокая участь! Но она такъ много страдала! Этотъ Твинтенъ велъ себя такъ низко, и она такъ себя любила, что не могла вынести видимаго къ себѣ презрѣнія. Она напишетъ въ этому злобному варлику!

Это письмо было первымъ извѣстіемъ, которое я получилъ о твингентскихъ раздорахъ. Оно было вручено мнѣ съ просьбою, передать его при первой возможности мистеру Икью.

Я ужаснулся. Долли ушелъ изъ дому и не явился къ мнѣ! Я былъ почти увѣренъ, что онъ нашелъ себѣ убѣжище въ мрачныхъ, тинистыхъ водахъ Регентова канала.

Я препроводилъ письмо назадъ съ извѣдомленіемъ, что не видавъ мистера Икля болѣе трехъ недѣль; потомъ принялся дѣлательно отыскивать трупъ моего дорогаго друга, посѣщая полицейскія караульни и спрашивая — не вытаскивали ли какихънибудь тѣлъ въ извѣстныхъ мѣстахъ, — много ли найдено утопленниковъ на Ватерлооскомъ мосту. Мое сердце забилось легче, когда меня извѣдомили, что до сихъ поръ не встрѣчалось еще въ числѣ утопленниковъ ничего похожаго на данное мною описаніе.

Въ отвѣтъ на мое письмо сейчасъ же послѣдовало посѣщеніе. Красавица явилась въ самой лучшей шляпкѣ, — полная достоинства, — и выразила служанкѣ желаніе, чтобъ та сообщила мистеру Икью, что мистриссъ Икль желаетъ его видѣть: до такой степени она была увѣрена, что я ее обманываю, скрывая Долли въ своей квартирѣ.

Я едва только успѣлъ схватить съ дивана нѣсколько чистыхъ рубашекъ и бросить ихъ въ спальню, съ нѣкоторыми другими принадлежностями туалета, — да сунулъ за занавѣсъ кружку злу, какъ она вошла.

— Я желаю видѣть мистера Икля, сказала она.

Ей немедленно было предложено кресло, и пока она, съ очевиднымъ неудовольствіемъ, вдыхала пропитанный табакомъ воздухъ моей одинокой диванки, я отвѣтилъ:

— Могу васъ увѣрить, мистриссъ Икль, что не знаю, гдѣ находится вашъ мужъ; я искалъ его вчера дѣлный день; даю вамъ

честное слово, что говорю правду, приблизилъ я, замѣтивъ медовѣрчивое, насмѣшливое выраженіе ея лица.

Она *миссис* рѣшилась не допускать, чтобъ ее обманывали подобными пустяками и глупыми выдумками.

— Я желаю видѣть мистера Игла, сэръ, сказала она:—будьте такъ добры, уведомяте его, безъ дальнѣйшихъ увертокъ, что я здѣсь.

— Любезная моя леди, отвѣчалъ я:—вы напрасно подозреваете меня во лжи. Я такъ сильно, какъ вы сами, желаю бы видѣть Долли; я охотно сообщилъ бы вамъ адресъ, еслибы зналъ; я готовъ обойти весь Лондонъ, чтобъ найти его!

Она покачала головой и презрительно улыбнулась.

— Вы все еще сомнѣваетесь! Ну, я *клянусь*, что не знаю—гдѣ онъ.

— Я не выйду изъ этой комнаты, сэръ, вскричала она:—пока не увижу мистера Игла.

— Комната къ вашимъ услугамъ, возразилъ я, кланясь ей низко:—и чтобъ не причинять вамъ никакого безпокойства въ теченіе продолжительнаго вашего пребыванія здѣсь, я даже уступлю вамъ полное обладаніе моею квартирой.

Я надѣлъ шляпу и, спускаясь съ лѣстницы, слышалъ, какъ она вѣвала:—Долли, гдѣ вы? Идите сюда, сэръ! Безполезно скрываться, сэръ! Идите сюда сейчасъ, я вамъ говорю!

Моя единственная надежда заключалась въ томъ, что если красавица рѣшительно намѣрена была оставаться въ моей комнатѣ до тѣхъ поръ, пока не увидятъ Долли, то, по крайней-мѣрѣ, она будетъ настолько лѣди, что заплатитъ за наемъ квартиры. Но она ушла, какъ я и ожидалъ, около пяти часовъ, въ самое время, чтобъ успѣть домой къ обѣду въ половинѣ седьмаго. Таковы женщины!

Слѣдующую недѣлю я все свободное время посвятилъ розыскамъ. Каждое утро получалъ я отъ красавицы письма, начинавшіяся словами: «я въ величайшей тревогѣ»; единственное, достойное замѣчанія различіе въ заголовкахъ писемъ было то, что первое письмо начиналось: «сэръ», а послѣднее: «мой милый мистеръ Тоодъ», какъ будто бы такими попытками лести меня можно было обмануть!

Въ помощь себѣ при розыскахъ я нанялъ двухъ полиціевоу; условлено было, что мистриссъ Иглъ заплатитъ имъ 20 фунтовъ, если они найдутъ Долли гдѣ бы то ни было; я такъ ревностно посвятилъ себя розыскамъ, что упустилъ прекрасный случай въ Миддлсексѣ вынуть остріе изъ желудка одного акробата, который—въ минуту умопомраченія—проглотилъ оружіе.

Я бродилъ по Лондону, громко призывая Долли; я вмигъ шпигвалъ на стѣнахъ объявленія съ надписью: «ищутъ! оставилъ свой домъ!» Я дѣлалъ все, что могло придумать дружеское усердіе.

Между тѣмъ, нашъ мизантропъ срывался въ отвратительной комнатѣ, въ улицѣ Сого, упиваясь своими бѣдствіями и отказываясь отъ всякихъ удобствъ и даже отъ пищи; хозяйка, наконецъ, чрезвычайно разсердилась на его упорный отказъ отъ жареныхъ ломтиковъ хлѣба, и общалась ему отмстить. Всѣ поиски въ Блусбери взывалены были на плечи Боба; и готовность, съ которою милнй молодой человѣкъ исполнялъ свою тяжелую обязанность, была трогательна.

Онъ видѣлъ во снѣ, — или, по крайней-мѣрѣ, увѣрялъ въ томъ, — въ теченіе трехъ ночей сряду, — что зять его входилъ въ трактиръ, который носитъ названіе «Ранняя Птичка», и тамъ просилъ вчерашній номеръ газеты «Advertiser»; Бобъ былъ такъ твердо убѣжденъ въ справедливости своего сновидѣнія, что рѣшительно хотѣлъ переселиться въ упомянутую «Раннюю Птичку», а между тѣмъ сооронилъ тамъ такой счетецъ, по которому, при наступленіи дня расплаты, пятифунтовому билету нечего было дѣлать.

Бобъ вообще обладалъ удивительною способностью обращать въ свою пользу несчастія другихъ. Единственное благоразумное дѣло, которое онъ сдѣлалъ, состояло въ заявленіи ближайшей полицейской караулнѣ о томъ, что, въ случаѣ, если найдется тѣло несчастнаго, констабли могутъ навѣрное найти его въ вышесказанномъ трактирѣ.

Наконецъ, мы отыскали Долли, именно благодаря его необыкновенному воздержанію отъ пищи. Хозяйка его квартиры была убѣждена, или хотѣла казаться убѣжденной, что Долли рѣшился уморить себя голодомъ до смерти, и замѣтивъ, съ религіознымъ ужасомъ, что у нея въ домѣ человѣкъ, «произвольно стремящійся къ небу», она дала торжественное обѣщаніе, что если онъ не съѣстъ за обѣдомъ цѣлую баранью котлету, то она обвинитъ его передъ властями въ покушеніи на самоубійство.

Къ счастью для насъ, Долли изъ своей котлеты съѣлъ почти столько же, сколько могла бы съѣсть больная мышь, и въ полицейскую караулню, вслѣдствіе этого, явилась хозяйка, совершенно разъяренная такимъ пренебреженіемъ жильца къ прекрасному питательному блюду.

Взявъ съ собой двухъ полицменовъ, Бобъ посѣтилъ этого жильца, названнаго хозяйкой мистеромъ Смитомъ. Констабли

остались внизу въ корридорѣ, на случай еслибы потребова-
лась ихъ помощь.

Не то, чтобъ я въ васъ нуждался, я знаю, какъ за него
взяться, говорилъ имъ Бобъ:—но вы знаете,—онъ можетъ дус-
таться на грубости, а кочерга, въ концѣ-концовъ, остается въ
дѣлѣ все-таки кочергой, и раны—ранами.

Несчастный Долли лежалъ на диванѣ, закрывъ лобъ рукою,
охраня глаза отъ свѣта, какъ будто бы хотѣлъ заснуть. Это
была жалкая, северная комната, совершенно несообразная ни со
вкусомъ, ни съ положеніемъ Долли,—мѣблированная по обыкно-
венному невзрачному образцу гостиницы, — образцу, съ кото-
рымъ я близко знакомъ. Желтые, поношенные, запятанные, сит-
цевые занавѣсы, съ грубыми рисунками поблекшихъ розъ, висѣли
прямо, какъ платье, снятое съ кринолина, и неизгнѣнная кам-
чатная стирка покрывала простой, маленький, грибообразный
столъ съ огромными деревянными наливками на ножкахъ.

Въ комнатѣ все было такъ пусто и чисто, какъ будто бы въ
ней никто не жилъ. Газета, или даже просто нѣсколько клоч-
ковъ разорванныхъ писемъ въ каминѣ сообщили бы этой не-
счастной берлогѣ болѣе общежительный характеръ. Кресла стоя-
ли чинно, каминныя украшенія находились на надлежащихъ
мѣстахъ, и при видѣ человѣческой фигуры, лежащей на ди-
ванѣ, прежде всего приходила въ голову мысль, что тамъ по-
ложено чей-нибудь трупъ, тайнымъ образомъ, пока coronerъ
еще не успѣлъ произвести слѣдствіе.

Унылый Долли поднялъ голову и увидѣлъ Боба; потомъ опять
опустивъ ее и снова закрылъ глаза рукою.

— А, Иллъ, сказалъ Бобъ испуганнымъ голосомъ, сообразно
торжественности обстановки и самого мѣста: — мы васъ ведѣ
искали. Чтѣ съ вами такое случилось, а?

Отвѣта не было. Трудно поддерживать разговоръ безъ вся-
кихъ возраженій со стороны собесѣдника, и Бобъ тихонько каш-
лянулъ.

— Вы не можете себѣ представить, какъ мы всѣ были встре-
вожены, продолжалъ, онъ: — мы уже почти думали, что вы
умерли.

Все ни слова.

«Лучше сразу приступить въ дѣлу», подумалъ Бобъ. Прочи-
стивъ каблукомъ себѣ горло, какъ бы для того, чтобы дать мѣ-
сто свободно пройти чудовищной жи, онъ сказалъ:

— Если вы хотите застать Анастасію въ живыхъ, то долж-
ны отправляться со мною сейчасъ же.

Эти слова произвели магическое дѣйствіе. Лежащій человекъ

сдѣлать движеніе, которое со скоростью электричества привело его въ сидячее положеніе.

— Въ живыхъ! пробормотала бѣднякъ.

— Съ ней Богъ знаетъ что дѣлается! говорилъ Бобъ: — но если вы сейчасъ же поѣдете, то еще мы можемъ попасть во время. Я вамъ могу сказать, что вы почти убили ее. Надѣвайте шляпу и отправимся.

«Такъ все-таки», — думала Долли, прислонившись къ углу кѣба и смотря въ окно, потому что не любила, чтобы его видѣли плачущимъ: «все-таки она меня любитъ, любитъ такъ нѣжно, что я своимъ уходомъ едва не убила ее. Какъ я была жестока! Простить ли она меня? Она вообще добра. О!»

Сердце его упало, когда, послѣ долгой бѣды, они приблизились къ Твикенгемской виллѣ. Онъ всматривался въ окна спальни, есть ли огонь въ комнатѣ Анастасіи. Вездѣ было мрачно. Боже, что если онъ пріѣхалъ уже слишкомъ поздно! Если эта дорогая женщина умерла прежде, чѣмъ могла произнести еще одно послѣднее слово прощанія! Ужасно! ему, въ такомъ случаѣ, остается только самому умереть. Что для него значилъ цѣлый свѣтъ, когда изъ него исчезло все, чѣмъ онъ дорожилъ?

По причинѣ, легко понятной, Бобъ первый выскочилъ изъ экипажа, велѣвъ Долли не показываться, пока не отворятъ уличную дверь. Наконецъ дверь отперлась и Бобъ сдѣлалъ Иглю знакъ войти.

— Не шумите, сказалъ Бобъ шепотомъ, какъ бы предполагая, что Долли пойдетъ по корридору, какъ ломовой извозчикъ. — Сдержите свои чувства и слѣдуйте за мною.

— Пустите меня къ ней! отвѣчала Долли, стараясь брѣсться вверхъ по лѣстницѣ.

Бобъ ловко поймалъ его за воротникъ пальто.

— Или вы хотите совсѣмъ убить ее? вскричалъ онъ. — Если она васъ увидитъ прежде, чѣмъ я ее приготовлю къ вашему появленію, то ей не прожить и пяти минутъ. Она слаба, какъ крыса, даже еще слабѣе, — докторъ такъ говоритъ, — это фактъ.

Они вошли въ розовую комнату. Поставивъ свѣчу, Бобъ поспѣшилъ «приготовить ее», какъ онъ выразился, а Долли бросилась въ кресло и думала о послѣднемъ своемъ свиданіи съ этой любимой женщиной, которая теперь такъ близка къ дверямъ гроба, — припоминала, какъ въ этой самой комнатѣ онъ ее бранилъ и велъ себя, какъ сумасшедшій. Называя себя всеми возможными бранными именами, онъ закрылъ свое блѣдное лицо полунасохшими пальцами и плакалъ самымъ отчаяннымъ образомъ.

Бобъ воспѣшилъ въ гостиную, гдѣ красавица работала новомодный воротничекъ и, суда по свѣжому, бодрому виду, никогда не пользовалась лучшимъ здоровьемъ.

— Тише! вскричалъ Бобъ, просунувъ голову въ дверь и испугавъ Анастасію до такой степени, что она почти вскочила съ мѣста.

— Тише! онь здѣсь! наверху! Я сказалъ, что вы умираете, иначе онь бы не прѣвчалъ. Я боюсь, если онь узнаеть, что я его обманулъ, то опять улзнетъ! Какъ тутъ быть?

Такая новость потрясла Анастасію. Боже! Боже! какъ сердце ея забилось!

Онь не увидеть отсюда, хотя бы пришлось для этого связать его! прошептала она, задыхаясь.

— Не связать ли его?

Неимѣніе веревки было главнымъ препятствіемъ къ этому плану. Внизу у гѣстици былъ кусокъ холстины и Бобъ хотѣлъ принести его, но Анастасія не позволила, потому что это значило дать понять слугамъ, какимъ способомъ заставляютъ господина оставаться. Молва объ этомъ могла бы распространиться по сосѣдству и породить гнусные толки.

— Развѣ воть этой шалью? спросила она, подавая ему шаль.

— Трудно дѣлать узлы, возразилъ Бобъ: — но все-таки лучше, чѣмъ ничего; не входите, пока я не кашлянну три раза.

Безчестный враль пошелъ опять къ Долли, неся съ собой кашмировые оковы.

— Не двигайтесь съ мѣста, сказалъ онь, входя въ комнату: — все идетъ хорошо.

— Лучше ея? спросилъ Долли съ величайшимъ безпокойствомъ.

— Да, гораздо лучше; она встала и одѣвается, отвѣчалъ Бобъ. — Сидите, она сейчасъ будетъ здѣсь. Положите на себя эту шаль — вамъ холодно.

Прежде чѣмъ внутренній Долли могъ оказать самое слабое сопротивленіе, онь уже былъ привязанъ къ креслу, какъ плѣнникъ.

— Зачѣмъ вы это дѣлаете? спросилъ онь съ удивленіемъ.

— Вы сейчасъ узнаете, отвѣчалъ Бобъ, который вслѣдъ затѣмъ началъ сильно кашлять.

Сигналъ былъ услышанъ. Шелестъ шелкового платья возвѣстилъ граціозное приближеніе Влумсберійской красавицы.

Связанный Долли сидѣлъ, устремивъ глаза на дверь. Онь узнавалъ эту величественную походку; роскошный шумъ дорогаго платья былъ для него знакомою музыкою. Онь хорошо не по-

нималъ, зачѣмъ шаль такъ крѣпко была завязана вокругъ его тѣла, но наслажденіе видѣть милую фигуру подавило возникшія въ немъ подозрѣнія относительно обмана.

Дверь отворилась. О, радость! То была Анастасія; быть можетъ, не такая блѣдная, какою онъ ожидалъ ее видѣть, но все такая же великолѣпная — Анастасія, неограниченная повелительница его души и тѣла.

— Анастасія! пробормоталъ онъ, стараясь приподнять свои крѣпко связанные руки.

Красавица медленно приблизилась и, остановившись прямо противъ плѣнника, погрозила ему пальцемъ и произнесла слѣдующія страшныя слова:

— Мистеръ Илья, я увѣрена, что вы краснѣете отъ стыда, сэръ!

ГЛАВА IX.

Торжество мистриссъ Илья.

При этихъ ужасныхъ словахъ: «мистеръ Илья, надѣюсь что вы краснѣете отъ стыда», плѣнникъ, казалось, скорѣе почувствовалъ злобу, чѣмъ смущеніе, и сейчасъ же сталъ пробовать крѣпость своихъ кашмирскихъ цѣпей, вытягивая тонкія маленькія ноги и потрясая локтями, какъ будто бы игралъ на волынкѣ; но усилія Долли были мизерны: шаль обвивала его такъ плотно, какъ груднаго младенца пеленки. Сверхъ того, еслибъ даже шаль и уступила усиліямъ Долли, развѣ позади кресла не стоялъ силачъ Бобъ де-Кадъ, готовый каждую минуту схватить своею мускулистою рукою бѣднаго крошку за воротъ и бросить его обратно въ кресло? Прекрасная Анастасія (въ тотъ моментъ, когда ея жертва начала бороться за свободу, она граціозно отступила за предѣлъ, куда не могли ее достать сапоги жертвы) не потеряла суровости осанки; ея нахмуренныя брови и сверкающіе глаза напоминали тропическую грозу.

Первое желаніе, загорѣвшееся въ душѣ Долли, когда онъ смотрѣлъ на свою коварную Далилу и филистимлянина Боба, было слишкомъ ужасно: онъ пылалъ жаждою крови; но вскорѣ, когда безполезныя попытки истощили его, эти лютыя желанія перешли въ подавляющее отчаяніе. Онъ опять упалъ въ кресло. Онъ чувствовалъ, что пришло время умереть: жизнь была слишкомъ пуста; цѣлныи свѣтъ, съ его дворцами и великолѣпными домами, былъ не что иное, какъ пустыня; нигдѣ ему не было мѣста, кромя могилы, могилы! желанной могилы. Онъ закрылъ глаза и старался думать, что уже погребенъ и успокоился.

Это внезапное изнеможение я приписываю тому, что въ течение нѣсколькихъ недѣль онъ принималъ пищи менѣе, чѣмъ сколько было бы достаточно для здороваго попугая. Одинъ глотокъ бараньей котлетки въ день едва-ли достаточно, чтобъ снабдить человека героизмомъ въ затруднительномъ положеніи, или дать тѣлу такую силу, которая могла бы справиться съ различными бѣдствіями, въ родѣ узловъ кашмирской шали.

Я вѣрю, что кусокъ хорошей, мягкой говядины съ вартофелью удивительно помогаетъ; человекъ набирается силъ на каждое нравственное испытаніе, или всякое смѣлое предпріятіе; онъ можетъ улыбаться при видѣ бѣснующихся смертныхъ и господствовать надъ мученіями объ утраченной надеждѣ.

Способствовала ли когданибудь растительная пища формировкѣ замѣчательнаго человека? Всвармливался ли какой-нибудь знаменитый герой на поджаренной капустѣ, или великій философъ на соусѣ изъ пастернака?

Безъ хорошей пищи умъ (какъ ни кажется эта мысль дерзкою) мѣшается,—какъ это и случилось съ Доли. Удивительно мнѣ, какъ несчастные нищие умѣютъ, при пустомъ желудкѣ, выносить жизнь съ ея испытаніями; изумительно, почему они все-таки настаиваютъ на своемъ существованіи?

Какъ только Анастасія увидѣла, что истощенный Доли упалъ опять въ кресло, она еще разъ приблизилась къ нему, грозя пальцемъ. Она была основательно знакома съ тою neodбвенною хитростью въ военной тактикѣ, которая состоитъ въ парализованіи нападенія непріятеля контръ-атакой; она понимала, что единственный способъ показаться невиннымъ при большой виновности, состоитъ въ предупрежденіи упрековъ противника, пусканіемъ ему въ глаза вдвое большаго короба упрековъ за собственные мнимыя обиды и въ умѣнныя первому начать неистовствовать.

— Такъ вотъ какъ, сэръ! вотъ какъ! начала Анастасія глубоко оскорбленнымъ голосомъ: — такъ вотъ какому обхожденію вы сочли приличнымъ подвергнуть вашу несчастную жену! вотъ какимъ образомъ вы ведете себя въ отношеніи къ несчастной женщинѣ, которая была такъ глупа, что связала свою жизнь съ вашею! О, мистеръ Иель, я краснѣю за васъ, да, краснѣю сильнѣйшимъ образомъ!

Впрочемъ, она не покраснѣла, да въ этомъ не было и надобности, потому что глаза Доли были закрыты.

— О, мистеръ Иель! опять начала она: — еслибъ мы, бѣдныя женщины, могли только знать, какія испытанія насъ ожидаютъ,

то мы подумали бы дважды—нѣтъ, какое дважды! сто разъ!— прежде, чѣмъ стали бы слушать обманчивыя слова мужчины!

Она ожидала, что Долли будетъ возражать, и потому на минуту приостановилась, но онъ, казалось, крѣпко спалъ; она продолжала:

— Какая я была глупая! я говорю, мистеръ Игль,—какая глупая я была! О, еслибы то время могло возвратиться! еслибы я тогда руководствовалась только здравымъ смысломъ, а не поддавалась очарованію змѣи,—ехидны, которую я отогрѣла на своей груди, мистеръ Игль! Еслибы я не была дурочкой, я бы васъ отчистила, сэръ, и приказала бы кучеру отца выгнать васъ изъ нашего дома, сэръ. Но я была довѣрчивой дѣвочкой, мистеръ Игль; я была довѣрчивой, глупой дѣвочкой, сэръ! Прекрасное положеніе я себѣ устроила — превосходное! У меня былъ нѣжный отецъ, сэръ, и любящая мать, и... и...

— И обожающій братъ, подсказалъ Бобъ изъ-за кресла.

— Да! и милый, нѣжный, преданный братъ! продолжала оскорбленная Венера, съ возрастающей тоской:—но я оставила ихъ всѣхъ, какъ безумная, неблагодарная простушка, для негодья, для негодья — мистера Игла — который хватаетъ шляпу и оставляетъ бѣдную жену! Вы не забудьте, низкій вы человѣкъ! что женщина, которую вы влялись защищать до послѣдней капли своей гадкой крови, унижена, что ея репутація покрыта грязью! Вы опять присоединились къ своей подлой лондонской шайкѣ негодяевъ, и проводите ночи въ развратѣ? Вы меня слышите, сэръ? Вамъ нѣтъ надобности притворяться спящимъ, мистеръ Игль! Я рѣшила, что вы выслушаете каждое слово, которое я скажу. Проснитесь, сэръ, проснитесь!

— Я жду отвѣта, мистеръ Игль, сказала Анастасія, когда Долли, наконецъ, открылъ глаза и сталъ смотрѣть на нее такъ пристально, какъ младенецъ смотритъ на свѣчку:—я хочу слышать, что вы скажете въ оправданіе своего низкаго поведенія!..

Къ большому ея удивленію и неудовольствію, Долли пробормотала:

— Пожалуйста... я хочу лечь въ постель...

— Въ постель! Это еще что такое! Нѣтъ, вы не ляжете въ постель, сэръ!.. вскричала изумленная Анастасія.—До тѣхъ поръ ничто не ляжетъ спать, въ этомъ домѣ, сэръ, пока вы не отвѣтите на мой вопросъ. Я жду, мистеръ Игль! говорите, сэръ!..

Вѣдная младенческая голова съ закрытыми глазами упала на плечо, какъ будто бы грустныя мысли уже слишкомъ обременили и придавили ее; маленькіе члены внезапно ослабѣли и без-

живенное тѣло показнулось на богѣ, подобно разсинающемуся картонному домику.

Когда Анастасія увидѣла, что Долли въ самомъ дѣлѣ лишилась чувствъ, она испугалась. Очень трудно, держа въ рукахъ палку, умѣть въ время прекратить наносимыя ею удары; она и не предполагала, чтобъ онъ былъ такъ слабъ и чувствителенъ.

Прекрасная будетъ штука, если Долли умретъ тотчасъ по возвращеніи домой! отличную исторію сдѣлаютъ изъ этого со-сѣди!

Они готовы будутъ присягнуть, что онъ отравленъ. Представьте только себѣ, что явится коронеръ, полиція будетъ розыскивать у нея адъ и, быть можетъ, все это опишутъ въ газетахъ! Анастасія обернулась къ братцу Бобу, который поблѣднѣлъ, какъ полотно, и сказала:

— Кажется, онъ боленъ!

— Можетъ быть, онъ притворяется, сказалъ находчивый юноша; и въ ту же минуту, храбрецъ сталъ съ искусствомъ настоящаго палача такъ неистово щипать несчастную жертву, что Долли долженъ былъ закричать, еслибы какое-нибудь чувство у него еще оставалось.

Тогда трусливый негодай окончательно испугался и съ величайшею поспѣшностью распуталъ узлы шали.

— Клянусь Юпитеромъ! онъ совсѣмъ помертвѣлъ! замѣтилъ Бобъ, обращаясь къ Анастасіи.

Анастасія, почти внѣ себя отъ испуга, схватывала маленькія руки мужа и кричала:

— Долли, милый Долли! слышите вы меня? Взгляните на меня, милый! Тутъ ваша Анастасія, милый!

Затѣмъ двое убійцъ продолжали свое дѣло обычнымъ въ подобныхъ случаяхъ порядкомъ. Бобъ ввалилъ себѣ на плечи безжизненное тѣлце, а Анастасія понесла свѣчу и свѣтила ему по лѣстницѣ, заботливо озвряясь, нѣтъ ли кого изъ слугъ. Они осторожно достигли снальни и уложили безчувственное тѣлце въ кресло; за тѣмъ они пустили въ ходъ всѣ общепринятые лекарства: прикладывали воду къ вискамъ, давали нюхать различные соли, вливали въ ротъ вино. Но Долли не шевелился.

— Я думаю, сказалъ, наконецъ, Бобъ:—я думаю, что лучше послать за докторомъ; дѣло совсѣмъ плохо.

Но Анастасія не хотѣла, не могла, не смѣла внимать подобному предложенію. Послать за докторомъ! Чтобы все разгласилось по дѣлому Твикенгему! Нѣтъ, нѣтъ! нужно попробовать чтонибудь другое,—все, что угодно, только не доктора!

Пациента подняли на простынахъ, гдѣ онъ и лежалъ съ распро-

стертыми руками, точно распятый. Анастасія впроняла нѣсколько слезиною и три раза громко сказала: — бѣдный Долли! потомъ, обратившись къ брату, прибавила: — бѣдный! его нельзя на ночь оставить одного, не посидите ли вы съ нимъ, милый?

— Что же вы сами намѣрены дѣлать? спросилъ Бобъ, не слишкомъ довольный такимъ предложеніемъ.

— Я лягу въ сосѣдней комнатѣ, и если буду нужна, то вы можете меня позвать, отвѣчала любящая жена.

— Чортъ возьми! Тутъ вовсе нѣтъ ничего веселаго, проворчалъ Бобъ. — Вѣдь онъ не мой мужъ, да и я усталъ, позвольте вамъ сказать.

Не обращая вниманія на эти слова, Анастасія приблизилась къ поддуну.

— Я пришлю вамъ воды, Бобъ, ласково сказала она.

— Можно курить? спросилъ достойный молодой человекъ, значительно смягчившись.

— Въ уборной можно, только осторожнѣе съ искрами, будьте милочкой, не сожгите гардинъ, возразила любящая супруга.

Когда утромъ Долли очнулся отъ своего полусна, полубоморока и удивился, отчего такъ сильно пахнетъ табакомъ, причину этого сейчасъ же объяснилъ подошедшій къ постели, съ трубкою во рту, Бобъ, который спросилъ больного, какъ онъ теперь себя чувствуетъ.

Въ одно мгновеніе Долли вспомнилъ все. Такъ-какъ онъ былъ еще очень слабъ и съ трудомъ могъ дышать, то не старался произнести ни одного упрека, а только посмотрѣлъ на мистера Воба, но это былъ взглядъ выразительный: не будучи злобнымъ, онъ пламенѣлъ негодованіемъ и презрѣніемъ.

Удалецъ изъ миддлсекскаго госпиталя понялъ, что дни его пребыванія въ Твикенгемѣ сочтены, и потому возвратился въ уборную, чтобъ извлечь возможно бѣльшую выгоду изъ настоящаго положенія, осушая бутылъ съ водкою.

Рѣшившись послать за докторомъ, и мистрисъ Икль старалась объяснить ему, что мужъ страдалъ отъ сильной простуды, полученной во время путешествія. Когда они вошли въ спальню, докторъ не хотѣлъ сказать ей прямо, что не вѣрилъ исторіи о поѣздкѣ мистера Икль, но выразилъ это ученымъ языкомъ.

— Сильное изнеможеніе, замѣтилъ онъ, пощупавъ пульсъ. — Пульсъ какъ у ребенка. Весь организмъ совершенно истощенъ.

Въ уборной, прописывая лекарство, онъ саркастически замѣтилъ Анастасіи, что мистеръ Икль, повидимому, простудился отъ сильной тревоги.

— Боже мой, какой онъ неблагообразный! отвѣчала Анастасія.

Новость о возвращеніи Долли и о его болѣзни распространилась по всему Твикенгему съ чрезвычайною быстротою.

Сочувствіе къ Долли достигло высшей степени; экипажъ за экипажемъ останавливался у подъѣзда, заботливыя осведомленія о здоровьѣ мистера Икля сыпались дождемъ.

Но когда лакей вѣжливо сообщалъ сидѣвшимъ въ экипажѣ, что мистриссъ Икль очень рада ихъ видѣть и проситъ показывать, то на такое приглашеніе всегда слѣдовало угрюмый отказъ.

Для прекрасной, но презираемой Анастасіи стало положительною необходимостью попытаться сдѣлать что-нибудь, хотя бы даже отчаянное, чтобы возвратитъ себѣ потерянное мѣсто въ Твикенгемскомъ обществѣ и остановить, такимъ образомъ, открытыя и умысленныя оскорбленія со стороны сосѣдей. Противъ нея, очевидно, составился заговоръ; но она разобьетъ этихъ гнусныхъ заговорщицъ! да, она поразитъ каждую злобную юбку, хотя бы это стоило шести обѣдовъ и шести танцевальныхъ вечеровъ въ недѣлю!

Анастасія сообщила свои планы Бобу, и этотъ суровый юноша совѣтовалъ ей сопротивляться, говоря:

Задай имъ хорошенько, Стаси! въ тебѣ течетъ кровь де-Кадовъ; если ты имъ не отплатишь, то ужъ никто не сможетъ отплатить.

Говоря безпристрастно, Бобъ, когда онъ бывалъ трезвъ, былъ недурень собой. Глаза у него были большіе и блестящіе, онъ носилъ усы и въ послѣднее время приобрѣлъ себѣ новую шляпу, такъ что, если только не глядѣть на его сапоги, наружность его была очень покаяная и напоминала отставнаго прапорщика.

Онъ хорошо могъ служить цѣлямъ Стаси, въ качествѣ ея защитника. Каждый день, въ четыре часа, у подъѣзда стоялъ экипажъ. Блистательная Анастасія выбирала такую шляпу, которая должна была заставить содрогнуться обитательницу «Лавроваго двора», и надѣвала платье, рассчитанное на то, чтобы въ «Тюльпанной хижинѣ» спрятались отъ стыда.

Они разъѣзжали, преслѣдуя своихъ враговъ. Если послѣдніе находились въ ричмондской пирожной лавкѣ, мистриссъ Икль нарочно входила въ нее, чтобы внушить имъ благоговѣйное почтеніе къ поражающему количеству заказовъ на желе и на пудинги. Тутъ, въ лавкѣ, она безопасно располагала своими врагами; ускользнуть отъ нея они не могли, а между тѣмъ ея снисходительное обращеніе, ея благодарность за участіе, выка-

занное къ здоровью мистера Икль, ея патетическій разсказъ о его болѣзни, конечно, производилъ впечатлѣніе на сосѣдей.

Анастасія и Бобъ показывались вездѣ. Когда они встрѣчали враждебныхъ сосѣдокъ, Анастасія кланялась имъ или кивала головою такъ смѣло и выразительно, что никто, за исключеніемъ какого-нибудь свѣже-испеченнаго дикаря, не могъ не отвѣчать на ея привѣтствіе.

— Я проучу ихъ! воскликнула мистриссъ Икль, послѣ одной изъ этихъ улыбающихся, вѣжливыхъ встрѣчъ. — Это будетъ непремѣнно, хотя бы вамъ, Бобъ, пришлось выдержать дюжину дуэлей.

— Хотя бы что? вскричалъ пораженный Бобъ. — Полно, Стаси! Потихе, потихе!

— Какъ, вы не хотите сдѣлать этого для сестры? воскликнула Анастасія.

— Нѣтъ, не хочу, даже и для себя самого! возразилъ Бобъ: — какія вы добрыя!

— Во всякомъ случаѣ, трусь, презрительно отвѣчала сестра: — вы можете послать вызовъ. Это ихъ устрашитъ, хотя бы даже на слѣдующее утро вы уступили.

Разъ Анастасія встрѣтилась лицомъ къ лицу съ обитательницею «Тюльпанной хижины» въ узкомъ переулкѣ и начала въ упоръ повторять свои любезности. Она была очень рада сообщить вѣвѣстіе о томъ, что мастеръ Икль уже внѣ опасности. Отчего «Тюльпанная хижина» не навѣститъ его? Онъ такъ любитъ «Тюльпанную хижину», и ея посѣщеніе было бы для него праздникомъ.

— А какъ здоровье нѣмецкаго джентльмена? спросилъ красавицу непріатель, сдѣлавъ этими словами выстрѣлъ изъ орудія 80-ти фунтоваго калибра, заряженнаго злобой до самаго дула.

— Очень хорошо, благодарю васъ, возразила Анастасія съ величайшимъ благодушіемъ. — Онъ вчера обѣдалъ съ мистеромъ Иклемъ. Они вѣдь старые друзья, вы знаете. Я должна познакомить васъ съ нимъ; онъ такой пріятный джентльменъ.

Разбитый врагъ со злобой бѣжалъ, прикрывая зонтикомъ свое отступленіе. Побѣдоносная Венера, хотя и была не на шутку ранена, но старалась казаться торжествующею. Надо подождать, пока Доли поправится и выручитъ ее изъ этихъ непріятностей. Бобъ былъ хуже, чѣмъ бесполезенъ. Отъ него пахло табачнымъ дымомъ, водкой и онъ нигдѣ не имѣлъ никакого кредита.

Но милый Доли былъ все еще очень боленъ и очень унылъ. Онъ вынесъ такой потрясающій ударъ, что, казалось, не желалъ подвергаться опасности получить новый такой же. Анастасія съ

удивленіемъ замѣтила, что онъ вовсе не былъ радъ ея обществу, какъ бывало прежде; видъ ея брата былъ положительно ему противень.

Теперь она была бы рада помириться съ нимъ, но его упрямство мѣшало всякому сближенію. Его отвѣты на всѣ ея нѣжныя слова были неизмѣнно или: «благодарю васъ», или «какъ вамъ угодно».

- Хорошо вы спали, неоцѣненный Доли!
- Благодарю васъ.
- Не хотите ли встать, милый?
- Какъ вамъ угодно.
- Не хотите ли, мой Доли, бифштексъ къ завтраку?
- Благодарю васъ.
- А немного поджареннаго хлѣба, мой голубчикъ?
- Какъ вамъ угодно.

Бѣднякъ былъ слишкомъ добросердеченъ, чтобы отвѣчать невѣжливостью на ея внимательность, но въ то же время и слишкомъ сильно уязвленъ, и быть можетъ, слишкомъ благоразуменъ, чтобы поощрять ея попытки къ примиренію. Онъ говорилъ мнѣ, что ни разу не упомянулъ о ея жестокомъ обхожденіи съ нимъ, и не порицалъ ее за низкій образъ дѣйствій въ ту достопамятную ночь.

Она хорошо знала, что дѣлала мнѣ большое и непоправимое оскорбленіе, говорилъ онъ. — Что же за польза въ томъ, что я сталъ бы говорить ей то, что она уже знала?

Я и до настоящаго времени не могу рѣшить, былъ ли Доли идиотъ или ангелъ въ образѣ человѣка.

Холодность Доли часто заставляла благородную Анастасію вселять утѣшенія у нѣжнаго Боба.

— Онъ все такой же угрюмый, жаловалась она этому милому юношѣ: — не хочетъ даже говорить со мной. Воже мой! какъ онъ переимѣнился!

— Я бы его переимѣнилъ, мудро отвѣчалъ Бобъ: — я бы его заставилъ быть учтивымъ! онъ скоро бы у меня очнулся.

Наконецъ, наступило время, когда докторъ велѣлъ больному каждый день выходить въ гостиную. Бѣдный Доли! Какъ его утомляло это короткое путешествіе по лѣстницѣ! Онъ самъ не думалъ, что такъ ослабѣлъ. Ноги его дрожали подъ тяжестью тѣла, которое я могъ бы нести подъ мышкой столъ же легко, какъ зонтикъ; достигнувъ дивана, Доли падалъ на него и задыхался такъ, что, казалось, сдѣлай онъ еще одинъ шагъ — и ему угрожаетъ смерть. Но Анастасія онъ не позволялъ себя поддерживать. Она злобно кусала губки, когда онъ выражалъ

желаніе опереться на лакея. Впрочемъ, она не возражала; вообще, съ вѣкотораго времени, она остерегалась обижать Долли, сознавая, что его присутствіе въ домѣ необходимо для ея собственнаго спокойствія и выгоды.

Но Боба она все-таки держала въ домѣ (къ большому ущербу въ занятіяхъ этого талантливаго дантиста), держала, какъ сильнаго, мускулистаго палача, который можетъ пригодиться въ случаѣ новаго побѣга Долли.

— Зачѣмъ этотъ человѣкъ здѣсь? спросилъ разъ Долли.

— Какой человѣкъ, мой милый? спросила у него Анастасія, думая, что мезгъ мужа въ разстройствѣ и ему представляются привидѣнія.

— Вашъ братъ, отвѣчалъ Долли.

— Онъ гоститъ у меня, мой дорогой, возразила Анастасія, съ трудомъ сдерживая горечь при названіи такого прекраснаго юноши, какъ Бобъ, просто «человѣкомъ».

— Я желаю, чтобы онъ немедленно оставилъ мой домъ, приказалъ Долли.

— Такъ-какъ онъ мой близкій и кровный родственникъ, мистеръ Иалъ, возразила Стаси съ пламеннымъ достоинствомъ: — то, я думаю, вы могли бы менѣе рѣзко о немъ выражаться. Но онъ уйдетъ, мой милый! Я на все готова, чтобы вамъ угодить, мой дорогой!

Оставивъ мужа, она поспѣшила къ Бобу.

— Бобъ, милый! онъ говоритъ, что вы должны уйти отсюда, но не беспокойтесь: только не будьте у него на глазахъ, вотъ и все!

Когда жена говоритъ о своемъ мужѣ «онъ» и входитъ въ соглашеніе съ братомъ, какъ бы провести его, то я всегда считаю это вѣрнымъ знакомъ, что люди уже совершенно покончили съ любовью — и мои догадки всегда бывають вѣрны. Долли, по одному табачному запаху, зналъ, что Бобъ все еще оставался въ домѣ; онъ хорошо понималъ и то, что этого, многообѣщающаго молодатаго храбреца, удерживали въ качествѣ стража и наблюдателя надъ нимъ, Долли. Однажы, когда нахальный юноша появился однажды за обѣдомъ, Долли спокойно перенесъ его присутствіе, вмѣсто того, чтобы позвонить и послать за полицменомъ. Эта нерѣшительность стоила ему потери власти.

Первая серьезная стычка, возобновившая непріятныя дѣяствія, случилась по поводу того, что Долли, который уже кончилъ леченіе, однажды утромъ прогналъ своего лакея за грубости.

Безтолковый слуга потерялъ мѣсто, поддавшись дурнымъ внушеніямъ мистера Боба де-Када, который съ нимъ свелъ компанію.

Они играли по пенсу въ карты, обокрали погребъ съ виномъ, и роспили свою добычу сиа въ кладовой съ трубками. Бобъ взялъ въ займы нѣсколько шиллинговъ изъ плисовыхъ кармановъ пріателя, и въ заключеніе, подблизъ этого глупца наговорить Долли грубостей.

— Не обращайтесь вниманія на слова этого дурака, совѣтоваль Бобъ: — я васъ подержу, Анастасія также.

Я до сихъ поръ твердо убѣжденъ, что именно по внушенію Боба этотъ малый, передъ уходомъ своимъ изъ дому, разорвалъ свои плисовые брюки и каштановаго цвѣта лаврею; впрочемъ, на подобномъ святотатствѣ страшно остановиться, и я не буду болѣе говорить объ этомъ предметѣ.

Анастасія была чрезвычайно раздражена тѣмъ, что мистеръ Иэль позволялъ себѣ вмѣшиваться въ дѣла съ прислугой; но, сдержавъ гнѣвъ, стала прискевать новаго лакея. Она занималась списываніемъ нѣсколькихъ объявленій изъ «Times», когда Долли, успѣвшій запастись мужествомъ, прервалъ ее работу.

— Мистриссъ Иэль, сказалъ онъ (теперь онъ уже не называлъ ее Анастасіей): — съ вашего позволенія, я буду нанмать нашу мужскую прислугу. Это будетъ лучше. Я имѣю на то свои причины.

Малая женщина едва вѣрнула своимъ ушамъ.

— Чтѣ вы сказали, мистеръ Иэль? спросила она.

— Я нахожу неудобнымъ, мистриссъ Иэль, чтобъ женщина толковала съ цѣлой толпой мужчинъ. Это неприлично, отвѣчалъ Долли, несмотря на нее.

— Неприлично, мистеръ Иэль? такъ ли я поняла? Вы говорите, что я виновна въ неприличныхъ поступкахъ? Прекрасно, сэръ! только *этого* недоставало!

— Прошу замѣтить, что всѣ слуги, которые будутъ искать у насъ мѣста, *должны* являться ко мнѣ, мистриссъ Иэль, продолжалъ Долли.

— Не знаю, мистеръ Иэль, каковъ законъ нашей страны, продолжала Анастасія съ убійственнымъ величіемъ въ осанкѣ: — но едва-ли онъ позволяетъ мужу называть жену грубой, нескромной, непристойной женщиной! Судьи страны, сэръ, рѣшатъ этотъ вопросъ о мужской прислугѣ. Я не берусь рѣшать его.

— Это будетъ рѣшено, мистриссъ Иэль, спокойно сказалъ Долли. — Въ моемъ собственномъ домѣ позволете мнѣ быть судьей, чтѣ хорошо и прилично.

— Вы раскаетесь въ этомъ, сэръ, свирѣпо крикнула красавица. — Вы осмѣлились обвинить меня въ неприличномъ обращеніи съ толпой мужчинъ; это ваши собственные слова, сэръ, съ тол-

ной женщины! Я передамъ это на усмотрѣніе суда, сэръ! Потому только, что я сдѣлала глупость, выйдя замужъ за идиота, я не должна открывать рта! Я не смѣю сказать слова никому изъ вашей отвратительной братіи! Мы живемъ не въ Турціи, мистръ Игль! Не въ Турціи, сэръ! Мы, слава Богу, не невольницы, сэръ! А имѣю ли я право говорить съ мясникомъ, съ булочникомъ и съ продавцемъ молока, скажите, пожалуйста? Быть можетъ, и это неприлично, мистръ Игль?

— Я не желаю входить въ обсужденіе по этому предмету, мистриссъ Игль, возразилъ Долли: — вы слышали, что я сказала, и этого довольно.

Она могъ считать это достаточнымъ, но не такъ смотрѣла на дѣло оскорбленная леди. За обѣдомъ, въ тотъ же день, она принялась колотъ и жалить самымъ язвительнымъ образомъ Долли, по поводу его тонкихъ понятій о приличіи.

— Если бы это не было *неприлично*, Бобъ, сказала мистриссъ Игль съ ужасающею выразительностью въ голосъ: — я взяла бы другую картофелину.

— Сдѣлайте, пожалуйста, такое *неприличіе*, Бобъ, налейте мнѣ стаканъ хересу, замѣтила она въ концѣ обѣда.

— Какъ вы можете, Бобъ, быть до такой степени *неприличны*, что говорите, въ присутствіи дамы, о занятіяхъ медиковъ — развѣ вы не знаете, что они составляютъ гадкую толпу мужчинъ? саркастически щебетала красавица.

Но Долли молча ѣлъ и не выказывалъ даже признаковъ неудовольствія.

Война возобновилась и, мало-по-малу, приобрѣла убійственную силу. При помощи Боба, мистриссъ Игль могла совершать великіе и свирѣпые подвиги.

— О, мой милый Робертъ, говорила она благородному юношѣ де-Каду:—что бы вы ни дѣлали, никогда не будьте грубы съ своей обѣдной женой. Это такъ низко, такъ отвратительно! Я питаю величайшее презрѣніе къ низкимъ, грубымъ, гадкимъ мужьямъ! Никогда не дѣлайте такъ, милый Бобъ, или на васъ всѣ станутъ указывать, какъ на самую отвратительную гадину, какая только есть на свѣтѣ!

Разъ она замѣтила:

— Вы помните, Бобъ, молодого мистера Гурди, прекраснаго молодого джентльмена съ выразительными чертами лица, который былъ, кажется, литографомъ индійскаго принца, и такъ былъ влюбленъ въ меня? Знаете, это извѣстный органиный мастеръ, фирмы Хурди, Чурди и К^о? что это былъ за милый, восхитительный человекъ!

— Въ самомъ дѣлѣ? отозвался Бобъ, зная, что тутъ наносился ударъ Долли, и съ удовольствіемъ играя свою роль.

— Я, кажется, никогда вамъ не говорила, что онъ дѣлалъ мнѣ предложеніе? Но онъ опоздалъ, бѣдный! я уже была обручена. Это былъ прелестный, высокаго роста молодой человѣкъ. Хотѣла бы я, чтобъ вы видѣли, какъ онъ рвалъ на себѣ волосы, когда я сказала ему роковую новость, — такіе волнистые, кудрявые волосы! Я нашла его локонъ гдѣ-то на лѣстницѣ; я покажу его вамъ, напомните когда-нибудь!

Это былъ тяжелый ударъ, но Долли выдержала его, даже не пошевельнувшись въ своемъ креслѣ.

Любимымъ ея маневромъ было развертывать письмо, будто бы полученное недавно изъ дому отъ милой мамашы, и, по поводу этого, дѣлать самыя оскорбительныя размышленія относительно поведенія мистера Иля.

— Я получила такое нѣжное, любящее письмо отъ мамашы, Бобъ, обыкновенно начинала она: — письмо, такъ прекрасно написанное, полное такихъ добрыхъ совѣтовъ! Я вамъ прочту изъ него нѣкоторыя мѣста. Послушайте, милый, это дѣйствуетъ очень успокоительно: «знаю, моя дорогая Анастасія, что вы терпите душевныя и тѣлесныя мученія отъ своего низкаго мужа. Любимая моя, вы стѣбали лучшей участи! Онъ очень ужасный человѣкъ. Вспыльчивый, грубый, гадкій, низкій и трусливый. Не завидую вашей долѣ. Удивляюсь только, какъ вы его не оставите. Еслибы вы не были такою кроткою, любящею, благородною женщиною, и притомъ преданною англиканской церкви, то уже давно бросили бы это чудовище!» Ахъ, Бобъ! прочитавъ такое письмо, я чувствую въ себѣ новыя силы. Дорогая мамаша!

Анастасія цаловала воображаемое письмо и прятала къ себѣ на грудь.

Можете себѣ представить, какъ трудно переносить все это человѣку, хотя бы онъ даже обладалъ кротостью агнениа, — переносить, не сдѣлавъ въ отвѣтъ ни одного замѣчанія. Домъ сталъ для Долли совершенно невыносимъ. Сидя въ своей комнатѣ, задумчивый и печальный, Долли могъ слышать, какъ жена и Бобъ хохотали и кричали, вѣроятно, желая показать ему, какъ они веселы и довольны.

Однакожь, какую душевную тяжесть ни чувствовалъ Долли, онъ не рѣшался выйти изъ этого положенія, боясь сценъ: деликатный и чувствительный Долли не любилъ «сценъ».

Много несчастныхъ дней провелъ онъ, лежа неподвижно въ своемъ креслѣ, до такой степени неподвижно, что когда онъ выходилъ изъ оцѣпенѣнія и пытался встать, то члены его ока-

звались онѣмѣлыми и сведенными судорогой. Однажды, уставъ читать, онъ стоялъ у окна и смотрѣлъ на росшіе передъ нимъ кусты, прислушивался къ разнообразному стуку проѣзжавшихъ экипажей, и развлекался, стараясь различить звукъ четырехколесной телеги отъ двухколесной; вдругъ онъ увидѣлъ Анастасію, вышедшую гулять, въ сопровожденіи изящнаго Боба. Долли усталъ разсматривать кусты; онъ видѣлъ, какъ нѣжный побѣгъ полумертваго лавроваго дерева превратился въ крѣпкую, многообѣщающую вѣтвь, — отчего не заняться чѣмъ-нибудь другимъ? Отчего не воспользоваться отсутствіемъ учителей и не попутаться ускользнуть? Долли надѣлъ шляпу и вышелъ на улицу.

Онъ не прошелъ и десяти шаговъ, какъ встрѣтилъ Фреда Пиншеда; вслѣдъ за нимъ шелъ Гусь Грубъ, — рукопожатія, и трое маленькихъ людей пошли вмѣстѣ, съ величественнымъ и важнымъ видомъ норфолькскихъ великановъ. Говора откровенно, Долли былъ очень радъ, что нашелъ себѣ защиту на случай, если она выслѣдитъ, куда онъ пошелъ.

Пріятели выражали ему сочувствіе, спрашивали о его болѣзни, желали на будущее время здоровья; словомъ, были такъ добры, какъ могли бы быть его школьные товарищи. Долли ожилъ и почувствовалъ себя здоровѣе.

Часовъ около шести, Пиншедъ сталъ настаивать, чтобъ Игль обѣдалъ вмѣстѣ съ нимъ у его матери, и не хотѣлъ слушать никакихъ отговоровъ. Долли, хотя и чувствовалъ себя разстроеннымъ, подумалъ, однакожъ, что такой случай провести пріятно время, быть можетъ, никогда больше не представится, и принялъ приглашеніе.

Когда Анастасія, возвратившись домой, не нашла мужа, то такъ разсвирѣпѣла, что даже погрозила, если только поймаетъ Долли опять, запереть его на ключъ.

— Какова грѣшечная, злая ехидна! воскликнула она, обращаясь къ Бобу: — ускользнуть тихонько, когда всѣ думали, что онъ такъ слабъ, что и ногъ не передвинетъ! О! я ему за это отплачу!

Бобъ, въ качествѣ субъ-констэбла, былъ отправленъ, съ десяти шиллингами въ карманѣ, разыскивать бѣглеца по сосѣдству, и захватить его опять.

Отважный молодой человекъ, съ быстротою мысли, свойственной людямъ гениальнымъ, сейчасъ же составилъ себѣ планъ дѣяствій. Онъ спрячется пока въ ближайшемъ трактирѣ, и будетъ нѣзъ окна наблюдать, не пройдетъ ли мимо преступникъ.

Пробыло десять часовъ, и все-таки нѣтъ Боба, и чтб еще хуже, нѣтъ Долли. Анастасія прежде всего освѣдомилась, взявъ

ли съ собою мистеръ Игль дорожный мѣшокъ. Никто даже не видалъ, какъ мистеръ Игль вышелъ изъ дому.

Единственная ея надежда была на бдительность брата, который, по странной случайности, въ эту самую минуту игралъ пятую партію на бильярдѣ съ зеленщикомъ, со старьевщикомъ, и съ торговцемъ сыромъ; по три пенса назначалась партія, и выигравшій платилъ за эль; такимъ образомъ, Бобъ увеличивалъ популярность дома Иглей, и умѣя мастерски владѣть кіемъ, даромъ шилъ.

Нисколько не смущаясь послѣдствіями своего смѣлаго поступка, Долли, съ сигарой во рту, шелъ домой, въ хорошемъ настроеніи духа послѣ прекраснаго обѣда и ласковаго обхожденія; онъ давалъ себѣ обѣщаніе на будущее время больше искать развлеченія внѣ дома; это будетъ ослаблять дурное впечатлѣніе, производимое домашними дразгами.

Долли громко постуцалъ въ дверь, и когда ее отворила сама гнѣвная Анастасія, тихонько насвистывалъ, издавая звукъ, занимавшій средину между свистомъ вѣтра въ замочную скважину и пискомъ молодаго щегленка въ раннее утро.

Долли былъ въ хорошемъ настроеніи духа.

Анастасія, ожидавшая Боба, какъ только увидѣла чьѣ-то шляпу, сейчасъ же вскричала:

— Чтѣ нашли, поймали его?

Долли понялъ истинное значеніе словъ жены и улыбнулся. Узнавъ Долли, Анастасія крикнула:

— Надѣюсь, мистеръ Игль, что вы не намѣрены каждую ночь заставлятъ цѣлый домъ ожидать васъ?

Долли, вмѣсто отвѣта, взглянулъ на часы; види, что еще только три четверти одиннадцатаго, онъ сообразилъ, что не требуется никакого объясненія.

— Принесите подсвѣчникъ, крикнулъ онъ горничной.

Такая дерзость испугала и смутила Анастасію. Она чувствовала себя совершенно побѣжденною.

— На будущее время, мистеръ Игль, продолжала она: — когда вы бываете расположены идти гулять, то, быть можетъ, у васъ достанетъ благопристойности, попросить жену сонутствовать вамъ!

Долли взошелъ на лѣстницу, не удостоивъ ее отвѣтомъ. Такиаки супруги занимали отдѣльныя комнаты, то разговоръ въ этотъ вечеръ не продолжался. Долли спалъ крѣпко.

По удаленіи мужа, первымъ дѣломъ мистриссъ Игль было завладѣть его шляпой, которому она заботливо заперла въ шкафъ съ бѣльемъ.

— Теперь мы посмотрим! сказала она, повернувъ два раза ключъ въ замѣкъ.

Любезные сосѣды Иблей, какъ только узнали, что Долли былъ въ гостяхъ у Пиншедовъ, сейчасъ же возымѣли сильное желаніе, чтобъ онъ удостоилъ своимъ посѣщеніемъ ихъ скромный семейный обѣдъ; надменная Анастасія должна была сильно помучиться, видя, что ея мужа приглашаютъ, а о ней забыли.

Они мало знали, мало цѣнили сильный, рѣшительный характеръ красавицы. Думать, что ее можно растоптать, было все равно, что стараться раздавить упругій матрацъ. Анастасія обладала, если можно такъ выразиться, нравственною упругостью; она была подобна мѣди, сдѣлавшейся гибкою отъ ударовъ молота. Сойдя внизъ, къ завтраку, мистриссъ Икль увидѣла на столѣ два письма, подписанныя женскимъ почеркомъ и адресованныя на имя мужа. Безъ малѣйшаго колебанія она вскрыла ихъ. Она обладала совершенно наполеоновскою быстротою дѣйствій.

Въ первомъ письмѣ «Ивовая скамья» просила удостоить, во второмъ «Тюльпанная хижина» была бы очарована, еслибъ...» Геронческая женщина нахмурила классическія брови и сунула оба приглашенія въ карманъ.

— О, о! прошипѣла она: — они хотятъ поразить меня съ этой стороны, вотъ чтò! Глупцы, они принимаютъ меня за ребенка!

Когда Джонъ принесъ корзинку съ хлѣбомъ, она попросила его на будущее время подавать *есть* получаемыя письма ей. Джонъ будетъ такъ добръ, что сообщитъ приказаніе своей госпожи горничнымъ.

Еще не было двѣнадцати часовъ, какъ Анастасія, выбравъ самое лучшее стальное перо, написала извѣтельные отвѣты на приглашенія, присланныя мужу; отвѣты были посланы съ нарочнымъ, съ Джономъ, одѣтымъ въ самую лучшую ливрею.

— Чтò вы будете дѣлать съ подобной женщиной? спросила «Ивовая скамья» у «Тюльпанной хижины».

— Чтò дѣлать съ ней, отвѣчала «Тюльпанная хижина»: — не спрашивайте меня, моя милая!

— Она не успокоится, пока не вгонитъ его въ могилу! вскричала «Ивовая скамья».

— И по дѣломъ ему, возразила недовольная «Тюльпанная хижина».

Несчастный Долли! даже «Тюльпанная хижина» его оставила.

ГЛАВА IX.

Буря въ шляпѣ.

Мало думая о кошачьей трагедіи, разыгравшейся такъ без-
успѣшно въ Твикенгемской виллѣ, я, какъ слѣдуетъ порядочно-
му молодому человѣку, ревностно занимался своей наукой, ме-
чтая о томъ хорошемъ времени, когда я буду ѣздить въ соб-
ственномъ экипажѣ, носить золотые очки, и получать тѣ гиней,
которыя тихонько всовываются въ руку, какъ будто бы плата
доктору за вняты было безстыднымъ и невѣжливымъ дѣломъ, и
какъ будто бы велѣно было даже самое предположеніе, что мы,
медики, работаемъ изъ-за денегъ, подобно другимъ рабочимъ въ
виноградникѣ.

Я былъ счастливъ, такъ счастливъ, что проводилъ все время
въ созерцаніи собственнаго благополучія и — краснѣйте за мой
эгоизмъ! — вспоминалъ о Долли Иглѣ, какъ о человѣкѣ, котораго
я зналъ когда-то, но не видѣлъ уже цѣлые годы. У меня состав-
вилось самолюбивое убѣжденіе, внушенное, быть можетъ, меди-
цинскими занятіями, что моего общества и моихъ услугъ не
внутъ только потому, что не встрѣчается никакихъ неблаго-
приятныхъ обстоятельствъ; не слыша ничего отъ Долли, я за-
ключилъ, что онъ примирился со своей Анастасіей и благо-
получно поживаетъ.

Быть можетъ, онъ, маленькій бѣднякъ, и удивлялся въ это
время, отчего я его оставилъ. Бѣдный Долли! Я держался вдали
отъ Твикенгема не потому, чтобъ избѣгалъ его; но, говоря по
совѣсти, приѣмъ, какой красавица дѣлала друзьямъ своего мужа,
былъ таковъ, что я не могъ его выносить.

Еслибъ Долли былъ одаренъ достаточнымъ мужествомъ, чтобъ
защищать своихъ друзей или даже дѣлаться посредникомъ между
наглостью жены и застѣнчивостью своихъ посѣтителей, то онъ
приобрѣлъ бы себѣ наше расположеніе и состраданіе; но этотъ
нервный осленокъ считалъ за лучшее, не рискуя вступать въ
единоборство съ Анастасіей, принимать ея сторону въ чудовищ-
номъ воприличіи; послѣдствія, конечно, оказывались сколько уни-
зительными, столько же и жалостными для тѣхъ несчастныхъ,
которыя имѣли честь быть его знакомыми.

Послѣдній разъ, когда я посѣтилъ его, задолго до большого
варива между супругами, она буквально выпроводила меня изъ
дому. Послѣ отличной прогулки по берегамъ Темзы, я былъ такъ
голоденъ, что хлѣбъ и сыръ сдѣлались для моего слуха музи-
кальными терминами; въ прекрасномъ настроеніи и чрезвычайно

веселый, посѣтилъ я виллу, рѣшившись остаться тамъ обѣдать, если будетъ сдѣланъ хотя самый малый намекъ на то, что мое общество можетъ доставить удовольствіе; но лишь только я поставилъ ногу на порогъ дома, не успѣвъ еще ни на одинъ футъ ступить на вощеную клеенку, покрывавшую полъ, какъ красавица нахмурила брови и выразила надежду, что я пришелъ не съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ остаться обѣдать.

Я смотрѣлъ на Долли, чрезвычайно пораженный такимъ непривѣтливимъ приемомъ и слишкомъ оробѣвшій, чтобъ думать о рѣзкомъ отвѣтѣ; но этотъ крошечный трусъ, вмѣсто того, чтобъ защитить пріятеля, принялъ сторону ехидной супруги.

— Я думаю, что въ самомъ дѣлѣ вамъ лучше уйти, Джемъ, она сегодня не совсѣмъ хорошо себя чувствуетъ, шепнулъ онъ мнѣ.

Я повернулся на каблукахъ и не произнесъ ни одного слова, до тѣхъ поръ, пока не вышелъ на улицу; тамъ, передъ ихъ садомъ, разорвавъ на куски цвѣтокъ лиліи, я въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ, которыхъ не считаю нужнымъ повторять, далъ слово, что никогда болѣе не переступлю порогъ этой отвратительной виллы. Я сдержалъ свое обѣщаніе до дня знаменитой вечеринки.

Но возвратимся къ разсказу. Утромъ Долли сошелъ внизъ, очень довольный своей вчерашней побѣдой и восхищенный своимъ новымъ рѣшеніемъ возможно чаще отлучаться изъ дому. Послѣ завтрака, который онъ съѣлъ съ наслажденіемъ, Долли позвонилъ и приказалъ слугѣ принести ему шляпу и перчатки.

Шляпу, однако, не могли найти.

— Спросите у мистриссъ Иэль, сказала Долли.

Вмѣсто того, чтобъ прислать отвѣтъ съ посланнымъ, смѣлая амазонка явилась лично.

— Я увѣренъ, что вы знаете, гдѣ моя шляпа; мнѣ она нужна, сказала Долли, силясь принять на себя видъ ледяного величія.

— Послѣ обѣда, когда мы пойдемъ вмѣстѣ, шляпа будетъ, но не раньше, возразила мистриссъ Иэль.

Долли немедленно позвонилъ и приказалъ вошедшему слугѣ сходить въ ближайшій шляпный магазинъ и сказать, чтобъ ему сейчасъ же прислали шесть новыхъ шляпъ.

— Джемсъ, не дѣлать ничего подобнаго, приказала съ своей стороны мистриссъ Иэль.

Долли, побагровѣвъ отъ ярости за такой открытій подрывъ его авторитета, закричалъ слугѣ:

— Дѣлайте, какъ я вамъ говорю, сэръ, или я вамъ сейчасъ же откажу!

— Не обращайтесь вниманія на слова вашего господина, возразила Анастасія:—слушайте меня. Можете оставить комнату.

Слуга, видя, что сильнѣйшей стороной была мистриссъ Ииль, повиновался ей.

Долли хотѣлъ самъ броситься изъ комнаты и бѣжать за шлупами, но Анастасія прижалась спиною къ двери и не пропускала его. Криволинь ея образовалъ огромный кругъ. Тагъ-какъ чрезъ эту преграду Долли перескочить не могъ, то вынужденъ былъ сдерживать свою ярость.

Но всего тягостнѣе было то, что Долли слышалъ, какъ покашливалъ, стоя въ корридорѣ, злодѣй Бобъ, давая знать, что онъ готовъ, если есть надобность въ его услугахъ. Потерявъ всякую надежду взять верхъ, хотя бы даже силою, Долли удалился въ крѣпость добродѣтельнаго негодованія и старался усмирить свою жену, какъ усмиряютъ дикихъ звѣрей, выраженіемъ глазъ.

Долли могъ похвастаться, что во всѣхъ своихъ ссорахъ съ женою держалъ себя чрезвычайно деликатно и разсудительно. Онъ никогда не допускалъ, чтобъ страсть взяла у него верхъ надъ здравымъ смысломъ. Въмѣсто того, чтобъ прибѣгать къ помощи злобныхъ словъ и сильной жестикуляціи, — каковъ, къ моему ужасу, бываетъ обычай у многихъ супруговъ, — онъ былъ строгъ въ выборѣ своихъ словъ и чрезвычайно остороженъ въ дѣйствіяхъ. Мягкость его поступковъ вовсе не доказывала его неуязвимости. Грудь его сильно волновалась отъ бури ощущеній (какъ было бы и съ нами, читатель, въ подобномъ случаѣ); слова его были похожи на слова чловѣка, который задыхается отъ бѣгу, а глаза блестѣли фосфорическимъ блескомъ; но въ самыя горькія минуты, когда Долли готовъ былъ перекусить пополамъ кусокъ горячаго желѣза, чтобъ найти успокоеніе, все-таки упреки, срывавшіеся съ его языка, были приличны, какъ отрывки изъ проповѣдей. По моему мнѣнію, грубый, толстый грумъ, отличающійся свѣднїями въ незатѣйливой фразеологїи конюшни, имѣлъ бы на своей сторонѣ большую вѣроятность успѣха въ сношеніяхъ съ такою неукротимой женщиной, какъ прелестная Анастасія.

— Сударыня! воскликнулъ Долли, съ величественнымъ и сдержаннымъ видомъ полицейскаго сановника: — это послѣднее оскорбленіе рѣшаетъ нашу будущность. Съ этой минуты я отнимаю у васъ любовь, которую, несмотря на вашу эгоизмъ и необдуманное поведеніе, я все еще не переставалъ нитать къ женщинѣ, сдѣлавшейся моею женою.

Завительная Анастасія широко открыла глаза, комически представляя испуганную, и презрительно улыбнулась.

— Боже мой, какъ это страшно! Ха! ха! Боюсь, какъ бы мнѣ не умереть отъ страху! отвѣчала она.

— Я отъ васъ отказываюсь. Дай Богъ, чтобъ мы никогда болѣе не встрѣчались! закончилъ Долли.

Но сообразительная Анастасія была сплочена изъ крѣпкаго матеріала и, сверхъ того, обладала смѣлостью. Она презрительно потрясла головой.

— Вы отказываетесь отъ меня — *эм!* вскричала она. — Ахъ, вы презрѣнная крошечная тварь, непристойный маленький карачунъ! Вы осмѣливаетесь говорить мнѣ въ лицо, что *эм!* отъ меня отказываетесь! Очень хорошо! вы откажетесь отъ меня не даромъ! Я сейчасъ запру васъ на замокъ на три дня и посмотрю, не возвратитъ ли это вамъ разсудка.

Какъ ни невѣроятно это покажется замужнимъ дамамъ, но необыкновенная женщина дѣйствительно поступила такъ; выбѣжавъ изъ комнаты, она повернула въ замокъ ключъ и положила сдѣлала плѣнникомъ своего супруга.

Все было кончено. Онъ часто говорилъ это прежде, но теперь онъ это чувствуетъ. Колѣнопреклоненіе и слезы были теперь бесполезны. Романъ кончился. Еслибъ она подняла руку, чтобъ ударить его, то и тогда оскорбленіе не превзошло бы настоящей обиды.

Долли изгналъ изъ своего сердца всякую нѣжность къ ней, — онъ встряхивалъ это сердце, какъ ведро. Теперь это было пустое сердце, — сердце, отдающееся въ наймы, несчастное, лишенное мебелировки, разрушенное сердце, поруганное и разбитое на части послѣднимъ жильцомъ.

Пока Бобъ и Анастасія потирали руки, радуясь ловкости подвига, пока она кричала: — я покажу этому маленькому чудовищу! а онъ дѣлалъ ей комплименты, говоря: — вы молодець, Стася! пока она объясняла Бобу всю выгоду имѣть этого плута въ своихъ рукахъ, что дѣлалъ Долли?

Онъ схватилъ кочергу, — тяжелую кочергу, которую могъ поднять не иначе, какъ обѣими руками. Враги услышали звукъ разбитаго стекла.

Пока они съ ужасомъ смотрѣли другъ на друга, Долли раздробилъ на тысячу кусковъ кочергой окно, раму и стекла. Потомъ, имѣя видъ скорѣе безумнаго человѣка, чѣмъ смирнаго Долли, онъ вылезъ въ это отверстіе и спокойно пошелъ, съ непокрытой головой и съ окровавленными пальцами, держа въ рукахъ кочергу на подобіе модной тросточки.

Бобъ и испуганная Анастасія, увидѣвъ его, въ то же мгновѣніе пустились въ погону, которая, впрочемъ, была непродолжительна, потому что Долли, достигнувъ уличныхъ воротъ, прислонилась къ столбу, озираясь кругомъ; предусмотрительный Бобъ, не спуская глазъ съ вочерги, не приблизился, а сталъ въ нѣсколькихъ футахъ разстоянія.

— Ишь, кричалъ Бобъ: — что такое случилось, дружище? Долли, вмѣсто отвѣта, смѣрялъ глазами своего шурина.

Въ этомъ взглядѣ выразилось безконечное презрѣніе къ цѣлому племени де-Кадовъ, — Бобъ съ горечью чувствовалъ это и принялъ смиренный видъ. Онъ возвратился къ сестрѣ, которая, ломая руки, стояла на порогѣ, и не принесъ ей никакихъ утѣшительныхъ вѣстій.

Анастасія, чувствуя, что грубое насиліе бесполезно, рѣшилась пустить въ дѣло силу своего личнаго очарованія. Она приблизилась къ густому кусту остролистника, и, спрятавшись за его колючими листьями, обратилась къ Долли съ увѣщаніями.

Какое ужасное положеніе для леди! Если кто-нибудь пройдетъ, что съ нею будетъ!

— Долли, Долли, шептала она сквозь вѣтви: — отвѣчайте, милый! Только одно слово. Я безъ намѣренія сдѣлала это, право, безъ намѣренія. Если вы меня простите теперь, то я никогда больше не буду ссориться съ вами.

Единственный отвѣтъ былъ:

— Женщина, принесите мнѣ шляпу.

— О, съ удовольствіемъ — сейчасъ!

Она побѣжала за шляпой, и черезъ двѣ минуты Бобъ передалъ шляпу владѣльцу, который надѣлъ ее на голову и, принявъ, такимъ образомъ, болѣе благообразный видъ, гордо смотрѣлъ на дорогу.

— Простите вы меня, Долли? умоляла Анастасія. — Я стану на колѣни предъ вами, если хотите. Вы можете дѣлать какъ вамъ угодно — идти или оставаться, какъ вы желаете! Увѣрю васъ, клянусь вамъ!

На улицѣ показалась карета, и красавица, корчась отъ страха, присѣла за кустъ. Она наблюдала за Долли, полная той тревоги, которая ускоряетъ образованіе морщинъ и останавливаетъ ростъ волосъ.

Слава-Богу, это только омнибусъ, и притомъ мѣста всѣ заняты, и снаружи и внутри! Она замѣтила, къ величайшей своей радости, что Долли спряталъ за спину и вочергу и окровавленные пальцы. Значить, онъ не желалъ выставить ее на позоръ. Это утѣшительно. Она опять можетъ свободно дышать!

— Испытайте меня еще разъ, Долли, кричить Анастасія, начиная плавать.— Я знаю, что была злой женщиной, была не-ласкова къ моему Долли; но теперь я буду доброю, — право, буду, Долли. О, простите меня! Вы хотите идти куда-нибудь? Дѣлайте какъ вамъ угодно, — обѣдайте гдѣ хотите, я буду ждать васъ, какъ бы ни было поздно, — я сдѣлаю все, если вы теперь простите меня!

Кто можетъ противиться такимъ сладкимъ мольбамъ, произносимымъ чуднымъ сопрано? Долли чувствовала, что гнѣвъ его начинается сплывать, какъ слабая лѣна.

Чтобъ поддержать свое мужество, онъ сердито бривнулъ «никогда!» и повернулся спиной къ кустарнику.

Но уже самый тотъ фактъ, что онъ *отечалъ*, былъ удовлетворительнымъ явленіемъ. Сношенія начались.

— Это была не болѣе, какъ шутка, Долли, говорила она, продолжая рыдать.— Я отворила бы дверь чрезъ нѣсколько минутъ. Я сдѣлала это, чтобы поугаждать васъ. Меня взяла ревность: я думала, что вы уходите къ какимъ-нибудь лѣди.

Она знала, что такія слова его подвинутъ до облаковъ.

— Мнѣ кажется, что вы меня теперь уже не любите. Я думаю, что васъ привлекаетъ какая-нибудь другая женщина; эта мысль дѣлаетъ меня очень несчастною и выводитъ изъ себя. Иногда я не знаю, что дѣлать съ собой. Простите меня на этотъ разъ, милый, и я буду хорошей женщиной! Право, буду— влянусь! вѣрите мнѣ? Скорѣе! вѣтъ опять ѣдетъ карета, прибавля она, услыхавъ стукъ приближавшихся колесъ.

Выставивъ ревность причиною безумствъ, Анастасія сдѣлала гениальный ходъ — Долли навостриль уши. Новый свѣтъ блеснулъ предъ нимъ. Ему объяснилось необыкновенное поведение Анастасіи въ послѣднее время; извѣстно, что ревнивыя женщины способны на все. Именно такъ было и въ настоящемъ случаѣ. Бѣдное созданіе!

Ему было даже нѣсколько приятно подозрѣніе въ непостоянствѣ. Это показывало, что она вѣрила въ его способность плѣнять сердца, а онъ терзался мыслию, что она его презираетъ!

Бѣдное, ревнивое созданіе!

— На этотъ разъ я прощу васъ, сказалъ онъ, проходя между остролистника съ высоко поднятой головой и съ нахмуренными бровями, съ видомъ строгаго школьнаго учителя: — но если вы опять когда-нибудь забудетесь, Анастасія, мы разстанемся навсегда!

Она покорно послѣдовала за нимъ и, дѣйствительно, въ эту минуту чувствовала къ нему уваженіе — или, если хотите,

страхъ. Чтобы убѣдить мужа въ искренности своего раскаяніи, она спросила его:

— Я привою слугу, милнй, и велю ему принести шесть шляпъ, хотятъ?

Эго его растрогало, даже заставило почти прослезиться.

— Нѣтъ, Анастасія, возразилъ онъ: — я не имѣю желанія унижать свою жену передъ прислугой, для удовлетворенія мелочной гордости. Ваше предложеніе доставляетъ мнѣ больше удовольствія, чѣмъ могло бы доставить проявленіе моей власти въ глазахъ слуги.

Мягкость и кротость дорогаго существа — вещь опасная: она обезоруживаетъ васъ, и при возобновленіи непріязненныхъ дѣйствій вы удивляетесь, гдѣ оставлено ваше оружіе.

Анастасія перевязала раненую руку Долли, а онъ, въ знакъ благодарности, поцаловалъ ее въ лобъ. Во время обѣда она крото разговаривала, и при каждомъ миломъ словѣ привязанность къ ней возрадалась въ его сердцѣ.

Съ недѣлю времени онъ былъ совершенно счастливъ. Когда она намекнула, что Боба нужно отослать прочь, онъ, глупый крошечный человѣкъ, рѣшился быть великодушнымъ и не только воспротивился отъѣзду Боба, но еще далъ этому отвратительному юношѣ пять фунтовъ взаймы. Когда она каждое утро спрашивала, будетъ ли Долли обѣдать не дома, онъ горячо отвѣчалъ, что всему въ мірѣ предпочитаетъ общество своей Анастасіи.

Но съ такимъ сумасшедшимъ существомъ, какъ Анастасія, можно ли сколько-нибудь быть увѣреннымъ въ томъ, какъ пройдетъ день.

Такой энергической, горячей женщинѣ нуженъ былъ сильный, рѣшительный, хладнокровный мужчина, ростомъ футовъ въ семь — съ грудью, шириною дюймовъ сорокъ-пять, человѣкъ, у котораго рука была бы похожа на ломъ, а кулакъ — на боксерскую перчатку. Она не очень цѣнила умъ и сердце. Какую же власть могъ имѣть надъ этой прекрасной Бобелиной такой неглѣпый крошечный мужъ, какъ дорогой Долли? Онъ съ самаго начала выпустилъ изъ рукъ самую большую свою силу — богатство. А что касается до заботъ о его любви, то это пустяки! онъ обязатъ былъ любить ее. Тысячи мужчинъ считали бы за счастье любить ее. Такъ гдѣ жъ тутъ заслуга? Я всегда думалъ, что изъ Анастасіи вышла бы отличная хозяйка какой-нибудь солдатской пивной лавки: тамъ было бы у мѣста такое ловкое, прекрасное существо, которое принимало бы поклоненіе отъ цѣлаго поля, имѣло бы по пять обожателей за разъ, отъ

сержанта до барабанщика, но не отдавало бы никому своего сердца и не отступало бы ничего въ кредитъ ни на одинъ пенни.

ГЛАВА X.

ПОЦАЛУИ И ЩЕЛЧКИ.

Хотя я и не увѣренъ, но сильно подозреваю, что въ жилахъ прекрасной Анастаси были частицы азіятской, итальянской, испанской и ирландской крови. Де-Кадь-отецъ обладалъ такимъ носомъ, который, говоря вполне безпристрастно, получилъ первоначальное свое очертаніе въ Іудеѣ, и только потомъ эмигрировалъ въ Европу. Сынъ его, Вобъ, отличался лѣнностью и, кромѣ того, страстно любилъ лукъ, долги и табакъ, что навело меня на мысль о его испанскомъ происхожденіи. Съ другой стороны, Анастасія, во всѣхъ отношеніяхъ, кромѣ голоса, была образцомъ итальянки, между тѣмъ, какъ пристрастіе мистриссъ де-Кадь къ картофелю было непомерно; она проливала слезы, когда впервые появилась болѣзнь на эти овощи; умѣнье ея готовить картофельные соусы показывало въ ней уроженку Дублина.

Кровь всѣхъ этихъ расъ очень живуча, и даже одна капля ея, подобно аромату миндальнаго экстракта, долгое время продолжаетъ сохранять свою силу.

Я того мѣнилъ, что въ крови Анастаси было слишкомъ много такого аромата. Она никогда не была довольна, пока не достигала какой-нибудь крайней степеніи душевныхъ движеній — любви или ненависти.

Въ привязанности этой женщины всегда можно было сомнѣваться, также, какъ всегда можно было ожидать отъ нея какой-нибудь дикой выходки. Когда она обвивала руками шею супруга, то первымъ побужденіемъ его было защищаться изъ опасенія внезапнаго насилія. Когда она вривалась въ его комнату съ намѣреніемъ сдѣлать сцену, онъ нерѣдко встрѣчалъ ее съ улыбкой, думая, что визитъ жены вызванъ внезапнымъ, неукротимымъ первымъ нѣжності. У такихъ лѣди, какъ Анастасія, нерѣдко случается, что чрезъ десять минутъ послѣ страстныхъ поцалуевъ въ одну щеку, онъ дають въ другую сильную, звонкую пощечину.

Цѣлую недѣлю Анастасія, какъ бы обновленная, только и дышала любовью. Вообще не стараясь регулировать привязанность, она раскрыла всѣ источники своей страстной натуры и затопила маленькаго супруга такою страстью, въ которой онъ, мнѣнй

утонокъ, заклебывался въ блаженствѣ, хотя, вмѣстѣ съ тѣмъ, не безъ тревоги совнавалъ, что никакой смертнѣй не можеть служить достаточнымъ водоемомъ для такого изобильнаго прилива нѣжности.

Еслибы спросили его мнѣнія, то онъ посоветывалъ бы своей супругѣ взять примѣръ съ той заботливой школьной учительницы, которая выдаетъ ученику пирога по кусочку, такъ что пирога хватаетъ надолго.

Пирогъ Долли, такъ изобильно начиненный изюмомъ, такъ отлично испеченный, могъ бы доставлять удовольствіе на цѣлый годъ, но Анастасія была охотница до толстыхъ, большихъ кусковъ!

Пока продолжалось это состояніе, оно было восхитительно. Вся его прежняя любовь возстановилась и изготовилась огромный запасъ новой; сердце Долли было такъ полно, что едва не лопалось отъ радости. Долли была свойственна жадность; пока порывъ любви продолжался, онъ хотѣлъ учиться имъ, сколько можно больше. Если Анастасія оставила комнату, Долли ждалъ ее, какъ преданная собачка хорошей испанской породы; услышавъ голосъ, онъ волновался опасеніемъ, что она, его красавица, какъ-нибудь случайно заговорить, а онъ пропустить мимо ушей эту мелодическую музыку.

Маленькій Долли совершенно обезумѣлъ отъ любви, которая волновала и тревожила его. А мистрисъ Ииль, — я это слышалъ, — все еще жаловалась, что мистеръ Ииль былъ холоденъ. Холоденъ! Да его дыханіе было раскаленный паръ и могло бы замѣнить паровую силу въ любомъ механизмѣ.

А какъ Анастасія держала себя? Нѣжно, очень нѣжно! Коршунъ, привыкшій питаться на поляхъ битвъ, и тотъ полюбилъ бы ее, и въ угожденіе ей, сѣлъ бы на растительную діету. Ея поведеніе, голосъ, образъ мыслей — все переизмѣнилось; она казалась романтическимъ, вдохновеннымъ существомъ, которое живеть для другихъ и забываетъ о себѣ.

Разъ, вечеромъ, Долли сидѣлъ подлѣ каминна, качаясь въ своемъ креслѣ и читая газету. Мистрисъ Ииль, посмотрѣвъ на него нѣсколько времени съ страстнымъ восторгомъ, внезапно откинула свое шитье, бросилась къ нему и напечатлѣла поцалуй на его лбу. Потомъ, нѣсколько успокоившись, она возвратилась снова къ рукодѣлью и, казалось, стыдилась своего порыва. «Не могла удержаться, милнй, вы были въ эту минуту такъ хороши!» вотъ единственное объясненіе, которое она дала. Она опять подошла къ нему и, играя его волосами, стала говорить ему свою исповѣдь и выражать раскаяніе.

— Любите вы меня, Долли? спрашивала она шопотомъ.— Прощайте вы меня, милнй? Какъ вы добры, что не возненавидѣли свою упрямую, капризную Анастасію! Вы теперь вѣдь не сердитесь на свою злую жену, нѣтъ? А я была такая жестокая, самолюбивая, безумная! О, я увѣрена, что вы меня терпѣть не можете! Вы должны цнать ко мнѣ отвращеніе и желать, чтобъ я умерла!

— О, моя милочка, прощенталь Долли, заводя кверху свои добрые, замирающіе глазки.

— Не говорите этого, милнй! Браните меня! Называйте меня гадкою, злою; я заслуживаю это! Я была такая жестокая, такая грубая! Браните меня, милнй! Скажите, что я чудовище, что я змѣя! Пожалуйста, скажите, что я испортила всю вашу будущность!

— Дорогое созданіе! проговорилъ онъ; потомъ улыбнулся и взялъ ее за руку.

— Но теперь я сдѣлалась доброй, мой милнй, великодушнй Долли! — такою доброю, что едва-ли вы узнаете Анастасію, прибавила она, говоря какъ невинное любимое дитя съ своей нянькой. — Я никогда больше не буду капризной, никогда! Теперь васъ будутъ баловать и нѣжить. О, добрый, великодушнй Долли! И вотъ что еще, мой Долли: если когда нибудь вы опять увидите меня злою, то только напомните мнѣ, что я обѣщала васъ не раздражать, и я сейчасъ же сдѣлаюсь опять сіающей какъ золото. Сдѣлаете вы это, Долли?

(Спусти около мѣсяца послѣ такого сладостнаго разговора, ему представился случай испытать на дѣлѣ, каково ея обѣщаніе, но она закатила ему такой ударъ по уху, что оно горѣло у него въ теченіе нѣсколькихъ часовъ).

Цѣлнй день прошелъ въ такомъ воркованьи и милованьи. Долли жилъ въ какомъ-то полуснѣ, пробуждаться изъ котораго и не желалъ; онъ не думалъ ни о чемъ и ни о комъ, кромѣ своей милой Анастасіи.

Она каждую минуту доказывала ему свою любовь какими нибудь очаровательными доказательствами. Послѣ прогулки она никогда не возвращалась безъ какого нибудь подарка для своего «хорошенькаго мальчика». То она приносила ему новый галстухъ, который онъ долженъ былъ тотчасъ надѣть, а она ему будетъ помогать. Когда ея пальцы касались его горла, восхищеннй Долли корчился отъ восторга, точно она легонько его щекотала. Когда ея лицо было такъ близко къ нему, что онъ не могъ ее не поцаловать, она восхитительнымъ голосомъ бранила его,

называя деревнямъ, злѣнь негодникомъ, и грозила уколоть его булавкой, если онъ опять повторитъ свою дерзость.

Иногда она приносила ему оригинальные плоды и кормила Долли изъ собственныхъ рукъ, заставляя его насильно ѣсть еще грушу или персикъ, хотя онъ уже задыхался отъ угощенія, и утирала батистовымъ платочкомъ сокъ, струившійся по его подбородку.

Если Долли удостоивалъ пойти вмѣстѣ съ ней гулять, радости ея не было мѣры. Она вся свѣтилась гордостью.

— Сдѣлаете вы мнѣ одно одолженіе? спрашивала она, помогая ему одѣваться.

— О, разумѣется! вскрикивалъ Долли: — все на свѣтѣ!

— Такъ надѣньте эти прелестные, лиловые панталоны! просила она, какъ милости; и онъ, ожидавшій просьбы о какойнибудь брошкѣ или, по крайней-мѣрѣ, о браслетѣ, улыбался и издавалъ какое-то блаженное горловое чирikanье.

Когда они гуляли вмѣстѣ, она съ торжествомъ смотрѣла кругомъ себя. Она не могла брать его подъ руку, такъ-какъ этому препятствовали его малый ростъ и ея кринолинъ; но плывя, подобно королевѣ, она смотрѣла на своего маленькаго мужа съ такимъ счастьемъ, что глаза ея испускали лучи, какъ солнце.

— Скажите мнѣ, когда устанете, Долли, милый, говорила она чрезъ каждые три шага. — Не утруждайте себя, дорогой мой, повторяла она, когда они не сдѣлали еще и десяти футовъ.

Онъ же, крошечный, гордый Бантамъ, съ поднятой головой, съ одушевленными глазами, постукивалъ по камнямъ своей палкой и чувствовалъ, что можетъ обойти цѣлый земной шаръ въ какіянибудь сорокъ минутъ, если только Анастасія будетъ ему сопутствовать.

Они встрѣчаютъ Пиншеда и Минникяна; надменный Долли кричитъ имъ: «какъ вы поживаете?» Онъ произноситъ эти слова гордо и громко, точно сержантъ на ученьѣ.

Анастасія видитъ это и не можетъ удержаться, чтобъ не пожать съ любовью его руку. Она нѣжно говоритъ при этомъ:

— Я горжусь, что милый супругъ мой со мною!

Что онъ чувствуетъ при этомъ? Нѣтъ словъ выразить его чувства.

Вечеромъ, послѣ этихъ восхитительныхъ прогулокъ, она утверждаетъ, что онъ ходилъ чрезъ силу и долженъ быть совершенно утомленъ. Поэтому, Долли заставляютъ лечь на диванъ и укутываютъ шалами, и затѣмъ убаюкиваютъ игрою на фортепьяно. Но это было еще не все: въ десять часовъ она ги-

хонько уходитъ изъ комнаты, потомъ возвращается, неся стаканъ глинтвейна съ распущеннымъ въ немъ яйцомъ, и умоляетъ Долли проглотить это питье и съѣсть маленькій кусочекъ поджареннаго хлѣба.

О, это было прелестно, когда она называла его — жаднымъ созданіемъ за то, что онъ не далъ ей отвѣдать, и еще восхитительнѣе, быть можетъ, была та минута, когда она чмокала губками и увѣрала,—что сладко пить изъ его стакана!

Кто не захотѣлъ бы быть женатымъ, еслибы можно было быть увѣреннымъ въ подобныхъ ласкахъ и милованьи,—еслибы каждый день только и видѣть борьбу великодушія, продолжающуюся все время пробужденія до новаго сна,—борьбу за то, кто скажетъ самое приятное слово или сдѣлаетъ самое милое дѣло? А отчего это не такъ? Почему вѣжливость и нѣжность не могли бы обратиться въ привычку, какъ входятъ въ привычку брань и неудовольствіе другъ на друга? Отчего бы близости спомешій не породить взаимной любви также, какъ она порождаетъ взаимное презрѣніе и вражду?

— Отчего вы не пригласите своихъ друзей пообѣдать въ гостиницу «Звѣзды и Подвязки», милый? сказала разъ Анастасія. — Всѣ думаютъ, что я держу васъ дома въ заперти и на привязи. Я бы желала, чтобъ вы ихъ пригласили, милый! Воображаю, какъ они смѣются надъ вами. Они навѣрно полагаютъ, что вы подъ башмакомъ у жены! Я подожду васъ, милый, какъ бы ни было поздно; общаю не ворчать, хотя бы вы вернулись въ три часа утра.

— Почему бы ихъ не пригласить сюда, милая? спросилъ Долли.

— О, Долли, голубчикъ, возразило скромное созданіе съ недовольнымъ видомъ: — что мнѣ тутъ дѣлать съ толпой молодежи? Они будутъ пить, накурять по цѣлому дому! Вы, капризный безумецъ! напрасно и говоришь объ этомъ.

Долли пригласилъ съ подюжины молодыхъ людей, и отлично угостилъ ихъ; составилъ порядочный счетъ, но два фунта на человѣка. «Деньги большія» думалъ Долли: «лучше бы на нихъ купить Анастасіи черное бархатное платье, безъ котораго ей было невозможно обойтись болѣе ни одного дня, какъ она объявила уже въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ».

Видъ второй часъ ночи, когда милая Стаси услышала робкій стукъ въ дверь; на ея суровый вопросъ:—кто тамъ, послышался вогорный отвѣтъ:—это я, я Долли, моя милая.

На лицѣ его написаны были покорность и страхъ, но она нисколько не сердилась; она была въ отличномъ расположеніи

духа, — была добра, какъ ангелъ; онъ попытался пробормотать нѣсколько извиненій, но она остановила его подалуемъ, повела въ комнату, гдѣ пылалъ яркій огонь и, усадивъ его на диванъ, схватила его за руки, и съ видомъ маленькой дѣвочки, которая проситъ разсказать ей волшебную сказку, — выразила желаніе слышать всѣ подробности вечера, — слышать, что у нихъ было, и что они дѣлали, и кто именно былъ.

— А! Такъ обѣдъ былъ превосходенъ! А потомъ? Играли на бильярдѣ, и Долли выигралъ! Какой ловкій этотъ Долли! Онъ долженъ чаще играть, чтобъ выигрывать каждый вечеръ. А теперь ея маленький царекъ долженъ лечь въ постель и спать какъ можно крѣпче, — потому что онъ долженъ былъ утомиться донельзя. А она? О, нѣтъ, милнй! она ни мало не устала: ей пріятно было поздно сидѣть, это было даже для нея развлеченіемъ, пріятнѣе, чѣмъ развлеченіемъ.

Долли, подъ вліаніемъ такихъ нѣжныхъ просьбъ, согласилась развлекаться по вечерамъ. Онъ любилъ бильярдъ, потому что обыкновенно съ успѣхомъ игралъ въ эту игру. Это было почти единственное дѣло, которое онъ могъ исполнять хорошо, если не считать любовь къ друзьямъ и охоту помогать имъ въ бѣдѣ.

Онъ обыкновенно дѣлилъ свой выигрышъ съ Анастасіей, на долю которой рѣдко приходилось менѣе десяти шиллинговъ. Какъ ни мала покажется эта сумма, если припомнить, что вѣдѣнная Анастасіи доля состоянія приносила ей шестьсотъ фунтовъ въ годъ, но все-таки нѣжная красавица принимала эти маленькіе подарки съ очевиднымъ удовольствіемъ. Я думаю, что и большинство нашихъ лэди сдѣлало бы то же самое.

Надоѣло ей только то, что она должна была зарабатывать эти деньги, сидя одна каждый вечеръ до двѣнадцатаго часу; она болѣе и болѣе тяготилась уединеніемъ. Хотя она нѣсколько разъ говорила самой себѣ, что это было глупо, что время проходило очень скоро пока онъ болталъ съ друзьями и развлекался игрой, но сидѣть одной по цѣлымъ часамъ, прислушиваясь къ монотонному стуку маятника — это было довольно скучное препровожденіе времени. Читать тоже было нельзя: она говорила, что чтеніе причиняетъ ей головную боль.

Послѣ четвертой ночи Анастасія уже начала ворчать, на платую одолжила Долли маленькимъ образчикомъ своего остроумія, на шестую — дала обѣщаніе, что положить вонецъ этой ночной ваторгѣ и образумить глупаго барана.

Уже въ девять часовъ была послана кухарка, позвать домой мистера Иля. Женщина, исполняя приказанія своей госпожи, явилась къ изумленному Долли въ ту самую минуту, когда онъ,

засучивъ рукава рубашки, и наклонившись на бильярдъ, въ любимой позѣ мадамъ Табльони, прицѣливался меткимъ ударомъ сватить шары въ лузу.

Вниманіе всѣхъ веселыхъ собесѣдниковъ обратилось на незваную гостью, которая, закрываясь концами шали, сообщила своему господину, чтобъ онъ шелъ домой, что мистриссъ хочеть его видѣть сію же минуту.

— Не больна ли ваша госпожа? спросилъ испуганный Долин.

— Нѣтъ, сэръ, возразила посланная: — она только взбѣшена.

Собесѣдники расхохотались, и Долин употребилъ всѣ усилія, чтобъ принять участіе въ смѣхѣ; но ему удалось только раскрыть ротъ и подбавить свою долю къ общему шуму, — настоящаго смѣха не вышло.

Разумѣется, произошла сцена. Мистеръ Илья жаловался, что его выставили передъ друзьями въ глупомъ видѣ, а мистриссъ Илья, вмѣсто всякаго раскаянія, свирѣпо возражала, что она рада стараться и впередъ услужить ему тѣмъ же. Такъ кончился очаровательный періодъ любви. Долин старался возвратить его. Онъ даже попытался, посредствомъ подкупа, привести ее въ хорошее настроеніе духа. Онъ взялъ ложу въ оперѣ, купилъ красавицѣ перчатки и букетъ, и они отправились оба, чрезвычайно нарядные, какъ новыя куколки. Но она, должно быть, уже рѣшилась испортить вечеръ, и такъ безжалостно-грубо обращалась съ бѣднякомъ, что онъ въ этой ложѣ втораго яруса подъ № 75-мъ сидѣлъ съ такимъ же удовольствіемъ, съ какимъ могъ бы лежать въ гробу.

Ему ни мало не помогли попытки завести разговоръ въ нѣжномъ тонѣ и старанія отвлечь ея вниманіе своими замѣчаніями (которыя, впрочемъ, никогда не были блестящими) относительно пѣвцовъ. Она рѣшилась быть непріятною, и была такою больше, чѣмъ когда-нибудь.

— Во всякомъ случаѣ, моя милая, начиналъ Долин: — вы должны признаться, что мадемуазель Лунцъ...

Но его критическія замѣчанія были прерваны свирѣпымъ замѣчаніемъ красавицы:

— Мистеръ Илья, я пріѣхала сюда слушать музыку, а не вашу бессмысленную болтовню.

Очевидно, что деньги, употребленные на подкупъ, были истрачены напрасно.

О, милый другъ моей юности, ты, чьи задранныя, младенческія ноги я часто видалъ совершающими разныя невинныя эволюціи передъ каменомъ въ дѣтской; ты, чей вышитый чепчикъ signals нѣжная мать, заставляя меня любоваться желтыми,

шелковистыми волосами, вышлись на мягкой, кротечкой головѣ; я проливаю слезы, когда вспомню о безплодных попыткахъ, которыя ты дѣлалъ, чтобъ возвратить привязанность этой жестокой красавицы!

Я отираю слезу, и беру свѣжую вапшу чернилъ.

Она казалась такъ довольной, когда ее выдали вмѣстѣ съ «дорогимъ мужемъ» на прогулкѣ, что онъ пообѣщалъ за нею слѣдомъ, какъ только она ступила за порогъ. Но теперь было не то!

— Мистеръ Игль, вы меня очень обижаете, если перестанете ходить за мной слѣдомъ! Всѣ подумаютъ, что я вышла замужъ за французскаго пуделя!

Онъ ускорилъ шаги.

— Сдѣлайте милость, мистеръ Игль, не бѣгите такъ, какъ будто стараетесь выиграть бѣговой призь. У меня вовсе нѣтъ желанія обращать на себя общее вниманіе.

Онъ шелъ тише.

— Мистеръ Игль, вы нарочно поднимаете пыль? Господи! какое наказаніе! Если вы не будете держать свою палку полюдски, мистеръ Игль, то я ее возьму у васъ, и отдамъ первому нищему, который встрѣтится. Еще одинъ дюймъ, и вы бы мнѣ выкололи глаза.

Разъ онъ наступилъ ей на платье и затрепеталъ.

Она взглянула на него такъ, какъ будто бы онъ былъ чѣмъ-то чрезвычайно гадкимъ, но сказала только одно слово: «свинья!»

Когда они вмѣстѣ обѣдали, красавица портила самое лучшее блюдо своими ядовитыми замѣчаніями. Если онъ поднималъ вилку ко рту, она просила его не брать за разъ такихъ огромныхъ кусковъ, если только онъ не хочетъ, чтобъ она заболѣла; если онъ пережевывалъ пиццу, она приказывала ему не производить губами такого отвратительнаго шума, который напоминаетъ какую-нибудь колбасную машину, а не человѣка, называющаго себя джентльменомъ.

Даже во время сна онъ не былъ свободенъ отъ ея преслѣдованія. Не разъ она прерывала его сладкую дремоту словами, что, если онъ не перестанетъ такъ ужасно храпѣть, то пусть сѣдетъ внизъ и спать не даетъ; если онъ и не храпѣлъ, то уже, навѣрное, скрежеталъ зубами, или стоналъ, или говорилъ во снѣ, или вообще дѣлалъ что-нибудь означающее, что онъ хорено поужиналъ марнированной лососиной, недоваренной свиной, морскими раками, холоднымъ наштетомъ или крѣпкимъ сыромъ.

Въ одну ночь, она объявила, что онъ ее нарочно толкнулъ,

и такъ сильно, что едва не переломалъ ей кости, чуть-чуть не сбросилъ ее съ кровати!

— Если вы не можете вести себя, мистеръ Игль, сдержаннѣе, навѣ прилично христіанину, а предпочитаете манеры лошади съ норовомъ, то можете спать въ конюшнѣ; но больше вы меня не толкнете, сэръ, хотя бы даже мнѣ пришлось связать вамъ ноги, сэръ! Такъ я прошу меня понять!

Прекрасное обращеніе милой жены, ростомъ въ шесть футовъ, къ бѣдному, маленькому мужу, который имѣлъ неосторожность расширить свои бѣденскіе, маленькіе члены!

Такая жестокость была невыносима Долли. Его измучила непрерывная борьба, въ которой онъ всегда оставался побѣжденнымъ. Вѣрнымъ признакомъ того, что мира между супругами не предвидѣлось, было возвращеніе Боба, который въ теченіе періода любви находился въ отпуску.

Точныхъ подробностей объ образѣ дѣйствій мистриссъ Игль и ея брата, для лучшаго поработенія коварнаго Долли, я никогда не могъ узнать. Слышалъ только, что они взяли привычку давать ему известную порцію на обѣдъ, и заставляли его обѣдать въ своей комнатѣ; но бѣдная жертва, поглощенная мрачными мыслями, мало имѣла аппетита, и потому мало обращала вниманія на это оскорбленіе:

Они также отмирывали ему кусокъ свѣчи на вечеръ; но такъ-какъ онъ, обыкновенно, сидѣлъ въ темнотѣ, раздумывая о своемъ несчастіи, то и эта обида не подѣйствовала на него. Онъ только презрительно улыбался и пренебрегалъ этими мелкими преслѣдованіями.

Но должно полагать, что сестрица и братецъ позволили себѣ что-нибудь очень гадкое (до того гадкое, что, изъ жалости, онъ держалъ это въ секретѣ), потому что бѣдный малый почти потерялъ рассудокъ и впалъ въ совершенное отчаяніе.

Одинъ изъ слугъ сообщилъ мистриссъ Игль, что мистеръ Игль тогда-то чистилъ и осматривалъ маленькій пистолетъ. Мистриссъ Игль до смерти перепугалась; она вспомнила, Долли разъ говорилъ, что на всякій случай, держать въ ящикѣ своего стола пару пистолетовъ.

Первымъ дѣломъ Анастасія было пригласить брата Боба на совѣщаніе. Съ безпримѣрнымъ великодушіемъ предложила она этому отважному юношѣ блестящее порученіе, броситься на мистера Игль и обезоружить его; она даже особенно настаивала на этомъ опасномъ порученіи; но онъ, по таинственнымъ причинамъ, отклонилъ отъ себя предложенное отличіе.

Долго совѣщались. Не лучше ли будетъ призвать медина, и

объявить, что мистеръ Илъ не въ полномъ умѣ? Или лучше запретъ Долли въ его собственной комнатѣ, не давая ни ѣсть, ни пить до тѣхъ поръ, пока онъ не согласится выдать оружіе и аммуницію? Но по той или другой причинѣ, ни одна изъ этихъ рѣшительныхъ мѣръ не была принята. Мистеръ Илъ не только не сдѣлался пѣнникомъ, но ему стоило только открыть дверь и дать услышать въ корридорѣ свой голосъ, какъ враги летѣли стремглавъ въ ближайшее убѣжище, какое только попадалось: такъ, мистера Боба нашли разъ въ шезаму для грязнаго бѣлья; лице его было обезображено сгракомъ и отъ сильныхъ ощущеній потъ лился съ него ручьемъ.

Вѣтъ можетъ, мистеръ Илъ разсчитывалъ на такой результатъ, а можетъ и то, что самый фактъ чистки пистолетовъ имѣлъ не болѣе значеніе, чѣмъ оттачиваніе бритвы. Илъ всегда увѣрялъ меня, что въ то утро ему нечего было дѣлать, и вспомнивъ, что давно уже не смотрѣлъ своихъ пистолетовъ, онъ принесъ ихъ изъ спальни, чтобы почистить для развлеченія отъ тоски.

Но люди, заподозрѣнные въ томъ, что держать около себя заряженное огнестрѣльное оружіе, столь же опасны, какъ и тѣ, у кого револьверы привѣшены къ поясу. По ночамъ мистриссъ Илъ не могла спать. Она каждую минуту ожидала, что холодный копецъ пистолетнаго дула прикоснется къ ея виску. Сначала она хотѣла не запираеть своей двери, чтобы, въ случаѣ необходимости, можно было кликнуть Боба, но ей пришло на умъ, что еслибы убійца и появился, то сначала непремѣнно долженъ сломать замокъ.

Что же касается до Боба, то онъ не ложился въ постель, пока не приставлялъ къ своей двери комода, въ видѣ защиты; кромѣ того, онъ каждую ночь вкалъ себѣ ножъ подушку ножъ.

Наконецъ, тревога сдѣлалась до того невыносимою, что мистриссъ Илъ рѣшилась обезпечить себѣ постороннюю помощь: она пригласила надежнаго человѣка, родомъ изъ Йоркшейра; человѣкъ этотъ, одаренный большою физическою силою, служилъ прежде въ пріютѣ для лунатиковъ, а довершилъ свое воспитаніе въ исправительномъ домѣ. По уполномочію мистриссъ Илъ и по распоряженію Боба, онъ долженъ былъ всегда имѣть на глазахъ бѣшенаго Долли, и при первомъ удобномъ случаѣ завладѣть его особою, а слѣдовательно и пистолетами. Его предупредили, что джентльменъ тронулся рассудкомъ и проч., и хотя не опасенъ, но требуетъ присмотра. Когда Долли въ первый разъ увидѣлъ этого человѣка, жедшаго съ лѣстницы по его слѣдамъ, онъ, очень естественно, принялъ его за вора и спросилъ:

— Кто вы? Затѣмъ пришли?

— Не беспокойтесь, я васъ не обиду, только будьте смиренны, возразить незнакомецъ ласковымъ тономъ, подходи все ближе и ближе. — Все дѣлается для вашего добра.

— Если вы сейчасъ же не оставите этотъ домъ, то я пошлю за полицмейстеромъ, погрозишь Долли, сжимая кулаки и приготовляясь къ борьбѣ.

Йоркшейрецъ, имѣвшій смутныя понятія о необходимости ласковаго обхожденія съ лунатиками, обратился къ Долли съ такимъ увѣщаніемъ, къ какому обращаются къ собагѣ, которая кусается.

— Тихе, тихе! не волнуйтесь, мой добрый джентльменъ! Я здѣсь, вы знаете! Будьте спокойны! Скоро вы поправитесь, а когда поправитесь, тогда опять все вамъ будетъ позволено.

— Чтѣ это значить, грубиянъ? заревѣлъ Долли, въ свою очередь приближаясь къ незнакомцу и схватывая его за воротъ.

Бѣдное крошечное существо! это было самое нехѣлое дѣйствіе, какому только онъ могъ отличиться. Въ одно мгновеніе руки толстаго Йоркшейрца сжали его ручки такъ крѣпко, какъ ручныя дѣви, и Долли очутился безпомощнымъ. Впрочемъ, не совсѣмъ безпомощнымъ: будучи увѣренъ, что этотъ человѣкъ явился грабить, онъ сталъ звать на помощь съ энергіей свиньи, обреченной на превращеніе въ свинину. Эти раздрающіе крики достигли до ушей мистриссъ Ивль, которая, при первомъ ихъ звукѣ, угадала, чтѣ случилось. Она выбѣжала на лѣстницу съ крикомъ: «сейчасъ иду», и въ то же время отворилась дверь спальни Боба и послышался его радостный голосъ:

— Держи крѣпче! свяжи ему ноги! онъ скоро уйдетса!

Долли понялъ и пересталъ бороться.

— Ну, ну, мой добрый маленькій господинъ! Я думаю, что вы станете, наконецъ, меня слушаться. Вы знаете, что я вамъ другъ, который желаетъ добра и для этого сюда пришелъ? говорилъ Йоркшейрецъ: — я васъ не обиду, если вы будете умно вести себя. Вы хорошій джентльменъ. Ну, теперь гдѣ пистолеты?

— Люди, живущіе въ этомъ домѣ, обманули васъ, мой любезный, спокойно сказалъ Долли. — Я на васъ не сержусь, только освободите мнѣ руки, онѣ такъ сдавлены, что мнѣ больно. Я полагаю, что васъ пригласили наблюдать за мной подѣтъмъ предлогомъ, что мой разумъ поврежденъ?

Йоркшейрецъ зналъ всѣ уловки лунатиковъ; однакожь, своею крѣпкою хваткою, съ которыми Долли, во избѣжаніе шума и суматохи, возвратился въ свою спальню и, отомкнувъ ящикъ въ столѣ, отдалъ свое оружіе, прибавивъ: — «Замѣйте, они даже не за-

ряжены», въ значительной степени убѣдили его въ здоровьѣ его пациента.

Какъ ни казалась Долли отвратительна обязанность этого человѣка, однакожъ, побуждаемый тѣмъ чувствомъ справедливости, которое составляло принадлежность его кроткаго нрава, онъ очень заботился, чтобы ни словомъ, ни дѣломъ не показывать своему стражу, что его общество было непріятно. Онъ понималъ, что благоразумнѣе всего убѣдить этого человѣка, посредствомъ разумнаго и кроткаго поведения, что въ его услугахъ не было надобности.

Они сидѣли вмѣстѣ и разговаривали: Йоршеирецъ разсказывалъ анекдоты изъ своей жизни въ сумасшедшемъ домѣ, а Долли слушала съ глубокимъ вниманіемъ и дѣлала, по поводу слышаннаго, разумныя и кроткія замѣчанія. До наступленія ночи сторожъ убѣдился, что не было на свѣтѣ пріятнѣе и чистосердечнѣе созданія, какъ этотъ маленький джентльменъ, сидѣвшій предъ нимъ на креслѣ, сврестивъ ноги. Глаза его были «кроткіе, какъ у овечки», разговоръ — «сечень просвѣщенная и превосходная бесѣда», его «поведеніе, право, кроткое, какъ нельзя больше. Такъ какой же, помилуйте, онъ помѣшанный?»

Но мистрисъ Иаль не хотѣла и слушать подобныя глупостей.

— Я вамъ говорю, что моя жизнь въ опасности! Я наставляю, мистеръ Хэттъ, чтобы вы остались здѣсь, по крайней-мѣрѣ, еще недѣлю!

Плата мистеру Хэтту назначена была высокая, другаго занятія передъ тѣмъ онъ не имѣлъ, и ему было очень удобно оставаться тутъ, пока леди ему платила. Но онъ просилъ ее выгородить его «въ случаѣ, если джентльменъ подниметъ дѣло судебнымъ порядкомъ».

Постоянное присутствіе и бдительный надзоръ этого человѣка уже на третій день сдѣлались для Долли невыносимымъ мученіемъ. Онъ обратился ко мнѣ, прося выручить его изъ неволи.

Въ длинномъ письмѣ онъ подробно разсказалъ, какому невскому обращенію онъ подвергался, и умолялъ меня, въ память нашего дѣтства, поспѣшать спасти его.

Написавъ эту длинную жалобу, онъ затруднился, какъ послать ее. При такомъ бдительномъ надзорѣ, какъ онъ могъ упротить какую-нибудь христіанскую душу бросить письмо въ ближайшій почтовый ящикъ? Болѣе сутокъ онъ носилъ это письмо спрятаннымъ въ своемъ боковомъ барманѣ, такъ что оно почти совсѣмъ износилось.

Наконецъ, когда Йоршеирецъ какъ-то отлучился выкурить въ

седу трубку, взявъ съ своего плѣнника слово не убѣжать во время его отсутствія, Доли подкупила мальчика изъ булочной, давъ ему серебряную вилку и побѣщая дать гнѣю, если письмо дойдетъ по назначенію.

На выручку! Но много ли у меня было денегъ? а вѣдь для такой выручки нужны наличныя! Ха-ха! да! въ ящикѣ есть еще нули, нѣкоторыя изъ нихъ золотныя, много серебряныхъ и еще больше мѣдныхъ. Я произнесъ обѣщаніе, что каждая пуля должна быть пущена въ ходъ, во имя священнаго дѣла дружбы, противъ укрѣпленій прекраснаго непріятеля. Фредъ и Дивъ — надежныя парни изъ Миддлсекскаго госпиталя — пришли ко мнѣ, осушили бутылку и настроили тысячу самыхъ отчаянныхъ плановъ, которые, въ случаѣ принятія, должны были кончиться Ньюгетомъ, и потому всѣ дружески отклонены мною (зачоченіе имѣеть свои непріятныя стороны). Но если я отказался пустить въ дѣло револьверы или поджогъ, то это не ваша вина, мои храбрые друзья: вѣдь вы тогда были уже на четвертомъ бокалѣ, мои умники, а я такъ холоденъ, какъ отецъ Матвѣй, глубокомысленно заваривающій чай.

Мнѣ нужнѣнъ былъ цѣлый день, чтобы обдумать мои планы. Первымъ моимъ дѣломъ было посоветоваться съ адвокатомъ, и убѣдиться въ нѣкоторыхъ своихъ выводахъ. О, какую загвоздку приготовилъ я для этой красавицы и ея возлюбленнаго брата Воба! Я хотѣлъ оставить имъ надолго о себѣ память!

Величайшее затрудненіе состояло въ томъ, какъ пробраться въ домъ. Я не любилъ (и до сихъ поръ не люблю) врывать въ чужое жилище силою.

Одаренный человѣколюбивыми наклонностями, я остановился на разстояніи нѣсколькихъ ярдовъ отъ виллы и отправилъ туда Фреда съ порученіемъ предложить вѣрности сдаться добровольно или принять на себя отвѣтственность за послѣдствія.

Онъ постучался въ дверь очень вѣжливо и спросилъ, улыбаясь и приподнимая шляпу, дома ли мистеръ Ивль. Отвѣтъ былъ очень рѣшительный и грубый: «нѣтъ, его нѣту дома».

Когда Фредъ сообщилъ, что онъ готовъ и подождать, пока мистеръ Ивль возвратится, ему замѣтили, что онъ невѣжа. Красавица сама сошла съ лѣстницы, чтобы сдѣлать это обязательное замѣчаніе.

ГЛАВА XI.

МИСТРИССЪ ИВЛЬ ПОПРАНА.

Отраженный Фредъ явился къ намъ съ вытянутой фізіономіей; сердце его пылало злобою и мщеніемъ. Грубый приемъ и оскор-

бительныя замѣчанія, давши въ отвѣтъ на рѣзкіе вопросы, глубоко уязвили бѣднаго малаго; онъ не могъ простить себѣ, что такъ безотвѣтно перенесъ наглую выходку предлествой леди.

Прежде, чѣмъ рѣшиться на новую попытку, я сталъ благоразумнѣе подождать немного, чтобъ дать время мистриссъ Илль успокоиться. Я вовсе не желалъ, чтобъ Дикъ потерпѣлъ какое нибудь увѣче; я зналъ, что красавица не задумалась бы выступиться изъ окна и хлопнуть бѣднаго хлестома или даже бросить ему въ голову вѣточный горшокъ. Много времени заняли у насъ попытки вычистить шляпу Дикъ такъ, чтобъ она блестяла. Дикъ, передъ отправленіемъ въ путь, надѣлъ перчатки, чего онъ не дѣлалъ уже нѣскольکو лѣтъ.

Этого втораго посѣтителя мистриссъ Илль приняла еще съ болѣею наглостью, назвавъ его «мошенникомъ» (несмотря на перчатки), и очень фамиллярно говорила о полиціи. Честный Дикъ вернулся ко мнѣ, постарѣвъ натыю годами.

Пришла моя очередь; хорошій полководецъ долженъ самъ попытаться счастья и показать своимъ подчиненнымъ примѣръ мужества, доблести и энергіи.

Я сдѣлалъ нападеніе съ задняго хода. Своимъ подчиненнымъ я велѣлъ прохаживаться предъ уличною дверью дома, чтобъ привлечь на себя все вниманіе обитателей; Фредъ и Дикъ должны были расхаживать взадъ и впередъ, разсматривать свои бумаги и съ таинственнымъ видомъ перешептываться. Между тѣмъ, я самъ, не встрѣчая ни малѣйшихъ пренятствій, перелѣзъ чрезъ садовую стѣну и, даже не услышавъ ни отъ кого вопроса по поводу этого, прошелъ прямо, по боковой дорожкѣ, чрезъ коридоръ, въ комнату Долли. Можете себѣ представить, какъ онъ подпрыгнулъ, увидѣвъ меня!

Онъ протянулъ руки, какъ бы желая обнять меня, и, вскрикивая, произнесъ что-то слабымъ голосомъ, — повидному, онъ желалъ выразить, что находится въ восхищеніи и чувствуетъ себя лучше.

Онъ отказался отъ всякой надежды увидать меня; онъ рѣшилъ, что не было такой силы на землѣ, которая могла бы испровергнуть распоряженія его Анастасіи.

Иоршейрецъ-надзиратель всталъ при моемъ приходѣ и выткнулся, какъ солдатъ, а я свирѣпо смотрѣлъ на него, какъ побѣдитель, который хочетъ застрѣлать его на мѣстѣ. Рѣшительнымъ, повелительнымъ голосомъ я приказалъ ему сообщить мистриссъ Илль, что прошу ее оказать мнѣ честь — повидаться со мною.

Увидѣвъ въ моей рукѣ бумаги, этотъ наглый бродяга принялъ

меня за юрста, и вообще избѣгая подобныя людей, повнимовалса мнѣ и вынулса изъ комнаты съ такою быстротою, какъ будто бы убійцы за нимъ гнались по пятамъ.

Не обращая вниманія на Доли, который, въ величайшемъ волненіи, все еще продолжалъ простирать ко мнѣ руки и бормотать восклицанія, я сталъ прислушиваться и вскорѣ различилъ сердитые голоса въ гостиной; зная, что они заняты однимъ вопросомъ, кто посѣтитель, и не могутъ наблюдать за моими дѣйствіями, я пробрался къ уличной двери и, вынувъ засовъ, вынулъ своихъ вѣрныхъ союзниковъ. Быстрота моихъ дѣйствій обезпечила успѣхъ. Я вполне соглашался съ Навелсономъ и одобряю его воинскую систему.

Величайшимъ препятствіемъ для меня былъ самъ Доли, который, будучи исполненъ признательности, дѣлалъ всевозможное, чтобъ потратить время на эту признательность. Раскрывъ передъ нимъ заранѣе приготовленный юридическій документъ, я сказалъ:

— Сначала подпишите это, а потомъ мы поговоримъ; этимъ актомъ вы уступаете мнѣ домъ и все, что въ немъ находится—серебро, бѣлье, мебель, книги, все. Торнитесь! А вы, господа, прибавилъ я, обращаясь къ моимъ преданнымъ товарищамъ:— будьте свидѣтелями.

Онъ, какъ я и ожидалъ, нѣсколько испугался.

— Что вы такое сказали? спросилъ онъ.

— Доли, отвѣчалъ я, ударивъ кулакомъ по столу:—вы должны мнѣ довѣрять, если хотите одержать побѣду. Я пришелъ только для того, чтобъ помочь вамъ; но если вы не хотите помогать себѣ сами, то это уже не моя вина. Скорѣ подписывайте! Нельзя терять ни минуты—сейчасъ они явятся сюда.

Лишь только онъ и мои свидѣтели успѣли подписать документъ, какъ появилась Анастасія въ такомъ бѣшенствѣ, что зубы ея стучали, а шея выпрямилась, какъ у змѣи, которая смотритъ на кролика. Она нѣсколько времени глядѣла на меня (признаюсь, что мнѣ это не нравилось) прежде, чѣмъ могла говорить.

— Если не ошибаюсь, ваше имя Тоддъ! вскричала она наконецъ, какъ бы узнавая меня. — Я такъ и думала! Я знала, что тутъ быть некому, кромѣ мистера Тодда! Хотѣла бы я знать, мистеръ Тоддъ, если это васъ не затруднитъ, какое можетъ у васъ быть дѣло въ моемъ домѣ и какъ вы смѣете вриваться въ него съ этими людьми, безъ сомнѣнія, съ своими отвратительными трактирными компаньонами?

— Мистриссъ Игль, возразилъ я, облегчивъ свой гнѣвъ презрительной улыбкой:—причина, по которой я вошелъ въ *этотъ*

домъ, заключается въ томъ, что онъ и все, въ немъ содержащееся, принадлежитъ мнѣ, въ силу законной уступки владѣльцу, судариня.

Говоря это, я показывалъ бумаги.

— Эти *документы*, мои уважаемые друзья, судариня, согласилась, по моей усиленной просьбѣ, провести нѣсколько дней въ моемъ новомъ мѣстопребываніи. Предъ вашими приходомъ, я успѣлъ убѣдить и мистера Илья удостоить меня своимъ пріятнымъ обществомъ до тѣхъ поръ, пока силы не позволятъ ему предпринять путешествіе, судариня, — я полагаю на материнку, судариня, — и я увѣренъ, онъ отправится, судариня; поѣдетъ одинъ, мистрисъ Илья!

Для меня уже было достаточномъ видѣть ярость и ушасть, отразившіеся на лицѣ этой женщины. Она выпрыгнула изъ комнаты, захлопнувъ за собою дверь съ такою силою, которая подняла облаво пыли, лежавшей на верку книжнаго шкафа.

Бобъ де-Кадъ, по моей просьбѣ, удостоилъ меня своимъ присутствіемъ, наединѣ, въ столовой. Этотъ буянь трусливо вошелъ въ комнату и старался зансбивать.

— А, Джекъ! вскричалъ онъ:— какъ вы поживаете, дружище?

Вмѣсто того, чтобъ сообщать ему о состояніи моего здоровья, я вытанулъ руку и просилъ его посмотреть— достаточно ли крѣпки въ ней, по его мнѣнію, мускули; потомъ сжалъ кулакъ и спросилъ достолюбезнаго юношу, какого онъ мнѣнія о величинѣ этого кулака. Когда онъ удостоверилъ меня, что рѣдко видашь руку лучшаго качества, а растворилъ дверь и сказалъ ему, что если онъ въ теченіе 20 минутъ не уложитъ свой багажъ (состоявшій изъ одной рубашки), и не отправится по добру по здорову въ Лондонъ, то я извоню его, какъ бумажную картонку.

Такъ я избавился отъ этого молодого человѣка.

Часовъ около пяти меня увѣдомили, что страпцій мистрисъ Илья просить свиданія со мной минутъ на пять. Она послала слугу въ Ричмондъ съ приказаніемъ какъ можно скорѣе призвать перваго юриста, каковой только встрѣтится.

Я слишкомъ былъ увѣренъ въ своемъ лондонскомъ адвокатѣ, чтобъ бояться этой встрѣчи. Я охотно позволилъ ричмондскому шестипенсовому или восьмипенсовому юристу прочесть актъ уступки, и даже предложилъ ему снять копію; мы разговоривали такъ любезно и весело, какъ будто бы дѣло шло о какомъ-нибудь увеселеніи и расстались друзьями. Онъ призналъ, что все было сдѣлано сообразно съ закономъ, крѣпко, вѣрно и вполне удовлетворительно.

Долли долго не могъ ничего понять въ моихъ дѣйствіяхъ. Онъ сидѣлъ въ своемъ креслѣ, пораженный моею рѣшимостью; впрочемъ, онъ не очень мѣшалъ мнѣ, если не считать повторявшихся каждыя 10 минутъ просьбы:—ради Бога, не дѣлать ничего неприятнаго мистриссъ Икль, — помнить, что она была его жена и проч. и проч.

Когда я позвонилъ и велѣлъ всей прислугѣ явиться къ себѣ, онъ охотно подтвердилъ мои слова, что на будущее время они должны смотрѣть на меня, «какъ на господина и владѣльца дома».

Разумѣется, я сказалъ *своей* прислугѣ, чтобъ требованія мистриссъ Икль удовлетворялись такимъ же почтительнымъ образомъ, какъ и до сихъ поръ, и чтобъ слуги обращались съ ней съ полнымъ уваженіемъ до самаго ея отъѣзда.

Покончивъ съ дѣлами, мы предались удовольствіямъ. Я велѣлъ развести огонь въ столовой,—кухарка была превосходная женщина, и въ пять часовъ мы уже сидѣли за прекрасными телячьими котлетами.

Вдругъ вошла Анастасія съ подсвѣчникомъ въ рукѣ, и съ видомъ леди Макбетъ.

Ей представилась прекрасная картина. Наши голоса соединились въ стройный хоръ, а трубками выбивался тактъ, составлявшій трогательную мелодію; предсѣдатель Долли, усѣвшись на назначенномъ мѣстѣ, изображалъ на своемъ лицѣ такое кроткое, тихое наслажденіе, какъ будто мы всѣ были любимыми его дѣтьми, оправдавшими его надежды.

Замѣтивъ Анастасію, которая пристально смотрѣла на него, онъ пересталъ курить и попытался даже спрятать свой курительный аппаратъ, но сейчасъ же преодолѣлъ себя и вынесъ ея взглядъ съ такимъ мужествомъ, какъ-будто бы уже былъ значительно навеселѣ.

Мистриссъ Икль желала разогнать наше собраніе. Она подошла къ камину и начала разбрасывать горѣвшіе уголья.

Я вступился.

— Я долженъ просить васъ, сударыня, оставить *мой* огонь въ покоѣ, сказалъ я.—Ночь теперь холодная и пылающій каминъ очень пріятенъ.

Не отвѣчая мнѣ,—показывая, что я былъ недостойнъ ея вниманія, она посмотрѣла на Долли, который, чрезвычайно испугавшись ея внезапнаго нападенія, старался скрыть свое волненіе, попивая грогъ.

— Хотя я и не ожидала, сэръ, чтобъ вы имѣли сколько-нибудь уваженіе къ своей женѣ,—ваше поведеніе слишкомъ ясно

это выказало, сэръ,—но, быть можетъ, вы подорожите добрымъ о себѣ мнѣніемъ вашихъ сосѣдей, и если такъ, то чѣмъ скорѣе вы выпроводите изъ своего дома этихъ негодяевъ, тѣмъ лучше.

Нашъ хоръ опять загремѣлъ. Это былъ самый лучший способъ заставить ее замолчать.

— Я жду отвѣта, мистеръ Игль, продолжала лэди, когда веселая пѣсня замолкла (она кусала губы, чтобъ сдержать свое бѣшенство; сильный гнѣвъ отражался въ ея глазахъ, грозно сверкавшихъ).—Если вы не хотите, чтобъ въ домъ постучалась полиція, то велите этимъ бродягамъ убираться.

— Но право, моя милая—пробормоталъ Долли.

— Я хотѣла бы знать, мистеръ Игль, воскликнула красавица, прерывая его отвѣтъ:—очень хотѣла бы знать—можетъ ли кто-нибудь спать, когда такъ горланять подъ самымъ ухомъ?

— Хоръ, друзья мои! вскричалъ я, потрясая своей трубкой.

Друзья, послушные моему велѣнію, возобновили хоровое пѣніе самымъ усерднымъ образомъ.

Но эта злобная женщина не признавала себя побѣжденною. Грозно выпрямившись, стояла она, выражая свое презрѣніе.

Мнѣ было очень тяжело высказывать ей неуваженіе и грубость, но я отлично зналъ, что пока мы не докажемъ, что ея терроръ кончился, что ея вліяніе миновало, что власть ея исцѣзла, всѣ наши труды ничего не значать, и Долли возвратится въ оковы. Она вынуждала насъ битъ дерзкими. Она *хотѣла* борьбы.

— Мистеръ Игль, спросила она, улучивъ мнѣнту, когда наши голоса замолкли:—если въ васъ осталась хотя капля совѣсти, очистите домъ отъ этихъ скверныхъ людей!

— Да они не пойдутъ! отвѣчалъ Долли:—это не мой домъ; это домъ Джека Тодда; спросите его.

Она презрительно показала головой.

— Вы, кажется, принимаете меня за дурочку, сэръ, если думаете, что я повѣрю такой недѣпой жи! я не ребенокъ, мистеръ Игль!

— Вѣрите или нѣтъ, сударыня, какъ вамъ угодно, возразилъ я, чтобъ выручить Долли:—но домъ со всѣмъ въ немъ находящимся, все-таки мой, какъ вашъ адвокатъ, я увѣренъ, уже и объяснилъ вамъ. Кромѣ того, сударыня, позвольте мнѣ замѣтить, что въ вашемъ поведеніи видно очень мало достоинства и благодарности, особенно если вспомнить, что ваше пребываніе въ моемъ домѣ—не болѣе, какъ дѣло вѣжливости и любезности съ моей стороны.

Она бросила кочергу съ такимъ шумомъ, въ сравненіи съ котормъ, нашъ хоръ былъ пріятнымъ шопотомъ.

— Наглій бродяга! произнесла она, грозно взглянувъ на меня.

Чтобъ показать ей, что я не испугался, я обратился къ ней съ самыми кроткими, мягкими словами.

— Такъ-какъ уже поздно, то мои друзья будутъ ночевать въ моемъ домѣ. Могу я спросить—приготовлены имъ постели?

Вмѣсто того, чтобъ дать свѣдѣнія по части домашняго хозяйства, она смѣло подошла къ столу. и, на нашихъ глазахъ, схватила бутылки, и хотѣла уйти изъ комнаты съ добычею.

— Извините, сударыня, вскричалъ я, вскакивая, чтобъ остановить ее:—это вино мое! эта водка тоже! прибавилъ я, схватясь за горлышки бутылки.

— Низкіе злодѣи! закричала она.—Пьяницы! Но погодите до утра; я васъ всѣхъ вышвырну на улицу, какъ соръ! А что касается до васъ, мистеръ Йель, продолжала она, съ яростью обратившись къ Долли, который, —бѣдняга,—совсѣмъ поблѣднѣлъ отъ страха:—что касается до такого глупца, какъ вы, то я не могу найти словъ, чтобъ выразить къ вамъ мое презрѣніе!

Мы были чертовски рады, что она не могла найти этихъ словъ!

ГЛАВА XIII.

БОРЬБА И СТРАДАНИЕ. — МИСТРИССЪ ЙЕЛЬ ВОЛЬНА.

Упорное сопротивленіе воинственной красавицы Анастасіи всѣмъ моимъ благимъ усиліямъ облегчить судьбу Долли меня разогорчило и погрузило въ такіа потрясающія размышленія, что я обгрызъ всѣ пальцы.

Я понималъ, что ей не могло нравиться мое вмѣшательство; она имѣла смутное понятіе о правахъ собственности и воображала, что можетъ дѣлать что ей угодно съ «своимъ», какъ она называла мужа не въ любви и нѣжности, а потому, что дѣйствительно считала его въ числѣ своего движимаго и недвижимаго имущества, закрѣпленнаго за ней бракомъ.

Хорошо ли было съ моей стороны становиться между женой и мужемъ? Законы церкви были противъ меня, но рапорты полиціи воили, что я долженъ былъ такъ дѣйствовать.

Я слышалъ слова священника въ то достопамятное утро, когда миссъ Анастасія де-Кадъ, юная дѣва, такъ граціозно протянула свой пальчикъ для полученія блестящаго, золотого кольца, цѣ-

ноу въ восемнадцать шиллинговъ, слышалъ торжественное заявленіе, что кого Богъ соединилъ, человекъ да не разлучаетъ! Между тѣмъ, въ ежедневныхъ газетахъ я постоянно читаю о несчастныхъ женахъ и оскорбленныхъ мужахъ, просящихъ судей и полицейскихъ начальниковъ объ освобожденіи ихъ отъ узъ, сръвленыхъ церковнымъ обрядомъ!

Честное слово, у меня заходилъ умъ за разумъ! Я, бросившись въ кресло, погрузился въ размышленія. Невозможно! Небо не осватило этого блумсберійскаго союза! Былъ это дѣйствительный союзъ? Правда, женихъ шелъ въ церковь твердо, рѣшившись любить и доказать свою любовь, но я убѣжденъ, что она, въ кружевахъ и померанцевыхъ цвѣтахъ, шла къ алтарю, какъ аферистъ идетъ въ контору, гдѣ онъ долженъ получить хорошій барышъ съ удачной спекуляціи. Держу пари на гинею, что когда дѣло кончилось, старшій Рафаэль де-Кадъ потерялъ себѣ руки и назвалъ торжественное бракосочетаніе отличной спекуляціей.

Конечно, ангелы тутъ были непричастны. Я не могу допустить, чтобы ангелы могли такъ ошибаться.

Когда мнѣ на мысль приходитъ желаніе вступить въ законный бракъ, я тотчасъ вспоминаю Анастасію, и меня пробираетъ дрожь. Какъ бы я себя ни компрометировалъ безумнымъ общаніемъ, но я скорѣе соглашусь уплатить всѣ убытки въ судѣ и готовъ вѣчно самъ заваривать себѣ чай.

Игнѣ въ карманѣ лишніи деньги, я разъ остановился передъ книжной лавочкой и сталъ рыться въ грудѣ растрепанныхъ книгъ съ надписью «всѣ по два пенса».

Я купилъ одну книгу,—заглавіе ея заинтересовало меня; она называлась «Обручальное кольцо». Но, къ моему ужасу (купецъ не хотѣлъ возвратитъ денегъ), оказалось, что я купилъ проповѣдь. Чтобы деньги не пропали даромъ, я принялся за чтеніе.

Въ этой книжкѣ добрый епископъ Тейлорсъ говоритъ: «Бракъ есть школа и упражненіе въ добродѣтели». А если жена, какъ лѣнивая школьница, уклоняется отъ своихъ обязанностей? «Бракъ заключаетъ въ себѣ менѣе прелести, но за то менѣе и опасности, чѣмъ холостая жизнь; онъ сопряженъ съ заботами, но въ немъ легче найти спасеніе; въ немъ больше мира и больше здравія; онъ полнѣе печалами, но за то полнѣе и радостями; испытанія, встрѣчающіяся въ немъ, переносятся силою любви и привязанности, и самыя испытанія эти намъ сладостны».

Какъ видите, епископъ прекрасно изображаетъ преимущества супружеской жизни, когда мужъ и жена счастливы. Но что дѣлать бѣдному мужу, когда одинъ онъ чувствуетъ любовь и при-

вязанность, и въ то время, какъ на своихъ плечахъ выносить всѣ заботы, горести и печали, жена нѣжится на софѣ, нагло требуя на свою долю всѣ радости и наслажденія?

Тутъ я нашелъ еще замѣчательное мѣсто, которое, я готовъ поклясться, написано именно на бѣднаго Долли, за то, что онъ позволялъ себѣ увлечься необычайными прелестями этой несравненной красавицы. «Онъ безумецъ», восклицаетъ епископъ Тейлорсъ, дико устремляя взоры на моего глупыша Долли, — «безумецъ, потому что выбралъ ее ради одной красоты; глаза его ослѣплены, а душа чувствenna; розовенькія щечки и бѣлое личико — это самая ненадежная связь, соединяющая два сердца; они влюблены другъ въ друга, но это мечтательная любовь; оспа, роды, заботы, время и т. д. — и прелестный цвѣтокъ завянетъ!

Благодареніе Богу! Оспа у Анастасіи привита, Анастасія — цвѣтокъ очень гибкій, крѣпкій и искусственный; однако, и ея личико, заставившее такъ биться сердце Долли, со временемъ поблекнетъ; ея роскошныя царственные формы, напоминающія Юнону, очень скоро (благодаря плотному завтраку, который она ежедневно поглощаетъ) расплывутся, и когда онъ увидитъ свой величественный храмъ въ развалинахъ, то, не знаю, захочетъ ли онъ, подобно Марію, оставаться среди нихъ.

Да, они должны быть разлучены! Я поднялся съ своего кресла, какъ поднимается съ своей скамьи судья, постановившій приговоръ; я чувствовалъ, что мой приговоръ былъ совершенно справедливъ и основывался на очевидныхъ доказательствахъ. Да будутъ разлучены мужъ съ женою, вскричалъ я (самому себѣ) до тѣхъ поръ, пока узы любви и привязанности не соединятъ ихъ такъ же крѣпко, какъ соединяютъ ихъ узы брака!

Первое, что я сдѣлалъ, это — поручилъ моимъ вѣрнымъ ветеранамъ Дикю и Фреду строго наблюдать за Долли, внушивъ имъ, чтобъ они не выпускали его ни на шагъ изъ глазъ и не дозволяли бы ему вступать въ разговоры съ мистриссъ Икль, даже черезъ замочную скважину или затворенное окно.

Я зналъ очень хорошо, чуть только она почувствуетъ, что начинается проигрывать битву, она пуститъ въ ходъ всевозможныя хитрости; это подѣйствуетъ на маленькаго чувствительнаго человѣчка, и можно было надѣяться, что Долли не только будетъ снова полоненъ, но его вооружать даже противъ меня, какъ злоумышленника и разрушителя ихъ семейнаго мира и согласія.

Но моимъ молодцамъ Фреду и Дикю было предписано наблюдать за Долли самымъ незамѣтнымъ и дружескимъ образомъ. Въ солнечные дни они катались вмѣстѣ съ нимъ, въ дождливые —

отправлялись въ бильярдную и здѣсь, за партіей бильярда, ничего неподозрѣвавшій Долли забывалъ мечтать о своей красавицѣ. Разъ даже я ихъ послалъ въ театръ, хотя мнѣ это стоило довольно дорого, потому что сапоги у Дика были совсѣмъ разорваны, а манишка Фреда имѣла видъ бумажной мухоловки; я имъ долженъ былъ дать и то и другое. (И они, разумѣется, мнѣ ихъ никогда не возвратятъ).

Первая хитрость мистриссъ Икль состояла въ томъ, что она притворилась больною—хитрость довольно пошлая и очень старая; но такъ-какъ она почти всегда удается, то нельзя винить мистриссъ Икль за то, что она къ ней прибѣгла. Красавица принялась за дѣло весьма рѣшительно. Конечно, она прежде всего постаралась ознакомить Долли съ опаснымъ состояніемъ своего здоровья посредствомъ разнаго рода мнѣй и знаковъ, не прибѣгая къ пошлой манерѣ жаловаться на болѣзнь словами. Она подкупила одну недостойную женщину, по имени Мери Вумбъ, — низкое созданіе, служившее прежде чѣмъ-то въ родѣ судовойки и теперь рѣшившееся изъ-за шелкового платья сойти со стези добродѣтели и измѣнить мнѣ, ея господину!

Этой низкой женщиной было поручено всякій разъ, какъ мы начинали серьезно разсуждать о чемъ нибудь, стучаться къ намъ въ дверь и съ разнаго рода извиненіями отъ мистриссъ Икль просить насъ, нельзя ли быть потише, потому что мистриссъ очень больна.

Трудно было въ такія минуты сохранять власть надъ безумнымъ Долли. Напрасно просилъ я его не портить дѣла, бросаясь на первыхъ же порахъ въ разставленные сѣти; напрасно я увѣрялъ, что мистриссъ Икль совершенно здорова, что она только притворяется больною, чтобы снова овладѣть имъ!

На всѣ мои увѣренія онъ умолялъ меня позволить ему подняться наверхъ къ больной красавицѣ; онъ даетъ честное слово, честное слово джентльмена! что онъ не останется тамъ болѣе двухъ минутъ; онъ не скажетъ ни слова, онъ только хочетъ взглянуть на нее, для того, чтобъ судить самому, «потому что, вы знаете»...

— Милый Долли, отвѣчалъ я ему: — вы еще успѣете взглянуть на нее, когда пошлете за докторомъ.

— Но, представьте себѣ, умолялъ Долли: — представьте себѣ, что она покусится на свою жизнь! что она рѣшится встопить себя до смерти или доведетъ себя до того, что у нея разорвется сердце!

— Полноте, возражалъ я: — женщина съ ея характеромъ и комплекціей не сдѣлаетъ ничего подобнаго.

Простирая руки къ лѣстницѣ, онъ умолялъ дозволить ему взглянуть хоть въ дверную скважину.

Съ нимъ нужно было дѣйствовать строго и рѣшительно.

— Ну, ступайте, если хотите, мистеръ Илья! отвѣчалъ я: — но знайте, я сейчасъ же оставляю этотъ домъ, вся отвѣтственность падеть на вашу голову! тогда уже не просите помочь вамъ—вотъ и все!

Только этимъ мнѣ удалось побѣдить его телячью чувствительность и спасти его отъ гибели.

Удивительная женщина была эта Анастасія! какой энергичный стратегикъ! въ ней было все, кромѣ героизма. Умъ, изобрѣтательность, безстыдство, съ которыми она пользовалась своею вымышленною болѣзнью, для того, чтобъ мучить, трогать и пугать Долли, лучше всего показывали, до какого высокаго совершенства довела она свое искусство.

Негодяйка Мери Вумбсъ была орудіемъ, которымъ пользовалась Анастасія, чтобъ терзать насъ. Если мы иногда оставляли дверь комнаты отворенною, эта женщина сейчасъ же пользовалась нашею забывчивостью и начинала во все горло кричать съ верхукухонной лѣстницы: «для мистрисъ Илья, къ обѣду приготовить чашку чая, но не брѣвцаго! Поджаренаго хлѣба не надо!»

Вмѣсто того, чтобъ трогаться ея нѣжною заботою, я выходилъ въ переднюю и говорилъ ей: «не кричите такъ!»

Зная, что Долли услышитъ, раболѣпная служанка пускалась въ трогательные рассказы о страданіяхъ своей госпожи. «Миссисъ двѣ ночи не смыкала глазъ; крошки въ ротъ не беретъ! Она, т.-е. Мери Вумбсъ, полагаетъ, что чашка чая освѣжить ея голову, которая горитъ точно въ огнѣ».

— Хоть двадцать чашекъ, если угодно, мистрисъ Илья, отвѣчалъ я:—но прошу васъ поменьше шумѣть!

Съ моей стороны глупо было отвѣчать; это давало ей поводъ продолжать разговоръ: «Конечно, сэръ, это очень грустно, но каково мнѣ видѣть ея ужасныя припадки! каково мнѣ видѣть, какъ она изнываетъ и таетъ на моихъ глазахъ! голова идетъ вругомъ и я не знаю, что дѣлать!» Потомъ, торжественно поправляя свой чепецъ, она добавляла: «скоро кое-гдѣ запрутъ ставни и потребуются траурнаго крепа больше, чѣмъ нѣкоторые думаютъ!»

Однажды утромъ она постучалась въ дверь, чтобъ спросить мистера Илья, гдѣ лежитъ опиумъ.

— Опиумъ! вскричалъ Долли: — Боже милосердный!

— Мистриссъ сказала, что онъ стоитъ здѣсь, гдѣ-то въ большой бутылкѣ.

— Зачѣмъ вамъ опиѳ? спросилъ я.

— Мистриссъ хочетъ потерять себѣ бокъ, онъ у нея ужасно болитъ, отвѣчала лгунья съ необыкновенной ласковостью: — спазмы сердца, такъ, кажется, называется это миссиссъ.

Разумѣется, я въ ту же минуту постарался состроить озабоченный видъ и выразилъ желаніе, чтобъ служанка отправилась къ своей госпожѣ и передала ей, что если она себя дурно чувствуетъ, то я съ величайшимъ удовольствіемъ готовъ предложить ей медицинскую помощь.

По ея уходѣ я сталъ доказывать Долли, который дико озирался кругомъ, что если его жена двѣствительно нездорова, то приметь мое предложеніе; но если она притворается, то, конечно, не упустить удобнаго случая оскорбить меня отказомъ; по ея отвѣту мы можемъ судить о ея здоровьѣ.

Не прошло и минуты, какъ Мери Вумбсъ вернулась съ отвѣтомъ.

— Мистриссъ очень вамъ благодарна, сэръ; но если ужъ ей необходимо нужно будетъ посоветоваться съ докторомъ, то она предпочтетъ «настоящаго доктора»; она очень вамъ обязана, сэръ, но она не на столько крѣпка, чтобъ выдерживать на себѣ эксперименты студентовъ.

Мы не могли удержаться отъ смѣха, слушая этотъ язвительный отвѣтъ. Самъ Долли даже присоединился къ моему ликованію. Притворщица была обличена.

Мы рѣшились не обращать ни малѣйшаго вниманія на нездоровье леди.

Но мы ошиблись. Сдѣлана была новая попытка испугать насъ и заставить раскаться. На слѣдующій день, когда мы собирались завтракать, Мери, уже на постучась предварительно въ дверь, вбѣжала въ комнату въ чепцѣ и шали на сторону и стала поспѣшно разспрашивать насъ, гдѣ можно достать двадцать свѣжихъ пивовъ.

Я состроилъ серьезную фізіономію и спросилъ:

— Что, Мери, опять бокъ?

«Нѣтъ, на этотъ разъ къ вискамъ прилила кровь и мистриссъ ходитъ по комнатѣ и какъ-то странно говорить! Бредитъ!»

— Узнаетъ ли она кого-нибудь? спросилъ я.

— О, бѣдное, несчастное созданіе! она даже меня не узнаетъ! вскричала Мери, стараясь заплакать:—она меня приняла за свою мать, которая, будто бы, пришла взять ее къ себѣ домой, я

какъ она, моя голубушка, была рада этому! какъ ей хочется домой!

— Если она никого не узнаетъ, сказалъ я, вставая съ мѣста:— то я отправлюсь къ ней самъ и посмотрю, что нужно дѣлать.

Едва я это проговорилъ, Мери улетѣла какъ на крыльяхъ, и мы услышали, какъ щелкнулъ замокъ въ двери мистриссъ Игль.

— Милый мой Долли, сказалъ я, обращаясь къ маленькому человѣчку: — надѣюсь, вы теперь убѣдились, что вся эта болѣзнь не что иное, какъ военная хитрость, хитрость, очень любимая замужними женщинами. Онѣ надѣются, если ихъ мужа не смиряютъ передъ ихъ страданіями, то, по крайней мѣрѣ, они струсятъ при мысли о докторскомъ счетѣ. Вамъ нечего беспокоиться; могу васъ увѣрить, что мистриссъ Игль находится въ самомъ вожденномъ здравіи; ручаюсь вамъ, что она отлично спитъ и ѣстъ. Имѣйте немного терпѣнія, она скоро исправится.

Послѣ завтрака мы отправились погулять; но когда возвратились домой, то, къ величайшему изумленію, увидѣли, что молотокъ у дверей былъ обвязанъ бѣлой замшевой перчаткой.

Это было новое оригинальное изобрѣтеніе и необыкновенно «интересное». Прохожимъ и проѣзжимъ давалось знать, что въ домѣ есть опасный больной. Толпа ребятишекъ стояла около и глядѣла. Все это крайне разозлило меня и я велѣлъ позвать Мери Вумбсъ.

— Что это означаетъ, Мери? насмѣшливо спросилъ я: — подумаю, у насъ въ домѣ прибавленіе къ семейству!

Негодяйка подняла глаза къ небу.

— Прибавленіе! воскликнула она:— скорѣе, что одно бѣдное, страдающее существо покидаетъ насъ! Совсѣмъ не прибавленіе, сэръ, благодарю васъ за подобнаго рода вопросы! Если обмороки эти будутъ продолжаться, то скоро въ этомъ домѣ одна комната опустѣетъ. Бѣдная, чистая душа!

— Не морочить ли «чистая душа» этими обмороками? сурово спросилъ я, смотря ей въ лицо.

Она ничего не отвѣчала; только съ наглою невинностью смотрѣла мнѣ въ глаза; я добавилъ:

— Когда съ вашей госпожей случится еще обморокъ, то скажите ей, чтобъ она не садилась читать такъ близко къ окну.

Не знаю, удачно ли я угадалъ, но Мери Вумбсъ такъ поспѣшно побѣжала по лѣстницѣ, что я могъ разсмотрѣть ея черные чулки и замѣтить, что тесемки у башмаковъ были развязаны.

Впродолженіе одного или двухъ дней послѣ этой славной побѣды, насъ не беспокоили. Я почти началъ питать надежду,

что мистриссъ Иэль будетъ такъ любезна, оставить насъ въ покоѣ и предоставить весь домъ въ наше распоряженіе.

Уви, этому счастью не суждено было осуществиться! Даже Долли радуясь спокойствію, воображала, что побѣда осталась за нами. Въ припадкѣ храбрости онъ, по секрету, сообщилъ мнѣ, что еслибъ ему удалось отправить жену въ Блумсбера и водворить ее въ кругу любящихъ членовъ семейства де-Кадовъ, то онъ могъ бы еще надѣяться на счастье, потому что «она пойметъ тогда разницу!» со вздохомъ проговорилъ онъ: «я знаю хорошо де-Кадовъ; она пойметъ, что никто, даже ее дорогіе родители, не имѣютъ къ ней той любви, и неспособны на тѣ жертвы, которыя съ радостью принесетъ ей мужъ, лишь бы видѣть ее счастливой, покойной и довольной».

Прелестная плутовка ухватила за доктора Ле-Дерта, какъ за послѣднее средство. Мы оставлены были въ покоѣ въ теченіе двухъ дней единственно потому, что письмо не могло рѣше дойти въ Гильдъ-фортъ-Стритъ.

Талантливый медикъ — знаменитый авторъ «Здоровы ли ваши каналы?» отвѣчалъ на приглашеніе съ достохвальной поспѣшностью — тутъ можно было заработать пять гиней.

Едва раздался второй ударъ, Мери Вумбсъ уже распахнула наружную дверь и съ величайшимъ почтеніемъ повела доктора въ комнату больной. Я слышалъ, какъ талантливый Ле-Дертъ, бессмертный писатель о каналахъ, спросилъ ее своимъ мягкимъ голосомъ:

— Ну, что, какъ здоровье больной?

— Очень слаба, сэръ, жалобно отвѣчала она: — не можетъ ни ѣсть, ни пить, ни говорить, — совсѣмъ изнемогла!

Совѣщаніе наверху продолжалось долго. Мы ждали настороживъ уши, когда послышатся шаги сходящаго съ лѣстницы доктора. Я рѣшился переговорить съ нимъ передъ его отъѣздомъ.

Это было необходимо, какъ въ интересахъ кошелъка Долли, такъ и для того, чтобъ разрушить стратегическіе планы мистриссъ Иэль.

Къ нашему удивленію, Мери Вумбсъ, съ успокоеннымъ видомъ, пригласила насъ съ Долли въ гостиную для консультаціи съ достопочтеннымъ шарлатаномъ.

— Какъ поживаете, мистеръ Иэль? Очень радъ васъ видѣть, Тоддъ, вослинуулъ онъ, когда мы вошли. — Я счастливъ, что могу васъ успокоить. Больной не грозитъ близкой опасности — все надо предоставить времени и хорошему уходу.

Плуть рассчитывалъ на пятигинеинные визиты!

Доли скромно съѣлъ и молчалъ, а я вступилъ въ разговоръ съ ученымъ Ле-Дертюмъ.

— Очень радъ, что нѣтъ опасностей! вскричалъ я. — Чему вы приписываете болѣзнь?

Онъ началъ потирать себѣ подбородокъ, и я уже догадывался, какого рода будетъ его отвѣтъ. Дѣйствительно, я не ошибся.

— Отправленіе каналовъ не совсѣмъ правильно, отвѣчалъ онъ.

Вѣдний Доли имѣлъ видъ, будто его собираются наказать, за дурное отправленіе каналовъ.

— Хорошъ ли аппетитъ? спросилъ я.

— Совсѣмъ нѣтъ аппетита.

— Сильно похудѣла?

— Нѣтъ, благодаря Бога, не очень. Въ этомъ интересномъ случаѣ вполнѣ обнаружилось могущество жизненныхъ силъ. Но я думаю, если отсутствіе питанія будетъ продолжаться, то это очень повредитъ ей.

— Конечно, отвѣчалъ я хвастуну: — который же изъ каналовъ пораженъ?

— Ну, я не могу сказать, возразилъ онъ, снова потирая подбородокъ: — страдаетъ ли тутъ желчный или мочевой. Вообще и желудочный каналъ не совсѣмъ хорошъ.

— Миѣ кажется, докторъ, прибавилъ я: — насколько я могу судить, тутъ дѣло совсѣмъ въ другомъ каналѣ!

— Въ самомъ дѣлѣ? спросилъ онъ, оскорбленный тѣмъ неуваженіемъ, съ которымъ я относился къ каналамъ вообще. — Интересно знать ваше мнѣніе.

— По моему мнѣнію, тутъ виноваты не ея каналы *, а ея канальское поведеніе. Спросите моего друга Иля. Какъ вы недовольны дурнымъ состояніемъ ея каналовъ, такъ онъ недоволенъ ея дурнымъ обращеніемъ.

Онъ не зналъ, сердиться ли ему, или смѣяться, но такъ-какъ онъ ждалъ платы, то и рѣшился обратить это въ шутку.

— Могу васъ увѣрить, докторъ, что аппетитъ у нея превосходный; поваръ можетъ засвидѣтельствовать. Дѣлая вамъ это открытіе, я единственно имѣю въ виду предохранить васъ отъ пустой траты времени, столь драгоценнаго для вашихъ многочисленныхъ паціентовъ.

Я сказалъ это съ умысломъ, ибо зналъ, что онъ необычно-

* Здѣсь игру словъ: *duct* — каналъ и *Con-duct* — поведеніе мы не могли иначе передать, какъ посредствомъ этой, быть можетъ, не совсѣмъ пріятной остроты.

венно любить своихъ пациентовъ, которые ему платятъ по пяти гинеѣ за визитъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, докторъ, прибавилъ я: — вся эта болѣзнь сводится къ простой семейной ссорѣ. Какого вина прикажете?

— Вы говорите очень рѣшительно, Тоддъ! вскричалъ онъ, съ удивленіемъ смотря на Долли; потомъ, какъ бы вспомнивъ прибавилъ: — Кларету!

— Я у себя въ домѣ всегда поступаю рѣшительно, возразилъ я. — Лафиту или Ла-Розъ?

— Мнѣ мистриссъ Иэль упомянула, что вы купили это имѣніе? Поздравляю васъ, проговорилъ онъ мягко. — Если позволите лафиту.

Мы избавились отъ ученаго мужа только тогда, какъ вся бутылка была опорожнена и Долли (по моему совѣту) вручилъ ему деньги за визитъ, который онъ, облизываясь послѣ вина (выборъ мистриссъ Иэль), засунулъ себѣ въ карманъ.

— Куда ни шло пять гинеѣ, замѣтилъ я Долли, который угрюмо смотрѣлъ на удаляющагося доктора. — По правдѣ сказать, это дероговато — но за то мы разомъ избавились отъ дальнѣйшихъ убытковъ.

ГЛАВА XIV.

Новыя вылазки и мины.

Пролежавъ съ недѣлю «при смерти» и заставивъ презрѣнную Мери Вумбсъ насказать такое множество лжи, которое подавило бы любого цыгана-вонокрада, побѣжденная Анастасія убѣдилась, что мы безсердечные скоты и не стоимъ тѣхъ ужасныхъ принужденій, какими она себя мучила.

Злополучная, но великолѣпная женщина! Въ ожиданіи того, что Долли сдастся, она купила себѣ новыя ночные чепчики самаго убійственнаго фасона. Она была такъ обворожительна съ разбившимися прядями смоляныхъ волосъ, оттѣненыхъ яреми бантиками! Такъ трогательна была ея поза, когда она, поддерживаемая подушками, полулежала на софѣ! Такъ божественно было выраженіе ея томныхъ, полузакрытыхъ глазъ и полуоткрытыхъ устъ! Такъ выразительна матовая блѣдность напудренныхъ щекъ! Стоило Долли явиться (въ чемъ она не сомнѣвалась), онъ взвѣгнетъ отъ восторга и горя, и упадетъ къ ея ногамъ какъ плѣнный, какъ рабъ!

Но за Долли былъ зоркій присмотръ и онъ не имѣлъ случая опозорить свой полъ.

Я полагаю, что красавица была одолжена мнѣ своимъ внезапнымъ и чудеснымъ исцѣленіемъ. Я открылъ восхитительное блюдо изъ цыплятъ съ фаршировкой, которое легкомысленная Мери Вумбъ поставила въ столовой, пока сама побѣжала за приборомъ для мученицы.

Фаршированные цыплята положительно вредны для больныхъ, страдающихъ болѣзью сердца, приливами крови къ головѣ и частыми обмороками. Какъ медикъ миддлсекскаго госпитали, я считалъ своимъ долгомъ сдѣлать по поводу этого мягкое и деликатное замѣчаніе.

Я вырвалъ чистый листокъ изъ своей записной книжки и начертилъ слѣдующее:

«Печаль и страданья меня истервали;
Ужь гробъ былъ раскрытъ предо мною,
Но къ жизни меня возвратило
Цыплятъ фаршированныхъ блюдо».

Я сунулъ это подъ салфетку, покрывавшую ризь, такъ что она тотчасъ же должна была увидать мое поэтическое изліаніе.

Мнѣ пріятно сказать, что на слѣдующій день прелестная мистриссъ Икль на столько оправилась, что не только встала съ постели, но даже вышла погулять пѣшкомъ, и, я откровенно сознаюсь, рѣдко выдавъ ее очаровательнѣе и свѣжѣе. Когда она, около шести часовъ, покушала свиныхъ котлетокъ, я имѣлъ честь бросить испытующій взглядъ на косточки, оставшіяся послѣ этой закуски, и могъ разумно заключить, что выздоровленіе было полнѣйшее.

Тогда явился волнующій вопросъ: отправится ли мистриссъ Икль къ родителямъ, или будетъ продолжать удостоивать насъ своимъ присутствіемъ?

Я зналъ, что леди, съ ея энергіею и изобрѣтательностію, не уступитъ такъ легко поле битвы.

Она, по обычной добротѣ и внимательности, скоро вывела насъ изъ недоумѣнія. Въ одинъ солнечный день къ видѣ подѣхалъ кэбъ.

Чужеземецъ, свѣжій и массивный, отличающійся не только извѣстномъ костюмомъ, но и величиною ушей, громко постучался у дверей.

Мой милый Долинъ, увидавъ этого чужеземца, началъ такъ эксцентрически корчиться и пручаться, что безпристрастный наблюдатель могъ заключить, что у него острое воспаленіе внутренностей, или предположить, что онъ неосторожно положилъ себѣ въ карманъ панталонъ живаго рака.

— Небо! прошепталъ онъ: — небо! Зачѣмъ этотъ чловѣкъ здѣсь? Зачѣмъ явился нѣмецкій мошенникъ въ мой домъ?

Клянуся пророкомъ, мистриссъ Игль сама сбѣжала съ лѣстницы, чтобы радостно привѣтствовать гостя! Она оттолкнула Мери Вумбъ въ сторону и собственными прелестными руками повернула тяжелую дверную ручку!

Мы слышали, какъ она очаровательнымъ голосомъ выражала свое удовольствіе снова увидѣть широколицаго чужестранца. Ея платье шлепало, словно неудержимый восторгъ заставлялъ ее метаться изъ стороны въ сторону.

Коварной Мери Вумбъ дано было приказаніе приготовить комнату гостю и снести туда его дорожный мѣшокъ.

— Я увижу его кровью! заревѣлъ Доли, свирѣпо вращая глазами.

— Доли, сказалъ я:—если вы вывинете какое-нибудь сумасбродство, вы этимъ разутѣшите мистриссъ Игль. Послушайтесь меня, успокойтесь. Мы его выживемъ другимъ способомъ, болѣе для него унижительнымъ.

— Но они вмѣстѣ проведутъ вечеръ! вскрикнулъ жалобно Доли.

— Любезный другъ, чего вы беспокоитесь? Пусть проведутъ вечеръ вмѣстѣ. Ручаюсь вамъ, что мистриссъ Игль мало получить удовольствія, а чужеземецъ еще меньше.

Зналъ, что германскій народъ высоко цѣнитъ музыку, я устроилъ гостю мистриссъ Игль серенаду.

Я откомандировалъ моихъ вѣрныхъ Фреда и Дика съ приказомъ перевернуть весь Твингингемъ, но отыскать странствующихъ министрелей.

Министрели были обрѣтены и скоро подъ окнами мистриссъ Игль забарабанила такая музыка, при которой нѣжные разговоры немислимы.

Министрели были смысленные люди и желали заслужить благодарность; я много слышалъ разныхъ серенадъ, но ничего подобнаго отроду не поражало моего слуха.

Серенада продолжалась до одиннадцати часовъ.

Я долженъ признаться читателю, что, войдя въ свою спальню, оглушенный чужеземецъ былъ встрѣченъ дюжиною дикакъ, свирѣпыхъ кошекъ, которыя бросились ему подъ ноги и заставили его вскрикнуть на весь домъ «O, mein Gott!»

Я долженъ признаться, что на разсвѣтѣ онъ былъ пробужденъ дикими криками: горимъ! горимъ! и что это заставило его громче и жалобнѣе прежняго крикнуть: «O, mein Gott!»

Слуги передали мнѣ, что по утру германскій джентльменъ,

съ негодованіемъ отказавшись отъ чаю, ринулся изъ дому, какъ ужаленный, взваливъ свой дорожный мѣшокъ на первый встрѣтившійся вебъ и исчезъ въ облакѣ пыли.

— Ха! Ха! Вотъ такъ штука! хохоталъ Долли, даваясь за встрякомъ каждымъ кускомъ отъ волненія и удовольствія.—Что скажете на это мистриссъ Икль?

Мистриссъ Икль прислала письмо своему недостойному супругу.

«Моя спальня. Полночь.»

«Мистеръ Икль, ваше недостойное тиранство достигло наконецъ такихъ размѣровъ, что я вынуждена искать убѣжища отъ вашихъ звѣрскихъ жестокостей. Оскорбленія обрушились на голову чужеземца — я разумѣю джентльмена, занимающаго высокое и доходное мѣсто въ службѣ принца Скратченберга—единственно зато, что онъ былъ мнѣ другомъ. Я когда-то мечтала о семейномъ счастьи, сэръ, но мечты эти разлетѣлись какъ сонъ, и я хочу искать защиты и утѣшенія въ объятіяхъ моихъ родителей, которыхъ я, неблагодарная идиотка, безумно повинула для.... Прощайте на вѣки, мистеръ Икль! Если вы можете быть счастливы, будьте счастливы, сэръ. Желаю, чтобъ совѣсть васъ не являла своимъ жаломъ. Мои родители скоро будутъ.»

«Ваша оскорбленная жена»,

«Анастасія Икль».

Долли передалъ мнѣ письмо.

— Отлично, любезный другъ! вскрикнулъ я, пробѣжавъ посланіе.

Долли сидѣлъ смиренный и мрачный.

— Что съ вами? спросилъ я.

— Она говоритъ: «прощайте на вѣки!» Слово это страшно звучитъ, Джекъ! Она была очень жестока со мною, я не отрицаю, но все-таки, Джекъ, надо помнить, что она женщина и....

Такова, разумѣется, благодарность, которой долженъ ожидать человѣкъ, жертвующій своими научными занятіями, своимъ спокойствіемъ и кредитомъ, чтобы устроить супружескія дѣла пріятеля!

— Она женщина, отвѣчала я: — но нельзя сказать, что она женщина безхитростная и слабая.

Вздыхая и барабани отъ волненія пальцами по столу, онъ проговорилъ:

— Но «на вѣки»! Это ужасно! Это похоже на смерть!

— По моему, разстаться вамъ необходимо, сказалъ я:—а впрочемъ...

— Да! Да! прошепталъ Долли, понюкая головой.

— Она ждет только, чтобы вы бросились къ ея ногамъ и поползали передъ ней на колѣняхъ, замѣтилъ я.

— Никогда! вскрикнулъ Долли, выпрямляясь и приходя въ воинственное расположеіе духа.

— Теперь все идетъ отлично, Долли. Не портите дѣла. Не мѣшайте дочери возвратиться подъ родительскій кровъ.

Красавица много изорвала бумаги, прежде чѣмъ написала прощальное письмо. Ей стоило немовѣрныхъ усилій сдерживать свою страстную натуру, и обращаться къ «мерзкой букашкѣ» хотя язвительно, но прилично. Только мысль, что письмо это можетъ служить современемъ документомъ въ рукахъ судьбы, дала ей силу укротить пламенные порывы, не испещрить посланія «скотомъ», «глупышемъ», и т. д. и т. д., и не смѣшать Долли съ грязью.

Когда преданная Мери Вумбъ понесла письмо, Анастасія свирѣпо усмѣхнулась, воображая какъ Долли примется рвать на себѣ волосы, или, вдругъ окаменѣвъ на софѣ, явить олицетвореніе безысходнаго отчаянія; и какъ потомъ прилетитъ и кинется къ ея ногамъ, умолая о прощеніи и помилованіи. Красавица сильно вѣрила въ свое могущество и ни во что ставила всѣхъ другихъ смертныхъ.

Но Долли не пришелъ. Напрасно она прислушивалась, напрасно ждала,—онъ не явился!

Даже Мери Вумбъ поняла, что дѣло проиграно. Напрасно она совершала подвиги преданности, ежеминутно сбѣгая съ лѣстницы и подслушивая въ замочную щелочку — она даромъ подвергалась опасности и бесполезно жертвовала собою.

Прекрасная лэди схватила кочергу и начала неистово колотить по угольямъ, разбивая въ дребезги горючій матеріалъ, словно это былъ Долли, котораго она хотѣла сокрушить за его равнодушіе и безчувственность.

Писаніе грозительныхъ посланій имѣетъ одно, крайне неудобное и непріятное слѣдствіе: въ случаѣ если застрачиванье не произведетъ желаннаго дѣйствія, то стращающій вынужденъ или привести угрозу въ исполненіе, или постыдно отступить, что равняется пораженію.

Она сидѣла передъ каминномъ и глядѣла на огонь, пока у нея заболѣли глаза, раздумывая, что тутъ дѣлать и какъ быть?

Если она оставитъ Долли и слѣдственно заберетъ свои 600 фунтовъ годоваго дохода, Долли вѣроятно разоритъ контрактъ, заключенный на 20 лѣтъ съ Твикингемской валлой; и трехъ лѣтъ не пройдетъ, какъ она прочтетъ объ этомъ въ газетахъ; это было большое утѣшеніе! А она, съ такимъ доходомъ, мо-

жетъ, пожалуй, хотъ сдѣлать кругосвѣтное путешествованіе; посѣтить всѣ столицы міра, посмотрѣть людей, показать себя, однимъ словомъ, насладиться, какъ душѣ угодно, жизнью!

Непоколебимое рѣшеніе было принято. Она достала кошелекъ, и Мери Вумбсъ было поручено отправить немедленно письмо въ Блумсбери-северь. Мистеръ Иель увидитъ, что нѣкоторыя особы имѣютъ характеръ, и могутъ сдержать свое слово!

Когда папа де-Кадъ прочелъ письмо своего дитяти, онъ отослалъ его въ комнату мистриссъ де-Кадъ, сдѣлавъ на немъ слѣдующее замѣчаніе карандашомъ:

«Я не отказываюсь пріютить Анастасію, но она должна за это платить. Я думаю, что двѣсти фунтовъ въ годъ не стѣснять ее. Или вы полагаете, что это слишкомъ дешево?»

ГЛАВА XVI.

НЕПРІЯТЕЛЬ ДАЕТЪ ГЕНЕРАЛЬНОЕ СРАЖЕНІЕ.

Нѣтъ, конечно, мѣста, которое можно бы было сравнить съ своимъ домомъ, особенно если дома у васъ хорошо; пріятно и утѣшительно имѣть пріютъ, гдѣ можно скрыться отъ тиранівъ; но я остаюсь того мнѣнія, что старшій Рафаэль де-Кадъ имѣлъ преувеличенное и даже нелѣпное понятіе о прелестяхъ своего дома.

Разнаго рода бываютъ дома. Въ однихъ — роскошь, всякое ваше желаніе заранѣе предугадано, — въ спальнѣ каминъ постоянно топится въ холодные мѣсяцы; въ другихъ — бѣдность и нищета, доходящая до протухлаго масла за завтракомъ. Въ однихъ все просто и радушно, тутъ вы можете дѣлать все, что вамъ угодно, никто вамъ слова не скажетъ; въ другихъ все нагнуто и церемонно, и если вы сдѣлаете какую-нибудь неловкость, то ужъ въ другой разъ васъ туда не пустятъ. Убѣжище, предложенное старшимъ Рафаэлемъ своему любезному дѣтищу, составляло переходъ между убогимъ и церемоннымъ, или лучше, надутымъ домомъ.

Что касается до меня, то я, не задумавшись, скорѣе рѣшился бы жить надъ распродажей тряпокъ и костей, чѣмъ поселиться въ де-Кадовскомъ семействѣ.

Почтенный Рафаэль де-Кадъ былъ вполне способенъ содрать двѣсти фунтовъ въ годъ за помѣщеніе, которое не стоило и пятидесяти. За эту сумму я бы могъ найти себѣ помѣщеніе въ Бувингемскомъ дворцѣ.

Спросить тамъ три полотенца было бы для дома чистымъ раззореніемъ и истощило бы весь запасъ бѣлы. За обѣдомъ соблюдалась строгая діета; каждая картофелина была на счету, рубленное мясо вѣсалось на золотники, а пиво вымѣрвалось бо-калами.

Разъ я имѣлъ счастье обѣдать у де-Кадовъ en famille (что у французовъ означаетъ плохой обѣдъ) и былъ непріятно пораженъ споромъ между Бобомъ и его маленькой сестрой изъ-за какихъ-то обглодковъ. Что за звѣрство, читатель, лишать дѣтей пищи для поддержанія величія дома!

Де-Кадъ сразу понялъ, что несчастіе Анастасіи должно было подорвать его кредитъ. Все, что онъ рассказывалъ о несмѣтныхъ богатствахъ своего вата и о его безумной расточительности, теперь падеть на его же собственную голову. Всѣ обвинять его въ враньѣ и хвастовствѣ. Благодаря его краснорѣчивымъ и поэтическимъ описаніямъ, цѣна на его зубную мастику поднялась и коробочка іерихонскаго порошка продавалась уже за 18 пенсовъ. Его увлекательныя описанія великолѣпія Твикингемской виллы имѣли благотворное вліяніе даже на привилегированныя челоусти.

Итакъ, Рафаэль де-Кадъ все это зналъ, и будучи челоукомъ впечатлительнымъ (большой недостатокъ для дантиста), высказалъ это женѣ.

— Если Анастасія пріѣдетъ сюда, мистриссъ де-Кадъ, я долженъ васъ предупредить — она обязана платить за себя двѣсти фунтовъ въ годъ, замѣтилъ онъ, рѣшительнымъ и недовольнымъ тономъ челоука, который очень хорошо знаетъ, что запросилъ слишкомъ дорого и ожидаетъ сильныхъ возраженій. — Мнѣ ее совсѣмъ не надо; гораздо бы было лучше, еслибы она вовсе не пріѣзжала; но такъ-какъ она настоятельно желаетъ вернуться, то пусть платитъ.

— Конечно, если она «желаетъ», то въ состояніи заплатить, отвѣтила мистриссъ де-Кадъ, зная очень хорошо, что Анастасія не очень-то этого «желаетъ».

— Еще бы не въ состояніи! проворчалъ родитель, начиналъ сердиться. — Еслибы у нея было сколько нибудь благородства, то она должна бы предложить двѣсти-пятьдесятъ, такъ-какъ при настоящихъ обстоятельствахъ домъ родительскій ея единственное убѣжище.

Онъ сказалъ это патетическимъ тономъ, какъ будто Анастасія стояла тутъ гдѣ нибудь въ углу; потомъ торжественное выраженіе его лица внезапно исчезло, губы сложились въ полу-улыбку и глаза заблестѣли какъ звѣзды.

— Ахъ! вскричалъ онъ:—ми совсѣмъ и понравилъ, что я опекунъ закрѣпленнаго за нею имущества, и еслибъ захотѣлъ, то могъ бы надѣлать ей много неприятностей!

Мама де-Кадъ, въ сравненіи съ зубодеромъ, обладала болѣе христіанскими добродѣтелями. Она «обожала» Анастасію и гордилась, что такъ хорошо пристроила дочь. Если она иногда и завидовала ея высокому положенію, то въ этомъ виновато было высокомерное обращеніе Анастасіи. Она, събывшись независимой, начала грубить виновницѣ своихъ дней, стала ея поминать и обращаться покровительственно.

Не отвѣчая на замѣчаніе Рафаэля, мистриссъ де-Кадъ продолжала свои размышленія и наконецъ, принявъ рѣшительный видъ, который придавалъ ей такое неприятное выраженіе, будто она собиралась кого нибудь укусить, она начала говорить, глядя на него въ упоръ.

— Послушайте, Рафаэль, поймите меня какъ слѣдуетъ. — Я допущу Анастасію въ себѣ въ домъ, только съ тѣмъ условіемъ, чтобъ она не дѣлала здѣсь никакихъ глупостей.

— Разумѣется, душа моя, отвѣчалъ онъ кротко, видя по выраженію ея лица, что дѣло можетъ разыгратъя плохо.

— Я ей не позволю распорядиться, причудничать и важничать! продолжала мама, все болѣе и болѣе разгорячалась.

— Совершенно разумно, моя милая.

— Она должна жить, какъ мы живемъ, не должна разыгрывать важную леди! У меня безъ капризовъ и фантазій! Я не хочу жертвовать для Анастасіи всѣми дѣтьми, Рафаэль, и прошу не требовать этого отъ меня. Слышите, не требуйте этого!

— Я этого не требую и не буду никогда требовать.

— Съ этимъ условіемъ пусть Анастасіа пріѣзжаетъ, когда захочетъ, вскричала мать, мало по малу успокоиваясь.—Какъ бы намъ не было тяжело, но она встрѣтитъ подъ нашей кровлей радушнй пріемъ.

Тутъ мистриссъ де-Кадъ глубоко вздохнула, какъ будто съ этимъ послѣднимъ вздохомъ вылила все свое негодованіе и приготовилась ко всему худому.

Разговоръ этимъ не кончился. Грустныя мысли овладѣли внезапно старымъ де-Кадомъ; онъ началъ тревожно вертѣться на стулѣ и, кусая губы, нахмуренно принялся поправлять въ каминѣ огонь. Наконецъ, онъ проворчалъ:

— Однако, въ какихъ дурнахъ я останусь передъ моими пациентами! Что я имъ скажу? какое придумаю оправданіе? Чортъ бы побралъ эту бѣшеную дѣвчонку! И кто бы подумалъ, что такая статная и коренастая баба, какъ Анастасіа, не можетъ

вышгородить такого воробьянка? Все это просто пустое упрямство и ложная гордость!

— Однако, мой другъ, замѣтила супруга: — двѣсти фунтовъ въ годъ не бездѣлица!

Дантистъ съ дѣтства любилъ ариметику и, уважая истину, почувствовалъ всю полновѣдность этого замѣчанія. Онъ былъ глубоко тронутъ.

— Можно будетъ сказать, что ей необходима пережѣна воздуха, или что она стосковалась по родимой семьѣ, да никто этому не повѣритъ!

— Рафаэль торжественно начала супруга: — каменный уголь и хлѣбъ вздорожали, да и все вздорожало, даже мусоръ. Какъ вы думаете, Анастасія заплатить деньги впередъ?

Рафаэль, обращенный къ насущнымъ потребностямъ, побѣдилъ мысль объ язвительныхъ замѣчаніяхъ пациентовъ и сталъ опасаться, чтобъ какое нибудь обстоятельство, въ родѣ примиренія съ Долли, не лишило его выгодной жилицы; онъ даже сожалѣлъ, что Анастасія не вернулась къ нимъ мѣсяца три тому назадъ; теперь ему пришлось бы уже получать съ нея за третью. Въ глубокомъ раздумьи, потирая себѣ подбородокъ, онъ возвѣстилъ свою готовность покориться судьбѣ слѣдующимъ восклицаніемъ:

— Пусть ее пріѣзжаетъ! Я вѣрю, что все, что бы ни случилось, къ лучшему, особенно, если ничѣмъ инымъ нельзя этому помочь!

А вы, изящная красавица, моя прелестная Анастасія! Гдѣ былъ вашъ разсудокъ, когда вы вздумали искать утѣшенія въ объятіяхъ дражайшихъ родителей, которые, по вашему же выраженію, «даже заочно неприятели и глупы»? Глупая, но великолѣпно сложенная женщина! возьмите, если можете, назадъ эти слова!

Избавители явились на слѣдующій день. Когда я увидѣлъ ихъ въ дверяхъ, признаюсь, меня пробрала дрожь, и я пожалѣлъ, что не ушелъ гулять. Долли поблѣднѣлъ какъ платокъ; можно было подумать, что дантистъ прибылъ сюда съ цѣлью повидергать ему всѣ зубы.

Замѣтивъ, что Рафаэль, проходя, пытался заглянуть къ намъ въ дверь, мой другъ отпрянулъ въ самый дальній уголъ комнаты и такъ плотно приросъ къ стѣнѣ, что его можно было принять за картину. Глядя на его униженное положеніе и испуганную фizioномію, всякій принялъ бы его за негодѣвшаго мужа, которому давно слѣдовало выцарапать глаза.

— Повидайтесь съ ними, Джекъ, повидайтесь съ ними, променталь онъ дрожащимъ голосомъ.

Пораженный, почти выведенный из себя, этимъ страннымъ желаніемъ поручить мнѣ посредничество, я попытался пробудить въ немъ мужество.

— Помилуйте, Долли, могу ли я допустить васъ до такого униженія! Будьте мужчиной, я буду васъ поддерживать. Вѣдь не съѣдятъ же они васъ!

Въ отвѣтъ на мой разумный совѣтъ, онъ, дрожа всѣмъ тѣломъ, какъ безумный, повторялъ:

— Я не хочу видѣть ихъ, слышите ли, не хочу!

Признаюсь, я никогда не былъ въ такомъ затруднительномъ положеніи.

— Будьте мужчиной, Долли, наставлялъ я.—Вы должны хоть на секунду повидаться съ ними, — какъ мужъ, вы обязаны это сдѣлать!

Какое ему было дѣло теперь до его обязанностей! Онъ только громче и громче кричалъ:

— Не хочу! не хочу! не хочу!

Я отъ природы нетрусливъ, но мысль о предстоящемъ объясненіи съ непокорной женой и громогласной мамашей, которая безъ церемоніи дѣлаетъ вамъ самые рѣзкіе выговоры, не говоря ужъ о колкихъ замѣчаніяхъ Мери Вумбсъ и нелѣпныхъ выходкахъ Рафаэля, не на шутку пугала меня.

Чтобъ скрыть свое безпокойство отъ Долли и поддержать въ себѣ мужество, я сталъ храбриться.

— Вы думаете, что я ихъ боюсь? Нисколько! сказала я. — Справедливость на нашей сторонѣ, сэръ! И еслибъ весь Блумсбери возсталъ, то это мнѣ рѣшительно все равно!

Мнѣ очень хотѣлось, чтобы онъ улыбнулся, но, кажется, это было выше его силъ. Онъ смотрѣлъ на меня тупымъ взглядомъ, который поневолѣ остановилъ потокъ моего краснорѣчія.

Съ перваго взгляда на туалетъ стараго Рафаэля я заключилъ, что онъ готовится блистательно разыграть роль благороднаго отца и рѣшился исполнить ее до конца съ непоколебимымъ достоинствомъ. Несмотря на великолѣпную погоду, онъ держалъ въ рукѣ зонтикъ, вѣроятно, вмѣсто оборонительнаго оружія, намазалъ голову розовымъ масломъ и надѣлъ свой лучшій фракъ, чтобъ придать себѣ внушительный видъ, въ случаѣ еслибъ пришлось обратиться къ посредничеству судьи.

Бодѣ же всего меня смущалъ его бѣлый жилетъ. Что бы это означало? Съ тѣхъ поръ, какъ я его знаю, я ни разу не видѣлъ на немъ бѣлаго жилета, и даже не подозрѣвалъ о его существованіи. Этотъ жилетъ ужасно не шелъ къ его желтому лицу, которое казалось еще желтѣе, напоминая потолокъ кури-

тельной комнаты. Чортъ бы побралъ этотъ бѣлый жилетъ! Онъ меня беспокоитъ.

Мистриссъ Игль, къ сожалѣнiю, выказала излишнюю поспѣшность, желая поскорѣй начать обвинительные пункты. Она даже не дождалась, пока войдутъ въ гостиную, и начала семейную трагедiю еще въ передней.

Едва родители переступили порогъ, — мама даже не успѣла завязать чепца, а папа расправитъ манжеты; — она ринулась съ гѣлстици, съ быстротою человека, летящаго, стремясь съ вышины; достигнувъ площадки и увидявъ neodбвенныхъ родителей, она принялась плакать и стонать, а вступивъ на цыновку, съ быстротою молнии промчалась черезъ всю переднюю и бросилась на грудь стараго де-Када, который даже пошатнулся отъ сильнаго напора, будто на грудь ему свалилась бомба, а не его собственное дѣтище.

— Возьмите меня отсюда! Ради Бога, возьмите меня! съ рыданiями восклицала несчастная жертва.

Эффектъ этой патетической сцены былъ немного нарушенъ, во первыхъ, тѣмъ, что Рафаэль не успѣлъ еще опомниться отъ пораженiя въ грудь и не могъ отвѣчать, какъ подобало въ надлежащемъ случаѣ, и потому казался нѣсколько жестокосердымъ; во вторыхъ, мистриссъ де-Кадъ вздумала, при этомъ разспрашивать, куда дантистъ дѣвалъ флаконъ со спиртомъ.

Мнѣ кажется, что флаконъ со спиртомъ всегда портитъ впечатлѣнiе.

Страданiя, претерпѣваемые мистриссъ Игль, выражались въ раздирающихъ душу вопляхъ.

— Мама, милая мама! Не оставляйте меня съ этимъ чудовищемъ! Скажите, что вы меня не оставите! На колѣняхъ умоляю васъ!

— Не оставлю, не оставлю, мое сокровище! отвѣчала растерянная родительница, до того взволнованная, что чуть не задушила своего супруга, подсунувъ ему флаконъ съ вонючимъ спиртомъ къ самому рту.

— Я умру! Онъ меня убьетъ! продолжала невинная жертва, пряча голову на широкую грудь родителя.

Наконецъ, Рафаэль, чувствуя, что Анастасiя портитъ его бѣлый жилетъ, замѣтилъ нѣсколько нетерпѣливо женъ:

— Да возьмите-жь ее пожалуйста!

Въ суматохѣ трогательной встрѣчи, прекрасные волосы Анастасiи растрепались и рассыпались по плечамъ; между тѣмъ изъ кухни повысыпали слуги и подсматривали изъ-за угловъ, точно играли въ прятки. Дантистъ почувствовалъ, что его блумсберий-

свая гордость глубоко оскорблена! Для соблюденія приличій огорченное трио, наконецъ, вышло въ столовую.

Послѣднія слова, произнесенныя мистриссъ Игль, прежде, чѣмъ заперли дверь, были:

— Ахъ, папа! ахъ, мама! Я не могу, не смѣю высказать вамъ все, что я вынесла съ тѣхъ поръ, какъ этотъ предатель разлучилъ меня съ вами!

Эти слова принесли ей не очень большую пользу. Нехорошее слово «предатель» пробудило Долли отъ оцѣпененія и вызвало краску на его блѣдыя щеки. Отъ что-то насмѣшливо проворчала, провела рукой по волосамъ и стала твердо стоять на ногахъ.

Помому, слово «негодяй» лучше чѣмъ «предатель», по крайнему мѣру приличнѣе, «мошенникъ» тоже лучше, а «плуть» такъ это даже какъ-то добродушно. Особенно надо было слышать, съ какимъ выраженіемъ въ голосъ она сказала «предатель».

— Теперь я готовъ повидаться съ ея родителями, вскричалъ Долли, быстро шагая по комнатѣ.—Вы правы, Джекъ, намъ необходимо разстаться. Дайте-ка мнѣ сигару, а то я надѣлаю глупостей.

— Вы говорите, какъ Траянъ, воскликнулъ я! (Когда я силь-но взволнованъ, то обыкновенно прибѣгаю къ классикамъ!).

Онъ взялъ сигару, и слегъ полъгазеты, закуривая ее. Это значительно его облегчило и успокоило, тѣмъ болѣе, что онъ не только курилъ, но даже кусалъ ее и ѣлъ кусочки.

И такъ мы сидѣли и слушали съ напряженнымъ вниманіемъ. До насъ доносились сильный голосъ де-Када отца, который, казалось, увѣщевалъ мистриссъ Игль; до насъ долетали ея пронзительныя возраженія. Мамаша пока мало вмѣшивалась. Она, вѣроятно, ограничивала пока свои увѣщанья жестикуляціей, и дѣйствовала какъ ударъ смича по разстроенной скрипкѣ.

Явился слуга съ вопросомъ: можетъ ли мистеръ Игль принять мистера де-Када?

Конечно, можетъ! Очень радъ его видѣть!

— Что это за нелѣпая ссора, Адольфусъ, а? началъ старый Рафаэль. — Годубки поссорились? Полно, милый другъ! Будьте разсудительны, какъ слѣдуетъ мужчинѣ!

Но Адольфусъ не былъ разсудителенъ; онъ презрительно отставилъ нижнюю губу и взглянулъ на дантиста вызывающимъ взглядомъ!

— Конечно, ссора нелѣпая, отвѣчалъ онъ: — но она будетъ послѣдняя.

— Господи владыко! вскрикнулъ Рафаэль: — пара капризныхъ

дѣтей толкуеть о разводѣ! Да какъ вы только развѣдетесь, вы обезумѣете съ тоски другъ по другѣ.

Доли швырнулъ сигару въ уголь и вскочилъ съ мѣста.

— Поведеніе Анастасіи, началъ онъ: — такъ неизвѣнительно, такъ жестоко... я полагалъ, она помѣшалась... я больше не могу выносить... Моя любовь къ этой женщинѣ... я до сихъ поръ обожаю самую память о... Господи! на чтѣ она могла пожаловаться? Я дѣлалъ все, чтѣ... Неблагодарная женщина! она слишкомъ... Впрочемъ, теперь все кончено между нами... все... Мы должны разстаться!

Старый Рафаэль испугался диваго вида Доли и проговорилъ:

— Я не думалъ, что это такъ серьезно!

— Передайте, сдѣлайте одолженіе, моей женѣ, прибавилъ Доли, снова садясь на свое мѣсто, и исполняясь величественнаго спокойствія: — что она можетъ взять съ собою все, чтѣ ей угодно, изъ этого дома.

Старый Рафаэль, вида, что ничего не подѣлаешь, отправился къ дочкѣ. Мы скоро услышали его сильный голосъ сверху, и поняли, что онъ читаетъ наставленіе дорогому дѣтищу. Но Стаси прибѣгла къ слезамъ, мамаша стала за нея заступаться и Мери Вумбсъ принялась провзительно охать и ахать.

Дантистъ сбѣжалъ снова съ лѣстницы, и, просунувъ голову въ дверь нашей комнаты, сказалъ:

— Илья, дружище, пожалуйста, войдите къ намъ на минутку.

Доли, какъ вдохновенный мученикъ, отправился на пытку.

Онъ засталъ мистриссъ Илья въ слезахъ; около нея лежала дорожная шляпка. Коварная Мери Вумбсъ парала и терла свои воровскіе глаза угломъ передника, а мистриссъ де-Кадъ представляла собою олицетвореніе материнской свирѣпости.

Мистриссъ Илья приказала Мери Вумбсъ побѣжать скорѣе привести ей другой носовой платокъ, — этотъ былъ смоченъ слезами.

— Ну, мои дорогіе дѣти! началъ дантистъ торжественнымъ голосомъ: — я еще разъ прошу васъ, протяните другъ другу руки! Илья, обратился онъ къ Доли: — скажите, откровенно, на чтѣ вы жалуетесь? За чтѣ сердиты?

— Я не сердитъ, отвѣтилъ мягко Доли: — я только усталъ, и мнѣ надоѣли и опыстѣли дразги.

— Лицемеръ! обманщикъ! вскрикнула мистриссъ Илья. — Не вѣрьте ему, мамаша! Онъ теперь не смѣетъ меня оскорблять, онъ испугался, трусишка! Я говорю вамъ, моя жизнь въ опасности! Онъ замучилъ меня! Онъ уморилъ меня оскорбленіями!

— Я никогда не оскорблялъ, промолвилъ Долли.

— Вы оскорбляли, мучили, убивали! Скоты!

Долли спокойно закурилъ сигару.

— Если сотая доля того, что говорить моя дочь — справедливо, то я должна признаться, мистеръ Игль, ваше поведеніе недостойно, замѣтила мамаша де-Кадъ.

— Огъ ударилъ меня! крикнула Анастасія.

Долли вскопчилъ.

— Это ложь! крикнулъ онъ.

— Это правда!

— Ложь!

— Правда! Правда! Правда!

Въ эту минуту явилась Мери Вумбсъ, и клятвенно подтвердила, что это «такая же святая истина, сэръ, какъ въ библіи, сэръ!»

— Вы видите, сэръ, сказала Долли: — что надежды на примиреніе быть не можетъ. Я позволю мистриссъ Игль взять съ собою все, что...

— Мамаша! закричала мистриссъ Игль: — какъ онъ смѣетъ это говорить! Я не возьму ничего, кромѣ самаго необходимаго, отъ этого низкаго человѣка!

Мамаша встревожилась и подумала, не сошла ли съума ея Стася. Она сочла за нужное вмѣшаться въ эту борьбу взаимнаго великодушія.

— Мистеръ де-Кадъ, сказалъ Долли: — всѣ золотныя вещи и драгоценности, дочь ваша можетъ тоже взять...

Старшій Рафаэль отвѣчалъ съ безстыдной торопливостью:

— Конечно, конечно! сколько я помню, Стася сказала, что возьметъ все-какія необходимыя вещи, и разумѣется, драгоценности...

— Капиталъ тоже «необходимая вещь»? спросилъ Долли съ нескрываемымъ (нѣсколько трагическимъ) отвращеніемъ.

Мистриссъ Игль почувствовала силу сарказма.

— О, еслибы мнѣ позволено было возвратить вамъ назадъ этотъ капиталъ! вскрикнула она.

Это была, быть можетъ, самая чудовищная ложь, произнесенная въ XIX столѣтіи, но она и не запнулась!

— Все это мнѣ очень тягостно, сказалъ чувствительный дантистъ.

— И мнѣ тоже! отвѣтилъ Долли, направляясь въ дверямъ.

Мистриссъ Игль залилась слезами, восклицая:

— О! избавьте меня отъ дальнѣйшихъ оскорбленій! О! увезите меня изъ этого ненавистнаго дома!

Но дантистъ натопаешь виѣжалъ изъ Лондона, и былъ голоденъ.

— А завтракъ? сказалъ онъ убѣждающимъ тономъ. — Это бы не дурно, а? Что есть, Адольфусъ?

Долли не могъ не улыбнуться при этомъ шутовскомъ заключеніи Твикенгемской трагедіи.

— Право, не знаю, отвѣтилъ онъ. — Есть дыпята, или ветчина, или что-нибудь.

— Отлично! отлично!

Но Анастасія, которая привыкла завтракать поздно, возстала.

— Милая дитя мое, строго сказалъ дантистъ: — я прошу васъ быть благоразумнѣе: я прошу васъ, старайтесь владѣть своими чувствами!

— Наконецъ, все кончено, Джекъ! вскринулъ Долли, входя ко мнѣ и бросающъ въ кресло. — Но я не могу здѣсь оставаться! Я съума сойду! Не поѣхать ли мнѣ куда-нибудь? Покачу въ Парижъ!

ГЛАВА XVII.

Непріятель, тѣснимый со всѣхъ сторонъ, привѣтаетъ къ доводѣтели и выигрываетъ сраженіе.

Въ то время, какъ мистриссъ Иль сидѣла за обѣдъ въ Влумсбери-сверъѣ, я съ Долли прощался у пристани.

Мой маленькій пріятель былъ очень тихъ, очень грустенъ, и осмыслъ меня благодарностями за оказаніе ему услуги; моя прекрасная непріятельница была злобно раздражена, и такъ терзала свою маленькую сестру, что къ концу вечера никто такъ горько не жалѣлъ о разводѣ, какъ эта злополучное дитя.

Анастасію волновала мысль, что теперь дѣлаетъ мистеръ Иль, и какъ онъ дерзаетъ дѣлать что-нибудь безъ нея, какъ смѣетъ не умереть, утративъ свое сокровище? Мистеръ Иль съ своей стороны былъ до того поглощенъ мыслями объ Анастасіи, что не чувствовалъ мученій морской болѣзни и очутился въ Парижѣ именно въ тотъ самый моментъ, когда пришелъ къ мудрому заключенію, что ему необходимо возвратиться домой и дать случай исправиться прелестнѣйшему творенію Господа.

Долли взялъ съ меня торжественное обѣщаніе часто писать, передавая ему самыя дѣтныя подробности о прекрасной цѣди. Онъ тоже не преминетъ отвѣчать, и я всегда буду знать, куда адресовать ему телеграмму, въ случаѣ, если красавица выжметъ какой-нибудь признакъ раскаянія.

Твиндигемская вила была заперта, и поручена надзору полицмена. На третій день туда явилась Мери Вумбсъ съ домовыми изводниками, требуя мѣбели мистриссъ Ииль. Но полицмену дано было наставленіе предусмотрительными людьми, ничего не отпущать, и Мери Вумбсъ уѣхада, оскорбивъ достойнаго блюстителя, порадка напоминаемъ, что онъ не стоитъ жадованья, которое она, Мери, и нація, ему платять.

Письма Доли не отличались большой оригинальностью мыслей или замѣчательной изобразительностью. Онъ увѣрилъ меня, что грустить и скучаетъ, и удивлялся, зачѣмъ живеть на свѣтѣ, и къ этому, онъ временами прибавлялъ, для собственнаго утѣшенія, или желая забавить меня, что «Парижъ прекрасный городъ», или «французы рѣдко брѣются», или «французскія вина недурны», но даже національное предубѣжденіе не увлекало его за предѣлы этихъ общезвѣстныхъ истинъ. Онъ спрашивалъ, конечно, что я слышала о ней, гдѣ встрѣтила ее, что она. Казалось, онъ начинаетъ мало-по-малу оправдаться отъ удара; онъ сообщилъ мнѣ, что Марсельскій театръ прекрасное зданіе, изъ него я заключилъ, что онъ присутствовалъ на представленіи, хотя и стыдился прямо признаться въ своемъ легкомысліи. Затѣмъ онъ увѣдомилъ меня, что «Швейцарія выща всакаго воображенія», что было очень мило съ его стороны, потому что избавило меня отъ труда напрягать умъ, представляя ея невообразимыя красоты. Наконецъ онъ сообщилъ мнѣ свои мнѣнія насчетъ пѣмедкаго нарѣчія: «Посудите о моемъ удивленіи — писалъ онъ — когда я открылъ въ немъ столько словъ, похожихъ на англійскія!» Можно было заключать, что серьезныя занятія и изученія мало-по-малу оказывали свое благотѣльное дѣйствіе на истерзанное сердце странника, и онъ начиналъ успокоиваться.

Я, съ своей стороны, свято исполнялъ данное ему обѣщаніе, и аккуратно, безъ замедленій, сообщалъ ему извѣстія о его лѣди. Черезъ два дня послѣ его отплытія къ берегамъ веселой Франціи, я видѣлъ ее въ театрѣ и донесъ ему, что она кушала въ антрактахъ мороженое и была въ аломъ эффектноиъ шарфѣ. Не интересныя извѣстія для насъ съ вами, читатель, но для него они были ужасны и заставили его выказывать такую дикую ревность, каковой не выказывалъ самъ Менелай, злополучный супругъ прекрасной Елены. Я тоже увѣдомилъ его о возвращеніи гера Куттера и его пріятеля, гера Прюша, и какъ они съ мистриссъ Ииль прогуливались вмѣстѣ въ Кенсингтонскомъ саду.

Я полагаю, что сообщенныя мною извѣстія произвели реакцію, потому что онъ сообщалъ мнѣ съ слѣдующей почтой, что

выпить немовѣрное количество шампанскаго и проиграть 90 франковъ въ карты.

Между тѣмъ въ Блумсбери-скверѣ открылись междоусобія съ перваго дня вступленія Анастаси въ этотъ благословенный домъ.

Первая стычка произошла по поводу платы 200 фунтовъ въ годъ. Дорогая жилица нашла, что эта цѣна непомерно высока, что уменьшивъ ее вполовину, хозяева получать огромный барышъ, и предложила три гинен въ недѣлю.

Мистриссъ де-Кадъ удивилась безумству дочери и просила ее сообразить, что ея родители не содержатели гостиницъ и что только изъ любви къ своему ребенку согласились дать ей пріютъ. Мистриссъ де-Кадъ надѣялась, что подобныя возмутительныя разсужденія больше не повторятся.

Мистриссъ Икль, съ своею обычною находчивостью и осмотрительностію, упомянула о цѣнахъ въ гостиницахъ и сравнила ихъ съ тарифомъ Блумсбери-сквера.

Мистриссъ де-Кадъ отвѣчала, что подобныя оскорбленія вынуждаютъ ее удалиться изъ комнаты. Такого безсердечнаго, эгоистическаго сравненія она никогда отроду не слыхивала. Она предоставляет мистеру де-Кадъ объясняться съ Анастасіей.

Анастасія рѣшила, что пробудетъ на разорительной квартирѣ, пока отыщетъ себѣ подходящее помѣщеніе, а мистеръ и мистриссъ де-Кадъ поздравили себя съ выгодною жилицею.

Между родителями и дочерью была видимая холодность; маленькія вылазки повторялись безпрестанно.

Мистриссъ Икль приказывала принести «ея шерри» во время обѣда, ставила его около себя и никому не предлагала. Въ свою очередь, родители, угощая случившагося гостя шампанскимъ, обносили Анастасію, говоря: «она пьетъ только шерри».

Если мистриссъ Икль звонила и звала слугу, мистриссъ де-Кадъ замѣчала, что слуги заняты и не могутъ ежеминутно упражняться въ побѣгушкахъ.

— Я думала, что за 200 фунтовъ я нанимаю и прислугу! замѣчала почтительная дочь.

Мамаша кидалась вонъ изъ комнаты, восклицая, что она отъ всей души жалѣетъ бѣднаго мистера Икля и не удивляется его бѣгству.

— Что это за привычка, завтракать въ постель, Стася! говорила мамаша.—Эго нездорово, поворно, безбожно!

— Когда я уговаривалась платить 200 фунтовъ въ годъ, то я упомянула, что могу завтракать, какъ мнѣ угодно! былъ спойный отвѣтъ дочери.

— Я никогда не нажариваю у себя камина, и я здорова и

свѣжа, благодаря Бога. Если мать ваша обходится безъ этихъ прихотей, неужто вы, молодая, жирная женщина, не можете безъ нихъ обойтись?

Неповорная, молодая, жирная женщина отвѣчала:

— Папаша не позволяетъ мамашѣ тратить угольевъ, я полагаю. Но я сама себѣ госпожа и не хочу ни въ чемъ терпѣть лишеній.

Отецъ мало мѣшался въ эти перепалки. Онъ только изрѣдка говорилъ:

— Если это еще повторится, моя милая, то я сочту себя оскорбленнымъ.

Анастасія нѣсколько побаивалась отца и удалялась въ траншеи.

Ея недавній союзникъ, Вобъ, попросилъ у нея взаимн соверентъ, получилъ отказъ и воспыпалъ негодованіемъ и мщеніемъ, но прежде чѣмъ вступить съ ней въ битву, онъ попробовалъ занять хоть 10 шиллинговъ, наконецъ, хотя 5 шиллинговъ; ему снова было отказано. Тогда, не скрывая своихъ чувствованій, онъ перешелъ на сторону родительницы.

Даже маленькая сестра не оставила красавицу въ покоѣ: когда мистриссъ де-Кадъ дала ей подватыльничъ, дитя отвѣчала сестрѣ затрещиной и оборвала кружева, которыми было убрано ея платье.

— Зачѣмъ это вы позволяете Анастасіи ѣздить въ театр? говорила мамаша де-Кадъ супругу.— Почему мы знаемъ, кто биваетъ у нея въ ложѣ? Ее могутъ оскорбить! Молодая женщина одна рыщеть по театрамъ!

Наконецъ, Вобу вручено было 10 шиллинговъ съ порученіемъ взять мѣсто и выслѣдить Анастасію въ театрѣ.

Вобъ возвратился и разсказалъ пріятную исторію о двухъ нѣмцахъ, которые «сидѣли непривлчно близко около Анастасіи, болтали съ нею возмутительно, а Стаси хохотала и кокетничала невозвратно».

Его слушали съ ужасомъ. Выраженіе мамашинихъ глазъ было исполнено божественнаго страданія.

— Я не сказала бы этого бѣдному Иглю! О, нѣтъ! Ни за 20 фунтовъ, произнесла она.

Де-Кадъ (который сказалъ бы и за 10 фунтовъ) отвѣчалъ:

— Я поговорю съ Анастасіей.

Едва Рафаэль спросилъ, кто были джентльмены, посѣтившіе ея ложу, Анастасія вскинула негодованіемъ. Она поднялась съ мѣста, какъ трагическая королева, и задала вопросъ, какъ онъ смѣетъ обвинять дочь въ такихъ ужасныхъ вѣщахъ?

— Это друзья вашего мужа? спросилъ Рафаэль.

— Мои друзья не могутъ быть друзьями мистера Илья! крикнула лѣди, сверкая глазами, какъ отточенными ножами.

— Одобрить вашъ мужъ это знакомство? Пріятна ему будетъ ваша близость съ этими джентльменами?

— Близость! Какая близость? закричала оскорбленная дочь.— Меня обвиняютъ въ близости съ этими чужестранцами? Близость!! А что мнѣ за дѣло до удовольствія мистера Илья? Я за него гроша не дамъ, за его удовольствіе или неудовольствіе!!

Рафаэль отступилъ.

За обѣдомъ Бобъ говорилъ о нѣмецкихъ флейтахъ, о нѣмецкихъ колбасахъ, о нѣмецкихъ зонтикахъ и спрашивалъ сестру, какого она мнѣнія о нихъ, и о нѣмецкой націи вообще.

Анастасія рѣшилась бросить этотъ домъ, но желала на прощанье хорошенько прихлопнуть.

Утромъ она прислала просить мамашу къ себѣ, и когда мамаша, предвзвѣвая новую стичку, явилась, мистриссъ Илья объявила, что она не можетъ болѣе оставаться, что въ этомъ домѣ ее съѣдятъ клопы. Они кишали въ кровати и вездѣ.

Эта смертная обида — величайшая, какую можно сдѣлать порядочной хозяйкѣ дома, поравила мистриссъ де-Кадъ въ самое сердце. Вся кровь ея закипѣла и чепчикъ заходилъ на головѣ, какъ одушевленный предметъ.

— Вы итъ сюда завезли! наконецъ воскликнула мистриссъ де-Кадъ, задыхаясь.

— Я? спросила мистриссъ Илья, и только улыбнулась.

— Какъ вы сѣдете, низкая тварь!... Оставьте мой домъ!...

Анастасія оставила его и перешла въ отель, гдѣ, какъ ей странно это покажется, недѣльный счетъ былъ несравненно умѣрнѣе.

Когда дактистъ, возбѣшенный потерей жилицы, бросился къ ней и сталъ ее приглашать возвратиться, милая Стася показала ему этотъ счетъ.

Онъ согласился уменьшить дѣну.

— Благодарю васъ, папаша, отвѣчала Стася. — Я уже здѣсь устроилась. *Здѣсь все очень ко мнѣ внимательны и учтивы.*

Рафаэль отправился къ адвокату. Подобно безумцу, онъ не заключилъ никакого контракта съ ней, и адвокатъ сказывалъ, что надо уступить.

Многочисленные наблюденія убѣдили меня, что на прекрасную, правдо-живущую въ свое удовольствіе, лѣди свѣтъ смотреть странными глазами. Какъ ни будь чисты ваши помислы,

дорогая читательница, какъ ни возвышены ваши чувства и ни строги убѣжденія, но если вы проводите время единственно въ томъ, что вѣнчаетесь на софѣ, кушаете сладкіе пирожки, очаровываете гостей и прогуливаетесь въ видныхъ сапожкахъ, а не люди вамъ этого не пропустить даромъ.

Какъ ни совершенны вѣмецкіе джентльмены, но Анастасія начала замѣчать такую странность въ нѣкъ обращеніи съ ней, что сочла за лучшее съ ними раззнакомиться.

Ей стало невозможно случайно и она очутилась на водѣ. Она наняла вѣнцальное лодочное, прогуливалась у источника, приняла участіе въ подвигѣ на мѣстный мѣстѣ, одѣла себѣ роскошнѣйшее платье и скоро обратила вниманіе всѣхъ военныхъ джентльменовъ, вдовольнившись шумное мѣстечко подь предлогомъ непрявленія здоровья. Эти добрые люди окружили прекрасную Анастасію вниманіемъ и заботами, сопровождали ее на гулянья, устраивали для нея пижники, приносили букеты и конфеты и проч. и проч.

Генеральша Бостманъ устроила балъ. Анастасіи непременно хотѣлось присутствовать на этомъ балѣ и затмить все и всѣхъ своими прелестями. Она наметнула объ этомъ своимъ новымъ знакомымъ, наконецъ, прямо попросила, — они отвѣчали уклончиво и съ видимымъ замѣшательствомъ.

На слѣдующее утро она гуляла по аллеѣ, ведущей къ источнику, какъ вдругъ услыхала знакомые голоса.

— Благодарю покорно! говорилъ капитанъ Бисвиль. — Очень обязанъ за такую честь! Нѣтъ, ужъ вы нянчитесь съ ней сами! Воображаю, какую мину скорчитъ генеральша, увидя меня съ ней подь руку! Нѣтъ, слуга покорный! Черноглазая Илья хороша, но для нея я все-таки не намѣренъ ссориться съ обществомъ.

— Со сколькими мужьями она въ разводѣ-то, а? спросилъ майоръ.

— Я плохъ въ статистикѣ, отвѣчалъ со смѣхомъ капитанъ.

Анастасія бѣгомъ возвратилась домой; она чувствовала, что будь ея сила, она бы иворвала этихъ людей въ клочки, какъ папильотки.

Ее такъ поразило это, что она почти заболѣла отъ бѣшенства. Она не могла ни ѣсть, ни пить, ни спать; красота ея начала блекнуть.

Наконецъ діэта укротила ее, какъ неровистую лошадь укрощаетъ лишеніе овса.

Она чувствовала себя одинокою и отверженною. Неужто Долли, это ничтожество, надо призвать?

Прійдя къ такому убѣжденію, она увѣдомила меня по почтѣ о своемъ искреннемъ раскаяніи.

«Дорогой сэръ! гдѣ мой супругъ? Передайте ему, что я отдала бы всю жизнь, чтобъ слышать изъ его устъ слово прощенія».

Въ ту же минуту это было донесено Долли по телеграфу, а съ первымъ поѣздомъ мой маленькій пріятель полетѣлъ на родину, куда благополучно и прибылъ.

Онъ былъ похожъ на завоевателя — нѣтъ, онъ былъ похожъ на миссіонера, когда склонился надъ рыдающей Анастасіей, которая цаловала его руку, моля о прощеніи.

Много мыслей шевелится у меня по поводу этого примиренія супруговъ и по поводу супружества вообще, но какъ человѣкъ крайне занятой, я долженъ предоставить самимъ читателямъ вывести мораль изъ моей правдивой исторіи.

Джекъ Тоддъ, лекарь. Прививанье оспы бесплатно.

(Съ амлійскаго) **МАРГО-ВОВЧОВЪ.**

МѢДНАЯ ЛИРА.

(Изъ Барбъя).

Есть края благословенные,
Гдѣ надъ пышною землею,
Пѣсни льются вдохновенныи
Сладковзвучною волною.
Только сумрачной Британіи,
Знать тѣхъ пѣсенъ не дано;
Слышать ей одно бряцаніе
Мѣдной лиры суждено.
Мать гармоніи плѣнительной,
Сберегла на долю ей —
Вмѣсто пѣсни упонительной —
Ревоть фабрикъ оглушительной,
Свистъ машинъ и звонъ цѣпей.

Дѣти мирныя, дѣти счастливыя
Отдаленныхъ полуденныхъ странъ,
Вы послушайте звуки тоскливыя,
Что доносить до васъ ураганъ,
Изъ-за синихъ морей пролетающій
И на быстрыхъ могучихъ крылахъ
Много стоновъ людскихъ подбирающій
Въ многолюдныхъ большихъ городахъ,
Гдѣ не дремлетъ работа фабричная,
Гдѣ промышленность гордо цвѣтеть
И откуда нужда горемычная
Къ небу горькія жалобы шлетъ,
И скажите, прослушавъ стenanія
Милліоновъ несчастныхъ людей,

Въ мірѣ музыка есть ли мрачнѣй,
 Тѣхъ мучительныхъ гимновъ страданія,
 Что на фабрикахъ бѣдный народъ
 День и ночь поневолѣ поеть?

Тамъ инструменты всѣ, что поражаютъ слухъ,
 И чей порывистый, глухой, цестройный звукъ
 Подобенъ волнѣ морскихъ сердитому наплыву,
 Изъ мѣди кованы, литы изъ чугуна —
 То множество машинъ, и сила ихъ равна
 Ста рыаныхъ лошадей внезапному порыву.
 Здѣсь, словно дикій волъ, порабощенный паръ
 Въ объемистомъ котлѣ мычить, реветъ и злится,
 Два поршня двигая, и каждый ихъ ударъ
 Вертитъ сто прядокъ вдругъ; далѣе кружится
 Несметное число катушекъ съ быстротой
 Неуловимой для взгляда. Всюду вой
 И стукъ, и гамъ, и визгъ! неясное смѣшеніе
 Желѣзныхъ скобъ, винтовъ, громадныхъ рычаговъ,
 Да непрерывное, скрипучее движеніе
 Цѣпей, колесъ, стянковъ и быстрыхъ челноковъ.
 И адскій тотъ концертъ гремитъ не умолкая,
 А подъ его напѣвъ работаетъ, снуетъ
 Несметная толпа, голодная, худая
 И съ сержетомъ зубовъ судьбу свою глядеть.

Равѣтникъ.

Хозяинъ! правда, блѣденъ я,
 Рука могучая слабѣетъ,
 Спина сгибается моя
 И голова уже сѣдѣетъ;
 Болитъ надорванная грудь
 И силамъ, сложеннымъ годами,
 Нуждой, заботами, трудами,
 Давно пора бы отдохнуть,
 Но для того, чтобъ кружку вѣдъ
 Цѣной труда я могъ имѣть
 Да мясо видѣть всю недѣлю,
 И тѣло грѣшное согрѣть,
 Работать не устануть руки;

И тѣмъ трудъ, и злая мука
 Какъ вѣль, рѣшился я терѣть;
 На сколько позволютъ силы
 Трудиться стану до метели.
 Когда жь совѣтъ извѣстному
 И все же у тебѣ въ долгу
 Останусь я — на этоть свѣтъ
 Есть у мени жена и дѣти,
 Которыхъ я кормлю, ноу...
 Бери! тебѣ ихъ предаю.

Д ѣ т и .

Матушка, матушка, сколько страданіи
 Терпимъ мы въ этихъ угрюмыхъ стѣнахъ!
 Воздухъ гнилой намъ стѣсняетъ дыханіе,
 Чахнемъ и вянёмъ мы здѣсь, какъ въ дѣвкахъ,
 И умирая, съ тоской нескончною
 Всѣ мы невольно стремимся душою
 Въ даль, на просторъ, гдѣ стезей хлѣбородною
 Пахарь, согнувшись, идетъ за сохой.
 О, горемъки, зачѣмъ не родилися
 Мы посреди плодородныхъ долинъ;
 Дѣтскія груди тогда бь не разбѣлися
 О безопасную силу машинъ!
 Тамъ, на свободѣ, здоровые, сильные
 Мирно въ лугахъ мы стада бы пасли,
 Иль собирать урожай обильные
 Стали съ коровлицы нашей земли;
 Тамъ лучи солнышка ярко свѣтащѣ
 Стали бь насъ въ долгіе дни согрѣвать,
 Ночью-жъ вершины деревьевъ шумящѣ
 На душу ясныя сны навѣвать.

Женщина.

О, плачьте, дѣти! васъ съ рожденья
 Нужда въ объятія приняла
 И здѣсь на вѣчныя мученья,
 На пытку рабства обрекла.

Да, плачьте! горькими слезами
 Сама я иду вѣстѣ съ вами,
 И пусть бѣгутъ оны ручьи!...
 Животныя, что выживаютъ:
 Подъ человѣческимъ ярмомъ,
 И тѣ не такъ какъ вы страдаютъ!
 Жизнь не напрасно мы живемъ:
 Условное приходитъ время,
 Борова стельная — и ты
 Свое спокойно носишь бремя
 И не работаешь, сита.
 А я обижана трудиться
 До утомленья и тогда,
 Когда подъ сердцемъ шевелится
 Дитя... (пролитая нужда!...)
 Хотя бы ноги не держали
 Мени и... страшно говорить,
 Машинъ размахи угрожали,
 Во мнѣ младенца раздавить!

ФАБРИКАНТЪ.

Я праздность и лѣнь презираю!
 Грѣхи эти губить народъ...
 Такъ горе тому негодяю,
 Кто въ нихъ, хоть минутно, впадетъ,
 Кто, дурно исполнивъ работу,
 Лишь стонетъ да жребій вланетъ,
 А все жъ за расчетомъ идетъ —
 Постой! оны узнаетъ въ субботу,
 Что вредъ наноситъ моему
 Набитому туго карману
 Я въ мирѣ не дамъ никому...
 Задаромъ платить я не стану —
 Такъ быть же безъ хлѣба ему.
 Скорѣй же, скорѣе за дѣло!
 Хочу я, чтобъ ночью, какъ днемъ,
 Здѣсь шумно работа кипѣла
 Безъ усталей, бьющихъ ключемъ,
 И фабрика такъ процвѣтала,

Что силой успѣховъ своихъ
 Она бы скорѣй разворяла
 До тла конкурентовъ другихъ,
 Чтобъ молній быстрѣй разлетались
 Товары изъ складовъ моихъ
 И въ руки ко мнѣ возвращались
 Потоками волнъ золотыхъ.

И снова фабрика приходитъ вся въ движеніе,
 Сильнѣе прежняго царятъ повсюду тамъ:
 Неутомимое, безумное круженіе,
 Шумъ оглушающій, немолчный свистъ и гамъ,
 Хаосъ чудовищный, хоръ дикой звуковъ грозныхъ!
 Все утопаетъ въ немъ: нагѣвы жалобъ слезныхъ
 Нуждою скованныхъ, измученныхъ людей,
 Ихъ стонъ болѣзненный, ихъ ропотъ заунывный,
 Какъ вопль отчаянья, что глухо, безотзывно
 Теряется среди бушующихъ морей.

О, ни яростныхъ волнъ завываніе,
 Что дробится о твердый утесъ,
 Ни раскаты полуденныхъ грозъ,
 Ни высокихъ деревьевъ стenanіе,
 Когда бури свирѣпый напоръ
 Распатаетъ весь сумрачный боръ
 Или съ воемъ мятель разгуляется —
 Нѣтъ, ничто никогда не сравняется
 По торжественной силѣ своей
 Съ тѣмъ концертомъ, сердца надрывающимъ,
 Дикимъ ревомъ своимъ потрясающимъ
 Человѣка до мозга костей,
 При которомъ оркестръ замѣняется
 Гуломъ машинъ, — и музыкой той
 Не веселая пѣсть заглушается,
 А работниковъ ропотъ глухой!

Беззаботныя, безпечныя
 Дѣти чудной стороны,
 Гдѣ витаетъ безконечное
 Царство юное весны,

Гдѣ надъ синими заливами
 Пальмы стройныя шумятъ
 И надъ зрѣющими нивами
 Золотыми переливами
 Пѣсни дивныя звучать, —
 Сладкой нѣгой упоенныя
 И въ дремоту погруженныя,
 Не мѣняйте свой покой,
 Упованія безопасныя,
 На удѣлъ страны другой,
 Гдѣ лишь стоны беззвѣчныя
 Дв гудятъ фабричныя вой!
 И не вѣрять въ обѣщанія,
 Что промышленность дастъ —
 Облегчить людей страданія
 И труда тяжелый гнетъ;
 Нѣтъ, не вѣрять! Безпощадная
 Всѣ сокровища громадна
 Словно скрига бережетъ
 Для однихъ любимцевъ счастья,
 Въ нищетѣ въ ней нѣтъ участія...
 Лишь невѣжество и мракъ,
 Жизни огни суровые
 Да бѣдни одни терновыя
 Дастъ тебѣ она, бѣднякъ!

Ю. Д.

ВЪ ЗАХОЛУСТЫИ И ВЪ СТОЛИЦѢ.

IV.

Бѣдствія голода, о которыхъ нѣкоторое понятіе даетъ предъидущая глава, повторились въ нынѣшнемъ году, въ болѣе или меньшей степени, на огромномъ пространствѣ нѣсколькихъ губерній. Сильный недостатокъ въ продовольствіи, переходившій мѣстами въ настоящій голодъ, чувствовался даже въ такихъ хлѣбородныхъ губерніяхъ, какъ Орловская, Тульская и Рязанская. Крестьяне и тамъ должны были примѣшивать въ хлѣбъ лебеду и другія постороннія вещества, болѣли отъ дурной и недостаточной пищи и обнаруживали сильное стремленіе къ переселеніямъ. Въ Тульской губерніи розданъ былъ крестьянамъ весь продовольственный капиталъ (200,000 р.) и весь запасъ хлѣба изъ сельскихъ магазиновъ; въ Орловской изъ продовольственного капитала было выдано 144,000 р. и роздана большая часть хлѣбныхъ запасовъ; въ Рязанской отпущено 112,000 р. изъ продовольственного капитала и 270,000 четвертей магазиннаго хлѣба. Въ прошедшемъ 1867 г. отъ недостатка въ продовольствіи страдала плодороднѣйшая Пензенская губернія. Такия обстоятельства немально наводятъ на вопросъ: чѣмъ же слѣдуетъ объяснить это, повидимому странное явленіе, что у насъ такъ часто страдаютъ отъ недостатка продовольствія и даже гибнутъ отъ настоящаго голода крестьяне, т.-е. люди, надѣленные землею и непосредственные производители хлѣба? На Западѣ голодаютъ обыкновенно массы городскихъ рабочихъ, бездомныхъ и безземельныхъ пролетаріевъ, какъ скоро цѣна хлѣба превращаетъ ихъ заработную плату или когда происходитъ застой въ работѣ. Но какимъ образомъ, при каждомъ урожаѣ, нѣсколько меньшемъ средняго, начинаютъ ѣсть мякину и лебеду земледѣльцы, пользующіеся постояннымъ земельнымъ надѣломъ, и притомъ земледѣльцы, трудами которыхъ кормится отчасти и Западная Европа? Россію нельзя же сравнить съ Финляндіею,

гдѣ голый гранитный черепъ только мѣстами прикрытъ тощимъ слоемъ почвы, остаткомъ сожженного лѣса, и гдѣ морозы, среди самаго лѣта, беспрестанно побиваютъ нивы. Въ такихъ мѣстностяхъ, какъ Орловская губернія и южныя части Тульской и Рязанской, слой чернозема имѣетъ болѣе полуаршина глубины, а рожь родится тамъ самъ-десять и самъ-двѣнадцать. Природа нигдѣ не обезпечиваетъ земледѣльца такъ, чтобы ему вовсе не было надобности дѣлать запасовъ и сбереженій; въ саники благословенныхъ странахъ биваютъ засухи, градобитія, наводненія, уничтожающія трудъ и надежду дѣлаго года. Природа постоянно напоминаетъ земледѣльцу: будь предусмотрителенъ, запасайся на черный день. Почему же одни русскіе мужики не дѣлаютъ запасовъ и сбереженій? Такимъ образомъ вопросъ о голодѣ, о случайномъ и мѣстномъ явленіи, сводится на другой, общій вопросъ — о причинахъ почти повсемѣстной бѣдности нашихъ крестьянъ, не дозволяющей имъ дѣлать хлѣбныхъ запасовъ или денежныхъ сбереженій на случай неурожаевъ. Хотя рѣшеніемъ предложеннаго вопроса нельзя помочь голодающимъ крестьянамъ въ настоящую минуту, тѣмъ не менѣе вопросъ этотъ имѣетъ первостепенную важность для всей будущности Россіи. Если большинство населенія въ государствѣ находится въ такомъ нищенскомъ положеніи, что, при каждомъ мѣстномъ неурожаѣ, дѣлныя губерніи должны страдать отъ голода или пропитываться на счетъ казны и частныхъ пожертвованій, то едва-ли въ такомъ государствѣ возможны дѣйствительные успѣхи высшей цивилизаціи. Когда у человѣка неудовлетворена первѣйшая потребность его животной природы, потребность ѣды, тогда напрасно стали бы ему проповѣдывать о потребностяхъ духовныхъ и гражданскихъ.

Я уже замѣтилъ въ предъидущей статьѣ, что люди, разсуждающіе у насъ о причинахъ голода (вромѣ, разумѣется, причинъ естественныхъ) и вообще о причинахъ бѣдности нашихъ крестьянъ, смотрятъ на этотъ предметъ каждый съ своей точки зрѣнія; каждый видитъ какую-либо одну сторону предмета и въ ней ищетъ объясненія всего явленія. При этомъ причинамъ второстепеннымъ приписывается значеніе коренныхъ, а эти послѣднія нерѣдко вовсе упускаются изъ вида. Помѣщики, управляющіе, арендаторы, сельскіе торговцы изъ средняго сословія, однимъ словомъ, люди непосредственнаго опыта и привыкшіе доселѣ жить на счетъ крестьянскаго труда, почти все въ одинъ голосъ говорятъ, что причина бѣднаго и необеспеченнаго положенія крестьянъ заключается въ ихъ собственной лѣни и распушенности. Нивы свои они обрабатываютъ небреж-

но; сѣютъ поздно; о засѣнкѣ магазинноѣ никто не думаетъ; помѣщики съ великимъ трудомъ могутъ найти себѣ работниковъ, и то изъ числа крестьянъ негодныхъ въ хозяйствѣ, сами же хозяева огромное количество остающагося у нихъ свободнаго времени проводить въ лежаніи на боку или пьянствѣ. Прежде крестьяне обрабатывали и помѣщичьи поля, и свои собственныя; сверхъ того бабы ткали холсты и на помѣщиковъ, и на себя: теперь часть помѣщичьихъ полей вовсе заброшена, а осталая воздѣлывается батраками; собственныя поля крестьянъ обрабатываются хуже прежняго (такъ говорятъ помѣщики); холстовъ бабы не только не ткутъ на помѣщиковъ, но и для себя стали ткать меньше прежняго (опять-таки по отзывамъ помѣщиковъ). Спрашивается: куда же дѣвался трудъ, куда дѣвались прежнія руки? Все это поглощено праздноствіемъ, бражничествомъ, пьянствомъ, съ тѣхъ поръ, какъ не стало надъ крестьяниномъ никакой власти. Съ того же времени пошли раздѣлы семей, измельчившіе рабочую силу крестьянъ и въ конецъ разорившіе крестьянскій дворъ, крестьянское хозяйство. Прежде, въ случаѣ неурожаа, помѣщикъ прощитывалъ крестьянъ собственнымъ хлѣбомъ, а теперь они должны занимать его у ростовщиковъ и входить въ неоплатные долги. Вотъ то объясненіе голода и вообще бѣднаго положенія крестьянъ, которое нанчаще можно услышать въ деревняхъ отъ людей, не принадлежащихъ къ крестьянскому сословію. Въ этомъ объясненіи слышится одна фальшивая нота, къ которой объяснители стараются привести всѣ свои разсужденія: именно, они желали бы увѣрить другихъ, а многіе изъ нихъ и сами чистосердечно увѣрены въ томъ, что нынѣшняя бѣдность крестьянъ, лишаящая ихъ способовъ обезпечить свое пропитаніе на случай неурожаевъ, происходитъ отъ упраздненія надъ ними помѣщичьей власти. Каково бы ни было внутреннее достоинство этого мнѣнія, но на немъ нельзя не остановиться уже потому, что оно повторяется огромнымъ большинствомъ помѣщиковъ, доходить до официальныхъ круговъ и весьма многіхъ приводитъ въ недоумѣніе, колебаніе и вообще къ дѣлому ряду фальшивыхъ заключеній.

Людямъ, дѣлающимъ сказанный доводъ въ пользу вѣрности права, можно прежде всего замѣтить, что они обнаруживаютъ слишкомъ короткую память. Они забываютъ, что голоданіе крестьянъ есть у насъ явленіе не новое, а періодически повторяющееся съ незапамятныхъ временъ; что, напримѣръ, въ 1845 — 1846 годахъ двѣ губерніи, Новгородская и Псковская, были пораженны голодомъ, гораздо сильнѣйшимъ нынѣшняго, и не досчитались многіхъ тысячъ душъ, умершихъ голодною смертію; что

у насъ есть дѣля губерніи, именне: Витебская, Могилевская, Минская и Гродненская, гдѣ голоданіе крестьянъ было явленіемъ постояннымъ, никогда непрекращавшимся (о чемъ свидѣтельствовали официальные донесенія главныхъ начальниковъ этихъ краевъ). Если были помѣщики, кормившіе крестьянъ во время невуровавъ собственнымъ хлѣбомъ, то гораздо болѣе было такихъ, которые распускали ихъ по міру, и не мало было даже такихъ, которые, взявъ ссуду изъ продовольственнаго капитала для прокормленія крестьянъ, употребляли ее на свои надобности, а потомъ заставляли крестьянъ ее выплачивать. Главный городъ описываемой мною губерніи былъ, въ 30-хъ и въ началѣ 40-хъ годовъ, постоянно наполненъ зимою нищими, значительная часть которыхъ принадлежала богатѣйшему мѣстному помѣщику, владѣвшему семью тысячами крестьянъ-нищихъ. Въ одномъ изъ двухъ посѣщеннхъ мною уѣздовъ этой губерніи доселѣ здравствуетъ престарѣлый помѣщикъ, съ какою-то италянскою фамиліею, который каждую зиму распускалъ всѣхъ своихъ крестьянъ-батраковъ по міру, съ строгимъ наказомъ принести весною по столбу-то фунтовъ сухарей на каждаго, и этими сухарями кормилъ ихъ въ лѣтнюю рабочую пору. При освобожденіи крестьянъ, во всѣхъ губерніяхъ бѣдная часть сельскихъ запасныхъ магазиновъ оказалась безъ хлѣба, потому что или онъ вовсе не былъ засыпанъ, или же помѣщики распродали его въ свою пользу, прядъ самымъ освобожденіемъ.

Далѣе, большинство помѣщиковъ утверждаетъ, будто бы всѣ вообще крестьяне пришли, со времени ихъ освобожденія, въ худшее хозяйственное положеніе; слѣдовательно, заключаютъ помѣщики, разстройство крестьянскаго хозяйства есть прямое послѣдствіе освобожденія. Въ послыгѣ этого умозаключенія содержится чрезвычайное преувеличеніе, а въ выводѣ — очевидная логическая несообразность. Нельзя отвергать того факта, что многіе крестьяне, и даже дѣля сельскія общества дѣйствительно оказываются теперь еще въ худшемъ хозяйственномъ положеніи, чѣмъ были они при крѣпостномъ правѣ: у такихъ крестьянъ убавилось скота, уменьшилось хлѣба, выросли болѣе или менѣе значительныя недоимки. Но, вопервыхъ, можно положительно утверждать, что это ухудшеніе крестьянскаго быта не только не всеобщее, но произошло въ незначительномъ меньшинствѣ случаевъ. На ряду съ обѣдѣнными деревнями и отдѣльными крестьянами, можно указать несравненно большее число такихъ деревень и крестьянъ, которые поправились самымъ замѣтнымъ образомъ со времени уничтоженія крѣпостнаго права. Дѣлая такое заключеніе, я полагаюсь не на одинъ собственный мой наблю-

и донца, слишкомъ кратковременна и обнимающа весьма незначительное пространство, а полагаюсь, вопервыхъ, на отзывъ всѣхъ безпристрастныхъ и здравомыслящихъ помѣщиковъ, которыхъ случалось мнѣ встрѣчать въ провинціи и въ Петербургѣ, вовторыхъ, на свидѣнія, собранныя мною отъ купцовъ, торгующихъ крестьянскими товарами, наконецъ на показанія самихъ крестьянъ. Мѣстныя условія Россіи столь разнообразны и самое освобожденіе крестьянъ совершилось при столь различныхъ хозяйственныхъ данностяхъ, что очевидно невозможно и ожидать, чтобы послѣдствія реформы 1861 года вездѣ были одинаковы. Крестьяне губерній: Саратовской, Оренбургской и Самарской, получившіе въ надѣль $4\frac{1}{2}$, 5 и 6 десятинъ на душу плодороднѣйшей черноземной земли, а въ степныхъ уѣздахъ до 8 и 10 десятинъ, при девятирублевомъ оброкѣ, и берущіе сверхъ того огромную плату за обработку помѣщичьихъ полей (въ нынѣшнемъ году въ Саратовской губерніи платили до 20 р. за уборку десятины пшеницы), очевидно находятся совершенно въ иныхъ условіяхъ, чѣмъ, напримѣръ, крестьяне описываемыхъ мною двухъ уѣздовъ, надѣленные $4\frac{1}{2}$ десятинами бесплодной земли, при осьмирублевомъ оброкѣ, и въ такой мѣстности, гдѣ за живую десятину платится отъ 2 р. до 2 р. 25 коп., а за полную обработку и уборку тройной десятины (озимой, яровой и за поднятіе нара) не дороже 20 р. Денежныя повинности первыхъ всего на одинъ рубль съ души превышаютъ повинности вторыхъ, тогда какъ доходы первыхъ должны быть въ нѣсколько разъ больше доходовъ вторыхъ крестьянъ. Подобныя, хотя и не столь рѣзкія различія встрѣчаются и въ предѣлахъ одной и той же губерніи, даже одного и того же уѣзда, завися отъ величины и достоинства надѣловъ или отъ особнхъ промышленныхъ выгодъ нѣкоторыхъ селеній.

Во второй моей статьѣ я говорилъ о тѣхъ признакахъ, по которымъ можно заключать, что уровень крестьянскихъ достатковъ, въ общей сложности, замѣтно возвысился со времени реформы 1861 года, несмотря на множество неблагопріятныхъ для крестьянъ обстоятельствъ, предшествовавшихъ освобожденію, сопровождавшихъ его и возникшихъ уже послѣ его совершенія. Явилась большая щеголеватость въ одеждѣ мужчинъ и женщинъ и замѣтное улучшеніе въ крестьянскихъ постройкахъ; крестьяне больше прежняго дѣлаютъ покупокъ на базарахъ и ярмаркахъ для домашняго обихода; замѣчается нѣкоторое улучшеніе въ пищѣ; большее число крестьянъ стало заниматься извозомъ, требующимъ и порядочныхъ лошадей, и исправной упряжи, и нѣкоторыхъ предварительныхъ затратъ; арендаваніе земли у

помѣщиковъ идетъ съ каждымъ годомъ все бойче и бойче; новьяются иногда новыя выселки и хутора, приобретаемые и устраниваемые крестьянами на собственный счетъ. Запущеніе полей, на которое тамъ жалуются многіе помѣщики, встрѣчается только въ губерніяхъ непронизводительныхъ и малонаселенныхъ, подобныхъ описываемой. Въ прошедшемъ лѣтѣмъ въ южной части Тульской губерніи, я не видаю тамъ запущенныхъ полей. Въ Волынскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ въ октябрѣ нынѣшняго года писали: «въ официальныхъ свѣдѣніи видно, что въ прошедшемъ 1867 г. ни въ одномъ уѣздѣ запущенныхъ помѣщичьихъ полей *положительно не оставалось*; всѣ излишнія земли разобраны крестьянами». Наконецъ, однимъ изъ доказательствъ улучшенія матеріальныхъ средствъ крестьянъ со времени ихъ освобожденія служитъ то обстоятельство, что, несмотря на происшедшее съ тѣхъ поръ чрезмѣрное увеличеніе ихъ повинностей, казенные сборы съ нихъ поступали въ эти 7 лѣтъ *болѣе удовлетворительно, чѣмъ при царствіи имъ правъ*. Фактъ этотъ будетъ совершенною новостію для многихъ читателей, въ особенности для помѣщиковъ, почему-то воображающихъ, что подлѣ ихъ онекою казенными недати поступали исправнѣе, чѣмъ въ настоящее время. Между тѣмъ вотъ официальныя цифры, приведенныя въ докладѣ департамента окладныхъ сборовъ министру финансовъ (Указат. прав. распор. по мин. фин. 1868 г. № 18):

	Слѣдовало поступить окладъ казенныхъ сборовъ (подушной и оброчной подати и госуд. земскаго сбора):	Поступило оклада и недатъ:	Поступило процентовъ оклада недатъ:
Въ теченіе 7 лѣтъ съ 1854 по 1860 г.	420.040.088 р.	413.888.526	1,46 ‰
Въ слѣдующія 7 л. съ 1861 по 1867 г.	549.659.081 р.*	544.684.670	0,90 ‰

Изъ того же официального документа видно, что въ 1867 г. одни окладные сборы увеличились противъ 1860 г. на 29.000.000 р., отъ возвышенія окладовъ подушной и оброчной подати и государственнаго земскаго сбора, а въ 1868 г. сумма подушной подати должна еще увеличиться на 5½ милліоновъ, такъ-какъ прибавокъ сей подати (средній числомъ по 50 к. съ души), установленный со второй половины прошлаго года, будетъ подлежать взысканію за весь настоящій годъ. Надобно притомъ вспомнить, что, со времени освобожденія, на крестьянъ легли

* Въ эту сумму не включены окладные сборы за 1867 г. по Сибирю, за невѣдѣніемъ о поступленіи ихъ полныхъ свѣдѣній; окладъ сихъ сборовъ составляетъ 1.658.000 р.

новые налоги въ видѣ сборовъ на земскія учрежденія, на мировыя учрежденія по крестьянскимъ дѣламъ, на мировыхъ судей, на волостные расходы, а на бывшихъ барщинныхъ крестьянъ—сверхъ того оброчн или соотвѣтствующіе имъ выкупные платежи. Если при всѣхъ этихъ новыхъ тягостяхъ, налегшихъ на бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ послѣ 1861 г., недоимки по названнымъ сборамъ со всего крестьянскаго сословія понизились съ 1,46% до 0,90%, то въ этомъ фактѣ нельзя не видѣть отчасти доказательства въ пользу увеличенія достатковъ бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ. Правда, теперь недоимки взыскиваются гораздо строже, чѣмъ при крѣпостномъ правѣ, когда отвѣтчиками за нихъ были помѣщики; правда и то, что крестьяне отдають теперь казнѣ и различнымъ новымъ учреждениямъ почти все то, что потеряли съ нихъ помѣщики: но принимая въ соображеніе, что крестьяне отдають казнѣ все съ нихъ требуемое, хотя и съ трудомъ, но почти бездонечно, а съ другой стороны, что внѣшняя обстановка ихъ жизни принимаетъ теперь, въ большинствѣ случаевъ, лучшій видъ, чѣмъ прежде, нельзя не придти къ заключенію, что матеріальное положеніе ихъ улучшилось.

Допустимъ однако, что въ общемъ итогѣ произошло, послѣ освобожденія, самое незначительное возвышеніе уровня крестьянскихъ средствъ (а возвышенія этого не отвергнетъ ни одинъ безпристрастный наблюдатель); если же одно освобожденіе, въ каки-нибудь 7 лѣтъ и при множествѣ другихъ неблагоприятныхъ обстоятельствъ, тяготящихъ надъ крестьянами, привело къ результатамъ, которыхъ не могло выработать крѣпостное право въ 200 лѣтъ своего существованія, то возможно ли, безъ противорѣчія здравому смыслу (не говоря уже о противорѣчіи вѣковому и всесвѣтному опыту), возвращаться мыслию къ погибшему крѣпостному праву и отыскивать въ его формахъ и порядкахъ казенъ бы то ни было способовъ для улучшенія нинѣшняго положенія крестьянъ? Люди, желающіе во что бы то ни стало доказать, что освобожденіе крестьянъ ухудшило ихъ хозяйственный бытъ, не обращаютъ вниманія на примѣры, доказывающіе обратное явленіе, и манчаще принимаютъ нищету и разореніе, унаследованныя крестьянами отъ крѣпостнаго права, за явленіе какъ бы новое, обнаружившееся только послѣ реформы 1861 года. Но даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда въ крестьянскомъ хозяйствѣ произошло, послѣ освобожденія, очевидное и несомнѣнное ухудшеніе, согласно ли съ здравымъ смысломъ утверждать, что это ухудшеніе произошло именно вслѣдствіе освобожденія? Это значило бы повторять столь давно

известный въ свѣтъ народамъ: post hoc, ergo propter hoc, то есть высшее событіе произошло послѣ перваго, значить второе есть следствие перваго. Дѣлающіе также умозаключеніе обнаруживаютъ умнишенное или неумнишенное невѣдѣніе тѣхъ обстоятельствъ, которыя вліяютъ на вышеишее хозяйственное положеніе нашихъ крестьянъ. При внимательномъ взглядѣ нетрудно убѣдиться, что частіе случаевъ обѣднѣнія нѣкоторыхъ сельскихъ обществъ послѣ 1861 года не имѣютъ непосредственной связи съ упраздненіемъ помѣщичьей власти, а происходятъ отъ тѣхъ же общихъ причинъ, которыя держатъ большинство нашихъ крестьянъ на степени близкой къ пролетариату и не дозволяютъ имъ, несмотря на личное освобожденіе, подняться по крайней-мѣрѣ до такой степени благосостоянія, чтобы имѣть возможность обезпечить свое пропитаніе во время неурожаевъ. Въ однихъ случаяхъ эти общія причины производятъ болѣе сильное, въ другихъ — менѣе сильное дѣйствіе на крестьянъ, смотря по естественнымъ и промышленнымъ условіямъ ихъ мѣстности и по тѣмъ даннымъ, при которыхъ совершилось надѣленіе ихъ землею. Одни крестьяне на столько еще въ состояніи выносить давленіе тяготящихъ надъ ними невыгодныхъ обстоятельствъ, что личное ихъ освобожденіе успѣло уже оказать свое полезное дѣйствіе и, такъ сказать, прервать вліяніе невыгодныхъ условій; на другихъ же крестьянахъ эти послѣднія условія тяготятъ съ такою силою, что не только сдѣлали незамѣтнымъ вліяніе личнаго освобожденія, но осадили хозяйственный бытъ крестьянъ назадъ, довели ихъ еще до большаго разоренія, чѣмъ въ какомъ они были нѣтъ руть крѣпостнаго права.

Главнѣйшею причиною бѣдности нашихъ крестьянъ является непомерное отягощеніе ихъ денежными повинностями со времени ихъ освобожденія. Объ этомъ обстоятельствѣ я скажу подробнѣе, когда буду перечислять общія причины, задерживающія улучшеніе крестьянскаго быта; теперь же упомяну тѣ частныя причины, въ силу которыхъ тягость повинностей, почти одинаковою цифрою ложились на всѣхъ крестьянъ, уволенныхъ отъ крѣпости, сдѣлалась въ особенности невыносимою для нѣкоторыхъ сельскихъ обществъ и повела за собою ихъ обѣднѣніе.

Первою изъ такихъ причинъ слѣдуетъ признать непроницаемость почвы, занимаемой крестьянами, или же глухое и неблагоприятное для промысловъ положеніе ихъ мѣстности. Вліяніе этихъ обстоятельствъ на крестьянскій бытъ слишкомъ очевидно и не требуетъ поясненія.

Вторая и, какъ кажется, еще болѣе распространенная причина обѣднѣнія нѣкоторыхъ крестьянскихъ обществъ послѣ реформы 1861 г. заключается въ томъ, что во множествѣ мѣстъ была произведена, при введеніи уставныхъ грамотъ, слишкомъ значительная отрѣзка отъ крестьянскихъ надѣловъ, лишившая крестьянъ такой земли, безъ которой они не могутъ существовать. При крѣпостномъ правѣ величина надѣловъ опредѣлялась въ теченіе долгаго времени, и чаще всего опредѣлялась качествомъ почвы и мѣстными удобствами, существовавшими въ различныхъ мѣстностяхъ одной и той же мѣстности: чѣмъ хуже была почва, т.-е. чѣмъ больше требовала она удобренія, тѣмъ болѣе отводилось крестьянамъ выгонной или луговой земли для содержанія скота. При введеніи уставныхъ грамотъ, большая часть надѣловъ одного и того же уѣзда, или еще чаще — нѣсколькихъ сосѣднихъ уѣздовъ, была искусственно приведена къ одной общей мѣрѣ, къ высшимъ душевнымъ надѣламъ, безъ принятія въ соображеніе почвенныхъ особенностей каждаго мѣстнаго. При этомъ отрѣзка надѣловъ была нерѣдко столь значительна и коснулась такихъ необходимыхъ для крестьянъ земель, что совершенно разстроила ихъ хозяйство. Случаи эти такъ многочисленны и повсемѣстны, что бросаются въ глаза всякому, кто безпристрастно наблюдалъ крестьянскій хозяйственный бытъ, хотя бы на самомъ маломъ пространствѣ. Если вы зайдете въ деревню обнищавшую, разоренную, обремененную неоплатными недоимками, и спросите крестьянъ о причинахъ такой нищеты, то намъ чаще получите такой отвѣтъ: «Землю-то нашу онъ такъ обрѣзалъ, что намъ безъ этой обрѣзной земли жить нельзя; со всѣхъ сторонъ окружилъ насъ своими полями, такъ что намъ скотины выгнать некуда; вотъ и плати ты за надѣлъ особо, да за обрѣзную землю еще особо, сколько потребуетъ». Такъ что-жь, вамъ лучше или хуже жить противъ прежняго? «Да за то, что дали, значить, свободу, за это благодаримъ Царя и господь, а жить не въ примѣръ стало тяжелѣе прежняго; сами видите». Дѣйствительно, эта обрѣзная земля, какъ бѣльмо на глазу у крестьянъ, и они никакъ не могутъ примириться съ мыслию, что, пользуясь ею цѣлѣе вѣка, они должны теперь нанимать ее у помѣщиковъ за особую плату. «Какое жъ это улучшеніе быта!» — говорилъ мнѣ одинъ грамотный и бывалый мужикъ изъ прежнихъ оброчныхъ — оброкъ-то на насъ оставили прежній, а землю обрѣзали». Я самъ много разъ имѣлъ случай удостовѣриться, какъ сильно помѣщики жмутъ крестьянъ съ этою обрѣзною землею, вида совершенную ея необходимость для ихъ существованія. Еще хуже стало положеніе тѣхъ крестьянъ

ить, которые, предъ самымъ освобожденіемъ, были сведены предусмотрительными помѣщиками на худшія земли, на пески, яри или мочевины; подобныя примѣры довольно нерѣдки и ихъ можно встрѣтить во всѣхъ губерніяхъ. Бывали даже случаи, когда помѣщики собственно отбирали землю у крестьянъ и обращали дѣла деревни въ бобылей. По нѣкоторымъ изъ подобныхъ случаевъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ дѣлаемы были распоряженія о возвращеніи надѣловъ обезземеленнымъ крестьянамъ, а когда нельзя было достигъ соглашенія съ помѣщиками, то испрашивались даже особня высочайшія повелѣнія. Такъ 24-го апрѣля 1862 г. возвращенъ поземельный надѣлъ крестьянамъ одного селенія Орловской губерніи, отобранный у нихъ въ 1860 г.; марта 6-го 1863 г. повелѣно было не только возвратитъ землю, но вознаграditъ за строенія и имущества, отнятыя однимъ симбирскимъ помѣщикомъ у крестьянъ разныхъ имѣній Ардатовскаго и Курмышскаго уѣздовъ; мая 1-го 1863 г. состоялось распоряженіе о возвращеніи крестьянамъ села Глѣбова-Городища, Рязанской губерніи, крестьянской земли, заложенной помѣщицею ея мужу, недворянину, и перешедшей къ нему по закладной въ 1860 г. Одинъ знакомый мнѣ богатый помѣщикъ Воронежской губерніи обезземелилъ въ 1859 г. 700 душъ крестьянъ и перевелъ ихъ въ государственныя, посредствомъ особой сдѣлки съ кѣмъ слѣдуетъ. Принимая въ соображеніе, что, при введеніи уставныхъ грамотъ, если не въ большинствѣ, то, навѣрно, въ половинѣ имѣній сдѣлана была болѣе или менѣе значительная отрѣзка надѣловъ, надобно еще удивляться, что она не произвела, по крайней-мѣрѣ на первое время, ухудшенія половины крестьянскихъ хозяйствъ, особенно если вспомнимъ, что въ то же время денежныя платежи съ крестьянъ стали возрастать ежегодно. Если, при тяготѣннхъ этихъ двухъ разорительныхъ условій, уменьшенія надѣловъ и увеличенія повинностей, значительнѣйшая часть крестьянъ не только выноситъ свое положеніе, но еще замѣтно поднялась въ своихъ средствахъ, то это единственно можетъ быть объяснено огромными преимуществами свободнаго труда, который, будучи даже поставленъ въ самыя неблагопріятныя условія, все-таки даетъ лучшіе результаты, чѣмъ трудъ крѣпостной: крестьяне оказавшіяся у нихъ недочетъ въ средствахъ пополняютъ или арендованіемъ помѣщичьихъ земель, или наемною работою у помѣщиковъ, или, наконецъ, отхожими промыслами.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, упадокъ крестьянскаго хозяйства долженъ быть приписанъ чрезмѣрному пьянству, обнаружившемуся въ нѣкоторыхъ деревняхъ съ самаго введенія акцизной си-

стени. Но такихъ деревень, которыя обнищали собственно отъ пьянства, весьма немного и онѣ всѣ на перечеѣ у окрестныхъ крестьянъ на окружности многихъ десятковъ верстъ: такіе при-мѣры крестьяне крѣпко зарубливають себѣ на носу. Въ дву-кратное мое посѣщеніе описываемыхъ здѣсь двухъ уѣздовъ, я слышалъ въ нашихъ окологдахъ всего про одну деревню, кре-стьяне которой, бывъ прежде зажиточными, теперь обдѣли, будто бы благодаря повальному пьянству. Но я имѣю причины не вполне довѣрять этому показанію; скорѣе я готовъ предпо-ложить, что крестьяне упоминаемой деревни (въ которой самому мнѣ не удалось быть) слишкомъ были обрѣзаны въ своемъ на-дѣлѣ, пьянство же только довершило ихъ обдѣлііе. Разори-тельные послѣдствія пьянства гораздо чаще замѣчаются не на цѣлыхъ деревняхъ, а на отдѣльныхъ крестьянахъ. Въ каждой почти деревнѣ найдется нѣсколько гулякъ и пустодомовъ, об-нищавшихъ отъ пристрастія къ водкѣ; но эти частные случаи, повторяющіеся никакъ не рѣже и въ другихъ сословіяхъ, оче-видно не могутъ быть причиною обдѣліія цѣлыхъ деревень или всего крестьянскаго сословія. Каковы бы ни были однако послѣдствія пьянства для крестьянскаго быта, ясно и неоспори-мо одно, что причина этого зла кроется не въ упраздненіи крѣ-постной власти, а въ роковомъ совпаденіи выхода крестьянъ на волю съ дешевою водкою и съ непомѣрнымъ размноженіемъ ка-баковъ. О пьянствѣ я намѣренъ сказать подробнѣе въ другомъ мѣстѣ настоящей статьи.

Наконецъ надобно упомянуть, что многіе крестьяне раз-строили свое хозяйство вслѣдствіе семейныхъ раздѣловъ. Здѣсь, повидимому, худой исходъ прямо зависитъ отъ упраздненія по-мѣщичьей власти, которая въ прежнее время удерживала кре-стьянскія семьи въ ихъ первобытномъ скученномъ видѣ, увели-чивавшемъ ихъ рабочую силу. Въ прежнихъ моихъ статьяхъ я говорилъ о тѣхъ нравственныхъ причинахъ, которыя, стоя выше всякихъ хозяйственныхъ расчетовъ, оправдываютъ и дѣлаютъ необходимыми семейные раздѣлы. Если раздѣлы и наносятъ вре-менный ущербъ матеріальнымъ выгодамъ крестьянъ, зато они спасаютъ ихъ личную свободу и нравственное достоинство кре-стьянской семьи, т.-е. тѣ высшія блага человѣка, безъ которыхъ невозможны никакіе успѣхи гражданственности. Доселѣ смотрѣли на крестьянъ только какъ на рабочую силу, какъ на извѣстное число тягловъ, потому и считали для нихъ необходимымъ то же стадообразное устройство быта, которое съ такою выгодною при-мѣняется къ рабочему скоту. Теперь крестьянинъ, пблучивъ сво-боду и гражданскія права, естественно пожелалъ, прежде всего

другаго, обособленія своей личности и своего семейнаго быта, т.-е. пожелалъ удовлетворить общую и ничѣмъ ненстребимую потребность всѣхъ свободныхъ и разумныхъ существъ. Часто у крестьянъ поводомъ къ раздѣламъ служить то ложное убѣжденіе, что будто бы они, обратясь изъ многосемейныхъ въ двойниковъ и одиночекъ, избѣжатъ тѣмъ рекрутства. Однако, сколько удавалось мнѣ подмѣтить, такое соображеніе выставляется отдѣляющимися крестьянами только какъ благовидный предлогъ, для легчайшаго соглашенія своихъ односельцевъ на раздѣлъ; главнымъ же побужденіемъ къ раздѣлу всегда оказывается желаніе освободиться отъ гнета старшихъ и отъ домашнихъ сваръ, неразумныхъ съ многосемейною жизнью. Впрочемъ многіе помѣщики слишкомъ преувеличиваютъ вредъ, происходящій отъ раздѣловъ, и сваливаютъ на нихъ, равно какъ и на пьянство, всѣ послѣдствія тѣхъ другихъ причинъ крестьянской бѣдности, врываясь которыя помѣщикамъ такъ нежелательно. Раздѣлившіеся семейства вездѣ представляютъ незначительное меньшинство, и положеніе ихъ не можетъ имѣть большаго вліянія на общее положеніе цѣлой деревни. Притомъ раздѣлы сами по себѣ производятъ лишь временное разстройство въ крестьянскомъ хозяйствѣ, пока раздѣлившіеся семьи не обзаведутся всѣмъ для нихъ необходимымъ и пока не подрастутъ малолѣтки. Крестьянскія поля, несмотря на раздѣлы, обрабатываются сполна, и не было примѣровъ, чтобы нивы раздѣлившихся семей оставались невспаханными. Еслибы надъ крестьянами не тяготѣли другія обстоятельства, задерживающія улучшение ихъ хозяйства, то невыгодныя послѣдствія раздѣловъ скоро уничтожились бы сами собою, въ силу бѣльшаго напряженія труда и большей заботливости о будущемъ, этихъ непремѣнныхъ послѣдствій личной самостоятельности и семейнаго обособленія отдѣлившихся членовъ. Наконецъ, если не теперь, то въ близкомъ будущемъ, семейные раздѣлы сдѣлались бы безусловно необходимыми, вслѣдствіе приращенія народонаселенія. Изъ опыта другихъ странъ извѣстно, что освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости всегда влекло за собою быстрое увеличеніе сельскаго народонаселенія.

Многіе готовы безусловно вѣрить всеобщему ухудшенію крестьянскаго быта только потому, что теперь о бѣдномъ положеніи крестьянъ говорятъ и пишутъ всѣ и каждый, а прежде, при крѣпостномъ правѣ, не было о томъ и помину: слѣдовательно, заключаютъ многіе, тогдашнее положеніе крестьянъ было лучше нынѣшняго. При этомъ забывается, что во время крѣпостнаго права дворянству было не къ лицу толковать и писать въ газетахъ о разоренномъ положеніи своихъ крестьянъ; да еслибы и

нашлись такіе выскочки, которые пожелали бы, подобно какому нибудь Радищеву, живописать положеніе крѣпостныхъ крестьянъ, то произведенія ихъ пера никогда не появились бы на свѣтъ Божій. Теперь же тѣ самыя, которымъ прежде было выгодно умалчивать о бѣдственномъ положеніи крестьянъ, считаютъ для себя сподручнымъ выставить ихъ нищету напоказъ, но выставятъ только для того, чтобы убѣдить всѣхъ, будто бы эта нищета есть прямое послѣдствіе упраздненія крѣпостнаго права, тогда какъ въ сущности она есть именно наслѣдство, оставленное Россіи крѣпостнымъ правомъ. Подобнымъ образомъ находятъ люди, которые, читая теперь въ газетахъ непрерывные судебные процессы объ убійствахъ, грабежахъ, поджогахъ, воровствахъ и т. п., восклицаютъ: новыя суды расплодили преступленія; прежде о нихъ было слышно несравненно рѣже! На самомъ же дѣлѣ это обиліе преступленій, являемыхъ теперь на свѣтъ Божій гласными судами, было подготовлено именно тѣмъ безгласнымъ и безсуднымъ временемъ, когда уголовныя дѣла вершались во мракѣ канцелярскаго дѣлопроизводства, а большая часть ихъ вовсе не восходила до судовъ, бывъ заминаема при производствѣ слѣдствій. Чтобы чрезъ сравненіе нынѣшняго положенія крестьянъ съ прежнимъ можно было судить о результатахъ освобожденія ихъ изъ-подъ власти помѣщиковъ, для этого слѣдовало бы, еще при господствѣ крѣпостнаго права, обрѣзать крестьянскіе надѣлы такъ, какъ они теперь обрѣзаны, обложить крестьянъ всѣми тѣми повинностями, которыя явились уже послѣ освобожденія, и потомъ посмотреть, какъ выносили бы крѣпостные крестьяне такое положеніе. Пора бы всѣмъ намъ придти къ убѣжденію, что всякіе доводы и сравненія, направляемые къ доказательству того положенія, что крестьяне наши обѣднѣли и разорились вслѣдствіе упраздненія надъ ними помѣщичьей власти, всегда будутъ доводами и сравненіями фальшивыми и бесплодными. Вообще во всѣхъ отъѣздахъ помѣщиковъ о нынѣшнемъ положеніи крестьянъ я замѣтилъ одну характерную и постоянно выдающуюся черту — это чрезвычайное преувеличеніе невыгодныхъ сторонъ крестьянскаго быта и обобщеніе частныхъ случаевъ. Если въ сосѣдней деревнѣ найдется нѣсколько члѣвъ горькихъ пьяницъ, то помѣщикъ кричитъ о повальномъ пьянствѣ всего крестьянскаго сословія; если удастся указать два-три двора, обѣднѣвшіе послѣ 1861 г., то изъ этого сейчасъ же выводится заключеніе, что всѣ крестьяне разорились послѣ выхода ихъ на волю; если на деревнѣ заведется воръ или гдѣ нибудь случится убійство, то не будетъ конца сѣтованіямъ и мрачнымъ предсказаніямъ о томъ, что крестьяне разувдываются и что

скоро для дворянства жизнь въ деревняхъ будетъ положительно невозможна.

Я указалъ тѣ частныя обстоятельства, которыя, увеличивая собою вредное дѣйствіе общихъ причинъ крестьянской бѣдности, могли, по моему мнѣнію, произвести то явленіе, что во многихъ случаяхъ хозяйственное положеніе отдѣльныхъ крестьянъ и даже цѣлыхъ деревень не только не улучшилось со времени освобожденія, но пришло еще въ большее разстройство. Причины эти — слабая производительность почвы и отсутствіе промысловъ, не позволяющія крестьянамъ нѣкоторыхъ мѣстностей выдерживать лежащія на нихъ чрезмѣрныя повинности; значительное уменьшеніе надѣловъ, съ отрѣзкою отъ нихъ такой земли, которая необходима для существованія крестьянъ; сильное пьянство, которому предаются нѣкоторые крестьяне, а, по слухамъ, даже и цѣлыя сельскія общества; наконецъ семейныя раздѣлы, какъ временная причина разстройства крестьянскаго хозяйства. Вошелъ я въ эти объясненія собственно для того, чтобы показать, какъ неосновательно и пристрастно мнѣніе тѣхъ людей, которые въ частныхъ случаяхъ ухудшенія крестьянскаго хозяйства видятъ доводы въ пользу упраздненнаго крѣпостнаго права и желали бы возстановить нѣкоторые изъ его формъ и порядковъ, подъ предлогомъ спасенія крестьянъ отъ всеобщаго разоренія. Въ настоящее время, когда въ Россіи нѣтъ ничего разорнаго ни въ понятіяхъ, ни въ вещахъ, когда и въ политикѣ, и въ общественныхъ дѣлахъ мнѣнія, вчера считавшіяся забракowanными и упраздненными, сегодня получаютъ вновь силу и ходъ, приходится иногда доказывать то, что уже доказано вѣковымъ и всесвѣтнымъ опытомъ, и опровергать то, что, казалось бы, не требуетъ опроверженія, ибо слишкомъ явно противорѣчить здравому смыслу.

Для будущности Россіи не столько важно то, что, послѣ освобожденія, одни крестьяне поправились въ своихъ средствахъ, другіе, напротивъ того, оказались еще въ худшемъ противъ прежняго положенія, сколько важно общее явленіе имущественной несостоятельности нашихъ крестьянъ, явленіе, ставшее особенно яснымъ со времени введенія земскихъ учрежденій. Вопросъ будетъ поставленъ прямо, если мы спросимъ себя: какія причины производятъ то, что наши крестьяне, несмотря на ихъ личное освобожденіе и надѣленіе землею, все еще находятся на весьма низкой степени благосостоянія, граничащей часто съ совершенною нищетою? почему благія послѣдствія освобожденія не обнаруживаются у насъ съ такою же быстротою и прогрессивнымъ возрастаніемъ, какъ обнаружили они напимѣръ въ

Пруссія и Саксонія въ первой четверти нынѣшняго столѣтія? Общее явленіе несостоятельности нашихъ крестьянъ должно имѣть и общія причины. Уловить и по возможности разъяснить главнѣйшія изъ этихъ причинъ—таковъ будетъ предметъ моихъ послѣдующихъ разсужденій.

Чтобы не отрываться отъ затронутаго уже предмета, я прежде всего возвращусь къ тѣмъ причинамъ, которыя выставлены въ приведенныхъ мною выше объясненіяхъ помѣщиковъ. Устраняя изъ этихъ объясненій подразумеваемый въ нихъ доводъ въ похвалу крѣпостнаго права, все-таки въ нихъ останется фактъ, справедливости котораго во многихъ случаяхъ нельзя отвергать, именно безпечность и умственная притупленность нашихъ крестьянъ. Всякій, кто входилъ съ ними въ какія-нибудь сдѣлки и наблюдалъ ихъ образъ мыслей, хорошо знаетъ, что они часто предпочитаютъ съ тупымъ равнодушіемъ покоряться гнетущей ихъ бѣдности, чѣмъ изыскивать пути, чтобы выдти изъ нея. Если помѣщики, сохраняя еще прежній крѣпостной взглядъ на крестьянина, цѣнятъ слишкомъ дешево его трудъ и на оборотъ — слишкомъ дорого свои угоды, то, съ другой стороны, и крестьяне обнаруживаютъ своего рода самодурство, не соглашаясь иногда на условія, очевидно для нихъ выгодныя. Въ этихъ случаяхъ они какъ бы тѣшатъ себя такимъ разсужденіемъ, что вотъ-де мы поставили на своемъ, насъ-де теперь нельзя приневолить, хотимъ работаемъ, хотимъ кѣтъ. Притомъ вѣковая привычка сдѣлала потребности нашего крестьянина столь несложными, что если желудокъ у него набить и въ хатѣ тепло, то съ него и довольно. Ни о какихъ удобствахъ жизни, ни о какихъ потребностяхъ ума и общественной онъ не имѣетъ понятія; все доступное ему развлеченіе состоитъ въ посѣщеніи кабака. Можно ли отъ такого человѣка требовать предусмотрительности, энергіи труда, заботливости объ улучшеніи своего хозяйства? Крестьянинъ, подавленный невѣжествомъ и вѣковой нищетой, привыкъ, подобно рабочему волу, идти по одной, издавна проторенной дорожкѣ; всякое отступленіе отъ нея кажется ему страшнымъ и рискованнымъ. Мнѣ часто приходилось слышать разказы о томъ, до чего доходитъ несообразительность и умственная неподвижность нашихъ крестьянъ. Въ уѣздномъ городѣ одинъ купецъ, преимущественно ведущій свои дѣла съ крестьянами, говорилъ мнѣ: «мужикъ везетъ въ городъ возъ дровъ, верстъ за двадцать, и продаетъ его тамъ за гривенникъ; попробуйте предложить ему, вмѣсто дровъ, довести васъ за тотъ же гривенникъ: никогда не согласится, не возьметъ и 15 коп., хотя дрова остались бы въ его пользу». Крестьянинъ привыкъ

вѣдами дѣлать все по приказанію помѣщичьей власти: власть эта теперь упразднилась; вмѣсто нея явилась власть общества, волостнаго начальства и мировыхъ посредниковъ. Не волостныя власти и мировые посредники не обязаны вмѣшиваться во внутреннее хозяйство крестьянъ. Сверхъ того волостныя власти сами столь же невѣжественны, какъ и прочіе крестьяне, а мировые посредники ограничиваются однимъ формальнымъ, чисто бумажнымъ отправленіемъ своихъ обязанностей. Что же касается власти общества, то она не только не возбуждаетъ у крестьянъ трудолюбія и предусмотрительности, но еще часто служитъ для нихъ сильнѣйшею помѣхою. Общинное пользованіе землею ставитъ каждаго крестьянина въ рабскую зависимость отъ всего общества; общество же крестьянское, какъ по своему невѣжеству, такъ и по врожденной русскому народу неспособности къ общимъ соглашениямъ, рѣдко въ состояніи придумать и рѣшить что-нибудь полезное для крестьянскаго хозяйства. Въ одной извѣстной мнѣ деревнѣ, имѣющей 30 дворовъ, прежнимъ помѣщикомъ была заведена, и существовала въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, общественная запашка, всего въ три десятины, для содержанія запаснаго сельскаго магазина. Неизмѣнное правило помѣщика состояло въ томъ, что никакой крестьянинъ, невозвратившій въ магазинъ прежней ссуды, не могъ получить новой; ссуды же крестьяне должны были возвращать изъ перваго умолта. Въ нынѣшнемъ году деревня эта сильно голодала; находившійся у нея запасный хлѣбъ былъ, скорѣе послѣ освобожденія, переведенъ въ общій волостной магазинъ. А куда-жъ дѣвалась ваша общественная запашка? — спрашивалъ я у нѣкоторыхъ крестьянъ — вѣдь съ 1861 года вы успѣли бы собрать съ нея до 18 кулей ржи и до 80 кулей овса; теперь, въ голодную пору, этотъ запасъ былъ бы вамъ большимъ подспорьемъ. — «Да ми эту общественную запашку въ томъ же году похерили», отвѣчали мнѣ крестьяне. — Зачѣмъ же вы ее похерили, когда она была для васъ такъ необременительна? — «Да такъ порѣшило, значить, общество; богатые мужики, вишь ты, стали говорить: намъ эта запашка не нужна, у насъ хлѣбъ и безъ нея всегда будетъ; а прочіе, кто побѣдиће, тожъ не захотѣли пахать ее одна; вотъ такъ и порѣшили всѣмъ міромъ ее похерить». Я полагаю, что ми будемъ ближе къ истинѣ, если тотъ нравственный недостатокъ, который обнаруживается крестьянами во всѣхъ приведенныхъ случаяхъ, назовемъ не лѣнностью, какъ обыкновенно называютъ его помѣщики, а именно безпечностью и умственной приглушенностью, какъ я уже называлъ его выше. Лѣнность предполагаетъ бездѣйствіе и нежеланіе работать; но нельзя сказать,

чтобы наши крестьяне не работали: часто они работают даже черезъ силу; но работа ихъ то бываетъ не во время, то дѣлается безъ толку. Крестьяне запаздываютъ посѣвомъ, запаздываютъ и уборкою хлѣба; часто они употребляютъ чрезвычайный, но неблагоприятный трудъ тамъ, гдѣ, при нѣкоторой предусмотрительности и общемъ соглашеніи, они могли бы съ гораздо меньшимъ трудомъ достигнуть гораздо лучшихъ послѣдствій. Отсутствие расчетливости и обдуманности въ трудѣ, склонность откладывать всякое дѣло день за день и потомъ дѣлать его залпомъ и споряча, а тамъ снова впадать въ бездѣйствіе—вотъ свойство нашего крестьянина, общее ему со всѣми русскими людьми. Безъ сомнѣнія между крестьянами нерѣдко встрѣчаются и настоящіе лѣнтяи и лежебоки; но я во всѣхъ моихъ разсужденіяхъ имѣю въ виду не частные случаи, а общія и крупныя черты народнаго быта и характера. Если же перечислять частные случаи, то слѣдовало бы сказать, что, наряду съ лѣнтяями, гораздо чаще встрѣчаются въ нашихъ деревняхъ такіе крестьяне, которые затанулись и вьзчали отъ непосильной работы и постоянной борьбы съ нуждою. Всѣ наши заключенія зависятъ обменовенно отъ угла зрѣнія, подъ которымъ мы смотримъ на предметы. На крестьянъ мы привыкли смотрѣть, какъ на людей, предназначенныхъ какъ бы самою природою и судьбою для работы, и только для одной работы; потому о каждомъ прогульномъ днѣ, который мы подиѣтимъ въ жизни мужика, мы кричимъ, какъ о явленіи возмутительномъ, нарушающемъ такъ сказать порядокъ природы и опредѣленія судьбы. Точно такъ же, привыкнувъ считать самихъ себя существами высшаго порядка, предназначенными только для пріятностей жизни и для отдачи приказаній низшимъ существамъ, мы готовы вопіять о попраніи нашихъ правъ и о колебаніи гражданскаго порядка, какъ скоро измѣнившіяся обстоятельства ставятъ насъ въ необходимость удѣлять частицу нашего времени той черной работѣ, которую прежде исполняли за насъ старосты и бурмистры.

Признавая за крестьянами порокъ безпечности и непредусмотрительности, слѣдуетъ ли однако изъ этого заключить, что необходимо создать для нихъ какую-нибудь новую власть, которая бы за нихъ думала, предусматривала, распоряжалась ихъ трудомъ и ихъ достатками, не позволяла бы имъ лѣниться и бражничать, заставляла бы ихъ дѣлать сбереженія и улучшать способы земледѣлія? Очевидно, что никакой такой власти придумать невозможно, какъ вообще невозможно насильно заставить чело-вѣка быть трудолюбивымъ, бережливымъ, предусмотрительнымъ. Со стороны государственной власти здѣсь можетъ быть только одинъ

путь: постепенно и неослабно устранять тѣ причины, которыя довели нашего крестьянина до его настоящаго притупленія и бѣдности и не даютъ ему возможности подняться и стать на ноги. Въ этихъ-то первичныхъ и общихъ причинахъ заключается источникъ и тѣхъ второстепенныхъ и частныхъ недостатковъ нашихъ крестьянъ, каковы беспечность, пьянство, безтолковость общественнаго управленія, въ которыхъ многіе думаютъ найти единственное объясненіе теперяшняго безотраднaго ихъ положенія.

Прежде всего мы видимъ, что и въ общественно-хозяйственномъ самоуправленіи крестьянъ, и въ ихъ частной жизни, источникомъ беспорядочности, беспечности, неумѣнья помогать своимъ нуждамъ служить умственная неразвитость крестьянъ и ихъ глубокая нравственная темнота; слѣдовательно безъ умственнаго и нравственнаго образованія нашихъ крестьянъ невозможно ожидать и матеріальнаго улучшенія ихъ быта. Въ наше время разсужденія о необходимости образованія крестьянъ стали общимъ мѣстомъ, избитымъ выраженіемъ, непрерывно повторяющимся и въ литературѣ, и въ сословныхъ собраніяхъ, и въ официальныхъ бумагахъ. Нельзя однако не замѣтить, что, въ большинствѣ случаевъ, необходимость образованія крестьянъ не вполне сознается тѣми, которые такъ много о томъ толкуютъ. Нанчаще говорятъ объ этой необходимости только изъ желанія не отстать отъ другихъ и заявить свой пресвѣщенный образъ мыслей; но на самомъ дѣлѣ, какъ въ общественной, такъ и въ официальной средѣ, образованіе крестьянъ считается роскошью, съ которою можно еще повременить: поэтому серьезнаго приступа къ дѣлу почти нигдѣ не видно, или, что еще хуже, усматривается мѣстами фальшивое подобіе народнаго обученія, мнимыя школы съ мнимыми наставниками и учениками. Надобно вникнуть въ обиходную жизнь нашего крестьянина, въ его понятія и предрассудки, сравнить его бытъ съ бытомъ крестьянъ въ образованныхъ государствахъ, чтобы убѣдиться, что первая и главнѣйшая причина его нищенскаго и безпомощнаго положенія заключается именно въ его полнѣйшемъ невѣжествѣ. Невѣжество нерѣдко дѣластъ изъ него какъ бы подобіе рабочаго скота, неспособнаго даже помышлять объ улучшеніи своего положенія; въ другихъ случаяхъ невѣжество обращаетъ его въ распушеннаго и одичалаго гуляку. Кому, кажется, предстоило всего болѣе борьбы съ природою, какъ не крестьянину Голландіи и Бельгіи: онъ долженъ былъ отнимать у моря его песчаное ложе, чтобы воздѣлывать на немъ свою ниву, и долженъ былъ защищать ее отъ того же моря громадными плот-

нами, создавъ для этого цѣлые искусственные берега («Боги создали землю, голландцы — свои берега!»). Эти необъятные труды совершены не одною силою мускуловъ, а еще болѣе силою развитаго ума и практическихъ знаній. Низшія сословія Голландіи и Бельгіи по своей образованности съ давнихъ поръ опережали рабочіе классы другихъ европейскихъ странъ. Между тѣмъ въ Россіи мы можемъ пробѣгать сотни верстъ и не встрѣтить нюднаго изъ тѣхъ приложений челоѳического ума и знаній, которыя покоряютъ челоѳку силы природы и заставляють ихъ служить его нуждамъ. Нашъ крестьянинъ пробирается съ своею сохою между шнями вырубленнаго или сожженнаго дѣса, потому что не умѣетъ корчевать ихъ. Мокрыя и болотистыя мѣста въ крестьянскихъ надѣлахъ едва возвращають брошенные въ нихъ сѣмена, потому что крестьяне нани, по своей умственной неразвитости, не могутъ понять, что трудъ, употребленный на прорытіе канавъ, съ избыткомъ былъ бы вознагражденъ увеличеніемъ урожая. Бѣлая часть нашихъ мельницъ содержится остзейскими нѣмцами, поляками, евреями, потому что крестьяне не умѣютъ обращаться съ мельничнымъ механизмомъ. Крестьяне и цѣлыя крестьянскія общества, по своему безграмотству и темнотѣ, становятся игрушкою перваго проходивца или кулака, вѣрять во всякіе нехѣше слухи и, вмѣсто напряженнаго труда и хозяйственныхъ улучшеній, убаюкивають себя мечтами то о какихъ-то новыхъ переиѣнахъ и льготахъ, то о переселеніи на какія-то отводимыя имъ мѣста, съ кисельными берегами и молочными рѣками, гдѣ они не будутъ платить ни податей, ни оброковъ. А между тѣмъ, по природнымъ своимъ свойствамъ, русскій народъ принадлежитъ къ самымъ способнѣйшимъ изъ европейскихъ племенъ. Иностранцы, живущіе въ Россіи, высоко цѣнятъ ясность его пониманія, быстрюю воспримчивость и сметливость, его способность ко всякаго рода мастерствамъ и производствамъ. Но всѣ эти природныя свойства русскаго челоѳка глоснуть и остаются безплодными вслѣдствіе его глубокаго невѣжества, такъ что, въ его собственномъ отечествѣ, надъ нимъ постоянно берутъ перевѣсъ и употребляютъ въ свою пользу его механическій трудъ разные пришельцы, имѣющіе передъ русскими единственное преимущество—нѣкоторое умственное образование. Религиозно-умственное образование, ставшее проникать въ земледѣльческіе классы Германіи съ конца прошедшаго столѣтія, постепенно развило въ нѣмецкомъ крестьянинѣ любовь къ домашнему порядку и семейному очагу и вызвало въ немъ потребность посвящать минуты отдыха чтенію, размышленію и поучительнымъ бесѣдамъ. Для удовлетворенія этихъ требованій

ума и сердца необходимъ постоянный трудъ, энергія, бережливость, предусмотрительность. Только животнеподобная жизнь довольствуется добываніемъ пищи въ ту лишь минуту, когда начинается мучить голодъ, и въ томъ лишь размѣрѣ, какой нуженъ для удовлетворенія голода. Напрасно у насъ нѣкоторые, думая объ образованіи крестьянъ, задаются широкими планами о ремесленныхъ школахъ, объ учебныхъ фермахъ и т. п.; такія заведенія едва-ли будутъ возможны въ нашихъ деревняхъ и черезъ пятьдесятъ лѣтъ. Надобно прежде всего дать крестьянамъ первоначальное общее образованіе, которое должно пробудить ихъ мыслительныя способности и сдѣлать для нихъ понятными нравственныя требованія человеческой природы; надобно сперва возвратитъ имъ ихъ человѣческій образъ и достоинство, и тогда они сами отыщутъ или займутъ у другихъ тѣ прииспособительныя знанія и приемы, которые нужны для ихъ обихода. Обученіе религіи и общимъ первоначальнымъ знаніямъ— вотъ тотъ естественный и единственный путь, которымъ христіанско-европейская цивилизація можетъ войти въ среду нашего народа, какъ вошла она тѣмъ же самымъ путемъ и къ другимъ европейскимъ народамъ. А какъ скоро пробуждена будетъ мыслительная сила русскаго народа и водворится нѣкоторая добропорядочность въ его нравахъ, то этимъ самымъ будетъ уже сдѣланъ важнѣйшій шагъ и къ матеріальному улучшенію его быта: осмысленный и нравственно-добропорядочный народъ не можетъ умирать съ голоду на необозримыхъ поляхъ своей родины, когда и на Западѣ, гдѣ есть страны, въ 8 и даже 12 разъ гуще населенныя Россіи, голодъ, подобные мною описанному, случаются чрезвычайно рѣдко и преимущественно между городскимъ пролетаріатомъ.

Къ несчастью, невѣжество и нищета нашихъ крестьянъ такъ между собою связаны, что безъ устраненія одного изъ этихъ золъ нельзя устранить другаго. Безъ собственныхъ денежныхъ средствъ крестьянъ ни правительство, ни земство не въ состояніи будутъ заводить сельскія школы. Съ другой стороны, можетъ ли забота объ образованіи идти въ голову тѣмъ людямъ, вся жизнь которыхъ проходитъ между двумя страхами: остаться безъ насущнаго хлѣба, или же не уплатить повинностей и слѣдовательно подвергнуться разоренію чрезъ продажу свята и другаго имущества. Нинѣшняя нищета крестьянъ обуславливаетъ надолго ихъ умственное невѣжество, а ихъ невѣжество, въ свою очередь, будетъ длить неопредѣленное время жалкое состояніе ихъ хозяйственнаго быта.

Пьянство есть бесспорно одна изъ частныхъ причинъ нищеты и

нравственной распущенности многихъ крестьянъ; но, судя по всему, что я видѣлъ собственными глазами, носѣщая деревню подрядъ три лѣта и въ трехъ различныхъ губерніяхъ, я долженъ заключить, что распространенное у насъ мнѣніе о повальномъ будто бы пьянствѣ крестьянъ чрезвычайно преувеличено и несправедливо. Большинство нашихъ крестьянъ пьютъ урывками, по праздникамъ, и въ это время многіе изъ нихъ напиваются до безобразія; въ базарные дни подгородные мужики возвращаются изъ города обыкновенно въ пьяномъ видѣ; но, во время мошкы поѣздокъ по деревнямъ, никогда и нигдѣ я не видалъ, чтобы крестьяне пьянствовали по буднимъ днямъ и въ рабочую пору, исключая дней, слѣдующихъ за большими праздниками, когда нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ обычай опохмѣляться. Правда, въ каждой почти деревнѣ найдется нѣсколько человѣкъ горькихъ пьяницъ, которые пьютъ и въ будни, и въ праздникъ. Этими-то пьяницами и поддерживается худая молва о повальномъ будто бы пьянствѣ всего крестьянства. Зато, на ряду съ пьянствующими мужиками, въ каждой деревнѣ найдется еще болѣе такихъ, которые дали себѣ зарокъ вовсе не пить водки. Наконецъ я видѣлъ цѣлыя деревни, несоглагошающіяся имѣть у себя кабаки и ведущія вполне трезвую жизнь. Что касается собственно описываемой мною мѣстности, то ее можно причислить къ самымъ трезвымъ. Очень вѣроятно, что главною тому причиною служитъ постоянная бѣдность и безденежье здѣшнихъ крестьянъ, удаленіе ихъ отъ большихъ дорогъ и промышленныхъ пунктовъ и вообще рѣдкое сближеніе ихъ съ постороннимъ міромъ. Однако постоянно возрастающій наливъ евреевъ въ эту мѣстность непременно долженъ отразиться увеличеніемъ пьянства и нищеты въ народѣ. Еврей мало-по-малу раскидываютъ уже здѣсь свои сѣтя, въ образѣ шинкарей, мелкихъ торговцевъ, винокуровъ, арендаторовъ мельницъ и почтсодержателей. Безденежье помѣщиковъ и безвыходная подавленность здѣшнихъ крестьянъ налогами какъ нельзя болѣе имъ на руку. Никто не умѣетъ такъ пользоваться слабостями и бѣдностію крестьянъ, какъ еврей; въ качествѣ шинкарей, они спаваютъ и обираютъ крестьянъ преимущественно тѣмъ, что отпускаютъ водку въ долгъ, насчитывая огромный ростъ, и принимаютъ вмѣсто денегъ все, что ни принесетъ имъ мужикъ изъ своихъ пожитковъ. Въ западныхъ губерніяхъ нерѣдко можно видѣть, что даже крестьянскія куры состоятъ въ закладѣ у шинкарей: мужикъ долженъ кормить куръ, а еврей пользуется ихъ лицами. Въ нѣмнѣшнемъ году здѣшнимъ крестьянамъ уже не до пьянства. Хотя по праздникамъ кабаки бывали по обыкновенію биткомъ набиты народомъ, но пили мало, немногіе бывали едва навеселѣ

и я, за дѣлный мѣсяцъ моего здѣсь пребыванія, встрѣтилъ одного лишь пьянаго. Ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что крестьяне, даже въ столь бѣдственное для нихъ время, посѣщали кабаки: выпить и даже быть навеселѣ можно за гривенникъ, а чтобы купить пудъ муки, надобно было заплатить рубля полтора, да еще ѣхать для этого въ уѣздный городъ. Притомъ же, какъ я упоминалъ въ предыдущей статьѣ, всѣ сдѣлки между крестьянами по займу хлѣба заключаются въ кабакахъ, такъ какъ деревенскіе землевладельцы ничего не дадутъ безъ угощенія. Едва-ли я буду далеко отъ истины, если сдѣлаю слѣдующее заключеніе о потребленіи водки нашими крестьянами. Деревни, пьющія повально и разоряющія себя пьянствомъ, составляютъ частные и сравнительно весьма рѣдкіе случаи въ огромной массѣ нашего крестьянства; существованіе такихъ деревень я допускаю только на основаніи слуховъ, но самому мнѣ никогда не приходилось видѣть ничего подобнаго. Несравненно чаще можно встрѣчать деревни, потребляющія водку въ самомъ умѣренномъ количествѣ. Въ каждой почти деревнѣ есть нѣсколько крестьянъ, предающихся безпутному пьянству. Судя по отзывамъ помѣщиковъ и по официальнымъ свѣдѣніямъ о потребленіи водки въ различныхъ мѣстностяхъ, можно заключать, что число пьяницъ тѣмъ значительнѣе, чѣмъ легче зарабатываются крестьянами деньги въ извѣстной мѣстности: къ наиболѣе пьящимъ мѣстностямъ принадлежатъ восточныя хлѣбородныя губерніи, а также нѣкоторые центральныя, какова напримѣръ Рязнская. Огромное большинство крестьянъ пьетъ урывками, по праздникамъ и при особыхъ случаяхъ, при чемъ многіе изъ нихъ напиваются до излишества. Этотъ урывчатый способъ питья большими приемами и наноситъ наибольшій вредъ крестьянамъ, въ нравственномъ и вещественномъ отношеніи. Онъ ослабляетъ физическія ихъ силы; доводитъ крестьянъ до самоубиенія, онъ бываетъ причиною многихъ безобразій въ ихъ семейномъ и общественномъ быту, а иногда увлекаетъ ихъ даже въ преступленія; при множествѣ существующихъ у насъ праздниковъ и при обычаяхъ опохмѣляться на другой день, немалое количество дней уходитъ на прогулы въ самую рабочую пору. Но всего разорительнѣе такой способъ питья въ томъ отношеніи, что крестьянинъ, выпившій не въ мѣру и помутившійся въ своихъ мысляхъ, дѣлается жертвою кабачника, тащитъ къ нему и свой тулупъ, и мѣрку овса или ржи, и десятокъ яицъ, и лошадиннй хомутъ, а иногда отдаетъ и свой хлѣбъ, стоящій еще на корню; при этомъ кабачникъ и обмѣриваетъ его на водкѣ, и обсчитываетъ на деньгахъ, прибавляя вчетверо и вшестеро противъ того, что

выпито. Нѣсколько недѣль трезвой и даже полуголодной жизни не могутъ уже поправить изъяна, причиненнаго въ здоровьѣ и въ карманѣ крестьянина однимъ или двумя днями такого безпутнаго пьянства.

Крестьяне имѣютъ своеобразный взглядъ на пьянство. Они сознаютъ, что въ водкѣ ихъ гибель; но въ то же время чувствуютъ, что имъ трудно протнвостать роковой необходимости, увлекающей ихъ къ питью. Они часто борятся съ собою, видя на сосѣдахъ примѣры разоренія черезъ пьянство; зная по опыту, что, начавши пить, трудно положить мѣру питья, они нерѣдко вовсе отказываются отъ употребленія водки. Но имѣстѣ съ тѣмъ они смотрятъ вообще снисходительно на пьяницъ и разорившихся гулякъ. Мнѣ случалось иногда толковать съ крестьянами объ ихъ страсти къ водкѣ; въ этихъ случаяхъ они разсуждаютъ обыкновенно въ такомъ смыслѣ: «Какъ же и не выпить въ праздникъ, проработавъ цѣлую недѣлю; а зимой, въ извозѣ, цѣлый день на стужѣ, вѣдъ закоченѣешь, если не выпьешь швадикъ-другой; пьемъ мы отъ своихъ трудовъ и нечего насъ этимъ попрекать». Въ другой разъ я слышалъ такое разсужденіе: «Вотъ ты, баринъ, видишь, какъ мужикъ пропадаетъ отъ водки, а того не видишь, какъ онъ гибнетъ отъ нужды и работы. А по нашему это еще не бѣда, когда мужикъ спивается и умираетъ: значить, было еще на что пить; а вотъ то бѣда, когда нашъ братъ чахнетъ и сваливается съ работы, да съ нужды». Нельзя не признать, что въ этихъ разсужденіяхъ есть своего рода логика, хотя жестокая и печальная логика. Въ самомъ дѣлѣ, когда вспомнишь труженческую и бѣдную жизнь нашихъ крестьянъ, а особенно когда вспомнишь ихъ глубокую умственную темноту, дѣлающую недоступными для нихъ никакія благородныя развлеченія человѣческаго духа, то невольно согласишься, что страсть нашего простонародія къ водкѣ вызывается необходимостью. Дайте крестьянину религію и просвѣтите умъ его ученіемъ, помогите ему выдти изъ состоянія осѣдлаго пролетарія, наконецъ водворите въ деревняхъ и городахъ власть закона противъ нарушеній нравственности и благочинія — и тогда вы несомнѣнно увидите, что хотя потребление водки не уничтожится, быть можетъ въ годовомъ итогѣ даже увеличится, но безобразное пьянство, урывками и до самозабвенія, будетъ встрѣчаемо какъ рѣдкое исключеніе. Если же, при настоящемъ невѣжественномъ состояніи крестьянина, при его безысходной нищетѣ, отнимающей у него побужденіе къ дѣланію сбереженій, наконецъ при всеобщемъ у насъ своеволіи и распущенности низшихъ сословій, если при всѣхъ этихъ условіяхъ, столь уже

благоприятныхъ для развитія пьянства, немѣрно еще разнообразятся мѣста распивочной продажи, на каждомъ шагѣ представляющія неодолимое искушеніе для крестьянина, то надобно еще удивляться стойкости нашихъ крестьянъ, тому, что они не предаются повседневному и поголовному пьянству и не пропиваютъ всѣхъ своихъ лошадей и коровъ, какъ самоѣды пропиваютъ часто всѣхъ своихъ оленей. Одно увеличеніе матеріальныхъ средствъ крестьянъ еще не въ состояніи сдѣлать ихъ болѣе трезвыми и нравственными. Замѣчается даже прискорбное, но весьма естественное явленіе, что нашъ простолюдинъ тѣмъ болѣе богатѣетъ, тѣмъ становится пьянѣе и безнравственнѣе: бѣднякъ напивается по праздникамъ, а денежный простолюдинъ бываетъ нерѣдко пьянъ семь дней въ недѣлю. Мѣстности, гдѣ крестьянамъ легче достаются деньги, бываютъ по преимуществу самыми пьяными и буйными. Извѣстно также всякому, какинъ безпробуднымъ пьянствомъ и дерзкимъ своеволіемъ отличаются многіе изъ зажиточныхъ сельскихъ промышленниковъ, каковы: дворники, цѣловальники, ямщики, содержащіе такъ называемыхъ передаточныхъ лошадей, а также большинство разжившихся мужиковъ и мѣщанъ въ городахъ. Все это только доказываетъ, что безъ религіи и умственнаго образованія самыя избытокъ состоянія служитъ источникомъ развращенія и подаетъ заразительный примѣръ меньшимъ братимъ. Слѣдовательно и пьянство, какъ частная и второстепенная причина крестьянской бѣдности, сводится къ той же общей и коренной причинѣ, отъ которой зависитъ нерадивость и непредусмотрительность нашихъ крестьянъ, — къ ихъ духовному и умственному невѣжеству. Но образованіе крестьянъ, если даже и будутъ приложены о немъ серьезныя попеченія правительства и земства, можетъ придти только съ теченіемъ долгаго времени; между тѣмъ вредныя послѣдствія пьянства для нравственности народа и для его матеріальнаго благосостоянія требуютъ теперь же принятія рѣшительныхъ мѣръ для возможнаго огражденія народа отъ этого зла. Зловредность существующей нынѣ системы продажи вина, какъ всѣмъ извѣстно, заключается въ мелкомѣрномъ, ничѣмъ неограниченномъ размноженіи питейныхъ домовъ и потому — въ распивочномъ способѣ продажи вина. Питейные дома дѣлаются по праздникамъ мѣстами сборища цѣлой деревни; крестьяне другъ друга подзадориваютъ къ питью и другъ передъ другомъ щеголяютъ удалью въ пьянствѣ; кабачники, съ своей стороны, употребляютъ всѣ ухищренія, чтобы подолѣе задержать своихъ гостей въ кабакахъ и заставить ихъ выпить какъ можно больше. Запрещеніемъ держать въ кабакахъ свамьи и столы

нельзя ничего достигнуть: при существованіи кабака въ каждой маленькой деревушкѣ и нѣсколькихъ кабаковъ въ большихъ деревняхъ, крестьянину ничего не значитъ вернуться туда пять разъ на день, пока есть у него силы ходить. Такимъ образомъ весь праздничный день проводится крестьянами въ кабаки. Въ этой пьяной компаніи мужикъ въ одинъ день выпиваетъ столько, сколько онъ не выпитъ бы въ цѣлую недѣлю, если бы бралъ водку на домъ и если бы ему приходилось ходить за ней за нѣсколько верстъ. Отсюда слѣдуетъ, что необходимо вонервныхъ, законодательнымъ постановленіемъ ограничить, если возможно, число питейныхъ домовъ и водочныхъ лавокъ и восторныхъ запретить въ деревняхъ распивочную продажу вездѣ, кромѣ постоянныхъ дворовъ, находящихся на дорогахъ, которыя посѣщаются обозами или поддерживаютъ сообщеніе деревень съ городомъ.

Въ послѣднее время стали появляться такіе досужіе говорунцы и писатели, которые стараются увѣрить публику, будто бы со времени введенія акцизной системы, потребление въ народѣ спирта почти не увеличилось и что даже народъ тратитъ теперь на водку менѣе, чѣмъ прежде. Это увѣреніе составляетъ такую же крайность и извращеніе дѣйствительности, какъ и противоположное мнѣніе, распространяемое многими помѣщиками, которые проповѣдуютъ о повальномъ будто бы пьянствѣ нашихъ крестьянъ и этою одною причиною хотятъ объяснить ихъ бѣдность. Оба противоположныя мнѣнія происходятъ частью отъ неумѣнья съ точностію наблюдать существующіе факты, всего же болѣе отъ умышленнаго желанія доказать въ некоторыя предвзятія положенія, почему-либо любезныя или выгодныя тѣмъ или другимъ лицамъ. Какъ помѣщики, преувеличивая размѣры и послѣдствія народнаго пьянства, хотятъ этимъ доказать вредъ уничтоженія крѣпостной власти надъ крестьянами, точно такъ же люди, увѣряющіе, что акцизная система нисколько не увеличила въ народѣ пьянства, желаютъ во что бы то ни стало отстоять достоинства этой системы и мудрость ея составителей. Какъ первое, такъ и второе мнѣніе распространяются, кромѣ лицъ непосредственно заинтересованныхъ въ дѣлѣ, еще особыми, специальными глашатаями, усердствующими собственно изъ-за получаемой ими платы. Какъ для подрѣпленія перваго мнѣнія приводятся разные поразительные и разумѣется несомнѣнные факты и многочисленныя корреспонденціи изъ провинцій отъ лицъ, заслуживающихъ полного довѣрія, такъ и разсужденіямъ противоположнаго свойства придается видъ якобы ученой обстановки, съ указаніемъ на официальные цифры, съ цитатами

нъ политической экономіи и статистики и съ другими аргументами, нѣбидни такую неотразимую силу — для профановъ. Всѣ эти безкорыстные подвиги на пользу отечества покрываются въ одномъ случаѣ виѣскою консерватизма, въ другомъ — виѣскою умѣренной либеральности, хотя оба эти почтенныя начала не имѣютъ ничего общаго съ искаженіемъ дѣйствительности. Защитники акцизной системы почему-то приурочиваютъ ее къ великой реформѣ 19-го февраля и даютъ своимъ разсужденіямъ такой тонъ, какъ будто они, отставая эту систему, выгѣтъ съ тѣмъ защищать и освобожденіе крестьянъ — все это, разумѣется, *ad usum Delphini!*

Никому конечно не возбраняется упражняться въ подтасовкѣ цифръ и въ построеніи парадоксальныхъ выводовъ; но зло, которое такимъ способомъ стараются замаскировать, нисколько не будетъ этимъ ослаблено. Утверждать, что, со времени введенія акцизной системы, потребление водки не увеличилось и что народъ расходуетъ на нее меньше прежняго, значить морочить довѣрчивыхъ слушателей и отвергать то, что, къ сожалѣнію, слишкомъ для всѣхъ очевидно и не требуетъ для своего доказательства никакихъ цифръ и мнимо-ученныхъ выкладокъ. Что же касается до значенія официальныхъ цифръ о количествѣ спирта, оплачиваемаго акцизомъ, то я приведу здѣсь фактъ, переданный мнѣ арендаторомъ одного изъ самыхъ большихъ винокуренныхъ заводовъ въ описываемой мною губерніи. «Могу васъ увѣрить, говорилъ онъ мнѣ, что рѣдкій винокуренный заводчикъ оплачиваетъ акцизомъ весь выкуриваемый имъ спиртъ; большая часть заводовъ выкуриваетъ гораздо больше, чѣмъ сколько по закону имѣетъ право. Это ясно для каждого, кто сравнитъ акцизъ на вино (въ здѣшней губерніи 1 руб. 80 коп. съ ведра) и стоимость его производства съ его продажною цѣною. Если бы мы оплачивали акцизомъ все выкуриваемое нами вино, то никакъ не могли бы продавать его такъ дешево; вся наша выгода получается только со спирта, выходящаго безъ акциза, и здѣсь каждое уже ведро доставляетъ намъ значительный барышъ. Я не разумѣю здѣсь перекура, допускаемаго закономъ и зависящаго отъ употребленія хлѣба лучшаго качества или отъ усовершенствованія приемовъ винокурения: выгода отъ такого перекура незначительна, тѣмъ болѣе, что съ прошедшаго года половина его также оплачивается акцизомъ. Всѣ надсмотрщики у насъ на жаловань; отъ казны они получаютъ 14 рублей въ мѣсяцъ, а отъ заводчиковъ 25 рублей и болѣе, смотря по производству. Многие изъ акцизныхъ надзирателей также не брезгаютъ приношеніями отъ заводчиковъ; да притомъ над-

зрительнѣе рѣшительно невозможно усмотрѣть за всѣми продажками, на которыя вынуждены теперь пускаться заводчики, вследствие непримѣнности многихъ постановленій о винокурениі. Заводчики, которые пробовали вести свое дѣло безъ обмана, не выдерживали соперничества съ остальными и разорились. Въ губерискомъ городѣ мнѣ указывали на одного ловкаго господина, который, бывъ акцизннымъ надзирателемъ всего три или четыре года, нажилъ, какъ говорятъ, болѣе 50,000 рублей, и, бывъ уволенъ въ отставку, купилъ себѣ значительное имѣніе, гдѣ теперь и благоденствуетъ. Въ нашихъ западныхъ губерніяхъ, гдѣ всѣ почти винокурни находятся въ рукахъ евреевъ, корчемство на заводахъ развито въ громадномъ размѣрѣ, какъ говорятъ пріѣзжіе оттуда русскіе чиновники. Самые дѣятельные акцизные чиновники не могутъ усмотрѣть тамъ за винокурами, ибо босоногая еврейская почта извѣщаетъ заводчика объ опасности еще задолго до прибытія ѣдущаго чиновника. Вѣроятно этому корчемству, а не уменьшенію пьянства и не пресловутымъ обществамъ трезвости, какъ думаютъ нѣкоторые, слѣдуетъ приписать умаленіе акцизныхъ сборовъ въ этихъ губерніяхъ. Я даже слышалъ, что закрытіе многихъ заводовъ въ западныхъ губерніяхъ произошло именно отъ того, что честные или боязливые заводчики рѣшительно были не въ состояніи выдерживать соперничества евреевъ, пускавшихъ корчемную водку по самымъ дешевымъ цѣнамъ. Изъ этихъ фактовъ можно видѣть, что официальные цифры винно-акцизныхъ сборовъ нисколько не показываютъ дѣйствительнаго количества вина, потребляемаго въ народѣ, и что нѣтъ никакой возможности узнать даже приблизительно, какъ велико количество спирта, выпускаемаго въ продажу безъ оплаты акцизомъ. Что потребленіе народомъ водки усилилось до чрезмѣрности со времени введенія акцизной и патентной системъ, то это признается самымъ высшимъ правительствомъ: въ высочайше утвержденномъ 21-го октября сего года положеніи комитета министровъ о выдачѣ на будущій годъ патентовъ на раздробительную питейную продажу говорится о «мѣрахъ, предполагаемыхъ министерствомъ финансовъ къ сокращенію числа питейныхъ заведеній и *чрезмѣрному употребленію народомъ крѣпкихъ напитковъ*».

Впрочемъ люди, уславившіеся защищать акцизную систему посредствомъ отрицанія факта, для всѣхъ очевиднаго, тратятъ свои заряды попустому: никто, серьезно смотрящій на дѣло, не думаетъ возлагать на эту систему и ея составителей отвѣтственности за то, въ чемъ означенная система является лишь исполнительнымъ средствомъ, а не коренною причиною.

Будет ли оставлена нынѣ дѣйствующая акцизная система, будет ли воскрешенъ прежній откупъ, будет ли наконецъ придуманъ какой-нибудь новый способъ обложенія и продажи спиртныхъ напитковъ, всё эти способы будутъ почти въ равной степени вредны для народа, какъ скоро для нихъ поставлено будетъ задачей — покрыть *третью часть* государственнаго бюджета посредствомъ распространенія въ народѣ потребленія спиртныхъ напитковъ. По росписи на 1868 г. обыкновенныхъ чистыхъ доходовъ ожидалось 355.840.000 руб., изъ нихъ чистаго питейнаго дохода 119.591.000 руб.; валовой же питейный доходъ, безъ вычета изъ него стоимости содержанія акцизнаго управленія, изчисленъ въ 128.390.000 руб. На въ какой другой странѣ въ мірѣ питейный доходъ не занимаетъ такого преобладающаго мѣста въ государственномъ бюджетѣ. Пока наше государство не откажется отъ принятаго имъ правила дѣлать изъ питейнаго налога главнѣйшую статью своихъ доходовъ, до тѣхъ поръ очевидно всякая система взиманія сказаннаго налога будетъ направлена къ тому, чтобы выбрать изъ народа возможно большее количество денегъ, посредствомъ продажи спиртныхъ напитковъ. Отказаться же отъ упомянутаго правила для государства иначе невозможно, какъ чрезъ значительное уменьшеніе своихъ расходовъ и въ то же время чрезъ коренное преобразование системы прамныхъ налоговъ, о чемъ было уже говорено мною въ одной изъ предъидущихъ статей. Когда этими двумя путями доставлена будетъ рабочимъ классамъ возможность улучшить ихъ матеріальное благосостояніе, тогда, естественнымъ образомъ, возрастетъ между ними и потребленіе вина, а слѣдовательно питейный доходъ казны, сперва быть можетъ незначительный, будетъ постепенно увеличиваться. Но доходъ этотъ будетъ уже основанъ на правильномъ и умѣренномъ потребленіи спиртныхъ напитковъ въ домашнемъ быту народа, другими словами — на народномъ достаткѣ; тогда какъ нынѣшній громадный доходъ съ питей основанъ собственно на пьянствѣ и народномъ обѣднѣніи, и поддерживается единственно непоумѣреннымъ размноженіемъ кабаковъ и распивочнымъ способомъ продажи питей. Прежняя откупная система была также основана на спиваніи народа; новая акцизно-патентная, удержавъ распивочный способъ продажи питей, размножила еще болѣе число кабаковъ и другихъ мѣстъ раздробительной продажи: явилось больше соблазна для народа и больше лицъ, занимающихся его спиваніемъ. Сверхъ того удешевленіе водки, какъ въ слѣдствіе вольной ея продажи, такъ и отъ развитія корчемства на многихъ винокуренныхъ заводахъ, прибавило еще новую, сильную приманку къ пьянству.

Спрашивается, сколько приблизительно народъ тратитъ на водку? По свѣдѣнiямъ департамента неокладныхъ сборовъ, въ 1867 г. оплачено акцизомъ 2.258.835.000 градусовъ спирта, т.-е. 59.443.029 ведеръ полугара въ 38%, и сверхъ того получено на заводахъ перекура 5.416.000 ведеръ, а всего показано 64.859,029 ведеръ. Количество вина, выпущеннаго тайнымъ образомъ, конечно невзвѣстно. Принимая въ соображенiе, что заводчики считаютъ незначительнымъ тотъ барышъ, который получается ими съ законнаго перекура, равнаго въ среднемъ выводѣ 10 проц. акцизнаго вина, допустимъ, что и незаконная выкурка составляетъ также не болѣе 10 проц. всего показываемаго по вѣдомостямъ вина, или 6.485.900 ведеръ: все количество выпускаемаго въ продажу вина будетъ тогда равняться 71.344.929 ведрѣмъ полугара. Это количество вина выпивается взрослымъ мужскимъ населенiемъ Россiи, такъ какъ употребленiе вина женскимъ поломъ составляетъ рѣдкое исключенiе. Въ настоящее время мужское населенiе Европейской Россiи и Сибири (Кавказъ и Привислинскiя губернiи не входятъ въ разчетъ) считается около 33 мил. душъ; дѣти и юноши до 16-тилѣтняго возраста составляютъ, по таблицамъ академика Буняковскаго, $\frac{2}{3}$ этого количества: слѣдовательно взрослое поколѣнiе равно 19.800.000 душъ. Раздѣляя приведенное выше количество вина на это послѣднее число, получимъ, что каждый взрослый мужчина выпиваетъ въ годъ $3\frac{1}{3}$ ведра, или 36 штофовъ полугара. Покупка вина ведрѣмъ (отъ 3 руб. до 4 руб. за ведро) дѣлается въ народѣ довольно рѣдко, при особыхъ случаяхъ; въ огромномъ же большинствѣ случаевъ оно продается раздробительными мѣрами и распивочно, и при этомъ обходится покупателямъ обыкновенно дороже 5 руб. за ведро (я вездѣ разумѣю полугаръ въ 38 проц., который весьма часто продается по 6 руб.). Итакъ у насъ каждый взрослый мужчина расходуетъ на водку болѣе 18 руб. въ годъ (на ревизскую же душу приходится 2,16 ведра или болѣе 10 руб. 80 коп.). Правда, я не принялъ въ разчетъ, что нѣкоторое количество спирта идетъ у насъ на различныя производства, и притомъ я предполагалъ, что все потребляемое вино покупается народомъ исключительно въ раздробительныхъ мѣрахъ; но во первыхъ расходъ спирта на производства долженъ быть весьма незначителенъ въ сравненiи съ потребленiемъ его въ видѣ вина и водокъ; покупка вина ведрѣмъ, какъ я уже замѣтилъ, дѣлается народомъ лишь въ рѣдкихъ случаяхъ; а съ другой стороны надобно не забывать, что въ образованныхъ классахъ хлѣбное вино потребляется въ весьма маломъ количествѣ: слѣдовательно отнюдь

не будетъ преувѣченіемъ, если мы, не принимая въ расчетъ употребленія спирта на производства въ поющую вина ведрами, предположимъ зато, что оно всѣми классами потребляется равномерно, другими словами — что каждый рабочій мужчина и въ простомъ народа выпиваетъ въ годъ 36 бутылочекъ или 360 чарокъ пелугара, цѣною на 18 р. Для рабочаго челоука употребленіе вина на одной чаркѣ въ день конечно можетъ быть названо волюнѣ умереннымъ, если бы связанное количество дѣйствительно употреблялось равномерно въ теченіе цѣлаго года; хотя съ другой стороны, при крайней бѣдности нашего простаго народа, расходъ въ 18 р. на рабочую душу, или въ 10 р. 80 коп. на ревизскую, нельзя не признавать расходомъ разорительнымъ: онъ немощнымъ уступить суммѣ всѣхъ повинностей, платимыхъ крестьянами и равняющихся среднимъ числомъ отъ 14 до 15 р. на ревизскую душу. Такъ-какъ мы плохо знаемъ наши русскія условія и много читаемъ про то, что дѣлается на моряхъ, то у насъ завелся обычай ссылаться во всемъ на Англію, на Америку, и на основаніи такихъ примѣровъ дѣлать сплеча заключенія и о нашемъ любовномъ отечествѣ. Въ Англіи, говорятъ нѣкоторые, народъ употребляетъ спиртныхъ напитковъ относительно богѣе, чѣмъ въ Россіи, и однако англійскій народъ отъ этого не разоряется, а напротивъ того, богаче всѣхъ другихъ европейскіхъ народовъ; отсюда выводятся разныя утѣшительныя заключенія о незначительности употребленія спиртныхъ напитковъ въ нашемъ отечествѣ и столь же утѣшительныя предсказанія о томъ, что съ развитіемъ прогресса употребленіе это должно непремѣнно усилиться. При этомъ забывается одно обстоятельство, именно, что англійскій народъ потому именно и выпиваетъ много, что онъ народъ богатый, что тамошній рабочій получаетъ большую заработную плату, не платитъ личныхъ налоговъ, живетъ съ комфортомъ, о которомъ наши мужики не имѣютъ и понятія, что наконецъ и въ Англіи большое потребленіе спиртныхъ напитковъ условливается не одною достаточностію народа, а также и чрезмѣрнымъ развитіемъ пьянства въ нижнемъ сословіи, преимущественно въ средѣ многочисленнаго класса фабричныхъ рабочихъ; на это все давно уже указываютъ и писатели, и государственные люди Англіи, видя въ немъ серьезную опасность для благоденствія страны, а отнюдь не предметъ для ликованій и взаимныхъ поздравленій. Во всякомъ случаѣ, слишкомъ неосновательно сравнивать англійскаго поселаннина, моряка или даже фабричнаго рабочаго съ русскимъ мужикомъ, который круглый почти годъ не видитъ говядины, живетъ въ хижинѣ, много уступающей по своимъ удобствамъ

снѣдливѣе и вѣдливѣе, и, съ тѣмъ же тщательнѣе, обрѣтается болѣею частію безъ копейки законнаго денегнаго черныя денежы. Не въ томъ однако главнѣйшее зло, что вынѣ крестьянныя вынѣваться въ годъ 36 штофовъ водки, которые стоятъ 18 рублевъ, а въ способѣ самого вынѣ. Это количество водки вынѣвается вынѣ не въ 36 приемовъ, а въ каіе-нибудь 30 или много 40 приемовъ, ирѣчь кабатники, посредствомъ обѣдирѣвъ, обрѣдывающіи, разбавленія вина водкой и ирѣдма венцовъ и покатнѣе вынѣсто денегъ, составляютъ крестьянина вынѣваться за эту водку не 18 р., а гораздо болѣе, заставляють его разстрѣивать свое хозяйство, идрѣе и раснѣивать свою нравственность. Вотъ это и есть дѣнь, платимая народомъ себѣ самому за количество, въ полу кабатничесть, сверхъ тѣхъ 128.800.000 рублевъ (т. е. 6 р. 48 коп. съ рабочей души), которые онъ платитъ казѣ въ видѣ питейнаго налога, и тѣхъ приблизительно 30 миллионѣвъ, которыми онъ оплачиваетъ заводчикамъ стоимость и барыши вынѣкуренія. Нѣтъ никакой возможности вычислить, какъ велика вся эта жертва, принесенная Милоу русскимъ народомъ въ этихъ каіицахъ пьянства, обрѣдываіи и разврата, которая тѣмъ жедрѣе рукой разоснѣана по городамъ и весамъ нашего отечества. Цифры 36 штофовъ или 18 рублевъ на рабочую душу вынѣють вѣрочѣе значеніе только среднѣе прирѣднительныиъ выводовъ, но не показывають дѣйствительнаго распредѣленія между народомъ вина и раснѣдовъ на него. Между крестьянами и вообще простонародными есть много людей совершенно мнѣющіиъ; есть цѣлыя деревни, употребляющіи водку въ самомъ умѣренномъ количествѣ, гдѣ и въ праздники рѣдкіи нужникъ бывають навеселѣ, съ исключеніемъ конечно нѣсколькихъ записныхъ гулякъ. Слѣдовательно то, чего не дѣлають эти тысячи трезвыхъ крестьянъ, идрѣе на первой оставшихся, и наконецъ между этими оставшими есть меньшинство, состоящее изъ стѣблѣихъ вынѣицъ, разоряющихъ себя и свои семейства и саужающихъ занескою распущенности и безпорядка въ деревняхъ. Если средній расходъ на водку составляетъ въ нашемъ простонародѣ не менѣе 18 р. на рабочую душу, то можно себѣ предтавить, сколько тратится на этотъ предметъ тѣмъ меньшинствомъ, которое себѣ само и слѣдуетъ называть пьяноу и распущенною частію нашего народа. Искушенія во обрѣдѣ кабатнѣе рѣдкостны нашему народу на вынѣдѣмъ вынѣ, въ городахъ и деревняхъ, а снѣе сдерживающіи не существуютъ вынѣицъ, ни въ нравственномъ, ни въ гражданскомъ бытѣ народа, предостановленнаго одному влеченію своего невежества и прѣвеса. Какъ бы ни была стѣблѣа и добросовѣстнѣе

ослеви́ природа нашихъ крестьянъ, но не всѣ изъ нихъ въ состояннн преодолѣвать себя, будучи поставлены въ столь роковыя условнн. Именно только стойкость и добропорядочность русской природы, отерпѣвшей въ борьбѣ съ обстоятельствами, спасаетъ наше простонародье отъ повальнаго и повседнежнаго пьянства, о которомъ угодно превозглашать столь многими, охотно преувеличивающимъ размѣры зла, но невидящимъ его истинныхъ причинъ. Въ заключенне остается прибавить, что винокурение, несоотвѣтствующее, въ настоящихъ его размѣрахъ, экономическому богатству нашего народа и опирающееся на искусственное распространение въ народѣ потребленнн водки, привлекаетъ къ себѣ огромное количество хлѣба, т.-е. именно того жизненнаго средства, недостатокъ котораго такъ часто чувствуется нашимъ народомъ. Кабаки и винокурни, непомерно расплодившнися у насъ съ 1863 г., т.-е. со введеннн акцизна системы, одною рукою отнимають у народа хлѣбъ, въ которомъ онъ нуждается, а другою обращать у него деньги и пожитки и растлѣваютъ его нравы. Болѣе хищническаго и безнравственнаго порядка въ народной экономнн нельзя себѣ и представить!

Недавно, какъ я слышалъ, кто-то извѣстный въ кругу нашихъ политико-экономистовъ составилъ проектъ о томъ, чтобы, въ видахъ восполненнн земству, передать въ его завѣдванн винно-акцизные сборы. Вино съ заводовъ будетъ поступать въ казенные склады, какъ при прежнемъ откупѣ, откуда оно будетъ выбираться земскими управами, по установленной правительствомъ цѣнѣ, и перепродаваться виннымъ торговцамъ; управы сами уже будутъ смотрѣть за заводчиками и продавцами, чтобы не было корчемства и другихъ злоупотребленн. Въ вознагражденн за сн проектъ отсчитываетъ въ пользу земства тѣ 8.800,000 р., въ которые обходится теперь содержанн винно-акцизнаго управленн, и сверхъ того общаетъ, кажется, барыши собственно отъ перепродажи вина. Вся эта новая акцизно-земско-откупная операцн будетъ вестись подъ верховнымъ наблюдениемъ земскихъ собранн. Проектъ, какъ говорятъ, былъ уже на разсмотрѣнн земства одной губернн. Можно быть конечно увѣрену, что проектъ этотъ навсегда и останется только проектомъ; я упоминаю о немъ лишь для того, чтобы показать, какой хаосъ понятнн существуетъ еще въ нашемъ обществѣ и какн несовѣстныя идеи могутъ получать въ немъ ходъ и подвергаться какъ бы серьезному обсужденн. Земство и винный откупникъ! Съ одной стороны призванн заботиться о хозяйственномъ процвѣтанн провинцн и о распространнн просвѣщенн въ народѣ; съ другой — обязательство выбрать изъ этого

народа на водѣ 120 милліоновъ, для возмѣщенія нижнѣшняго питьянаго дохода казны, и сверхъ того надежда получить, отъ той же воды, нѣсколько милліоновъ собственно на народное благоустройство!

Послѣ невѣжества, другою общею и коренною причиною бѣдности нашихъ крестьянъ слѣдуетъ признать подавленность ихъ чрезмѣрными денежными повинностями. Истощающіе и разоренные двухсотлѣтнимъ крѣпостнымъ правомъ, они, тотчасъ по освобожденіи, были обложены новыми, непосильными платежами, которые съ тѣхъ поръ прогрессивно возрастаютъ почти съ каждымъ годомъ. Въ числѣ разнообразныхъ повинностей, уплачиваемыхъ бывшими крѣпостными крестьянами, большую половину составляютъ оброки за пользованіе надѣломъ или же выкупные платежи въ казну, съ добавочною приплатою въ пользу помѣщиковъ; остальную, меньшую половину составляютъ: подушная подать, государственный земскій сборъ, губернскіе и уѣздные земскіе сборы, наконецъ мірскія повинности. Во второй моей статьѣ я довольно подробно говорилъ о тягостяхъ и стѣсненіяхъ, вытекающихъ для крестьянъ изъ подушной системы государственныхъ повинностей, а также о томъ, что общая сумма всѣхъ уплачиваемыхъ ими сборовъ превосходитъ чистый доходъ, получаемый ими съ надѣловъ; о губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ повинностяхъ я намѣренъ говорить особо, въ одной изъ слѣдующихъ статей; здѣсь же я остановлюсь собственно на оброкахъ.

По Положенію крестьянскіе надѣлы, какъ извѣстно, оцѣнены повсемѣстно, особенно въ сѣверной полосѣ, дороже дѣйствительной стоимости земли. Въ упоминаемыхъ мною двухъ уѣздахъ крестьяне за 4½ дес. надѣла платятъ 8 р. оброка, т.-е., при капитализаціи въ 6% и при полномъ душевомъ надѣлѣ, каждая десятинна оцѣнена въ 29 р. 68 коп., считая здѣсь и пространства, занятыя крестьянскими строеніями и промежутками между дворами (при неполномъ надѣлѣ оцѣнка приходится еще дороже). Но въ этихъ двухъ уѣздахъ *насащенная* земля, конечно не самая отборная, легко можетъ быть куплена по 10 р. за десятину; при покупкѣ же цѣныхъ имѣній, съ лугами, помѣщичьею усадьбою и скотомъ, цѣна обыкновенно бываетъ около 15 р., и только въ рѣдкихъ случаяхъ доходитъ до 20 руб. за десятину. Такимъ образомъ крестьянскій надѣлъ, въ которомъ болѣею частію вовсе не бываетъ луговой, т.-е. самой цѣнной земли и который воздѣлать и удобрить собственнымъ вѣлованъ трудомъ самихъ же крестьянъ, поставленъ имъ въ гораздо болѣеую цѣну, чѣмъ та, по какой можетъ купитъ

здѣсь лучшую землю первый заинтерѣсился погудатель, безатра-
тивный за нее прежде ни труда, ни денегъ. Подобный же вы-
ходъ получится, если мы сравним десятинный оброкъ, упла-
чиваемый крестьянами, съ вольнонаемною платою, существую-
щею здѣсь на землю. Крестьянинъ за каждую десятину надѣла
платить ежегодно (при полномъ надѣлѣ) 1 р. 78 к., тогда какъ
я.снано здѣсь помещицѣ, которые отдають землю въ наемъ
по 2 р. за десятину, кругомъ подъ озимый и яровой посѣвъ;
слѣдовательно, отсчитывая праздную паровую десятину, они полу-
чаютъ съ каждой изъ трехъ десятинъ всего 1 р. 33 к. дохода.
Итакъ непрерывный оброкъ, уплачиваемый крестьянами за ихъ
надѣлы, превышаетъ наемную плату при арендованіи земли
всего на одинъ годъ! Въ самыхъ хлѣбородныхъ и выгодныхъ
по агротехическому уѣздамъ средней и южной полосы, холмчатѣна
землю хотя стала быстро возвышаться со времени освобожде-
нія крестьянъ, но все еще, въ большинствѣ случаевъ, не дошла
до той цифры, въ какую обрѣны крестьянскіе надѣлы по По-
ложению. Въ Ефремовскомъ уѣздѣ, одномъ изъ наиболѣе доход-
ныхъ для помещика уѣздѣвъ, десятина надѣла обрѣнена въ 54 р.
54 к.; между тѣмъ въ промежутокъ 1867 г. одно изъ самыхъ
лучшихъ имѣній этого уѣзда, вовсе неизмѣняемое неудобной земли,
приобрѣтено однимъ моимъ знакомымъ по 45 р. за десятину, съ
превосходною усадьбою, дорогами сельско-хозяйственными по-
стройками и рабочимъ скотомъ. Годовая наемная плата за землю
доходить теперь въ этомъ уѣздѣ до 4 р. за десятину въ за-
домъ изъ трехъ пашей (7 р. подъ рожь и 5 р. подъ яровое) и
слѣдовательно превышаетъ крестьянскій оброкъ, равнявшійся
3 р. 27 к. за десятину, каково бы ни было качество земли. Но
задабно замѣтить, что столь сильное возвышеніе наемной платы
за землю произошло въ этихъ мѣстностяхъ всего болѣе отъ не-
достаточности крестьянскихъ надѣловъ, подвергшихся значитель-
ной отрѣзкѣ; слѣдовательно это возвышеніе наемной платы ложится
на тѣхъ же крестьянъ, которые уплачивають и высокіе оброки за
надѣлы. Въ описываемой мною губерніи дѣшвы продавались, предъ
уничтоженіемъ ярѣпестнаго ярава, обыкновенно по 100 руб. за
душю, лучшія по 150 р., а только весьма немногія, наѣтныя
въ нѣкой губерніи по богатству угодій и по своему отличному
устройству, доходили до 200 руб. за душу. Теперь помещикъ,
при добровольномъ выкупѣ, получаетъ за душевой надѣлъ 133
руб., а при обязательномъ 107 руб. процентными бумагами, да
сверхъ того у него остается большая часть его земель, съ усадь-
бою, скотомъ и всѣми хозяйственными принадлежностями. Оче-
видно, что, принимая въ соображеніе и потерю на куревъ вы-

купныхъ бумагъ, здѣшніе помѣшники не остаются въ проигрышѣ даже при обязательномъ выкупѣ, если только находятъ покупателей на свои имѣнія. Возьмемъ имѣніе въ 300 душъ, и притомъ самое малоземельное по здѣшней мѣстности, въ которомъ напирямѣрь помѣщичьей земли приходится вдвое меньше противъ крестьянской, т.-е. крестьянской 1,350 дес. (высшій надѣлъ), а помѣщичьей всего 675 дес. (что едва-ли здѣсь возможно, такъ-какъ обмененно помѣщичьи земли въ этой губерніи обширнѣе крестьянскихъ). Предъ освобожденіемъ обыкновенная цѣна такому имѣнію была 30,000 р. При обязательномъ выкупѣ помѣшникъ получаетъ за крестьянскій надѣлъ 32,100 р. выкупными бумагами, что, при настоящемъ ихъ курсѣ 82%, обращается въ 26,322 р. наличными деньгами. За остальные 675 десятинъ, сложимъ, онъ получитъ по 10 р. за десятину, т.-е. 6,750 р., да за усадьбу и сѣнь 2,000 р. Всего ему очистируется 38,750 р., т.-е. онъ остается въ барышахъ на 8,750 руб. противъ цѣны прежняго, крѣпостнаго времени. Если въ губерніяхъ, подобныхъ описываемой, не существуетъ теперь спроса на имѣнія, то его не было и при крѣпостномъ правѣ, и крестьянамъ отъ этого нисколько не легче. Равнымъ образомъ имъ нѣтъ никакого выигрыша отъ того, что выкупныя бумаги ходятъ ниже ихъ истинной цѣны: здѣшній крестьянинъ все-таки долженъ уплачивать ежегодно 8 руб. или 9 р. при оброгѣ, и 6 р. 42 к. или 7 р. 20 к. при обязательномъ выкупѣ, а при добровольномъ — внести сверхъ того и доводительный платежъ. Итого нашъ крестьянинъ платитъ оброкъ не за одну землю, но и за полученную имъ личную свободу; въ большей половинѣ Россіи эта вторая часть оброка даже значительно превышаетъ первую. Этого-то двойной ростъ, т.-е. во первыхъ ростъ за поземельный надѣлъ, и во вторыхъ еще большій ростъ за дарованную ему свободу, крестьянинъ долженъ платить, при оброгѣ, вѣчно, безъ зачета и безъ возмѣщенія капитала, а при выкупѣ — въ теченіе полустолѣтія. Отъ воли помѣщика зависить не допустить выкупа и обратиться такимъ образомъ долгу крестьянъ за ихъ надѣлы и души въ долгъ вѣчный и невозвратимый.

Но счастливъ былъ бы нашъ крестьянинъ, если бы только оброкомъ или выкупными платежами ограничивались повинности, уплачиваемыя имъ за свою землю и за свою душу. Съ этихъ двухъ собственности, или пошлѣе временныя пользованій (*usufructu*), уже и такъ дорого оплачиваемыхъ, крестьянинъ долженъ еще вносить: подушную подать (въ среднемъ выводѣ по 1 р. 75 к. съ души), тяготѣющую надъ однимъ крестьянскимъ сословіемъ; пономъ подушную государственную

земскій сборъ (среднимъ числомъ по 98 к. съ души), улачиваемый одними податными сословіями; дажѣ поземельный сборъ на губернскія и уѣздныя земскія повинности, дѣлою половиною своею ложаціяся на крестьянскіе надѣлы; наконецъ волостные и собственно мірскіе сборы, довольно сложные и по цифрѣ своей значительные. Всѣхъ обязательныхъ платежей, въ описываемыхъ двухъ уѣздахъ, сходитъ съ каждой ревизской души до 14 руб., т.-е. до 3-хъ р. съ десятины надѣла, считая здѣсь и пространства, занятія строеніями, промежутками между дворами и выгономъ; между тѣмъ годовая наемная плата за землю не превышаетъ въ этихъ уѣздахъ 2 р. съ десятины (въ Ефремовскомъ уѣздѣ, гдѣ наемная плата за землю составляетъ 4 р., на каждую десятину надѣла падаетъ до 5 р. 45 к. всѣхъ денежныхъ повинностей). Сверхъ того на крестьянахъ же, въ большинствѣ губерній, доселѣ лежатъ и всѣ натуральныя повинности, окѣненные податною комиссіею за прежніе годы, предшествовавшіе введенію земскихъ учрежденій, въ 75½ коп. на душу. Принимая все это въ соображеніе, едва ли можно сказать, что наши крестьяне *обезпечены* своими надѣлами, если подъ обезпеченіемъ разумѣть не одну возможность перебиваться кое-какъ со дня на день нез-за одного насущнаго пропитанія и до перваго неурожаа, но возможность дѣлать необходимые сбереженія для улучшенія своего быта и на случай различныхъ непредвидимыхъ бѣдствій.

При существующихъ повинностяхъ, надѣлы не только не обезпечиваютъ крестьянъ, но нерѣдко составляютъ для нихъ бремя, отъ котораго они всячески ищутъ отдѣлаться. Присутствуя нѣгнѣшимъ лѣтомъ на волостномъ судѣ, я былъ свидѣтелемъ, какъ крестьяне одного общества упорно отказывались взять надѣлъ одного изъ своихъ односельцевъ, котораго судъ приговорилъ освободить отъ надѣла, во вниманіе къ его неизлечимой болѣзни и одиночеству. Освобожденный крестьянинъ бралъ на себя подушную подать и мірскую повинность, отказывался только отъ оброка и земскихъ повинностей; несмотря на то, никто не хотѣлъ взять его надѣла и каждый отговаривался тѣмъ, что онъ и безъ того уже обремененъ большимъ числомъ душевыхъ участковъ. Когда судьи все-таки приговорили *мало-земно* надѣлъ на одного крестьянина, нѣмшаго на свой дворъ менше душевыхъ участковъ, чѣмъ прочіе, то онъ запальчиво объявлялъ, что ни халать этой нивы, ни платить за нее повинностей отъ не будетъ. Одинъ изъ судей, бѣжій и разумный (голосъ котораго только и былъ слышанъ на судѣ, прочіимъ вѣмотетствующимъ), сказалъ: «мы тебя заставимъ платить, будешь пороть». — «Не заставляйте ничѣмъ, брошу дворъ и уѣду, куда глаза глядятъ, а

пахать этой нивы не стану. Подобные отказы отъ принятія опроставшихся надѣловъ случаются, какъ и слышалъ, безпрерывно и въ другихъ нечерномоземныхъ губерніяхъ. Къ тому же роду явленій относится почти всеобщее теперь у крестьянъ стремленіе къ переселенію въ какія-то дальнія, даже и по имени не всегда имъ извѣстныя губерніи, на казенныя земли, гдѣ не будетъ, по ихъ мнѣнію, никакого оброка, ни выкупа. Желаніе освободиться отъ оброка, соединеннаго съ обязательнымъ надѣломъ, а равно и отъ всѣхъ неудобствъ общиннаго пользованія землею, заставляетъ достаточныхъ крестьянъ покупать себѣ землю на сторонѣ и отказываться отъ участія въ надѣлѣ. Наконецъ достойно замѣчанія, что во множествѣ мѣстнѣй средней и южной полосы крестьяне доселѣ предпочитаютъ оставаться на барщинѣ, нѣкогда столь имъ ненавистной, и отбиваютъ ее весьма удовлетворительно, изъ опасенія, чтобы ихъ не перевели на оброкъ. Два года тому назадъ, въ Рязанской губерніи около одной трети крестьянъ оставалось еще на барщинѣ. Въвъ въ прошедшемъ 1867 г. въ другой изъ губерніи средней полосы, я самъ слышалъ, какъ крестьяне нѣкоторыхъ деревень горько сожалѣли о томъ, что вышли на оброкъ. Но еще больше горевали тѣ крестьяне, которые переведены на выкупъ: уплату оброка крестьяне верѣдко оттягиваютъ, пользуясь то снисходительностію помѣщиковъ, то бездѣйствіемъ властей при взиманіи оброчныхъ недоимокъ; взиманіе же выкупныхъ платежей и вообще казенныхъ сборовъ производится съ нѣкотораго времени съ особою строгостію. Въ упоминаемой губерніи средней полосы только и слышно было прошедшимъ лѣтомъ о продажѣ съ публичнаго торга крестьянскаго скота, сбруи и прочаго скарба; продавались даже крестьянскія куры; отбираемы даже были въ сундукахъ женскіе наряды и украшенія, что въ особенности убивало и раздражало крестьянъ.

Вотъ краснорѣчивыя и достойныя всякаго вниманія явленія, указывающія на то, что налоги, лежащіе на крестьянскихъ надѣлахъ и податныхъ душахъ, въ большинствѣ случаевъ превращаютъ средства крестьянъ и своимъ давленіемъ почти уничтожаютъ тѣ благодѣтельныя послѣдствія, которыхъ слѣдовало бы ожидать для крестьянскаго хозяйственнаго быта отъ упраздненія крѣпостнаго права. Нашихъ крестьянъ никакъ нельзя упрекнуть, чтобы они много тратили на собственное иждивеніе. Напротивъ того, пища, ими употребляемая, только что достаточна для поддержанія ихъ рабочихъ силъ, а ихъ одежда едва защищаетъ ихъ отъ суровости климата; только употребленіе воды обходит-

се имъ довольно дешево сравнительно съ имъ бѣдными достатками. Но какъ бы крестьянинъ ни считалъ свои личные потребности, какъ бы ни былъ опъ трезвъ и работящъ, можетъ ли онъ спастись отъ разоренія, когда у него продадутъ, за казенными или оброчными недоимки, его скотъ, который онъ рѣстятъ и прикувалъ въ теченіе долгихъ лѣтъ и въ второмъ вся его надежда, ибо въ большей половинѣ Россіи земля безъ удобрения едва возвращаетъ посеянными зерна. А какъ крестьянину избѣжать недоимокъ, когда прешній его надѣлъ обрѣзанъ, когда съ покупченнаго имъ участка онъ долженъ платить повинностей болѣе, чѣмъ сколько этотъ участокъ можетъ дать дохода (за вылетомъ приторпленія семьи), когда каждый неурожайный годъ, каждый случившійся падежъ скота, каждая смерть или продолжительная болѣзнь рабочей души въ семействѣ могутъ повергнуть все семейство въ неоплатные долги на одно собственное проторпленіе. Я уже упоминалъ прежде, что въ описываемой мною губерніи для крестьянъ, вынужденныхъ на выкупъ, единственными источниками для уплаты выкупныхъ платежей служатъ земопашники, такъ-какъ полевой надѣлъ едва достаточенъ для ихъ проторпленія и для уплаты казенныхъ, земскихъ и мірскихъ повинностей: потому-то употребленіе коноплянаго масла считается здѣсь роскошью, которой крестьяне не смѣютъ себѣ позволить. Если въ земледѣльческихъ губерніяхъ многіе крестьяне соглашались отказаться отъ трети четвертой надѣла и взять такъ-называемую сиротскую долю, т.-е. даровую четверть высшаго душеваго надѣла, то это объясняется единственно непомерною тяжестью оброка, наложеннаго на ихъ надѣлы. Но они понали при этомъ имъ огня въ поляхъ: въ земледѣльческихъ и густо населенныхъ губерніяхъ высшіе надѣлы постановлены весьма незначительные и опускаются до 3, даже до 2³/₄ дес.; четвертая часть такого надѣла не въ состояніи даже прокормить крестьянскаго семейства, а между тѣмъ подушныя платежи, т.-е. казенныя и мірскія повинности, остаются на этихъ крестьянахъ тѣ же самыя, какіе были и при полной надѣлѣ. Такъ напр. въ Фрешовскомъ уѣздѣ сиротскій надѣлъ составляетъ ²/₃ дес. на душу, считая здѣсь и условную землю, и на этомъ ключѣ лежитъ до 5 р. 70 к. обязательныхъ повинностей! Поманно, что такіе крестьяне, убѣдивъ отъ неносимого оброка, понали въ левушку и должны теперь нанимать у помѣщиковъ землю по цѣнѣ, какую бы тѣ ни назначили. Прежде въ барщинныхъ имѣніяхъ, т.-е. въ духъ трезвяхъ крѣпостнаго населенія, крестьянныя почти не видѣли денегъ, почти никогда не оставляли своей деревни и не знали никакого другаго промысла, аромѣ зем-

ледѣнія: теперь разомъ съ него потребовали денегъ, денегъ и денегъ; и земля, и душа его оцѣнены, капитализированы и обломаны, въ пользу помѣщиковъ и государства, ростомъ, все болѣе и болѣе растущимъ и предѣлъ котораго скрывается въ отдаленной и довольно мрачной будущности.

Печальныя послѣдствія такого положенія отражаются не только на хозяйствѣ крестьянъ, но и на ихъ нравственномъ настроеніи, производа у нихъ съ одной стороны упадокъ духа и усиленіе ихъ врожденной беспечности, а съ другой — вымывая у нихъ нелѣпныя надежды и враждебное расположеніе къ помѣщикамъ и даже иногда къ самому правительству. Крестьяне сами себя считаютъ пролетаріями и считаютъ, что, въ случаѣ нужды, ихъ должны кормить царь и помѣщики. «Вѣдь мы же платимъ царю и помѣщикамъ, говорили мнѣ крестьяне на волостномъ сходѣ; такъ, когда мы въ нуждѣ, имъ и слѣдуетъ помочь намъ». Напрасно я имъ говорилъ, что прокормить всю губернію невозможно, что у царя нѣтъ столько лишнихъ денегъ, что подати идутъ на содержаніе войска и всего государства. «Статочнее ли это дѣло, чтобъ у царя не было денегъ!» отвѣчали крестьяне, наввно смѣясь и очевидно принимая мои слова за шутку. Одинъ, побойчѣе и порѣчиствѣе другихъ, говорилъ: «А что жъ выйдетъ, когда оставить крестьянъ умирать съ голоду? Выйдетъ дѣло нехорошее: побросаютъ они свою землю и разбредутся, куда глаза глядятъ; многіе пойдутъ въ лѣсъ и на большую дорогу; будетъ худо». Слова эти похожи были на угрозу; повидимому крестьяне принимали меня за чиновника изъ губерніи. Одна старушка изъ бывшихъ дворовыхъ рассказывала намъ, что здѣшніе крестьяне часто толкуютъ промежъ себя о томъ, что будетъ въ Россіи безвременно какая-то война, и что они ждутъ не дождутся этой войны; а ждутъ они ея потому, что тогда отойдетъ къ нимъ вся земля, а помѣщики поступятъ на жадованье. Значитъ крестьяне не удовлетворены совершившеюся реформой. Чего жъ вамъ больше надобно? говорилъ я одному рѣчиному мужику, вѣдь вамъ дана земля, съ которой васъ никто не можетъ согнать, и оброкъ за нее вы платите теперь по закону, такъ что помѣщикъ не можетъ его увеличить по своему произволу. «Земли-то этой хватать развѣ только на хлѣбъ, а ужъ на квасъ не будетъ», отвѣчаетъ онъ мнѣ. У крестьянъ засѣло въ голову нелѣпное убѣжденіе, что будто бы царь желалъ ихъ устроить не такъ, какъ теперь, да обошли его помѣщики и начальство. Не слѣдуетъ придавать преувеличеннаго значенія всѣмъ этимъ толкамъ, по нелзя и вовсе оставлять ихъ безъ вниманія; если въ нихъ сильную долю занимаетъ

неизвѣстность, то съ другой стороны надобно сознаться, что они ищутъ корень въ самомъ положеніи крестьянъ.

Какимъ же образомъ могло произойти то, что Положеніе, иль вышее цѣлю обезпечить бытъ крестьянъ, наложило на нихъ столь высокіе оброки, превышающіе въ большинствѣ случаевъ вельнонаемную плату за землю? Въ редакціонныхъ комиссіяхъ, составившихъ Положеніе о крестьянахъ, было признано необходимо вознаграждать помѣщиковъ, посредствомъ оброковъ, не только за отходящую отъ нихъ крестьянскую землю, но и за потерю крестьянскихъ рабочихъ силъ, другими словами за упраздненіе помѣщичьей власти надъ личностію крестьянина. По этому поводу можно бы конечно войти въ обсужденіе нѣкоторыхъ вопросовъ, подобныхъ нижеслѣдующимъ: Что справедливѣе — усилить ли оцѣнку надѣловъ вдвое и втрое противъ существовавшей предъ освобожденіемъ дѣйствительной цѣны на землю, для вознагражденія помѣщиковъ за потерю крѣпостной власти надъ личностію крестьянъ, или же наоборотъ — понизить оцѣнку надѣловъ противъ ходячей цѣны, для вознагражденія крестьянъ за трудъ и удобреніе, употребленные ими для воздѣлыванія надѣловъ? Если же почиталось справедливымъ вознаграждать помѣщиковъ за потерю крѣпостной власти, нѣкогда произвольно присвоенной себѣ землевладѣльцами надъ личностію крестьянъ и только въ послѣдствіи признанной закономъ, какъ существующій фактъ *, то не было ли бы еще болѣе справедливо возна-

* Въ Западной Руси, то-есть въ бышемъ великомъ княжествѣ Литовско-Русскомъ, поляки ввели крѣпостное право въ XVI столѣтіи, а въ Галиціи, Волыни и Подоліи еще въ XV. Но въ восточной, или московской Руси крестьяне, до самаго конца XVI вѣка, всегда были иполизъ свободными гражданами, ильшими предъ закономъ и судомъ равныя права съ дворянами и горожанамъ. Около 1592 г., при царѣ Федорѣ Ивановичѣ, въ видахъ финансовыхъ, по причинѣ постоянного недобора податей отъ безпрестанныхъ переходовъ крестьянъ и отъ запустѣнія многихъ земель, правительство воспретило ямъ крестьянамъ переходъ съ одного мѣста на другое. Въ началѣ эта мѣра была чисто государственною, не только не имѣла въ виду интереса богатыхъ землевладѣльцевъ, но была противу ихъ выгодъ и возбуждала ихъ неудовольствіе; она относилась не до однихъ крестьянъ, жившихъ на земляхъ частныхъ собственниковъ, но и до крестьянъ государственныхъ, дворцовыхъ, монастырскихъ и другихъ. Притомъ подъ эту мѣру подводились одни только крестьяне тугие, ибо казенныя подати взыскивались тогда съ туга, или съ сохи, а не съ души; крестьяне же, въ тугѣхъ несостояшіе (гулягіе), попрежнему могли переходить съ мѣста на мѣсто. Однимъ словомъ, прикрѣпленіе тугихъ крестьянъ къ землѣ, совершившееся въ концѣ XVI столѣтія, отнюдь не имѣло тогда характера порабощенія крестьянъ помѣщиками. Крестьяне, и послѣ прекращенія выхода, сохраняли личную независимость отъ помѣщиковъ, держивали общинное самоуправленіе чрезъ своихъ выборныхъ старшинъ и передъ государствомъ попрежнему оставались еще самостоятельными сосло-

градить и крестьянъ за двухвѣковую безмездную работу ихъ на помѣщиковъ, за то, что они расчистили и распахали помѣщичьи земли, повыстроили ихъ усадьбы, понадѣлали имъ дорогъ, гатей, прудовъ, однимъ словомъ, обратили прежнія пустыни и дебри въ благоустроенныя имѣнія? Но въ настоящее время было бы бесплодно заниматься обсужденіемъ подобныхъ вопросовъ: фактъ совершился окончательно и сдѣлался закономъ. Редакціонныя комиссіи вѣроятно сами хорошо понимали достоинство принятаго ими начала о вознагражденіи помѣщиковъ за потерю рабочихъ душъ, достоинство съ исторической и политико-экономической точки зрѣнія; но обойти это начало едва-ли онѣ были въ силахъ. Надобно вспомнить то тревожное время, когда составлялось Положеніе о крестьянахъ, и всѣ тѣ обстоятельства, подъ давленіемъ которыхъ трудились комиссіи, чтобы понять, что одна попытка ихъ устранить вопросъ о вознагражденіи помѣщиковъ за души была бы провозглашена дворниствомъ, какъ дѣйствіе революціонное, уничтожающее право собственности, какъ рѣшительный шагъ къ испроверженію существующаго государственнаго порядка. Даже и теперь, одно прикосновеніе къ подобнымъ вопросамъ способно вызвать обвиненіе

вѣтъ, подчиненнымъ по управленію и суду общимъ земскимъ властямъ; они были крѣпкіе землѣ, но не были еще крѣпостными помѣщиковъ. Этотъ характеръ признаетъ за ними и Уложеніе 1649 года. Но, наперекоръ закону, помѣщики уже тогда стали завладѣвать и самою личностію крестьянъ. Правительственное распоряженіе, приравнявшее крестьянъ къ землѣ, оставило безъ всякаго опредѣленія отношенія ихъ къ землевладѣльцамъ. Помѣщики, пользуясь какъ этимъ молчаніемъ закона, такъ и вообще тогдашней слабостію правительственной системы и отсутствіемъ опредѣленнаго государственнаго порядка, стали мало по малу завладѣвать личностію крестьянъ, мѣнялись ими и продавать ихъ безъ земли, однимъ словомъ, стали переходить къ настоящему крѣпостному праву. Переходъ этотъ былъ тѣмъ легче для помѣщиковъ, что тогда существовала уже въ Московскомъ государствѣ готовая форма крѣпостнаго права, въ областяхъ, возвращенныхъ отъ Польши, именно: въ Смоленской, Сѣверской и нѣкоторой части Бѣлоруссіи (снова уступленной Польшѣ при царѣ Фѣдорѣ Алексѣевичѣ). За годъ до смерти Алексѣя Михайловича, именно подъ 1675 годомъ, впервые встрѣчаются въ актахъ отдѣльные случаи, когда помѣщики, *уже съ ведома и разрѣшенія правительства*, мѣняются крестьянами и продаютъ ихъ безъ земли. Здѣсь обычай уже явно пересиливаетъ законъ и допускается правительствомъ, на зло Уложенію того же самаго царя Алексѣя. Наконецъ, Петръ Великій, искавшій средствъ для своихъ громадныхъ предпріятій, не только признаетъ существовавшій уже фактъ личнаго крѣпостнаго права, но обобщаетъ его и вводитъ въ положительное законодательство въ томъ видѣ, въ законъ это право дошло до нашего времени: указами 1719 и 1722 гг. онъ уравниваетъ помѣщичьихъ крестьянъ съ кабалными людьми или холопами и, вмѣсто прежней тягловой подати, вноситъ ихъ въ подушный окладъ, отвѣтственность за который возлагаетъ на помѣщиковъ. Отселѣ государство имѣетъ дѣло съ одними помѣщиками, а крестьяне, какъ граждане, перестаютъ для него существовать

въ конституциѣ не только со стороны многихъ помѣщиковъ, но и въ средѣ нашей литературы, несмотря на то, что она еще такъ недавно наполнялась жалобами и упреками противъ правительства за то, что оно своею цензурою не допускало свободы мнѣній. Въ удержаніи Положеніемъ личнаго оброка отразилось наследственное въ нашемъ законодательствѣ стремленіе облагать налогомъ не собственность и доходы, а души, или рабочія силы. Надобно впрочемъ замѣтить, что редакціонныя комиссіи, кромѣ положительной невозможности обойти сказанное начало вознагражденія помѣщиковъ за души, далеко не ожидали, чтобы устанавливаемые ими оброки отразились на крестьянахъ тѣми послѣдствіями, которыя теперь замѣчаются.

Отправляясь отъ сказаннаго начала, комиссіи, при назначеніи оброчковъ, признали за основаніе оброки, существовавшіе при крѣпостномъ правѣ. Изъ подлинныхъ свѣдѣній, доставленныхъ помѣщиками оброчныхъ мѣстностей, комиссіями были выведены *средніе душевые оброки* для этихъ мѣстностей и, бывъ нѣсколько понижены, въ видахъ облегченія крестьянъ, дали цифры 9, 10 и 12 р. Эти средніе уменьшенные оброки были приняты, въ каждой мѣстности, за высшую душевую повинность, соответствующую высшему душевому надѣлу; сей же послѣдній былъ опредѣленъ для каждой мѣстности также на основаніи подлинныхъ свѣдѣній помѣщиковъ. При такомъ опредѣленіи оброчковъ, единственное облегченіе для крестьянъ, по собственному отзыву комиссій, состояло въ томъ, что цифра *средняго* оброка приимѣнялась къ *окладному* надѣлу. По самому значенію среднихъ оброчковъ, сказанное облегченіе, само собою разумѣется, не касалось тѣхъ крестьянъ, которые при крѣпостномъ правѣ уплачивали оброки ниже выведенныхъ комиссіями среднихъ оброчковъ. Число такихъ крестьянъ, въ противность ожиданій комиссій, оказалось на дѣлѣ значительно болѣе половины бывшихъ оброчныхъ. Произошло это отъ того, что вся система оброчковъ была построена комиссіями на важномъ недоразумѣніи. Цифры среднихъ оброчковъ и высшихъ надѣловъ выведены комиссіями, какъ сказано, изъ подлинныхъ свѣдѣній помѣщиковъ, ихъ управляющихъ и старостъ, т.-е. изъ данныхъ совершенно произвольныхъ и непредставлявшихъ ни малѣйшей достовѣрности. Въ этихъ свѣдѣніяхъ оброки показывались обманоженно значительно выше действительныхъ; разныя посторонніе боры и натуральныя услуги включались также въ счетъ оброка. Притомъ свѣдѣнія объ оброчкахъ были весьма неполны и обнимали только меньшую часть оброчныхъ имѣній свыше 100 душъ; имѣнія же ниже 100 душъ вовсе въ расчетъ не входили. Отъ этого *средніе оброки*,

своденныя комиссіями, т. е. 18, 10 и 9 р., получимъ, съ болѣе-шнствомъ оброчныхъ мѣстностей, оныя дѣйствительно существовавшія тамъ при крѣпостномъ правѣ среднихъ оброковъ; цифры эти блже подходятъ къ внешнимъ оброкамъ. Никакая критическая повѣрка невозможна относительно такихъ данныхъ, которыя всё фальшивить въ одну сторону: это есть аксіома, принятая въ статистикѣ, метеорологіи и чистой математикѣ. Такииъ образомъ большая часть оброковъ, существовавшихъ при крѣпостномъ правѣ, осталась безъ уменьшенія (увеличеніе оброковъ Положеніемъ не допускается), и только меньшая ихъ часть подверглась сбавкѣ до упомянутыхъ предѣльныхъ цифръ; большинство оброчныхъ крестьянъ осталось при тѣхъ же оброкахъ, которые наложены были на нихъ крѣпостнымъ правомъ, непринимавшимъ въ соображеніе ни доходности земель, ни трудности отхожихъ промысловъ, и постепенно увеличивавшимъ, до послѣднихъ дней своего существованія, налоги на личный заработокъ крестьянина. Оброки облегчены для значительнаго числа крестьянъ лишь въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ они, при крѣпостномъ правѣ, доходили до чрезмѣрой величины (иногда до 100 р. с. съ тагла), таковы напр. губерніи Владимірская, Ярославская, Петербургская, Московская и частію Нижегородская. Комиссіи сами сознавали всю недостаточность своихъ средствъ для вѣрнаго опредѣленія среднихъ оброковъ, и потому въ проектѣ Положенія возлагали это опредѣленіе на обязанность губернскихъ присутствій, съ тѣмъ только, чтобы они не переходили предѣльныхъ цифръ, принятыхъ комиссіями. Но едва-ли такое постановленіе принесло бы дѣйствительную пользу: губернскія присутствія, въ виду трудности возложенной на нихъ работы, вѣроятно повсюду привяли бы средніе оброки, выведенные комиссіями; если жъ нѣкоторые губернскія присутствія задумали бы сами выводить средніе оброки, то такая работа могла бы затянуться на весьма долгое время. Потому государственныиъ совѣтъ имѣлъ основаніе устранить сказанное правило и безусловно назначить опредѣленныя цифры оброковъ для всѣхъ губерній и уѣздовъ.

Какъ бы ни тяжелы были оброки, принятые комиссіями для бывшихъ оброчныхъ крестьянъ, но по крайней-мѣрѣ эти крестьяне издавна привыкли къ ихъ отбыванію и, пользуясь многими преимуществами предъ барщинными крестьянами, развили въ себѣ способность къ промысламъ и добыванію денегъ. Гораздо труднѣе оказалось положеніе барщинныхъ крестьянъ, т. е. дѣльныхъ двухъ третей прежняго крѣпостнаго населенія. Оброки въ 9 и 8 р., установленныя для нихъ комиссіями, не основаны уже ни на какииъ данныхъ и представляются цифрами чисто прожъ-

вольщина. (См. Матер. Ред. Коск. Т. III, кн. 2, стр. 447—452). На какомъ напримѣръ основаніи для означенныхъ иномъ двухъ безплодныхъ уѣздовъ, гдѣ дровяная палочковъ состояли прежде на барщину, принять 8-ми рублевый оброкъ за 4¹/₂ дес. надѣла, а для плодосостѣвшихъ губерній Саратовской, Самарской и Оренбургской установленъ 9-ти рублевый оброкъ, при надѣлахъ отъ 4¹/₂ до 6 десятинъ въ черноземныхъ уѣздахъ и отъ 6 до 12 дес. въ степныхъ? Впрочемъ комиссія предполагала сперва для всѣхъ надѣльныхъ мѣстностей назначить 8-ми рублевый оброкъ, и только уже потомъ, вслѣдствіе требованій депутатовъ отъ губернскихъ комитетовъ, замѣнили его 9-ти рублевымъ для всей черноземной и степной волости.

Послѣдствія системы, принятой комиссіею для опредѣленія оброковъ и надѣловъ, не ограничились назначеніемъ нѣсколько высокихъ цифръ оброковъ. Высшіе душевые надѣлы, выведенные комиссіею для каждой мѣстности на основаніи тѣхъ же подлинныхъ показаній помѣщиковъ, оказались во всей сѣверной волостѣ и въ большей части средней ниже тѣхъ надѣловъ, которые дѣйствительно тамъ существовали въ большинствѣ имѣній. Произошло это опять-таки отъ неполноты и невѣрности показаній помѣщиковъ. Во Владимірской напримѣръ губерніи число имѣній, въ которыхъ были показаны надѣлы, въ одномъ только уѣздѣ достигаетъ 30% числа всѣхъ имѣній уѣзда, а въ прочихъ уѣздахъ колеблется между 7% и 20%. Помѣщики въ своихъ показаніяхъ начеице уменьшали дѣйствительную величину надѣловъ. Въ сѣверной волостѣ надѣлы были такъ разнообразны, что едва-ли и можно было вывести для нихъ казія-нибудь опредѣленные нормы. При значительности и разбросанности надѣловъ въ сѣверныхъ губерніяхъ, помѣщики часто сами не знали ихъ дѣйствительной величины, и потому показывали ихъ наобумъ. При этомъ нѣкоторые уѣзды и даже цѣлыя губерніи въ особенности отличались искусственнымъ уменьшеніемъ показываемыхъ надѣловъ: такъ во Владимірской губерніи, весьма сходной по хозяйственнымъ условіямъ съ Ярославскою, средній душевой надѣлъ показанъ на 2,1 дес. меньше въ сравненіи съ послѣднею губерніею; въ Полтавской губерніи средняя цифра надѣла вышла болѣе, чѣмъ вдвое ниже сравнительно съ Черниговскою; въ Камышинскомъ уѣздѣ средній надѣлъ показанъ вдвое менше, чѣмъ въ совершенно сходныхъ съ нимъ Царицынскомъ и Балашевскомъ; въ Чухломскомъ уѣздѣ означено по 10 дес. на душу, а въ сходномъ съ нимъ Ветлужскомъ по 4³/₄ и т. п. Характеръ этихъ показаній чисто зависѣлъ отъ направленія, преобладавшаго въ различныхъ губернскихъ и уѣздныхъ комитетахъ. Только

въ шестидесяти населенныхъ губерніяхъ, каковы напримѣръ Харьковская и Курская, гдѣ дѣйствительные надѣлы были вообще весьма малы и въ величинѣ ихъ существовало значительное одностороннее, определенное комиссиями высшіе надѣлы удовлетворяли своему назначенію. Государственный совѣтъ въ окончательной редакціи Положенія еще болѣе понизилъ принятые комиссиями высшіе надѣлы въ большинствѣ уѣздовъ сѣверной и средней волости и въ нѣкоторыхъ уѣздахъ южной (и сверхъ того возвысилъ съ 9 на 10 р. оброкъ во всей Московской губерніи и въ тѣхъ частяхъ четырехъ уѣздовъ Владимирской, которыя лежатъ по лѣвую сторону рѣки Клязьмы). Вотъ источникъ того явленія, что крестьянскіе надѣлы почти по всей Россіи подверглись, въ большинствѣ мѣстъ, болѣе или менѣе значительной отрѣзкѣ, которая отразилась на крестьянскомъ бытѣ столь печальными послѣдствіями. Въ тягости оброковъ прибавилась еще для крестьянъ потеря земли, которою они пользовались вѣка и которая часто была совершенно необходима для ихъ существованія. Въ сѣверной полосѣ отъ крестьянъ отошли всего чаще земли, на которыхъ пасся ихъ скотъ, а также и луга; въ средней же полосѣ отрѣзла коснулась и пахатныхъ земель. Теперь почти повсемѣстно крестьянскій скотъ пропитывается лѣтомъ однимъ скуднымъ быльемъ, растущимъ на паровыхъ поляхъ. Луга въ крестьянскихъ надѣлахъ встрѣчаются, какъ рѣдкое исключеніе; для прокормленія скота остается на вѣкъ одна солома. При такихъ обстоятельствахъ крестьяне лишены возможности держать столько скота, сколько необходимо для удобренія ихъ полей. Въ большей же половинѣ Россіи отъ количества скота прямо зависитъ количество урожая: сколько скота, столько и хлѣба. Вотъ, по моему мнѣнію, въ чемъ заключается главная причина обѣднѣнія многихъ сельскихъ обществъ послѣ освобожденія.

Уменьшеніе высшихъ надѣловъ, произведенное государственнымъ совѣтомъ, еще болѣе увеличило несоразмѣрность установленныхъ оброковъ съ величиною и достоинствомъ надѣловъ, другими словами — эта мѣра, въ тѣхъ уѣздахъ, которыхъ она коснулась, еще болѣе подняла ту часть оброковъ и выкупа, которую крестьяне платятъ не за землю, а собственно за отнустъ ихъ на свободу. Я уже упоминалъ, что, по мнѣнію комиссій, при установленной ими системѣ оброковъ, бывшіе оброчные крестьяне будутъ имѣть ту единственную выгоду, что будутъ платить *средній* оброкъ за *высшій* надѣлъ. Однако, какъ мы видимъ, на дѣлѣ и этой выгоды для большинства крестьянъ не послѣдовало, и сказанное предположеніе комиссій должно

Быть теперь замѣнено такимъ выводомъ: одна часть оброчныхъ крестьянъ (и едва-ли не большая) осталась при прежнихъ крѣпостныхъ оброкахъ, но получила уменьшенные надѣлы; слѣдательно потеряла прямое ухудшеніе въ своемъ матеріальномъ положеніи; другая часть крестьянъ хотя и облегчена въ оброкахъ, но зато также получила обрѣзанные надѣлы; часонекъ только меньшая часть крестьянъ платитъ теперь уменьшенные оброки, оставшіеся при прежнемъ количествѣ земли. Изъ этого мы видимъ, что самое правило, провозглашенное Положеніемъ о томъ, что существовавшіе прежде крѣпостные оброки ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть возвышены, остается справедливымъ только для абсолютной цифры оброковъ, но не по отношенію оброка къ количеству земли, ибо очевидно, что относительная величина оброка увеличилась для тѣхъ крестьянъ, которые, оставшіеся при прежнихъ оброкахъ, получили обрѣзанный надѣлъ. Потому-то въ такихъ деревняхъ вы всегда услышите отъ крестьянъ, что съ выходомъ на волю оброкъ ихъ былъ увеличенъ, и такое ихъ заключеніе совершенно справедливо. Я знаю напримѣръ въ Новоладожскомъ уѣздѣ Петербургской губерніи одну деревню, гдѣ крестьяне платили прежде оброкъ въ 20 р. съ каждыхъ двухъ душъ; при освобожденіи отрѣзаны были отъ нихъ всѣ ихъ покосы, которые они нанимаютъ теперь у помѣщика съ платою по 3 р. съ двухъ душъ; оброкъ же по Положенію остался на нихъ тотъ же, то-есть по 10 р. съ души. Слѣдовательно теперь они платятъ помѣщику 23 р. за то же самое количество земли, за которое платили прежде 20 р. «Спасибо еще доброму барину, говорили они мнѣ, что недорого положилъ за отрѣзную землю; намъ безъ нея помереть надобно».

Искусственная градація, установленная Положеніемъ для распредѣленія высшаго душеваго оброка на десятины надѣла, ввела еще новое невыгодное для крестьянъ условіе: чѣмъ меньше земли получаетъ крестьянинъ въ надѣлѣ, тѣмъ большій оброкъ долженъ онъ платить за каждую десятину. Тягость этого правила преимущественно испытывается крестьянами черноземныхъ и малоземельныхъ губерній, гдѣ надѣлы рѣдко достигаютъ высшаго по Положенію размѣра. Упомянутая градація оброка основана на томъ несправедливомъ положеніи, что крестьянинъ тѣмъ дороже долженъ платить за землю, входящую въ его надѣлъ, чѣмъ больше онъ положилъ труда и удобренія для ея обработки; въ слѣдствіе сего первая и вторая десятины надѣла, а въ черноземной и степной полосахъ — одна первая десятинна, обложены гораздо большимъ оброкомъ, чѣмъ слѣдующія десятины. Такъ напримѣръ въ первой полосѣ, при 9-ти рублевомъ оброку, за

двѣ первыи десятины надѣла крестьянинъ долженъ платитъ 6 р. 75 к., а за всѣ остальныи десятины высшаго надѣла только 2 р. 25 к.; во второй и третьей полосѣ за первую десятину онъ платитъ 4 р., а за всѣ остальныи вмѣстѣ 5 р. Даже губернскіе комитеты оцѣнивали чрезмѣрно высоко, усадебныя земли только на случай ихъ отдѣльнаго выкупа, но никакой градаціи оброка не предлагали, а разлагали его равномерно на всѣ десятины надѣла. Неудачная мысль о градаціи была высказана только тремя комитетамъ. Такимъ образомъ выходитъ, что гдѣ прежде крестьянинъ имѣлъ земли больше установленнаго Положеніемъ высшаго душеваго размѣра, тамъ лишняя земля отъ него отобрана; гдѣ онъ имѣлъ меньше, тамъ его надѣлъ обложенъ усиленнымъ оброкомъ.

Нѣкоторые помѣщики земледѣльческихъ губерній, слышавъ о задуманной правительствомъ реформѣ, обобрали крестьянскіе надѣлы, оставивъ крестьянамъ самое ничтожное количество земли. Имѣя это въ виду, комиссіи установили низшіе надѣлы, величиною въ $\frac{1}{3}$ высшихъ, съ тѣмъ, чтобы въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ у крестьянъ окажется земли меньше этого низшаго размѣра, помѣщикъ обязанъ былъ прирѣзывать имъ недостающее до низшаго размѣра количество земли. Принимая въ соображеніе ничтожность этого низшаго размѣра, спускающагося въ густо-населенныхъ уѣздахъ до 1 дес. и даже до $\frac{1}{3}$ дес. на душу, считая и усадьбу, понятно, что и онъ былъ бы недостаточенъ для существованія крестьянина, особенно если вспомнимъ, что, въ силу градаціи, крестьянинъ долженъ платитъ за эту десятину 4 и даже мѣстами 4 р. 50 к. оброка. Каково же должно быть положеніе крестьянина земледѣльческихъ губерній, надѣленнаго еще меньшимъ количествомъ земли! Однако сказанное требованіе о прирѣзкѣ земли до низшаго душеваго размѣра было устранено государственнымъ совѣтомъ и не вошло въ Положеніе.

Высокіе оброки, установленные Положеніемъ, можно бы допустить только въ первое время по уничтоженіи вѣрстнаго права, напримѣръ въ продолженіе первыхъ трехъ или четырехъ лѣтъ, дабы доставить помѣщикамъ возможность перейти, безъ большихъ затрудненій, къ новому способу хозяйства. Въ этомъ случаѣ оправдывалась бы возвышенная величина оброковъ, какъ временное возмѣщеніе помѣщикамъ потерянныхъ ими рабочиыхъ сельъ. Въ барщинныхъ имѣніяхъ крестьяне предпочли бы конечно, въ замѣнъ этого оброка, отбывать уменьшенную по Положенію издѣльную повинность, какъ это и доселѣ дѣлается во множествѣ имѣній, ко взаимной выгодѣ обонхъ сословіи. Но едва-ли можно съ какой-

либо точки зрѣнія, кромѣ развѣ точки зрѣнія исключительныхъ выгодъ помѣщиковъ, оправдать продолженіе возвышенныхъ оброковъ на определенное время, при временно-обязанномъ положеніи, или внесеніе ихъ въ капитальную оцѣнку земли при выкупѣ. Черезъ это какъ бы увѣковѣчивается крѣпостное право, т.-е. право помѣщиковъ на личный заработокъ крестьянъ. Простой здравый смыслъ крестьянина никакъ не можетъ примириться съ мыслию, что за душевой надѣлъ, который напримѣръ въ описываемыхъ двухъ уѣздахъ стоитъ, какъ хорошо извѣстно крестьянину, никакъ не болѣе 45 р., онъ долженъ платить ежегодно и неопределенное число лѣтъ по 8 р. По его убѣжденію, онъ уже въ первые 6 лѣтъ, со времени перехода на оброкъ, уплатилъ стоимость этого надѣла, а между тѣмъ долженъ платить еще и еще тѣ же 8 р., не вида и конца этимъ уплатамъ. Въ чемъ же состоитъ воля? спрашиваетъ себя крестьянинъ, понимающій подъ волею исключительно право не работать въ пользу помѣщика. Отсюда всеобщее между крестьянами ожиданіе новой, или чистой воли, по просту сказать — ожиданіе претращенія оброковъ. «Царь подаритъ намъ нашу землю» — вотъ тайный лозунгъ, передающійся изъ устъ въ уста между крестьянами по всему пространству Россіи.

Высокіе оброки, установленные Положеніемъ, перешли и въ капитальную оцѣнку надѣловъ, сдѣланную для выкупа, и довели ее до цифръ, ни съ чѣмъ несообразныхъ. Въ трехъ уѣздахъ С.-Петербургской губерніи: Петербургскомъ, Петергофскомъ и Царскосельскомъ (за исключеніемъ имѣній, отстоящихъ не далѣе 25 верстъ отъ Петербурга), десятина надѣла оцѣнена отъ 41 р. 66 к. до 72 р. 87 к., смотря по тому, получили ли крестьяне полный или неполный душевой надѣлъ; въ трехъ уѣздахъ Владимирской губерніи: Александровскомъ, одной половинѣ Владимирскаго и одной половинѣ Муромскаго, — отъ 42 р. 85 к. до 69 р. 51 к.; въ восьми уѣздахъ Калужской — отъ 46 р. 15 к. до 72 р. 16 к.; въ бѣднѣйшемъ Порѣчскомъ уѣздѣ Смоленской губ., гдѣ пахатная земля почти никогда не продается дороже 10 р. за десятину, крестьянская десятина оцѣнена отъ 29 р. 63 к. до 55 р. 55 к.; въ густо-населенныхъ мѣстностяхъ червоземной полосы, гдѣ высшій надѣлъ положенъ въ $2\frac{3}{4}$ дес., десятина оцѣнена отъ 54 р. 54 к. до 66 р. 66 к. Изъ этихъ цифръ можно также видѣть, какъ, въ слѣдствіе извѣстной градаціи, оцѣнка крестьянской земли, и безъ того уже весьма дорогая, непомѣрно возвышается въ случаѣ полученія крестьянами неполнаго душеваго надѣла. Положимъ, что въ такихъ губерніяхъ, какъ Петербургская, Владимирская, Смоленская и даже ча-

стию Калужская, неполные надѣлы встрѣчаются довольно рѣдко и никогда не доходятъ до нѣк наименьшей величины (до трети полнаго); во означенной градаціи капитальной оцѣнки предрѣшается крестьянамъ этихъ губерній требовать, при обязательномъ выкупѣ, уменьшенія нѣк надѣла, тѣмъ болѣе, что въ этомъ случаѣ Положеніе налагаетъ на нихъ обязанность внести помѣщику дополнительный платежъ (равный $\frac{1}{15}$ долѣ выкупной сумы), и притомъ внести его одновременно, безъ всякой рассрочки. Потому-то при обязательномъ выкупѣ никогда не случается, чтобы крестьяне требовали уменьшенія надѣла; волею-неволею они должны брать всю отвѣденную имъ землю, какъ бы ни была она безплодна и какъ бы ни были тяжелы для нихъ выкупные платежи. Въ губерніяхъ же черноземныхъ и густонаселенныхъ неполные надѣлы встрѣчаются въ большинствѣ случаевъ, и тамъ-то въ особенности чувствительны для крестьянъ послѣдствія градаціи, которая возвышаетъ какъ оброкъ, такъ и выкупные платежи. При оцѣнкѣ надѣловъ, сдѣланной Положеніемъ, выкупъ получаетъ уже значеніе не выкупа крестьянской земли, которая татой цѣны не стоитъ, а выкупа крестьянскихъ оброчковъ, въ которые входитъ не одна плата за землю, но и плата за освобожденіе личности крестьянина. Во всей нечерноземной полосѣ за цѣну, постановленную Положеніемъ и уменьшенную даже на одну пятую долѣ при обязательномъ выкупѣ, не согласился бы приобрести землю ни одинъ свободный покупатель, а крестьянамъ, пахавшимъ и удобрившимъ ее цѣлѣ вѣка, она насильно навязывается, при обязательномъ выкупѣ, въ вѣчную и потомственную собственность. Не можетъ крестьянинъ понять, какимъ образомъ за надѣлъ, стоящій наприкѣрѣ не болѣе 45 р., онъ долженъ, при обязательномъ выкупѣ, платить ежегодно, въ теченіе 49 лѣтъ, по 6 р. 40 к., что составляетъ въ итогѣ 318 р., а при выкупѣ добровольномъ долженъ сверхъ того доплатить помѣщику 26 р. 66 к. Здѣсь все соединилось къ невыгодѣ крестьянина: и чрезмерно высокая оцѣнка земли, и хитрый банковый способъ погашенія долга, и всевозможныя препятствія къ уменьшенію выкупнаго надѣла, въ случаѣ, если бы крестьяне пожелали такого уменьшенія. Не говоря уже о чрезмерно высокой цифрѣ оброчковъ, на чемъ основано капитализированіе нѣк нѣ 6%? Имѣнія давали прежде и даютъ теперь болѣе 6%; даже въ некоторыхъ губерніяхъ землетелы предлагали капитализированіе нѣк 7, 8 и даже болѣе процентовъ. Капитализируя девятирублевый оброкъ только нѣк 7%, цѣна душеваго надѣла съ 150 р. понижалась бы уже до 126 р. 57 к., а за вычетомъ нѣк неа $\frac{1}{5}$ долѣ для обязательнаго выкупа, она равнялась бы 102 р. 86 к.

Съ этой суммѣ, до ея погашенія, помѣщику выдавалось бы, какъ принято Положеніемъ, 5%, особрбно обыкновенному доходу съ хорошо обезпеченныхъ процентныхъ бумагъ, а крестьянинъ ушачивалъ бы съ нея 6%, т.-е. 6 р. 17 к., вмѣсто теперешнихъ 7 р. 20 к.; слѣдовательно на таго составилось бы уже облегченіе въ 2 р. съ полтиной. Большая разница въ процентѣ, получаемомъ съ сельскаго хозяйства, при всѣхъ сопряженныхъ съ нимъ заботахъ и рискѣ отъ неурожаевъ, и въ процентѣ, получаемомъ, безъ всякихъ хлопотъ, съ кредитныхъ бумагъ. Впрочемъ, какъ я уже сказалъ, оцѣнка надѣловъ чрезъ капитализацію установленныхъ Положеніемъ оброчныхъ ничѣмъ не можетъ быть оправдана. Какъ несогласно съ справедливостію обратить существовавшій при вѣрностномъ правѣ налогъ на личный трудъ крестьянина въ налогъ вѣчный (при безсрочномъ оброгѣ), такъ несогласно же съ справедливостію капитализировать этотъ налогъ въ видѣ займа, какъ бы сдѣланнаго крестьяниномъ подъ весель, и заставить крестьянина ушачивать по немъ банковне проценты.

Если бы оцѣнка земли для выкупа сдѣлана была не по капитализаціи оброка, а по ея дѣйствительной стоимости въ эпоху освобожденія, то выкупъ могъ бы совершиться весьма-легко и не потребовалъ бы даже содѣйствія правительства и выпуска кредитныхъ бумагъ. Все, чего по справедливости могли требовать помѣщики при выкупѣ крестьянами надѣловъ, это полученія дѣйствительной цѣны за землю, съ безпроцентною разсрочкою денегъ, соотвѣтственно средствамъ крестьянъ, какъ и теперь помѣщики разсрочиваютъ имъ дополнительные платежи (обыкновенно эта разсрочка дѣлается отъ семи до пятнадцати лѣтъ). Едва-ли возможно приравнять крестьянина, выкупающаго свой надѣлъ, котораго онъ пользовался цѣлѣ вѣка, едѣ единственнымъ источникомъ своего существованія, крестьянина, помѣщащаго притомъ никакихъ денежныхъ средствъ, нбо весь трудъ его принадлежалъ доселѣ помѣщику, едва-ли возмжно приравнять его вольному заемщику капитала, обязывающемуся платитъ на него не только погашеніе, но и непрерывные сложные проценты за непогашенную часть. Выкупъ надѣловъ не есть для крестьянъ коммерческое предпріятіе; это есть дѣло первѣйшей необходимости для обожь сословій и для всего государства. Въ обычныхъ сдѣлкахъ нашихъ помѣщиковъ съ крестьянами банковне расчеты никогда доселѣ не примѣнялись, а всегда употреблялась претая разсрочка денегъ; тѣмъ менѣе удобно примѣнять банковую систему къ цѣлому земледѣльческому населенію, которому его надѣлы едва обезпечиваютъ уплату податей и наружное пропитаніе.

Положить, что въ означенной мѣстности душевой надѣль былъ бы оцененъ въ 45 рублей, то-есть въ обыкновенную цѣну, какую можно получить теперь за $4\frac{1}{2}$ десятины палатной земли въ этихъ уѣздахъ. Если бы постановлено было правило, что для бывшихъ оброчныхъ крестьянъ платежъ рассрочивается на пятнадцать лѣтъ, а для барщинныхъ на двадцать, и притомъ безпроцентно, то первымъ пришлось бы въ этой мѣстности вносить ежегодно по 3 рубля съ души, а вторымъ по 2 руб. 25 коп., вмѣсто теперешнихъ 6 руб. 40 коп., уплачиваемыхъ при обязательномъ выкупѣ. Въ мѣстностяхъ черноземныхъ и густо населенныхъ высшую цѣну десятины крестьянскаго надѣла едва ли можно положить болѣе 35 руб., что, при установленномъ въ этихъ мѣстностяхъ надѣлѣ въ $2\frac{3}{4}$ дес., даетъ высшую цѣну надѣла въ 96 р. 25 коп. (повторяю, что цѣна земли въ этихъ мѣстностяхъ стала быстро возвышаться уже послѣ освобожденія, въ силу недостаточности крестьянскихъ надѣловъ и происшедшей отсюда высокой платы, взимаемой помѣщиками съ крестьянъ при отдачѣ имъ земель въ наемъ). При разорочѣ на двадцать лѣтъ, крестьянамъ этихъ мѣстностей пришлось бы платить съ души по 4 руб. 81 коп., вмѣсто нынѣшнихъ 7 руб. 20 коп., уплачиваемыхъ при обязательномъ выкупѣ. Платежи эти могли бы быть взимаемы вмѣстѣ съ государственными податями; для обезпеченія вѣрности ихъ уплаты, было бы даже справедливо предоставить помѣщикамъ право отбирать землю отъ неисправныхъ плательщиковъ, что конечно случилось бы весьма-рѣдко, но имѣло бы для крестьянъ значеніе угрозы. Выкупъ на означенномъ основаніи, не требуя выкупа кредитныхъ бумагъ, могъ бы быть отданъ мѣрою обязательною для обѣихъ сторонъ. Къ нему можно бы было приступить по прошествіи первыхъ трехъ или четырехъ лѣтъ, въ теченіе которыхъ, какъ уже сказано, было бы необходимо сохранить установленные Положеніемъ высокіе оброки въ оброчныхъ мѣткахъ и уменьшенную надѣльную повинность въ бывшихъ барщинныхъ. Такимъ образомъ чрезъ двадцать-четыре года со времени освобожденія прекратились бы во всей Россіи обязательныя отношенія между помѣщиками и крестьянами, то-есть наступила бы та раздѣла, безъ которой крестьянская реформа не можетъ считаться законченною (редакціонныя комиссіи, не допуская выкупа обязательнаго для обѣихъ сторонъ и слѣдовательно одновременнаго для всѣхъ мѣтѣй, преимущественно руководствовались opinio, что высказывая налицы выкупныя кредитныя бумаги въ нѣсколько милліоновъ рублей сильно уронить какъ собственныя и курсъ, такъ и курсъ всѣхъ другихъ кредитныхъ зна-

новъ, и сверхъ того имѣть повестн въ несостоятельности са-
мого правительства въ выкупной операціи). Впрочемъ, еслибы
сдѣлан надѣловъ сдѣлана была по дѣйствительной ихъ стои-
мости, то, даже и при выкупѣ ихъ по банковому способу по-
гашенія долговъ, крестьяне оказались бы вполнѣ состоятельны-
ми для уплаты выкупа. Но при этомъ было бы справедливѣе
уплачивать помѣщикамъ по выкупнымъ бумагамъ, выдан-
нымъ въ половину стоимость надѣловъ, не 5%, а только 4%, такъ-
какъ таковой же процентъ уплачивался, при крѣпостномъ правѣ,
онокунскимъ совѣтомъ на вклады. Съ крестьянъ же въ такомъ случаѣ
сдѣдало бы взимать не 6%, а только 5% со стоимости надѣ-
ловъ, именно: 4% для выдачи помѣщикамъ, $\frac{3}{4}\%$ погашенія
и $\frac{1}{4}\%$ на издержки выкупной администраціи и въ запасный
взвѣтъ на случай недовомовъ. По этому разчету погашеніе
всѣхъ бумагъ было бы окончено въ 47 лѣтъ. За надѣлъ въ 45
руб. сер. крестьянамъ пришлось бы платить, въ теченіе 47 лѣтъ,
2 р. 25 коп., а за самый дорогой надѣлъ въ 96 р. 25 к. при-
шлось бы вносить 4 р. 81 коп., то-есть тѣ же самыя сумми,
которыя падали бы на нихъ и при безпроцентной разсрочкѣ вы-
купа на двадцать лѣтъ; но только помѣщики, имѣя въ рукахъ
выкупныя бумаги, могли бы ихъ немедленно реализовать и во
всякомъ случаѣ были бы вѣрнѣе обеспечены въ уплатѣ долга за кре-
стьянскую землю. Если же былъ бы принятъ вышѣшній шести-
процентный сборъ съ крестьянъ (5% помѣщикамъ, $\frac{1}{2}\%$ погаше-
нія и $\frac{1}{2}\%$ на администрацію и на недоимки), то за надѣлъ стои-
мостью въ 45 р. крестьяне уплачивали бы, въ теченіе 49-ти лѣтъ, по
2 р. 70 к., а за самый дорогой надѣлъ въ 96 р. 25 к. — по 5 р. 76 к.
Но какъ скоро условія покупки постановлены столь чрезвычны,
что самый предметъ покупки, то-есть земля, далеко не можетъ
ихъ собою обезпечить, то понятно, что всякая система выку-
па должна оказаться несостоятельною. Такъ случилось и съ вы-
купомъ крестьянскихъ надѣловъ. Положеніе о выкупѣ безучер-
ненно въ своихъ банковыхъ и финансовыхъ разчетахъ; съ этой
стороны оно сдѣлало все, чтобы обезпечить состоятельность пра-
вительства въ выкупной операціи; но оно при этомъ упустило изъ
вида одно обстоятельство — состоятельность самихъ плательщи-
ковъ, крестьянъ. Правда, въ послѣднее время выкупныя платежи
взыскиваются въ большинствѣ губерній бездовомно, а въ 1867 г.
ихъ поступило даже сверхъ текущаго овлада на $5\frac{1}{2}\%$ болѣе, въ
уплату прежнихъ недоимокъ; но не слѣдуетъ забывать, что для
взысканія этихъ платежей почти повсемѣстно близку употребленію во-
нудительныхъ мѣръ, означившихся часто продажей крестьянскаго
свѣта и имущества. Такой способъ взысканія плателскій отвѣдно

не можетъ быть повторенъ долго. Редакціонная коммиссія сами сознавали, что постановленныя ими условія выкупа были въ особенноти не подъ силу бывшимъ барщиннымъ крестьянамъ, и потому вовсе устранили содѣйствіе правительства для выкупа земель барщинныхъ крестьянъ, пока они будутъ состоять на барщинѣ. Правительственное содѣйствіе распространено на издѣльныхъ крестьянъ лишь въ 1863 г., высочайше утвержденнымъ 27-го іюня того года мѣрніемъ государственнаго совѣта. Хотя при этой послѣдней мѣрѣ конечно имѣлась въ виду польза обонъ сословія, но на дѣлѣ сказанное постановленіе нерѣдко обрадцается къ невыгодѣ крестьянъ, ибо оно дало помѣщикамъ возможность переводить издѣльныхъ крестьянъ, безъ ихъ согласія, на непосильный для нихъ выкупъ и вмѣстѣ съ тѣмъ навсегда привязывать ихъ къ надѣлу, безъ надежды оставить его послѣ 9 лѣтъ. Замѣчательно, что въ бывшихъ барщинныхъ губерніяхъ на выкупъ переведены несравненно большій процентъ имѣній и крестьянъ, чѣмъ въ губерніяхъ оброчныхъ: такъ напримѣръ въ описываемой губерніи (1.187.000 жит. об. пол.), гдѣ, за исключеніемъ 3-хъ уѣздовъ, крестьяне почти поголовно состояли на барщинѣ, окладъ выкупныхъ платежей въ 1867 г. значится (по вѣдомостямъ департ. окладн. сборовъ) въ 873,000 р., тогда какъ въ Нижегородской г. (1.285.000 душъ) онъ показанъ только въ 410.000 р., во Владимирской (1.216.000 душъ) въ 510.000 р., а въ Казанской (1.607.000 душъ) всего въ 235.000 р. Обстоятельство это весьма понятно. Крестьяне издѣльныхъ губерній знали прежде одну лишь барщину, не привыкли ни къ какому промыслу, почти не видали денегъ, и вдругъ на нихъ былъ наложенъ девятирублевый оброкъ, какъ и въ оброчныхъ имѣніяхъ промышленныхъ губерній (только въ нѣкоторыхъ бѣднѣйшихъ уѣздахъ издѣльныхъ губерній оброкъ положенъ въ 8 р.). Недомысли по оброкамъ должны были оказаться на прежнихъ барщинныхъ крестьянахъ немедленно и въ значительномъ количествѣ. Это обстоятельство и побуждало помѣщиковъ издѣльныхъ губерній переводить крестьянъ на обязательный выкупъ или склонять ихъ разными убѣжденіями на такъ-называемый выкупъ добровольный. Сверхъ того помѣщики земледѣльческихъ губерній, поставленные въ необходимость пересоздать свое хозяйство на совершенно новыхъ началахъ, нуждались въ деньгахъ больше, чѣмъ помѣщики оброчныхъ имѣній.

Въ первые года по освобожденіи, многія сельскія общества, по совершенному непониманію правилъ о выкупѣ, поддались убѣжденіямъ помѣщиковъ и мировыхъ посредниковъ и пошли на добровольный выкупъ. Помѣщики представляли крестьянамъ

тотъ доводъ, что имъ-де гораздо выгоднѣе платить только 49 лѣтъ, послѣ чего земля будетъ ихъ собственностію, чѣмъ платить вѣчно и все-таки не быть собственниками земли; но при этомъ помѣщики благоразумно умалчивали о правахъ обязательнаго выкупа, т.-е. о томъ, что, въ случаѣ несогласія крестьянъ на доплатительный платежъ, помѣщики, нуждающіеся въ деньгахъ, должны будутъ согласиться на уступку крестьянамъ пятой доли выкупной суммы. Многие посредники говорили крестьянамъ въ томъ же самомъ смыслѣ и съ тою же неоткровенностію, частію потому, что тянули сторону помѣщиковъ, частію же потому, что желали отлучиться враздъ начальствомъ представленіемъ большаго числа выкупныхъ соглашеній. Этотъ такъ-называемый добровольный выкупъ, не имѣя для крестьянъ ровно никакого преимущества враздъ обязательнымъ, ставитъ только ловушку ихъ темнотѣ и неосвѣтлности, и въ то же время какъ бы искушаетъ прамодушіе помѣщиковъ. Помѣщики, нежелающіе вводить крестьянъ въ заблужденіе, прямо переводили ихъ на обязательный выкупъ, и за свое чистосердечіе терпѣли убытокъ въ сравненіи съ тѣми, которые успѣвали вымочь отъ крестьянъ доплатительный платежъ. Какъ скоро было признано невозможнымъ сдѣлать выкупъ обязательнымъ для обѣихъ сторонъ, то было бы гораздо яснѣе и сообразнѣе съ достоинствомъ закона оставить одинъ видъ выкупа — по требованію помѣщика и съ полученіемъ имъ одной лишь выкупной ссуды; ибо и теперь, безъ согласія помѣщика, выкупъ надѣловъ для крестьянъ невозможенъ. Такъ-называемый выкупъ по требованію крестьянъ, начинающійся съ заявленія ими желанія выкупить одинъ усадьбу, обставленъ такими условіями, что на дѣлѣ онъ вполнѣ неосуществимъ и обращается въ мертвую букву. На практикѣ существуетъ собственно одинъ родъ выкупа—выкупъ по желанію помѣщика, но только въ двухъ видахъ: съ вымогательствомъ у крестьянъ доплатительнаго платежа и безъ вымогательства онаго. Эта неясность и двойственность условій выкупа составляетъ одинъ изъ главнѣйшихъ недостатковъ Положенія о выкупѣ, послѣ непомѣрно высокой оцѣнки надѣловъ. Но теперь крестьяне почти повсемѣстно успѣли понять, что, въ случаѣ ихъ несогласія на доплатительный платежъ, помѣщики, желающіе выкупа, должны будутъ ограничиться одною выкупною ссудою. Поэтому добровольныя выкупныя сдѣлки становятся теперь все рѣже и рѣже.

Такимъ образомъ выкупъ, долженствовавшій, по мысли Положенія 19-го февраля, облегчить крестьянъ и завершить собою дѣло улучшенія ихъ быта, въ дѣйствительности мертвѣло обра-

щается еще въ большему и въ стѣсненнѣе. Въ губерніяхъ непродуцированныхъ онъ навязываетъ крестьянамъ въ собственность землю по цѣнѣ, почти втрое превосходящей ея настоящую стоимость, и отнимаетъ у нихъ возможность воспользоваться, по истеченіи 9 лѣтъ, правомъ перехода на другія земли. Въ хлѣбородныхъ губерніяхъ, гдѣ значительная часть крестьянъ, и послѣ двухлѣтнаго періода, оставалась на надѣльной повинности, обязательный выкупъ принудительно заставлялъ для нихъ эту повинность денежными платежами, которые, хотя и меньше оброка, но все-таки въ большинствѣ случаевъ превосходятъ средства тамошнихъ крестьянъ. Финансовое отдѣленіе редакціонныхъ комиссій, составившее Положеніе о выкупѣ, думало, что выкупные платежи будутъ для крестьянъ легки, и потому, въ случаѣ значительныхъ недовольствъ, предполагало, какъ угрозу, допустить отобраніе всей мирской земли и переселеніе крестьянъ въ отдаленныя губерніи (Проектъ о вык. стр. 190). Многія сотни тысячъ крестьянъ, изъ числа переведенныхъ на выкупъ въ различныхъ губерніяхъ, ничего лучшаго теперь не желали бы, какъ осуществленія этой мѣры. Ожидало ли финансовое отдѣленіе такого исхода постановленныхъ имъ правилъ? При чрезмѣрномъ обиліи другихъ кредитныхъ знаковъ въ Россіи, выпускъ выкупныхъ бумагъ (выкупныхъ свидѣтельствъ, свидѣтельствъ непрерывнаго дохода и 5% банковыхъ билетовъ 2-го выпуска) на нѣсколько сотъ милліоновъ рублей повелъ къ упадку ихъ курса, доходившему до 80 и даже болѣе процентовъ. Выкупныя бумаги, оплачиваемыя крестьянскими деньгами, сдѣлались предметомъ биржевой спекуляціи, и громадная операція выкупа послужила всего болѣе къ обогащенію банкировъ, разныхъ биржевыхъ комиссіонеровъ и мѣнялъ. Крестьянамъ, въ самое трудное время ихъ свободной жизни, пришлось платить не только въ пользу помѣщиковъ, за землю и за отпускъ ихъ на свободу, но и въ пользу обогащенія разныхъ заѣзжихъ и своихъ православныхъ спекулянтовъ.

Одѣвка надѣловъ по ихъ дѣйствительной стоимости была признана редакціонными комиссіями невозможною. Цѣны низшія по купчимъ крѣпостямъ сочтены были неудовлетворительными сказанной цѣли; случаи найма земли и продажи отдѣльныхъ земельныхъ участковъ были при крѣпостномъ правѣ слишкомъ рѣдки и не могли показывать дѣйствительной цѣны на землю; кадастръ подробный и ученый былъ бы въ настоящемъ случаѣ вполне невозможенъ; притомъ, какъ доказалъ опытъ въ другихъ странахъ, кадастръ никогда не достигаетъ своей цѣли. Впрочемъ, при усвоенномъ комиссіями началѣ, что оброкъ и

вникнуть дашини вознаграждать не только за землю, но и за потерянна рабочія силы, о дѣйствительной оцѣнкѣ земли не могло быть собственно и рѣчи. Цѣны, установленныя комиссіями, грѣшатъ на противъ абсолютной вѣрности, вопреки никогда на практикѣ не была бы достигнута, а грѣшатъ противъ самаго значенія поземельной цѣны. Но если бы Положеніе отправлялось отъ другого начала, отъ начала вознагражденія помѣщикамъ только цѣны надѣловъ, а не цѣны дупъ, то приблизительно вѣрная оцѣнка крестьянской земли была бы, какъ мнѣ кажется, дѣломъ вполне возможнымъ. Предъ правительствомъ стояли дѣя заинтересованныя стороны: помѣщики и крестьяне, изъ которыхъ каждая, лучше всякихъ кадастраторовъ, знала всѣ обстоятельства, обуславливающія цѣну земли, именно: достоинство крестьянскихъ угодій въ каждомъ имѣніи, средній урожай хлѣбовъ, существующія на нихъ цѣны въ данной мѣстности, наконецъ стоимость обработки. Надобно было только, чтобы посредствующая власть выслушала на мѣстѣ показанія обѣихъ сторонъ, повѣрала ихъ съ дѣйствительностію, сравнила съ другими данными окрестной мѣстности и, руководствуясь общими указаніями преподанной ей инструкціи, опредѣлила цѣну надѣла, на основаніи на примѣръ чистаго дохода, который можно съ него получать. Такою посредствующею властію могли бы быть оцѣночныя комиссіи, составленныя изъ мирового посредника, одного изъ мѣстныхъ помѣщиковъ по выбору дворянства и изъ эксперта, назначеннаго отъ правительства (на примѣръ изъ чиновниковъ министерства государственныхъ имуществъ, служившихъ по кадастру и лѣстраціи); къ нимъ необходимо было бы придать межевщика. Тѣмъ или другимъ способомъ, оцѣночныя комиссіи, при дѣятельномъ надзорѣ и руководствѣ губернской власти, могли бы окончить оцѣнку надѣловъ въ тѣ три или четыре года, въ продолженіе которыхъ крестьяне платили бы оброки или отбывали издѣльную повинность, какъ постановлено въ Положеніи; вмѣстѣ съ тѣмъ оцѣночныя комиссіи рѣшили бы и большую часть другихъ вопросовъ, относящихся къ введенію Положенія и требующихъ мѣстнаго дознанія. Только при посредствѣ такихъ комиссій крестьяне могли бы быть уравнительно обложены выкупными платежами, сообразно достоинству ихъ надѣловъ и особымъ выгодамъ cadaго селенія. Въ настоящее же время всѣ селенія одной и той же *мѣстности*, заключающей въ себѣ часто нѣсколько десятковъ уѣздовъ, подведены Положеніемъ подъ одну и тѣ же нормы оброковъ и выкупа, тогда-какъ въ одномъ и томъ же уѣздѣ, на разстояніи иногда двухъ-трехъ верстъ, встрѣчаются селенія, чрезвычайно различающіяся

въ хозяйственныхъ выгодахъ. Очевидно, что никакими методами и соображеніями нельзя было изъ Петербурга распланировать всю Россію на мѣстности, соотвѣтственно ихъ хозяйственнымъ условіямъ, и сдѣлать для нихъ уравнительное распредѣленіе обрѣковъ и дѣлуа. Крестьянская реформа въ Пруссіи всѣмъ своимъ успѣхомъ обязана, послѣ основннхъ аддѣловъ 1807 и 1811 годовъ, имен- но дѣйствию подобныхъ оцѣночныхъ комиссій (въ Пруссіи, какъ и во всей Германіи, вынужденъ не надѣлы крестьянъ, давно уже признанные закономъ ихъ собственностию, но крестьянскія обяза- тельныя повинности помѣщикамъ; повинности же эти, въ свою очередь, съ давнихъ уже поръ были регулируемы и уменьшаемы властію закона).

Нельзя однако пройти молчаніемъ, что, при одѣннхъ надѣ- ловъ по скандинавскому способу, т.-е. посредствомъ особнхъ оцѣ- ночныхъ комиссій, крестьянской реформѣ могла угрожать дру- гаго рода опасность, еще бѣльшая, чѣмъ нынѣшнее обремененіе крестьянъ неносильными для нихъ обрѣками и выкупными пла- тежами. Работа оцѣночныхъ комиссій могла бы затянуться го- раздо долѣе предполагаемаго здѣсь срока. Во все это время одинъ изъ главнѣйшихъ вопросовъ реформы, вопросъ о вознагражденіи помѣщиковъ, оставался бы открытымъ. Не могли ли бы воспользоваться этимъ временемъ противники реформы, что- бы не только склонить рѣшеніе упомянутаго вопроса на одну сторону, но и поколебать основныя начала реформы? Тѣснѣйшій кружокъ людей, выработавшихъ эти начала, былъ бы уже тогда разсѣянъ и безсиленъ. Въ Россіи надобно ковать жалѣзо, пока оно горячо, пользоваться благопріятною минутою и стараться поско- рѣе закрѣпить то, что удалось уже сдѣлать, какъ бы ни было оно неолно и несовершенно, иначе завтрашній день можетъ унести то, что принесъ сегодняшний, ибо дни русскіе злы и измѣнчи- вы. Извѣстно, что сами редакціонныя комиссіи, послѣ смерти ихъ перваго предсѣдателя, не безъ труда отстояли нѣкоторыя коренныя начала реформы, какъ напрямѣръ безсрочность поль- зованія крестьянъ своимъ надѣлами. Въ самой Пруссіи прави- тельство, подчиняясь разнымъ вліаніямъ, отступило впоследствии отъ широкихъ началъ выкупа, принятыхъ въ 1811 г., а адми- нистрація дѣйствовала медленю. Послѣдствіемъ сего было то, что прусскіе земледѣльцы, обманутые въ своихъ законныхъ надеждахъ, приняли участіе въ волненіяхъ 48 года, хотя до- толѣ всегда отличались преданностію монархической власти. Послѣ такого урока, прусское правительство должно было дать крестьянскому дѣлу оборотъ довольно крутой и невыгодный для дворянства. Изложенныя выше опасенія были высказываемы и

нѣкоторыми изъ главныхъ участниковъ составленія Положенія 19-го февраля, когда имъ замѣчали о неуравнительности установленныхъ ими оброковъ и о необходимости особнхъ оцѣночныхъ комиссій. Впрочемъ въ этомъ случаѣ, быть можетъ, еще сильнѣе сказаннаго опасенія, дѣйствовало столь свойственное русскому характеру желаніе поскорѣе окончить заданный трудъ и оставить за собою всю его славу, не вдаваясь въ копотливую и продолжительную работу оцѣночную, заслуга которой принадлежала бы уже другимъ людямъ. Я даже позволяю себѣ думать, что упомянутыя опасенія были преувеличены. Коронныя начала Положенія остались бы подъ мощною охраною Того, на Кому единственно ожидалась вся крестьянская реформа, Кому и редакціонныя комиссіи обязаны тѣмъ, что могли провести въ законъ выработанныя ими начала. Есть историческія лица, люди судебъ, для которыхъ возвратъ къ прошедшему уже невозможенъ, какъ бы тѣсно ни обстоили ихъ силы, стремящіяся повернуть ихъ на понятный путь, ибо эти люди въ создаваемомъ ими новомъ порядкѣ положили всѣ лучшія силы своего духа и разума, связали съ нимъ славу и честь своего имени; возвратъ къ разрушенному ими ветхому порядку такъ же для нихъ невозможенъ, какъ невозможно лучу свѣта, пробившемуся сквозь мракъ, снова возвратиться въ своему источнику и въ немъ погаснуть.

• Многие конечно скажутъ, что замѣна имѣнныхъ оброковъ выкупомъ, разчитаннымъ по дѣйствительной стоимости земли, разорила бы помѣщиковъ. Если подѣ разореніемъ разумѣть собственно упраздненіе крѣпостнаго налога на личный трудъ крестьянина, то надобно вспомнить, что упраздненіе этого налога составляетъ существеннѣйшую принадлежность освобожденія крестьянъ, ибо иначе положеніе бывшихъ оброчныхъ крестьянъ послѣ освобожденія мало отличалось бы отъ ихъ положенія предѣ освобожденіемъ. Но что помѣщики, желающіе сами трудиться и заниматься хозяйствомъ, не были бы разорены при объясненномъ мною способѣ ихъ удовлетворенія, тому я видѣлъ убѣдительныя доказательства. Два описываемые мною уѣзда принадлежатъ къ мѣстностямъ самымъ неблагоустроеннымъ для сельскаго хозяйства; между тѣмъ я знаю здѣсь помѣщиковъ, которые, получая имѣнія безъ воепейки оброка или выкупа (выкупныя деньги при раздѣлѣ имѣній поступили въ другія руки), извлекаютъ изъ своего хозяйства весьма удовлетворительныя доходы и никакъ не считаютъ себя разоренными. Одинъ изъ такихъ помѣщиковъ имѣетъ у себя 120 дес. запашки въ трехъ поляхъ и 70 дес. луга. По собственнымъ его словамъ,

если бы пришлось ему отдавать это имѣніе въ аренду, то онъ не могъ бы взять за него, со скотомъ и всѣми хозяйственными принадлежностями, менѣе 1,000 р.; слѣдовательно самъ онъ получаетъ съ него чистаго дохода не менѣе 1,000 р., и сверхъ того пользуется съ него же содержаніемъ на все семейство и прислугу, что обыкновенно здѣшними помѣщиками не владется въ доходъ. Притомъ у него остается въ этомъ же имѣніи около 2,000 дес. равной земли и лѣса, которыя хотя и не даютъ теперь дохода, но, съ устройствомъ путей сообщенія въ этой мѣстности и съ умноженіемъ народонаселенія, могутъ быть съ выгодною пущены въ хозяйственный оборотъ. Деревня, принадлежавшая къ этому имѣнію, включаетъ въ себѣ 30 дворовъ, слѣдовательно не менѣе 120 душъ. Если бы помѣщикъ получилъ съ нихъ выкупъ по 45 р. съ душеваго надѣла, какъ мною предположено, то ему причталось бы всей выкупной суммы 5,400 р., а раскладывая ее на 20 лѣтъ, онъ получалъ бы въ годъ по 270 р. Прикладывая эту сумму къ доходу, получаемому теперь помѣщикомъ съ земли, оставшейся въ его собственномъ распоряженіи, весь чистый доходъ съ имѣнія получится не менѣе 1,270 р. — содержаніе семейства, за исключеніемъ предметовъ, покупаемыхъ въ городѣ. Какой доходъ получался съ этого имѣнія при крѣпостномъ правѣ, того мнѣ неизвѣстно и имѣть объ этомъ вѣрныя свѣдѣнія отъ помѣщиковъ невозможно. Но положимъ, что это имѣніе было бы продано по самой высшей цѣнѣ, какая существовала въ здѣшнемъ краѣ при крѣпостномъ правѣ, то-есть по 200 р. за душу, или за 24,000 рублей (такая цѣна за это имѣніе, если и была бы возможна, то только при продажѣ его съ принадлежащею къ нему лѣсною дачею), и что владѣлецъ приобрѣлъ бы на эту сумму государственными процентными бумагами изъ 6%. Такая реализація упоминаемаго имѣнія конечно не была бы сочтена его владѣльцемъ разорительною операціею. Продавъ имѣніе, онъ получалъ бы на бумагахъ 1,440 р. дохода. При выкупѣ же на сказанныхъ мною условіяхъ, онъ въ настоящее время получалъ бы не менѣе 1270 р. деньгами и сверхъ того содержаніе семейства и прислуги, слѣдовательно, во всякомъ случаѣ значительно болѣе 1,440 рублей; да кромѣ того у него оставалось бы до 2,000 дес. равной земли и лѣса, доходъ съ которыхъ, черезъ 20 лѣтъ, конечно съ лихвою покрылъ бы утрату 270 рублей крестьянскаго выкупа. Слѣдовательно самая выгодная реализація этого имѣнія при крѣпостномъ правѣ дала бы помѣщику менѣе дохода, чѣмъ онъ получалъ бы теперь, при собственномъ хозяйствѣ и при полученіи выкупа въ предположенномъ мною разиѣрѣ.

Правда, большая разница получать проценты съ хорошо обезпеченныхъ кредитныхъ бумагъ, безъ всякаго труда и хлопотъ, или же извлекать доходъ изъ имѣнія посредствомъ хозяйства. Угнимаемый помѣщикъ, для извлеченія того дохода изъ имѣнія, который онъ теперь получаетъ, долженъ почти круглый годъ жить въ деревнѣ, самъ входить во всѣ мелочи хозяйства, толковать съ мужиками, проводить иногда лѣтомъ цѣлыя дни въ полѣ: вотъ въ этомъ и состоитъ существенная разница прежняго и новаго положенія помѣщиковъ, та невыгода, которая причинена имъ упраздненіемъ крѣпостнаго права. При существованіи барщины помѣщикъ могъ вовсе не жить въ этомъ имѣніи, и получать бы съ него дохода, быть можетъ, еще болѣе 1,440 р., которые и проживалъ бы спокойно въ городѣ; теперь же, если бы помѣщикъ не жилъ въ имѣніи и не занимался самъ хозяйствомъ, то едва-ли онъ получилъ бы болѣе 600 р. чистаго дохода (такую именно сумму предлагалъ ему за аренду этого имѣнія одинъ мѣстный купецъ). По этому примѣру, взятому въ одной изъ самыхъ неблагодарныхъ для хозяйства губерній, можно судить, что въ черноземныхъ губерніяхъ, гдѣ продажная и наемная цѣны на землю быстро возрасли со времени освобожденія крестьянъ и продолжаютъ возрастать непрерывно, положеніе помѣщиковъ, занимающихся хозяйствомъ, отнюдь не стало бы хуже въ сравненіи съ прежнимъ временемъ, если бы выкупъ ограничился восстановленіемъ имъ той лишь цѣны, которую крестьянскія земли имѣли при крѣпостномъ правѣ. Чувствительную и нескоро поправимую потерю испытали бы, при сказанномъ способѣ выкупа, только помѣщики сѣверныхъ промышленныхъ губерній, гдѣ въ прежнее время огромные оброки почти исключительно ложились на личный заработокъ крестьянъ и гдѣ теперь, въ средѣ населенія, предпочитающаго промыслы земледѣлію, помѣщики должны встрѣчать большія затрудненія къ заведенію собственнаго хозяйства. Поэтому было бы справедливо въ промышленныхъ губерніяхъ нѣсколько возвысить выкупную оцѣнку надѣловъ противъ ихъ дѣйствительной стоимости, а въ замѣнъ того — въ губерніяхъ земледѣльческихъ нѣсколько понизить ее. Такое уравненіе было бы справедливо не только по отношенію къ помѣщикамъ, но и по отношенію къ крестьянамъ, такъ-какъ крестьяне земледѣльческихъ губерній, истощенные и пригнупленные двухвѣковой барщиною, требуютъ нѣкоторыхъ льготъ, чтобы они могли вздохнуть и оправиться. Несомнѣнно однако, что придетъ время, когда, даже и въ промышленныхъ губерніяхъ, сила обстоятельствъ заставитъ помѣщиковъ изыскать способы для извлеченія соответственнаго

дохода въ своихъ имѣній, независимо отъ получаемыхъ ими оброковъ. Чѣмъ больше нынѣшніе высокіе оброки даютъ возможность помѣщикамъ продолжать прежній родъ жизни, вдали отъ своихъ имѣній, тѣмъ медленнѣе наступитъ сказанное время. Осязательныя доказательства этой истины я встрѣчалъ и въ описываемой мною губерніи. Мнѣ случалось иногда видѣть помѣщиковъ, близкихъ сосѣдей другъ къ другу, въ которыхъ одни получаютъ большіе оброки, а другіе наследовали имѣнія вовсе безъ оброка и выкупа. Первые болѣею частію пренебрегаютъ хозяйствомъ, живутъ не по средствамъ, зиму проводятъ въ губернскомъ городѣ, иногда прогуливаются даже за границу, долговъ въ опекуиіскій совѣтъ не платятъ; запущенныя поля встрѣчаются преимущественно у такихъ помѣщиковъ. Вторые, то-есть безоброчныя помѣщики, лѣто и зиму сидятъ надъ своимъ хозяйствомъ; пахутъ столько, сколько позволяютъ имъ ихъ средства; находятъ иногда новыя статьи дохода, о которыхъ при крѣпостномъ правѣ никто и не думалъ. Тогда какъ первые, запуская свои поля или отдавая ихъ на выпашку крестьянамъ, постепенно умаляютъ цѣнность своихъ имѣній, вторые постепенно ее увеличиваютъ, и въ окончательномъ итогѣ окажутся чрезъ нѣсколько лѣтъ богаче своихъ многооброчныхъ сосѣдей, когда эти послѣдніе принуждены будутъ, въ силу недоимокъ, отпустить крестьянъ на выкупъ и прожить выкупную ссуду. Въ томъ и состоитъ одно изъ благодѣтельныхъ послѣдствій совершеннаго уничтоженія крѣпостнаго права, со всѣми его принадлежностями, что чрезъ это возбуждается у землевладѣльцевъ энергія, предусмотрительность и разчетливость, которыя немислимы у людей, живущихъ насчетъ чужаго заработка и собирающихъ тамъ, гдѣ не сѣяли. Полное уничтоженіе крѣпостнаго права, то-есть права пользоваться чужими силами, заставляетъ землевладѣльцевъ находить такіе источники дохода, которыхъ прежде никто не подозрѣвалъ, и придавать цѣнность такимъ статьямъ хозяйства, которыя дотолѣ лежали впускъ и втунѣ; слѣдовательно полное уничтоженіе крѣпостнаго права есть общаа выгода всѣхъ: и крестьянъ, и помѣщиковъ, и государства. Впрочемъ, если мы примемъ въ соображеніе потерю помѣщиковъ на курсѣ выкупныхъ бумагахъ, то окажется, что въ непроеизводительныхъ губерніяхъ предположенная мною оцѣнка надѣловъ по ихъ дѣйствительной стоимости не такъ значительно разнилась бы отъ нынѣшней выкупной ссуды, какъ это можетъ показаться съ перваго взгляда; въ губерніяхъ же плодородныхъ упоминаемая оцѣнка была бы даже болѣе той суммы, въ которую обращаются выкупныя бумага, при продажѣ ихъ

по курсу. Въ самомъ дѣлѣ, такъ-какъ курсъ выкупныхъ бумагъ долгое время стоялъ ниже 70%, то, принимая его въ 70%, оказывается, что, при восьмирублевомъ оброгѣ, помѣщики выручали съ душеваго надѣла только 74 р. 90 к. (при обязательномъ выкупѣ), по моему же разчету они получили бы въ описываемой мною мѣстности по 45 р.; въ плодородныхъ же губерніяхъ они получали по выкупнымъ бумагамъ по 84 р. за душевой надѣлъ, а по сдѣланному мною разчету они за самый дорогой надѣлъ взяли бы 96 р. 25 к. Правда, по моему разчету, помѣщики получали бы выкупную сумму съ разсрочкою на 15 и 20 лѣтъ, тогда какъ при продажѣ бумагъ они получаютъ деньги одновременно; но что въ первомъ случаѣ теряли бы помѣщики, а преимущественно биржевые спекулянты, то вознаграждалось бы для всего государства спасеніемъ крестьянъ отъ разоренія или отъ несостоятельности предъ правительствомъ, которая рано или поздно можетъ наступить, несмотря на строгія мѣры взыскапія выкупныхъ платежей.

Многіе изъ помѣщиковъ хотя и соглашались съ тѣмъ, что крестьяне не въ состояніи съ своихъ надѣловъ прокормить себя и уплатить всѣ лежащія на нихъ повинности, но говорятъ, что они легко могли бы покрыть всѣ свои расходы, и даже сдѣлать болѣе или менѣе значительное сбереженіе, посредствомъ постороннихъ заработковъ. На такое разсужденіе можно впервыкъ отвѣтить, что и теперь рѣдкая деревня обходится однимъ своимъ надѣломъ: почти повсемѣстно крестьяне нанимаютъ у помѣщиковъ либо отрѣзныя земли, либо пашни и луга, либо лѣсные покосы (въ лѣсистыхъ губерніяхъ). За эти угоды они чаще отбываютъ помѣщикамъ различныя работы или же обрабатываютъ помѣщичьи земли изъ извѣстной части урожая. Крестьяне, погоняемые нуждою и недостаточностью собственныхъ надѣловъ, нерѣдко набираютъ такъ много работъ на сторонѣ, что не успѣваютъ управляться съ своею землею, запаздываютъ посѣвомъ и уборкою и терпятъ отъ этого убытки: понятно, что помѣщики, давъ имъ свои угоды, требуютъ прежде всего исполненія условленной работы. Крестьяне позажиточнѣе, имѣющие хорошихъ лошадей и исправную упряжь, занимаются извозомъ. Наконецъ многія тысячи крестьянъ расходятся на дальніе заработки. Чьи же руки, какъ не крестьянскія, строить по всей Россіи желѣзныя дороги, дома и всѣ другія сооруженія, тянуть лампу на бичевникахъ, проводить суда, рубить и сплавливать лѣсъ, работать на фабрикахъ и заводахъ? Ни одинъ многосемейный хозяинъ не станетъ держать дома излишнихъ работниковъ; они расходятся туда, гдѣ, по ихъ соображеніямъ, трудъ

ихъ лучше оплачивается. Тягость этихъ отхожихъ работъ и всѣ сопровождающія ихъ лишеныя извѣстны каждому. Надобно также вспомнить, сколько стѣсненій встрѣчаютъ эти отхожіе работники отъ паспортовъ и круговой поруки, сколько ихъ трудовыхъ рублей идетъ на разные узаконенные и незаконенные поборы. Если крестьяне, остающіеся дома, много теряютъ времени въ бездѣйствіи, то справедливость требуютъ сказать, что не всегда это бездѣйствіе происходитъ отъ ихъ лѣни: часто оно есть только неизбѣжное слѣдствіе нашего климата, крестьянской бѣдности и неустановившихся еще у насъ правильныхъ отношеній между предложеніемъ и спросомъ на трудъ и поземельныя угодья. Зима почти на цѣлые полгода налагаетъ принудительное бездѣйствіе на земледѣльца, у котораго, кромѣ сохи и тощей лошади, нѣтъ никакихъ другихъ орудій производства и ни копейки запасныхъ денегъ; а таковы почти всѣ крестьяне земледѣльческихъ губерній. Имъ остается зимою только драть лыжи и много-много привезти въ сосѣдній городъ нѣсколько возовъ дровъ. Земледѣльческій трудъ не выноситъ дальнихъ разстояній; между тѣмъ крестьянинъ не всегда можетъ нанять землю у сосѣднихъ помѣщиковъ, потому что тѣ или требуютъ за нее такую цѣну, при которой ничего не очищалось бы крестьянину за трудъ, или же вовсе не хотятъ отдавать ее крестьянамъ, боясь, что она ее выпашутъ и истощатъ. Наконецъ весьма важная препона къ развитію крестьянскаго труда въ Россіи состоитъ въ томъ, что трудъ этотъ вообще слишкомъ дешево оплачивается, вслѣдствіе невыгодныхъ цѣнъ, существующихъ въ городахъ на всѣ крестьянскія произведенія. Явленіе это имѣетъ двѣ причины: вопервыхъ предшествовавшее крѣпостное право, а потомъ отсутствіе въ нашихъ городахъ почти всякой заводской и мануфактурной производительности, которая могла бы, своимъ обмѣномъ на земледѣльческіе продукты, оплачивать деревнямъ содержаніе городовъ. При крѣпостномъ правѣ трудъ крестьянина цѣнился ни почемъ, какъ трудъ всякаго подневольнаго и неизмѣющаго своей собственности работника. Обычныя цѣны на главнѣйшія жизненныя потребности измѣняются вообще медленно, хотя бы и измѣнились нѣкоторыя общественныя условія; слѣдовательно и съ этой стороны нельзя бы было ожидать скорого увеличенія цѣнъ на крестьянскія произведенія послѣ реформы 19-го февраля 1861 г. Съ другой стороны, наши города, производя слишкомъ мало или вовсе ничего не производя, не въ состояніи давать земледѣльцамъ соответственнаго вознагражденія за свое продовольствіе. Наше провинціальное купечество малочисленно и обороты его ничтожны; мѣщанство наше

есть своего рода класс пролетаріевъ, почти ничего непронизводительный и живущій преимущественно кулашничествомъ, насчетъ окрестныхъ крестьянъ; затѣмъ остаются въ городахъ: духовенство, многочисленный классъ чиновниковъ, большинство которыхъ живетъ самымъ скуднымъ жалованьемъ, и еще многочисленнѣйшее потомство этихъ обихъ сословій, пребывающее навѣще въ совершенной нищетѣ. Вотъ тѣ классы, которые должны оплачивать трудъ нашихъ земледѣльцевъ: понятно, какъ должна быть выгодна для крестьянъ эта оплата. Непроизводительность и скудость нашихъ городскихъ сословій служить также источникомъ незаконныхъ поборовъ, надувательствъ и разныхъ прижимокъ, которые, какъ нити паутины, простираются изъ городовъ на все наше сѣрое мужицкое населеніе. Наши города, вмѣсто того, чтобы своею мануфактурно-торговою дѣятельностію и своими капиталами оживлять и питать сельскую производительность, ложатся на нее всею своею тяжестію. О правильномъ обмѣнѣ цѣнностей не можетъ быть и рѣчи тамъ, гдѣ одна сторона не производитъ почти никакихъ цѣнностей; здѣсь можетъ быть только грошовая оплата крестьянскаго труда грошами, съ самихъ же крестьянъ собранными тѣмъ или другимъ путемъ. Россія въ экономическомъ отношеніи доселѣ представляетъ огромную деревню, какою она была въ прежнія времена; наши города какъ бы для того только возникали и размножались, чтобы притягивать къ себѣ и расточать непроизводительно плоды трудовъ деревенскаго населенія, ничѣмъ не вознаграждая послѣдняго ни въ матеріальномъ, ни въ нравственномъ отношеніи. Вотъ почему единственно-выгоднымъ путемъ сбыта земледѣльческихъ продуктовъ почитается у насъ отправка ихъ за границу, и всѣ надежды сельскихъ хозяевъ устремляются на тѣ приморскіе города, въ которые должны будутъ упраться проводимыя теперь желѣзныя дороги, какъ будто вовсе не нужно русскаго хлѣба для 500 городовъ Европейской Россіи, съ ихъ четырехмилліоннымъ населеніемъ (не считая Петербурга и Москвы). Но заграничный отпускъ хлѣба можетъ обогащать только крупныхъ землевладѣльцевъ и преимущественно купечество, изъ крестьянъ же воспользуются его выгодами весьма немногіе. Если наши городскія сословія, по своей непроизводительности, не въ состояніи соотвѣтственнымъ образомъ оплачивать трудъ крестьянина, то съ другой стороны и крестьяне, гнетомые нуждою, погоняемые взысканіемъ повинностей, не могутъ выдерживать цѣны и принуждены отдавать свои произведенія почему ни пошло. По освобожденіи крестьянъ, городскіе жители описываемой мною губерніи опасались наприимѣръ, что слишкомъ вадорожаютъ

дрова, привозимыя крестьянами на базаръ и пригоняемыя по рѣкамъ; вмѣсто того цѣна ихъ не только не поднялась, но въ первые годы по освобожденіи были еще ниже, чѣмъ въ предшествовашіе. Я уже упоминалъ, что въ одномъ изъ посѣщеныхъ мною уѣздныхъ городовъ этой губерніи возъ дровъ продается зимою за гривенникъ, а этотъ возъ крестьянинъ везетъ перѣдко за 20 верстъ; сажень трехполѣвннхъ, хотя и мелвхъ дровъ, стоятъ тамъ съ доставкою 2 рубля. Въ другомъ изъ уѣздныхъ городовъ цѣна на дрова еще ниже. Сообразивъ всѣ сказанныя условія, въ которыя поставлены такъ-называемыя посторонніе крестьянскіе заработки, едва-ли можно утверждать, какъ общее правило, что посредствомъ ихъ крестьянину легко и уплатить всѣ повинности, и сдѣлать еще сбереженіе. Весьма нетрудно, сидя въ кабинетѣ, разчитывать: сколько у крестьянина, за обработкою его надѣла, остается свободныхъ дней въ году, сколько онъ можетъ выработать каждый день, сколько ему нужно, по нашему предположенію, на харчи, одежду и уплату повинностей, и потомъ вывести итогъ, сколько у него должно остаться денегъ на его прихоти или для образованія запаснаго капитала. Подобныя разчеты дѣлаются весьма скоро и легко; но гораздо труднѣе взвѣсить всѣ невыгодныя условія, въ которыя поставленъ у насъ трудъ крестьянина и о которыхъ всѣ мы, пишущіе и разсуждающіе о меньшихъ братьяхъ, имѣемъ весьма еще неполное понятіе, а иногда и вовсе не имѣемъ никакого понятія. Представимъ себѣ, что въ одинъ изъ нашихъ уѣздовъ призваны сѣверо-американскіе колонисты или бельгійскіе крестьяне и поставлены въ тѣ же самыя условія, въ которыхъ находятся наши мужики, т.-е. что они предварительно обобраны до той степени нищеты, на которой находились наши крестьяне въ минуту ихъ освобожденія, что они прирѣшлены къ своимъ надѣламъ неразрѣшными узами, что имъ вѣнены въ обязанность общинное пользованіе землею и круглая порука, что они подчинены подушному окладу, паспортной системѣ и рекрутской повинности, что на нихъ же возложены всѣ или, по крайней-мѣрѣ, бѣлая часть натуральныхъ повинностей въ уѣздѣ, что въ то же время распивочная продажа водки водворена въ каждой деревнѣ въ видѣ нѣсколькихъ кабаковъ, составляющихъ между собою въ искусствѣ заманивать и спавать бѣдное челоѣчество: рѣшитесь ли вы, читатель, къ какому бы сословію, направленію или партіи вы ни принадлежали, рѣшитесь ли вы утверждать, что эти бельгійцы или янки, въ семилѣтній срокъ со времени ихъ водворенія въ русскомъ уѣздѣ, заведутъ отличное хозяйство на своихъ надѣлахъ, поспиниуть отъ помѣщиковъ ихъ запольныя и никогда неудобрав-

шлеса земли и обратить ихъ въ тучныя нивы и пашни, что наконецъ, продавая свои продукты въ уѣздномъ или губернскомъ городѣ по существующимъ у насъ цѣнамъ, они не только легко уплатятъ на вырученные деньги всѣ свои повинности, по 14 и 15 рублей на душу, но еще сами будутъ жить пригнѣваячи и сдѣланнымъ запасомъ, хлѣбнымъ или денежнымъ, обезпечать себя отъ голода въ случаѣ неурожаа? Если развитый умъ, практическія знанія, энергія и духъ предпримчивости, принесенные этими переселенцами изъ ихъ свободнаго и просвѣщеннаго отечества, и помогутъ имъ въ началѣ сдѣлать въ своемъ хозяйствѣ что нибудь больше того, что сдѣлано нашими крестьянами со времени ихъ освобожденія, то можно ли ручаться, что дѣти этихъ переселенцевъ, выросши въ условіяхъ нашего крестьянскаго быта, не сравнятся съ нашими мужиками? Если нѣмецкіе колонисты южной Россіи представляютъ такое поразительное отличие отъ сосѣднихъ русскихъ крестьянъ, по своему благосостоянію, трудолюбію и нравственности, то этимъ они обязаны прежде всего тѣмъ огромнымъ льготамъ и богатымъ земельнымъ надѣламъ, которые они получили и удерживаютъ доселѣ въ ихъ новомъ отечествѣ. Эти колонисты поставлены были русскимъ правительствомъ въ положеніе совершенно исключительное, какимъ не пользовалось ни одно сословіе въ Россіи: они все получали отъ государства, а обязательства къ государству на нихъ не наложено почти никакихъ. При такихъ условіяхъ они конечно могли удержать и укрѣпить въ себѣ тѣ добрыя задатки христіанско-европейской цивилизаціи, которые были принесены ими изъ ихъ германскаго отечества. Впрочемъ, какъ скоро люди самихъ противоположныхъ мнѣній соглашаются съ тѣмъ, что крестьяне не въ состояніи уплачивать съ своихъ надѣловъ всѣхъ лежащихъ на нихъ повинностей и что болѣе или менѣе значительная часть этихъ повинностей должна быть оплачиваема личными заработками крестьянъ, то этимъ однимъ доказывается уже, что крестьянскій трудъ поставленъ у насъ въ самыя невыгодныя условія: ибо и опытъ всѣхъ государствъ, и лучшіе умы изъ среды финансистовъ и политико-экономистовъ давно уже уяснили ту истину, что какъ скоро налогъ падаетъ на личный заработокъ, то онъ сковываетъ развитіе народнаго труда и неизбежно производитъ обнищаніе рабочихъ сословій.

Послѣ невѣжества крестьянъ и подавленности ихъ прогрессивно-возрастающими налогами, одною изъ причинъ, задерживающихъ развитіе крестьянскаго труда и слѣдовательно крестьянскаго благосостоянія, служитъ прирѣзненіе крестьянъ къ ихъ обществамъ и надѣламъ. Привязывать рабочія силы къ одному

мѣсту и оковывать поземельную общину нерасторжимыми узами— это есть условіе само по себѣ уже крайне невыгодное для развитія труда, личной предпримчивости и мелкой поземельной собственности; но это условіе становится еще болѣе тяжкимъ, когда работникъ обязанъ за клочокъ земли, въ которому онъ прикрѣпленъ, уплачивать налогъ, превосходящій чистый доходъ съ этого клочка, или долженъ покупать его по цѣнѣ, далеко превышающей его стоимость. Стоять только выигнуть въ смыслѣ статей 125—129 и 139—142 Мѣстнаго Великоросс. Пол., чтобы видѣть, что въ первыя 9 лѣтъ отказъ отъ надѣла и выходъ изъ общества сдѣланы для отдѣльныхъ крестьянъ совершенно невозможными, за исключеніемъ развѣ богачей и тѣхъ чрезвычайно рѣдкихъ случаевъ, когда и помѣщикъ, и общество бывають согласны на увольненіе крестьянина. Всѣ сложныя и запутанныя условія, постановляемыя на сей конецъ Положеніемъ, сводятся въ сущности къ такимъ двумъ требованіямъ: крестьянинъ, желающій отказаться отъ пользованія помѣщичьей землею, хотя бы и не выходя изъ прежняго сельскаго общества, долженъ во первыхъ купить себѣ собственный участокъ земли, *не менше двухъ высшихъ или указныхъ душевыхъ надѣловъ*, и вовторныхъ долженъ уплатить сельскому обществу за *покидаемый имъ участокъ* (для обезпеченія лежащей на семъ участкѣ повинности къ помѣщику) капиталъ, равный той суммѣ, въ которую этотъ участокъ оцѣнивается при добровольномъ выкупѣ (т.-е. капитализированному изъ 6% оброку, лежащему на семъ участкѣ). Много ли найдется на Руси крестьянъ, которые, за право *откупиться* отъ надѣла или перейти въ другое общество, въ состояніи были бы бросить на воздухъ 400, 450 и даже 500 р. (только при трехъ душевыхъ участкахъ на дворѣ)? Правило это, равносильное безусловному запрещенію отказываться отъ надѣла и переходить въ другое общество въ теченіе первыя 9 лѣтъ, вызвано во первыхъ желаніемъ законодателя обезпечить помѣщикамъ ихъ оброки, а вовторныхъ—опасеніемъ, чтобы одновременные и учащенные переходы крестьянъ на другія мѣста не нарушили порядка внутри государства и не отозвались недоборомъ казенныхъ податей. Слѣдовательно само законодательство сознавало, что установленные имъ оброки не соответствуютъ достоинству надѣловъ, что, для обезпеченія ихъ уплаты помѣщикамъ и для предотвращенія бѣгства крестьянъ съ предоставленныхъ въ ихъ пользованіе земель, надобно принять искусственныя мѣры прикрѣпленія къ надѣламъ. Но эти искусственныя мѣры не отвратили той несостоятельности крестьянъ, въ предвидѣніи которой онѣ были приняты: для взысканія оброковъ и выкупныхъ плате-

жею часто приходится теперь прибѣгать къ продажѣ крестьянскаго скота и имущества, т.-е. къ такой мѣрѣ, которая въ конецъ разоряетъ крестьянское хозяйство; крестьяне, прикованные къ своимъ надѣламъ и обществамъ, лишены возможности употребить свой трудъ тамъ, гдѣ онъ оказывается производительнѣе и для нихъ выгоднѣе, какъ бы застыли въ той слученной, стадообразной, непродуцательной формѣ быта, въ которой они вышли изъ рукъ крѣпостнаго права. Конечно виною стѣсненнаго положенія нашихъ крестьянъ не одно прикрѣпленіе ихъ къ надѣламъ, а вся совокупность тяготящихъ надъ ними условій; прикрѣпленіе прибавляетъ только къ ихъ положенію новое невыгодное условіе. Если бы крестьянскіе надѣлы не были обременены чрезмѣрными повинностями, тогда не было бы для крестьянъ и причины искать перехода на другія мѣста, ибо для земледѣльцевъ такіе переходы разорительны и не всегда возможны.

По истеченіи девяти-лѣтнаго періода, для крестьянъ, непереведенныхъ на выкупъ, превращаются непреодолимыя препятствія къ отказу отъ надѣловъ и къ переходу на другія мѣста отдѣльными семействами; остается однако требованіе о приобрѣтеніи участка, равнаго двойному высшему или указному надѣлу. Текстъ закона неясенъ: долженъ ли переходящій хозяинъ двора приобрѣсть двойной участокъ только на свою собственную душу, или же на всѣ ревизскія души своего семейства. Суда по дѣлу, или, какъ говорятъ, по разуму этого закона, вѣроятнѣе, что онъ будетъ разъясненъ въ этомъ послѣднемъ смыслѣ, и тогда для большинства крестьянъ опять останется непреодолимое препятствіе къ свободному размѣщенію труда и поземельной собственности. Препятствіе это не можетъ быть оправдано никакою необходимостью. Для чего на примѣръ крестьянинъ, имѣющій теперь въ пользованіи по $4\frac{1}{2}$ десятины на душу нерѣдко крайне плохой земли (а при неполномъ надѣлѣ—и того менѣе), за которую онъ долженъ платить несоразимѣрный оброкъ въ 8 или 9 руб., для чего онъ, чтобы имѣть право отказаться отъ нея, непременно обязанъ купить 9 десятинъ на душу, тогда какъ онъ можетъ присесть участокъ въ какихъ нибудь двѣ десятины на душу, по которому, по свойству почвы и по выгодности покупки, дастъ ему больше способовъ къ существованію и къ уплатѣ казенныхъ повинностей, чѣмъ его прежній обязательный надѣлъ? Для чего домохозяинъ долженъ приобрѣтать двойные участки даже на нерабочія ревизскія души, когда, и при пользованіи надѣломъ, общество разверстываетъ обыкновенно участки по числу не ревизскихъ, а рабочихъ душъ въ семействахъ? Превосходна заботливость закона о томъ, чтобы крестьяне не остались безземельны;

но не надобно забывать, что у самихъ крестьянъ заботливость о томъ же предметѣ несравненно сильнѣе, чѣмъ у какого бы то ни было законодателя. Поэтому сказанная цѣль закона не должна затруднять достиженіе другой, не менѣе важной цѣли—чтобы распредѣленіе труда и поземельной собственности слѣдовало естественному пути личной выгоды и свободной конкуренціи. Если уже законъ непремѣнно желаетъ опредѣлять размѣръ поземельной крестьянской собственности, то онъ долженъ бы взять за обязательную пору не maximum, доступный только для богатыхъ крестьянъ, а minimum, доступный для большинства, предоставивъ приращеніе этого minimum'a дальнѣйшему, естественному увеличенію крестьянскихъ достатковъ. Предписаніе же закона въ обратномъ смыслѣ загромождаваетъ путь образованію множества мелкихъ крестьянскихъ участковъ, увѣковѣчиваетъ нынѣшній непосильный для крестьянъ оброкъ и осуждаетъ большинство ихъ на неподвижное прирѣпленіе къ одному мѣсту. Въмѣстѣ съ тѣмъ, какія необъяснимыя противорѣчія въ законѣ! Положеніе, позволяющее крестьянамъ переселяться на другое мѣсто не иначе, какъ подѣ условіемъ приобрѣтенія двойнаго количества земли, въ то же время разрѣшаетъ имъ, по истеченіи 9 лѣтъ, отказаться отъ надѣла, если они выкупаютъ усадьбы. Но развѣ усадьба, т. е. ничтожный влочокъ земли подѣ огородомъ и конопляникомъ, обруженный со всѣмъ сторонъ помѣщичьей землею, можетъ лучше обезпечать крестьянина-земледѣльца, чѣмъ нѣскольکو десятинъ собственной пашни или луга? При томъ крестьянинъ долженъ совершенно разориться на покупку усадьбы, ибо, при выкупѣ усадьбъ всѣмъ обществомъ, каждый домохозяинъ, полагая на дворъ только по 4 души, долженъ заплатить за усадьбу: въ земледѣльческихъ мѣстностяхъ 100 р., а въ промышленныхъ, или хотя и въ земледѣльческихъ, но гдѣ усадьбы заключаютъ въ себѣ обширныя конопляники или огороды,—166 р. При выкупѣ же усадьбъ не цѣлымъ обществомъ, а отдѣльными домохозяевами, цѣна ихъ, при четырехдушномъ составѣ семейства, опредѣлена Положеніемъ въ 120 и 199 р. Законъ, оказывая предпочтеніе крестьянамъ, остающимся въ своихъ усадьбахъ, предѣ крестьянами переселяющимися, несмотря на всю очевидную невыгодность положенія первыхъ, какъ будто основываетъ это предпочтеніе только на томъ, что первые остаются въ безвыходной зависимости отъ помѣщиковъ, безъ земли которыхъ они не могутъ существовать. Конечно не таковы были видны и желанія составителей Положенія; но теперь идетъ дѣло не о видахъ и желаніяхъ, а о тѣхъ послѣдствіяхъ, къ которымъ приводятъ извѣстныя статьи Положенія. (Составители Положе-

нія принуждены были ввести въ него статью объ отдѣльномъ выкупѣ усадьбъ собственно потому, что этотъ выкупъ былъ уже указанъ въ первыхъ Высочайшихъ рескриптахъ 1857 г. объ улучшеніи быта крестьянъ). Второе противорѣчіе съ требованіемъ о покупкѣ двойнаго земельного участка мы встрѣчаемъ въ той статьѣ Положенія, гдѣ крестьянамъ, получившимъ въ даръ $\frac{1}{4}$ высшаго или указнаго надѣла, дозволяется отказываться отъ остальной его части. Съ одной стороны законъ признаетъ достаточнымъ $\frac{1}{4}$ надѣла, лишь бы крестьяне остались крѣпкіи землѣ и въ зависимости отъ помѣщика; съ другой — считаетъ необходимымъ двойной участокъ, т.-е. въ восемь разъ болѣе упоманутаго, какъ скоро крестьянинъ пожелаетъ перемѣнить мѣсто и избавиться отъ непосильнаго для него оброка. Третье противорѣчіе тому же требованію заключается въ томъ, что Положеніе дозволяетъ вовсе не прибрѣтать земли тѣмъ отказывающимся отъ надѣла крестьянамъ, которые припишутся въ городское общество. Развѣ положеніе безземельнаго и бездомнаго мѣщанина больше обезпечено, чѣмъ положеніе земледѣльца, имѣющаго напрямѣръ по одному или даже по половинѣ высшаго надѣла на душу? Наконецъ Положеніе дозволяетъ крестьянину, при пользованіи обязательнымъ надѣломъ, уменьшать его, по согласію съ помѣщикомъ, до $\frac{1}{2}$ высшаго размѣра, а при выкупѣ — даже до $\frac{1}{3}$.

Людямъ, незнакомнымъ близко съ Положеніемъ 19-го февраля, можетъ показаться, что право крестьянъ отказываться отъ надѣловъ посредствомъ выкупа усадьбъ все-таки улаживаетъ отчасти дѣло и развяжетъ руки множеству крестьянъ, которые, выкупивъ усадьбы и отказавшись отъ обязательныхъ надѣловъ, тѣмъ или другимъ способомъ, вблизи или вдали своихъ усадьбъ прибрѣтутъ собственные участки, въ размѣрахъ, допускаемыхъ ихъ средствами. Къ сожалѣнію, такое предположеніе несобѣточно, ибо право крестьянъ на отдѣльный выкупъ усадьбъ есть только право мнимое. Гдѣ крестьянамъ было бы желательно купить однѣ усадьбы, а помѣщику, напротивъ того, было бы невыгодно продать ихъ и чрезъ то лишиться высокаго оброка или выкупнаго платежа за полевныя угодья (напр. во всѣхъ губерніяхъ промышленныхъ), тамъ помѣщикъ можетъ не допустить отдѣльнаго выкупа усадьбъ простымъ письменнымъ заявленіемъ, что онъ отдѣльно усадьбъ продавать крестьянамъ не желаетъ, а пусть-де они, если хотять, покушаютъ у него весь надѣлъ. Это заявленіе не обязываетъ даже помѣщика уступить крестьянамъ $\frac{1}{3}$ долю выкупной суммы, какъ при обязательномъ выкупѣ, или предоставить имъ на выкупъ уменьшенный противъ существующаго надѣлъ; напротивъ

того, крестьяне, если бы пожелали воспользоваться заявленіемъ помѣщика, должны бы были прежде всего внести въ казначейство, за одинъ разъ, весь дополнительный платежъ, и потомъ, волею-неволею, взять весь существующій надѣлъ (ст. 10, 21, 36 и 88 Пол. о вык.), т.-е. получить именно то, отъ чего они желали отдѣлаться. Въ губерніяхъ же земледѣльческихъ и хлѣбородныхъ, гдѣ помѣщикъ охотно согласился бы на отдѣльную продажу усадьбы, тамъ выкупъ одной усадьбы, по цѣнѣ не меньшей 100 или 160 р., былъ бы для крестьянина равносильнъ добровольному саморазоренію и обращенію себя въ бобыля, вполне зависящаго въ своемъ существованіи отъ воли помѣщика. Не можетъ же крестьянинъ-земледѣлецъ бросить на вѣтеръ 100—160 р., еслибъ даже они и нашлись у него, и остаться вовсе безъ полевой земли, или, для ея отысканія, брести Богъ вѣсть куда, съ семействомъ, скотиною и всѣмъ домашнимъ скарбомъ. Слѣдовательно отказъ отъ надѣла, съ помощію выкупа усадьбы, на дѣлѣ никогда не осуществится. Я не упоминалъ о томъ случаѣ отказа отъ надѣла, когда отказавшійся крестьянинъ принимается другимъ сельскимъ обществомъ *съ участіемъ въ общемъ надѣлѣ*. Подобные случаи могутъ встрѣчаться только какъ рѣдкія исключенія, во-первыхъ потому, что переходящій крестьянинъ ничего не выигрываетъ здѣсь относительно оброка или выкупнаго платежа, а во вторыхъ потому, что въ губерніяхъ производительныхъ, гдѣ надѣлы и безъ того весьма для крестьянъ недостаточны, общества не согласятся на приемъ новыхъ членовъ, съ участіемъ въ мирскомъ надѣлѣ.

Принимая однако въ соображеніе, что препятствіе къ переходу на другія мѣста отдѣльныхъ крестьянъ, несостоящихъ на выкупѣ, есть препятствіе легко устранимое, можно предполагать, что правительство быть можетъ его уничтожить и, вмѣсто двойнаго душеваго участка, дозволить крестьянамъ ограничиться пріобрѣтеніемъ на каждую ревизскую душу половиннаго участка, подобно тому, какъ дозволяется уменьшать надѣлъ до половины высшаго размѣра тѣмъ крестьянамъ, которые остаются въ обязательныхъ отношеніяхъ къ помѣщику.

Все сказанное до сихъ поръ объ отказѣ отъ надѣла и выходѣ изъ общества относится только до отдѣльныхъ крестьянскихъ лицъ и семействъ; объ отказѣ же отъ надѣла цѣлыхъ сельскихъ обществъ Положеніе ничего не говоритъ, хотя, съ другой стороны, явно допускаетъ возможность такого отказа послѣ девяти лѣтъ, ибо ничѣмъ не ограничиваетъ числа отдѣльныхъ крестьянъ, могущихъ отказаться отъ своихъ участковъ, подъ условіемъ покупки двойнаго надѣла. Редакціонныя комиссіи считали

преждевременнымъ постановлять подробныя правила о переходѣ цѣльныхъ сельскихъ обществъ на другія мѣста и благоразумно предоставили выработаться этимъ правиламъ вполнѣдствіи, согласно новой обстановкѣ, которую приметъ сельская жизнь послѣ освобожденія крестьянъ. Слѣдовательно въ настоящее время законодательству предстоитъ полная свобода опредѣлить правила, на основаніи которыхъ могли бы отказываться отъ надѣловъ цѣльми сельскія общества, не нарушая спокойнаго теченія сельской жизни и не ставя правительство въ опасеніе за исправность государственныхъ податей и повинностей. Такимъ образомъ для временно-обязанныхъ крестьянъ отказъ отъ надѣла и переходъ на другія мѣста, какъ цѣльными обществами, такъ и отдѣльными семействами, не представляются невозможными по истеченіи девятилѣтнаго періода.

Совсѣмъ въ иномъ положеніи окажутся крестьяне, состоящіе на выкупѣ: переходъ на другія мѣста сдѣланъ для нихъ рѣшительно невозможнымъ въ теченіе всего выкупнаго періода (49 лѣтъ), такъ-какъ выданныя за нихъ помѣщику выкупныя ссуды считаются обезпеченными ихъ надѣлами. Когда земля выкуплена была цѣлымъ сельскимъ обществомъ, то крестьянинъ, желающій отказаться отъ своего участка и выдти изъ общества, обязанъ, кромѣ приобрѣтенія двойнаго душеваго участка на сторонѣ, уплатить въ казну половину выкупнаго долга, лежащаго по мірской разверсткѣ на его участкѣ, если притомъ общество приметъ на себя ручательство за остальную половину долга (при началѣ выкупа и при четырехдусевомъ составѣ семейнаго участка эта половина равняется 240 р. или 213 р., смотря по тому, былъ ли оброкъ 9-ти-рублевый или 8-ми-рублевый). Если чрезъ такія увольненія число крестьянъ уменьшится въ обществѣ на одну треть, то дальнѣйшее увольненіе можетъ дѣлаться только съ разрѣшенія губернскаго присутствія; но если крестьянинъ внесетъ въ казну всю причитающуюся съ него часть выкупнаго долга, то онъ можетъ быть уволенъ и безъ разрѣшенія губернскаго присутствія. Изъ крестьянскаго общества, на которомъ числится недоимка по выкупнымъ платежамъ либо казеннымъ податямъ, никто не можетъ быть уволенъ безъ разрѣшенія губернскаго присутствія. Если же домохозяинъ выкупилъ свой участокъ отдѣльно отъ другихъ крестьянъ (въ губерніяхъ съ участковымъ пользованіемъ землею), то онъ долженъ, прежде увольненія изъ общества, продать или передать свой участокъ другому лицу, а это послѣднее обязано внести въ казну, за одинъ разъ, весь долгъ, состоящій на томъ участкѣ по выданной ссудѣ. Наконецъ цѣлое общество, состоящее на выкупѣ, можетъ перейти на дру-

гое мѣсто не иначе, какъ продавъ сперва свой надѣлъ въ другія руки, съ разрѣшенія губернскаго присутствія, и внеся въ казну оставшуюся на немъ часть долга по выкупной ссудѣ (Пол. о вык., ст. 173, 176, 162 и 169). Понятно, что всѣ эти правила для крестьянъ невыполнимы и на дѣлѣ никогда не будутъ имѣть приложенія. Если бы крестьяне и имѣли требуемыя отъ нихъ въ этихъ случаяхъ огромныя деньги, то не могутъ же они бросать ихъ на вѣтеръ только за одно право оставить свои надѣлы, когда притомъ они должны еще купить для своей осѣдлости новыя земельныя участки. Между тѣмъ въ настоящее время уже болѣе половины бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ (около 53 $\frac{1}{2}$ %) состоятъ на выкупѣ, не считая западныхъ губерній, гдѣ обязательный выкупъ сдѣланъ мѣрою общою и гдѣ выкупныя акты совершены уже въ большинствѣ имѣній. Вѣроятно, съ приближеніемъ конца девятилѣтняго періода, большинство помѣщиковъ, которые не отпустили еще крестьянъ на выкупъ, поспѣшатъ обязательнымъ выкупомъ. Въ губерніяхъ промышленныхъ и непроезжихъ помѣщики поспѣшатъ выкупомъ для того, чтобы прикрѣпить крестьянъ къ надѣламъ и воспользоваться высокою выкупною ссудою; въ губерніяхъ плодородныхъ— чтобы обезопасить себя отъ недоимокъ и отъ неизвѣстности будущихъ порядковъ. И теперь уже между помѣщиками ходятъ разныя неосновательныя слухи: одни говорятъ, будто бы рѣшено послѣ 9 лѣтъ убавить оброки на половину; другіе толкуютъ, что составляются правила о переселеніяхъ крестьянъ въ обширныхъ размѣрахъ.

Итакъ, обстоятельства складываются такимъ образомъ, что право крестьянъ отказываться отъ обязательныхъ надѣловъ и прибрѣтать себѣ собственность на сторонѣ можетъ обратиться, почти для всего сословія бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, въ мертвую букву: пользуя они должны будутъ держать обязательно свои надѣлы, каково бы ни было ихъ достоинство, и уплачивать за нихъ высокую выкупную цѣну по тяжелому банковому разчету. Поэтому было бы желательно, чтобы правительство теперь уже прекратило право помѣщиковъ переводить крестьянъ на выкупъ безъ согласія послѣднихъ. Полезныя послѣдствія такой мѣры были бы слѣдующія: въ сѣверной полосѣ, гдѣ цѣны на землю не возвысились со времени освобожденія, нѣкоторыя, наиболѣе достаточныя сельскія общества или же отдѣльныя крестьяне могли бы купить себѣ землю на сторонѣ, по ея дѣйствительной стоимости, и слѣдовательно представляли бы въ будущемъ больше ручательствъ, чѣмъ при настоящемъ ихъ положеніи, въ развитіи своего благосостоянія и въ состоятельности предъ пра-

вительствомъ. Многіе помѣщики тѣхъ же губерній, чтобы удержать крестьянъ на надѣлахъ и не лишиться вовсе выкупа, согласились бы предоставить имъ на выкупъ уменьшенные надѣлы, не требуя дополнительнаго платежа, либо одѣливая эти уменьшенные надѣлы пропорціонально числу десятинъ, а не по градациі, установленной Положеніемъ. Въ губерніяхъ плодородныхъ и густонаселенныхъ, гдѣ, по случаю сильнаго возвышенія цѣны на землю, крестьянамъ нѣтъ разчета погладать свои надѣлы, сказанное правило принесло бы пользу по крайней-мѣрѣ тѣмъ крестьянамъ, которые еще остаются на издѣльной повинности и не чувствуютъ въ себѣ силъ вносить выкупные платежи, установленные Положеніемъ: при выкупѣ по обоюдному соглашенію, платежи эти могли бы быть уменьшаемы или же замѣняемы соотвѣтственною издѣльною повинностію. Наконецъ, съ прекращеніемъ права помѣщиковъ отпускать крестьянъ на выкупъ безъ ихъ согласія, правительство имѣло бы ту выгоду, что на выкупъ переходили бы преимущественно крестьяне состоятельные и слѣдовательно обѣщающіе въ будущемъ быть исправными плательщиками предъ казною по выкупнымъ ссудамъ. Тѣмъ же крестьянамъ, которые не видѣли бы для себя никакого лучшаго исхода, какъ нынѣшній обязательный выкупъ, стоило бы только, въ силу сказаннаго правила, изъявить свое согласіе на выкупъ, какъ скоро его пожелаетъ помѣщикъ. Правда, надобно также предвидѣть, что во многихъ случаяхъ помѣщики, зная всѣ неудобства и потери, сопряженныя для крестьянъ съ переселеніемъ на другія мѣста, вовсе не будутъ требовать выкупа и будутъ длить неопредѣленное время выгодный для нихъ оброкъ. Такой оборотъ въ особенности вѣроятенъ въ томъ случаѣ, если останется безъ измѣненія требованіе о приобрѣтеніи двойныхъ душевыхъ участковъ. Потому-то право требовать выкупа должно бы быть предоставлено не сторонѣ продающей, а сторонѣ покупающей, т.-е. крестьянамъ. Это было бы болѣе сообразно съ самымъ значеніемъ выкупа, какъ мѣры, имѣющей цѣлью окончательно обезпечить бытъ крестьянъ и прекратить между двумя сословіями обязательныя отношенія, при существованіи которыхъ спокойствіе въ сельскомъ быту не можетъ почитаться упроченнымъ. Но сказанная мѣра достигла бы своей цѣли только въ томъ случаѣ, если бы крестьяне имѣли право требовать выкупа на облегченныхъ условіяхъ, т.-е. со сбавкою пятой доли съ установленной Положеніемъ цѣны надѣловъ и съ правомъ уменьшать при выкупѣ величину надѣла, безъ взноса помѣщикамъ дополнительнаго платежа. Притомъ не существуетъ никакого основанія къ тому, чтобы, при уменьшеніи выкупаемаго надѣла,

уменьшать правительственную ссуду, т.-е. выдавать въ ссуду не $\frac{2}{3}$, а только $\frac{3}{4}$ капитализированнаго оброка, падающаго на выкупаемую часть надѣла, какъ это постановлено Положеніемъ. Крестьяне, которые сами пожелаютъ купить свой надѣлъ, и притомъ купить его въ размѣрѣ, соответствующемъ ихъ потребностямъ и рабочимъ силамъ, конечно представляютъ для правительства болѣе ручательствъ въ состоятельности, чѣмъ тѣ крестьяне, которымъ надѣлъ навязанъ безъ ихъ желанія и въ размѣрѣ, превосходящемъ ихъ потребности и средства. Обратная постановка выкупа въ Положеніи можетъ, какъ мнѣ кажется, повести въ послѣдствіи къ несостоятельности многихъ крестьянъ по выкупнымъ платежамъ. Впрочемъ такое коренное измѣненіе условій выкупа, какъ перенесеніе права требовать его съ помѣщиковъ на крестьянъ, представляется въ настоящее время невѣроятнымъ. Но, помимо этого кореннаго измѣненія, для множества крестьянъ былъ бы, по моему мнѣнію, открытъ выходъ изъ ихъ теперешняго затруднительнаго положенія, если бы были приняты преждеупомянутыя мною мѣры, облегчающія крестьянамъ отказъ отъ земли и возможность уменьшить выкупаемый надѣлъ. Разумѣется, въ случаѣ принятія сказанныхъ мѣръ, необходимо объяснить крестьянамъ, простымъ и удобопонятнымъ языкомъ, смыслъ этихъ мѣръ и вытекающія изъ нихъ послѣдствія; иначе крестьяне попрежнему будутъ оставаться въ невѣдѣнности о своихъ правахъ или же будутъ отказываться отъ выкупа, даже и при полной невозможности купить себѣ участки на сторонѣ, будутъ отказываться только по одному непониманію дѣла, отчего оброчный періодъ будетъ продолжаться для нихъ неопредѣленное время, къ явному ущербу ихъ благосостоянія. Выкупъ, съ уступкою крестьянамъ пятой доли, все-таки, значительно облегчаетъ ихъ платежи, именно на 1 р. 60 к., 1 р. 80 к. и 2 р. на ревизскую душу (при оброкѣ въ 8, 9 и 10 р.); сверхъ того выкупные платежи имѣютъ конецъ, хотя бы и чрезъ полстолѣтіе, тогда какъ для оброчнаго періода никакого конца не положено.

Вообще невѣдѣніе крестьянами многихъ ихъ правъ и обязанностей по Положенію отразилось для нихъ большими матеріальными потерями, а иногда крестьяне, за свое непониманіе закона, должны были испытать крупную и даже кровавую расплату. До сихъ поръ есть общества, упорно отказывающіяся отъ принятія надѣловъ, сданныхъ имъ по обязательному выкупу; несмотря ни на какія эзекуціи, они рѣшительно не хотятъ вносить выкупныхъ платежей, ни обрабатывать надѣловъ, а нанимаютъ землю на сторонѣ, по цѣнѣ гораздо большей, чѣмъ выкупные платежи. Въ такомъ напримѣръ положеніи доселѣ остаются,

какъ я слышала отъ мѣстныхъ помѣщиковъ, два мѣсяца въ Сумскомъ уѣздѣ Харьковской губерніи. Положеніе 19-го февраля, по своей обширности и не совсѣмъ удачному изложенію, для крестьянъ неудобопонятно; часто статьи, однородныя по предмету, разбросаны въ немъ по различнымъ отдѣламъ; редакція многихъ статей неясна и двусмысленна. Сами помѣщики не вдругъ его одолѣли. Нѣкоторыя статьи, напримѣръ объ отказѣ отъ надѣловъ и выходѣ изъ обществъ, до сихъ поръ неправильно понимаются даже многими мировыми посредниками. Не могу при этомъ не вспомнить одинъ, хорошо извѣстный мнѣ случай. Черезъ два мѣсяца по объявленіи манифеста 19-го февраля 1861 года, была представлена на разрѣшеніе подлежащей власти книга, подъ названіемъ: «Подробное наставленіе крестьянамъ и дворовымъ людямъ, вышедшимъ изъ вѣрностной зависимости». Въ этой книгѣ всѣ статьи Положенія, относящіяся собственно къ крестьянамъ (въ губерніяхъ великороссійскихъ, новороссійскихъ и бѣлорусскихъ), были собраны въ однородныя группы и изложены языкомъ простымъ и удобопонятнымъ, съ сохраненіемъ безусловной вѣрности Положенію; всѣ расчеты по оброкамъ, издѣльной повинности и выкупу представлены въ упрощенномъ видѣ и пояснены примѣрами; особенное вниманіе было также обращено на то, чтобы не оставить у крестьянъ ни малѣйшей неясности относительно правилъ выкупа, изложенныхъ въ Положеніи довольно запутанно. Изданіе этой книги болѣе полугода встрѣчало непреодолимныя препятствія. Хотя печатаніе ея и было наконецъ разрѣшено, но для облегченія доступа ея въ сельскія общества не было оказано никакого содѣйствія. Нѣкоторые мировые посредники и волостные старшины, которымъ она случайно сдѣлалась извѣстною, выписывали ее для своихъ участковъ и волостей; но общій расходъ ея былъ незначителенъ и, кажется, не достигъ тысячи экземпляровъ.

Не слѣдуетъ впрочемъ увлекаться воображеніемъ и придавать большое значеніе праву крестьянъ оставлять свои надѣлы, если бы даже законъ и сдѣлалъ это право для нихъ достижимымъ. Воспользуются этимъ правомъ нѣкоторые отдѣльныя и наиболѣе достаточныя семейства, имѣющія средства купить себѣ землю на сторонѣ и тѣмъ отдѣлаться какъ отъ высокихъ оброковъ, такъ и отъ всѣхъ неудобствъ общиннаго пользованія землею. Отказъ отъ надѣла дѣльными обществами можетъ случаться въ губерніяхъ промышленныхъ, гдѣ крестьянамъ нѣтъ расчета имѣть въ пользованіи большіе надѣлы, обложенные несоразмѣрными оброками. Но и тамъ конечно огромное большинство крестьянъ предпочтетъ остаться на прежнихъ мѣстахъ, особенно если помѣщики

согласится при выкупѣ на уменьшеніе надѣловъ безъ взыскапія дополнительнаго платежа или на пониженіе самой цѣны выкупаемой земли. Только крайняя необходимость можетъ вынудить крестьянина покинуть мѣсто, насиженное его дѣдами, и тащиться со всѣмъ хозяйственнымъ скарбомъ на новое селище, гдѣ ему придется обстроиваться заново; переселеніе для большинства нашихъ крестьянъ, даже въ промышленныхъ губерніяхъ, равносильно разоренію. Въ губерніяхъ же земледѣльческихъ, какъ непроезжихъ, такъ и въ хлѣбородныхъ, еще менѣе вѣроятіа, чтобы случаи переселенія были многочисленны. Куда пойдетъ тамошній крестьянинъ и гдѣ достанетъ онъ денегъ на покупку земли и постройку усадьбы? Если въ нынѣшнемъ году движеніе къ переселенію приняло большіе размѣры, то это объясняется—вопервыхъ голодомъ, проникнувшимъ даже въ такіа плодородныя мѣстности, какъ Ефремовскій уѣздъ, а вовторыхъ — распространившимися между крестьянами слухами, что казна отводитъ имъ даромъ по десяти и по двѣнадцати десятинъ на душу въ Самарской и Оренбургской губерніяхъ. Правда, у насъ есть мѣстности, гдѣ крестьяне постоянно находятся въ полуволомномъ состояніи и доведены до послѣдней степени нищеты. Въ описываемой мною губерніи, еще два года тому назадъ, я самъ видѣлъ крестьянъ, у которыхъ не было ни лошади, ни коровы, а ходили по двору только пѣтухъ съ курицею; въ дырявыхъ, полу-раскрытыхъ хижинахъ продували вѣтеръ. Такимъ крестьянамъ, при существующихъ налогахъ, нѣтъ никакого выхода; имъ предстоитъ вѣчная нищета, недомочность, голоданіе. Они, пожалуй, готовы бы идти на переселеніе хоть на край свѣта, но справляясь даже, каково имъ тамъ будетъ, ибо хуже нынѣшняго быть для нихъ не можетъ. Но такого безцѣльнаго блужданія голодныхъ и мрущихъ по дорогамъ массъ правительство допустить не можетъ; закрѣплять же ихъ на нынѣшнихъ мѣстахъ—значить незакончно длить ихъ нищету, голоданіе и несостоятельность предъ казною и помѣщиками. Для подобныхъ, совершенно разоренныхъ крестьянъ въ настоящее время можетъ быть одинъ лишь исходъ — водвореніе ихъ на казенныхъ земляхъ, въ многоземельныхъ губерніяхъ. Итакъ, какъ скоро для переселенія крестьянъ будутъ установлены вѣзвѣстныя правила, обезпечивающія какъ собственное благосостояніе переселенцевъ, такъ и внутренней порядокъ въ государствѣ и исправную уплату казенныхъ повинностей, то нѣтъ повода бояться, чтобы переселенія могли принять широкіе размѣры; но съ другой стороны не слѣдуетъ и возлагать на нихъ большія надежды касательно улучшенія нынѣшняго положенія крестьянъ. Безнадежно было бы положеніе земледѣльчес-

скаго сословія въ той странѣ, гдѣ, для облегченія его бѣдствій, не нашлось бы другихъ средствъ, кромѣ переселеній, т.-е. кромѣ возвращенія народа къ первоначальной эпохѣ его быта, когда онъ занималъ новыя мѣста, расчищалъ лѣса, распахивалъ дѣвственную землю и ставилъ на ней первыя жилища. Переселенія могутъ быть только частными и сравнительно весьма рѣдкими случаями улучшенія нынѣшняго крестьянскаго быта; для огромнаго же большинства крестьянъ существуетъ только одинъ правильный и желательный исходъ — выкупъ надѣловъ на облегченныхъ условіяхъ. По всей однако вѣроятности, такого облегченія условій выкупа не послѣдуетъ. Но все же выкупъ, даже и на нынѣшнихъ его основаніяхъ, гораздо лучше безвѣчныхъ оброчковъ, ибо, кромѣ уменьшенія платежей, онъ, хотя и чрезъ полвѣка, открываетъ крестьянамъ лучшую будущность. Пусть два поколѣнія крестьянъ вынесутъ на своихъ плечахъ всю тягость переходнаго времени и заплатятъ искупительную жертву за свое и своихъ потомковъ освобожденіе. Положеніе ихъ все же несравненно легче положенія ихъ отцовъ и дѣдовъ, которыхъ и кости выиграли бы въ могиллахъ, если бы онѣ могли почувать великій день освобожденія. Потому-то тѣ люди, которые, въ ожиданіи конца девятилѣтняго періода и заботясь, какъ они воображаютъ, объ интересахъ крестьянъ, заявляютъ желаніе, чтобы выкупъ былъ прекращенъ вовсе, предлагаютъ мѣру необдуманную, исполненіе которой было бы для крестьянъ весьма невыгодно.

Кромѣ приврѣпленія крестьянъ къ ихъ надѣламъ и обществамъ, даже временныя отлучки ихъ для заработковъ сопряжены для нихъ со множествомъ стѣсненій и расходовъ, вслѣдствіе круговой поруки и паспортной системы, которыя въ свою очередь вытекаютъ изъ подушнаго способа взиманія податей. О вредномъ дѣйствіи круговой поруки и паспортовъ на развитіе крестьянскаго труда и благосостоянія я довольно уже говорилъ въ одной изъ предыдущихъ статей. Но кромѣ стѣсненій и затратъ, вытекающихъ собственно изъ этихъ двухъ условій, отхожіе промыслы крестьянъ соединены для нихъ со множествомъ другихъ расходовъ, уносящихъ значительную часть крестьянскаго заработка и слѣдовательно прямо задерживающихъ улучшеніе матеріальнаго быта крестьянъ. Эти расходы слѣдуетъ также считать обязательными для крестьянина, потому что они для него неизбежны. Одни изъ нихъ неизбежны потому, что постановлены самимъ закономъ, который, относительно равнаго рода прямыхъ и косвенныхъ налоговъ, всегда былъ у насъ болѣе требователенъ къ низшему, рабочему сословію, чѣмъ къ привилегированному классу; другіе же, еще множайшіе расходы неизбежны для крестьянина

вслѣдствіе его темноты и беззащитности, которыя дѣлають изъ него жертву всевозможныхъ притѣсненій и незаконныхъ поборовъ. Крестьянинъ, промышляющій на сторонѣ, долженъ платить на каждомъ шагѣ, и платить обидно и лишнее: платить онъ при предъявленіи полицейскимъ властямъ своего паспорта или промысловаго свидѣтельства, платить на переправахъ, на судходныхъ рѣкахъ и каналахъ, на шоссейныхъ заставахъ, при прогонѣ гуртовъ, при всякомъ дѣлѣ, требующемъ хожденія въ присутственныхъ мѣстахъ и у начальствъ, при всякой придиригѣ, которую вдвумаетъ сдѣлать ему кто-либо изъ живущихъ ноборами. Какъ неравномѣрны у насъ отношенія самого закона къ нашимъ и привилегированнымъ классамъ, можно судить по слѣдующему примѣру. У насъ есть ежедневныя газеты, которыя, до недавняго измѣненія газетно-почтовой таксы, платили въ казну 50 и 40 к. за пересылку ихъ по почтѣ 300 разъ въ году (теперь тѣ же газеты будутъ платить 1 р. или 80 к.); есть даже одна ежедневная газета, платившая за пересылку 20 к. въ годъ, хотя сама брала съ подписчиковъ 2 р. нересылочной платы. Между тѣмъ крестьянину или мѣщанину пересылка его прежняго паспорта и полученіе новаго, т.-е. всего двухразовая почтовая пересылка, обходится не менѣе 1 р. 15 к. (именно: для полученія годоваго паспорта, стоящаго 1 р. 45 к., посылается всегда въ мѣсто приписки не менѣе 2 р., изъ которыхъ 55 к. назначается на пересылку новаго паспорта и за труды; за пересылку стараго паспорта съ 2 р. денегъ берется, за 2 лота, вѣсовыхъ, страховыхъ и за росписку 57 коп., да за сургучъ 3 к.; но чаще съ крестьянъ и вообще неграмотныхъ людей берется за это 70 к.). Поставьте рядомъ 50 к., или хотя бы даже 1 р. за пересылку газеты 300 разъ, и 1 р. 15 к., или собственно по таксѣ 87 к., за двукратную пересылку паспорта, и вы будете имѣть понятіе о томъ, какъ неравномѣрно относятся у насъ законъ и власти къ потребностямъ рабочаго класса и къ потребностямъ привилегированныхъ сословій. Положимъ, удешевленіе газетной пересылки необходимо и желательно въ видахъ распространенія просвѣщенія (хотя далеко не всѣ газеты, и даже далеко не всѣ изъ тѣхъ газетъ, которыя пользовались особою почтовою льготою, содѣйствуютъ распространенію въ обществѣ просвѣщенія и здраваго смысла); но не менѣе необходимо и желательно, чтобы законъ оказывалъ покровительство, а не стѣсненіе, развитію труда рабочихъ классовъ.

Къ числу причинъ, задерживающихъ развитіе крестьянскаго благосостоянія, слѣдуетъ также отнести необезпеченность въ надѣи сельской жизни личной и имущественной безопасности.

Огромное большинство наших крестьянъ, несмотря на царствовавшее у насъ съ давнихъ поръ безсиліе закона, никогда не обнаруживало склонности къ буйству, насилию и завладѣнію чужою собственностію. Вспомнимъ 1861 годъ, когда объявленіе свободы совершилось среди такого невозмутимаго спокойствія крестьянъ, несмотря на то, что они не знали еще сущности предоставленныхъ имъ правъ и что въ то время не были даже поставлены на мѣста мировые посредники. Вспомнимъ и нѣдѣнный голодный годъ, когда, на огромномъ пространствѣ нѣсколькихъ губерній крестьяне пухли и умирали отъ голода, но нигдѣ не посягнули на собственность помѣщиковъ. Зато для отдѣльныхъ личностей, буйныхъ и развращенныхъ, существуетъ въ нашихъ деревняхъ полная возможность совершать безнаказанно свои подвиги; наши учрежденія и законы почти нисколько не ограждали до сихъ поръ безопасности помѣщиковъ и крестьянъ отъ подобныхъ личностей. Каждый воръ, завѣсившійся на деревнѣ, каждый бѣглый солдатъ или каторжникъ можетъ долгое время воровать, грабить и поджигать, по нѣскольку разъ бѣгать изъ-подъ ареста, а въ случаѣ опасности — неожиданно переносить свою дѣятельность въ другое мѣсто. Еще надобно удивляться, какъ воры и грабители не составляютъ въ нашихъ провинціяхъ цѣлкъ шаекъ, подобно тому, какъ въ одномъ изъ двухъ описываемыхъ мною уѣздовъ существовала, въ концѣ 30-хъ годовъ, шайка грабителей, хотя ничтожная по числу, но наводившая страхъ даже на губернской городъ, пока наконецъ для ея поимки была выслана цѣлая рота солдатъ и конная жандармская команда. Повстинѣ, легко управлять такимъ народомъ! Въ одномъ окологдѣ, гдѣ я проживалъ этимъ лѣтомъ, укрывается бѣглый поселенецъ, уже около двухъ лѣтъ промышляющій самымъ смѣлымъ воровствомъ по помѣщичьимъ и крестьянскимъ усадьбамъ. Въ мою тамъ битность, онъ обворовалъ почти вѣчно управляющаго однимъ имѣніемъ, безстрашно забравшись въ его помѣщеніе ночью, когда всѣ спали. Онъ находитъ себѣ пріютъ въ одной деревнѣ, откуда онъ родомъ. Одинъ изъ крестьянъ этой деревни признался въ томъ сосѣднему помѣщику и нежд секретомъ называлъ даже мужа, который укрывается у себя вора. Прочіе крестьяне боялись его выдать, будучи уѣрены, что онъ убѣжитъ изъ-подъ ареста и пуститъ имъ краснаго пѣтуха. Но, по странной игрѣ судьбы, краснаго пѣтуха они все-таки не миновали, и причиною его, хотя быть можетъ и невольномъ, былъ тотъ же бѣглый воръ. Назавнутъ одного праздника, мужикъ, дававшій ему пріютъ, пирогами ночью съ своимъ лѣстемъ на ворованныя деньги; шайки, они залегли спать, а

чрезъ нѣсколько минутъ запылала ихъ изба и съ нею выгорѣла половина деревни. Нѣкоторые погорѣвшіе мужики, озлобленные противъ пристанодержателя, прямо уюрали его на помарѣ, какъ виновника несчастія. «Это горитъ твое ворованное добро, говорили они ему, указывая на его избу; а гостя-то твоего мы сами видѣли, когда онъ, валя тараканъ, выбѣжалъ изъ горящей избы и удраля въ поле». Еще за нѣсколько недѣль до пожара, сосѣдній помѣщикъ при мнѣ указывалъ становому деревню и мужика, гдѣ укрывался воръ; но становой не принялъ никакихъ мѣръ для его поимки. «Ничего не могъ сдѣлать, говорилъ онъ потомъ; крестьяне не выдаютъ и запираются. А чѣмъ станешь съ ними дѣлать при нинѣшнихъ порядкахъ?» При этомъ онъ разсказалъ такой примѣръ изъ своей долговременной полицейской практики: «Быль у насъ, въ другомъ уѣздѣ, становой. Бывало, когда надобно поймать вора, соберетъ онъ къ себѣ сотскихъ и десятскихъ и скажетъ, чтобы чрезъ столько-то дней воръ былъ къ нему представленъ. Если къ назначенному сроку воръ еще не пойманъ, то велитъ онъ жарко натопить баню и поретъ въ ней сотскихъ и десятскихъ нещадно. Потомъ назначаетъ имъ новый срокъ, съ обѣщаніемъ, въ случаѣ неисправности, той же бани. Послѣ одной или двухъ бань воръ почти всегда былъ представленъ». Въ уѣздномъ городѣ того же уѣзда полиція никакъ не можетъ поймать другаго извѣстнаго вора, хотя онъ непрерывно является тамъ по базарнымъ днямъ. Въ прошедшемъ году, среди самаго города, онъ зарѣзалъ вечеромъ у кабака крестьянина, который хотѣлъ отбить у него свою лошадь съ возомъ, украденные утромъ того же дня. Воръ, поставивъ у кабака уворованную лошадь, преспокойно угощался водкой, а зарѣзавъ мужика, столь же спокойно усакавалъ въ свой притонъ. Можно сказать безъ преувеличенія, что въ этомъ городѣ и уѣздѣ полиція существуетъ только для предъявленія жителямъ разныхъ повѣстокъ, взмысаній и другихъ официальныхъ бумагъ. Мнѣ знакомому мнѣ мировому посреднику при мнѣ приходилъ одинъ мужикъ и, влянася ему въ ноги, просилъ привязать не выпускать вора, котораго онъ наловилъ въ своемъ амбарѣ и представилъ въ волость. «Придется мнѣ пропадать—говорилъ онъ посреднику—коли вы не защитите; они его безпрерывно выпустятъ, и сожжетъ онъ мой дворъ». Въ одномъ изъ уѣздовъ Псковской губерніи, гдѣ я, нинѣшнимъ же лѣтомъ, оставался на проѣздомъ на нѣсколько дней, одинъ мировой судья передавалъ мнѣ, что его уцѣлово извѣстень во всемъ уѣздѣ обиліемъ негодяевъ и мошенниковъ, съ которыми ему приходится вести непрерывную войну, если только полиція отыскиваетъ виновныхъ.

Замѣчательно слѣдующій случай дерзости. Одинъ бабагъ въ этомъ участіи извѣстенъ тѣмъ, что цѣловальникъ спавиваетъ людей и потомъ ихъ обираетъ. Къ судѣ поступало уже много жалобъ на такой открытый грабежъ; не знаю почему, но судья не распорядился уничтоженіемъ этого грабительскаго притона. Однажды подобная жалоба принесена была ему при его проѣздѣ чрезъ самую ту деревню. Судья, обращаясь къ цѣловальнику, сказалъ, что, въ случаѣ повторенія такихъ жалобъ, онъ велитъ уничтожить бабага. Тогда одинъ мужикъ изъ толпы, вѣроятно принимающій участіе въ продѣлкахъ цѣловальника, громко сказалъ судѣ: «Ты такихъ порядковъ у насъ не заводи, а то худо будетъ!» Судья велѣлъ его задержать, но никто и не шевельнулся, и мужикъ успѣлъ скрыться. Въ другой разъ одинъ крестьянинъ, коротко знакомый этому судѣ, встрѣтилъ его одного на бѣговыхъ дрожжахъ въ довольно уединенномъ мѣстѣ, предупредилъ его быть осторожну и не ѣздить одному, говоря, что многіе изъ здѣшнихъ на него злы и собираются что нибудь надъ нимъ сдѣлать. Крестьяне этого уѣзда, извлекающіе значительныя выгоды изъ воздѣлыванія льна, живутъ весьма зажиточно; но вмѣстѣ съ тѣмъ между ними встрѣчается очень много негодяевъ и наглецовъ, пользующихся всякимъ случаемъ, чтобы сдѣлать какое нибудь насиліе и обманъ, особенно людямъ дворянскаго званія. Я самъ имѣлъ случай въ томъ удостовѣриться. «Прошла та пора, когда вы насъ дули», отвѣчаютъ они, когда вы съ ними заспорите и станете доказывать ихъ неправоту. По ихъ логикѣ, такъ-какъ нельзя теперь ихъ дуть, то стало быть они могутъ позволить себѣ все, что душѣ угодно. Жалкія послѣдствія долговременнаго безправія, произвола и бессудности, царствовавшихъ въ русской землѣ! Если люди, прямо посагающіе на чужую собственность посредствомъ воровства и открытаго обмана, встрѣчаются между нашими крестьянами вообще рѣдко, зато неуваженіе договоровъ и причиненіе какъ помѣщикамъ, такъ и другъ другу мелкихъ убытковъ и изъязновъ, есть явленіе почти всеобщее между крестьянами. Гдѣ не введемъ еще мировые судьи, тамъ для стороны, потерпѣвшей вредъ или убытокъ, нѣтъ рѣшительно никакого пути доисаться своего права. Но даже и тамъ, гдѣ существуютъ уже мировые судьи, обращеніе къ нимъ не всегда бываетъ успѣшно, а всегда сопряжено съ потерю времени и расходовъ на отдаленныя поѣздки, обходящіяся часто дороже, чѣмъ причиненный убытокъ. Гдѣ нѣтъ мировыхъ судей, тамъ помѣщики часто бываютъ вынуждены обращаться въ неурочительству и защитѣ волостныхъ старшинъ. У одного старшини я видѣлъ письмо, присланное къ нему одною

помѣщичю; по чину полковничю, гдѣ она, въ самыхъ почетныхъ выраженіяхъ и титула старшину «милостивый государь Нефедъ Осиповичъ», просить его заставить мельника, взяшаго на аренду ея мельницу, смолотъ ея хлѣбъ, который лежитъ на мельницѣ уже двѣ недѣли, несмотря на то, что по условію мельникъ обязался смолотъ помѣщичѣ весь ея хлѣбъ.

Какъ скоро между жителями нѣтъ увѣренности въ безопасности ихъ личности и имущества и въ вѣрности заключаемыхъ договоровъ, то развитіе народнаго труда и приращеніе собственности по необходимости суживается; каждый достаточный обыватель боится затрачивать свои деньги на полезныя предпріятія и предпочитаетъ хранить ихъ подъ спудомъ; взаимные договоры и правильный обмѣнъ услугъ, не будучи ничѣмъ обезпечены, становятся рѣдки, а вмѣсто того распространяется попользованіе пользоваться только затруднительнымъ положеніемъ ближняго и извлекать изъ него, хотя случайную, но возможно крупную для себя выгоду. Зловредное вліяніе этихъ причинъ на народное благосостояніе хотя и не бываетъ такъ внезапно и ощутительно для глаза, какъ дѣйствіе пожаровъ, неурожаевъ и повальныхъ болѣзней, зато оно дѣйствуетъ непрерывно, капля по каплѣ, и, какъ червь, хотя медленно, но неудержимо протачиваетъ насъвозъ древо народнаго жизни. Отъ такого неблагоустройства сельской жизни крестьяне терпятъ еще болѣе, чѣмъ помѣщичи, по тому общему закону, что бѣднымъ всегда тяжелѣе, чѣмъ богатымъ, выносить вредныя послѣдствія извѣстнаго порядка вещей. При описаніи голода, я уже говорилъ, какъ много потеряли здѣшніе крестьяне отъ того, что, вслѣдствіе отсутствія взаимнаго довѣрія, помѣщичи отказывались ссужать имъ хлѣбъ въ счетъ будущихъ работъ и предпочитали сбывать его гуртомъ въ руки купцовъ, отъ которыхъ онъ, по возвышенной уже цѣнѣ, переходилъ въ голодавшимъ крестьянамъ.

Для установленія личной и имущественной безопасности въ нашей сельской жизни въ одинаковой степени необходимы какъ правильный и всѣмъ доступный судъ, такъ и сильная и добросовѣстная полиція. До настоящаго царствованія у насъ не было правильного суда и нѣтъ еще его тамъ, гдѣ дѣйствуютъ старыя судебныя учрежденія. Истинный судъ есть такое учрежденіе, которое призвано творить законъ, и одинъ лишь законъ, безъ всякой боязни и лицензіи. То, что у насъ называлось доселѣ судомъ, было нерѣдко только посмѣяніемъ законовъ. Сильный, богатый или умѣвшій происками снискать расположеніе судей и секретарей, чаще оставался правъ; малый, бѣдный или прямодушный почти всегда выходилъ виноватымъ. Иногда это посмѣя-

ше законовъ доходило до такой неприврожденной и сильной явности, что цѣлыя учрежденія, какъ напримѣръ наши управы благочинія, приобрѣли во всемъ народѣ печальную извѣстность, какъ открытныя торжища закономъ. (Хотя управы благочинія и не входили въ составъ судебнаго вѣдомства, однако дѣйствовали подъ контролемъ сената). Жалкіе оклады провинціальныхъ чиновъ судебнаго вѣдомства ставили для нихъ непреодолимое искушеніе торговаться закономъ; назначеніе неспособныхъ людей, до внешнихъ судебныхъ должностей, предавало великое дѣло суда въ руки секретарей и мелкихъ чиновниковъ; рабская зависимость судей отъ произвола своихъ начальниковъ и даже нестороннихъ высшихъ лицъ дѣлала судъ игрушкою сильныхъ; всякое дѣло, окончательно рѣшенное во всѣхъ судебныхъ инстанціяхъ, могло быть перевершено по предложенію министра или по рѣшенію посторонней власти. Если же нашъ народъ не имѣлъ суда, не вѣдалъ религій, подчиненъ былъ крѣпостному праву помѣщиковъ и мѣстныхъ начальствъ, оставленъ былъ въ полномъ умственномъ невѣжествѣ, то спрашивается, чѣмъ же могло воспитаться въ немъ чувство правды и долга, уваженіе къ закону и чужому праву? Въ долговременное прошедшее царствованіе безспорно сдѣланы успѣхи по многимъ частямъ государственнаго управленія; это могутъ удостоверить люди прежняго поколѣнія, современники Александра I-го. Укажемъ напримѣръ на шѣри къ распространенію образованія въ высшихъ и среднихъ классахъ, на усовершенствованіе законодательства, на постепенное улучшеніе финансовъ вплоть до роковой крымской войны, на вкровитальство, оказанное заводской и фабричной промышленностію. Одна юстиція, т.-е. судопроизводство и судоустройство, не только ни на шагъ не подвинулась впередъ, но какъ будто еще ухудшилась въ томъ отношеніи, что, при вздоржаніи жизни и при оставленіи въ судебномъ вѣдомствѣ прежнихъ нищенскихъ окладовъ, взяточничество приняло въ немъ болѣе крупныя размѣры: гдѣ прежде платили десятками рублей, тамъ потомъ стали платить сотнями. Между тѣмъ покойный императоръ, отличавшійся душевною прямотою, любилъ правду, защищалъ правду, когда неправда доходила до его слуха, и желалъ, чтобы правда закона была доступна его подданнымъ. Вспомните, со словъ Сперанскаго, его горячую заботливость объ изданіи свода Законовъ и его искреннюю радость, когда этотъ трудъ былъ оконченъ. Въ юстиціи, гораздо легче, чѣмъ въ какой-нибудь другой части государственнаго управленія, можно бы было сдѣлать въ это царствованіе коренныя улучшенія. Эти коренныя улучшенія суду осуществать только кинѣнному царствованію, принесшему

уже столько другихъ благодѣній русскому народу. Должно однако пройти вълоторое время, пока правда закона, олицетворяемая новыми судами, перейдетъ въ сознание народа, сдѣлается правдою житейскою, которая въ свою очередь отразится и на самомъ судебскомъ сословіи, образъ дѣйствій котораго всегда будетъ въ тѣсной зависимости отъ понатій и привычекъ окружающаго общества.

Но одинъ судъ, даже самый правильный и независимый, недостаточенъ еще для водворенія въ народѣ силы закона. Отправленіе суда начинается только тогда, когда преступленіе обнаружено и виновникъ отъиснанъ, или по крайней-мѣрѣ слѣды его сохранены, — а это есть дѣло полиціи. При многихъ нарушеніяхъ не столько важно предать нарушителя судебному взысканію, сколько прекратить въ время нарушеніе и отнять отъ нарушителя возможность продолжать его долѣе. Притомъ судъ, даже судъ мировыхъ судей, съ своими формами и обрядами и съ неизбежною при немъ проволочкою времени, не можетъ глубоко проникать въ жизнь сельскихъ обывателей и захватывать въ ней всѣ мелкія и повседневныя нарушенія и взаимныя столкновенія лицъ. Только одной полиціи присуще свойство быстроты и вездѣприсутствія. Неудовлетворительность нашей полиціи, а съ другой стороны — разныя незрѣлыя теоріи, проникшія въ наше общество, породили въ немъ мнѣніе, раздѣляемое весьма многими, что можно обойтись вовсе безъ полиціи или, что по крайней-мѣрѣ область ея дѣйствій должна быть доведена до самыхъ малѣйшихъ размѣровъ. Земское самоуправленіе съ одной стороны и новыя судебныя учрежденія съ другой — вотъ все, что, по мнѣнію многихъ, нужно для того, чтобы провинціи наши наслаждались миромъ и благоустройствомъ. Если же и будутъ встрѣчаться какіе нибудь непріятные случаи, ускользающіе отъ дѣйствія сказанныхъ учреждений, то ихъ можно предавать печатной гласности, выводить предъ верховный трибуналъ журналистики, и такимъ способомъ окончательно исправлять нравы и карать нарушителей общественнаго порядка. Такого мнѣнія о ненужности полиціи не существуетъ ни въ какой другой европейской странѣ. Во всѣхъ цивилизованныхъ государствахъ почитается общепризнанною истиною, что полиція необходима и имѣетъ весьма высокое назначеніе; мало того — признается всѣми, что полиція должна быть сильна и имѣть, въ своей сферѣ, непререкаемый авторитетъ надъ всѣми гражданами. Полиція, какъ плоть, обвиваетъ собою всѣ другія государственныя учрежденія; бѣдшая часть ихъ, безъ содѣйствія полиціи, вовсе не могла бы совершать своихъ отправленій; а

юстиція болѣе всѣхъ другихъ учреждений нуждается въ содѣйствіи полиціи. Гдѣ съ давнихъ уже поръ установился правильный и независимый судъ и гдѣ судьи не колеблясь понимаютъ значеніе суда и существо своихъ обязанностей, тамъ они не только не стараются умалять силу и авторитетъ полиціи, но ограждаютъ ихъ всѣми имѣющимися въ рукахъ суда способами, ибо они хорошо знаютъ, что безъ сильной полиціи законъ и судопроизводство безпомощны. Напомню читателю прошлогоднее рѣшеніе лондонскихъ судовъ по дѣлу о вооруженномъ нападении на полицію, совершенномъ феніями на улицахъ Лондона, для освобожденія одного изъ своихъ предводителей: главные виновники этой кровавой стычки были приговорены судомъ къ смертной казни.

Два существенныя условія необходимы для всякой благоустроенной полиціи: во первыхъ чтобы она была сильна, во вторыхъ — чтобы она была добросовѣстна. Сила полиціи не значитъ произволъ и стѣсненіе свободы гражданъ; напротивъ того, хорошая полиція почти незамѣтна при обычномъ, правильномъ ходѣ общественной жизни; она является только тамъ, гдѣ есть нарушеніе закона или частнаго права, и тогда, для превращенія нарушенія и для обнаруженія нарушителя, она должна быть вооружена невозбратнымъ авторитетомъ. Но вотъ здѣсь-то и является трудный для насъ вопросъ: какъ достигнуть, и возможно ли достигнуть того, чтобы наша полиція была въ одно время и сильна, и добросовѣстна? Я не намѣренъ вдаваться въ разсмотрѣніе этого сложнаго вопроса, требующаго для своего рѣшенія большой подготовки и пракческаго знакомства съ тѣми условіями, среди которыхъ приходится дѣйствовать нашей полиціи. Замѣчу только, что, по отношенію къ другимъ европейскимъ государствамъ, вопросъ этотъ давно уже разрѣшенъ опытомъ. Тамъ признано, что полиція, какъ часть общей государственной администраціи, только тогда можетъ быть способна и добросовѣстна, когда администрація отвѣтственна за свои дѣйствія. Извѣстный нѣмецкій ученый Робертъ Мольтъ, въ своей Энциклопедіи государственныхъ наукъ, говоритъ: «Какъ скоро администрація безотвѣтственна, то у высшихъ административныхъ лицъ не существуетъ никакого побужденія назначать на подчиненныя имъ должности людей способныхъ и добросовѣстныхъ; напротивъ того, и назначенія, и награды, и самое даже увеличеніе или уменьшеніе окладовъ дѣлаются на основаніи чисто личныхъ и случайныхъ соображеній. Въ то же время у подчиненныхъ чиновниковъ не является никакого побужденія къ строгому и добросовѣстному исполненію своихъ обязанностей, ибо

они знаютъ, что и матеріальное ихъ благосостояніе, и служебныя отличія зависятъ не отъ способа исполненія ими своихъ обязанностей, а отъ личнаго расположенія къ нимъ начальниковъ, и что, помимо этого расположенія, для нихъ не существуетъ никакой другой отвѣтственности».

Личныя качества чиновъ нашей земской полиціи, какъ кажется, въ послѣднее время нѣсколько улучшились. Это надобно приписать отчасти значительному увеличенію ихъ окладовъ, отчасти болѣе разборчивому назначенію лицъ. Но, съ другой стороны, авторитетъ полиціи несомнѣнно умалился. Произошло это отъ того, что въ прежнее время авторитетъ полиціи единственно основывался на матеріальной силѣ, на страхѣ личной и безапелляціонной расправы посредствомъ сѣченья, битья и заключенія подъ арестъ. Теперь это оружіе отнято отъ полиціи, и тогда-то съ полною ясностію обнаружилось, что никакихъ другихъ условій авторитета у нея не имѣется. Между тѣмъ еще прежде совершилось упраздненіе помѣщичьей власти надъ крѣпостными крестьянами, а въ послѣдствіи упразднена власть министерства государственныхъ имуществъ надъ крестьянами государственныхми; такимъ образомъ надъ сорока милліонами крестьянъ упразднены тѣ двѣ власти, которыя въ прежнее время до чрезвычайности упрощали обязанности полиціи. Общія административныя учрежденія, принявъ въ свое завѣдываніе эти сорокъ милліоновъ какъ бы новыхъ гражданъ, оказались неприготовленными и безоружными для исполненія своихъ обязанностей. Полицейскіе чиновники въ нашихъ провинціяхъ сами сознаютъ теперь свое бессиліе и прямо говорятъ, что оно именно произошло вслѣдствіе отнятія отъ нихъ права сѣчь и инымъ образомъ наказывать крестьянъ и вообще простолюдиновъ. Въ одномъ изъ описываемыхъ мною уѣздовъ, не далѣе трехъ лѣтъ тому назадъ, былъ исправникъ, человекъ дѣятельный и энергическій, который на собственный страхъ поролъ мужиковъ и, какъ говорятъ, держалъ уѣздъ въ порядкѣ. Вспомнимъ и о томъ другомъ исправникѣ, который задавалъ баню своимъ сотскимъ. Потому-то большинство помѣщиковъ чистосердечно убѣждено, что, безъ возвращенія полиціи этого дисциплинарнаго орудія, порядокъ въ сельской жизни невозможенъ. Мужики смѣются, говорятъ они, надъ деликатнымъ обхожденіемъ мировыхъ судей и надъ такими дѣтскими взысканіями, какъ заключеніе въ карцеръ на три дня или оштрафованіе 50-ю копейками. Каково бы ни было то или другое мнѣніе по своему внутреннему достоинству, но если оно существуетъ и раздѣляется многими, то этимъ самымъ оно получаетъ уже право на разъясненіе, и ни въ какомъ

случай не заслуживает того, чтобы проходить его высочайшимъ молчаніемъ или улыбкою презрѣнія. Дѣйствительно, изъ нынѣшняго поколѣнія простонароднонь, возросшаго подъ палкою и розгой, много есть личностей, для которыхъ убѣдительно одни лишь эти доводи, ибо чувство чести и нравственнаго долга у нихъ окончательно убито. Петербургскую полицію конечно нельзя и сравнивать съ провинціальною семскою; а между тѣмъ и въ Петербургѣ безпрестанно натискаемся на случаи, доказывающіе бессиліе адѣйшней полиціи относительно упоминаемыхъ личностей. Сколько разъ можно видѣть на улицахъ Петербурга, какъ двое или трое городовыхъ ничего не могутъ сдѣлать съ какимъ нибудь разкуражившимся негодяемъ или пойманнымъ воромъ, который безстрашно чиститъ имъ зубы, зная, что, если даже и успѣютъ притащить его въ участокъ, то собственная особа его останется неприкосновенною; просидѣть же за буйство нѣсколько дней подъ арестомъ, или за воровство — нѣсколько мѣсяцевъ въ тюрьмѣ, на казенныхъ хлѣбахъ и ничего не дѣлая, для подобныхъ развращенныхъ личностей вовсе не составляетъ чувствительнаго наказанія. Съ такими личностями и самой лучшей полиціи, и самымъ строгимъ и серьезнымъ мировымъ судьямъ трудно справиться; это суть подонки и вмѣстѣ жертвы прежняго порядка вещей, которые неизбежно затрудняютъ собою переходъ въ новому, лучшему порядку. Но спрашивается: долженъ ли быть, рано или поздно, совершѣнъ переходъ къ этому лучшему порядку? слѣдуетъ ли и новымъ поколѣніямъ нашего простонародья воспитывать въ той же школѣ сѣченій, битья и произвола, чтобы и у нихъ заглубили всѣ благородныя чувства человѣческой природы, чтобы и они стали подобіемъ «несмысленныхъ животныхъ, которымъ надобно уздою и удилами обуздывать ротъ, когда они не идутъ къ намъ?» Да и сами мы, люди образованные и съ благородными чувствами, всѣ ли мы вошли въ свѣтлыхъ одеждахъ и съ обновленными сердцами въ храмъ новыхъ учрежденій, дарованныхъ намъ нынѣшнимъ царствованіемъ? Всѣ ли земскіе дѣятели оказались достойными держать въ своихъ рукахъ земское самоуправленіе; всѣ ли тяжущіеся и обвиняемые изъ благороднаго званія прониклись уваженіемъ къ значенію суда и возлюбили сердцею его независимость и равноправность для всѣхъ сословій; всѣ ли даже судьи успѣли уже понять, что дарованная имъ независимость не одно и то же, что ихъ личный произволъ, и что чѣмъ шире эта независимость, тѣмъ строже должны они, отстранять отъ себя всякія предвзятія стремленія, выходящія изъ области суда и права, и имѣть въ виду одинъ лишь за-

конъ? Наконецъ, если для восстановления авторитета полиціи необходимы у насъ, по мнѣнію многихъ лицъ, не тѣ мѣры, которыя выработаны для сего европейскою цивилизаціею, а возвращеніе къ свѣченію простаго народа и къ безапелляціонному произволу полиціи, то, чтобы сохранить послѣдовательность, надобно вообще отказаться отъ намѣренія идти по пути цивилизаціи, слѣдуетъ оправдать всѣ сдѣланныя въ послѣднее время реформы и возвратиться къ старому порядку. Въ государственныхъ учрежденіяхъ есть тѣсная взаимная зависимость: не могутъ они идти въ противоположныя стороны безъ того, чтобы не привести государство къ хаосу и разложенію. Разительный примѣръ тому представляла прежняя Польша: тамъ права высшихъ классовъ расширились какъ бы на манеръ европейскій и переходили даже предѣлы политическаго благоразумія, а въ то же время положеніе поселянъ, или такъ-называемаго бѣдла, ухудшилось дѣйствительно положенію рабочаго скота. При такомъ неравновѣсіи правъ верхнихъ и нижнихъ слоевъ народонаселенія невозможна и политическая устойчивость государства. Что нибудь одно — Европа или Азія, христіанская цивилизація съ ея равноправностію, или восточная неподвижность и общее безправіе всѣхъ сословій.

Нѣкоторыя частныя мѣры, предлагаемыя для улучшенія нашей земской полиціи, напримѣръ замѣна нынѣшнихъ неспособныхъ и часто вовсе негодныхъ сотскихъ наемными людьми, изъ добродѣтельныхъ отставныхъ нижнихъ чиновъ, въ особенности изъ жандармовъ, конечно могли бы принести болѣе или менѣе чувствительную пользу; но возлагать большія надежды на подобныя частныя улучшенія такъ же неосновательно, какъ было напримѣръ неосновательно думать, что наша полиція совершенно измѣнитъ свой характеръ отъ увеличенія окладовъ жалованья. Если серьезно хотять улучшить какой-нибудь предметъ, то обыкновенно ищутъ коренныхъ причинъ его недостатковъ и устраняютъ сперва эти коренныя причины; частныя же улучшенія, какъ показываетъ опытъ, измѣняютъ только внѣшнюю поверхность предметовъ, но не могутъ перемѣнить ихъ сущности. Какъ скоро будутъ созданы коренныя условія, обеспечивающія способность и добросовѣстность нашихъ полицейскихъ чиновъ*,

* Намъ очень жаль, что авторъ не вошелъ въ подробное объясненіе тѣхъ коренныхъ условій, которыя необходимы для образованія хорошей полиціи; жаль потому, что безъ этого его разсужденія о полиціи многіе поймутъ неправильно. Имъ будетъ ясно одно, что наша полиція слаба и неудовлетворяетъ своему назначенію, и имъ, пожалуй, будетъ казаться, что это дѣло легко поправить увеличеніемъ численности полицейскихъ чиновъ или расширеніемъ ихъ правъ на равныя энергическія мѣры, конечно, не вреднаго грубаго, а по-аго цивилизованнаго характера. Но дѣле совсемъ не въ этомъ. По численности

тогда будетъ вполне справедливо и необходимо расширить ипнѣйшій кругъ вѣдѣнія земской полиціи и вооружить ее авторитетомъ, безъ котораго никогда не будутъ исполнены существеннѣйшія ея обязанности по охраненію личной и имущественной обязанности въ нашихъ провинціяхъ. Въ настоящее же время было бы, какъ мнѣ кажется, необходимо вернуться къ уставу о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, постановить при каждомъ проступкѣ и нарушеніи *низшую* степень присуждаемаго за него взыскапія, которая въ настоящей редакціи устава постановлена только за кражу и мошенничество. Выборъ мировыхъ судей дѣлается въ нашихъ губерніяхъ не всегда осмотрительно, что объясняется воверныхъ новостью этого учрежденія, важность котораго не вполне еще сознаана самими избирателями, а во вторыхъ нашею всегдашнею малоспособностію къ общимъ соглашеніямъ и коллективному образу дѣйствія. Въ мировые судьи попадаютъ нерѣдко молодые люди, хотя быть можетъ и одушевленные прекрасными желаніями, но неопитные въ жизни и смотрящіе на простолюдина съ какой-то особой, идеалистической точки зрѣнія. Такие судьи, внося въ свою дѣятельность различныя модныя предубѣжденія, или такъ-называемыя тенденціи, совершенно выходящія изъ области суда, часто пользуются широкою рамкою наказаній для того, чтобы умалить взыскапія, налагаемыя ими на простолюдиновъ, до самыхъ ничтожныхъ размѣровъ. Черезъ это мировой судъ теряетъ въ глазахъ народа свое важное значеніе и обращается въ какую-то игру, надъ которою

своей наша полиція превосходитъ полиціи всѣхъ государствъ; такихъ широкихъ правъ на энергическія мѣры, и стараго, и новаго пошиба, какими снабжена наша полиція, не имѣетъ никакая другая европейская полиція. Слѣдовательно весь вопросъ сводится здѣсь на нравственную сторону самой полиціи. Какъ сдѣлать, чтобы полиція не бездѣйствовала тамъ, гдѣ дѣятельность ея необходима, и не являлась туда, гдѣ дѣло не только можетъ, но и должно обходиться безъ ея внимательства; короче сказать, какъ сдѣлать, чтобы полиція стояла всегда въ своихъ дѣйствіяхъ на твердо законномъ основаніи? Авторъ справедливо говоритъ, что единственно вѣрное средство для этого: отвѣтственность администраціи. Но мы думаемъ, что въ этомъ случаѣ нѣсколько могутъ помочь и напѣтавныя мѣры. Новые суды, по словамъ самого автора, съ устѣхомъ ведутъ свое дѣло, не только потому, что они получили другое учрежденіе и устройство, но и потому, что они могутъ пополняться только людьми, вполне знающими свое дѣло, получившими высшее образованіе. Нѣтъ сомнѣнія, что и полиція наша очень скоро получила бы другой видъ и характеръ, еслибы было постановлено закономъ опредѣлять на классныя полицейскія должности только лицъ, получившихъ высшее юридическое образованіе. Въ настоящее время это, по нашему мнѣнію, даже неотложно необходимо, чтобы хотя нѣсколько выровнять полицейскія учрежденія съ новыми судебными учрежденіями. Въ противномъ случаѣ имъ всегда будетъ трудно понимать другъ друга и дѣйствовать дружно, рука въ руку, для общей дѣл. *Прим. редакція.*

наши крестьяне въхождутъ поддѣиваются, какъ самому мнѣ случалось иногда въ томъ удостовѣриться. Повторялъ было бы повезе доведить усталъ о навазаніяхъ нѣкоторыми особыми видами нарушеній и проступковъ, часто встрѣчающихся въ сельской жизни, но не предусмотрѣнными этимъ законодательствомъ или по крайней-мѣрѣ выраженными тамъ въ сличномъ общихъ чертахъ. Многие изъ нашихъ провинціальныхъ мировыхъ судей могли бы сообщить по этому предмету весьма полезныя указанія.

При необъясненности договоровъ и отсутствіи имущественной безопасности, правльный кредитъ, само собою, дѣлается невозможнымъ въ нашей сельской жизни, а безъ кредита невозможно для крестьянъ скорое улучшение ихъ хозяйства и развитіе промысловъ. При всякой потребности въ деньгахъ, они должны разоряться на неумѣренный ростъ, часто непокрываемый ихъ заработкомъ. Еще менѣе возможно безъ кредита приобрѣтеніе крестьянами личной поземельной собственности. Мѣстные торгово-поземельные банки, подобныя тѣмъ, о которыхъ я говорилъ въ первой моей статьѣ, едва-ли не представляютъ единственнаго средства для того, чтобы у насъ могъ со временемъ удовлетворительно разрѣшиться поземельный вопросъ для значительнаго числа нашихъ крестьянъ; только при содѣйствіи мѣстныхъ банковъ можетъ размножаться у насъ мелкая крестьянская поземельная собственность. Приобрѣтеніе такой собственности становится современнымъ необходимо и для тѣхъ крестьянъ, которые переведены уже на выкупъ: крестьянскіе надѣлы, особенно въ губерніяхъ густонаселенныхъ, недостаточны даже для кнвѣшняго поколѣнія крестьянъ и сдѣлаются вполне недостаточными съ умноженіемъ народонаселенія. Извѣстно, что въ германскихъ государствахъ народонаселеніе стало быстро возрастать съ освобожденіемъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости.

Въ сельскомъ и волостномъ управленіи крестьянъ обнаруживаются иногда неурядицы и проазведъ, также съ своей стороны нарушающіе личную и въ особенности имущественную безопасность крестьянъ. Случается, что сходъ, подъ вліяніемъ мироводовъ и горлонавѣвъ, постановляютъ нелѣпныя и разорительныя для крестьянъ приговоры, въ которыхъ большинство ихъ иногда вовсе не участвуетъ. Приведу примѣръ, извѣстный мнѣ изъ довольно досто-вррнаго источника. Въ Рязанской губерніи, одно сельское общество имѣло мирской капиталъ въ 20,000 р., хранившійся въ кредитномъ учрежденіи. Въ одинъ прекрасный день состоялся такой приговоръ схода, что общество, радѣя-де о благолѣніи сельскаго храма, опредѣлило капиталъ этотъ взять и употребить на по-

кушку первоначнаго колокола. Между тѣмъ это село два раза выгорало въ теченіе четырехъ лѣтъ, и на обществѣ числилась значительная недонимка. Мировой посредникъ предлагалъ о приговорѣ схода; но, по закону, уничтожить его на дѣлѣ права. Однако онъ придрался къ тому, что на сходѣ не было узаконенныхъ на подобныя случаи двухъ-третей домохозяевъ; всѣмъ дѣломъ заправляла небольшая шайка, надѣлавшаяся забрать покушку колокола въ свои руки. Заручившись жалобой нѣсколькихъ крестьянъ на неправильность приговора, посредникъ представилъ о томъ губернскому присутствію, которое и отмѣнило приговоръ схода. Въ настоящей статьѣ я упоминалъ, какъ въ другой деревнѣ крестьяне рѣшили «похерить» мирскую запашку, несмотря на то, что она, въ теченіе многихъ лѣтъ, приносила имъ очевидную пользу. То обстоятельство, что запасные магазины, бывшіе при крѣпостномъ правѣ болѣею частію пустыми, не засыпаются съ тѣхъ поръ хлѣбомъ, а въ другихъ мѣстахъ расхищаются безъ возврата сеудѣ, слѣдуетъ также приписать слабости общественнаго крестьянскаго управленія, хотя въ этомъ случаѣ часть отвѣтственности лежитъ и на земскихъ управахъ. Въ хлѣбородномъ Харьковскомъ уѣздѣ, по отчету тамошней управы, въ магазинахъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ приходится среднимъ числомъ всего полчетверти озаимаго хлѣба на душу, то-есть половина противъ узаконеннаго волнчества. Частые пожары, опустошающіе наши деревни и въ концѣ разоряющіе крестьянъ, опять-таки въ большинствѣ случаевъ объясняются тою же слабостію сельскаго и волостнаго управленія. За неосторожное обращеніе съ огнемъ слѣдовало бы постановить въ законѣ строгія взысканія, особенно если будетъ открыто полиціею или признано на сельскомъ сходѣ, что виною пожара было пьянство. Въ нѣкоторыхъ большихъ селахъ разныхъ губерній случалось мнѣ видѣть пожарныя бочки и кое-какія незамысловатыя орудія на случай пожара; но бочки эти всегда были разсохшіяся и безъ бабли воды. Со стороны лицъ волостнаго и сельскаго управленія бывають иногда и крупныя случаи нарушенія закона. Мнѣ доводилось слышать отъ крестьянъ и помѣщиковъ, что нѣкоторые волостные старшины проматываютъ общественныя деньги, другіе отказываются давать отчетъ волостнымъ сходамъ въ сдѣланныхъ ими расходахъ или даже вовсе не представляютъ къ ревизіи денежнаго ящика. Подобныя случаи часто остаются вовсе безъ обнаруженія и взысканія; крестьяне потолкуютъ, вторично внесутъ расхищенные деньги, и затѣмъ махнутъ рукою, боясь пуще всего заводить дѣло. Въ нынѣшнемъ году былъ описанъ въ газетахъ случай крупнаго воровства об-

шественной суммы, совершеннаго однимъ волостнымъ старшиною, и, что всего печальнѣе, при участіи мирового посредника.

Всѣ подобныя примѣры слабости и даже иногда совершенной безпорядочности крестьянскаго общественнаго управленія заставляютъ многихъ думать, что въ этого управленія ничего путнаго не выйдетъ, безъ строгаго подчиненія его какой-нибудь посторонней власти. Такіе предметы, какъ обезпеченіе народнаго продовольствія, предохранительныя мѣры на случай пожаровъ, принятіе мѣръ во время повальныхъ болѣзней, однимъ словомъ — предметы, относящіеся прямо къ общему провинціальному благоустройству и народной безопасности, очевидно не могутъ быть отданы въ безответственное распоряженіе самихъ крестьянъ, а должны быть подчинены надвору какой-либо мѣстной власти. Но эти предметы и такъ поставлены по закону подъ наблюденіе и распоряженіе частію земскихъ управъ, частію мѣстной полиціи; отъ этихъ властей и зависить, чтобы наблюденіе и распоряженія ихъ были дѣйствительными, а не мнимыми. Если, быть можетъ, законъ не даетъ въ этихъ случаяхъ достаточныхъ полномочій земскимъ управамъ, то такіа недомолвки закона могутъ быть пополнены по указанію опыта, какъ на примѣръ уже сдѣлано это относительно сельскихъ запасныхъ магазиновъ. Случай явнаго нарушенія законовъ общественными властями, подобныя на примѣръ растратѣ мирскихъ суммъ, подлежатъ дѣйствию общихъ уголовныхъ законовъ. Затѣмъ вмѣшательство посторонней власти въ частныя хозяйственныя распоряженія крестьянскихъ обществъ на практикѣ было бы болѣе вредно, чѣмъ полезно. Невозможно придумать такой вседѣйствующей и премуудрой власти, которая слѣдила бы за каждымъ шагомъ крестьянскаго быта и съ отеческою заботливостію устроила бы ко благу всѣ его многоразличныя проявленія. Кратковременный опытъ показалъ бы неосуществимость такой мечты. Мировые посредники нѣкоторымъ образомъ специально назначены для руководствованія крестьянъ на первыхъ шагахъ ихъ общественнаго самоуправленія; но уже теперь это руководство обратилось въ пустой звукъ. Мировые посредники вѣроятно недолго просуществуютъ; создавать же новую власть, собственно для благоустроенія крестьянскаго хозяйственнаго самоуправленія, значило бы дѣлать на крестьянъ новый налогъ, который никакъ не окупился бы воображаемою пользою отъ такого учрежденія. Вмѣшательство посторонней власти необходимо допустить только тогда, когда отъ самихъ крестьянъ послѣдуетъ жалоба на злоупотребленіе ихъ общественныхъ властей или на неправильное составленіе сходовъ. Подобныя жалобы могутъ быть разбираемы

мировыми судьями; а если есть уголовное преступление, то также мировым судьям не можно бы поручить перенести дело в окружной судъ. Затѣмъ для исправленія низшихъ инстанцій хозяйственнаго самоуправленія крестьянъ не предостать другого пути, какъ распространеніе между ними умственнаго образованія, которое одно только въ состояніи увести ихъ истинную ихъ пользу и вывести ихъ въ-подъ гнета міроѣдовъ, псарей и разныхъ проходимцевъ, пользующихся топоръ ихъ совершенною темнотою. Однимъ словомъ, по мѣску итѣнью, во всякъ случаяхъ сельскаго быта, гдѣ замѣтана личная безопасность или нарушено право собственности, тамъ власть суда и полиціи должны проявляться съ возможною силою; въ предметахъ общаго народнаго благоустройства и безопасности, каковы: обезпеченіе продовольствія, охраненіе народнаго здравія и мѣры противъ пожаровъ, общественное крестьянское управленіе должно быть поставлено въ зависимость отъ земскихъ собраній и управъ, при содѣйствіи полиціи; но частныя хозяйственныя дѣла сельскихъ обществъ слѣдуетъ предоставлять рѣшенію ихъ сходовъ.

Признавая недостатки крестьянскаго общественнаго управленія, не слѣдуетъ однако ихъ преувеличивать или обобщать частныя явленія, какъ это дѣлаютъ многіе, смотрящіе враждебно на крестьянское самоуправленіе и неспособные понять, что въ немъ-то и заключается вѣрнѣйшій и даже единственный зачатокъ будущей гражданственности и самодѣятельности нашихъ крестьянъ. Въ большинствѣ случаевъ мирское управленіе идетъ удовлетворительно, насколько это возможно при иныишемъ невѣжествѣ нашихъ крестьянъ. Игѣвъ случай видѣть на очитѣ многія, какъ хорошія, такъ и слабыя стороны крестьянскаго управленія и волостныхъ судовъ, я поистинѣ удивлялся тому, что эти люди, которыхъ помислы цѣлѣе вѣка не заходили дальше обработки господскаго поля или ухода за господскимъ скотнымъ дворомъ, могли такъ скоро освоиться съ предоставленнымъ имъ самоуправленіемъ. Въ немъ руководствуетъ ихъ не столько законъ, для нихъ непонятный и къ счастью уклонившійся въ этомъ случаѣ отъ подробныхъ опредѣленій, сколько ихъ собственный здравый смыслъ. Какъ бы ни было въ настоящее время несовершенно крестьянское общественное самоуправленіе, но оно все-таки несравненно лучше противоположнаго порядка, основаннаго на казенной опека и на приказаніяхъ свыше. На волостныхъ и сельскихъ сходкахъ крестьяне приучаются заботиться о своихъ нуждахъ; безъискусственное и близкое къ дѣлу разбирательство волостныхъ судовъ развиваетъ въ крестьянахъ здра-

вѣи смѣлѣе и уваженіе въ праву, отвѣтственному приговорамъ общественной власти. Конечно всѣ эти добрыя послѣдствія самоуправленія вливаются въ сознаніе и обычаи крестьянъ медленно, шагъ по шагъ; тѣмъ не менѣе это самоуправленіе способно къ дальнѣйшему совершенствованію, въ немъ есть зачатки будущей гражданственности и разумной самодѣятельности сельскихъ обществъ, чего вовсе нельзя ожидать отъ порядка законной опеки надъ крестьянскимъ хозяйственнымъ бытомъ. Поэтому было бы крайне неразумно вторгаться съ подробными регламентаціями во внутренній бытъ сельскихъ обществъ, въ надеждѣ исправить этииъ способомъ первыя, нетвердые шаги крестьянскаго самоуправленія. Надобно предоставить времени и опыту совершенствованіе этого самоуправленія и не требовать отъ народной жизни тѣхъ внезапныхъ и чудодѣйственныхъ переворотовъ, которые создаются лишь въ воображеніи самоуправленческихъ бюрократовъ или эвалтированныхъ политическихъ утопистовъ. Правительство можетъ могущественнымъ образомъ ускорить совершенствованіе общественнаго самоуправленія крестьянъ, но не посредствомъ регламентаціи ихъ внутренняго быта, а единственно чрезъ распространеніе между ними умственнаго образованія и чрезъ утвержденіе въ сельской жизни силъ законовъ, охраняющихъ общественную безопасность и благоустройство. Прусское правительство было крайне осторожно въ устройствѣ сельскаго общественнаго самоуправленія, и до сихъ поръ не рѣшилось еще дать ему окончательной формы, хотя всѣ хозяйственные вопросы, соединенные съ крестьянскою реформою, давно уже рѣшены имъ вполне.

Какъ на примѣръ искусственной регламентаціи внутренняго быта сельскихъ обществъ, можно указать на возникшее недавно предположеніе нѣкоторыхъ земскихъ управъ объ обязательномъ введеніи мирскихъ запасекъ для пополненія запасныхъ магазиновъ. Отъ такой мѣры не предвидится никакого проку. Мирскія запашки могутъ быть весьма полезнымъ средствомъ тамъ, гдѣ онѣ будутъ заведены по приговору сельскихъ обществъ, хотя, не правдѣ сказать, мало надежды, чтобы подобныя случаи могли часто встрѣчаться въ нашихъ деревняхъ. Мирскія запашки суть усиленный видъ общиннаго пользованія землею, невыгоды котораго крестьяне и такъ уже начинаютъ чувствовать все болѣе и болѣе. Въ случаѣ же обязательнаго ихъ введенія, онѣ возбуждаютъ общее нерасположеніе крестьянъ и скоро обратятся въ пустую и вредную формальность, для поддержанія которой потребуются непрерывныя пошудительныя мѣры. Отъ крестьянскаго надѣла будетъ отрѣзана часть земли, которая, при ея нерадивой приву-

дательной обработкѣ, только уменьшить общее количество урѣжая. Крестьянскія земли и теперь нигдѣ не остаются необработанными; напротивъ того, крестьяне повсюду ищутъ наемной земли, такъ-какъ надѣлы оказываются для нихъ недостаточными. Да и кто будетъ слѣдить за исправною обработкою мирскихъ запасекъ? Это значило бы внести опеку и улаку въ самое нѣдро крестьянскаго хозяйства, въ повседневную жизнь сельскихъ обществъ. Гораздо проще постановить строгія правила относительно исправнаго состоянія запасныхъ магазиновъ и вѣнчанія хлѣбныхъ осудъ, возложивъ надзоръ и отвѣтственность по этому предмету на земскія управы и волостныхъ старшинъ. Нѣкоторые заявляли даже мысль, что, съ помощію мирскихъ запасекъ, можно обезпечить не только продовольствіе крестьянъ, но и уплату казенныхъ и прочихъ повинностей. Это уже такая мысль, серьезно разбирать которую рѣшительно невозможно, какъ бы ни велико было у насъ уваженіе къ свободѣ всякаго рода человѣческихъ мыслей и измышленій. Замѣчу только, что предлагатели этой мѣры, для того, чтобы быть послѣдовательными, должны бы добавить, что въ обязательную мирскую запаску необходимо обратить всѣ надѣлы крестьянъ, вѣстѣ съ землею, нанимаемою ими на сторонѣ, и приставить къ этимъ запаскамъ особыхъ надсмотрщиковъ, которые, подобно тому, какъ дѣлають это турки въ славянскихъ земляхъ своей имперіи, призываютъ бы собирать жатву въ особые магазины и оттуда продавали бы ее покупателямъ, на уплату казенныхъ и прочихъ крестьянскихъ повинностей.

Кромѣ перечисленныхъ мною причинъ, задерживающихъ улучшение крестьянскаго быта и относящихся собственно къ крестьянамъ, есть наконецъ общія причины, одинаково угнетающія сельское хозяйство какъ крестьянъ, такъ и помѣщиковъ. Таковы напримѣръ отсутствіе въ большей части Россіи хорошихъ путей сообщенія, непрерывные падежи, ежегодно уносящіе десятки тысячъ рогатаго скота и лошадей, единственную рабочую и удобряющую силу нашего хлѣбопашества, наконецъ непомѣрная дороговизна желѣза, т.-е. того матеріала, безъ котораго невозможно успѣхи сельскаго хозяйства и заводской промышленности. По отчету Новгородской губернской земской управы, въ этой губерніи погибло отъ сибирской язвы въ 1867 г.: людей 281, лошадей 19,600, коровъ 4,700, мелкаго скота 4,500, по цѣнѣ скота всего на 545,800 р.; дѣйствительная же убыль скота была, по замѣчанію управы, гораздо значительнѣе, ибо изъ многихъ селеній не получено точныхъ свѣдѣній. Дороговизною желѣза имъ обязаны частію огромному разстоянію, отдѣляющему наши си-

бирскіе заводы отъ внутреннихъ губерній, но всего болѣе выскокой производительной машины на иностранное желѣзо. Наши сибирскіе желѣзозаводчики, обеспеченные этою машиною отъ всякаго соперничества, возмизаютъ цѣны желѣза по своему произволу и въ то же время совершенно небрегутъ объ усовершенствованіи и удешевленіи чугунно-желѣзнаго производства. Сами владельцы заводовъ живутъ обыкновенно вдали отъ нихъ, болѣею частію въ столицахъ и за границею; заводы завѣдуютъ плохіе мастера-самоучки и управляющіе, обрабатывающіе владельцы на сотни тысячъ рублей и ведущіе чугунно-желѣзное дѣло по грабѣдовскимъ обычаямъ.

Вотъ, по моему мнѣнію, главнѣйшія причины, затрудняющія улучшеніе матеріальнаго быта нашихъ крестьянъ и удерживающія ихъ на той крайней степенн бѣдности, которая съ такою ясностію обнаруживается голодами, стремленіемъ крестьянъ къ переселенію въ дальнія губерніи и частію употребленіемъ притупительныхъ мѣръ для высвобожденія казенныхъ и помѣщичьихъ повинностей. Привожу читателю вкратцѣ коренныя и общія изъ этихъ причинъ, не востоя причины второстепенныхъ и частныя. Эти коренныя причины суть: невозможное обремененіе крестьянъ разнаго рода денежными повинностями; крайнее ихъ невѣжество и, какъ его слѣдствіе, безпечность и умственная ихъ притупленность; прерывленіе крестьянъ къ ихъ обществамъ и надѣламъ, не только недопускающее естественнаго распредѣленія ихъ рабочихъ силъ и земельной собственности, но затрудняющее даже временныя отлучки крестьянъ для заработковъ; наконецъ необеспеченность въ деревняхъ личной и имущественной безопасности и вѣрности заключаемыхъ договоровъ, а вслѣдствіе того—боязнь помѣщиковъ и крестьянъ къ развитію полезныхъ предпріятій, отсутствіе взаимнаго довѣрія и кредита, истощеніе крестьянъ разорительными для нихъ долгами на уплату повинностей и на собственное прокормленіе. Всѣ эти причины крестьянской бѣдности находятся въ тѣсной между собою зависимости, такъ что безъ устраненія одной изъ нихъ невозможно устранить другихъ. Не облегчивъ крестьянъ относительно налоговъ, невозможно предпринять дѣйствительныхъ мѣръ къ распространенію между ними образованія: сами крестьяне не имѣютъ средствъ къ содержанію училищъ, содержать же ихъ исключительно на казенный счетъ представляется вполнѣ невозможнымъ. Умственное невѣжество крестьянъ будетъ неопредѣленно дѣлать жалкое состояніе ихъ хозяйства, и съ другой стороны—препятствовать благоустроенію ихъ общественнаго управленія, слѣдовательно будетъ влечь за собою необходимость въ еще

важныхъ влостей и въ новыя на содержаніе нѣхъ записки. Нынѣшняя бѣдность крестьянъ *будетъ* представлять прѣобрѣтенію или частной помещальной собственности и развитію сельскихъ промысловъ, если даже заводъ и уничтожить тѣ права, которыя поставлены нѣхъ свободному развитію простонародныхъ рабочихъ силъ и помещальной собственности. Многіе помещико-торговые банки, которые могли бы придти на помощь крестьянамъ, а также вообще развитіе въ сельской жизни частнаго кредита, невозможны при необеспеченности договоровъ; а уваженіе къ договорамъ и чужому праву, въ свою очередь, весьма непрочны въ средѣ народа невѣжественнаго и необеспеченнаго въ осязательное существованіе. Отсюда видно, что частными мѣрами нельзя исправить нынѣшняго положенія крестьянъ; необходимы мѣры всенародныя и общія. Касаясь налоговъ, земскихъ на крестьянахъ, могутъ быть облегчены только двумя самостоятельными путями: во-первыхъ переложеніемъ принятыя государственныхъ налоговъ съ податныхъ душъ на имущество всѣхъ гражданъ, и во-вторыхъ уменьшеніемъ общей суммы государственныхъ расходовъ; о томъ и другомъ было говорено нѣкогда въ одной изъ предыдущихъ статей. Обязательное уменьшеніе оброчныхъ и выкупныхъ платежей, слѣдующихъ помѣщикамъ, теперь уже немислимо, ибо никакой законъ не можетъ брать своего слова назадъ, безъ потрясенія довѣрія къ себѣ въ народѣ и безъ нарушенія основныхъ началъ частнаго государственнаго права. Но заглавленное уже закономъ право крестьянъ отпаиваться отъ своихъ надѣловъ по истеченіи 9 лѣтъ и самая исполнота закона относительно оставленія крестьянами нѣхъ надѣловъ даютъ правительству полную возможность облегчить для крестьянъ, несостоящихъ на выкупѣ, прѣисполненіе сказанныхъ правъ: чрезъ это будущія выкупныя сдѣлки, а равно и пользованіе надѣлами за оброкъ, могутъ современно уладиться посредствомъ добровольныхъ соглашеній, на условіяхъ, менѣе для крестьянъ стѣснительныхъ, чѣмъ нынѣшніе обязательные оброкъ и выкупные платежи. Затѣмъ правительству предстоитъ оказать матеріальное и устроительное содѣйствіе для учрежденія сельскихъ школъ и для приготовленія способныхъ нареднихъ учителей. Наконецъ останется произвести возможное у насъ улучшеніе земской полиціи и вообще губернскаго управленія. Съ облегченіемъ народа въ податяхъ и съ превращеніемъ его матеріальныя достатковъ, земство получитъ средства для обеспеченія народнаго продовольствія, для охраненія народа отъ истощенія его болѣзней, для улучшенія дорогъ и для постепеннаго развитія мѣстнаго кредита; въ настоящее же время всѣ эти обя-

важности земства существуютъ болыпою частію лишь въ буиѣхъ Положеніи о земскихъ учрежденіяхъ, а отчеты управъ свидѣтельствуютъ только о недониманіи и неосознательности земства.

Въ какой однако степени вѣроятное осуществленіе упомянутыхъ дѣлъ мѣръ? Многіе полагають, что сокращеніе государственныхъ расходовъ по возможности у насъ невозможно, и что всеніи ожиданія въ этомъ смыслѣ принадлежать въ области мечтаний и доказываютъ только незнакомство съ ходомъ дѣлъ. Переломленіе принятии государственныхъ налоговъ съ податныхъ душъ на ииущества всѣмъ гражданамъ, хотя и представляется болѣе возможнымъ, но, по мнѣнію ииовгихъ, оно осуществимо развѣ только въ отдаленной будущности. Въ доказательство таиого мнѣнія указываютъ на то, что податная коммиссія, существующая уже 10 лѣтъ, не пришла еще даже къ теоретическому приианію возможности замѣнить въ настоящее время душевые налоги общенъ ииущественною податію. Она предлагаетъ оставить на крестьянахъ всю сумму лежащихъ на нихъ теперь душевыхъ налоговъ (около 63.000.000 р.), не только дать этимъ налогамъ другое названіе, ииенно: двѣ трети этой суммы назвать не подушною, а подворною податію, разложить ее на крестьянскіе двори, вмѣсто крестьянскихъ душъ, а остальную третъ разложить на крестьянскія земли и назвать ее поземельнымъ налогомъ. Таки-какъ крестьянскія хлѣбныя и крестьянскіе надѣлы не могутъ своею цѣнностію обезпечивать этихъ налоговъ, то обезпеченіемъ ихъ непреиному останется личность крестьянина, т.-е. его свобода, и круговая порука обществъ; крестьянинъ непреиному долженъ будетъ отбывать свои повинности не на мѣстѣ своего дѣйствительнаго жителства, а на мѣстѣ своей приписки. При этихъ условіяхъ и ииѣнныя паспортная система не можетъ подвергнуться существеннымъ улучшеніямъ. Слѣдовательно, сверхъ прежней суммы налоговъ, на крестьянахъ останется также вся тяжесть круговой поруки и паспортной системы, этихъ двухъ установленій, налагающихъ на свободу и трудъ крестьянина такия тяжелыя нуты. Облегченіе крестьянамъ права переходить на другія мѣста представляется, повидимому, весьма возможнымъ и вѣроятнымъ; но, при настоящей бѣдности крестьянъ, правомъ перехода могутъ воспользоваться весьма немногіе изъ нихъ. При ииѣнній крестьянами собственныиъ средствъ для учрежденія школъ и при обремененіи государственнаго бюджета другими, нетерпимыми одагательства расходами, обученіе крестьянъ, какъ многіе думаютъ, будетъ всепрелому поииниматься только рто деоего, въ отчеткахъ учебнаго и духовнаго вѣднства, не подвигаясь впередъ ни на шагъ. Не оспаривая целесообразно-

сти приводимыхъ адѣсь доводовъ, нельзя однако же возмемить, что въ этомъ предметѣ есть и другая, болѣе свѣтлая сторона, отнѣсая которую не станеть никто, смотрящій безъ предубѣжденій на окружающія насъ событія. Въ короткое время, протекшее съ начала нынѣшняго царствованія, въ Россіи сдѣлано столько преобразованій, непрерывнымъ рядомъ слѣдовавшихъ одно за другимъ, что было бы величайшею несправедливостію требовать отъ этого времени чего-нибудь большаго или отчаяваться въ продолженіи тѣхъ улучшеній въ государственномъ порядкѣ, которыя были начаты верховною властію единственно по ее собственному побужденію. Народы и общества, находящіеся на пути реформъ, бывають обыкновенно гораздо требовательнѣе и нетерпимѣе тѣхъ, которые коснѣють въ застоѣ: эти послѣдніе, въ силу самой своей неподвижности, свиваются съ окружающею ихъ обстановкою; тогда-какъ въ эпохи реформъ каждое новое улучшение еще яснѣе высвѣтляетъ тѣ недостатки прежняго порядка, которые останутся еще неустранимыми. Но съ другой стороны не слѣдуетъ забывать, что успѣхъ преобразовательной дѣятельности наудача правительства много зависитъ отъ нравственныхъ силъ самаго общества, отъ того запаса способностей, знаній и доброй воли, который общество можетъ предоставить въ данное время въ распоряженіе верховной власти. Эта послѣдняя можетъ осуществлять свои предначертанія не иначе, какъ при посредствѣ дѣателей, выдѣляемыхъ обществомъ; самое направленіе правительственной дѣятельности находится подъ вліяніемъ понятій и нравовъ окружающаго общества, которое, своимъ сочувствіемъ или страдательнымъ сопротивленіемъ, способно или поддерживать верховную власть на пути улучшеній, или же наоборотъ — преснищать ее и останавливать. Когда въ обществѣ скуднѣе запасъ просвѣщенныхъ умовъ и преданныхъ общему дѣлу сердець, тогда успѣхъ тѣхъ или другихъ реформъ зависитъ отъ случайнаго соединенія у подножія верховной власти такихъ людей, которые сочувствуютъ новымъ началамъ государственной жизни и способны невести на своихъ плечахъ бремя ихъ осуществленія. Начто однако не доказывать, чтобы въ Россіи не существовало уже запаса просвѣщенныхъ умовъ и крѣпкихъ руць, на которые могла бы опереться верховная власть въ своихъ послѣдующихъ анудительныхъ дѣйствіяхъ для блага отечества, или чтобы своекористные и неразумные голоса, раздающіеся въ средѣ общества противъ реформъ и движенія впередъ, принадлежали большинству и способными были заглушить собою желанія и надежды остальной части образованнаго общества.

Предположимъ однако, что какія нибудь непредвиденныя случайности, оказавшия сильнѣе и преобразовательныхъ стремлений верховной власти, и желаній лучшей части образованнаго общества, остановятъ Россію на волнѣхъ и сдѣлаютъ надолго невозможнымъ устраненіе тѣхъ обстоятельствъ, которыя задерживаютъ матеріальное и нравственное улучшеніе бита нашего крестьянства, а вмѣстѣ съ тѣмъ и развитіе производительныхъ силъ нашей страны. Взглянемъ хладнокровно на ту будущность, которая въ такомъ случаѣ предстала бы Россіи. Число учреждений и должностей будетъ умножаться; государственные расходы, а съ ними и государственные долги будутъ непрерывно возрастать; налоги также прогрессивно увеличиваться; высшіе налоги посредствомъ продажи имущества будутъ вѣнецъ разорять крестьянское хозяйство и поведутъ современемъ къ непоплатѣ огромныхъ недоимокъ; акцизная или другая подобная ей система питательныхъ сборовъ, ставъ, при сказанныхъ обстоятельствахъ, рѣзкою необходимостью для нашего финансоваго управленія, будетъ уносить остатки крестьянскихъ заработковъ и въ то же время распространять безнравственность въ народѣ; свѣтлѣйшіи религіи и умственнаго образованія надолго будутъ оставаться подъ снудомъ; самыя законы и учрежденія, охраняющіе личную безопасность и право собственности, будутъ проявлять лишь слабое дѣйствіе въ средѣ народа грубаго и вѣжественнаго, которому чуждо внутреннее сознаніе права и пониманіе общественной пользы; — навонецъ, рано или поздно, долженъ послѣдовать кризисъ, экономическій, финансовый и битъ можетъ даже общественный. Тогда вѣчно будетъ приступлено къ крутымъ мѣрамъ для спасенія государства. Но мѣры, принимаемыя во время кризисовъ, всегда имѣютъ характеръ поспѣшности, ломки и нарушенія частныхъ правъ. Народъ, при такихъ переворотахъ, теряетъ довѣріе къ прочности государственнаго порядка; а это довѣріе, битъ однажды потрясено, восстанавливается весьма трудно и несуро. Россія была доселѣ сильна всего болѣе довѣріемъ народа къ правительству и къ прочности государственнаго порядка; отсюда вытекала та безусловная покорность всѣхъ классовъ народа правительству, которая спасала государство въ самыя опасныя минуты и облегчала спокойное совершеніе внутреннихъ реформъ. Для Россіи гораздо выгоднѣе выдержать продолжительную и неудачную войну съ внѣшними врагами, чѣмъ испытать внутренний кризисъ и увидѣть потрясеннымъ довѣріе народа къ прочности государственнаго порядка. Убитые люди замѣщаются вновь нарождающимися; затраченныя средства могутъ битъ покрыты большимъ на-

привлеченіе народнаго труда и государственной бережливостію; разрушеніе крѣпости и корабли можно встрѣтить вѣзвѣ; даже потеря дѣльных областей, хотя и уваживая народное самолюбіе, но не имѣетъ вліянія на благосостояніе остальной части государства, особенно если утраченныя области не состояли въ вѣковой и духовной общности съ верховною частью государства. Намрѣняя того, объединеніе народа, доведенное до общаго экономическаго и финансоваго кризиса, служить началомъ разложенія государства и внутреннихъ неурядицъ, тѣмъ болѣе опасныхъ для государства, чѣмъ обширнѣе его область. Тогда-то являютъ ся коедніе сожалѣнія о томъ, что не было преступлено своевременво въ правильныхъ и спокойныхъ реформахъ. Только такія реформы, исправляя недостатки, наводнившіеся временемъ, и удовлетворяя немалымъ требованіямъ народной жизни, способны удерживать крутые кризисы и перевороты, подобно тому, какъ въ органической природѣ только непрерывнымъ обновленіемъ формъ и обмѣномъ живленнихъ матерій поддерживается сила и правильннй ростъ существъ. Но, повторяемъ, въ настоящее время нѣтъ достаточныхъ основаній считать таковой печальный исходъ необходимымъ для Россіи. Кромѣ преобразовательнаго направленія, принятаго верховною властію и оправданнаго уже цѣлымъ рядомъ благотѣльныхъ реформъ, для нашего общества и правительственныхъ дѣателей руководящимъ началомъ должны послужить примѣры западныхъ государствъ, прежде насъ прошедшихъ различныя формы и превратности политическаго быта. Если мы и уступаемъ многимъ европейскимъ народамъ въ суммѣ знаній и бытъ можетъ даже въ суммѣ гражданскихъ добродѣтелей, разлитыхъ въ нашихъ общественныхъ и служебныхъ кругахъ, зато пользуемся предъ ними тѣмъ преимуществомъ, что всегда можемъ имѣть предъ глазами примѣры и уроки, добытые ими долгимъ и труднымъ опытомъ политической жизни. Нельзя отрицать, что и совершенными уже у насъ реформами мы много обязаны примѣру и вліянію западной цивилизаціи. Поэтому есть основаніе надѣяться, что и на будущее время, уроки, ея добытые, не останутся для насъ безплодными. Читая исторію западныхъ государствъ, можно видѣть, что тѣ люди, которые, пренебрегаясь фальшивою вышеслоу консервативна и преданности правительству, предлагали мѣры, служившія къ еще большому увеличенію народныхъ тягостей и къ стѣсненію свободнаго развитія народнаго труда, были въ дѣятельности людьми, работавшими, хотя болѣею частію и бессознательно, въ пользу разложенія и революцій. Дѣятельность ихъ безъ всякаго сравненія была вреднѣе выходовъ тѣхъ маленькихъ дема-

готовъ и утонченъ, которая подолжаетъ своимъ вреднымъ убѣжденіемъ предъ тѣмъ юною и студентичною реторикъ. Утѣшныя и литературныя демагоги проповѣдали лишь временный хладъ въ головахъ своихъ колониальныхъ; безоседельность и нецѣлостность ихъ разглагольствованій скоро становились ясными для большинства ихъ слушателей, и только късторыя ихъ оупраждала, наиболѣе впечатлительныя или же наиболѣе студныя умы, дѣлались жертвами внушенныхъ имъ теорій. Дѣятеля же перваго рода оставили крупныя и долговѣчныя слѣды на всемъ государственномъ и народномъ бытѣ; они мѣли печать своей ограниченности или своекористія на законы и учрежденія цѣлѣныхъ странъ и сѣлили сѣмена разложенія и волненія, привнесшія плоды тогда, когда и самыя имена сѣятелей были давно уже забыты. Революціонныя писатели, дѣйствовавшіе наканунѣ политическихъ переворотовъ, не сообщали нареду ничего новаго, чего бы онъ уже не зналъ изъ собственного опыта. Они выражали только недовольства и раздраженія, налившія въ груди народа въ теченіе долгихъ лѣтъ, и произносили за него послѣднее слово: но начало и шину этимъ разрушительнымъ страстямъ давали дѣятели перваго рода. Въ то же время, по роковому недоразумѣнію, повторяющемуся во всей исторіи, почитались врагами правительствъ тѣ люди, которые старались раскрывать причины неудовлетворительнаго положенія дѣла изъ эпохи и указывали на опасности будущаго, жала тѣмъ предотвратить рѣзкія потрясенія и насильственныя перевороты въ народной жизни. Почти всегда такіе люди стояли уединенно или въ незамѣтномъ меньшинствѣ, съ одной стороны освѣтимаемые тѣми, которые лучшимъ началомъ всякаго дѣла почитаютъ испроверженіе существующаго, а съ другой—ненавидимыя и затираемыя тѣми, которые лучшемъ системою дѣяствій признаютъ ту, при которой имъ однимъ было бы выгодно, привлекательно и властно. Вотъ оно, то грозное fatum древнихъ, которое, по ихъ мнѣнію, управляетъ участіемъ людей и народовъ; на самомъ же дѣлѣ этогъ такъ-называемый слѣпой рокъ есть только сумма, или пожалуй равнодѣйствующая линія множества отдѣльныхъ волей, дѣйствующихъ на сценѣ исторіи. Дѣло въ томъ, что для людей нѣтъ ничего труднѣе, какъ принимать безспорныя истины и слѣдовать имъ въ своей частной и общественной дѣятельности. Происходить это не отъ того, чтобы эти истины были трудно понимаемы; напротивъ того, онѣ гораздо проще всѣхъ искусственно создаваемыхъ системъ и хитрыхъ мѣропріятія; но эти истины вѣлюбивы для большинства потому, что онѣ задѣваютъ множество честолюбій, корыстолюбій и властолюбій, смущаютъ

многочисленных предвзудовъ и тревожить много новыхъ и свѣтоварныхъ существованій. Кому-то говорили о необходимости сократить въ одномъ видѣ дѣятельности отремни, совершенно безплатные расходы. «О чемъ вы хлопотаете? вѣдь на наше вѣкъ хватитъ», — отвѣчалъ онъ своему собесѣднику, повторяя смыслъ знаменитой фразы, сказанной гораздо прежде однимъ, въ своемъ родѣ знаменитымъ человекомъ. *Après nous le déluge*, послѣ насъ хоть трава не расти — вотъ логика огромнаго большинства человѣчества и выстѣ съ тѣмъ вотъ объясненіе того слѣпаго *fatum*, предъ которымъ такъ суевѣрно преклонялись древніе. Для устранения коренныхъ недостатковъ извѣстнаго порядка вещей отъ общественныхъ дѣателей требуется много доброй воли, много разума и труда, а нерѣдко и пожертвованія нѣкоторыми личными выгодами; потому-то общественные дѣатели, какъ мы видимъ это изъ исторіи западныхъ государствъ, наипаче старались обходить молчаніемъ эти коренныя и для всѣхъ очевидныя причины зла, и самое прикосновеніе къ нимъ считали дерзкимъ посягательствомъ противъ общественнаго спокойствія и порядка. Выбѣсто того, чтобы уничтожить корень зла и затѣмъ дать ходъ естественному теченію народной жизни, ожидая дальнѣйшихъ плодовъ отъ времени, западныя законодательства нерѣдко нанизывали одну на другую частныя и искусственныя мѣры, которыя, подновляя только внѣшность предметовъ, нисколько не исправляли ихъ сущности, а на-противъ того своими сложными формами еще болѣе запутывали народную жизнь и останавливали ея спокойное движеніе.

Вѣроятно многіе читатели, прочтя настоящую статью, написанную не случаю голода, возражать, что все здѣсь сказанное не относится непосредственно къ этому бѣдствію, периодически повторяющемуся то въ той, то въ другой части нашего отечества; въ настоящее время, могутъ замѣтить многіе, желательно бы было найти въ литературѣ не теоретическія и для многихъ подлежащія еще сомнѣнію разсужденія объ отдаленныхъ причинахъ крестьянской бѣдности, а прямыя указанія на тѣ практическія мѣры, которыя должны быть приняты для избавленія нашихъ крестьянъ отъ голода. Еслибъ мнѣ были извѣстны такія практическія мѣры, то конечно я поспѣшилъ бы сообщить ихъ читателямъ; но, къ сожалѣнію, я вижу въ настоящее время только двѣ практическія мѣры: или кормить голодающихъ крестьянъ насчетъ казны и частныхъ пожертвованій, или же оставлять ихъ умирать съ голоду. Запасные магазины, несмотря на всѣ дѣлаемыя противъ нихъ возраженія, какъ отнесительно трудности храненія заключающагося въ нихъ хлѣба,

такъ и по неудобству сбора хлѣбныхъ соудъ, все-таки составляють, по моему мнѣнію, наиболѣе надежное средство для временнаго обезпеченія народнаго продовольствія во время неурожаевъ. Но не надобно забывать, что достаточно одного сильнаго неурожаа, подобнаго прошлогоднему, чтобы истощить до послѣдняго зерна запасъ хлѣбныхъ магазиновъ. Затѣмъ повеленіе магазиновъ чрезъ возвратъ соудъ совершается обыкновенно медленно, и тѣмъ медленно, чѣмъ бѣднѣе мѣстное населеніе. Если же бѣдность поселянъ дошла до такой степени, что они вовсе не въ состояніи откладывать собственныхъ сбереженій на черный день, что частныя долги, дѣлаемые ими для уплаты повинностей, для посѣвовъ и даже собственно для прокормленія, обратились для нихъ въ хроническій недугъ, то понятно, что никакіе запасные магазины не могутъ обезпечить продовольствія населенія, находящагося въ такой постоянной и безысходной бѣдности. Доводительствомъ тому служатъ прочимъ государственнымъ крестьяно. Если вѣрять официальнымъ источникамъ министерства государственныхъ имуществъ, то запасные магазины казенныхъ крестьянъ, во время передачи ихъ въ 1866 г. въ вѣдѣніе общихъ учреждений, содержали полный комплектъ хлѣба, безъ магѣшней недоимки, именно: 14.900.000 четвертей овсянаго и яроваго хлѣба на 9.586.000 душъ мужскаго пола. Между тѣмъ въ губерніяхъ, голодавшихъ въ минувшемъ году, государственные крестьяне терпѣли не меньшую нужду, какъ и бывшіе помѣщичьи; а въ одномъ изъ уѣздовъ описываемой мною губерніи наибольшій голодъ и наибольшее число неурожайныхъ полей оказались, по официальнымъ донесеніямъ, именно въ селеніяхъ государственныхъ крестьянъ, которые, какъ было сказано въ предыдущей статьѣ, цѣлыми деревнями устремались на переселеніе, распродавъ еще съ зими свои пожитки и скотъ.

Кстати о государственныхъ крестьянахъ. Самъ я не имѣлъ случая наблюдать вблизи ихъ положеніе; но, судя по сейчасъ приведенному факту, а также по отзывамъ помѣщиковъ, государственные крестьяне вообще находятся въ положеніи не лучшемъ, чѣмъ и бывшіе крѣпостные. Помѣщики увѣряютъ даже, что пераие гораздо бѣднѣе вторыхъ; но кажется такое общее заключеніе пристрастно и преувеличено. Въ хлѣбородномъ Ефремовскомъ уѣздѣ я проѣзжалъ черезъ большее государственное село, лежащее на самомъ шоссе и представляющее видъ опустошенія, какъ бы произведеннаго землетрясеніемъ или неприятелискимъ нашествіемъ. На вопросъ мой о причинѣ такой бѣдности, я услышалъ отъ одного изъ тамошнихъ крестьянъ все тотъ же неизмѣнный отвѣтъ: повинности не даютъдохнуть.

Между тѣмъ: повинности государственника крестьянъ значительно меньше, чѣмъ у временно-обязанныхъ, потому что оброчная подать повинныхъ составляеть, въ общей сложности по всѣмъ губерніямъ, только около 3 р. 50 к. съ души, когда-какъ оброчны временно-обязанныхъ крестьянъ равны 8, 9 и 10 рубл. съ души. Всѣхъ платежей съ государственныхъ крестьянъ склadyтъ теперь среднимъ числомъ отъ 8 до 9 р. съ души, а съ временно-обязанныхъ по 14 и по 15 р. Если при всемъ томъ, положеніе парника не лучше положенія вторика, то это доказываетъ, какъ сильно тяготѣніе тѣхъ общихъ причинъ, нравственныхъ и матеріальныхъ, которыя препятствуютъ развитію благосостоянія нашего крестьянскаго сословія. Выбѣстъ съ тѣмъ неудовлетворительность положенія государственныхъ крестьянъ весьма убѣдительно доказываетъ, что казенная связь надъ внутреннимъ бытомъ и хозяйствомъ сельскихъ обществъ не приноситъ добрыхъ плодовъ, и что улучшенія матеріальнаго благосостоянія нашихъ крестьянъ можно ожидать единственно отъ поднятія ихъ умственнаго уровня и отъ усовершенствованія общихъ законовъ и учрежденій страны.

Въ заключеніе моихъ разсужденій о причинахъ бѣдности нашихъ крестьянъ, я долженъ сдѣлать слѣдующую оговорку. Наблюденія моя надъ крестьянскимъ бытомъ были слѣшкомъ кратковременны и неполны, между тѣмъ, предметъ, которому посвящена настоящая статья, едва-ли не составляетъ труднѣйшаго изъ вопросовъ нашей народно-экономической жизни. Трудность его зависитъ какъ отъ множества условій, имѣющихъ вліяніе на хозяйственный бытъ нашего народа, такъ и отъ недостатка по этому предмету вѣрныхъ указаній и беспристрастныхъ свидѣтельствъ. Свѣдѣнія, получаемыя отъ помѣщиковъ, могутъ быть принимаемы не иначе, какъ съ величайшею осторожностію, и требуютъ безпрестанной провѣрки; кромѣ того, какъ я не однажды убѣдился, наши помѣщики, даже постоянно живущіе въ деревняхъ, сами имѣютъ весьма недостаточное понятіе объ условіяхъ крестьянскаго быта. Это послѣднее обстоятельство весьма естественно: господа и слуги, владѣтели и владѣнные вездѣ составляютъ два міра, рѣзко одинъ отъ другаго отдѣленные; нужды, печали и радости одного изъ нихъ чужды и непонятны другому. Мы увидимъ крестьянскій міръ вполне только тогда, когда изъ его собственной среды выйдутъ люди, способные лучше науки освѣтить его для нашего взора и разложить на составныя части. Потому-то я менѣе всякаго другаго словесно считать мои бѣглыя замѣтки по настоящему предмету тѣмъ-

нибудь глубокимъ, законченнымъ и безспорнымъ. Напротивъ того я увѣренъ, что многія стороны хозяйственного быта крестьянъ прошли для меня вовсе незамѣченными, что другимъ явленіямъ, на которыхъ было сосредоточено мое вниманіе, я быть можетъ придалъ преувеличенное значеніе, что тѣ или другіе факты переданы мнѣ или подмѣнены мною невѣрно, что тѣ или другіе выводы сдѣланы поспѣшно и односторонне. Наибольшая опасность, съ которою встрѣчаются всѣ изслѣдователи народной жизни, именно въ томъ и состоитъ, что они часто принимаютъ отдѣльные случаи, почему-либо ихъ поразившіе, за явленія общія и обычныя и, сосредоточивая на нихъ свое вниманіе, упускаютъ изъ вида цѣлый рядъ другихъ явленій, имѣющихъ быть можетъ совершенно иной характеръ. Тѣмъ не менѣе я полагаю, что настоящія мои замѣтки не будутъ совершенно лишними, хотя бы уже потому, что онѣ могутъ вызвать по затроутому мною вопросу новыя изслѣдованія, обращенныя на другія его стороны, упущенныя мною изъ вида. Только такою взаимною повѣрною мнѣній и фактовъ можетъ усниться истина, и въ этомъ случаѣ имѣетъ свою цѣну всякое мнѣніе, какъ бы ни было оно односторонне, всякій новый фактъ, какъ бы ни казался онъ частнымъ и случайнымъ. Одно лишь условіе совершенно необходимо во всякомъ изслѣдованіи, именно, чтобы сообщаемые факты не были искусственно поддѣлываемы, и чтобы дѣлаемые выводы не были умышленно подгоняемы подъ какое-либо одно предвзятое мнѣніе. Подобнаго рода разсужденія только омрачаютъ и сбиваютъ съ толку общественное сознаніе, и самі авторы ихъ мало-по-малу теряютъ способность видѣть предметы въ ихъ настоящемъ свѣтѣ и на настоящемъ мѣстѣ. Такия разсужденія можно сравнить со стѣклами, имѣющими кривую или изломанную поверхность: если смотрѣть на предметъ чрезъ рядъ подобныхъ стеколъ, то мы увидимъ его за версту отъ его настоящаго мѣста, и онъ представится намъ окрашеннымъ въ цвѣта, вовсе ему не принадлежащіе. Къ сожалѣнію, наша періодическая печать всего чаще наполняется именно такими, предомышляющими истину статьями; становясь предъ глазами публики каждый день и одна впереди другой, эти оптическія статьи, смотря по тому, въ какую сторону обращена ихъ кривизна, отбрасываютъ зрѣніе публики либо на версту вправо, либо на версту влѣво отъ прямого направленія. Такое жалкое состояніе нашего общественнаго мышленія происходитъ всего болѣе отъ нашей неподготовленности къ серьезному изслѣдованію какихъ бы то ни было вопросовъ, отъ недостатка у насъ фактическихъ

знаній и выработанныхъ наукою руководящихъ началъ. За отсутствіемъ этихъ положительныхъ данныхъ, журналы и газеты по необходимости должны наполнять себя худосочною тенденціозностію, бесплодною полемикою и жестокими взаимными обвиненіями.

Положеніе крестьянъ въ девяти западныхъ губерніяхъ, какъ въ прежнее время отличалось отъ положенія ихъ въ остальныхъ мѣстахъ имперіи, такъ и теперь представляетъ многія особенности, несущіяся въ другихъ губерніяхъ и влоняющіяся частью къ выгодамъ, частью къ невыгодамъ западныхъ крестьянъ. Русскіе крестьяне западныхъ губерній, находившіяся болѣе 800 лѣтъ подъ двойнымъ игомъ крѣпостнаго права и племенной ненависти къ нимъ польскихъ помѣщиковъ, испытали угнетеніе и разореніе, о которыхъ остальные русскіе крестьяне не имѣли и понятія. Реформа 1861 г. совершилась въ западныхъ губерніяхъ при условіяхъ крайне неблагоприятныхъ для крестьянъ, а въ виленскомъ генералъ-губернаторствѣ она даже положительно привела бы ихъ въ положеніе еще худшее прежняго. Въ настоящее время, какъ извѣстно, обстоятельства измѣнились къ лучшему: въ обоихъ западныхъ генералъ-губернаторствахъ постановленъ общій обязательный выкупъ на облегчительныхъ для крестьянъ условіяхъ, оконченный уже болѣе, чѣмъ въ половинѣ имѣній. Такимъ оборотомъ дѣла крестьяне единственно обязаны недавнему бунту тамошнихъ польскихъ помѣщиковъ, отвергнувшихъ надъ собою власть правительства и законовъ той страны, которая ихъ пріютила. (Теперь несомнѣнно доказано общее участіе въ бунтѣ всѣхъ тамошнихъ польскихъ помѣщиковъ, если и не всегда вооруженною рукою, то всегда матеріальною помощію бунту и сѣтью многообразныхъ козней противъ русскаго правительства и народа.) Хотя по всѣмъ правиламъ не только военнаго, но и государственнаго права, правительство могло бы вовсе лишити права на русскую землю тѣхъ людей, которые пытались насильственно сбросить съ себя русскіе законы и русское подданство, но правительство, подавивъ бунтъ вооруженною рукою, ограничилось въ поземельномъ вопросѣ лишь исправленіемъ вопиющихъ злоупотребленій, сдѣланныхъ польскими помѣщиками и чиновниками при введеніи Положенія 19-го февраля. Кромѣ того надобно знать, что самое Положеніе для губерній Виленской, Ковенской, Гродненской, Минской и части Витебской, составлено было на такихъ шаткихъ и неопредѣленныхъ основаніяхъ, что оно давало

исполнителямъ Положеній полную возможность не только не улучшать, но даже ухудшать положеніе тамошнихъ крестьянъ. Въ этомъ послѣднемъ направленіи и была совершенна крестьянская реформа во всѣхъ губерніяхъ нынѣшняго виленскаго генералъ-губернаторства, не исключая Могилевской и бѣлорусскихъ уѣздовъ Витебской губерніи. Хотя къ этимъ двумъ губерніямъ было примѣнено Положеніе великороссійскихъ губерній, которое, по своей опредѣлительности, болѣе сдерживало произволь исполнителей, тѣмъ не менѣе и здѣсь польскіе помѣщики и мировые посредники успѣли дружнымъ усиліемъ обойти цѣль новаго законодательства (впрочемъ обѣ послѣднія губерніи, во время введенія Положеній, не входили въ составъ виленскаго генералъ-губернаторства). Чтобы читатель могъ понять всю шаткость мѣстнаго Положенія, составленнаго для губерній сѣверо-западнаго края (Виленской, Ковенской, Гродненской, Минской и нидерландскихъ уѣздовъ Витебской), достаточно сказать, что Положеніе признавало тамъ за крестьянами не то количество земли, которое значилось за ними по инвентарямъ, а лишь то, которое окажется у нихъ при введеніи уставныхъ грамотъ, по изчисленію мировыхъ учреждений и помѣщиковъ; съ другой стороны, крестьянскія повинности, которыя для всѣхъ прочихъ губерній имперіи были ограничены извѣстными предѣльными цифрами, для однихъ сѣверо-западныхъ губерній не были подчинены никакому ограниченію, а вмѣсто того Положеніе узаконило существовавшія тамъ инвентарныя повинности, съ нѣкоторыми только въ нихъ облегченіями, причеиъ какъ изчисленіе этихъ повинностей, соотвѣтственно надѣлу, такъ и складка съ нихъ указанной доли были опять-таки предоставлены самимъ помѣщикамъ, купно съ мировыми посредниками. Итакъ въ одномъ случаѣ Положеніе отмѣняло инвентари, т.-е. признавало всѣ отрѣзанъ отъ крестьянскихъ земель и полное ихъ отобраніе, произведенныя въ огромныхъ размѣрахъ польскими помѣщиками со времени составленія инвентарей и вплоть до введенія уставныхъ грамотъ; въ другомъ же случаѣ Положеніе узаконило чрезвычайныя повинности, наложенныя на крестьянъ тѣми же самыми инвентарями. Правда, въ четырехъ сѣверо-западныхъ губерніяхъ Положеніе дѣлаетъ одно ограниченіе для оброковъ, именно оно требуетъ, чтобы инвентарный оброкъ, за сдѣланною въ немъ складкою, не превышалъ 8 руб. съ десятины надѣла; но такое ограниченіе похоже болѣе на насмѣшку, чѣмъ на требованіе, скольконибудь соображенное съ мѣстными условіями. Въ такихъ вѣсчастныхъ губерніяхъ, какъ Минская, съ

съ болотами и лѣсами, Гродненская, съ ея забутыми песками, и большая часть Виленской, трехрублевый оброкъ съ десятины представляеть полную невозможность; если онъ существовалъ гдѣ нибудь прежде въ этихъ губерніяхъ, бывшихъ преимущественно на барщинномъ положеніи, то это можетъ быть объяснено только тою жестокостію крѣпостнаго права, которую съ давнихъ поръ отличали польскіе помѣщики. Въ самыхъ плодородивѣйшихъ уѣздахъ черноземной полосы внутренней Россіи вышій оброкъ, установленный Положеніемъ, равенъ 3 руб. 27 коп. съ десятины; но и тамъ онъ не подъ силу крестьянамъ. Замѣчательно, что въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ и этотъ непомерный трехрублевый оброкъ могъ быть, на основаніи Положенія, еще болѣе возвыщенъ губерніскимъ присутствіемъ, по требованію помѣщика. Кому теперь у насъ неизвѣстно, что инвентари сѣверо-западныхъ губерній, принятые Положеніемъ въ основаніе при назначеніи повинностей, были чистѣйшею мистификаціею. Составленіе ихъ тянулось, съ разными колебаніями, пересмотрами и измѣненіями въ пользу помѣщиковъ, съ 1844 г. вплоть до поднятія правительствомъ вопроса объ освобожденіи крестьянъ, т.-е. до 1857 г. Составлявшіеся самими польскими помѣщиками, подъ именемъ лишь надзоромъ мѣстной власти, и на проловину еще неоконченныя, они не только ни на волю не улучшили положенія русскихъ крестьянъ, но часто требовали съ нихъ еще тягчайшихъ повинностей, чѣмъ какія существовали доголь. Впрочемъ инвентари оставались только пустою формальностію и на дѣлѣ почти нигдѣ въ сѣверо-западномъ краѣ не исполнялись, пока не воскресило ихъ Положеніе 19-го февраля. Достоинство инвентарей было безсмысленно правительству и редакціоннымъ комиссіямъ. Одинъ изъ бывшихъ виленскихъ генераль-губернаторовъ прямо отзывался, что «инвентари, составленные въ пользу помѣщиковъ, вовсе не соответствуютъ своему назначенію». Губернаторы и особо командированные чиновники доносили министерству внутреннихъ дѣлъ, что инвентарныя повинности почти повсемѣстно не соответствуютъ величинѣ и достоинству надѣловъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ инвентари даже вовсе не объявлены крестьянамъ, а повинности еще усилены противъ прежняго. Могилевскій губернаторъ, въ своемъ отзывѣ на проектъ Положенія тамошняго губернскаго комитета, говорилъ, что «инвентари 1855 г. въ сущности увеличивали повинности крестьянъ». Несмотря на все то, инвентарныя повинности были узаконены Положеніемъ, съ незначительными только облегченіями, исполненіе которыхъ было

предоставлено польскимъ чиновникамъ, наполнившимъ мировыя учрежденія этихъ губерній. Но этимъ дѣло не кончилось. Съ самаго введенія инвентарей, польскіе помѣщики, въ обоихъ генераль-губернаторствахъ западнаго края, стали производить въ огромныхъ размѣрахъ уменьшеніе инвентарныхъ надѣловъ и даже полное обезземеленіе крестьянъ и обращеніе ихъ въ батраковъ. Мѣстное Положеніе для губерній юго-западнаго края подтверждаетъ неприкосновенность мирской земли, признанную инвентарными правилами 1847 года, и дозволяетъ крестьянамъ ходатайствовать у мирового посредника о возвращеніи имъ земли, отобранной отъ нихъ помѣщиками послѣ введенія означенныхъ правилъ 1847 г. (ст. 3 и 4 Мѣстн. Пол.). Напротивъ того Мѣстное Положеніе для губерній сѣверо-западнаго края признаетъ за крестьянами только тѣ земли, которыми они пользовались до 19-го февраля 1861 г. (ст. 3 Мѣстн. Пол.), другими словами, оно узаконило всѣ произведенныя помѣщиками отобрѣнія инвентарныхъ земель и оставило безъ всякаго обезпеченія огромную массу обезземеленныхъ батраковъ. Здѣсь бросается въ глаза рѣзкая противоположность этого правила съ тою заботливостью, съ которою Мѣстныя Положенія для губерній великороссійскихъ и малороссійскихъ возстановляли права на поземельный надѣлъ обезземеленныхъ крестьянъ и даже тѣхъ дворовыхъ, которые пользовались землею до указа 2-го марта 1858 года.

Чему же слѣдуетъ приписать такое поразительное различіе въ духѣ и основаніяхъ Положенія для сѣверо-западныхъ губерній съ прочими мѣстными Положеніями имперіи? Это объясняется тѣмъ, что въ редакціонныхъ комиссіяхъ единственными представителями сѣверо-западныхъ губерній и знатоками тамошнихъ мѣстныхъ условій были польскіе помѣщики, которые, пользуясь незнакомствомъ остальныхъ членовъ комиссій съ положеніемъ крестьянъ въ этихъ губерніяхъ, сообщали имъ фальшивыя свѣдѣнія и успѣли направить все дѣло исключительно въ своихъ видахъ. При введеніи Положенія въ этомъ краѣ, польскіе помѣщики и ихъ пособники, мировые посредники, какъ нельзя шире воспользовались тѣмъ просторомъ, который Мѣстное Положеніе предоставляло ихъ злоупотребленіямъ. Надѣлы крестьянскіе были обобраны и обрѣзаны, неудобныя земли показаны въ числѣ удобныхъ, повинности изчислены фальшиво и въ большей части имѣнія доведены до предѣльной цифры 3 руб. за десятину. Обо всемъ этомъ имѣются многочисленныя свѣдѣнія въ управленіи вилнскаго генераль-губернатора и въ земскомъ от-

дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ. «Крестьянское дѣло, — сказано въ одномъ официальномъ отрошеніи бывшаго генераль-губернатора графа Муравьева — со времени обнародованія Положенія 19-го февраля 1861 г., развивалось въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ при совершенно другихъ условіяхъ, чѣмъ во всѣхъ остальныхъ мѣстностяхъ имперіи. Можно почти съ достовѣрностію сказать, что благодѣтельный законъ, улучшившій бытъ крестьянъ въ другихъ мѣстностяхъ, оставался здѣсь мертвою буквою. Мировые посредники изъ мѣстныхъ дворянъ-помѣщиковъ, вскорѣ по вступленіи своемъ въ должность, старались всѣми зависящими отъ нихъ способами положить преграду къ развитію самостоятельной жизни крестьянъ, съ ясною и худо скрываемою цѣлію — оставить ихъ надолго въ непосредственной зависимости отъ помѣщиковъ. Всѣ дѣйствія бывшихъ мировыхъ учрежденій носили на себѣ отпечатокъ или польской революціонной пропаганды, или угнетенія народа, съ тѣмъ, чтобы доказать ему, что дѣйствительнаго облегченія своей участи отъ долженъ ожидать не отъ правительства, а только отъ бывшихъ своихъ помѣщиковъ. Помѣщики такъ долго и такъ безнаказанно обманывали народъ, умыленно скрывая отъ него права и льготы, дарованныя ему законодательствомъ 19-го февраля. Большая часть уставныхъ грамотъ составлена неправильно; повинности крестьянъ изчислены невѣрно; въ весьма многихъ имѣніяхъ крестьянамъ не отведено земель, слѣдующихъ имъ по Мѣстному Положенію, и почти повсемѣстно неудобныя земли, какъ исключенныя изъ надѣла, обложены повинностями наравнѣ съ удобными. Въ такомъ явномъ противозаконномъ примѣненіи Положенія слѣдуетъ искать начала и тѣхъ многочисленныхъ безпорядковъ, которые возникли въ здѣшнихъ губерніяхъ при введеніи въ дѣйствіе уставныхъ грамотъ». Этими послѣдними словами графъ Муравьевъ напоминаетъ о тѣхъ мнимыхъ бунтахъ и неповиновеніяхъ русскихъ крестьянъ, для укрощенія которыхъ польскіе помѣщики и мировые посредники призывали русскія военныя команды, всегда обязательно выславшіяся имъ на помощь прежними мѣстными властями. Въ губерніяхъ кievскаго генераль-губернаторства злоупотребленія помѣщиковъ и мировыхъ посредниковъ при введеніи уставныхъ грамотъ нѣсколько стѣснялись тѣмъ, что Мѣстное Положеніе прямо опредѣляло величину яздѣльной и денежной повинности въ каждой изъ девяти мѣстностей, на которыя раздѣлены эти три губервіи. Что же касается до непрікосновенности инвентарныхъ надѣловъ, провозглашенной Положеніемъ этихъ

губерній, то на дѣлѣ эта неприкосновенность въ большинствѣ мѣстныхъ осталась только мнимою: хотя Положеніе предоставляло крестьянамъ право ходатайствовать о возвращеніи имъ инвентарной земли, отобранной у нихъ уже послѣ введенія инвентарей (въ 1852 г.), но ходатайства эти должны были идти чрезъ руки мировыхъ посредниковъ; притомъ и самое опредѣленіе величинъ крестьянскаго надѣла должно было дѣлаться, на основаніи Положенія, не по цифрамъ, означеннымъ въ инвентарныхъ выпискахъ, а по особому дознанію о количествѣ земли, которымъ дѣйствительно пользовались крестьяне при введеніи инвентарныхъ правилъ 1847 г., и такое дознаніе и опредѣленіе возлагалось Положеніемъ на тѣхъ же посредниковъ и губернскія присутствія (ст. 8 Мѣстн. Полож.). У меня нѣтъ свѣдѣній о томъ, какъ велики были крестьянскіе надѣлы въ юго-западныхъ губерніяхъ по уставнымъ грамотамъ; но изъ превосходной статьи «О ходѣ крестьянскаго дѣла въ западномъ краѣ», помѣщенной въ октябрьской книжѣ «Русскаго Вѣстника» нынѣшняго года (изъ этой статьи я заимствовалъ нѣкоторыя изъ приводимыхъ здѣсь свѣдѣній), видно, что по выкупнымъ договорамъ, совершеннымъ въ трехъ губерніяхъ юго-западнаго края еще до введенія обязательнаго выкупа, за крестьянами состояло земли въ среднемъ выводѣ: въ Волынской губерніи, почти на половину состоящей изъ полѣсья, 2,38 дес. на душу, т.-е. менѣе вышенаго душеваго надѣла въ самыхъ черноземныхъ и вдвое гуще въ населенныхъ мѣстностяхъ внутренней Россіи, каковы Курская губернія и южныя уѣзды Тульской и Рязанской; въ Подольской губерніи 1,98 дес., а въ Кіевской 1,63 дес. на душу, т.-е. такіе малые надѣлы, каковыхъ не представляетъ въ среднемъ выводѣ ни одна изъ внутреннихъ русскихъ губерній. По этимъ выводамъ можно судить, въ какихъ размѣрахъ произведено было обезземеленіе крестьянъ въ юго-западныхъ губерніяхъ при введеніи уставныхъ грамотъ, несмотря на провозглашенное инвентарями и подтвержденное Положеніемъ 19-го февраля правило о неприкосновенности инвентарныхъ надѣловъ.

Редаціонныя комиссіи, сознавая въ особенности всю неудовлетворительность мѣстнаго положенія для губерній Виленскаго генералъ-губернаторства, постановили, что, по введеніи уставныхъ грамотъ, должна быть произведена тамъ, въ теченіе 6 лѣтъ, повѣрка повинностей чрезъ особыя повѣрочныя комиссіи. Комиссіи эти ни въ чемъ конечно не послужили бы, еслибъ, по введенію тамъ порядку, онѣ были составлены изъ польскихъ чиновниковъ. Благопріятный для крестьянъ оборотъ дѣла, какъ

въ вѣненскомъ, такъ и въ кievскомъ генераль-губернаторствѣ, произошелъ единственно въ слѣдствіе бунта, заставившаго мѣстное начальство обратить вниманіе на крестьянское дѣло уже со стороны политической, которая въ извѣстныя минуты рѣзко бросается въ глаза даже тѣмъ людямъ, которые не привыкли обращать вниманія на стороны экономическую, юридическую и общечеловѣческую. Высочайшимъ указомъ 1-го мая 1863 года прекращены всѣ обязательныя отношенія между помѣщиками и крестьянами въ сѣверозападномъ краѣ и преддѣлено приступить къ совершенію общаго обязательнаго выкупа крестьянскихъ угодій; 1-го октября того же года послѣдовалъ подобный же указъ относительно губерній югозападнаго генераль-губернаторства. Усилія повѣрочныхъ комиссій въ сѣверозападномъ краѣ, при графѣ Муравьевѣ, имѣли въ виду преимущественно слѣдующія дѣла: исправленіе фальшей, сдѣланныхъ при составленіи уставныхъ грамотъ, и предоставленіе крестьянамъ въ собственность, посредствомъ выкупа, всѣхъ земель, слѣдующихъ имъ по Мѣстному Положенію; возвращеніе крестьянамъ земель, отобранныхъ у нихъ со времени составленія инвентарей и въ особенности послѣ 1857 г. (эта послѣдняя мѣра получила законодательное утвержденіе въ положеніи главнаго комитета, высочайше утвержденномъ 25-го мая 1864 г.); наконецъ уменьшеніе чрезмѣрныхъ денежныхъ повинностей, съ замѣною оброковъ выкупными платежами. Очевидно, что выкупные платежи, разчисленные по оброкамъ, значившимся въ уставныхъ грамотахъ и доходившимъ наичаще до 8 р. съ десятины, были бы вполне невозможны для тамошнихъ русскихъ крестьянъ, доведенныхъ до послѣдней степени истощенія и разоренія переводившихся съ барщины на выкупъ. Слѣдуетъ однако замѣтить, что дѣла, предположенныя вѣненскою администраціею въ 1863 году, осуществлены далеко не вполне, а отчасти и вовсе были забыты впоследствии: огромное количество инвентарныхъ земель не возвращено крестьянамъ; масса обезземеленныхъ батраковъ осталась безъ всякаго поземельнаго обезпеченія; надѣлы, предоставленные крестьянамъ по обязательному выкупу, оказываются во многихъ уѣздахъ слѣшкомъ недостаточными, при томъ бесплодіи почвы, которыми отличается большинство мѣстностей сѣверозападнаго края. Въ этомъ отношеніи особенно поражаютъ надѣлы Гродненской губерніи: въ самыхъ бесплодныхъ уѣздахъ этой губерніи, покрытыхъ гѣсами, болотами и песками, надѣлы отъ 4,5 десятины спускаются до 3,3 дес., т.-е. равняются надѣламъ губерній Воронежской и Симбирской. По словамъ автора упомянутой статьи Рус-

сказано. Дѣйствительно, въ сѣверозападныхъ губерніяхъ нередко замѣчается, что крестьянскіе надѣлы уменьшаются по мѣрѣ ухудшенія почвы, т.-е. замѣчается явленіе прямо противоположное тому порядку, который существуетъ во всей прочій мѣстности Россіи. Это обстоятельство, по объясненію автора, происходитъ отъ того, что чѣмъ хуже была земля въ низинн польскаго помѣщика, тѣмъ больше старался онъ извлечь дохода собственно изъ труда крестьянъ, тѣмъ слѣдовательно меньше оставалось у нихъ времени для обработки собственныхъ полей и тѣмъ незначительнѣе были эти поля. Отъ того-то напримѣръ въ Валенской губерніи восточные, т.-е. самыя бесплодныя уѣзды имѣютъ меньшіе надѣлы, чѣмъ западные, сравнительно лучшіе; въ первыхъ уѣздахъ, повритныхъ болотами и громадными дѣсамъ и имѣющихъ даже мѣстами переломное хозяйство на запольныхъ поляхъ, надѣлы равняются въ среднемъ выводу 3,7 и 3,5 десятинъ на душу! Изъ этихъ примѣровъ видно, какъ несправедливы толки, распускаемые польскими помѣщиками о томъ, что будто бы, при совершеніи обязательнаго выкупа въ сѣверозападныхъ губерніяхъ, повѣрочныя комитетъ обобрали помѣщиковъ и надѣлили крестьянъ чрезмѣрными надѣлами. Дѣйствительное улучшеніе положенія крестьянъ, достигнутое выкупными актами, состоитъ въ значительномъ облегченіи прежнихъ непомерныхъ крестьянскихъ повинностей. Необходимо впрочемъ не забывать, что выкупные акты въ сѣверозападномъ краѣ не утверждены еще и не вошли въ силу болѣе чѣмъ для цѣлой трети тамошнихъ крестьянъ; судьба этихъ крестьянъ покрыта пока неизвѣстностію...

Русскіе крестьяне сѣверозападныхъ губерній низведены были угнетеніями польскихъ помѣщиковъ до послѣдней степени матеріальной нищеты и человѣческаго униженія. Во всей Европѣ, за исключеніемъ быть можетъ Ирландіи, съ ея голодными пролетаріями, живущими въ ямахъ, нельзя найти человѣческаго существа столь забитаго и физически неравнѣаго, какъ малорослый и тщедушный бѣлорусскій мужикъ. Много разъ проѣзжая Витебскую губернію по всѣмъ направленіямъ, я всегда была поражаема видомъ тамошнихъ бѣлорусскихъ крестьянъ и ихъ жалкимъ бытомъ: они не знаютъ употребленія сапоговъ и тулуповъ, ѣдятъ на короваихъ, нѣкогда не ѣдятъ чистаго хлѣба; маленькія, лохматыя ихъ лошади, имѣющіяся далеко не во всѣхъ дворахъ, представляють въ лошадиной породѣ такіе же исключительные образцы, какіе представляются ихъ хозяевами въ породѣ человѣческой. Въ уѣздныхъ городахъ толпами бредутъ голодные нищіе, покрывающіе

ужаснѣйшими язвами, въ слѣдствіе худосочія и недостатка кровотока. Въ 1853 г. витебскій генераль-губернаторъ представилъ новому государю императору записку, въ которой изображалъ страшное положеніе вѣреннаго ему края и въ особенности помѣщичьихъ крестьянъ. Въ двухъ губерніяхъ, Витебской и Могилевской, надѣлки возросли до огромной цифры 41¹/₂ мил. рублей, въ томъ числѣ на помѣщичьихъ имѣніяхъ числилось почти 34 мил., что составляло средній числомъ по 86 р., а въ мѣстѣхъ по 150 р. на душу. «Въ Витебской губ., писалъ генераль-губернаторъ, крестьяне почти не знаютъ хлѣба, питаются грибами и разными сирными веществами, порождающими болѣзни; нищета страшная, а рядомъ роскошь помѣщиковъ; жизненные силы края совершенно истощились въ нравственномъ и физическомъ отношеніи, разслабленіе достигло крайнихъ предѣловъ». Назадъ тому лѣтъ девять, въ «Русскомъ Вѣстникѣ» была помѣщена статья одного смоленскаго помѣщика, въ которой онъ описываетъ сцены, происходящія каждый годъ во время плаванія барокъ, идущихъ по Двинѣ въ Ригу изъ двухъ смоленскихъ пристаней. На всемъ пути ихъ по Витебской губерніи, сотни голодныхъ и полунагихъ крестьянъ толпятся на берегу, прося у судовщиковъ хлѣба; судовщики раздѣляютъ имъ свою небогатую провизію, а нѣкоторые изъ судовозвѣвъ впередъ заготавливаютъ для этой цѣли печеный хлѣбъ. Когда хлѣбъ свозится на берегъ, голодные крестьяне бросаются на него, какъ звѣри. Авторъ упоминаемой статьи самъ видѣлъ, какъ, въ происходящей при этомъ дракѣ, мужчины вырвали хлѣбъ у женщинъ, взрослые у дѣтей. Положеніе крестьянъ въ Минской и Гродненской губерніяхъ было не лучше, чѣмъ въ Витебской и Могилевской. Когда въ 1855 году, во время англо-французской войны, русскія войска расположены были въ Гродненской губерніи, то полка, баталіоны и батареи непрерывно давали обѣды голоднымъ крестьянамъ, накрывали столы на 200 и болѣе человекъ, и всегда было недостаточно. Ужасающая нищета порождала въ этихъ краяхъ ежегодныя эпидемическія болѣзни, уносившія народъ тысячами; въ томъ же 1855 г. наши войска встрѣчали тамъ по дорогамъ группы людей, погибшихъ отъ голода и болѣзней, хотя въ этомъ году не было тамъ ни холеры, ни чрезвычайнаго неурожаа. Положеніе крестьянъ въ кievскомъ генераль-губернаторствѣ было нѣкогда также весьма плачевно, несмотря на плодородіе тамошнихъ земель; но въ 1848 г. сильная мѣстная власть настояла тамъ на введеніи инвентарей, соотнесенныхъ безъ участія польскихъ помѣщиковъ и чиневя-

ковъ. Эти инвентари чрезвычайно облегчили положеніе тамошнихъ крестьянъ, особенно въ первые года по ихъ введеніи, когда помѣщики не дерзали еще приступить къ отобранію отъ крестьянъ инвентарныхъ земель. Лѣтъ черезъ пять послѣ введенія инвентарей, нельзя уже было узнать прежнихъ разоренныхъ и истощенныхъ крестьянъ кievскихъ, волынскихъ и подольскихъ. Зато сколько же было, со стороны польскихъ помѣщиковъ, воплей и нареканій на виновниковъ этого улучшенія! Ихъ называли сатрапами, военными деспотами, Атллами, точно такъ, какъ теперь польскіе помѣщики называютъ русскихъ мировыхъ посредниковъ и чиновниковъ повѣрочныхъ комиссій коммунистами, красными демократами и демагогами. Въ то время не удалось однако польскимъ помѣщикамъ юго-западнаго края сбить правительство съ принятаго имъ пути: инвентари были торжественно объявлены крестьянамъ и неприкосновенность инвентарныхъ надѣловъ провозглашена закономъ. Хотя потомъ помѣщики втихомолку и обирали крестьянскія земли, но неприкосновенность ихъ, признанная закономъ, облегчила мѣстнымъ властямъ возстановленіе крестьянскихъ надѣловъ при обязательномъ выкупѣ. Совершенно нулю судьбу имѣли инвентари въ виденскомъ генераль-губернаторствѣ и въ двухъ бѣлорусскихъ губерніяхъ: помѣщики соединенными усиліями восторжествовали тамъ надъ слабыми дѣйствіями мѣстныхъ властей; составленіе инвентарей тянулось съ 1844 года; написанные самими же помѣщиками, они не привели ровно ни къ чему и нисколько не облегчили участи крестьянъ. Прямимъ послѣдствіемъ этихъ обстоятельствъ было то, что въ кievскомъ генераль-губернаторствѣ сами крестьяне дали дружный отпоръ польскому бунту и потушили его прежде, чѣмъ вмѣшались въ дѣло правительственные власти и войска; тогда какъ въ сѣверозападномъ краѣ крестьяне смотрѣли на бунтъ помѣщиковъ и шляхты большею частію страдательно, а нѣкоторые даже приняли въ немъ участіе, такъ что для прекращенія бунта потребовались продолжительныя военныя дѣйствія, стоившія Россіи многихъ жертвъ и большихъ расходовъ. Русскіе крестьяне сѣверозападныхъ губерній доведены были угнетеніями польскихъ помѣщиковъ до столь волнлаго и всеобщаго разоренія, что, несмотря на благоприятныя для нихъ условія обязательнаго выкупа, невозможно ожидать скорого поправленія ихъ положенія. Въ нынѣшнемъ еще году во многихъ мѣстностяхъ этого края обнаружилось сильное стремленіе крестьянъ къ переселенію во внутреннія губерніи. Тѣмъ не менѣе теперь есть надежда, что, если мѣстное управленіе въ за-

падномъ краѣ не подпадетъ снова подъ вліяніе польскаго дворянства и чиновничества, то тамошніе крестьяне, хотя въ теченіе продолжительнаго времени, мало-по-малу поднимутся съ той послѣдней степени матеріальной нищеты и человѣческаго униженія, на которую низвело ихъ господство пришлаго племени, и что этотъ искони-русскій край перестанетъ наконецъ быть живымъ укоромъ русской исторіи и русскому политическому смнслу*.

Складнѣнь.

(Продолженіе будетъ).

* Внесѣ совѣщавъ съ авторомъ относительно бѣдственнаго положенія крестьянъ Северо-Западнаго Края, мы вѣрнѣ сожалѣемъ, что авторъ не вшелъ въ обстоятельное рассмотрѣніе тѣхъ коренныхъ причинъ, которыя поддерживали прежде и поддерживаютъ теперь такое положеніе. Авторъ, повидимому, все вину сводитъ на поляковъ, ихъ почитаетъ главными виновниками крестьянскихъ бѣдствій. Но странно, что въ русской землѣ, при безграничной силѣ русскаго правительства, поляки могли разорить русскій народъ. Видъ вотъ не могли же сдѣлать ничего подобнаго поляки въ Пруссіи. Точно такъ же, какъ и прусскіе дворяне, при разрѣшеніи тамъ крестьянскаго вопроса, не могли убавить ни одной пяди земли изъ того надела, которымъ крестьяне владѣли, или произвольно увеличить цѣнность земель. А у насъ все это было, намъ дозволяетъ авторъ въ своей статкѣ. Причина этихъ англійскихъ явленій должна быть обща, и пока она не будетъ открыта и устранена, дотогѣ всѣ надежды на правильный ходъ крестьянскаго дѣла, какъ въ Северо-Западномъ краѣ, такъ и внутри Россіи будутъ находиться въ колебательномъ состояніи и направленіе его будетъ зависѣть отъ характера лицъ, заправляющихъ дѣломъ, и отъ случайныхъ обстоятельствъ, такъ или иначе вліяющихъ на ихъ дѣятельность. Пора бы намъ разсказать эту причину вмѣсто того, чтобы безплодно толковать о пропрствахъ и коварствахъ поляковъ. Само собою разумѣется, что намъ трудно разчитывать на добродѣтели чуждыхъ намъ національностей, каковы польскія или нѣмецкія, когда, при настоящихъ порокахъ дѣла, этихъ добродѣтелей по отношенію къ крестьянскому сословію не оказываютъ и въ нашихъ собственныхъ соотечественникахъ, и когда на каждое истиннаго радѣтеля за крестьянское дѣло между послѣднихъ приходится все еще указывать, какъ на нѣкоторую чудную жаръ-птицу.

Примеч. редакціи.

СЪ НАТУРЫ.

— Какъ вы думаете, что заставило
ее рѣшиться на это?

— Голодь-съ!

(Изъ разговора со стан. прист.)

Ее нашли у насъ въ рѣгѣ,
Въ Красноярскомъ плестъ... И нѣмая,
Вся посинѣлая, нагая,
Она, какъ статуя, лежала на пескѣ.
У ногъ утопченной, на ближнемъ бугоркѣ,
Быль сбить нарядъ ея, поношенный и бѣдный:
Сермяжный нищенскій кафтанъ,
Небрежно сброшенный, холщевый сарафанъ,
Сорочка, поясокъ и крестъ въ оправѣ мѣдной —
Символь, теперь на вѣкѣ нажавшаго уста,
Другаго, снятаго ей съ плечъ своихъ, креста...

Надъ ней, смущенные, съ тревогой невеселой,
Не въ силахъ превозмочь испуга и тоски,
Угрюмо скучившись, стояли мужики.
Я видѣлъ, какъ на трупъ безжизненный и голый
Упала крупная слеза...

Не странно! Всѣ они, всѣ сознавали смутно
Съ ней что-то общее. Всѣ ждали поминутно,
Смотря ей въ тусклые, стеклянные глаза,
Что, вотъ, и къ нимъ придетъ такая же гроза,
Что, вотъ, нужда и ихъ научить сдѣлать то же...
Имъ всѣмъ мерещился *голодный лѣтний годъ*...
И пробѣгалъ морозъ у каждого по кожѣ,
И выступалъ на лбу холодный потъ...

А я стоялъ вдаль, смотрѣлъ на ихъ тревогу,
Смотрѣлъ на трупъ ея... И, точно ангель зла,
Шепталъ: «Ты умерла... Ну, что жъ? И, слава Богу,
Что умерла!»...

Н. ПУШКАРИВЪ.

ЛОРДЪ ГРЕГОРИ.

(Изъ Роберта Вориса).

О, темна эта ночь, непроглядно темна,
Вѣтеръ востъ какъ бѣшеный звѣрь...
Путьякъ бродить въ слезахъ передъ замкомъ твоимъ,—
Лордъ Грегорин, открой свою дверь!

Прогнанъ я отцомъ,—прогнана я за то,
Что любила такъ сильно тебя...
Пріюти же меня хоть изъ жалости твѣ,
Если сдѣлать не можешь любя.

Лордъ Грегорин, ужли ты забылъ тотъ лѣсокъ
На цвѣтущемъ рѣчномъ берегу,
Гдѣ въ первыя тебѣ я открылась въ любви,
О которой забыть не могу?

Сколько разъ ты клялся, сколько разъ обѣщаль,
Что навѣки, навѣки ты мой!
И тебѣ безгранично ввѣрялася я
Незамѣнной и вѣрной душой...

Лордъ Грегорин, черствѣ твое сердце, черствѣ,
Изъ желѣза всѣ чувства твои...
Ты, огонь, бороздящій теперь небеса,
Успокой ты страданья мои!

Громъ небесный! тебѣ отдаю я себя
Добровольною жертвою ночью,—
Но измѣнника ты пощади, не карай
За грѣхи, передъ небомъ и мною!

П. ВИННЕРТЪ.

МОРСКОЙ БЕРЕГЪ.

(Изъ Т. Гуда).

Море возмутилось,
Буря, градъ и громъ;
Небо омрачилось —
Тьма и мгла кругомъ.

Силы, всколебавшія
Моря глубинну
И озъ несомъ снѣшавшія
Мутную волну!

Вы, что такъ бросаете
Брызги въ облака
И такъ зло играете
Лодкой рыбака,

Отъ тревоги блѣднаго,
Смутаго борьбой, —
Не толкайте бѣднаго
Въ яростный прибой!

Въ свѣтъ молній блестящихъ,
Унесите чолнъ
Прочь отъ этихъ плещущихъ
И сердитыхъ волнъ!

Отъ жилья знакомаго,
Что къ себѣ манить
Морика, несомата
Бурей на гранить,

Отъ жены, рыдающей
Въ ужасъ, и тамъ
Руки простирающей
Къ мрачнымъ небесамъ;

Отъ дѣтей, тоскующихъ,
Что отецъ неидетъ,
Отъ ихъ мольбъ чарующихъ,
Отъ всего, что идетъ

Тамъ, за пѣной бѣломъ...
Господи, отъ ней
Лодку эту смѣлую
Унеси скорѣй!

Сердце ужасается
И того порой,
Что ужъ приближается
Къ намъ нашъ домъ родной!..

Д. МЯКАЛОВСКИЙ.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ИЗЪ НЕДАВНЕЙ ПОѢЗДКИ.

III.

Земское дѣло подвигается плохо. Причины, почему оно до поры до времени хорошо идти не можетъ. Мужики толкуютъ, будто имъ нынче жить стало еще тяжелѣе прежняго. Переходъ поземельной собственности изъ дворянскихъ рукъ въ купеческія. Необыкновенная смѣшанность нашихъ земскихъ дѣятелей.

Земское дѣло пошло бы у насъ, безъ сомнѣнія, превосходно, еслибы... еслибы дѣятели были другіе люди, а не тѣ, что теперь. Быть можетъ, это и рѣзко слишкомъ сказано, но сдается, что правда.

Всего только три года прошло, какъ открылись у насъ земскія учрежденія, а посмотрите, сколько уже обнаружено различныхъ скандаловъ, или, нѣжнѣе выражаясь, *упущеній*, — самаго гнуснаго, впрочемъ, свойства. Припомнимте нѣкоторые изъ нихъ, хотя немногіе и, притомъ, изъ самыхъ, такъ сказать, свѣжихъ, только что съ иглочки. Предсѣдатель Боровицкой земской управы г. Шамшевъ, какъ всѣ газеты сообщаютъ, *растратилъ* на свои собственныя уѣздныя потребности (такъ-какъ жилъ въ уѣздѣ) 14,000 земскихъ денегъ, и оправданія своей растраты привелъ самыя несообразныя. Въ горонѣ Гжатскѣ ревизіонной комиссіей обнаружено, что сумма денегъ, *захваченныхъ* графомъ Каменскимъ изъ *разныхъ источниковъ* (графъ, вѣроятно, расудилъ, что всѣ источники одинаково хороши, — лишь бы давали деньги), равняется 9,300 съ *чѣмъ-то* рублей. Заявлено при этомъ, что, сверхъ девяти тысячъ съ *чѣмъ-то*, нужно еще считать за его сіятельствомъ приблизительно до пяти тысячъ (если мы прибавимъ неопредѣленное съ *чѣмъ-то* къ неполнымъ пяти тысячамъ, то, вѣроятно, выйдетъ ровно 5 тысячъ). Графъ, кстати ужъ, захватилъ, вѣроятно на счастье, 10 билетовъ внутренняго съ выигрышами займа, хранившихся въ одномъ изъ волостныхъ правленій. Билеты принадлежали какимъ-то беззащитнымъ сиротамъ, которые, вѣроятно, и не выиграли бы никогда. «Московскія Вѣдомости», въ дополненіе

Т. CLXXXI. — Отд. II.

къ извѣстію о захватѣ, сообщаютъ, что «операцію захвата графъ Каменскій совершалъ различными способами и при различныхъ обстоятельствахъ. Захватъ начался еще въ 1867 году. Получая вносимыя деньги отъ разныхъ лицъ, графъ Каменскій записывалъ эти деньги въ управскую книгу неполными суммами, между тѣмъ какъ на отрѣзываемыхъ квитанціяхъ, которыя выдавались плательщикамъ, выставлялъ полную сумму вноса. Выдавалъ онъ также и фальшивыя квитанціи, вырѣзывая ихъ изъ находившагося у него на храненіи другаго запаснаго экземпляра управской книги. Этотъ запасный экземпляръ найденъ, при обыскѣ полиціей, въ квартирѣ графа Каменскаго, и въ немъ оказалось вырѣженныхъ квитанцій 33».

Изъ гѣрода Перемышля, Калужской губерніи, пишутъ, что открытое тамъ въ нынѣшнемъ сентябрѣ собраніе было вразъ, ни съ того-ни сего, закрыто предсѣдателемъ «въ силу данной ему власти». Самъ губернаторъ, къ которому гласные обратились съ жалобой, нашель, что «предсѣдатель не имѣлъ права останавливать дѣйствія собранія впредь до полученія отъ него журналовъ о повѣркѣ собраніемъ правъ гласныхъ»; но по полученіи этого увѣдомленія, предсѣдателя въ городѣ уже не оказалось.

Въ Екатеринославской губерніи самодурная приостановка собраній предсѣдателями, въ силу самими ими придуманной власти, хронически тянется уже въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, хотя и сами-то земскія учрежденія существуютъ, какъ говорится, безъ году недѣлю. Однимъ словомъ, только и слышимъ, что тамъ, въ такомъ-то городѣ, почтеннѣйшую публику выгнали изъ залы публичныхъ засѣданій, хотя публика и не начинала еще скандала; въ другомъ городѣ — публику хотя и не выгоняли, но самъ предсѣдатель куда-то улетучился, какъ паръ, или дымъ, лишь только начали ирѣвѣрять его дѣйствія, какъ предсѣдателя управы. Вѣроятно, скоро прочитаемъ, что гдѣ нибудь и самихъ господъ гласныхъ вытолкали съ собранія, да, быть можетъ, гдѣ нибудь и случилось уже что-либо подобное, но не печатаютъ только, потому что смѣльчаковъ, рѣшающихся вытаскивать соръ изъ избы, у насъ покуда еще очень немного. Есть, разумѣется, и такія благодатныя мѣста, изъ которыхъ ни о крупномъ воровствѣ, ни о недочетѣ ничего, благодареніе Богу, не слышно; но и изъ этихъ мѣстъ, отъ времени до времени, тоже случайно доносится до насъ довольно странная извѣстія. Не одно, а нѣсколько земскихъ собраній, напримѣръ, *единомасно* постановили ходатайствовать предъ правительствомъ о допущеніи крупныхъ землевладѣльцевъ, имѣющихъ болѣе тысячи десятинъ, въ гласные безъ выбора. Слово *единомасно* невольно здѣсь каждаго ставитъ въ тупикъ, потому что, какъ тутъ ни старайся, а понять, дѣйствительно, ничего нельзя. Положимъ, что крупнымъ землевладѣльцамъ подобное ходатайство могло быть и выгодно, потому они и ходатайствовали, но му-

живи-то зачѣмъ подѣ нимъ руки приложили, да, къ тому еще, *единогласно*? Или вотъ еще случай, самый, такъ сказать, свѣжій. Не дальше, какъ въ сентябрѣ нынѣшняго года, Холмское земское собраніе, признавши свое экономическое положеніе въ высшей степени сквернымъ и даже непоправимымъ въ будущемъ и, указавши, что, при существованіи вѣрностнаго права, положеніе это было несравненно лучше и благонадежнѣе, потому что помѣщики изъ нерадивыхъ работниковъ умѣли выдѣлывать полезныхъ отечеству гражданъ, — *единогласно* постановило: представить всѣ эти обстоятельства на благоусмотрѣніе вышшаго правительства. Ясно, что постановленіемъ этимъ собраніе ходатайствуетъ о восстановленіи вѣрностнаго права, безъ котораго населеніе Холмскаго уѣзда не можетъ существовать; но какъ же вы, и чѣмъ объясните то обстоятельство, что подѣ постановленіемъ этимъ подписались и мужики, въ числѣ которыхъ были, конечно, и вышедшіе изъ вѣрностной зависимости?

Чтобы, на сколько въ силахъ, выяснитъ всѣ эти кажущіяся странности и несообразности, считаю нелишнимъ передать читателю результаты моихъ собственныхъ наблюденій, пополненныхъ послѣднею моею повѣдкою въ приволжскія и привамскія страны.

Человѣку, сколько нибудь наблюдательному, при внимательномъ взглядѣ на наши земскія учрежденія, рѣзко бросается въ глаза весьма печальная особенность ихъ, которой на первыхъ порахъ не было замѣтно: это — стремленіе со стороны предсѣдателей собраній уничтожить всякую самостоятельность въ гласныхъ и распорядиться самимъ на собраніяхъ произвольно, какъ Богъ на душу положитъ, не давая никому отвѣта.

Предсѣдатели собраній желаютъ сдѣлаться чѣмъ-то въ родѣ управляющихъ палатами государственныхъ имуществъ и удѣльныхъ конторъ, которые, хотя и были окружены совѣтниками, но совѣтовъ ихъ никогда не слушали. Природное влеченіе къ самодурству, на первыхъ порахъ, пока еще не осмотрѣлись, тщательно скрываемое подѣ либеральными фразами, теперь, во всемъ своемъ величій обнаружилось, какъ вообще обнаруживается оно у всѣхъ этихъ Китъ-Китычей и Самсоновъ Сялччей, когда имъ не грозитъ близкая опасность попасть въ Яму, или Кутузку. Разумѣется, еслибы всѣ гласные вполнѣ сознавали свое значеніе и рѣшились бы отстаивать права, данныя имъ закономъ, то самодурство предсѣдателей немедленно, само собою бы разсѣялось, ави дымъ; но въ томъ и бѣда вся, что у насъ изъ-за кавакъ-то, самими придуманныхъ приличій и деликатности, каждый склоненъ болѣе почтительно молчать, изрѣдка только показывая кукишъ изъ кармана, чѣмъ говорить прямою смѣло.

Само собою разумѣется, что встрѣчаются и исключенія изъ общаго правила, но можно навѣрное сказать, что исключеній этихъ меньше, чѣмъ въ латинской грамматикѣ въ именахъ су-

шестивительныхъ третьяго склоненія. Есть и такіе гласные, которые въ одиночку лѣзутъ напроломъ, но, во первыхъ, они между гласными такъ же рѣдки, какъ чернобурые листы между рѣхими и, воторыхъ, они рѣдко выходятъ сухи изъ воды, такъ-какъ одинъ въ полѣ не воняетъ. Недавнее дѣло въ Харьковской уголовной палатѣ о почтенномъ предсѣдателѣ богодуховской земской управы, г. Карзинѣ, служить вѣрнымъ доказательствомъ тому, какъ трудно даже человѣку, вполнѣ матеріально обеспеченному и имѣющему вѣсь въ обществѣ, противъ рока прати. За то только, что г. Карзинѣ, основываясь на законѣ, не давалъ ходу самодурству предсѣдателя собранія и его благопріятелей, — его обвинили чуть не въ государственномъ преступленіи. По крайней-мѣрѣ наши, «что дѣлствія его явно клонятся къ возбужденію недоброжелательства крестьянъ къ дворянскому сословію; что вліяніе г. Карзинина на неразвитое крестьянское сословіе положительно вредно; что при такомъ положеніи дѣлъ нѣкто изъ дворян Богодуховскаго уѣзда не рѣшится на себя принять обязанности предсѣдателя собранія и т. д.». Обвиненіе, какъ видите, не шуточное. Такого рода дѣла, какъ извѣстно, преслѣдуются у насъ даже строже, чѣмъ недочеты и различныя денежныя упущенія по недоразумѣнію. Не одобровать бы господину Карзину, еслибы, во первыхъ, за него не заступились нѣкоторые землевладѣльцы — гласные и, воторыхъ, еслибы онъ самъ не былъ пожилымъ, обеспеченнымъ и извѣстнымъ въ сельскомъ хозяйствѣ землевладѣльцемъ. Враги его: г. Карповъ и К⁰ не постыдились даже представить, куда слѣдуетъ, неблагонамѣренную рѣчь г. Карзинина, которой онъ никогда и нигдѣ не говорилъ. За средствами къ обвиненію, какъ видите, въ карманѣ не лѣзутъ: бьютъ и изъ-за угла, если находятъ это для себя удобнымъ и выгоднымъ.

Я не знаю, сколько можно считать между предсѣдателями собраній такихъ господъ, какъ Карповъ; полагаю, что не мало; но вотъ Карзиновыми-то, навѣрное ужъ можно сказать, наше земство очень и очень небогато; да и взять-то ихъ покуда нѣоткуда.

Впрочемъ, въ утѣшеніе себѣ, мы можемъ замѣтить, что не только у насъ на Руси, но и въ государствахъ Западной Европы, героевъ по гражданскому вѣдомству вездѣ числится меньше, чѣмъ по военному. Вовымите, напримѣръ, хотя Францію, отличающуюся отиъвной храбростію жителей: ну, много ли мы и у нихъ насчитаемъ героевъ по гражданскому вѣдомству? Вы скажете, что у нихъ и борьба идетъ серьезнѣе, чѣмъ у насъ. Французы-де ратуютъ съ самими Наполеонами, а у насъ борьба идетъ съ уѣздными дворянскими предводителями, состоящими въ чинахъ неурпныхъ, все больше съ подпоручиками въ отставкѣ, да съ губернскими и коллежскими секретарями, а иногда и регистраторами; но не забудьте, что во Фравціи и живнъ-то гражданская началась пораньше, чѣмъ у насъ. Мы

еще молоды. Навѣ еще и борьба съ коллежскими секретарями и регистраторами покуда не идетъ силу.

Рассмотрите теперь тотъ расадникъ, изъ котораго должны выходить наши гражданскіе дѣтели.

Вошерьихъ, дѣлюю половину, а въ иѣвторихъ иѣстностяхъ болѣе половины всего количества гласныхъ составляютъ крестьяне, въ числѣ ковержкь, въ приволжскихъ, вапримѣръ, губерніяхъ, но мало находятъ татаръ, чувашъ, черемисъ и мордвы. Послѣдніе три полудикіе народна сывзавна отличались необикновенной робостью и трусостью. Они привыкли трусить всякаго начальства, всякой официальной бумага несравненно больше, чѣмъ смерти. Между чувашами, вапримѣръ, сывзастари существовалъ оригинальный обычай: «*тащитъ бѣду*» своему сосѣду, чѣмъ-нибудь ихъ оскорбленному; а обычай этотъ состоялъ въ томъ, что оскорбленный чувашанинъ ночью вѣшался на воротахъ своего врага. Къ мертвому тѣлу, разувѣтся, сывзажались чины полиціи, производилось вскрытіе, дознанія, такъ что врагъ удавленника изъ замѣтного крестьянина, въ теченіе иѣсколькихъ дней, дѣлался бобылемъ и, въ концѣ-концовъ, самъ вѣшался съ отчаянія. Это и называлось *тащитъ бѣду*. Само собою разувѣтся, что отъ народа, этносащадгоса съ такимъ презрѣніемъ къ жизни, скорѣе можно ожидать героевъ по военному вѣдомству, чѣмъ по гражданскому.

Татары особенной робостью никогда не отличались, и теперь не отличаются. Изъ среды ихъ выходятъ превосходные вонокрады, которые смѣлостью и удалствомъ своихъ хищническихъ набѣговъ, иногда посреди бѣлаго дня, ввспоминаютъ знаменитыхъ кривцевъ, когда еще они зорили православную Русь вплоть до самой Москвы. Не разъ случалось, что они днемъ, въ многолюдномъ увѣдомомъ городѣ, въ виду сотенъ жителей, угоняли чужихъ лошадей. Тревога въ городѣ поднималась страшная, заняточные граждане выходили на балконы полюбоваться этой бѣшеной скачвой джигитовъ, снаряжали погоню, но, въ большей части случаевъ, безуспѣшно. Разъ прожавшую лошадь отыскать уже нѣтъ никакой возможности, потому что у татаръ вонокрадство организовано въ правильную систему, охватывающую нѣсколько губерній.

Напоонецъ, возьмемъ русскихъ мушкетеровъ. Они не иѣбютъ гнусной чувашской привычки «*тащитъ бѣду сосѣду*»; изъ среды ихъ не выходятъ такихъ удалыхъ вонокрадовъ, какъ изъ среды татаръ; нельзя отвергать въ нихъ скрытой способности къ самоуправленію, но, къ сожалѣнію, нужно правду сказать: они слишкомъ подавлены и запуганы постоянной, безысходной опекой, которая жала и давила ихъ въ теченіе столѣтій, какъ какой-нибудь самый сильный гидравлическій прессъ. Разувѣтся, грустно высказывать подобныя предположенія, но, къ крайнему сожалѣнію, едва-ли все старое, вынѣ дѣйствующее поколѣніе прессованныхъ мушкетеровъ не обратилось уже въ избонну, т.-е. сухія

выжимки, выедаваемые изъ-подъ маслосейного пресса, такъ что вся надежда должна сосредоточиваться на новыхъ, еще нераздавленныхъ зернахъ, изъ которыхъ должны выйти новые растения. Вдобавокъ, мужики наши слишкомъ бѣдны, такъ что сравненіе ихъ съ коноплянкой или масляной себкой дѣлается еще нагляднѣе. Проѣхавши изъ-за сотенъ верстъ въ убѣднѣйшій городъ на земское собраніе и, очутившись на другой же день по приѣздѣ въ крайней нуждѣ, они только и думаютъ о томъ, какъ бы поскорѣе удрать по домамъ и какъ бы достать чего нибудь поѣсть до желаннаго отъѣзда. Не говоря ужени слова о томъ, что голодный человѣкъ вообще мало способенъ заниматься, какъ слѣдуетъ, общественными дѣлами,—нужда производить еще другаго рода зло: особенную мягкость и уступчивость къ мнѣніямъ тѣхъ искательныхъ людей, которые, какъ нельзя болѣе кстати, предложить готовую квартиру, готовый столъ съ чаркой водки, да еще и съ выдачею нѣкотораго количества денегъ на обратный путь. Къ сожалѣнію, не мало уже было въ истекшемъ трехлѣтіи такихъ примѣровъ, что нѣсколько ведеръ водки, нѣсколько десятковъ рублей и обѣщаній, заставляли этотъ злополучный людъ власть шары влѣво или вправо, какъ прикажутъ господа благотворители. Немалую роль играютъ также и угрозы, въ особенности, когда онѣ исходятъ изъ устъ людей, власть имѣющихъ, напримѣръ, мировыхъ посредниковъ, дворянскихъ предводителей и богатыхъ купцовъ, которые, разумеется, не забывая собственныхъ выгодъ, открываютъ небольшой кредитъ *доброму мужичку*. Впрочемъ, и лица, власть имѣющія, рѣдко обращаются къ мужикамъ съ угрозами; въ большей части случаевъ вполне достаточно ласковаго обращенія къ буренушкѣ, чтобы получить что слѣдуетъ. «Ну, какъ вы, любезные друзья, на счетъ *этого* думаете?» скажетъ влѣтальное лицо съ улыбкой, засунувъ руки въ карманы, и подобная фраза, въ большей части случаевъ, оказывается вполне достаточною для того, чтобы воспроизвести на мужиковъ дѣйствіе, равносильное угрозѣ.

Остаются у насъ еще три сословія, составляющія земство: дворяне, купцы и духовенство. О дворянахъ мы говорить не станемъ, потому что они, рѣзко распадаясь на двѣ части, составляютъ или дѣйствующую предсѣдательскую партію, или же присоединяются къ мужикамъ, такъ что ихъ и не отличимъ отъ настоящихъ мужиковъ: это — герои, которыхъ очень немного; купечество же наше, надобно отдать ему полную справедливость, отличается самыми тонкими дипломатическими способностями, то-есть уклончивостію, доведенною до *des plus ultra*. Очень многіе изъ купцовъ рѣшаются открыто пристать къ какой нибудь партіи, и если рѣшаются, то пристають обыкновенно къ партіи предводительской, отъ которой, само собою разумеется, барыши вѣрнее, чѣмъ отъ противоположной; большинство же ихъ, въ случаяхъ рѣшительныхъ, когда необходимо высказать свое мнѣніе, бессознательно подражаютъ извѣстному своему

увлеченностью министру Остерману. Они просто не являются на собраніе, отговариваясь внезапною болѣзнию, хотя въ тотъ же день у себя за обѣдомъ пожираютъ по сотнѣ пельменевъ со свиной. Дѣйствуютъ они такими способами, разумѣется, по необходимости, а не изъ корысти какой. Имъ необходимо сохранять дружбу, какъ съ предводителемъ, такъ и съ мужиками, у которыхъ рано-поздно придется хлѣбъ закупать, да и вообще о земскихъ собраніяхъ они обыкновенно говорятъ, что въ нихъ, «собраніяхъ-то эвтихъ, кака-така имъ польза?» И дѣйствительно, если разобрать, то окажется, что особенной пользы нѣтъ. Сначала боялись-было, чтобы съ домовъ, капиталовъ и торговыхъ заведеній земство слишкомъ много не слушило; но когда увидали, что не дупить и не можетъ дупить,—немедленно успокоились. Земскими дѣятелями изъ купечества, применувшими безусловно къ дворянской партіи, остались только тѣ личности, которыя, во избѣжаніе грозящихъ имъ выборовъ въ городскія головы, ищутъ назначенія ихъ земствомъ почетными попечителями земской больницы. Эта должность тѣмъ особенно привлекательна, что на ней дѣлать ничего не приходится: плати-себѣ въ годъ рублей по сту на окраску наружныхъ стѣнъ больницы, чтобы съ виду красивой казалась, получай благодарности съ разныхъ сторонъ, и въ то же время сознавая, что тебя ужъ въ головы выбрать нивагъ не могутъ, какъ бы тамъ, въ душѣ, твои враги ни точили на тебя зубы. Попасть въ предсѣдатели и члены управы матерой купецъ не только не желаетъ, но даже еслибы насильно можно было его выбрать, то онъ откупился бы, какъ богатый мужикъ откупается отъ *некрутчины*. Кака-така, въ самомъ дѣлѣ, польза идти ему въ члены управы, бросать свои тысячныя дѣла и, вдобавокъ, идти на такую должность, на которой онъ, вромѣ брани и руготни, ничего не выслужить? Если иной купецъ и старается попасть въ управу, то это какойнибудь прогорѣлый, желающій хоть какъ нибудь поправить свои торговыя дѣлшки. Это все равно, какъ сапожники, старающіеся толстую сырмятину зубами растянуть на лишній вершокъ.

Представительство духовенства такъ ничтожно, что о немъ и упоминать не стоитъ, да, притомъ, и личные интересы его слишкомъ мелки и исключительны. На первыхъ собраніяхъ гласные изъ духовенства рассчитывали, что земство имъ домъ выстроитъ и дастъ малую толку деньжонокъ за то, что они при своихъ приходахъ, будто бы, школы завели; но, встрѣтивъ полное равнодушіе къ своимъ нуждамъ и разочаровавшись въ своихъ надеждахъ, большинство изъ нихъ бросило даже ѣздить на собранія, отъ которыхъ, какъ видно, толку для нихъ, какъ отъ козля: ни шерсти, ни молока. Разочарованіе это, впрочемъ, выказалось еще на собраніяхъ первой сессіи. Напримѣръ, на первомъ Чистопольскомъ собраніи одинъ изъ гласныхъ, протоіерей, за два дня до окончанія засѣданій, отказался отъ обязан-

ности гласнаго подъ предлогомъ недуговъ и былъ замѣненъ чередовнымъ кандидатомъ, какимъ-то татаринкомъ Абдуломъ, или Мухаммедъ-садиномъ. Такимъ образомъ и безъ того немногочисленное представительство духовенства на этомъ собраніи сдѣлалось еще меньше.

Напомнивъ читателю о составѣ земскихъ собраній, посмотримъ теперь, какъ ведутся въ нихъ пренія.

Въ первый день открытія засѣданій дѣло, по обыкновенію, идетъ чинно и вполне благопристойно. Принимается присяга, избирается секретарь и утверждается порядокъ дѣлопроизводства на все время засѣданій. Иногда, въ рѣдкихъ, впрочемъ, случаяхъ, председателемъ произносится рѣчь, разумеется, самаго миролюбиваго свойства; однимъ словомъ, въ родѣ рѣчей, произносимыхъ Наполеономъ, когда онъ хотеть увѣрить Европу, что войны не будетъ. Сторонній посѣтитель выноситъ въ этотъ день самое отрадное впечатлѣніе; у него въ ушахъ звенитъ сотни разъ повторенное на собраніи слово *законность*, и онъ имѣетъ право предположить, что между членами господствуетъ глубокой миръ и что про контры и разладу между ними бредшутъ такъ только, со злости, неблагонамѣренные болтуны. На другой день гладкая поверхность начинаетъ понемногу рыхлѣть: это, значить, вѣтерокъ откуда нибудь подулъ, или, выражаясь проще, значить кто нибудь изъ безпокойныхъ гласныхъ замѣтилъ председателю, что онъ самъ первый нарушилъ вчера только составленныя правила, явившись, вмѣсто назначенныхъ десяти часовъ—въ двѣнадцать. Въ слѣдующіе затѣмъ дни сторонній посѣтитель рѣшительно бы не повѣрилъ, что онъ находится въ томъ же самомъ собраніи, въ которомъ онъ былъ въ первый день, когда принимали присягу и избирали секретаря. При самомъ входѣ въ залу его поразилъ бы крикъ и шумъ, какіе бывають только на крестьянскихъ сходкахъ. У одного конца длиннаго стола онъ увидалъ бы стоящаго председателя и его приближенныхъ; у другаго конца стола онъ замѣтилъ бы тоже стоящую фигуру въ томъ самомъ положеніи, въ какомъ находился на знаменитомъ смоленскомъ обѣдѣ г. Скарятинъ, когда онъ, стоя на стулѣ, сидѣлъ говорить рѣчь, а десятки голосовъ кричали ему: «вонъ Скарятинъ! à bas, Скарятинъ!» При дальнѣйшемъ разсѣдованіи дѣла, сторонній посѣтитель узналъ бы, что господинъ, находящійся въ положеніи г. Скарятина, изображаетъ собою единоличную оппозицію, а что у противоположнаго конца стола сосредоточилась партія, старающаяся сокрушить оппозицію. Гласные изъ крестьянъ во время всей этой катавасіи, въ большей части случаевъ, сидятъ-себѣ смирно и молча, ничему не удивляясь и ничѣмъ не возмущаясь, потому что имъ подобныя сцены не въ диковинку; нѣкоторые же изъ гласныхъ образованныхъ сословій втихомолку перешептываются между собою и понимаютъ плечами. Таковъ наружный видъ очень многихъ изъ нашихъ собраній, преимущественно уѣздныхъ, разумеется,

не всѣхъ; есть и такія, на которыхъ вѣчно царствуетъ тишь да гладь — Божья благодать и слышатся только лишь благодарственные рѣчи, произносимыя другъ другу; есть, наконецъ, и такія, на которыхъ двое-трое гласныхъ настоящее дѣло дѣлаютъ, а остальные во всемъ съ нами соглашаются; но мы обратимъ вниманіе исключительно на первыхъ, то-есть на *собранія съ омовиціей*.

До времени открытія земскихъ учрежденій у насъ на Русь думали, что храбростью должны обладать одни только военные люди, и то преимущественно армейскіе, которымъ, дѣйствительно, нрѣдѣа придется брать крѣпости, защищать свои собственные завалы и мужественно отступать, въ виду непріятельской арміи; про гражданскихъ же чиновниковъ разсуждали такъ, что они свободно могутъ быть и трусами. Самыя названія: «чернильная душа» и «саркивая крыса» ясно уже показываютъ, какъ смотрѣло на нихъ наше общество.

Теперь, по открытіи земскихъ учрежденій, оказалось, что отъ земскаго дѣятеля, храбрости и мужества требуется даже больше, чѣмъ отъ офицера, идущаго во главѣ штурмовой колонны. Оказалось, что свалать сломя голову на встрѣчу картечи у насъ отыскивается охотниковъ несравненно больше, чѣмъ идти съ мирнымъ, но разумнымъ словомъ противъ вродствующей, господствующей на собраніи партіи, во главѣ которой нрѣдѣа стоитъ какой-нибудь отставной корнетъ или даже губернский секретарь.

Повидимому, странно какъ будто, но если подумать, то страннаго ничего тутъ нѣтъ. Все дѣло здѣсь объясняется двумя поговорками: «при людяхъ смерть красна» и «одинъ въ полѣ не воннѣ». Противъ картечи дружно мчатся вразъ тысячи человѣкъ, поддерживая другъ друга. Даже самыя лошади, которымъ никоимъ образомъ не могутъ быть заинтересованы результатами драки, и тѣ храбро скачутъ на проломъ въ своемъ обществѣ; ну, а положеніе земскаго дѣятеля вовсе не такое: онъ принужденъ идти одинъ противъ всѣхъ, не получая поддержки даже со стороны друзей, которые слишкомъ робки. Стоять ему сдѣлать какое бы то ни было возраженіе противъ несообразныхъ доводовъ члена господствующей партіи, сейчасъ же два-три члена вразъ прерываютъ его рѣчь и начинаютъ кричать и горячиться, а иной разъ случается и такъ, что предсѣдатель самъ встаетъ и запрещаетъ ему говорить, «въ силу предоставленной ему закономъ власти». Оппозиторъ долго вое-какъ держится, отставляя свое слово, но, наконецъ, среди умоляемаго крика враговъ, начинаетъ горячиться, — и, сохрани Богъ, если, сгорая, вырвется у него какое-нибудь, дѣйствительно рѣзкое, слово. «Господинъ секретарь, составьте протоколъ!» раздастся одиночный уже голосъ. Надежды на поддержку большинства гласныхъ никакой и быть не можетъ, потому что большинству хочется какъ можно скорѣе разгнѣвать-

ся по домамъ, слѣдовательно оно считаетъ естественнымъ своимъ врагомъ каждаго, кто его задерживаетъ. Ну, побьется-побьется горячая голова, испортитъ себѣ нѣсколько лотовъ крови, да и уgomонится наконецъ, потому что глупо произносить рѣчи на колокольнѣ, на которой звонять во всѣ колокола. Какъ же, спрашивается, при такихъ условіяхъ, дѣйствовать-то? Господствующая партія своимъ примѣромъ указываетъ, что толпу дебится можно только лишь дѣйствуя силой и нахрапомъ.

Буквально всего вышеназложеннаго, я не имѣю ни малѣйшаго права примѣнить къ Чистопольскому собранію, бывшему въ нынѣшнемъ сентябрѣ. Здѣсь, само собою разумѣется, не было ни одного члена съ наклонностями къ самодурству. Здѣсь и предсѣдательствовалъ-то даже не настоящій предводитель, а его кандидатъ, очень еще юный офицеръ (кажется, прапорщикъ, или поручикъ), но, однако же, в здѣсь происходило кое-что, примѣнимое къ вышеназложенному.

Вотъ, напримѣръ, какой тамъ былъ на послѣднемъ собраніи случай, самъ по себѣ незначительный, но доказывающій, что тотъ способъ, посредствомъ котораго удалось отстранить отъ должности и отдать подъ судъ г. Каразина, очень многимъ приходится по вкусу.

Зашла на немъ рѣчь о предметѣ, — ужъ, кажется, ни комъ образомъ не наталкиваемъ на, такъ-называемыя, вредныя мысли и лжеумствованія, — о лошадяхъ, содержимыхъ при уѣздной полиціи. Предсѣдатель управы настаивалъ, чтобы лошади эти содержались и теперь, по старому, на счетъ губернскаго земскаго сбора, хотя подводная повинность въ уѣздѣ давно уже была переложена въ денежный сборъ.

— Зачѣмъ же это? возразилъ одинъ изъ гласныхъ.

— Вы, мнѣ кажется, упускаете изъ вида одно, очень важное условіе, отвѣчалъ неугомонный гласный, а именно, что новыя положенія замѣнили собою и во многомъ совершенно измѣнили старый уставъ о земскихъ повинностяхъ. Вы все ссылаетесь на старый, уже отжившій законъ...

— Какъ, *отжившій* законъ? закричалъ предсѣдатель, вскочивши съ своего мѣста: — милостивые государи! обратился онъ къ гласнымъ: — г. N осмѣлился публично назвать законъ, утвержденный законодательной властью, отжившимъ, слѣдовательно, какъ бы негоднымъ! Г. секретарь! Прошу внести эти слова сейчасъ же въ протоколъ!

Къ счастью для предсѣдателя, въ средѣ его партіи нашлись люди, которые сумѣли ему растолковать, что тотъ законъ, который уже замѣненъ новымъ, можетъ быть совершенно безопасно названъ отжившимъ и, что, слѣдовательно, гласнаго N нельзя за его фразу привлечь къ отвѣтственности. Толковали очень долго — и то насилу уgomонился!

Безъ такихъ полицейскихъ, неудачныхъ придророкъ, не обходится, впрочемъ, ни одно собраніе, начиная съ третьяго года.

Въ среду Чистопольскаго земства этотъ полицейскій характеръ введенъ новымъ, только что тогда вступившимъ въ должность, дворянскимъ предводителемъ, который потребовалъ, чтобы гласные, съѣзжавшіеся уже два раза, вновь приняли присягу, несмотря на то, что присяга принимается разъ на все трехлѣтіе.

— По моему мнѣнію, возразилъ одинъ старикъ-купецъ съ золотой медалью на шеѣ: — по моему мнѣнію, присягу не слѣдуетъ принимать по нѣскольку разъ въ годъ, потому что слишкомъ частое повтореніе присяги уменьшаетъ ея значеніе...

— А, такъ вы противникъ присяги? замѣтилъ предсѣдатель. — Господа гласные! въ вашемъ обществѣ находится членъ, который отвергаетъ присягу! Прошу внести это въ протоколъ!

И тогда, какъ теперь, очень долго привелось убѣждать г. предсѣдателя, что почтенный гласный, не на шутку было-испугавшійся, все и не думалъ отвергать присяги.

Многіе находятъ, будто такая придирчивость къ словамъ не только не вредитъ, но даже очень полезна, потому что заставляетъ гласныхъ безпрестанно оглядываться по сторонамъ, или, другими словами, «ѣсть пирогъ съ грибами и держать языкъ за зубами»; но мнѣ кажется, что такой взглядъ едва-ли справедливъ. Наши гласные и безъ того ужъ до такой степени привыкли осматриваться по сторонамъ, какъ зайцы, преслѣдуемые охотникомъ, что даже было бы желательнѣе, чтобы языки ихъ почаще выползали изъ-за зубовъ.

Не могу я умолчать и еще объ одномъ обстоятельствѣ, тоже, по моему, очень печальномъ: это о возможности подкупа на нашихъ собраніяхъ. Я, напримѣръ, положительно знаю объ одномъ подобномъ случаѣ, о которомъ и передаю читателю.

Въ одномъ изъ уѣздовъ, — не скажу, въ какомъ именно, — старшій предсѣдатель управы, по непріятностямъ съ господствующей партіей, вздумалъ оставить должность, хотя большинству гласныхъ не хотѣлось этого. Предводителю дворянства самому захотѣлось получить предсѣдательскую должность, соединенную съ полученіемъ довольно крупнаго жалованья, хотя всѣмъ было очень хорошо извѣстно, что предсѣдатель рѣшительно неспособенъ къ работѣ, требующей вниманія и усидчивости (предводитель этотъ никакъ не могъ понять разницы между дворянскимъ и земскимъ собраніями). Чтобы какъ-нибудь уладить щекотливое дѣло, рѣшились на слѣдующую уловку: вмѣсто двухъ членовъ и предсѣдателя, порѣшили, что нужно выбрать троику и, притомъ, третьяго члена непременно изъ крестьянъ, хотя бы безграмотнаго, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы этотъ безграмотный, вновь выбранный членъ, подѣлился изъ своего жалованья (1,400 рублей) съ крестьянами-выборщиками, заплативши каждому по 40 рублей. Вторымъ непремѣннымъ условіемъ было то, чтобы вновь избираемому предсѣдателю всѣ выборщики положили шары на правую сторону. Большинство крестьянскихъ гласныхъ охотно

согласилось на такую выгодную сделку, выбрало нового председателя и члена, но только въ самой заги ассѣданія подняло публичный скандалъ. «Положимъ, что намъ и обѣщались заплатить по сорока рублей, — говорили подувленные гласные — положимъ, что таковой-то баринъ и таковой-то купецъ поручились, что намъ отдадутъ обѣщанное, но все вѣдь это только на словахъ: ну, какъ да надуютъ? Не лучше-ли все-таки, или респексу вытребовать?» Навѣрность гласныхъ была такъ велика, что они не прочь бы требовать росписки формальнымъ порядкомъ, еслибы люди болѣе оштные не постарались кое-какъ потушить скандала въ самомъ его началѣ...

Но я начинаю бояться, чтобы читатель не причислилъ меня къ многочисленной у насъ партіи озабоченныхъ враговъ всякаго рода нововведеній. У насъ вѣдь зачастую и такъ случается, что если я, напримеръ, высказываю, что такая-то гимназія нигуда не годится, то меня уже считаютъ отъявленнымъ врагомъ просвѣщенія вообще. Еслибы я былъ врагомъ земскихъ учрежденій, то я, напротивъ, сталъ бы ихъ хвалить, а не хантъ. Я бы сталъ толковать всѣмъ и каждому, что лучшая составъ этихъ учрежденій не оставляетъ ничего желать лучшаго, и что одна мысль о его намѣненіи можетъ уже считаться какъ бы покушеніемъ на преступленіе. Я убѣжденъ, что земскія учрежденія сами по себѣ очень хороши, не что много еще води утечетъ до той поры, когда они будутъ приносить всю ту пользу, какою отъ нихъ въ правѣ ожидать народъ, который покуда умѣетъ только лишь ожидать, да надѣяться, а не дѣйствовать. Ожидать быстрихъ, рѣзкихъ намѣненій отъ вновь введенныхъ сверху реформъ — можетъ только чловѣкъ очень легкомысленный, вѣрующій въ возможность чудесъ и волшебныхъ превращеній, какія можно видѣть только въ балетахъ да въ балаганахъ на Адмиралтейской площади. Понятно, что чловѣкъ, захворавшій подъ вліяніемъ мѣстныхъ климатическихъ условій изнурительною лихорадкою, будетъ маяться до той поры, пока не устранился эти неблагопріятныя условія.

Странно было бы и съ моей стороны, возвратившись на родину черезъ два года, надѣяться уврѣтъ въ ней счастливую Аркадію или сказочную сторону, въ которой, какъ рассказываютъ, «мужики живутъ богато: серебро гребутъ лопатой». Голодные годы, нежданна подати, опустошительные пожары, — вотъ тѣ условія, при которыхъ народъ долженъ былъ исправлять и улучшать свой экономическій бытъ. Тѣ же почерѣнья, критика соловой избы, наименованія собою надали полѣннику волусгнившихъ дровъ; тѣ же гнилые, сколоченные кое-какъ изъ кордошекъ мосты черезъ глубокіе овраги и рѣки, приучающіе путешественника рассчитывать всего болѣе на милость Божию; тѣ же, одиноко торчащія среди чистаго поля, глиняныя печи и обгорѣлые или отъ сгорѣвшихъ до тла деревья... На разспросъ ваши о житьѣ-бытьѣ, вы опять слышите тѣ же вдохи и охалы, ко-

торне и прежде не разъ случалось уже вамъ слышать. «Какое житье! — отвѣчаютъ вамъ съ горькой улыбкой, — просто выгорга! И прежде худо было, а нынче, кажись, и еще хуже стало!»

Но почему же хуже-то стало? — недовѣрчиво спроситъ заѣзжій изъ столицы человекъ, заподозривъ мужа въ умнеленной лжи и въ нескренности. Мало-ли нынче разныхъ новыхъ учреждений существуетъ, какъ-то крестьянскихъ, земскихъ и проч., и всѣ эти учрежденія видимо стремятся доставить мужику довольство и благополучіе, а между тѣмъ хуже стало! Что за дичь?

И дѣйствительно, если вы присмотритесь повнимательнѣе, то вовсе не хуже стало, а все осталось по старому, хотя не можете не замѣтить и измѣненій нѣкоторыхъ. Напримѣръ, на томъ мѣстѣ, гдѣ, вы помните, находилась года два-три назадъ старая, развалившаяся помѣщичья усадба, — теперь уже стоитъ значительной величины домъ, не красивый, но прочный, изъ толстыхъ бревенъ, выкрашенныхъ желтой краской, съ зелеными ставнями и красной крышей. На разспросы ваши ямщикъ разсказываетъ, что имѣніе это у такого-то ротмистра Лихачева приобрѣлъ купецъ Толстопузовъ по 20 рублей за десятину, а въ томъ числѣ одного только строеваго лѣсу десятинъ съ триста будетъ. Что прежде, у ротмистра Лихачева десятину земли подъ ознемъ можно было нанять за шесть и за семь рублей, а теперь, хоть тресни, меньше десятишеницы не отдавать. Что и рядомъ имѣніе купилъ тоже купецъ Кондыринъ и, точно будто согласился съ Толстопузовымъ дешевле десятишеницы за десятину не брать. А главное — прибавлялъ ямщикъ, — жителя намъ отъ того нѣту, что новые помѣщики въ лѣсъ насъ не пускаютъ, да и не только насъ самихъ, но и бабъ нашихъ и дѣвокъ за грибами и за самородиной. Пономарь изъ приходской церкви вѣдунгалъ было попроситься за грибами съ семей сходить, — такъ куда тебѣ! Затопалъ Кондыринъ ногами и кричитъ: «чтобы помысла эвтого не было — въ мой лѣсъ за грибами ходить! Я и самъ-то, говорить, не кожу туда, чтобы тропинокъ не было, а то — продолжете тропинки — воровать лѣсъ станете!» Тропинки всѣ травой заросли, не раздается по лѣсу, какъ прежде, дѣвичьихъ пѣсенъ, и все это лѣсное затишье только лишь временное, предсмертное, потому что Кондыринъ хочетъ въ будущемъ году вырубить весь лѣсъ до тла, на продажу, чтобы воротить затраченный на покупку имѣнія капиталъ. Вотъ и я теперь съ семей — добавлялъ ямщикъ, — нанимаю у Толстопузова семь десятинъ: семьдесятъ-то рубликовъ вынь да положи впередъ, а ему земля-то въ покупкѣ по двадцати рублей обошлась, значить, въ два раза всю уплаченную сумму возьметъ, да еще лѣсъ вродастъ! А почему же, молъ, сами вы не купили? Гдѣ намъ, куда намъ! — отвѣчаетъ ямщикъ, улыбувшись и помахивая кнутомъ надъ лошадыми.

Дѣйствительно, въ отношеніи перехода поземельной собственности изъ однихъ рукъ въ другія, на моей родинѣ въ послѣдніе

два года переѣмъ произошли значительныя. Въ Казанскомъ уѣздѣ, наприѣръ, недалеко отъ города, одно большое имѣніе русской княгини за бездѣнокъ перешло въ собственность богача татарина. На горѣ, около громаднаго сада, съ незапамятныхъ временъ стоялъ каменный, недостроенный домъ, въ которому вѣрстѣяне боялись подходить близко, потому что, по преданію, въ немъ жила «кыкмор» и бросала въ головы любопытныхъ сверху кирпичи. Богачъ-татаринъ, купивши имѣніе, выгналъ кыкмору, отдѣлалъ домъ заново и на рѣкѣ, вмѣсто старой мельницы, построилъ громадную крупчатку, кажется, на двѣнадцать поставовъ. Около дома и крупчатки толкается теперь татары, а русскіе мужики, получивши *сиротскую десятишку*, остались въ сторонѣ. Впрочемъ, если кто въ состояніи внести десять рублей наемной платы, то татарякъ не обращаетъ никакого вниманія на вѣроисповѣданіе...

Я не вижу ничего дурнаго въ томъ, что поземельная собственность начинаетъ переходить изъ рукъ разорившихся, неумѣлыхъ людей въ руки капиталистовъ; переходъ этотъ ее представляетъ ничего необыкновеннаго, неожиданнаго; его, напротивъ, давно предвидѣли, давно объ немъ толковали и въ литературѣ, хотя неосновательные помѣщики сильно сердились на это. Тутъ ужъ сердись не сердись, а противъ теченія на простомъ суднѣ безъ парусовъ не поплывешь. Во всей этой, весьма обыкновенной исторіи одного только жаль, а именно, что мужики-то наши остались не при чемъ. Я, по крайней-мѣрѣ, думаю, что безземельнымъ мужикамъ едва-ли будетъ кака-нибудь выгода, если, вмѣсто ротмистра Лихачева или Рычагова, владѣльцемъ земли явится какой-нибудь почетный гражданинъ Кондринъ, или Абдуль-Галеевъ.

— Да почему же вы не попробуете всѣмъ міромъ приобрѣсти землю-то у помѣщицы, если она такъ дешево ее продаетъ и такъ дорого въ наѣмъ отдаетъ? бесѣдовалъ я разъ съ мужиками:—какой же расчетъ въ два года переплатить столько же за наѣмъ, сколько нужно чтобы приобрѣсти въ собственность?

— Э, батюшка нашъ, куда намъ міромъ что-нибудь узадить! Какой у насъ міръ? Одинъ глядитъ въ одну сторону, другой въ другую, и хоть ты что хочешь,—ни за что не столкуешь! Пожалуй, вовъ у насъ и богатые мужики есть, но развѣ они повѣрятъ кому? Да, по правдѣ сказать, и вѣрить-то нельзя: извѣрились ужъ. У насъ, у мужиковъ, на это очень плохо: куда какъ плохо!

И не у однихъ только у васъ плохо-то насчетъ этого! — думаю себѣ. У насъ не лучше. Да, если ужъ и люди высшихъ, такъ-называемыхъ, образованныхъ сословіи общей каши сварить не умѣютъ, то мужикамъ-то, пожалуй, и Богъ простить.

И вездѣ, куда только ни взглянешь, вездѣ услышишь рѣчи, выражающія полнѣйшую безнадежность, полное сознаніе своего безсилія. Только и раздаются фразы: гдѣ намъ, куда намъ съ

суконнымъ рыломъ чай съ сахаромъ пить, и проч. Еще до сей поры въ приволжскомъ краю евреевъ мало, а то бы они давно все скупили отъ одурѣвшихъ отъ долговъ собственниковъ и на вѣки вѣчныя поставили бы раскиснувшаго мужика въ необходимость получать всякую, самую необходимую вещь изъ третьихъ рукъ, за двойную или тройную цѣну. Долго еще нашъ злосчастный мужикъ будетъ играть на этомъ общемъ рынкѣ ту же роль, какую онъ теперь играетъ на городскихъ базарахъ, когда привезетъ продавать хлѣбъ на уплату податей.

Переходъ поземельной собственности изъ однихъ рукъ въ другія части уже совершился, отчасти совершается въ большихъ размѣрахъ, но мужику отъ этого перехода ни тепло, ни холодно: по усамъ текло, да въ ротъ ни капли не попало. Мужики, я беру преимущественно бывшихъ крѣпостныхъ, испугавшись высокой оцѣнки земли при выкупѣ, цѣлыми волостями пошли на даровую четверть надѣла и сидятъ теперь безъ земли, такъ что и скотъ пасти не на чемъ. Куда ни сунься мужикъ, вездѣ ему сначала нужно заключить, такъ-называемое, добровольное соглашеніе, а потомъ уже скотъ пасти, или хлѣбъ сѣять, и многие, разумѣется, пользуются такимъ безпріютнымъ положеніемъ мужика на родинѣ. Чуть только крестьянская корова, лошадь или свинья, немѣющая ни малѣйшаго понятія о правахъ собственности, переступить чужую грань, сейчасъ на нихъ налетаютъ загонщики и берутъ скотину подъ арестъ. Вечеромъ, возвратившись съ работы, когда коровъ нужно бы доить, крестьяне узнаютъ, что они въ бѣду опять вторглись, что тутъ безъ выкупа не отдѣлаешься. Бабы и ребятишки поднимаютъ ревъ, ожесточенныя домохозяйки безпощадно начинаютъ драть за волосы семилѣтнихъ пастуховъ, недосмотрѣвшихъ за коровами, идутъ къ землевладѣльцу, загнавшему скотъ, кланяются въ ноги, кланчатъ со слезами, — но тотъ неумолимъ, потому что держится твердо на законной почвѣ. «Плакать-то, голубушка, нечего — говоритъ землевладѣлецъ — скорѣе лучше деньги неси, потому что я вѣдь не такъ какъ нибудь, а по закону. Прощать я тебя даже права не имѣю; на все есть такса, на все есть законъ». Баба продолжаетъ реветъ, отвергаетъ таксу, проситъ, чтобы съ ней поступили лучше по старому положенію, а не по таксѣ, но благоприятныхъ результатовъ все-таки не достигаетъ. Рада-рада, если удастся выторговать хоть сколько нибудь. Я нынѣшнимъ лѣтомъ прожилъ въ одной деревнѣ дней десять, и въ теченіе этихъ десяти дней не разъ былъ невольнымъ свидѣтелемъ такихъ сценъ, потому что тутъ же, рядомъ, въ верстѣ отъ деревни, поселился владѣлецъ пятидесяти десятинъ, который онъ, какъ кажется, и приобрѣлъ съ единственной цѣлью загонять чужую скотину. Этотъ особенный отдѣлъ сельскаго хозяйства, который долженъ быть названъ уже не скотоводствомъ, а просто скотствомъ, или свинствомъ, давалъ бы, вѣроятно, очень значительный доходъ, еслибы не былъ соединенъ съ нѣ-

которыми убытками, чрезвычайно неопредѣленными. Обыкновенно осенью, въ темныя ночи, на лугахъ таковаго скотопромышленника начинаютъ ни съ того, ни съ сего горѣть стога сѣна, тушить которые охотниковъ изъ сосѣднихъ деревень не находится, а иной разъ и рига на гумнѣ, или кладь хлѣба сгоритъ. Въ этомъ именно и заключаются убытки выгоднаго во всѣхъ отношеніяхъ промысла. Подобныя ночныя происшествія обыкновенно объясняются поджогомъ, но такъ-какъ виновника отыскать очень трудно, едва-ли даже возможно, то его никогда и не ищутъ, хотя во всѣхъ такихъ случаяхъ ничего нѣтъ легче, какъ указать на настоящаго и главнаго виновника безобразій.

Государственные крестьяне тоже въ послѣднее время сильно начали жаловаться на стѣсненія ихъ арендами мелкихъ оброчныхъ статей и на трудность добыванія топлива. Въ былые годы оброчныя статьи составляли большое подспорье въ хозяйствѣ, хотя и не богатыхъ, но, помужички, зажиточныхъ поселянъ. Иной сниметъ рублей за 30 арендной платы небольшую мельницу, другой полянку въ казенномъ лѣсу сниметъ — и дивутъ кое-какъ. Аренды были мелкія, доступныя и для небогатыхъ, а потому и пользу онѣ приносили очень многимъ. Ничего, вѣроятно, въ видахъ сокращенія излишней переписки, мелкія оброчныя статьи соединяются въ одинъ участокъ и отдаются сразу одному хозяину, разумѣется, богатому купцу, который уже отъ себя отдаетъ по мелочи, такъ что мужику приходится снимать аренду уже изъ третьихъ или четвертыхъ рукъ, за тройную плату.

То же самое и относительно казеннаго лѣса, отдаваемаго на срубъ. Прежде, и очень еще недавно, лѣсничіями выдавались билеты на вырубку небольшого количества дровъ по дешевой казенной цѣнѣ; ниче же весь лѣсъ раздѣленъ на участки, десятины во сто, и желающій непременно долженъ взять весь участокъ. Конечно, никто не препятствуетъ крестьянамъ сваять участокъ всѣмъ міромъ, но мы уже видѣли, что куда еще у крестьянъ міромъ ничего не клеится, а въ одиночку мужикъ сто десятинъ сваять, разумѣется, не въ состояніи. Опять-таки и здѣсь неизбежно должны появиться особыя промышленники-кулаки, которые будутъ снимать по нѣскольку участковъ вразъ, потомъ уже отдавать во вторыя, въ третьи руки, такимъ же кулакамъ, но побѣднѣе, такъ что мужику придется платить въ три-дорога за каждое полѣно; а то несчастное время, когда мужикъ будетъ принужденъ покупать каждое полѣно, — очень отъ насъ неотдаленно, потому что нигдѣ у насъ нельзя замѣтить такого быстрого прогресса, какъ въ дѣлѣ лѣсоистребленія. Кто теперь и бережетъ лѣсъ, — и тѣ скоро вынуждены будутъ его вырубить, потому что для окарауливанія лѣсовъ и теперь уже нужны цѣлыя батальоны. Развѣ есть какая нибудь возможность укараулить одиноко стоящій на оголенной степи лѣсъ, когда каждую минуту, и днемъ и ночью, тысячи холодающаго народа только и думаютъ о томъ, какъ бы сколько нибудь стабритъ?

Строгіе охранители правъ собственности требуютъ draconianскихъ законовъ, которые одни только, будто бы, въ силахъ удерживать мужиковъ отъ лѣсныхъ порубокъ; люди умѣренной партіи кричатъ, что необходимо увеличить количество приходскихъ школъ, просвѣтить народъ и объяснить ему, при посредствѣ дьячковъ и пономарей, что воровать не слѣдуетъ.

По моему, ни то, ни другое мнѣніе не можетъ выдержать критики. Вопервыхъ, при посредствѣ существующихъ школъ, едва-ли мужикъ убѣдится въ томъ, что воровать дѣйствительно не слѣдуетъ; а восторжнхъ, куда станутъ заводить школы, лѣсъ успѣетъ весь исчезнуть съ лица земли; драконовскіе же законы тоже ни къ чему не приведутъ. Развѣ можно придумать какое-нибудь наказаніе строже тридцати-градуснаго мороза, въ снѣгу по полѣна, когда дровъ нѣтъ ни полѣна? По моему, самымъ вѣрнѣйшимъ средствомъ противъ тайныхъ и явныхъ лѣсныхъ порубокъ можетъ служить только лишь доставленіе возможности каждому пріобрѣтать дрова по сходной цѣнѣ, или же даромъ въ своемъ мірскомъ участкѣ.

Если теперь читатель потрудится припомнить все вышеизложенное, то онъ, быть можетъ, и пойметъ, почему мужикамъ кажется, будто жгтье имъ нынче стало хуже прежняго.

А между тѣмъ никакъ нельзя сказать, чтобы земскія учрежденія въ теченіе своего трехлѣтняго существованія не принесли никакой пользы. Земство устроило сельскія почты по уѣздамъ, такъ что теперь, проживая постоянно въ деревнѣ, съ большимъ удобствомъ можно получать письма и газеты. Земство Чистопольскаго и нѣкоторыхъ другихъ уѣздовъ переложило натуральную подводную повинность въ денежную, — это уже положительный шагъ для крестьянъ. Земство прибавило жалованье сельскимъ учителямъ, — чѣмъ оказало большое подспорье сельскому духовенству и таскающимся безъ толку по бѣлу свѣту, некончившимъ курса, семинаристамъ. Наконецъ, возьмите хотя медицинскую часть, о которой, впрочемъ, не мѣшаетъ поговорить нѣсколько поподробнѣе.

Хотя грѣхъ еще сказать, что народу теперь есть у кого и есть гдѣ лечиться, но однако же и въ этомъ отношеніи доброе начало сдѣлано. Прежде, бывало, на весь уѣздъ съ двухъ-сотъ-тысячнымъ населеніемъ полагался одинъ уѣздный врачъ, да и тотъ исключительно занимался не леченіемъ больныхъ, а вскрытіемъ тѣлъ удавившихся, утопившихся и ошившихся мужиковъ и бабъ. (Изъ статистики самоубійствъ извѣстно, что наши деревенскіе мужики почти никогда не рѣжутся, а преимущественно давятся или опиваются, а рѣжутся все больше чиновники). Кромѣ уѣзднаго-полицейскаго, на два смежныхъ уѣзда полагался еще одинъ окружный врачъ, на котораго, впрочемъ, рассчитывать было нечего, потому что, если, наиримѣръ, въ немъ встрѣчалась надобность въ Чистопольскомъ уѣздѣ, то онъ доносилъ, что ему въ это время необходимо быть въ Спасскомъ, и наобо-

ротъ. Теперь въ каждомъ изъ уѣздовъ Казанской губерніи, кромѣ врачей для вскрытія тѣлъ, находится по одному земскому, а въ иныхъ такъ и по два, и эти врачи обязаны подвской лечтвѣ всѣхъ и всегдаго изъ двухъ-сотъ тысячъ человѣкъ безъ всякихъ отговорокъ и промедленія. Такъ-какъ, очевидно, при подобныхъ условіяхъ, земству нельзя уже ограничиваться подысканіемъ какихъ нибудь дюжинныхъ врачей, а нужны почти необыкновенные, то нѣкоторые управы, напримѣръ, Чистопольская, не понадеялись на обыкновенный способъ приглашенія врачей чрезъ газеты и публикаціи. Предсѣдатель управы лично былъ извѣстенъ одинъ, необходимо опытный врачъ, кончившій курсъ въ университетѣ, чуть ли не въ двадцатыхъ годахъ настоящаго столѣтія. Этого, вполне благонадежнаго врача, предсѣдатель нарочно выписалъ изъ южныхъ губерній и поручилъ ему оба врачебные участка въ уѣздѣ, разумѣется, съ двойнымъ окладомъ жалованья, такъ-какъ «старый врачъ и другъ навѣрное стоилъ двухъ».

Впрочемъ, есть основанія предполагать, что еслибы опытному врачу не удалось принести народу рѣшительно никакой пользы, то и въ этомъ случаѣ собраніе отнеслось бы къ его дѣятельности благосклонно, потому что на сельскихъ врачей привыкли у насъ еще смотрѣть, какъ на людей ненужныхъ, существующихъ такъ больше, для формы. «Нашъ народъ не вѣритъ въ медицину» — говорятъ обыкновенно опытные люди, хотя довольно трудно опредѣлить, вѣритъ ли или не вѣритъ нашъ народъ въ то, чего онъ покида еще вовсе и не знаетъ.

Изъ Дмитрова (Московской губерніи) пишутъ въ «Современныя Извѣстія», что на одномъ изъ засѣданій мѣстнаго уѣзднаго земскаго собранія случилось слѣдующее обстоятельство, вызвавшее всеобщій продолжительный смѣхъ: на вопросъ предводителя къ старшинамъ: «авкуратно ли у васъ по волостямъ биваютъ врачи?» — одинъ изъ старшинъ отвѣчалъ, въ присутствіи уѣзднаго врача: «въ полтора года, ваше благородіе, только разъ и изволила быть». Это, вмѣсто того, чтобъ бывать въ мѣсяцъ разъ! Все собраніе, не исключая и предсѣдателя, разразилось громкимъ смѣхомъ.

Повидному, надъ чѣмъ же тутъ хохотать-то? Человѣку платить жалованье, тотъ получаетъ деньги исправно, но ѣднитъ по уѣзду разъ въ полтора года, — и такое извѣстіе возбуждаетъ всеобщій смѣхъ! Хохочутъ и члены, и предсѣдатель, да и самъ-то врачъ, вѣроятно, хохоталъ же, потому что у него болѣе, нежели у кого-либо было поводовъ хохотать. Какой, какъ посмотришь, народъ-то у насъ смѣшливый!

Въ Казанской губерніи медицинское дѣло тоже безъ хохота не обошлось, хотя началось оно, повидному, очень серьезно съ утвержденія проекта г. Явобя о необходимости немедленно приступить къ составленію полнаго описанія губерніи въ отношеніи народнаго здравія. Всѣ гласные тогда вполне согласи-

лись съ г. Якоби, что безъ статистическихъ данныхъ и истиннаго изслѣдованія не можетъ быть правильнаго понятія о дѣлѣ, что безъ спеціальнаго знанія невозможно рѣшеніе спеціальныхъ вопросовъ. Всѣ, поѣздившему, согласились помогать, кто чѣмъ можетъ, общему дѣлу; а потомъ, когда принялись за него, то незнакомое дѣло и показалось имъ до крайности потѣшнымъ и начали они хохотать до упаду.

Вотъ, напримѣръ, отвѣты одной изъ уѣздныхъ управъ (Ляшевской) на заданную программу:

«Управа не можетъ собрать свѣдѣній объ атмосферическихъ явленіяхъ, какъ-то о грозахъ, вѣтрахъ, количествѣ выпавшаго дождя, снѣга и о туманахъ, по неизбѣннѣ потребныхъ для того инструментовъ, потому *и обратилась о производствѣ этихъ инструментовъ къ штатному смотрителю училища* (вотъ, я думаю, хохоту-то сколько было!), но отвѣта отъ него не получала. Измѣреніе глубины колодезь управа *считаетъ для себя опаснымъ*, потому что *во время холеры* мужики могутъ убить членовъ, полагая, что они подбрасываютъ въ колодезь холеру (зачѣмъ же неизбѣнно измѣрять колодезь во время холеры?). Свѣдѣній о свойствахъ воды, употребляемой для питья, о почвѣ, травахъ и деревьяхъ — управа тоже доставить не можетъ, потому что никто изъ членовъ ея не обладаетъ *спеціальными* по естественнымъ наукамъ знаніями. (Ну, какія же спеціальныя знанія требуются для того, чтобы осину отъ дуба отличить?) и т. д. и т. д.»

Какъ все это напоминаетъ становаго пристава старыя времена, которому поручено собирать статистическія свѣдѣнія о количествѣ крупнаго и мелкаго скота у крестьянъ! Хохоцетъ, бывало, ставовой до дурноты и пишеть, что въ голову взбредеть. Хохоцетъ и писарь становаго, хихикають изъ приличія сотскій и десятскій. Серьезнѣе всѣхъ смотрять, бывало, на дѣло крестьяне, у которыхъ становой пересчитывалъ крупный и мелкій скотъ....

IV.

О томъ, какъ я неожиданно попалъ изъ кулеба въ рогожу, то-есть, другими словами, въ земскую больницу. Казань дѣлается центромъ для сумасшедшихъ десяти смежныхъ губерній. Нѣсколько словъ о казанской умственной дѣлательности. Отдѣлъ изящной словесности.

Еслибы знать, гдѣ упадешь—соломинки бы подостлажь. Еслибы я заранее могъ знать, что изъ двухъ мѣсяцевъ поѣздки мнѣ придется пролежать цѣлый мѣсяць въ казанской земской больницѣ, то, разумѣется, ни за что бы не поѣхалъ. Лучшее было здѣсь насивозъ проковтѣть петербургскимъ дымомъ, чѣмъ ѣхать за полторы тысячи верстъ пропитываться больничнымъ промзглымъ воздухомъ.

Благодаря нѣкоторымъ, очень благопріятнымъ условіямъ, въ больницу я былъ принятъ безъ всякихъ затрудненій и введуъ

съ гѣвторнымъ даже торжествомъ, хотя видъ торжественности придавало то обстоятельство, что у меня ноги отделились почти совершенно и меня вели на лѣстницу, какъ арміера на амбонѣ. Руками я опирался на плеча двухъ дюжихъ солдатъ, а третій шелъ въ отдаленіи, на всякій случай. Положимъ, что и сильно выпившихъ людей вѣдутъ почти при такой же обстановкѣ, но тамъ со стороны солдатъ постоянно замѣчается нѣкоторая грубость и порывистость въ движеніяхъ, въ особенности со стороны задняго; здѣсь же, при втаскиваніи меня въ больницу, солдатская деликатность была доведена даже до нѣжности, на сколько отставной солдатъ способенъ къ нѣжности.

— Не тяжело ли вамъ, братцы? спросилъ я и самъ, заразившись нѣсколькими солдатской нѣжностью.

— Какая въ васъ тяжелина! отвѣчалъ одинъ изъ нихъ: — иной разъ случается какого чурбана на лѣстницу-то пѣхтерить, и то ни почему; а въ васъ, что, много-ли?

— Ну, ужъ дѣлать нечего, потрудитесь: я на воду съ удовольствіемъ дамъ.

— Помилуйте, ваше благородіе, зачѣмъ же-съ? Сторожъ службу свою исполнять долженъ. Наша ужъ должность такая: вносить и выносить, что прикажутъ.

Въ сущности, дѣйствительно, на воду можно было и не давать, потому что, съ того самаго момента, какъ я отдалъ въ больницу контору свой паспортъ, я уже дѣлался какъ бы больничною собственностью, которую уже стануть вносить и выносить, куда начальство прикажетъ. Изъ личности, болѣе или менѣе самостоятельной, я дѣлался просто больничнымъ номеромъ, представителемъ известнаго рода болѣзни, а именно ревматизма.

Такъ-какъ я вступилъ въ земскую больницу не зря, не на обумъ, а подъ покровительствомъ одного изъ членовъ земства, то въ предназначенной для меня палатѣ встрѣченъ былъ не безъ вниманія. Въ палатѣ находился смотритель, который немедленно заарестовалъ у меня верхнее пальто, сапоги съ брюками, а взамѣнъ всего этого, предложилъ холщевый, полосатый, синяго цвѣта халатъ, туфли и колпакъ съ острыми кончиками и висточкой спереди, какъ у солдатъ павловскаго гвардейскаго полка, хотя я отъ этого удобства охотно отказался. Сторожа, поощренные пятиалтыннымъ, бросились снимать съ меня сапоги съ такимъ откровеннымъ усердіемъ, что я чуть было не заревѣлъ отъ боли; въ довершеніе же всего, лекаръ сію же минуту приказалъ мнѣ принести стлянку миндалянаго молока съ салитрой. Напитокъ этотъ не совсѣмъ вкусенъ, но за то прохладяетъ удивительно; до такой степени прохладяетъ, что я удивляюсь даже, почему его не введутъ въ постоянное употребленіе на нашихъ лѣтнихъ гуляньяхъ, напримѣръ, у Излера, въ Павловскѣ и проч.?

Наконецъ, стащивши съ меня всю частную аммуницію и наполнивши вдоволь миндаляннымъ молокомъ съ салитрой, всѣ эти

добрые, услужливые люди разошлись. Остался только смотритель, который, стоя у разбитого окна, осматривалъ сивозную дыру пальцемъ, монотонно качая головой и, вообще, казался завороженнымъ.

— Уже сколько разъ твердилъ я этимъ скотамъ, чтобы встали! ворчалъ смотритель: — и все вотъ нѣтъ же!.. Впрочемъ, обратися онъ прямо уже ко мнѣ: — впрочемъ, если вамъ угодно, то я завтра же прикажу вставить.

— Мнѣ кажется, это было бы недурно, замѣтилъ я.

— Прикажу-съ, непременно прикажу! И давно было бы вставлено, да, знаете, у меня не одно это дѣло: безпрестанно то туда, то сюда; то то, то другое. Одуришь-съ!

— Конечно! согласился я съ смотрителемъ. — Еслибы въ больницѣ было всего два или три окна, — тогда бы дѣло иное; а то вѣдь ихъ втукъ двѣсти: гдѣ же тутъ?

— Это вы правду изволите говорить, подтвердилъ смотритель, которому несколько не показалось страннымъ высказанное мною предположеніе: завести при каждахъ двухъ окнахъ по особому смотрителю. — За всякой дырой усмотрѣть трудно: то тамъ разбито, то тутъ разбито, — ну, и растеряешься... Да еще я вамъ хотѣлъ предложить, прервалъ свою рѣчь смотритель: — не пожелаете ли вы, чтобы изъ вашей койки клоповъ выварили?

— Вотъ тебѣ и разъ! говорю: — а развѣ водятся?

— У насъ ихъ въ каждой койкѣ гибель! замѣтилъ смотритель съ улыбкой. — Нынѣшнимъ лѣтомъ вздумали-было выварить, да не удалось. Койки-то нестали, знаете, на дворѣ; покуда уставали ихъ по ранжиру, покуда воду кипятили, покуда что — а клопы-то, бестія, и догадайся: всѣ переползли черезъ растворенныя окна, по стѣнѣ, опять въ больницу, жулики эдакіе! Сначала мы и не смекнули, въ чемъ дѣло-то. Льемъ, знаете, капоток-отъ на койки, паръ столбомъ валить, а клопа въ лужахъ ни одного не видно. Что, думаемъ, за чудо такое? Видно, моль, они, каналы, такъ какъ-нибудь передохли... Да, держи карманъ, передохли они! Только, знаете, успѣли разставить кровати по мѣстамъ, а клопы-то наши тамъ ужъ: точно войска какія по квартирамъ размѣстились!.. Впрочемъ, если вамъ будетъ угодно, то изъ вашей койки я прикажу выварить?

Вопросъ, повидимому, былъ очень простъ, такъ что затрудняться не стоило; но, подъ влияніемъ ли болѣзненнаго состоянія, или по какой другой причинѣ, показался онъ мнѣ стоящимъ нѣкотораго размышленія.

Смотритель — размышлялъ я — со вчерашняго дня, еще и даже раньше, зналъ ту койку, на которую меня сегодня положить; видимое дѣло, что и о существованіи въ ней клоповъ онъ зналъ тоже очень хорошо; не могъ, наконецъ, не знать и того, что ошпаривать кровать несравненно удобнѣе тогда, когда на ней нѣтъ больного; слѣдовательно, что могло помѣшать ему унич-

тожить клоповъ заблаговременно, еслиб онъ признавалъ ихъ вредными и ненужными? Такъ-какъ препитствій никакихъ не было, то не ясно ли, что въ земской больницѣ бывають и тѣ же больные, которые на выварку клоповъ въ своей койкѣ не соглашались. Иначе, зачѣмъ бы и спрашивать: угодно мнѣ, или не угодно?

Размышленія мои были до такой степени продолжительны, что смотритель, вѣжливо улыбаясь, повторилъ свой вопросъ.

— Разумѣется, отвѣчалъ я:— разумѣется, господишъ смотритель, безъ клоповъ для меня было бы лучше, но я немного затрудняюсь: куда же я, безногий, дѣнусь въ то время, когда койку будутъ вываривать? Стоять я не могу, сидѣть тоже...

— Помалуйте! подхватилъ смотритель:— у меня внизу есть готовныя кровати безъ клоповъ. Позвольте только васъ просить подождать до завтра, а теперь, заключилъ онъ, протягивая руку:— теперь желаю вамъ покойной ночи!

Покойной ночи еще, злодѣй, желаетъ! Уложалъ съ клопами, да смѣется еще! Или это не насмѣшка, а дѣйствительно любезность? Чортъ ихъ знаетъ, ничего не разберешь! Кровати съ готовыми клопами, кровати безъ клоповъ, которыхъ безъ особеннаго дозволенія не ставятъ... Вотъ галиматья-то!..

— А въ вашей койкѣ есть клопы? спросилъ я, для провѣрки своихъ соображеній сосѣда, худенькаго старичка въ полосущчатомъ халатѣ и бѣломъ волнакѣ съ острымъ кончикомъ и кисточкой, въ родѣ султана у кепи.

Къ удивленію, тощій старичокъ взглянулъ на меня злобно. Вопросъ мой, почему-то, взбудоражилъ, какъ видно, въ немъ жолчь съ самаго дна до горла, такъ что старичокъ даже закашлялся.

— Вы спрашиваете, есть ли у меня клопы? проговорилъ старикъ сердитымъ, но удивительно тонкимъ, точно бабынымъ голосомъ.— Да меня, бабушка, они, проклятые, съѣли совсѣмъ, всю кровь мою до послѣдней капли выпили. Посмотрите вотъ, чтѣ отъ меня осталось? Гдѣ во мнѣ кровь, гдѣ мясо? Шестия сутки всего я только здѣсь, а какъ еще живъ— не понимаю! Кормить—ничѣмъ не кормить, а кровь ужъ выпили всю!

— Ну, ужъ вы, кажется, преувеличиваете, замѣтилъ я жолчному старичку:— кушанье, говорятъ, здѣсь порядочное; да, притомъ, вѣдь не смотритель же, въ самомъ дѣлѣ, кровь-то изъ васъ выпилъ?

— Хорошо тому на свѣтѣ жить, у кого бабушка умѣетъ ворочить, раздражительно проворчалъ старикъ, оборотившись ко мнѣ спиной.— У кого родня, да знакомые, тѣмъ вездѣ хорошо, а меня вотъ, небойсь, не спрашивали о кровати-то, какую я хочу: съ клопами, или безъ клоповъ. Чтобы кровь-то твою собственную не пили— и на то нужна протекція... о-о, черты!..

Старикъ, разумѣется, имѣлъ нѣкоторыя причины речтаться, но онъ, какъ оказалось, принадлежалъ къ разряду людей вѣчно рок-

щущихъ, вѣчно чѣмъ нибудь недовольныхъ, хотя неизвѣстно, чѣмъ именно. Такихъ людей въ значительномъ количествѣ можно встрѣтить не въ однихъ только больницахъ, но даже и въ клубахъ и на различныхъ собраніяхъ, какъ-то: дворянскихъ, земскихъ и проч. Вся болѣзнь его, кажется, заключалась въ томъ, что онъ былъ уже старъ и что дома его плохо кормили. Въ больницу старикъ и лекарей-то всѣхъ съ толку сбилъ. Дадутъ ему, напримеръ, хорошій приемъ морфія на ночь, старикъ спитъ, какъ убитый, а поутру, когда лекарь придетъ, опять хнычетъ и жалуется на бессонницу. Или иной разъ съѣстъ столько, что и здоровому дай Богъ, — а самъ жалуется, что аппетита нѣтъ.

— Господи! уморить они меня совсѣмъ, хнычетъ, бывало, старикъ. — Я человѣкъ благородный, полвѣка лѣсничимъ служилъ, ѣсть привыкъ хорошо, а они меня потчуютъ овсяной болтушкой какой-то, точно собаку! Все толковали, что когда больница въ земство попадетъ, лучше будетъ: вотъ тебѣ и лучше! Опять тѣ же старыя порядки на новый ладъ. Опять смотрителей будетъ съ жиру распарать, а больные ходи, какъ спички! А еще земство!

Я утѣшалъ старика разными способами. «Нельзя — говорилъ я — требовать отъ совершенно здороваго смотрителя, чтобы и онъ походилъ на спичку, что за шесть съ полтиной ежемѣсячной платы едва-ли можно требовать рабчнковъ и дылатъ», но утѣшенія мои были напрасны. Съ такими людьми, даже и тогда, когда они здоровы, не сговоришь, потому что у нихъ въ голову вбитъ гвоздь.

— Вы взгляните-ка на меня попрестальнѣе, плакался старикъ: — ну, гдѣ у меня мясо, гдѣ кровь? Вѣдь мнѣ, повѣрьте, сидѣть нынче не на чѣмъ; ну, что это за ляжки, напримеръ? Развѣ у меня такія ляжки были, когда я служилъ лѣсничимъ? Нѣтъ, сударь, вы бы ахнули отъ удивленія, еслибы могли сравнить!.. Все-то нынче пошло новое, все-то новое, перетурбація всякія, да перетасовки... Земство тутъ какое-то... старикъ плечулъ.

Что за связь такую находилъ озлобленный старикъ между искуданіемъ ляжекъ и земскими учрежденіями, отгадать было не легко, да, впрочемъ, и не нужно. Чего ужъ ждать отъ больного, раздраженнаго человѣка, когда у насъ существуютъ даже органы печати, обвиненія которыхъ тоже основываются на доводахъ, еще несравненно слабѣйшихъ, чѣмъ искудавшія ляжки старика, отставнаго лѣсничаго?

Казанская земская больница, дѣйствительно, имѣетъ тысячъ очень важныхъ недостатковъ, но не потому, что она земская, а по той единственной причинѣ, что земство получило уже наслѣдство такое негодное отъ общественаго прирѣзнія, или, какъ больничные сторожа выражаются, отъ общественаго прерѣзнія. Громадное, двухъ-этажное зданіе больницы стоитъ на

одной изъ самыхъ главныхъ городскихъ улицъ и со всѣхъ сторонъ отбѣшено домами, не имѣя предъ собою двадцати саженъ земли, на которой бы можно было развести садикъ, а между тѣмъ, больница устроена на 175 человекъ, и помѣщается въ ней перѣдко слишкомъ 200. Больничныя палаты представляютъ собою длинный, сквозной рядъ комнатъ, соединенныхъ дверями: это, скорѣе, казарма, школа, или чтонибудь подобное, но никакъ ужъ не больница. По недостатку удобнаго помѣщенія, нѣкоторые кровати стоятъ подъ самыми окнами, которыхъ изобиліе страшное; вѣроятно, это обстоятельство служитъ причиною ужаснѣйшаго, повального кашля, которымъ отличается казанская больница. Нужна большая привычка для того, чтобы уkitрится ночью уснуть въ этой больницѣ, потому что, начиная часовъ съ восьми вечера, со всѣхъ сторонъ поднимается кашель, который, въ ночи, принимаетъ свирѣпый характеръ. Кашляютъ вразъ человекъ по тридцати, по сорока, иные рычатъ при этомъ, какъ тигры въ влѣткѣ звѣрвца, другіе стонуть, ругаются; однимъ словомъ, точно лежишь въ какомъ-то вѣно-американскомъ дѣсу, когда невѣдомые звѣри и птицы подкидываютъ ревъ и крикъ. Съ внѣшней стороны тоже спокойствіе больныхъ нисколько не гарантировано. Къ больницѣ съ одной стороны примыкаетъ пять-шесть главныхъ казанскихъ церквей съ огромными колоколами, такъ что въ праздничные дни и наканунѣ ихъ чувствуешь себя лежащимъ на соборной колокольнѣ. Можно себѣ представить, каково все это выносить нервнымъ больнымъ и еще тѣмъ, надъ которыми сдѣланы болѣе или менѣе значительныя хирургическія операціи? Спокойно себя чувствуютъ только больные, оперированные въ часовнѣ на дворѣ, со вскрытыми животами.

Кромѣ ужаснаго шума отъ колоколовъ и отъ непрерывной вѣды по неровной каменной мостовой, казанская больница изобилуетъ и другими, богатыми источниками шума и стука, уже не случайными, а постоянными. Часовъ въ 11-ть ночи, когда вѣда по улицѣ прерывается и городъ дѣлается какъ бы мертвымъ, появляются ночные охранители городского спокойствія и начинаютъ изъ всей силы стучать палками, которыми они вооружены; другіе же, вмѣсто палокъ, вооружены какими-то особенными инструментами, издающими звукъ кастаньеть, но такой оглушительно-громкій, что танцовщицу съ подобными кастаньетами было бы слышно версты за четыре. Сверхъ всего этого, усердные охранители стучать еще подъ окнами домовъ въ кадки и бочки, разставленные для стока воды съ крыши. Неумолкаемая эта стукотня продолжается всю ночь напролѣтъ, и я никакъ не могъ сообразить, зачѣмъ собственно? Неужели со спеціальной цѣлью — не давать больнымъ покоя? Такъ-какъ подобное озорство полиція навѣрное бы запретила, то нужно было подыскать другую какую-нибудь причину — благо у больного человека времени-то свободнаго дѣвать некуда. Ужъ не

та ли, полно, причина, чтобы не давать жителямъ города крѣпко спать по ночамъ, изъ опасенія ночнаго воровства и пожара; но, въ такомъ случаѣ, зчѣмъ же тревожить больныхъ, которые, все равно, защищаться не въ силахъ? Пожалуй, стучи пальцами хоть по самой моей кровати, но что же я сдѣлаю съ отнявшимися руками и ногами? Даже самый набатъ для больницы собственно, по моему мнѣнiю, бесполезенъ. Лежа въ больницѣ, я два раза открывалъ ночью глаза въ ужасѣ и усиливался всоичть, потому что неожиданно будилъ меня набатъ на городской башнѣ, выстроенной какъ разъ влнотъ. По всей больницѣ поднималась суматоха страшная; разбуженные больные, которые могли, соскакивали съ коекъ, со всѣхъ сторонъ слышались стоны и оханье — и все это изъ-за того, что, гдѣ-то въ предмѣстьи, версты за три отъ города, загорѣлся купеческiй амбаръ!

Но бываетъ, однако же, въ теченiе сутокъ маленькiй интервалъ, обыкновенно предъ разсвѣтомъ, когда люди перестаютъ шумѣть и предоставляютъ это благородное занятiе собакамъ. Сторожа больницы, а также и сосѣдней съ нею гимназiи, какъ и вообще всѣ оставшие и неотставные солдаты, имѣютъ, какъ извѣстно, непреодолимую страсть содержать собакъ, которыхъ они постоянно оставляютъ въ полуголодномъ состоянiи, такъ-какъ имъ и самимъ не всегда удается набѣдаться до отвала. На зарѣ эти полуголодные, продрогшіе солдатскіе псы собираются подъ окнами опять все той же злосчастной больницы, на перекресткѣ двухъ улицъ, и поднимаютъ ужаснѣйшiй вой, унять котораго больные, разумѣется, не имѣютъ никакихъ средствъ. Хорошо еще, если поутру пойдетъ дождь и разгонитъ собакъ, а иначе вой не прекращается до той поры, когда въ деревьяхъ не начнется звонъ, а по улицамъ не откроется вѣда.

Кромѣ всѣхъ этихъ мелкихъ золъ, терзающихъ земскаго больного, было еще одно — и довольно крупное, отъ котораго, впрочемъ, мы въ своей палатѣ успѣли освободиться. Дѣло въ томъ, что каждое утро, часу въ четвертомъ, когда только что начинаешь успокиваться отъ ночныхъ тревоженiй, въ палату вдругъ сваливается усердная сядѣлка съ лаканью воды и съ огромной мочальной шваброй. Зацѣпивши на швабру воды, — а въ нее входитъ чуть ли не ведро, — она начинаетъ размазывать воду по полу и, оставивъ ее на всеиъ полу равномернo на полпальца глубины, удаляется въ другую палату, предоставляя размазанной по полу водѣ испаряться уже самой, какъ она хочетъ. Больной въ эти злосчастные моменты чувствуетъ себя лежащимъ какъ бы на островѣ посреди болота, и не смѣетъ слѣзть съ койки, какъ бы велика ни была надобность, побуждающая его слѣзть: «стерпи казакъ — атаманомъ будешь!» Испаренiя водозрительной чистоты воды садятся на стекла, и, разумѣется, не минуется самыхъ больныхъ, хотя обстоятельство это не особенно-таки благоприятно дѣйствуетъ, напримѣръ, въ ревматизмѣ.

Я не шёл въ виду представлять читателю спеціальнаго описанія казанской земской больницы, а потому останавливаюсь на тѣхъ свѣдѣнiяхъ, которыя сообщены. Можно только замѣтить вообще, что обширная эта больница отличается полнѣйшимъ отсутствiемъ всѣхъ тѣхъ улучшенiй, какія вѣдущими специалистами по больничной части въ послѣднiе сто или двѣсти лѣтъ. Она напоминаетъ скорѣе тѣ времена, когда, наприимѣръ, хлѣбныя зерна размалывались не на паровыхъ и даже не водяныхъ мельницахъ, а ручными снарядами при содѣйствiи вѣтрихъ въ плѣнь рабовъ. Я, по крайней-мѣрѣ, чувствовалъ себя въ самомъ сквернѣйшемъ расположенiи духа, когда докторъ заказывалъ для меня ванну, которую притаскивали въ палату откуда-то изъ-за полверсты и потомъ натаскивали воду ушатами. Положенiе несчастныхъ сторожей на трехрублевомъ жалованьѣ, право, ничѣмъ не лучше положенiя плѣнныхъ рабовъ-евреевъ въ Египтѣ, изъ котораго, какъ извѣстно, вывелъ ихъ Моисей посредствомъ невѣроятныхъ чудесъ. Неужели же земству не вправдѣ роль Моисея? Неужели больница постоянно будетъ находиться какъ бы въ общественномъ презрѣнiи? Если не хватаетъ средствъ, то равнѣ нельзя земству съ людей сколько нибудь состоятельныхъ брать, вмѣсто недѣльныхъ и ни съ чѣмъ несообразныхъ шести съ половиной въ мѣсяцъ, втрое больше, чтобы содержать, какъ слѣдуетъ, бѣдняковъ, не имѣющихъ ничего, кромѣ самой жизни?

За то ужъ надобно правду сказать, и мреть же этотъ народъ, ничего не имѣющiй, мреть, какъ тараканы на морозѣ. Медицинскимъ студентамъ, кажется, никакъ нельзя пожаловаться на недостатокъ труповъ для научныхъ вскрытiй! Большинство такихъ больныхъ поступаетъ съ матушки Волги, съ пароходныхъ пристаней, откуда привозятъ, впрочемъ, обыкновенно ужъ полу-мертвыхъ, или даже три-четверти мертвыхъ, такъ что можно бы ихъ прямо класть на анатомическiй столъ въ часовнѣ, не внося понапрасну въ больницу. При мнѣ разъ привезли съ пристани двоихъ: одинъ былъ въ сажень ростомъ, другой пониже, комлекціи тоже здоровенной, но оба уже не могли ничего говорить, ничего не понимали и еле-еле дышали. Полиція нашла ихъ на пустынномъ берегу, возлѣ воды, обоченнѣвшихъ отъ холода, потому что нѣсколько дней шли проливные дожди при колодномъ вѣтрѣ и больные лежали въ грязи неизвѣстно сколько времени, не имѣя силъ сдвинуться съ мѣста. По паспортамъ было видно, что оба ѣхали по Волгѣ изъ Астрахани куда-то вверхъ, но не въ Казань, куда она попали совершенно случайно. Люди опытные предполагали, что эти рабочiе захворали на какомъ-нибудь пароходѣ, прислуга котораго, во избѣжанiе лишнихъ хлопотъ и остановокъ, высадила ночью безпокойныхъ пассажировъ на пустынный берегъ, на мягкое мѣсто, прямо въ грязь. Несчастные оба черезъ двое сутокъ безмолвно лежали на анатомическомъ столѣ въ часовнѣ и никому не открыли своей тайны; а такъ какъ оба были людишки мелкіе (не по росту только), то тайна

эта тѣль и осталась при начальникѣ, вѣроятно, буксирнаго парохода и его немногочисленной, молчаливой прислугѣ. Пожалѣлъ горемычныхъ одинъ больничный сторожъ, да и то исключительно потому, что медики-студенты отрѣзали у височнаго ноги и руки и утащили ихъ съ собой. «Думалъ ли онъ, горемычный, ѣхавши изъ Астрахани — разсуждалъ сторожъ — что въ городѣ Казани у него даже руки и ноги растащутъ въ разныя стороны?» Видимое дѣло, что сторожъ на препарированіе отдѣльныхъ членовъ человѣческаго тѣла смотрѣлъ, какъ на грабежъ.

У насъ, въ старія времена, при устройствѣ больницъ и другихъ общественныхъ заведеній, постоянно въ основаніе бралась вѣзвѣстная поговорка: «по сенькѣ шапка, или по одежкѣ протягивай и ножки». Дѣйствительно, домашняя обстановка человѣка, имѣющаго ревизскую душу, до такой степени плоха, что даже самое плохое помѣщеніе въ больницѣ съ перваго раза можетъ ему показаться роскошнымъ. Дѣйствительно, въ больницѣ и при настоящемъ ея устройствѣ, всегда найдешь нѣсколько десятковъ человѣкъ, преимущественно изъ солдатъ, которые лежатъ тутъ съ цѣлью насладиться спокойствіемъ и сладко поѣсть, хотя эта больничная сласть далеко не всѣмъ можетъ показаться сластью. Бѣлый хлѣбъ, наиримѣръ, очень многими въ нашемъ русскомъ обществѣ считается лакомствомъ, а такъ-какъ въ больницѣ отпускается исключительно бѣлый хлѣбъ, то вотъ вамъ и достаточное основаніе, почему скудная овсянка считается сладкимъ блюдомъ. Я самъ видѣлъ такихъ больныхъ, которые при лекарѣ охали, жаловались на плохое пищевареніе, а поутру, часу въ седьмомъ, покупали на свои гроши крошки хлѣба и уминали ихъ, независимо отъ казенной пищи. Испорченный воздухъ и скука больничной обстановки для этого сорта людей ничего не значать: они ко всему дрянному привыкли и ничѣмъ ихъ не удивить. Въ больницѣ мнѣ, наиримѣръ, передавали слѣдующій случай, довольно характеристичный.

Не очень давно, одинъ изъ военныхъ начальниковъ принужденъ былъ отправить на излеченіе двоихъ солдатъ изъ своей команды: татарина, съ явными признаками сумасшествія, и русскаго, страдающаго какой-то простудной болѣзнію. Перваго онъ отправилъ въ домъ умалишенныхъ, а втораго въ городскую больницу, но по ошибкѣ канцеляріи, больныхъ какъ-то перемѣшали, такъ что сумасшедшій попалъ въ городскую больницу, а простудный въ домъ умалишенныхъ, гдѣ былъ принятъ безъ всякихъ возраженій, такъ-какъ больной ничѣмъ не заявилъ, что онъ состоитъ въ здравомъ разсудкѣ. Продержали его тамъ вѣсть съ сумасшедшими, кажется, цѣлый мѣсяцъ и потомъ уже перевели въ больницу по заявленію начальства, увидавшаго по бумагамъ свою ошибку. На вопросъ, сдѣланный мнимо-помѣшанному: зачѣмъ онъ молчалъ, когда его привели въ домъ умалишенныхъ? — солдатъ отвѣчалъ: а развѣ не все равно, гдѣ

не лежать? Вѣдь и тамъ кормать сладко, одѣваютъ и спать даютъ въ волю; чего жъ еще нужно?

— Но однако, что же за радость была тебѣ, человѣку въ здоровомъ разсудкѣ, сидѣть вмѣстѣ съ сумасшедшими?

— Экая бѣда, что съ сумасшедшими? возразилъ солдатъ. — Развѣ они не такіе же люди, какъ и всѣ другіе?

Однимъ словомъ, подобнаго философа ничѣмъ не удививши и не огорчивши, потому что у него на все заранѣе готовъ одинъ отвѣтъ: развѣ не все равно? Положи его, значащаго по бумагамъ въ здоровомъ разсудкѣ, вмѣстѣ съ буйными сумасшедшими, которые вмѣстѣ привычку драться, — и то ему ни по чѣмъ. Онъ опять-таки очень хорошо знаетъ, что привычку драться вмѣстѣ не одни только сумасшедшіе, а точно такъ же и тѣ, которые по бумагамъ значатся здоровыми, способными и къ повышенію по службѣ достойными.

А между тѣмъ, еслибы вы, избалованный читатель, только на пять минутъ заглянули въ казанскій домъ умалишенныхъ, то вы отшатнулись бы въ ужасѣ. Домъ устроенъ на 35 сумасшедшихъ, а ихъ постоянно почти вдвое, такъ что половина помещается на полу и въ корридорахъ. Даже изъ официального отчета объ осмотрѣ этого дома мы узнаемъ, что помѣщеніе для безпокойныхъ больныхъ въ немъ «очень нехорошо». Больныхъ въ этомъ домѣ, по старому обычаю, не лечатъ, а просто наказываютъ за то, что они осмѣлились сойти съ ума.

Впрочемъ, въ послѣднее время въ Казани выстроены новыя, огромныя, центральныя дома умалишенныхъ на 200 человѣкъ. Къ этому дому приписаны тѣ самыя губерніи, въ количествѣ десяти, которыя составляютъ казанскій учебный округъ, за то и зданіе воздвигнуто обширнѣе университета. Такъ-какъ въ центральномъ домѣ на каждую губернію округа полагается по 20 штатныхъ мѣстъ, а между тѣмъ, по мнѣнію губернской управы, «ясно, что двадцати кроватей не хватитъ для помѣщенныхъ изъ среды земства Казанской губерніи», — то и старыя дома хотѣтъ оставить, собственно только для «безнадежныхъ сумасшедшихъ изъ среды казанскаго земства», тогда какъ теперь въ него засаживаютъ и такихъ, которые подаютъ большія надежды.

— А изъ какого сословія всего больше тамъ больныхъ-то у васъ? — разспрашивалъ я разъ больничнаго сторожа, служившаго лѣтъ пять въ домѣ умалишенныхъ.

— Все больше батюшки — отвѣчалъ солдатъ.

— Какъ батюшки?

— Да такъ-съ; нопы, значить, да отцы дяконы.

— Что же, они въ безнадежныхъ больше числятся, или временно только?

— Временно. Безнадежныхъ нечестъ, что и не бываетъ. Всего недѣли съ двѣ, или бы съ три побѣсятся, а потомъ и выкустятъ. И Господь знаетъ, что это за оказія такая съ ними.

Все смотритъ въ одно мѣсто, въ уголь, иймаъ будто кого-то хочеть. Сначала смирно лежитъ, все чепчетъ чего-то, да вдругъ какъ вскоитъ, да заореть: а — говорить — попался наконецъ, собачий сынъ! — и почнеть драться. Тутъ только умъ его держи да вяжи, иначе перебьеть всѣхъ на смерть, потому что народъ здоровенный!

— Что же, вы веревками, что ли, вяжете?

— Нѣтъ, какъ же можно батюшку-то веревками? Накнемся эдакъ на него вчетверомъ, да сейчасъ въ мѣшокъ его съ длинными рукавами, и стараемся все это сдѣлать какъ можно благороднѣе, потому, значить, самъ такой. Поправляются иные скоро, въ недѣлю какую-нибудь. Вотъ и теперича я, какъ по улицамъ хожу, нерѣдко встрѣчаю старыхъ знакомыхъ, которыхъ въ мѣшокъ, бывало, втискивалъ. Одинъ завсегда, какъ встрѣтится, пятачокъ на водку дастъ. На, говорить, служивый, за твои хлопоты! — а самъ-о-тъ смѣется. Помните, говори, за что же-съ? Ужъ теперъ, молъ, я въ больницу перешелъ и не могу, при случаѣ, послужить вашей милости.

— Типунъ бы тебѣ, говорить, на языкъ!

Но, чтобы не оставить читателя исключительно подъ болѣничнымъ впечатлѣнiемъ, я долженъ, на послѣднихъ страницахъ своей статьи, коснуться и другихъ сторонъ казанской общественной жизни, тѣмъ болѣе, что Казань представляетъ собою центръ не для однихъ только сумасшедшихъ десяти смежныхъ губерній. Казань представляетъ собою центръ умственной дѣятельности обширнаго края, составляющаго ея учебный округъ. Въ ней находится университетъ, содержится отдѣльный цензоръ и нѣсколько частныхъ типографій, за исключенiемъ казенныхъ; слѣдовательно, умственная дѣятельность должна въ ней находиться на довольно высокой степени развитiя, потому что, иначе, зачѣмъ бы цензоръ и типографіи?

Но если мы будемъ судить объ ея умственной дѣятельности по другимъ признакамъ, а именно по количеству мѣстныхъ литературныхъ произведенiй, то немедленно встанемъ въ тупикъ: какъ это до сей поры всѣ казанскіе типографички и наборщики не перемерли съ голода и зачѣмъ, собственно, существуетъ въ ней отдѣльный цензоръ?

Дѣйствительно, еслибы въ Казанской губерніи не были введены земскія учрежденiя, то одной губернской типографіи было бы вполне достаточно, и въ отдѣльномъ цензорѣ вовсе бы никакой нужды не оказалось, но въ томъ-то и дѣло, что земскія учрежденiя удивительно какъ поддерживаютъ мѣстную прессу. Все то, о чемъ толкуютъ на тринадцати земскихъ собранiяхъ и въ тринадцати управахъ губерніи, — все это передается тисненію въ значительномъ количествѣ экземпляровъ и представляетъ собою массу печатной бумаги очень почтенныхъ размѣровъ. Одна губернская управа изведеть въ теченіе года бумаги не менше того, сколько ее требуется на изданіе не маленькой еженедѣль-

ной газеты. Тагъ-какъ типографин всѣмъ признаются самымъ надежнымъ проводникомъ просвѣщенія въ массу народа, то въ этомъ отношеніи за нашими земскими учреждениями нельзя не признать громадной заслуги, хотя произведенія ихъ читаются очень немногими.

Что же касается собственно до литературныхъ произведеній, то ихъ, надобно сознаться, выходитъ ровно на столько, чтобы рабочіе одной небольшой типографіи и совершенно сыты и наги не были и, вмѣстѣ съ тѣмъ, съ голода и холода бы не перодохли. Ученое вѣдомство издаетъ вѣято въ родѣ журнала, «Ученныя Записки», но записки эти выходятъ въ самомъ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ и читаются преимущественно тѣми, кто въ нихъ пишетъ, а не сторонними людьми, тагъ-какъ вообще чужія записки, хотя бы и ученныя, читать не принято, и многими, хотя, разумѣется, не всѣми, признается закличеніемъ даже нѣсколько подловатымъ. Въ этихъ секретныхъ «Запискахъ» печатается не мало различныхъ, самыхъ ученыхъ изслѣдованій и разсужденій, преимущественно о предметахъ, ни съ которой стороны не задѣвающихъ общества и вложенныхъ слогомъ сухимъ, вполне приличнымъ и совершенно непочтывимъ большинству, даже никогда нечитающей ихъ, публики. Ученныя разсужденія исключительно читаются оффиціальными опонентами на диспутахъ, которые получаютъ за это жалованье. Дѣлать-то ужъ нечего: взялся за гушъ — не говори, что не дужь! — посторонняя же публика можетъ все-что услышать объ нихъ на годовыхъ университетскихъ актахъ, на которыхъ, какъ извѣстно, постоянно докладывается, какіе труды мѣстныхъ профессоровъ появились въ свѣтъ, какіе готовятся къ печатанію, и какіе, наконецъ, изъ мѣстныхъ профессоровъ готовятся къ подготовленію работы. Впрочемъ, надобно замѣтить, что съ той самой поры, когда на университетскихъ актахъ пѣвчіе перестали пѣть «Царю небесный», а музыканты перестали играть увертюры, — съ этой поры публика стала посѣщать ихъ неохотно, тагъ что профессорскіе труды сдѣлались еще секретнѣе.

Въ прошломъ году издавалась въ Казани особая газета, «Справочный листокъ», но, несмотря на то, что въ ней задавались вопросы самые животрепещущіе, какъ, напримѣръ, вопросъ о казанскомъ водопроводѣ, о которомъ уже толкуютъ тамъ семьдесятъ лѣтъ сряду, — все-таки газета лопнула. Толковать-ся ни до чего не успѣли, а теперь и толковать негдѣ. Нельзя не отдать полной справедливости редактору «Листка», г. Шилевскому: онъ всѣми силами старался развить въ публикѣ вкусъ къ чтенію; кромѣ семидесятилѣтняго животрепещущаго вопроса о водопроводахъ, онъ задавалъ и другіе, не менѣе животрепещущіе. Приѣдетъ, бывало, въ Казань какой-нибудь антрепренеръ и устроитъ циркъ съ конными ристалищами, — г. Шилевскій сейчасъ же пишетъ въ своей газетѣ передовую статью, въ которой относится къ ристалищу критически. Всѣхъ конныхъ

ристаллнхъ разбереть, бывало, по ннточнѣ; докажетъ, что мадуазель Дора исполннла такое-то на на лошадынхъ крунѣ лучше, чѣмъ мадуазель Роза, у которой за то нога будетъ поменьше, чѣмъ у Доры, да, прнтхмъ, въ верхннхъ частяхъ ногъ, начнвая съ колѣнъ, граціозности больше. И обо всемъ-то, бывало, почтенный редакторъ относится, какъ глубокой знатокъ дѣла; нной разъ можно было даже подумать, что и самъ онъ, полно, когда-ннбудь не выдѣлывалъ ли трудннхъ на на кобылнхъ снавахъ, а между тѣмъ, каждый казанецъ очень хорошо зналъ, что специальность редактора совсѣмъ нная, что онъ нзрѣдка даже поппсываетъ и въ «Ученнхъ Запнсахъ». Г. Шпнлевскій, какъ самъ онъ сознался,—не досыпалъ ночей надъ своимъ изданнемъ, и все-таки оно лопнуло: еслнбы заранѣе зналъ, то, по крайней-мѣрѣ, спалъ бы, сколько слѣдуетъ. Теперь г. Шпнлевскій всѣ свои силы и способности тратнт на улучшенне мѣстныхъ «Губернскнхъ Вѣдомостей», которыя, впрочеиъ, сколько я могъ замѣтнтъ, ничуть не лучше прежннхъ, еслн не обращать особеннаго внмання на достоинство бумаги. Бумага, дѣйствнтельно, нѣсколько получше употреблывшейся прежде, сѣрой оберточной, съ крупннми деревянннми зановами и полтора-вершковнми плѣшннами среди печатнаго листа. Впрочеиъ, и вообще «Губернскія Вѣдомостн» нконнмъ образомъ нельзя относить къ доказательствамъ прогресса въ умственной дѣятельности, потому что даже въ тѣхъ губерннхъ, въ которнхъ умственной дѣятельности вовсе не существуетъ — и тамъ Губернскія Вѣдомостн все-таки издаются. Къ этой же категорнн изданнй можно отнести всѣ земскнє протоколы и журналы, а, отчасти, и «Ученнн Запнскн», такъ-какъ и запнскн этн издаются нсключнтельно потому, что ихъ приказано издавать, а вовсе не потому, чтобы въ ннхъ чувствовалась дѣйствнтельная надобность. Попробуйте-ка нхъ издавать частнымъ образомъ: несчастный издатель въ первый же мѣсяцъ прогорнт окончательно, какъ портной, который нмѣеть обыкновеннє десять разъ отрѣзвать, а потомъ однвъ разъ отнѣрнтъ.

Остаются, значнтъ, только нншь частннн произведення мѣстныхъ писателей, преимущественно по отдѣлу нзыщной литературы, такъ-какъ общеннтересннн днссертацнн, печатающннся нзрѣдка въ «Ученнхъ Запнсахъ», пускаются въ продажу отдѣльннми оттнсками въ количествѣ совершенно ничтожномъ.

Нельзя сказать, чтобы въ Казанн произведеннй нзыщной словесности не появлялось вовсе; онн появляются, но, вопервыхъ, очень рѣдко, а, вовторыхъ, тѣ, которыя появились до сей поры, на столько же нзыщнн, на сколько могутъ считаться нзыщнннми солдатскня шн изъ кислой капусты. Вѣроятно, въ подражаннє Крестовскому, и въ Казанн, нѣкто г. Невельской выпустнтъ въ свѣтъ «Казанскня труппы», крошечную, въ полтора-ста страницъ разгоннстой печати книжурку, которая, впрочеиъ, много вннгрываетъ тѣмъ, что она мала. Для чего и для кого написана

это книжка, и такую мысль хотѣлъ въ ней провести авторъ — догадаться не легко. Прочитавши ее, видно только, что въ Казани очень многие жестоко пьютъ водку, хотя читатель въ этомъ и прежде не сомнѣвался. Книжка написана, нельзя сказать, чтобы очень ужъ глупо; моднаго, подлаго направленія тоже въ ней не замѣтно; но, характеризуюя ея автора, приходится ограничиться такимъ отзывомъ, какой у насъ слышится перѣдко: человекъ-то, молъ, онъ, ничего, такъ-себѣ: салыныхъ свѣтъ и мила не ѣсть, внистъ головой не ходитъ, а послѣднѣе про г. Крестовскаго, напримѣръ, сказать никакъ нельзя. Г. Невельской на эффекты не рассчитываетъ, а ограничивается только лишь въ угоду извѣстной части публики, нѣсколькими пошлостями, хотя онъ едва-ли могутъ выручить его дрянненькую книжку. Представлю здѣсь примѣръ остроумія г. Невельского.

Дѣйствіе происходитъ въ Адмиралтейской свободѣ, въ домѣ какой-то торговли, къ которой насильственно вторгается нѣсколько пьяныхъ безобразниковъ и начинаютъ еще болѣе наливать ся свухой. Въ числѣ дѣствующихъ лицъ находится какой-то незнакомый и другой, гороховый сыртукъ, которые говорятъ другъ другу нижеслѣдующія пошлости:

Неизвѣстный (гороховому сыртуку). — Ну, такъ скажите же, зачѣмъ вы женились?

Гороховый сыртукъ. — Ужъ, ей-Богу, и самъ не знаю.

Неизвѣстный. — Такъ я вамъ скажу. Вы женились для того... ну, однимъ словомъ, объясню послѣ водки, для чего... А жена ваша вышла за васъ изъ любопытства. Понимаете?

Гороховый сыртукъ. — Не понимаю, ей-Богу, что изволите говорить.

Неизвѣстный. — Что это у васъ на лбу волосы-то рѣдки? Видно, для роговъ мѣсто оставлено!... и т. д., все въ томъ же родѣ.

Еслибы вся книжка была написана въ томъ же тонѣ, что можно было бы узнать, какихъ авторъ имѣлъ въ виду читателей, но въ ней мѣстами встрѣчается и гражданская скорбь, которой рыборядскіе и галантерейные прикащики терпѣть не могутъ.

Послѣ трактирнаго разговора, помѣщеннаго не къ селу ни къ городу, авторъ, вдругъ, неожиданно, вводитъ своего несчастнаго читателя въ бѣдную комнату студента, который, хотя и голъ, какъ соколъ, но задумалъ уже жениться и живетъ вмѣстѣ со своей невѣстой, Сашей. Саша чего-то пьетъ, не знай рубашку, не знай подштанники для своего голого жениха, или на продажу, а студентъ ничего не дѣлаетъ, и говоритъ ей плачевнымъ голосомъ:

— Что, Сашенька, скоро-ли мы будемъ принадлежать другъ другу?

Саша. — А развѣ мы теперь уже не принадлежимъ другъ другу? Развѣ я не люблю тебя, какъ жениха, какъ друга?

— О, въ этомъ я увѣренъ, отвѣчалъ молодой человѣкъ, па-
луа у Саши руку. — Вотъ скоро я окончу курсъ, поступлю на
мѣсто... онъ не могъ договорить, слезн *ручьлами мамисъ мѣ
лаазъ юномми.* (Зачѣмъ это? Съ похмѣльемъ, что ли, сильноадо?).
Помучу мѣсто — думалъ онъ, — но какъ найти его, не имѣя
ни связей, ни родныхъ, ни протекцій?

А почему же бы и не получить? сказала бы я на мѣстѣ Саши,
плаксѣ-студенту. — Попросись въ палату государственныхъ ину-
ществъ, или въ консисторію, въ которой служатъ множи, даже
некончившіе курса въ семинаріи. Была бы только охота слу-
жить, а писарское мѣсто всегда отыщешь.

Потомъ вдругъ, опять-таки, ни съ того ни сего, изображаются
похороны этой трагич-человѣка. Саша идетъ за гробомъ и пла-
четъ, потому что, какъ ни плохъ былъ ея женишокъ, а все-
таки привычка — великое дѣло. По поводу похоронъ, авторъ
предается слѣдующему размышленію: «Что сказать послѣ этого (?)
о жизни? Одно: повторять слова Гоголя: скучно жить на свѣтѣ,
ей-ей скучно!»

Почему автору вадумалось непременно умерить плаксиваго сту-
дента,—это остается покрытымъ мракомъ неизвѣстности. Всего
вѣроятнѣе, что студентъ умеръ просто отъ горячки или лихо-
радки, которыя въ Казани свирѣпствуютъ, но, въ такомъ слу-
чаѣ, какой же смыслъ въ его смерти? Отъ лихорадки вѣдь мрутъ
и очень богатые люди, имѣющіе очень хорошія и доходныя
штатныя мѣста.

Вообще нельзя не замѣтить, что авторъ «Трущобъ» шляется
не мало по грязнымъ трактирамъ и видадь виды; что онъ знаетъ
очень хорошо, какъ невыгодно ходить по улицамъ оборвышемъ,
что онъ не мало слышалъ на своемъ вѣву кабацкихъ разгово-
ровъ, но всего этого еще очень мало для писателя! Въ этомъ
отношеніи каждый, даже не очень искусный, стенографъ оста-
вить его далеко позади.

Въ Казани есть и поэты, но о произведеніяхъ ихъ много рас-
пространяться и грѣшно, и стыдно. Одинъ изъ поэтовъ, какой-
то Викторъ Федорычъ (фамиліи не упомяну), пишетъ стихи на
всевозможные случаи. Если онъ, напримѣръ, замѣтитъ посреди
улицы спокойно лежащую свинью или корову, то онъ и по этому
поводу сейчасъ же пишетъ элегію, или мадригалъ. Лучшимъ изъ
его стихотвореній считается посланіе къ лекарю запойныхъ пья-
ницъ, Истомяну, пріѣзжавшему разъ въ Казань.

Зачѣмъ, о, долго такъ, Истоминъ,
Въ нашъ городъ ты не пріѣзжалъ?

спрашиваетъ поэтъ Викторъ Федорычъ, и потомъ доказываетъ
фактами, до какой степени въ Казани необходимо присутствіе
лекаря по части запоя. Оказалось, что въ такомъ лекарь нуж-
далось не одно только мѣщанство, но люди всѣхъ сословій, по-
Т. СЛXXXI. — Отд. II.

ловъ и возрастѣ, начиная съ высокопоставленнаго чиновника ученаго вѣдомства и кончая послѣднимъ городовымъ.

Другой казанскій поэтъ, кѣкто Ивановъ, въ нижѣшнемъ году издавъ довольно толстую книжку своихъ стихотвореній, хотя они, по содержанію и формѣ, на столько же принадлежать къ поэзіи, на сколько, напримѣръ, театральная прачка принадлежитъ къ трущбѣ артистовъ. Приѣдетъ, напримѣръ, въ Казань какой нибудь генералъ ревизовать кантонистскую роту, Ивановъ сейчасъ же пишетъ:

Прими, прими благодаренье
Начальникъ добрый, какъ отецъ!
Мы за тебя всё шлемъ моленья,
Отъ чистыхъ, искреннихъ сердецъ!

Подобныя стихотворенія сначала переписывались чистенько на бумажку и подносились самимъ г. Ивановымъ приѣзжему генералу, который, смотря по характеру, награждалъ, разумѣется, поэта болѣе или менѣе щедро. Однимъ словомъ, поэтъ поступалъ по пригѣру молодыхъ большихъ московскихъ трактировъ, гдѣ, какъ извѣстно, постоянные посѣтители въ Рождество и новый годъ снабжаются стихотворными повдравленіями съ праздникомъ, за которыя даютъ на водку. Вотъ, напримѣръ, выписка изъ стихотворенія Иванова по поводу юбилея Казани:

Здѣсь есть войска, суды, палаты,
Мечети, храмы, монастыри (это несладко, да ладно!)
Дворецъ, ряды, кремль, дѣмба, хаты,
Вотъ университетъ — смотри! (bis!)
Тамъ институтъ и академья,
Наукъ разсадникъ и искусство,
И есть друія заведенья... и т. д.

Въ книгѣ г. Иванова помѣщенъ довольно обширный отдѣлъ надгробныхъ эпитафій, и многія изъ нихъ, какъ видно, были уже въ употребленіи, т.-е. выцарапаны уже на памятникахъ. Помѣщая этотъ отдѣлъ, г. Ивановъ, вѣроятно, рассчитывалъ, что онъ-то именно и доставитъ сбѣтъ его книжкѣ. Напишу, молъ, я штукъ пятьдесятъ эпитафій на разные случаи—и у меня, смотришь, иной купецъ и купитъ, разумѣется, семейный, у котораго очень легко можетъ умереть жена, сынъ или дочь. Нѣкоторыя изъ эпитафій, бывшихъ уже въ употребленіи, отличаются необыкновенно бойкимъ размѣромъ стиховъ, напоминая собою пушкинскаго графа Нулина; вотъ, напримѣръ:

Подъ симъ крестомъ погребена
Авдотья Францевна — дѣвица —
Дочь Бугъ, общій радости харица.
И горестей родительскихъ вина (?)

Въ послѣднихъ двухъ строчкахъ авторъ видимо сбился съ

принятаго имъ тона. Миѣ кажется, эпитафія много бы выиграла, еслибы поэтъ измѣнилъ ее такимъ образомъ:

Подъ сѣмъ крестомъ погребена
Матильда Карловна, дѣвица, —
Пожить, покойница, она
Была большая мастерица.

Потомъ наложить бы, въ стихахъ же, разумѣется, въ чемъ именно заключалось умѣнье ея пожить на бѣломъ свѣтѣ. Къ словамъ: *она* и *погребена* можно подыскать достаточное количество довольно звучныхъ рифмъ, напримѣръ:

Стаганъ мипучаго вина.

Или:

Гулила по ночамъ одна и т. п.

Такія эпитафіи могли бы составить въ книгѣ г. Иванова особый отдѣлъ «веселыхъ надгробныхъ эпитафій», въ которыхъ въ нашемъ обществѣ, безспорно, ощущается надобность. Другой отдѣлъ могли бы составить эпитафіи, писанныя на веселѣ, къ которымъ можно причислить слѣдующую:

Здѣсь подъ этимъ камнемъ почиваетъ
Лишь полутора года наша дочь;
Но амуръ надъ нею проливаетъ
Слезъ горькии день и ночь!

Недурны также выходятъ у г. Иванова и акростихи, которые и у искусныхъ-то стихотворцевъ, по правдѣ сказать, бываютъ въ достаточной степени глупыми. Вотъ, для образца, одинъ Ивановскій акростихъ, изъ заглавныхъ буквъ котораго составляется небывалое имя: Варинка:

«Въ альбомѣ пусть самъ своей стрѣлой
Амуръ ужъ вамъ стихи напишетъ;
Рѣзвась, васъ крыломъ осѣнитъ
И въ сердце радостей *надъшлетъ*...
Никто не выразитъ вполне
Какъ всагъ горитъ отъ васъ и пишеть!
А вы? — спокойны, въ тишинѣ...»

Прочитавши такой акростихъ, каждый благоразумный читатель невольно отвернется въ сторону, плюнетъ и съ сердцемъ пробормочетъ: фу, чортъ бы тебя побразилъ!... Признаюсь, на меня всѣ стихотворенія г. Иванова произвели именно такое впечатлѣніе. Подобныя стихотворенія дѣйствительно позволяютъ только лишь издавать въ городѣ, считающемся центромъ для сумасшедшихъ десяти смежныхъ губерній!

Но, если Казань сама не производитъ такихъ книгъ, которые бы порядочный человекъ могъ читать безъ отвращенія, то, въ замѣнъ этого, она представляетъ всѣ удобства читать книги,

выходящая въ столицахъ. Кромѣ даровой библіотеки при думѣ, въ Казани существуетъ библіотека г. Шидловскаго, устроенная очень недурно, только ужъ на счетъ книгъ строго очень. На каждой изъ выдаваемыхъ книгъ наклеенъ ярлыкъ съ слѣдующей, нѣсколько странной, надписью.

Книга исправная (?)

Каждый подписчикъ обязанъ тщательно слѣдить, чтобы взятая имъ книга не была изорвана и запачкана. Книга съ пятнами и съ надписями карандашомъ, *несмотря ни на какія отговорки*, не принимается и за нее подписчикъ долженъ заплатить.

Я каждый разъ приходилъ въ трепеть, когда замѣчалъ въ «исправной» книгѣ масляное пятно. Ну, какъ, думаю, съ меня вышутъ, хотя я не виноватъ тутъ ни душой, ни тѣломъ? Къ счастью, угрозы эти исполняются съ такою же строгостію, какъ запрещеніе курить въ вагонахъ Николаевской желѣзной дороги. Зачѣмъ же было и огородъ городить? Еще я замѣталъ, что г. Шидловскій не особенно усердно слѣдитъ за вновь выходящими книгами. Разъ я потребовалъ путешествіе Радичева — и овоко своего письменнаго требованія увидалъ написанный карандашомъ отвѣтъ, нелишенный даже нѣкоторой извѣтельности: «книга эта еще не вышла и едва-ли выйдетъ скоро!» Извѣтельность отвѣта выразилась преимущественно восклицательнымъ знакомъ.

Но, Богъ съ тобою, полутатарская Казань, съ твоими больницами, центральными домами для помѣшанныхъ членовъ земства, изъ среды которыхъ выходятъ сочинители Трущобъ и отвратительные поэты! Пора ѣхать въ Питеръ, въ которомъ уже теперь нѣтъ ни гари ни копоты, гдѣ на улицахъ по ночамъ не бываетъ такой темноты, что даже воръ и грабитель не можетъ отыскать во мракѣ, кого бы ему ограбить, гдѣ улицы освѣщаются или газомъ, или свѣтомъ американскаго гражданина Шандора, свѣтомъ, исходящимъ изъ Большой Конюшенной улицы. Тѣмъ болѣе пора ѣхать, что начались уже здѣсь проливные октябрскіе дожди, по дорогѣ къ пароходнымъ пристанямъ замѣсили такую грязь, что и ѣхать почти невозможно, да и самне пароходы скоро ужъ прекратятъ свои рейсы. Пора!

Сказавши: пора! — я ползель по немовѣрной грязи, по немовѣрно испорченной мостовой на дамбѣ, къ пароходной пристани, гдѣ очень удачно прямо попалъ на роскошно-устроенный, дешевый арестантскій пароходъ г. Колчина. Менѣ чѣмъ за половину цѣну противъ другихъ пароходовъ, я сидѣлъ въ удобной каютѣ 1-го класса, въ которой постоянно наваливалась желѣзная печь. Съ будущаго года предприимчивый г. Колчинъ пуститъ новый пароходъ, еще роскошнѣе существующихъ, и хо-

четь выписать для пассажиров нѣсколько газетъ и журналовъ. Явленіе немного странное, но все-таки утѣшительное: съ людьми европейской цивилизаціи мы будемъ знакомиться исключительно на *арестантскихъ* пароходахъ, въ арестантскихъ помѣщеніяхъ. У насъ нынче при многихъ казачатахъ уже устроены очень порядочныя школы; изъ Петербургской тюрьмы для срочныхъ арестантовъ выходятъ, какъ извѣстно, искусныя рабочіе, прежде ничего неумѣвшіе дѣлать... Теперь на арестантскихъ пароходахъ публика наша будетъ понемногу приучаться къ чтенію. Вотъ какими странными путями распространяется у насъ просвѣщеніе!

Н. ДЕМЕРТЬ.

К Р И Т И К А

ЖЕРТВА СТАРОЙ РУССКОЙ ИСТОРИИ.

Пережитое и предуманное. Воспоминанія Василя Кельсіева. Спб. 1868.
Галичина и Молдавія. Путевыя письма Василя Кельсіева. Спб. 1868.

Г. Кельсіевъ былъ у насъ еще недавно героемъ дня, о которомъ думали, говорили, писали. Исторія г. Кельсіева, дѣйствительно, такова, что ему вполне подобаетъ быть героемъ дня. Судьба его выходитъ совершенно изъ ряду вонъ: человекъ былъ девять лѣтъ эмигрантомъ, бросался изъ одного угла Европы въ другой, велъ самую дѣятельную революціонную агитацію, всю душу свою вложилъ въ это дѣло, замѣшанъ во множествѣ политическихъ дѣлъ, счастливо пробрался въ Россію съ фальшивымъ паспортомъ, такъ же счастливо ушелъ изъ нея, получилъ неслыханный у насъ титулъ «неосужденнаго государственнаго преступника», полтора года былъ атаманомъ некрасовцевъ въ Добруджѣ, чуть-чуть не попалъ въ черкесскіе султаны, и въ концѣ-концовъ воротился въ Россію, получилъ помилованіе и обратился въ русскаго литератора. Такая странная, пестрая судьба дѣлаетъ г. Кельсіева очень любопытнымъ психологическимъ, если не психіатрическимъ субъектомъ. Понятно, что все взоры обратились на него, какъ только онъ перешелъ русскую границу и даже раньше, какъ только стало извѣстно, что корреспондентъ «Голоса», Ивановъ-Желудковъ есть не кто иной, какъ самъ г. Кельсіевъ. Одни ликовали, другіе скорбѣли. Но вѣдь, когда г. Кельсіевъ надагъ своимъ воспоминаніямъ, оказалось, что гора родила мышъ и что въ фактѣ возвращенія г. Кельсіева въ Россію нѣтъ поводовъ ни къ скорби, ни къ ликованію. Въ этомъ именно смыслъ и говорили о воспоминаніяхъ г. Кель-

сіева нѣкоторые наши періодическія изданія, вслѣдствіе чего удѣлили особѣ г. Кельсіева по нѣскольку небрежныхъ словъ. Но нынѣ г. Кельсіевъ издалъ другую книгу, въ которой собралъ, въ испрaвленномъ и дополненномъ видѣ, свои путевыя письма изъ Галиціи и Молдавіи. Изъ этой книги оказывается, что нынѣшнее міросозерцаніе г. Кельсіева, стоящее въ такой рѣзкой противоположности къ его прежнему строю мыслей и чувствъ, есть, повидимому, не минутная вспышка, что оно сидитъ въ немъ глубоко и крѣпко, что онъ готовитъ къ печати новое сочиненіе, иллюстрированное, въ которое должны войти его археологическія и этнографическія изслѣдованія. Онъ обращается къ гуцуламъ съ такими словами объ этой своей будущей книгѣ: «О, вы, бѣдныя Грынѣи, Грвцики, Ильби, вы не прочтете моихъ строкъ; вы не будете знать, сдержалъ ли я свое обѣщаніе, что буду писать о васъ; а я пишу, какъ мнѣ это ни тяжело, и выйдеть въ свѣтъ книга, выйдеть съ картинками, и я постараюсь, чтобы она была переведена на другіе языки, чтобы знали люди ваше горе, вашу слѣпоту». Затѣмъ г. Кельсіевъ издастъ, вѣроятно, еще что-нибудь и тамъ столь же горячо будетъ пропагандировать свои теперешніе взгляды. Нѣкоторые особенности характера г. Кельсіева ручаются за эту горячность пропаганды и его литературную плодovitость въ теперешнемъ направленіи. Въ виду этого обстоятельства мы считаемъ полезнымъ остановиться на личности г. Кельсіева нѣсколько дольше, чѣмъ это было сдѣлано до сихъ поръ русскою печатью. Мы будемъ имѣть въ виду именно личность г. Кельсіева, а не поднимаемые и затрогиваемые имъ вопросы. Помимо дѣлватности и цѣлостности этого рода вопросовъ, у насъ есть и другія причины для сосредоточенія вниманія исключительно на особѣ автора. Г. Кельсіевъ говоритъ: «Я забирался въ захолустья и тущобы, въ которыя до меня никто изъ нашей пишущей братіи не забирался, а потому пишущая братія (я говорю собственно о дилетантахъ литературы и публицистики) судить меня не можетъ. Изъ захолустьевъ я вынесъ рядъ загадокъ. Разгадать ихъ не могу, а на общій судъ повергнуть дерзаю. Прошу только объ одномъ: чтобы меньше обращали вниманія на мою личность, а больше на вопросы, которые я поднимаю». Въ этихъ немногихъ строкахъ (изъ предисловія къ «Галичинѣ и Молдавіи») столько противорѣчій, что мы считаемъ себя вправѣ просьбы г. Кельсіева не исполнить. Да и какъ ее исполнить? Онъ въ томъ же предисловіи категорически заявляетъ, что съ нимъ можетъ спорить только человѣкъ, побывавшій въ Галиціи, и тутъ же объясняетъ, что не напечатая онъ своихъ путевыхъ писемъ, у насъ не было бы *ровно ничего, ровно ни одной книги о Галичинѣ* (это напечатано у г. Кельсіева курсивомъ). На чей же, спрашивается, судъ отдаетъ онъ свои загадки, и кто послѣ этого не дилетантъ по отношенію къ занимающимъ г. Кельсіева вопросамъ? Мы, лично, въ Галиціи не были и даже, откоро-

вечно говоря, и не собираемся туда ѣхать. Чтобы видѣть людское «горе и слѣпоту», забираться въ Галицію намъ, русскимъ, надобности, благодаря судьбѣ, нѣтъ. У насъ у самихъ есть «подлинповци», есть у насъ вологжане, толпами бѣгущие изъ своихъ деревень, есть много народу, мрушаго съ голода и взынущаго въ умственной и нравственной грязи. Говоря о затрудненіяхъ, съ которыми строится въ Львовѣ церковь, г. Кельсіевъ замѣчаетъ, что мы, русскіе, могли бы помочь галичанамъ, но что «мы знаемъ все, кромѣ того, что творится на великой Руси». Нѣтъ, мы знаемъ кое-что изъ того, что творится на великой Руси, и чѣмъ ближе мы съ ней будемъ знакомиться, тѣмъ меньше у насъ, вѣроятно, будетъ охоты ѣхать въ Галицію и къ братьямъ-славянамъ вообще. Но мы бы, разумѣется, съ удовольствіемъ узнали что-нибудь о нашихъ дальнихъ соплеменникахъ, хотя бы они намъ и приходились седьмой водой на кисель. Мы съ удовольствіемъ поинтересовались бы у г. Кельсіева свѣдѣніями и попытались дать послѣднія разгадки на вынесенныя имъ изъ Галиціи, какъ онъ выражается, «загадки». Но, къ величайшему сожаленію, никакихъ загадокъ мы у г. Кельсіева не нашли. Загадки, можетъ быть, и были, но напрасно г. Кельсіевъ утверждаетъ, что онъ ихъ разгадать не можетъ. Онъ для него уже разгаданы, да и, какъ увидимъ, онъ вовсе не такой человекъ, чтобы для него въ извѣстные моменты его жизни могли существовать загадки. Вопросы, поднятые имъ, сводятся къ одному вопросу о будущности различныхъ славянскихъ племенъ, такъ что здѣсь-то и слѣдуетъ искать загадокъ. Но ничего подобнаго у г. Кельсіева найти нельзя. Онъ все разгадалъ, все рѣшилъ до мельчайшихъ подробностей. Возьмемъ нѣсколько примѣровъ.

«Вся цѣль и идеалъ славянства состоитъ въ томъ, чтобы слиться, во что бы то ни стало, воедино; слиться въ одинъ народъ, возниимъ одинъ языкъ, одну азбуку, одну церковь, такъ, чтобы чехъ считалъ бы себя въ Москвѣ такъ же дома, какъ великорусскій будетъ считать себя дома въ Прагѣ. Задача, стало-быть, весьма нехитрая. Полагаясь на наши грубыя плечи, полагаясь на наши тяжелыя мышцы, братья-славяне могутъ къ намъ прикнудить и слѣдовать за нами, зная, что плечо наше не дрогнетъ и мышца наша не встряхнется отъ чужаго удара» («Галичина и Молдавія», стр. 81).

Ради всѣхъ братьевъ-славянъ, объясните, гдѣ тутъ загадка?

«Языкъ этотъ (нашъ русскій) таковъ, что каждый славянинъ долженъ ему учиться. Этотъ языкъ готовится сдѣлаться тѣмъ въ восточной Европѣ, чѣмъ до сихъ поръ былъ языкъ французскій, тѣмъ самимъ, чѣмъ языкъ Данте сдѣлался для итальянцевъ, а языкъ Лютера для нѣмцевъ. Какіе тутъ юнноруссы, какіе тутъ сербы, болгары и платдейчеры въ виду тѣхъ великихъ событій, которыя происходятъ въ дни наши, когда всѣ племена соединяются воедино?... Первое дѣло и первый вопросъ для всѣхъ

свадьбы въ настоящее время состоятъ въ томъ, какъ бы свѣтлѣе воссияло. Что выйдетъ дальше, про то наши внуки узнаютъ, но для насъ, людей второй половины XIX вѣка, иной задачи быть не можетъ» (I. с., 84).

Неужели и это загадка?

«Настала часть освобожденія не только единовѣрникъ намъ народовъ, но уже и единоплеменныхъ, изъ-подъ чужеземнаго ига» (I. с., 147).

«И пусть идутъ (полюки). Пусть и ихъ бѣдными головами лягутъ за завѣтъ отцовъ, благо *мыслимая война будетъ послѣднею*» (I. с., 328).

«Когда присоединится Галичина къ Россіи, унія въ одинъ день исчезнетъ» (I. с., 107).

«Земля русская почти собрана (недостаетъ только Восточной Галичины и части Венгріи по рѣку Тису); теперь пришло время воскресенію царствъ Греческаго, Болгарскаго, Сербскаго и Румынскаго, которыя *должны* (курсивъ въ подлинникѣ) быть нашими союзниками въ будущемъ» (I. с., 299).

И т. д. Таковы загадки г. Кельсіева, который, очевидно, былъ бы очень плохимъ сфиниксомъ. Г. Кельсіевъ утверждаетъ, что онъ ихъ самъ разрѣшить не можетъ и повергаетъ на общій судъ. Мы отказываемся принять участіе въ этомъ судѣ, во первыхъ, потому, что судить, по принципу *alibi*, собственно нечего — загадокъ нѣтъ; а во вторыхъ, мы въ Галиціи не были, слѣдовательно, не можемъ удовлетворить тѣмъ условіямъ, которыя г. Кельсіевъ требуетъ отъ своихъ судей. Правда, неосредственное знакомство съ краемъ можетъ быть въ значительной степени замѣнено чтеніемъ книжекъ о данной мѣстности, но въ настоящемъ случаѣ такою суррогата у насъ нѣтъ. Единственная книга о Галиціи, какъ говоритъ самъ г. Кельсіевъ, есть его книга, а изъ нея трудно вычерпнуть что-нибудь ясное и опредѣленное. Мы опять приведемъ примѣръ.

На стр. 11-й г. Кельсіевъ утверждаетъ, что галичане платятъ правительству *треть* своего дохода. Слово *треть* онъ подчеркиваетъ и прибавляетъ еще въ скобкахъ: «Это я не ошибаюсь, что пишу *треть*». А на стр. 187-й уже оказывается, что «платить — *три четверти* (опять подчеркнуто) годоваго дохода» и что «уменьшить ее австрійское правительство не можетъ, потому что оно въ долгахъ по уши». Неужели же такъ въ самомъ дѣлѣ и не можетъ, даже до одной *трети* не можетъ? Хотя бы изъ любви къ г. Кельсіеву уменьшимо, а то онъ только что заявлялъ и подчеркивалъ, что не ошибается въ цифрѣ *треть*...

На стр. 30-й г. Кельсіевъ говоритъ слѣдующее: «Меня особенно рѣзко поразила недостатокъ уваженія къ церкви въ народѣ (русинскомъ), при всей его набожности и при всей его исключительнѣе церковной жизни: въ церковь входить съ улами, съ корзинами, съ разными покулками — такой безцерковности

я, помнится, нигдѣ еще не видалъ. Даже причастники явились съ узлами и, только становясь на колѣна передъ царскими вратами, отложили въ сторону свои ноши. Говорить, что въ костелахъ дѣлаютъ то же самое, стало-быть это слѣдуетъ приписать католичеству». Это, *стало-быть*, очень мило, но не въ томъ пова дѣло. Одинъ русинъ вотъ что рассказывалъ г. Кельсіеву: «Когда москаль, дай имъ Боже здоровья, ходилъ нашего цесаря спасать отъ венгровъ и отъ поляковъ», то поставилъ, между прочимъ, къ одному русину на постой солдата. «Встаетъ утромъ москаль, вычистилъ амиуніцію, хочетъ на службу божію идти и спрашиваетъ хозяина, чего тотъ не собирается. А тотъ смѣется: «чего, говорить, я пойду — это все глупость, поны выдумали, чтобы народъ обдирать». Какъ услышалъ это москаль, какъ взялъ хлопа за шиворотъ, какъ отвозилъ тесаломъ — и повелъ въ церковь. «Малый, говорить, ты, хохоль, дурень, не смѣй рассуждать!» Изъ этихъ фактовъ слѣдуетъ, повидимому, вывести, что униатъ-русинъ особеннаго уваженія къ церкви, по крайней-мѣрѣ въ смыслѣ храма, не питаетъ. Но это заключеніе разбивается на стр. 192-й такими словами того же самаго г. Кельсіева: «Въ каждомъ русскомъ селѣ стоитъ церковь, иногда бѣдная, чахлая, но въ воскресенье эта церковь полна народа (съ узлами и корзинками, или безъ оныхъ?). Въ католическомъ селѣ народу въ церкви дѣлать нечего, и, сравнительно, костелъ всегда пустѣе церкви. Народъ ходитъ въ костелъ потому, что нельзя же не идти куда-нибудь въ воскресенье. Въѣга ввели это въ потребность, въ привычку, но католикъ въ костелѣ вовсе не то, что православный въ церкви». Одному еврею г. Кельсіевъ прочиталъ такую нотацію, по поводу неблагочестиваго мнѣнія: «Когда мы молимся, мы не прерываемъ моленья, по крайней-мѣрѣ, по часу, и, выходя изъ церкви или вставая съ молитвы, не можемъ такъ легко заговорить о чемъ-нибудь житейскомъ, особенно когда нѣтъ крайней надобности. При гостяхъ или если когда какое дѣло есть, мы лучше совсѣмъ не начинаемъ молиться, боясь осквернить высокое чувство молитвеннаго настроенія и нарушить рядъ мыслей о Богѣ тѣмъ-либо житейскимъ, будничнымъ. Мы молимся искренно и *искренно не молимся*, но Христа съ Велиаромъ не смѣшиваемъ». Подъ словомъ *мы* г. Кельсіевъ разумѣлъ въ этой нотаціи христіанъ вообще, изъ которыхъ, пожалуй, можно винить католиковъ, но сомнѣнія нѣтъ, что тѣ русины, которые въ церковь съ узлами ходятъ, Христа съ Велиаромъ не смѣшиваютъ и высокаго чувства молитвеннаго настроенія не оскверняютъ... Таковы сообщаемые г. Кельсіевымъ факты о странѣ, извѣстной изъ русскихъ ему одному. Хотите ли вы знать экономическій бытъ галичанъ — отвѣтъ вамъ на одной страницѣ сообщить, что они платятъ въ казну треть своего годоваго дохода, а черезъ нѣсколько страницъ эта треть разростется въ три четверти. Пожелаете ли вы узнать, богомолны ли русины, — г. Кельсіевъ знаетъ *много*, а потому

поправить и сказать да. Может быть, васъ интересуютъ евреи, и вы хотите знать, напримеръ, честолюбивы ли они? О, г. Кельсіевъ сію минутоу разрѣшитъ вамъ этотъ вопросъ. На стр. 224 онъ вамъ категорически объяснитъ, что если христіанинъ, между прочими земными благами, мечтаетъ и о томъ, чтобы «забраться титуловъ», то «я еврей, разумеется, того же (т.-е. земныхъ благъ вообще и титуловъ въ частности) хочется, но для еврея это не составляетъ существенной потребности; для него роскошь—положительная прихоть». Ваше любопытство удовлетворено, но если вы перевернете одну страницу, то узнаете слѣдующее: «Извѣстно, что никто на свѣтѣ не имѣетъ такой слабости (какъ евреи) дѣлаться баронами. Это у нихъ доходитъ до пункта помѣнательства». Вы разводите руками... Но это, положимъ, мелочь. Давайте же исать у г. Кельсіева фактовъ для рѣшенія вопроса, бесспорно важнѣйшаго изъ всѣхъ, какіе только могли представиться автору во время его путешествія по Галиціи. Что польская и русская или русинская національности въ Галиціи не ладятъ,—это дѣло всѣмъ извѣстное. Но если есть борьба, значить, есть, были или будутъ побѣдители и побѣжденные. Кто же кого? Русины ли колонизируются, или поляки русифицируются? и куда тяготать или влекутся униаты — къ православію или къ католицизму? На этотъ счетъ у г. Кельсіева есть своя оригинальная мысль, которою онъ видимо доволенъ, потому что часто повторяетъ ее. Вотъ эта мысль: «Насильственная латинизація и колонизація добилась своего: чаша перелилась черезъ край—русскіе спятъ и видать возвратиться къ восточному образу. Поляки сами проиграли свое дѣло и сами догнали русиновъ до возвращенія къ русской жизни. Поляки кричатъ, что все это движеніе поднято русскими агентами; а здѣсь даже и говорить-то понашему почти никто не умѣетъ. Нѣтъ, это не наша пропаганда: наши посольства и наши дѣятели даже не знаютъ о здѣшнемъ край. Если и есть здѣсь наша пропаганда, то ее поляки ведутъ, работая противъ насъ, но за насъ. Противъ Рѣчи-Посполитой не Москва, какъ выражаются поляки, — съ Москвою, какъ со всякимъ внѣшнимъ врагомъ, можно бы справиться, — противъ нея религиозные и экономическіе интересы массы. Традиція и традиціонный образъ дѣйствія приверженцевъ Рѣчи-Посполитой — подпора русской народности. Это очень странно; но это такъ, и это можно вслухъ говорить, потому что поляки нечестивы. У поляковъ все есть, кромѣ политическаго такта». Прекрасно. Значить, дѣло Польши и католицизма такъ плохо въ Галиціи, дѣйствуютъ они такъ неумѣло, что русскимъ патриотамъ нечего бояться за русиновъ: они не ополчатся и не окасточатся, какъ потому, что сами не хотятъ, такъ и потому, что католики-поляки ужъ очень влохи. Но, къ сожалѣнію, г. Кельсіевъ не даетъ читателю успокоиться на этомъ выводѣ, и на 37-й стр. рассказываетъ слѣдующій случай. Недалеко отъ Перемисля есть деревня Хлопичи, въ которой есть униатская церковь,

а въ этой церкви есть явленная икона Богородицы. Русины часто ходили молиться этой иконѣ, а за ними потянулись и мазуры — «мазуры, которые вовсе не дѣлаютъ различія между униєю и нашей схиемой и которые вовсе не прочь *москамитъ*». Католическіе священники немедленно устроили для мазурскихъ богомольцевъ придѣлъ въ хлопичской церкви. Дѣло кончилось тѣмъ, что теперь, говорятъ, униатовъ въ Хлопичахъ почти нѣтъ — большинство крестьянъ обратилось въ католицизмъ. «Чудо у русскнхъ, восклицаетъ г. Кельсіевъ, повело къ ополченію русскнхъ—вотъ здѣсь какаа сторона!» Дѣйствительно, любопытная должна быть сторона,—нехорошо только, что путешественниковъ съ толку сбиваетъ, ну, и читателей путевыхъ писемъ въ недоумѣніе вводитъ. Но положимъ опять-таки, что случай въ Хлопичахъ—единичный случай, нисколько неопровергающій общаго вывода г. Кельсіева относительно политической и религіозной несостоятельности поляковъ-католиковъ... Впрочемъ, какое ужъ тутъ положимъ. Вотъ другой выводъ г. Кельсіева, вложенный имъ на стр. 345: «Почти во всѣхъ нашихъ губернскихъ городахъ есть костелы, а мы до сихъ поръ еще не смекнули и не замѣтили, что въ этихъ костелахъ недостаетъ *униатскихъ приделовъ*. Посмотрите же, какъ распорядительны въ этомъ отношеніи поляки: они въ каждую униатскую церковь втерли католическіе алтари, и эти алтари сдѣлали свое дѣло: дворянство и большинство мѣщанства западныхъ губерній окатоличилось. Мы—умныя головы—въ этомъ отношеніи *отлично помогаемъ имъ*, хоть святой отецъ въ Римѣ и не цѣнитъ нашихъ заслугъ. Мы кричимъ о русской народности, а въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нашей границы ополчиваются холмы». Чему же вѣрить? Гдѣ правда въ единственной книгѣ о Галиціи? Поляки ли ведутъ русскую пропаганду, «работая протавъ насъ, но за насъ»; «традиціонный ли образъ дѣйствія Рѣчи-Посполитой—подпора русской народности»? или «мы — умныя головы — отлично помогаемъ имъ»?..

Итакъ, въ книгѣ г. Кельсіева нѣтъ ни «загадокъ», ни фактовъ, потому что послѣдніе другъ друга стираютъ. Слѣдовательно, предложеніе автора обратить вниманіе не на его личность, а на поднимаемые имъ вопросы, предложеніе это книгѣ принято быть не можетъ. Личность же г. Кельсіева — другое дѣло, потому что для оцѣнки ея имѣются факты. Издавъ свою автобіографію, г. Кельсіевъ тѣмъ самымъ отдалъ на общій судъ всю свою бурную, богатую самыми экстраординарными приключеніями, жизнь. Г. Кельсіевъ—живое лицо, но, благодаря его книгѣ, мы можемъ относиться къ нему, какъ къ герою какаго нибудь длиннаго, интереснаго и поучительнаго романа. Романъ этотъ дѣйствительно очень интересенъ и поучителенъ. Что касается до героя, который имъ вполне освящается, то на этотъ счетъ мы пришли къ тому заключенію, что многотомный романъ г. Кельсіева еще далеко не конченъ. Онъ не успеетъ, и не-

рядъ книгъ еще длинный рядъ разнообразнѣйшихъ приключеній. Онъ будетъ еще и еще увлекаться, еще и еще прокидывать свои увлеченія и называть ихъ ошибками, еще и еще подниматься и падать, и опять подниматься и опять падать. Тамъ ему на роду написано, что можно безошибочно прочесть въ его воспомина- нійхъ и путевыхъ письмахъ, которыя дѣлаютъ полнѣйшее искрен- ностью, несмотря на то, что авторъ говоритъ подчасъ невѣро- ятныя вещи. Да, романъ г. Кельсіева не конченъ, и нѣкоторые ближайшія главы его можно даже предсказать, отнюдь не пре- тендуя на титулъ пророка. Намъ хочется этимъ заняться. Мы расскажем прошедшее, настоящее и ближайшее будущее г. Кель- сіева. Во всѣ подробности мы, впрочемъ, входить не будемъ. Мы будемъ останавливаться только на тѣхъ моментахъ, которые уясняютъ основную складку ума и характера г. Кельсіева. Дѣло это мы считаемъ небезполезнымъ вотъ почему. Идальгъ г. Кель- сіевъ книжку, идальгъ другую, готовитъ третью, собирается пе- ревести ее на иностранные языки, идальгъ четвертую, будетъ готовить пятую и т. д. Игнорировать такой рядъ литературныхъ явленій недобросовѣстно и невыгодно. А между тѣмъ дѣлать каждый разъ выписки, сравнивать одну страницу съ другой, до- называть, что авторъ никакихъ вопросовъ не ставитъ, а рѣ- шаетъ, на манеръ Александра Македонскаго, вопросы давно по- ставленные, рѣшенія свои основываетъ на фактахъ, которые одинъ другому противорѣчатъ, — это и скучно, и длинно. Есть гораздо болѣе удобный путь. Если намъ удастся уловить всни- жескую суть г. Кельсіева, то разъ навсегда опредѣлится значе- ніе его трудовъ, разъ навсегда уяснятся ихъ фальшивыя струны. Да и въ психологическомъ отношеніи любопытно: былъ чело- вѣкъ эмигрантомъ и социалистомъ, а очутился панславистомъ; говорить челоѣкъ: вотъ, говорить, вамъ загадки, разгадайте, — а загадокъ нѣтъ, а разгадывать нечего; говорить челоѣкъ: вотъ я вамъ новыя факты привезъ, — а фактовъ нѣтъ. Мы бу- демъ смотрѣть на г. Кельсіева не съ точки зрѣнія какойнибудь литературной, общественной или политической партіи, а просто въ качествѣ психолога: посмотримъ, чѣмъ, какъ и при какихъ обстоятельствахъ жила душа г. Кельсіева и изъ этихъ данныхъ выведемъ заключеніе о его личности и дальнѣйшей судьбѣ.

Прежде всего замѣтимъ, что и самъ г. Кельсіевъ настоящей своей цѣнн не знаетъ, что явствуетъ изъ слѣдующихъ его словъ: «Не безъ причины же я попалъ въ эмиграцію, а другіе въ роторгу и сенляку. Неужели же вина въ государственникъ преступленійхъ исключительно личная? Не было даже у насъ досадѣ эмиграціи, а политическіе преступники наши прошлаго или XVIII столѣтія носили совершенно другой характеръ и раз- нились отъ насъ до такой степени, что общаго между нами и какими-нибудь стрѣльцами, Долгоруками, Минихами ничего нѣтъ... Если есть въ насъ сходство съ кѣмъ-нибудь, и если кого мы можемъ назвать своими прародителями, то развѣ Радищева и

Новикова». Отсюда видно, что г. Кельсиевъ считаетъ себя прототипомъ всѣхъ русскихъ государственныхъ преступниковъ XIX столѣтія; всѣхъ ихъ онъ ставитъ съ собой на одну доску. Г. Кельсиевъ здѣсь, очевидно, забываетъ декабристовъ и петрашевцевъ, которыхъ судьба натолкнула на политическое преступленіе, разумѣется, совершенно не такъ, какъ его. Но этого мало. Г. Кельсиевъ можетъ служить представителемъ только развѣ ничтожнаго числа нашихъ политическихъ преступниковъ, и даже большинство его сверстниковъ, безъ всякаго сомнѣнія, было подвинуто на преступленіе иными мотивами. Г. Кельсиевъ не имѣетъ собственно никакого права до такой степени обобщать свою личную исторію. А если принять въ соображеніе, что онъ считаетъ себя представителемъ не только нашихъ политическихъ преступниковъ, а и всѣхъ, такъ-называемыхъ, отрицателей, nihilistовъ всѣхъ отбѣнковъ (а между отрицателемъ и политическимъ преступникомъ можетъ, разумѣется, не быть ничего общаго), то притязанія его теряютъ уже всякую тѣнь состоятельности. Анализъ условій, при которыхъ развивался г. Кельсиевъ, и которые дали его дѣятельности толчокъ въ невѣстную сторону, покажетъ это какъ нельзя лучше.

Г. Кельсиевъ былъ вскормленъ и вскормленъ литературой карамзинскаго періода и мистиками конца прошлаго и начала нынѣшняго вѣка. Еще совсѣмъ ребенкомъ онъ жадно читалъ и перечитывалъ сочиненія Карамзина, митрополита Платона, Державина, Хераскова, «Сіонскій Вѣстникъ», «Понсалвана или князя тьмы», «Старика вездѣ и нигдѣ», «Гросфольдское аббатство», «Удольфскія танства» и проч. Понятно, какой слѣдъ должно было оставлять подобное чтеніе на впечатлительной душѣ ребенка. Воображеніе развивалось насчетъ всѣхъ другихъ умственныхъ способностей. Дѣтскій мозгъ не могъ, разумѣется, совладать съ этимъ фантастическимъ міромъ, не могъ рассмотреть, что герои этой литературы ходятъ на ходуляхъ, что ихъ высшіе чувства и помыслы вырощены и обмананы сусальнымъ золотомъ, какъ гнилыя паскальныя яйца. Герои высоки, ихъ чувства и помышленія блестящи, и дѣтская душа рвалась въ этотъ міръ танственнаго, великаго и прекраснаго. Г. Кельсиевъ и теперь, послѣ столькихъ жизненныхъ бурь и кораблегрушеній, съ заимѣтною симпатіей относится въ этому міру. «Литература XVIII и начала XIX вѣка, на которой мнѣ пришлось вырасти, — говоритъ онъ, — и которая мнѣ такъ же сродни, какъ и современная, имѣла то странное свойство, что обаятельно отрѣшала читателя отъ всего окружающаго, вводила его въ ворота новаго міра, исполненнаго изощреннаго героизма, глубокихъ страстей, гдѣ не было ни дравъ, ни суеи житейской, и гдѣ не являлся ни одинъ Санхо-Панчо, задававшій, какъ въ нынѣшней литературѣ, вопросы своему Донъ-Кихоту, что на какія же деньги благородные рыцари изволятъ странствовать по свѣту? Житейскій вопросъ, вопросъ обиденной лавины для этой литера-

турн не существовалъ, и жѣданскаго въ ней ничего не было. Она звала къ подвигамъ, она развивала мечтательность и зарождала въ душѣ истиннѣе ко всему высшему и изящному». Таковъ фундаментъ развитія г. Кельсіева. Мы обращаемъ на это обстоятельство особенное вниманіе читателя, равно какъ и на то, что и теперь даже, въ приведенной тирадѣ, написанной въ 1868 г., скрываютъ симпатіи къ «насъ возвышающему обману» въ ущербъ «тымъ низкимъ истинѣ».

Изъ воспоминаній г. Кельсіева видно, что онъ былъ мальчикъ до крайности мечтательный, и что ни дома, ни въ школѣ не нашлось тревожныхъ элементовъ, достаточно сильныхъ для парализованія такой односторонности. О тогдашнемъ воспитаніи мы имѣемъ очень опредѣленные и ясныя понятія, и потому можемъ повѣрить г. Кельсіеву на слово, что онъ росъ «въ всякаго умственного движенія». Всѣ умственные силы его концентрировались, какъ въ фокусѣ, въ воображеніи, и расходовались на чтеніе вышеозначенныхъ книгъ, къ которымъ прибавились потомъ романы Дюма и русскихъ писателей въ родѣ Кукольника, да на постройку самыхъ невозможныхъ фантазій, гдѣ самъ фантазеръ фигурировалъ въ видѣ какого-нибудь героя. Часть дѣтской жизни очень многихъ изъ насъ ушла на подобное неестественное усиленіе воображенія; но недостатокъ парализирующихъ элементовъ и изъ ряду вонъ выходящая впечатлительность г. Кельсіева сдѣлали то, что фантастическая завска легла въ основаніе всего его умственного склада, и все, что потомъ входило въ его жизнь, какъ ингредиентъ его нравственнаго существованія, должно было предварительно перебродить въ этой завсакѣ. Въ ней зародился и развился и политическій червь, точившій г. Кельсіева всю жизнь и точащій его по сіе время. О политическихъ дѣлахъ мальчикъ не имѣлъ, разувѣется, никакого понятія, и г. Кельсіевъ рассказываетъ по этому поводу нѣсколько очень забавныхъ анекдотовъ. Несмотря, однако, на это невѣдѣніе, онъ весьма сочувствовалъ декабристамъ, разскази о которыхъ окружались въ то время иракомъ таинственности, и которыхъ онъ рисовалъ себѣ въ видѣ заговорщиковъ въ черныхъ плащахъ на красной подкладкѣ, съ книжками въ рукахъ и проч. Нечего и говорить, что онъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о томъ, что это были за люди, какія у нихъ были дѣла и проч. Онъ любилъ ихъ сточно такъ же, какъ любилъ всякихъ графовъ С.-Жерменъ, Калистро, Пнеагора, египетскіе геороглифы, Экартсгаузена и вообще все загадочное и таинственное». Наступилъ 1848 годъ, 1849, Европа забушевала, а тутъ случилась исторія Петрашевскаго. Все это доносилось до юнаго г. Кельсіева урывками, подъ покровомъ таинственности, и его все сильнѣе и сильнѣе манила къ себѣ роль политическаго дѣятеля, то-есть не самая роль, потому что онъ ея не понималъ и не могъ понять, а обстановка этой роли.

Тѣмъ временемъ явилась натуральная школа съ своимъ без-

поощающимъ анализомъ и безпоощающимъ зримымъ смѣхомъ сквозь невримыя слезы. Это было совершенно новое міросозерцаніе, діаметрально-противоположное ходульному и мишурному міросозерцанію предшествовавшаго періода литературы, и между ними началась борьба за существованіе въ умахъ русскихъ людей. Г. Кельсіевъ мастерски (съ точки зрѣнія изложенія, въ сущности же довольно сбивчиво) рисуетъ ту психическую раздвоенность, которую ему въ ту пору приходилось выносить. Приводимъ его послѣднія слова: «Вся тогдашняя литература, особенно переводная, на которой мы воспитывались, вся она совершенно шла въ разрѣзъ съ нашей натуральной школой, и приучила насъ видѣть въ себѣ героевъ, думать о заговорахъ, о побѣгахъ изъ тюремъ, услаждать себя мыслью о смерти на плахѣ, и мечтать о томъ, какъ будешь рисоваться въ обществѣ въ качествѣ или общественнаго дѣятеля, или вездѣсущаго, всевѣдущаго, и до невозможности ловкаго конспиратора. Въ полномъ невѣжествѣ общественной жизни, въ полномъ незнаніи ея вопросовъ, при отсутствіи всякой политической практики и опытныхъ политическихъ руководителей, мы росли на французскихъ романахъ, на уваженіи ко всему таинственному и необыкновенному, и на сочувствіи къ заговорамъ и заговорщикамъ и, въ то же время, жадно слѣдили за произведеніями натуральной школы, которая развивала въ насъ способность, если не все, то многое отрицать, и приучила насъ въ то же время, сначала къ психическому, а потомъ и къ социальному анализу. Бочка пороху была готова, потому бросить искру, и искра эта не заставила себя ждать: крымская война гранула!»

Здѣсь ованчивается періодъ дѣтства г. Кельсіева. Какъ разъ къ началу крымской кампаніи онъ кончилъ курсъ въ коммерческомъ училищѣ. И отсюда начинается рядъ смѣняющихся другъ друга, взаимно исключаящихся увлеченій и покаяній. Вступилъ г. Кельсіевъ въ жизнь, въ интеллектуальномъ отношеніи, какъ его мать родила. Никакой болѣе или менѣе твердой опоры у него не было, — ни научной подготовки, ни сильно развитаго социальнаго чувства, ни знанія общества и его нуждъ; словомъ, ничего такого, что бы могло послужить вѣхами на его жизненномъ пути. Не было у него подъ ногами никакой почвы, и стоялъ онъ отъ всего, что волнуетъ живыхъ людей, далеко, далеко въ заоблачномъ мірѣ фантазіи. Натуральная школа только скользнула по его уму и не могла поколебать основной фантастической закваски. Въ другихъ борьба между нашимъ литературнымъ мистицизмомъ и романтизмомъ съ одной стороны и натуральной школой съ другой — не могла долго тянуться. Всѣ, кто способенъ былъ понять новое «вѣяніе», какъ выразился бы А. Григорьевъ, должны были сразу ухватиться за него, какъ за якорь спасенія, они должны были сдѣлать скачокъ, потому что и сама натуральная школа была гигантскимъ скачкомъ. Г-на Кельсіева натуральная школа, можетъ быть, даже заставила

еще кричше хватиться за міръ ходуль и сусальнаго золота, хотъ онъ и говорить, что «понималъ всю воиную роль романтизма». И это совершенно понятно, потому что новое міре-созерданіе стояло въ слишкомъ рѣзкой противоположности къ этому небывалому, но чудному міру, который г. Кельсіевъ успѣлъ уже навсквозь пронитаться; между ними не было никакого перехода, никакой постепенности, которая могла бы пріучить г. Кельсіева смотрѣть на вещи иначе. Его изъ-подъ горячаго крава прямо посадили подъ холодный, — ощущеніе въ высшей степени непріятное, болѣзненное, и ему жалъ было свенгъ иншурныхъ героевъ. Но онъ переросъ ихъ, возврата къ нимъ уже не было, а фантастическая завеса осталась и требовала себѣ пища. Пища нашлась, разумѣется.

Опредѣленныхъ стремленій у г. Кельсіева не было никакихъ. Онъ сталъ заниматься восточными языками, но не въ силу возможности ихъ значенія, не въ силу сознательной потребности, а «вслѣдствіе своего общаго мистическаго и фантастическаго настроенія». Началась крымская кампанія, и г. Кельсіевъ пожелалъ поступить въ военную службу. «Мнѣ мечталось быть инженеромъ, офицеромъ, говорить онъ, идти съ своимъ войскомъ на батарею, на приступы. Мнѣ казалось, что я могъ бы оказывать чудеса храбрости». Г. Кельсіевъ объясняетъ такое свое настроеніе патриотизмомъ и народною гордостью. Но едва-ли не вѣрнѣе объяснить его тою же фантастичностью и разнужданностью воображенія, хотя и патриотизмъ могъ тутъ играть нѣкоторую неважную роль. Г. Кельсіеву хотѣлось подвиговъ, славы, хотѣлось явиться передъ обществомъ и передъ самимъ собой — увѣнчаннымъ лаврами или даже картинно умереть на полѣ битвы. Но онъ на столько уже выросъ, что долженъ былъ для него существовать и вопросъ: за что умереть? Отвѣтъ подсказалъ историческій моментъ: за Россію! И г. Кельсіевъ сдѣлался патриотомъ. Въ военную службу онъ однако не пошелъ. На другой день послѣ того, какъ онъ уже написалъ прошеніе о принятіи его въ военную службу, вышло распоряженіе, чтобы всѣхъ вольноопредѣляющихся и вообще новичковъ не пускать въ дѣло, а оставлять въ резервѣ. Умереть картинно на полѣ битвы, воротиться со щитомъ или на щитѣ не представлялось, значить, возможности. И г. Кельсіевъ отъ военной службы отказался. Ясно, что патриотизмъ стоялъ у него не на первомъ планѣ. Здѣсь, впрочемъ, сказалось и другое качество г. Кельсіева, — онъ не можетъ отдѣлится слова отъ дѣла. Г. Кельсіевъ — человекъ увлекающійся и энергическій. Если онъ предается чему-нибудь, то предается дѣлѣ и беззаветно. Въ этомъ его оправданіе и глубокое несчастіе. Эта дѣльность, выѣтъ съ его фантастичностью, именно и бросаетъ его отъ одного увлеченія къ другому, противоположному; и въ стремномъ сплетеніи этихъ двухъ качествъ лежатъ ключъ къ объясненію всей его нестрой жизни. Г. Кельсіевъ жаждетъ дѣятель-

ности, и дѣятельности не обиденной, а такой, въ которой можно было бы явиться героемъ; драпировка и аксессуарны были ему нужны, а до направленія и дѣли этой дѣятельности ему дѣла не было. Направленіе и дѣль опредѣлились пошнмо его выбора. Но разъ онѣ опредѣлились, онъ уже сталъ искреннимъ патриотомъ, и ему уже не просто картинно умереть хотѣлось, а картинно умереть за отечество. Благодаря фантастически-героическимъ наклонностямъ, его внезапно вспыхнувшій патриотизмъ принялъ очень узкое теченіе. Казалось бы, что вѣдь отечеству можно служить и не саблей только, а г. Кельсіеву какъ будто предстоила дилемма: или военный патриотизмъ или никакой. Да и съ чего жь ему было проникнуться желаніемъ служить родной землѣ какъ-нибудь иначе? Какія тамъ были дѣятельности? Кропотливый трудъ ученаго, чиновника, скромная работа литератора, наконецъ трудъ физическій,—все это такъ мизерно, такъ плоско, такъ мало выдается впередъ, раскрашено такими блѣдными красками, что ему, мечтавшему о блескѣ и величіи, трудно было помириться съ такой незавидной долей. Возможность служить отечеству при трубныхъ звукахъ, среди свиста пуль и въ пороховомъ дыму у него отняла, и онъ такъ же быстро бросилъ свой патриотизмъ, какъ и ухватился за него, — опять засѣлъ за восточные языки. А когда сама жизнь вступила въ число писателей натуральной школы и продиктовала исторіи знаменитую трагикомедію въ духѣ этой школы, — крымскую кампанію, г. Кельсіевъ, какъ теперь самъ утверждаетъ, проявилъ уже полнѣйшее отсутствіе патриотизма. И таковы всѣ его увлеченія до вчерашняго. Какъ фантазеръ, онъ видитъ всегда только одну сторону дѣла, и именно ту, которая отырываетъ поле для геройскихъ подвиговъ; какъ человекъ энергическій и глубоко честный, онъ отдается односторонне-повятому имъ дѣлу весь, безъ остатка. Равновѣсіе нарушается, и онъ летитъ стремглавъ, проливаетъ свое увлеченіе, предается отчаянію, а вдали уже мерцаетъ для него какаа-нибудь новая примавка, — новое поле для геройскихъ подвиговъ; онъ хватается за него, разыгравшееся воображеніе олегъ мѣшаетъ ему разсмогнѣть всѣ стороны дѣла, а ухлопываетъ онъ опять-таки себя всего.

Г. Кельсіевъ горько кается за то увлеченіе, съ которымъ онъ, вмѣстѣ съ другими, нападалъ, послѣ крымскихъ неудачъ, на правительство, равно какъ и въ своемъ западничествѣ и нигилизмѣ, которые довели его до эмиграціи. Въ періодъ этого нигилизма онъ вѣроатно столь же горько казался въ своемъ минутномъ военномъ патриотизмѣ. Но теперь, оглядываясь на свое прошлое, онъ умалчиваетъ объ этомъ показави по очень естественной причинѣ. Онъ оглядывается въ извѣстномъ настроеніи, къ которому его ребяческій патриотизмъ подходитъ ближе, нежели его ребяческій нигилизмъ. Еслибы онъ писалъ свои воспоминанія нѣсколько лѣтъ тому назадъ, они получили бы, разумѣется, совершенно иную окраску, и въ нихъ наиболѣе вы-

двинулись бы и получили бы наиболѣе, такъ сказать, праздничный, свѣтлый видъ увлеченія и покаянія противоположнаго характера. Мы уже говорили о сбивчивости разсказа г. Кельсіева. Она объясняется очень просто. Г. Кельсіевъ пережилъ и передумалъ нѣсколько міросозерцаній. Вчерашнее замалевываетъ третьегодншнее, сегодняшнее замалевываетъ вчерашнее. Но мѣстами въ-подъ позднѣйшаго наслоенія выглядываетъ клочокъ предъидущаго, которое, въ своей общности, уже давно улетучилось изъ головы г. Кельсіева. Вотъ примѣръ. «Не въ Россіи же намъ искать было истины и разрѣшенія всякаго рода загадокъ, — говоритъ авторъ воспоминаній, — не въ Домострой же намъ пускаться, не по Кормчей же устранять жизнь и не справляться же о государственномъ правосудіи и неправосудіи въ Судебникахъ и въ Уложеніи». — Вы видите, что это говоритъ западникъ и нигилистъ, и говоритъ искренно. Но г. Кельсіевъ уже отрекся отъ западничества и нигилизма, и тутъ же дѣлаетъ такую приписку позднѣйшей формациі: «Еслибы въ самомъ дѣлѣ въ этихъ Домострояхъ, Кормчихъ, Судебникахъ и Уложеніяхъ заключались какія-нибудь великія истины и еслибы изъ нихъ и можно было позаимствоваться уроками для будущаго и разъясненіями для настоящаго, мы не обратились бы къ нимъ по той весьма простой причинѣ, что эти почтенныя произведенія ума и сердца человѣческаго не только никакой репутаціей на Западѣ не пользуются, но извѣстны тамъ менѣе Магабгараты и законовъ Ману. Не знаютъ на Западѣ, стало быть, вниманія не заслуживаетъ». — Здѣсь слышится еще насмѣшливое отношеніе къ Домостроямъ и Кормчимъ, но достается уже и западничеству. А дальше ужъ совсѣмъ въ новомъ духѣ идетъ. Бываетъ и наоборотъ, что старое, уже пережитое и сданное въ архивъ, подрашивается новымъ. Рассказываетъ, на примѣръ, г. Кельсіевъ о томъ, какъ онъ разговаривалъ съ однимъ евреемъ. Разговоръ происходилъ тогда, когда г. Кельсіевъ еще «вѣрилъ въ Польшу» и полагалъ, что «евреямъ при польскомъ правительствѣ будетъ легче, чѣмъ при нашемъ». И тѣмъ не менѣе, г. Кельсіевъ ухитряется передать свою бесѣду съ евреемъ такимъ образомъ:

«— Да, отвѣчалъ я, вотъ незадолго до моего отъѣзда я былъ въ Лондонѣ на одномъ польскомъ митингѣ, гдѣ слышалъ между прочимъ оратора еврея, уроженца Виленской губерніи. Зачѣмъ онъ попалъ въ Англію, я не знаю; но *этотъ господинъ изволилъ* говорить, что евреи такіе же граждане земли польской, какъ сами поляки, и что еслибы поляки не оскорбляли ихъ, а искренно признали ихъ своими братьями, то еврейская молодѣжь точно также взяла бы ружья и косы и отправилась бы изгонять русскихъ, *улетающихъ* (курсивъ въ подлинникѣ) польскую народность» (Галичина и Молдавія, 216).

Здѣсь *le ton fait la musique*. Вслушайтесь въ это презрительное «этотъ господинъ изволилъ говорить», всмотритесь въ

это нурисовъ напечатанное *увещание*, — и скажите, вѣрнѣе ли передаетъ г. Кельсиевъ свой собственный разговоръ, веденный имъ еще въ то время, когда онъ «вѣрять въ Мальгу».

Работать надъ всѣми этими своего рода палимпсестаи намъ нѣтъ никакой надобности. Приводить въ порядокъ воспоминаній и записки г. Кельсиева мы не будемъ, но реставрація нѣкоторыхъ пробѣловъ для нашей цѣли все-таки необходима. Поэтому мы напоминаемъ г. Кельсиеву пропущенный имъ фактъ — появленіе по поводу военного патриотизма. Особенно грѣшныхъ сѣвчаній тутъ вѣроятно не было, потому что дѣле не успѣло зайти слишкомъ далеко, но было вѣроятно что-нибудь въ родѣ насмѣшки надъ самимъ собой. Такимъ образомъ исторія первыхъ лѣтъ общественной жизни г. Кельсиева, получаетъ слѣдующій видъ: онъ принимается за изученіе восточныхъ языковъ единственно по свойственному ему стремленію ко всему таинственному и загадочному; затѣмъ то же самое воображеніе его, развитое въ ущербъ другимъ умственнымъ способностямъ, ищетъ для себя пищи въ военной славѣ, каковое стремленіе сплетается съ бессознательнымъ патриотизмомъ; потому г. Кельсиевъ идетъ въ своемъ патриотизмѣ и увлекается отрицаніемъ и западничествомъ. Увлекается онъ ими не сознательно, а опять-таки благодаря все той же фантастичности и порыванію въ область загадочнаго, невѣстнаго, но кажущагося по своей таинственности чѣмъ-то великимъ. Оказывается, что однимъ изъ факторовъ, толкнувшихъ его въ нигилизмъ, были запрещенныя книги, т.-е. не самыя запрещенныя книги, а таинственность ихъ обстановки, — та самая таинственность, ради которой ему въ дѣтствѣ были одинаково милы и девабристы, и Калиостро. Соціалитическія теоріи, напримѣръ, манили его не потому, чтобы они, когда нибудь задумывалось надъ судьбой рабочаго человѣка, — объ этомъ въ его воспоминаніяхъ не говорится ни слова. Онъ добрался до всего того, что у насъ огуломъ окрещивается нигилизмомъ, главнымъ образомъ, путемъ фантазіи, а не анализомъ, который игралъ тутъ роль второстепенную и, такъ сказать, запоздалую. Свой первый политическій шагъ онъ сдѣлалъ совершенно бессознательно, единственно потому, что попоманіе политическаго дѣятеля разукрашивалось его фантазіей и съ дѣтства влекло его въ себѣ своею поэтической обстановкой, что немѣшало ему въ антрактѣ вратъ къ поэтической обстановкѣ: молодого воина. Въ одинъ прекрасный день, будучи въ Лондонѣ, онъ вдругъ ни съ того ни съ сего является въ наше генеральное консульство и объявляетъ, что не считаетъ себя русскимъ подданнымъ. Объ этомъ своемъ несообразномъ поступкѣ онъ самъ рассказываетъ такъ:

«Ничто мнѣ не зналъ, ни во что, я не былъ замѣчанъ, и нередко мнѣ представляла довольно недурная дорога, совершенно подходящая въ моей спеціальности, впередъ все было свѣтло и даже завидно. Но я все бредилъ погоды ботъ, всякой причи-

ни, не только безъ всякаго вѣншиго толчка, но даже противъ совѣтовъ и желаній редакторовъ «Колокола».

— Зачѣмъ вы хотите быть эмигрантомъ? спрашивали они меня.

— Хочу работать.

— Да работать въ Россіи лучше. Оставаюсь на службѣ и живя въ средѣ русскаго общества, хоть бы въ той же Ситкѣ, вы сдѣлаете вдесятеро больше, чѣмъ отрѣзываясь отъ Россіи и оставаясь въ Лондонѣ.

— И все-таки я останусь, потому что мнѣ есть многое что сказать, чего нельзя высказать въ Россіи.

— Да что же именно? Уясните себѣ, для чего вы остаетесь, уясните себѣ, что вы хотите сказать.

— Буду говорить о брагѣ, о христіанствѣ, о личности.

— Но что же именно? Дайте себѣ подробный отчетъ.

«Подробнаго отчета я себѣ дать не могъ и въ то же время не могъ не сдѣлаться эмигрантомъ: *время было такое, такимъ воздухомъ дыло*».

Г. Кельсіевъ очевидно ошибается, хотя неправда его вполне добросовѣстная. Въ его эмигранствѣ повинны совсѣмъ не то время и совсѣмъ не тотъ воздухъ, на которые онъ ссылается. Оно было продуктомъ его личной исторіи, коренившейся въ томъ добромъ, старомъ времени, которое породило сказочный міръ, гдѣ съ дѣтства жилъ г. Кельсіевъ, въ томъ добромъ старомъ времени, которое «приучило его видѣть въ себѣ героя, думать о заговорахъ, о побѣгахъ изъ тюремъ, услаждать себя мыслью о смерти на плахѣ и мечтать о томъ, какъ будешь рисоваться въ обществѣ въ качествѣ или общественнаго дѣятеля, или вездѣсущаго, всевѣдущаго и до невозможности ловкаго конспиратора». Забудьте, что если онъ даже и находилъ, что ему есть что сказать, чего нельзя высказать въ Россіи, то все-таки невачѣмъ было идти въ консульство и объявлять о своемъ отреченіи. Онъ могъ бы себѣ смиренно сидѣть и писать о брагѣ, о личности, о чемъ угодно. Еслибы онъ написалъ что-нибудь такое, что русскому подданному писать не подобаешь, дѣло сдѣдалось бы помимо его. Для чего же онъ торопился? А для того, чтобы поскорѣе осуществить свою завѣтную мечту и облечься въ грандіозный костюмъ революціоннаго дѣятеля. Онъ эмигрировалъ для эмигранства. Взлелѣанный міромъ ходульных и мншурныхъ героевъ, онъ, какъ настоящій ребенокъ, полѣвъ на ходули и налѣпилъ на себя мншурные позументы. И относительно его не была забыта глубокая заповѣдь: «блюдите, да не презрите единаго отъ малыхъ сихъ», — гг. Герценъ и Огаревъ и разговаривали съ нимъ какъ съ ребенкомъ.

Мы довели г. Кельсіева до его перваго политическаго шага и можемъ теперь оглянуться и посмотреть, насколько онъ годится въ представители умственнаго и общественнаго движенія послѣднаго десятилѣтія. Комбинація условій, подѣ вліячіемъ кото-

рыхъ сложился умственный и нравственный характеръ г. Кальсіева, очевидно, не имѣеть никакого отношенія къ духу времени, въ которое ему пришлось дѣйствовать. Не будь у его отца на комодѣ старыхъ книгъ, и судьба его получила бы, безъ сомнѣнія, совершенно иное теченіе. Г. Кальсіевъ полагаетъ, что онъ эмигрировалъ, повинуясь духу времени, который заставилъ людей искать истины на Западѣ. Но, во первыхъ, духъ времени состоялъ не въ томъ, а во вторыхъ, если даже предположить, что г. Кальсіевъ искалъ истины на Западѣ, то правдоискательство это все-таки не играло тутъ главной роли. Оно относится къ его эмигрантству точно также, какъ его патриотизмъ относился нѣкогда къ жаждѣ военной славы. Фантастическая завеска сказывалась, эмигрантскіе эпизоды надѣтъ хотѣлось. Г. Кальсіевъ авантюристъ, т.-е. человекъ съ сильнымъ воображеніемъ и энергіей, жаждущій сильныхъ ощущеній для самыхъ ощущеній. А такихъ людей, хотя и было много во всѣ времена и у всѣхъ народовъ, но на низшей степени цивилизаціи ихъ всегда больше, чѣмъ на высшей, на которой поле фантазіи необходимо уже. Если намъ замѣтаетъ, что духъ времени опредѣлилъ по крайней-мѣрѣ категорію похощеній г. Кальсіева, то и это будетъ справедливо только въ малой степени. Онъ и самъ говорить о себѣ, что онъ уже «въ болѣе зрѣломъ возрастѣ пускался въ разныя смѣлыя предпріятія, чтобы провѣдать невѣдомые міры въ родѣ Галичины, малоазійскаго русскаго села Майно... и не столько въ силу сознательной потребности, сколько по обаянію всѣмъ загадочнымъ, пускался въ десетки разныхъ удачныхъ похощеній». Донъ-Кихоть, начитавшись рыцарскихъ романовъ, вздумалъ восстановить рыцарскіе нравы какъ разъ наперекоръ духу времени. Когда Гёте написалъ своего Вертера, мечтательные и сантиментальные нѣмцы и нѣмки стали одичать за другимъ бросаться въ воду безъ всякой видимой причины. Неужели и этотъ фактъ слѣдуетъ объяснять духомъ времени, а не болѣеменно-развитымъ воображеніемъ и стремленіемъ къ героичности? Нѣтъ, г. Кальсіевъ, духъ времени въ вашемъ дѣлѣ не причемъ. Вы жертва не новой русской исторіи, какъ вамъ теперь кажется, а старой. Вы развивались наоборотъ какъ разъ въ разрѣзъ духу времени конца пятидесятыхъ и начала шестидесятыхъ годовъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только взять тѣ крайности, до которыхъ дошли нѣкоторые наши отрицатели, разбѣжавшись подъ толчкомъ духа времени: отрицалось искусство, любовь сводилась на половой инстинктъ, словомъ, самымъ азартнымъ образомъ подрубались именно тѣ ходули, на которыхъ воспитывался г. Кальсіевъ. Все это валяло черезъ вѣнь володу, вмѣстѣ съ ходулями слошъ и рядомъ подрубались и ноги. Но таковъ законъ реакціи; формула: «уголъ паденія равенъ углу отраженія» имѣеть приложенія не только въ механикѣ, а и въ психологіи индивидуальной и соціальной. Во всей этой неустойчивой рублѣ съ плеча сказывался, однако, духъ

времени, состоявший именно въ потребности трезвато взгляда на жизнь и людей отвлеченна. Крысиная кампанія развѣла вѣру въ нашу призрачную мощь. Натуральная школа разбила общепринятый мѣръ жи. Эта потребность трезвѣхъ взглядовъ дѣйствительно носилась въ воздухъ и ею опредѣлился духъ времени. А что нѣкоторые изъ насъ, торопясь снѣть съ себя наваленныя на насъ нашими дредками мѣшурные кафтаны, въ торопѣхъ и не замѣтили, какъ сшли съ себя не только эти кафтаны, а и послѣднюю рубашку, даже кому съ себя содрали и боки стораца не чувствовали, — такъ въ этомъ ужъ не духъ времени виноваты, а историческій законъ реакціи.

Дѣло это очень простое и кончатное. Г. Кельсиевъ до сихъ поръ не можетъ сдержатъ своего неродеванія, воспемина о натуральной школѣ. «Впередъ, впередъ рвется душа, — говоритъ онъ, — къ вѣчнымъ идеаламъ, востановленнымъ человѣчествомъ со времени еще старина Гомера, и вдругъ, какъ кажимъ колодникомъ вѣтромъ пахнетъ, раздается хохоть, неутомимый хохоть Гаголя и въ воображеніи ставутъ мелькать Чичиковы, Собакевичи, Поедревы, высѣченный поручикъ Пироговъ, и станешь прикидывать этотъ хохоть на своихъ товарищей, на учителей и на воспитателей. Щемлящая хандра залѣзаетъ въ душу, самъ видишь свои недостатки и видишь чрезвычайно ясно, потому что дался и усвоился аналитическій методъ, самъ себя разбираешь, самъ себя потрошишь и съ вошущемъ, безошадною ясностью видишь свои недостатки и чувствуешь, какъ силы слабѣютъ, какъ руки опускаются, и жонимаешь, что не только далеть, но даже и не существуетъ этотъ роскошный мѣръ замковъ, носинъ, подвиговъ, путешествій».

Общій тонъ воспоминаній и писемъ г. Кельсиева не даетъ мѣста никакимъ сомнѣніямъ насчетъ того, на чьей сторонѣ лежатъ его симпатіи: на сторонѣ ли жесткой, неутѣнительной правды, или на сторонѣ роскошнаго мѣра замковъ и подвиговъ. Ему и до сихъ поръ жалъ этого развѣннаго мѣра, и въ этомъ-то и свазывается неприкосновенность къ нему духа времени. Г. Кельсиевъ называетъ нашихъ отрицателей «правдоискателями» и причисляетъ къ нимъ и себя. Да, духъ времени залѣзаетъ въ правдоискательствѣ, но г. Кельсиевъ правдоискателемъ не былъ. Другимъ не жалъ было величавой и таинственной лии, — въ этомъ нѣтъ ни вины какъ, ни заслуги: духъ времени былъ таковъ. А г. Кельсиеву было жалъ, потому что духъ его времени былъ иной. Натуральная школа явилась какъ бомба въ средѣ русскаго общества и съ одного маху разбила его на козлищъ и овецъ. Одни пошли направо, другіе налѣво. Одни, лизнувъ горечи, ухватились еще ярѣче за свой старій патешный леденецъ; другіе же се могли оторваться отъ этой горечи, потому что въ ней была правда. И вѣдь-то и получивъ свое начало наши правдоискатели. Г-же Кельсиевъ выбрался изъ этого искуса такъ, что, оставаясь въ сущности въ своемъ забытомъ мѣрѣ

фантазій и формальной стороны, примкнулъ къ новому движению, сдѣлался героемъ во имя новыхъ идей, которыхъ еще не пережилъ, не переварилъ, даже хорошенъко не передумалъ. Онъ сѣлъ между двухъ стульевъ. Точно также, онъ сдѣлался когда-то патриотомъ изъ жажды военной славы и геройства. Когда исторія залетѣла насъ своей волной, когда застынетъ все, что теперь бьется и суется, историкъ нашего общества съ удивленіемъ взглянетъ на г. Кельсіева, какъ посмотрѣлъ бы съ удивленіемъ палеонтологъ на окаменѣлость, найденную имъ въ той формациі, въ которой ей отведено мѣсто природою.

Другіе шли инымъ путемъ. Въ другихъ духъ времени дѣйствительно сказывался. Духъ времени разсѣялъ, наприимѣръ, образы поселянъ и поселянокъ, мирно срывающихъ полевые цвѣтки и наслаждающихся жизнью подъ отеческимъ кровомъ благоудѣтельнаго помѣщика, — образы, которые любилъ малевать предшествовавшій періодъ литературы. вмѣсто нихъ поднялся мужикъ, мужикъ поротый, грубый, невѣжественный, надъ которымъ надо подумать, чтобы высмотрѣть въ немъ едва тлѣющую искру Божію. И намъ и въ голову не могло придти сожалѣніе о мирѣ замковъ, подвиговъ и путешествій. Если мы и оглядывались на прошедшее съ допросами: вы скрывали отъ насъ этотъ образъ и малевали вмѣсто него эту кузлу? значить и вездѣ, и во всемъ вы насъ такъ надували? Такъ прочь же ваше живое искусство, прочь ваши кумиры! Что у васъ есть еще? любовь? честь? вѣжливость? жертва? родственное чувство? нравственность? патриотизмъ? народность? Вотъ они — смотрите.... Все, за что мы ни хватились изъ наслѣдія нашихъ предковъ, оказывалось расписанною и позолоченною ложью, а намъ правда нужна была, во что бы то ни стало. Такъ что г. Кельсіевъ очень вѣрно охарактеризовалъ суть нашего послѣдняго общественнаго броженія, назвавъ его правдонскательствомъ. Но онъ дѣлаетъ ошибку, во первыхъ, причисляя къ правдонскателямъ себя, а во вторыхъ, утверждая, что духъ времени состоялъ въ исканіи правды на Западѣ. На Западѣ мы искали правды съ самаго Петра Великаго. И во всякомъ случаѣ, «западники» старше «нигилистовъ». Припомните хоть Чаадаева. Отрицатели наши не щадили и Запада, и выгораживали изъ него развѣ только нѣкоторыя философскія системы и спеціалистическія теоріи. Но это предметъ, выходящій за предѣлы нашей статьи.

Итакъ, отрицаніе наше вообще вытекало изъ чистаго и свѣтлаго источника, мы омыли уже потомъ. Намъ били по глазамъ, по сердцу безобразія, и мы отдавали удары. Многіе дѣлали это непосредственно, безъ призыва къ намъ какихъ бы то ни было западныхъ теорій, даже смутно представляя ихъ себѣ, наконецъ даже вовсе не зная о ихъ существованіи. О такихъ людяхъ у насъ имѣютъ очень смутное понятіе, потому что русская литература ими мало занимается. Во всякомъ случаѣ, къ нимъ г. Кельсіева причислить нельзя, потому что, если они и

не уступать ему въ способности отдаваться дѣлу цѣлкомъ, то они не геройствуютъ и о красномъ плащѣ съ кинжаломъ не мечтаютъ. Были у насъ и такіе, которые по интенсивности фантазерства, пожалуй, и равны г. Кельсіеву. Но, вопервыхъ, фантазія ихъ тяготѣла къ будущему, а фантазія г. Кельсіева, — къ прошедшему; они ошибались потому, что вырвали клочокъ изъ будущаго и хотѣли его связать съ настоящимъ, которое съ нимъ вовсе не гармонировало; г. же Кельсіевъ вырвалъ клочокъ изъ прошедшаго и его стремился втиснуть въ настоящее, которое и съ его клочкомъ не вязалось. Повторныхъ, если мы возьмемъ отношенія самихъ фантазеровъ къ ихъ фантазіямъ, то и здѣсь не найдется ничего общаго у г. Кельсіева съ людьми новаго времени, съ правдоискателями. Въ мечтахъ г. Кельсіева на первомъ планѣ стоялъ онъ самъ, закутанный въ фантастическій плащъ, а правдоискатели видѣли прежде другихъ, и потому уже себя. Они въ зеркало не смотрѣлись. Они мечтали немедленно осчастливить человѣчество или, по крайней мѣрѣ, Россію, а осчастливить столько народу — это такое счастье, которое трудно уступить другому кому-нибудь. Каждый изъ нихъ думалъ, разумѣется, и о своемъ я, но счастье этого я расширялось въ общемъ счастьи, сливалось съ нимъ. Мы опять-таки говоримъ о тѣхъ, въ комъ дѣйствительно сказывался духъ времени.

Совершивъ свой первый политическій шагъ, сдѣлавшись эмигрантомъ, г. Кельсіевъ, вѣроятно, нѣсколько времени любовался своимъ эмигранствомъ, какъ любитъ своими эпизодами свѣжеиспеченный прапорщикъ. Другаго дѣла онъ бы, можетъ быть, еще долго не нашелъ себѣ, еслибы ему не попались подъ руку, какъ онъ самъ говоритъ, совершенно случайно, нѣкоторые любопытные документы о раскольникахъ, которые онъ и надалъ въ Лондонѣ. Эта счастливая случайность и опредѣляла не только родъ, а видъ его дѣятельности. Г. Кельсіевъ не могъ удовлетвориться изданіемъ документовъ о раскольникахъ, вопервыхъ, потому, что ему не давало покою воображеніе, а повторныхъ, потому, что онъ человѣкъ энергическій и увлекающійся цѣлкомъ. Какъ онъ выражается, — назвался груздемъ, такъ полѣзай въ кузовъ, то-есть, объявилъ себя эмигрантомъ, такъ дѣйствуй. Мы видѣли, что онъ точно такъ же рассуждалъ и передъ римскою кампаніей: назвался патриотомъ, воиномъ, такъ дѣйствуй. И эмигрантомъ, и воиномъ его побуждала сдѣлаться одна и та же струна—фантастичность, но затѣмъ онъ уже совершенно сливался съ дѣломъ, отдавался ему тѣломъ и душой. Документы о раскольникахъ натолкнули на самихъ раскольниковъ. Вы видите, что у г. Кельсіева не было и намека на какой-нибудь планъ дѣйствія. Онъ отправился въ Россію съ турецкимъ паспортомъ, испыталъ достаточно сильныхъ ощущеній и уѣхалъ. Мы не знаемъ хорошенько, что онъ собственно дѣлалъ въ Россіи, но легко можетъ быть, что надобности въ его

и побѣдѣ не было никакой. Во всякомъ случаѣ, красный плащъ и вообще обстановка имѣли тутъ не послѣднее значеніе.

Вслѣдъ за тѣмъ мы встрѣчаемъ г. Кельсіева въ Турціи въ средѣ раскольниковъ. Сбивчивость его разсказа (такъ красиво и даже художественно въ подробностяхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ сбивчиво въ цѣломъ можетъ писать только такой человѣкъ, какъ г. Кельсіевъ, — *le style c'est l'homme*) дѣлаетъ невозможнымъ прослѣдить его психическую жизнь за это время. Такъ въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ, что еще въ 1862 и 1863 годахъ «ходъ польскаго возстанія и паденіе нигилистовъ окончательно потрясли въ немъ вѣру въ его идеалы»; а дальше оказывается, что въ 1864 году онъ звалъ къ себѣ въ Добруджу эмигрантовъ изъ Европы для всевозможныхъ соціальныхъ опытовъ. Вообще разсказъ объ этомъ времени, когда въ Кельсіевѣ надламывалась вѣра въ его прежніе кумиры, страдаетъ особеннымъ отсутствіемъ ясности, можетъ быть вслѣдствіе туманности самаго времени. Объ эту пору молнія мысли уже почти не появляется въ бурѣ чувствъ г. Кельсіева. Можно сказать только, что онъ уразумѣлъ несостоятельность своихъ мечтаній и впалъ въ отчаяніе. Наши слова покажутся, можетъ бытъ, слишкомъ жестокими, но мы все-таки скажемъ, что и здѣсь вѣроятно звенѣла старая струна, что г. Кельсіеву жалко было разстаться съ обстановкой революціи. Мы рѣшаемся даже утверждать, что это былъ одинъ изъ главныхъ факторовъ его отчаянія, потому что иначе онъ не могъ бы поправиться послѣ той страшной ампутаціи, которую онъ совершилъ надъ собой. Какъ бы то ни было, но отчаяніе г. Кельсіева не имѣло предѣловъ. Онъ впалъ уже въ дѣйствительный заправскій нигилизмъ. Онъ отвернулся отъ всего міра. Онъ «сосредоточился, ушелъ въ себя и пришелъ къ такимъ отрицаніямъ, до какихъ едва-ли кто-нибудь доходилъ». Онъ «проклялъ міръ, родъ человѣческой, мысль, чувство, свои воспоминанія и свои надежды». Это понятно. У него было отнято все. Но это *все*, чему онъ отдавался весь, было не *все*, а *часть*, вѣчто половинчатое и одностороннее. И потому, можно бы было, даже не зная его дальнѣйшей судьбы, предсказать, что онъ опять встанетъ на ноги. Ему нужно было только какъ-нибудь совершенно случайно наткнуться еще на какую-нибудь сторону жизни, и онъ такъ же узко, односторонне и пылко ухватился бы и за нее. Такъ и случилось.

Г. Кельсіевъ жилъ въ періодъ этого своего настоящаго нигилизма въ Яссахъ. Онъ все проклялъ, все отрунулъ, но не могъ отказаться отъ двухъ вещей: *быть* и *думать*. «Въ періодъ моего діогенства — говоритъ онъ — я никакъ не могъ отказаться отъ передумыванья разныхъ спорныхъ, прежде дорогихъ мнѣ, научныхъ вопросовъ о славянской миеологіи и филологіи, которыми я занимался въ старое время. Грамматическія формы и обрывки миеовъ то и дѣло носились у меня въ памяти и невольно сосредоточивали на себѣ мое вниманіе, а отъ мірскаго

и житейского умъ мой сталъ совершенно «свободенъ». Г. Кельсievу улыбнулась наука и его стало уже опять тануть на Западь. Садится онъ въ одинъ прекрасный день на пароходъ. «Куда онъ ѣхать, онъ не знаетъ. У него не было ни одного плана». Пароходъ сталъ подѣвзгать къ Вѣнѣ, и ему захотѣлось на нее посмотрѣть, такъ, просто, безъ опредѣленной цѣли. Въ Вѣнѣ окончательно развернулись прорсвущіеся въ Яссахъ стремленія къ филологіи. Онъ назвался турецкимъ подданнымъ Ивановымъ-Желудковимъ, раскольникомъ хлыстовской секты, сталъ ходить на лекціи въ университетъ и сдѣлался постояннымъ посѣтителемъ Славянской Весѣди. Здѣсь въ г. Кельсievѣ совершился необычайный переворотъ, необычайный по своей быстротѣ и по своей рѣзкости. Если принять въ соображеніе, что въ концѣ 1866 года (а можетъ быть и въ началѣ 1867), онъ былъ еще въ Яссахъ и предавался полнѣйшему и настоящему нигилизму, а о парижскомъ покушеніи 25-го мая узналъ уже въ Россіи, на дорогѣ въ Петербургъ, то на самый психическій переворотъ остается изумительно малое число дней. А переворотъ былъ крутой: г. Кельсievъ изъ нигилиста на малпрѣ герой повѣсти г. Тургенева «Довольно» превратился въ панслависта... Вотъ какъ живучъ г. Кельсievъ и какъ быстро становится онъ на ноги. Разбито было все, чѣмъ человекъ жилъ девять лѣтъ; упалъ человекъ изнеможенный и обезсмысленный, и нѣсколькихъ мѣсяцевъ пребыванія въ Вѣнѣ, въ средѣ молодыхъ славянъ, достаточно было для воскресенія его изъ мертвыхъ!... Нѣтъ, чудеса не прекратились, они у насъ воочію совершаются...

Однако, чудеса чудесами, но поискать ихъ причины все-таки не мѣшаетъ. Замѣйте, что г. Кельсievъ въ первое время пребыванія своего въ Вѣнѣ наталкивался на такіа явленія, отъ которыхъ, какъ онъ самъ говоритъ, его просто коробило. Онъ не считалъ себя русскимъ, стыдился за Россію, а молодые славяне, утверждаетъ онъ, всѣ поголовно обожаютъ ее. Онъ привыкъ уважать «конституціонный порядокъ, свободу личности, федерацію, свободу слова», а молодые славяне все это отрицали и съво полемическомъ увлеченіи даже доходили до апогеозовъ ину-та, самоуправства, нагайки донскихъ казаковъ и предвартельной цензуры». И въ такой-то средѣ, которая со всею жизнью г. Кельсиева не имѣла ничего общаго, онъ ориентировался такъ быстро. Онъ указываетъ еще на одинъ элементъ, который дѣлалъ его чужимъ среди славянъ, на свое «невѣжество, которое уже разъ сдѣлало изъ него эмигранта и агитатора, даже помимо согласія Герцена и Огарева». Онъ былъ круглымъ невѣждой относительно славянъ (по крайней-мѣрѣ какъ живыхъ людей) и въ нѣсколько мѣсяцевъ узналъ ихъ, полюбилъ, полюбилъ черезъ нихъ Россію, и опредѣлились для него даже въ будущемъ взаимныя отношенія славянъ и Россіи. Все это было бы, разумѣется, невѣроятно, еслибы это рассказывалъ не г. Кельсievъ, каждому слову котораго мы безусловно вѣримъ. И каково бы ни было наше

личное отношеніе къ тому, чѣмъ жилъ г. Кельсіевъ върадѣ и чѣмъ онъ живетъ теперь, мы не можемъ отнѣзять ему въ нашемъ, разумѣтся условномъ, уваженіи. Да и вся жизнь г. Кельсіева, все его прошлое таково, что мы не можемъ, не смѣемъ ему не вѣрить. То-есть невозможны для насъ сомнѣнія въ его искренности, но это не мѣшаетъ намъ самымъ скептическимъ образомъ относиться къ разсказываемымъ имъ фактамъ. Если онъ намъ скажетъ, что онъ видѣлъ свинью въ ермоклѣ, что на его глазахъ курочка бычка родила и поросеночекъ личко съелъ, мы ему повѣримъ. Онъ дѣйствительно, значить, видѣлъ, но мы, можетъ быть, и усомнимся въ реальномъ существованіи свиньи въ ермоклѣ. Онъ въ этомъ отношеніи совершенно уподобляется тѣмъ наивнымъ гуцуламъ, о которыхъ онъ разсказываетъ: «увѣренность въ людяхъ (гуцульскіе гномы) сдѣлала то, что гуцулы дѣйствительно ихъ видѣли и дѣйствительно съ ними разговаривали и видѣли ихъ красныя шапочки» (Галичина и Молдавія, 256). Г. Кельсіевъ въ своихъ сужденіяхъ восходитъ не отъ частнаго къ общему, а наоборотъ. Не фактами опредѣляется его міросозерцаніе и общее настроеніе, а напротивъ общее настроеніе, почерпнутое изъ области фантазіи, опредѣляетъ вѣсь, мѣру и цвѣтъ фактовъ. Когда онъ говоритъ, напримѣръ, что вездѣ въ славянскихъ земляхъ, въ Молдавіи, къ кому бы онъ ни обратился, къ чехамъ, галичанамъ, сербамъ, молдаванамъ, отъ всѣхъ онъ слышалъ однѣ и тѣ же похвалы Россіи и одно и то же желаніе подойти подъ скипетръ русскаго царя, когда онъ говоритъ это, мы ему вѣримъ, онъ несомнѣнно слышалъ эти похвалы и желанія. Но въ то же время мы смотримъ на общее настроеніе г. Кельсіева. Настроеніе это состоитъ въ любви къ Россіи и въ увлеченіи мыслью о единствѣ славянъ. Для насъ все становится понятнымъ: къ его общему настроенію подгоняются факты и подгоняются сами собой, невольно. Происходитъ это такимъ образомъ, что г. Кельсіевъ слышитъ только то, что подходитъ къ его міросозерцанію въ данную минуту, и не слышитъ ничего противоположнаго, вслѣдствіе чего именно для него и не существуютъ загадки. Это свойство всѣхъ сильныхъ, но одностороннихъ увлеченій. Пріѣзжаетъ, напримѣръ, г. Кельсіевъ въ Россію, пріѣзжаетъ въ самомъ радужномъ настроеніи духа, и отблескъ этой радуги озаряетъ всѣ встрѣчающіеся ему на пути факты. Становой приставъ, обыскающій его, позволяетъ ему оставить при себѣ складную ножъ. Г. Кельсіевъ сейчасъ же замѣчаетъ: «Можно, спрашивается, обойтись вѣжливѣе? — а только русскіе такъ умѣютъ». Исправникъ встрѣчаетъ его вѣжливымъ вопросомъ; онъ пишетъ: «гдѣ въ западной Европѣ встрѣтите вы такую человѣчность?» Жандармъ объясняетъ другому, что онъ долженъ за порядкомъ смотрѣть, а не драться, г. Кельсіевъ приходитъ въ восторгъ. Пьяный солдатъ произноситъ такую рѣчь:

«Какая же я сволочь? Почему вы говорите, что я сволочь? Я

ношу мундиръ, на службѣ состою, значить, на государственной службѣ, говорится, на хорошей. Такъ развѣ я могу быть сволочью? Развѣ сволочь на службу принимаютъ? Я ношу мундиръ, такъ же я буду сволочь? Сами рассудите, по какому праву вы ниѣ сказали, что я сволочь?» и т. д.

Сами рассудите, по какому праву г. Кельсіевъ приходитъ по поводу этого перла ораторскаго искусства въ восторгъ и видитъ въ немъ свидѣтельство несомнѣннаго русскаго прогресса за послѣднее время? Прогрессъ этотъ дѣйствительно несомнѣненъ, но можемъ увѣрить, если не увѣрить, г. Кельсіева, что пьяные солдаты у насъ и прежде довольно часто произносили такіе рѣчи. Для г. Кельсіева онѣ новость только потому, что онъ прежде смотрѣлъ на нихъ иначе. При томъ же самый этотъ поучительный разговоръ есть, такъ-сказать, мечъ обоюдоострый: если одинъ пьяный солдатъ такъ высоко ставитъ государственную службу, что возмущается, когда его, состоящаго на этой службѣ, обругали сволочью, то вѣдь обругавшій-то сволочью этого значенія государственной службѣ, значить, въ такой же мѣрѣ не понимаетъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ этотъ же фактъ былъ бы вывернуть г. Кельсіевымъ наизнанку и послужилъ бы для него доказательствомъ крайней неразвитости нашихъ солдатъ. Вся бѣда въ томъ, что онъ имѣетъ уши не для того, чтобы *слышать*, а для того, чтобы *слухать*. Еслибъ эти уши были одинаково открыты для всѣхъ фактовъ, для всѣхъ сторонъ, г. Кельсіевъ не былъ бы, можетъ быть, ни эмигрантомъ, ни панславистомъ. Эта пригонка къ извѣстному, заранее поставленному принципу заводитъ его иногда въ чрезвычайно оригинальныя логическія трущобы.

И такъ, говоримъ мы, мы вѣримъ всѣмъ словамъ г. Кельсіева, но сомнѣваемся иногда въ сообщаемыхъ имъ фактахъ. Когда онъ говоритъ, что онъ въ нѣсколько мѣсяцевъ узналъ бытъ, нужды, желанія и стремленія славянъ, онъ говоритъ совершенно искренно, ему кажется, что онъ дѣйствительно узналъ все это. Но это не мѣшаетъ намъ думать, что онъ ничего этого не знаетъ. Точно также сомнѣваемся мы и въ вѣрности одѣнни г. Кельсіевымъ причинъ, побудившихъ его возвратиться въ Россію. Впрочемъ, тутъ собственно и сомнѣваться не въ чемъ. Г. Кельсіевъ не столько излагаетъ причины переворота, сколько изумляется ему и благодаритъ за него судьбу. Приходится реставрировать пробѣлъ.

Г. Кельсіевъ, еще будучи въ Вѣнѣ, сначала догадывается, что наша государственная жизнь слагается двумя путями, что у насъ двѣ потребности, которыя идутъ параллельно и одинаково требуютъ удовлетворенія. Одна изъ нихъ — *внутреннія преобразования*; другая — *опредѣленіе границъ* сліяніемъ воедино всѣхъ славянскихъ племенъ, въ какой бы формѣ ни совершилось это сліяніе, въ видѣ ли Бѣлградской губерніи, Бѣлград-

сваго намѣстничества, или въ видѣ Slavisched Bund, United Slavonian State». Мы не повторимъ г. Кельсіеву отрезвляющаго вопроса Санхо-Панчо Донъ-Кихоту: «на какиъ же деньги благородные рыцари изволятъ странствовать по бѣлу свѣту?» Г. Кельсіевъ этого вопроса не любить (вообще, какъ только дѣло дойдетъ до такой холодной и молчаливой штуки, какъ цифры, г. Кельсіевъ совершенно пасуетъ). Поэтому-то ему и кажется, что «мы, при всѣхъ нашихъ долгахъ и финансовыхъ затрудненіяхъ, все-таки богаты», и что не бѣда, еслибъ помощь славянамъ «тяжело отозвалась на нашемъ бюджетѣ». Онъ увѣряетъ даже, что одинъ священникъ въ семь лѣтъ присоединилъ къ православію *дотсти восемьсотъ* мазуровъ. Понятное дѣло, что это опечатка, но опечатка очень характеристичная). Но любопытно бы было знать, почему г. Кельсіевъ лично для себя избралъ не скромную дѣятельность по части *внутреннихъ преобразованій*, а грандіозное дѣло *опредѣленія границъ*? Оувѣтъ даетъ вся жизнь г. Кельсіева: онъ выбралъ грандіозное дѣло потому, что оно грандіозно, и отринуть скромное потому, что оно скромно. Здѣсь же лежитъ и ключъ къ уразумѣнію послѣдняго пованія и послѣдняго увлеченія г. Кельсіева: грандіозное дѣло нашлось. Г. Кельсіевъ, живя въ средѣ славянъ, прислушивался къ глухому шуму славянскаго вопроса, который въ сотый разъ выдвигается исторіей впередъ, хотя и можетъ разрѣшаться черезъ годъ, а можетъ и черезъ сто лѣтъ. Г. Кельсіевъ сложилъ-было съ себя всѣ мечты и проклялъ всѣ свои надежды, потому что не было подъ руками дѣла героическаго, таковаго дѣла, отъ котораго могла бы закружиться голова, — судьба подтасовала славянскій вопросъ. Г. Кельсіевъ, благодаря вѣнскимъ студентамъ, додумался до того, что вопросъ не можетъ быть рѣшенъ иначе, какъ слитіемъ съ Россіей. И вотъ опять замелькало передъ нимъ что-то въ родѣ стариннаго краснаго плаща, только на новой подкладкѣ. Чутье авантюриста сказало, что здѣсь есть пожива. Онъ пустился изучать Галицію, или, какъ онъ ее называетъ, «Галичину», «Галицко-Володнмирское королевство». «Путешествіе это было довольно опасное». Любопытно слѣдить, какъ г. Кельсіевъ *изучалъ* Галицію. Поѣхалъ онъ туда, какъ онъ увѣряетъ, еще полный сомнѣніями. Онъ «искренно вѣрилъ въ то, что для поляковъ есть возможность существовать отдѣльно». Вѣнскіе студенты отрицали это, но онъ «нигъ не вѣрилъ и вѣрять нигъ было ему отвратительно». Онъ поѣхалъ, чтобы лично провѣрить вопросъ на мѣстѣ столкновенія русннской и польской національностей. И, однако, изъ втораго его письма, изъ Цереминшля, видно, что онъ уже порѣшилъ вопросъ и поѣхалъ въ Галицію съ готовымъ а priori рѣшеніемъ. Онъ уже въ этомъ второмъ письмѣ (а нигъ всѣхъ тридцать-два) «начинаетъ соглашаться съ тѣми историками, которые говорятъ, что гибель Польши была неизбежна».

Пригонка фактовъ въ приписанной мѣрѣ производится г. Кальсіевымъ самымъ прозрачнымъ образомъ. Видитъ онъ, напримѣръ, что русины лѣтныи, на подъемъ гижели, однимъ словомъ, тѣфяки. Онъ объясняетъ это пятистолѣтнимъ польскимъ гнѣтомъ и утверждаетъ, что у русина одна мечта, одна мысль — избавиться отъ поляка и отъ еврея, и сонъ ни за что приняться не хочетъ, ожидая, когда наступитъ этотъ желанный часъ». Мы ничего не имѣемъ противъ этого объясненія, потому что въ настоящей статьѣ ни объ чемъ, кромѣ личности г. Кальсіева, не говоримъ и не намѣрены говорить. Но тѣмъ не менѣе для насъ явнѣе ясно, что это объясненіе пригаданное, ибо на той же страницѣ г. Кальсіевъ высказываетъ предположеніе, что Олегъ такъ охотно промѣнялъ Новгородъ на Кіевъ и такъ хорошо устроился въ теперешней южной Россіи потому, что южноруссы уже тогда были тѣфяками. Онъ категорически говоритъ: «Вотъ откуда пошла естъ русская земля — отъ безсильна холцацкаго». А мы уже отпраздновали тысячелѣтіе Россіи. Слѣдовательно, южноруссы «ни за что приниматься не хотѣли» еще, по крайней-мѣрѣ, за пятьсотъ лѣтъ до пятистолѣтняго польскаго гнѣта.

Нечего, значитъ, и говорить о томъ, что г. Кальсіевъ похвалъ въ Галицію съ цѣлію вровѣрить на мѣстѣ какой бы то ни было вопросъ,—всѣ занимавшіе его вопросы были имъ рѣшены уже въ Вѣнѣ. А похвалъ онъ такъ себя,—людей посмотрѣть и себя показать, въ особенности послѣднее. Съ чего онъ, напримѣръ, прохаживалъ къ гуцуламъ? А вотъ съ чего. Увидѣлъ онъ гуцульскіе топоры, которые показали ему очень похожими на топоры бронзоваго періода цивилизаціи. «Отискать слѣды бронзоваго періода въ XIX вѣкѣ было лестно, говорить онъ, но еще лестнѣе было отискать ихъ у русскихъ», и г. Кальсіевъ похвалъ къ гуцуламъ. А гуцулы этими самыми топорами вотъ какъ шутокъ выкидываютъ. «Перешибутся иногда и какую нибудь нелюбимую оноворенную дѣвку, которую надо *разомычать*, потому что она лишилась невинности, привяжутъ за косу къ столбу и отсѣкутъ ей косу, метая въ нее этими топориками». Поистинѣ слѣды бронзоваго періода! но почему показалось г. Кальсіеву, что ихъ въ XIX вѣкѣ отискать *лестно* и еще *лестнѣе* отискать именно у русскихъ, — это известно только Богу и г. Кальсіеву. Вотъ до какого страшнаго натріотизма доводитъ г. Кальсіева его стремленіе въ мѣръ подвиговъ и путешествій. Неужели-же онъ въ самомъ дѣлѣ жертва новой, а не старой исторіи? Воимите любаго пошляка, —мы ужъ не говоримъ того-нибудь повруннѣе, пошляка возьмите въ родѣ Ситникова, въ которомъ новая исторія отразилась какъ солнечный лучъ въ гранной лужѣ, —и этотъ пошлякъ не скажетъ, что лестно открыть слѣды бронзоваго періода у русскихъ. А г. Кальсіевъ говоритъ это, но у насъ не повернется языкъ назвать его пошлякомъ. Онъ просто несчаст-

ный человекъ, и корень его несчатія лежитъ въ нашемъ прошедшемъ, въ томъ прошедшемъ, которое сдирало съ мужика послѣдній грошъ на благотворительное дѣло; въ томъ прошедшемъ, которое уносило въ обаятельный миръ подвиговъ и путешествій; въ томъ прошедшемъ, въ которомъ такъ отвратительно переплетались барство и рабство и которое не умѣло сводить прихода съ расходомъ. Туда-то и должны направиться его проклятія и сѣтованія. А если новая исторія и опредѣлила форму, въ которую вылилась старая сущность, то только въ такой-же мѣрѣ, въ какой кухонная форма опредѣляетъ фигуру гороховаго киселя: его можно видѣть на тарелку въ видѣ башни какой-нибудь, но и тутъ и тамъ будетъ все тотъ-же кисель гороховый...

Прокатившись такимъ образомъ по Галиціи, г. Кальсіевъ, разумѣется, окончательно убѣдился въ своей мысли о необходимости слиянія славянъ подъ сѣнью Россіи. Затѣмъ онъ попадетъ, волею судьбы и графа Голуховскаго, въ Ясны, тамъ объявить о своемъ желаніи вернуться въ Россію, потомъ явился въ Скулянскую таможену, по дорогѣ вспомнилъ предсказаніе г. Погодина г. Герцену, что онъ вернется въ Россію, потому что всѣ русскіе бродяги, промотавъ послѣднюю копейку и хвативъ для храбрости шкалинкъ, сами сдаются становому; сдался и былъ отвезенъ въ Петербургъ. Все это сопровождалось, разумѣется, не малыми количествомъ сильныхъ ощущеній. Въ Петербургѣ онъ испыталъ новое удовольствіе: «что ни говорите, говоритъ онъ, но, есть своего рода удовольствіе обращать на себя общее вниманіе и служить предметомъ толковъ: это какъ-то щекочетъ самолюбіе». Нынѣ онъ занимается славянскимъ вопросомъ и забывается, на какія деньги странствуютъ благородные рыцари.

Мы обѣщали предсказаніе. Вотъ оно. Если славянскій вопросъ всплыветъ и втянетъ въ себя Россію, — г. Кальсіевъ пойдетъ въ самую середину огня и, можетъ быть, сложитъ свою буйную голову за какихъ-нибудь современныхъ представителей бронзоваго періода. Если же окажется, что г. Кальсіевъ не совсѣмъ хорошо узналъ въ нѣсколько мѣсяцевъ нужды и стремленія славянъ; если политическія событія отодвинутъ рѣшеніе славянскаго вопроса или даже рѣшатъ его, но безъ треску и грома; если и это поле для геройскихъ подвиговъ исчезнетъ, — г. Кальсіевъ проклянетъ свое увлеченіе и увлечется... Чѣмъ? этого мы не можемъ предсказать. Спиритизмомъ, можетъ быть, а можетъ быть уйдетъ въ Южную Америку и сдѣлается претендентомъ на кресло президента Парагвайской республики...

НОВЫЯ КНИГИ.

Внучка панцырнаго боярина. Романъ изъ времени послѣдняго польскаго мѣтежа. И. И. Лажечникова. Въ трехъ частяхъ. Спб. 1868 г.

Кто любить добродѣтель и желаетъ продолжать любить ее, тотъ пусть не читаетъ новаго романа г. Лажечникова. Помимо воли почтеннаго автора, добродѣтель является въ его произведеніи не въ видѣ скромной и почтенной личности, которая дѣйствуетъ честно и справедливо, потому что для нея это самая естественная и согласная съ указаніями здраваго разсудка форма дѣйствія, но въ видѣ надоедливой старухи-салопницы, которая никакъ не дѣйствуетъ и не поступаетъ, а только выпрашиваетъ грошъ, въ вознагражденіе за свою бессодержательную болтовню.

Кто любить порокъ—тоже пусть не читаетъ романа г. Лажечникова. Правда, что порокъ въ этомъ романѣ ни въ комъ не возбудитъ негодованія, никого не заставитъ страдать нравственно (что, какъ извѣстно, для безнравственнаго читателя хуже ножа остраго), но въ то же время онъ не представляетъ никакихъ прیمانогъ, а слѣдовательно не имѣетъ никакихъ шансовъ въ смыслѣ прозелитизма. Порокъ является здѣсь въ видѣ плохаго провинціального актера, который намазываетъ себѣ сажей лицо, съ цѣлю возбудить въ зрителяхъ ужасъ или состраданіе, а вмѣсто того, возбуждаетъ только смѣхъ.

Вообще, ежели кто-нибудь что-нибудь любить, кто-нибудь о чемъ-нибудь думаетъ—тотъ пусть не читаетъ романа г. Лажечникова.

Романъ этотъ слѣдуетъ читать въ тѣ минуты, когда мозговое вещество утомлено и безучастно въ впечатлѣніямъ, приходящимъ извнѣ, когда на дворѣ царствуетъ темная ночь, а въ комнатѣ нѣтъ ни одной свѣчи. Вы спросите, читатель, какія же образомъ можно читать ночью безъ свѣча? На это мы отвѣтимъ: ежели нельзя, то слѣдовательно и читать не нужно.

Мы очень хорошо понимаемъ, что г. Лажечниковъ имѣетъ за собой весьма почтенное прошедшее; мы помнимъ, что его «Послѣдній Новикъ», «Ледяной домъ» и «Басурманъ» доставляли намъ когда-то большое удовольствіе (а давненько-таки, признаться, мы читали ихъ), но потому-то именно мы и убѣждаемъ всѣхъ

и каждаго: останьтесь при тѣхъ впечатлѣнiяхъ, которыя оставилъ въ васъ прежнiй Лажечниковъ, и не читайте новаго Лажечникова.

Герои почтеннаго автора раздѣляются на добродѣтельныхъ и порочныхъ. Первые одарены прекрасною и привлекательною наружностью: мужчины имѣютъ хорошия ростъ, женщины — поражаютъ соразмѣрностью формъ и обжигаютъ молнiей глазъ; оба пола великодушны и порывисты, даже почти неразумительны въ своихъ движенiяхъ (такъ, на примѣръ, старикъ Ранѣевъ (ч. I, стр. 28), въ порывѣ великодушiя, приказываетъ дать почтальйону гривенникъ, вмѣсто обыкновенныхъ трехъ копеекъ, слѣдующихъ за доставку письма); они не помнятъ зла, никогда ничѣмъ не хвастаются, кромѣ добродѣтели, на фортепиано играютъ не только прекрасно, но вдохновенно, не читаютъ ни Бокля, ни Молещотта, ни даже Либиха, и за всѣмъ тѣмъ имѣютъ умъ проницательный. Напротивъ того, порочные герои одарены и виѣшностью самою безтолковою: глаза у нихъ «кошачьи», а ежели не кошачьи, то испускаютъ «какой-то демоническiй блескъ», котораго не смягчаетъ даже «демоническая усмѣшка на губахъ»; они вѣроломны и охотно эксплуатируютъ московскихъ купчихъ, наклонныхъ къ тѣлесной любви; они не даютъ почтальйону гривенника; они не хвастаются, но не потому, чтобы не хотѣли хвастаться, а потому, что нечѣмъ; они играютъ на фортепиано посредственно и во всякомъ случаѣ не вдохновенно; они читаютъ Бокля, Молещотта и Либиха, и за всѣмъ тѣмъ не имѣютъ ума, а ежели и имѣютъ, то не проницательный.

При такихъ условiяхъ, казалось бы, первымъ слѣдовало наслаждаться и торжествовать, вторымъ же — скитаться по свѣту съ Молещоттомъ подъ мышкой и угрызениями въ душѣ; но у г. Лажечникова выходитъ совсѣмъ на оборотъ. Коли хотите, добродѣтель въ концѣ концовъ и торжествуетъ, но уже до того поводно, что въ минуту торжества, побѣдитель, отъ старости и разстройства умственныхъ способностей, вмѣсто побѣднаго клика, можетъ испустить только слабый пискъ. Напротивъ того, пороки хотя и наказываются, но уже тогда, когда онѣ успѣли перепортить цѣлыя стада добродѣтельныхъ людей, и когда, исполнивъ свою задачу, онѣ могутъ спокойно сложить руки и сказать: ну, теперь мнѣ на все наплевать!

Мы знаемъ, что это такъ изстари заведено, чтобы торжеству добродѣтели предшествовали нѣкоторыя предварительныя изстязанiя, и что безъ этого никакой романъ состояться не можетъ; но мы знаемъ также, что въ этихъ случаяхъ, для успокоенiя встревожившейся совѣсти читателя, всегда дается какаа-нибудь конфетка, которая и помогаетъ угнетенной добродѣтели справиться съ изстязанiями. Такъ, на примѣръ, добродѣтельному, но угнетенному чиновнику assignsя изъ государственнаго казначейства пенсия; оставленной на произволь судьбы сиротѣ яв-

дается на помощь благодѣтельная старушка, которая учитъ ее пофранцузски и танцовать. Все это дѣлаетъ жизнь униженныхъ, но добродѣтельныхъ людей довольно приятно, такъ что, порою, они даже и сами не могутъ объяснить, въ чемъ заключается такъ-называемое угнетеніе. Но поэтому-то именно они и не торопятся восторжествовать слишкомъ скоро надъ порокомъ, они какъ будто говорятъ: пускай, молъ, его пороскошничаетъ; все равно, ему не уйти нашихъ рукъ, а между тѣмъ И. И. Лажечниковъ успѣетъ написать романъ.

Герой романа, заглавіе котораго выписано выше, нѣкто старикъ Ранѣевъ, чиномъ генералъ, но до того безпутный, что даже, при совершенномъ оскудѣніи въ генералахъ, трудно себѣ представить, какими путями подобный сорванецъ могъ добиться генеральскаго чина. Типическую черту его характера составляетъ, такъ-называемая, честность, которая выражается, вопервыхъ, въ томъ, что кого бы и гдѣ бы онъ ни встрѣтилъ, сейчасъ же начинаетъ лаять на луну; вовторныхъ, въ томъ, что лицо у него во всякое время свободно передергивается отъ негодованія, и втретьихъ, въ томъ, что онъ кричитъ на столоначальниковъ: «негодяи!» полагая, вѣроятно, что это самый дешевый и притомъ совершенно безнаказанный способъ сдѣлаться благодѣтелемъ рода человѣческаго. Но за всѣмъ тѣмъ, старикашка и не безъ хитрости, какъ это явствуетъ изъ того, что, въ видахъ устройства своей генеральской карьеры, онъ не брезгуетъ расположить къ себѣ нѣкоего Анонима, предложивъ ему взаимн значительной суммы денегъ. Другая типическая черта его характера — это порывистость движеній, съ помощью которой, онъ, среди многолюдной улицы, хватается за воротникъ неизвестнаго человѣка, вступаетъ съ нимъ въ борьбу и разбиваетъ при этомъ свои очки. Сверхъ того, онъ не можетъ безъ слезъ видѣть гравюрь, изображающихъ женщинъ, кормящихъ грудью младенцевъ, и предпочитаетъ ихъ тѣмъ, въ которыхъ изображены просто обнаженныя, купающіяся женщины.

Этотъ безтолково-стремительный, но не чуждый созерцанія женскихъ грудей старецъ встрѣчается на Кузнецкомъ мосту съ другимъ добродѣтельнымъ героемъ, Сурминимъ, отставнымъ кавалергардомъ, который также не чуждъ склонности къ созерцанію женскихъ грудей. Встрѣчаются они передъ выставкой магазина Дациаро, гдѣ созерцательности этого рода представляется, какъ извѣстно, богатая пожива. Оказывается, что какъ ни добродѣтеленъ старикъ Ранѣевъ, но ему небезизвѣстно о существованіи юноши, который, при видѣ купающихся женщинъ, «хотѣлъ бы превратиться въ волну, которая скатывается по ихъ прекраснымъ формамъ». Оказывается также, что и Сурминъ, несмотря на то, что служилъ въ кавалергардскомъ полку, этомъ рассадникѣ отечественнаго пѣломудрія, тоже не прочь отъ знакомства съ атрисами и камелиями, и даже нѣкоторымъ изъ нихъ «разрешить себя

похитить на нѣсколько уповѣтельныхъ часовъ». Люди столь цѣломудренныя не могли не понять другъ друга съ перваго взгляда, и вотъ между ними завязывается обмѣнъ мыслей, изъ котораго читатель узнаетъ, что Сурминъ, независимо отъ основательнаго воспитанія по части картинокъ, приобрѣтеннаго на службѣ въ кавалергардскомъ полку, когда-то былъ одолженъ Ранѣву правильнымъ рѣшеніемъ его дѣла («негодяи!» крикнулъ онъ въ то время на столоначальниковъ, и этимъ восклицаніемъ сразу разрѣшилъ дѣло Сурмина). Тѣмъ не менѣе, очень можетъ быть, что этотъ разговоръ такъ бы на этомъ и кончился, еслибъ Ранѣвъ не вѣдпился въ какого-то прохожаго молодца, въ которомъ онъ заподозрилъ врага своего, коллежскаго совѣтника Киноварова, не вступилъ съ нимъ въ борьбу и не разбилъ себѣ при этомъ головы. Тогда потребовалось ѣхать домой, и, разумѣется, не иначе, какъ въ сопровожденіи Сурмина.

Дѣла ихъ встрѣчаетъ дочь Ранѣва, Лиза, которая тотчасъ же обжигаетъ Сурмина молніей глазъ. Но, увы!—она любитъ уже другаго, а именно поляка Владислава Стабровскаго. Стабровскій, впрочемъ, малый отличный; онъ состоитъ въ Москвѣ на службѣ и обращаетъ на себя вниманіе начальниковъ, а повтому могъ бы даже считаться обладающимъ проницательнымъ умомъ, еслибы не сбивала его съ толку польская интрига. Онъ хорошъ собой (г. Лажечниковъ удостовѣряетъ даже, что на лицѣ его «отпечатывался типъ Авзонія»), но глаза его испускаютъ демоническій блескъ, въ чемъ опять-таки оказывается виновною польская интрига. Онъ и съ своей стороны любитъ Лизу, но польская интрига, въ лицѣ капитана Жвирядовскаго, и тутъ представляется свое разрушительное дѣйствіе. Въ колебаніяхъ между Лизой и польской интригой застааетъ его начало романа, и, къ величайшему сожалѣнію читателей, побѣдительницею остается не Лиза, а польская интрига. И что всего замѣчательнѣе—чтобы разсѣчь этотъ узелъ, Лизѣ стоило только сказать: а троя. Еслибъ она выговорила эти простые слова, Владиславъ не бѣжалъ бы до ясу, и романъ былъ бы конченъ на двадцатой страницѣ. Но она не говоритъ ихъ; почему не говорить?—а просто потому: дай, не скажу, авось это поможетъ И. И. Лажечникову написать романъ.

Разумѣется, добродѣтельному кавалергарду Сурмину такіа колебанія очень на руку, тѣмъ болѣе, что у Лизы есть пріятельница, премилая блондинка Антонина Лорина, которая тоже способна обжигать молніей глазъ. Въ этомъ миломъ обществѣ, онъ, какъ говорится, катается, какъ сыръ въ маслѣ.

Повуда Сурминъ наслаждается, Стабровскій съ товарищами, въ самомъ сердцѣ Москвы, организуютъ измѣну. Но такъ-какъ, безъ всякаго сомнѣнія, г. Лажечниковъ не былъ лично свидѣтелемъ совѣщаній польскихъ повстанцевъ, то мы предполагаемъ, что начертанныя имъ по этому поводу сцены суть сцены вымышленныя и совершенно несоотвѣтствующія дѣйствительности. По-

чтенный авторъ, очевидно, руководствовался въ этомъ случаѣ стариннымъ правиломъ, въ силу котораго чѣмъ нелѣпѣе и неестественнѣе живописуется неприятный субъектъ, тѣмъ лучше. Такъ, напримѣръ, поляковъ онъ рисуетъ и вѣроломными, и провозадными, и сластолюбивыми, и безмозглыми и вообще неоставляющимися напередъ какою подлостью; ежели же и находится въ нихъ какое нибудь человѣческое свойство, смягчающее нѣсколько вышеупомянутыя звѣрскіе инстинкты, то свойство это—безуміе. Напротивъ того, русскихъ онъ изображаетъ добродѣтельными, но въ то же время до того легкомысленными и легковѣрными, что они даже у себя подъ носомъ ничего не видятъ. Онъ забываетъ, во первыхъ, что въ природѣ вообще не существуетъ сплошныхъ злодѣевъ, а вовторыхъ, что легкомысліе, даже въ соединеніи съ добродѣтелью, тоже не Богъ-знаетъ какой драгоценный алмазъ, чтобы можно было имъ хвалиться и выставлять на показъ.

Затѣмъ, что происходитъ далѣе — мы рѣшительно не можемъ пересказать нашимъ читателямъ. Является множество новыхъ лицъ, совершенно ничѣмъ невызываемыхъ и ни для чего ненужныхъ; эпизодъ лѣпится на эпизодъ безъ всякой естественной связи съ предыдущимъ и послѣдующимъ; люди бродятъ изъ угла въ уголъ, не находя себѣ ни занятія, ни пристанища, словно души грѣшниковъ въ чистилищѣ, этомъ случившемся изъ всѣхъ скучнѣйшихъ помѣщеній. Ранѣевъ умираетъ жертвою приливовъ правдолюбія, которые не помѣшали, однакожъ, ему прожить до глубокой старости; Сурминъ, какъ истинный кавалергардъ, не смутившись отказомъ Лизы, обращается съ своими чувствами къ Тоничѣ и сочетается съ нею законнымъ бракомъ; Владиславъ, имѣвшій однажды русскому правительству, намѣняетъ и дѣлу повстанія, за что, съ одной стороны, получаетъ руку и сердце Лизы, а съ другой стороны, пулю въ грудь отъ одного изъ новостанцевъ; Киноваровъ проигрываетъ въ карты все состояніе, и съ отчаянія тонитъ въ рѣкѣ...

Когда-то г. Лажечникову былъ высказанъ совѣтъ 'оставить область творчества и заняться, будо онъ находитъ для себя литературный трудъ небезполезнымъ, наданіемъ мемуаровъ, которые во всякомъ случаѣ должны быть небезынтересны. Совѣтъ этотъ мы и съ своей стороны находимъ весьма разумнымъ, и охотно присоединяемъ къ нему нашъ слабый голосъ.

Воспоминанія Прошедшаго. *Были, рассказы, портреты, очерки и проч. Астора «Провинціальныя Воспоминанія».* Москва. 1868.

Вотъ и еще старичекъ, и притомъ презлопамятный. Все, что видѣлъ или слышалъ въ теченіе своей многолѣтней жизни—все это онъ аккуратно записалъ на бумажку и теперь неукоснительно передаетъ тисненію. Нельзя сказать, конечно, чтобы видѣнное слышанное имъ было особенно умно; скорѣе можно даже такъ

выразиться, что это не болѣе, какъ безпорядочный сбродъ анекдотовъ изъ области свовидѣній. Все, что автору или его знакомымъ приходилось видѣть во снѣ, пересказывается читателю, какъ фактъ, не требующій разрѣшенія; то же, что удавалось имъ видѣть на яву, также оставляется безъ истолкованія, на томъ основаніи, что право толкованія и разрѣшенія принадлежитъ только Богу — сердцевѣдцу.

Говорятъ, что юмористы наши нерѣдко впадаютъ въ преувеличенія и что, напримѣръ, повѣствованія г. Щедрина о различныхъ губернскихъ помпадуррахъ и помпадуршахъ, представляютъ нѣкоторыя юмористическія излишества, ни для кого будто бы несомнѣнныя. Мы, однакожъ, сильно сомнѣваемся въ справедливости этого сужденія, и знаемъ такіе примѣры, что нѣкоторые помпадуры сами о себѣ и притомъ самымъ серьезнымъ образомъ писали такія юмористическія сочиненія, передъ которыми блѣднѣетъ самая рѣзкая русская юмористика, и которыя могли бы быть сочтены клеветою, еслибъ не существовало пословицы: *scripta manent*.

Подобное же юмористическое о себѣ сочиненіе оставилъ для потомства и г. И. В. Селивановъ въ предисловіи къ «Воспоминаніямъ Прошедшаго». Это предисловіе такъ любопытно и притомъ представляетъ такую полную характеристику разбираемой нами книги, что мы даже считаемъ себя не въ правѣ не выписать его вполне, тѣмъ болѣе, что это свидѣтельство о себѣ самого автора увольняетъ насъ отъ дальнѣйшаго разговора по поводу его книги. Вотъ оно:

«Разсказы, составляющіе этотъ второй выпускъ «Воспоминаній» (кромя послѣдняго, помѣннаго въ «Искрѣ» за 1865 годъ), нигдѣ напечатаны не были. Большая часть изъ нихъ, можетъ, покажется читателямъ игрой празднаго воображенія: на мнѣ, какъ на издатель, лежитъ, сѣдственно, обязанность удостовѣрить ихъ, что разсказы эти не фантазіи и указать источники, откуда они взяты, оставая, разумѣется, за нихъ отвѣтственность на тѣхъ, отъ кого слышаны. Мертвыхъ, гдѣ можно, я назову по имени: живыхъ буду означать заглавными литерами, потому что не знаю, будетъ ли имъ пріятно видѣть свое имя въ связи съ такими происшествіями, въ которыхъ большинство, боясь быть смѣшнымъ, сомнѣвается публично и вѣрить въ тихомолку.

«Печатая эти разсказы, я имѣлъ въ виду поднять нѣсколько вопросовъ, въ высшей степени интересныхъ и требующихъ всевозможнаго обсужденія. Отрицать что нибудь, не значить доказывать, — я и думаю, что исторія Наполеона I, отсылающаго Фултона какъ идеалиста (то-есть сумасбреда), когда тотъ сталъ предлагать ему устроить паромъ, теперь понастинъ всламу мальчишкѣ, — должна быть у всякаго передъ глазами. Смѣяться можно надо всѣмъ, за насмѣшну вѣдь пошлнны не берутъ; не надо только забывать пословицу: *giga bien qui giga le dernier!* А кто будетъ этотъ *dernier*, — это знаетъ одинъ Богъ. Такъ точно и съ отрицаніемъ. Отрицайте, что хотите, только изслѣдуйте прежде. И когда омытомъ убѣдитесь, что предлагаемое вамъ, — вѣдь, тогда отрицайте во имя науки и оштра. Но до тѣхъ поръ, воодержитесь, потому что еще неизвѣстно: *qui giga le dernier*.

«Первый и второй разсказъ взяты изъ моей собственной жизни. Въ нихъ все вѣрно, кромѣ иснитанія огня и воды, да убійства: эти три случая

взяти мною изъ рассказовъ, помнится, Н. Ф. Ладженскаго, о вступленіи его въ какую-то масонскую ложу. Господина, увѣрившій меня о возможности пре-
вращенія мезлозъ въ ошій, былъ Г. Н. К.—ъ, человекъ въ высшей степени
почтенный; тотъ, на кого онъ указывалъ какъ на призваннаго — былъ его
тестъ В. С. К.—ъ. Оба они принадлежали, ежели не ошибаюсь, къ обществу
средняго пути. Явленіе поэта Дельвига рассказано мнѣ было К. Г. Д.—ой,
слово въ слово такъ, какъ здѣсь написано. Хотя ни г-дѣ Г. К. и В. К., ни
г-ки Д. нѣтъ уже въ живыхъ, но я не помѣщаю здѣсь ихъ полныхъ именъ,
не зная, какъ понравится это ихъ дѣтиямъ, мною искренно уважаемымъ. Раз-
сказъ Матрени слышалъ я отъ Г. Никитникова, бывшаго моего товарища до
службъ въ горномъ правленіи. Онъ былъ сынъ того священника, въ домѣ ко-
торога событіе это происходило, въ приходѣ Боголюбленія на Элоховомъ мосту;
домикъ этотъ, кажется, и теперь еще существуетъ. Онъ былъ человекъ до-
стойный всякаго вѣроятія. С. С. Коровинъ лицо не вымышленное; онъ жилъ,
дѣйствовалъ и рассказывалъ такъ, какъ здѣсь написано; я зналъ его, будучи
еще ребенкомъ, и сохранялъ объ немъ самое теплое воспоминаніе. Рассказъ
о дьявольской мебели, слышалъ я, вѣдѣть съ другими гостями, въ Коломен-
скомъ уѣздѣ, въ домѣ Г. Д.—нъ, за большимъ имяниннымъ обѣдомъ, ежели не
ошибаюсь, въ 1888 или 84 годахъ, отъ Г. Мейера. Убіеніе Забурива (Забо-
ровскаго) случилось кажется въ 1863 или 64 году; здѣсь рассказана догадка
членовъ уголовной палаты объ этомъ убійствѣ, которое такъ и осталось не-
объясненнымъ. Рассказъ о двойникѣ — родственникѣ, слышанъ былъ мною
отъ А. А. С., человека истинно и достойно мною уважаемаго; словамъ его,
какія бы они ни были, я вѣрю безусловно, ибо увѣренъ вполне, что сказать
неправды онъ не можетъ. Событіе о томъ, какъ Н. И. Н. хотѣлъ увезъ
себѣ ману, тоже не выдуманно и вѣрно отъ слова до слова. Длинный былъ
живое лицо; походація его рассказаны съ математическою точностію; это
было лѣтъ 30 тому назадъ. Рассказъ о 12 свѣтъльничкахъ слышанъ мною отъ
моей прабабушки, А. А. Нестеровой; все, что объ ней говорится, вѣрно, какъ
нельзя болѣе. Опыты надъ лищущими столами дѣланы были мною самимъ и я
принималъ на себя вполнѣ за нихъ отвѣтственность.

«Тѣхъ, которые и послѣ этого объясненія будутъ сомнѣваться въ томъ,
что написано въ этой книжкѣ «Воспоминаній», я попрошу вспомнить слова
Шекспира, воставленныя эниграфомъ къ Вечернимъ рассказамъ; а ежели и
этого имъ будетъ недостаточно, пусть припомнимъ они слова древнихъ: без-
рассуденъ тотъ, кто осему удивляется; но еще безрассуднѣе тотъ, кто ничему
не удивляется...

«Имѣй уши слышати, да слышитъ».

Вотъ каковы бываютъ перлы, которыми угощаютъ публику
старички-писатели. Задумай какой-нибудь юмористъ выдумать
чтонибудь подобное — скажутъ: шаржа, клевета, глумленіе.
Къ счастью, авторъ «Провинціальныхъ Воспоминаній» разрѣ-
шаетъ этотъ вопросъ на столько удовлетворительно, что даже
сомнѣній никакихъ оставаться не можетъ. Нѣтъ шаржи болѣе
забавной и веселой, нежели та, которую способенъ сочинить
самъ на себя слишкомъ злопамятный и аккуратный старичекъ-
писатель.

**Общественное воспитаніе въ Россіи. О. Уманца.
Дрезденъ. 1867 г.**

Съ легкой руки московскихъ публицистовъ, Англія сдѣлалась
ненаскучаемымъ источникомъ примѣровъ, образцовъ и всяка

го рода доказательства для радикаловъ особеннаго свойства, та-кихъ, которые не прочь были бы преобразовать Россію на самыхъ широкихъ началахъ, но такъ, чтобы послѣ ихъ преобразованій никакое дальнѣйшее движеніе въ нашемъ отечествѣ не было уже возможно. Нѣтъ ничего удивительнаго, что радикалы подобнаго рода избрали Англію обѣтованною землею. Это случилось не потому только, что въ Англіи существуетъ богатая, сильная и энергическая аристократія, служащая предметомъ лавомыхъ облизываній со стороны нашихъ приверженцевъ крупнаго землевладѣнія. Тутъ есть другая, болѣе основная причина: дѣло въ томъ, что ни въ одной странѣ Европы не развита въ такой высокой и широкой степенн политическая свобода, самоуправленіе, промышленность и торговля и въ то же время нигдѣ не удержалось столько обветшалыхъ средневѣковыхъ учреждений, обычаевъ и предрасудковъ. Поэтому, если, напримѣръ, въ нашемъ отечествѣ возникаетъ гоненіе на какое-нибудь новое учрежденіе или предрасудокъ, то нѣтъ ничего легче для защиты предрасудка, какъ сослаться на Англію и начать доказывать, что въ Англіи этотъ предрасудокъ не только не мѣшаетъ преуспѣванію, а напротивъ онъ—то именно и составляетъ главную причину его. Еслибъ въ Англіи существовалъ обычай съѣчь студентовъ англійскихъ университетовъ, то наши приверженцы розогъ, по всей вѣроятности, не упустили бы привести бездну доказательствъ, что если англійскій джентльменъ свободенъ, самостоятеленъ, гордъ, энергиченъ и непреклоненъ въ своихъ стремленіяхъ, то причиною всѣхъ этихъ достоинствъ, конечно, благотѣльныя розги, которыми съѣзутъ его въ училищахъ. Но, къ сожалѣнію, благотѣльныхъ розогъ не существуетъ въ англійскихъ университетахъ, за то въ Англіи сохранилось до сихъ поръ во всей своей силѣ классическое образованіе, ну, и, конечно, если англійскій джентльменъ свободенъ, самостоятеленъ, гордъ, энергиченъ и непреклоненъ въ своихъ стремленіяхъ, то всѣмъ этимъ онъ обязанъ греческимъ и латинскимъ классикамъ, которыхъ онъ задалбливаетъ на скамейкахъ своихъ училищъ. Защищая классическое образованіе, г. Уманецъ опирается на такія доказательства, съ которыхъ его сбить очень трудно... Онъ начинаетъ съ положенія, что всякое знаніе, хорошо усвоенное, полезно, а поэтому реально. Можетъ ли быть бесполезно основательное знаніе классическаго міра? Вѣдь здѣсь дѣло идетъ не о какихъ-нибудь китайскихъ или мексиканскихъ древностяхъ, а о знаніи дѣлаго міра, принимавшаго непосредственное участіе въ судьбахъ человѣчества, міра, совершившаго свое существованіе, вполне законченнаго и передавшаго богатое наслѣдство своимъ потомкамъ. Развѣ можетъ кто-нибудь отвергнуть, чтобы знакомство съ жизнію, образованіемъ, литературою древнихъ народовъ не имѣло общеобразовательнаго вліянія, чтобы оно не обогащало наши знанія и не развивало насъ всесторонне? Поэтому, классическое образованіе и есть образованіе истинно реальное; тогда какъ то, что называется у насъ реальнымъ, по мнѣнію г. Уманца

не заключаетъ въ себѣ ни капли реализма: развѣ можно назвать реальнымъ знаніемъ поверхностное усвоеніе сразу многихъ предметовъ по тощимъ учебничкамъ и пригвожденіе ребѣнка къ какой-нибудь специальности, прежде чѣмъ онъ получитъ образованіе и сдѣлается способнымъ къ сознательному выбору специальности по своимъ наклонностямъ. «Этотъ реализмъ классическаго воспитанія объясняетъ намъ — говорить въ заключеніе г. Уманецъ, — почему въ двадцать лѣтъ англичанинъ «знаетъ» меньше, чѣмъ нѣмецъ или русскій того же возраста; но зато въ тридцать лѣтъ онъ «сдѣлаетъ» гораздо болѣе, чѣмъ нѣмецъ въ тридцать-пять, а русскій во всю жизнь».

Все это, повидимому, очень хитро и глубокомысленно, но начнете докапываться поглубже во все это построеніе г. Уманца, и вы увидите, какъ блистательно рухнетъ оно передъ вами. Что всякое основательно-усвоенное знаніе полезно и потому реально, объ этомъ никто не будетъ спорить съ г. Уманцемъ. Никто также не возразитъ ему, что основательное знакомство съ древнимъ міромъ — дѣло бесполезное и не реальное. Но тутъ представляется одинъ подводный камень, о который всегда разбивалось и до сихъ поръ разбивается въ пухъ и прахъ классическое образованіе во всѣхъ странахъ Европы. Этотъ подводный камень заключается въ иной постановкѣ того же самаго вопроса: если мы, оставивши въ сторонѣ вопросъ о полезности и реальности классическаго образованія, спросимъ: *возможно-ли* въ низшихъ и среднихъ училищахъ классическое образованіе при существованіи новыхъ методовъ преподаванія, то на этотъ вопросъ мы должны будемъ отвѣчать отвѣтомъ прямо отрицательнымъ. Здѣсь мы должны сдѣлать ту оговорку, что подъ классическимъ образованіемъ мы разумѣемъ, конечно, не одно только усвоеніе языковъ латинскаго и греческаго. Усвоеніе языковъ, очевидно, можетъ быть достигнуто какими угодно методами, самыми новѣйшими. Но такое одно голое усвоеніе языковъ вовсе не составляетъ классическаго образованія, не составляетъ вовсе никакого образованія, въ чемъ согласенъ и г. Уманецъ, который мечтаетъ о такомъ классическомъ образованіи, при которомъ дѣтямъ сообщалось бы и *основательное* знаніе древняго міра, посредствомъ чтенія классиковъ съ историческими, эстетическими и, къ этому надо прибавить, философскими объясненіями и толкованіями. И вотъ такое-то *основательное* изученіе древняго міра для дѣтей, рѣшительно немислимо при существованіи новыхъ методовъ преподаванія. Кто занимался педагогіей не только теоретически, но и практически, тому случалось хоть разъ въ жизни испытывать, что веда преподаваніе самымъ живымъ методомъ, стараясь постоянно, чтобы ученики не заучивали только, а усваивали всѣми умственными способностями знанія, учитель невольно можетъ сбиться на схоластическую почву задалбливанья, если матеріалъ, сообщаемый имъ ученикамъ, не подъ силу ихъ возрасту. Что ученики не могутъ усвоить

разумно, то они постараются усвоить памятью, и помимо вашего желанія, они сами неволью впадутъ въ схоластику. Попробуйте ученикамъ перваго класса излагать различныя философскія системы, они не въ силахъ будутъ усвоивать ихъ во всей ихъ глубинѣ, и будутъ запоминать чисто механически. Но основательное изученіе древняго міра мудренѣе будетъ всякой философской системы, хотя бы Фихте или Гегеля. Древній міръ до такой степени не похожъ на нашъ современный міръ, что для ребѣнка онъ не можетъ представляться иначе, какъ въ видѣ безсвязныхъ фантазмагорій; необходимо предварительное глубоко-философское, и чисто-реальное образованіе, чтобы понять, что подъ совершенно иными формами таились тѣ же основанія и законы жизни. Не забудемъ того, что Европа только тогда перешла отъ фантастическаго, идеальнаго представленія древняго міра въ радужныхъ краскахъ къ основательному, реальному изученію его, когда въ ней самой, подъ классическимъ образованіемъ образовалась прочная реальная подкладка; только съ развитіемъ положительныхъ наукъ сдѣлалось возможнымъ появленіе Нибура съ его примѣненіемъ критическаго анализа къ изученію древняго міра. Представьте же вы себѣ ребѣнка 11, 12, 13 лѣтъ, который имѣетъ еще самыя темныя, неопредѣленныя, отрывочныя понятія обо всемъ, что его окружаетъ, и отъ этого ребѣнка г. Уманецъ требуетъ, чтобы онъ усвоивалъ основательное, реальное знаніе древняго міра! Чего можно достигнуть отъ такого ребѣнка, какъ не того только, что онъ механически усвоитъ, заучитъ то, чего понять онъ вовсе не въ состояніи, что понять можно только на основаніи обширныхъ знаній историческихъ, естественныхъ, философскихъ въ такомъ возрастѣ, когда возможны сдѣлались въ умѣ человѣка обширныя комбинаціи, сближенія, и всякаго рода отвлеченія. Учителю, при классической системѣ образованія, если онъ не хочетъ обратить преподаваніе въ сухую и мертвую схоластику, только и остается одинъ путь: дѣйствовать на воображеніе дѣтей, то-есть представлять имъ рядъ блестящихъ, идеальныхъ картинъ изъ древняго міра, что можетъ быть очень занимательно, но что вовсе не можетъ быть названо основательными, реальными знаніями, и мы сейчасъ увидимъ, какую пользу можетъ принести дѣтямъ такое рисованіе передъ ними идеальныхъ картинъ жизни, совершенно чуждой имъ. Не забудьте, что по мнѣнію г. Уманца, классическое образованіе съ *основательнымъ знаніемъ* древняго міра должно кончатся въ 14-лѣтнемъ возрастѣ ребѣнка. Для чего же г. Уманецъ такъ рано кончаетъ классическое образованіе? А вотъ видите-ли, его соблазняетъ существованіе въ Англіи лицеевъ, школъ въ родѣ йтонской, и закрытыхъ университетовъ. Онъ сознаетъ, что сдѣлать у насъ университеты закрытыми съ подчиненіемъ студентовъ всей дисциплинѣ закрытыхъ заведеній, это значитъ прати противъ рожна, поэтому, университетъ онъ предлагаетъ преобразовать на самыхъ широкихъ

основаніихъ: онъ хочетъ, чтобы въ университетахъ нашихъ не было ни вступительныхъ, ни переходныхъ экзаменовъ, не было въ то же время ничего такого, что бы можно было назвать студентами, а были бы профессора—и публика, свободно посѣщающая ихъ лекціи. Такимъ образомъ, въ университеты должны ходить, по мнѣнію г. Уманца, люди, кончившіе всякое общее образованіе, или хотя и не кончившіе, но уже зрѣлые граждане, для приобрѣтенія спеціальнаго образованія, при чемъ при университетахъ должны происходить круглый годъ экзамены для желающихъ получать ученые степени. Вы видите, какой либералъ г. Уманецъ; но весь этотъ широкій либерализмъ г. Уманецъ расточаетъ не для чего иного, какъ для того, чтобы осуществить на русской почвѣ англійскіе университеты, не прославивши въ то же время приверженцемъ стѣсненія свободы университетскаго преподаванія. Дѣло въ томъ, что русское юношество, кончивъ курсъ классическихъ гимназій въ 14 лѣтъ, съ основательнымъ знаніемъ классическаго міра, должно поступать не прямо въ университеты, а въ особенныя высшія школы, въ родъ итонской или кембриджскаго университета. Въ этихъ высшихъ школахъ, промежуточныхъ между гимназіей и университетомъ, молодые люди довершаютъ свое классическое образованіе, и здѣсь-то, подъ руководствомъ старшихъ, посредствомъ чтенія и бесѣдъ, они предрасполагаютъ себя въ той или другой спеціальности, для того, чтобы потомъ заняться ею въ университетѣ. Такія высшія школы должны быть закрытыя и воспитанники должны подвергнуться въ нихъ всей той дисциплинѣ, каковой подчинены въ Англии воспитанники итонской школы или университетовъ. Это все для того, объясняетъ г. Уманецъ, что при настоящемъ порядкѣ воспитанія, молодой человекъ, кончая курсъ гимназій въ 16 и 17 лѣтъ и бросаясь потомъ прямо въ омутъ жизни въ такомъ возрастѣ, подвергается всякимъ соблазнамъ, поступивши въ университетъ, находящійся въ какомъ нибудь большомъ городѣ; а выйдя изъ высшей школы 18 и 19 лѣтъ изъ-подъ строгой дисциплины, молодой человекъ поступитъ въ университетъ уже зрѣлымъ гражданиномъ. Но еслибы и дѣйствительно все это было такъ, еслибы въ самомъ дѣлѣ опасно было пускать 16-ти-лѣтняго мальчика на самостоятельную жизнь въ большомъ городѣ, то здѣсь можно притивопоставить взглядамъ г. Уманца то соображеніе, что при классическомъ образованіи его юноша въ 22, 25 лѣтъ будетъ менѣе способнымъ къ самостоятельной жизни, чѣмъ юноша въ 16 лѣтъ при реальномъ. Г. Уманецъ, совершенно напрасно идеализируя классическое образованіе и представляя его въ такомъ видѣ, въ какомъ оно невозможно въ возрастѣ до 14 лѣтъ, въ то же время опошляетъ реальное воспитаніе, представляя его въ самомъ искаженномъ видѣ—въ такомъ, въ какомъ оно представляется въ уставѣ 1864 г. Такъ доказывать сравнительную двухъ вещей пользу крайне нелогично и недобросовѣстно. Мы уже показали выше, что если мы предположимъ самое

идеальное классическое образованіе, но безъ предварительно-реальной подкладки оно немислимо, особенно въ дѣтскомъ возрастѣ. Оно можетъ достигъ только того, что воображеніе юноши будетъ наполнено фантастическими, неосмысленными картинами, образами древняго міра; ну, и представьте вы себѣ, что юноша послѣ двухъ училищъ, гдѣ пичкали его этими картинами, вступить въ жизнь, построенную на совершенно иныхъ началахъ, жизнь, о которой онъ имѣетъ самыя смутныя понятія, потому что вниманіе его постоянно было приковано къ иной жизни, иной дѣятельности.

Дѣятельность, окружающая его, будетъ долгое время заслонена отъ него Алевриадами, Агамемнонами, пурпуровыми тогами и колесницами съ возсѣдающими на нихъ побѣдителями въ красивыхъ позахъ; тяжелымъ опытомъ достанется такому несчастному разрушеніе всего этого фантастическаго міра и знакомство съ міромъ настоящимъ, если только онъ не погибнетъ отъ такого разлада. — Между тѣмъ, какъ реальное образованіе — не исжащенное, какъ себѣ представляетъ его г. Уманецъ, т.-е. не въ видѣ тощенькихъ учебничковъ и пригвожденія къ специальности съ пеленокъ, а истинное реальное образованіе, состоящее въ томъ, чтобъ въ каждый возрастъ сообщать дѣтямъ знанія, свойственныя этому возрасту, и начинать съ окружающаго и ближайшаго — такое реальное образованіе, если вести его правильнымъ путемъ, доставитъ юношѣ въ 16 лѣтъ такія знанія окружающаго его міра, при которыхъ онъ не пропадетъ въ шумѣ большаго города, и если онъ захочетъ, то при этой реальной подкладкѣ ему не трудно будетъ пополнить свое образованіе классическимъ. — Если въ Англіи джентльменъ при меньшихъ знаніяхъ сдѣлаетъ больше, чѣмъ при большихъ знаніяхъ русскій, то не смѣшно ли приписывать это явленіе какому-то особенному таинственному свойству классическаго образованія; не правильнѣе ли объяснять его такъ, что жизнь въ Англіи развита на такихъ широкихъ началахъ, что даже при меньшихъ знаніяхъ можно сдѣлать тамъ больше, чѣмъ въ Россіи при самыхъ обширныхъ знаніяхъ; а еслибы англичане получали не классическое, а реальное образованіе, то они могли бы дѣлать еще болѣе; а если въ Россіи начнутъ получать классическое образованіе, то будутъ способны дѣлать еще меньше, чѣмъ дѣлаютъ теперь.

Но это все не довершаетъ еще всѣхъ преобразованій, о которыхъ мечтаетъ г. Уманецъ. — Вънцомъ его реформъ можно считать слѣдующее: усматривая, что въ Англіи учителя, директора, ректоры университетовъ — по большей части духовныя лица, г. Уманецъ и въ Россіи мечтаетъ устроить нѣчто подобное. — Это онъ считаетъ достижимымъ тогда только, когда съ уничтоженіемъ всѣхъ специальныхъ училищъ, въ томъ числѣ и духовныхъ семинарій, духовныя лица будутъ получать образованіе въ тѣхъ же училищахъ, въ казихъ и свѣтскіе, когда поэтому духовен-

ство будетъ у насъ столь же развито и будетъ въ состоянiи занимать педагогическiя мѣста. При этомъ школы и университеты должны сдѣлаться столь же независими отъ администраціи, какъ и въ Англіи; точно также должны опираться на церкви, на внѣшнемъ вліаніи общественнаго мнѣнія и внутреннемъ самоуправленіи.

Но верхъ курьёзности представляетъ то, что, предполагая устроить образованіе въ Россіи совершенно по образцу англійскаго, предполагая ввести у насъ классическое образованіе потому, что въ Англіи такъ водятся, предполагая устроить закрытыя промежуточные лицей потому, что въ Англіи существуютъ закрытыя университеты и школы въ родѣ итонской, предполагая наконецъ подчинить наши училища вліанію духовенства, потому что въ Англіи учителя и директора — по большей части люди духовные, — г. Уманецъ воображаетъ, что всѣ его реформы отличаются отъ прочихъ вводимыхъ у насъ тѣмъ, что онѣ имѣютъ чисто русскія, народныя основанія: «оставаясь чисто русскимъ», говоритъ онъ, наше общественное воспитаніе могло бы тогда опереться на великое историческое начало, сочетавшее строгость религіознаго догмата съ свободой религіозной и политической, и полное уваженіе церковнаго и государственнаго преданія съ широкими началами раціонализма».

О, Англія, когда ты мечтала узнать политическое значеніе Россіи, ты, вонечно не знала тогда, что тебѣ вовсе не нужно было заключать военныхъ союзовъ и тратить большихъ денегъ на войну, тебѣ нужно было бы только заводить побольше глупостей въ своихъ собственныхъ вѣдрахъ, и если впередъ тебѣ придется враждовать съ нами, ты такъ и поступай, и будь увѣрена, что чѣмъ болѣе дичи заведешь ты на своемъ островѣ, тѣмъ еще больше дичи расплодится въ нашемъ отечествѣ, и такимъ путемъ ты можешь болѣе повредить Россіи, чѣмъ всѣми возможными дипломатическими союзами и войнами.

Исторія мѣстнаго управленія въ Россіи. Томъ I. (Введеніе. Указъ московскаго юсударства). А. Д. Градовскаго. С.-Петербургъ. 1868 г.

Наши ученые мужи, «засѣдающіе» въ академіяхъ, «поучающіе» юношество съ университетскихъ кафедръ, обыкновенно выдаютъ себя за строгихъ жрецовъ науки, за подвижниковъ отвлеченной мысли, которая, будто бы, вырабатывается только въ ихъ ученыхъ головахъ, выражается только въ ихъ ученыхъ произведеніяхъ. Эти жрецы, засѣдающіе и поучающіе, не интересуются явленіями общественной жизни, не сравниваются къ ней ни въ выборѣ ученыхъ темъ, ни въ способѣ ихъ обработки; для нихъ нѣтъ различія между шпеницей и плевелами науки, между вопросами важными и неважными, полезными и бесполезными для общества. Какой бы ни совершался переворотъ въ жизни, ихъ окружающей, какія бы

стремленія и надежды ни волновали современное имъ общество, какіе бы вопросы ни стучались въ двери ихъ ученыхъ кабинетовъ, эти стремленія, надежды и вопросы заставятъ ихъ хладными.

Но не всѣ наши ученые такъ безстрастны и равнодушны къ общественнымъ вопросамъ; между ними, особенно въ послѣднее время, замѣтно выдѣлилась партія людей, которые «откливаются» на живыя явленія современности, поощряютъ молодыхъ людей за благонавіе и успѣхи, и порицаютъ за вольнодумство, раздаютъ похвальные листы и записываютъ кое-кого на черную доску: — словомъ, производить въ средѣ общества нѣчто въ родѣ повѣрочныхъ репетицій и публичнаго экзамена. Нельзя сказать, чтобы общество изъявляло пламенное желаніе получать реприманды отъ подобныхъ экзаменаторовъ; но сами-то экзаменаторы очень довольны своей новою ролью и продолжаютъ творить безнаказанно судъ и расправу... Эти жрецы науки, позабывшіе свое служеніе и взявшіеся за метлу, успѣли даже специализировать свою новую дѣятельность, и въ то время, когда одни изъ нихъ «благословляютъ» полезныя явленія въ русской жизни, другіе «огрызаются» на явленія зловредныя и безнравственныя. Такимъ образомъ, появились у насъ жрецы, постоянно благословляющіе и жрецы, постоянно и сердито огрызающіеся. Г. Погодинъ, напримѣръ, все кого-то и что-то благословляетъ; г. Чичеринъ, наоборотъ, постоянно сердится и видитъ все въ мрачномъ свѣтѣ; То померещится ему, что въ русской литературѣ дѣйствуютъ какіе-то «казачьи отряды», то вообразитъ онъ, что въ нашемъ образованномъ обществѣ совершенно утратилось чувство «мѣры и границъ» — и вотъ онъ, какъ истый землемѣръ, съ цѣпью и астролябіей въ рукахъ, начинаетъ размежевывать общественную арену и отводить особые участки — для либерализма, консерватизма, консервативнаго либерализма и либеральнаго консерватизма. На бумагѣ все это выходитъ гладко и аккуратно.

Не такъ давно въ партіи ученыхъ жрецовъ, откликающихся на всѣ современныя явленія, примкнули еще два новыхъ дѣятеля: г. Аристовъ, профессоръ казанскаго университета, и г. Градовскій, профессоръ университета петербургскаго. Первый изъ нихъ принадлежитъ безспорно къ типу жрецовъ сердитыхъ; такова, по крайней-мѣрѣ, его брошюра: «О современномъ состояніи и значеніи русской исторіи», въ которой онъ, возмущаясь до глубины души нашимъ «современнымъ либерализмомъ, навѣяннымъ французскими и польскими поползновеніями», убѣждаетъ юношество избѣгать этой заразы и лучше совсѣмъ не имѣть ума въ головѣ, чѣмъ заимствовать его изъ сочиненій «Боля, Фохта, Молешотта и другихъ» (это все поляки, или французы?) Подобнаго рода заимствованіе авторъ называетъ «душевнымъ холопствомъ» и, чтобы излечиться отъ него (буде зараза проникла уже въ юныя головы), совѣтуетъ юношамъ валець на ва-

нтія русской исторіи, которая, по его словамъ, «обличаетъ минувшія явленія въ *своей* (sic) несостоятельности, несмотря пока на смѣсь заявленій чисто русской жизни и остатковъ иностранныхъ воззрѣній». Эта послѣдняя тирада такъ хороша и грамотна, что ее могутъ понимать развѣ только господа казанскіе профессора—да и то изъ тѣхъ, которые не читаютъ «Богля, Мошотта и Фохта» и, слѣдовательно, не состоятъ въ подозрѣніи умственного развитія.

Г. Градовскій — другой ученый дѣятель — являетъ въ себѣ покуда жреца благословляющаго, хотя, по нѣкоторымъ даннымъ, можно думать, что онъ не выдержитъ этой роли и скоро начнетъ, подобно г. Чичерину, сердиться и проклинать на обѣ стороны. Но покуда онъ еще благословляетъ — и благословляетъ именно наши земскія учрежденія, въ которыхъ видитъ наилучшее, идеальное рѣшеніе вопроса объ отношеніи провинціи къ государству. Приступая къ исторіи мѣстнаго управленія въ Россіи, авторъ излагаетъ свой взглядъ на централизацію и самоуправленіе вообще и вступаетъ, по этому случаю, въ полемику съ французскими публицистами. Въ длинномъ введеніи старается онъ доказать, что французская литература не только не выяснила вопроса о самостоятельности провинцій, о возможной независимости мѣстныхъ управленій отъ господствующаго государственнаго центра, но даже не умѣла поставить этого вопроса сколько нибудь удовлетворительнымъ образомъ. Мы послѣдуемъ за авторомъ въ этой буревой полемикѣ, чтобы показать, какъ иногда ученая посредственность совмѣщается съ величайшимъ самолюбіемъ и даже самовосхищеніемъ.

«Общезвѣстная истина — съ ироніей начинаетъ г. Градовскій — что для разрѣшенія какого нибудь спора должно знать, о чемъ спорить, не сознается еще въ политикѣ, подобно многимъ общезвѣстнымъ истинамъ. Причины этого заключаются отчасти въ томъ, что борьба начинается въ то время, когда сами партіи еще незрѣлы и не выяснили своего положенія, которое и выяснено можетъ быть только чрезъ эту борьбу, когда, вмѣстѣ съ неясностью положенія партій, по необходимости неясны элементы спора. Затѣмъ продолжительныя враждебныя отношенія, примѣсь эгоистическихъ побужденій въ теоретическихъ воззрѣніяхъ, стремленіе уронить противника какими бы то ни было средствами, всевозможные софизмы, — все это вредно отражается на политическихъ вопросахъ, и ихъ рѣшеніе рѣдко поднимается на ту высоту истиннонаучныхъ положеній, гдѣ нѣтъ мѣста ничему, *кроме безпристрастнаго служенія истинѣ*. Почти каждый доводъ, какъ бы онъ ни былъ научно построенъ, всегда содержитъ въ себѣ нѣсколько мотивовъ, вытекающихъ изъ соображеній, чуждыхъ научнаго безпристрастія. Въ такомъ положеніи находится и вопросъ о провинціи. До настоящаго времени споръ этотъ не введенъ въ *должныя границы*. Собственно спора о провинціи, въ настоящемъ смыслѣ этого слова, нѣтъ (?). Подъ

видомъ спора о провинціи, въ настоящее время ведутся пренія объ автономіи и единствѣ, о самоуправленіи и централизаціи, децентрализаціи, индивидуализмѣ, губернментализмѣ, чуть не о сепаратизмѣ, федераціи, свободѣ, деспотизмѣ и другихъ подобныхъ предметахъ, которые способны скорѣе *разжечь страсти, запутать политическіе дѣятелей*, чѣмъ привести къ какому бы то ни было благопріятному результату.

Г. Градовскій, какъ видно, не плохого мнѣнія о себѣ: онъ призываетъ поставить и рѣшить вопросъ, дурно поставленный и совсѣмъ нерѣшенный въ западно-европейской литературѣ; онъ можетъ съ ученымъ безпристрастіемъ, въ видахъ одного только служенія истинѣ, распутать гордіевъ узелъ, завязанный софистами и эгонстами. Эту вселенскую миссію авторъ беретъ на себя съ достоюложною развязностью; онъ касается въ своемъ введеніи и исторіи, и юриспруденціи, и политической экономіи, и философіи — и вездѣ какъ полный хозяинъ, какъ полный распорядитель своихъ умственныхъ богатствъ. Прежде всего авторъ цитируетъ мнѣнія французскихъ децентрализаторовъ, т.-е. враговъ центрального деспотизма и защитниковъ провинціальной самостоятельности.

Вопросъ о централизаціи — по мнѣнію Одиллона Барро — не могъ возникнуть въ древности, потому что классическія государства не имѣли настоящаго понятія о личной свободѣ. Въ древности, какъ извѣстно, свободенъ былъ тотъ, кто участвовалъ въ государственномъ управленіи, составлялъ часть государственной власти, но никто не дерзалъ положить предѣлы этой власти; смотря по тому, принадлежала ли эта власть многимъ, немногимъ или одному, политическая жизнь была распространена, сосредоточена или поглощена. Древній взглядъ сохранился до нашего времени. Мы, до сихъ поръ, не понимаемъ выраженія Монтескьё, что «власть народа смѣшивается съ его свободой, тогда какъ ихъ должно различать». Слѣдовательно, задача народа и его публицистовъ заключается въ томъ, чтобы ввести власть, кому бы она ни принадлежала, въ такіе предѣлы, гдѣ бы она не вредила личной свободѣ. Отсюда ясно слѣдуетъ несостоятельность тѣхъ, которые придерживаются преняго дѣленія формъ правленія по чисто внѣшнимъ признавамъ: на монархію, аристократію и демократію. Есть, въ сущности, только двѣ группы правительствъ, какова бы ни была ихъ внѣшняя форма: правительства, поглощающія личную свободу и самостоятельность, и правительства, дающія имъ просторъ. Итакъ, централизація, съ точки зрѣнія Одиллона Барро, есть напряженіе правительственной дѣятельности, сосредоточеніе въ рукахъ правительства всей власти. Но задача всякаго благоустроеннаго государства состоитъ въ томъ, чтобы развивать самостоятельность личности. Трудно понять, какъ государственная форма, ослабляющая способности человѣка, можетъ способствовать благосостоянію государства. Государство есть только соединеніе

личныхъ силъ. Оно не живетъ само собою, у него нѣтъ собственныхъ силъ. Каждое правительство, ослабляющее личность, ослабляетъ государство. Эта истина сознается нинѣ всѣми болѣе или менѣе. Всѣ правительства, въ настоящее время, ищутъ разрѣшенія этого сложнаго вопроса. Миръ представляетъ теперь двѣ цивилизаціи: одна истекаетъ изъ сосредоточенной дѣятельности власти, поглощающей индивидуальныя силы, другая развивается путемъ усилившей отдѣльныхъ лицъ. Индивидуальное начало, по мнѣнію Одиллона Барро, требуетъ, чтобы известныя задачи были выдѣлены изъ правительственныхъ сферъ. Какія именно эти задачи? — на это отвѣчаетъ прамѣ Реньо въ своей книгѣ: «La Province». «Провинція — говоритъ онъ — должна требовать доли въ общественной жизни, мѣста въ политической и умственной сферѣ во имя свободы, правъ и основныхъ началъ новѣйшаго общества... Славу и силу народовъ составляетъ политическая жизнь, в се-то недостаетъ провинціи. Вотъ чего должна она требовать — не отъ Парижа, но отъ закона, не во имя завистливаго соперничества, но во имя началъ свободы, которыя повелѣваютъ, чтобы въ великой территоріи, составляющей націю, жизнь, воля и умъ могли проявляться на всякомъ мѣстѣ и которыя протестуютъ противъ норадка вещей, гдѣ мысль и интересы всѣхъ сферъ подчинены фантазіямъ центра». Опредѣляя форму, въ которой должна выразиться административная и политическая жизнь провинціи, Реньо утверждаетъ, что наилучшею формою должна быть признана федерація въ томъ видѣ, какъ она существуетъ въ швейцарскихъ кантонахъ и въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ. Впрочемъ, онъ тутъ же дѣлаетъ оговорку, что подобный федерализмъ не приложимъ, во всей чистотѣ принципа, къ централизованной Франціи, гдѣ территориальныя подраздѣленія не имѣютъ никакихъ державныхъ правъ, и ограничивается тѣмъ, что «коллективныя личности (т.-е. провинціи) должны требовать того, что можетъ требовать каждая личность, т.-е. свободного управленія своими имуществами, свободного развитія своихъ способностей, свободного пользованія своими политическими вольностями». Съ той же точки зрѣнія смотритъ на вопросъ о провинціи Жюль Симонъ въ своемъ сочиненіи: «La Liberté». «Свобода — говоритъ онъ — можетъ сдѣлать три упрека французской администраціи, въ томъ видѣ, какъ сложилась эта администрація въ началѣ текущаго столѣтія: она управляетъ слишкомъ много, употребляетъ для этого слишкомъ много агентовъ, и эти агенты слишкомъ мелки». Эдуардъ Лабуле (мнѣніе котораго игнорируетъ г. Градовскій — и напрасно дѣлаетъ), Лабуле, исходя изъ принципа личной свободы, не доводитъ его однако до тѣхъ далекихъ послѣдствій, до которыхъ онъ доведенъ у Реньо. Признавая права индивидуальной свободы, которую не должно стѣснять изъ опасенія парализировать общественную жизнь въ самомъ ея корнѣ, Лабуле не желаетъ пожертвовать тѣмъ высшимъ объединяющимъ началомъ,

которое заключается въ центральной государственной власти, и стремится создать между личностью и государствомъ третью промежуточную ступень — провинціальную общину. «Необходимо — говорить онъ — чтобы политическая дѣятельность правительства доходила до самой послѣдней общины; ничто не должно ослаблять того единства, которое составляетъ силу и вліяніе Франціи; но политическое единство и административное однообразіе — вещи совершенно различныя. Обременять государство заботами о мѣстныхъ дѣлахъ, заваливать его вопросами, которые вовсе не касаются его и могутъ быть обсуждаемы только на мѣстѣ — значитъ ослаблять его, обязывая его въ то же время бесполезною отвѣтственностью. Измѣнить этотъ порядокъ — реформа возможная, требуемая всѣми мнѣніями и на столько же полезная самому правительству, насколько и гражданамъ. Та истина, что община есть школа свободы, стала въ настоящее время тривіальной, а въ этой школѣ формируются практическіе умы, въ ней вблизи можно увидѣть, каковы тѣ дѣла, которыхъ условія и трудности извѣстны. Тамъ живутъ вмѣстѣ съ своими согражданами, привязываются къ своему маленькому отечеству и научаются любить великое, тамъ достойно удовлетворяется законное честолюбіе. Достаточно сорока муниципалитетовъ, чтобы заинтересовать дѣлами общины двѣсти тысячъ человѣкъ; дѣлами этими можно было бы вполне удовлетворить той потребности политической дѣятельности, которая волнуется пламенныя души и благородныя сердца. Теперь эти люди приходятъ въ Парижъ и теряются тамъ или производятъ безпорядки, а въ своихъ маленькихъ городкахъ они были бы почтенными мерами или полезными совѣтниками». Затѣмъ Лабуле опровергаетъ возраженія, которыя всего чаще представляются противъ самостоятельности провинціальныя общинъ. Впервыя, говорятъ, что эти общины сдѣлаются средоточіями революціи. На это Лабуле замѣчаетъ: «совершенно напрасная боязнь: революціи производились соединеніемъ вмѣстѣ всѣхъ недовольныхъ. Вотъ почему централизованная страна наиболѣе подвержена возмущеніямъ и смѣлымъ попыткамъ. Тамъ же, гдѣ сильна муниципальная жизнь, тамъ никогда не бываетъ этихъ ужасныхъ болѣзней. Второе возраженіе, состоящее въ томъ, что общины, дурно управляемы, быстро разорятся — Лабуле опровергаетъ слѣдующими историческими примѣрами: «обратитесь къ исторіи и посмотрите — какія изъ странъ совершали болѣе великія дѣла и составляютъ славу цивилизаціи? Аѳины, Римъ, Венеція, Флоренція, Фландрія, Голландія, Швейцарія, Англія, Соединенные Штаты Америки — все это страны муниципальныя, гдѣ община, предоставленная себѣ самой, всегда имѣла право разориться. Теперь посмотрите, какія изъ государствъ, несмотря на свое наружное величіе, опустились, не имѣя возможности никогда подняться изъ своего паденія: Египетъ, Римская Имперія, Византія, Китай: всѣ они правительства безъ муниципальной жизни, государства централизованныя. «Какіе же

правъ — спрашиваетъ Лабуре — можетъ требовать себѣ гражданнѣе обратнѣе отъ государства? Это всѣ тѣ права, которыя имѣютъ предметомъ совѣсть, мысль и индивидуальную дѣятельность. Въ числу этихъ правъ Лабуре относитъ позитивнѣе свободу религіи, свободу собранія и ассоціаціи, подобную той, которая существуетъ въ Сѣверо-американскихъ штатахъ и въ Англіи, свободу промышленности и торговли, и наконецъ, безусловнѣе свободу печати. Свободныя ассоціаціи должны завѣдывать, по мнѣнію автора книги: «Государство и его предѣлы», дѣлами религіи, воспитанія, наукъ и искусства, общественной благотворительности, желѣзныхъ дорогъ, банковъ, и пр. Въ непосредственнѣе вѣдѣніи государства останутся: войско, флотъ, дипломатія, законодательство, отправленіе правосудія, высшая администрація и полиція (см. Госуд. и его предѣлы, стр. 107—123). Стоитъ ли говорить о тѣхъ quasi-децентрализаторахъ, которые, въ своемъ понятіи о провинціальномъ самоуправленіи, не идутъ дальше извѣстныхъ наполеоновскихъ декретовъ 1852 г. и 1861 г.? Объ этихъ декретахъ одинъ французскій писатель сказалъ совершенно справедливо: «Децентрализація 1852 г. есть домашняя сдѣлка между министромъ внутреннихъ дѣлъ и префектами: онъ предоставляетъ послѣднимъ ничтожныя подробности, восходившія прежде въ Парижъ, и это называется уничтоженіемъ стѣсненія, установленныхъ излишнею наклонностью къ централизаціи. Префектамъ, какъ странствующимъ приващивамъ (*сшмис-воуажерамъ*) министра, предоставлено то, что надобно дѣлать его осѣдлымъ приващивамъ (*сшмис-фикс*) и чего они часто не дѣлали».

Французскіе централизаторы, выходя изъ совершенно противоположныхъ началъ, настаиваютъ на томъ, что государственная власть, помѣщенная въ центрѣ извѣстной территоріи, должна одинаково дѣйствовать, въ административномъ и политическомъ смыслѣ, на всѣ части этой территоріи, какъ бы онѣ ни были различны по своимъ историческимъ и этнографическимъ особенностямъ. По мнѣнію Дюпонъ-Уайта (*L'individu et l'état*), сущность государства состоитъ въ томъ, что оно есть «власть разума, выраженного въ законѣ»; оно можетъ назваться представителемъ прогресса въ человѣческомъ обществѣ и дѣйствуетъ по общимъ соображеніямъ и общимъ предписаніямъ, а не въ силу капризовъ властителя, импровизованныхъ по поводу отдѣльных случаевъ и отдѣльных лицъ. Свобода, какъ одинаковое достоинствѣе всѣхъ членовъ общества, есть произведеніе государства. Поэтому, между понятіями «свобода» и «государство» нѣтъ и не можетъ быть никакаго противоположности; государство есть форма власти, появляющаяся въ тотъ моментъ, когда личность человѣка эманципируется, выходитъ изъ-подъ власти другаго человѣка. Появленіе государства есть извѣстѣе появленіе человѣческихъ правъ; его развитіе есть ихъ безостановочное покровительство и защита. При такомъ понятіи о государствѣ, невыходящемъ изъ рамокъ древне-римскаго права, Дюпонъ-Уайтъ от-

рицаетъ самымъ категорическимъ образомъ самостоятельное существованіе провинціи, общины и всѣхъ промежуточныхъ, переходныхъ ступеней между отдѣльною, слабою личностью и всемогущимъ, всеопекающимъ государствомъ. Дюпонъ Уайтъ не вѣритъ въ способность человѣка сдѣлать что нибудь полезное внѣ сферы его личныхъ интересовъ; какъ только интересы усложняются, касаются цѣлой группы людей, лицо становится безсильно и начинается роль государства. Банки, школы, колоніи, дороги — все это должно лежать, по мнѣнію Дюпонъ-Уайта, на обязанности центральной, государственной власти. Индивидуализмъ, который нашелъ бы себѣ выраженіе въ самостоятельныхъ провинціяхъ, общинахъ, является только препятствіемъ къ правильному, прогрессивному развитію общества и долженъ быть устраненъ со всѣхъ своихъ путей.

Вотъ сущность тѣхъ мнѣній, которыя раздѣляютъ донныя французскихъ (да и вообще всѣхъ европейскихъ) писателей на два противоположные лагера. Мы не будемъ говорить о той буржуазной, эгоистической подкладкѣ, которая замѣтно сквозитъ въ теоріи французскихъ децентрализаторовъ (какъ, на примѣръ, у Лабуре) о невмѣшательствѣ государства въ экономическіе вопросы; не станемъ распространяться и о томъ, что прогрессивная роль государства, выставляемая на видъ централизаторами, есть, нигдѣ не осуществившаяся, идеальная фикція, — все это завело бы насъ очень далеко, а мы и то ужъ занимаемся книгой г. Градовскаго свыше ея достоинства. Намъ достаточно знать, что защитники и противники централизаціи очень ясно выставляютъ свои принципы и вовсе не напрасно толкуютъ о губернаментализмѣ, индивидуализмѣ, федерализмѣ и пр. Всѣ эти толки выясняютъ коренной и существенный вопросъ: нужно или нѣтъ ограничивать центральную государственную власть въ ея попыткахъ регламентировать до всѣхъ мелочей, муниципальную или общинную жизнь. Нельзя говорить о самостоятельности провинцій, общинъ, сословій, не выяснивъ основаній, на которыхъ она можетъ быть построена. По автору «Исторіи мѣстнаго управленія» подобныя толки кажутся совершенными пустяками; по его мнѣнію, все это ничуть не относится къ вопросу о провинціи. Но, позвольте однако, въ чемъ же заключается этотъ неудовимый провинціальный вопросъ? Г. Градовскій отвѣчаетъ на это, не задумываясь: «вопросъ о самоуправленіи провинцій не есть противоположеніе сферы правительственной сферѣ общественной; это не есть вопросъ о правительственномъ вмѣшательствѣ и личной инициативѣ о свободѣ и опекаѣ, губернаментализмѣ и индивидуализмѣ. Это есть вопросъ о правильномъ распредѣленіи дѣлъ въ самой правительственной сферѣ» (курсивъ въ подлинникѣ). По мнѣнію автора, центральная власть, не отказываясь нисколько отъ своихъ государственныхъ правъ и не дѣлая ни въ чемъ уступки принципу личной свободы, можетъ сохранить кое-какія

мѣстныхъ учрежденія, сообщивъ имъ «опредѣленную степень самостоятельности». «Правительство—говоритъ онъ—достигнетъ при этомъ двухъ цѣлей: мѣстная власть знаетъ, что она можетъ и должна сдѣлать; высшее правительство—чего оно можетъ отъ нея требовать». Такъ-какъ г. Градовскій и слышать не можетъ о мѣстныхъ правахъ съ политической завязкой, то проситируемой имъ провинціи останется только заниматься, съ разрѣшенія высшаго начальства, сооруженіемъ мостовъ, исправленіемъ дорогъ и т. п. безобидными дѣлами. Но и въ этой ограниченной сферѣ дѣятельность провинціальныхъ собраній должна быть постоянно контролируема центральными властями.

Такъ вотъ оно — пресловутое рѣшеніе провинціального вопроса, которое авторъ собирался преподнести отечеству, какъ лучшій перлъ своей души. Этотъ вопросъ есть не больше, какъ вопросъ «о правильномъ распредѣленіи дѣлъ въ самой правительственной сферѣ». Значитъ, *правительственная сфера* обнимаетъ собой всѣ проявленія общественной жизни; государство конфискуетъ у частныхъ лицъ и провинціальныхъ учреждений всѣ ихъ личныя и общественныя права, но нѣкоторую долю этихъ правъ, какъ, напримѣръ, право починки гвильныхъ мостовъ, возвращаетъ назадъ, подъ условіемъ строгаго контроля. Отсюда слѣдуетъ, что г. Градовскій раздѣляетъ основную точку зрѣнія французскихъ централизаторовъ и, что всего курьезнѣе, самъ не замѣчая того, полемизируетъ съ этими самыми централизаторами. Впрочемъ, съ другой стороны, его негодование противъ французскихъ централизаторовъ отчасти и понятно, потому что съ теоріей Дюпонъ-Уайта легко дойти до... (ужасно вымолвить!) до революціоннаго конвента (см. стр. LXIV Введенія), а г. Градовскій боится этого пуще смерти, и даже, на своемъ диспутѣ, сдѣлалъ въ этомъ смыслѣ отеческое назиданіе г. Андреевскому. Дѣло въ томъ, что «прогрессивное» государство Дюпонъ-Уайта не имѣетъ почвы подъ ногами; его прогрессивность не чѣмъ сдержатъ, а сдержатъ необходимо, потому что государственные люди заразятся иначе химерическими мечтами и начнутъ все ломать и крошить по своему. Вотъ съ этимъ-то цѣлымъ затормозить неумѣренную прогрессивность государства г. Градовской подсовываетъ ему подъ ноги свои идеальныя провинціальныя учрежденія. Безъ помощи ихъ, государственные дѣятели «легко увлекутся отвлеченными соображеніями, привыкнутъ не соразмѣрять своихъ силъ съ требованіями, вступать на *отасную дорогу* переворотовъ». Чтобы избѣгнуть опасности революціоннаго броженія умовъ, г. Градовскій не прочь даже лишить всѣ народы политическихъ правъ и вольностей. По его словамъ, «въ новомъ государствѣ для человѣка явилась возможность быть свободнымъ, *не участвуя въ политической жизни страны*; не участвуя въ палатахъ, въ земскомъ управленіи, не подавая голоса въ законодательствѣ и судѣ, современный гражданинъ можетъ быть свободенъ какъ отецъ, какъ промышленникъ, какъ

членъ религіознаго общества, какъ писатель, ученый». Хорошія рѣчи хорошо и послушать...

Мы не говоримъ ничего о самой «Исторіи мѣстнаго управленія». Исторія эта составляетъ лишь ученое приложеніе къ политической исповѣди г. Градовскаго; въ ней доказывается очень скучно и очень вяло, что Россія, чуть ли не со временъ Гостомисла, шествовала неуклоннымъ шагомъ къ провинціальнымъ учрежденіямъ, рекомендуемымъ ученымъ авторомъ. И такъ, значить — говоря извѣстными словами — «все идетъ къ лучшему въ наилучшемъ изъ міровъ».

Изъ жизни. Разказы и повѣсти Николая Ковалевскаго. Спб. 1868.

Еще очень недавно высказывалось мнѣніе, что русская бельетристика въ особенности бѣдна произведеніями средняго достоинства. Это мнѣніе заключаетъ въ себѣ извѣстную долю правды въ томъ отношеніи, что романы, повѣсти, разказы и пр. средняго достоинства какъ-то мало читаются, а ежели и читаются, то скоро забываются. Но едва-ли справедливо будетъ сказать, что у насъ дѣйствительно нѣтъ второстепенныхъ бельетристовъ, или что ихъ очень мало. Напротивъ, разверните любую книжку любого журнала, и вы навѣрное скажете, что значительное большинство бельетристическихъ произведеній, въ ней помѣщенныхъ, именно принадлежить къ числу совершенно второстепенныхъ, то-есть безобидныхъ, ничего не возбуждающихъ и ничего не затрогивающихъ. Стоять только вспомнить ту массу писателей, которыхъ привели за собой Гоголь и Тургеневъ, и которые только тѣмъ и занимались, что разрабатывали внѣшніе приемы (даже не мотивы) своихъ образцовъ, чтобы убѣдиться, что мы далеко не страдаемъ недостаткомъ способностей по части второстепенности.

Типичная черта второстепенныхъ бельетристовъ заключается въ томъ, что нельзя, безъ особеннаго умственнаго напряженія, отличить, хорошо или худо они пишутъ, хотятъ они что-нибудь сказать своими произведеніями, или не хотятъ. Особенно въ послѣднее время стали писать такъ гладко, и даже почти загадочно, что обязанность прочитывать новоявленные труды бельетристическаго досужества сдѣлалась совершенно мучительною. Читашь, и все думаешь: когда же будетъ конецъ! отчего вотъ эта точка поставлена именно здѣсь, а не отодвинута дальше? Все въ этихъ произведеніяхъ поражаетъ произволомъ, какъ будто авторъ только о томъ и заботится, чтобы отстоять свое право продолжать или оборвать нить разказа, когда ему вздумается. Но съ другой стороны, нѣтъ въ этихъ произведеніяхъ и ничего такого постыднаго, что вынуждало бы читателя отнестись къ нимъ съ негодованіемъ, какъ къ проводникамъ нелѣ-

ныхъ мыслей и пошлыхъ убѣжденій. Мысли, которыя они проводятъ, суть мысли весьма извѣстныя и, повременамъ, даже очень почтенныя, но до того упрощенныя, до того случайно обставленныя, что, кажется, достаточно двухъ строкъ, чтобы отвязаться отъ нихъ навсегда. А такъ-какъ изъ двухъ строкъ невозможно составить нетолько романа, но даже простаго очерка, то авторы поневоли вдаются въ многословіе, ставятъ запятія, точки и при помощи трудолюбія и нѣкоторыхъ грамматическихкихъ познаній достигаютъ желаемыхъ размѣровъ.

Г. Николай Ковалевскій, сборникъ сочиненій котораго лежить передъ нами, принадлежитъ несомнѣнно къ числу второстепенныхъ беллетристовъ, и мы, конечно, не видимъ въ этомъ никакаго повода для осужденія. Мы скажемъ даже, что это писатель довольно пріятный, что на немъ въ значительной степени отражается вліяніе Гоголя и Тургенева (мы же никогда не прочь отъ встрѣчь съ старинными знакомыми); но все это не мѣшаетъ намъ сдѣлать ему очень серьезный упрекъ: зачѣмъ онъ такъ длинно пишетъ!

Вотъ, напримѣръ, содержаніе одного изъ его рассказовъ: «Переселеніе Ивана Ивановича изъ Гадачскаго уѣзда въ Маргородскій». Живутъ два сосѣда: Петръ Ивановичъ и Иванъ Ивановичъ; у Ивана Ивановича есть жена Настасья Павловна; у Петра Ивановича нѣтъ ничего, кромѣ пуделя. Однажды, оба пріятеля, съ Настасьей Павловной и пуделемъ, катались въ лодкѣ по Пселу, какъ вдругъ пудель выскочилъ изъ лодки и покачнулъ ее; за нимъ поскользнулся Петръ Ивановичъ и упалъ въ воду. Утопающій былъ спасенъ Иваномъ Ивановичемъ, но этотъ простой случай нечаянно обнаружилъ чувства Настасьи Павловны. Оказалось, что она и Петръ Ивановичъ давно любятъ другъ друга, и вотъ Иванъ Ивановичъ принимаетъ рѣшеніе увести жену свою изъ такого опаснаго сосѣдства и переселяется въ Маргородскій уѣздъ.

Таково нехитрое содержаніе этого рассказа, заключающаго въ себѣ двадцать-четыре печатныхъ страницы. Какими способами достигаетъ авторъ, чтобы распространить эти нѣсколько строкъ на полтора печатныхъ листа? Очень простыми. Сначала онъ описываетъ Петра Ивановича, но не какими нибудь существенными чертами, которыя бы заставили васъ сказать: вотъ человѣкъ! а чертами совершенно случайными. У него есть пудель, а онъ постоянно сбирается зачѣмъ-то въ Петербургъ, и никогда не приводитъ своего намѣренія въ исполненіе. Вотъ и все. И пудель, и сборы въ Петербургъ ни мало авторомъ не обследованы, чтобъ можно было опредѣлить, зачѣмъ они попали въ рассказъ, и потому, не оказывая никакого вліянія на существованіе рассказа, кажутся совершенно лишними, придуманными только для наполненія пустого мѣста. Потомъ авторъ описываетъ Ивана Ивановича, и говоритъ, что онъ былъ старый служака и благоговѣлъ передъ Наполеономъ. Но и изъ этихъ качествъ никакаго

результата читатель вывести не может, потому что и ихъ очень удобно замѣнить и всякими другими.

Таковы-то случайностями отличаются и прочія произведенія г. Н. Ковалевскаго. Но мы все-таки не скажемъ, чтобы читать ихъ не стоило; нѣтъ, отчего же и не прочитать!

Правые и виноватые. *Записки следователя сороковскаго уезда П. И. Степанова. 2 тома. С.-Петербургъ. 1868.*

Авторъ разбираемаго сочиненія смотритъ на преступленіе исключительно съ точки зрѣнія полицейско-правической. Въ глазахъ его, преступникъ есть не что иное, какъ личность, которую требуется изловить и уличить, а преступленіе — не болѣе, какъ казусъ, который предстоитъ распутать и объяснить. Есть писатели, которые претендуютъ, что преступникъ — человѣкъ, у котораго «есть и сердце, и печень, и легкія», что «если вы его раните — изъ него закаплетъ кровь, если ударите — онъ будетъ кричать, если повѣсите — онъ задохнется»; г. Степановъ не принадлежитъ къ ихъ числу. Если онъ и допускаетъ, что лицо, имѣющее дѣло съ преступникомъ, обязано до извѣстной степени руководиться осмотрительностью, то до тѣхъ только поръ, покуда свершитель факта достаточно не изобличенъ, и покуда, можетъ быть, сомнѣніе въ томъ, что преступленіе принадлежитъ именно Ивану, а не Петру или Григорью. Какъ только фактъ разъясненъ, и преступность Ивана доказана, задача изслѣдователя считается прекратившеюся и уступаетъ мѣсто отвлеченной оцѣнкѣ какаго-то отвлеченнаго и притомъ совершенно простаго и ничѣмъ не обусловленнаго понятія, именуемаго преступленіемъ.

Такой взглядъ на дѣло неминуемо влечетъ за собой нѣкоторую сухость и наготу въ изложеніи тѣхъ обусловливающихъ обстоятельствъ, которыя собственно и составляютъ внутреннюю исторію преступнаго дѣйствія. Внѣшніе признаки занимаютъ первый планъ; признаки внутренніе не играютъ никакой роли; исторія исчезаетъ, и на развалинахъ ея является мелочной и незамысловатый анекдотъ. Нѣтъ слора, что и анекдотъ можетъ до извѣстной степени занять досугъ читателя, но для того, чтобы даже эта не требующая особенной глубины взгляда цѣль была достигнута, необходимо, чтобы внѣшняя исторія цитируемаго факта представляла настолько оригинальности и загадочности, чтобы возбудить въ читателѣ любопытство и желаніе распутать туго завязанный узелъ. Къ сожалѣнію, г. Степановъ и этимъ не можетъ похвалиться; предлагаемые имъ читателю факты именно принадлежатъ къ числу тѣхъ простыхъ анекдотовъ, которые, безъ всякаго ущерба для дѣла, могутъ быть рассказаны въ двухъ-трехъ словахъ.

Но есть въ г. Степановѣ одно качество совершенно драгоценное—это вѣра въ губернаторскую непогрѣшимость. Сколько мы

знаемъ, эта мысль едва-ли не въ первый разъ проводится въ русской литературѣ, но за то какъ проводится, съ какою безза-вѣтною увѣренностію, съ такимъ несокрушимымъ апломбомъ! По мнѣнію г. почтеннаго автора, губернатору стоитъ только выслушать чтобы понять, что «тутъ что-то не такъ», и чтобы дѣйстви-тельно вышло «что-то не такъ». Въ одномъ разсказѣ («Удѣлка коноврада») губернаторъ, съ помощью своей проникательности, угадываетъ въ неомыяемъ родства бродягѣ бѣлаго колковаго писаря, и сразу заставляетъ его сознаться въ томъ. «Г. Городничій! восклицаетъ онъ:—возьмите вашего бродягу, да чтобы у меня такихъ бродягъ не было — слышите?» Это послѣднее при-казаніе такъ хорошо, что даже прелестно.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

ГОДЫ РАЗВІТІЯ ПРУДОНА.

НОВЫЕ МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ЕГО БІОГРАФІИ. *La Jeunesse de Proudhon, par Adolphe Court* («Revue Moderne». 25 Septembre, 10 и 25 Octobre 1868.)

Въ средѣ дѣятелей и мыслителей новаго времени едва-ли существуетъ хотя одна личность, которой современниками и близкимъ потомствомъ было бы отдано, помимо ихъ воли, такъ мало справедливости, какъ Прудону. Преслѣдуемый въ теченіе всей своей жизни клеветою и недоброжелательностію, онъ, и послѣ своей смерти, несмотря на то, что объ немъ, жизни его, идеяхъ и произведеніяхъ написаны дѣлше томы, не дождался еще ни всесторонней и добросовѣстной оцѣнки своихъ идей и дѣятельности, ни полной и вѣрной біографіи. Мыслитель безъ школы и послѣдователей, горячій изслѣдователь и иска-тель истины, пламенный и безпощадный энтузіастъ, отрицатель утопій, онъ ждетъ еще о себѣ слова человѣка, равной съ намъ силы и одинаковой нравственной чистоты... До тѣхъ поръ онъ останется все тѣмъ же загадочнымъ существомъ, тѣмъ же Сфинксомъ, каковы былъ почти тридцать лѣтъ тому назадъ, когда, будучи еще неизвѣстнымъ и начинающимъ пи-сателемъ, находившимся подъ покровительствомъ и присмот-ромъ безансонской академіи, бросилъ въ среду своихъ изум-ленныхъ покровителей извѣстную фразу о собственности, про-изведшую неслыханный скандалъ въ области мысли. Скандалъ этотъ, какъ всѣмъ извѣстно, продолжается еще и въ наши дни, и по всѣмъ вѣроятностямъ, еще долго будетъ продолжаться.

ся... не даромъ самъ Прудонъ назначаетъ срокъ въ пятьдесятъ лѣтъ, для того, чтобы люди могли говорить хладнокровно о томъ ягучемъ вопросѣ, при обсужденіи котораго у него вырвалась рѣзкая фраза.

Мало того, на обязанности того лица, которое сознаетъ себя довольно сильнымъ для объясненія Прудона, лежитъ и обязанность продолженія его дѣла, т.-е. другими словами, еслибы подобная проблематическая личность появилась, то она была бы обязана дѣятельно доказать теоретическую задачу: можетъ ли одинъ человѣкъ, при всей своей энергіи и гениальности, принять во вниманіе сложность и запутанность человѣческихъ отношеній въ наше время, взять на себя титаническій трудъ полнаго и всесторонняго разрѣшенія всѣхъ реальныхъ в метафизическихъ противорѣчій — для достиженія блага человѣчества. Такимъ лоцманомъ, взявшимся провести страдающее и несправедливо гибнущее цѣлыми массами человѣчество въ тихую приставъ свитетическаго разрѣшенія всаческихъ волъ — былъ Прудонъ. Предпринятая имъ задача раздавила его самого, едва онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ... *Онъ не сдѣлалъ ничего*—таково роковое обвиненіе его порицателей... Онъ не отыскалъ истины, за которую гнался, говорить, напротивъ того, его почитатели, но уже однимъ тѣмъ, что вышелъ на новый и самобытный путь ея отыскиванія, онъ принесъ людямъ громадную пользу. Не дойдя до цѣли, онъ по дорогѣ опредѣлилъ однакоже множество камней, которые не были нанесены до него на карту жизни человѣчества; онъ освѣтилъ своею безпощадною критикою многія пропасти и разсѣлъ обольстительные миражи; если же и не отыскалъ широкаго и привольнаго фарватера, то показалъ, что искать его слѣдуетъ, руководствуясь изученіемъ правильныхъ и постоянныхъ теченій (логикою вещей).

Онъ имѣлъ положительное и значительное вліяніе на умы своихъ современниковъ, и даже своихъ противниковъ, какъ они отъ этого ни отбивались, и вліяніе это не только не кончилось, но, можетъ быть, съ новыми поколѣніями будетъ еще усиливаться. Главнѣйшая же заслуга Прудона, этого анализатора человѣческихъ бѣдствій и безсилія, этого философа умственной, нравственной и матеріальной нищеты, состоитъ въ томъ, что онъ указалъ на ту плодотворную ячейку, благодаря существованію которой организуется современемъ новое общество. Это зерно, которое осуждено въ наши дни на прозябаніе и гніеніе въ средѣ нищеты, порока, бѣдствій, невѣжества и преступленія, но которому суждено прорости и послужить корнемъ будущей общественности, этотъ живой и плодотворный капиталъ новаго міра, для котораго нѣтъ отрипанія — *это трудъ рабочаю человека*... Но, какъ бы ни были велики всѣ эти заслуги Прудона, строго-критическое опредѣленіе его сущности, по отношенію къ взятой имъ на себя задачѣ, этимъ еще не исчерпывается, и недоумѣніе и недоувѣріе къ нему

общества совершенно логично и законно. Недоумѣніе это будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока, какъ мы сказали, не явится достойный ему преемникъ (вмѣсто такой личности можетъ быть время и опытъ), который, продолжая его дѣло или доведя его до конца, объяснитъ этапъ его сущность, докажетъ его правоту. Взявшись за свою задачу, заручившись такимъ захватомъ идей, разрѣшеніе которыхъ едва-ли подь силу десяткамъ мыслителей, связавъ такъ тѣсно интереси своей личности со всѣми интересами человѣчества, Прудонъ самъ сдѣлалъ невозможнымъ всякое строго критическое къ себѣ отношеніе, до тѣхъ поръ, пока хотя нѣкоторые изъ волнуемыхъ современнѣйшій миръ вопросовъ не разрѣшатся, пока люди не усвоятъ себѣ новыя методы для уразумѣнія и разрѣшенія ихъ. Мало того, онъ самъ весьма часто и въ весьма многихъ изъ своихъ произведеній не выдерживаетъ своей высоты, и этимъ подаетъ существенный поводъ къ несправедливому, мелкому и пристрастному къ себѣ отношенію. Безпощадность же его критическаго отношенія къ своимъ современникамъ, настойчивое и рѣзкое преслѣдованіе лжи и лицемерія, какими бы благовидными формами онѣ ни прикрывались — сдѣлали то, что люди самыхъ противоположныхъ мнѣній, умственнаго развитія, нравственнаго уровня, политическихъ убѣжденій, и философскихъ взглядовъ склоняются единодушно въ ненависти и отрицаніи его самого. Отсюда же до клеветы, преслѣдованій и вопіющихъ несправедливостей, *до критики отражающей* — очевидно недалеко. Вотъ, по нашему мнѣнію, основная причина того, что въ цѣлыхъ массахъ отзывовъ о Прудонѣ весьма трудно встрѣтиться съ глубокою и вѣрною мыслью, съ скольконибудь справедливою и безпристрастною оцѣнкою заслугъ, высокихъ способностей, и нравственной чистоты его. Все это мы говоримъ, конечно, не для того, чтобы претендовали на строгую критическую оцѣнку Прудона; дѣло наше совсѣмъ не въ этомъ. Имѣя подь руками новыя библиографическіе матеріалы о жизни Прудона, собственноручныя его письма, мы хотимъ только подѣлиться этимъ цѣннымъ матеріаломъ, представляющимъ элементы для исторіи развитія этого загадочнаго и великаго человѣка — съ читателями. Мы полагаемъ, что приведеніе ихъ въ нашемъ журналѣ съ нѣкоторыми и только самыми необходимыми объяснительными примѣчаніями будетъ дѣломъ полезнымъ и въ высокой степени интереснымъ для публики, и если мы рѣшились высказать нѣсколько словъ о нашемъ личномъ взглядѣ на Прудона, то для того только, чтобы объяснить, почему мы считаемъ особенно важнымъ опубликованіе его переписки на русскомъ языкѣ, а равно и для того, чтобы показать публикѣ, что всякіе взгляды на Прудона, какъ на революціонера или консерватора, экономиста или социалиста, демагога или доктринера совершенно несущественны. Въ подтвержденіе каждаго изъ этихъ противоположныхъ взглядовъ существуетъ не мало книгъ и статей, написанныхъ съ одинаковою степенью доказательности. Это явленіе происходитъ отъ того, что при громадности захвата

идей Прудона, онъ могъ казаться иногда тѣмъ, иногда другимъ — въ сущности же не былъ ни революціонеръ, ни консерваторъ, ни экономистъ, ни социалистъ и т. д. въ томъ смыслѣ, который обыкновенно придается этимъ словамъ. Онъ былъ просто самимъ собою и *Прудономъ*, принимая, въ своемъ страстномъ отыскиваніи истины, тотъ или другой путь мысли, смотря по тому, въ какой схемѣ мышленія ярче выражалась, по его мнѣнію, правда, по отношенію къ занимавшей его идеи.

Письма Прудона, открытыя г. Адольфомъ Куртомъ, помѣщены въ трехъ выпускахъ «Revue Moderne» (отъ 25-го сентября, 10-го и 25-го октября). Напечатаны они со множествомъ объясненій, ничего необъясняющихъ, среди безконечныхъ разглагольствованій о личности и значенія Прудона, — разглагольствованій тусклодоктринерскаго закала *. Ого всего этого мы, разумѣется, освобождаемъ русскихъ читателей, и ограничимся, какъ уже сказали, только самыми необходимыми замѣчаніями, для уясненія связи и послѣдовательности этой драгоценной переписки и извлеченіемъ нѣкоторыхъ фактическихъ данныхъ изъ этой статьи.

Открытие этихъ писемъ произошло совершенно случайно. Однажды г. Куртъ, гуляя съ кѣмъ-то изъ своихъ знакомыхъ, имя котораго онъ скрылъ отъ читателей, по Безансону, замѣтилъ, что одна изъ улицъ этого города носить названіе *улицы Прудона*. Онъ предположилъ, что это названіе дано улицѣ въ честь именно того Прудона, о которомъ мы говоримъ, и сообщилъ объ этомъ предположеніи своему знакомцу, но былъ выведенъ изъ своего заблужденія отвѣтомъ лица, къ которому онъ обращался. Безансонскій старожилъ объяснилъ ему, что городской муниципалитетъ почтилъ этимъ названіемъ гражданскія заслуги, нѣкогда обитавшаго въ Безансонѣ обывателя — юрисконсульта, занимавшаго почетный служебный постъ въ этомъ городѣ **. При этомъ безансонскій старожилъ и по всей вѣроятности мѣстный академикъ (должно думать, Переннъ, какъ объ этомъ можно догадаться по перепискѣ) объяснилъ г. Курту, что онъ лично зналъ и очень любилъ *настоящаго* Прудона, и что у него въ рукахъ даже находятся документы для достовѣрной исторіи его юности, совершенно опровергающіе всѣ выдумки о Прудонѣ лучшихъ изъ его біографовъ и критиковъ. «Я думалъ самъ», прибавилъ онъ, «написать, на основаніи ихъ, исторію юности Прудона и исправить без-

* Изъ обвиненій противъ Прудона, на которыя г. Куртъ довольно щедръ, хотя и расточаетъ ему въ то же время не мало похвалъ, самымъ тяжкимъ и съ перваго взгляда справедливымъ, кажется его обвиненіе Прудона въ незнаніи естественныхъ наукъ. Но возвода такое обвиненіе на Прудона, г. Куртъ забываетъ, что та степенъ развитія естествознанія, которое даетъ послѣднему право въ близкомъ будущемъ служить основой нравственныхъ и политическихъ наукъ — завоеваніе только самаго пѣдвжнаго времени.

** Юрисконсультъ этотъ былъ, по Валеро, предкомъ П. Ж. Прудона.

численныя ошибки его біографій, но теперь отказываюсь отъ этого и передаю ихъ вамъ». Г. Куртъ, за что ему нельзя не быть благодарнымъ, немедленно же придалъ публичность своей находкѣ.

Письма эти обнимаютъ собою четырехлѣтній періодъ жизни Прудона (1837—1841). Первое изъ нихъ написано имъ, когда ему было 27 лѣтъ, и есть какъ бы его автобіографія до этого возраста. Остальныя уясняютъ тотъ эпизодъ его жизни, когда онъ, получивъ отъ безансонской академіи пенсію для приготовления себя къ ученой карьерѣ, сначала возбуждаетъ въ ней надежду, что изъ него выйдетъ формальный ученый, но потомъ своей извѣстной запиской о собственности, возобновляетъ ее противъ себя и ведетъ съ нею ожесточенную борьбу, чувствуя себя не способнымъ къ тому нравственному рабству, которое съ ея опекой принялъ на себя по необходимости. Адресованы эти письма или въ самую академію, или къ г. Перенню, постоянному ея секретарю, личности весьма почтенной и гуманной, какъ это увидать наши читатели изъ самой переписки, но далеко неумѣвшей вполне оцѣнить Прудона, хотя Переннь, съ самаго школьнаго возраста, слѣдилъ за нимъ и оказывалъ ему всяческое покровительство. Пенсія, которую получалъ Прудонъ, носила названіе пенсіи Сварда, и выдавалась изъ процентовъ капитала, завѣщаннаго вдовою этого ученаго безансонской академіи наукъ, искусствъ и литературы, «съ цѣлью пособія тѣмъ молодымъ людямъ, изъ урожденцевъ Франшъ-Конте, которые, при хорошихъ способностяхъ и обнаруженіи явнаго призванія къ ученой или литературной карьерѣ, не обладали достаточными средствами для посвященія себя наукѣ». Премія эта была обставлена нѣкоторыми формальностями и налагала на своихъ получателей нѣкоторыя обязательства. Такъ-какъ академія, какъ мы увидимъ далѣе, сочла Прудона невыполнившимъ послѣднихъ, и если не лишила его этой пенсіи, то только потому, что ея приговору не доставало санкции опредѣленнаго завѣщаніемъ числа голосовъ, то мы и считаемъ необходимымъ привести изъ подлиннаго завѣщанія г-жи Свардъ тѣ мѣста, которыя читателямъ переписки Прудона слѣдуетъ принять въ соображеніе.

«Право пользования пенсіей, въ теченіе трехъ лѣтъ, должно быть предоставляемо тѣмъ изъ молодыхъ людей, урожденцевъ Дубсваго департамента, которые, имѣя дипломъ на степень бакалавра словесности или наукъ, по суду безансонской академіи будутъ признаны подающими наибольшія надежды для ученой и литературной карьеры, или для посвященія себя медицинѣ или юриспруденціи.

«Выборъ долженъ рѣшаться большинствомъ голосовъ и объявленъ въ публичномъ собраніи академіи, на которое будутъ приглашаться члены семейства Свардъ.

«Право пользования пенсіей ограничивается трехлѣтіемъ пото-

му, что такой срокъ признается вполне достаточнымъ, чтобы въ теченіе его, молодой человѣкъ съ хорошими способностями могъ встать въ хорошія условія для самостоятельнаго удовлетворенія своихъ потребностей. Самый выборъ его уже, должно надѣяться, доставить ему для этого первую помощь, поставивъ его въ возможность пріобрѣтенія себѣ заранѣ друзей и покровителей.

«По истеченіи трехъ лѣтъ, безансонская академія въ новомъ собраніи, на которое всѣ ея члены будутъ приглашены за восемь дней впередъ, приступитъ къ новымъ выборамъ, на тотъ же срокъ и на тѣхъ же условіяхъ.

«Пенсія эта будетъ носить названіе пенсіи Сварда.

«Если молодой пенсіонеръ переселится въ Парижъ или иной какой городъ, для усовершенствованія себя въ избранномъ имъ предметѣ, ему долженъ быть назначенъ академіей *корреспондентъ*, на котораго возлагается надзоръ за поведеніемъ пенсіонера.

«Корреспондентъ ежегодно представляетъ академіи отчетъ о поведеніи, работахъ и успѣхахъ пенсіонера. Отчетъ этотъ читается въ публичномъ собраніи академіи.

«Если въ случаѣ трудно предполагаемой вѣроятности, пенсіонеръ окажется недостойнымъ полученнаго имъ благодѣянія, корреспондентъ подаетъ объ этомъ жалобу академіи, которая ее обсуждаетъ, и, выслушавъ защиту пенсіонера, можетъ лишить его пенсіона, но такое рѣшеніе, чтобы войти въ силу, должно быть выражено *двумя третями голосовъ* * и содержимо въ секретѣ».

Пенсія Сварда была учреждена въ 1829 году. Пенсіонеру выдавалось ежегодно по полторы тысячи франковъ. Первымъ пенсіонеромъ—былъ иѣкто Фалло, умершій отъ истощенія вслѣдствіе усиденныхъ занятій. На иѣкоторое время пенсія прекращалась для округленія капитала. Прудонъ явился кандидатомъ, по совѣту Перення, на третью выдачу. Первое его письмо, адресованное въ академію, представляетъ какъ бы записку, объясняющую его права на полученіе пенсіи Сварда. Помѣчена она 13 маемъ 1837 года и озаглавлена такъ:

Пьеръ Жозефъ Прудонъ, кандидатъ на пенсію Сварда.

Господамъ Безансонскимъ академикамъ.

Вотъ самое письмо:

Милостивые государи!

Я наборщикъ и корректоръ при типографіи, сынъ бѣднаго ремесленника, который, имѣя трехъ сыновей, никогда не имѣлъ возможности платить за ихъ воспитаніе. Я рано узналъ нужду и горе, и, говоря народнымъ выраженіемъ, мнѣ уже приходилось протягиваться не черезъ одно сито. Такъ боролся съ судьбою

* Прудонъ былъ осужденъ 18 голосами противъ 14, почему пенсія отъ него не могла быть отнята.

и Спардъ, и Мармонтель, и множество писателей и ученыхъ. Мнѣ бы хотѣлось, господа, чтобы при чтеніи этой записки, вы нашли, что между этими лицами, знаменитыми по своимъ талантамъ, и тѣмъ, кто въ настоящую минуту проситъ вашего покровительства — одинаковость бѣдствій можетъ быть не единственная черта сродства.

Я былъ предназначенъ для занятій механическимъ ремесломъ, но по совѣту одного изъ друзей моего отца, меня помѣстили даровымъ вольноприходящимъ ученикомъ въ Безансонскую коллегію. Но что значила эта уступка ста-двадцати франковъ въ семьѣ, ни пропитаніе, ни одежды которой не были обезпечены? У меня обыкновенно не было даже самыхъ необходимыхъ книгъ; я выучился полатини, все время не имѣя лексикона. Обыкновенно въ школѣ я переводилъ на память все, что мнѣ было знакомо, и оставлялъ пробѣлы для неизвѣстныхъ мнѣ словъ, а за воротами коллегии, по чужимъ лексиконамъ, дополнялъ эти слова. Меня сто разъ наказывали за то, что я забывалъ приносить съ собою въ классъ книги; я ихъ не позабывалъ, а у меня просто ихъ не было. Дни, свободные отъ занятій въ школѣ, у меня проходили въ полевыхъ или домашнихъ хозяйственныхъ работахъ; моей семьѣ былъ дорогъ каждый рабочій день. Во время каникулъ я заготовлялъ въ лѣсу обручи—для лавки моего отца—бондаря. Какъ могли идти мои занятія съ такимъ методомъ? Какъ ничтожны могли быть мои успѣхи въ наукахъ при такихъ условіяхъ!

При окончаніи четвертаго класса, я былъ награжденъ книгой. Мнѣ дали «Доказательство бытія Божія» Фенелона. Сочиненіе это, казалось, мгновенно пробудило мои способности и освѣтило мою мысль. Я и до того времени слышалъ уже о матеріалистахъ и атеистахъ, но я не зналъ еще, какимъ путемъ люди доходятъ до отрицанія Бога.

Я долженъ, однако, признаться, что философское ученіе Декарта, переданное въ краснорѣчивомъ изложеніи Фенелона, не вполне меня удовлетворило. Я чувствовалъ Бога, душа моя была проникнута имъ; пораженный съ дѣтства величіемъ этой идеи, я былъ ею преисполненъ и всѣ мои способности были ей подчинены. И что же? въ сочиненіи, написанномъ для доказательства бытія Высшаго существа, я встрѣтился только съ колеблющейся метафизикой, выводы которой, хотя и представлялись гипотезой, довольно удобной для усвоенія, но рѣшительно не представляли собою научной и достовѣрной теоріи. Позвольте мнѣ указать хотя на одинъ примѣръ. Картезіанцы приводятъ слѣдующее положеніе: «душа не можетъ погибнуть, потому что она не матеріальна и однородна (simple)». Но отчего же то, что однажды началось, не можетъ и перестать существовать? Такимъ образомъ предполагается душа, которая въ одномъ направленіи безконечна и вѣчна, а въ другомъ ограничена — что немислимо. Матерія — говорятъ тѣ же философы—не есть не-

обходимое бытіе, потому что она, очевидно, ограничена, зависима и страдательна, и слѣдовательно сотворена. Но какъ понять созданіе матеріи — духомъ, или происхожденіе духа изъ матеріи? Одно непостижимѣе другаго. Я, слѣдовательно, остаюсь тѣмъ же, чѣмъ былъ: вѣрующимъ въ Бога и безсмертіе души. Но, да проститъ меня философія — я вѣрю не потому, чтобы проникся достовѣрностью ея силлогизмовъ, но по шаткости противоположныхъ имъ доказательствъ. Дойдя до такого вывода, я еще болѣе утвердился въ мысли, преслѣдующей меня съ ранней юности, что философія для того, чтобы сдѣлаться наукой, должна встать на другой путь.

Я учился въ школѣ древнимъ языкамъ — будучи свидѣтелемъ бѣдствій и нищеты моихъ родителей. Я испилъ всю чашу горестей, какая выпадаетъ на долю бѣдняку въ молодости, если онъ при нищетѣ обладаетъ еще чувствительностью и *раздражительною* самолюбіемъ. Отецъ мой, вромѣ болѣзненнаго состоянія и разстройства своихъ дѣлъ, былъ еще озабоченъ веденіемъ одного процесса, потеря котораго должна была окончательно его разворить. День, когда ему приходилось выслушивать судебное рѣшеніе, совпалъ съ днемъ, въ который въ школѣ происходила раздача наградъ, и я былъ признанъ достойнымъ одной изъ нихъ за *отличные усилки*. Я явился на это торжество, на которомъ все, повидимому, мнѣ улыбалось, съ сердцемъ, исполненнымъ печали. Кругомъ меня, отцы и матери — ласкали своихъ награжденныхъ сыновей, радовались ихъ торжеству, а мои родители были въ то время въ судѣ, ожидая приговора.

Минуть этихъ я никогда не забуду. Ректоръ спросилъ меня, не желаю ли я указать кого-нибудь изъ моихъ родственниковъ, который надѣлъ бы на меня назначенный для меня вѣнокъ.

— У меня нѣкого нѣтъ здѣсь, г. ректоръ, отвѣчалъ я.

— Значить, я самъ васъ и увѣнчаю, и поздравлю, сказалъ ректоръ.

Возвратясь домой, я испыталъ жесточайшую скорбь, какой еще никогда не испытывалъ. Я нашелъ свое семейство въ полномъ отчаяніи, мать моя громко рыдала: нашъ процессъ былъ проигранъ. Ужинали въ этотъ день мы хлѣбомъ и водою.

— При такихъ условіяхъ я дошелъ до *риторики* — и этому году суждено было быть моимъ послѣднимъ школьнымъ годомъ. Я былъ вынужденъ обстоятельствами — самъ заботиться о своемъ пропитаніи и поддержкѣ.

«Ты долженъ теперь уже хорошо знать свое ремесло», сказалъ мнѣ отецъ мой: «восемнадцати лѣтъ я уже доставалъ самъ себѣ хлѣбъ, а до того вовсе не учился столько времени, какъ ты». Я нашелъ, что онъ былъ правъ, и поступилъ въ типографію.

Нѣкоторое время я думалъ, что обязанности корректора позволяютъ мнѣ снова приняться за мои занятія, остановленные мною въ то именно время, когда они требуютъ усиленныхъ трудовъ и самой живой дѣятельности.

Въ типографіи набирались произведенія Воссюэта, Вержье и т. д.; по этимъ великимъ учителямъ я ознакомился съ законами логики и слога. Вскорѣ я предположилъ, что я призванъ быть апологистомъ христіанства, и я сталъ жадно читать книги его защитниковъ и противниковъ. Признаться ли вамъ, господа? Въ кипучемъ горнилѣ противорѣчій, вдохновляясь часто одними образами, и слушаясь только своего личнаго чувства, я видѣлъ, какъ одно за другимъ, погибали всѣ мои, самыя дорогія вѣрованія; я увлекался послѣдовательно всѣми ересями, осужденными церковью и объясненными въ лекціонѣ аббата Плюне; я отрѣшился отъ одной изъ нихъ только затѣмъ, чтобы съ тѣмъ болѣею страстностью отдаваться другой, до того, что наконецъ, измученный и утомленный не остановился на послѣдней, и едва-ли не самой безумной изъ нихъ, на соціоньенизмѣ. Я впалъ въ глубочайшее отчаяніе.

Между тѣмъ политическія волненія и моя личная бѣдность стали меня замѣтно отвлекать отъ моихъ соверпательныхъ размышленій и все болѣе и болѣе тянули меня въ водоворотъ дѣйствительной жизни. Для того, чтобы имѣть возможность прокормиться, я былъ вынужденъ оставить мой родной городъ и страну, взяться за страннической посохъ и обратиться въ бродячаго мастераго, которому приходилось скитаться изъ одной типографіи въ другую, чтобы въ одномъ мѣстѣ набрать нѣсколько строкъ, а въ другомъ провѣрить нѣсколько корректуръ. Однажды мнѣ пришлось даже продать всѣ мои наградныя книги — единственную бібліотеку, какую я только когда нибудь имѣлъ. Мать моя ее оплакала, но у меня оставались еще выписки, которыя я дѣлалъ изъ книгъ, читанныхъ мною. Ихъ — продать было нельзя, и онѣ одиѣ повсюду меня сопровождали и утѣшали. Такимъ образомъ я обошелъ порядочную часть Франціи, иногда оставаясь безъ работы и хлѣба, если передъ тѣмъ осмѣливался высказывать передъ хозяевами типографій какую-нибудь правду; въ отвѣтъ меня обыкновенно грубо прогоняли. Даже въ настоящемъ году, сдѣлавшись корректоромъ въ одной изъ парижскихъ типографій, я едва не сдѣлался снова жертвою своей провинціальной гордости. Еслибы не заступленіе за меня товарищей, которые защитили меня отъ нелѣпныхъ притязаній управляющаго типографіей, то мнѣ пришлось бы съ голода поступить къ какому-нибудь газетчику на жалованье. Среди всѣхъ лишеній и бѣдствій, которыя я испытывалъ, подобная крайность была бы для меня самой ужасной и возмутительной.

Какъ бы ни была печальна и жалка жизнь человѣка, никогда не бываетъ, чтобы онъ не имѣлъ уже ровно никакихъ утѣшевій. Я встрѣтилъ друга въ одномъ юношѣ, котораго обстоятельство преслѣдовало столько же, какъ меня. Его также мучила и внутренняя разладаца, и колючка бѣдности. Звали его Густавъ Фалло*. Однажды, работая въ мастерской, я получилъ письмо,

* Первый пенсіонеръ Свурда.

въ которомъ меня просили «все бросить и посѣтить человека, любящаго меня». — «Вы несчастливъ» писали мнѣ: «жизнь, которую вы ведете, не соотвѣтствуетъ вамъ, значить, Прудонъ—мы братья. Пока у меня есть уголь и корка хлѣба—раздѣлите ее дружно. Приходите ко мнѣ—и мы, или все побѣдимъ, или вмѣстѣ погибнемъ». Въ это время этотъ юноша писалъ къ вамъ, милостивые государи, записку о своей жизни и поручалъ себя вашему вниманію, какъ претендентъ на пенсію Сварда. Не говоря о ней ни слова, онъ собирался, въ случаѣ еслибы ему удалось добиться академическаго выбора, предоставить пользованія пенсією мнѣ, сохраняя за собою только честь считаться такимъ пенсионеромъ, и тѣ дорогія выгоды, которыя связаны съ этимъ почетнымъ положеніемъ. «Если въ августѣ меня выберутъ», говорилъ онъ мнѣ, умалчивая обо всякихъ подробностяхъ, то съ этихъ поръ передъ нами обоими откроется карьера». Я, конечно, воспользовался его предложеніемъ, но тотчасъ же за такимъ принятіемъ, мнѣ пришлось видѣть его въ холерѣ, отказывавшимся для меня отъ послѣднихъ своихъ средствъ и приближавшимся къ дверямъ гроба, между тѣмъ какъ я ничѣмъ не могъ ему помочь*. Нужда въ деньгахъ заставила насъ разъѣхаться; мы разстались, и на прощаньи я обнялъ его въ послѣдній разъ. 25-го января нынѣшняго года, мнѣ пришлось провести часъ раздумья—на его могилѣ.

Съ 50 франками въ карманѣ, съ мѣшкомъ за спиной и моими *смитсками*, вмѣсто всякаго имущества, я шелъ, съ отчаяніемъ въ душѣ на югъ Франціи. Передавать вамъ, господа, подробно и въ хронологическомъ порядкѣ, все, что я испыталъ за это время въ душѣ и на своей шкурѣ, значило бы злоупотреблять вашимъ терпѣніемъ. Да и не все ли для васъ равно, немного больше или немного меньше страдалъ я? Для васъ довольно одной физической нужды, и премія Сварда назначается не за скитальчество. Если я и рассказываю вамъ о моемъ жалкомъ существованіи, то только потому, что это, кромѣ меня самого, замолвилъ вамъ обо мнѣ слово? Кто поручилъ бы меня вашему вниманію? Теперь, по крайней-мѣрѣ, вы знаете, какова была моя жизнь (она и теперь такова же). Сентаясь изъ мастерской въ мастерскую, я былъ постояннымъ свидѣтелемъ народныхъ добродѣтелей и пороковъ; но стѣдая поденно зарабатываемый мною въ потѣ лица жалкій кусокъ хлѣба, я былъ еще обязанъ изъ своего скуднаго заработка помогать своей семьѣ и способствовать воспитанію своихъ, братьевъ. Среди такой-то жизни, я постоянно размышлялъ, философствовалъ и выводилъ изъ самыхъ ничтожныхъ обстоятельствъ неожиданныя и новыя заключенія. Уставши нести тяжелую ношу работъ, я пришелъ къ мысли, вмѣстѣ съ однимъ изъ своихъ товарищей—попробовать основать свою маленькую типографію. Мы сложились вмѣстѣ,

* Прудонъ спасъ его отъ смерти своею заботливостію.

собрать всю нашу экономію (и все, что мы предназначали въ помощь нашимъ семействамъ, и оставили все это на карту. Но вскорѣ мы разочаровались: дѣло пошло страшно дурно, несмотря на то, что мы все пустили въ ходъ—трудъ, порядокъ, бережливость, такъ что въ двухъ товарищей по предпріятію, одинъ удался въ чашу лѣса, умирать отъ истощенія и усталости, другому же не оставалось ничего другато, какъ оплатить свою рѣшимость раскинуть кускомъ хлѣба, составлявшимъ единственную поддержку его семьи и отца.

Простите снова, господа, что вмѣсто представленія своихъ правъ на ваше вниманіе, я все-таки только и толкую, что о своихъ несчастіяхъ. Но, такъ-какъ я большинству изъ васъ невзвѣстенъ, то я и считалъ себя обязаннымъ разъяснить передъ вами, чѣмъ я былъ и что такое я въ настоящее время. Не скажу, чтобы я рѣшился на раскрытіе передъ вами нѣкоторыхъ обстоятельствъ моей жизни и объясненія своего характера и умственного состоянія, безо всякихъ колебаній. Я думалъ даже до сихъ поръ, что такіа объясненія могутъ быть только между равными и друзьями, но одно лицо, которое я люблю и уважаю, сказала мнѣ: «такъ что же! Вѣдь вы хотите понравиться академикамъ? такъ и обратитесь къ нимъ, какъ друзьямъ». Не обманулось ли это лицо, и не послужить ли мнѣ мой образъ дѣйствій на пагубу?

Въ 1836—1837 году продолжительная болѣзнь заставила меня прекратить мои типографскія работы, и обратиться къ научнымъ занятіямъ. Нѣсколько довольно удачныхъ критическихъ и духовно-философскихъ опытовъ дали новый толчокъ моимъ литературнымъ стремленіямъ и утвердили меня въ моемъ призваніи къ философскимъ изслѣдованіямъ. Во время лихорадочныхъ безсонницъ и досуга медленнаго выздоровленія, я предался критическимъ изслѣдованіямъ, которыя, какъ мнѣ кажется, достойны вниманія вашего. Я тогда же отправилъ къ вамъ два экземпляра своего *Опыта*, и я полагаю, что громадныя труды, исполняемые вашимъ ученымъ собраніемъ, были единственной причиною, какъ я смѣю надѣяться, того, что вы до сихъ поръ не подвергли его своему разсмотрѣнію.

Между тѣмъ, еслибы мой скромный опытъ, доставленный мною на ваше разсмотрѣніе, могъ отвѣчать за тотъ трудъ, къ которому я теперь приступаю, еслибы изложеніе моихъ первыхъ соображеній достаточно гарантировало справедливость тѣхъ идей, которыя я разрабатываю, еслибы вы, господа, захотѣли, чтобы мои изслѣдованія, скажу смѣло, новыя и плодотворныя, были доведены до конца, то могу ли надѣяться я, уже годъ назадъ до вѣрившись вашей справедливой оцѣнкѣ, рассчитывать нѣсколько болѣе на вашу любезнуюнисходительность, чѣмъ на сомнительныя надежды на свой талантъ и то благосклонное отношеніе, на которое имѣеть право крайняя бѣдность.

Отысканіе новыхъ областей въ психологіи, новыхъ путей

въ философіи, изученіе сущности и механизма человѣческаго ума, въ самой доступной и яркой его способности — словѣ, опредѣленіе, на основаніи происхожденія и особенностей языка — источниковъ и филиаціи человѣческихъ вѣрованій; короче, приложеніе грамматики къ метафизикѣ и нравственности и реализація мысли, занимавшей величайшіе умы, тревожившей Фалло, и разрабатываемой нашимъ Потье *, такова, господа, задача, которую я себѣ поставилъ, если вы дадите мнѣ книги и время. Главное — книги; времени у меня всегда хватитъ.

Послѣ всѣхъ колебаній моего ума, послѣ всѣхъ сомнѣній моего духа, я долженъ былъ къ чему-нибудь да придти, и я пришелъ къ построенію цѣлой системы, состоящей изъ вѣрваній религиозныхъ и философскихъ, и которую я могу передать въ такой простой формулѣ:

«Существуетъ первичная философія или религія сверхъчувственного происхожденія, затемненная гораздо ранѣе всѣхъ историческихъ эпохъ. Культы всѣхъ различныхъ народовъ сохраняютъ подлинныя и подобныя между собою черты этой основной религіи. Бѣольшая часть самыхъ христіанскихъ догматовъ есть не что иное, какъ краткое выраженіе ея доказательныхъ положеній, и при помощи сравнительнаго изученія религиозныхъ системъ и подробнаго прослѣженія образованія языковъ, безъ всякаго другаго откровенія, можно доказать реальность истинъ, импонируемыхъ католицизмомъ, и истинъ, въ самихъ себѣ необъяснимыхъ и недостижимыхъ для пониманія. Изъ этого основнаго принципа, рядомъ строгихъ выводовъ можетъ быть преемственная философія, общность которой должна составить точную науку».

Такова сущность, господа, моего *profession de foi* — настоящаго времени.

Рожденный и воспитанный въ средѣ рабочаго класса, связанный съ нимъ неразрывно сердцемъ своимъ и всѣми чувствами, а особенно общностью страданій и стремленій, я больше всего обрадовался бы, господа, еслибы мнѣ посчастливилось удостоиться вашего выбора, тому, что съ тѣхъ поръ я могъ бы уже всецѣло и безъ усталы, со всею энергіею моей воли и силой моего ума, путемъ науки и философіи, работать для нравственнаго и умственнаго развитія тѣхъ, кого я такъ люблю называть своими братьями и товарищами. Мнѣ бы доставила несказанную радость возможность сѣять между ними сѣмена той доктрины, которую я считаю основнымъ закономъ нравственнаго міра, и быть, въ ожиданіи успѣха отъ моихъ усилій, направленныхъ вашею мудростью, какъ бы уже нѣсколько ихъ представителемъ передъ вами.

Но, на комъ бы ни остановился вашъ выборъ, господа, я заранѣе передъ нимъ покорюсь и одобряю его. По примѣру одного древняго, я буду радоваться, если вы найдете кого нибудь болѣе

* Густавъ Потье, уроженецъ Франшъ-Конте, извѣстный синологъ.

достойнаго, чѣмъ я. Прудонъ, съ дѣтскихъ лѣтъ привыкшій крѣпнуть отъ неудачъ, никогда не будетъ такъ тщеславенъ, чтобы принимать себя за неправданнаго и отвергнутаго гениа.

П. Ж. Прудонъ.

Горячее и откровенное письмо это не дошло до академiи въ томъ видѣ, въ какомъ оно находится передъ нашими читателями. Оно подверглось *дружеской цензурѣ*, повидимому, Перенни, и, какъ, по крайней мѣрѣ, упоминаеть самъ Прудонъ въ одномъ изъ послѣднихъ своихъ писемъ, замѣнено и по формѣ и въ сущности. Вѣроятно Перенни нашель, что хотя къ академикамъ и слѣдуетъ обратиться какъ къ друзьямъ, но что всякая важная откровенность несоотвѣтственна серьезному достоинству такихъ высоко-поставленныхъ друзей. Рѣзкое выраженiе откровенной мысли, крикъ чувства, вырвавшiйся изъ сердца, дѣломудренное наложенiе всѣхъ мукъ тяжелой борьбы, переживаемой инстинктивнымъ человѣческимъ духомъ, требующимъ отъ науки и религiи яснаго и опредѣленнаго отвѣта на коренные вопросы сознанiя—могли только оскорбить почтенныхъ академиковъ. Прудонъ же, въ то время, очевидно, ничего этого не зная; его испитующему духу, стремившемуся къ построению *цѣльной* системы миросоверданiя, нѣкогда еще было останавливаться на явленiяхъ, выражающихъ пошлость и скудость мысли. Онъ не зная еще, что такое присяжные ученые и официальная наука, и полагалъ, что вся забота признанныхъ ей столповъ состоитъ въ отысканiи одной истины, и что, слѣдовательно, ему открывался широкiй путь для совмѣстнаго съ ними шествiя къ одинаковой цѣли. Казалось, послѣ всѣхъ испытанныхъ имъ бѣдствiй, жизнь ему улыбалась, все представлялось ему въ розовомъ свѣтѣ, и только сомнѣнiя, выберутъ ли его пансионеромъ, не дають ему за это время покоя. Напрасно онъ ѣдетъ въ Парижъ — и тамъ его преслѣдуютъ тѣ же сомнѣнiя. Попытка ученой карьеры — послѣдняя его попытка въ этомъ родѣ. Въ случаѣ, если ему откажутъ, или назначать только кандидатомъ—для него научная дорога закрыта. Ему нельзя ждать трехъ лѣтъ, въ случаѣ, еслибы даже, при выборѣ другаго конкурента, онъ былъ признанъ первымъ кандидатомъ. Ему уже 27 лѣтъ, онъ работникъ по своему общественному положенiю, на рукахъ его слиткомъ много *заботы дней*:—нужды личныя и нужды семьи. Его мучить мысль, не понапрасну ли онъ затѣвалъ все это дѣло, и имѣеть ли онъ право терять время на пустыя надежды? Кроимъ того, для него также важно, хотя и косвенное призванiе справедливости его основныхъ философскихъ взглядовъ и законности его патриотическаго чувства къ родному Францiи-Кюнте. За разъясненiемъ всѣхъ этихъ вопросовъ онъ рѣшается въ первый разъ обратиться къ Перенни, участiемъ котораго въ себѣ онъ весьма сильно дорожить. Эти чувства диктуютъ ему слѣующее письмо:

Парижъ, 21-го февраля 1838 г.

«Г. Переннъ!

Я прочиталъ въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ «Impartial'a», что крайній срокъ для представленія къ секретарю вашей академiи бумагъ желающими воспользоваться премiею Сюрарда, назначенъ 1-го июля. Таковыя образцы, если вамъ угодно, чтобы и я былъ въ числѣ желающихъ, то позвольте мнѣ прежде всего попросить у вашей любезности первой услуги. Чтобы быть принятымъ кандидатомъ, я долженъ представить дипломъ бакалавра; чтобы получить этотъ дипломъ, мнѣ нужно свидѣтельство о прохожденiи мною курса философи, а такого свидѣтельства мнѣ достать негдѣ. Вамъ же лично извѣстно, что я усердно посѣщалъ лекци г. Ассье, и что еще во время прохожденiя мною риторическаго класса, я уже изучалъ философскихъ писателей; поэтому, мой старшiй и достойный профессоръ, не возьметесь ли вы выдать мнѣ подобное свидѣтельство, въ которомъ были бы соблюдены всѣ необходимыя формальности, и если это нужно, была бы стѣсненна академическая печать. Говорятъ, что подобныя свидѣтельства выдаются безъ труда первому встрѣчному, а этому едва вѣрю; но какъ бы тамъ ни было, я все-таки предпочитаю имѣть такое свидѣтельство отъ васъ, чѣмъ отъ кого-нибудь другаго. Это свидѣтельство будетъ уже не первымъ поводомъ для моей къ вамъ признательности, и, предупреждаю васъ, г. Переннъ, не послѣднимъ и даже не предпоследнимъ.

Это еще не все: я бы страстно желалъ, прежде чѣмъ официально представлю свою просьбу въ академiю, услышать отъ васъ ободряющее слово о возможности воступленiя моего пенсiонеромъ Сюрарда. Въ томъ возрастѣ, котораго я достигъ, и въ моемъ положенiи — мнѣ вѣстается, мое желанiе не должно показаться ни нескромнымъ, ни подкаazanнымъ честолюбиемъ. Для всякаго другаго, попасть въ списки кандидатовъ уже успѣлъ, а же на самое лучшее *accès* посмотрю, какъ на несчастье. Этотъ шагъ мой — самый важный во всей моей жизни, и я смотрю на него, какъ на рѣшенiе всей моей будущности. Если я узнаю неудачу — для меня все кончено, я уже не стану больше искать научной и литературной карьеры; кто станетъ интересоваться моими занятiями, послѣ того, какъ всѣ будутъ знать о моемъ неуспѣхѣ? Мнѣ вѣстается, что на лбу моемъ можно будетъ прочитывать о моей врожденной неспособности. Я бы хотѣлъ лучше сто разъ согласиться на постоянную нищету, чѣмъ отискивать счастья, котораго не получивъ.

Теперь, чтобы заинтересовать васъ и академiю въ моей кандидатурѣ, я понимаю, что я долженъ представить какія-нибудь гарантiи своихъ будущихъ работъ, ихъ сущности и направленiя. Въ этикъ-то видахъ преимущественно я и началъ на себя смѣлость писать къ вамъ сейчасъ, взынаясь въ томъ, что первое письмо, которое я имѣю честь писать къ вамъ, покажется вамъ такъ длинно.

Я не имѣю никакого желанія заниматься юриспруденціей. Вся система нашихъ законовъ основана на принципахъ, лишенныхъ всякаго философскаго значенія, чуждыхъ столько же естественному праву, какъ и откровенію. Таково, по крайней-мѣрѣ, мое личное мнѣніе. Я бы нисколько не затруднился подтвердить это множествомъ примѣровъ и засвидѣтельствовать авторитетомъ двадцати писателей. Людскія условія, основанныя на завоеваніи, рабствѣ, привилегіи или варварствѣ — такова сущность нашего права. Проидеть нѣсколько столѣтій, и ото всей этой юриспруденціи не останется даже никакого слѣда, какъ не осталось отъ древней химіи — послѣ Лавуазье, Прюстлей и Дави: не останется ничего, рѣшительно ничего, кромѣ развѣ нѣсколькихъ разсѣянныхъ развалинъ, которыя найдутъ свое настоящее мѣсто въ неумытной сиреведливости природы и Бога.

Точно также я не хочу переходить курса медицины. Достаточною причиною для этого могло бы служить то, что я читаю ежедневно о невѣжествѣ и неспособности, призывающей смѣшную терминологию. Такой шарлатанизмъ можетъ возбудить отвращеніе самъ по себѣ; но я знаю, кромѣ того, что самая важная для человѣчества часть медицины — терапия, со всѣми ея убѣдительнѣйшими афоризмами и вѣрнѣйшими средствами, находится еще въ періодѣ эмпиризма.

Что такое лихорадка? Никто этого не знаетъ. Почему химія превращаетъ перемежающуюся лихорадку? Это извѣстно еще менѣе. Мой же умъ не умѣетъ ходить въ потемкахъ.

Жанъ-Жакъ Руссо говоритъ гдѣ-то: «Философія, не представляющая ни дна, ни береговъ, нуждающаяся въ основннхъ идеяхъ и элементарныхъ принципахъ — не что иное, какъ море неуверенностей и сомнѣній, изъ которыхъ метафизику никогда не удастся выбраться». И онъ прибавляетъ, что изъ невозможности добыти разсудкомъ до знанія хотя одного какаго-нибудь утѣшительнаго догмата, онъ бросился въ философію чувства, въ лоно религіи. Неужели же это истина, что человѣчскій разсудокъ долженъ отчаяваться въ самомъ себѣ, что онъ можетъ привести только въ вѣрѣ, а не въ пониманію, и принимать на вѣру — не понимая — послѣдній результатъ всѣхъ его усилій?

Я, разсуждая человѣчески о томъ, что намъ извѣстно подъ именемъ откровенія, вижу въ немъ основаніе всеобщей и чрезвычайной практической философіи, догматы которой, въ своемъ самомъ научномъ выраженіи, въ своей самой простѣйшей формѣ, пережили всѣ соціальныя революціи, всю испорченность и униженіе человѣчества. Но ихъ разумная демонстрація, колоритарія и послѣдовательность для насъ неудовимы, потому что мы потеряли права своего рожденія; метрическое свидѣтельство о нашемъ происхожденіи затеряно, такъ-какъ, какъ говоритъ Соломонъ: Non est prigiun memoria*. Я твердо вѣрю, что мы еще

* Сама память о верховитвонъ уже не существуетъ.

при жизни можем приобрести то совершенное пониманіе, которое Св. Павелъ общае намъ, какъ одно изъ условій вѣчнаго блаженства. Я не говорю этимъ, что мы достигнемъ когда-нибудь до постыженія безконечнаго, или всего того, что превосходить ограниченность нашихъ способностей: я утверждаю только, что то пониманіе, которое въра общае своимъ избраннымъ въ другой жизни, и которое состоитъ въ перцепціи какъ и *мычелму* религиозныхъ истинъ, достигнимо нами и въ этой жизни. Въ числѣ тѣхъ религиозныхъ догматовъ, о которыхъ я говорю, и которые я же называю также и *положеніями* забытой философіи, я признаю существованіе Бога, безсмертіе души, Троицу, происхожденіе зла, соблазнъ, о которомъ говоритъ Св. Іаковъ, и всѣ истины евангельской нравственности, иныя такъ сильно опровергаемыя, единственно потому, что мы перестали ихъ понимать, а разумъ нашъ — одинъ безсиленъ ихъ защитити.

Я осмѣлся привести въ концѣ моего небольшого «*Трактата о всеобщей грамматикѣ*»: «Такъ-какъ слова — знаки идей, то исторія языка должна быть исторіей всей философіи; и происхожденіе рѣчи, однажды объясненное, должно дать ключъ и основной принципъ ко всему человѣческому знанію. Разъясненію этого положенія будутъ посвящены всѣ мои первыя философскія и лингвистическія изслѣдованія, къ которымъ я немедленно приступлю. Вообразите громадную равнину, на которой находятся перемѣшанными и беспорядочно разбросанными осколки статуй и барельефовъ, shaftы колоннъ, капители, и обрывки цоколей и карнизовъ, отрывки гіероглифическихъ изображеній, концы надписей, куски вазъ, алтарей и т. д. Развѣ не заслужитъ удивленія трудъ ученаго и антикварія, который прочтетъ всѣ эти древнія скрижали, разгадаетъ въ средѣ этихъ обломковъ назначеніе каждаго изъ нихъ, время, когда каждый камень былъ обтесанъ, степень совершенства, достигнутую искусствомъ въ каждую эпоху, когда были исполнены эти великолѣпныя работы, и даже степень просвѣщенія всякаго рода, которое эти свидѣтели прошедшаго заставляютъ предполагать у угасшаго народа, оставившаго такіе удивительныя слѣды своего минувшаго существованія? А все это отчасти уже сдѣлано филологами и лингвистами. Но, еслибы явился человѣкъ, и сказалъ: «Я хочу возстановить всѣ эти развалины, я придамъ потерянный образъ этимъ каменнымъ глыбамъ, я возстановлю погябшій храмъ во всѣхъ утраченныхъ имъ размѣрахъ, я назову имя божества, которому въ немъ поклонялись, я разгадаю секретъ таинствъ, которыя совершались его именемъ, я расскажу доктрину, которую проповѣдывали посвященнымъ, я объясню отношеніе между всѣми ихъ эмблемами и той философіей, которую они хотѣли въ нихъ выразить? Ну-съ, а это-то и остается сдѣлать въ философіи языка, и если мнѣ не удастся достигнуть жатвы, я войду, по крайней-мѣрѣ, первымъ на то поле, на которое не вступала еще мысль ни одного человѣка.

Я знаю, что другимъ трудно понять, куда думаю я прийти съ трудолюбивымъ и кропотливымъ анализомъ корней языковъ и прослѣженіемъ грамматическихъ процессовъ и вѣрмовъ. Ужъ не думаете ли вы, спросить меня, дать намъ, навривѣрь, новыя подтвержденія о раздѣльности души и тѣла? Не станете ли вы вѣстывать насъ увѣрвать въ Бога? — Да, такъ-какъ я долженъ это сказать: я надѣюсь сдѣлать вашу душу до того наглядною вашему уму, что вамъ покажется, что вы ее трогаете руками, и если я не стану *заставляю* васъ вѣрять въ Бога, то я васъ такъ испугаю его дѣйствительностью, что вы боязливо будете видѣть его всюду.

Для того, чтобы исполнить свою задачу, мнѣ не предстоитъ другого труда, кромѣ обращенія къ своей памяти и выпискамъ. Я знаю, гдѣ достану я для себя матеріалы, я знаю почти всѣхъ авторовъ, къ которымъ мнѣ придется обращаться за свидѣтельствомъ, и большая часть ихъ сами не вѣдаютъ, что они могутъ дать мнѣ. У меня недостаетъ только времени и досуга. Если я буду свободенъ и буду въ состояніи самъ располагать своимъ временемъ, я, вѣроятно, раньше двухъ лѣтъ представлю академіи новыя опыты *универсальной грамматики*. Являясь, слѣдовательно, кандидатомъ, я обязываюсь работать въ Безансонѣ, на глазахъ академіи, надъ осуществленіемъ труда, который я обдумываю уже много времени и который, какъ я надѣюсь, будетъ новѣе *по сущности*, нежели *по формѣ*. Заглавіе его будетъ: «Исслѣдованія объ откровеніи, или философское введеніе во всеобщую исторію», и я попрошу благосклоннаго разрѣшенія академіи посвятить этотъ трудъ ей.

Я сказалъ, что я хотѣлъ бы заниматься, не выѣзжая изъ Безансона. Позвольте мнѣ здѣсь высказать нѣсколько мыслей о будущности моего отечества. Со времени распространенія свѣта знанія во всѣ классы общества, Парижъ пересталъ быть исключительною столицей науки и вкуса; въ наше время поддерживать противоположное мнѣніе не будетъ парадоксомъ. Въ отношеніи трансцендентальной философіи, Парижъ ничтожество въ глазахъ Европы, и если говорить правду, то кромѣ засѣданій академіи наукъ, въ Парижѣ любознательность публики не питается никакою здоровою пищею, а за такую нельзя же признавать позорныя произведенія легкомысленной и чувственной литературы, и политическое жонглерство. Тысяча причинъ заставляютъ меня ужасаться пребыванія въ Парижѣ, и возбуждаютъ во мнѣ невыразимое сожалѣніе въ его отчаянному населенію. Кругомъ меня все поетъ, смѣется и движется: кажется, что ради веселья, толпа готова на конвульсіи. Богатые отдаются ему до истощенія; бѣдныя готовы работать и отказывать себѣ во всемъ самомъ необходимомъ по четыре недѣли, чтобы хотя одну ночь быть *счастливыми*. Мнѣ кажется, что французскій народъ не можетъ уже возродиться иначе, какъ изъ своихъ блонзовъ. Когда я подумамъ о той человеческой расѣ, которая

двѣ или три тысячи лѣтъ обитаетъ по двумъ селонамъ юрской цѣпи, и которая среди всѣхъ катастрофъ, сохранилась, почти неизмѣнившись и ни съ кѣмъ не смѣшавшись; когда я наблюдаю за этими серьезными и совъртательными личностями, религиозными безъ легковѣрія, способными къ энтузіазму безъ фанатизма, за этими людьми, мимо которыхъ проносились съ ревомъ революціи и которые знаютъ только свое небо, да свои сосны, то мнѣ кажется, что въ этихъ людяхъ заключаются элементы для нашего національнаго возрожденія. Пусть же люди съ вѣрой и энергіей собираются здѣсь, и помогутъ нашему населенію Франшъ-Конте принять участіе въ дѣлахъ міра, пусть составятъ они собою предохранительную цѣпь, чтобы охранить этотъ народъ отъ всеобщей испорченности, пусть они распространяютъ въ его средѣ знанія и убѣжденія — и послѣ всего ждутъ отъ него! Не станемъ гоняться за славою и преслѣдовать личныя выгоды, съумѣемъ уничтожиться для нашего отечества. «Пусть погибнетъ наша память, сказалъ нѣкогда Дантонъ: — но да будетъ слава Севванія». Да предохранится въ особенноти наша молодѣжь отъ пресгупнаго подражанія порокамъ чужихъ національностей. Только подъ условіемъ вѣрности девицу: *Deo et sibi fidelis* — наше отечество можетъ быть славно и счастливо. Нѣсколько молодыхъ людей, уроженцевъ Франшъ-Конте, уже предчувствуютъ будущность своего края и стремятся всѣми силами ускорить минуту ея осуществленія: неужели раздуть это свѣтлое пламя такъ трудно, и неужели и у насъ, какъ въ другихъ мѣстахъ, сила инерціи непобѣдима? Покровительствовать такому дѣлу, ободрить его своимъ голосомъ и согласіемъ — дѣло академій, и преимущественно ваше. Если академія только захочетъ этого серьезно, я могу обѣщать ей, какъ отъ своего имени, такъ и отъ имени моихъ друзей и земляковъ, что среди общаго потока Франшъ-Конте можетъ сдѣлаться новчегомъ челоуѣчества.

Мое почтеніе гг. Вейссу и Вьенсену.

Остаюсь, г. Переня, ожидаю отъ васъ новостей, вашъ преданный и искренній слуга и ученикъ

«П. Ж. Прудонъ».

P. S. Я еще долженъ отвѣчать вашему брату, что и не замедлю исполнить. Вмѣсто того, чтобы отнимать отъ васъ лично время на отвѣтъ мнѣ, не смѣю ли я просить, г. Переня, чтобы вы поручили ему передать мнѣ ваши совѣты и свидѣтельство? Я увѣренъ, что онъ съ удовольствіемъ принесетъ намъ обоимъ эту услугу».

Письмо это не могло не подѣйствовать благопріятно на Переня, и безъ того уже любившаго Прудона и цѣнявшаго его энергію

* Севваніей — называлась въ древности Бургундія на Франшъ Конте Главнѣмъ городомъ ея былъ Візонціо — нынѣшній Безансонъ.

** Вѣренъ Богу и себѣ.

и таланты, проявлявшіеся еще въ школѣ. Куртъ говоритъ, что Переннь взялся всей душой за преодоленіе препятствій, какія могли представиться Прудону — и достигъ своей цѣли. Академики обратили особенное вниманіе на патриотизмъ кандидата, льстившія ему самолюбію — и дѣло Прудона было выиграно. На публичномъ засѣданіи академіи 4-го августа 1838 года, Прудонъ былъ провозглашенъ пенсіонеромъ Сuarda. Онъ спасся отъ таготѣвшей надъ нимъ нищеты.

Но не будемъ забѣгать впередъ. Сдѣлавшись пенсіонеромъ, Прудонъ всю душой отдается самымъ разнообразнымъ занятіямъ, и для бѣдшей свободы въ выборѣ ихъ, переселяется въ Парижъ. Вотъ что пишетъ онъ черезъ 4 мѣсяца послѣ своего избранія къ тому же Перенню:

Парижъ, 9-го декабря 1838 г.

Г. Переннь!

Въ самый день пріѣзда моего въ Парижъ, я прочиталъ инструкціи, врученныя вами мнѣ при моемъ вѣздѣ нѣтъ Безансона, и тотчасъ же расположилъ свой ходъ жизни сообразно заключеннымъ въ нихъ наставленіямъ. Я немедленно представился своему тотору г. Дрозу, котораго на слѣдующій же день, какъ будто отгадывая желаніе г. Вейсса, познакомилъ меня съ г. Фелье, бібліотечаремъ института. Съ тѣхъ поръ я вижу аккуратно четыре раза въ недѣлю этого превосходнаго человѣка, такъ-какъ бібліотека института открыта для занятій только четыре дня въ недѣлю. До сихъ поръ ознакомленіемъ меня съ г. Фелье—предоставленіемъ мнѣ доступа въ его бібліотеку — ограничивается для меня все тоторство г. Дроза и почти всѣ преимущества, пріобрѣтенныя мною отъ перевѣзда въ Парижъ.

Я видѣлъ г. Молдѣ, мы вмѣстѣ обѣдали. Онъ мнѣ показался человѣкомъ достойнымъ, простымъ, добрымъ и обходительнымъ. Все семейство Дроза его очень любятъ, и мнѣ пріятно видѣть, что онъ заслуживаетъ это во всѣхъ отношеніяхъ. Я очень сожалѣю, что его специальность, астрономія, такъ чужда кругу моихъ метафизическихъ занятій.

Я передалъ вамъ голые факты; теперь позвольте прибавить кое-какія замѣчанія.

Мнѣ случилось уже имѣть частыя и продолжительныя бесѣды съ г. Дрозомъ: по видимому, результатъ ихъ состоитъ въ томъ, что онъ составилъ обо мнѣ мнѣніе какъ о человѣкѣ, склонномъ къ парадоксамъ. Онъ и не ошибся. Прежде всего онъ понтересовался узнать, какою дорогою въ наукѣ думаю я избрать.

— Я хочу заняться философіей, исторической критикой и сравнительной грамматикой, отвѣчалъ я.

— Философію?... но какія надежды можете вы возлагать на спекулятивную философію?—сказалъ онъ.—Развѣ въ этомъ отношеніи, въ наше время, не сказано уже все, или почти все? Какою метафизическую, психологическую или нравственную систему

будете вы въ состояніи построить, которая кому нибудь уже не принадлежала бы? Самые искусные философы, въ наши дни, съ отчаяніемъ находятъ что-либо новое, хватаются за повтореніе задовъ. Философія сдѣлалась теперь только одной исторіей философіи.

Такова была сущность замѣчаній г. Дроза. На все это я возразилъ тономъ, на сколько только могъ менѣе самоувѣреннымъ (я не скоро забываю уроки, которые мнѣ даютъ), что я весьма далеко отъ мысли, что философія сказала уже свое послѣднее слово, что она едва еще организовалась, что ея цѣль, методъ и объемъ философскихъ изысканій хорошо опредѣлились только въ какия нибудь послѣднія двадцать лѣтъ; что этимъ ограничивается все, что заключается въ ней реальнаго и фактическаго, какъ въ наукѣ; что точно такъ же смотритъ на это и самъ Жоффруа, единственный философъ въ Европѣ, который, по моему мнѣнію, заслуживаетъ это имя, что въ настоящее время слѣдуетъ все это взять за точку отправленія, и при помощи опыта и наблюденія стараться въ рѣшенія психологическихъ проблемъ найти отвѣтъ на основныя задачи, занимающія и беспокоящія человѣчество.

Г. Дрозъ на это почти не возражалъ: онъ ограничился только тѣмъ, что выразилъ, что его никогда не привязывала къ себѣ метафизика; но что онъ, впрочемъ, очень радъ, что мое мнѣніе о Жоффруа какъ разъ совершенно совпадаетъ съ его личнымъ взглядомъ. Послѣ этого разговоръ перешелъ на другіе предметы.

— Вы хотите заняться исторической критикой, продолжалъ онъ: — какой именно исторіей въ частности вы думаете заниматься, и какимъ образомъ вы понимаете это занятіе?

— Въ настоящую минуту я работаю надъ собираніемъ матеріаловъ по исторіи евреевъ, которая должна служить подтвержденіемъ моихъ философскихъ теорій.

— Но ветхій завѣтъ, какъ мнѣ кажется, исчерпанъ еще больше, чѣмъ философія. Неужели вы можете разумно надѣяться, послѣ тысячи комментаторовъ, работать съ пользою для общества и самого себя надъ всѣмъ извѣстными библейскими повѣствованіями? Сверхъ того, тутъ только два пути: или вы останетесь ортодоксальны, и тогда, конечно, не скажете ничего новаго, или вы сдѣлаетесь новаторомъ, и тогда возстановите противъ себя церковь. И что же? Предположимъ, что вы въ послѣднемъ случаѣ будете даже правы (гарантіей чего, однако, не можетъ служить ничего, кромѣ вашего личнаго убѣжденія и авторитета), какой интересъ можетъ васъ такъ сильно притягивать къ возстановленію преданій, которымъ уже двѣ тысячи лѣтъ?

Такая аргументація была весьма подавляющей; я коротко отвѣтилъ, что я твердо убѣжденъ въ томъ, что мы еще ничего не понимаемъ въ еврейской исторіи, и для примѣра обратился къ самому г. Дрозу съ вопросомъ: можетъ ли онъ дать ясное понятіе хоть о пророкѣ Исаяѣ? Я прибавилъ, что для меня достаточно, чтобы что либо мнѣ показалось истинною или ложью,

чтобы я, несмотря ни на что, открыто утверждалъ это, и что филологія и критика уже не могутъ, также какъ химія и алгебра, разрабатываться въ интересахъ одного какого бы то ни было мнѣнія, какъ бы оно само по себѣ ни было почтенно.

Не скрою отъ васъ, что мнѣ показалось, что г. Дрозъ при этихъ словахъ какъ будто нѣсколько возмущился направлениемъ моихъ идей, и я думаю, что въ этомъ отношеніи забота о моемъ спокойствіи и будущемъ благополучіи, также какъ о чести академіи, занимала его больше, чѣмъ забота объ исторической истинѣ.

Онъ спросилъ меня еще:

— Какія спеціальныя работы уже произведены вами? Въ чемъ заключается фондъ вашихъ свѣдѣній? Чтѣ вы именно знаете?

— Пока еще ничего; я былъ корректоромъ въ типографіи и имѣю только степень бакалавра.

— Но наконецъ академія не высказалась бы за васъ, еслибы не имѣла для этого основаній. Въ чемъ же заключались ваши преимущественна на ея вниманіе?

— Я занимался догматическимъ богословіемъ и, вѣжеться, знаю его порядочно. Изученіе догматовъ привело меня къ изученію текстовъ, вслѣдствіе котораго я составилъ опытъ сравнительной грамматики. Вотъ и все.

Тогда г. Дрозъ выразилъ мнѣ желаніе познакомиться съ моимъ опытомъ, который я ему и принесъ на слѣдующій же день.

Я видѣлся послѣ съ этимъ почтеннымъ академикомъ. Онъ имѣлъ достаточно храбрости дочитать меня до конца. Но онъ мнѣ не сказалъ ничего ни хорошаго, ни худаго о моемъ трудѣ, не высказался ни о содержаніи его, ни о формѣ, ни даже о слогѣ. Я никогда не встрѣчался съ такою сдержанностью. Когда отрицаютъ теоріи какого нибудь писателя, особливо если еще ему протежируютъ, весьма печально, если въ его произведеніи не могутъ найти ничего, чѣмъ можно поддержать въ немъ бодрость, польста нѣсколько его самолюбію. Дайте мнѣ самую жалкую поэму, самый отвратительный романъ, и я все-таки съумѣю найти въ нихъ хотя что нибудь, достойное похвалы или пошрениа.

Только спустя долгое время, я былъ на столько счастливъ, что добился нѣсколькихъ общихъ выраженій, которыя въ сущности равнялись совершенному осужденію моего труда. «Я не позволю себѣ», сказалъ мнѣ г. Дрозъ, «дѣлать заключеній о предметахъ, которые мнѣ довольно чужды; скажу только, что съ своей стороны я все-таки остаюсь на сторонѣ взглядовъ Кондильяка; и если вы и правы передъ нимъ въ чемъ нибудь, то не слѣдуетъ все-таки забывать, что его доктрина весьма обстоятельна». Я замѣтилъ изъ этого, что чтеніе моей книги перевернуло всѣ грамматическія вѣрованія г. Дроза.

Г. Машело, зять г. Дроза и начальникъ одного заведенія, въздаль недавно французскую грамматику, теоріа и принципы

которой цѣлкомъ взятъ у Кондиллява. Въ этомъ я убѣдился въ внимательнаго чтенія этой книги. Кромѣ того, я имѣю нѣкоторыя основанія думать, что г. Дрозъ приложилъ и свою руку къ этой элементарной рапсодіи, а моя общая грамматика — самое полное и безопадное опроверженіе, какія когда-нибудь появлялись на эту часть философской системы Кондиллява. Что же всего печальнѣе, такъ это то, что всѣ мои критическія соображенія подтверждены въ самой книгѣ обширными выписками.

Я выразилъ г. Дрозу свое желаніе отдѣлать мой грамматическій опытъ и сдѣлать въ немъ значительныя измѣненія и дополненія, съ тѣмъ, чтобы потомъ отправить его во французскую академію на конкурсъ на премію Вольнэ. Онъ съ своей стороны обѣщалъ мнѣ сообщить ее г. Фелье, который своими просвѣщенными совѣтами можетъ быть, по его мнѣнію, чрезвычайно мнѣ полезенъ. Если я успѣю, я отправлю свой манускриптъ въ мартѣ, если нѣтъ, — то отложу это дѣло до будущаго года.

Я имѣю полную достовѣрность, что если я не ведаю успѣлъ положительно разрѣшить, то, по крайней-мѣрѣ, поднялъ всѣ основныя вопросы грамматики и первый далъ рациональное объясненіе, подтвержденное наблюденіемъ надъ фактами и метафизической теоріей одной изъ важнѣйшихъ задачъ лингвистики: связать общимъ принципомъ два главнѣйшія семейства языковъ, индогерманскій и семитическій, такъ-какъ первый въ склоненіяхъ, спряженіяхъ и синтаксисѣ почти только *обращеніе* второго. Это-то противорѣчіе и мѣшало до сихъ поръ значительному числу филологовъ допустить возможность общаго происхожденія этихъ двухъ обширныхъ системъ идиомъ. Съ другой стороны, въ этой книгѣ, я утвердилъ строй грамматики для всевозможныхъ языковъ только на двухъ частяхъ рѣчи, что придастъ грамматическому синтезу такую простоту и ясность, какихъ онъ до сихъ поръ еще не представлялъ.

Въ Парижѣ (и въ этомъ я съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе убѣждаюсь) нечего даже и надѣяться встрѣтить людей, умъ которыхъ былъ бы способенъ схватывать научныя синтезы; французскій умъ слишкомъ геометриченъ, слишкомъ дедуктивенъ и нелегко возвышается отъ частныхъ фактовъ къ общимъ законамъ. Здѣсь нѣтъ недостатка въ ученыхъ, обладающихъ дѣйствительными достоинствами и которые достигли этого трудомъ и культурой, но та способность, чуть не пророческая, которая одна только дѣлаетъ Ньютоновъ и Декартовъ, способность, заключающая въ себѣ зерно цѣлыхъ системъ, метафизическое *се* — весьма рѣдка въ нашемъ отечествѣ. Французу надобно удивляться въ тонкости его анализа, въ его умѣнныя усовершенствованія, но онъ лишентъ тѣхъ проблесковъ вдохновенія, которые даютъ общіе взгляды и заключенія а priori. Въ области нашей науки — все вырастаетъ въ теплицахъ; растенія, взирѣвающія на чистомъ воздухѣ, чуть не диво. За то для труда, который равносильнъ таланту — доступно все.

Я рѣшился не посѣщать публичныхъ курсовъ, которые, по моему мнѣнію, совершенно бесполезная національная роскошь. Я васъ могу угостить когда-нибудь диковинками, которыхъ я тамъ наслушался. Я кое-что записалъ для памяти.

Я бываю у г. Дроза по два раза въ недѣлю. Мы согласились, что онъ предоставитъ мнѣ полную свободу бывать или не бывать на его вечерахъ и знакомиться или не знакомиться съ лицами, посѣщающими его. Первое его увѣщаніе мнѣ состояло въ совѣтѣ избѣгать интригъ; на это я отвѣчалъ, что я чистокровный уроженецъ Францъ-Конте. Онъ со мною чрезвычайно обходителенъ и я съ каждымъ днемъ привязываюсь къ нему болѣе и болѣе. Г. Дрозъ нравственно вліяетъ на всѣхъ, кто только съ нимъ имѣетъ дѣло. Довольно, послѣ какой-либо ошибки, быть подлѣ него, чтобы почувствовать угрызенія совѣсти. Я, конечно, его полюблю, чувство, которое съ каждымъ днемъ труднѣе и труднѣе ко мнѣ прививается. Еслибы мнѣ когда-нибудь случилось, говоря объ немъ, выказать холодность или недовольство, то это будетъ служить признакомъ, что я уже недостойнъ уваженія честныхъ людей. Наконецъ, я уже ему высказалъ, что если для того, чтобы получить его дружбу и уваженіе довольно трудиться и быть честнымъ человѣкомъ, то я надѣюсь достигнуть того и другаго, но что болѣе этого я ничего не могу обѣщать.

Я слегка подготовляюсь къ полученію соотвѣтствующей мнѣ степени (*licentie des lettres*), и въ ожиданіи ея, немного занимаюсь философіей и грамматикой; перевожу Исаію и Андреаца, и скоро думаю приняться за нѣмецкій и санскритскій языки.

Я иногда начинаю расказываться, что я хлопоталъ и получилъ пенсію Сьюарда. На эту тему я еще буду говорить съ вами въ другой разъ, г. Перень, конечно, только въ такомъ случаѣ, если вы напишете хоть словечко въ отвѣтъ мнѣ, изъ чего я могу заключить, что вы не захотите избѣгать переписки со мною. Я бы вамъ былъ очень обязанъ, еслибы вы доставляли письма ко мнѣ въ улицу де-Шамбреттъ, 19.

Я бы хотѣлъ, чтобы наши письма оставались между нами. Я отрываюсь передъ вами, какъ передъ другомъ. Анкерманъ просилъ меня увѣрить васъ въ его совершенномъ почтеніи и преданности.

Мой поклонъ вашему брату. Скажите ему, что я читаю Монтескьё.

Вашъ старый и вѣрный ученикъ

П. Ж. Прудонъ.

Письмо это весьма знаменательно. Сталкнувшись съ Дрозомъ, Прудонъ увлекается всѣми симпатическими сторонами этой личности и привязывается къ ней, но онъ инстинктивно отгадываетъ въ то же время, что такой положительный и холодный умъ, какъ у Дроза, составляетъ полное противорѣчіе съ его личною страстностью. Его удивляетъ сдержанность Дроза, но

онъ еще не догадывается, что эта сдержанность только личная форма, которой выражается неопредѣленное чувство досады систематическаго ума, поставившаго себѣ опредѣленныя границы, при встрѣчѣ съ личностью, ширина возрѣвнй которой кажется ему только маской, прикрывающей пустоту содержания. «Мнѣ кажется, что онъ составилъ обо мнѣ мнѣніе — говоритъ Прудонъ — какъ о человѣкѣ, склонномъ къ парадоксамъ. Онъ и не ошибся: я, конечно, прибѣгаю къ парадоксамъ, но только пока они необходимы, какъ звѣнья для цѣльности моей системы, пока на ихъ мѣсто не встанетъ настоящее знаніе». Въ возможность достиженія такого знанія, онъ, какъ и въ первомъ письмѣ къ Перенню, еще вѣритъ. Безъ такой вѣры, хотя и сопровождаемой сомнѣніями, для него невозможно никакая дѣятельность. По прочтеніи «Опыта грамматики» Прудона, Дрозъ заявляетъ передъ нимъ чуть ли не всю свою ограниченность, но Прудонъ, имѣя дѣло съ живою личностью, мыслящею и работающею, при всей своей рѣзкости въ общихъ взглядахъ, совѣстливо опасается составить объ немъ обвиняющее сужденіе. Чтобы освободиться отъ смутнаго впечатлѣнія, производимаго на него интеллектуальнымъ характеромъ Дроза, онъ спасается формулированіемъ общаго положенія: «французскій умъ неспособенъ къ синтезу». Увы! въ этомъ заключается страшная правда, и не только въ средѣ французовъ, но и среди всякихъ другихъ національностей — людей, способныхъ къ синтезу, весьма немногих. Такая мысль, однажды озарившая Прудона, не можетъ пройти для его дѣятельной мысли безслѣдно. Не желая обвинять Дроза, онъ случайно обвинилъ всю Францію, а слѣдовательно и безансонскую академію. Ему становится горько. Къ опасенію не достигнуть знанія истины, у него присоединяется опасеніе и того, что возможно, даже и при отысканіи ея, быть непонятнымъ. Новыя колебанія его мысли еще не вполне сформулированы, но онъ предчувствуетъ, что для него возможна и можетъ быть даже неизбежна борьба съ академіей, которой онъ пока еще всѣмъ обязанъ... Дрозъ ему становится чуть не просто жалокъ, но онъ не позволяетъ себѣ останавливаться на такомъ рѣшеніи, и чтобы удержаться отъ новаго парадокса, онъ налагаетъ на себя тяжелую эпитимью, никогда не отзываться объ немъ легкомысленно. «Еслибы мнѣ когда-нибудь случилось, говоря объ немъ, выказать холодность или недовольство, то это будетъ служить признакомъ, что я не достоинъ уваженія честныхъ людей». Онъ никогда ничего подобнаго и не скажетъ, нарушеніе такого обязательства передъ самимъ собой. Но, въ то же время, онъ сознаетъ, что на дорогѣ научной работы онъ столкнется съ Дрозомъ, и высказываетъ ему въ ядо, «что если для полученія его дружбы и уваженія довольно трудиться и быть честнымъ человѣкомъ, то онъ надѣется достигнуть и того и другаго», но онъ «болѣе этого ничего не можетъ обѣщать». Направленіе его будущихъ работъ этимъ совершенно выгораживается, хотя бы его тудоръ не былъ

согласенъ съ нимъ ни въ одномъ словѣ. Дальнѣйшее развитіе всего этого еще жгѣ въ слѣдующемъ его письмѣ къ Перенню, написанномъ спустя три мѣсяца послѣ этого:

Парижъ 18-го марта 1839 г.

Г. Переннь.

Я поручилъ г. Прудону, своему родственнику, довѣренность на полученіе за меня пенсію Сварда, потому что мнѣ надобность время отъ времени посылать кое-какія деньги въ Безансонъ, я условился съ однимъ изъ своихъ пріятелей о взаимной передачѣ слѣдующихъ намъ денегъ, такъ что такимъ образомъ мы оба сохраняемъ расходъ на пересылку. Поэтому позвольте поблагодарить васъ и г. Вуржона за выдачу денегъ г. Прудону.

Чтобы отвѣчать на главнѣйшіе вопросы письма вашего отъ 13-го марта, мнѣ необходимо было подготовиться, т.-е. дождаться открытія публичныхъ курсовъ и прослушать главнѣйшихъ профессоровъ. Изъ этого вы увидите, что я на это еще не готовъ. Въ самомъ дѣлѣ, такъ-какъ я не былъ на столько счастливъ, чтобы слушать Кузеновъ, Вильменовъ, Гизо-и Ромигьеровъ, то я и пришелъ во взгляду, что это дѣло въ наше время запущено и что въ наши дни публичные курсы—только національная роскошь, гораздо болѣе полезная для самихъ профессоровъ, нежели для ихъ слушателей.

Обыкновенно эти господа стараются какъ можно позднѣе начинать свои курсы; лекціи свои они дѣлаютъ какъ можно короче, вступленія свои растягиваютъ и по нѣскольку разъ повторяютъ одиѣ и тѣ же фразы, такъ что когда черезъ часъ они оканчиваютъ, то доставляютъ этимъ всѣмъ удовольствіе. Я, конечно, признаю всѣ преимущества импровизаціи, лекціи, проносимой какъ бы безъ приготовленія, ex abrupto, но я всегда буду поддерживать то мнѣніе, что если природа отказала намъ въ талантѣ импровизаціи, то гораздо лучше читать лекцію по рукописи, вонечно, позволяя себѣ время отъ времени дѣлать замѣчанія, вызываемыя, какъ самимъ предметомъ, такъ и обстоятельствами времени или самими слушателями.

Прежде всего я слушалъ г. Дампрона, профессора исторіи новой философіи. Онъ объяснялъ Гассенди. Едва-ли и мировымъ судьямъ удавалось когда-нибудь слышать такихъ жалкихъ ораторовъ. Отверойте сочиненія г. Дампрона; онъ многословенъ и вѣтвистъ, какъ выразился бы Дидро, напищенъ, академиченъ, витіеватъ, и пожалуй, даже не лишень нѣкотораго изящества и увлеченія. Однимъ словомъ, онъ обладаетъ всѣми достоинствами и недостатками адвоката и импровизатора, ради которыхъ, какъ мы разсказывали, въ нормальной школѣ его прозвали *чермилной бутылкой*. Но на своихъ публичныхъ лекціяхъ—это съ-всѣмъ другой человѣкъ. Ни идеи, ни слова не идутъ къ нему на языкъ, онъ спасается одиѣми цитатами, а когда почувствуетъ себя утомленнымъ, то рѣшается читать отрывки изъ своихъ на-

печатанныхъ сочиненій. Онъ страдаетъ особенными пристрастїемъ къ произведенїямъ своего пера: онъ составилъ уже курсы психологїи, логики, нравственной философіи, и исторїи философіи девятнадцатаго вѣка; и въ каждомъ изъ этихъ курсовъ, на каждомъ пяти-шести страницахъ, дѣлаетъ ссылки на всѣ остальные! Дѣйствують ли онъ при этомъ какъ ловкій събѣжчикъ книгъ, или какъ самолюбивый авторъ? Этого я, пожалуй, не рѣшу, но онъ до того мнѣ надоѣлъ, что я пересталъ посѣщать его лекціи и поширять всѣ его курсы.

Я былъ также на лекціи г. Ваширо, профессора исторїи древней философіи. Онъ легче говоритъ, но мысль его лишена всякой глубины. Онъ говорилъ о школѣ сократической, и различныхъ враждебныхъ школахъ, которыя, по общему мнѣнію, произошли отъ нея. Г. Ваширо старался связать съ этого великаго учителя нравственности извѣстный упрекъ, что онъ далъ поводъ къ происхожденію противорѣчивыхъ системъ. Для этого онъ предположилъ, что ученики Сократа раздѣлились на двѣ, совсѣмъ отдѣльныя категорїи: одну изъ нихъ составляли молодые люди, образованные единственно его уроками; другую — лица, образовавшіеся подъ вліяніемъ другихъ ученій и только провѣрившія ихъ, замѣнявшія и дополнявшія сократическими идеями. Такимъ образомъ — говоритъ г. Ваширо — Аристиппъ, глава цриванческой школы, Антистенъ — цивенической и т. д. — не должны разсматриваться, какъ родныя дѣти доктринъ Сократа. Сократъ проповѣдывалъ умѣренность и самообузданіе, какъ способы для достиженія соверщанія истины, между тѣмъ какъ Аристиппъ дѣлалъ изъ этой умѣренности — подспорье для наслажденія и желанія, а Антистенъ, преувеличивая ее, доводилъ до ригоризма и грубости. Но вопросъ совсѣмъ не въ томъ, признавать ли бы Сократъ тѣ послѣдствія, которыя вывели изъ его ученія объ эти системѣ; мало ли въ какихъ выводахъ могли приходять его ученики, когда это зависѣло отъ нихъ самихъ. Вся сущность вопроса состоитъ въ провѣркѣ, могли ли доктрины Аристиппа и Антистена быть строго-послѣдовательно выведены изъ принциповъ, поставленныхъ Сократомъ. И я вь весь мїръ, до г. Ваширо, думалъ, что это именно такъ. Что такое умѣренность Сократа? Нравственный ли законъ, принципъ ли? Нѣтъ — это только правило умѣнья жить. Для нихъ наслажденіе и сладострастіе сами по себѣ, говоритъ Аристиппъ — благо, значить они позволительны и законны. Сократъ ихъ не отвергаетъ, и только совѣтуетъ не злоупотреблять ими. Хорошо; но пока онъ носится въ своихъ соверщательныхъ высотахъ, пусть онъ позволитъ мнѣ оставаться на землѣ и пользоваться съ умеренностью тѣми благами, которыя онъ мнѣ не запрещалъ. Когда онъ найдетъ что либо болѣе существенное, тогда я объ этомъ тоже узнаю и посмотрю, что мнѣ будетъ слѣдовать дѣлать.

Антистенъ, идя отъ противоположенія съ Аристиппомъ, рассуждалъ, что воздерживать чувства, когда имъ уже хотѣли что

либо доставить — возможно, и такимъ образомъ не менѣе логическимъ путемъ заключилъ отъ закона умственности къ рабству тѣла. Такова во всё вѣка была печальная участь всѣхъ неопредѣленныхъ ученій, лишенныхъ критеріума, принципа и достовѣрности; они не смѣютъ направиться ни въправо, ни вълѣво; пропасть, окружаетъ ихъ со всѣхъ сторонъ. Но въ послѣдovatельныхъ умкахъ, нецеремонящихся съ такими учениями, и доводящихъ ихъ до послѣднихъ выводовъ — никогда не бываетъ недостатка. Вотъ о чемъ думалъ я на лекціи г. Вацуро.

Перехожу къ г. Герузе, котораго я слушалъ два раза. Г. Герузе читаетъ дважды въ недѣлю. На одной лекціи онъ, какъ и всё его товарищи, ораторствуетъ безъ записокъ, на другой онъ, читаетъ изъ своихъ рукописныхъ сочиненій отрывки, относящіяся къ предметамъ курса. Польза такого метода, по словамъ г. Герузе, состоитъ въ томъ, что показываетъ разницу между свободною рѣчью и словомъ писаннаго сочиненія одного и того же лица. Я очень одобряю такое сравненіе. На второй лекціи г. Герузе читалъ отрывокъ о жизни и сочиненіяхъ Паскаля, который мнѣ очень понравился. Слогъ его вполне достойный человѣка со вкусомъ: онъ чистъ, ясенъ, правдивъ, безъ претензій и изысканности. Онъ умѣетъ вразвѣять и заинтересовать безъ ходульнаго преувеличенія, идей, безъ грома, фразъ и рѣзкаго высказыванія мнѣній. Пожалуй, у него недостаткъ самобытности, но обладать только развитымъ здравомысліемъ — тоже не бездѣлица. Въ лекціи изустной, какъ это впрочемъ и естественно — онъ менѣе счастливъ. Я говорю не только объ изложеніи, но и объ идеяхъ и о сужденіи. Для чего, спрашивается, необходимо повторять безчисленное множество разъ, что Лабрюеръ, Мольеръ и Лафонтенъ — неподремающіе, что они достигли послѣднихъ границъ совершенства, возможнаго для произведеній избраннаго ими рода? что они навсегда останутся недосягаемыми образцами? Кромѣ повнѣйшей безполезности, такихъ мнѣній и утомленія, производимаго ими на слушателей — высказываніе ихъ само по себѣ доказываетъ недостатокъ наблюдательности въ дѣлѣ къ нимъ, прибавимъ же. По моему, сравненія между Фелромъ и Лафонтенемъ, Шавтомъ и Мольеромъ и г. д., для опредѣленія между ними іерархіи — приѣмъ сужденія весьма ложный. Что французскіе писатели превосходятъ латинскихъ, въ этомъ я такъ же мало сомнѣваюсь, какъ и г. Герузе; но нельзя не признавать, что и тѣ и другіе, каждый съ своей стороны, были въ условіяхъ особенностей цивилизаціи своего времени, всѣмъ, до чего только могли достигнуть и, следовательно, въ этомъ смыслѣ одинаково велики. То же, что дѣлаетъ однихъ изъ нихъ выше другихъ — принадлежатъ не индивидуумамъ, а превосходству позитивныхъ цивилизацій. То, что я высказываю — истина въ нашихъ уже традиціональных, но она можетъ нанести на любознательнаго воображенія. Послѣ Аристотеля, его подвиги должны были быть перенесены черезъ три вѣка чуждымъ столѣтію совсѣмъ въ другой край свѣта, который вос-

надеи. Съ другой стороны, я могу поклясться, что меня нисколько не мучаетъ честолюбіе, жажда богатства или славы, и отъ этого-то я нисколько не прочь сознаться, что если мнѣ когда-нибудь удастся составить свой солидный запасъ литературныхъ и философскихъ знаній, то я всѣмъ этимъ буду обязанъ академіи. Если меня что-нибудь и заставляеть сожалѣть о моемъ назначеніи пенсіонеромъ Свярда, то это опасеніе не исполнить тѣхъ надеждъ, которыя возлагались на меня при моемъ выборѣ, такъ что пенсія Свярда можетъ быть въ моихъ рукахъ непроизводительна. Г. Дрозъ уже это призналъ. Я человѣкъ неуравновѣнный, печальнаго настроенія, недоумчивый, мраченъ и мизантропиченъ. Послѣ одного изъ моихъ разговоровъ съ г. Дрозомъ, я полагаю, что для меня невозможно никакая иль ученая карьера. Окончивъ свой пенсіонный брөгъ, я буду тѣмъ же, чѣмъ былъ до полученія пенсіи, то-есть, можетъ быть, немного больше знающимъ, но литературное мое назначеніе нисколько не опредѣлится.

Вся моя надежда, слѣдовательно, на одиночное пользованіе своимъ личнымъ талантомъ, если, впрочемъ, только таковой у меня найдется. Но гдѣ же доказательство, что я довольно богатъ своимъ внутреннимъ содержаніемъ и что силъ моихъ будетъ достаточно для преодоленія всякихъ трудностей? Людей дѣйствительно талантливыхъ, даже превосходныхъ талантовъ въ наше время не мало. Но даже и они, чѣмъ бы были они въ состояніи сдѣлать, еслибы ихъ индивидуальности не выдвигала общественная дѣятельность и обширный кругъ ихъ сношеній. Не подумайте, пожалуйста, что подобныя сомнѣнія создаетъ моя лѣность или извращенная воля, что это призраки, вызываемыя моими глумленіемъ и суетнымъ упрямствомъ; нѣтъ, я убѣждаюсь ежедневно, каждую минуту, что удивленіе, одиночное размышленіе — единственный элементъ, оживляющій мои способности (у меня такая же потребность удалиться отъ людей, какъ и жить въ полномъ забвеніи общественныхъ требованій и самаго себя). Я совершенно понимаю, какъ дурно подобное расположеніе, но чѣмъ же мнѣ дѣлать, если оно присуще моему природѣ. Одному человѣку необходимо безпрестанное возбужденіе шума и блесна большихъ городовъ, общества, многолюднаго собранія, другой ищетъ себѣ удовлетворенія въ созерцаніи и одиночествѣ. Вольтеръ и Вольтарне были людьми первой категоріи; Руссо и Сень-Пьеръ сдѣлались тѣмъ, чѣмъ они были — только благодаря уединенію. Съ самаго пріѣзда моего въ Парижъ, несмотря на всѣ мои старанія жить какъ можно менѣе столкновеній съ людьми, я замѣчаю, что сила и плодovitость моего ума замѣтно ослабѣваютъ; широта моихъ взглядовъ суживается; неспособный чувствовать себя хорошо въ своемъ настоящемъ положеніи, я тягочусь иль болѣе всякаго другаго, и всѣмъ опасенъ, вызываемая жаждотливостью моего положенія, способствовать еще большому моему умственному ослабленію. Прибавьте ко всему этому не-

смертельную тоску, производимую на меня тяжестью сознания, что я пользуюсь эксплуатациою, отъ которой мнѣ уже нельзя отдѣлаться—и вы легко поймете все, что должно и желательно въ моемъ положеніи.

Выпущенный одмади на арену, конечно, я сдѣлаю все какъ можно лучше, чтобы выйти изъ дѣла; но такъ-какъ я признаю одного себя судьей тѣхъ средствъ, какія я долженъ употребить для этого, то легко можетъ статься, что я все въ чемъ стану дѣйствовать, можетъ быть, иначе, чѣмъ этого хотѣла бы академія. Такъ, наприимѣръ, возможно, что на второй годъ моей пенсіи я захочу перебраться въ Отрасбургъ, чтобы слушать единственнаго философа, какой дельке есть во Франціи—аббата Водина, и поставить себя въ условія болѣе благоприятныя одновременно и для жизни и для занятій языками и филологіей. Наконецъ, я хочу употребить сумму пенсіона за два послѣднія полугодія на покупку необходимыхъ для меня книгъ—главнаго и единственнаго, что я себѣ просилъ. Наконецъ, я мало печалу приготовляюсь къ единственному дѣлу, которое я по своему сознанію могу буду исполнить съ пользою для моего отечества—къ изданію «Обозрѣнія» въ Франшъ-Конте. Подобное предпріятіе, заманное съ дѣлѣю вліянія на умъ населенія, безо всякой мысли о выгодѣ, а какъ воспитательное средство общественной массы—мнѣ, кажется, до сихъ поръ нигдѣ не понималось и не имѣлось даже въ виду. Я вижу повсюду спекулятивныя планы, но дѣла, воистинѣ патриотическаго, не замѣчаю нигдѣ. Предпріятіе, занимающее меня, должно отличаться отъ всякихъ другихъ. 1) Ни одна статья не должна быть оплачена и 2) вся выгода, какая можетъ быть получена отъ подписки, должна быть употреблена на доставку даровыхъ экземпляровъ во всѣ общины. Вотъ подъ какими условіями я понимаю назначеніе публициста и считаю возможнымъ культуру общественнаго сознанія. Пока я не стану распространяться подробно объ этомъ планѣ, но, подумайте надъ нимъ.

Вашъ преданный и вѣрный ученикъ.

П. Ж. Прудонъ.

Въ этомъ письмѣ уже совершенно ясно, что Прудонъ считаетъ для себя невозможнымъ исполненіе тѣхъ надеждъ, которыя возлагались на него академіей при его избраніи въ пенсіонеры Свирда, такъ что эта пенсія, конечно, съ точнѣмъ зрѣніемъ академіи, будетъ «въ его рукахъ непронизводительна». Дрозъ уже прямо это «призналъ». Несмотря на то, что во всѣхъ могущихъ произойти случайностяхъ, Прудонъ заранѣе беретъ всю отвѣтственность на одного себя, несмотря на то, что онъ старается выставить виною одну свою несостоятельность, ясно что разладъ его съ академіей и основныя его причины имъ вполнѣ сознаны, и что на академію онъ уже не смотритъ тѣми идеальными глазами, какими смотрѣлъ еще недавно. Практическій смыслъ

идеи, которые он выразил в своих «разсужд.» Сендлингетомъ своему, а также въ жизни «притчи» и «любимыхъ» людей профессора, такъ побуждающаго къ этому, «философскою» несообразностью и «спутаны взаимныхъ самовосхваленій». Онъ ему пишетъ притчи «... и онъ, право, чтобъ читать, заикается. Парень, если съ нами не гармонизируетъ и не прекращаетъ говорить ему всю историю своей жизни въ академію, то это потому только, что онъ знаетъ, что даже и съ этимъ «интереснымъ» личностью не было бы совершеннаго чужденія и отчужденія. Не напрасно же Парень, въ прошлое время, не однажды его сдерживалъ отъ величій торжественности выраженій; не даромъ и въ одномъ изъ предостереженій «анонс» онъ, великимъ Паренью разсердивъ свой съ Дрозомъ, поместилъ уже напечатанную напечатанную фразу: «На всѣ слова г. Дроза и содержащаго въ нихъ многого меньше самоувлеченія (и не скоро забыла Дроз, командра или дама)». Онъ знаетъ уже только то, что своимъ «интереснымъ» лично, онъ можетъ заслужить недовольство академіи, но что отъ нея можно ждать даже и «человечной» предпримчивости. Это онъ прямо высказываетъ въ словахъ: «легко можетъ статься, что я еще въ этотъ стану действовать, можетъ быть, иначе, чѣмъ этого хотѣла бы академія», и высказываетъ опасеніе, что академія можетъ ему воспрепятствовать, если онъ «на второй годъ своей жизни, можетъ бы перебраться въ Страсбургъ», чтобы слушать единственнаго во всей Франціи философа-абабата Вадана. Объ этомъ писалъ прежде Прудонъ, анекдотами котораго, по академическому признанію, «возникаютъ прекрасныя «качества» начинаютъ мало-по-малу умирать и слагается Друдонъ новмія, Прудонъ, который уже ничего не дѣлать свѣдѣніи «прекрасными качествами», Прудонъ, который не побоятся ни одного обвиненія, въ какихъ бы то ни было недостаткахъ, и не дѣлать никому ни одной вещи изъ тѣхъ убѣжденій, которые онъ «сочтетъ за правду». Онъ знаетъ, что только тогда вѣрный поворотъ «покроетъ его въ собственникъ его книжекъ, если онъ сдѣлается завѣренъ и непослѣдователенъ самому себѣ», а не тогда, если онъ «не оправдаетъ надежды академіи».

Уже и въ этомъ письмѣ онъ высказываетъ мысль о необходимости дароваго служенія идей и литературѣ, мысль, которой было суждено оставаться непонятою, ни тогда, когда онъ впервые ее высказывалъ, ни тогда, когда въ 1848—49 году, издавая свою газету «Le peuple», расходившуюся въ 60—70,000 экземплярахъ, онъ бралъ себѣ ежедневно изъ кассы только по пяти франковъ, ни теперь, когда черезъ 20 лѣтъ послѣ этого пишемъ мы эти строки...

Образъ жизни, который онъ ведетъ въ Парижѣ за это время, возбуждаетъ удивленіе всѣхъ людей, знающихъ его. Работая безъ отдыха, онъ совершенно не заботится о своей внѣшности, и что-

является на парижскихъ бульварахъ, въ одеждѣ простаго блузника... Городъ кажется ему чужимъ, люди тоже. Поэтому-то, встрѣтивъ однажды неожиданно у воротъ Тюльрийскаго сада *близкаго себѣ человека*, Перення, прѣхавшаго на нѣсколько дней въ Парижъ, онъ кидается къ нему на шею и душитъ его въ своихъ объятіяхъ. Переннь отвѣчаетъ ему, на сколько можетъ, сердечно, и они сговариваются въ этотъ вечеръ вместе обѣдать. Но выходка его скандализируетъ пріятеля Перення, шедшаго съ нимъ рядомъ: «Что это за оборванецъ (*va ni-riéds*), нападающій на васъ такъ нахально среди улицы?», спрашиваетъ онъ. «Оборванецъ этотъ — отвѣчаетъ Переннь — очень талантливый молодой человѣкъ; зовутъ его Прудономъ, и если только онъ будетъ живъ, то вы, безъ сомнѣнія, объ немъ услышите».

Всякаго общества онъ старается избѣгать; уединеніе, какъ мы уже видѣли, онъ считаетъ своею главною потребностью. Въ первое время по своему прѣздѣ въ Парижъ, онъ еще довольно аккуратно посѣщаетъ Дроза, семья котораго приняла его весьма пріятливо, тѣмъ болѣе, что г-жа Дрозъ сочлась съ нимъ родствомъ. Мало того, въ первое время онъ появлялся даже на вечернихъ собраніяхъ г-жи Дрозъ; но ни языкъ, ни интересы нарядной толпы, появляющейся тамъ, ему не понятны. Не понимая, о чемъ тамъ говорятъ, онъ молча забивается въ уголъ и наблюдаетъ за свѣтскою болтовнею и наивными играми взрослыхъ людей въ *petits jeux*. Но и это онъ дѣлаетъ неловко и неугодно. Однажды онъ сѣлъ на кресло-качалку, стоявшее очень близко у стѣны, и качаясь, касался головою до нарядныхъ обоевъ. «Ахъ! какъ вы неосторожны, молодой человѣкъ, замѣчаетъ ему добродушный тономъ, какой-то любитель порядка и благопристойности во всякихъ мелочахъ — свѣдь вы своею головою перепачкаете всю стѣну». Послѣ такого замѣчанія, Прудонъ немедленно исчезаетъ, и чтобы «не пачкать стѣны», не появляется уже болѣе на вечерахъ у г-жи Дрозъ, да и у самаго Дроза бываетъ только въ случаяхъ крайней необходимости, которую, впрочемъ, онъ всегда старается обойти. Такъ, обязанный, въ качествѣ пенсионера Сварда, представлять академіи въ половинѣ года *черезъ своего тьютора* отчетъ о своихъ занятіяхъ, онъ пользуется кратковременнымъ отсутствіемъ Дроза изъ Парижа, чтобы обратиться въ академіи съ такимъ отчетомъ лично. Онъ знаетъ, что если отчетъ пойдетъ черезъ Дроза, то его попросить написать не совѣмъ то, что онъ думаетъ. А между тѣмъ, онъ считаетъ необходимымъ заявить академіи, что насчетъ надеждъ ея на него все что можетъ и не осуществится; что онъ вообще сталъ сознавать себя не такою *tabula rasa*, изъ которой можно что-нибудь сдѣлать по произволу, и что вообще, принципъ преміи Сварда — сдѣлать въ три года художника или ученаго — несостоятеленъ. Все это онъ коротко и сдержанно выражаетъ въ слѣдующемъ письмѣ:

Парижъ, 15-го июля 1839.

Господамъ Безансонскимъ Академикамъ.

Сми. Гг.!

Исполню въ первый разъ обязательство, установленное вами 9-го мая 1838 года, для пенсионеровъ премии Спарда: представить ежегодно, въ первой половинѣ июля, краткій и обстоятельный отчетъ о его разнообразныхъ научныхъ занятіяхъ въ теченіе академическаго года. Съ разрѣшенія г. Дроза, моего академическаго попечителя, указшаго временно изъ Парижа, я имѣю честь препроводить прямо къ вамъ этотъ отчетъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ я оставилъ Безансонъ, въ теченіе восьми мѣсяцевъ я, смѣю сказать, работалъ со всею энергіею моей воли и всею свободою моего ума, хотя успѣхи мои слишкомъ посредственны, чтобы я имѣлъ право на нихъ указывать. Я посвящалъ свое время различнымъ филологическимъ и литературнымъ изысканіямъ, но достоинства ихъ опредѣлить не могу, такъ какъ въ нѣкоторыхъ изъ нихъ я остаюсь пока единственнымъ судьей, критика же другихъ состояла въ такихъ общихъ выраженіяхъ, что я не могъ внести изъ нея ничего опредѣленнаго. Единственный успѣхъ, принесенный мнѣ моими трудами, состоитъ въ томъ, что я узналъ вполнѣ свою слабость. Множество мнѣній, которыми я до этихъ поръ очень дорожилъ, я отбросилъ, какъ лошину; тѣ, которыя я сохранилъ, считая ихъ новыми, оказалось, были уже развиты и проповѣдуемы другими. Что же касается до результатовъ, которые я имѣлъ въ виду, принимаясь за то или другое занятіе, то я приучился сдерживать свой энтузіазмъ и обуздывать свои надежды.

Я продолжаю медленно, но безъ перерывовъ, занятіе греческимъ и еврейскимъ языками; ими я ограничу свои занятія лингвистикою; примѣръ уважаемыхъ мною ученыхъ внучилъ мена предпочитать основательное знаніе немногаго—многому. Я слишкомъ поздно началъ серьезнаго занятія, чтобы обольщать себя надеждой на блестящія успѣхи собственно въ лингвистикѣ, наукѣ, уже такъ много разработанной, и которой суждено рано или поздно занять одно изъ первыхъ мѣстъ въ области человѣческаго знанія, какъ естественной исторіи человѣческой мысли. Поэтому я читаю древнихъ авторовъ только для философскихъ и литературныхъ изслѣдованій; но чтобы доказать вамъ, что этотъ родъ занятій не бесполезенъ, я скажу только то, что древніе авторы—сила, еще неисчерпанная, и мы до сихъ поръ заимствовали отъ нихъ одну только форму.

Твердо рѣшившись много и долго работать, мало производи, я, можетъ быть, утомлю этимъ ваши ожиданія, но, господа, въ три года нельзя никогда сдѣлаться ни ученымъ, ни художникомъ, и мнѣ покажется жалкимъ тотъ, кто, вмѣсто приобрѣтенія за это время скромнаго и прочнаго знанія, предпочтетъ блескъ и шумъ поверхностныхъ и разностороннихъ свѣдѣній.

Я бы желалъ, господа, чтобы рапорты лица, заслуживающаго вашего довѣрія болѣе, чѣмъ я, о моихъ занятіяхъ (о которыхъ они могутъ заключать еще малѣе объясненій, чѣмъ вы ихъ видите въ моемъ письмѣ), не заставили меня лишиться блага, которымъ я дорожу болѣе всего на свѣтѣ: вашего одобренія и благосклонности.

Вашъ почтительный и благодарный пенсионеръ.

П. Ж. Прудонъ.

Нѣсколько ранѣе этого письма, Прудонъ посылаетъ на академическій конкурсъ свою извѣстную записку «О празднованіи воскресенья». Записка эта, съ его стороны, не что иное, какъ опять, какимъ образомъ будетъ принята академіей перемѣна, происшедшая въ его міросозерцаніи, и не искушается ли она той рѣзкости формы, которую Прудонъ считаетъ единственно-возможною для рельефнаго изображенія своихъ идей. Въ запискѣ этой, написанной горячо и страстно, находятся, между прочимъ, такіа положенія.

«Не укради, говоритъ заповѣдь, т.-е. сообразно энергическому слову подлинника *lo thignob*, не воспользуйся неправильно, не отложи ничего въ сторону собственно для себя. Выраженіе это генерическое на столько же, на сколько и самая идея, нѣтъ высказываемая. Оно преслѣдуетъ не только воровство, совершаемое насиліемъ или хитростью, мошенничество и разбой, но всякій родъ выгоды, полученной въ ущербъ другихъ, безъ ихъ на то согласія...

«Представляется, слѣдовательно, проблема: отыскать такое выраженіе общественнаго равенства, которое не было бы ни общиною, ни искусственнымъ сличеніемъ (*enrégimentation*), ни разъединеніемъ, ни анархіей, но свободною въ порядкѣ и независимостью въ единствѣ. И еслибы разрѣшеніе этого было отыскано, оставалось бы только одно: «указывать лучшей способъ перехода». Въ этомъ вся задача человѣчества.

«Должна также существовать наука общества, строгая и абсолютная, основанная на самой природѣ чловѣка и его способностей, и ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, наука, которая не должна быть *изобрѣтена*, но только *открыта*».

Сравнивая эти выписки съ тѣмъ, что заключается въ первой брошюрѣ Прудона о собственности, нельзя же придти къ заключенію, что и тутъ и тамъ онъ говоритъ одно и то же. Почему же записка «о празднованіи воскресенья» заслужила отъ академіи, какъ мы увидимъ далѣе, медаль, а записка о собственности произвела скандалъ? Неужели все дѣло въ одной фразѣ?

Разрѣшить этого мы, разумѣется, не беремса, но считаемъ небезполезнымъ снова привести объясненіе самаго Прудона относительно смысла и намѣреній, руководившихъ его при составленіи первой записки о собственности, приводимое имъ въ

одномъ въ поддѣлкахъ его изъясненій: «Вопросъ о собственности — говорить оны — находится въ крайне смутномъ положеніи, когда я, въ свою очередь, предпринялъ его разсмотрѣніе. Разбирая всѣ предложенныя объясненія, я старался доказать, что они неудовлетворительны — что фактъ завладѣнія есть только фактъ, а не принципъ, что хотя авторитетъ законодателя и заслуживаетъ уваженія, но что это еще не объясняетъ сущности закона и т. д. Изсѣдуя поэтому глубже вопросъ, я съ своей стороны не нашелъ въ его основаніи ничего, кромѣ факта завоёванія, признаннаго позже закономъ. Слѣдовало ли изъ этого, что я противникъ ренты, какъ послѣ хотѣли вывести? Конечно, нѣтъ; слѣдовало отсюда только то, что вопросъ оказывается неяснымъ и потому подлежатъ новому разсмотрѣнію.

«Всѣмъ того, чтобы сдѣлать выводъ, по примѣру предшественниковъ, я призналъ всѣ объясненія, отъ схоластиковъ до доктринеровъ, одинаково непослѣдовательными, и протестую вновь противъ всякаго гвернаментализма, коммунизма и феодализма. Я стоялъ за свободу индустріи, я за конкуренцію, семейство и насѣдственность, и — повторю съ удвоенной энергіей, тѣмъ же голосомъ, тѣмъ же перомъ, что рента есть установленіе, которое ждетъ еще научнаго объясненія, но которое во все не слѣдуетъ уничтожать. Такъ въ настоящій смыслъ моего взгляда, крайне консервативнаго, и должствующаго привлечь на мою сторону много симпатій, носимъ всего скандала, поднятаго моими негодными толкователями. Но есть вездѣ люди, для которыхъ самое сужденіе о предметѣ кажется святотатствомъ».

Но не будемъ отвлекаться отъ послѣдовательности нашего изложенія.

Разсмотрѣніе брошюры о «Празднованіи Воскресенья» поручено было академіей аббату Доно. Въ отчетѣ почтеннаго аббата, читанномъ на публичномъ засѣданіи академіи 24 августа, заключаются, между прочимъ, слѣдующія строки: «Сочиненіе это по-казываетъ въ его авторѣ талантъ замѣчательно-высокій: слогъ ея всегда ясенъ, естественъ, стремителенъ и исполненъ оригинальности; но общность и подробность сочиненія выходятъ изъ рамки, отведенной академіей, и переходятъ въ вопросы, не относящіеся къ предмету. У автора нѣтъ качествъ, нужныхъ для ихъ разрѣшенія: ему недостаетъ зрѣлости и опытности, и играть ими для него небезопасно. Между тѣмъ онъ безукоризненъ (parfait) по отношенію къ религиознымъ вопросамъ, и можно предсказать смѣло, что въ философіи религіи и исторіи — онъ займетъ одно изъ почетнѣйшихъ мѣстъ».

Первой преміи, однако, онъ не получилъ. Омѣлость его концепціи похвѣствовала все-таки непрямо на академиковъ, и несмотря на всѣ хлопоты Перенна, Прудону присуждена была только медаль. Но онъ вовсе и не претендовалъ на первую премію: «его въ это время занимали другіе вопросы и мысль его уже работала надъ изслѣдованіемъ теоріи собственности, какъ

не удалось увидеть ихъ двѣхъ слѣдующихъ писемъ къ Перенну. Судача въ работѣ дѣлаетъ его снова мучить, добрыми и отвратительными.

Парижъ, 16-е декабря 1849 г.

Господинъ Переннъ!

Наконецъ, вашъ цензуреръ вѣдетъ за дѣло. После нѣсколькихъ дней бременя и невыносимаго безпокойства, мысль моя, кажется, такъ настроилась, что я надѣюсь работать безъ усталы до того дня, когда буду имѣть возможность съ вами увидѣться, побеседовать и отдохнуть вблизи васъ. Дни мои проходятъ между Ридомъ и Кантомъ; для этого было необходимо, чтобы я на время оставилъ свои филологическія занятія, пока я не совладаю окончательно съ двумя этими личностями, которыхъ ученіи, какъ мнѣ это подсказываетъ ослѣпленная меня гордость, я думаю окончательно преобразовать. Я знаю, что эта идея можетъ показаться крайне безрасудной и вызвать гнѣвъ и проклятія нашихъ учителей въ философіи, живущихъ до сихъ поръ Шотландіей и Германіей. Но, если я даже и ошибаюсь, что, конечно, весьма возможно, хотя и не каждому на счетъ доступно такъ обманываться, какъ ямъ, то все-таки своимъ трудомъ я ускорю появленіе и демонстрацію истины.

Кстати о Кантѣ; я получалъ отъ Потье новый томъ сочиненій его переводчика Тиссо. Въ немъ помѣщено разсужденіе «о самоубійствѣ», статья о духѣ революціи и т. д. Въ отношеніи этой книги я совершенно раздѣляю мнѣніе г. Дроза: *это книга недоделанная*. Съ какой стати печатать пятьсотъ страницъ, на которыхъ не сказано ничего ни новаго, ни интереснаго? Неужели только для того, чтобы разжидить велерѣчивыхъ и влиятельныхъ нѣсколько нѣскольکو нравственныхъ и метафизическихъ афоризмовъ, которые заваканы со временъ Соломона? Когда я читалъ эту книгу, то не могъ не воскликнуть: «и у насъ, въ Франкль-Конте, нашелся свой Дамиронъ!» Справедливость автору можно отдать только за его критики сенсимонистовъ и фурьеристовъ; критики эти совершенно совпадаютъ съ статьей *Фурье*, находящейся въ біографическомъ словарѣ Феллера, и это нѣсколько не мѣшаетъ парижскимъ фурьеристамъ печатать въ своемъ журналѣ, что Тиссо, знаменитый доктрискій профессоръ, всей душой исповѣдуетъ религію фаланстеріи. Если Тиссо себя уважаетъ и дорожитъ сколько нибудь своими убѣжденіями, то, я полагаю, онъ рѣшительно обязанъ заявить, что онъ съ ними не имѣетъ ничего общаго, и сорвать этимъ маску съ нахальства этихъ господъ.

Г. Тиссо, въ своемъ разсужденіи о самоубійствѣ, настаиваетъ на превосходствѣ своихъ доказательствъ безнравственности самоубійства, основанныхъ на теоріи Канта. И въ этомъ дѣлѣ я раздѣляю мнѣніе комиссіи, которая ссылась надъ этой теоріей. Въ Германіи—рабство передъ Кантомъ менѣе обременительно, чѣмъ

у насъ. Тамъ говорить, что вся мораль этого философа состоитъ въ положеніи: я обязанъ, потому что я обязанъ, что, конечно, не представляетъ ничего особенно доказательнаго. Г. Тиссо трудолюбивъ, искрененъ и добросовѣстенъ; но онъ не только не гениаленъ и не талантливъ, но я даже просто боюсь, не слабъ ли онъ умомъ вообще. И эти мнѣнія также высказалъ и г. Дрозъ, когда я ему передалъ петербургскій псевдонимомъ Додома.

Я прочелъ рѣчь г. Буассона объ Оливье, и это очень печально для академіи, рѣчь эта лучше рѣчи лауреата. Я зналъ, что она имѣется противъ того, какою была доставлена, въ чемъ сознается самъ авторъ, но и Анкерманъ также имѣнилъ, и почти всю передалъ свою такъ, что я въ этомъ условіи одинаковъ. Я бы хотѣлъ, чтобы мой молодой пріятель былъ на столько скромнѣе и сознательнѣе, чтобы ее не печаталъ. Г. Дрозъ тоже нашелъ ее плохою, и равно въ ней ничего не поимъ.

Я постоянно привожу вамъ мнѣнія г. Дроза, такъ что вамъ можетъ показаться, что я боюсь имѣть свое собственное мнѣніе, и привожу свои взгляды подъ эгидой его протекціи. Но, сознаваться, такъ сознаваться! Хотя я тоже уже напечаталъ свое сужденіе, я еще не имѣлъ духу ему его показать. Онъ передалъ мое желаніе конкурировать, передалъ меня еще больше за то, что я не сочувствую его желанію, чтобы я превзошелъ всѣхъ моихъ конкурентовъ, такъ-важъ, по его словамъ, онъ хочетъ, чтобы «мой ученическій онитъ былъ дѣломъ мастера»; наконецъ онъ полагаетъ, что подобныя этиды — только потеря времени. Чего жъ я могу ждать, если я представилъ ему доказательство эксцентричности моихъ парадоксовъ, которые, сверхъ того, важъ я вижу самъ, отвратительно изложены?

Да, я долженъ со всѣмъ чистосердечіемъ и искренностію сознаться, что обо мнѣ судить гораздо лучше, нежели я того заслуживаю. Конечно, *я не откажусь ни отъ одного изъ своихъ мнѣній и принциповъ*; но я человѣкъ неумѣльный и круглый невѣжа въ искусствѣ говорить новое. Г. Вейсъ высказалъ мнѣ уже давно, что у меня рѣшительно нѣтъ никакого таланта изложенія. *Вся положенія моего разсужденія этиды какъ у Деканда, но ихъ не смѣло придавать отпечатка современнымъ революціоннымъ идеямъ, ихъ надобно было радикально отъ нихъ отдѣлать; я долженъ былъ быть болѣе доказательнымъ, чѣмъ риторичнымъ.*

*Fit fabricandi faber**; въ другой разъ я уже не впаду въ ту же ошибку. *Новыя мои занятія показали мнѣ, на сколько я далеко отъ всякихъ философскихъ, моралистскихъ и юристско-консультскихъ; я теперь знаю весь объемъ и все значеніе моихъ идей; я могу дать ясное и точное опредѣленіе каждой изъ нихъ; я могу показать причину всякаго неопредѣленности, затемняющаго политическія и юридическія науки, и не имѣя необходимости забираться*

* Ремесленникъ образуется ремесломъ.

къ началу есть началъ, я знаю, чѣмъ дополнить или замѣнить лживые или плохо распутанные принципы. Если я только не жертва страчайшей иллюзіи, то первое же изъ послѣдующихъ моихъ произведеній будетъ, можетъ быть, самымъ замѣчательнымъ событіемъ 1840 года, даже еслибы въ этомъ году вспыхнула политическая революція: такъ-какъ социальныя перемены ничто безъ интеллектуальнаго движенія.

Въ будущій четвергъ, 19-го, во французской академіи будетъ происходить принатіе новаго члена. Сто двадцать-четвертое избраніе, при которомъ участвуетъ г. Дрозъ. Интриги невѣроятны; академики сѣвжаются со всѣхъ угловъ Франціи: они будутъ въ полномъ составѣ. Г. Дрозъ находитъ, что никогда еще не было такихъ неудачныхъ выборовъ. Быть вынужденнымъ выбирать между Верье, хорошимъ ораторомъ, но который никогда ничего не писалъ и котораго рѣчи, если отнять отъ нихъ обаяніе дѣйствія — не представляютъ ровно ничего замѣчательнаго, между Викторомъ Гюго, обладающимъ талантомъ, но *пренебрегающимъ* еслии *условіями языка, вкуса и нравственности* и Казиміромъ Вонжуромъ. Казиміръ Гонтуръ чистый классикъ, но до того блѣденъ, что онъ даетъ романтикамъ законное право нападать на классическую литературу. Такъ что, все это говоритъ г. Дрозъ, — просто не знаешь, на что рѣшиться. Я думаю, однакожъ, что онъ уже опредѣлилъ свое рѣшеніе; я думаю, что онъ не будетъ вотировать за Верье, такъ-какъ онъ его не уважаетъ за его *политическія сироломства* и такъ-какъ еще болѣе онъ не хочетъ, чтобы академія сдѣлалась продолженіемъ палаты депутатовъ. Съ другой стороны, если я могу что-нибудь заключить изъ вервяа противодѣйствія, какое выказало семейство Мишело, когда я выразилъ мысль, что я вотировалъ бы за Виктора Гюго, не потому, чтобы я считалъ его абсолютно этого достойнымъ, но потому, что это по крайней-мѣрѣ отстранило бы другихъ, то должно думать, что онъ будетъ за Казиміра Вонжура. Его мысль была, еслибы совѣту его послѣдовали, чтобы на эту вакансію выбрали кого-нибудь изъ академіи наукъ или академіи надписей, кого-нибудь въ родѣ Араго, Летронеи, Бурнуфова и т. д.; словомъ, не только писателя, но виѣствъ и ученаго, для того, какъ говоритъ г. Дрозъ, чтобы показать молодежи, что *красно юморити* въ наше время не можетъ уже считаться такимъ достоинствомъ, котораго одного достаточно для занятія кресла во французской академіи, но для этого надобно представить еще доказательства солиднаго знанія въ языкахъ, исторіи, нравственныхъ или точныхъ наукахъ. Это мнѣ кажется весьма умно, но мнѣнія умныхъ людей въ наше дѣи не уважаются. Люди политикан, какъ Тьеръ и Дюпень, имѣютъ свой парламентскій разсчетъ втиснуть въ академію человека, котораго они считаютъ полезнымъ для себя побывать въ палатѣ, но котораго они не хотѣли бы имѣть врагомъ, и легитимности способствуютъ избранію Верье. Кроме того, какъ утверждаетъ г. Дрозъ, найдутся

и такіе люди, которые потому будутъ возражать за Берье, что въ торжественное собраніе, въ которомъ онъ будетъ читать свою вступительную рѣчь — имя его привлечетъ значительную толпу. Но въ главѣ партіи, стоящей за Гюго, Интрагамъ, просьбамъ, искушеніямъ — просто вѣтъ конца, это дѣлая маленькая война, которая очень забавляетъ г. Дроза. Но самъ онъ, лично такъ извѣстенъ своею независимостью и непреклонностью своей справедливости, что его въ это дѣло, нѣтъ, нѣтъ, не влечутъ, но никто даже не считаетъ нужнымъ съ нимъ о немъ и говорить. Ему едва отдадутъ только необходимыя визиты приличія. Сказать, что онъ заслужилъ подобную репутацію — право, похвала не малая; ему можно позавидовать!

Я очень мало кого вижу, и рѣшительно отсталъ отъ всего, что дѣлается. Однажды мнѣ случилось обѣдать съ Пюлье, сидѣть противъ Ж... Что за гордое животное этотъ Ж... Вѣжливость его неблагородная, умъ ложно направленный, невѣжество, соединенное съ претензіями, видъ надменный... и еще говорить, что ко всемъ этимъ мнимымъ качествамъ онъ присоединяетъ великодушный талантъ эксплуатировать, какъ маленькой... своихъ еще болѣе бѣдныхъ и невѣжественныхъ, чѣмъ онъ самъ, товарищей. Я съ нимъ обошелся грубо. Онъ содержитъ любовницъ, не любитъ вспоминать о своемъ семействѣ, по субботамъ принимаетъ; заставляетъ смѣяться надъ собой, и заслуживаетъ этого. Я обѣщалъ посѣщать его вечера, но не зналъ еще, покажуся ли на нихъ, хоть разъ.

Все одновременно конспирируетъ противъ правительства: на этихъ дняхъ кончались праздники бонапартистовъ; генералисты отправляются въ Итацію, республиканцы скрежещутъ зубами. 30,000 портныхъ сидятъ безъ работы; такъ же, пропорціонально, и другіе ремесленники; общее число работниковъ безъ работы, доходитъ до 150,000. Чѣмъ же они живутъ? Это тайна. Вотъ объясненіе этого феномена: голодаютъ не всегда одни и тѣ же лица, но они работаютъ поочередно день, два въ недѣлю, безъ всякой, однакоже, правильности и опредѣленности въ этомъ случайномъ занятіи. Едва они заработаютъ три, четыре, шесть франковъ, какъ необходимость поддержать свои силы заставляетъ ихъ отправляться къ заставамъ. Тамъ, у нихъ не продаждитъ пировъ, сказать это было бы неправдою, но они получаютъ тамъ хлѣбъ и телятину, и выпиваютъ по литру вина въ 10 су на брата. Такъ какъ ихъ собирается сразу по нѣсколькимъ чинамъ, и имъ ни откуды не предвидится работы, то они проводятъ вмѣстѣ весь день, распѣвая республиканскія пѣсни. На другой день они голодаютъ, и развѣ купить себѣ хлѣба нацѣны, четыре и даже одно су — это вся ихъ суточная провизія. Растроивъ себѣ отъ подобнаго рода жизни въ самомъ старомъ

* Въ оригиналѣ стоитъ здѣсь буква z — вѣроятно: савоградъ..

времена, жадность, они получают границы, болѣе и, отъедаются, умираютъ въ расцѣпидитъ.

Ихъ революціонная экзальтація, въ наши дни, мнѣ кажется, близка къ отчаянію; они знаютъ, что имъ, въ наши время, нельзя подняться, безъ того, чтобы ихъ не раздавили цѣлыми тысячами. Но это-то бессиліе и дѣлаетъ ихъ еще болѣе гродными. Я видѣлъ нѣкоторыхъ, которые едва прочли послѣднее сочиненіе Ламмена, какъ тотчасъ же хотѣли востать и требовали оружія. Ихъ сдерживаетъ только данное имъ обѣщаніе, что къ ихъ содѣйствию скоро обратятся. Наконецъ, они не любятъ ни Лафайта, ни Араго, никого изъ реформаторовъ, дичати или трибуны, и обѣщаются убивать перваго, кто, не сражаясь въ ихъ ряды, скажетъ, увѣщавать ихъ объ умѣренности, порядкѣ и уваженіи къ собственности. Они обѣщаются уничтожить всѣхъ легитимистовъ и бонапартистовъ. Они одержимы какою-то бѣшенною жестокостью, къ которой ихъ приводитъ безысходная нищета, безчеловѣчность правителей и безконечныя рѣчи лицъ, называющихъ себя республиканцами. Безъ сомнѣнія, еслибы они достигли власти, они не удержали бы ее за собой, и пятнадцати дней: они бы разсыпались сами собою, вслѣдствіе своей собственной безградицы; но они, все-таки успѣли бы дать общественнымъ людямъ жестокаго урока. Судите, о томъ, что они могутъ сдѣлать, по тому, что они совершаютъ теперь. Время, отъ времени между ними поваряется туманъ, туманчики. Едва только кокорый нибудь изъ нихъ засвидѣтельствуетъ, это, своимъ собственнымъ произношеніемъ, они принимаютъ свои мѣры: берутъ преступника, свертываютъ ему шею и бросаютъ его въ Сену. Впрочемо, туда уже немало, хотя полиція, ничего объ этомъ не знаетъ. И, все это, исполняется, самымъ хладнокровнымъ образомъ, исполнителями, этой, своего рода *Kelme* *. Я думаю, что они ведутъ еще своихъ проскриптовъ. Они смотрятъ какъ на чистоплѣбныхъ *аристократовъ*, на тѣхъ, кто имъ льститъ и дѣлаетъ республиканскія обѣщанія: но имъ недостаетъ О'Бо-недди. Попробуйте вообще выискивать много ума.

Прощу передать мое почтеніе и увѣреніе въ моей дружбѣ гг. Вайсу и Вьязану и мое глубокое уваженіе господѣ Петренцъ. Остаюсь, мой дорогой и чтимый учитель,
вашъ вѣрный и старшій ученикъ

П. Ж. Прудонъ.

Улица Жакобъ, 16.

Парижъ, 25-го февраля 1840 г.

Любезный учитель!

Изъ одного изъ номеровъ «Прогресса», газеты, которую я иногда читаю, я узналъ, что вы держали рѣчь въ торжествен-

* Если бы вы знали, какъ возмущены въ Леринѣ, см. КН. статьи, обличеніе въ общественномъ безчеловѣчьи и состояніи религіозномъ въ народѣ.

номъ собраніи академіи. Въ статейкѣ, о которой я говорилъ, васъ лично не бранять, а даже напротивъ, но положительно не сомнѣваюсь, что вы, по своему обилію дѣлать отлично все, за что ни беретесь, говорили и въ этотъ разъ превосходно; я признаюсь, не могу васъ поздравить съ тѣмъ исключеніемъ, которое дѣлаетъ для васъ эта газетка. Неужели вы можете почестъ себя поощреніемъ похвалами настоящаго журнальнаго Миссарреля? Въ самомъ дѣлѣ, дорогой учитель, я опасаясь, что когда я вернусь въ Безансонъ, я потеряю способность понимать людей, тамъ живущихъ. И какииъ языкомъ они говорятъ тамъ? Это столько же не французскій языкъ, какъ не патуа, и даже не агот; тѣмъ больше я думаю, что это такое, тѣмъ больше терплюсь. Я, думавшій до сихъ поръ, что человѣкъ не можетъ выдумать самъ своего языка, вижу, что мнѣ приходится отречься отъ такого мнѣнія.

Признаюсь, мнѣ также тяжело видѣть неустойчивость г. Винсена отъ грубыхъ выраженій (*style canaille*). Французскій народъ требуетъ въ этомъ отношеніи ободренія. Въ 93, народныя миссы поднимали уличными листами, которые писались грязнымъ и варварскимъ языкомъ, но въ наше время журналъ, который задумалъ бы повторять выраженія отца Дюшена съ его *b...., f....., j'ons* и *j'avions*, не могъ бы имѣть никакого значенія. Какъ хотите, а это все-таки прогрессъ. Стоящимъ во главѣ движенія не слѣдуетъ безпрестанно повалиться въ заднихъ рядахъ массы; туда заглядывать можно только для острастки глупцевъ. Мнѣ кажется, что настоящій талантъ г. Винсена совершенно обнаружился за послѣдніе годы; его сила — легкая, игривая сатира. Хотя подражаніе природѣ я и цѣню очень высоко, но, если мнѣ приходится прочитывать, напримѣръ, пѣсенку о магнетитѣ, то я испытываю такое же чувство затаеннаго недовольства и стыда, какое мнѣ приходится испытывать при видѣ горбуны, карлика или кретина. Съ уродствами нашей природы заигрывать не слѣдуетъ. Мнѣніе Виктора Гюго не таково; но В. Гюго, при всемъ своемъ поэтическомъ талантѣ, котораго нельзя не признавать, ошибается, по моему мнѣнію, въ сущности и цѣли поэзіи. Я полагаю, любезный мой профессоръ, что и ваше мнѣніе таково же, такъ-какъ я приобрѣлъ эти взгляды еще въ то время, когда находился подъ вліяніемъ вашей школы.

Вы уже знаете, конечно, результаты академическихъ выборовъ прошлаго четверга: всѣ газеты этимъ взволнованы. Это какой-то крикъ побѣды, направленный противъ академиковъ. Я вамъ писалъ уже однажды объ общемъ взглядѣ г. Дроза на эти выборы. Онъ подалъ голосъ за Флуренса. Его отвращеніе къ Виктору Гюго непобѣдимо. Но хотя я и далеко отъ того, чтобы смотрѣть на Виктора Гюго, какъ на великаго поэта, это отвращеніе отъ него мнѣ кажется несправедливостью. Обѣ семьи, Дрозъ и Мишле, въ сущности представляющія какъ бы одну семью, лучшими и желанными — одинаково возмущены противъ автора *Le roi*

в'ашею, преимущественно за то, что онъ ограничивается легкостью правозъ. Говорить, что дѣйствительно онъ несѣщаетъ публичные дома. Признаюсь, однако, что это основаніе для его исключенія мнѣ кажется нѣсколько легковѣсно. Еслибы дѣло шло объ избраніи главы воспитательнаго заведенія, на это слѣдовало бы обратить вниманіе; но почему же ничего подобнаго не говорилось, когда дѣло шло объ избраніи Нодье, Шатобриана и т. д.? Г. Дрозъ, сверхъ того, утверждаетъ, что академіи съ самаго своего учрежденія были свободными корпораціями, и что для того, чтобы вступить въ нихъ, необходимо правиться членамъ, а что взгляды публики въ этомъ отношеніи весьма ложны. Но я и тутъ становлюсь на сторону публики. Академіи теперь уже не только свободныя корпораціи, но дѣль и значеніе ихъ сдѣлались несравненно возвышеннѣе, какъ на нихъ и слѣдуетъ смотрѣть. Когда конвентъ декретировалъ основаніе института, то онъ, конечно, желалъ создать собраніе избранныхъ, поддержка которыхъ сообразно степени заслуги въ каждой специальности должна была производиться въ видахъ національнаго интереса. Онъ, конечно, не предполагалъ невровительствовать и поддерживать деньгами свободную корпорацію, ради одного удовольствія и произвола составляющихъ ее членовъ.

Въ прошедшемъ письмѣ я говорилъ вамъ, что г. Дрозъ отвергалъ кандидатуру Берье, такъ-какъ онъ не хотѣлъ, чтобы академія обратилась въ политическое учрежденіе и составляла какъ бы продолженіе палаты депутатовъ. Почему же онъ въ прошлый четвергъ счелъ себя обязаннымъ назвать г. Моле? Чѣмъ у Моле болѣе противъ Берье правъ для избранія въ академію? Изъ всего, что я видѣлъ, я позволилъ себѣ вывести заключеніе, что оставаться безукоризненнымъ въ отношеніи къ просчетамъ можно и тогда, когда человѣкъ самъ соблюденъ своими сужденіями и пристрастіями.

День исключенія Виктора Гюго ознаменовался отказомъ опредѣленія доходовъ герцога Немурскаго. Семейство Дрозъ очень взволновалось, узнавъ, что министры подали въ отставку, и называли ихъ образъ дѣйствій *дурачествомъ*. Для чего дѣлать изъ этого опредѣленія доходовъ министерскій вопросъ? говорили со всѣхъ сторонъ; но мнѣ кажется, что во всемъ этомъ дѣль только «*Journal des Débats*» и министры рассуждали послѣдовательно. Что такое королевская власть, доходы которой усчитываютъ по франкамъ и сантимамъ? Монархія при Людовикѣ XIV обладала большими провинціями, громадными отчинами, которые если и отчуждались отъ короны, то только на короткое время, и всегда могли быть ею возвращены. Все это разрушила революція 1789 года; вмѣсто огромныхъ имѣній, мы предоставляемъ королю бюджетъ, но не давая принцамъ удѣловъ, мы должны имъ назначать пенсіоны, потому что ете желаетъ имѣть короля, долженъ желать имѣть и королевское семейство, и принцевъ крови, и все, что необходимо связано съ королевскимъ саномъ.

«Journal des Débats» замѣчаютъ вѣрно, что консервативная и династическая буржуазія сама разгоняетъ и обезсиливаетъ королевскую власть, ту власть, которой она жаждала, какъ извѣстная лагушва въ баскѣ. Что нибудь одно. Если королевская власть — дѣло неизбежное, слѣдуетъ примириться со всѣми ея послѣдствіями, если же король — только общественный чиновникъ, то для чего его личность неприкосновенна? для чего его санъ наследственъ? для чего его изображение выбивается на монетахъ? почему онъ неотвѣтственъ? Изъ всего этого, по моему мнѣнію, слѣдуетъ: 1) что королевская власть у насъ становится дѣломъ невозможнымъ, и 2) что если мы не сумѣемъ обойтись безъ нея, то мы погибнемъ. Я думаю даже, что для этого намъ данъ срокъ, несравненно ближайшій, нежели мы этого ожидаемъ. *Esse fiunt omnia pova.*

Доходы короля вычислены: они мнѣ кажутся жалкими по сравненію съ тѣмъ, что издерживалось при Людовикѣ XIV. Grande Mademoiselle принесла въ своемъ брачномъ контрактѣ герцогу Лотунскому болѣе 28 милліоновъ, что въ наше время равняется почти 60 милліонамъ. Какъ далеко отъ этого герцогъ Немурскій со своими 500,000 франковъ!

Въ парижской атмосферѣ носятя слухи о какой-то республиканской попыткѣ, осуществленія которой ожидаютъ будущей весной. Одни боятся этого слуха и не вѣрятъ ему, другіе жаждутъ его, но отъ этого не больше ему довѣряютъ. Мнѣ кажется, что всякая подобная попытка будетъ дѣломъ отчаяннымъ и печальнымъ. Наконецъ, она просто невозможна, на томъ весьма важномъ основаніи, что наше разужоженіе еще не закончено. Республику еще не любятъ, и королевская власть представляетъ еще доскутъ живаго тѣла, за которой твердо держатся. Страданія богатой буржуазіи донельзя комичны. Она попеременно обращается то къ королевской власти, на которую была бы не прочь надѣтъ намордникъ, то къ религіи, безъ которой считаетъ для себя возможнымъ обойтись, то къ различнымъ экономическимъ системамъ, понять которыя у нея не хватаетъ ума, а испитать на дѣлѣ — храбрости. Она апелларируетъ къ безкорыстію — во имя своего сухаго эгонзма; она признаетъ необходимость и проповѣдуетъ нравственное перерожденіе, не желая поступиться ни своими наслажденіями, ни своими привилегіями. Эти люди заслуживаютъ полнѣйшаго презрѣнія, и я благодарю Бога (вѣроятно, а одинъ во всемъ мірѣ приношу ему такого рода благодарность) за то, что онъ создалъ ихъ такими несчастными и въ то же время заслуживающими такъ много состраданія. Конечно, я думаю такъ же, какъ они, что все къ худшему въ дѣйствительномъ мірѣ, начиная хоть съ нихъ и кончая тоже ими. Впрочемъ, я буду вскорѣ имѣть случай выразиться яснѣе по этому поводу.

Весьма тпрятно, что черезъ четыре или пять мѣсяцевъ я публикую довольно значительную работу, которую я думаю по-

святить безансонской академіи. Обращаюсь къ вамъ, какъ къ постоянному секретарю академіи, за разрѣшеніемъ сомнѣній: могу ли я сдѣлать это безъ всякаго другаго предварительнаго извѣщенія, кроме моего настоящаго вамъ объ этомъ заявленія? Предметъ моего труда составляетъ психологическое изслѣдованіе принципа справедливости и прогрессивнаго развитія человечества. Если вы хотите болѣе подробностей, то я могу сказать, что я собираюсь въ этомъ сочиненіи демонстрировать, при помощи метафизики права, политической экономіи и исторіи, всѣ тѣ предположенія, которыя въ моемъ разсужденіи о воскресеніи были разсматриваемы комиссіею. Покажусь вамъ, что и въ этомъ сочиненіи откровенность моя, хотя и будетъ также сдержана, будетъ не меньше, чѣмъ въ первомъ разсужденіи. Если я окажусь правымъ, я хотѣлъ бы, чтобы сама академія сдѣлалась моею мавзою, *petra mea et robur meum**, если я увлекаюсь ложью — это ее ничѣмъ не скомпрометируетъ.

Я только что прочиталъ въ «Journal des Ecoles» очень злоую статью, направленную противъ курса г. Мишле, который ее, впрочемъ, вполне заслужилъ. Онъ принадлежитъ къ тѣмъ профессорамъ (я не говорю о преподавателяхъ точныхъ наукъ), которые читаютъ свои лекціи, спустя рукава; салонная болтовня замѣняетъ имъ дѣло. Нѣкоторое время это правилось, но вотъ пришла пора, когда капризная публика требуетъ снова солиднаго знанія и хочетъ учиться, а не забавляться. Только вы, господа, провинціальныя профессора, преподаваніе которыхъ серьезно, можете считаться передовыми преподавателями. Я цѣлый мѣсяцъ слушалъ гг. Мишле, Росси, Ленормана и Сень-Маркъ Жирардена, и хотя нельзя не сказать, что все это люди умные, но они какъ будто согласились прославлять благодѣянія конституціоннаго порядка вещей и проповѣдывать самую централизованную централизацію. Послушать ихъ, такъ Парижъ составляетъ все — и голову, и сердце, а пожалуй даже и желудокъ Франціи!

Я получилъ печатное разсужденіе вашего брата и успѣлъ ему даже уже и отвѣтить по этому поводу. Вы можете ему засвидѣтельствовать отъ моего имени, что я считаю его въ числѣ самыхъ близкихъ своихъ друзей, такихъ друзей, которыхъ я отлучаю всѣми сочувствіями своего ума и сердца, что такихъ друзей я лишь себя надеждой имѣть до шести, и что онъ въ числѣ этихъ шести избранныхъ. За это я хотѣлъ бы быть отплатенъ тою же монетою, и желалъ бы, чтобы онъ думалъ обо мнѣ то, что я о немъ думаю. Можетъ быть, я и буду имѣть случай доказать ему, что дружба суровая и нелестливая, *pec visu facilis, pec dictu affabilis*** — чуть ли не лучшая. Я выразилъ ему желаніе

* Основной камень мой и сила моя.

** Не лстивая на словахъ, не лстивая съ виду.

узнать, что подблизивает его мысль, и въ то же время подать ему примѣръ довѣрія: надѣюсь, что онъ меня пойметъ.

Прощайте, дорогой профессоръ и учитель мой, вѣрьте вполнѣ преданному вамъ пенсионеру

П. Ж. Прудону.

Мы нарочно означили курсивомъ въ этихъ письмахъ, всѣ мысли, относящіяся ко взгляду Прудона на свое интеллектуальное состояніе въ это время, и на будущій трудъ его о собственности, который окончить онъ думаетъ черезъ четыре или пять мѣсяцевъ. По нашему мнѣнію, это сознаніе полноты своего развитія, совершенно оправдываетъ Прудона отъ введеннаго на него академію обвиненія, что онъ напечаталъ свою книгу о собственности безъ предварительнаго позволенія на это академіи, и, сверхъ того, сдѣлалъ страшное преступленіе, посвятивъ ей свои труды въ предисловіи. Вся буря, возникшая вслѣдъ за этимъ, по нашему мнѣнію, донельзя комична и особенной чести академіи не приноситъ. Прудонъ, дѣйствительно, не исполнилъ всѣхъ формальностей и условія, означеннаго въ завѣщаніи г-жи Смардъ, отступилъ отъ буквы своихъ обязанностей, принятыхъ имъ на себя добровольно, въ качествѣ пенсионера Смардъ. Но онъ на столько переросъ идеалы этихъ пенсионеровъ, какіе могла имѣть г-жа Смардъ, составляя свое завѣщаніе, на столько сохранилъ еще вѣры въ здравый смыслъ академикомъ, что, думая найти въ нихъ вѣрную оцѣнку своего труда, никакъ не ожидалъ встрѣтить въ нихъ такую щепетильно-мѣщанскую мелочность, съ которою пришлось ему столкнуться, и отъ которой пришлось столько выстрадать... За разрѣшеніемъ сомнѣнія, которое не оставляло его при такомъ важномъ шагѣ, онъ все-таки обратился къ Перенню, но обратился уже не какъ къ наставнику, но какъ равный къ равному, какъ другъ къ другу... На такое обращеніе давало ему право, съ одной стороны, сознаніе своей самостоятельности въ мысли, а съ другой долгія, всереннія ихъ отношенія... Прудонъ думалъ, что Переннь могъ уже его вполнѣ понимать... оказалось, что Переннь хотя и понималъ его, но не совсѣмъ. Куртъ, громачій Прудона за образъ его дѣйствій въ этомъ дѣлѣ, разсматривающій его съ точки условно-мѣщанской морали и необинующійся называть послѣднее обращеніе Прудона къ Перенню подтасовкой, говорить однако (и конечно, со словъ самого Перення), что постоянный секретарь, «не зная ни сущности, ни формы будущей работы (какъ будто въ словахъ, означенныхъ нами курсивомъ, Прудонъ ничего объ этомъ не говоритъ), *удержался отъ всякаго рѣшительнаго отговора*, а ограничился тѣмъ, что въ отвѣтъ Прудону далъ ему нѣсколько *полезныхъ советовъ* вообще, какіе подсказали ему дружба и опасеніе, чтобы Прудонъ не выкинулъ какой-нибудь выходки, на какия онъ былъ способенъ». Понятно, что такой отвѣтъ, въ то время, когда Прудонъ уже

заванчивалъ свой трудъ, могъ его только раздражить и обидѣть, а никакъ не оставить отъ рѣшительнаго шага. Весьма возможно также, что двусмысленный отвѣтъ этотъ пришелъ уже такъ поздно, что Прудонъ, толкуя долгое молчаніе постояннаго секретаря въ смыслѣ для себя благопріятномъ, уже печаталъ свою книгу, когда письмо съ *полезными советами* — до него дошло... Такое объясненіе намъ кажется весьма вѣроятнымъ, тѣмъ болѣе, что Прудону въ этомъ случаѣ нельзя было терять времени. Записка его о собственности съ предисловіемъ, въ которомъ она посвящена академіи, вышла въ свѣтъ, о которомъ авторъ ее говоритъ въ послѣднемъ изъ приведенныхъ нами писемъ.

Безансонская академія, введенная въ заблужденіе, какъ это извѣстно, рѣзкостью ея формы, превосходившей всякое вѣроятіе, совершенно растерялась. Съ одной стороны, ее поразила смѣлость отогрѣтой у ея груди змѣи, съ другой ее одолѣла боязнь нести отвѣтственность передъ правительствомъ изъ-за безстрашія своего пенсіонера. Она поспѣшила предать осужденію и книгу и ея автора. Въ публичномъ засѣданіи 16-го іюля 1840 года, академикъ Ординеръ потребовалъ отъ лица академіи у тьютора Прудона, Дроза, подробностей о поведеніи пенсіонера Сuarda. Дрозъ растерялся не менѣе академіи. Онъ разсказалъ въ извиненіяхъ передъ академіей, увѣряя, что и его совершенно изумило появленіе странной записки Прудона, и высказалъ даже опасенія за его будущность, опасенія, заключавшіяся въ томъ, что этотъ пенсіонеръ, «имѣющій на столько таланта и способностей, чтобы составить себѣ имя, можетъ, въ конечномъ результатѣ, ограничиться однимъ стремленіемъ «производить шумъ».

Когда для разбора книги Прудона назначена была особая коммисія, Дрозъ заявилъ, что онъ хотѣлъ бы отстраниться отъ всякаго вліянія на ея будущее рѣшеніе, но что онъ желалъ бы, чтобы въ этомъ рѣшеніи не была позабыта и снисходительности, «которой заслуживаетъ безразсудный поступокъ молодого человѣка, голова котораго находится очевидно въ горьчечномъ состояніи». «Коммисіи», прибавилъ онъ, «надлежитъ озаботиться и присканіемъ средствъ, какими можно бы было привести Прудона къ болѣе здравымъ идеямъ и помѣнать ему совершенно погибнуть».

Толки обо всемъ этомъ дошли и до Прудона. Желая быть лично своимъ адвокатомъ, онъ обратился въ академію съ слѣдующимъ письмомъ:

Безансонъ, 8-го августа 1840 г.

Господамъ членамъ Безансонской академіи.

«Милостивые государи!

Нѣкоторые изъ моихъ друзей передали мнѣ, что появленіе моей записки о *Собственности*, и особенно помѣщенное въ на-

часть этой записки посвящение ее Безанковской академии, вызвали против меня ваше неудовольствие, чтобы не сказать негодование. Это обстоятельство обязывает меня объяснить передъ вами въ нѣсколькихъ словахъ и со всею откровенностью, какъ образъ моихъ дѣйствій, такъ и цѣли, побудившія меня на публикацію этой записки. Прежде всего замѣчу, что то, что ошибочно принято за посвященіе, есть не что иное, какъ простой отчетъ, помѣщеніе котораго весьма достаточно объясняется, какъ тѣмъ, что я состою пенсионеромъ Спарда, такъ и тѣмъ обязательствомъ, по которому я долженъ ежегодно доводить до свѣдѣнія академіи о моихъ успѣхахъ въ научныхъ занятіяхъ. Я зналъ, что посвященіе есть какъ бы свидѣтельство покровительства лица или учрежденія, которымъ что-либо посвящается и, слѣдовательно, должно быть результатомъ предварительнаго соглашенія между заинтересованными сторонами, такъ что, еслибы это было посвященіе, то я не сталъ бы его помѣщать, не исполнивъ предварительно всего того, къ чему обязываетъ приличіе. Съ другой стороны, отчетъ неизбежно опредѣляется по своей сущности и формѣ самымъ трудомъ, о которомъ онъ составляется: вотъ чѣмъ, милостивые государи, объясняется мое молчаніе передъ вами, какъ о самой моей запискѣ, такъ и объ адресѣ, помѣщеніемъ въ ее началѣ.

Что касается до самой книги, то я не стану защищать здѣсь ее основной мысли; я не имѣю никакого желанія выказываться ни вашимъ противникомъ, ни тѣмъ болѣе обвиненнымъ. Мое убѣжденіе... что говорю я убѣжденіе? достоверность тѣхъ истинъ, которыя я развиваю — непобѣдима, и я слишкомъ уважаю ваши мнѣнія, милостивые государи, чтобы рѣшиться когда-нибудь прямо ихъ отрицать. Но если я и позволяю себѣ высказывать парадоксы, какихъ еще въ наше время не приходилось слушать о собственности, этомъ краеугольномъ камнѣ современнаго политическаго устройства общества, слѣдуетъ ли еще изъ этого, чтобы я былъ отъявленный революціонеръ, тайный конспираторъ и врагъ общества? Нѣтъ, милостивые государи; дѣнская въ самомъ широкомъ смыслѣ мою доктрину, все, что можно изъ нее вывести, какъ результатъ — и все, что я самъ изъ нее вывожу, состоитъ въ томъ, что существуетъ естественное и неотчуждаемое право, *обладателя* и труда, къ полученію котораго пролетарій такъ же долженъ быть приготовленъ, какъ долженъ быть приготовленъ къ свободѣ прежде его достиженія *черты* американскихъ колоній, право котораго на свободу въ наше время никто не оспариваетъ. Это воспитаніе пролетарія — миссія, налагаемая нашимъ временемъ на всѣхъ людей сильныхъ по своей интеллигенціи или богатству. Неисполненіе ее рано или поздно приведетъ къ тому, что эти новые варвары, которыхъ мы согласились называть пролетаріями, размножались, подобно потоку, затопятъ собою все общество.

Отвѣчать ли мнѣ еще на одно обвиненіе — другаго рода?

Въ моемъ поведеніи относительно моего академическаго тьютора, которому я не дѣлалъ сообщеній — видать вапунъ-то неблагоударность.

Между тѣмъ мое поведеніе относительно г. Дроза внушено мнѣ только деликатнымъ чувствомъ приличія; могъ ли я входить съ этимъ почтеннымъ писателемъ въ пренія о нравственности и политической экономіи, когда, по моему мнѣнію, такіе переговоры неизбежно привели бы къ сомнѣнію въ достоинствѣ нравственныхъ и экономическихъ изслѣдованій г. Дроза? Могъ ли я позволить себѣ становиться въ отношеніи къ нему въ положеніе постоянного противорѣчія, или лучше сказать, хроническаго непослушанія? Никто болѣе меня не любитъ и не цѣнитъ таланта г. Дроза; никто и никогда не будетъ относиться съ такимъ почтеніемъ къ его личному характеру. Эти-то именно чувства и были причиною, почему я отстранился отъ щекотливой и для меня небезопасной полемики.

Господа! публикація моей записки вызвана требованіемъ самаго рода моихъ философскихъ занятій. Будущее вамъ это докажетъ. Мнѣ необходимо составить еще одну и послѣднюю записку о собственности, и тогда я снова стану продолжать, уже не сворачивая съ дороги, мои занятія филологіей, метафизикой и нравственными науками.

Господа! Я не принадлежу ни къ какой партіи, ни къ какой категоріи. У меня нѣтъ ни хвалителей, ни кумовьевъ, ни единомышленниковъ. Я не основатель новой секты, я отвергнулъ бы роль трибуна, еслибы мнѣ ее даже предложили, но той единственной причинѣ, что я не хочу кабалить своей свободой. Я всего жду только отъ васъ, господа, я надѣюсь только на васъ, и отъ васъ однихъ ожидаю благосклонности и солидной репутаціи. Я знаю, что вы располагаете подвергнуть осужденію то, что вы называете *моими мнѣніями*, что вы хотите отстраниться отъ всякой солидарности съ моими идеями. Но я не перестану вѣрить, что настанетъ время, когда вы меня станете осыпать похвалами въ той же степени, въ какой вы теперь противъ меня раздражены. Первое ваше неблагопріятное впечатлѣніе пройдетъ; волненіе, которое должно было вызвать въ васъ рѣзкое выраженіе, еще нигдѣ незамѣченной физической и экономической истины, успокоится — и я увѣренъ, что время и размышленія приведутъ васъ къ просвѣтленному сознанію вашихъ личныхъ чувствъ, отъ которыхъ вы теперь отрицаетесь, не признавая ихъ, противъ которыхъ вы боретесь и которыхъ я въ васъ претивъ васъ защищаю.

Остаюсь, господа, съ полнымъ довѣріемъ къ вашей просвѣщенной прозорливости и справедливости, вапнъ почтительный и преданный пенсіонеръ.

П. Ж. Прудонъ.

Письмо это, весьма естественно, понравилось академіи не могло. Въ *почтительный и преданный ученикъ* говорить въ немъ

съ ней тонемъ свободнаго чловѣка, и даже какъ учитель своихъ учителей, не оно пришло въ академію въ самое время, такъ-какъ 6-го августа въ закрытомъ засѣданіи комиссія читала своей отчетъ о книгѣ Прудона. Отчетъ этотъ приведенъ у Курта въ такомъ видѣ:

«Съ перваго взгляда комиссія могла увидать, что трудъ пенсіонера, совершенно чуждый филологическимъ изслѣдованіямъ, которыми, казалось, онъ предавался съ настойчивостью, миходить даже нѣзъ круга обыкновенныхъ произведеній, посвящаемыхъ разсмотрѣнію общественныхъ и политическихъ вопросовъ и не менѣе странныхъ, какъ по своей сущности, такъ и по формѣ. По сущности авторъ поставилъ себѣ задачей покушеніе на собственность, которая, по его мнѣнію, не имѣетъ никакого рациональнаго основанія и есть только чудовищный абсурдъ, обуславливающий тиранію, наупервыиъ и тысячи золъ. Авторъ, безусловно осуждалъ установленіе собственности во всѣ времена и у всѣхъ народовъ, прошедшихъ и настоящихъ, сваливаетъ даже на перловъ обвиненіе въ прегрѣшеніи противъ догмата и морали. Отрицая собственность, онъ, однакоже, не предлагаетъ ей въ замѣну комунизма, но личное обладаніе нодъ условіемъ равенства — мысль, очевидно, безумная, и на столько же невозможная для выполненія, какъ и безусловное прекращеніе собственности.

«Что касается до формы, то и она на столько же странна и достойна порицанія (эти обвиненія мы позволимъ себѣ пропустить, такъ-какъ они составляютъ только дрянныя варіаціи на тѣму, что по формѣ своей книга Прудона есть «грубый и бѣшеный актъ насилія противъ всего существующаго»).

«Но комиссія все-таки полагаетъ, что для правильной оцѣнки книги пенсіонера, слѣдуетъ, въ видахъ справедливости, взять во вниманіе жалкое образованіе пенсіонера, его уединенную жизнь и умственную усталость, происшедшую въ немъ отъ чрезмѣрныхъ занятій, какими онъ съ нѣкотораго времени предается, и которыя могли произвести то помѣшательство (trouble) и горячность идей, которыя заключаются въ его книгѣ. Кроме того, комиссія думаетъ, что въ дѣйствительности книга несравненно менѣе опасна, чѣмъ это можетъ показаться съ перваго взгляда. Въ вѣкѣ, когда число всякихъ визионеровъ такъ значительно, самое зло есть какъ бы въ нѣкоторомъ родѣ лекарство отъ зла. Когда ежедневно провозглашаются новыя и новыя системы политической и социальной организаціи, то всѣ эти помысли и системы всѣмъ надоѣдаютъ и переходятъ незамѣтно въ область курьезовъ. То же, вѣроятно, будетъ и съ книгой Прудона, какъ и со множествомъ другихъ. У ней будетъ немного читателей, еще менѣе прозелитовъ. Ее или не замѣтатъ, или очень скоро забудутъ. Во всякомъ случаѣ, комиссія полагаетъ, что академія обязана, въ видахъ справедливости и собственного достоинства, также, какъ для примѣра, отвѣчать фор-

мальнымъ попризваніемъ на обращеніе пенсіонера къ ней, помѣщенное въ предисловіи къ книгѣ».

Рапортъ означивался предложеніемъ докладчика академіи, сдѣлать слѣдующее постановленіе:

Собраніе академіи, выслушавъ отчетъ комиссіи, которой было поручено рассмотретьъ книгу пенсіонера Сварда, постановляетъ:

1) академія отвергаетъ посвященіе, находящееся въ главѣ сочиненія, напечатаннаго означеннымъ пенсіонеромъ и озаглавленнаго: «Что такое собственность?» Она самымъ положительнымъ образомъ отвергаетъ это сочиненіе, какъ напечатанное безъ ея согласія, и какъ приписывающее ей доктрины, діаметрально противоположныя принципамъ и мнѣніямъ каждаго изъ ея членовъ.

2) академія не признаетъ и осуждаетъ не менѣе безусловнымъ образомъ и самое сочиненіе, какъ по причинѣ заключающихся въ немъ ошибочныхъ и неспровергающихъ доктринъ, такъ и за неприличный тонъ, въ немъ господствующій.

3) академія порицаетъ также и образъ дѣйствій автора въ отношеніи къ г. Дрозу, и поручаетъ своему секретарю выразить ему все сожалѣніе, которое заставляетъ ее испытывать поведеніе ея пенсіонера въ этихъ обстоятельствахъ.

4) настоящее заявленіе вмѣстѣ съ отчетомъ комиссіи будетъ занесено въ регистръ академіи.

Въ то время, когда президентъ предложилъ на голоса заключеніе комиссіи, одинъ изъ членовъ собранія замѣтилъ, что въ такомъ важномъ дѣлѣ, академія должна употребить всѣ средства, чтобы придать своему рѣшенію возможно большій авторитетъ, и что число присутствовавшихъ академиковъ не было достаточно для разрѣшенія этого важнаго вопроса. Это предложеніе пошло на голоса, и принято большинствомъ. Новое собраніе назначено было на 12 августа, но въ немъ заключенія комиссіи полагались уже слишкомъ магкими, почему на 24 августа назначено было третье торжественное собраніе, на которомъ, по предложенію одного служебнаго лица, академія публично осудила Прудона и его книгу и запретила ему всякое печатаніе чего бы то ни было безъ ея позволенія, до конца срока полученія имъ пенсін Сварда. На этомъ же собраніи былъ поднятъ вопросъ о прекращеніи выдачи Прудону пенсін, но пренія по этому предложенію были отсрочены до 15-го января 1841 года.

Во все время этой академической катастрофы, Переннъ велъ себя безукоризненно. Соглашался съ мнѣніемъ своихъ товарищей о книгѣ Прудона, онъ нивагъ не могъ смотрѣть на ея автора, какъ на преступника. Обязанный, въ качествѣ постоянного секретаря, извѣстить Прудона официально о происшедшемъ въ академіи 6-го, 12-го и 24-го августа, онъ, видя, что дѣло, по мѣрѣ приближенія къ сроку 15-го января, нисколько не улучшается, написалъ ему 27-го декабря частное письмо, которое, безъ всякихъ комментариевъ, говоритъ за прекрасное сердце этой самватичной личности. Вотъ это письмо:

«Послѣ официального письма, которое я вамъ отправилъ въ качествѣ постоянного секретаря академіи, пишу къ вамъ на русскія частныя образы и какъ человекъ къ человеку. Академія хочетъ покончить съ вашимъ дѣломъ и многіе члены серьезно предлагаютъ лишить васъ пенсій. Самый могущественный вашъ защитникъ, или, лучше сказать, ваша единственная защита въ настоящую минуту—условіе, заключающееся въ духовной Свирда, на основаніи котораго, для осужденія васъ, необходимо двѣ трети голосовъ. Ваши друзья уже не могутъ говорить въ вашу пользу, и ихъ попытка защитить васъ, набросила на нихъ самихъ вѣкторію тѣнь. Да и согласитесь, что они могутъ сказать въ вашу пользу? Ваша ошибка для всѣхъ очевидна. Ваша книга на лицо и объявленія объ ней были прибиты даже у стѣн академіи. Имъ не остается ничего болѣе, какъ извинить ваши намѣренія; но вы сами знаете, что такое средство защиты вѣситъ очень мало на вѣсахъ человеческой справедливости. Вы, конечно, не сомнѣваетесь въ моей къ вамъ привязанности. Вы меня интересовали съ тѣхъ поръ, какъ были еще на школьной свамѣ. Потомъ ваше бѣдственное положеніе, ваши таланты, труженничья жизнь, рядъ испытаній, изъ которыхъ вы вышли съ честью, и, можетъ быть, даже честная дикость вашего характера — все это способствовало увеличенію чувства моего уваженія къ вамъ, которое вы сумѣли во мнѣ поселить. Но я долженъ вамъ высказать откровенно, что публикація вашей книги мнѣ показалась, не только, какъ всѣ здѣсь на нее смотрятъ, поступкомъ грубаго неприличія противъ академіи и ея представителя, г. Дроза, и вступленіемъ выходящимъ противъ современнаго общества, но даже ошибкой противъ васъ самихъ, печальною неослѣдовательностію въ вашей жизни, безпримѣрными произведеніемъ, заставившимъ васъ сойти съ естественныхъ и законныхъ путей, вамъ свойственныхъ. Вы, который думали, что прежде, чѣмъ сказать что-нибудь достойное людямъ, слѣдуетъ въ теченіе десяти лѣтъ обречь себя на молчаніе, необдуманно бросились передавать имъ все, что представлялось вамъ въ горячечное время трагическихъ вашихъ безсонницъ. Какимъ образомъ вы дошли до того, что «создали себя кумиръ», вы, который такъ сильно возставали противъ всякаго идолопоклонства? Вашъ честный путь лежалъ въ возвышенной и законной области философіи, и вы его добровольно бросили, чтобы сѣмьшаться съ толпой, строящей мрачныя уступки вавилонской башни. Простите мою откровенность: вы любите истину, вы иногда умѣете ее высказывать и созданы способнымъ ее выслушивать. Не подумайте, что я имѣю претензію на васъ обращать—такое обращеніе должно быть дѣломъ вашего личнаго сознанія, о чемъ я вамъ и напоминаю. Со способностями, подобными вашимъ, вы для себя должны быть лучшимъ проповѣдникомъ. Вслушайтесь только въ голосъ вашего здраваго смысла, вслушайтесь именно только въ такія минуты, когда ваша мысль

особенно ясна и спойма, и если только я самъ не ошибаюсь, то вы скоро сознаете, что вы сошли на ложный путь. Съ своей стороны я бы далъ очень дорого, чтобы вашей ненавистной брошюры вовсе не было. Вы никогда не узнаете, сколько она доставила вашимъ друзьямъ и навлекла неприятностей; но зло уже сдѣлано, поправить его нельзя и слѣдуетъ только озаботиться о томъ, чтобы его смягчить, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ вамъ самимъ. Адресуйте поэтому въ академію ваши оправдательныя основанія. Если вы не сможете рѣшиться признать своей ошибки (что, по моему, было бы самымъ почетнымъ и лучшимъ для васъ выходомъ), то изложите все, что сдѣлало бы яснымъ ваше намѣреніе, все, что заставило бы академію перестать опасаться за вашу будущность, и главное, Бога ради, нишите академію, какъ вашей пріемной матери, безъ упорства, увертокъ и заднихъ мыслей, въ томъ тонѣ, который причисляется молодому человѣку, которому цѣлое общество почтенныхъ людей оказало нѣкогда предпочтеніе, за что заслуживаетъ съ его стороны нѣкоторой благодарности. Докажите, если только это возможно, что вы вовсе не имѣли въ виду нарушить тѣ обязанности къ академію, которыя налагало на васъ это предпочтеніе. Наконецъ, не пренебрегайте ничѣмъ, чтобы разрушить составившееся и весьма распространенное мнѣніе, что цѣлью вашего сочиненія было ниспровергнуть общество обращеніемъ въ людскія страсти. Сдѣлайте однимъ словомъ все, что отъ васъ зависитъ; друзья ваша поступать также и—будь, что будетъ.

Ж. Б. Переннъ.

PS. Существуютъ два пункта, въ которыхъ вы необходимо должны признать свою ошибку:

1) Посвященіе вашей записки академію, безъ изпрошенія ей на это разрѣшенія.

2) Ваше мнѣніе, что по вопросу о собственности академію совершенно согласна съ вами.

26-го декабря 1840 года.

Прудонъ, находившійся въ это время въ Парижѣ, и старавшійся въ новыхъ занятіяхъ забыть свой неуспѣхъ въ академію, былъ увлеченъ этимъ письмомъ. Мягкая его форма не смягчила его скорби, онъ слишкомъ жестоко страдалъ отъ оскорбленнаго самолюбія и потери надежды, что хотя кто-нибудь его да пойметъ. Этимъ объясняется, по вашему мнѣнію, горечь его отвѣта Перенню, котораго онъ уже перестаетъ называть по имени и до-рогимъ учителемъ, а называетъ официально господиномъ постояннымъ секретаремъ. Вотъ что отвѣчаетъ онъ Перенню:

Парижъ, 6-го января 1841 г.

Господиный постоянный секретарь!

Ваше сообщеніе отъ 27-го декабря меня совершенно изумило и огорчило. Признаюсь вамъ, что я нѣкоторое время даже ко-

лебался: отвѣчать ли мнѣ на него? Въ самомъ дѣлѣ, оказывается, что меня уже обвиняютъ не за *жизнѣю*, а чуть не за *мзломъ*. Но, принимая во вниманіе, что въ средѣ вашей академіи находятся лица, дружба которыхъ ко мнѣ, какъ я на это сильно надѣюсь, не угаснетъ, промѣ того, такъ-какъ эта самая академія всегда мнѣ казалась какъ бы головою странн, которая для меня дороже жизни, то я мало-по-малу совладаю съ своею скорбью, и изгнаю всякую мысль объ отищеніи. Я знаю правду: *Tuipitudinem patris tui et matris tuae non revelabis*, * и не забуду ее до тѣхъ поръ, пока мнѣ не придется защищать моей чести.

Я былъ бы очень огорченъ тѣмъ, еслибы хотя на кого-нибудь изъ-за меня пала какая-нибудь тѣнь подозрѣнія; если, слѣдовательно, между вашими товарищами найдутся такіе, которыхъ голосъ въ мою пользу и противъ ихъ убѣжденій, сколько-нибудь компрометировалъ бы, то передайте имъ, что я не желаю жертвъ съ ихъ стороны и прошу ихъ вотировать сообразно ихъ личнымъ интересамъ.

Я обдумываю серьезный планъ посвятить академіи весь рядъ обдумываемыхъ мною работъ, исполненіе которыхъ, конечно, выиграетъ отъ времени и приобретаемой мною опытности; я не отчаивался даже въ томъ, что наступитъ когда-нибудь время, когда ученый міръ академіи посмотритъ непредубѣжденными глазами на самую мою записку о собственности. Теперь вижу, что послѣ того, какъ меня покинули, хотятъ меня еще и увнзять, и затѣвая какъ будто серьезно заставить меня измѣнить мои идеи, мнѣ приказываютъ и угрожаютъ. На такое стремленіе академіи— я отвѣчаю непоколебимымъ рѣшеніемъ: не слушаться приказаній и презирать угрозы.

Вашей личной дружбѣ, г. постоянный секретарь, я всегда вѣрилъ, и вѣяусь вамъ, что вѣрю твердо ей и теперь, вида что ваши страннне взгляды о предметѣ, выходящемъ изъ круга вашихъ занятій, не измѣнили вашихъ чувствъ ко мнѣ, и что те, что вы называете моею *ошибкой*, заставляютъ васъ высказывать мнѣ сожалѣнія, а не упреки. Вы напомнили мнѣ о моихъ словахъ, которыя я сдержалъ, хотя вы и опасаетесь, что я ихъ такъ скоро забылъ. Я сказалъ: раньше тѣмъ начать писать, надобно размышлять десять лѣтъ. Я же началъ размышлять съ третьяго курса моей школьной жизни, съ 1825 года, а сталъ писать съ 1840 г., т.-е. утронъ ивеагорейскій средъ для размышленія.

Но что я могу сказать вамъ, что бы не показалось вамъ предитованнымъ мнѣ упрямую гордостью или лежимымъ желаніемъ надѣлать шуму? Хотя я и увѣренъ, что не пройдетъ и пятидесяти лѣтъ, и кто-нибудь потребуеть, чтобы за Франши-Конте было призвано право первенства отиритія *матеріи обладанія*, но

* На разглашаніе божества отъ своего и матери своей.

по этому вопросу ми уже не можем болѣе понимать другъ друга.

По приложенному при этомъ письму, вы увидите, какъ умѣю я отличать людей отъ общества, которое они составляютъ; я считаю своимъ долгомъ напомнить вамъ, что я также отличаю и людей между собою. Подобное заявленіе, господинъ секретарь, да послужитъ вамъ залогомъ всегдашнихъ чувствъ

преданнаго и вѣрнаго вамъ

П. Ж. Прудона.

Письмо это исполнено энергіи, гордости и непоколебимой рѣшимости продолжать свое дѣло, хотя бы оно не нашло ни одного сторонника. Онъ готовъ на все и рѣшилъ: «не слушаться приказаній и презирать угрозы академіи».

Но онъ еще не потерялъ надежду, что академія можетъ переубѣдиться насчетъ основной мысли объ его книгѣ. Для этого онъ прилагаетъ обширную объяснительную записку, которую мы здѣсь не можемъ, къ сожалѣнію, привести по причинѣ ея значительнаго объема. Прудонъ въ ней такъ же страстенъ, какъ и въ своей книгѣ, и аргументація его такъ же смѣла, рѣзка и порывиста. Приведемъ изъ нея хотя то мѣсто, гдѣ Прудонъ говоритъ о невозможности отнятія отъ него званія пенсіонера академіи.

«Я обязанъ безансонской академіи тѣмъ немногимъ, что я знаю; я это съ радостью признаю, и постоянно забочусь сдѣлаться въ этомъ отношеніи какъ можно болѣе ей обязаннымъ. Ничто и никогда не ослабитъ той связи почтенія и любви, какою я признаю себя призваннымъ къ этому славному собранію и, при его посредствѣ, къ Франшъ-Конте.

Я точно также считаю себя обязаннымъ и по отношенію къ личностямъ, составляющимъ академію, и если я этого не забываю, то полагаю, что и они не могутъ серьезно думать, что затушить въ моемъ сердцѣ эти воспоминанія. Отнять же отъ меня званіе пенсіонера, избраннаго вами—значитъ освободить меня отъ всякой къ вамъ благодарности.

Но вѣтъ, вы не прибѣгнете, относительно меня, къ жестокости, скандалу которой, не сомнѣвайтесь, господа, падеть на однихъ васъ. Вы не унизите публичнымъ оскорбленіемъ челоуѣка, котораго собственное сознаніе одно можетъ вознаградить за такое нелѣпое наказаніе. Вы станете наказывать меня? Но за что? За мою неспособность? Такой мотивъ, признаюсь, былъ бы для меня новъ. За мою нравственность? Но я живу въ Парижѣ въ годъ на восемьдесятъ франковъ и моя нравственность дѣлаетъ пенсію Сюрда. За то, что я не подумалъ о своемъ личномъ счастьи, сочинивъ книгу, которую я не хочу называть передъ вами, такъ какъ она имѣла несчастье вамъ не понравиться? Значитъ, вы думаете, господа, что въ жизни, подобной моей, не было еще достаточно испытаній и что ей все еще чего-то недостаетъ? Не имѣя возможности задушить моего прошедшаго, захотите ли вы отнять у меня шесть мѣсяцевъ жизни, задушить, на сколько это

отъ васъ зависить, мою мысль и придать моей книгѣ санкцію—своею несправедливостью? Я избѣгаю и отталкиваю отъ себя честь, которой такъ многіе добиваются въ наши дни; я не считаю себя еще на столько чистымъ, чтобы страдать изъ-за преслѣдованій, и не знаю никого во время, въ которое мы живемъ, кто былъ бы достоинъ мученичества. Не профанируйте, господа, этого святаго дѣла!

Но, говорятъ, я стою за равенство условій, и дѣлая это, я разрушаю существующее общество. Господа, я *ничего не разрушаю*. Какъ всѣ и каждый въ наше время, я дѣлаю *реформы*. Кто въ этомъ усумнится, однимъ этимъ уже покажетъ, что онъ ровно ничего не понимаетъ въ движеніи, происходящемъ во Франціи, и что онъ неспособенъ уразумѣть ни вѣка, ни челоувѣческаго ума, ни исторіи. Ожидая вашего рѣшенія, остаюсь пока вашимъ пенсионеромъ. П. Ж. Прудонъ.

Записка эта однакоже не показала убѣдительною академіи. Въ собраніи 15-го января Прудонъ только потому не былъ лишенъ пенсіи Сюрда, что число голосовъ противъ него (18—14) не составило большинства двухъ третей, какъ этого требовалъ параграфъ, уже извѣстный читателямъ, завѣщанія г-жи Сюрдъ. Опасаясь однако новыхъ затрудненій отъ безпокойнаго пенсионера, нѣкоторые изъ академиковъ озабочились прислать ему какое нибудь занятіе, которое, до окончанія пенсіонскаго срока, отвлечало бы его, какъ отъ втораго изданія книги о собственности, такъ и отъ всякой другой работы, которая могла бы произвести новый скандалъ. Что это было за занятіе, читатели увидятъ изъ слѣдующей формальной бумаги Перення, отправленной въ Прудону на другой же день послѣ академическаго собранія:

Безансонъ, 16 января 1841 г.

Постоянный секретарь Безансонской академіи. Г. Прудону, пенсионеру Сюрда.

«МГ! Въ засѣданіи академіи, происходившемъ вчерашняго числа, постановлено, что пенсія Сюрда не будетъ отъ васъ отнята, о чемъ извѣщаю васъ съ истиннымъ удовольствіемъ. Изъ этого вы усмотрите, что наше собраніе, не только не одобряя, но даже осуждая вашу книгу, нисколько не желаетъ унижить васъ лично, какъ вы этого, кажется, опасались. Во всякомъ случаѣ, я все-таки долгомъ считаю высказать вамъ откровенно, что это рѣшеніе состоялось, не благодаря вашей послѣдней запискѣ, а несмотря на эту записку, такъ-какъ въ нѣкоторыхъ ея мѣстахъ заключаются оскорбительныя мнѣнія для нѣкоторыхъ изъ членовъ академіи и чтеніе ея болѣе повредило вашему дѣлу, чѣмъ ему помогло. Безансонская академія не желала прерывать сношеній, связывающихъ васъ съ ней. Она надѣется, что и вы съ своей стороны поймете тѣ обязанности, которыя налагаются на васъ званіемъ *пенсионера Сюрда*. Вы обязываетесь прав-

ственно, ничего не печатать безъ ея согласія до истеченія вашего трехлѣтія. Мы никогда не могли предполагать, что вы свободно и добровольно рѣшитесь на второе изданіе вашей книги *о собственности*. Когда академія предлагала вамъ уничтожить предисловіе, въ случаѣ перепечатки книги, то она имѣла въ виду, что у васъ могло быть предварительное условіе съ книгопродавцемъ-издателемъ, на основаніи котораго онъ могъ бы приступить ко второму изданію, не испрашивая на это вашего согласія. Сопровитвайтесь всѣми зависящими отъ васъ мѣрами, чтобы втораго изданія не выходило, такъ-какъ это неизбѣжно навлечетъ на васъ не только новыя непріятности, но, вѣроятно, и судебныя преслѣдованія. Подумайте, прошу васъ, нѣсколько о вашей будущности, и не поступите подобно многимъ изъ нашихъ современниковъ, дѣлающихъ удовлетвореніе своей гордости и тщеславія — первую свою заботою. Лицо, желающее вамъ добра, передавало мнѣ, что въ Парижѣ одна личность, имѣющая хорошее служебное положеніе, приступая къ изданію большого сочиненія о законодательствѣ, желала бы привлечь васъ къ этому предпріятію на весьма выгодныхъ для васъ условіяхъ. Я посовѣтовалъ бы вамъ не отвѣчать отказомъ на это предложеніе, и такое же мнѣніе всѣхъ лицъ, непереставшихъ еще вами интересоваться. Это единственное для васъ средство — спастись отъ кораблекрушенія, встать на полезный путь, успокоить вашихъ друзей и разсѣять печальныя опасенія о вашей будущности.

Вашъ и пр.

Постоянный секретарь академіи
«Ж. В. Переннъ.»

Письмо это, хотя и не удовлетворило совершенно Прудона, принесло, однакоже, ему значительное успокоеніе. Кончилась, по крайней-мѣрѣ, неизвѣстность. Въ душѣ снова проявилась надежда и свѣтлое настроеніе духа его выразилось въ слѣдующемъ отвѣтѣ Перенню, который Прудонъ написалъ черезъ три дня по полученіи его сообщенія:

Парижъ, 18-го января 1841 г.

Г. постоянный секретарь.

«Тороплюсь отвѣчать вамъ на письмо ваше отъ 16-го января и поблагодарить васъ за ваше горячее желаніе вывести меня изъ непріятностей. Прошу васъ засвидѣтельствовать и передъ академіей мою почтительную благодарность. Еще три дня тому назадъ я былъ раздраженнымъ львомъ; сегодня же я кротче агннца. Я ничего не пощажу, чтобы заслужить расположеніе доброжелательныхъ и просвѣщенныхъ людей, умѣющихъ жертвовать своими убѣжденіями—ради терпимости и благотворительности.

Три недѣли скорби и невыразимыхъ страданій меня совершенно измучили. Напрасно обращался я къ своему уму, вызывалъ энергію воли—негодование академіи было для меня какъ бы

отцовскихъ проклятіемъ. По жгучести моего горя, вы можете судить, какими современными узами привязанъ я къ академіи, къ своей странѣ, къ мнѣнію моихъ земляковъ. Успѣхъ, счастье, богатство, слава—не соблазняютъ меня, если я не съумѣю вызвать къ себѣ любви академіи, родины и согражданъ. Какой бы просятъ ни обдумывалъ я, всё эти элементы неизбѣжно входятъ въ него. Едва-ли неспособность добиться благосостоянія доходила у кого либудь до такой степени, въ какой она проявляется во мнѣ, и могу сказать, что основной причиною этого—моя привычка не ставить для моихъ усилій другой цѣли, кромѣ счастья правиться жителямъ Франціи—Копте, подобно тому, какъ аскеты направляютъ всё свои дѣйствія, чтобы угодить Богу. Отсюда же прорастаетъ и моя увѣренность, что съ меня достаточно хорошо работать, и сама академія озаботится о моихъ интересахъ. Отсюда же и тотъ духъ неушлости и неблагоуразумія, который вы встрѣтили въ моей защитѣ и который, въ другое время, вамъ съ такимъ трудомъ удалось изгнать изъ моей записки. Во всемъ этомъ, г. постоянный секретарь, я обязанъ вамъ болѣе чѣмъ кому-нибудь, и не въ состояніи васъ отблагодарить, потому что доброта ваша превосходитъ всякую благодарность.

Боязнь потерять пенсію Сварда и расположеніе академіи, дѣйствительно заставили меня возобновить переговоры съ сенскимъ чиновникомъ, по предложенію, которое я сначала отвергъ, предпочитая шесть мѣсяцевъ свободного труда — шести мѣсяцамъ приобрѣтенія, и такимъ образомъ изъ экономиста сдѣлался криминалистомъ. Г. Х., зять пера Франціи г. С., сдѣлалъ мнѣ пріятныя предложенія, и такъ-какъ предметъ его труда меня интересуетъ и входитъ въ кругъ моихъ занятій, то я ихъ и принялъ. Г. Х. знаетъ мои мнѣнія, и хотя ихъ и не раздѣляетъ, но и не приходитъ отъ нихъ въ ужасъ. Онъ видитъ во мнѣ только честнаго, мыслящаго и работающаго человѣка. Я надѣюсь превзойти его желанія, но я все-таки, г. постоянный секретарь, работаю это не для себя, такъ-какъ работаю только изъ интереса — и причиною этого академія. Все это производитъ во мнѣ разладъ, изнуряетъ меня, и если подобныя пытки продолжатся—вгонитъ меня въ могилу. О второмъ изданіи моей книги не можетъ быть и рѣчи, прежде чѣмъ я не представлю публикѣ необходимыхъ объясненій, надъ которыми я работаю. Такъ-какъ я обязался не печатать ничего безъ согласія академіи, то я попросилъ бы васъ поскорѣе доставить мнѣ ея на это разрѣшеніе. Дѣло идетъ не о новой запискѣ, не объ оправданіи, но о такомъ объясненіи, которое должно разсѣять неблагоприятный эффектъ, произведенный формою моей книги, не дѣлая меня какимъ-то безумцемъ, которое можетъ доставить мнѣ уваженіе, не заставляя меня отступить отъ своихъ взглядовъ, которые (въ чемъ я не сомнѣваюсь) примирятъ меня съ правительствомъ, не подвергая меня необходимости пожертвовать для этого моими

принципами и которое должно представить способы для поддержанія мира и порядка, безъ отстраненія для этого всего того, на что смотрю я, какъ на неотъемлемныя права народа. Академія заинтересована въ этомъ моемъ дѣйствіи, которое доставитъ мнѣ почетъ; я смѣю вамъ обѣщать это и совершенно удовлетворить желаніямъ академіи. Самые честные люди, какихъ я только здѣсь встрѣчаю, и между прочими Мове и Потье, одобряютъ этотъ мой планъ, побуждаютъ меня привести его скорѣе въ исполненіе и желали бы, чтобы меня какъ можно скорѣе перестали принимать за бунтовщика или за злокачественнаго писателя. Мои идеи, говорятъ они, могутъ принести добро, но для этого необходимо, чтобы я выяснилъ именно тѣмъ, что я есть. Такимъ образомъ, я думаю, г. секретарь, что академія нанесетъ сама себѣ ущербъ и поступитъ радикально противъ истины и справедливости, если запретитъ мнѣ свести счеты съ публикой, читавшей и меня, весьма малочисленной въ Парижѣ. Поэтому я повторяю слова, что въ своемъ объясненіи я не подымаю новой полемики и не ставлю новыхъ догматовъ; я только объясняю самаго себя, обсуждаю самаго себя, я порицаю себя во всемъ, что по формѣ заслуживаетъ порицанія и, наконецъ, при помощи весьма тонкихъ философскихъ соображеній, стараюсь объяснить, что изъ народныхъ надеждъ и стремленій возможно осуществить на практикѣ, не нарушая существующихъ интересовъ дѣйствительности.

Меня приведетъ въ отчаяніе, если академія отниметъ у меня средство къ успѣху, къ приобрѣтенію какъ правительственнаго, такъ и народнаго расположенія, и заставитъ тѣхъ людей, которые согласны съ моими убѣжденіями, стать съ ними въ разладъ, также, какъ и съ праведливостью. Прошу васъ искренне поклониться отъ меня гг. Вейссу и Біансену. Я прошу васъ также позволить мнѣ засвидѣтельствовать мое почтеніе, передать мое поздравленіе съ новымъ годомъ г-жѣ Переннъ и увѣрить ее, что ея достойный супругъ никогда еще не имѣлъ болѣе преданнаго и вѣрнаго ученика.

Простите меня, г. секретарь, за всѣ непріятности, которыя я вамъ причинилъ; я доказалъ вамъ, увн! какъ трудно быть обязательнымъ и дѣлать добро.

Вашъ пенсіонеръ.

П. Ж. Прудонъ.

Но на этомъ чаша горестей, испытанныхъ Прудономъ во время нахождения его подъ опекою академіи, еще не исчерпалась. Съ одной стороны трудъ, взятый имъ на себя, въ минуту опасенія потерять пенсію Сuarda, — писать за другаго объ юриспруденціи — его совершенно измучилъ, съ другой стороны его снова оскорбило то обстоятельство, что академія напечатала 24-го августа (чего онъ не ожидалъ) всѣ работы комиссіи и свои постановленія по дѣлу объ немъ. Это-то и составляетъ предметъ

двух послѣднихъ его писемъ Перенню, заключающихъ собою непечатанную переписку. Вотъ оба эти письма.

Парижъ, 28 марта 1841 года.

Господиизъ постоянный секретарь!

«Такъ-какъ мои обстоятельства устроились такъ, что я могу считать свою жизнь въ Парижѣ обезпеченной, по крайней мѣрѣ на годъ, и такъ-какъ для меня все равно, получу ли я или нѣтъ пенсію Сuarda за послѣдній семестръ раньше или позже, то я попросилъ бы васъ, чтобы вы были такъ добры, когда выйдетъ ей срокъ, передать ее или моему родственнику, г. Прудону, котораго вы знаете, или, лучше еще, г. Гюгене, бывшему фактору моей типографіи, теперь моему сотоварищу. Я даже далъ ему отъ себя уполномочіе на полученіе этихъ денегъ, для распоряженія съ ними по моему желанію. Я позволилъ себѣ это сдѣлать, г. секретарь, для того, чтобы васъ освободить отъ излишней переписки, а себя отъ напрасной платы банкуру.

«Печатаніе моей апологін (письмо къ Бланки) началось уже очень давно, но окончится не раньше паски, такъ что брошюра моя не можетъ явиться въ свѣтъ раньше втораго семестра этого года и того времени, слѣдовательно, когда я, такъ-сказать, буду въ независимости отъ академіи. Мои новыя занятія произвели эту задержку: мнѣ пришлось работать за другихъ, работать для себя, да еще устроить дѣла моего семейства. Тоска, умственные и нравственные страданія усиливаются во мнѣ съ каждымъ годомъ; прибавьте къ этому усиленный трудъ, и вы не станете удивляться, когда услышите, что я иногда дѣлаюсь съ виду похожимъ на безумнаго или глупца. Головные боли мои становятся все чаще и чаще, органическая моя слабость увеличивается въ той же пропорціи. Если я стану работать еще пять лѣтъ, какъ работалъ два послѣдніе года, то меня только и хватитъ на это пятилѣтіе. Я истощаюсь, какъ Фалло.

Хотя я и обязанъ всѣмъ, чему я выучился — академіи, но и она отчасти причиною моихъ бѣдствій; я даже еще не знаю, въ какомъ тонѣ долженъ буду я ее благодарить въ будущемъ августѣ. Она меня привела въ то рабство, въ которомъ я нахожусь, она подвергла меня тому низкому опыту, какой едва въ состояніи выдержать человѣческое мужество. Никогда еще и ни одному человѣку не приходилось брать на себя столько трудовъ, чтобы обезпечить за собою немного независимости, и никого не держали въ такомъ постоянномъ и фатальномъ рабствѣ. Я писалъ противъ собственности, но, кажется мнѣ, кое-чего недоставало, чтобы ее понять и провидѣніе, черезъ посредство академіи, доставило мнѣ случай къ этому.

Я не жалуясь на лицо, съ которымъ я работалъ; это, безспорно, человѣкъ честный, добросовѣстный и съ душой. Къ сожалѣнію, что между нами нѣтъ ничего болѣе общаго. Одаренный легкимъ, блестящимъ волтерьянскимъ и водевильнымъ умомъ,

мой собственникъ-эксплуататоръ способенъ къ отвѣченному мышленію не болѣе своего кота, ничего не понимаетъ въ серьезныхъ вещахъ и меня также никогда не пойметъ. Мы вмѣстѣ работаемъ надъ составленіемъ книги, но на мою долю выпадаетъ ея содержаніе, философская, историческая, догматическая и прикладная — части, также какъ и слогъ. Приходится давать идеи человѣку, ихъ неимѣющему — придавать имъ и изложеніе.

Мало того, не будучи хозяиномъ своего предмета и мысли, я пишу безсвязными очерками и вынужденъ выслушивать весьма откровенную критику, высказываемую въ весьма рѣзкихъ выраженіяхъ, иногда совершенно некомпетентно, что меня раздражаетъ и утомляетъ. Впрочемъ, я долженъ сказать въ похвалу моего *хозяина* и его совѣтовъ, что нѣкоторыя изъ моихъ основныхъ идей по философіи исторіи, приспунденціи и психологіи, онъ нашелъ остроумными и даже превосходными, такъ что меня теперь натапливаютъ на то, чтобы я ихъ развивалъ, то-есть, просто окончилъ всю книгу. Признаюсь, я сначала нѣсколько досадовалъ (чувство это происходило отъ самолюбія, впрочемъ, весьма естественнаго), что въ чужой книгѣ мнѣ пришлось высказать столько хорошихъ вещей, которыя могли бы доставить почетъ мнѣ самому, но я скоро со всѣмъ этимъ порѣшилъ. Вопервыхъ, я упрекнулъ себя въ эгоизмъ, такъ-какъ, при безконечности числа истинъ, долженствующихъ быть открытыми, мнѣ слѣдовало только и для себя работать такъ же, какъ я работалъ для другихъ. Кромѣ того, я общалъ себя современемъ эксплуатировать ту книгу, которую написалъ я, во которая не можетъ явиться съ моимъ именемъ. И вотъ какимъ образомъ.

Историко-политическія доктрины, заключающіяся въ этомъ сочиненіи, не представляютъ собою съ перваго взгляда ничего, кромѣ своего великаго и прекраснаго характера и, такъ сказать, провиденціального происхожденія, но онѣ составляютъ часть моего обширнаго изслѣдованія о законодательствахъ, изслѣдованія, которое будетъ имѣть цѣлью демонстрацію, подъ новой формой, тѣхъ самыхъ принциповъ, за которые я стою.

Такимъ образомъ, послѣ выхода первой книги, когда большая часть ея положеній будетъ принята и усвоена публикой, согласіе мнѣнія публики съ основными ея доктринами будетъ уже какъ бы упрочено, и тогда я въ свою очередь явлюсь съ своимъ изслѣдованіемъ, чтобы сказать послѣднее слово о томъ, что мои судьи увидятъ только въ половину.

Однимъ словомъ, я дѣлаю этой книгой какъ бы первую послыку силлогизма, которая, я увѣренъ, приметъ общественнымъ мнѣніемъ благопріятно, благодаря авторитету члена магистрата, имя котораго будетъ стоять на книгѣ, и новизнѣ предмета; вывести же изъ нея заключеніе я предоставляю себѣ. Я могу смѣло предсказать, все будетъ такъ, какъ я говорю, и вотъ что только меня утѣшаетъ при видѣ того, какъ мои родныя дѣти явятся въ свѣтъ подъ

и менѣмъ крестнаго своего отца. Только бы истина выиграла отъ этой моей жертвы, но и я хотѣлъ бы поскорѣе освободиться отъ этой чаши горести.

Прошу васъ поклониться гг. Вейссу и Вianсену, также какъ вашему брату, котораго я, основываясь на извѣстїи, переданномъ мнѣ нѣмѣцкою зимою г. Паранъ-Дебарромъ, рассчитывалъ видѣть въ этомъ мартѣ, увы, уже окончивающемся.

Я не въ состоянїи писать похвального слова Сьюарду, но такъ-какъ я изучаю его дѣятельность и могу кое-что изъ нее вывести, то я, вѣроятно, когда-нибудь объ этомъ что-нибудь напечатая. Прошу васъ извинить меня, если противъ своего желанїя я вынужденъ отказаться отъ участїя въ вашемъ курсѣ. Приняться еще и за эту работу, значило бы просто убить себя.

Остаюсь, г. секретарь, съ живѣйшими чувствами привязанности къ вамъ

вашъ старшїй воспитанникъ
П. Ж. Прудонъ.

Парижъ, 19-ю іюля 1841 года.

Господинъ постоянный секретарь!

Я не пишу въ академію, по причинамъ, которыя вамъ предстоитъ оцѣнить.

Академія своимъ объявленїемъ отъ 24 августа 1840 года, объявленїемъ, сохраняющимся въ ея напечатанныхъ протоколахъ, что какъ мнѣ кажется, весьма важно, сдѣлала мнѣ все зло, какое только могла мнѣ нанести, и добровольно разрушила связь, которая соединяла меня съ ней. Что могу сказать я въ настоящее время вашему обществу, которое заявило, что оно меня *не признаетъ и осуждаетъ самымъ формальнымъ образомъ*, между тѣмъ, какъ я съ своей стороны настаиваю на всѣхъ своихъ прежнихъ мнѣнїяхъ? Если я стану благодарить академію за то добро, которое она мнѣ сдѣлала—это покажется иронїей; если я представлю отчетъ во всѣхъ своихъ прошедшихъ и будущихъ работахъ, это будетъ какъ бы оскорбленїемъ ея; отказаться же отъ того, что я уже сдѣлалъ — немисливо. Я долженъ слѣдовательно молчать и ждать, чтобы академія добровольно сама ко мнѣ вернулась.

Съ другой стороны, въ январѣ 1841 года, академія меня обманула, вытребовавъ у меня объясненїя о моей книгѣ и моихъ намѣренїяхъ. Что могла сдѣлать она для меня хуже публичнаго моего обвиненїя 24-го августа 1840 года? Только противъ подобнаго акта домашняго осужденїя я и защищался, только этотъ ударъ я и думалъ отпарировать; я былъ далеко отъ мысли, что академики были озабочены въ то время только тѣмъ, нельзя ли къ обдуманному уже ими рѣшенїю противъ меня, прибавить еще штрафъ. А они, авторы громоваго августовскаго рѣшенїя, заботились только о пенсїи, слѣдовавшей мнѣ за послѣднїй се-

местры! И моя защита и ихъ возделеніи — все это вертѣлось около 750 франковъ!

Перечтите мое письмо отъ 10-го января, г. секретарь, и вы оцѣните искренность моихъ словъ, если я скажу вамъ, что я не удостоилъ бы академію отвѣтомъ, еслибы я зналъ академическое постановленіе, напечатанное на 104-й страницѣ вашего послѣдняго отчета, постановленія, тѣмъ болѣе огорчающаго, что оно помѣщено въ хвостѣ дѣлаго ряда похвальныхъ отзывовъ писателей Франшъ-Конте. Ваша снисходительность къ самымъ незначительнымъ литературнымъ опытамъ дѣтей Секваніи — всѣмъ извѣстна, и вы, лицо, которое мы признали своимъ землякомъ, конечно, имѣли уже не однажды поводъ смѣяться надъ тѣмъ, какъ щеголиво наше тщеславіе...

Наконецъ, академія, поселивъ во мнѣ различныя опасенія и поставивъ меня въ необходимость работать, чтобы имѣть чѣмъ жить, была причиной того, что сочиненія, которыя я хочу пустить въ свѣтъ, запоздали. Третья моя записка должна была появиться въ этомъ году, и я имѣю нѣкоторое основаніе полагать, судя по словамъ г. Бланки, что она доставила бы мнѣ мѣсто въ средѣ научныхъ дѣятелей, и могла бы доказать, что сойдя такъ внезапно на щекотливый путь, я раньше соразмѣрилъ свои силы и понималъ значеніе моего поступка. Я уже и теперь праздновалъ бы побѣду въ борьбѣ со всеобщими предразсудками, еслибы имѣлъ возможность работать какъ хочу. Но я все-таки надѣюсь, что успѣхъ мой только отсроченъ. До тѣхъ поръ я все-таки вынужденъ представлять собою какую-то жертву собственнаго неблагоразумія — таково, по крайней-мѣрѣ, мнѣніе даже моихъ друзей, и мнѣніе трудно-опрозрачимое. *Все это можетъ рѣшить одно будущее.* Теперь позвольте, г. секретарь, передать вамъ нѣкоторыя подробности о настоящемъ моемъ положеніи. Ваша доброта ко мнѣ, ваше заботливое и вполне отцовское безпокойство обо мнѣ, даютъ мнѣ право заключать, что вы все-таки интересуетесь всѣмъ тѣмъ, что до меня касается. Послѣ пережитыхъ мною опасеній преслѣдованія меня правительствомъ за два мои мемуара, я вижу, что буря стихла, и я нахожусь въ полной безопасности. Не прошло еще трехъ недѣль, съ тѣхъ поръ, какъ я былъ подъ опасеніемъ быть арестованнымъ, и даже не за преступленіе печати, но по обвиненію въ покушеніи на общественный порядокъ. Два раза г. Бланки былъ моимъ ангеломъ-хранителемъ, защищая меня передъ г. Вивьеномъ — министромъ юстиціи, и г. Кунэномъ-Гриденюмъ, министромъ торговли. Но и на самого г. Бланки былъ доносъ префекта полиціи, какъ на заговорщика. Онъ передавалъ мнѣ, что говоря о томъ, что доктрину мою раздѣляетъ весь міръ, я заставилъ монополистовъ, осаждающихъ правительство, подозревать, не говорилъ ли я этого на основаніи знанія о существованіи какого-нибудь обширнаго заговора. Это комическое опасеніе было испрой, упавшей въ порошокъ. Я отвѣчалъ, что со-

жалѣю, что не упомянулъ, что и министры и кодексъ — одного мнѣнія со мною. Наконецъ, все успокоилось, г. Бланки объявилъ, что я могу быть подсуденъ только академіи нравственныхъ и политическихъ наукъ, и что, хотя онъ лично не раздѣляетъ моего метода оцѣнки явленій, что онъ первый опровергнулъ меня, прежде еще, чѣмъ министръ узналъ о существованіи моей брошюры; онъ, еслибы противъ меня былъ объявленъ процессъ, самъ взялся бы быть моимъ защитникомъ передъ ассизами. Потому онъ объяснилъ, что я совсѣмъ не то, за что меня можно принять и т. д.

Посылаю вамъ экземпляръ двухъ моихъ записокъ въ г. Дюшателью, министру внутреннихъ дѣлъ, вмѣстѣ съ копіею письма, которыми онъ, надѣясь, будетъ удовлетворенъ. Я меньше всего расположенъ молчать о чемъ бы то ни было, что мнѣ покажется истиной; но я хотѣлъ бы, чтобы правительство меня узнало и оставило въ покоѣ.

Книгу о криминальной юриспруденціи для сенскаго администратора я кончу въ этомъ году, и тогда снова примусь за свои записки. Успѣхъ моихъ публикацій хотя и не блестящъ, но таковъ, каково я былъ въ правѣ ожидать. Чуждый прессѣ и литературнымъ и политическимъ котеріямъ, безъ поклонниковъ, поощрителей, друзей и рекламъ, я начинаю мало-по-малу приобрѣтать извѣстность. Брошюры мои покупаются, и мой издатель-книгопродавецъ, кажется, на меня не сѣтуетъ. Наконецъ, правительство дѣлаетъ мнѣ честь, смотрѣть на меня, какъ на одного изъ самыхъ страшныхъ его враговъ — въ чемъ оно положительно ошибается. Народъ смотритъ на меня болѣе недоброжелательно, чѣмъ сочувственно, мелкіе журналы мастеровскихъ на меня косятся, коммунисты считаютъ, что я уже слишкомъ учувствую ихъ, и готовы смотрѣть на меня какъ на представителя особаго рода умственного *аристократизма*: всѣ пользуются моими идеями, забывая меня поблагодарить за нихъ, а такъ-какъ я никогда не добивался *популярности*, то я смѣюсь надъ прохвѣлками коноводовъ различныхъ партій, и не обращаю на нихъ вниманія, чувствую себя очень хорошо.

Мнѣ сдѣлали уже нѣсколько предложеній о сотрудничествѣ въ различныхъ обзорніяхъ. Принятіе этихъ предложеній я откладываю до послѣдней возможности. Такимъ образомъ, г. секретарь, вы видите, мои опыты уже сдѣлали то, что меня ищутъ, а начатая мною работа обеспечиваетъ за мною возможность еще долго существовать литературнымъ трудомъ, пока я не устроюсь какъ-нибудь иначе.

Я попрошу васъ засвидѣтельствовать мое почтеніе гг. Вейссу, Віансену, Перрону, Тремольтеру и др., всѣмъ, однимъ словомъ, кто ко мнѣ расположенъ. Мнѣ очень грустно, что приходится отдѣлять академиковъ отъ академіи, но положеніе, въ которое меня поставили, вынуждаетъ меня дѣлать это. Я не умѣю ни быть неблагодарнымъ относительно личностей, ни удовлетво-

рится официальной стороной образа дѣйствій вашего общества. Я помнюсь съ академіей, когда самъ буду принадлежать къ академіи.

Останусь съ обычными чувствами любви и благодарности къ вамъ, вашъ преданный ученикъ

. Ж. Прудонъ.

Этимъ оканчивается переписка, обнародованная г. Куртомъ. Такъ-какъ ми не поставили себѣ никакой другой задачи, кромѣ ознакомленія съ нею публики, и воздерживались по возможности отъ всякихъ личныхъ объ ней сужденій, то могли бы на этомъ и кончить, засвидѣтельствовавъ только благодарность г. Курту за придавіе гласности этой глубоко интересной переписки. Но оканчивая нашу работу, мы не могли не остановиться на одномъ подстрочномъ замѣчаніи Курта къ послѣднему письму, относящемуся къ жалобѣ Прудона, на рабствѣ, въ которомъ держала его академія. Вотъ это примѣчаніе: «Надо быть справедливымъ, жалобы Прудона относятся къ бѣдствіямъ химерическимъ. Онъ самъ добивался преміи Сюрарда, и могъ знать заранѣе, на что онъ шелъ. И посмотрите, на какое рабство онъ жалуетса! Пользоваться пенсією въ 1,500 франковъ, свободно заниматься и работать, безо всякихъ другихъ обязательствъ, кромѣ представленія время отъ времени отчета своему тотору и академіи о направленіи и результатахъ своихъ занятій и проектовъ о своихъ публикаціяхъ!» Замѣчаніе это весьма характеристично. Къ такому заключенію, какъ г. Куртъ, могутъ придти и весьма многія лица, которыя прочитають эту переписку. Правда, что Прудонъ въ три года получилъ отъ академіи, на наши деньги, около тысячи ста-двадцати рублей; но даже оставляя въ сторонѣ всякій вопросъ: правъ ли виновать былъ онъ во всѣхъ бѣдствіяхъ, которыя пришлось ему за это испытывать, оставляя въ сторонѣ всю пользу, какую онъ принесъ въ области мысли своими изслѣдованіями, за это время, неужели небольшая сумма денегъ, полученныхъ Прудономъ, можетъ искупить хотя ничтожную часть той душевной борьбы и муки, какія вынесъ онъ за эти три года времени, что такъ ясно видно изъ его писемъ. Какъ, въ большей части случаевъ, бывають мелкія и жалкія сужденія людей, и на какую узкую мѣрку сводятся почти всегда мнѣнія ихъ даже о такихъ личностяхъ, какихъ во всѣхъ сферахъ человѣческой дѣятельности не насчиташь и десятка въ цѣлыхъ поколѣніяхъ!

Н. Квинъ.

ПЕТЕРБУРГСКИЕ ТЕАТРЫ.

МУЗЫКАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Не совсѣмъ приличное, но довольно вѣрное сравненіе. — Подраздѣленіе музыки на грѣшную или солидную, на столовую и шипучую. — Kladeradatch, положенный на музыку. — Классическіе. — Характеристика трехъ прекрасныхъ Еленъ: французской, нѣмецкой и русской. — Смерть Россіи. — Краткій біографическій очеркъ знаменитаго маэстро. — Полный списокъ его произведеній. — Новый способъ ученія. — Маріе и римскій Коллизеумъ. — Нѣсколько словъ о г-жѣ Фриччи, Вольфини и Требелли. — Г. Стеллеръ. — Списокъ исполненныхъ оперъ съ начала итальянскаго сезона.

Виноградныя вина подраздѣляются на три главныя категории: 1) *криткія* — изобилующія алкоголемъ и удобоваримыя для людей, усвоившихъ себѣ ихъ употребленіе; 2) *столовыя*, отличающіяся своеобразнымъ букетомъ, способствующія пищеваренію и слегка ускоряющія кровообращеніе, и 3) *шипучія*, въ которыхъ игривость возбуждается менѣе или болѣе искусственными средствами. Характеристика эта, выписанная изъ трактата о винодѣліи, подходит какъ нельзя болѣе къ тремъ главнымъ подраздѣленіямъ музыкальныхъ школъ или, вѣрнѣе сказать, трехъ извѣстнѣйшихъ жанровъ или стилей: нѣмецкой, итальянской и такъ-называемой французской легкой или игривой музыки.

Нѣмецкая, по *крѣпости* своей, удобоварима только для людей, усвоившихъ себѣ ея употребленіе. *Демонстрировать* ее (т.-е. одѣлывать достоинство по одному приему) можетъ только человѣкъ привычный; на новичковъ же она дѣйствуетъ тяжело. Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что названіе нѣмецкой музыки опредѣляется не національностью композитора, а самимъ характеромъ музыки. Такъ напримѣръ, никакъ нельзя причислить къ категоріи чисто нѣмецкой музыки «Донъ-Жуана» Моцарта, «Гугенотовъ» и «Роберта» Мейербера и пр. и пр. *

Итальянская музыка, за небольшими исключеніями, подходит подъ вторую категорію. Она «веселитъ сердце человѣка», способствуетъ пищеваренію, слегка ускоряетъ кровообращеніе и вообще ублажаетъ чувства. Только люди угрюмаго характера, съ сурово-педантическимъ складомъ ума, не подчиняются ея влиянію; большинство же смертныхъ, менѣе или болѣе довольныхъ

* Изъ чистокровныхъ нѣмецкихъ оперъ у насъ исполнялись въ последнее десятилѣтіе двѣ: «Фиделіо» Бетгоvena и «Лоэнгринъ» Вагнера; Фрейнцихъ же Вебера, несмотря на вполне нѣмецкое происхожденіе, особая статья.

жизнью, выходить изъ представленія итальянской оперы съ улыбающимся лицомъ, легкою и свободною походкою, насвистывая или напѣвая слышанныя мелодіи.

Къ третьей категоріи, т.-е. къ категоріи *шутчицъ*, можно отнести игривую музыку Оффенбаха и его немногочисленныхъ послѣдователей. Дѣйствительно, музыка офенбаховскаго пошиба дѣйствуетъ какъ бутылка шампанскаго, выпитая залпомъ. Кровь флокочетъ, глаза искрятся, одобрительная улыбка превращается въ громкій смѣхъ. Вотъ точное изображеніе большинства зрителей во время представленія забористой опереты Оффенбаха.

Откровенно сознаемся, что дерзкая параллель, проведенная между произведеніями винодѣлія, и произведеніями искусства — смѣла до неприличія; но какъ же бытъ! Нельзя же говорить съ педантической важностью о музыкѣ, когда толпы жадно стремятся въ переводную «Бѣлую Алену», какъ выражаются гостинодворцы Перинной линіи. Мало было нашей публикѣ французской «Belle-Hélène» и нѣмецкой «Shöne-Helena», ей понадобилась еще и русская Алена! Чтò же привлекаетъ ее на это зрѣлище? Вѣдь не остроты на французскій манеръ, отпускаемыя порусски? и не особенно художественное исполненіе? Нѣтъ! Толпы привлекаются въ Александринскій театръ—музыкальнымъ *шампанскимъ*, которое пѣвится, искрится и играетъ съ помощью искусно придуманныхъ побочныхъ средствъ и именно: выставки бѣлыхъ плечъ, страстныхъ взоровъ, возбудительныхъ тѣлодвиженій съ примѣсью двусмысленныхъ и смѣхотворныхъ рѣчей. Публикѣ нѣтъ дѣла, что опереты Оффенбаха не что иное, какъ «Kladderadatsch», положенный на музыку; что въ нихъ разлита ѣдкая сатира и на классицизмъ, и на современные нравы, и на современныя воззрѣнія на искусство. Публика любитъ бѣлыми плечами, слушаетъ игривыя мелодіи, заливается смѣхомъ и, отдыхая отъ тревожной суровой жизни, забываетъ невзгоды міра сего. Многие порицаютъ реальное направленіе нашего вѣка. Но реализмъ реализму рознь. Про Оффенбаха положительно можно сказать, что если онъ и реалистъ, то реалистъ веселый, и если онъ подчасъ бичуетъ ближняго, то не прочь и протянуть ему дружескую руку. Другими словами: Оффенбахъ *реалистъ* добровачественный и *сатирикъ* неугрюмый — вотъ и весь секретъ громаднаго его успѣха. Говорятъ, что *московскіе* классики готовятъ «громы и молніи», за постановку «Прекрасной Елены» на Александринскомъ театрѣ. Ихъ возмущаетъ посягновеніе на славу древнихъ Агамемноновъ, Менелавъ, Ахилловъ и пр. Они скорбятъ о могущемъ воспослѣдовать отъ сего растлѣніи нравовъ нашихъ гостинодворцевъ, и указываютъ на успѣхъ, которымъ пользуется оперета Оффенбаха на русской сценѣ какъ на «горестное знаменіе времени сего». Да успокоятся почтенные московскіе классики! Публика, посѣщающая верхи Александринки, не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о классицизмѣ, и нисколько не интересуется Агамемнонами, Ахиллами и другими героями древности, которые, слѣдовательно, могутъ

наиканировать сколько душъ угодно, не посягая на достоинство дѣйствительныхъ классическихъ героевъ. Что же касается собственно до нравственности, то хотя сцена свидѣнія (между прекрасною Еленою и Парисомъ) дѣйствительно весьма сомнительна, но вѣдь не институтамъ же ее показывать.

Не слѣдуетъ смѣшивать греческой принцессы Елены, содѣлавшейся причиною паденія Трои — съ офенбаховскою прекрасною Еленою. Мисологическая Елена хотя и была довольно шаловлива, вѣроятно по случаю ненормальнаго своего происхожденія, но она, все-таки, сохраняла, помимо природной красоты, внушающій видъ, подобающій кровной принцессѣ. Офенбахъ пожелалъ изобразить (вѣроятно съ сатирическою цѣлью), и дѣйствительно изобразилъ современную... какъ бы это сказать? — современную *кокетку*. Впрочемъ, онъ мѣтилъ, конечно, на изображеніе только парижской кокетки — а вышло иначе! Громадный успѣхъ «Прекрасной Елены» на парижской сценѣ послужилъ поводомъ къ переводу этого *классическаго* произведенія на всевозможные языки. Во всѣхъ цивилизованныхъ, а можетъ и нецивилизованныхъ странахъ, представляютъ нинѣ офенбаховскую Елену на туземномъ нарѣчій, и такъ-какъ каждая національность налагаетъ собственную печать на роль прекрасной Елены, то должно надѣяться, что вскорѣ вполне выработается интересный типъ *всѣмировой кокетки*. Въ подтвержденіе этого предположенія, укажемъ на нашихъ исполнительницъ.

У насъ есть французская, нѣмецкая и русская Елена. Мы назвали различныя національности въ хронологическомъ порядкѣ, по мѣрѣ появленія ихъ на нашей сценѣ. Прежде всѣхъ появилась французская Елена, г-жа Деверія; потомъ нѣмецкая — г-жа Шербартъ-Флисъ и, наконецъ, русская — г-жа Лядова.

Г-жа Деверія изобразила съ замѣчательною точностью веселыхъ обитательницъ извѣстныхъ парижскихъ кварталовъ Breda, Notre Dame de Lorette и пр. и пр. Истинный парижанинъ узнаетъ съ перваго взгляда чистокровную парижскую лоретку, будь она украшена съ ногъ до головы кружевами и бархатомъ. Для того, чтобы отличить лоретку, парижанину достаточно: поворота головы, малѣйшаго тѣлодвиженія, одного звука голоса. Стоитъ женщинѣ перейти улицу съ одного тротуара на другой, и опытный парижанинъ, единственно по способу поднятія платья, по способу выставленія напоказъ лодки обутой ножки, по движенію плечъ и прочихъ частей тѣла, безошибочно отличить лоретку, или кокетку, отъ обыкновенной смертной. Вотъ что г-жа Деверія поняла отлично, и выразила какъ нельзя отчетливѣе. Парижская кокетка всегда вся на лицо, и такъ-какъ ей очень хорошо извѣстно, «что шила въ мѣшкѣ не утаишь», то она равно остается вѣрна своему призванію, какъ съ глазу на глазъ, такъ и при людяхъ. Вотъ почему г-жа Деверія и не церемонится; ей нѣтъ до того дѣла, что на нее смотритъ Кальвасъ и толпа народа при первой ея встрѣчѣ съ Парисомъ.

Видъ прекраснаго юноши возбудилъ въ ней внезапно страстный порывъ; она выражаетъ свои чувства эксцентрическимъ, своеобразнымъ движеніемъ кочки, не стѣсняясь посторонними взорами, какъ бы она это сдѣлала глазъ на глазъ съ счастливецемъ, возбудившимъ ея порывъ. При исполненіи г-жею Деверіемъ, вся роль Елены проникнута этою беззащитчивостью, свойственною чистокровнои парижской кочкѣ.

Г-жа Шербартъ-Финсъ повела дѣло нѣсколько иначе. При первомъ появленіи на сцену, она усвоила прекрасной Еленѣ внушительный видъ, приписываемый ей мнѣологическими сказаніями. Она и ходить и глядитъ и выражается величаво. При постороннихъ свидѣтеляхъ она держитъ себя если и не совсѣмъ скромно, то довольно сдержанно; но глазъ на глазъ съ Парисомъ она уже дѣйствуетъ на чистоту. Въ извѣстной сценѣ свидѣнія, уступая просьбамъ любовнательности Париса, желающаго учинить надлежащее сравненіе между красотой Елены и Венеры, которую онъ видѣлъ, какъ гласитъ преданіе, *очень мало* прикрывающаго, г-жа Деверія спускаетъ съ обнаженныхъ плечъ прикрывающую ихъ мантию—и только. Нѣмецкая Елена поступаетъ иначе. На ней нѣтъ мантии, а потому она растегиваетъ корсажъ, снимаетъ верхнее одѣяніе и остается при одномъ поясѣ и шлейфѣ...

Посмотримъ теперь, какъ поняла и изобразила эту роль русская Елена. Собственно говоря, типъ русской кочки еще не выработался, чему причиною сильная конкуренція на этомъ поприщѣ иностранокъ и предпочтительно французенокъ и нѣмокъ. Вслѣдствіе этого г-жа Лядова возымѣла мысль прибѣгнуть къ *эксцентризму*, позанимствовавъ изъ той и изъ другой національностей, преобладающихъ въ петербургскомъ *кокотизмѣ*, отличительныя, яркія черты. Такъ, наприимѣръ, у нѣмокъ она позанимствовала нѣкоторую сдержанность и величавость въ приемахъ при постороннихъ свидѣтеляхъ и совершенный «laissez-aller» съ глазу на глазъ; а у французенокъ непритворную веселость и граціозность тѣлодвиженій.

Достоинно замѣчанія, что тамъ, гдѣ у г-жи Деверіи проглядываетъ удалство, тамъ у г-жи Лядовой замѣтна какъ бы нѣкоторая нѣжная истома. Тѣ изъ тѣлодвиженій, очерчивающія легкой канканчикъ, котораго г-жа Деверія смѣло выставляетъ на показъ, г-жа Лядова штрихуетъ какъ бы урядвою.

Все это тонкія черты, заставляющія предполагать, что г-жа Лядова не рабски подражаетъ своимъ предшественницамъ въ роли прекрасной Елены, а воспроизводитъ типъ собственной работы.

Вотъ въ нѣсколькихъ словахъ краткая характеристика всѣхъ нашихъ прекрасныхъ Еленъ:

Г-жа Деверія отличается пластическою красотой, развязностью тѣлодвиженій и вѣрнымъ воспроизведеніемъ извѣстнаго парижскаго типа. Голосомъ она похвастать не можетъ. Онъ и не

звучень, и не совсѣмъ пріятнаго тѣмбра, и притомъ нѣсколько не выработанъ. Впрочемъ, г-жа Деверія не детонируетъ и произноситъ весьма *никакнмо* нѣкоторые пассажи *никакнмой* своей роли.

Г-жа Шербартъ-Флисъ наружности внушительной; но для подобной роли она нѣсколько тяжеловѣсна. Голосъ у нея пространнѣй, звучнѣй и хорошо выработанный, что подаетъ ей, между прочимъ, поводъ къ несовсѣмъ удобному нововведенію, и именно: вмѣсто игривой и весьма удачной пѣсенки въ третьемъ дѣйствіи, въ которой офенбаховская Елена уговариваетъ Менелая не принимать къ сердцу *стювидніе*, г-жа Шербартъ-Флисъ вставляетъ большую арію, не знаемъ въ точности, чьего сочиненія, но съ речитативомъ, съ длиннымъ анданте и съ кабалетю. Это уже совершенно излишнее усердіе.

Г-жа Лядова уступаетъ г-жѣ Деверіи и ростомъ, и красотою, но за то отличается особенною миловидностью и граціозностью. Каждое ея движеніе отличается тою изящною закругленностью, которая пріобрѣтается только продолжительными хореграфическими упражненіями; и не мудрено, потому что, какъ извѣстно, г-жа Лядова была до сего времени въ числѣ наилучшихъ нашихъ балетныхъ солистовъ.

Голосъ г-жи Лядовой не отличается звучностью, но онъ довольно пріятнаго тѣмбра и вѣрной интонаціи; притомъ, она произноситъ ясно и отчетливо; у нея слышно каждое слово, а для офенбаховыхъ оперетъ это необходимое условіе.

• Должно, однако, сказать, что въ общемъ составѣ, по вокальной части, первенство въ оперетѣ Офенбаха принадлежитъ нѣмецкой нашей труппѣ.

Нѣмцы *поютъ*, французы *притѣвають*, а русскіе (за исключеніемъ г-жи Лядовой и отчасти г. Сазонова, обладающаго подобіемъ голоса), всѣ прочіе просто *разъговариваютъ* подъ шумокъ оркестра. Тѣмъ не менѣе, «Прекрасная Елена» исполняется на русской сценѣ дружно и увлекательно весело.

Г. Озеровъ (въ роли Калваса) немного пересолилъ; но такъ-какъ комизмъ его, хотя нѣсколько и преувеличенный, оживляетъ сцену, то это не только не портитъ дѣла, но придаетъ еще болѣе веселости игривой опереткѣ.

Ахилъ (г. Монаховъ) ни дать, ни взять полковникъ Счалозубъ, облеченный въ доспѣхи греческаго героя. Пружиноподобная его походка, прикладываніе руки къ шлему, на манеръ современныхъ городовыхъ, нафабранные черные усы при рыжеватыхъ волосахъ, и отрывистыя запальчивыя рѣчи, — все это очень комично.

Братья Аяксы (гг. Алексѣевъ и Стрекаловъ) представляютъ двухъ близнецовъ, похожихъ другъ на друга до невѣроятія; почти невозможно ихъ отличить. Тотъ же ростъ, та же походка, та же интонація голоса, какъ у одного, такъ и у другаго.

Агамемнонъ (г. Васильевъ 1-й) сбивается, признаться сказать,

не то на Битяговскаго (въ трагедіи гр. Толстаго), не то на гостинодворца изъ Ножевой линіи. Справедливость требуетъ сказать, что французскій Агамемнонъ (г. Люге) несравненно удовлетворительнѣе.

Миловидная г-жа Делева, въ роли палуна Ореста, представляетъ совершеннѣйшій типъ парижскаго уличнаго мальчишка (*un gamin de Paris*). Неупитворная веселость, игривость такъ и искрятся въ каждомъ ея движеніи; но, въ сожалѣнію, голосомъ у нея сильно подгуляло. Она не только что поетъ, но и говоритъ на подобіе хорошенькихъ зеленыхъ попугайчиковъ, про которыхъ такъ и хочется сказать:

«Mon Dieu! mon Dieu! si son ramage
Ressembloit à son plumage!

Внѣшняя обстановка «Прекрасной Елены», т.-е. костюмы, декорации и пр. на Александринскомъ театрѣ вовсе не хуже, чѣмъ на Михайловскомъ.

Современное наше музыкальное обозрѣніе прерывается на время погребальнымъ набатомъ. 13-го ноября нов. ст. 1868 г., въ одиннадцать съ половиною часовъ вечера, величайшій изъ мелодистовъ XIX столѣтія, великій Россіи испустилъ духъ въ загородной своей виллѣ въ Пасси. Дژیокомо Россіни родился въ павскихъ владѣніяхъ 29-го февраля 1792 года, слѣдовательно онъ скончался на 76 году блистательной своей жизни.

Россіни написалъ, кромѣ другаго рода сочиненій, 38 оперъ въ теченіе 19-ти лѣтъ, съ 1810 по 1829 годъ. Первая опера «*La Cambiale di Matrimonio*» появилась въ 1800 году, а послѣдняя «*Guillaume Tell*» въ 1829 г. *). Съ тѣхъ поръ Россіни замолкъ, и на 37 году своей жизни, въ полномъ развитіи могучаго, необычнаго дарованія, отказался на-вѣки отъ лирической сцены. Что могло побудить его на это упорное молчаніе, — остается неразгаданною тайною. Много было на этотъ счетъ предположеній, но всѣ они менѣе или болѣе несостоятельны. Говорили, что Россіни замолкъ, не желая соперничать съ Мейерберомъ, опера котораго «*Robert le Diable*» пользовалась громаднымъ успѣхомъ; но для дарованія рессиниевскаго зачала, подобное обстоятельство могло лишь послужить къ современію.

Говорили также, что Россіни остался недоволенъ приѣмомъ, сдѣланнымъ парижанами послѣднему лирическому его произведенію, почитаемому имъ, по справедливости, наилучшимъ, или, по крайней мѣрѣ, наиболѣе подходящимъ къ идеалу лирической драмы. Но и это предположеніе намъ кажется несостоятельнымъ,

* Опера *Robert Bruce*, помѣченная 1846 годомъ, не самостоятельное произведеніе, а наборъ изъ прежнихъ сочиненій великаго маэстро, — сочиненій, или неизмѣненныхъ успѣха, или завалившихся въ портфель композитора.

потому, вопервыхъ, что «Вильгельмъ Телль» хотя и не былъ одъяненъ съ перваго раза парижскою публикою, но тѣмъ не менѣе имѣлъ значительный успѣхъ и выдвинулъ, между прочимъ, на первый планъ тогдашняго исполнителя партіи Арнольда, несчастнаго Нури, погибнувшаго впоследствии въ Неаполѣ въ припадкѣ уязвленнаго самолюбія⁴). Восторжъ, Россіи былъ человекъ обезпеченный въ отношеніи капризовъ публики. Въ 1816 году, по случаю постановки Сивильскаго Цирюльнига, онъ не рискнулъ занять обычное мѣсто въ оркестрѣ во время втораго представленія этой оперы, опасаясь свистковъ.

Разсказываютъ, что услыхавъ приближеніе толпы къ занимаемой имъ квартирѣ по окончаніи оперы, онъ такъ растерялся, что залѣзъ подъ кровать; но оказалось, къ счастью, что толпа собралась у дверей Россіи для того, чтобъ восторженно привѣтствовать, а не освящать счастливаго маэстро. Въ 1819 году онъ также послѣпно уѣхалъ изъ Неаполя послѣ оперы «La donna del lago», ошибанной въ первое представленіе. Извѣстно, что по объѣмъ операмъ своенравная публика измѣнила первоначальный свой приговоръ, и что Сивильскій Цирюльникъ и по сіе время, т.-е. по истеченіи 50 лѣтъ, пользуется еще постояннымъ и повсемѣстнымъ успѣхомъ.

Нельзя также допустить предположеніе, что Россіи замолокъ, какъ говорятъ нѣкоторые и въ томъ числѣ поклонники Вагнера, оттого будто бы, что пришелъ въ сознанію, что, создавая «Вильгельма-Телля», онъ не попалъ на истинную стезю.

Многое, конечно, въ «Вильгельмъ-Телль» не соответствуетъ современнымъ возрѣніямъ на лирическую драму, и современному развитію симфоническаго дѣла; но мѣстный (швейцарскій) колоритъ, разлитый въ этомъ произведеніи, твердое очертаніе музыкальными фразами характеровъ дѣйствующихъ лицъ и поразительные эффекты, извлекаемые изъ содѣйствія хоральныхъ массъ, останутся на вѣчное время образцовыми.

Не упорствуя Россіи въ своемъ преступномъ молчаніи въ теченіе сорока лѣтъ—и вопросъ объ истинномъ значеніи и направленіи лирической драмы былъ бы, можетъ быть, уже окончательно рѣшенъ въ настоящее время.

Въ прошломъ номерѣ «Отечественныхъ Записокъ», говоря о Вагнерѣ, мы выразили мысль, что при изслѣдованіи артистическаго развитія художника, весьма важно каждое обстоятельство, имѣвшее вліяніе на духовное его развитіе вообще: среда, въ которой родился человекъ, внѣшняя обстановка, занятія въ юности, люди, между которыхъ онъ вращался въ молодости, успѣхи или неудачи—все это кладетъ на художника особую, неизгладимую печать.

⁴ Нури, ошибанный неаполитанцами—не помню въ какой-то оперѣ—брошенъ изъ третьяго этажа и убитъ на мѣстѣ.

Въ одномъ изъ нашихъ періодическихъ изданій 1854 года, напечатана была статья подъ заглавіемъ «Нѣсколько словъ о Россіи, ея образѣ жизни и ея операхъ». Въ этой статьѣ сказано, между прочимъ, что мысли художника выражаются въ искусствахъ (помимо требованій данной эпохи) согласно личному ея направленію; одному доступны тихія и веселыя вдохновенія, другому мрачныя и энергическія порывы. Рафаэль, окруженный веселыми поклонниками, увѣчанный лаврами, предается свѣтлымъ вдохновеніямъ; кромѣ проказеннаго въ картинѣ «Преображенія Господня», врядъ ли когда либо ему приходило на мысль выразить человѣческія страданія. Микель-Анджело, чуждающійся людей, грустный, одинокій, всецѣло предается мрачнымъ впечатлѣніямъ, и большая часть произведеній его кисти и рѣзца наводитъ невольный ужасъ.

Вышеупомянутый очеркъ такъ давно написанъ, что онъ, конечно, изгладился изъ памяти читателей, но такъ-какъ онъ вполне соответствуетъ преслѣдуемой нами цѣли въ настоящемъ случаѣ, а именно: изобразить въ нѣсколькихъ чертахъ среду, въ которой родился, выросъ и образовался великій художникъ, оплакиваемый въ настоящія минуты всѣми любителями искусства, — то мы позволяемъ себѣ выписать слѣдующія строки:

«Небольшой, но довольно красивый городокъ Пезаро, находящійся въ Папскихъ владѣніяхъ, удачно пріютился между пригорками, покрытыми вѣчною зеленью и берегомъ Венеціанскаго залива. Съ одной стороны прозрачно-лазурныя воды залива, съ другой — прохладная тѣнь зеленыхъ рощей, на небѣ яркое солнце — вотъ мѣстоположеніе уютнаго городка Пезаро. Въ немъ немного найдется богатыхъ и роскошныхъ жилищъ, но зато маленькіе, скромные домики во множествѣ грѣются на солнцѣ, смотрятся въ прозрачныя воды или укрываются въ тѣни свѣжихъ дубравъ. Въ одномъ изъ этихъ домиковъ, въ концѣ прошлаго столѣтія, проживалъ кое-какъ Іосифъ Россіни (отецъ знаменитаго маэстро). Жилъ онъ бѣдно, но весело, не унывалъ, съ женою своею, прекрасною Анною Гвидорини.

«Іосифъ добываетъ насущный хлѣбъ, наигрывая, съ грѣхомъ пополамъ, на валторнѣ. Въ Пезаро не было постоянного театра, и Іосифъ расхаживалъ по сосѣднимъ ярмаркамъ Фермо, Форме и другихъ городковъ. 29-го февраля 1792 года Іосифъ возвратился домой пригѣваючи, съ валторной за спиной; подходит къ своему домику, онъ громко закричалъ: «Гей! Анна, чѣмъ же выходишь на встрѣчу?» Но Анна не показывалась. Сердце Іосифа бодренно бѣнуло; онъ поспѣшно отворилъ дверь хижины и, къ счастью, тотчасъ услышалъ довольно слабый, но, впрочемъ, веселый голосъ своей жены: «Не кричи, Іосифъ, говорила она: — Богъ далъ намъ сына!»

«Іосифъ, несмотря на предостереженіе, вскрикнулъ отъ радости, и для изъявленія своего удовольствія, провалторновалъ таскую замисловатую гамму, что окна задрожали.

«Анна заткнула себѣ уши, а новорожденный поморщился, и не заплакалъ: «Добрый знакъ, сказалъ Іосифъ, цалу сына:— изъ мальчугана выйдетъ прокъ!» На другой день новорожденного окрестили подъ именемъ Джюкамо, и для родителей жизнь пошла обычной чередой, т.-е. утромъ веселое, блѣдно-яркое солнце и *dolce far niente*; въ обѣдъ макаронны и каштаны десятка на два баюковъ (копеекъ), а вечеромъ Іосифъ прилежно разыгрывалъ на валторнѣ въ одномъ изъ театровъ ближайшихъ городковъ. Будущій великій маэстро, Джюкамо, валился на солнцѣ, слушалъ веселыя канцонеты своей матери, смотрѣлъ въ ея ясныя очи и росъ не по днямъ, а по часамъ».

Въ этомъ вступленіи отражается, какъ въ зеркалѣ, весь внутренний бытъ колыбели, Джюкамо Россини. Обстановка болѣе чѣмъ скромная, пища скудная, но приправленная беззаботнымъ веселіемъ; въ видѣ украшенія жизни: яркое солнце, тѣлсти роши и зеркальная поверхность залива. Въ утѣху души и сердца: кроткая, любящая мать и грубоватый, но добродушный отецъ. Въ подобной средѣ растетъ привольно; духъ не помрачается и физическія способности развиваются свободно.

Двѣнадцать лѣтъ Джюкамо былъ уже прекрасный, стройный мальчикъ, и обладалъ звонкимъ и вѣрнымъ голосомъ, но мушкетъ еще не учился. Въ концѣ 1804 года, Іосифъ Россини отдалъ его въ ученіе Анджело Тески. Не прошло полугода, и Джюкамо зарабатывалъ уже себѣ по нѣсколькѣ паоли въ день, распѣвая въ церквахъ прекраснымъ сопрано.

Въ 1807 году молодой Россини поступилъ въ болонскій лицей, подъ начало Станислава Маттеи, ученаго музыканта, достойнаго пресмника знаменитаго *Padre* Мартини.

Спустя ровно годъ послѣ вступленія Джюкамо въ лицей, Маттеи обратился къ своимъ ученикамъ съ слѣдующею рѣчью:

«Дѣти мои! въ теченіе годоваго курса мы изучили основныя правила нотации, пѣнія, гармоніи и частью инструментали; для того, чтобы съумѣть написать какую нибудь кантату или, пожалуй, даже оперу (это говорить, должно припомнить, контрапунктъ стариннаго итальянскаго покроя), этого достаточно. Но нынѣ мы входимъ въ настоящій музыкальный міръ, доступный только истиннымъ музыкантамъ... Звонкій голосъ Джюкамо прервалъ оратора: «Какъ это вы говорите, *padre*? Неужели достаточно того, чему мы выучились въ теченіе года, чтобы писать оперы?»

«Конечно, сынъ мой, отвѣчалъ съ важностью и достоинствомъ Маттеи:—но для хорошаго музыканта необходимо изученіе контрапункта двойнаго, тройнаго, четвернаго, иначе оиъ не въ состояніи будетъ писать ни фугъ, ни канонновъ, ни...»

«Да и Богъ съ ними! прервалъ опять Джюкамо:— я только и хочу писать оперы! За сими благодарю васъ, и честь нѣбѣ кланяться!»

Сказавъ это, Джоакомо перескочилъ черезъ три школьныя скамьи — и былъ таковъ!

Спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ этой выходки, шестнадцатилѣтній Россини написалъ какую-то симфонію, которую, вѣроятно, никто не слышалъ, и вслѣдъ затѣмъ кантату подъ названіемъ «Плачь гармоніи» (*il pianto d'armonia*).

По всѣмъ вѣроятіямъ, «плачь» былъ не очень-то «сплаксивый», судя по живости характера молодого композитора, и кантата имѣла, повидимому, нѣкоторыя достоинства, потому что, несмотря на происки Маттеи, весьма недовольнаго поступкомъ непокорнаго ученика, молодого Россини выбрали директоромъ (вѣроятно, капельмейстеромъ) музыкальнаго общества, называвшагося *Конкордія*.

Въ 1810 году Россини написалъ одноактную оперу «*La cambiale di Matrimonio*», въ 1811 «*l'Equivoco stravagante*», въ 1812 году (для Венеціи) «*l'inganno felice*». Въ послѣдней оперѣ проглядываетъ уже огромный талантъ Россини, и вскорѣ вся Италия наполнилась славомъ молодого (двадцатилѣтняго) маэстро.

Впрочемъ, должно сознаться, что обстоятельства много способствовали музыкальному владычеству Россини въ Италиі. Опасныхъ соперниковъ у него не было; Майера, несмотря на чрезвычайный успѣхъ его оперы «*Rosa Bianca e rosa rossa*», итальянцы немного чуждились, какъ нѣмца; Перъ съ 1806 г. жилъ въ Парижѣ; Паэзіелло былъ уже въ преклонныхъ годахъ и доживалъ свой вѣкъ.

Весьма понятно, что молодого, дѣятельнаго маэстро, для котораго сочинять безпрестанно составляло жизненную потребность, Италия (при временной скудости композиторовъ) привѣтствовала съ восторгомъ. Россини ласкали, любили, и какъ говорится, носили на рукахъ; жизнь его протекала въ пиршествахъ и въ веселыхъ, шумныхъ бесѣдахъ съ многочисленными поклонниками и друзьями.

Когда тутъ было изучать серьёзно музыку? Впрочемъ, кажется, Россини и не находилъ тогда въ томъ нужды, потому что, когда въ партіціяхъ его, которыя онъ большею частію писалъ окруженный пріателями, вкрадывались иногда запрещенныя (послѣдовательныя) квинты, неправильныя гармоническія резолюціи или слишкомъ рѣзкіе переходы, онъ отмѣчалъ подобныя обмолвки крестикомъ и писалъ въ выноскѣ: *Per somo piacere dei s-ri pedanti*, т.-е. для наибольшаго удовольствія гг. педантовъ, но обмолвокъ не исправлялъ.

Однакожь, гениальная организація Россини напутствовала его, вопреки разсѣянной его жизни, и, открывалъ ему, безъ труда и усидчиваго ученія, таинства искусства, прокладывала молодому маэстро новый путь.

Въ оперѣ *Тамкредъ* (Венеція, 1813 г.) самобитность Россини выказывается уже яркими красками. Прекрасныя речитативы, умѣстные ригурнали, измѣненныя формы аріи и дуэтыя, дока

звать уже гениальность композитора. *Tamcredi* произвелъ въ Венеціи неописанный восторгъ! Отъ знатнаго патриція до послѣдняго гондолиера всѣ пѣвали мелодіи новой оперы. Извѣстную арію «*Di tanti palpiti*» пѣли во всѣхъ палацахъ и на перекресткахъ.

Арія эта извѣстна была подъ страннымъ названіемъ: *aria dei risi*, т.-е. рисовою арією; потому что она была будто бы написана на скорую руку — пока кухарка Россини варила рисъ къ обѣду.

Извѣстно, что искусство пѣнія съ давнихъ временъ доведено уже было въ Италіи до совершенства; знаменитые пѣвцы XVII и XVIII столѣтій, какъ напримѣръ: Кифарелли, Фаринелли, Паксиоротти, Миррети и проч. самоуправствовали на театральныхъ подмосткахъ и при исполненіи оперъ тогдашнихъ композиторовъ вставляли произвольныя фіоритуръ, т.-е. такія замысловатыя завитушки, что и до смысла добраться трудно было. Писаннаго въ этомъ отношеніи почти ничего не существовало, и искусство пѣнія передавалось по преданіямъ и, такъ сказать, нусуто.

Однако, въ началѣ XIX столѣтія въ Италіи образовалось уже множество консерваторій, въ которыхъ принялся основательно преподавать искусство пѣнія. Пѣвцу недостаточно было знать интервалы, и умѣть въ извѣстныхъ предѣлахъ плавно, протяжно и вѣрно вытягивать данную ноту; отъ него требовали быструю восходящую и нисходящую гаммы, группетто, морденто и даже трель. Трудные крещентіевскіе солфежи показались въ свѣтъ, и доказали, до какой неимоверной гибкости можно довести человѣческую голосъ, посредствомъ систематическихъ упражненій. Россини пришло въ мысль, дабы укротить своеволие пѣвцовъ, перенести въ самый текстъ оперъ школьныя фіоритуръ.

Сначала онъ употребилъ фіоритуръ только какъ украшенія или легкіе арабески, при окончаніи музыкальныхъ фразъ; но увлекаясь успѣхомъ, Россини ввелъ также рюлады и фіоритуръ въ самый составъ мелодій, что впоследствии подало поводъ къ значительнымъ драматическимъ несообразностямъ.

Мысль положить предѣлъ своеволю пѣвцовъ пришла Россини по слѣдующему поводу.

Присутствуя въ 1814 году при первой репетиціи своей оперы *Agliano in Palmira*, онъ приведенъ былъ въ восторгъ пѣвціемъ Велути (знаменитый вострачь-сопрано). На второй репетиціи, Россини съ ретерпѣніемъ ожидалъ понравившихся ему украшеній, но они были замѣнены другими. На третьей репетиціи Велути заливался такими неслыханными рюладами, трелями, исполнялъ такія неожиданныя фіоритуръ, что Россини уже не узнавалъ собственной своей музыки. По окончаніи репетиціи, озадаченный маэстро подошелъ къ знаменитому пѣвцу:

«Вы поете отлично, *illustrissimo*, робко замѣтилъ Россини:

но нельзя ли васъ попросить пѣть музыку моего сочиненія, а не собственныя ваши импровизаціи?»

Велути посмотрѣлъ на молодого маэстро свисока, потрепалъ его по щекамъ, пожалъ плечами и не удостоилъ отвѣтомъ.

Огорченный маэстро задумался: «хорошо, если всегда будутъ попадаться такіе пѣвцы, какъ Велути, размышлялъ онъ про себя: а какъ попадешь на бездарнаго артиста, который Богъ-знаетъ что наставитъ въ оперу — что тогда будетъ съ произведеніемъ композитора?»

Съ тѣхъ поръ Россіини, слава котораго росла ежедневно, сталъ писать фермаги со всѣми руладами и пассажами, и требовалъ отъ пѣвцовъ, чтобы они исполнили партіи совершенно такъ, какъ онѣ написаны. Выше сказано, что и самъ маэстро увлекся впоследствии за предѣлы *фигуратства*.

Послѣ Танкреди до Моисея, т.-е. съ 1813 по 1818 г., Россіини написалъ четырнадцать оперъ, въ числѣ которыхъ наиболѣе замѣчательныя: «Итальянка въ Алжирѣ» (1813), «Турокъ въ Италіи» (1814) и «Севильскій Цирюльничъ» (1816); всѣ эти три оперы — комическія; Отелло (1816), *opera seria*; Ченерентола (1817), и «Сорока-Воровка» (1817). Послѣднія двѣ оперы *esemi-seria*.

Чтобы вполнѣ характеризовать Россіиневскую эпоху съ 1810 по 1818 г., приведемъ здѣсь собственныя слова знаменитаго маэстро.

«Меня укоряютъ господа педанты (*rigoristi*, какъ выражается Россіини) за то, что въ моихъ партіицахъ проскакиваютъ орфографическія ошибки; оно не безъ того, но можетъ ли быть иначе при моемъ образѣ жизни? Посудите сами! — Я странствую изъ одного города въ другой и пишу всегда къ опредѣленному, извѣстному сроку. За шесть недѣль до начатія сезона, пріѣзжаю въ какой-нибудь городъ; въ день моего пріѣзда окружаютъ меня поклонники (*amiratori e diletanti furiosi*), начинаются серенады, пиры, ужины — все это въ честь мнѣ! Это продолжается, по крайней-мѣрѣ, десять дней. Признаться сказать, я и самъ не прочь повеселиться, да когда же и веселиться, какъ не въ мои лѣта и при моихъ успѣхахъ (*successi in ogni genere*, т.-е. при успѣхахъ *различнаго рода*), прибавляетъ лукаво маэстро). Другіе десять дней проходятъ въ спорѣхъ съ *poeta* (сочинителемъ либретто), который пытается спустить подъ моиѣмъ флагомъ (*sotto la mia bandiera*) всякую возможную дребедень. Къ тому же необходимо ознакомиться со средствами пѣвцовъ. Часто случается, что у контральта недостаетъ нѣсколько низкихъ нотъ, у тенора верхнихъ, басъ хрипятъ, баритонъ кричитъ; все это надобно уладить, во всему приноровиться, а между тѣмъ время летитъ безъ пощады! Не успѣешь опомниться, какъ до перваго представленія остается какихъ-нибудь двѣ недѣли. Тутъ уже я принимаюсь серьезно за дѣло, пишу день и ночь, упорно отказываясь отъ званыхъ обѣдовъ и ужиновъ—

но отъ *мономимиковъ* отдѣлаться невозможно! Они наполняютъ мою комнату, суетятся, шумятъ вокругъ меня! Часто случалось, что я при вужденъ былъ скрываться отъ нашествия *сардаровъ* въ постели.

«Окончивъ дуэтъ или арію, отсылаю партіи къ копістамъ, которые выписываютъ партіи и отдають ихъ разучивать. Конечно, при такомъ способѣ сочиненія, не можетъ быть безъ грѣха, но я отвѣчаю за *вдохновение*, потому что чувствую, какъ оно *движется въ голову* (*come si muove nel cervello*)—а за ореографическія ошибки—слуга покорный!»

Какъ бы то ни было, но дѣйствительно, вся Италия сочувствовала вдохновеніямъ Россини, а ошибки его отмѣчались только въ консерваторіяхъ.

Однакоже, несмотря на вышеприведенный откровенный отзывъ самого Россини, несмотря на лихорадочную дѣятельность и разсѣянную жизнь, очевидно, что онъ не слишкомъ увлекался несмысланнымъ своимъ успѣхомъ—и продолжалъ—хотя урывками, изучать таинства музыкальнаго искусства.

Въ 1818 году Россини написалъ для театра Сантъ-Карло въ Неаполѣ оперу, подъ названіемъ «Моисей въ Египтѣ». Къ всеобщему удивленію *знатоковъ*—Россини предсталъ въ этой оперѣ въ новомъ блескѣ. Во многихъ мѣстахъ замѣтны контрапунктические намѣренія, оркестровка обработана тщательно, всѣ голосовыя партіи написаны правильно. Опера «Моисей» въ первое представленіе имѣла значительный успѣхъ, но, къ сожалѣнію, автору либретто пришло въ голову изобразить въ третьемъ актѣ переходъ черезъ Черное море—это вышло на сценѣ весьма неудачно и вызвало неудовольствіе публики. Авторъ либретто былъ въ отчаяніи. На слѣдующій сезонъ, поэтъ упросилъ Россини написать молитву во время перехода чрезъ море. Россини удовлетворилъ желанію автора. На другой день, въ третьемъ актѣ, въ публикѣ пробѣгалъ уже значительный говоръ, предвѣстникъ бури—какъ вдругъ Порта (исполнявшій роль Моисея) затягиваетъ звучнымъ своимъ голосомъ знаменитую молитву, «*Dal tuo stellato soglio*»; говоръ внезапно умолкаетъ и всѣ слушаютъ съ напряженнымъ вниманіемъ торжественные звуки молитвы. Минорный мотивъ переходитъ отъ одного дѣйствующаго лица къ другому, растетъ, развивается, крѣпнеть; наконецъ, народъ падаетъ на колѣни и мелодія разражается въ мажорномъ тонѣ съ новою силою. Публика такъ была поражена неожиданностью впечатлѣнія, что всѣ присутствующіе въ ложахъ и въ партерѣ встали съ своихъ мѣстъ, и привѣтствовали маэстро оглушительными восторженными вликами.

Съ 1818 по 1823 г. Россини написалъ десять оперъ, въ числѣ коихъ «Моисей», *Riccardo e Zoraide* (1818), *La donna del lago* (1819), *Mathilde de Schabran* (1821), *Зельмира* (1822) и *Семирамида* (1823).

La donna del lago не имѣла успѣха въ первое представленіе,

и такъ-какъ неаполитанцы звать большіе мастера, то Россини бѣжалъ изъ Санъ-Карло и уѣхалъ въ Миланъ. По дорогѣ маэстро, для шутки, распустилъ слухъ, что новая опера произвела фуроръ въ Неаполѣ. Каково было его удивленіе, когда, чрезъ нѣсколько времени, онъ узналъ, что первоначально ошikanная опера дѣйствительно пользуется огромнымъ успѣхомъ.

Во всѣхъ операхъ второй Россиніевской манеры (начиная съ Моисея) замѣтно стремленіе къ изображенію мѣстнаго колорита; оркестровка въ нихъ тщательнѣе обдѣлана, и гармонизація интереснѣе, чѣмъ въ первыхъ операхъ.

Въ 1825 году Россини былъ вызванъ въ Парижъ. Первая опера, написанная имъ для французскаго театра, «Осада Корниоа», отчасти переделана была изъ «Магомета II-го» (оперы второй эпохи). Опера *Графъ Ори* (1829 года) написана съ очевидною цѣлью поддѣлаться подъ манеру французской школы; тѣмъ не менѣе, самобытность Россини и тутъ проглядываетъ въ каждомъ звукѣ.

Наконецъ, въ 1829 году появилось самое замѣчательное — но, увы! послѣднее лирическое произведеніе Россини: *Вильгельмъ Телль!*

Съ тѣхъ поръ Россини пересталъ писать для сцены. Россини умелъ на тридцать-седьмомъ году отъ рожденія, во всей силѣ своего таланта, и никакія убѣжденія въ мірѣ, въ теченіе почти сорока лѣтъ, не могли поколебать упорнаго его молчанія.

Въ полномъ спискѣ Россиніевскихъ твореній значится еще девять сочиненій (всѣхъ 57 нумеровъ), но въ томъ числѣ заслуживаетъ только вниманія «*Stabat Mater*», написанный имъ въ 1842 году. Произведеніе это обошло въ кругъ свѣта, оно извѣстно всѣмъ любителямъ музыки, но далеко не соответствуетъ ни характеру избраннаго предмета, ни таланту Россини. Въ немъ слышится какъ бы отголосокъ его прежнихъ стремленій и оперный композиторъ заслоняетъ собою композитора духовной музыки.

Извѣстіе о кончинѣ Россини произвело весьма грустное впечатлѣніе на весь образованный міръ; но потеря величайшаго мелодиста текущаго столѣтія была бы, конечно, несравненно чувствительнѣе, еслибы онъ не покинулъ, въ цвѣтѣ лѣтъ и въ полномъ обладаніи таланта, владчества, завоеваннаго имъ на лирическомъ поприщѣ. Въ одной изъ безчисленныхъ статей, написанныхъ во французскихъ газетахъ по поводу горестной утраты, справедливо сказано, что Россини какъ лирической композиторъ скончался тому назадъ сорокъ лѣтъ — и что нимѣе совершенно только надъ нимъ печальный обрядъ погребенія.

Доясываясь причины упорнаго молчанія Россини, газета «*Figaro*» рассказываетъ между прочимъ слѣдующій анекдотъ:

«Однажды, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, говоритъ музыкальный хроникеръ «*Figaro*», Россини, разговаривая съ однимъ изъ своихъ близкихъ пріятелей, о причинахъ, заставившихъ его по-

кинуть лирическое поприще—вмѣсто обычныхъ шутокъ и пролическихъ отзвонъ о музыкальной своей несостоятельности, вдругъ принялъ серьезный тонъ, и подоба къ фортепиано, проигралъ секстетъ Донъ-Жуана.

«Какъ ты полагаешь, другъ мой, сказалъ онъ, окончивъ и обращаясь къ своему пріятелю:—послѣ этого, возможно ли писать нашему брату?»

Не подлежитъ, кажется, сомнѣнію, что рассказъ этотъ вымышленный, потому, воверныхъ, что Россіи уже давно зналъ наизусть всего Донъ-Жуана, что не помѣшало ему написать и «Семпранду» и «Вильгельма Телля», и въ вторыхъ, что указывая на подавляющее совершенство, онъ могъ бы выбрать изъ того же Донъ-Жуана болѣе драматическое мѣсто.

Въ той же статьѣ «Figaro» выражено нѣсколько мыслей, которыми нельзя не сочувствовать:

«Помимо увлеченій той или другой изъ существующихъ музыкальныхъ школъ, Россіи, говоритъ авторъ вышеупомянутой статьи, останется все-таки величайшимъ изъ музыкальныхъ представителей текущаго столѣтія. Пробитая имъ стезя ни въ закрыта; искусство музыки видимо поквнуло ни въ Италію и перешло въ Германію; пѣніе не составляетъ болѣе преобладающаго, исключительнаго элемента музыки; ни въ, если въ душѣ композитора не заключается зародышъ поэта, то композиторъ долженъ довольствоваться второстепеннымъ мѣстомъ.

«Но, если съ тѣхъ поръ, какъ Россіи замолокъ, искусство дѣйствительно приняло другое направленіе, то тѣмъ не менѣе великій артистъ, котораго мы оплакиваемъ, нисколько не утратилъ своего величія. Перевороты въ музыкѣ тѣмъ именно и отличаются отъ политическихъ переворотовъ, что они, создавая новыя царства, не разрушаютъ прежде существовавшихъ. Моцартъ не изгладилъ изъ памяти Гайдна, Бетговеиъ,—Моцарта, и Чимарова, оставленный позади твореніями Россіи, пребываетъ, однакожъ, на одинаковомъ съ нимъ уровнѣ».

Похороны Россіи, весьма скромные по внѣшней обстановкѣ, согласно послѣдней волѣ умершаго, превосходили, по словамъ парижскихъ газетъ, при громадномъ стеченіи народа. Музыка заукокойной обѣдин, составленная отчасти изъ произведеній Россіи, заимствованная изъ Моисея и Stabat-Mater, исполнена была оркестромъ большой парижской оперы и хористами какъ оперы, такъ и консерваторіи. Промежду солистовъ участвовали въ исполненіи: Альбони, Patti, Nielsöfn, Никольни, Тамбурины, и пр. и пр., однимъ словомъ, весь знаменитый составъ парижскихъ первоклассныхъ артистовъ. Всѣмъ дѣломъ заправлялъ престарѣлый Оберъ.

По случаю кончины Россіи, вышли, между прочимъ, наружу нѣкоторыя не совсѣмъ благовидныя черты парижскаго артистическаго міра. Такъ напримѣръ: М. Регинъ, директоръ большой парижской оперы, задросилъ, по словамъ «Figaro», 10,000 фран-

ковъ, за участіе въ погребальной церемоніи артистовъ оперы, потомъ спустилъ свои притязанія до 4,000, и кончилъ тѣмъ, что дозволялъ имъ пѣть и играть даромъ, опасаясь, вѣроятно, всеобщаго ропота.

Оказывается также, по словамъ «Siècle», что большая опера и итальянская не закрыли театровъ въ день смерти и въ день похоронъ Россіи потому, что имъ не было предложено надлежащаго вознагражденія, какъ это было сдѣлано вдовою Майербергера послѣ кончины знаменитаго ея мужа.

Для любознательныхъ прилагаемъ здѣсь полный списокъ твореній Россіи; обозначены курсивомъ тѣ изъ сочиненій, которыя пользовались наибольшимъ успѣхомъ.

- 1) Плачь гармонія, кантата 1804 г.
- 2) Симфонія для полнаго оркестра 1809 г.
- 3) Квартетъ для струнныхъ инструментовъ 1809 г.
- 4) *La cambiale di matrimonio*, опера 1810 г.
- 5) *L'Equivoquo Stravagante* 1811 г.
- 6) *Didona abbandonata*, кантата 1811 г.
- 7) *Dometrio e Polibio*, опера 1811 г.
- 8) *L'Inganno felice*, опера 1812 г.
- 9) *La scala di seta*, опера 1812 г.
- 10) *La pietre del paragone*, опера 1812 г.
- 11) *L'Occasione fa il ladro*, опера 1812 г.
- 12) *Il figlio per azzardo*, опера 1813 г.
- 13) *Tancredi*, опера 1813.
- 14) *L'Italiana in Algier* 1813.
- 15) *L'Aureliano in Palmira*, опера 1814.
- 16) *Egle ed Irene*, кантата 1814.
- 17) *Il turco in Italia*, опера 1814.
- 18) *Elisabetta*, опера 1815.
- 19) *Torvaldo e Doriisco*, опера 1816.
- 20) *Il Barbier di Seviglia*, опера 1816 г.
- 21) *La Gazette*, опера 1816.
- 22) *Othello*, опера 1816.
- 23) *Teti e Pelco*, кантата 1816.
- 24) *Cenerentola*, опера 1816.
- 25) *La Gassa ladra* (сорока-воровка) 1817.
- 26) *Armida*, опера 1817.
- 27) *Adelaida de Burgogne*, опера 1818.
- 28) *Mosè* (Моисей въ Египтѣ) 1818.
- 29) *Ricciardo e Zairaide* 1818.
- 30) *Ermione*, опера 1818 г.
- 31) *Edoardo e Cristina*, опера 1819.
- 32) *La Donna del lago* 1819
- 33) Кантата въ честь тезоименитства неаполитанскаго короля 1819 г.
- 34) *Bianca e Falliero*, опера 1820.
- 35) *Muometto II*, опера 1820.
- 36) Кантата, посвященная австрійскому императору 1820.
- 37) *Matilda di Shabran*, опера 1821.
- 38) *La riconoscenza*, кантата 1822.
- 39) *Zelmira*, опера 1822.
- 40) *Il vero omaggio*, кантата 1822.
- 41) *Semiramide*, опера 1823.
- 42) *Sigismundo*, опера 1823.
- 43) *Il viaggio a Reims*, опера 1825 г.
- 44) *Le Siege de Corinthe*, первая опера, написанная для Париза въ 1826 году.
- 45) *Moise*, переделанная опера для парижской сцены изъ итальянской *Mosé* 1821 г.
- 46) *Le Comte Ory*, опера 1823.
- 47) *Guillaume Tell* (Вильгельмъ Тель) 1829.
- 48) *Une messe* 1832.
- 49) *Les soirées musicales*, собраніе двѣнадцати нумеровъ для пѣнія 1840.
- 50) Четыре итальянскія ариетты 1841.
- 51) *Stabat mater* 1842 г.
- 52) *La Foi, l'Espérance et la Charité*, три хора 1843.
- 53) *Robert Bruce*, опера, набранная изъ прежнихъ сочиненій 1846.
- 54) Стансы Пію IX 1847.
- 55) Триумфальный маршъ, написанный для всемірной выставки 1867 г., и наконецъ
- 56) Месса для похоронъ г. Pillet-Wida.

Отдавъ должную дань памяти великаго маэстро, возвратимся къ современному обзрѣнію.

За искренность влеченія петербургской публики къ музыкальнымъ наслажденіямъ ручаться не станемъ; но не подлежитъ сомнѣнію, что въ настоящую минуту на нашей улицѣ (т.-е. на улицѣ музыкальныхъ обзрѣвателей) праздникъ. Все и вся стремится въ тѣ театры, въ которыхъ приманкою служить музыка, отъ *шпичей* до *крупчайшей*, т.-е. отъ «Прекрасной Елены» до «Донигрина» включительно*.

Почтовый С. Т. Аксаковъ написалъ цѣлую книгу объ уженин. Въ ней даровитый писатель исчислилъ всѣ извѣстныя въ его время способы для уженин мелкой рыбы: на червячка, на мушку, стоя, сидя, на ходу. Еслибъ почтенный С. Т. дожилъ до нашихъ временъ, то онъ могъ бы указать на новый способъ уженин, не только крупной рыбы, но и крупной петербургской публики. Способъ этотъ есть не что иное, какъ «вечеръ съ итальянцами», не тотъ фарсъ, который разыгрывается на Александринскомъ театрѣ, но заправскій вечеръ съ итальянцами, не безъ примѣси, впрочемъ, нѣмцевъ и другихъ инородцевъ. Всѣ четыре абонементна на итальянскую оперу переполнены донельзя; каждый понедѣльникъ и каждыя среду, пятницу и субботу публика вноситъ въ кассу послѣднюю лепту въ четыре тысячи рублей за удовольствіе послушать пріѣзжихъ пѣвцовъ. Въ концѣ сезона, привошенія эти должны составить въ общемъ итогъ до двухсотъ тысячъ рублей, или до восьмисотъ тысячъ франковъ! Цифра почтенная, заслуживающая полнаго уваженія и наводящая на мысль, что потребность въ итальянской оперѣ дѣйствительно ощущается въ массахъ петербургской публики. Что *боломондъ* нашъ стремится въ итальянскую оперу — это бы еще ничего не значило: подобное предпочтеніе легко объясняется моднымъ повѣтріемъ; но когда всѣ мѣста въ *парадизѣ* и другихъ високихъ, но далеко не укромныхъ мѣстахъ абонируются нарасхватъ, то этого никакъ уже нельзя объяснить повѣтріемъ моды. Оттуда «ни себя показать, ни на другихъ поглядѣть» нѣтъ никакой возможности. До этихъ мѣстностей долетаютъ только звуки, да и то въ преображенномъ, вѣроятно, видѣ, потому что оттуда раздаются иногда восторженные рукоплесканія въ тотъ самый моментъ, когда обитателей болѣе низменныхъ мѣстностей театра коробить отъ какаго-либо слишкомъ рѣзкаго звука.

Въ оперѣ разыгрывается во всемъ блескѣ общественная и даже салонная жизнь. За исключеніемъ 2-го абонемента (составъ котораго не такъ *блестящъ*, какъ прочіе), каждая ложа бельэтажа заключаетъ въ себѣ непременно одинъ или два цѣтика изъ петербургскаго *боломонта*, какъ аристократическаго, такъ и финансоваго. Сіятельные и превосходительные, какъ яркія поясъ изъ самоцвѣтовъ, блистательно окаявливаютъ весь рядъ бельэта-

* Впрочемъ, стремленіе къ «Донигрину» начинаетъ значительно ослабѣва

жа. Партеръ тоже переполненъ лицами высокаго полета. Не говоря уже о великосвѣтскихъ львахъ съ изящными проборами на головахъ и въ открытѣйшихъ жилетахъ, выставляющихъ напоказъ напоятчайшее бѣлье, партеръ кишитъ людьми сановными. Тогда какъ въ Александринскомъ театрѣ, въ дни обыкновенные, т.-е. въ дни, когда нѣтъ «Прекрасной Елены», зала украшается иногда однимъ или много двумя или тремя генералами, здѣсь на каждомъ шагу замѣтны превосходительные, какъ штатскіе, такъ и военные.

Сезонъ итальянской оперы начался въ текущемъ году 4-го ноября, но до 22-го ноября (въ день отправления обозрѣнія въ типографію) не появлялись еще на здѣшней сценѣ звѣзды первой величины, то-есть ни г-жа Лукки, ни г-жа Патти. Г-жа Лукка давно уже здѣсь, но она имѣла неосторожность простудиться и схватила нѣчто въ родѣ жабы, по счастью, однако, не злокачественной.

Въ ожиданіи появленія звѣздъ первой величины, что же привлекаетъ многочисленную толпу зрителей? Какъ что! во-первыхъ, обязательная подписка, то-есть абонементъ, а вторыхъ, величественныя развалины Рима или восьмое чудо міра сего — однимъ словомъ, полубезсмертный Маріо!

Двадцать лѣтъ тому назадъ Маріо привлекалъ: стройною фигурою, выразительнымъ, красивымъ лицомъ, осмысленною, хорошею игрою и звучнымъ, бархатнымъ тѣмбромъ голоса.

Нынѣ Маріо издали все тотъ же прежній стройный, ловкій, красивый мужчина. Костюмируется онъ съ отличнымъ вкусомъ, гримируется прекрасно, а играетъ еще съ бѣльшимъ, чѣмъ прежде, искусствомъ; но тѣмбръ его голоса совершенно измѣнился. Нельзя сказать, чтобы это былъ старческій голосъ, онъ не то что дребезжитъ, а имѣетъ какой-то птицеподобный звукъ. Пока не свыкнешься съ этимъ, вовсе нечеловѣческимъ звукомъ голоса, онъ вызываетъ невольную улыбку, но вслушавшись внимательно въ искусную, вполне прочувствованную и осмысленную фразировку, невольно увлекаешься и чувствуешь, что имѣешь предъ собою великаго артиста.

Въ среду 20-го ноября, при исполненіи въ «Трубадурѣ» аріи третьяго дѣйствія, Маріо увлекся, и говоря откровенно, просто-на-просто прокричалъ пѣтушкомъ. Въ публикѣ раздался хохотъ; страшно стало за маститаго артиста, но онъ нисколько не смутился и завершилъ арію такимъ энергическимъ жестомъ, что вся зала огласилась почти единодушными рукоплесканіями. По окончаніи 3-го дѣйствія, Маріо вызывался неоднократно и онъ, граціозно раскланиваясь, казалось, и не сѣтовалъ вовсе на публику за мнувшую вспышку хохота. Вотъ что значитъ быть восьмымъ чудомъ міра сего и обладать невозмутимымъ *аломбомъ* (arlbomb), какъ выражаются французы.

Въ тотъ же вечеръ несравненный Маріо преподнесъ публикѣ весьма тонкій и по правдѣ заслуженный урокъ.

У насъ, не знаемъ почему, принято вызывать артистовъ, не обращая никакого вниманія на драматическую ситуацію. Въ «Травиатѣ» пѣвица падаетъ въ изнеможеніи, а ее поднимаютъ на ноги за то, что она хорошо пропѣла романсъ *caddio del passato*. Цыганку въ «Трубадурѣ» уводятъ связанною и окруженною стражею — подавай ее одну! Подобнаго рода несообразность повторяется и въ 4-мъ дѣйствіи «Трубадура». Маріо сидитъ въ тюрьмѣ, за семью замками, его окружаетъ бдительная стража, но онъ пропѣлъ баръаролу, понравившуюся публикѣ, и она требуетъ появленія и, слѣдовательно, освобожденія заключеннаго. Г. Тамберлигъ повиновался этому требованію; на русской сценѣ г. Андреевъ тоже не дерзаетъ ослушаться; но г. Маріо поступилъ иначе. Онъ показался въ верхнемъ этажѣ башни — за рѣшеткою, какъ бы напоминая публикѣ, что она не властна выпустить его на свободу. Не знаемъ, повлила ли публика данный ей урокъ сценическаго прайчія, но не наставала, и теченіе драмы продолжалось надлежащимъ порядкомъ.

У Маріо есть восторженные поклонники и абсолютные порицатели. Справедливость требуетъ избрать благую средину.

Римскій Коллизеумъ, не взирая на поврежденія, причиненныя ему неумолимымъ временемъ, все-таки остается величавымъ заданіемъ! Относительно Маріо можно также сказать, что хотя неумолимое время и коснулось до него разрушающимъ врыломъ, но что пѣвецъ, сохранившій еще священный огонь, данный ему свыше, и обладающій неподобною дикцію и знолиѣ осмисленной, одушевленной игрою, имѣетъ еще право гражданства на первоклассныхъ сценахъ Европы.

Второю приманкою для публики служитъ пока г-жа Фриччи. Пѣвица эта одарена обширными средствами. Голосъ ея, значительнаго протяженія, силенъ и звученъ. Нижнія и среднія ея ноты пріятнаго тембра, но крайнія верхнія при сильномъ изложеніи весьма рѣзки. Г-жа Фриччи принадлежит также въ числу избранныхъ артистовъ, она не лишена того *священнаго огня*, который снисходитъ на немногихъ, но пѣніе ея не отличается широкою методою, или вѣрнѣе сказать, хорошимъ *стилемъ*. Безъ яснаго и отчетливаго произношенія и широкой, правильной дикціи, оперная пѣвица не можетъ достигнуть совершенства, а у г-жи Фриччи и произношеніе не ясно и дикція слаба. Отчасти это происходитъ, вѣроятно, оттого, что г-жа Фриччи, будучи нѣмецкаго происхожденія, поетъ на чуждомъ ей нарѣчій, а частью отъ самой методы пѣнія. Впрочемъ, игра г-жи Фриччи драматична и пѣвица эта производитъ удовлетворительное впечатлѣніе, когда она воздерживается отъ слишкомъ рѣзкихъ возгласовъ на верхнихъ нотахъ.

Г-жа Вольпини—миловидная испанка, одаренная пріятнымъ, гибкимъ голосомъ, отлично вокализирующая, но совершенно лишенная всякаго драматическаго чувства. Въ чемъ бы она ни появлялась: въ роли страстной Эльвиры (въ Донъ-Жуанѣ), или

чахоточной *Травиата*, она остается все та же милостивая исмайка, переливающая голосомъ, какъ перлами, и больше ничего.

Г-жа Требели поетъ отлично, но, къ сожалѣнію, сквозь зубы, отчего, конечно, страдаютъ и дичія и произношеніе.

У г-на Стеллера—голосъ свѣжій, звучный и пріятный, но у него недостаетъ того, чѣмъ обладаетъ Маріо— а именно, священнаго огня и хорошей дичіи.

Вотъ пока весь составъ артистовъ, привлекающихъ избранную нашу публику въ итальянскій театръ.

Въ заключеніе, представляемъ списокъ исполненныхъ оперъ съ начала сезона.

1) Жиденькая *Марта* (Флотова), слыханная нашею публикою болѣе ста разъ—и въ томъ числѣ разъ восемьдесятъ на русской сценѣ съ участіемъ г-на Сѣтова, подвизающагося нынѣ со славомъ на поприщѣ режиссѣра русской оперной труппы.

2) Почтенная *Норма* (Беллини), состарѣвшаяся не по годамъ, такъ-какъ ей не болѣе 37 лѣтъ отроду.

3) Вѣчно юный *Севильскій цирюльникъ* (Россини), но признаться сказать, набившій оскомину не хуже полевой земляники.

4) *Маскарадъ* (Верди), также давно всѣмъ извѣстный, и замѣчательный между прочимъ тѣмъ, что событіе, изображенное въ этой оперѣ, произвольно перенесено изъ Швеціи на берега Средиземнаго моря.

5) Чахоточная *Травиата* (Верди), наводящая уныніе госпитальною сценою въ третьемъ дѣйствіи, но по легкой мелодичности извѣстная навзусь всѣмъ чувствительнымъ любительницамъ пѣнія.

6) *Трубадуръ* (Верди)—нелѣпѣйшая опера по содержанію, но весьма любимая съ давнихъ временъ нашими дилетантами за эффектную сцену, извѣстную подъ названіемъ «*Miserere!*».

7) *Пуритане* (Беллини), о которыхъ покойный Россини сказалъ, что *круголовые*, изображенные въ этой оперѣ— выражаются какъ *написти*.

Вотъ пока весь репертуаръ итальянской оперы; будетъ ли что-нибудь посвѣжѣе и поназидательнѣе—увидимъ, а между тѣмъ зала Большаго театра наполняется до-нельзя въ каждое представленіе и касса также—что и требовалось доказать, какъ обѣщавъ это вліятельный членъ комитета, о которомъ упомянуто было въ предыдущемъ № «Ог. Записокъ».

ЖЕНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТЪ.

По женскому вопросу такъ много было писано и говорено въ нашей литературѣ, и вопросъ этотъ ставился обыкновенно такъ широко и такъ радикально, что надобно было бы имѣть большую смѣлость или, лучше сказать, большую неумѣлость въ распознаваніи требованій времени, чтобы поднимать его снова въ прежнихъ его размѣрахъ и основаніяхъ. Если мы беремъ за перо, чтобы говорить о женскомъ вопросѣ, то это потому, что въ настоящее время онъ совершенно измѣнилъ свой видъ: онъ специализировался, эманципация отошла въ немъ на задній планъ, на первый планъ стало ученіе. «Мы хотимъ учиться, говорить женщины, — и ничего больше. А тамъ пусть будетъ, что будетъ».

И такое желаніе ихъ, кажется, очень искренне. По крайнемѣрѣ, кто живетъ въ Петербургѣ, тотъ знаетъ, что женщины не оставили въ покоѣ почти ни одного профессора. Отъ каждаго они требуютъ, чтобы онъ или самъ училъ ихъ, или помогалъ имъ открывать женскій университетъ. На улицѣ трудно встрѣтить молодую женщину, у которой не торчала бы въ рукахъ и не высовывалась изъ кармана бумага, на которой изображена тѣмъ женскихъ именъ, желающихъ открытія женскаго университета. Женскій университетъ сдѣлался мечтою жизни для всѣхъ петербургскихъ женщинъ. Движеніе въ этомъ направленіи сдѣлалось такъ сильно, что оно отозвалось и въ провинціи. И оттуда шлются заявленія женщинъ о необходимости женскаго университета.

Мы, конечно, никакъ не думаемъ, чтобы всѣ тѣ женщины, которыя въ настоящее время штурмуютъ профессоровъ, носятъ съ собою подписки, посылаютъ заявленія на счетъ открытія женскаго университета, поступили въ него, еслибы онъ дѣйствительно открылся, или даже достаточно были приготовлены для того, чтобы поступить въ него. Но во всякомъ случаѣ одни настоянія ихъ имѣтъ женскій университетъ показываютъ, что онѣ сознавали недостаточность своего образованія, поняли, что это образованіе не соответствуетъ потребностямъ новаго времени и не желаютъ, чтобы ихъ дочери остались при томъ же, при чемъ остались онѣ.

А, можетъ быть, все это, т.-е. всѣ ухаживанія женщинъ на счетъ открытія женскаго университета не болѣе, какъ мода дня

нѣчто напускное, остатки того броженія, которое произвела статья Михайлова? Извѣстно, что многіе русскіе мыслители держатся того мнѣнія, что все броженіе, какое существовало между русскими женщинами, произвела статья покойнаго М. А. Михайлова о женщинахъ. Пока не было этой статьи, русскія женщины сѣдѣли смиренно по своимъ угламъ и были довольны и своимъ образованіемъ, полученнымъ въ институтахъ, и своимъ семейнымъ положеніемъ, даваясь со своими душками мужьями, и не мечтали ни о какой общественной дѣятельности. Но когда появилась означенная статья, тогда все пошло вверхъ дномъ. Образованіе стало казаться недостаточнымъ, семейная жизнь рабствомъ, души мужей варварами или дураками и... ну, однимъ словомъ, все пошло не такъ. Женщины стали просто неукротимы.

Исторія представляетъ намъ не мало примѣровъ подобнаго увлеченія статьями. Сталь, напримѣръ, Вольтеръ писать о свободѣ, за нимъ начали кричать всѣ о свободѣ, а затѣмъ и революція. И съ нашими мыслителями относительно увлеченія русскихъ женщинъ статью Михайлова трудно было бы не согласиться, еслиби женское движеніе или броженіе было исключительно только нашимъ явленіемъ, не происходило нигдѣ болѣе. Оказывается однакожь, что женщины въ послѣднее время зашевелились вездѣ въ образованномъ мірѣ, зашевелились даже въ Германіи, блистающей, какъ извѣстно, съ незапамятныхъ временъ своими семейными добродѣтелями. Объ Англіи и Америкѣ и говорить нечего. И вездѣ помутились онѣ на одномъ— на требованіи уравниенія своихъ правъ съ мужчинами во всемъ и, въ томъ числѣ, главнымъ образомъ, въ образованіи.

Усматривая такое всеобщее движеніе женщинъ въ образованномъ мірѣ, иностранные мыслители, повидимому, съ большимъ основаніемъ, нежели русскіе, полагаютъ, что должна быть какая нибудь общая причина этого движенія и что причину эту надобно искать гораздо глубже, нежели въ увлеченіи литературными статьями. Говорятъ, именно нѣкоторые изъ нихъ, что она кроется въ измѣнившихся социальныхъ и экономическихъ условіяхъ образованныхъ обществъ.

Съ того времени, какъ стало освѣщаться свѣтомъ социальныхъ наукъ устройство существующихъ обществъ, ненормальное положеніе въ нихъ женщинъ не могло не обратить на себя вниманія людей мыслящихъ. Ни объ одномъ предметѣ европейскія законодательства не заключали въ себѣ столько противорѣчій, путаницы и даже просто бессмыслицъ, какъ о женщинахъ. Почти каждое законодательство, рассматривая женщину то какъ свободнаго человѣка, то какъ вещь, то какъ рабу мужа, то какъ несовершеннолѣтнее дитя, находящееся въ опеку, давало свои разновременныя постановленія о женщинахъ, придерживаясь то той, то другой, то третьей точки зрѣнія, смотря по тѣмъ условіямъ, которыми вызывалось данное постановленіе. Попятно, какую чудовищную негѣдность должно представлять изъ себя то

цѣлое, въ основаніе котораго легли столь противоположныя воззрѣнія. Въ такомъ видѣ однакожь законодательства о женщинахъ остаются и доселѣ. Кто бы могъ повѣрить, напримѣръ, что въ блистающей своими либеральными учрежденіями Англіи, женщина доселѣ не отвѣтствуетъ за тѣ преступленія, которыя совершены ею въ присутствіи мужа? Исключая немногихъ самыхъ тяжкихъ преступленій, а также тѣхъ случаевъ, когда мужъ сильно боленъ, вся отвѣтственность за преступленіе жены въ присутствіи мужа падаетъ на послѣдняго. Законъ думаетъ, что пока мужъ на столько здоровъ, что владѣетъ всѣми членами своего тѣла, онъ всегда на столько силенъ, чтобы удержать жену отъ преступленія. За всѣ вещные поврежденія и убытки, сдѣланные женой, долженъ отвѣчать мужъ такъ точно, какъ будто они сдѣланы были какимъ нибудь домашнимъ животнымъ. Въ нѣкоторыхъ государствахъ Германіи женщина не имѣетъ права ни съ какимъ актомъ лично явиться въ судъ. Она должна избрать себѣ опекуна для этого, хотя бы этотъ опекунъ былъ первый встрѣтившійся ей на улицѣ мужчина. Во всѣхъ почти законодательствахъ женщина совершеннѣйшая подчинена или опекаемъ семьей, или опекаемъ мужемъ, и всюду въ тѣхъ или другихъ предѣлахъ стѣснена въ своей дѣятельности этою вѣчною опекою. Во всѣхъ почти законодательствахъ женщина лишена права получать часть въ наслѣдствѣ, одинаковую съ мужчиною.

Таковы ограниченія женщины въ сферѣ частнаго права. Затѣмъ женщинѣ преграждена всякая общественная officialная дѣятельность. Она не можетъ быть въ государственной службѣ, не имѣетъ права избирать и быть избираемою на общественныя должности; по прусскому законодательству женщинамъ запрещается быть членами и вообще участвовать въ политическихъ ферейнахъ. На какомъ же основаніи женщина исключается отъ всякой публичной дѣятельности? — Говорятъ, если женщина будетъ допущена къ общественнымъ дѣламъ, она будетъ negliжировать своими семейными обязанностями; говорятъ, что при общественныхъ выборахъ она можетъ подвергаться оскорбленіямъ грубой черни; говорятъ, наконецъ, что въ своей публичной дѣятельности она будетъ руководиться чувствами любви и ненависти, а не здравымъ размышленіемъ. Все это можетъ и такъ — но вѣдь подобная мѣра не прилагается, когда рѣчь идетъ о выборахъ мужчинъ, хотя нѣкоторые а, можетъ быть, даже многіе изъ нихъ имѣли бы нужду еще въ болѣе разборчивости относительно этихъ самыхъ пунктовъ. Вообще, качественная правоспособность вовсе не служитъ основаніемъ для политическихъ выборовъ; здѣсь принимается въ основаніе или ценъ, или принадлежность къ извѣстнымъ классамъ общества. Слѣдственно женщина лишается права выборовъ помимо общаго, положеннаго для всѣхъ основанія для выборовъ, — или, что то же, безъ всякаго основанія.

Англіискія женщины въ своей петиціи, поданной въ парла-

ментъ относительно предоставленія имъ права участія въ выборахъ, весьма справедливо писали:

«Справедливость требуетъ, чтобы дѣла женщинъ въ законодательствѣ разсматривались не людьми, только держащимися возрѣнія, что женщина должна находиться въ подчиненномъ положеніи по отношенію къ мужчинамъ. Въ важныхъ вопросахъ воспитанія, въ дѣлахъ, касающихся правъ сиротъ на имущество, и вообще въ дѣлахъ подобнаго рода долженъ быть выслушанъ и голосъ женщинъ. Вы говорите, что истинные интересы женскаго пола достаточно представляются ихъ ближайшими родственниками мужскаго пола. Объ этомъ ужъ предоставьте намъ самимъ судить. Къ тому же рѣчь идетъ не о замужнихъ только женщинахъ или дочеряхъ въ родительскомъ домѣ. Существуетъ многочисленный классъ и такихъ женщинъ, которыя могутъ пещись только сами о себѣ.

«Можно представить только три основанія, въ силу которыхъ можно получить право участія въ народномъ представительствѣ. Это — или принадлежность къ извѣстнымъ общественнымъ классамъ въ сословной монархіи; въ такомъ случаѣ вы должны признать, что женщины могутъ съ такимъ же правомъ смотрѣть на себя, какъ на отдѣльный классъ, какъ и пользующіеся правомъ выбора классы различныхъ званій мужчинъ, тѣмъ болѣе, что сами же вы постоянно намъ твердите объ особенностяхи и отдѣльности женскаго призванія; или, далѣе, принадлежность къ числу владѣющихъ извѣстнымъ имуществомъ и платящихъ извѣстныя подати, что доселѣ, по принятымъ издавна возрѣніямъ, давало право представительства въ парламентѣ; въ такомъ случаѣ женщины, владѣющія имуществомъ въ предѣлахъ, установленныхъ цезвомъ, имѣютъ право на представительство. Или наконецъ, втретьихъ, по демократическому принципу, на участіе въ образованіи народнаго представительства имѣетъ право совершенно одинаковое каждая человѣческая личность: въ этомъ послѣднемъ случаѣ, предоставляющемъ равное право выбора всѣмъ вообще, еще менѣе есть основанія исключать женщинъ. Такимъ образомъ, если право выбора есть принадлежность класса, то мы *одни* классъ. Если оно есть принадлежность имущества, то есть женщины, имѣющія имущество. Если это право вообще всѣхъ людей, то, безъ сомнѣнія, мы люди. Умно или неумно мы будемъ пользоваться избирательнымъ правомъ, это не можетъ служить основаніемъ для удержанія у насъ этого права. Въдѣ и мужчины не всегда (а нѣкоторые утверждаютъ: даже очень рѣдко) дѣлаютъ правильное употребленіе пзъ своего избирательнаго права. И кто же можетъ рѣшить, правильно или неправильно мы будемъ избирать? Если женщины въ прежнихъ столѣтіяхъ были владѣтельными лицами, и если королева донныя управляетъ Англіею въ общему удовольствію всей страны, то почему бы женщины были неспособны избирать? Или вы не должны допускать, чтобы женщины восходили на тронъ, или вы

должны уступить, что онѣ могутъ отпирать обязанности гораздо меньшей важности, т.-е. выборы?»

Изъ сказаннаго видно, въ какомъ загнанномъ положеніи и въ семействѣ, и въ обществѣ находилась и находится женщина. Она могла, конечно, не сознавать и не чувствовать тяжелого своего положенія, пока средневѣковыя узмы лежали на всѣхъ общественныхъ состояніяхъ. Но когда средневѣковыя узмы спали, мракъ разсѣялся и различныя ненормальныя состоянія, при свѣтѣ социальныхъ наукъ, начали улучшаться и измѣняться, женщина не могла не понять всей уродливости своего положенія и не предъявить своихъ требованій на выходъ изъ него. И мы должны удивляться не тому, что эти требованія предъявляются женщинами, а тому, что они предъявляются такъ медленно, мало, разрозненно, не настойчиво. Подумайте сами: передъ женщиною пало рабство, пало крѣпостное право, поднять и освѣщенъ и имѣть множество дѣятелей рабочій вопросъ, вводится въ политическое и гражданское полноправіе разныя состоянія, которыя прежде ими не пользовались: одна только женщина остается по-прежнему въ томъ же загнанномъ состояніи, въ какомъ и была,— даже въ лучшихъ, образцовыхъ человѣческихъ обществахъ. Негръ, считавшійся существомъ нисшаго порядка, находившійся въ глубочайшемъ рабствѣ въ самомъ свободномъ государствѣ, заклейменный такимъ всеобщимъ общественнымъ презрѣніемъ, что ему не позволяли занять мѣсто въ общественномъ omnibusъ, на пароходахъ не давали помѣщенія въ каютахъ перваго класса, не позволяли являться на сценѣ передъ публикою, каковымъ бы онъ ни владѣлъ художественнымъ талантомъ, какъ было съ Ольдриджемъ,—и этотъ негръ получилъ наконецъ гражданское и политическое полноправіе. А американка все-таки не можетъ добиться этого, она—подруга и спутница первыхъ основателей республики, ихъ неутомимая сотрудница въ дѣлѣ основанія республики, наконецъ главный дѣятель въ воспитаніи и образованіи молодыхъ поколѣній великаго народа? Не вопіющая ли это несправедливость?

Нѣтъ сомнѣнія, что и у насъ крестьянская реформа, положившая начало радикальнымъ перемѣнамъ во всемъ нашемъ общественномъ строѣ, пробудила русскихъ женщинъ отъ многовѣковаго усыпленія. Онѣ не могли не понять и не почувствовать, что среди общаго движенія, которое произвела реформа почти во всѣхъ классахъ общества и во всѣхъ состояніяхъ, только ихъ положеніе осталось неизмѣненнымъ и, выражаясь русской пословицей, только *бабья дорога осталась попрежнему отъ печи до порога*. Крѣпостной, дворовой, находившіяся въ полной волѣ каждой барыни, которая была не только полновластною госпожею ихъ труда и имущества, но нѣкоторымъ образомъ владѣла самою ихъ душою и жизнію, получили гражданское полноправіе и участіе въ общественныхъ дѣлахъ, на сколько оно предоставлено у насъ гражданамъ. Бывшая же ихъ барыня

не только не исключена отъ всякаго участія въ послѣднихъ, но осталась въ прежней крѣпостной зависимости отъ мужа. Не говоря уже о правѣ постоянной опеки его надъ нею почти во всѣхъ дѣлахъ, она не можетъ на тридцать верстъ отъѣхать отъ своего дома, не взявши вида отъ мужа. А вѣдь русскія женщины были не только королевами, какъ англійская, но и самодержавными царицами огромнаго русскаго царства, и какими бывали царицами? Вспомнимъ, на примѣръ, великую Екатерину. Потому русскія женщины, если не съ бѣльшимъ, то по крайней мѣрѣ съ такимъ же правомъ, какъ англійскія могутъ свазать мужинамъ: если вы не отвергаете, что женщина можетъ быть самодержавною царицею, то не странно ли съ вашей стороны думать, что женщина не стѣмѣетъ вести вашихъ мелкихъ дѣлъ въ земскихъ, городскихъ, дворянскихъ и другихъ собраніяхъ?

Въ связи съ этими социальными причинами, производящими движеніе въ женскомъ полѣ, дѣйствуютъ еще гораздо сильнѣе причины экономическія.

Съ того времени, какъ прядильныя машины замѣнили домашнюю пряслицу, швейныя машины и швейные магазины домашнюю работу, тканье стало производиться паровыми машинами, вся сфера прежнихъ женскихъ заработковъ этимъ почти совершенно уничтожена. Въ настоящее время трудно представить себѣ, чтобы женщина, сиди дома, могла просуществовать хоть одинъ мѣсяць тѣмъ, что принято называть женскою работою. Конечно, исключенія есть, но эти исключенія въ общей массѣ женщинъ все равно, что капля въ морѣ. Такимъ образомъ женщина должна по необходимости жить трудомъ мужчiny. Но мужскіе заработки, въ силу тѣхъ же самыхъ условий и вслѣдствіе постоянно увеличивающейся дороговизны пропитанія, сдѣлались такъ недостаточны, что на нихъ невозможно содержать не только цѣлое семейство, но и даже одну супружескую чету. И когда въ настоящее время рѣчь идетъ о горожанкахъ, то развѣ только въ поэтическихъ изображеніяхъ позволительно представлять женщину, сидящую въ полномъ, какъ чаша, домѣ и неимѣющею на рукахъ своихъ никакихъ заботъ, кромѣ веденія домашняго хозяйства и воспитанія дѣтей и присматриванія за ними. Напротивъ, современное состояніе цивилизованныхъ обществъ представляется нѣсколько похожимъ на то первобытное состояніе, какое предшествовало цивилизаціи. Какъ въ это первобытное время цѣлое семейство, чтобы обезпечить себѣ обѣдъ, должно было отправляться или на рѣку ловить цѣлый день ракушекъ и рѣбу, или вырывать корни въ лѣсу, или гоняться за звѣрами, такъ точно теперь цѣлая семья поголовно, не исключая и малолѣтнихъ дѣтей, должна цѣлый день проводить въ изнурительной, убивающей работѣ на фабрикахъ, чтобы добыть себѣ самое скудное однодневное пропитаніе. Разница только въ томъ, что въ до-цивилизационное время человекъ, бѣгая цѣлый день со всею своею семьей за скуднымъ натуральнымъ обѣдомъ, не

разстроивала своего здоровья и здоровья будущих поколѣній и не разражалась нравственно. Теперь же намъ трудно представить себѣ тѣ ужасы, которымъ подвергается человѣкъ ради того несущаго куса хлѣба. Комиссія, назначенная въ 1862 году англійскимъ парламентомъ для изслѣдованія состоянія рабочихъ малолѣтокъ на фабрикахъ, нашла, что въ числѣ 80,000 дѣтей, работающихъ на фабрикахъ, есть дѣти 10, 8, 6 и даже 5 лѣтняго возраста, и имъ поручаются самыя трудныя работы; нерѣдко встрѣчаются случаи, что дѣти пяти лѣтъ приучаются уже въ спеціальнымъ отраслямъ работъ, выгодныхъ для предпріятія; на одной фабрикѣ нашли даже трехлѣтнее дитя, которое собственною матерью было принуждаемо къ работѣ на прядильной машинѣ и котораго мальцы были уже изувѣчены отъ постоянного задѣванія за желѣзное веретено!! Изъ 287,000 цвѣтокъ, которыя были въ Англии въ 1862 году, считалось 10,801 двушекъ ниже 15 лѣтъ возраста. Не говоря уже о томъ, что при изслѣдованіи не оказалось ни одной мастерской, которая бы имѣла на каждомъ работающаго человѣка по 500 кубическихъ футовъ воздуха, необходимыхъ для сохраненія его здоровья (тѣ-которыя имѣли всего до 250 куб. футовъ), въкоторыя мастерскія по самому свойству производимыхъ въ нихъ работъ дѣлали и этотъ остатокъ воздуха негоднымъ для дыханія *.

* Въ шерстяныхъ и хлопчатобумажныхъ прядильныхъ воздухъ былъ наполненъ маленькими, шарообразными частичками обрабатываемыхъ веществъ, продолжительное вдыханіе которыхъ такъ разрушительно дѣйствуетъ на легкія, что подобныя помѣщенія справедливо называютъ приточительными заведеніями для чахотки. О состояніи воздуха на фабрикахъ зажиточныхъ ситцевъ, на которыхъ занимается 1,800 малолѣтнихъ дѣтей въ Лондонѣ, Ливерпулѣ, Манчестрѣ, Глазгоу и другихъ мѣстахъ, можно судить по слѣдующему факту: одинъ изъ членовъ англійской слѣдственной комиссіи наблюдалъ этотъ произвѣстный запахъ на разстояніи отъ 100 до 200 футовъ, въслѣдствіи при повторенныхъ наблюденіяхъ онъ такъ притупился отъ сильнаго раздраженія его обонятельныхъ нервовъ, что потерялъ всякую способность различать воздухъ, наполненный фосфорными парами. Онъ утверждаетъ, что у дѣтей скоро притупляется сознаніе угрожающей имъ опасности, которая въ дѣйствительности тѣмъ скорѣе въ нихъ приближается, и послѣднее проявленіе которой состоитъ въ страшнѣйшемъ и болѣзненнѣйшемъ разрушеніи лицевыхъ и челюстныхъ костей, — болѣзнь, которая во своихъ проявленіяхъ похожа на косточку. Изображенія страданій, которыя переносятъ жертвы фосфорнаго отравленія въ лондонскихъ больницахъ, просто ужасы. О шеффилдскихъ стальныхъ шифовальныхъ, на которыя во множествѣ отдаются дѣти часто въ возрастѣ девяти и десяти, иногда даже семи и восьми лѣтъ, комиссія говоритъ, что по тщательно собраннымъ свидѣніямъ двадцать-три различныхъ шифовальныхъ камня одного иголочнаго фабриканта отбрасывали въ окружающій воздухъ въ одинъ день ночи семьдесятъ-пять фунтовъ тонкой стальной иллы и гораздо большее количество отдѣляющейся каменной иллы. Почти три фунта тонкой стальной иллы и еще болѣе каменной иллы преносится немедленно непосредственно передъ глазами и передъ ртомъ работника, который, сидя на козлахъ, нагибается почти въ лежащемъ положеніи подъ вертящимися

Вотъ тѣ мѣста, гдѣ современные рабочіе должны работать поголовно цѣлыми семействами, чтобы добыть себѣ насущный кусокъ хлѣба. Какъ назадь тому тысячу лѣтъ держали взрослого человѣка въ семейныхъ оковахъ подъ властію отца, и лишь естественнымъ процессомъ вымиранія старѣйшей генерациі человѣкъ могъ достигать до самостоятельности, такъ теперь напротивъ отцы и матери поставляются въ необходимость ради приобрѣтенія пропитанія вывести самыхъ малолѣтнихъ дѣтей своихъ на промышленный рынокъ, обрекая такимъ образомъ ихъ на неизбѣжную гибель физическую и моральную. Безнравственность подобнаго эксплуатированія дѣтскими трудомъ, дѣтскимъ здоровьемъ, моральнымъ развитіемъ дошла въ Англіи до страшныхъ размѣровъ. По донесенію комиссін, родители нерѣдко даже продаютъ малолѣтнихъ дѣтей своихъ для нѣкоторыхъ ремеселъ за очень ничтожную цѣну отъ 17 до 20 руб. сер., а въ нѣкоторыхъ городахъ отдаютъ просто даромъ. Невѣжество и распутство бывають обыкновенно неизбѣжными спутниками малолѣтство рабочихъ. Нѣкоторые изъ нихъ начинаютъ предаваться пьянству съ дѣтскихъ лѣтъ.

Само собою понятно, что подобная перспектива семейной и вообще брачной жизни не можетъ быть ни для кого привлекательна. И чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе благоразумнѣйшіе изъ рабочихъ людей будутъ предпочитать одиночное нищенство и голодованье нищенству и голодованью съ семьей. Отъ этого число незамужнихъ женщинъ, которое и теперь велико по причинѣ перевѣса женскаго народонаселенія во всѣхъ европейскихъ государствахъ, еще болѣе увеличится. Чѣмъ должны будутъ пропитываться онѣ, оставленныя на свое собственное поученіе? Онѣ могутъ черпать только изъ тѣхъ же источниковъ, изъ которыхъ получаютъ пропитаніе и мужчины. Но если фабричная заработная плата мужчины недостаточна для жизни, то женская гораздо ниже и этого послѣдняго минимума. Имъ остается въ перспективѣ неутѣшительный выборъ между вѣчнымъ голодованьемъ или развратомъ...

Вопросъ этотъ сильно озабочиваетъ стоящія высоко въ культурномъ отношеніи страны, какъ-то Англію и Америку,—и при настоящемъ состояніи общества единственный способъ къ его разрѣшенію—это тотъ, чтобы женщина вступила въ конкуренцію съ мужчиною во всѣхъ сферахъ его дѣятельности, и для этого запаслась тѣми же самыми знаніями, которыми владѣеть и онъ. Конечно, рѣшить такъ вопросъ, значитъ только отло-

передъ нимъ шлифовальнымъ камнемъ. Если поднимающаяся пыль не относится сильнымъ вѣтромъ, то она идетъ въ легкія и глаза, разрушая оба эти органа медленно, но съ несомнѣнною вѣрностію. Иногда отлетающіе острые осколки стали причиняють немедленную слѣпоту. Равнодушно и съ какою-то тупостью смотрятъ молодые работницы на приближающуюся смерть, невозможность которой въ опредѣленное время возраста открываетъ имъ статистика.

жить его рѣшеніе на будущее неопредѣленное время; ибо вѣнчанные конкурренціею женщинъ съ рынка мужчинъ будутъ все равно голодовать, какъ голодаютъ теперь послѣдніе. Но вѣдь въ законѣ судебъ и не написано, что голодовать должна попремѣнно женщина, а не мужчина; если по основному закону современныхъ обществъ права на хлѣбъ насыщенный должно добиваться конкурренціею силъ, то и будетъ его имѣть тотъ, кто окажется способнѣе — мужчина ли или женщина, не все ли равно. Вѣдь никто доселѣ не отказывалъ женщитамъ въ правѣ на существованіе!

Намъ могутъ замѣтить, что мы говоримъ о чуждыхъ намъ состояніяхъ, что у насъ городское населеніе составляетъ пока только 14-ю часть всего народонаселенія, а не четвертую, какъ въ Европѣ, что у насъ между тѣми женщинами, которыя работаютъ на фабрикахъ, нѣтъ и мысли ни о какомъ движеніи, что движеніе это происходитъ между женщинами въ образованномъ классѣ общества, гдѣ, повидному, не представляется никакихъ возбужденій со стороны экономической? Но это только повидному, такъ представляется. На самомъ дѣлѣ экономической переломъ, произведенный крестьянской реформой, ни на комъ такъ неблагоприятно не отразился, какъ на нашемъ образованномъ сословіи. Крѣпостное право, собиравшее легко дарованіи деньги, было вѣсть съ тѣми таровато до неразсчетливости и въ нихъ употребленіи. Оно кормило десятки, сотни тысячъ лицъ, ничѣмъ незанимавшихся и ничѣмъ неспособныхъ заниматься. Къ числу такихъ лицъ относилось все женское дворянское сословіе. Съ понятіемъ барыни и барышни, какъ въ народѣ, такъ и въ образованномъ обществѣ у насъ принято было соединить понятіе существъ, которыя не только ничего не дѣлаютъ и не обязаны дѣлать, но для которыхъ даже и стыдно дѣлать что нибудь такое, что можетъ давать денежную выгоду. «Для чего барыня или барышня будутъ работать изъ-за денегъ? Развѣ у нихъ отца или мужа не стало что ѣсть и пить?—Ихъ дѣло только наслаждаться удовольствіями жизни». Такой взглядъ на женское дворянское сословіе былъ общій въ цѣломъ обществѣ. Но съ паденіемъ крѣпостнаго права такой порядокъ жизни долге продолжаться не можетъ. За отнятіемъ даровой рабочей силы, естественно, должно было послѣдовать уменьшеніе доходовъ вообще въ дворянскихъ имѣніяхъ; въ большей части мелкопомѣстныхъ имѣній доходы эти, по всей вѣроятности, упали до самаго низкаго уровня; въ другихъ имѣніяхъ, болѣе значительныхъ, они, конечно, удержались на приличной высотѣ, но и адѣсь никогда не могутъ достигъ прежней устойчивости, будутъ находиться постоянно въ колебательномъ положеніи, находясь въ зависимости отъ тысячи случайныхъ причинъ. По всей вѣроятности, многіе отцы и мужья и теперь уже не въ состояніи содержать своихъ дочерей и женъ; съ теченіемъ времени, по мѣрѣ истощенія дворянствомъ основнаго капитала, такая неустойчивость

ность будетъ все болѣе и болѣе возрастать въ числѣ. Но и тѣ, которые имѣютъ еще значительные доходы, должны оставить прежнюю широкую, безразсчетную жизнь, и ввести свое хозяйство въ извѣстные предѣлы. Женщина не можетъ не понимать, что гдѣ болѣе она не можетъ оставаться существомъ бездѣтельными. Въ однихъ семействахъ она уже и теперь должна своимъ трудомъ промышлять себѣ пропитаніе; въ другихъ она вступить въ такое же положеніе въ ближайшемъ будущемъ; въ третьихъ средства жизни такъ ограничены, что она не можетъ не чувствовать, что содѣйствіе съ ея стороны тѣмъ или другимъ способомъ къ увеличенію благосостоянія семейнаго было бы дѣломъ вовсе излишнимъ. То, что мы говоримъ о дворянствѣ неслужащемъ, въ полной мѣрѣ прилагается и къ дворянству служащему, чиновному. Съ преобразованіями, которыя принесла съ собой крестьянская реформа въ разныхъ отрасляхъ управленія, многіе случайные и неопредѣленные доходы, дававшіе чиновникамъ возможность жить широко, пали уже теперь значительно; съ теченіемъ времени они все болѣе и болѣе будутъ уменьшаться и сокращаться и, наконецъ, совершенно исчезнутъ. Женщина и здѣсь поставлена или будетъ скоро поставлена въ необходимость промышлять сама о своемъ пропитаніи или по крайней мѣрѣ помогать своимъ трудомъ семейству.

Это новое экономическое положеніе служебнаго и неслужебнаго дворянства, естественно, должно повлечь за собою осторожность въ заключеніи браковъ. А это, само собою разумѣется, должно значительно увеличить обмененный статистическій перевѣсъ непріоритетныхъ женщинъ, оставленныхъ исключительно на свое собственное попеченіе.

Всѣхъ этихъ новыхъ явленій не можетъ не видѣть и не чувствовать современная женщина въ дворянскомъ сословіи, тѣмъ болѣе, что многое ей приходилось уже испытать на себѣ, — и вотъ причина, почему она въ настоящее время безпокойна и ищетъ выхода изъ своего неудобнаго положенія. Она поняла теперь, что этотъ выходъ можно найдти единственно въ трудѣ.

Но гдѣ найдти ей этотъ трудъ?

Она не можетъ идти туда, гдѣ трудятся женщины другихъ сословій, напримѣръ, на фабрики или на черныя работы, — не можетъ по многимъ причинамъ: во первыхъ, потому, что по сложившемуся у насъ въ жизни обычаю и возрѣнію, женщину-дворянку туда не примуть; во вторыхъ, потому, что она нисколько не приготовлена прежнею жизнью къ конкуренціи съ простыми женщинами; въ третьихъ, самая удачная конкуренція здѣсь приготовила бы ей, какъ мы видѣли, только полугодное существованіе.

Понятно, что ей остается одинъ выходъ изъ ея положенія — это вступить въ конкуренцію съ мужчиною во всѣхъ сферахъ его дѣятельности. А чтобы имѣть не только надежду на успѣхъ, но даже право выступить на эту конкуренцію, ей необходимо

пріобрѣсть прежде всего одинаковое съ мужчинами образованіе.

Но гдѣ же ей найти это образованіе?

Институты, въ которыхъ доселѣ получала и получаетъ образованіе значительная часть женскаго дворянскаго юношества, для этой цѣли совершенно непригодны. Съ радикальными перемѣнами, произведенными крестьянской реформой во всемъ дворянскомъ бытѣ и жизни, они одни остались неизмѣнными, точно будто новаго ничего не произошло, и прежнее воспитаніе вполнѣ удовлетворительно для новой жизни. Въ томъ предположеніи, что женщина-дворянка, воспитанная въ институтѣ, не можетъ не составить хорошей партіи, а не составленія такой партіи, ей ни о чемъ не нужно будетъ заботиться, ничего не нужно будетъ дѣлать, а нужно будетъ только наслаждаться и составлять украшеніе гостиной своего мужа, наши институты продолжаютъ воспитывать въ прежнемъ направленіи, то-есть ограничиваются по прежнему передачей пріятныхъ манеръ женщины, внушеніемъ ей кодекса условныхъ приличій и по сплутности сообщеніемъ нѣкоторыхъ обиходныхъ знаній, на тотъ конецъ, чтобы отъ прекраснаго существа не пахло круглымъ невежествомъ въ гостинномъ обществѣ. Недавно основанныя женскія гимназій имѣютъ другую цѣль, чѣмъ женскіе институты, и поставлены, повидимому, совершенно иначе, чѣмъ послѣдніе, — но потому ли, что онѣ созданы подъ вліяніемъ прежнихъ воззрѣній на женское воспитаніе, или потому что, по краткости времени, онѣ не сумѣли еще приспособиться въ своему назначенію, онѣ не заявили себя пока ничѣмъ особеннымъ, и пока трудно сказать, на сколько образованіе, въ нихъ получаемое, лучше институтскаго.

Однимъ словомъ, нѣтъ еще такихъ женскихъ учебныхъ заведеній, гдѣ бы женщина могла надѣяться получить серьезное знаніе, и притомъ, въ такомъ объемѣ, чтобы она могла считать себя достаточно заправленною для составленія съ мужчиною на поприщѣ конкуренціи. И вотъ причина, почему русскія и во снѣ, и на яву мечтаютъ о женскомъ университетѣ.

Гм! Женскій университетъ! Звучить пріятно!

Но когда произносишь это слово, такъ и кажется, что вотъ-вотъ явится курсъ всеобщей исторіи для высшихъ женскихъ учебныхъ заведеній, русская исторія для женскаго университета, женская химія, физика для женщинъ и т. д. и т. д. И пойдетъ опять все женское... И женскій университетъ на столько же будетъ похожъ на дѣйствительный университетъ, на сколько исторія для дѣвицъ, помнится, Смарагдова похожа на дѣйствительную исторію.

Нельзя-ли одѣлать дѣла какъ-нибудь иначе, не измысливъ особой женской науки?

Казалось бы, можно, тѣмъ болѣе, что опыты подобнаго устрой-

ства женскаго воспитанія есть на лицо, и оказались во всѣхъ отношеніяхъ отличными.

Да позволено намъ будетъ привести здѣсь довольно значительную выдержку объ этихъ опытахъ изъ статьи: *The Suppressed sex*, напечатанной въ «*The Westminster Review*» за октябрь минувшаго года. Авторъ этой статьи, доказывая между прочимъ необходимость общаго обученія мужчинъ и женщинъ въ однихъ школахъ долговременныхъ опытовъ подобныхъ американскихъ школь, говоритъ:

«Намъ приходится всегда въ Европѣ встрѣчаться съ людьми, которые думаютъ, что по ту сторону Атлантическаго океана люди увлекаются въ начинаніи реформъ своимъ внутреннимъ чувствомъ и производятъ ихъ въ видѣ экспериментовъ; но человечество за океаномъ то же самое, что и во всѣхъ странахъ и вѣкахъ, и здѣсь дѣлается только то, что коренится въ потребности дня. Америка велась за оружіе претивъ Георга III не въ защиту демократическихъ принциповъ, но не притивъ высокихъ налоговъ; въ недавнее время она велась за оружіе не въ защиту гуманическихъ принциповъ, но чтобы спасти унию. Въ этомъ случаѣ американцы, подобно народамъ другихъ странъ и вѣковъ; «сдѣлали болѣе, нежели сколько они намѣрены были сдѣлать». Великая республика и уничтоженіе рабства были непредвидѣнными для нихъ результатами. Пуритане учредили свободныя школы для того, чтобы научить народъ читать библію и тѣмъ спасти его отъ ада; а результатомъ этого была великая система всеобщаго свѣтскаго воспитанія.

Точно такимъ же образомъ планъ воспитанія мужчинъ и женщинъ въ однихъ и тѣхъ-же университетахъ и коллегіяхъ, отнюдь не есть какой-нибудь эксцентричный. Не причудамъ какихъ-нибудь мечтателей онъ одолженъ своимъ происхожденіемъ; напротивъ, онъ обязанъ этимъ бережливости нѣкоторыхъ западныхъ фермеровъ. Они, то-есть эти фермеры, желали видѣть своихъ дочерей порядочно воспитанными, на тотъ конецъ, чтобы въ странахъ, гдѣ населеніе еще слишкомъ рѣдко, чтобы имѣти много школъ, эти дочери были способны учить остальныхъ членовъ семьи. Само собою разумѣется, что они вмѣстѣ съ тѣмъ желали видѣть воспитанными и своихъ сыновей, потому, что не воспитанный мужчина — въ Америкѣ, болѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь пронація челоуікъ. Эти фермеры вообще зажиточны, но не богаты, и они предложили себѣ вопросъ: зачѣмъ имъ стрѣнать двѣ коллегіи: одну для мужчинъ, другую — для женщинъ, когда достаточно будетъ одной коллегіи? Эти мальчики и дѣвочки росли вмѣстѣ въ ихъ домахъ, въ сосѣдствѣ, были вмѣстѣ въ дѣтскихъ школахъ, въ воскресныхъ школахъ, въ церквахъ; и когда они закончатъ воспитаніе, то будутъ проводить жизнь во взаимномъ обществѣ. Почему же долженъ существовать интервалъ на четыре только года, когда мальчиковъ и дѣвочекъ должно сдѣлать другъ отъ друга въ два воспитательные монастыря?

Фермеры видѣли тутъ двойныя издержки, но не находили здраваго смысла. И этому обстоятельству первоначально мы обязаны тѣмъ, что теперь существуетъ двадцать-девять цвѣтущихъ коллегій въ Америкѣ, гдѣ юношество обоихъ половъ учится вмѣстѣ, репетрируетъ вмѣстѣ и уравнино во всѣхъ отношеніяхъ. Это не какія-нибудь ничтожныя заведенія. Нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ по тысячѣ учащихся и они вообще хорошо устроены. При этомъ нужно замѣтить, что американскія коллегіи или университеты ведутся не по началамъ англійскихъ заведеній подобнаго рода. Студенты должны не слушать только лекцій, и такимъ образомъ, начинаться для годичнаго экзамена; они испытываются здѣсь изо дня въ день. Потому, во всѣхъ почти изъ упомянутыхъ коллегій студенты обоихъ половъ имѣютъ и помѣщеніе, спальни для каждаго пола устроены въ отдѣльныхъ зданіяхъ. Во всѣхъ другихъ случаяхъ, они бывають вмѣстѣ такъ же свободно, какъ и въ занятныхъ комнатахъ. Профессоры—и мужчины и женщины. Американскій опытъ этого совокупнаго воспитанія мужчинъ и женщинъ восходитъ выше сорока лѣтъ, и мы отчасти знаемъ, какіе его общіе результаты. И какъ общественное мнѣніе относится къ этимъ результатамъ въ Америкѣ, можно видѣть изъ того факта, что огромный штатъ Канзасскій постановилъ закономъ, что ни одна изъ школъ или коллегій, находящаяся въ его управленіи, не должна отказывать женщинамъ точно такъ же какъ и мужчинамъ или воспитывать ихъ въ какомъ бы то ни было отношеніи различно. Между тѣмъ, этотъ опытъ западныхъ коллегій такъ подѣйствовалъ на восточные штаты, гдѣ господствовало отдѣльное обученіе, наслѣдованное отъ Англій, что нѣкоторыя изъ лучшихъ ихъ заведеній уничтожили эти старинныя перегородки. Есть извѣстіе, что даже вѣстерское (Vassar) учебное заведеніе—огромнѣйшая, богатѣйшая и притомъ самая аристократическая женская коллегія въ Нью-Йоркѣ, положила принимать впредь и молодыхъ людей; а основатель новаго университета въ Нью-Йоркѣ «The Cornell University» изъявилъ желаніе, чтобы этотъ университетъ былъ открытъ для женщинъ, точно такъ же, какъ и для мужчинъ. Вотъ рѣшеніе предмета послѣ сорока лѣтъ опыта, пронаводившагося подѣйствіемъ критическимъ наблюденіемъ народа, который такъ заботится о чистотѣ и благосостояніи своихъ сыновей и дочерей, какъ ни одинъ народъ въ мірѣ. И заатлантическія заведенія такъ быстро стремятся всѣ стать подѣйствіемъ новыиъ строй, что совмѣстное воспитаніе женщинъ и мужчинъ можетъ уже быть названо американскою системою.

Но защитники ея недовольны такой простой постановкой дѣла, т.-е. что новыиъ планъ принять потому, что онъ соотвѣтствуетъ, безъ всякихъ другихъ соображеній, простой дѣлѣ воспитанія молодыхъ мужчинъ и женщинъ, для которой она принята. Они прямо объявляютъ, что это случалось въ интересахъ гораздо высшихъ, нежели какіе имѣли въ виду бережливыя фермеры,

которые затѣли все это дѣло. Когда оно началось, не было недостатка въ злобѣщихъ пророкахъ, выкрикивавшихъ свои предсказанія о томъ, что система эта поведетъ къ ужаснымъ результатамъ, что дѣвушки сдѣлаются грубыми, молодые люди будутъ еще грубѣе, и все это кончится распутствомъ. Замѣчательно, какъ часто въ вещахъ на дѣлѣ оказывается совершенно противное тому, что объ нихъ фантазировала извѣстная теорія. Теорія говорила, что солнце движется вокругъ земли; на дѣлѣ оказалось, что земля движется вокругъ солнца. Теорія говорила, что земля плоска, — мы знаемъ, что она кругла. Теорія говорила, что облака тверды, — мы знаемъ, что они — паръ. Эта несостоятельность старыхъ вѣрованій такъ стала общезвѣстна для умныхъ людей, что они не вдругъ принимаютъ даже очевидныя теоріи. Опытъ американскаго воспитанія не только показавъ, что опасенія, среди которыхъ оно началось, были неосновательны, но на дѣлѣ вышло противное всему тому, что представляли о немъ или чего опасались. Мнѣніе лицъ, которые самымъ тѣснымъ образомъ въ качествѣ покровителей или профессоровъ были связаны съ коллегіями совмѣстнаго воспитанія мужчинъ и женщинъ — таково, что эти коллегіи по тонкости обращенія и нравственности, стоятъ безконечно выше, нежели всѣ тѣ, въ которыхъ воспитываются исключительно лица того или другаго пола. Въ этомъ отношеніи свидѣтельство Менна (Mann), бывшаго членомъ конгресса Соединенныхъ Штатовъ и основателемъ системы публичнаго обученія въ новой Англіи, въ ея настоящемъ видѣ, можно назвать окончательнымъ. Г. Меннъ былъ много лѣтъ самымъ знаменитымъ воспитателемъ въ Америкѣ, по своей должности суперинтендента школъ въ Массачузетѣ онъ путешествовалъ по Европѣ и познакомился здѣсь лично со всѣми ея системами и мѣстами ученія. Въ 1853 году этотъ способный и образованный человекъ былъ приглашенъ занять мѣсто президента коллегіи Антиохъ (Antioch), тогда только учрежденной въ центральномъ Огіо по плану совмѣстнаго воспитанія; Онъ былъ строгій моралистъ, и его широкое знакомство съ школами и коллегіями дало ему возможность впередъ почувствовать основательность этого новаго плана. Посвятивъ себя личному наблюденію надъ коллегіею и пробывъ тамъ около пяти лѣтъ, президентъ Меннъ писалъ другу своему Комбу (Combe) въ Эдинбургѣ слѣдующее:

«Мы, дѣйствительно, имѣемъ самое порядочное, трезвое, прилежное, образцовое заведеніе въ странѣ. Мы прошли уже прекрасный курсъ и болѣе половины настоящаго, и я не имѣлъ повода сдѣлать ни одной помѣтки въ нашей записной книгѣ о какомъ-нибудь проступкѣ, — ни даже случая въ какомъ-нибудь серьезному высклакию. Нѣтъ ни шума въ деревнѣ, ни ночныхъ похаживаній, дѣлающихъ ночь страшною. Все спокойно, мирно, и деревенскія женщины, когда имъ случается встрѣчаться съ нашими студентами вечеромъ, чувствуютъ, что онѣ найдутъ въ

нихъ скорѣе защиту, нежели обязанность для себя: Теперь почти пять лѣтъ, какъ я прибылъ сюда — и доселѣ я не видалъ ни злыхъ шутокъ, ни такъ-называемыхъ школьническихъ продѣловъ ни въ одномъ случаѣ».

Такое свидѣтельство г. Менна. Но въ данномъ случаѣ одинаковую важность имѣетъ и свидѣтельство женщины, и такое свидѣтельство мы имѣемъ отъ г-жи Меннъ, лэди самаго высокаго образованія, раздѣлавшей труды и триумфы своего мужа. Эта лэди на самомъ дѣлѣ была и сама отчасти президентомъ коллегіи, посвящая свое время и свои необыкновенные таланты возвышенію ея внутренняго благосостоянія. Она писала слѣдующее:

«Никто, знакомый съ ежедневною жизнью и ходомъ дѣлъ въ коллегіи Антиока, не будетъ отрицать, что по чистотѣ и нравственной высотѣ съ нею не могло сравниться ни одно изъ извѣстныхъ заведеній. На Западѣ есть много коллегій, по сосѣдству съ которыми были устроены школы для молодыхъ лэди, съ тою цѣлю, чтобы услугами учителей и профессоровъ можно было пользоваться и въ послѣднихъ, и въ такихъ случаяхъ всегда дѣлались распоряженія, воспрещавшія всякое сообщеніе между тѣми и другими. Но люди, знакомые съ дѣломъ, свидѣлствуютъ, что въ такихъ мѣстахъ потеря репутациі и даже характера были нерѣдки и происходили отъ тайной переписки и свиданій. Г. Меннъ думалъ, что надобно навсегда отбросить монашеское заблужденіе угнетать натуральныя чувства вмѣстѣ съ другими заблужденіями подобнаго рода. Здоровая культура должна, напротивъ, позаботиться охранять ихъ въ интересахъ чистоты. Молодые люди болѣе безразсудны, чѣмъ порочны, и было бы жестоко ставить ихъ среди такихъ обстоятельствъ, гдѣ они могутъ научиться благоразумію только роковымъ опытомъ... Въ Антиокѣ обѣденная зала, которая была общею для обоихъ половъ, была прекрасною картиною общаго удовольствія и невинной веселости, картиною, которую особенно любовался Меннъ, по ея благодѣтельному вліянію на взаимное обращеніе и на хорошее настроеніе духа... Въ американскомъ обществѣ всегда умѣли свободу обращенія между двумя полами соединить съ добродѣтелью, что составляетъ разительный контрастъ съ тою системою угнетенія, которая существуетъ въ старыхъ обществахъ свѣта, даже нынѣшней Европы».

Это было писано недавно, спустя нѣсколько лѣтъ послѣ смерти президента Менна, когда его вдова прекратила всякую личную связь съ заведеніемъ.

Антиокская коллегія была носѣщаема Эмерсономъ, Теодоромъ Паркеромъ (Parker), Оливеромъ Венделемъ Голмсомъ (Wendell Holmes) и другими знаменитыми мужами. Всѣ они одинаково свидѣлствуютъ относительно ея высокаго характера. Членъ массачусетскаго правительства, посѣтившій ее, сказалъ, что она

вынести изъ нея съ лучшимъ мнѣніемъ о человѣческой натурѣ, нежели каковъ имѣлъ входа въ нее.

Около двѣнадцати лѣтъ назадъ автору этой статьи, въ то время мало интересовавшемуся этимъ предметомъ, пришлось поселиться въ соседствѣ Антиокской коллегіи среди обстоятельствъ, которыя давали ему полную возможность познакомиться съ ея планомъ, профессорами и студентами.

И хотя онъ совершенно знакомъ съ университетомъ въ Вергиніи Гервердъ (Harvard), а отчасти и съ англійскими университетами, однако онъ вынесъ полное убѣжденіе, что ни въ одномъ изъ этихъ мужскихъ заведеній не можетъ быть найдено что-нибудь подобное той нравственной высотѣ, той мягкости въ обращеніи и тому умственному одушевленію, которыя характеризуютъ студентовъ Антиока. По нашему мнѣнію, студенты-мужчины въ Антиокѣ могутъ быть названы людьми вполне благовоспитанными. Молодые люди были не менѣе риздарами оттого, что они не пили и не курили. Кромѣ ихъ личной опрятности, вѣжливости и деликатности поступковъ, оказывавшихся подъ очевиднымъ вліяніемъ кружка ихъ, въ ихъ характерахъ проявлялось известное мужество, весьма рѣдкое въ коллегіяхъ студенческихъ. Коллегія имѣла пріятный видъ тонко образованнаго семейства. Съ другой стороны, самыя тонкія и женственныя черты были видны въ молодыхъ женщинахъ. Впродолженіе семилѣтняго самаго близкаго знакомства принуждено эти строки съ коллегією Антиока, онъ никогда не узналъ и не слышалъ ни о какомъ скандалѣ относительно какого-нибудь студента. Однимъ словомъ, послѣ нашихъ личныхъ наблюденій надъ этимъ и надъ другими заведеніями совмѣстнаго воспитанія въ Соединенныхъ Штатахъ, мы пришли къ тому убѣжденію, что очищеніе и возвышеніе воспитательныхъ системъ въ мірѣ можетъ быть произведено чрезъ внесеніе въ нихъ того вліянія, которое не переставало цивилизовать и очищать всюду, куда бы оно ни вносилось — вліянія женщины. Мы убѣждены, что молодые люди никогда не одушевляются столь высокими стремленіями и никогда не оказываются такъ мужественны, какъ въ присутствіи женщины; а равнымъ образомъ и женщины никогда не одушевляются женственными чувствами и не возбуждаются такъ къ благороднымъ нормамъ, какъ въ присутствіи мужчинъ. Два пола назначены поддерживать и ободрять другъ друга, и ихъ отдаленіе въ томъ періодѣ, когда въ каждомъ изъ нихъ главнымъ образомъ формируется мысль и характеръ, есть остатокъ вѣка монаховъ и монахинь, вѣка, который залеймялъ всякія отношенія между людьми какъ печатня.

Въ Америкѣ предсказывали, что когда молодые люди и женщины будутъ помѣщены вмѣстѣ въ коллегіяхъ, то заведется здѣсь множество любовныхъ интригъ, и что они часто будутъ неблагоприятными и будутъ вести къ пренебреженію ученіемъ. Опытъ американскихъ коллегій показалъ, что хотя были случаи этого

ража, менше, впрочемъ, чѣмъ ожидали, но они чаще возбуждали виновниковъ ихъ лучше вести себя и учиться гораздо серьезнѣе. Оба пола, мужчинамъ и дѣвушкамъ, усиливалось показаться какъ можно лучше въ глазахъ тѣхъ, кого они любятъ, и не допустить, чтобы ихъ превзошли другіе. И почему имъ должны называть такия привязанности неблагоуразумными? Гдѣ общество найдетъ случай доставить юношеству лучшую возможность узнать мысли и характеръ другъ друга, какъ не въ то время, когда они учатся вмѣстѣ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ? Главный источникъ домашнихъ несчастій состоитъ въ томъ, что юношество, вырвавшись изъ своихъ монашескихъ коллегій, бросается неосторожно въ познанныя отношенія съ лицами, которыхъ мысли и характеръ оно знаетъ мало или вовсе не знаетъ, а иногда вступаетъ и просто въ безсердечные браки, ради приличія. Такое легкое отношеніе существуетъ къ предмету, въ которомъ болѣе глубока, нежели въ какомъ-нибудь другомъ заключено челоуѣческое счастье и благосостояніе; и умный мужчина или женщина не поставятъ въ упрекъ совмѣстному воспитанію того, что оно можетъ повести къ привязанностямъ, которыя, перелавивъ воспитанія годовъ обиднаго ученія, кончатся бракомъ».

Такимъ образомъ, самый, казалось бы, легкій и простой способъ доставить женщинамъ, желающимъ серьезнаго образованія, возможность такого образованія—это открыть для нихъ мужскія учебныя заведенія, начиная съ низшихъ до высшихъ. Но этого, повидимому, простой и легкій способъ на дѣлѣ оказывается самымъ труднымъ и неудобоспелымъ. Даже образованныя люди свободной Англій не могутъ, несмотря на всѣ усилія, добиться доступа въ мужскія заведенія. Почему? Кто имъ мѣшаетъ? Повидимому, никто не мѣшаетъ, а повастъ нельзя. Во всякомъ обществѣнномъ строѣ есть нѣчто накопившееся отъ длиннаго ряда прежнихъ вѣковъ, что мѣшаетъ появленію всякой новой идеи въ обществѣ, и что тормозитъ ея развитіе въ дальнѣйшемъ ея движеніи. Это нѣчто не имѣетъ никакихъ опредѣленныхъ началъ въ своемъ основаніи, бываетъ часто бессмысленно и каждый частный, образованный челоуѣкъ лично смѣется надъ нимъ, но оно держится крѣпко инерціею массъ и въ общемъ ходѣ дѣлъ имѣетъ сильное вліаніе на людей образованныхъ и даже владѣетъ ими. Когда начинаются общія разсужденія о дѣлѣ, это нѣчто, лишешное всякихъ основаній, часто бессмысленное, въ частности каждый отвергаемое, выказываетъ въ общемъ такую силу, что передъ нимъ все смолкаетъ и оно снова продолжаетъ двигать мірама.

Авторъ поминутой нами статьи, силу этого нѣчто объясняетъ слѣдующимъ примѣромъ: «Каждая система — говоритъ онъ — стремится создать людей по своему образу и подобию; эти люди защищаютъ ее потому до послѣднихъ силъ жизни; идеи и потребности времени, какъ бы ни были онѣ настоятельны, должны бывать долгое время управляться синиграми, которые дер-

жать въ своихъ рукахъ мертвецы. Мы еще и теперь можемъ съ пользою изучать, какъ это дѣлалъ и въ 1832 году, исторію гордаго города Old Sarum'a. Былъ холмъ, на этомъ холмѣ стоялъ древній катедральный соборъ и замокъ, изъ котораго римляне и саксы, датчане и норманны преемственно управляли юго-западомъ Англій. Вѣкъ непрестанныхъ войнъ, поддерживаемыхъ борьбою расъ, порѣшилъ, что городъ долженъ быть построенъ на холмѣ. Но когда наступили первые сравнительно мирные дни, жители Old Sarum'a взглянули на зеленѣющую и улыбающуюся долину Авона (Avon) подлѣ нихъ и сказали: «Зачѣмъ мы усѣлись на этомъ холмѣ?» Привязанность къ долинѣ росла, пока, наконецъ, шестьсотъ лѣтъ назадъ весь городъ спустился въ долину, и лишь только одна генерация увидѣла первый камень, положенный въ Салисбери (Salisbury), какъ ни одного жителя не осталось въ Old Sarum'ѣ. Теперь, по прошествіи многихъ столѣтій, нельзя бы было намѣтить даже очертаній древняго города. И однакожь, еще до 1832 года Old Sarum продолжалъ посылать двухъ членовъ въ парламентъ, какъ въ царствованіе Эдуарда III-го. Два члена были избираемы подъ старымъ деревомъ, гдѣ, въ присутствіи барановъ и травы, судья читалъ подкупный актъ, провозглашалъ избраніе и т. д. Такимъ образомъ Old Sarum продолжалъ давать законы Англій спустя сотни лѣтъ послѣ того, какъ онъ оковчательно исчезъ съ лица земли, вмѣстѣ съ тѣми нуждами, которыя произвели его на свѣтъ. Въ наше время кой-что сдѣлано относительно уничтоженія «гнилыхъ мѣстечекъ» политики; но какъ много есть нравственныхъ и интеллектуальныхъ Old Sarum'овъ, которые давно уже превратились въ прахъ, вмѣстѣ съ условіями, ихъ породившими, и которыя, однакожь, до сихъ поръ продолжаютъ владѣть силою и давать законы для жизни. Чтѣ такое наши университеты, если не «гнилыя мѣстечки» монашескихъ вѣковъ?»

И такъ вотъ то нѣчто, которое тяготѣетъ надъ всѣми новыми идеями и вопросамъ и не даетъ имъ ходу — это «гнилыя мѣстечки» нравственныя и интеллектуальныя. Если ихъ есть много еще въ Англій, то у насъ они на каждомъ шагу и нашимъ женщинамъ нечего, конечно, и мечтать о совмѣстномъ ученіи мужчинъ и женщинъ въ однихъ университетахъ. Онѣ должны основывать свой университетъ.

Какой же это долженъ быть университетъ и на какія деньги его основать и содержать?

У насъ нѣтъ пока частныхъ университетовъ; всѣ наши университеты вазенные, учрежденные для цѣлей государственныхъ. Богѣ или менѣе къ этимъ цѣлямъ и приспособлены различныя факультеты и курсъ наукъ въ нихъ, и получившіе дипломъ имѣютъ предъ собою открытую, торную дорогу государственной службы, на которой въ такомъ обиліи рассыпаны чины, и кресты, и хорошеокладныя мѣста, что выступающій на нее въ длинной, представляющей ему перспек-

тивъ поощреній, не видятъ конца ожидающимъ его земнымъ благамъ въ будущемъ. Еслибы такая же привлекательная широкая дорога открывалась передъ русскими женщинами, то имъ ничего болѣе не оставалось бы, какъ взять за образецъ для своего университета готовый мужской университетъ, ввести у себя тѣ же факультеты, тѣ же науки и т. д. и начинать съ Богомъ ученіе.

Но въ настоящемъ не представляется пока ни малѣйшихъ признаковъ того, чтобъ нашимъ женщинамъ скоро была открыта дорога государственной службы; даже подъ вопросомъ остается и то, будутъ ли имъ даваться дипломы по всѣмъ факультетамъ, еслибы явились самыя достойныя исеательницы таковыхъ. Впрочемъ, еслибы послѣднее обстоятельство и не подлежало сомнѣнію, то все-таки дипломъ безъ права на государственную службу не имѣлъ бы для женщинъ почти никакого практическаго значенія. И женщины юристы, и женщины камералисты, и женщины филологи, математики и т. д. сидѣли бы съ своими дипломами дома, не имѣя никакой возможности конкурировать съ мужчинами, потому что мѣста конкуренціи, т.-е. присутственныя мѣста, суды, учебныя казенныя заведенія были бы для нихъ закрыты. Оставалась бы незначительная практика только для тѣхъ, которыя посвятили бы себя педагогикѣ; мы говоримъ: незначительная, потому что въ странахъ, гдѣ все просвѣщеніе находится въ рукахъ правительства и гдѣ общество мало развито, ученый дипломъ мало можетъ имѣть значенія безъ практической аттестаціи этого диплома самимъ правительствомъ, а эта практическая аттестація со стороны правительства можетъ выразиться ни въ чемъ другомъ, какъ въ принятіи имѣющихъ подобныя дипломы въ государственную службу.

Есть только единственный отдѣлъ знаній, гдѣ женщина можетъ надѣяться безпрепятственно получить дипломъ отъ правительства и гдѣ она, вооруженная этимъ дипломомъ безъ всякой поддержки со стороны правительства, можетъ смѣло выступить на путь практической конкуренціи съ мужчиной,—это отдѣлъ знаній медицинскихъ. Что правительство не только не будетъ препятствовать здѣсь полученію ученыхъ дипломовъ женщинами, но будетъ даже поощрять послѣднихъ, мы думаемъ потому, что число существующихъ у насъ медиковъ нисколько не соответствуетъ количеству и потребностямъ народонаселенія. У насъ не только цѣлыя деревни, волости, уѣзды остаются безъ медиковъ, но даже во многихъ губернскихъ городахъ можно найти только медиковъ казенныхъ, ограничивающихъ свою практикую исключительно губернской аристократіею и имѣющихъ мале отношенія къ остальному населенію. Причина этого заключается въ томъ, что состоя на службѣ, пользуясь содержаніемъ отъ казны, медики не имѣютъ ни времени, ни охоты искать слудной частной практики въ бѣдной средѣ народонаселенія, которое отъ этого, съ своей стороны, исключая самыхъ крайнихъ случаевъ,

старается бѣгать медиковъ, какъ и вообще чиновниковъ и имѣть къ нимъ въ общемъ такъ же мало довѣрія, какъ и къ послѣднимъ: такъ дѣло идетъ въ губернскихъ городахъ. О городахъ уѣздныхъ, и наконецъ, о сельскомъ народонаселеніи и говорить нечего: тамъ доселѣ обходится безъ всякихъ медицинскихъ пособій. Знахаряи и знахарки врачуютъ всѣ болѣзни посредствомъ заговоровъ, нашептываній и разныхъ, непринсящихъ никакой пользы сладобій. И это еще хорошо, потому что по крайнемѣрѣ безвредно. А то дають иногда такіа сладобія, которыя убиваютъ здоровье человека на всю жизнь, а иногда стоють ему и самой жизни. Какъ исчислить всѣ тѣ жертвы, которыя ежегодно исчезаютъ такимъ образомъ съ лица земли? Можетъ быть, рѣчь цѣломъ ихъ надобно считать десятками тысячъ. Неважно какойнибудь ушибъ, ничтожный нарывъ и опухоль, легкая простуда, на которыя не обращено было вниманія при ихъ появленіи, мало-по-малу принимаютъ опасный характеръ и осложняются, наконецъ, болѣзнями неизлечимыми или оканчиваются смертію. Но если у насъ вообще мало медиковъ, — то объ акушеркахъ и говорить нечего. Самые достаточные люди, которые сомнеають уже необходимость прибѣгать въ болѣзни къ помощи знахника, при родахъ ограничиваются акушерками, теоретически унонія которыхъ такъ ничтожны, что едва-ли нужно объ этомъ самнать. За тѣмъ все остальное народонаселеніе довольствуется доселѣ простыми повивальными бабками или бабками-повитухами, глубину невѣжества которыхъ трудно измѣрить какою-нибудь мѣрою, и которыя производятъ несличанные ужасы съ рожденицами. Еслибы была возможность собрать статистическія свѣдѣнія о всѣхъ несчастныхъ случаяхъ съ новорожденными и рожденицами, происходившими отъ невѣжества акушеровъ и бабогъ-повитухъ, мы удостовѣрились бы, что смертность, ими производимая, можетъ выдержать конкуренцію съ любой эпидеміей. Мы твердо убѣждены, что только одна женщина, введенная въ качествѣ медвѣа въ среду нашего народонаселенія, способна будетъ превратить, или, по крайнемѣрѣ, возможно уменьшить всѣ эти страданія и ужасающую смертность. Вопервыхъ, потому, что она одна будетъ способна прочно оснѣваться среди сельскаго народонаселенія и свободно и самоотверженно посвятить себя дѣлу служенія меньшихъ братьевъ, среди ихъ непривлечательной и скучной обстановки; она не потребуетъ большаго оклада жалованья, какіе необходимы для медиковъ-мужчинъ; съумѣетъ ограничиться малымъ и вообще приспособить себя къ средствамъ населенія; во-вторыхъ, потому, что она съумѣетъ быстро приобрѣсти себѣ довѣріе сельскаго народонаселенія; отъ нея не будетъ вахнуть тоя чиновности, санаха которой не чужды самые лучшие наши медики, и слѣдовательно, она вообще не будетъ нугать своей особой сельскаго населенія, а главное, по самому полу своему станетъ въ самыя близкія сношенія съ населеніемъ женскимъ, а въ немъ, въ данномъ случаѣ, главный корень и главная сила

для всѣхъ возможности улучшеній. По всѣмъ означеннымъ соображеніямъ, мы думаемъ, что правительство хотѣло не будетъ затруднять кончину въ приобретеніи медицинскихъ степеней, но будетъ облегчать ей этотъ путь, въ той надеждѣ, что съ теченіемъ времени, по мѣрѣ того, какъ общество будетъ привыкать видѣть женщину въ профессіи медика, и число такихъ профессионалистокъ сдѣлается значительно, оно само будетъ имѣть возможность воспользоваться ихъ услугами и для своихъ дѣлъ. Въ послѣднюю крымскую и американскую войны, женщина, даже не вооруженная медицинскими знаніями, выказала такъ много преданности и самоотверженія въ дѣлѣ служенія страдающему человѣчеству, такъ много проникаемости и умѣнья для этого дѣла, что обратила на себя вниманіе всего образованнаго міра. Вспомнимъ здѣсь услуги леди Найтингаль (Nightingal) для англійской арміи во время крымской войны.

На этомъ пути служенія страдающему человѣчеству женщина хотя и не обойдется безъ трудностей и непріятностей, которыя, впрочемъ, первоначально встрѣтять ее на всѣхъ путяхъ конкуренціи съ мужчинами, но здѣсь она легче, нежели гдѣ нибудь, можетъ надѣяться выдержать конкуренцію съ мужчинами и приобрести самостоятельное положеніе. Общественное мнѣніе здѣсь не можетъ быть такъ непріязненно и не выкажетъ такого противодѣйствія противъ женщины, какъ въ другихъ профессіяхъ. Что касается до нашего сельскаго народонаселенія, то оно съ незапамятныхъ временъ привыкло смотрѣть на врачебныя знанія, какъ на принадлежащія преимущественно, если не исключительно женскому полу. Женщина-леварка, знахарка—обыкновенная профессія въ нашемъ простомъ народѣ. Образованное общество со времени Петра успѣло воспитаться въ этомъ отношеніи надъ другими возрѣніями. Но отчасти движеніе современныхъ идей, имѣющихъ свое вліяніе на нѣкоторую часть общества, а главнымъ образомъ настоятельная нужда въ женщинахъ-медикахъ, собственно для женщинъ, которая оказывается тѣмъ сильнѣе, что съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе усматривается вліяніе такъ называемыхъ женскихъ болѣзней на правильность почти всѣхъ вообще отправленій женскаго организма, — уже и въ настоящее время значительно подрыли или видоизмѣнили въ общественномъ мнѣніи означенныя возрѣнія. Первые усилки женщинъ-медиковъ въ практикѣ уничтожатъ эти возрѣнія окончательно. Вопросы здоровья и болѣзни, жизни и смерти—вопросы слишкомъ для каждаго важныя, чтобы предзанятое мнѣніе или предубѣжденіе могло воспрепятствовать отдать здѣсь справедливость тому, кому она будетъ принадлежать по таланту и успѣхамъ. Еще можно представить, что человѣкъ сильно предубѣжденный претивъ женскаго общественного труда, можетъ не воспользоваться услугами женщины-адвоката, женщины-педагога, еслибы послѣднія были и самыми блистательными явленіями въ этихъ сферахъ дѣятельности въ данный моментъ; но когда дѣло касается до

вопроса жизни и смерти, то самый завзятый противник женщины-медиков забудет свое предубѣжденіе и пригласитъ женщину-медика для леченія, если она своими талантами и успѣшною практикою успѣла приобрести репутацию и славу отличнаго медика въ общественномъ мнѣніи. Наконецъ, здѣсь встаетъ вопросъ и о томъ, что у насъ въ Россіи едва-ли можно найти принципъ, на которомъ женщина могла бы такъ легко конкурировать съ мужчиною, какъ медицинское. Большая часть нашихъ медиковъ въ уѣздахъ и губерніяхъ похожа скорѣе на чиновниковъ, занятыхъ службою, чѣмъ на дѣйствительныхъ медиковъ. Многие изъ нихъ начинаютъ забывать и тѣ скудные знанія, которыя они выносятъ изъ заведеній, почти съ перваго дня оставленія ими школьной скамьи, и къ половинѣ своего служебнаго поприща обыкновенно не знаютъ почти ничего. Другіе хотя и не забываютъ того, что вынесли со школьной скамьи, но за то не двигаются и впередъ и не имѣютъ возможности двигаться, заваленные множествомъ служебныхъ занятій. Такимъ образомъ, внимательное и серьезное занятіе женщины-медиковъ своимъ дѣломъ въ короткое время поставитъ ихъ выше медиковъ-мужчинъ въ общественномъ мнѣніи, и тѣмъ откроетъ имъ право на конкуренцію съ мужчинами и на другихъ поприщахъ дѣятельности послѣднихъ.

И такъ, русскія женщины поступать, по нашему мнѣнію, очень практично, если на первый разъ удовольствуются открытіемъ женскаго университета съ однимъ медицинскимъ факультетомъ. Это потребуетъ отъ нихъ меньше расходовъ, потому дастъ имъ возможность въ болѣе значительномъ числѣ выступить на медицинское поприще, и такимъ образомъ невольно привлечь къ себѣ вниманіе общества, что на первый разъ весьма важно, ибо дѣйствуя въ одиночку на разныхъ поприщахъ мужскаго труда, онѣ останутся ни для кого непримѣтными, или будутъ считаться пріятными исключеніями, и не завоеуютъ общаго признанія своимъ талантамъ и успѣхамъ,—а это для нихъ равносильно проигрышу ихъ общаго дѣла. Мы никакъ не думаемъ, чтобы число учащихся въ университетѣ женщинъ было на первый разъ очень значительно; во всякомъ случаѣ, во всѣхъ курсахъ университета оно едва-ли будетъ превышать 300 чел. Слѣдовательно, каждый полный выпускъ будетъ давать не болѣе 50 человекъ. Но такъ-какъ полныхъ выпусковъ едва-ли когда и ожидать можно, такъ-какъ многія въ теченіе ученія будутъ оставлять университетъ по болѣзни, нежеланію, неспособности, домашнимъ обстоятельствамъ, то каждый выпускъ можно считать не болѣе 20—30 человекъ—цифра не очень значительная для того, чтобы женщины могли скоро дѣлаться примѣтными и видными для общества въ качествѣ медиковъ.

Намъ могутъ возразить, что если для женщинъ важно завоевать общественное мнѣніе въ пользу своихъ талантовъ и способностей на поприщѣ конкуренціи съ мужчинами, то не ме-

нѣе еще, если не болѣе, важно удовлетвореніе естественнаго желанія и способности къ знанію. А вѣдь не всѣ женщины желаютъ, и способны заниматься медицинскими науками, — следовательно, основаніе университета съ однимъ медицинскимъ факультетомъ не удовлетворитъ любознательности и желанія всѣхъ, ищущихъ образованія, женщинъ. На это мы отвѣствуемъ, что медицинскій факультетъ заключаетъ въ себѣ собственно два курса: курсъ естественныхъ наукъ и курсъ медицинскій. Но эти два курса въ женскомъ университетѣ должны быть, по нашему мнѣнію, предварены курсомъ высшихъ наукъ общаго образованія; мы думаемъ, что это хорошо бы сдѣлать не только въ женскомъ университетѣ, "но даже въ нашей медицинскій академіи, какъ это, кажется, давно уже совѣтывали «Московскія Вѣдомости», доказывая, по нашему мнѣнію, весьма справедливо, что главная причина несостоятельности нашихъ медиковъ заключается въ недостаткѣ общаго образованія.

Для предварительнаго курса общеобразовательныхъ наукъ достаточно прибавить одинъ годъ къ нынѣшнему пятигодичному курсу медицинской академіи. И тогда женскій университетъ, обнимая въ себѣ науки трехъ разрядовъ, будетъ удовлетворять любознательности всѣхъ женщинъ, ищущихъ серьезнаго образованія однихъ вполне, другихъ, т.-е. ограничивающихся курсомъ наукъ общаго образованія, по крайней-мѣрѣ, на столько, что, выслушавъ этотъ курсъ въ университетѣ, женщина сама будетъ въ состояніи заниматься ими самостоятельно.

Мы сказали, что и на медицинскомъ поприщѣ конкуренціи съ мужчиною женщины завоюютъ себѣ успѣхъ не безъ непріятностей и не безъ трудностей. Такъ, по крайней-мѣрѣ, было въ Америкѣ, такъ идетъ дѣло въ Англіи, — и мы не имѣемъ никакого основанія думать, чтобы у насъ ожидали женщины-медики однѣ розы безъ шиповъ.

«Въ настоящее время американскія женщины имѣютъ уже для изученія медицины, вполне утвержденныя, собственно женскія коллегіи, по одной въ каждомъ изъ главныхъ городовъ восточныхъ штатовъ въ Нью-Йоркѣ, Филадельфіи и Бостонѣ. До появленія этихъ коллегій одна или двѣ изъ мужскихъ медицинскіхъ коллегій допускали ограниченное число женщинъ въ свои аудиторіи. Первая изъ нихъ, сдѣлавшая это и навлекшая на себя тѣмъ гнѣвъ всего медицинскаго сословія, была коллегія Женевская въ Нью-Йоркѣ. Елисавета Блэквелль (Blackwell), англичанка, была принята здѣсь для ученія въ 1847 году, просившись предварительно напрасно во многія другія заведенія. Ранние знаменитые медики старались убѣдить ее, что ея идея эксцентрична, упрямая и неправдична. Женевскія лѣди первыя объявили, что она-должна быть сумасшедшая, и что онѣ никогда не согласятся лечиться у женщины-медика. Послѣ полученія ученой степени въ 1852 году, Елисавета Блэквелль встрѣтила величайшее затрудненіе въ томъ, чтобы въ Нью-Йоркѣ, гдѣ она хотѣла по-

мѣститься, отыскать себѣ квартиру съ позволеніемъ выставить свое имя и титулъ. Ей отказали въ мѣстѣ въ отдѣленіи для женщинъ и дѣтей при бесплатной аптекѣ, хотя она и представляла высокое удостовѣреніе въ своемъ званіи. Ея просьба дозволить ей посѣщать неключительно женскія палаты госпиталей оставлена, какъ недостойная вниманія. Такъ смотрѣли на женщинъ-медиковъ въ Америкѣ не далѣе, какъ въ 1852 г. Съ того времени двѣнадцать медицинскихъ школъ, учрежденныхъ для мужчинъ, стали допускать женщинъ и давать имъ степени. Эти школы были главнымъ образомъ въ Цинциннати и Клеветандѣ, большихъ городахъ въ западномъ штатѣ Огіо. Съ того же времени въ Нью-Йоркѣ многіе изъ большихъ госпиталей позволили женщинамъ слушать медиковъ во время осмотра послѣдними больныхъ. За послѣдніе шесть лѣтъ госпиталь Bellevue принужденъ былъ также допустить женскихъ студентовъ, записанныхъ въ Нью-Йоркѣ, потому что въ его уставѣ не уазывалось на погъ студентовъ. Женщины, которыя настаивали на правахъ своихъ пользоваться госпиталемъ Bellevue, были сначала очень дурно трактуются тамъ какъ профессорами, такъ и студентами; теперь непріятности отъ этого источника прекратились. Но есть много привилегій, такихъ, наприжъръ, какъ пріемъ больныхъ во время лекцій, и ежедневныя операціи, которыми женщины находили неудобнымъ для себя пользоваться въ заведеніяхъ, издавна учрежденныхъ для однихъ только мужчинъ. Были также нѣкоторыя женщины, которыя борчилисъ отъ одной мысли, что имъ придется слушать всѣ науки, относящіяся до медицины, въ однихъ аудиторіяхъ съ молодыми людьми. И потому онѣ рѣшились основать госпитали и хирургическіе клиники свои собственныя.

Около двадцати лѣтъ назадъ въ Бостонѣ, въ Массачузетѣ была учреждена первая американская медицинская коллегія для женщинъ. Она началась очень нешироко, имѣла двухъ только профессоровъ и курсъ ученія ограничивался цѣлю «приготовлять женщинъ въ акушерки и къ леченію женскихъ и дѣтскихъ болѣзней». Въ 1847 году Самуэль Грегори (Gregory) изъ Бостона, читалъ въ Бостонѣ и по сосѣдству лекціи о пользѣ преподаванія женщинамъ практической медицины; въ заключеніе одной изъ этихъ лекцій, была подписана петиція къ правительству о позволеніи учредить коллегію для этой цѣли. Въ ноябрѣ 1848 г. собралось двѣнадцать леди и образовали изъ себя медицинскій классъ. Доктора Корнелль (Cornell) и Ральфсъ (Ralls) были приглашены читать лекціи. Около этого же времени нѣсколько джентльменовъ образовало общество, чтобы содѣйствовать этому движенію. Въ 1850 году состоялся актъ Массачузетскаго законодательства, учреждавшій женское воспитательное общество, «съ цѣлю заботиться объ образованіи акушерокъ, сидѣлокъ и женскихъ медиковъ», и представлявшій обществу право имѣть собственность и раздавать ученые степени. Общество возрасло

быстро въ числѣ и переросло свои прежніе предѣлы ученія, такъ что навадь тому много лѣтъ, оно имѣло уже полный составъ профессоровъ, преподававшихъ всѣ отдѣлы медицины и хирургіи. Навадь тому нѣсколько лѣтъ правительство дало ему десять тысячъ долларовъ для возведенія зданія; кромѣ того, оно получило около сорока тысячъ долларовъ отъ завѣщаній и пожертвованій. Такимъ образомъ оно получило возможность содержать само себя, и въ продолженіе многихъ лѣтъ имѣеть безплатную аптеку, гдѣ женщины пользуются ежедневной практикой подъ руководствомъ женскихъ профессоровъ.

Филадельфійское заведеніе было основано двумя годами позже бостонскаго, получивъ свой уставъ въ 1850 году. Основателемъ его былъ докторъ Іосифъ Лэнггоръ (Langhore). Оппозиція этому заведенію была весьма сильна. Пенсильванское медицинское общество въ своемъ постановленіи выразило явную вражду къ женщинамъ-медикамъ, порѣшивъ не принимать ихъ въ консультаціи ни въ какихъ обстоятельствахъ и исключать тѣхъ изъ своихъ членовъ, которые бы это сдѣлали. Однакожь, съ того времени, какъ американская медицинская ассоціація постановила «признавать хорошо-образованныхъ медиковъ изъ женщинъ состоящими подъ тѣми же самыми законами, которыми управляются и его собственные члены», сомнительно, чтобы общество штата способно было поддерживать свое рѣшеніе въ виду рѣшенія національной ассоціаціи. Филадельфійская коллегія образовала много женщинъ, и хотя она не такъ еще цвѣтуща, какъ нѣкоторые другія, но она постоянно возрастаетъ въ довѣріи публики.

Энергическая женщина, докторъ Лозинъ (Lopin) рѣшилась учредить женскую медицинскую коллегію въ Нью-Йоркѣ, и въ 1861 году правительство дало разрѣшеніе на медицинскую коллегію, госпиталь и бесплатную аптеку для женщинъ и дѣтей. Этой коллегіи весьма много повредила борьба аллопатовъ и гомеопатовъ за контроль надъ нею, и доселѣ она, можетъ быть, не вполне исполнила ожиданія ея друзей; но ея студенты имѣють большія преимущества въ нью-йоркскихъ госпиталяхъ, и ея дальнѣйшіе успѣхи не подлежатъ сомнѣнію».

Изъ этихъ трехъ заведеній вышло болѣе трехсотъ женщинъ, получившихъ ученныя степени, и почти столько же женщинъ-практиковъ выпущено изъ коллегій, допускающихъ къ слушанію лекцій и мужчинъ и женщинъ.

Обращаясь къ вопросу о средствахъ для основанія женскаго университета въ Россіи, мы думаемъ, что счастливое разрѣшеніе этого вопроса будетъ вполне зависѣть отъ самихъ женщинъ, отъ ихъ заботъ о своемъ дѣлѣ. Въ поясненіе этого мы скажемъ здѣсь нѣсколько словъ о положеніи женщины въ нашемъ обществѣ.

О русской женщинѣ можно сказать, что доселѣ она не имѣеть никакого общественнаго положенія. Потому что доселѣ, исключая нѣкоторыхъ опытовъ въ литературѣ, и то, впрочемъ, весьма посредственныхъ, она не заявила себя ни въ одной отрасли

общественной дѣятельности. Въ этомъ отношеніи она не можетъ быть сравнена не только съ женщинами Америки, но даже женщинами Англіи, Франціи, потому что всюду, гдѣ дѣйствуютъ или дѣйствовали свободныя учрежденія, женщина, несмотря на свою гражданскую и политическую неполноправность, имѣла возможность временами заявлять примѣтныя для общества, а иногда и блистательныя образы свою дѣятельность въ разныхъ общественныхъ сферахъ. Англія, гдѣ, какъ мы уже видѣли выше, существуютъ доселѣ среднѣвѣковыя понятія относительно гражданского положенія женщинъ, можетъ выставить дѣлшія рядъ женскихъ именъ, оказавшихъ несомнѣнныя услуги своему отечеству преобразованиемъ или улучшеніемъ старыхъ общественныхъ учреждений, насажденіемъ новыхъ въ разныхъ отрасляхъ общественной дѣятельности. Поэтому тамъ женщина обезпечена на столько по крайней мѣрѣ въ общественномъ мнѣніи, что если она ищетъ общественной дѣятельности, то это ни для кого не дико, и нѣтъ оглушающихъ криковъ, что она затѣваетъ дѣло не женское. У насъ же, да еще можетъ быть, въ подходящей къ намъ нѣсколько по своимъ правамъ Германіи, женщина до того унижена въ общественномъ мнѣніи, что всякій шагъ ея на общественное поприще, даже поползновеніе на этотъ шагъ почитается на худой конецъ глупостію, дѣтскимъ неразуміемъ; а очень многіе смотрятъ на это, какъ на ясный признакъ безнравственности. Женщинѣ захотѣлось побить на волѣ, нежить въ свое удовольствіе... вотъ и причина, почему въ ней загорѣлось желаніе учиться, или страсть къ работѣ. Этотъ взглядъ, болѣе или менѣе проникающій все общество, дѣлаетъ то, что женщинѣ приходится нерѣдко свои исканія, весьма резонныя и похвальныя, выстрадать или униженіемъ или прямиыи оскорбленіемъ. Люди самые серьезныя и согрѣтые искреннею любовію къ просвѣщенію и ко всему хорошему, смотрятъ на женщину, когда она начинаетъ просить о дѣлѣ, какъ на неразумное дитя, съ недовѣріемъ, улыбкой сомнѣнія, полупрезрѣніемъ, а встрѣчаются и такіе изъ серьезныхъ людей, которые просто дерзаютъ на самыя непрямичныя и не позволительныя вещи. Нынѣшнимъ лѣтамъ въ Берлинѣ одна русская дѣвушка захотѣла посмотреть одинъ музей, находившійся въ завѣдываніи одного знаменитаго ученаго мужа. Мужъ этотъ, почтенный уже старецъ, имѣющій нѣсколько взрослыхъ и замужнихъ дочерей, принялъ нашу соотечественницу очень вѣжливо, любезно, разговоръ повелъ очень умный, съ полнымъ сочувствіемъ къ ея любознательности... какъ вдругъ, о ужасъ! во время разговора засовываетъ непрямѣнно къ ней руку подъ мантилью къ мѣстамъ совершенно не позволительнымъ. Дѣвушка сначала ошнѣла отъ удивленія, потомъ ошомилась, разговорила, конечно, ему очень неслестныхъ вещей, но опаску не дала, а ограничилась только тѣмъ, что рассказала объ этомъ происшествіи своимъ землякамъ. Русскіе, конечно, приняли участіе въ своей соотечественницѣ; нѣкоторые до того разгорачи-

лись, что хотѣли на ученаго нѣмца написать обличеніе въ нѣмецкихъ газетахъ. Но по справкамъ оказалось, что этотъ ученый очень долго служилъ въ Россіи, и такимъ образомъ приходилось писать обличеніе противъ своего же соотечественника; а писать въ Германіи обличеніе противъ своего соотечественника значило бы нѣкоторымъ образомъ писать не въ честь и славу своего отечества. Ибо великій нѣмецъ сказалъ бы, что обличаемый пригнѣсь свой дурной запахъ въ Германію изъ Россіи. И опровергнуть его намъ было бы нечѣмъ, хотя онъ сказалъ бы вполне несправедливо. Ибо сколько мы ни знаемъ сношеній нашихъ женщинъ, ищущихъ образованія, съ разными учеными, профессорами, докторами, мы не слышали ни одного случая, гдѣ бы кто нибудь изъ послѣднихъ позволилъ себѣ не только вольное дѣйствіе, но даже вольное слово, — мы думаемъ даже, и вольную мысль. Правда, говорить, что есть одна или двѣ личности, которыя съ большею готовностію оказываютъ услуги женщинамъ хорошенькимъ, нежели неимѣющимъ этого достоинства. Но не отказываютъ въ услугахъ и послѣднимъ и, слѣдовательно, тутъ совсѣмъ ничего... кромѣ невольнаго умеченія красотою ничего нѣтъ.

Съ большею основательностію можно обвинять нашихъ серьезныхъ людей во взглядѣ на женщинъ, ищущихъ образованія и дѣла, какъ на неразумныхъ дѣтей, въ не серьезномъ отношеніи къ ихъ исканіямъ, въ недовѣріи ихъ цѣлямъ. Это есть и теперь во многихъ серьезныхъ людяхъ, а прежде было и гораздо больше. Но петербургскія женщины своими неутомимыми исканіями, своими безпримѣрными терпѣніемъ, своими серьезными занятіями успѣли сломать или, по крайней-мѣрѣ, подорвать существовавшее противъ нихъ предубѣжденіе во многихъ. Россія знаетъ пока только одну Суслову, получившую ученую степень; но теперь есть десятки женщинъ, подготовленныхъ очень основательно и солидно и неимѣющихъ только средствъ вступить на тотъ же путь, который шла Суслова.

Еслибы рассказать, какими путями шли эти женщины въ своей дѣлѣ, сколько преодолѣли затрудненій, сколько перенесли лишений, сколько вынесли неприятностей семейныхъ, сколько вытерпѣли всякихъ взглядовъ, намековъ, оскорбленій отъ обружающаго ихъ общества, то передъ подвигами русскихъ людей поблѣднѣли бы подвиги люди Влѣвель, или повзались не болѣе, какъ маленькими неудобствами, неизбежными на всякомъ новомъ пути, о которыхъ и говорить не стоитъ. Русское общество никогда, какъ извѣстно, не отличалось и не отличается и теперь высокою или строгостію своей нравственности. Оно весьма снисходительно смотритъ на слабость половъ, — и если есть мужья, имѣющіе по нѣсколько любовницъ, то съ другой стороны есть столько же, если не болѣе, самыхъ почтенныхъ матронеъ, считающихъ десятками своихъ любовниковъ, и это не только не роняетъ ихъ въ обществѣ, но даже не мѣшаетъ имъ оставаться высоко-

почтенными и слить добродѣтельными. Пустота, ничтожество, неготовство въ женщинѣ — для русскаго общества все это ничто. Но оно не могло простить ей, когда она начала писать серьезнаго образованія. Женщины, ищущихъ образованія, старались очернить всевозможными клеветами, преслѣдовали и старались оговорить самый видный костюмъ ихъ; многіе третировали ихъ, какъ публичныхъ женщинъ. Все это вынесла на своихъ плечахъ петербургская женщина, и въ этомъ долготерпѣнн и упорномъ и неуклонномъ преслѣдованіи ею своей цѣли заключается причина, почему въ Петербургѣ теперь стало не дико, что та или другая женщина ищетъ высшаго образованія или труда.

Это, по нашему мнѣнію, единственный путь и всюду слѣдить или по крайней-мѣрѣ ослабить существующее въ обществѣ предубѣжденіе противъ женщинъ, и болѣе или менѣе приучить его смотрѣть на стремленіе женщинъ къ общественной дѣятельности, какъ на стремленіе весьма естественное и законное, по крайней-мѣрѣ, не какъ на глупость. Нѣмецкія писательницы на собраніи по женскому вопросу, бывшемъ назадъ тому около пяти лѣтъ, справедливо порѣшили, что женщины сами должны позаботиться о томъ, чтобы возбудить общественное вниманіе къ своему вопросу, — на мужчинъ, дескать, тутъ надѣяться нечего. Но мы думаемъ, что вниманіе можетъ быть возбуждено не столько литературными разглагольствованіями о женскомъ вопросѣ, сколько неослабѣвающимъ дѣятельностію самихъ женщинъ, неутомимымъ съ ихъ стороны преслѣдованіемъ своей цѣли. Нужно позаботиться о томъ, чтобы соединить какъ можно большее количество женскихъ силъ для дѣйствія къ этой цѣли. Объ этомъ позаботились давно уже въ другихъ странахъ. Не только въ Америкѣ и Англій, но въ послѣднее время въ Германіи организовано множество женскихъ фереинъ съ скромною цѣлію содѣйствовать женскому промышленному труду. Такіе фереины имѣются въ Берлинѣ, Вѣнѣ, Гамбургѣ, Бреславлѣ, Лейпцигѣ, Ганноверѣ и другихъ мѣстахъ. Какъ ни ограничена программа дѣятельности подобныхъ фереинъ, но важно то, что они держатъ постоянно въ виду общества женскій вопросъ, какъ настоятельный, не даютъ ему затеряться, и такимъ образомъ приучаютъ общество смотрѣть на стремленіе женщинъ къ самостоятельной общественной дѣятельности, какъ на вполне легальное. Это одно. А кромѣ того также, если не болѣе еще важно то, что они пробуждаютъ самихъ женщинъ отъ многолѣтняго усыпленія, поощряютъ ихъ къ исканію и облегчаютъ путь для этого.

Было бы очень полезно, еслибы подобныя женскіе фереины организовались въ нашихъ губернскихъ и большихъ уѣздныхъ городахъ — съ цѣлію содѣйствія распространенію высшаго женскаго образованія и развитію самостоятельнаго женскаго труда. Такіе фереины много облегчили бы и дѣло устройства женскаго университета, и будущее его прочное процвѣтаніе.

На полное устройство женскаго университета со всеми его ученими и учебными заведениями, пособиями, прочнымъ обеспеченіемъ ремонта всего этого и жалованья служащимъ требуется не менѣе милліона рублей. Для приобрѣтенія этой суммы не предвидится никакихъ другихъ источниковъ, кромѣ частныхъ пожертвованій со всей Россіи. Само собою разувѣется, что сумма эта не потребуетъ вдругъ; она можетъ поступать по частямъ, по мѣрѣ расширенія круга занятій и потребностей въ университетѣ, и потому можетъ собираться въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Но для успѣха этихъ сборовъ необходимо постоянное, неослабѣвавшее участіе въ этомъ дѣлѣ самихъ женщинъ, а главное, необходимо, чтобы женскій вопросъ не терялся изъ виду русскаго общества, чтобы, напротивъ, по возможности, повсюду было возбуждено или напряжено къ нему вниманіе всего общества, чтобы онъ казался вопросомъ настоятельнымъ, неотложнымъ.

ВОРОНЕЖСКІЙ ЛЕССИНГЪ.

Когда рѣчь заходитъ объ общественныхъ памятникахъ великимъ или замѣчательнымъ людямъ, у меня всегда является мысль: отчего это вошло въ обычай ставить памятники людямъ давно умершимъ, отчего не ставить памятниковъ людямъ живымъ? Вѣдь всѣ великіе и замѣчательные люди проявляютъ свое величіе или оказываютъ заслуги отечеству во время своей жизни въ виду всѣхъ. Странно не замѣчать этой великой, но благотворной ихъ дѣятельности во время ея шумящаго, или, по крайней-мѣрѣ, болѣе или менѣе вліяющаго теченія, а потомъ, когда она превратится и когда совершенно вымретъ поколѣніе людей, знавшихъ ее и изумлявшихся ей, отыскивать живыхъ слѣдовъ ея или въ архивахъ — этихъ хранилищахъ канцелярскихъ измышлений, гдѣ трудно найти не только что нибудь полезное на жизнь, а часто и какой нибудь смыслъ, или въ случайныхъ сказаніяхъ и преданіяхъ современниковъ, гдѣ личная точка зрѣнія, всегда почти крайне-ограниченная и узкая, незначіе дѣла, а нерѣдко и личная страсть и недобросовѣстность такъ запачкиваютъ личности историческихъ дѣятелей, что реставрированіе ихъ дѣлается почти исключительно невозможнымъ. Кто не знаетъ, что безчисленное множество великихъ и замѣчательныхъ людей, оказавшихъ несомнѣнныя услуги человечеству въ прошедшемъ, неизвестны намъ теперь даже только по имени, между тѣмъ, какъ другіе, которые не принесли человечеству ничего, кромѣ страшнаго вреда, фигурируютъ во всѣхъ исторіяхъ, къ качествѣ благодѣтелей человечества, рекомендуются къ почитанію

какъ образцы для подражанія, и почтены въ разныхъ мѣстахъ дорогими народными памятниками?

Мнѣ могутъ возразить, что оцѣнить жизнь великаго или замѣчательнаго челоуѣка во время ея теченія въ ея внутреннихъ основаніяхъ, будетъ, пожалуй, еще труднѣе, чѣмъ послѣ ея прекращенія, въ особенности, если великіе и замѣчательные люди будутъ знать, что имъ при жизни *можетъ* быть воздвигнутъ памятникъ. Не говоря уже о томъ, что вещь совершенно невозможная, вынуть замѣчательную дѣятельность какого бы то ни было лада во всемъ объемѣ ея дѣйствія изъ общаго потока жизни, съ которымъ она неразрывно связана, — а это, между тѣмъ, необходимо для правильной ея оцѣнки, — найдется много такихъ претендентовъ на величіе и замѣчательность, которые для современниковъ ловчѣе всѣхъ дѣйствительно великихъ и замѣчательныхъ людей съумѣютъ выставить свое величіе и замѣчательность, и нѣтъ никакого сомнѣнія, оставятъ послѣднихъ безъ всякой надежды на памятникъ. А съ другой стороны, великіе и замѣчательные люди и не согласятся на постановку имъ памятниковъ при ихъ жизни.

Что касается до перваго изъ этихъ возраженій, то конечно, нельзя отрицать, что въ немъ есть своя доля правды. Но неудобство, въ немъ указываемое, на нашъ взглядъ, можетъ быть значительно устранено нѣкоторыми мѣрами. Именно, не надобно воздвигать памятниковъ только общенародныхъ или обще-общественныхъ (читатель увидитъ ниже, что, въ точномъ смыслѣ слова, такихъ памятниковъ нѣтъ и теперь), а надобно дозволить памятникъ, если позволено будетъ такъ выразиться, *кружковымъ, кумоскимъ*. Общественная жизнь разбивается, обыкновенно, на безчисленное множество кружковъ; въ каждомъ кружкѣ есть непременно свой великій или замѣчательный челоуѣкъ; пусть каждый кружокъ и ставитъ, если онъ хочетъ, памятникъ своему великому или замѣчательному челоуѣку. Каждый кружокъ хорошо знаетъ каждаго изъ своихъ членовъ, и тутъ трудно будетъ ловкимъ претендентамъ на величіе и замѣчательность предвосхищать памятникъ у людей дѣйствительно-великихъ и замѣчательныхъ. Конечно, каждый кружокъ можетъ имѣть свое воззрѣніе на величіе и замѣчательность, которое не всегда можетъ подходить подъ нормальную мѣрку; но если это воззрѣніе непротивозаконно, то кому же какое до этого дѣло. А кромѣ того, много ли и теперь, изъ такъ-называемыхъ, народныхъ и общественныхъ памятниковъ можно насчитать такихъ, которые устояли бы при нормальной ихъ оцѣнкѣ? Да и гдѣ, наконецъ, найти такую мѣрку для нихъ, которую признали бы все нормальное? Не забудемъ при этомъ, что при рекомендуемомъ нами способѣ воздвигать памятники, относительно ихъ возмѣла бы между кружками живая полемика, которая до послѣднихъ мелочей выяснила бы достоинства и недостатки личностей, удостоившихъ памятникъ, — и потомкамъ незначѣмъ было бы рыться въ архивной

или или темныхъ и пристрастныхъ оцѣнокъ современниковъ, чтобъ оцѣнить ту или другую великую и замѣчательную личность прошедшаго. Они черпали бы свѣдѣнія изъ живаго источника. Такимъ образомъ, при нашемъ проектѣ, нравственная сторона дѣла, очевидно, выигрывала бы. О сторонѣ матеріальной и говорить нечего: она была бы еще въ болѣешемъ выигрышѣ. Ибо нѣтъ сомнѣній, что съ приведеніемъ его въ дѣйствіе, всѣ наши города, площади которыхъ смотрятъ теперь пустырями, украсились бы безчисленнымъ множествомъ памятниковъ самой разнообразной архитектуры, художества разцвѣли бы, доходы городскихъ думъ отъ продажи мѣстъ для памятниковъ достигли бы цифръ неслыханныхъ. А чтобы не вышло злоупотребленій, то-есть, чтобы не стали во вредъ общественнаго благоустройства ставить памятниковъ дешевенькихъ, шарамыжнихъ, можно бы было закономъ опредѣлять минимумъ той цѣны, ниже которой не можетъ быть воздвигнутъ въ городѣ памятникъ. Наблюденіе за исполненіемъ этого закона можно предоставить губернскимъ и уѣзднымъ земскимъ собраніямъ. Совокупностію всѣхъ этихъ мѣръ, мы думаемъ, легко могло бы устраниться вышеуказанное неудобство постановки памятниковъ живымъ людямъ, — и этимъ рѣшился бы первый возраженіе.

Второе же возраженіе, на нашъ взглядъ, вовсе незначительно. Даже мы могли бы насчитать не одинъ десятокъ лицъ, дѣйствующихъ въ настоящее время на общественной аренѣ и пользующихся уваженіемъ, которые съ удовольствіемъ согласились бы, чтобы имъ немедленно были поставлены памятники.

И это, на нашъ взглядъ, нисколько не удивительно. Ибо важна для великаго или замѣчательнаго человѣка польза изъ того, что, «когда, — говоря словами Базарова, — изъ него лопухъ будетъ расти, мужикъ Филиппъ или Сидоръ, ради которыхъ онъ дѣлъ изъ кожи при своей жизни, будутъ жечь въ это время въ бѣдой избѣ»? Какая ему польза изъ того, что надъ нимъ будетъ поставленъ хотя бы самый великолѣпный памятникъ по смерти его? А при этомъ возьмите во вниманіе непостоянство и переменчивость общественныхъ воззрѣній. Бываютъ, напримѣръ, времена, когда подслушваніе у чужихъ дверей, доведеніе о слышанномъ до кого слѣдуетъ, почитается подвигомъ; а затѣмъ, вдругъ, совершенно неожиданно, наступаютъ времена, когда подобныя дѣяствія, ни съ того ни съ сего, начинаютъ клеймиться подлостью. Послѣ этого, великій или замѣчательный человѣкъ, который не можетъ же, въ самомъ дѣлѣ, вылетѣть въ своей дѣятельности изъ условій времени, сиди и соображай: что потомство назоветъ подвигомъ, что подлостью, и затѣмъ, разсчитывая на памятникъ! Очень трудно!

Вотъ почему мы не только не порицаемъ, а напротивъ, вполне одобряемъ тѣхъ великихъ или замѣчательныхъ изъ нашихъ современниковъ, которые стараются сами, на сколько и чѣмъ могутъ, такъ сказать, предвосхитить себѣ безсмертіе при жизни. Нѣто-

торне, наприѣръ, по поводу выхода сочиненій г. Стебницкаго, Лѣскова тожь, ставили ему въ укоръ, что онъ приложилъ къ нимъ свой портретъ, гравированный гдѣ-то за границей. Мы, напротивъ, такое дѣйствіе г. Стебницкаго находимъ весьма резоннымъ, и вполнѣ его похваляемъ. По всей вѣроятности, у г. Стебницкаго есть не мало друзей, кумовьевъ и вообще почитателей (да, мы думаемъ, что и послѣднее не невозможно), которые, взявъ въ руки его сочиненія, не безъ удовольствія взглянуть на черты лица его, здѣсь изображеннаго, припоминать его общественную дѣятельность, которую они, вѣроятно, знаютъ до мелкихъ подробностей; найдутся и такіе, которые умилится ея необычайностію или полезностію, если она необычайна или полезна на ихъ взглядъ, а нѣкоторые, быть можетъ, будутъ въ состояніи доставить г. Стебницкому случай для употребленія и дальнѣйшаго развитія его таланта. Такимъ образомъ, г. Стебницкій возьметъ — выражаясь словами поэта — съ жизни возможную дань. Представимъ теперь, что г. Стебницкій, не дѣлая ничего этого, сталъ бы ожидать себя памятника въ потомствѣ. Ожиданіе это было бы совершенно напрасное. Ибо нѣтъ сомнѣнія, — и г. Лѣсковъ въ этомъ, вѣроятно, убѣжденъ еще болѣе насъ, — что еслибы онъ написалъ еще дюжину двадцать «Некуда» и «Божедомовъ», объ немъ все-таки не вспомнить самое ближайшее потомство. И еслибы оставшіяся въ живыхъ какой-нибудь кумъ г. Стебницкаго захотѣлъ напомнить объ немъ потомству даже только изданіемъ его сочиненій съ портретомъ автора, то это ни въ чему бы не повело, кромѣ скандала и поруганія нетолько надъ самимъ г. Стебницкимъ, а надъ кумомъ, дерзнувшимъ на подобный шагъ. Такъ думаемъ мы потому, что даже теперешніе нигилисты, по свидѣтельству самаго г. Стебницкаго, стоятъ у него, что называется, поперегъ горла, жить ему не даютъ, заставляютъ бѣгать за границу. Чтѣ жъ будетъ черезъ 20-30 лѣтъ послѣ смерти г. Стебницкаго? Нигилисты тогдашняго времени, нѣтъ сомнѣнія, будутъ во сто разъ злѣе нынѣшнихъ. Если имъ дадутъ поводъ заняться г. Стебницкимъ, они разберутъ по ниточкамъ всю тѣнь его мыслей и его жизни, и проберутъ такъ, что прахъ г. Стебницкаго зашевелится въ могилѣ. Мы вовсе не хотимъ этимъ связать, чтобъ г. Стебницкій дѣлалъ что-нибудь дурное; напротивъ, мы думаемъ, что онъ производилъ единственно похвальное по воззрѣніямъ нашего времени; но читатель припомнить, чтѣ мы сказали выше о крайнемъ непостоянствѣ и перемѣнчивости общественныхъ воззрѣній.

Но мы не порицаемъ не только тѣхъ поисковъ за безсмертіемъ, какіе употребляетъ г. Стебницкій, мы не порицаемъ даже тѣхъ забавныхъ усилій произвести шумъ о себѣ, какія употребляютъ нѣкоторые изъ нашихъ современниковъ, снимаясь у фотографовъ въ странныхъ костюмахъ, съ странными атрибутами, и подуная оныхъ фотографовъ выставлять такіа свои изображенія на Невскомъ Проспектѣ на показъ публикѣ. Ибо лю и создадъ Господь.... И какое ми имѣемъ право отка-

ить ей въ наслажденіи жизнию по масштабу присущаго ей раз-
умія?

Наконецъ, мы вообще должны утвердить, что памятники великимъ усопшимъ, въ большей части случаевъ, есть не болѣе, какъ фивція, деликатный приѣтъ, употребляемый современниками для того, чтобы позаимствоваться величіемъ и славой отъ покойника; и чѣмъ болѣе величія и заслугъ было у покойника, тѣмъ болѣе успѣваютъ позаимствоваться изъ этого достоинства лично для себя воздвигающіе ему памятники современники. Въ его свѣтъ начинаютъ сіять и они — и сіяютъ если не больше, то и никакъ не меньше его самого. Оно такъ и должно быть. Ибо если быть великимъ человѣкомъ дѣло нелегкое, то и почитать великаго человѣка вполне, оцѣнить его дѣла и мысли во всемъ пространствѣ ихъ реального вліянія и ихъ идеальной широты, затѣмъ растолковать все это современникамъ съ такою наглядною ясностію, чтобы они возгорѣли желаніемъ поставить памятники великому человѣку, — дѣло, по нашему мнѣнію, не менѣе трудное, особенно въ такой малодивилгизованной странѣ, какъ Россія. Императрица Екатерина могла съ гордостію написать на памятникѣ Петру: «Петру I-му — Екатерина II-я». Съ такою же точно гордостію имѣютъ право подписывать на сооружаемыхъ памятникахъ свои имена всѣ тѣ, кому принадлежить инициатива этихъ памятниковъ.

Изъ сказаннаго нами видно, что каждый памятникъ, воздвигая намъ объ одномъ, великомъ усопшемъ, воздвѣщаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ объ одномъ а иногда и нѣсколькихъ великихъ или замѣчательныхъ изъ нашихъ современниковъ. А такъ-какъ всякое усопшее величіе для насъ есть нѣкоторымъ образомъ нѣчто несуществующее, немогущее дать изъ себя ничего плодотворнаго для текущей жизни, живые же великіе и замѣчательные современники вращаются среди насъ и, не говоря уже о томъ, что могутъ быть въ многообразныхъ полезныхъ отношеніяхъ лично съ нами, вліяютъ своими талантами и дѣятельностію на ходъ общественныхъ дѣлъ и текущихъ событій, — то само собою понятно, что на насъ лежитъ нѣкоторымъ образомъ священный долгъ, при всякомъ вновь воздвигаемомъ памятникѣ, не столько увлекаться бесполезными воспоминаніями о невозвратномъ прошломъ, сколько почитать своимъ вниманіемъ тѣ современныя намъ, живыя величія, о которыхъ онъ намъ воздвѣщаетъ.

Тѣмъ болѣе, что самъ великій усопшій, еслибы только онъ могъ востать изъ гроба и присутствовать при открытіи своего памятника, самъ бы смиренно преклонился передъ этими родными ему по духу, но позднѣйшими его и, слѣдовательно, въ нѣкоторомъ отношеніи лучшими его продолжателями его дѣла.

Всѣ эти мысли пришли намъ въ голову по поводу ведангутаго недавно въ Воронежѣ памятника Кольцову, и мне сочли нашимъ долгомъ напомнить читателямъ о томъ изъ вышеиз-

ликихъ современниковъ, котораго намъ указываетъ сей новый памятникъ.

Разсматривая исторію воронежскаго просвѣщенія, можно смѣло раздѣлить ее на двѣ главныя эпохи: эпоху *петровскую* и эпоху *пулгевскую* *.

Ища мѣста для постройки русскаго флота, Петръ Первый обратилъ свое вниманіе на Воронежъ, какъ на единственный въ то время (въ концѣ XVII столѣтія) пунктъ въ Россіи, откуда онъ всего скорѣе могъ надѣяться утвердиться при морѣ, такъ-какъ здѣсь приходилось имѣть дѣло не съ очень искусными въ морскомъ дѣлѣ турками. Съ свойственною ему энергіею Петръ немедленно принялся за дѣло. Пустынный Воронежъ, находившійся доселѣ почти въ томъ же состояніи, въ какомъ онъ былъ подъ властію козаръ, вдругъ ожилъ и закипѣлъ неутомимою дѣятельностію. Въ него нахлынули мастера разнообразныхъ сортовъ и видовъ, иностранцы разныхъ націй, русская знать; городъ началъ украшаться разными частными и казенными зданіями, дѣятельно шла постройка новыхъ кораблей. Съ этого времени Воронежъ сдѣлался любимымъ городомъ Петра и чѣмъ-то въ родѣ русской столицы. Петръ самъ нерѣдко пріѣзжалъ сюда и жилъ здѣсь по долгу, работая собственноручно на корабельной верфи. Но и уѣзжая изъ Воронежа, онъ всюду носился съ мыслию и заботами о своемъ любимомъ городѣ, какъ видно изъ его указовъ и распоряженій. Все это продолжалось, однакожъ, недолго. Съ того времени, какъ Петра стали занимать болѣе обширныя сѣверныя планы, онъ началъ забывать о Воронежѣ. Пристращался все болѣе и болѣе къ своей сѣверной Пальмирѣ, наконецъ и совершенно его покинулъ. Тѣмъ не менѣе и мимолетная благосклонность великаго царя прорвала глубокіе и благотворные слѣды въ жизни города. Щеватовъ говоритъ въ своемъ географическомъ словарѣ, что еще въ его время «самыя язвы и общежительныя обновленія въ Воронежѣ, были ближе прочихъ къ московскимъ и петербургскимъ».

Нельзя однакожъ не признаться, что цивилизація Воронежа со времени Петра съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе падала до самаго послѣдняго времени. Хотя Воронежъ не лишаемъ былъ тѣхъ пособій и источниковъ-просвѣщенія, которые давались ему наравнѣ съ другими городами въ разныя времена — въ царствованіе Екатерины II, Александра I, Николая I, но все это шло ему какъ-то не въ прокъ. Благоденствую отъ жатвъ благодатнаго чернозема, упитываясь наилучшимъ въ мірѣ саломъ, воронежцы храбро отражали отъ себя вторженіе цивилизующей мысли. Блестящій поэтъ-прасолъ, который съ такимъ сочувствіемъ былъ встрѣченъ въ московскомъ и петербургскомъ образованномъ обществѣ, не нашелъ себѣ пріюта на своей ро-

* Производное отъ Де-Пуле. Де въ словахъ сложныхъ выпускается, потому не говорится: де-ришельевскій, а просто: риншельевскій.

динѣ. Единственное убѣжище и въ своей юности, и въ послѣдующіе годы онъ находилъ здѣсь только у семинаристовъ. Остальные воронежцы относились къ поэту не особенно ласково. «Въ Воронежѣ мнѣ не сдобровать, — писалъ Кольцовъ. Давно живу я въ немъ и гляжу вонъ, какъ звѣрь. Тѣсенъ мой кругъ, грязенъ мой міръ, горько жить мнѣ въ немъ... Здѣсь, кругомъ меня, другой народъ — татаринъ на татаринѣ, жидъ на жидѣ... Здѣсь я за писанія терплю одни оскорбленія. Всякій подлець такъ на меня и лѣзетъ, дескать писакѣ-то и крылья ошибитъ... Съ моими знакомыми расхожусь помаленьку, насучили мнѣ ихъ разговоры пошлые. Я хотѣлъ до пріѣзда увѣрить ихъ, что они криво смотрятъ на вещи: ошибочно понимаютъ, толковалъ такъ и такъ. Они надо мной смѣются, думаютъ, что я несую имъ вздоръ. Я повернулъ себя отъ нихъ на другую дорогу; хотѣлъ ихъ научить — да ба! — и вотъ какъ съ ними поладилъ: все ихъ слушаю, думая самъ про себя о другомъ; всѣхъ ихъ хваляю во всю мочь; всѣ они у меня люди умные, ученые, прекрасные поэты, философы, музыканты, живописцы, образцовые чиновники, образцовые купцы, образцовые книгопродавцы; и они стали мною довольны, и я самъ про себя смѣюсь надъ ними отъ души. Такимъ образомъ все идетъ ладно; а то что въ самомъ дѣлѣ изъ ничего наживать себѣ дураковъ-враговъ. Ужь видно, какъ кого Господь умудрилъ, такъ онъ съ своею мудростью и умретъ».

Таковъ былъ Воронеж не далѣе, какъ въ началѣ сороковыхъ годовъ! (Кольцовъ умеръ въ 1842 году). Чтò было бы съ нимъ, съ этимъ ужаснымъ городомъ, быть можетъ, въ ближайшемъ будущемъ, если Провидѣніе, бодрствующее неусыпно надъ судьбою царствъ и народовъ, не заботилось бы также неусыпно о судьбѣ каждой маленькой провинціи и даже о судьбѣ каждого частнаго человѣка и не посылало къ нимъ во время нуже потребныхъ?

Въ то время, когда гонимый Кольцовъ доживалъ свои послѣдніе дни, въ воронежскую гимназію поступилъ (1836) нѣкій отрокъ, тогда еще никому неизвѣстный, которому суждено было поставить Воронежъ на прямой путь цивилизаціи. Отрокъ этотъ былъ М. де-Пуле. Выбывъ изъ Воронежа въ 1841 году, г. де-Пуле вновь возвратился въ него въ 1848 году, и съ этого времени начинается его благотворная дѣятельность для Воронежа. Мы назвали его въ заглавіи нашей статьи воронежскимъ Лессингомъ, — и не напрасно. Въ образѣ дѣйствія и даже въ нѣкой судьбѣ этихъ двухъ великихъ мужей было очень много сходнаго. Г. де-Пуле точно также не издалъ никакой системы, не основалъ никакой школы, какъ и Лессингъ; но вліяніе его, какъ и Лессинга, отразилось на всемъ умственномъ, а посредственно, конечно, и на всемъ общественномъ строѣ Воронежа. Какъ Лессингъ всю жизнь свою хлопоталъ о томъ, чтобы Германію униженную, упавшую духомъ, робѣвшую и рабствующую

передъ минимъ французскія просвѣщеніемъ поднять и ободрить въ ея собственныхъ глазахъ, старался показать ея несомнѣтельность и пустоту ея французскихъ учителей, такъ точно г. де-Пуле употребилъ всѣ усилія, чтобы Воронежъ, униженный и упавшій духомъ отъ тѣхъ тяжкихъ обвиненій въ невѣжествѣ, въ жестокости, которыя введены были на него по поводу горькой доли и рановременной смерти Кольцова, поднять и ободрить въ его собственныхъ глазахъ. Въ своей критической статьѣ «Алексѣй Васильевичъ Кольцовъ»* г. де-Пуле говоритъ, что когда появилась статья Бѣлинскаго: *о жизни и сочиненіяхъ Кольцова*, «лучшіе люди того времени пришли въ негодованіе отъ тѣхъ ужасовъ, какіе испиталъ Кольцовъ, и отъ огульного его общества, и отъ людей, ему близкихъ. Никогда благородное негодованіе не принимало такихъ размѣровъ: оно перешло вообще на весь Воронежъ. Намъ по крайней-мѣрѣ не разъ удавалось слышать въ разныхъ провинціальныхъ кружкахъ подобныя возгласы: живи Кольцовъ въ нашемъ городѣ, а не въ Воронежѣ, нычего бы подобнаго съ нимъ не случилось! о, похвѣрьте, у насъ бы его лучше оцѣнили! — Благодаря статьѣ Бѣлинскаго, Воронежъ приобрѣлъ незавидную литературную извѣстность». Г. де-Пуле весьма искусно доказалъ, что тутъ виновать не Воронежъ, не «*провинціальный кракъ* его, подъ вліяніемъ котораго хотя мы возросли и живемъ — говоритъ г. де-Пуле, но который все же не до такой степени слѣпить глаза, чтобы ужъ нельзя было распознать свѣта правды», — а виновать былъ Бѣлинскій, страстно увлекавшійся своимъ другомъ Кольцовымъ; виновать былъ самъ Кольцовъ, который, не имѣя солиднаго образованія, «принялъ на себя относительно своихъ воронежскихъ знакомыхъ несвойственную ему роль наставника: отсюда взаимное раздраженіе, отсюда всѣ неслушающіе поученій — дураки, отсюда полнѣйшее отчужденіе отъ Кольцова людей безкорыстно къ нему расположенныхъ, которыхъ уже ни въ какомъ случаѣ нельзя назвать дураками». Какъ Лессингъ былъ въѣвторое время обязательнымъ писателемъ при гамбургскомъ театрѣ, и во время этой своей обязательной службѣ умѣлъ своими незначительными, повидимому, статьями, составившими потомъ подъ именемъ Драматургической эпохи въ исторіи развитія Германіи, послужить къ выясненію національной идеи и возбужденію національнаго чувства, такъ точно г. де-Пуле былъ обязательнымъ писателемъ при воронежскомъ губернаторѣ въ качествѣ редактора «Воронежскихъ Губернскихъ Вѣдомостей», и на этомъ трудномъ для свободномыслящаго писателя постѣ умѣлъ выяснить спавшему дотолѣ Воронежѣ, идею мѣстныхъ интересовъ, возбудить вниманіе къ нимъ и заставить воронежцевъ, такъ сказать, гордиться своей родной. Наконецъ, какъ Лессингъ, выступивъ на литературное поприще, не нашелъ здѣсь

* См. «Воронежская Бесѣда», 1861 г.

на одного талантливаго имени, своею же дѣятельностію успѣлъ пробудить цѣлую серію разнообразныхъ талантовъ въ поэзіи и наукѣ, вынесшихъ на своихъ плечахъ Германію изъ ея прежняго мрака и грязи, такъ точно г. де-Пуле своею дѣятельностію успѣлъ пробудить цѣлую серію новыхъ мѣстныхъ талантовъ въ равныхъ родахъ и соединилъ ихъ къ дружному дѣйствию для одной цѣли, для интеллектуальнаго возвышенія родины. Издаваемая имъ на 1861 годъ «Воронежская Бесѣда» останется для потомковъ сколько блестящимъ, столько же несокрушимымъ памятникомъ воронежскаго движенія умовъ, возбужденныхъ и направленныхъ дѣятельностію г. де-Пуле.

Еслибы г. де-Пуле остался навсегда во главѣ этого движенія, то, нѣтъ сомнѣнія, онъ сумѣлъ бы усилить его напряженіе, увеличить его размѣры, и очень вѣроятно, что Воронежъ въ короткое время опередилъ бы своею цивилизаціею не только всѣ другіе губернскіе города, но и самыя столицы. Но высшими судьбами было уже рѣшено отнять потребнаго человѣка у Воронежа, конечно, съ тою цѣлю, чтобы сей послѣдній не возгордился, не возмечталъ о себѣ, не сталъ высокоумствовать, и потому погибъ, подобно Вавилону. Въ 1863 году вмѣстѣ съ Польшею взбунтовался, какъ извѣстно, и сѣверо-западный край. Усмиренный эвергическими мѣрами, онъ потребовалъ однакожъ совокупныхъ патріотическихъ усилій цѣлой Россіи для своего обрусенія. Патріоты потекли туда со всѣхъ концовъ нашего обширнаго отечества. Само собою разумѣется, что мужъ потребный не могъ не послѣдовать туда, гдѣ отечество наиболѣе нуждалось въ его талантахъ и трудахъ. Въ концѣ декабря 1865 года онъ выѣхалъ изъ Воронежа въ Вильно и сдѣлался здѣсь редакторомъ «Вилненскаго Вѣстника». Другая исторія украситъ свои страницы изображеніемъ тѣхъ подвиговъ и заслугъ, которые совершалъ здѣсь г. де-Пуле на славу своего отечества. Мы же возвратимся къ Воронежу.

Воронежъ осиротѣлъ безъ де-Пуле. Умственное движеніе въ немъ, если не прекратилось, то сдѣлалось такъ тихо, что объ немъ не слышно ничего. И только отголоски прежней его дѣятельности и славы въ эпоху пулевскую нарушаютъ иногда эту невозмутимую тишину.

Къ такимъ плодамъ прежней дѣятельности и славы пулевской эпохи должно отнести и поставленный недавно памятникъ Кольцову.

Еще въ 1861 году въ одномъ изъ примѣчаній къ статьѣ своей «Алексѣя Васильевичъ Кольцовъ» г. де-Пуле написалъ слѣдующія строки:

«Вопросъ о памятникѣ Кольцову въ Воронежѣ былъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ поднятъ воронежскими купцами И. А. Придорожными и В. И. Веретенниковымъ; но со смертію одного и съ оставленіемъ должности городскаго головы другимъ, дѣло остановилось, и вопросъ даже пересталъ быть вопросомъ. Ука-

живаемъ на это просто, какъ на фактъ, безъ всякаго намѣренія снова поднять вопросъ, возбудить сочувствіе къ дѣлу и т. п. Нечего возбуждать сочувствіе тамъ, гдѣ пока его нѣтъ» и проч.

Изъ этихъ словъ видно, что еще въ 1861 году у воронежцевъ не было и мысли о сооруженіи памятника Кольцову. Но вотъ прошло менѣе, чѣмъ два года послѣ этого — и эта мысль не только явилась, но успѣла вполне развиться и созрѣть до возможности исполненія. Въ 1863 году сестра покойнаго поэта, Александра Васильевна Андропова обратилась къ г. де-Пуле съ *официальнымъ* письмомъ объ открытіи ея брату памятника, объѣзжая на этотъ предметъ съ своей стороны пожертвовать 600 руб. Ея-то именно г. де-Пуле, по скромности, свойственной всѣмъ талантамъ, и приписываетъ инициативу памятника Кольцову; но намъ нечего рассказывать, кому принадлежит истинная инициатива и вѣяніемъ чьего духа оживотворилась въ этомъ дѣлѣ, какъ г-жа Андропова, такъ и весь Воронежъ потомъ. Само собою разумѣется, что просьба г-жи Андроновой была принята благосклонно. Вышій тогда воронежскій губернаторъ Чертковъ исходатайствовалъ разрѣшеніе на открытіе подписки на памятникъ. Г. де-Пуле сдѣлался довѣреннымъ отъ воронежскаго общества лицомъ по дѣлу объ устройствѣ памятника, — «такъ-какъ деньги, говорилъ онъ, или присылались на мое имя, или вручались мнѣ лично». Менѣе чѣмъ въ годъ г. де-Пуле успѣлъ собрать 1,104 руб. 8 коп., — да кромѣ того 128 руб. было прислано прямо въ канцелярію воронежскаго губернатора. Но въ концѣ 1863 же года случилось непредвидѣнное обстоятельство, повліявшее неблагоприятно на дѣло устройства памятника. Губернаторъ Чертковъ переведенъ былъ на Волгнѣ, редакція губернскихъ вѣдомостей перешла въ другія руки и подписка на памятникъ, неизвѣстно почему, прекратилась. Г. де-Пуле не зналъ, что ему дѣлать съ собранными имъ 1,104 руб. 8 коп. Онъ было-предлагалъ г-жѣ Андроновой поставить на эти деньги просто надгробный памятникъ Кольцову, но она не согласилась. Наконецъ наступилъ и конецъ 1865 года. Г. де-Пуле нужно было ѣхать въ Вильно. Для г. де-Пуле возникъ нешуточный вопросъ: что ему дѣлать съ 1,104 руб. 8 коп.? — Повидимому, онъ не находилъ въ Воронежѣ лицъ, достойныхъ продолжать его дѣло, такихъ лицъ, которымъ бы онъ могъ перевѣрить свою общественную довѣренность. И потому онъ вошелъ съ отношеніемъ въ городскую думу. Отношеніе это, по существу своему, имѣетъ характеръ *завѣщанія*, съ тѣмъ только различіемъ, что въ завѣщаніи личная воля дѣлаетъ распоряженіе относительно своего имущества, а здѣсь личная воля дѣлаетъ распоряженіе относительно имущества общественнаго. Именно г. де-Пуле завѣщевалъ думѣ: выдать 1,104 руб. 8 коп. *имѣи* *г-жѣ Андроновой*, а въ случаѣ ея смерти ея наследникамъ, еслибы они захотѣли соорудить просто надгробный памятникъ

Кольцову, но только тогда, когда проект этого памятника будет одобренъ воронежскимъ губернаторомъ, городскимъ головою и двумя почетнѣйшими изъ гражданъ города, согласіе которыхъ необходимо и на получение денегъ изъ думъ; — или, если будетъ сооружаться публичный памятникъ, то комитету, который будетъ специально составленъ на этотъ предметъ, но съ тѣмъ, чтобы комитетъ оглашалъ свои дѣйствія по постройкѣ памятника, какъ дѣлалъ это и онъ, г. де-Пуле. Въ заключеніе своего завѣщанія г. де-Пуле объявлялъ думу выдать тѣмъ, кто будетъ получать собранія имъ 1,104. руб. 8 коп., и копію съ этого его завѣщанія.

Сердце г. де-Пуле точно предчувствовало, что съ отъѣздомъ его изъ Воронежа явятся люди, которые возьмутъ собранія имъ 1,104 руб. 8 коп. и распорядятся ими, какъ умѣютъ и хотятъ, не соображаясь нисколько съ тѣмъ идеаломъ, который носилъ г. де-Пуле въ душѣ своей относительно памятника Кольцову, но даже не вспомянувъ о трудахъ, которые понесъ онъ въ постепенномъ накопленіи этихъ 1,104 руб. 8 коп. Такъ оно и случилось. Явились какіе-то *никому неизвѣстные соорудители*, какъ называетъ ихъ г. де-Пуле, которые и соорудили памятникъ Кольцову нисколько несоотвѣтствующій желаніямъ г. де-Пуле, но и совершенно безъ вѣдома его, — его, который нисколько породилъ мысль о памятникѣ, но и на половину выполнилъ ее своими трудами и хлопотами.

Немного обидно. А обиднѣе всего то, что памятникъ не удался. Нѣкоторый очевидецъ, бывшій на открытіи памятника Кольцову, въ своей корреспонденціи въ «С.-Петербургскія Вѣдомости» (№ 300), описываетъ самыми непривлекательными красками, какъ торжество, бывшее въ Воронежѣ по случаю открытія памятника, такъ и самый памятникъ. (Слогъ этой корреспонденціи сильно походитъ на слогъ г. де-Пуле, хотя мы никакъ не смѣемъ утверждать, чтобы ее писалъ г. де-Пуле; мы замѣчаемъ это только мимоходомъ). О памятникѣ онъ говоритъ, что онъ вышелъ весьма жалокъ: высокой пьедесталь, котораго наружныя мраморныя доски «уже полопались и поломались въ куски, а на немъ маленькій мраморный же бюстикъ, неимѣющій почти никакого сходства съ Кольцовымъ... Одинъ разъ какіе-то шалуны (еще до открытія) повернули бюстъ въ другую сторону. Говорятъ, что этотъ бюстикъ можно, безъ всякаго затрудненія, и совсѣмъ унести». Въ самомъ торжествѣ корреспонденту все не нравится, начиная съ того, что оно произошло какъ-то секретно, безъ должной публичности о днѣ открытія, до рѣчей, которыя говорились на этомъ торжествѣ.

Къ этимъ свѣдѣніямъ въ своей корреспонденціи, напечатанной также въ «Санктпетербургскихъ Вѣдомостяхъ» (№ 315), г. де-Пуле присовокупляетъ, что памятникъ Кольцову представляется ему еще болѣе, какъ онъ выражается, смѣхотворнымъ, оттого что ему пришлось стоять почти подлѣ бронзовой фигуры

Петра, сдѣланной весьма удовлетворительно въ Петербургѣ. «Поставить подобный монументъ совершенно въ смѣхотворномъ родѣ, значить, говорить г. де-Пуле, по меньшей мѣрѣ, насмѣхаться надъ эстетическимъ чувствомъ, памятью поэта и репутаціей самаго города». И г. де-Пуле грозно требуетъ отчета отъ соорудителей памятника.

«Лица, говоритъ онъ, распоряжавшіяся сооруженіемъ несчастнаго памятника, повидимому, не обращали никакого вниманія на все это, кажется, не считая себя обязанными давать кому-либо отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Они очень ошибаются, если думаютъ такимъ образомъ. Я прошу ихъ напечатать въ одной изъ столичныхъ газетъ самый подробный отчетъ о ходѣ всего дѣла по устройству памятника, т.-е., кто были члены комитета, распоряжавшагося дѣломъ; была ли въ числѣ ихъ сестра покойнаго поэта, г-жа Андропова; почему предпочли дрянной публичный хорошему надгробному памятнику и во сколько обошлась постановка перваго?»

Все это очень хорошо, и ревность г. де-Пуле весьма резонна и похвальна. Но все это ни къ чему не ведетъ. Положимъ, соорудители представляютъ требуемый г. де-Пуле отчетъ; положимъ, онъ окажется неудовлетворительнымъ; положимъ, они, т.-е. соорудители памятника, судомъ ли общественнаго мнѣнія, или какимъ-нибудь другимъ судомъ, будутъ признаны виновными. Все-таки отъ этого памятникъ Кольцову не сдѣлается ни сколько лучше, онъ останется такимъ же смѣхотворнымъ, каковымъ былъ, а найденные виновные, какъ бы ихъ ни осуждали тѣ или другіе судьи, будутъ въ сущности людьми все-таки ни въ чемъ не повинными.

Суть всего дѣла по устройству памятника Кольцову обратить не трудно по тѣмъ самымъ даннымъ, которыя даетъ намъ самъ г. де-Пуле. Онъ говоритъ, что въ 1861 году не было ни у кого въ Воронежѣ ни малѣйшаго сочувствія воздвигать памятникъ Кольцову, не было до того, что, какъ говорилъ г. де-Пуле въ вышеприведенномъ нами его примѣчаніи, онъ считалъ въ то время бесполезнымъ и толковать объ этомъ. Въ 1863 г. вдругъ явилось это сочувствіе. Дѣло, конечно, не невозможное, и мы охотно повѣрили бы несомнѣнной принадлежности этого сочувствія воронежскому обществу, еслибы дѣло въ концѣ того же года не оборвалось вдругъ совершенно неожиданно. А оборвалось оно оттого, что бывшій начальникъ губерніи былъ переведенъ на другой постъ, а вмѣстѣ съ этимъ и редація губернскихъ вѣдомостей изъ рукъ г. де-Пуле перешла въ другія руки. Не ясно ли дѣло, что памятникъ Кольцову былъ дѣломъ личной мысли г. де-Пуле? И эта личная мысль приведена въ исполненіе. Памятникъ поставленъ, какой ни на есть, но все-таки поставленъ и напоминаетъ жителямъ Воронежа столько же о Кольцовѣ, сколько и о г. де-Пуле, если о послѣднемъ не больше еще, чѣмъ о первомъ. Казалось бы, чего же больше и требовать? Другой на

мѣстѣ г. де-Пуле былъ бы вполне доволенъ совершившимся. Не г. де-Пуле, при общемъ спокойствіи и хладнокровіи воронежскихъ жителей, одинъ протестуетъ. Онъ глубоко огорченъ тѣмъ, что памятникъ вышелъ не великолѣпный. Мы сочувствуемъ вполне его, конечно, патріотическому въ этомъ случаѣ огорченію, — но думаемъ, что кромѣ себя онъ никого не можетъ упрекать въ извѣрности памятника. Г. де-Пуле опоздалъ временемъ. Онъ почти сверстникъ Кольцова; онъ могъ бы поднять вопросъ о постановкѣ памятника Кольцову немедленно, или вскорѣ послѣ смерти Кольцова. Тогда былъ живъ еще Бѣлинскій; тогда впечатлѣнія отъ поэзіи Кольцова были живы во всемъ русскомъ образованномъ обществѣ и въ самомъ Воронежѣ дѣйствовали сильнѣе, чѣмъ теперь. Тогда, — еслибъ только тогда явилась мысль о памятникѣ Кольцову, — ему былъ бы воздвигнутъ самый великолѣпный памятникъ. Но съ того времени много утекло воды; волна времени смыла яркость впечатлѣній отъ поэзіи Кольцова; пронеслось много вѣяній совершенно другаго рода въ обществѣ; прошло много другихъ людей, которые успѣли провзвести въ немъ впечатлѣніе болѣе сильное и глубокое, чѣмъ Кольцовъ, — и впечатлѣніе это было такого рода, что если оно и не дѣйствовало въ разрѣзъ съ поэзіею Кольцова, то оставило ее назади, пробывало потребностью другой поэзіи, болѣе содержательной, съ міросозерцаніемъ, шире и глубже захватывающимъ. Неопредѣленные представленія о Кольцовѣ, въ силу этого впечатлѣнія, смѣнились вполне опредѣленными. Онъ сдѣлался для всѣхъ маленькимъ-великимъ человекомъ своего времени. И въ этомъ заключается причина мнимаго несочувствія общества въ дѣлѣ устройства памятника Кольцову. Точнѣе сказать: сочувствіе общества по самымъ достоинствамъ Кольцова, весьма условнымъ, не могло быть на столько велико въ настоящее время, чтобы можно было съ успѣхомъ пропагандировать мысль о какомъ нибудь грандіозномъ общественномъ монументѣ въ честь ему.

А еслибъ кто, спустя еще тридцать лѣтъ, вздумалъ хлопотать о такомъ монументѣ Кольцову, тотъ потерпѣлъ бы еще большее фіаско, чѣмъ какое потерпѣлъ г. де-Пуле. Новые вопросы, новые люди сгладятъ тогда и послѣдній остатокъ тѣхъ живыхъ впечатлѣній о Кольцовѣ, которыя существуютъ пока въ современномъ обществѣ, — и Кольцовъ долженъ будетъ добиваться тогда себя памятника въ качествѣ дѣйствительно безсмертнаго. Но на дѣйствительное безсмертіе, безсмертіе прочное, переживающее вѣка, Кольцовъ не только ниваныхъ правъ, но и внакихъ притязаній имѣть не можетъ. Никто не будетъ отрицать, что маленькая книжка стихотвореній Кольцова ни въ литературномъ, ни въ общественномъ нашемъ развитіи не имѣла и сотой доли того значенія, какое имѣла въ свое время «Бригадиръ» и «Недоросль» Фонвизина. Но еслибы кто въ наше время поднялъ вопросъ о памятникѣ Фонвизину, то онъ возбудилъ бы только

васелость въ обществѣ... Изъ этого видно, какъ трудно доставать лавры истиннаго безсмертія.

Общее правоученіе, которое можно вывести изъ всѣхъ предъидущихъ нашихъ соображеній, есть слѣдующее:

Кто не имѣетъ самъ надежды стяжать по смерти лавры безсмертія, а хочетъ при своей жизни попользоваться нѣкоторою долею таковыхъ съ могилъ разныхъ маленькихъ величій, тотъ долженъ не запускать времени, выбрать могилу какъ можно свѣжѣе. А всего лучше было бы,—мы снова обратимся къ нашему проекту,—еслибы мы ввели въ обычай ставить памятники другъ другу при нашей жизни! Тогда всѣ мы, по возможности, удовлетворили бы себя въ столь естественной человѣку жадѣ безсмертія.

СОВРЕМЕННЫЯ ЗАМѢТКИ.

Часть въ послѣднее время былъ занятъ Петербургъ (записка г. Вушена; «Правительственный Вѣстникъ»; болѣе г-жи Луны). — Кое что о бытѣ нашихъ высшихъ учебныхъ заведеній. — Усаженіе классиковъ на счетъ реальныхъ наукъ. — Обширный кварталъ для недостаточныхъ студентовъ петербургскаго университета. — Самый просвѣщенный городъ въ Россіи. — Поднявшая школа. — Два анекдота.

Въ концѣ октября и началѣ ноября Петербургъ, т.-е. просвѣщенная часть его жителей, занятъ былъ толками и разсужденіями о двухъ событіяхъ, повидному, не особенно важныхъ, но тѣмъ не менѣе имѣющихъ или могущихъ имѣть интересъ для всей Россіи.

Это записка г. Вушена о томъ, что народъ русскій вовсе не такъ силенъ, какъ это всѣ утверждали, и извѣстіе объ изданіи одной правительственной газеты — «Правительственнаго Вѣстника».

Записка г. Вушена, основанная на статистическихъ цифрахъ и потому имѣющая видъ неоспоримой или по крайней мѣрѣ не легко оспориваемой истины, изволновала и, такъ сказать, обескуражила болѣе всего тѣхъ, которые постоянно твердили и повторили, почему бы то ни было, выгодно было твердить и всѣхъ убѣждать, что русскій народъ, т.-е. собственно простой народъ — мужики, и особенно мужики, вышедшіе изъ-подъ крѣпостной зависимости, за послѣднее время, именно: съ одной стороны со времени своего освобожденія, съ другой—со времени уничтоженія откуповъ, — совсѣмъ силенъ!

Г. фонъ-Вушенъ рассматриваетъ три главнѣйшихъ вопроса: Сколько потреблялось въ Россіи водки въ послѣднее время откуповъ и сколько потребляется ея теперь?

Какое значеніе имѣетъ увеличеніе числа питьевыхъ домовъ?

Сколько тратилъ народъ на водку прежде, и сколько тратитъ на нее теперь?

Сколько потреблялось въ Россіи водки въ послѣднее время откуповъ и сколько потребляется теперь?

Количество полугару (въ расчетахъ г. Бушена вездѣ принимается вода одной вѣрности — 38% по Траллесу), выбранное изъ магазиновъ во времена откуповъ, было:

Въ великороссійскихъ губерніяхъ	{	въ 1858 году	22.939,313 вед.
и въ Сибири (гдѣ былъ откупъ)		» 1859 »	23.481,612 »
Въ 16-ти привилегированныхъ губерніяхъ	{	» 1858 »	30.052,757 »
		» 1859 »	29.174,947 »
Всего	{	» 1858 »	52.992,070 »
		» 1859 »	52.656,559 »

Но сюда не вошли данныя о количествѣ водки, потреблявшейся въ трехъ прибалтійскихъ губерніяхъ, въ Землѣ Войска Донскаго и Черноморскаго, по Кавказской линіи, въ Киргизской степи и по арміи (?); время того, въ послѣдніе годы огульного періода (1860—1862 гг.) количество потреблявшейся водки, во вѣрности г. Бушена, нѣсколько увеличилось.

Съ уничтоженіемъ же откуповъ и введеніемъ во всей Россіи одной акцизной системы, средняя цифра потребления водки, за трехлѣтіе 1865—1867 гг., была (тоже за исключеніемъ вышеозначенныхъ мѣстностей) * 61.000,000 ведеръ въ годъ.

Больше, противъ послѣдняго времени откуповъ, на 8 мил. Но такъ-какъ за это время, къ 1868 г., и народонаселеніе Россіи увеличилось на 4 милліона; равнымъ образомъ, предполагается, что увеличилось и потребленіе спирта въ промышленности, то на дѣлю дѣйствительнаго увеличенія потребления, собственно, на увеличеніе питья, идетъ теперь, по соображенію г. Бушена, не болѣе 3 мил. ведеръ.

«Увеличеніе составляетъ около 6%, и оказывается, что вмѣсто 100 ведеръ, нынѣ выливается 106 ведеръ, вмѣсто 100 полуштофовъ — 106 полуштофовъ, вмѣсто 100 чаровъ — 106».

«Вотъ настоящая пропорція увеличенія пьянства, заключаетъ этотъ отдѣлъ своего труда г. Бушенъ. Спрашивается: можетъ ли это увеличеніе оказать такое вліяніе, какое ему приписываютъ?...

«Увеличеніе потребления спирта въ народѣ неодинаково относится ко всѣмъ мѣстностямъ имперіи... Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ потребленіе увеличилось въ болѣе значительной пропорціи; а въ то есть и мѣстности, въ которыхъ оно упало. Такъ, въ

* А со включеніемъ ихъ — 68.540,000 ведеръ полугару.

Большой части западныхъ губерній и въ балтійскомъ краѣ потребленіе, вслѣдствіе вздорожанія вина, уменьшилось (прибавимъ отъ себя: и вслѣдствіе того, что изъ прибалтійскихъ губерній люди бѣгутъ, потому что имъ тамъ ѣсть нечего! Если же потребленіе вина уменьшилось тамъ именно вслѣдствіе того, что вино вздорожало, то, съ одной стороны, это не даетъ еще ручательства, что и по всей Россіи потребленіе вина уменьшится, если оно вздорожаетъ, потому что и при откупахъ, когда вино продавалось дороже, потребленіе его и, пожалуй, пьянство было то же самое; съ другой стороны, вѣдъ неизвѣстно еще, слѣдуетъ ли радоваться тому, что потребленіе вина въ западныхъ и прибалтійскихъ губерніяхъ уменьшилось, потому что далеко еще не доказано, что это вино потреблялось тамъ неблагоприятно, что оно шло тамъ именно на пьянство). «Въ Новороссійскомъ краѣ и въ большей части великороссійскихъ губерній потребленіе вина осталось почти безъ измѣненія. За то въ нѣкоторыхъ центральныхъ губерніяхъ, и въ особенности въ восточныхъ оно дѣйствительно возрасло въ значительной степени. Въ глаза бросается особенно увеличеніе потребленія въ губерніяхъ; населенныхъ отчасти татарскимъ населеніемъ, и въ этомъ отношеніи Таврическая губернія занимаетъ, кажется, первое мѣсто. Не есть ли это опять указаніе на то, что увеличеніе потребленія обуславливается главнымъ образомъ увеличеніемъ числа потребителей?»

О какомъ значеніи имѣетъ увеличеніе числа потребителей домовъ?

Число кабаковъ, шинковъ, корчемъ, ведерныхъ и штофныхъ лавокъ во время до введенія акцизной системы, по тому же вычисленію г. Бушена, было . . . 76,407

А по предположенію, такъ-какъ далеко не всѣ нѣкоторые заведенія опивичиновъ заносимы были въ сенатскіе списки, болѣе . . . 90,220

«Со времени введенія акцизной системы, говоритъ авторъ, свѣдѣнія о количествѣ кабаковъ въ Россіи стали вѣснѣе опредѣлительны и полны. Число подобныхъ заведеній опредѣляется вполне точно по числу выбранныхъ изъ разныхъ патентовъ на раздробительную продажу». Въ 1867 году ихъ было около . . . 152,320

(По другимъ свѣдѣніямъ, неизвѣстно на чемъ основаннымъ, ихъ было: въ 1859 г. — 87,388, въ 1864 г. — 230,000; но то или другое число кабаковъ, какъ сейчасъ увидимъ, не имѣетъ важнаго значенія).

«Главнымъ результатомъ введенія акцизной системы во всей имперіи было уравненіе, по возможности, продажныхъ цѣнъ на вино и свобода продажи его, смотря по условіямъ потребленія. До 1863 года вино продавалось свободно и по низкой цѣнѣ только въ 16-ти привилегированныхъ и трехъ балтійскихъ губер-

лихъ и въ Землѣ Войска Донскаго. Въ великороссійскихъ губерніяхъ и въ Сибири продажа была ограничена и вино дорого, вдвое и даже втрое дороже, чѣмъ въ западной половинѣ Россіи. Слѣдуя общепринятому мнѣнію, первымъ послѣдствіемъ введенія общей акцизной системы должно было быть вздорожаніе вина на западѣ и удешевленіе его на востокѣ, и если, вслѣдствіе сего, на востокѣ число питейныхъ заведеній увеличилось, то, наоборотъ, слѣдовало бы ожидать на западѣ соответствующаго уменьшенія. Но тѣмъ же побудительнымъ причинамъ, по которымъ народъ на востокѣ сталъ вдругъ, вслѣдствіе увеличенія числа кабаковъ, пьянствовать, народъ на западѣ долженъ былъ бы сдѣлаться трезвѣе. На дѣлѣ же оказывается, что вздорожаніе вина въ привилегированныхъ губерніяхъ Россіи нисколько не уменьшило числа кабаковъ, но, напротивъ, увеличило его въ весьма значительной пропорціи, и что при этомъ никакихъ серьезныхъ жалобъ на увеличеніе пьянства не было. Въ балтійскихъ губерніяхъ число кабаковъ тоже увеличилось весьма сильно, но при этомъ, по общимъ отзывамъ, количество выпурки стало падать и, по частнымъ отзывамъ, есть указанія на то, что количество потребляемаго внутри края вина значительно уменьшилось.—Въ Землѣ Войска Донскаго число кабаковъ почти удвоилось, а потребление увеличилось едва замѣтнымъ образомъ. Все это наводитъ на мысль, что число кабаковъ не оказываетъ вліянія ни на потребление, ни на пьянство, и что оно совершенно независимо отъ дѣянія водки и даже отъ большей или меньшей склонности народа къ пьянству. Еще болѣе убѣждаетъ насъ въ этомъ сравненіи число кабаковъ въ восточной и западной половинахъ имперіи съ цифрой населенія. На 38 мил. великорусскаго населенія приходится нынѣ 65,000 кабаковъ; въ южныхъ привилегированныхъ и вольныхъ губерніяхъ на 23 миліона душъ населенія (въ томъ числѣ 2 миліона евреевъ) число кабаковъ составляетъ 77,400. Изъ этихъ цифръ (если предположеніе о вліяніи распространенія числа кабаковъ на степень пьянства въ народѣ вѣрно) прямо слѣдуетъ, что народъ въ западныхъ губерніяхъ вдвое пьянѣе народа великорусскаго, что населеніе балтійскихъ губерній пьянствуетъ вдвое противъ населенія Калужской или Рязанской губерній. Наконецъ, въ самой великой Россіи отношеніе числа кабаковъ къ числу народонаселенія прямо противорѣчитъ всякимъ ходячимъ предположеніямъ о развитіи пьянства въ народѣ. Такъ, напримѣръ, въ Псковской губерніи, прославленной чуть ли не спившеюся съ круга, одинъ кабакъ приходится на 1,000 слишкомъ жителей, а въ Оренбургской, въ которой половина населенія магометане и которая считается трезвою, на 1 миліонъ русскаго населенія приходилось въ 1864 г. до 5,000 кабаковъ, то-есть одинъ кабакъ на 200 жителей. Въ то же время въ Виленской губерніи, гдѣ, какъ извѣстно, вслѣдствіе распространенія трезвости, лопнули даже послѣдніи откупъ, число кабаковъ все растетъ и держится въ пропорціи 1 кабака

на 300 жителей. Вообще же въ великороссійскихъ губерніяхъ, откуда раздается наибольше жалобъ на чрезмѣрное увеличеніе числа кабаковъ и развитіе вслѣдствіе сего пьянства, нинѣ считается 1 кабакъ на 580 жителей. Въ Сибири приходится 1 кабакъ на 430 жителей (за то и разстояніа между кабаками громадны); въ бывшихъ же привилегированныхъ губерніяхъ, остзейскихъ и на Дону отношеніе составляетъ и нынѣ 1 на 300, 320 и 270 душъ.

«Общимъ правиломъ можно поставить слѣдующее: Число кабаковъ по губерніямъ прямо пропорціонально большому или меньшему числу населенныхъ мѣстъ и средней населенности этихъ мѣстъ, то-есть чѣмъ разбросаннѣе живетъ населеніе, тѣмъ больше число кабаковъ, и наоборотъ. Измѣняется это общее правило только на югѣ, гдѣ пролегаютъ большіе чумацкіе торговые тракты, оказывающіе положительное вліяніе на увеличеніе числа кабаковъ.

«Увеличеніе числа кабаковъ—явленіе временное и случайное, вызванное исключительно не увеличившимся запросомъ, а только промышленною спекуляціею. Новая акцизная система вездѣ, какъ въ привилегированныхъ, такъ и въ великороссійскихъ губерніяхъ, представила простому народу шансы на новую отрасль торговли... Мелкимъ капиталамъ открылась возможность помѣщаться съ 70% валовой прибыли и неудивительно, что мелкіе капиталы накинудись на такой барышъ, который до того составлялъ монополію однихъ крупныхъ капиталовъ... Провзошло то, что происходитъ вездѣ,—нѣкотораго рода лихорадка, которая должна улечься, какъ скоро опредѣлительно выразятся истинныя нужды потребленія и установится естественный балансъ предложенія. Отчасти это уже и сдѣлалось; число кабаковъ росло весьма быстро въ теченіе двухъ лѣтъ и достигло наибольшаго развитія въ началѣ 1865 года. Съ того времени число кабаковъ постоянно падаетъ почти вездѣ, кромѣ развѣ немногихъ мѣстъ, гдѣ нормальное отношеніе еще не успѣло установиться, какъ, напримѣръ, въ Сибири и во многихъ городахъ, а также на большихъ трактахъ. Въ теченіе 3-хъ послѣднихъ лѣтъ, при той же акцизной и патентной системѣ, число кабаковъ уменьшилось до 37,000. Слѣдовательно, вотъ уже три года, какъ, по теоріи нашихъ поборниковъ мнѣнія о вліяніи кабаковъ на нравственный упадокъ русскаго народа, слѣдуетъ предполагать, что, напротивъ, нравственность его улучшается въ громадной пропорціи.

«Увеличеніе числа кабаковъ преимущественно происходитъ въ городахъ, а не въ селахъ (откуда обыкновенно раздаются жалобы на пьянство), и наибольшее увеличеніе относится къ губерніямъ, въ которыхъ встрѣчается сильная примѣсь магометанскаго населенія, то-есть въ Казанской, Нижегородской, Симбирской, Самарской, Астраханской и Таврической. Правда, и здѣсь число кабаковъ въ послѣдніе три года падаетъ, но паденіе это

весьма медленно, а въ некоторыхъ губерніяхъ число кабаковъ за 1867 годъ оказывается даже и понинѣ выше, чѣмъ оно было въ 1863 году. Мы боимся произнести какое бы то ни было окончательное сужденіе о причинѣ подобнаго явленія. Можетъ быть, татары дѣйствительно мало по-малу приучаются пить водку, но, можетъ быть, причину слѣдуетъ искать и въ дробности поселеній, въ малонаселенности ихъ и въ большомъ пространствѣ этихъ губерній; можетъ быть, дѣйствуютъ и другія причины, незамѣтныя съ перваго взгляда.

«Изъ всего вышесказаннаго мы позволимъ себѣ сдѣлать общій выводъ, заключаетъ г. Бушенъ, что доказательство мнимаго распространенія пьянства въ народѣ, помощію увеличившагося числа кабаковъ и питейныхъ домовъ, не выдерживаетъ критики, точно такъ же какъ оказалось несостоятельнымъ и первое доказательство — весьма значительное увеличеніе потребления спирта».

Сколько тратилъ народъ на водку прежде и сколько тратитъ на нее теперь?

Г. Бушенъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ такъ: «Вина, говорятъ, потребляется больше прежняго (мы видѣли, на сколько это справедливо); весь огромный кабацкій персоналъ нынѣ поглощаетъ, конечно, не менѣе прежнихъ откуповъ; наконецъ, казна получаетъ больше дохода, чѣмъ прежде, а слѣдовательно, народъ на водку и пьянство тратитъ болѣе, чѣмъ прежде. Постараемся, по мѣрѣ возможности, и этотъ вопросъ разъяснить болѣе опредѣленнымъ образомъ.

«Что платилъ народъ за водку, во время откуповъ, довольно хорошо извѣстно изъ многочисленныхъ данныхъ, собранныхъ для комиссіи, обсуждавшей въ 1860 году выгоды и невыгоды дальнѣйшаго существованія въ Россіи винтѣйныхъ откуповъ».

Въ той части Россіи, гдѣ былъ откупъ, водка стоила самимъ откупщикамъ (въ 1859 г.) . . . 107.000,000 р.

Заводская стоимость 20.001,967 р.

Откупная сумма, вносившаяся откупщиками собственно за право монопольной торговли . . . 87.462,998 »

107.464,965 р.

Средняя цѣна ведра воды была для самихъ откупщиковъ: 4 р. 65 к. (4 р. 57 к.?).

«Откупъ, въ свою очередь, продавая вино потребителямъ, увеличивалъ цѣну его. Ему разрѣшалось прямо положеніемъ объ акцизно-откупномъ комисіонерствѣ, продавать полугарное вино по 3 руб. за ведро и то же подъ названіемъ улучшеннаго полугара, пропущенное черезъ песокъ и уголь, уже по 4 р. 50 коп., а въ видѣ водокъ, по вольнымъ цѣнамъ. При этомъ дозволялось нѣкоторое пониженіе. Ясно, что при увеличенія откупныхъ пла-

теже, при которомъ ведро полулгара обходилось откупщикамъ въ 4 р. 65 коп., правила эти не могли соблюдаться и откупщики продавали вино гораздо дороже. По свѣдѣнiямъ, собраннымъ въ 1859 году, оказалось, что полулгару въ достоинствѣ, установленномъ правилами анцизно-откупнаго комисіонерства и по цѣнамъ, сими правилами назначеннымъ, вѣтъ въ продажѣ, ни въ ведерныхъ лавкахъ, ни въ мѣстахъ раздробительной продажи. Только въ немногихъ мѣстахъ предавался полулгаръ, гораздо ниже установленнаго достоинства, мутный, зеленоватый и неприятнаго вкуса, по 3 руб. за ведро. Въ продажѣ обращался болѣе всего очищенный полулгаръ, крѣпостію градусовъ на 10 и болѣе ниже нормы, продаваемый отъ 4-хъ до 6 рублей ведрами и отъ 6 до 11 руб. въ раздробительной продажѣ, подъ названіемъ специальной, бѣлой или шведской водки. Улучшенныхъ водокъ и настоекъ въ обращеніи оказалось немного, да и то по весьма высокой цѣнѣ. Слѣдовательно, продажную цѣну массы потребляемаго вина можно опредѣлить въ оптовой продажѣ (ведрами) среднимъ числомъ въ 5 р., а въ раздробительной продажѣ (въ стеклянной посудѣ), въ 7 или 8 р. Вообще, большая часть потребляемаго количества продавалась по возвышеннымъ цѣнамъ, такъ-какъ выборъ ведрами дѣлался почти исключительно перепродавцами, съ которыхъ откупъ не церемонился брать какъ можно дороже. Считаая сложную продажную цѣну только въ 7 рублей и принимая пониженіе крѣпости вина только въ 10% (это крайне умѣренно), оказывается, что откупъ, за 25 милліоновъ ведеръ, *дѣйствительно* проданныхъ имъ, получалъ по самой меньшей мѣрѣ 175 мил. руб., т.-е. что каждое официально отпущенное казною ведро полулгару обходилось уже народу примѣрно въ 8½ рублей. На дѣлѣ же пониженіе крѣпости вина составляло не 10%, но среднимъ числомъ 25%, и слѣдовательно, доходъ откупа съ дѣйствительно проданныхъ имъ, разбавленныхъ водою 28 или 29 милліоновъ ведеръ, составлялъ не менѣе 203 милліоновъ рублей. Чтобы избѣгнуть упрека въ увеличеніи доходовъ откупа, мы принимаемъ однако же первую сумму, т.-е. *минимумъ*.

Кромѣ того, откупъ получалъ побочнаго дохода (акциза съ трагирныхъ заведеній, ренсковыхъ погребовъ, водочныхъ заводовъ, постоялыхъ дворовъ, штрафовъ, платъ за право продажи закусокъ) не менѣе 3.700,000 р., которые, конечно, тоже распадались на потребителей.

Такииъ образомъ, народъ платилъ за водку, получаемую отъ откупщиковъ, не менѣе. . . . 180.000,000 р.
 Въ другой половинѣ Россіи, гдѣ не было откуповъ, водка стоила самимъ продавцамъ, въ томъ же 1859 г. 50.860,000 р.

Заводская стоимость 24.750,000 р.
 Акцизная патентная пошлина . 26.110,000 »

Средняя стоимость ведра для продавцовъ была 1 р. 60 к. (1 р. 54 к.?).

Здѣсь вино продавалось довольно дешево: «Среднюю раздробительную цѣну можно принять въ 2 р. 40 к. и вино обходилось народу... 79.000,000 р. Все же количество водки, расходованной въ Россіи въ послѣднее время откупець, стоило потребителямъ 259.000,000 р.

Дѣйствительная, заводская стоимость вина	44.751,967 р.
Казенный питейный доходъ	113.572,998 »
Расходи и барыши продавцовъ	100.675,036 »
	<hr/>
	259.000,000 »

Въ настоящее время все количество водки, потребляемой въ Россіи (по трехлѣтней сложности 1865—1867 гг.), стоитъ самимъ продавцамъ 165.000,000 р.

Заводская стоимость	47.655,000 р.
Акцизная пошлина	110.094,000 »
Папаченная пошлина	8.000,000 »
	<hr/>
	165.749,000 »

Средняя стоимость ведра для продавцовъ 2 р. 70 коп.

«Въ мѣстахъ раздробительной продажи вино продается двоякимъ образомъ: крупными мѣрами (ведрами и четвертями) — отъ 3 р. до 3 р. 60 к., и въ мелкой стеклянной посудѣ — отъ 4 до 6 р. Продается оно и дешевле, но въ такомъ случаѣ крѣпости его обыкновенно бываетъ ниже. Средняя продажная цѣна, смотря по мѣстностямъ, крайне различна, но, по собраннѣмъ частнымъ справкамъ, можетъ быть принята въ 4 руб. за ведро.

Такимъ образомъ, за все количество расходуемой теперь во всей Россіи водки, потребители платятъ около 254.000,000 р. *

* У г. Бушена значится: 252.000,000 р.; но эта цифра невярна, потому что средняя продажная цѣна вина (4 р.) помножена у него на круглое число ведеръ (63 мил.), а не на 63.540,000 (что даетъ 254.160,000 р.). Разнымъ образомъ заводская стоимость вина (помножая 63.540,000 вед. на среднюю заводскую стоимость ведра вина 75 коп.) не 46.250,000 р., а 47.655,000. И акцизу было получено на 94,000 р. болѣе. Тогда и барыши продавцовъ будутъ не 87.750,000 р., а 88.411,000 р. Есть еще и нѣсколько другихъ неточностей, которыя легко открываются при арифметической повѣркѣ приводимыхъ г. Бушеномъ цифръ. Противники г. Бушена, вѣроятно, ухватились за этотъ якорь спасенія, и на основаніи этихъ неточностей, отвергнуть все его выводы! Но имъ не слѣдуетъ забывать, что гдѣ они сворать не о сотняхъ тысячъ и даже не о 2—3—5 милліонахъ, а о десяткахъ и, можетъ быть, даже сотняхъ милліоновъ. Очевидно, такъ понималъ свою работу (особенно для газетной статьи) и г. Бушень, если онъ въ болѣе подробныхъ расчетахъ приводилъ дробныя цифры, а при общихъ выводахъ помножалъ и дѣлилъ только круглыя.

Общій выводъ изъ всего этого слѣдующій:

Водки пьютъ теперь въ Россіи больше прежняго, но на самое незначительное количество.

Народъ пьетъ водку лучшаго достоинства, потому что существуетъ бѣлая конкуренція между продавцами.

Водку пить стало народу удобнѣе, потому что увеличилось число мѣстъ, гдѣ она продается.

Доходу казна получаетъ больше.

Выгода отъ торговли виномъ распределяется между бѣльшимъ количествомъ людей.

И въ заключеніе всего, народъ тратится на водку не только не больше,—хотя, при увеличеніи потребления, увеличеніи числа потребителей и улучшеніи достоинства водки, и увеличеніи затраты было бы вполне извинительно, — но даже *меньше* прежмя!

Такъ; но пьянство? Пьянство увеличилось! Вотъ что! Посмотрите, сколько теперь кабаковъ расплодилось. Въ каждой деревнѣ кабакъ, два-три кабака! Въ городахъ — на каждой улицѣ, чуть-чуть не въ каждомъ домѣ кабакъ, а въ иныхъ домахъ по два, по три кабака! И сколько пьяныхъ попадаетъ — ужасъ!

А сколько народу опивается? Одна газета говоритъ: «Тамбовской губерніи въ теченіе половины октября такихъ случаевъ смертныхъ было 24. Если принять эту цифру для другихъ губерній, то ежедневное число жертвъ отъ пьянства достигнетъ цифры 40,000 человекъ! Не смутить ли, по крайней-мѣрѣ, эта цифра стоическое равнодушіе покровителей пьянства... г. фонъ-Бушена, этого современнаго защитника кабакаго царства?»

Навѣрное смутить. Смутить болѣе, чѣмъ $63.540,000 \times 4 = 252.000,000$; ибо г. Бушенъ невѣрно высчиталъ число кабаковъ въ Россіи. Слѣдовало высчитать такъ: «въ 3 кварталахъ Выборгской части приходится по одному питейному заведенію на 30 потребителей. Такъ-какъ жителей въ Россіи въ 1867 г. было 67.500,000 ч., то, для это число на 30, получимъ: 2.250,000. Вотъ истинное число кабаковъ въ Россіи!» Не смутить ли чьенибудь стоическое... чьюнибудь стоическую... по крайней-мѣрѣ эта цифра?!

Число пьяницъ въ Россіи можно опредѣлять по этой системѣ такъ: «сегодня прошелъ по улицѣ пьяный человекъ. Если принять эту цифру для другихъ человекѣвъ, то ежедневное число пьяницъ въ Россіи будетъ: 67.500,000 человекъ!» Не смутить ли...

Коли пошло дѣло на цифру, такъ мы-де можемъ приводить ихъ!

Извѣстіе объ изданіи «Правительственнаго Вѣстника» болѣе всего заинтересовало лицъ, занимающихся литературной дѣятельностію и лицъ, вообще интересующихся литературой. По поводу этого извѣстія появились въ газетахъ такіа заавленія и сообщенія, которыхъ публика доселѣ не знала и не могла знать.

Оказалось, напротивъ, что нѣкоторые изъ существующихъ въ Россіи періодическихъ изданій получаютъ, такъ-называемыя, субсидіи, т.-е. денежные пособія, плату за разные услуги платящими, и что, будто бы, разные члены одного и того же правительственнаго состава проводятъ, каждый въ своемъ органѣ, законы и планы не только неодинаковыя, но даже совершенно противоположныя.

«Правительственный Вѣстникъ» долженъ будетъ соединить въ себѣ все то, что разные члены правительственнаго состава выражали доселѣ въ разныхъ, каждый въ своемъ, изданіяхъ. Отъ этого на будущее время должно будетъ установиться единство и согласіе въ проведеніи въ публику мыслей правительства.

Такъ-называемая, независимая печать постигла-было заявить по этому случаю свою радость, что теперь будетъ уже все ясно и опредѣлено, что у насъ не будетъ болѣе, такъ-называемой, оффиціозной прессы, т.-е. таковой, гдѣ публику, собственно говоря, обманываютъ; выдаютъ ей за частныя мнѣнія, за мнѣнія и желанія извѣстной, хотя бы и очень незначительной, части общества такія мнѣнія, желанія и требованія, которыя на дѣлѣ принадлежать только лицамъ и мѣстамъ, дающимъ субсидію. Но радость эта скоро была омрачена однимъ совершенно постороннимъ обстоятельствомъ, именно слухомъ о томъ, что «Правительственный Вѣстникъ» будетъ существовать отчасти и на счетъ этихъ радующихся независимыхъ изданій,—они, будто бы, должны будутъ платить въ пользу его извѣстную часть изъ своихъ доходовъ, отъ печатаемыхъ въ нихъ объявленій. А такъ-какъ частныя изданія, вѣроятно, принужданы будутъ, вслѣдствіе этого, возвысить плату за печатаемыя въ нихъ объявленія, чтобы не потерпѣть убытковъ, «Правительственный же Вѣстникъ» можетъ оставить цѣну на объявленія, существующую нынѣ, и даже понизить ее до какой угодно цифры, такъ-какъ онъ будетъ располагать, собственно говоря, неограниченными для него ресурсами государственнаго казначейства, то независимыя изданія могутъ остаться и совсѣмъ или почти совсѣмъ безъ объявленій!

Едва-ли также вполне основательно радованіе и тому, что съ изданіемъ одного правительственнаго органа, прекратятся, такъ-называемыя, оффиціозныя изданія.

Если такія изданія, дѣйствительно, существуютъ, если вообще существуетъ потребность въ томъ, чтобы нѣкоторые, такъ сказать, оффиціальныя мысли проводились въ публику путемъ косвеннымъ, неофиціальнымъ, то потребность эта будетъ нескать себѣ удовлетворенія и, конечно, гдѣ-нибудь найдетъ его и при существованіи «Правительственнаго Вѣстника».

На сколько эти надежды и опасенія основательны — покажетъ недалекое будущее.

Можно бы еще опасаться, что «Правительственный Вѣстникъ», располагая такими огромными матеріальными средствами, и имѣя

возможность быть самою полною и дешевою газетою, вытѣснить собою частныя газеты, отобѣеъ у нихъ подписчиковъ. Но примѣръ французскаго «Монитѣра», уже нѣсколько лѣтъ находящагося въ такомъ же точно положеніи, въ какомъ долженъ будетъ находиться нашъ «Правительственный Вѣстникъ», показываетъ, что такая конкуренція для частныхъ газетъ не особенно опасна.—«Монитѣръ» расходится въ огромномъ количествѣ экземпляровъ, но многія частныя французскія газеты имѣютъ еще болѣе обширный кругъ читателей.

Третій и послѣдній предметъ, которымъ въ послѣднее время особенно занято было петербургское общество, и занято было въ несравненно болѣе степеней, чѣмъ запиской г. Бушена и «Правительственнымъ Вѣстникомъ»—это болѣзнь г-жи Лукки, первой пѣвицы нашей итальянской оперы. Но объ этомъ читатель найдетъ болѣе подробныя свѣдѣнія въ «Музыкальномъ Обзорѣніи», мы же обратимся къ состоянію у насъ просвѣщенія! Просвѣщеніе, именно просвѣщеніе массы намъ нужно, — потому что безъ просвѣщенія массы и образованность отдѣльныхъ, привилегированныхъ лицъ и сословій не можетъ далеко уйти, — просвѣщеніе — это центръ, около котораго все вращается, къ чему, въ концѣ концовъ, все приходитъ — и урожай хлѣба, и отсутствіе всякихъ эпидемій, и хорошая одежда, хорошія жилища, уничтоженіе пьянства, желѣзныя и шоссеяныя дороги, прекращеніе сословныхъ и сословныхъ ссоръ и препирательствъ, и многое, многое другое; можетъ быть даже — своя собственная, російская Лула и російская Ад. Патти, со всею ихъ итальянско-оперною обстановкой! Не главное ли, послѣ этого, не существенное ли дѣло должно быть для насъ, равно какъ и для всѣхъ другихъ народовъ, просвѣщеніе?

Какъ же идетъ у насъ это просвѣщеніе? Извѣстно, какъ—убійственно-черепашинымъ ходомъ, и притомъ еще не прямымъ. И вотъ новыя доказательства на это.

«Число лицъ, поступившихъ въ студенты харьковскаго университета въ нынѣшнемъ году, больше, чѣмъ оно было за послѣднія нѣсколько лѣтъ... Большинство вновь поступившихъ студентовъ записалось на юридическій факультетъ... Но... «на сколько число студентовъ юридическаго факультета съ каждымъ годомъ увеличивается, на столько численный составъ профессоровъ-юристовъ идетъ въ обратной пропорціи — онъ постоянно уменьшается. Я считаю лишнимъ, говорить корреспондентъ, распространяться о причинахъ этого грустнаго явленія и ограничиваюсь только заявленіемъ факта».

Напрасно; тогда, можетъ быть, сдѣлалось бы болѣе понятно и слѣдующее извѣстіе (другаго корреспондента): «харьковскаго университета профессоръ Маровскій уволенъ по прошенію отъ должности. Общественное мнѣніе остается, такимъ образомъ, въ недоумѣніи, на сколько это дѣло, чрезвычайно интересное по разнымъ его эпизодамъ, согласно съ университетскимъ уставомъ

и на сколько оно признается правильнымъ или неправильнымъ въ высшей инстанціи учебнаго вѣдомства. Больше интересуетъ публику вопросъ, въ какой степени, въ глазахъ закона, можетъ считаться уважительною причиною къ удаленію какого нибудь профессора съ занимаемой имъ кафедре — *непріятность со характера*».

Первый примѣръ такого выживанья *непріятности* профессоръ, пожалуй, какъ извѣстно, московскій университетъ, и надобно замѣтить, что какъ тамъ, такъ и здѣсь студенты — лица самыя ближайшія къ этимъ профессорамъ съ «непріятнымъ характеромъ» — были ими довольны.

А съ демидовскимъ лицеемъ (въ Ярославлѣ) случилась такая исторія, что тамъ въ настоящее время нѣтъ, собственно говоря, ни профессоровъ, ни директора, а преподаваніе все-таки идетъ своимъ чередомъ! Дѣло въ томъ, что лицей этотъ недавно преобразованъ, — факультетъ камеральный замѣненъ факультетомъ чисто юридическимъ, кафедры естественныхъ наукъ упразднены и профессора, а равно и директоръ должны уступить свое мѣсто другимъ. «Но новый уставъ предполагалось ввести съ 1-го сентября; но прошло и 1-е октября, а дѣло не подвинулось ни на шагъ. Нѣтъ ни новаго директора, ни новыхъ профессоровъ». Ждали, ждали прежніе дѣятели преемниковъ себѣ, да, наконецъ, и порѣшили открыть лекціи попрежнему!

Корреспондентъ, сообщаящій это, задаетъ себѣ вопросъ: а куда, съ упраздненіемъ кафедръ естественныхъ наукъ, пойдутъ кабинеты и отличная химическая лабораторія, которою лицей гордился?

Куда? Да они совсѣмъ и ненужны или неособенно нужны, — и вотъ на какихъ основаніяхъ:

«Принимая во вниманіе, что на содержаніе (стипендіатовъ-филологовъ, готовящихся въ учителя древнихъ языковъ) невозможно въ настоящее время требовать отъ государственнаго казначейства новаго расхода, (особая) комиссія находила, что средства къ тому могли бы быть изысканы въ самыхъ университетахъ, обращеніемъ на этотъ предметъ временно всѣхъ суммъ, отпускаемыхъ:

На агрономическій кабинетъ съ лабораторіею въ шести университетахъ (крошѣ дерптскаго), по 1,000 руб.	6,000 р.
На кабинетъ практической механики, по 500 р.	3,000 »
На кабинетъ физической географіи, по 300 р.	1,800 »
На техническій кабинетъ съ лабораторіею по 1,000	6,000 »
На музей изящныхъ искусствъ	6,000 »
На собраніе монетъ и медалей	1,500 »
На экономическій кабинетъ въ дерптскомъ университетѣ	500 »
Итого	24,800 р.

«Вышеизложенное передано было на предварительное заключеніе историко-филологическаго и физико-математическаго факультетовъ» (харьковскаго университета, а по всей вѣроятности, и всѣхъ другихъ университетовъ).

Можно было бы предположить, что историко-филологическій факультетъ чужихъ денегъ не пожалѣетъ и отниметъ у своего сосѣда всю рекомендуемую сумму. Но онъ былъ такъ добръ, что ограничился только деньгами, отпускаемыми на кабинеты изящныхъ искусствъ и нумизматики. Съ этимъ, кажется, согласился и физико-математическій факультетъ; но зато о другихъ суммахъ онъ отозвался, что ихъ отдать «совершенно невозможно, безъ крайняго ущерба для преподаванія».

Что-то скажутъ другіе университеты!

Все это о просвѣтителяхъ и средствахъ къ просвѣщенію. Теперь посмотримъ на бытъ и условія жизни просвѣщаемыхъ.

Въ Петербургѣ ходитъ по рукамъ такого рода полуофіціальная записка: Многіе изъ студентовъ петербургскаго университета находятся въ крайней бѣдности и нуждаются часто въ главнѣйшихъ потребностяхъ жизни, а это, безъ сомнѣнія, имѣетъ пагубное вліяніе на ихъ здоровье, успѣхи въ наукахъ и нерѣдко на самую нравственность. Поэтому, желательно устроить для бѣднѣйшихъ студентовъ бесплатную квартиру съ отопленіемъ, освѣщеніемъ и прислугою, если можно, то и со столомъ. Съ этою цѣлью открывается подписка для составленія основнаго капитала, на проценты съ котораго можно бы было устроить все вышеизложенное.

И при такихъ-то матеріальныхъ средствахъ нашего учащагося юношества — съ него берется плата за ученіе!

Конечно, совершенно бѣдныхъ студентовъ отъ платы освобождать, или же ихъ берутъ въ свои стипендіаты разныя благотворители и благотворительныя общества и учрежденія; но извѣстно, съ какими трудностями для студентовъ, особенно для только-что поступившихъ въ университетъ, соединено все это. Не лучше ли, не справедливѣе ли бы было совсѣмъ уничтожить эту странную подать — за просвѣщеніе! И притомъ еще, подать, налагаемую на людей, болѣе или менѣе неполноправныхъ, несовершеннолѣтнихъ, у которыхъ нѣтъ, не можетъ быть и *не должно быть* никакихъ промысловъ или занятій, приносящихъ какой-нибудь доходъ. И вотъ студенты университета, нетьолько для своего содержанія, но, прежде всего, для уплаты этой подати — чтобы ихъ не выгнали изъ университета — должны бѣгать изъ одного конца города въ другой, давать уроки по 50 и 20 копеекъ; переписывать бумагу по 15-25 копеекъ съ листа, служить у адвокатовъ, нотаріусовъ и въ разныхъ конторахъ за 25, 15 и 10 руб. въ мѣсяцъ при 5-7, даже 10 и болѣе часовыхъ занятіяхъ въ сутки! А университетскія занятія должны идти своимъ чередомъ!

Мало того, у нихъ людей хватаетъ даже духа и честности высказывать такого рода сентенціи: учиться и стремиться въ вы-

шнему образованію имѣть право только тотъ, у кого есть къ тому матеріальныя средства! Какъ будто распространеніе просвѣщенія, возможно большее увеличеніе числа образованныхъ людей не польза для всего государства, и какъ будто государство не обязано помогать своимъ недостаточнымъ членамъ, и притомъ, такимъ, которые вознаграждать его за это сторицею!

Что касается предполагаемаго устройства одной общей квартиры для бѣднѣйшихъ студентовъ петербургскаго университета, то къ мысли этой нельзя не отнестись съ полнѣйшимъ сочувствіемъ, и надобно желать, чтобы необходимымъ для этого капиталъ былъ собранъ поскорѣе. Конечно, противъ этого, или вѣрнѣе, по поводу этого могутъ быть сдѣланы нѣкоторыя замѣчанія и очень серьезныя; но, чтобы не повредить дѣлу, отъ нихъ можно воздержаться. Устроится или не устроится такая квартира, деньги, собираемыя на нее, во всякомъ случаѣ, пойдутъ въ пользу бѣдныхъ студентовъ.

Я могу въ настоящій разъ сообщить еще два пріятныхъ извѣстія касательно просвѣщенія.

Въ городѣ Олекминскѣ устроилась народная бібліотека, съ цѣлію «содѣйствовать грамотности и распространенію полезныхъ свѣдѣній между жителями Олекминскаго округа посредствомъ безплатнаго чтенія неизмѣющихся средствъ и раздачи безплатной, или за умѣренную цѣну, популярныхъ сочиненій, полезныхъ для народнаго чтенія». Но самое интересное здѣсь не столько сама бібліотека, сколько то, кѣмъ она устроена, — она устроена жителями города, которыхъ всего *триста* человѣкъ!

Такое же точно доказательство любви къ просвѣщенію представляетъ и одна мѣстность Шенкурскаго уѣзда. Крестьяне двухъ деревень этого уѣзда пожелали обучать своихъ дѣтей грамотѣ, но школа отъ нихъ далеко, устроить школу у себя — дорого. «И вотъ они устроили въ своихъ деревняхъ подвижную школу, которая состоитъ въ томъ, что, не имѣя мѣстнаго помѣщенія, она отъѣзжаетъ поочередно въ домахъ обывателей деревни». Въ каждомъ домѣ школа (съ учителемъ и учениками, учитель на хозяйскомъ содержаніи) остается около недѣли. Это, конечно, очень неудобно, — такъ школы не могутъ и не должны бы существовать; но, конечно, лучше хоть такъ существовать, чѣмъ совсѣмъ не существовать. Шенкурская школа существуетъ такъ уже второй годъ. Въ ней обучается 8 человѣкъ дѣтей обоего пола, и «отцы и матери не нарадуются, что дѣти ихъ съ успѣхомъ учатся грамотѣ».

Олончу свои замѣтки и годъ двумя анекдотами: одинъ милъ и веселъ; другой болѣе серьезенъ и вызываетъ на нѣкоторыя размышленія.

«Не такъ давно московская полиція обратила вниманіе на безграмотность московскихъ вывѣсокъ и приняла мѣры къ исправленію ихъ по правиламъ грамматики и логики. Но это дѣло оказалось не столь легкимъ, каковымъ оно кажется на первый

взглядъ. Немедленно по принятіи сказанныхъ мѣръ, и грамматика и логика обнаружили множество спорныхъ пунктовъ. Приставъ Пречистенской части замѣтилъ, что, ввѣренные его попеченіямъ, обыватели пишутъ на вывѣскахъ: *бѣлошвейное заведеніе, красильное заведеніе, столярное заведеніе* и проч. Ему показалось страннымъ, что слово *заведеніе* вездѣ пишется черезъ *е*, тогда какъ слово «свѣдѣніе» пишется черезъ *н*. Онъ разослалъ повѣстки, приглашая обывателей перемалевать букву *е* въ букву *н*, что многіе и исполнили. Но какъ-то случилось, что хозяинъ одного бѣлошвейнаго заведенія воспротивился и рѣшительно заявлялъ, что никогда не промѣняетъ букву *е* на букву *н*. Полиція убѣждала его къ повинновенію, доказывая, что слово *заведеніе* происходитъ по прямой линіи отъ славянскаго глагола *въдѣти*. Убѣжденія не подѣйствовали, хозяинъ бѣлошвейнаго заведенія указалъ на проектъ своей вывѣски, утвержденной оберъ-полиціей-мейстеромъ, гдѣ слово заведеніе было одобрено писать чрезъ букву *е*. Онъ доказывалъ, что это слово нужно производить не отъ слова *въдѣти*, а отъ глагола — водить, заводить; но полиція настаивала на своемъ. Принужденнъ были обратиться къ оберъ-полиціей-мейстеру, который выдалъ памятный листокъ съ приказаніемъ не преслѣдовать букву *е* въ словѣ *заведеніе* и впредь не производить этого слова отъ глагола *въдѣти*, такъ-какъ оно, несомнѣнно, происходитъ отъ корня *вод*. — водить».

«Одинъ изъ мировыхъ посредниковъ Петербургской губерніи просилъ губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе уменьшить по возможности оброкъ, платимый крестьянами его участка лютеранскаго вѣроисповѣданія въ пользу пастора своего, *С*. При этомъ посредникъ замѣтилъ, что крестьяне эти, пострадавъ отъ неурожаевъ, падежа скота и лѣсныхъ пожаровъ, совершенно обѣднѣли и съ трудомъ уплачиваютъ недоимки. Чтобы дать понятіе о размѣрѣ этого оброка или *румы*, посредникъ написалъ годовой сборъ пастора съ 1,229 крестьянъ его прихода. Сборъ этотъ доходить съ каждаго домохозяина до 6 р., а именно: ржи 1 четверикъ или 80 к., ячменю 1 чет. или 80 к., овса 1 чет. или 50 к., льну или 10 к., шерсти — 25 к., соломы 1 кубачъ или 10 к., 2 печеныхъ хлѣба или 60 к., 3 фунта коровьяго масла или 60 к., 10 штукъ яицъ — 10 к., на жаркое — 25 к., обработка пастору земли: натурою 1 конный день или 1 р. 50 к., 1 пѣший день — 40 к., итого 6 р. съ двора, а съ 479 дворовъ 2,874 руб. Кроме того пасторъ получаетъ съ каждаго причастника, такъ-называемыя, пасхальныя деньги и условленную плату за совершеніе требъ».

«Чтобы имѣть понятіе, легко ли уплачиваются такія суммы, необходимо принять во вниманіе, что изъ числа этихъ крестьянъ, такъ щедро вознаграждающихъ своего пастора, болѣе ² : настолько обѣднѣли, что не имѣютъ даже средствъ къ пропитанію, и потому, въ силу круговой поруки, вся тяжесть разныхъ сборовъ и повинностей, простирающихся до 16 руб. съ души, па-

дасть на достаточныхъ крестьянъ, которые, вслѣдствіе этого и при стеченіи другихъ неблагоприятныхъ обстоятельствъ, совершенно раззорятся.

«При такихъ обстоятельствахъ крестьяне, обращаясь неоднократно къ пастору объ уменьшеніи руги, просили его производить ругу не съ дома, а съ души, и притомъ по примѣру другихъ повинностей, наличными деньгами, за круговую порукой всего прихода.

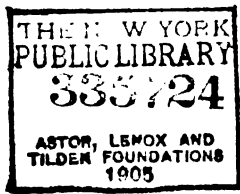
«Пасторъ, выслушавъ просьбу своихъ прихожанъ, предложилъ: производимый ему сборъ натурою замѣнить денежнымъ и собрать съ души по 1 р. 65 к. въ годъ, что составитъ съ 1,229 душъ 2,027 р. 85 к., сверхъ того отработывать въ годъ по 614 конныхъ и 614 пѣшихъ дней, а сборъ масла производить на прежнемъ основаніи, т.-е. по 3 фун. съ дома, что составитъ съ 470 домовъ 35 пудовъ 37 фун. Превративъ работу и масло въ наличныя деньги, полагая за конный день по 1 р. 50 к., а за пѣшій 40 к., получится 1,116 р. 60 к. и за масло по 15 к. за фунтъ—216 р. 55 к.; весь же годовою оброкъ будетъ равняться 3,410 р. съ 1,229 крестьянъ, т.-е. болѣе прежняго на 536 р.

«Такого безкорыстнаго предложенія крестьяне никакъ не ожидали и обратились къ началству съ просьбой объ уменьшеніи оброка въ пользу пастора С.

«Евангелическо-лютеранская духовная консисторія, на вопросъ губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, отвѣтила, что упомянутые крестьяне отбываютъ въ пользу своего пастора означенный выше оброкъ *еще со временъ шведскаго владычества*, и что пробсть С. состоитъ въ своемъ приходѣ проповѣдникомъ уже 31 годъ, извѣстенъ своимъ попеченіемъ о благосостояніи прихожанъ; затѣмъ консисторія сомнѣвается, чтобы такой сборъ былъ обременителенъ для крестьянъ. Въ заключеніе консисторія наввно прибавляетъ, что *количество руги, отбываемой въ пользу пасторовъ, одинаково во всехъ сельскихъ лютеранскихъ приходахъ С.-Петербургской губерніи*, и удивляется, отчего именно одни только упомянутые крестьяне считаютъ отбываніе руги для себя тягостнымъ?»

Въ самомъ дѣлѣ, *удивительно!* Вѣдь платили же почти 200 лѣтъ, а теперь вдругъ начинаютъ упрямиться!

Мы получили нѣсколько писемъ, въ которыхъ насъ спрашиваютъ: гдѣ можно купить книгу г. Анучина: *Материалы для уголовной статистики Россіи*, такъ-какъ книги этой нѣтъ въ книжныхъ магазинахъ Петербурга. — Сколько намъ извѣстно, складъ книги г. Анучина находится въ Тобольской губернской типографіи. Если же мы ошибаемся, то надѣемся, что г. Анучинъ, прочитавъ эти строки, поправитъ нашу ошибку и дастъ желающимъ возможность приобрести его сочиненіе. Всего же лучше онъ сдѣлалъ бы, еслибы складъ свой перевелъ изъ Тобольска въ Петербургъ.

ОГЛАВЛЕНИЕ

• ШЕСТАГО ТОМА

ОТЕЧЕСТВЕННЫХЪ ЗАПИСОКЪ 1868 г.

(По общей нумерации тома CLXXXI).

НОЯБРЬ № 11.

СТРАН.

ОБРАЗЦЫ НАРОДНОЙ ГЕРМАНСКОЙ ПОЭЗИИ. I. Улингеръ. II. Пѣсня молодого Рейтера. III. Смерть Франца Шинкнгена. IV. Дѣтубійца и др. П. И. Вейнберга.	1
РОЛЬ НАУКИ ВЪ ПЕРИОДЪ ВОЗРОЖДЕНІЯ И РЕФОРМАЦІИ. 4) Новый свѣтъ (1477—1509). 5) Протестантизмъ (1509—1536)	11
ПѢСНЯ О ГАЙАВАТѢ, поэма Лонгфелло. (VI. Сватовство Гайаваты) Д. Л. Михаловскаго.	45
КАЗАНСКІЙ ПРИХОДЪ. Очерки Н. П—аго	55
СТАРАЯ ПОМПАДУРША. Разсказъ Н. Щедрина.	99
ДОМА — ЛУЧШЕ! Стих. Н.	120
НА ВСЯКАГО МУДРЕЦА ДОВОЛЬНО ПРОСТОТЫ. Комедія въ пяти дѣйствіяхъ. А. Н. Островскаго	121
МОЛИТВА ВДОВЫ (изъ Шамиссо). Стих. П. И. Вейнберга	211
РАЗСКАЗЫ ИЗЪ ИСТОРИИ ПОСЛѢДНЯГО ПЯТИДЕСЯТИЛѢТІЯ (1816—1866). Періодъ второй 1830 — 1848.	
10. Великобританія и Ирландія. 11. Испанія и Португалія. В. И. Покровскаго.	213

	ОТГЛ.
НАРОДНЫЕ МОТИВЫ. Стих. Дмитрія Минаева.	251
ВЪ ЗАХОЛУСТЫИ И ВЪ СТОЛИЦѢ. III. Скалдина	255
НОЧЬ ПОСЛѢ ГРОЗЫ. Стих. Ив. Г.-М.	278

ДЕКАБРЬ № 12.

✓ ЛѢТО ВЪ ПУТВУСѢ. Очеркъ. П. М. Ковалевскаго	289
ГИМНЪ. Стих. Н.	322
РОЛЬ НАУКИ ВЪ ПЕРИОДЪ ВОЗРОЖДЕНІЯ И РЕФОРМАЦИИ. 6) Предшественники новаго времени (1536—1559).	323
✓ ВЛУМСБЕРІЙСКАЯ КРАСАВИЦА. (Съ англійскаго <i>The finest Girl in Bloomsbury</i> by Augustus Mayhew). Марко-Вовчка	359
МѢДНАЯ ЛИРА. Стих. Ю. Н.	497
ВЪ ЗАХОЛУСТЫИ И ВЪ СТОЛИЦѢ. IV. Скалдина	503
СЪ НАТУРЫ. Стих. Н. Пушкарева.	621
ЛОРДЪ ГРЕГОРИ. (Изъ Роберта Ворнса). Стих. П. И. Вейсберга	622
МОРСКОЙ БЕРЕГЪ. (Изъ Т. Гуда). Стих. Д. Л. Михайловскаго.	623

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

НОВАЯ № 11.

ИЗЪ НЕДАВНЕЙ ПОѢЗДКИ — I — II.	1
КРИТИКА. — НОВАТОРЫ ОСОБАГО РОДА. (Жертва вечерняя. Романъ въ двухъ книгахъ и четырехъ частяхъ П. Боборикина. 1868 г.).	33
СТАТИСТИКА ПРЕСТУПЛЕНІЙ ВЪ РОССИИ. (Материалы для уголовной статистики Россіи. Соч. Е. Анучина. Тольскаго. 1866).	44
НОВЫЯ КНИГИ. — Ульяна. (Очеркъ изъ жизни женщины). Соч. Е. Н. Глобиной. — Основы химіи. Д. Менделѣева. (Вып. 1-й). — Отчего и оттого. Сост. Отто Уле. — Уходъ за дѣтьми. Состав. А. Комтъ. Перев. съ англ. Д. Кларкъ. — Физическая географія Мери Сомервиль. Перев. съ англ. Андрей Минъ	67

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.—МРАЧНЫЯ КАРТИНЫ—

Джорджа Сала, Августа Мейю и Джемса Гринвуда.
 («Gaslight and Daylight» by G. A. Sala, «Paved with Gold», by A. Mayhew, «Unsemental Journeys» by J. Greenwood). Статья первая: Джоржъ Сала . . . 78

ПЕТЕРБУРГСКИЕ ТЕАТРЫ. Русская драма. (Перемелется—
 муза будетъ. Комедія въ пяти дѣйствіяхъ. *И. В. Самарина*) 108

II. РУССКАЯ ОПЕРА. — (Комитетъ, учрежденный для об-
 сужденія вопроса: что болѣе по вкусу публики — ита-
 лянская, русская или французская (комическая) опера? —
 Г-жа Лавровская. — Вагнеръ. — Обзоръ статей, напи-
 санныхъ по поводу постановки «Лоэнгрива» на нашей
 сценѣ) 119

СОВРЕМЕННЫЯ ЗАМѢТКИ.—Петербургскій климатъ и ци-
 вилизація. — «Прекрасная Елена» на русской сценѣ; ея
 дѣйствіе на публику и на дѣтей.—Зимнее занятіе для
 сельскихъ дамъ и дѣвицъ. — Школы для взрослыхъ;
 могутъ ли онѣ хорошо идти при теперешнихъ народныхъ
 учителяхъ и не грѣшно ли учить и учиться въ праздни-
 ки?—Послѣдніе дни «Педагогическаго собранія». — О
 царанахъ. — Бытъ безземельныхъ крестьянъ. — Добрый
 помѣщикъ.—«Держи ихъ». — Подрывъ коммерціи.—Музы
 и жены 140

ЗАМѢТКА О ВЫСТАВКѢ ВЪ АКАДЕМІИ ХУДОЖЕСТВЪ.
 Петербургскаго жителя 159

ЛИТЕРАТУРА НА ОБЪДѢ 163

ПРИЗНАКИ ВРЕМЕНИ. Периодическія замѣтки. (II. Нѣ-
 сколько словъ о нашемъ «savoir vivre» и о мѣрахъ къ
 постепенному распространенію его) 175

ДЕКАБРЬ № 13.

ИЗЪ НЕДАВНЕЙ ПОѢЗДКИ. — III—IV (Окончаніе). Н.
 Демерта. 189

КРИТИКА. — ЖЕРТВА СТАРОЙ РУССКОЙ ИСТОРИИ.
 (Пережитое и передуманное. Воспоминанія Василя Кель-
 сіева. Спб. 1868. — Галичина и Молдавія. — Путевныя
 письма *Василя Кельсіева*. Спб. 1868) 225

- НОВЫЯ КНИГИ.** — Внучка панцирнаго боярина. Романъ изъ времянь послѣднаго польскаго мятежа. *И. И. Лажечникова*. — Воспоминанія прошедшаго. Были, рассказы, портреты, очерки и проч. Автора «Провинціальныхъ Воспоминаній». — Общественное воспитаніе въ Россіи. *Ө. Уманца*. — Исторія мѣстнаго управленія въ Россіи. Томъ I. *А. Д. Градовскаю*. — Изъ жизни. Рассказы и повѣсти. *Николая Ковалевскаю*. — Правне и виноватне. Записки слѣдователя сороковыхъ годовъ. *П. И. Степанова* 252
- ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.**—ГОДЫ РАЗВИТІЯ ПРУДОНА. (Новые матеріалы для его біографіи. *La Jeunesse de Proudhon, par Adolph Court*). *Н. Бюна* 276
- ПЕТЕРБУРГСКІЕ ТЕАТРЫ.** — МУЗЫКАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Характеристика трехъ прекрасныхъ Еленъ: французской, нѣмецкой и русской. — Смерть Россіини. — Краткій біографическій очеркъ его жизни. — Полный списокъ его произведеній. — Нѣсколько словъ о г-жѣ Фриччи, Вольпини и Требелли.—Г. Стеллеръ.—Списокъ оперъ исполненныхъ съ начала итальянскаго сезона. 340
- ЖЕНСКІЙ УНИВЕРСИТЕТЪ** 360
- ВОРОНЕЖСКІЙ ЛЕССИНГЪ** 388
- СОВРЕМЕННЫЯ ЗАМѢТКИ.** — Чѣмъ въ послѣднее время былъ занятъ Петербургъ (записка г. Бушена; «Правительственный Вѣстникъ»; болѣзнь г-жи Луки). — Кое-что о бытѣ нашихъ высшихъ учебныхъ заведеній. — Усиленіе классицизма на счетъ реальныхъ наукъ. — Общія квартира для недостаточныхъ студентовъ петербургскаго университета. — Самый просвѣщенный городъ въ Россіи. — Подвижная школа. — Два анекдота. 401

62.4

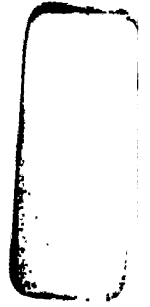
~~288~~

~~128~~

416

15

LEB 7 - 1357

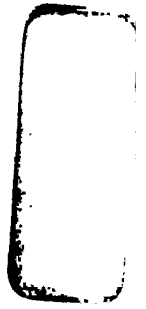

FILED 7-1357

LB 7 - 1057

FEB 7 - 1957

LB 7 - 1357

